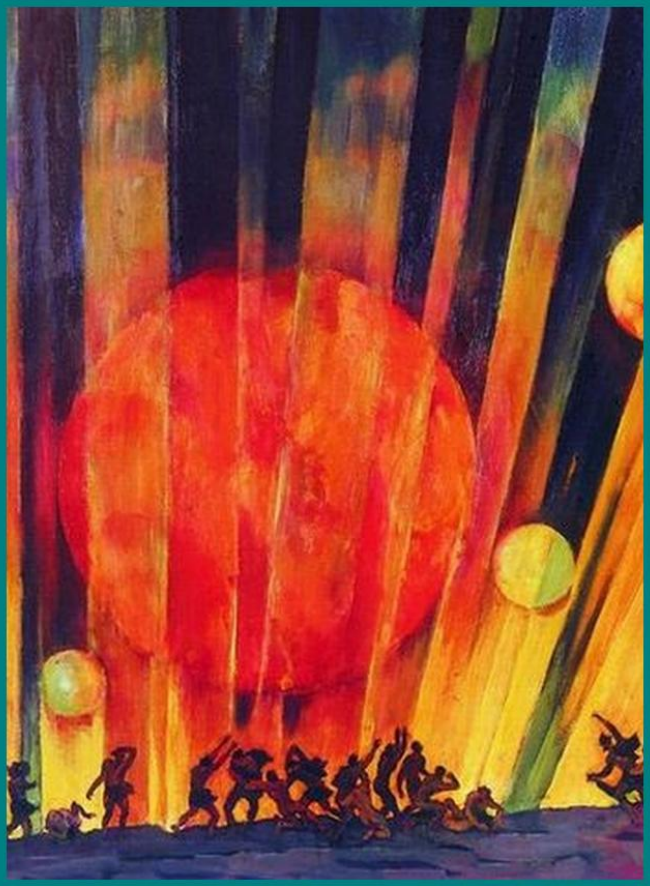
Г.И. Герасимов

ИДЕАЛИСТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

(сер. XIX – нач. XX вв.)



Том II

ГЕРАСИМОВ Г.И.

ИДЕАЛИСТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

СЕРЕДИНА XIX – НАЧАЛО XX ВЕКОВ

В ДВУХ ТОМАХ

Том II

ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕСУРС

2013

УДК 94(47+57)<18/19>:930.1
ББК 63.3(2)
Г37

На обложке: «Новая планета»
(фрагмент картины К. Юона)

Герасимов Г.И.
Г 37 Идеалистическая история России (середина XIX – начало XX вв.). [Электронный ресурс]. В 2-х т. Т.2. 2013. 832 с.
ISBN 978-5-9904930-1-8
ISBN 978-5-9904930-3-2 (т.2)

В книге доктора исторических наук Г.И. Герасимова впервые в отечественной историографии главные события истории России XIX – начала XX вв. объяснены с идеалистических позиций. Не принадлежа ни к одной идеологии или мировоззренческой парадигме, идеалистический подход оказался способен встать над ними, рассматривая историю как процесс, приводимый в действие господствующими в обществе идеями.

Главная мысль представленного труда заключается в том, что любое историческое действие сначала создается в сознании человека и лишь затем осуществляется в реальности. Идея всегда предшествует действию по времени, поэтому она первична. Объективные условия благоприятствуют или затрудняют реализацию идей, но не предопределяют их содержания.

С позиций идеалистического подхода история России предстала стройным и последовательным процессом, определяемым творческой деятельностью человека, а не неведомых материальных сил, что позволило логично объяснить главные процессы и события этого периода: причины реформ и революций, падение самодержавия, победу большевиков и др.

УДК 94(47+57)<18/19>:930.1
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-9904930-3-2 (т.2)
ISBN 978-5-9904930-1-8
@ Г.И. Герасимов, автор, 2013

Оглавление

Раздел 6. Общество, власть, государство и политика с позиций идеалистического подхода 9
Глава I. Общество как сфера творчества 10
§1. Идейные основы социального творчества *10*
Социальное творчество 10
Идеи как основа общества 19
§2. Взгляды на общество и возможности его изучения *22*
Социологи об обществе 22
Где находится общество 27
О возможности изучения общества 29
§3. Свойства общества *31*
Социальная реальность 31
Функции общества 34
Социальное действие 35
Психология социальных действий 39
Социальные отношения 40
Материальные факторы развития общества 41
Общественное сознание 45
Социализация 47
Конфликт 49
§4. Структура общества *51*
Социальное пространство 51
Сущность социальных общностей 53
Основания социальных неравенств 57
Нации как социальные общности 63
Расы и расизм 68
Цивилизация как социальная общность 72
Выводы *72*
Глава II. Власть, государство, политика 75
§1. Теория власти в рамках идеалистического подхода *75*
Определение власти 75
Природа, сущность и содержание власти 79
Идеи как основа власти 81
Идеология 85
§2. Формы, цели и механизмы властного действия *89*
Цели и мотивы власти 89
Механизм действия идей 91
Власть как творчество 93
Происхождение форм и механизмов власти 95
Механизмы создания и удержания власти 101
§3. Теории власти *109*

§4. Динамика власти *119*
Возрастание и ограничение власти 119
Свержение власти 123
§5. Государство и политика *128*
Теории государства 128
Сущность и содержание государства 134
Цели государства 137
Формы государственного устройства 139
Сущность, содержание и определение политики 141
§6. Обычай, право, закон *144*
Выводы *150*
РАЗДЕЛ 7. РОССИЙСКИЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИДЕИ 152
ГЛАВА I. ИСТОКИ И СОДЕРЖАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИДЕЙ ДРЕВНЕЙ РУСИ И РОССИИ 153
§1. Идеи Древней Руси *153*
Славянские языческие социально-политические идеи 153
Византийское политическое наследство России 154
Политические идеи X – XVII вв. 158
§2. Социально-политические идеи XVIII века *168*
Социально-политические идеи русского общества 168
Петр I 172
Феофан Прокопович 175
В.Н. Татищев 177
И.Т. Посошков 178
М.М. Щербатов 180
Екатерина II 182
А.Н. Радищев 184
Политические идеи народа 186
Выводы *190*
ГЛАВА II. РОССИЙСКИЙ КОНСЕРВАТИЗМ 191
§1. Консерватизм как идейное течение *191*
Сущность русского консерватизма 191
Основные темы и идеи консерватизма 195
Течения и социальная база консерватизма 202
§2. Основные концепции консерваторов *203*
Консервативная концепция самодержавия 203
Сословная и иерархическая структура общества 206
Национальный и конфессиональный вопросы 208
Внешнеполитические идеи консерваторов 211
Другие составляющие консервативной концепции 213
§3. Российские консерваторы XIX – начала XX вв. *215*
Н.М. Карамзин 215
С. Уваров и его концепция официальной народности 219
Н.Я. Данилевский 227
К.Н. Леонтьев 231
Л.А. Тихомиров 234
К.П. Победоносцев 237
Другие идеологи консерватизма 238
Выводы *240*
ГЛАВА III. ЛИБЕРАЛИЗМ 243
§1.Основные идеи российского либерализма *243*

Базовые идеи западного либерализма 243
Различие религиозного и рационалистического понимания свободы 245
§2. Либерализм первой половины XIX века *248*
Либерализм эпохи Александра I 248
М.М. Сперанский 250
Западники 256
§3. Либерализм эпохи Александра II *258*
Основные идеи и подходы к их реализации 258
Организационно-идейная эволюция либерализма 261
К.Д. Кавелин 262
Б.Н. Чичерин 265
Сановный либерализм 273
§4. Государственно-правовые идеи конца XIX – начала XX вв. *278*
«Новый либерализм» конца XIX века 278
Развитие идеи правового государства 281
Конституционные проекты начала XX века 283
§5. Социальные, национальные и внешнеполитические теории и подходы *287*
Идеи социальных преобразований 287
Национальный вопрос 290
Внешнеполитическая доктрина 292
Выводы *295*
Глава IV. Социализм 297
§1. Российский утопический социализм *297*
Утопия как проект будущего 297
Западноевропейский утопический социализм XIX века 298
Русский утопический социализм 300
§2. Эволюция социалистических идей в народнический этап своего развития *302*
Развитие социалистических идей 302
Этапы развития народничества как идейного течения 305
§3. Разработчики русского социализма середины XIX века *309*
Социализм А.И. Герцена 309
Социалистические идеи Н.Г. Чернышевского 312
П.Л. Лавров 316
Бланкистский путь к социализму П.Н. Ткачева 319
§4. Либеральное народничество *323*
Лидер либеральных народников Н.К. Михайловский 325
§5. Эсеры *329*
§6. Большевики *340*
Коммунистический проект будущего 340
Марксистско-ленинская концепция государства 344
Ленинская теория социалистической революции 350
Учение об империализме 353
Учение о революционной ситуации 354
Учение о революционной партии 356
Аграрная программа социал-демократов 357
Позиция по национальному вопросу 361
Социальная программа РСДРП 367
Выводы *369*
Заключение по разделу *370*

Раздел 8. Организация власти в России 373
Глава I. Основы высшей государственной власти 374
§1. Самодержавие как основа власти в России *374*
§2. Государственный аппарат как инструмент реализации идей *377*
§3. Высшие органы государственной власти *380*
Выводы *393*
Глава II. Местные органы власти 394
§1. Вертикаль власти в регионах *394*
§2. Земства *400*
§3. Городское управление *407*
§4. Судебная реформа *409*
§5. Реформирование органов управления образованием *413*
§6. Военная реформа *418*
§7. Реформирование органов цензуры и надзора за печатью *421*
§8. Прочие органы местного управления *423*
§9. Органы власти революционной оппозиции *424*
Выводы *429*
Глава III. Русский народ – основа Российской империи 433
§1. Русские как народ и нация. Русский национализм *433*
§2. Имперская идея и практика российского имперостроительства *445*
Глава IV. Борьба за власть на западных окраинах Российской империи 452
§1. Русский взгляд на Польшу и Литву *452*
§2. Польская национальная идея *454*
§3. Идеи, причины и ход Польского восстания 1863 года *456*
§4. Деполонизация Польши и Литвы *459*
§5. Создание украинской нации и отношение к этому процессу со стороны общества и правительства *462*
§ 6. «Белорусский вопрос» *471*
Выводы *473*
Глава V. Формирование российской власти на Северном Кавказе и борьба за ее укрепление 475
§1. Управление Северным Кавказом *475*
§2. Борьба за души верующих: противоборство ислама и православия на Северном Кавказе *480*
§3. Идейная борьба за лояльность населения *490*
§4. Кавказская война и восстание 1877 года *493*
§5. Крестьянская и земельная реформы *495*
§6. Революция 1905 года на Северном Кавказе *498*
Выводы *502*
Глава VI. Установление российской самодержавной власти в Центральной Азии 504
§1. Присоединение Центральной Азии к России *504*
§2. Образ Азии у русской образованной публики и политиков *506*
§3. Организация власти у казахов *509*
§4. Управление Туркестаном *512*

§5. Ислам как главный идейный противник российской власти в регионе *517*
§6. Колонизация Центральной Азии *526*
§7. Политика русификации *530*
§8. Православное миссионерство *532*
§9. Политические результаты усвоения центральноазиатской элитой рационалистических идей *533*
§10. Основные политические процессы в Центральной Азии *534*
§11. Цена российского господства в Центральной Азии *537*
Выводы *538*
Глава VII. Сибирь в Российской империи 540
§1. Административное деление Сибири и Дальнего Востока *540*
§2. Управление коренными народами Сибири и Дальнего Востока *542*
§3. Колонизация Сибири *544*
§4. Отношение к коренным народам Сибири *551*
§5. Русификация и обрусение Сибири и Дальнего Востока *552*
§6. Сибирский сепаратизм *558*
Выводы *565*
Заключение по разделу *566*
Раздел 9. Борьба оппозиции за власть 569
Глава I. Начало борьбы оппозиции за власть 570
§1. Борьба оппозиции за власть в первой половине XIX века *570*
§2. Народническое движение *572*
«Земля и воля» 572
«Ишутинцы» и другие народнические группы 1860-х годов 573
Революционное народничество 1870-х годов 575
«Народная воля» 580
§3. Партия эсеров *583*
§4. Начало борьбы социал-демократии за власть *587*
Плеханов и группа «Освобождение труда» 587
Петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» 588
Борьба ленинской газеты «Искра» за создание партии 590
Борьба с народниками, экономистами и легальными марксистами 591
II съезд РСДРП 592
Борьба большевиков с меньшевиками 593
Усиление влияния социалистических идей на рабочее движение 594
III съезд РСДРП 595
§5. Организация либеральной оппозиции в начале XX века *596*
Кадеты 597
Октябристы 601
Другие либеральные партии 602
Выводы *606*
Глава II. Первая русская революция и борьба за власть в предвоенные годы 608
§1. Мировоззрение и поведение больших социальных групп в революции *608*
Рабочий класс 608
Крестьянское движение 610
Участие городского населения в революции 614

§2. Ход революции *619*
Накануне революции 619
Начало революции 621
Высший подъем революции 623
Спад революции 626
Политическая борьба в I и II Государственной думе 628
§3. Борьба за власть в 1907 – 1914 гг. *631*
Эсеры 631
РСДРП 632
Кадеты 634
Социальная опора оппозиции 636
III и IV Думы 637
Выводы *639*
ГЛАВА III. БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ В ГОДЫ ВОЙНЫ. ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 643
§1. Классы и социальные группы в революции *643*
Рабочие в Февральской революции 643
Солдаты 647
Крестьянство 652
Интеллигенция 655
Проправительственные силы 657
§2. Идейно-политические силы *664*
Либералы 664
Большевики 668
Меньшевики 674
Эсеры 679
§3. Условия жизни и борьба за власть в годы войны *682*
Изменения в экономике и материальных условиях жизни 682
Борьба оппозиции за власть в годы войны 684
§4. Смена власти в процессе Февральской революции *688*
Ход революции 688
Отречение царя 697
Временный комитет Государственной думы 700
Петроградский Совет 702
Итоги 706
Выводы *708*
ГЛАВА IV. ГЛАВНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ СИЛЫ В МАРТЕ – ОКТЯБРЕ 1917 ГОДА 711
§1. Большевики *711*
Ленинские идеи взятия власти и осуществления социалистической революции 711
Идейная работа 721
Тактика 727
Укрепление организационных основ партии 733
§2. Либералы *738*
Идеи 738
Тактика 740
Социальная база 742
Организация 745
§3. Эсеры *746*

§4. Меньшевики *750*
Идеи 750
Тактика 754
Социальная база 761
Организация 763
Выводы *767*
Глава V. Борьба за власть в апреле – октябре 1917 года 769
§1. Временное правительство России *769*
§2. Советы *778*
§3. Апрельский кризис *789*
§4. Июльский кризис *791*
§5. Корниловский мятеж *795*
§6. Октябрьское вооруженное восстание *801*
Подготовка восстания 801
Ход Октябрьского вооруженного восстания 803
Выводы *808*
Выводы по разделу *809*
Заключение 813
Библиография *820*

РАЗДЕЛ 6
ОБЩЕСТВО, ВЛАСТЬ, ГОСУДАРСТВО И ПОЛИТИКА С ПОЗИЦИЙ ИДЕАЛИСТИЧЕСКОГО ПОДХОДА

ГЛАВА I
ОБЩЕСТВО КАК СФЕРА ТВОРЧЕСТВА

§1. Идейные основы социального творчества

Социальное творчество

Способность к творению существует в этом мире – ведь кто-то или что-то создало его, каким-то образом в мире была сотворена жизнь, а затем и сознание человека. На Земле эти два акта творения имеют, по мнению В.И. Вернадского, геологический масштаб и значение. Могли ли они быть созданы случайно? Наука говорит нам, что ничто из ничего не рождается. Это материалистический подход. Подход идеалистический – подход творческий, он предполагает принципиальную возможность возникновения из ничего. Процесс творчества является привилегией Бога и человека. Материалист не признает творчества как такового и попадает в ловушку необъяснимости происхождения всего сущего, при этом объяснение, что мир был всегда, – менее логично, чем гипотеза о его тварности. Более того, мы сами в жизни ежесекундно сталкиваемся с процессом творения нового: на заводе, в СМИ, в Интернете, в обществе. Того, что нас окружает, не было до человека, – это создал человек. Отрицать эту очевидность означает только одно – неспособность объяснить процесс творения.

Социальная реальность начинается в идеальном мире, то есть в человеческом сознании, а затем продолжается в объективном и материальном. Природный объект начинается в объективном мире, в нем же и заканчивается. Человек для материальной реальности – наблюдатель, для социальной – творец. Природный мир человек использует в своих целях, а социальный – создает. Это обусловливает коренное отличие положения человека в природном мире и мире искусственном. Можно сказать, что в природе человек лишь активная ее частица, способная перекомбинировать материальную действительность, но не способная создать ни одной новой крупицы этого мира. Иначе – с миром социальным. В нем человек – созидатель, создатель и демиург; более того, можно сказать, что человек и есть социальный мир. Со смертью каждого человека исчезает один из вариантов социальной действительности.

Источник развития социального мира лежит в человеке. Им является сознание человека и первый акт, с которого начинается развитие, – это создание идеи. После этого идет ее реализация в объективном мире. Объективно-

материальные условия помогают или мешают реализации идеи, этим их функции и ограничиваются.

Социальная реальность объективна – в том смысле, что она является внешней силой по отношению к сознанию отдельного человека. Однако социальная объективная (речь идет только о нематериальной реальности, такой, как отношения между людьми, взаимодействия между людьми, процессы и явления, построенные на этих отношениях и взаимодействиях) реальность не есть результат материального мира, а есть результат деятельности сознания конкретной личности.

Сознание – это способность мозга создавать субъективную реальность. Субъективная реальность существует в виде идей. Сознание человека – основа его способности творить субъективный и объективный мир и преобразовывать мир материальный.

Идеи, составляющие основу человеческого общества, не существовали в природе; объективные общественные взаимоотношения, которые строятся на основе этих идей, тоже прежде не существовали в объективном мире. Остается только материальная составляющая социума, но она носит настолько вспомогательный, «инфраструктурный» характер, что никто еще не утверждал, что здания, предметы культа, стадионы, деньги и т.п. – это и есть общество. Поэтому с позиций идеалистического подхода утверждается, что общество создается идеями, производимыми человеческим сознанием, на их основе формируются объективные социальные явления и процессы, создается его материальная составляющая.

То, что общество есть результат человеческого творчества, мысль не новая, ею «грешат» все исследователи, склонные к идеализму. Так, развивая мысли М. Вебера, один из его последователей, И. Вайс, считает, что социокультурная реальность не столько постигается, сколько конструируется («творится») по способу «отнесения к ценностям»[1].

Французский социолог Ален Турен считает, что общество – это не только воспроизводство и приспособление, но и творение, самопроизводство. Представители символического интеракционизма Ч.Х. Кули, Дж.Г. Мид, М. Кун и Г. Блумер утверждают, что социальная реальность создается людьми, когда они действуют в этом мире и интерпретируют происходящие в нем события. Соответственно, представители символического интеракционизма считают, что мы воспринимаем мир как сконструированную реальность[2], предлагают образ человека как индивида, активно формирующего свое поведение, а не

---

[1] См.: Вебер М. Избранные произведения: Пер. с нем./Сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; Предисл. П.П. Гайденко. М., 1990. С. 744–745.

[2] Под выражением «социальное конструирование реальности» понимается процесс, посредством которого люди творчески формируют реальность в результате социального взаимодействия. См.: Масионис Дж. Социология / Пер. с англ.: З. Замчук, С. Комаров, А. Смирнов. СПб., 2004. С. 203.

пассивно реагирующего на внешний диктат структурных ограничений[1]. Как считает Ф. Коркюф, конструирование социальной реальности объединяет два процесса: во-первых, процесс материализации, объективации и институционализации и, во-вторых, процесс мыслительной деятельности по восприятию, объективации и типизации[2].

Ф. Знанецкий указывает на присутствие в человеке иррационального начала, с которым во многом связывает творческую компоненту его деятельности. Творческая деятельность тем и отличается от природного (естественного) процесса, что она вносит в систему отношений новый элемент, который отсутствовал перед совершением действия. Знанецкий солидарен с Дильтеем и Бергсоном в том, что любой творческий акт уникален. Никакие каузальные объяснения здесь «не работают», поскольку творческая деятельность не детерминируема внешними факторами: «Каждый творческий акт самопроизволен и свободен». Именно благодаря этому обстоятельству человеческий мир не представляет собой, как он считает, упорядоченно однообразных отношений, что исключает предопределенность его дальнейшего развития и вносит в жизнь элементы непредсказуемости[3].

Создание новых социальных идей есть результат творчества индивидуального человеческого сознания. Социальная реальность – целиком и полностью результат человеческой идеальной деятельности, поскольку ее не было до тех пор, пока ее не создал человек. Для ее создания человек ничего не взял из существующего материального мира, она целиком и полностью была сотворена человеческим разумом. Вся социальная реальность, даже та, которая каким-либо образом существует объективно и материально, вне человека, тем не менее сначала была создана сознанием человека идеально и субъективно и лишь потом реализована в объективном мире.

Человек – творец и одновременно продукт социальной среды; он волен ставить собственные цели, но неизбежно ограничен существующими нормами. Социальное творчество, по мнению Б.П. Вышеславцева, «есть “искусство сочетания”, игра возможностями и альтернативами»[4]. Свобода, по утверждению П. Бергера и Т. Лукмана, не исчерпывается выбором между дозволенным и запрещенным, между «да» и «нет». «Существует свобода выбора между

---

[1] Э. Гидденс считает, что из четырех основных социологических подходов только символический интеракционизм подчеркивает активные творческие составляющие человеческого поведения. Три других подхода (структурализм, функционализм и марксизм) делают акцент на принудительном характере влияния социальных институтов на нашу деятельность. См.: Гидденс Э. Социология. М., 2005. С. 820.

[2] Коркюф Ф. Новые социологии / Пер. с фр. Е.Д. Вознесенской, М.В. Федоровой; науч. ред. Н.А. Шматко. М.-СПб., 2002. С. 112.

[3] См.: Ганжа А.О., Зотов А.А. Гуманистическая социология Флориана Знанецкого // Социологические исследования. 2002. № 3. С. 115.

[4] Вышеславцев Б.П. Вечное в русской философии // Вышеславцев Б.П. Этика преображенного Эроса. М.: Республика, 1994. С. 198.

различными и противоположными да между различными творческими возможностями»[1]. Возможности эти неисчерпаемы.

Социальная реальность не вытекает из объективных потребностей, поскольку потребности в создании общества в природе нет. В объективном материальном мире не предусмотрен проект человеческого общества. Он целиком и полностью есть результат творчества людей. Нагляднее всего этот процесс проявляется в интуиции[2].

В рамках идеалистического подхода интуиция и есть творчество, то есть сотворение нового в идеальной сфере из ничего. Любая аксиома – это результат творчества, то есть сотворение из ничего. Язык – определенно продукт интуиции, интуиция оказывается также последним судьей прекрасного, этического и нравственного, не говоря уже о религии – сфере, где роль интуиции, и особенно мистической, чрезвычайно велика[3].

Обычно интуицию связывают с открытиями в науке и озарениями в искусстве; между тем нельзя не заметить, что суть и смысл интуиции – создание принципиально новых идей, лежащих в основе создания новой реальности. Что касается открытий в области философии, гуманитарных и социальных научных дисциплин, то здесь роль интуиции была действительно преобладающей. Это объективно подтверждается тем фактом, что почти все великие философские учения, основные гуманитарные и социальные научные теории были созданы очень давно, когда не существовало ни лабораторий, ни статистики, ни систематических данных наблюдений, ни какого-либо другого материала для эмпирического и даже рационального обобщения[4].

Характер процесса интуитивного творчества, а также состояние своей души и разума описал Ф. Ницше в то время, когда он работал над книгой «Так говорил Заратустра»: «Понятие откровения в том смысле, что нечто внезапно с несказанной уверенностью и точностью становится видимым, слышимым и до самой глубины потрясает и опрокидывает человека, есть просто описание фактического состояния. Слышишь без поисков; берешь, не спрашивая, кто здесь дает; как молния вспыхивает мысль, с необходимостью, в форме, не допускающей колебаний, – у меня никогда не было выбора. Восторг, огромное напряжение которого разрешается порою в потоках слез, при котором шаги невольно становятся то бурными, то медленными; частичная невменяемость

---

[1] Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / Пер. с англ. Е.Д. Руткевич. М., 1995. С. 302.

[2] По определению П. Сорокина, «интуиция – непосредственное, самоочевидное, аксиоматическое и зачастую моментальное познание, отличное от восприятия или ощущения, а еще в большей степени от воображения, памяти, дискурсивного мышления и обычного наблюдения во всех его формах – лежит в основе достоверности важнейших положений не только религиозной и философской мысли, но и логико-математических и эмпирических наук». Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика / Пер. с англ., вст. статья и комментарии В.В. Сапова. М., 2006. С. 862.

[3] См.: Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика / Пер. с англ., вст. статья и комментарии В.В. Сапова. М., 2006. С. 862.

[4] См.: Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика / Пер. с англ., вст. статья и комментарии В.В. Сапова. М., 2006. С. 864–865.

с предельно ясным сознанием бесчисленного множества тонких дрожаний до самых пальцев ног; глубина счастья, где самое болезненное и самое жестокое действуют не как противоречие, но как нечто вытекающее из поставленных условий, как необходимая окраска внутри такого избытка света... Все происходит в высшей степени непроизвольно, но как бы в потоке чувства свободы, безусловности, силы, божественности»[1]. Сходным образом и А. Стриндберг рассказывает, что поэтический экстаз был для него «состоянием блаженства, сопровождающим весь процесс писания». Это процесс творения, в котором человек становится соработником Бога. Это подтверждает и Ф.Б. Шеллинг: «Подобно тому как находящийся во власти рока человек совершает не то, что он хочет или намерен совершить, а то, что предписывают ему неисповедимые веления судьбы, во власти которой он находится, и художник... кажется подчиненным некой силе... заставляющей его высказывать или изображать то, чего он и сам полностью не постигает и смысл чего бесконечен по своей глубине»[2].

Наконец, что касается религиозных и моральных учений, оказавших, как показал М. Вебер, колоссальное влияние на создание общества, – то они интуитивны чрезвычайно. Все великие религии основаны мистиками, наделенными великим творческим даром. Таковы Будда, Зороастр, Лао Цзы, еврейские пророки, Махавира, Мухаммед, апостол Павел. Когда же появляется некая псевдорелигия, основанная на «науке», рациональности или на «разумных, эмпирически проверенных истинах», она никуда не годна и в лучшем случае представляет собой третьесортную вульгаризацию социальной или гуманистической философии или псевдонауку. П. Сорокин по этому поводу пишет: «Если интуиция, таким образом, играет решающую роль во всех сферах творчества, то, следовательно, она является главным фактором познания, так как любое истинное творение есть подлинное познание, так же как и любое настоящее открытие есть творчество. Когда Моцарт или Бетховен, Фидий или Шекспир, Будда или апостол Павел, Рафаэль или Дюрер, Платон или Кант создавали свои художественные, религиозные или философские системы, они открывали скрытую возможность, существующую в реальности; они обнаруживали ее и превращали из потенциальной возможности в актуальную действительность»[3]. Творчество – это не столько познание, сколько созидание нового. Познание не есть только открытие того, что есть в природе. В природе нет законов – они созданы людьми, хоть и описывают некоторые закономерности материального мира.

Если формой человеческого творчества в материальной сфере является труд, а в идеальной – интуиция, то в области социальной, которая относится к

---

[1] Ницше Ф. Сочинения: В 2-х т. М., 1990. Т. 2. С. 746–747.

[2] Шеллинг Ф.В. Сочинения: В 2-х т. М., 1987. Т. 1. С. 476.

[3] Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика / Пер. с англ., вст. статья и комментарии В.В. Сапова. М., 2006. С. 866–867.

объективной нематериальной реальности, основной формой творчества является убеждение и его производные формы – насилие и принуждение.

В. Парето считает, что основной формой социального творчества является сила: «Это относится и к обществу: право, чтобы стать реальностью, нуждается в силе. Развивается ли оно спонтанно или вводится меньшинством – оно в любом случае может быть навязано несогласным и недовольным только за счет силы... Право начиналось с силы отдельных индивидов; теперь оно проводится в жизнь благодаря силе коллектива, но оно всегда сила.

Не следует противопоставлять друг другу убеждение и силу, как это часто делают только ради успеха в деле преобразования институтов. Убеждение – это не что иное, как средство обретения силы. Никогда не удается убедить всех членов общества без исключения. Для обеспечения успеха достаточно убедить только ту часть общества, которая обладает силой либо потому, что она многочисленна, либо по иным причинам. Силой социальные институты вводятся, силой же они и поддерживаются»[1]. Однако в самом высказывании В. Парето содержится противоречие, поскольку он пишет, что «для обеспечения успеха достаточно убедить только ту часть общества, которая обладает силой», а это уже означает, что сила вторична, люди ее применяют только тогда, когда убеждены в необходимости это делать. Первично убеждение, оно является основой силы. Сила пропадает, когда люди перестают быть убеждены в необходимости ее применения. Кажется, что любая власть держится на силе, однако это иллюзия. Как только силовые структуры теряют убеждение в необходимости применения силы для поддержки власти, они перестают ее применять. В истории России наглядными примерами являются события 1917 и 1991 годов. Таким образом, можно утверждать, что в основе силы как формы социального творчества лежит убеждение.

Сила появляется тогда, когда люди, способные применять насилие для осуществления социальных преобразований или защиты существующих форм, убеждаются в необходимости применения силы. Однако человек сегодня может быть убежден в верности идей, на которых основано насилие, а завтра разочаруется в них, и для страховки против такого варианта был создан институт права, который обязывает человека применять силу даже тогда, когда он не убежден в необходимости ее применения. Но и сам институт права держится на убеждении людей в том, что необходимо соблюдать законы. Вот когда и это убеждение пропадает, тогда государственный строй, созданный данным обществом, повисает в воздухе, а затем рушится, лишенный поддержки общества. Процесс этот целиком и полностью идеален.

Принуждение, как и сила, в своей основе имеет убеждение. Люди должны быть убеждены в том, что принуждение необходимо применить. В этом должны быть убеждены как руководители, так и исполнители. Следователь-

---

[1] Парето В. Социалистические системы//Теоретическая социология: Антология: В 2-х ч. / Пер. с англ., фр., нем., ит. Сост. и общ. ред. С.П. Баньковской. М., 2002. Ч. 1. С. 195.

но, можно утверждать, что основной формой социального творчества является убеждение. Насилие и принуждение – это вторичные формы, в основе их применения лежит убеждение.

Для того чтобы понять общество, нужно прежде всего понять господствующее в нем мировоззрение, которое оказывает определяющее влияние на создание идей, формирующих социальную структуру и отношения. Объективные условия, в которых существует данное общество, облегчают или затрудняют реализацию идей, вытекающих из мировоззрения, ограничивают одни и стимулируют осуществление других. Однако на процесс творения решающего влияния они не оказывают, тем более объективные условия ни в коей мере не предопределяют содержания этих идей, если они действительно новые (иное в отношении заимствованных идей: здесь объективные условия могут стать фактором, определяющим их реализацию).

В социологии, в том числе и современной, господствующей идеей, объясняющей причины социальных изменений, является так называемая экстерналистская теория, которая усматривает основания изменения любой социокультурной системы в некоторых «переменных», находящихся за пределами самой системы[1]. С позиций идеалистического подхода причиной трансформаций является изменение социальной реальности путем реализации идей. Общество создано не внешними силами – оно создано человеческим творчеством, именно оно и меняет его. Внешние силы не в состоянии создать общество, они в состоянии только препятствовать или способствовать его изменению; они могут быть внешней причиной, которая побуждает сознание заняться творчеством, но не предопределяют созданных идей.

Одним из сторонником внутренних причин, изменяющих социальные системы, является П.А. Сорокин. В соответствии с его взглядами основание (или причина) изменения любой социокультурной системы лежит в ней самой[2] и не следует искать его где-нибудь еще. Неся в самой себе семена своего изменения, любая социокультурная система несет в себе и способность формирования собственной судьбы или своего жизненного пути. Начиная с момента возникновения каждая социокультурная система является главным фактором собственной судьбы. Судьба, или последовательные стадии жизненного пути системы, – это главным образом раскрытие потенциальных возможностей, присущих данной системе. Роль окружающей среды состоит в основном в замедлении или ускорении, способствовании или препятствовании, усилении

---

[1] Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика / Пер. с англ., вст. статья и комментарии В.В. Сапова. М., 2006. С. 798.

[2] Он пишет: «...компонентами любой социокультурной системы являются цели и средства (meanings and vehicles). Они тоже несут в себе семена собственного изменения, а следовательно – изменения системы... Изменение системы не есть нечто загадочное или труднообъяснимое. Гораздо труднее было бы понять случай неизменности какой-либо социокультурной системы – если бы такой случай вообще когда-либо наблюдался». Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика / Пер. с англ., вст. статья и комментарии В.В. Сапова. М., 2006. С. 804, 806.

или ослаблении процесса реализации потенциальных возможностей, присущих системе. Иногда они могут сокрушить систему, положив конец ее существованию, или же остановить на одной из ранних стадий развития системы процесс раскрытия присущих ей потенциальных возможностей. Но они, тем не менее, не могут радикальным образом изменить имманентные потенциальные возможности системы и нарушить нормальный ход вещей (то есть обратить детский сад в тюрьму и наоборот). Поскольку в системе с момента ее возникновения заложен ее дальнейший путь, она является системой самодетерминированной. Так как будущее системы зависит главным образом от нее самой, подобного рода самодетерминация является свободной, проистекающей спонтанно, согласно природе системы, из ее глубин[1].

Э. Гидденс также считает, что прямое влияние природной среды на социальные изменения не так велико, как может показаться. Имелись случаи, когда люди, обладающие самой примитивной технологией, создавали продуктивную экономику в достаточно негостеприимных условиях. И наоборот, охотники и собиратели часто населяли очень плодородные регионы, но никакими видами скотоводства или земледелия не занимались. Это означает, что вряд ли можно говорить о существовании прямой и постоянной связи между природной средой и типом производственной системы данного общества[2].

Значительно большее влияние, нежели материально-объективная рамка, оказывают предшествующие социальные идеи, а главное и решающее – господствующая мировоззренческая парадигма, выйти за рамки которой могут лишь отдельные мыслители, способные создавать действительно оригинальные идеи, противоречащие господствующим представлениям об обществе. Новые, прорывные идеи, если они бывают реализованы, становятся движущей силой социальных революций и переворотов. Такие идеи формируют новую социальную реальность, не похожую на существующую, не вытекающую из нее и отрицающую ее[3]. П. Сорокин одним из первых поставил вопрос об определении «энергии» социокультурных систем[4]. В рамках идеалистиче-

---

[1] Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика / Пер. с англ., вст. статья и комментарии В.В. Сапова. М., 2006. С. 815–816.

[2] См.: Гидденс Э. Социология. М., 2005.

[3] Изучая историю политического и государственного развития, часто встречаешься с тем, что создаются такие формы, которые раньше были несовместимы: либерал-консерватизм, национал-социализм, плюрализм и пр. Они не вытекают ни из каких объективных, а тем более материальных оснований, а создаются человеком, причем сначала в теории, которая обосновывает их возможность, а потом и на практике. Не может быть так, чтобы в таких случаях практика предшествовала теории. Нельзя отказаться от какой-либо ценности, предварительно не обосновав этого шага.

[4] «В качестве приблизительного показателя такого расплывчатого понятия, как “энергия” социокультурной системы, предлагается следующий (менее расплывчатый) набор критериев: чем многочисленнее состав системы, чем качественнее ее члены в биологическом, умственном, нравственном и социальном отношениях; чем больше подлинной мудрости, знания и опыта имеется в распоряжении системы; чем лучше она организована; чем больше средств, влияющих на поведение людей и силы природы, находится в ее распоряжении; чем более солидарно (или последовательно) интегрирована система – тем она сильнее, тем более независима от

ского подхода энергия социальной системы определяется силой идей, которые она реализует. Чем сильнее идея, тем на большие жертвы готовы ее последователи. Еще один фактор – число последователей. Идея может быть исключительно сильной, но иметь мало последователей, поэтому система будет сильной, но небольшой.

Довольно часто в качестве двигателей истории, ее творцов выдвигают великих личностей. Достаточно вспомнить Будду – величайшую религиозную фигуру, Юлия Цезаря и Наполеона – гениальных политиков и полководцев, Ньютона – создателя новой науки и философии. Что определяет величие лидера с позиций идеалистического подхода? Прежде всего это способность к творению нового. В данном примере Будда – творец новой религии, Цезарь и Наполеон – творцы империй, Ньютон – создатель науки. Они, каждый посвоему, изменили мир, основываясь на новых идеях.

О том, как идеи кардинально меняют окружающую социальную действительность, современный человек может наглядно увидеть в ходе своей относительно непродолжительной жизни. Нынешний образ жизни и современные социальные институты радикальным образом отличаются от своих, даже ближайших по времени, аналогов в прошлом. За какие-то два-три века – для истории это минута – человечество покончило с социальным порядком, определявшим его жизнь в течение тысячелетий. Большинство современных социальных институтов изменяются значительно быстрее, чем менялись институты традиционного общества. На протяжении последнего полувека темпы изменений не только не замедлились, но даже, скорее, возросли, и будущее нашего поколения является менее определенным, чем любого из предшествующих.

Социальная жизнь меняется, при этом усложнение социальной структуры происходит из-за усложнения идей, которые, накапливаясь, порождают более сложные социальные образования. Именно здесь причина их эволюции, а не в неких «законах» природы и общества. Для общественной жизни аналогии с эволюцией природного мира неуместны – это два разных мира.

На социальную сферу оказывают влияние творческие изменения в других сферах; например, изобретение автомобиля породило автомобильную промышленность, которая изменила характер деятельности людей; это в свою очередь породило проблемы занятости, проведения досуга и т.д. Каждый эффект, произведенный изобретением автомобиля в разных областях социальной жизни, вызывает множество последующих эффектов.

Особенно большие изменения в социальной сфере порождаются новыми мировоззренческими философскими, религиозными и научными идеями. Такие идеи способны создавать принципиально новые общественные формы;

окружающей среды. И тем больше доля ее собственного контроля при формировании своей судьбы». Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика / Пер. с англ., вст. статья и комментарии В.В. Сапова. М., 2006. С. 817.

примером этому являются капитализм и коммунизм, основанные на вполне конкретных, либеральной и коммунистической, идеях.

Социальное и экономическое развитие общества в течение последних столетий проходит в виде прогресса. Прогресс – в рамках идеалистического подхода – это развитие, основанное на творческой способности человеческого сознания. Прогресс ничем не предопределен и основывается лишь на человеческом творчестве, поэтому он не имеет цели, эта цель вырабатывается человеческим сознанием исторически. Прогресс есть историческая череда творческих актов, совершенных человеческим сознанием и воплощенных в реальность. Прогрессивность творческих актов определяется господствующим мировоззрением, в иных мировоззренческих системах они могут быть регрессивными. Сегодняшняя цель прогресса определяется исходя из рационалистической материалистической мировоззренческой парадигмы, и поэтому она и материалистична, и рационалистична. С позиций религиозного мировоззрения она ошибочна и пагубна.

Таким образом, социальное творчество есть присущий человеку атрибут, который позволяет ему создавать субъективный и объективный мир, а также преобразовывать мир материальный. Одной из важных форм идеалистического творчества является интуиция; в объективном мире творчество осуществляется с помощью убеждения, насилия и принуждения.

Объективные условия оказывают негативное или стимулирующее влияние на социальное творчество, но не предопределяют его содержания. Наибольшие изменения в социальной реальности производят идеи, в наименьшей степени связанные с уже существующей реальностью. На социальную сферу оказывают влияние творческие изменения в других сферах.

Идеи как основа общества

Что может существовать в человеке социального, что было бы в нем, не являясь при этом продуктом его сознания? Это могут быть только заимствованные им идеи.

Л. Мизес, утверждал: «Если мы наделим понятие идеологии самостоятельным бытием или человеческими качествами, то можем сказать, что идеологии обладают могуществом по отношению к людям»[1].

Идеи, будучи созданы одними людьми, воспринимаются другими и, находясь в их сознании, действуют как внешняя сила на сознание этих людей, потому что они побуждают человека делать то, что придумано не им и смысла чего личность порой не понимает, не осознает или не принимает. Так, человек, не желающий убивать других людей, тем не менее, подчиняясь чувству патриотизма, концепция которого разработана задолго до него, идет на войну. Человек заводит семью, воспитывает детей, ходит на митинги или

[1] Мизес Л. Человеческая деятельность: Трактат по экономической теории / 2-е испр. изд. Челябинск, 2005. С. 322.

служит в армии потому, что идеи, формирующие эти действия, были усвоены им в процессе социализации. Это не его идеи. Какие-то из них он может внутренне не разделять, но поскольку другие поступают в соответствии с этими идеями либо за их невыполнение человеку угрожает санкция со стороны общества, то он поступает в соответствии с тем, что ему эти идеи предписывают. Э. Гидденс пишет: «Общество является внешним по отношению к каждому индивиду в отдельности, но оно по определению не может быть внешним для всех индивидов»[1]. Идеи, созданные другими людьми, порой непонятные, часто неразделяемые, нередко формирующие негативные, с точки зрения данной конкретной личности, отношения, но подтвержденные действиями других людей, то есть существующие как реальность, находясь в сознании человека, действуют на него как внешняя сила. Например, идея о необходимости подчиняться царским властям, которые революционер считал незаконными и антинародными, тем не менее принуждала его подчиняться этим властям – отчасти потому, что подавляющая часть общества повседневным поведением демонстрировала свое подчинение этой идее, а в основном вследствие того, что полиция в любой момент была готова применить силу для подтверждения действенности этой идеи. Но вот приходит 1917 год, и идея необходимости подчиняться царским властям оказывается неверной, и люди действуют исходя из новой реальности, сформированной новыми идеями. Начинается новая история.

Социальное не взято из материального мира – его там просто нет; оно создано, сотворено человеком в идеальной сфере, а затем объективировано в мире реальном. Как и все, что связано с человеком, общество имеет идеальную природу и основу. Рождаясь в идеальном мире, оно затем осуществляется в мире объективном и материальном[2]. Общество создается в идеальном виде в форме идей в сознании человека, а затем объективируется в реальном мире в форме взаимоотношений между людьми, социальных явлений и процессов, а также в виде материальной инфраструктуры[3]. Общество – это субъективная реальность, комплекс идей, определяющих взаимодействие человека с другими людьми в объективном мире. Простейшим социальным фактом является идея, определяющая действия или отношения одного человека в отношении других людей. Сложные социальные явления и процессы, такие как институты, революции и т.п., определяют-

---

[1] Гидденс Э. Социология. М., 2005. С. 823.

[2] Как верно заметил Знанецкий, «...социокультурные факты никогда не могут быть “ничейными”, а всегда связаны с “кем-то”. Если исключить сопутствующий им человеческий коэффициент и изучать систему культуры по образцу системы природы, – система культуры исчезает. Вместо нее остается хаотическая груда естественных вещей и процессов, нисколько не похожая на реальность, изучить которую мы пытались». Цит. по: Абель Т. Социология: Основы теории / Т. Абель; Пер. с польск. В.П. Макаренко. 2-е изд. М., 2006. С. 176.

[3] Например, партийный билет есть материальное свидетельство партийно-политических отношений, в которые встроен человек, и с этой точки зрения партийный билет – это не клочок бумаги, а материализованная часть общественных отношений.

ся сложными идейными концепциями, состоящими из целого ряда взаимосвязанных и вытекающих друг из друга идей.

Мысленный эксперимент показывает, что если у человека стереть идеи, касающиеся его конкретных общественных характеристик, таких как принадлежность к определенной семье, нации, социальной группе, а затем внушить другие характеристики, то его общественная сущность меняется и он объективно становится другим элементом общественной системы, и для этой смены нужно лишь поменять некоторые идеи в его сознании. Таким образом, общество – это идеальное образование, сотворенное индивидуальным человеческим сознанием и в виде идей существующее в сознании других людей, определяющее их отношения с другими людьми, а также их положение в общественной системе; то есть, положение человека в обществе определяется теми идеями, которые вырабатываются индивидуальным сознанием его членов, а затем разделяются, принимаются, усваиваются и реализуются другими членами общества.

Реализация разных идей производит различные изменения в обществе. Сильная идея – та, которая обещает в будущем наибольшие положительные изменения. Сила идеи – субъективная характеристика. Она определяется господствующим мировоззрением и заключается не столько в количестве людей, которые считают ее верной, – число адептов может быть и невелико, – сколько их готовностью на решительные действия. В таком случае идея может оказаться более сильной, нежели противостоящие ей идеи, даже тогда, когда их разделяет основная масса населения, не готовая, однако, ради их реализации на существенные жертвы.

Сильные идеи не обязательно радикальные. В условиях реального ухудшения текущей ситуации или опасности ее ухудшения наибольшей силой может стать и консервативная идея, обещающая сохранить существующее положение вещей, если ему, по мнению людей, угрожает изменение в худшую сторону под влиянием объективных условий или ожидаемой реализации противостоящих идей.

Сильная идея может быть нереализуема в данных условиях, но если люди верят в ее реализацию, то они будут действовать так, как если бы эта идея могла бы быть реализована. В таком случае она не приведет к тем изменениям, на которые рассчитывали люди. Примером реализации такой идеи было строительство коммунизма в СССР.

Каждый человек сам строит субъективную идеальную социальную реальность в своем сознании на основе заимствованных идей, а также идей, созданных им самим. Поскольку другие люди, составляющие объективную социальную реальность, существуют вне человека, то человек вынужден постоянно сопоставлять, насколько его идеи соответствуют поведению других людей. Если они ведут себя в соответствии с определенной идеей, то человек считает ее верной и встраивает ее в собственную идеальную модель общества; если

окружающие люди ведут себя иначе, то он либо приходит к выводу о «повреждении» общества, либо о неверности идеи[1].

Из-за того что набор социальных идей и фактов, их подтверждающих у каждого человека свой, то и образ общества индивидуален. Поскольку большинство людей в основном разделяет некоторые вполне определенные мировоззренческие идеи, господствующие в данный момент в обществе, то они строят свои отношения с окружающей их действительностью в соответствии с ними. Эти идеи формируют основные черты данного общества. В этой части картины социального мира совпадают в сознании индивидуумов, составляющих данное общество. Однако в нем всегда есть некоторое количество людей, которые по тем или иным причинам субъективного или объективного свойства вырабатывают сами либо заимствуют идеи, которые формируют у них иной, отличный от господствующего, образ общества. Например, большевики на основе заимствованного на Западе марксизма считали существующий в царской России общественно-политический строй устаревшим, царя – угнетателем и насильником, защитником интересов господствующих классов, то есть они считали сложившиеся в русском обществе отношения «плохими» и предлагали заменить их «хорошими», вытекающими из их представления об идеальном коммунистическом обществе. Когда наиболее активная часть населения поддержала идеи большевиков и в Гражданской войне с оружием в руках выступила в их поддержку, коммунистические идеи изменили существовавшую в России социальную реальность; однако первоначально она сложилась в идеальном виде в сознании немногих.

Таким образом, общество складывается в идеальном виде в индивидуальном человеческом сознании на основе идей, которые определяют взаимоотношения с другими людьми и формируют социальные явления и процессы. Хотя содержание идей определяется господствующим мировоззрением, тем не менее созданные на их основе индивидуальные картины социума, совпадая в главном, будут иметь некоторые различия. Идеи, касающиеся общества, реализуются в объективном мире в форме взаимоотношений людей, социальных явлений и процессов.

§2. Взгляды на общество и возможности его изучения

Социологи об обществе

Взгляды на природу общества начали формироваться тогда, когда идеализм как основа мировоззрения уступал место стремительно набиравшему силу материализму. Несмотря на то, что среди основоположников науки об обществе не было последовательных идеалистов, тем не менее все они, за исклю-

[1] Например, идея царя – помазанника Божьего определяла отношение большинства подданных России к императору и высшей власти в конце XIX – начале XX вв., а также их поведение в социуме. После того как рационалистическое мировоззрение поставило под сомнение православную веру, идея царя как помазанника Божьего рухнула в сознании многих политически активных людей, что привело к изменению социальной реальности – свержению монархии.

чением, пожалуй, К. Маркса, в той или иной мере признавали решающую роль идей в формировании общества. Даже основатель социологии, позитивист О. Конт считал, что в основе теории общества смены лежит смена мировоззренческих парадигм: «Мне кажется, что истинный научный принцип такой теории заключается всецело в том великом философском законе, который я открыл в 1822 году, о постоянной и необходимой последовательности трех общих состояний: одного, первоначально теологического, затем метафизического и, наконец, позитивного; в каждой науке наш ум проходит последовательно через эти три стадии»[1].

Другой великий социолог, Э. Дюркгейм, исходил из представления о том, что общество служит одновременно объектом, воспринимающим ценности, и субъектом, их создающим. Мир ценностей, с которым мы в конечном счете связаны, – одновременно плод коллективного и индивидуального творчества. Различные ценности, к которым мы можем стремиться, воплощены в человеческих сообществах и поэтому спонтанно находятся в противоречии между собой. Проблема выбора ценностей связана с этикой убеждения, жизненной позицией[2], которые тоже определяются мировоззрением человека.

М. Вебер был хоть и непоследовательным, но все же идеалистом, поэтому считал, что мировоззрение социальной группы никогда не представляет собой исключительно ответ на материальные условия или результат экономических интересов. Оно есть также и продукт идей, возникающих из человеческого вдохновения в ответ на духовный вызов, как, например, в случае с великими пророками, такими как Будда. Вебер был убежден, что человек не может твердо стоять на позициях более чем одной из этих систем верований и действий[3].. Как считает Р. Арон, именно Вебер показал, что направленность наших интересов обусловлена нашим мировоззрением[4]. Вместе с тем М. Вебер не до конца продумал идею о том, что мировоззрение определяет общественные формы, поэтому он ограничился утверждением, что на поведение людей в различных обществах влияют религиозные догмы и их толко-

---

[1] Конт Огюст. Основные законы социальной динамики, или общая теория естественного прогресса человечества/ Зомбарт В. Социология. Пер. И.Д. Маркусона. М., 2003. С. 22–23.

[2] См.: Арон Р. Этапы развития социологической мысли/Общ. ред. и предисл. П.С. Гуревича. М., 1992. С. 515–519. Э. Дюркгейм пишет: «И в самом деле, один и тот же акт, состоящий из одних и тех же элементов, имеющий одни и те же результаты, будет осужден или нет в зависимости от того, существует или нет запрещающее его правило. Следовательно, санкцию детерминируют существование этого правила и связь, которую поддерживает с ним акт. Так, убийство, осуждаемое в обычное время, не осуждается во время войны, потому что тогда не существует запрещающего его правила. Один и тот же по своей внутренней природе акт, который осуждается у современного европейского народа, не осуждался в античной Греции, потому что в Греции он не нарушал никакого заранее установленного правила». См.: Дюркгейм Э. Определение моральных фактов /Теоретическая социология: Антология: В 2-х ч. / Пер. с англ., фр., нем., ит. Сост. и общ. ред. С.П. Баньковской. М., 2002. Ч. 1. С. 23.

[3] См.: Бендикс Р. Образ общества у Макса Вебера /Макс Вебер. Избранное. Образ общества.: Пер. с нем. М., 1994. С. 571–572.

[4] Арон Р. Этапы развития социологической мысли/Общ. ред. и предисл. П. С. Гуревича. М., 1992. С. 535.

вание – составная часть их видения мира, что необходимо понять эти догмы, чтобы понять поведение индивидов и групп[1]. В согласии с философским идеализмом Вебер выделял пути, которыми человеческие идеи формируют общество. Согласно Веберу, рациональность, порожденная протестантизмом, положила начало индустриальной революции и капитализму, а следовательно, определила современное общество. Однако М. Вебер не увидел того, что кроме религии общественные явления также активно формируются, к примеру, философскими и научными концепциями.

Развитие веберовских мыслей современными интерпретаторами привело к ряду важных идеалистических выводов. По мнению Ф. Тенбрука, хотя интересы индивидов и являются непосредственными импульсами человеческих действий, общее направление исторического развития определяется в конечном счете не ими, а большими мировоззренческими идеями, овладевающими людскими умами. В свете этого решения Тенбрук последовательно идеалистически толкует известное веберовское высказывание: «Не интересы (материальные и идеальные), не идеи непосредственно господствуют над поведением человека, но: “картины мира”, которые создавались “идеями”. Они, как стрелочники, очень часто определяли пути, по которым динамика интересов продвигала дальше человеческое действие»[2].

Идеи Макса Вебера были развиты в рамках концепции символического интеракционизма. Его представители считают, что общество является не чем иным, как общей реальностью, которую люди создают в ходе взаимного общения. Люди – это существа, живущие в мире символов и означивающие практически все. Следовательно, «реальность» – всего лишь определения значений, которыми мы наделяем свое окружение, обязанности по отношению к другим людям и собственную самоидентичность. Этот процесс субъективен и различается от человека к человеку[3]. «Наш разум состоит из идей, пропитанных моральным авторитетом тех групп, к которым мы принадлежим. Наше членство в социальных сообществах определяет наши верования и санкционирует необходимость этих верований, а также моральное осуждение сомнений в правильности этих верований. Из микроинтеракционистской традиции мы узнаем, что само общество находится у нас в голове. Наши разговоры и практические взаимодействия создают ощущение социальной реальности»[4].

Наибольший вклад в развитие идеалистического взгляда на природу общества внес Л. Мизес. Он однозначно высказался за то, что в основе челове-

---

[1] Арон Р. Этапы развития социологической мысли/Общ. ред. и предисл. П. С. Гуревича. М., 1992. С. 522.

[2] См.: Вебер М. Избранные произведения: Пер. с нем./Сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; Предисл. П.П. Гайденко. М., 1990. С. 744–745.

[3] См.: Масионис Дж. Социология / Пер. с англ.: З. Замчук, С. Комаров, А. Смирнов. СПб., 2004. С. 45.

[4] Рэндалл Коллинз. Четыре социологических традиции. Перевод В. Россмана. М., 2009. С. 17.

ческого действия лежит идеальный акт: «Деятельности предшествует размышление. Размышление означает обдумывание будущего действия заранее и воспроизведение прошлого действия в дальнейшем. Размышление и действие неразделимы. Деятельность без мышления, практика без теории невообразимы. Обоснование может быть ошибочным, а теория неверной, но мышление и теоретизирование присутствуют в любой деятельности»[1]. При этом Мизес последовательно проводит мысль о том, что общество не существует вне индивида: «Думает всегда индивид. Общество не думает, точно так же, как оно не ест и не пьет»[2]. У человека нет иного способа усвоить мысли своих предшественников, кроме как продумав их заново, и лишь затем он сможет пойти дальше, основываясь на мыслях своих предтеч[3]. Взгляды более позднего времени формируются на основе взглядов предшествующих эпох. Без такого стимулирования интеллектуальный прогресс был бы невозможен[4].

Л. Мизес определил мировоззрение как логически единый комплекс теорем и теорий, направляющих поведение отдельных индивидов и групп. Религия, метафизика и философия являются основой различных мировоззренческих систем, они объясняют Вселенную и определяют действия человека. Таким образом, мировоззрение, с одной стороны, является объяснением всех явлений, а с другой – технологией действия. Понятие идеологии уже, чем понятие мировоззрения, идеология – это совокупность наших теорий относительно индивидуального поведения и общественных отношений. И мировоззрение, и идеология являются не просто научными теориями, а доктринами о должном, то есть о конечных целях, к которым должен стремиться человек в своих земных делах[5].

Л. Мизес считает, что логическое мышление и реальная жизнь не существуют отдельно друг от друга. Для человека логика является единственным средством справиться с проблемами реальной действительности. То, что противоречиво в теории, точно так же противоречиво в реальности. Противоречивая идеология лишь скрывает реальные проблемы[6].

---

[1] Мизес Л. Человеческая деятельность: Трактат по экономической теории / 2-е испр. изд. Челябинск, 2005. С. 306.

[2] Мизес Л. Человеческая деятельность: Трактат по экономической теории / 2-е испр. изд. Челябинск, 2005. С. 306.

[3] «Ни один индивид ни на шаг не продвинулся бы в своих рассуждениях, если бы был вынужден начинать с самого начала. Человек может добиться прогресса в размышлении только потому, что его усилия облегчаются людьми из прошлых поколений, создавших инструменты размышления, концепции и терминологию и поднявших определенные проблемы». Мизес Л. Человеческая деятельность: Трактат по экономической теории / 2-е испр. изд. Челябинск, 2005. С. 321–322.

[4] Мизес Л. Человеческая деятельность: Трактат по экономической теории / 2-е испр. изд. Челябинск, 2005. С. 307.

[5] Мизес Л. Человеческая деятельность: Трактат по экономической теории / 2-е испр. изд. Челябинск, 2005. С. 308.

[6] Мизес Л. Человеческая деятельность: Трактат по экономической теории / 2-е испр. изд. Челябинск, 2005. С. 317.

Общество является продуктом человеческой деятельности, которая, в свою очередь, как считает Л. Мизес, направляется идеологиями. Общество и любой конкретный общественный строй являются результатом идеологий, поскольку любое общественное устройство было продумано и спроектировано, прежде чем быть реализованным. Это не значит, что люди разрабатывают полный план общественной системы, – заранее продуманы лишь действия индивидов в отношении окружающих его людей и групп индивидов в отношении других групп. Индивид не планирует и не выполняет действий, направленных на построение общества. Его поведение и соответствующее поведение других порождают общественные образования[1].

Современные социологи в большинстве своем считают, что материальные условия определяют мировоззрение человека, тем не менее и среди них существует понимание той роли, которую играют идеи в формировании исторического действия. Идеи, как считает Т. Абель, влияют на способ действий с того момента, едва они превращаются в коллективные представления[2]. Современный финский социолог Э. Калеви Асп утверждает, что ценности – это такие чрезвычайно важные для людей феномены, ориентируясь на которые они действуют, принимают решения и делают выбор. Ценности не равнозначны и организуются по степени важности в определенный порядок, который называется системой ценностей, которая, в свою очередь, регулирует и направляет выбор между разными моделями и альтернативами поведения. Позиция, которую занимает индивид безусловно, связана с ценностями, и из этого «прослеживается связь позиции с культурой вообще, так как ценностные притязания определяются культурным уровнем индивида: каков культурный уровень индивида (и в целом – какова его личность) – таковы и ценности, каковы ценности – такова и позиция»[3].

В целом следует отметить, что среди видных социологов не было последовательных идеалистов, считающих, что идеи лежат в основе формирования социальной реальности. Ближе всех к этой мысли подошел экономист Л. Мизес.

Исследование социальной реальности с неизбежностью ведет к ее изменению. В последние двести лет наука взяла на себя труд познать окружающую действительность. Уже познавая ее, человек меняет эту реальность, поскольку социальная реальность имеет своим истоком идеальную картинку общества в сознании каждого индивидуума, составляющего общество. Новое понимание меняет взгляд человека на общество, а значит, меняет его в сознании этого человека. Познанное общество становится другим, нежели непознанное.

---

[1] Мизес Л. Человеческая деятельность: Трактат по экономической теории / 2-е испр. изд. Челябинск, 2005. С. 321–322.

[2] Абель Т. Социология: Основы теории / Т. Абель; Пер. с польск. В.П. Макаренко. 2-е изд. М., 2006. С. 115.

[3] Эркки Калеви Асп. Введение в социологию. Перевод с финского. СПб., 1998. С. 43.

Познание общества с неизбежностью приводит к его изменению – сначала идеально, в сознании немногих, овладевших новым знанием, новыми идеями, а затем и всех других, кто прикоснулся к новому знанию. Человек действует в познанном обществе исходя из идей нового знания, а значит, он действует иначе, чем если бы этого знания не было. Новое знание об обществе, неважно, какое оно: научное, религиозное, мифологическое, изменяет социальную реальность уже в силу одного своего существования. Когда новое знание в виде идей овладевает сознанием тех людей, которые имеют влияние на формирование социума (элит, классов, национальных общностей, партий и т.п.), то этот социум меняется в тех своих частях и отношениях, которые задевают данные идеи. Сначала он меняется идеально, а затем и реально. При этом реальное изменение может отличаться от первоначального идеального, в силу того что в реальном мире на действия людей оказывают влияние те объективные и материальные факторы, которые не всегда могут быть учтены индивидуальным человеческим сознанием, поскольку оно очень ограниченно в своих познавательных возможностях. Новое знание меняет социальный мир, но вектор изменения не всегда определяется только этими новыми идеями, поэтому и произошедшие в реальности изменения не всегда соответствуют первоначальным целям.

Знание не только объясняет социальный мир – оно и преобразует этот мир. Идеи, вытекающие из этого знания и направленные на преобразование мира, могут намного сильнее изменить реальность, чем простое констатирующее знание. Например, гобссовская идея государства как Левиафана, предохраняющего общества от борьбы всех против всех, или общественный договор Руссо, или идея эксплуатации и классовой борьбы Маркса, идея элит и т.п. являлись новым знанием, и уже одно это сразу же меняло взгляд на общество тех людей, которые этим знанием овладели.

Где находится общество

Одним из вопросов, над которым размышляли все поколения социологов, является проблема формы существования общества[1]. В рамках материали-

[1] П. Сорокин по этому поводу пишет: «Вопрос гласит: являются ли коллективное единство или общество реально существующими или же они реально не существуют, а реально даны только индивиды, их составляющие? Основные ответы на этот вопрос вылились в два течения. Первое из них можно охарактеризовать как течение социологического реализма, второе – как течение социологического номинализма. Сущность ответа первого течения состоит в утверждении, что общество есть реальность sui generis, отличная и даже независимая от реальности составляющих его индивидов... Социологический номинализм, в противоположность социологическому реализму, утверждает: 1) единственно реальны индивиды, составляющие общество; 2) вне индивидов как реальности нет никакой другой реальности; с удалением индивидов от общества не остается ничего; 3) нет общества как реальности ни в смысле физического тела, ни в смысле особого от сознания индивидов надиндивидуального сознания или коллективной души». Сам П. Сорокин считал, что «общество существует не “вне” и “независимо” от индивидов, а только как система взаимодействующих единиц, без которых и вне которых оно немыслимо и невозможно, как невозможно всякое явление без всех составляющих его элементов». См.: Теоретическая социология: Антология: В 2-х ч. / Пер. с англ., фр., нем., ит. Сост. и общ. ред. С.П. Баньковской. М., 2002. Ч. 2. С. 156–159.

стической парадигмы убедительного ответа на вопрос: «Где находится общество?» – до сих пор не найдено. В соответствии с идеалистическим подходом общество существует в идеальном, объективном и материальном виде, при этом первичной является его идеальная форма. Она предшествует и определяет объективное и материальное существование общества и наполняет его содержанием.

Еще Эмиль Дюркгейм обнаружил, что общество существует не только «вне нас», но и «внутри нас». Оно нечто большее, чем образующие его индивиды; живет своей собственной жизнью, которая выходит за рамки нашего личного опыта. Общество существует задолго до нашего рождения, формирует нас, пока мы живем, и остается после того, когда нас не станет. Образцы человеческого поведения – культурные нормы, ценности и убеждения – существуют в качестве устоявшихся структур и потому являются социальными фактами, которые обладают объективной реальностью, внешней по отношению к жизни индивидов[1]. Однако согласно утверждению того же Дюркгейма социальная среда состоит из коллективных представлений, институтов с особыми нормами и ценностями, образцов организации совместной деятельности. Представления, нормы и ценности существуют исключительно в сознании индивидов. Институты и образцы деятельности проявляются только в индивидуальном поведении[2]. Общество «составляют образы мыслей, действий и чувствований, находящихся вне индивида и одаренных принудительной силой, вследствие которой он вынуждается к ним», – пишет Дюркгейм[3].

Вместе с тем, как считает Э. Гидденс, явно ошибочно предположение о том, что общество является столь же «внешним» по отношению к нам, как и физический мир. Физический мир продолжал бы существовать даже в том случае, если бы не осталось ни одного человека, однако утверждать то же самое относительно общества – явная нелепость[4]. Общество является внешним по отношению к каждому индивиду в отдельности, но оно по определению не может быть внешним для всех индивидов. Более того, хотя «социальные факты» Дюркгейма могут ограничивать нашу деятельность, но

---

[1] Масионис Дж. Социология / Пер. с англ.: З. Замчук, С. Комаров, А. Смирнов. СПб., 2004. С. 162.

[2] См.: Абель Т. Социология: Основы теории /Пер. с польск. В.П. Макаренко. 2-е изд. М., 2006. С. 38–39.

[3] Теоретическая социология: Антология: В 2-х ч. / Пер. с англ., фр., нем., ит. Сост. и общ. ред. С.П. Баньковской. М., 2002. Ч. 2. С. 158.

[4] Если одного человек лишить памяти, то общество исчезнет лишь для него; если лишить памяти всех людей, то общество исчезнет вообще, но, если они научатся читать книги, доставшиеся им в наследство от предшествующего общества, то смогут восстановить его по тем идеям, которые содержатся в этих книгах. Однако те идеи, которые передаются не через книги – например, отношения детей и родителей, трудовые отношения, присущие именно этой культуре и некоторые другие, не смогут быть восстановлены в прежнем виде. Значит, есть ряд идей, определяющих социальные отношения, которые не могут быть восстановлены никогда, поскольку они нигде не зафиксированы, кроме сознания человека, и передаются от человека к человеку непосредственно в процессе воспитания, общения, труда, взаимодействия, социализации.

они не могут детерминировать ее. Мы являемся не созданиями общества, но его создателями[1].

Общество существует как проекция идеального в объективном и материальном мире. Основу общества составляют идеи, которые определяют взаимоотношения людей, явления и процессы социального мира. Эти идеи первоначально усваиваются людьми в процессе воспитания и социализации, а затем проверяются ими в общественной практике. Если идеи оказываются способными объяснять общественные явления, то они укладываются в создаваемую в сознании человека модель общества; в противном случае эти идеи отвергаются или изменяются. Модель общества в индивидуальном сознании существует в идеальном виде. Социальные действия, которые люди осуществляют в объективном мире, определяются идеями, составляющими эту модель. Таким образом, идеальный и субъективный образ общества объективируется и проявляется во внешнем мире.

Кроме взаимодействий с другими людьми общество существует и в форме материальных объектов. Например, институт здравоохранения нуждается для своего существования в зданиях, лекарствах, медицинском оборудовании, но это не значит, что данный общественный институт сводится к больничной койке, томографу и таблеткам. Они являются материальной частью института здравоохранения; но без той идеальной цели, которая формирует данный институт, они являются не более чем зданиями, оборудованием, химическими соединениями.

Итак, с позиций идеалистического подхода общество формируется, создается, творится в сознании человека в форме идей, определяющих его взаимоотношения с другими людьми, а также иные социальные явления и процессы, которые существуют во внешнем мире. Для осуществления идей, формирующих социальную реальность, человек создает материальную инфраструктуру, которая обеспечивает реализацию социальных идей.

О возможности изучения общества

Научные достижения в познании общества невелики по сравнению с достижениями естественных наук, при этом в качестве причины часто выдвигается сложность социума. Вместе с тем, как считает В. Макаренко, «история и общество более доступны человеческому познанию, нежели природа; элементами природы являются невидимые атомы, а в социально-исторической действительности существуют реальные человеческие индивиды, познание которых доступно каждому человеку: он знает сам себя, а другие люди ему подобны; следовательно, социально-историческая действительность доступна пониманию изнутри, в отличие от внешней, непроницаемой и непонятной

[1] Гидденс Э. Социология. М., 2005. С. 494.

природы»[1]. Однако успехов социальные и гуманитарные науки добились несравнимо меньших, нежели науки естественные, а это значит, что они исходят из ошибочной теории и методологии. Не претендуя в данном труде на детальную разработку методологии изучения общества, тем не менее в рамках проводимого исследования необходимо описать те некоторые специфические методы, которые в нем используются для изучения социальной реальности. Одним из таких методов является мысленный эксперимент.

Идеалистический подход утверждает, что социальный мир сначала создается в сознании человека. Там же существуют его идеальные элементы – идеи, формирующие социальные взаимоотношения, явления и процессы. Социальный мир существует в виде идей, упорядочивающих отношения, явления и процессы социального мира в сознании человека, а это значит, что можно изучать социальный мир непосредственно в сознании человека при помощи мысленного эксперимента.

В обычной жизни человек часто постоянно проводит мысленные эксперименты. Например, здравый смысл, который использует человек, основан на мысленном эксперименте, который он проводит в своем сознании. В акте проявления здравого смысла мысленный эксперимент проходит в свернутом виде, и его результат является человеку непосредственно. Например, когда мы говорим, что здравый смысл нам подсказывает, что данный человек не может быть избран президентом страны, мы мысленно представляем процесс выборов и делаем прогноз их результатов, предполагая участие этого человека в избирательной кампании. При этом мы опираемся на наш предыдущий опыт. Проведя этот мысленный эксперимент, мы приходим к выводу, что данный человек не получит большинства голосов избирателей по каким-то понятным для нас причинам.

Мысленный эксперимент основывается на том обстоятельстве, что человек, прежде чем что-либо совершить, проектирует предстоящее действие, представляет себе его последствия, и если эти последствия являются положительными с точки зрения поставленных целей, то действие осуществляется в реальности. В социальной сфере мысленный эксперимент – основа для принятия решения на осуществление созданной в сознании идеальной реальности.

Важную роль в изучении социальной реальности имеет и исторический метод. Обосновывая необходимость его применения в социологии, Э. Дюркгейм пишет: «В самом деле, рассматриваемый институт сформировался постепенно, фрагмент за фрагментом; образующие его части родились одна за другой и медленно присоединялись друг к другу; поэтому достаточно проследить их возникновение во времени, то есть в историческом развитии, чтобы увидеть различные элементы, из которых он возникает, естественным образом разделенными. Они предстают тогда перед наблюдателем один за другим, в том

[1] См.: Макаренко В. Предисловие //Абель Т. Социология: Основы теории /Пер. с польск. В.П. Макаренко. 2-е изд. М., 2006. С. 6.

самом порядке, в котором они сформировались и соединились в единое целое. Короче, в сфере социальной реальности история играет роль, подобную той, какую микроскоп играет в сфере реальности физической»[1]. Это подтверждает необходимость использования исторического метода при рассмотрении социальных явлений, однако обычно он используется для того, чтобы показать процесс становления социального явления; в идеалистическом подходе к этому добавляется еще и формирование содержания явления, которое собственно и есть его история.

Общество, созданное людьми, существует объективно, и его функционирование подчиняется некоторым закономерностям, которые меняются с реализацией новых идей. Как считает Т. Абель, в социологии пока преобладают не общие, а локальные законы. Принципиальное объяснение этого факта в том, что события человеческой жизни подчиняются творческой эволюции. Это процесс, в котором человек-творец создает новые организационные формы, представления и отношения. Они, в свою очередь, порождают новые ситуации и условия в месте и времени своего первоначального действия. Поэтому неизбежна ограниченность во времени и пространстве закономерностей социальных действий. Элемент творчества в сфере человека ограничивает возможности долгосрочного предвидения[2]. Идеалистический подход к истории не предполагает наличия общих социологических законов. Общество, созданное определенным мировоззрением, может иметь некоторые закономерности развития и функционирования, но они действуют только в рамках общества, сформированного данной мировоззренческой парадигмой.

§3. Свойства общества

Социальная реальность

Общество появляется во взаимодействии людей друг с другом, и это взаимодействие определяется идеями, созданными человеком. Взаимодействия, определяемые биологией, например половые отношения, отношения матери и ребенка, хотя и вписаны в общественные отношения, тем не менее не создают общества. Они служат одним из кирпичей, из которых строится общество, являющееся не только идеальным образованием, но и включающее в себя элементы объективного и материального мира – психологические (например, эмоциональное отношение к другим людям), материальные (бюллетени и протоколы для осуществления процедуры выборов как элемента демократии или здания больницы как элемента института здравоохранения). Еще Лестер Уорд писал, что «структуры не являются обязательно материальными предметами. Психические структуры никогда не бывают материальными, а соци-

---

[1] Эмиль Дюркгейм. Социология и социальные науки // Теоретическая социология: Антология: В 2-х ч. / Пер. с англ., фр., нем., ит. Сост. и общ. ред. С.П. Баньковской. М., 2002. Ч. 1. С. 9.

[2] Абель Т. Социология: Основы теории / Т. Абель; Пер. с польск. В.П. Макаренко. 2-е изд. М., 2006. С. 156.

альные структуры могут быть или не быть таковыми ...некоторые из них материальны, другие – нематериальны»[1].

Человек использует материальный объективный мир для реализации своих идей. Например, экономические производственные идеи реализуются преимущественно в материальном мире, а финансовые – в основном в объективном. Так, деньги могут быть материальными в качестве наличности или объективными нематериальными при безналичных расчетах. Социальные идеи реализуются преимущественно в объективном нематериальном мире. Отношения между людьми нематериальны, но объективны по отношению к тем людям, которые в эти отношения вовлечены. Примером могут служить отношения начальник – подчиненный. Общество нематериально, но объективно по отношению к личности. Создается общество человеческим сознанием, которое творит идеи, определяющие отношения людей друг с другом, либо определяет действия человека по отношению к другим людям. Человек не полностью входит в общество, то есть не все идеи, составляющие его содержание, являются общественно значимыми и влияющими на его поведение как элемент общества. Для истории важны только социально значимые идеи и действия человека.

П. Сорокин утверждает, что для существования общества необходимо как минимум два человека. С точки зрения идеалистического подхода это не так. Например, Робинзон, находясь в одиночестве на острове, продолжал оставаться общественным существом, поскольку идеи, создающие общество, находилось в его сознании, однако реализовать их он не мог. Это не значит, что на острове не было социума, он был в сознании Робинзона. И как только на острове появился Пятница, это общество было реализовано. Причем именно тот его вариант, который был в сознании Робинзона, поскольку он смог его навязать своему соратнику. Социум в идеальном виде может существовать вообще без людей в виде общественных идей, зафиксированных в текстах. В доказательство можно привести реальную историческую ситуацию: идеи общественного устройства античных авторов[2] были открыты европейской мыслью только в период Возрождения, до этого они хранились в текстах; однако после того, как были извлечены из них и пущены в идейный оборот, начали формировать общественно-политическую реальность, созданную задолго до этого, хотя авторы, создавшие эти идеи, умерли полтора тысячелетия назад. Христианское общество существует в Священном Писании и в течение двух тысячелетий является основой для социальной практики.

Для существования субъективной идеальной реальности необходимо и достаточно только одно сознание одного человека. Субъективная социальная

---

[1] Цит. по: Зомбарт В. Социология. Перевод И.Д. Маркусона. М., 2003. С. 98–99.

[2] Напр., Платон. В середине XV века, когда Марсилио Фичино перевел на латинский язык его работы, наследие философа во всей полноте вернулось в общественную и научную жизнь Европы.

реальность первоначально создается в конкретном единичном человеческом сознании, а реализуется в объективном мире во взаимодействии с другими людьми. Общество не существует в одном каком-то виде – в каждом человеческом сознании создается свой образ общества. Благодаря общности основополагающих идей, определяемых господствующим мировоззрением, этот образ общества в своих главных чертах различается незначительно, однако двух абсолютно одинаковых образов общества не существует: они могут быть похожи, но различаться в каких-то второстепенных деталях, определяемых идеями. Чем более похожи индивидуальные образы общества в сознании людей, его составляющих, тем более понятно это общество для входящих в него личностей.

Материалистический подход ищет общество вне человека, в объективной реальности и не находит, потому что его истоки не там. Общество первоначально существует субъективно и идеально в сознании людей, проявляясь вовне, в объективной и материальной реальности в форме взаимодействия людей, их отношений, социальных процессов. Будучи производной от субъективных идей, социальные явления, в свою очередь, становятся объективными обстоятельствами для людей точно таким же образом, как материальные явления в виде техники, будучи производными от технических идей, созданных разумом человека, становятся объектами материальной среды, меняющими жизнь людей. Они тоже действуют как внешняя сила на человека, и эта внешняя объективная и материальная сила создана идеями человеческого сознания.

П. Сорокин пишет: «Правы ли реалисты, утверждая, что общество как реальность sui generis существует независимо и вне составляющих его индивидов?»[1]. И дает ответ, что общества как реальности нет вне составляющих его индивидов. Если подходить с материалистических позиций, то это действительно так. Иное дело идеализм, который утверждает, что идеи, формирующие общество, создающие его из разрозненных индивидов, могут существовать вне людей, будучи зафиксированными в текстах, символах, артефактах, искусстве, фольклоре и т.п. Эти идеи после их усвоения конкретным индивидуальным сознанием становятся составляющей частью общественного сознания, то есть в идеальном виде основы общества, коими являются идеи, создающие это общество, могут существовать вне человека и без человека. В то же время они, эти идеи, становятся актуальными, инициализируются только в индивидуальном сознании. Таким образом, общество находится вне конкретного человека, но оно становится актуальным только в человеческом сознании.

---

[1] Сорокин П.А. Явление взаимодействия как коллективное единство//Теоретическая социология: Антология: В 2-х ч. / Пер. с англ., фр., нем., ит. Сост. и общ. ред. С.П. Баньковской. М., 2002. Ч. 2.

У общества есть объективная и материальная «инфраструктура»: здания, тексты, отношения между людьми, общественные процессы и явления, но вне их идейного содержания они непонятны, бессмысленны и бессодержательны, то есть общество не сводится к материальному и объективному содержанию, которые вторичны по отношению к нему. Общество создается идеями, порождаемыми человеческим сознанием, именно они первичны как по времени, так и по значению. Сначала создается идеальная реальность в человеческом сознании, а затем она объективируется в виде общественных явлений.

Таким образом, человек создает социальные идеи, формирующие образ общества в его сознании, одновременно на основе этих и других идей создается объективная и материальная реальность, обеспечивающая функционирование этих идей. Человек творит социальную среду, которая одновременно существует в двух мирах – субъективном и идеальном в сознании людей и объективном материальном, при этом субъективный первичен, а объективный – вторичен. Например, идея государства порождает отношения господства и подчинения в объективном мире и материальную инфраструктуру государства в виде тюрем, крепостей, оружия, кодексов законов, символов власти (напр., трон) и т.п. в мире материальном. Однако первичным является идея государства, поскольку явления материального и объективного мира не создают социальных отношений. Так, трон не создает монархии, а, напротив, сам является порождением идей, создающих такие социальные отношения, которые мы называем монархией.

Для истории важно то, что социальные идеи, рожденные в прошлом, не умирают вместе с их создателями, а продолжают существовать в настоящем, формируя его так же, как когда-то они создавали прошлое. Прошлое общества живет в настоящей реальности и при этом оно не только непосредственно формирует настоящее путем реализации идей (например, идея коммунизма, созданная в XIX веке, сформировала социальную реальность СССР в XX веке), но и является содержанием настоящего.

Таким образом, социальная реальность есть результат человеческого творчества, она формируется идеями, которые формируют социальные взаимодействия и материальную составляющую общества. Социальная реальность возникает в субъективном и идеальном мире и с помощью форм человеческого творчества – труда, убеждения, насилия и принуждения – создает социальные формы в объективном и материальном мире.

Функции общества

Поскольку общество создается людьми для реализации каких-то идей, то функции общества заложены в этих идеях. Нет одинаковых или универсальных функций для всех форм общества. Например, семья может иметь главной функцией рождение детей, или совместное ведение хозяйства, или любовь, а может быть нацелена на все эти функции, вместе взятые. Нет вечных функций общества, все они историчны. До появления человека общества не было,

общество создал человек, и функции не были привнесены извне или предопределены объективными обстоятельствами. Внешняя среда ограничивает, а не предопределяет функции общества, то есть она может не позволить осуществлять какие-то функции, но она не определяет, какие функции должны выполнять те или иные общественные системы.

Функции общества определяются идеями, которые, в свою очередь, вытекают из господствующего мировоззрения. Важность функции определяется не потребностью, а ценностью, которая определяет важность потребности.

> *Т. Парсонс так описывает процесс функционирования социальных систем: «Ценности – в смысле ценностных образцов (pattern) – мы рассматриваем как главный связующий элемент социальной и культурной систем. Нормы же являются преимущественно социальным феноменом. Они имеют регулятивное значение для социальных процессов и отношений...*
>
> *Эти четыре структурные категории – ценности, нормы, коллективные организации, роли – могут быть соотнесены с нашей общей функциональной парадигмой. Ценности являются первичными при поддержании образца функционирования социальной системы. Нормы осуществляют преимущественно функцию интеграции; они регулируют огромное количество процессов, содействующих внедрению нормативных ценностных обязательств. Функционирование коллективной организации связано в первую очередь с достижением целей, обусловленных интересами социальной системы»*[1].

Для того чтобы изменить функции общественной системы, нужно изменить идею, лежащую в ее основе. Изменение внешней среды способно прекратить выполнение какой-либо функции, но неспособно создать никакой новой функции; это – прерогатива идейной деятельности человека, которая совершается сначала идеально и субъективно, а затем уже объективно. Источник изменения системы находится в самой системе, и он идеален – это идеи, создаваемые человеческим сознанием.

Функции до тех пор остаются неизменными, пока не изменилась идея, на которой основывается социальная общность. Когда суть идеи, формирующей общность, кардинально меняется, тогда меняются и ее функции.

Социальное действие

Деятельность – это термин, обобщающий виды человеческого творчества: действуя, человек творит. Элементом деятельности является социальное действие. М. Вебер, писал: «Социальным мы называем такое действие, которое по предполагаемому действующим лицом или действующими лицами смыслу соотносится с действием других людей и ориентируется на него»[2]. Историю интересуют не все социальные действия[3], а только те, которые привели к со-

---

[1] Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения// Теоретическая социология: Антология: В 2-х ч. / Пер. с англ., фр., нем., ит. Сост. и общ. ред. С.П. Баньковской. М., 2002. Ч. 2. С. 6,9.

[2] Вебер М. Избранные произведения: Пер. с нем./Сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; Предисл. П.П. Гайденко. М., 1990. С. 602–603.

[3] Все исторические действия социальны, но не все действия являются социальными. М. Вебер пишет: «Не всякого рода действование – даже внешнее – есть “социальное” действование в указанном смысле. Внешнее действование не социально тогда, когда ориентируется лишь на ожи-

зданию новой идеальной, объективной или материальной реальности. В отличие от природы социальный мир есть продукт человеческих действий, которые осмысленно соотнесены с потребностями и интересами людей; он зависит от воли человека и не является необходимостью в аристотелевском смысле слова как бытия в природе вещей, независимого от человеческой воли. Действие имеет «автора» – индивидуальное лицо, в большей или меньшей степени отдающее себе отчет в характере совершаемого действия, то есть связывающее с ним смысл.

М. Вебер считает, что социальное действие, подобно любому другому поведению, может быть: 1) целерациональным, если в основе его лежит ожидание определенного поведения предметов внешнего мира и других людей и использование этого ожидания в качестве условий или как средства для достижения своей рационально поставленной и продуманной цели; 2) ценностно-рациональным, основанным на вере в безусловную – эстетическую, религиозную или любую другую – самодовлеющую ценность[1] определенного поведения как такового, независимо от того, к чему оно приведет; 3) аффективным, прежде всего эмоциональным, то есть обусловленным аффектами или эмоциональным состоянием индивида; 4) традиционным, то есть основанным на длительной привычке. Все эти действия, за исключением аффективного, в своей основе имеют ясную цель, которая всегда обусловлена какой-то идеей. Аффективные действия также часто социально и культурно обусловлены[2].

Осознанность, осмысленность – ключ к теории социального действия Макса Вебера. Ценностно-рационально действует тот, кто, невзирая на возможные последствия, следует своим убеждениям о долге, достоинстве, красоте, религиозных предначертаниях, благочестии или важности «предмета» любо-

---

даемое поведение вещных объектов. Внутреннее поведение есть социальное действование лишь тогда, когда оно ориентируется на поведение других. Например, религиозное поведение не социально, если оно остается созерцанием, одинокой молитвой и т. д. Хозяйствование (отдельного индивида) социально лишь тогда и постольку, когда и поскольку в нем также учитывается поведение других». Вебер М. Основные социологические понятия //Теоретическая социология: Антология: В 2-х ч. / Пер. с англ., фр., нем., ит. Сост. и общ. ред. С.П. Баньковской. М., 2002. Ч. 1. С. 68.

[1] Ценность, по Веберу, – это форма человеческого мышления, способ умозаключений. Ее нельзя охарактеризовать в категориях «положительная – отрицательная», «относительная – абсолютная», «объективное – субъективное» и т. п. Ценности необходимы личности для различения целей, которые ставит перед собой воля человека. Их место в мотивации действий гораздо глубже целей и интересов. Именно отнесение к ценности как придание смысла, на основе которого формулируется цель, указывает нам самое главное, что определяет поведение человека. Соответственно, как полагал Вебер, если нам удастся понять, какова та ценность, на которую ориентировано действие человека, мы поймем само это действие. Вебер видит в ценности лишь историческое образование, не имеющее ничего общего с вечными истинами, этическими заповедями, хотя и принадлежащее сфере культуры. См.: Кравченко Е.И. Теория социального действия: от Макса Вебера к феноменологам //Социологический журнал, 2001, №3.

[2] Например, убийство из мести в состоянии аффекта произведено все же исходя из вполне понятной социальной цели, которой является месть. По этому поводу М. Вебер пишет: «В таком случае этот тип уже почти всегда близок к “ценностной рационализации”, или к целенаправленному поведению, или к тому и другому». Вебер М. Избранные произведения: Пер. с нем./Сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; Предисл. П.П. Гайденко. М., 1990. С. 628.

го рода. Ценностно-рациональное действие всегда подчинено идеям, в повиновении которым видит свой долг данный индивид. Целерационально действует тот индивид, чье поведение ориентировано на цель[1], средства и побочные результаты его действий, кто рационально рассматривает отношение средств к цели и побочным результатам. С целерациональной точки зрения ценностная рациональность всегда иррациональна, и тем иррациональнее, чем больше она абсолютизирует ценность, на которую ориентируется поведение, ибо она тем в меньшей степени принимает во внимание последствия совершаемых действий[2].

Вместе с тем цель, по Веберу, – это всегда «идея», «ценностный идеал», лежащий в ее основе. Ставя цель, человек «взвешивает и совершает выбор между ценностями... как ему велит его совесть и его мировоззрение»[3]. Причиной действия становится его цель, то есть модель предполагаемого результата. Таким образом, определяющий фактор текущего поведения перемещается из прошлого в будущее. Человек – обладатель свободной воли, которая позволяет ему принимать самые разные решения. Однако, какое бы решение он ни принял, его поведение немыслимо без ценностного выбора. Человек-деятель не просто доподлинно отражает окружающую его действительность, но разъясняет, толкует ее для себя, исходя из усвоенных критериев, избранной системы координат. Так происходит всегда, вне зависимости от того, насколько сам человек понимает или, напротив, не осознает этого. Действовать – значит посвятить себя служению определенной ценности, тем самым придавая смысл своему собственному существованию.

Значительный вклад в разработку праксиологии – науки о деятельности был сделан Л. Мизесом. В соответствии с его взглядами действующий человек выбирает, определяет и пытается достичь целей. Из двух вещей, которые нельзя получить одновременно, он выбирает одну и отказывается от другой. Поэтому действие подразумевает и принятие, и отказ. Действие – вещь реальная. Энергичный человек, усердно стремящийся улучшить свои условия, действует не больше и не меньше, чем апатичный человек. Поскольку ничегонеделание также является деятельностью, то оно тоже определяет ход событий. Там, где присутствуют условия для человеческого вмешательства, человек действует вне зависимости от того, вмешивается он или воздерживается от вмешательства[4].

---

[1] Социологи отмечают важное различие между целями действий – когда мы преднамеренно что-то делаем – и непреднамеренными последствиями, к которым действия приводят. Гидденс Э. Социология. М., 2005. С. 27.

[2] Вебер М. Избранные произведения: Пер. с нем./Сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; Предисл. П.П. Гайденко. М., 1990. С. 629–630.

[3] Вебер М. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания / Пер. с нем. М.И. Левиной // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 348.

[4] Мизес Л. Человеческая деятельность: Трактат по экономической теории / 2-е испр. изд. Челябинск, 2005. С. 82–85.

Действующий человек стремится исправить неудовлетворительное состояние дел и достичь более удовлетворительного. Он представляет себе условия, которые лучше подходят ему, а его деятельность направлена на то, чтобы осуществить желаемое состояние. Мотивом, побуждающим человека действовать, всегда является некоторое беспокойство. Конечной целью человеческой деятельности является удовлетворение желаний действующего человека. Человеческая деятельность – одно из средств осуществления перемен.

Л. Мизес согласен с М. Вебером в оценке ценностно-рационального действия. Он считает, что с целерациональной позиции деятельность, направленная на достижение идеального или высшего удовлетворения в ущерб материальным и осязаемым выгодам, выглядит иррационально. В этом случае говорят, например, что человек, жертвующий жизнью, здоровьем, богатством во имя высших благ, преданности религиозным, философским и политическим убеждениям или свободе и процветанию своего народа, движим иррациональными соображениями. Однако, по мнению Мизеса, стремление к подобным высшим целям не более и не менее рационально или иррационально, чем стремление к другим человеческим целям. Ошибочно полагать, что удовлетворение первичных жизненных потребностей более рационально, естественно или оправданно, чем стремление к другим вещам и удовольствиям. В то время как животные безусловно подчиняются инстинкту сохранения жизни и размножения, во власти человека овладеть даже этими инстинктами. Он может управлять и сексуальными желаниями, и тягой к жизни. Он может отказаться от жизни, если условия ее сохранения кажутся ему неприемлемыми. Человек способен умереть ради чего-то или покончить жизнь самоубийством. Жизнь для него – результат выбора, ценностного суждения[1].

Л. Мизес полагает, что акт выбора всегда является решением в условиях разнообразных возможностей, открытых для выбирающего индивида. Человек делает выбор не между пороком или добродетелью, а только между двумя образами действий, которые мы в зависимости от принятой точки зрения называем порочным или добродетельным. Каждое единичное действие всегда ограничено в своих непосредственных последствиях.

Л. Мизес утверждает: «Действиями человека управляют наследственность и среда. Они предоставляют ему и цели, и средства. Он живет не просто как человек in abstracto; он живет как сын своей семьи, расы, народа, поколения; как гражданин своей страны; как член определенной социальной группы; как работник определенной профессии; как последователь определенных религиозных, метафизических, философских и политических идей; как участник многочисленных междоусобиц и споров. Он не сам создал свои идеи и стандарты ценностей, а позаимствовал их у других людей. Его идеология – это то, что ему предписывает окружение. Лишь немногие люди обладают даром придумывать новые и оригинальные идеи и вносить изменения в традиционные убеждения и теории. Рядовой человек не рассуждает о великих про-*

[1] Мизес Л. Человеческая деятельность: Трактат по экономической теории / 2-е испр. изд. Челябинск, 2005. С. 85–94.

блемах. В этом он полагается на авторитет других людей; поступает так, как должен поступать любой порядочный человек, подобен овце в отаре. Но, тем не менее, рядовой человек делает свой выбор. Он принимает традиционные образцы или образцы, принятые другими людьми, потому что убежден: они лучше подходят ему для достижения благоденствия. И человек готов поменять идеологию и, следовательно, образ действий, если убеждается, что это полностью соответствуют его интересам»[1].

Т. Парсонс считает: «Содержание действия образуют структуры и процессы, на основе которых люди формируют осмысленные намерения и более или менее успешно реализуют их в конкретных ситуациях... Намерения в совокупности с их осуществлением предполагают способность системы действия – индивидуального или коллективного – изменять свое положение по отношению к определенной ситуации или окружению в желательном для системы направлении»[2]. Парсонс разработал модель социальной системы, в которой субъект действия ведет себя координированно в соответствии со своими индивидуальными потребностями и ожиданиями, учитывая при этом потребности и ожидания взаимодействующих с ним субъектов. Эти потребности и ожидания ориентируются на общие модели ценностей и поведения и усиливаются по своей социальной структуре путем институционализации.

Таким образом, исторические действия всегда социальны, в их основе лежит цель, определяемая идеями человека.

Психология социальных действий

Психические состояния человека, а также массовые психические состояния, возникающие в толпе и других больших массах людей, не способны сформулировать идею, которая стала бы целью социального действия. Людская масса, охваченная массовыми переживаниями, но лишенная идеи, будет находиться в статике либо в броуновском движении. Ее поведение будет бесцельно, какие бы чувства она ни испытывала, как бы ни была напряжена ее воля. Психика не заменяет сознания. Создание идеи – это не психический акт, это рациональный акт. Как создается идея, науке неизвестно.

Создание идей – это прерогатива индивидуального сознания. Психические состояния являются объективной рамкой, в которой эти идеи существуют. Чувства, эмоции, переживания и т.п. могут способствовать или препятствовать реализации идеи, но выработать новую идею, которая ляжет в основание социального действия, они не могут. Выработка идей – функция рационального сознания. По этому поводу М. Вебер писал: «Ошибка заключена в понятии “психического”: что не есть “физическое”, то – “психическое”. Однако смысл примера на вычисление, который кто-либо имеет в виду, все-таки не “психичен”. Рациональное размышление человека о том, что определенное

---

[1] Мизес Л. Человеческая деятельность: Трактат по экономической теории / 2-е испр. изд. Челябинск, 2005. С. 130.

[2] Талкот Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // Теоретическая социология: Антология: В 2-х ч. / Пер. с англ., фр., нем., ит. Сост. и общ. ред. С.П. Баньковской. М., 2002. Ч. 2. С. 2.

действование в соответствии с определенными данными интересами может вызвать или не вызвать ожидаемые последствия, и принимаемое в соответствии с этим результатом решение не сделаются ни на йоту более понятными благодаря "психологическим" соображениям»[1].

Социальные отношения

Общественные отношения – это отношения между людьми, которые первоначально оформляются идеальным образом в человеческом сознании, а затем объективируются, проявляются в объективном мире в форме взаимодействия людей. Социальные отношения, идеально существующие в сознании одних людей, являются объективным фактором для других людей, на которых эти отношения каким-либо образом влияют.

Социальные исследования показывают, что разные люди различно представляют себе социальные отношения, то есть эти социальные отношения определяются некоторыми идеями, которые либо различны для разных людей, либо различно ими воспринимаются. Например, восприятие абстрактного начальника у одних связано с отношением отца к детям, у других – это отношение командира и солдата, у третьих – сильного и слабого, следовательно, одни и те же идеи могут быть «окрашены» как собственным опытом, так и различным пониманием этих идей, исходя из мировоззрения человека.

В зависимости от мировоззрения человек наполняет видимые им культурные и социальные явления различным смыслом, то есть человек конструирует социальную реальность из внешних данных – таких, как реальные поступки людей по отношению к нему и другим людям, но также и из тех идей, которые интерпретируют смысл этих поступков. Например (это мысленный эксперимент), человек увидел комара на шее сидящего впереди него незнакомого человека, ударил и убил насекомое, желая добра этому человеку. Тот, кого ударили, подумал, что он без причины подвергся физическому насилию со стороны постороннего человека. В результате в сознании этих двух людей было создано два варианта социальной реальности. В сознании третьего, зрителя, видевшего эту сцену, был создан третий вариант социальной реальности, который заключался в том, что, видимо, не совсем трезвый человек допустил бестактный поступок, убив комара на шее незнакомца. Таким образом, один социальный факт создал как минимум три реально существующих варианта социального взаимодействия. При этом совершенно очевидно, что все три варианта реально существуют только в сознании этих людей. Без их сознания социальной реальности не было бы создано.

Анализу общественных отношений много внимания уделил в своих работах П.А. Сорокин. Он так определил суть социального взаимодействия: «Взятое в целом, явление взаимодействия представляет, таким образом, определенную

---

[1] Вебер М. Избранные произведения: Пер. с нем./Сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; Предисл. П.П. Гайденко. М., 1990. С. 620.

систему, где в течение процесса взаимодействия существует тесная функциональная связь между центрами взаимодействия: поведение или состояние одного из них тотчас же отражается на поведении и состоянии другого, изменения одного (обусловливающего) индивида влекут за собой те или иные изменения в поведении и состоянии его контрагента. Такая зависимость может быть и взаимной»[1]. П. Сорокин считал, что «явления, относящиеся к области социальных отношений, всегда бывают явлениями «сознания»[2].

П. Сорокин выделил три типа отношений, встречающихся во многих обществах: семейственный, договорной и принудительный. С позиций идеалистического подхода первые два формируются определенным мировоззрением – религиозным и рационалистическим, а третий является общим для обеих мировоззренческих парадигм[3].

Сорокин считал, что изменение в пропорции семейственных, договорных и принудительных отношений, образующих «ткань» группы или социальной системы взаимодействия, имеет гораздо большее значение и означает более радикальный переворот, чем какое бы то ни было изменение в их политической или экономической структуре. Первое носит фундаментальный характер и изменяет саму природу группы; второе означает лишь частичное и гораздо более поверхностное изменение, и если даже приводит к каким-то результатам, то только в том случае, если несет с собой количественное и качественное изменение основных форм социальных отношений[4].

В настоящее время ряд социологов, например Г. Лассвелл и А. Кэплэн, считают, что основой, придающей социальным взаимодействиям определенное содержание и делающей из них социальные отношения, являются ценности, которые служат толчком и необходимым условием для любого рода взаимодействий. Существованием значимых длительное время ценностей определяется характер устойчивых социальных отношений людей.

Материальные факторы развития общества

Человек действует исходя из своего понимания объективной реальности, которая определяется прежде всего его мировоззрением. Так, например, монах по имени Козьма, известный своими научными изысканиями, написал «Христианскую топографию», где излагалось христианское представление о мире. Он основывал свои заключения на Священном Писании. Мир, по Козьме, – это прямоугольник, протяженность которого с востока на запад в два раза

---

[1] Сорокин П.А. Явление взаимодействия как коллективное единство /Теоретическая социология: Антология: В 2-х ч. / Пер. с англ., фр., нем., ит. Сост. и общ. ред. С.П. Баньковской. М., 2002. Ч. 2. С. 64.

[2] Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика / Пер. с англ., вст. статья и комментарии В.В. Сапова. М., 2006. С. 550.

[3] Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика / Пер. с англ., вст. статья и комментарии В.В. Сапова. М., 2006. С. 560–570.

[4] Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика / Пер. с англ., вст. статья и комментарии В.В. Сапова. М., 2006. С. 571.

больше, чем с севера на юг. В центре прямоугольника покоится суша, окруженная океаном, который, в свою очередь, окружен другой сушей – местом обитания людей до Потопа, откуда и отправился в путешествие Ной. На севере находится высокая конусообразная гора, вокруг которой вращаются Солнце и Луна. Когда Солнце оказывается за горой, то наступает ночь. Небесный свод состоит из четырех стен, поднимающихся от краев внешней суши и смыкающихся наверху в виде купола. С внешней стороны небо также омывает океан. Только имея в виду искреннюю убежденность Козьмы, что Вселенная была именно такой, как он ее описал, мы можем представить, какой страх испытал бы он перед Магелланом, или Пири, или авиатором, рискующим, поднявшись в воздух на высоту семи миль, столкнуться с ангелами и упереться в небесный свод[1]. Тем не менее подавляющее большинство людей того времени в своих действиях исходили из представлений о мире, сформулированных в Св. Писании.

У. Липпман считает, что человеческие поступки основываются не на прямом и очевидном знании, а на картинах, которые индивид рисует сам или получает от кого-то другого. Если в его атласе говорится, что мир плоский, то не станет близко подплывать к тому месту, которое он полагает краем земли, опасаясь свалиться[2]. То, как люди представляют себе окружающую действительность, определяет в данный конкретный момент, что и как они будут делать. То есть, их мировоззрение определяет их усилия, их ощущения, надежды, но не определяет достижений и результатов.

С позиций сегодняшнего рационалистического мировоззрения вся предшествующая история в течение тысячелетий и до Нового времени исходила из неверной картины мира, созданной «заблуждениями и изуродованным сознанием». Надо признаться, что люди с «искаженным сознанием» построили в целом неплохой мир. История свидетельствует, что научная картина не единственная, на основе которой можно создавать общество, экономику, технику. Конечно, в результате получится другой мир, но кто сказал, что он был бы хуже. За благополучие, здоровье, относительно долгую жизнь, полученную в период господства рационалистического мировоззрения, люди заплатили свою цену – они утратили смысл жизни, который давала им религия. Люди получили долгую, но бессмысленную жизнь.

В XIX веке было осознано то огромное влияние, которое оказывают на социальную жизнь материальные факторы. На какое-то время их влияние было абсолютизировано. Как же реально влияют объективные материальные факторы на общество, общественные отношения, процессы и явления? Идеалистический подход исходит из того, что материальные факторы влияют на выработку идей, формирующих те или иные общественные отношения, но не

---

[1] Липпман У. Общественное мнение. Пер. с англ. Т.В. Барчуновой. М., 2004. С. 25.
[2] Липпман У. Общественное мнение/Пер. с англ. Т.В. Барчуновой. М., 2004. С. 31.

они предопределяют их. Например, положение сумасшедшего в обществе будет определяться господствующими в социуме идеями, а не какими-либо материальными факторами. Человек, имеющий одни и те же отклонения от нормы, в средневековой России был юродивым, к которому прислушивался царь, поскольку юродивый обладает в православной традиции даром прорицания[1], а в наше время его слушают только соседи по больничной палате в психиатрической лечебнице. Изменение отношения к менее явно отличающимся по своим характеристикам людям часто происходит на глазах одного поколения. Например, общественное положение предпринимателя в советской и современной России или человека, торгующего валютой, диаметрально противоположно. В одном обществе он преступник, в другом – уважаемый член социума, хотя его профессиональные характеристики не изменились, незначительно поменялась и материальная среда, зато коренным образом изменились некоторые социально-экономические идеи.

Вместе с тем нельзя не заметить, что часто человек меняет свои идеи при изменении внешних объективно-материальных условий. Почему это происходит? С позиций идеалистического подхода это объясняется тем, что новые условия обесценивают ранее существовавшие у него идеи, объясняющие текущее состояние, и в новых условиях они перестают быть действенными, поэтому человек меняет их на другие идеи, которые более соответствуют изменившимся объективно-материальным условиям. Однако из этого не следует, что объективно-материальная рамка создает эти идеи, – она лишь служит фильтром для принятия или непринятия тех или иных идей. Причем одни и те же условия могут стать основанием для принятия диаметрально противоположных идей, если они укладываются в рамку этих условий. Например, умеренно верующий человек в случае жизненной катастрофы может стать как религиозным фундаменталистом, так и атеистом. Этот выбор делает не рамка, а человек, – рамка создает лишь благоприятную возможность для принятия обеих идей.

Общество существует в объективном и материальном мире. По мере развития социума на смену естественному природному окружению приходило искусственно созданное человеком на основе идей в науке, технике, производстве, экономике. Таким образом, та материально-объективная рамка, в которой существуют социальные идеи, все больше зависит от человеческого сознания. Человечество живет в искусственном мире, и его роль все увеличивается, а роль естественного уменьшается. Начало этому было положено строительством первых жилищ и изобретением одежды, а сейчас человек комфортно живет в искусственной среде в условиях Крайнего Севера. Особенно активизировался процесс создания искусственной среды в период господства рационалистического мировоззрения.

---

[1] См.: Юродивый. Толковый словарь Ушакова. Д.Н. Ушаков. 1935–1940.

Внешние природные факторы, в которых существует данное общество, обычно неизменны. Исключение составляют только те периоды, когда народ меняет место своего обитания, но это случается нечасто. Несравненно быстрее меняется внешняя искусственная среда, создаваемая человеком. Именно она трансформирует условия, в которых реализуются идеи, формирующие общество.

Американский социолог У.Ф. Огборн, изучавший воздействие изменений в области технологии на культуру, заметил, что нематериальная культура меняется медленнее, чем материальная, и это результат бурной идейной деятельности в области техники, а позднее и науки. В период Возрождения в Европе этот процесс был противоположным, в то время доминировало идейное развитие нематериальной части культуры. В Новое время реализация технических идей в наибольшей степени повлияла на изменение условий существования общества. Новые технические идеи приводили к созданию новой среды обитания, новых орудий труда, предметов обихода и др. К. Маркс в середине XIX века одним из первых обосновал воздействие техники и технологии на все аспекты общественной жизни. Однако он абсолютизировал роль внешних факторов, поэтому прогноз, основанный на его теории, не оправдался. Люди не марионетки созданных ими же экономических сил, а их демиурги, поэтому им под силу изменить как саму экономику, так и ее воздействие на социальную сферу.

В конце XIX века наряду с техническими идеями большое значение приобрели научные идеи, в том числе и экономические. Меняющаяся внешняя среда делала невозможным применение прежних социальных идей и, наоборот, позволяла реализовывать идеи, которые ранее считались утопическими.

Н. Смелзер подробно описывает, какие социальные изменения вызвало изобретение и широкое внедрение мотосаней в Арктике. Подобно тому как автомобиль полностью преобразил американское общество, мотосани оказали сильнейшее экономическое и социальное воздействие на людей, проживающих в северных регионах. Изменились очень многие стороны социальной жизни, начиная от работы и заканчивая отдыхом, возросло имущественное неравенство[1]. Новые идеи, меняющие окружающий человека мир, приводят к многочисленным социальным изменениям в составе населения, способах его поведения, в социальной структуре и образцах взаимодействия и др.

Таким образом, господствующее в данный момент мировоззрение определяет базовые характеристики общества и общественные отношения. Материальное окружение, а также объективные характеристики – такие, как профессия, положение в системе общественного производства и распределения, исполнение функций в обществе, влияют на эти идеи как объективно-

[1] См.: Смелзер Н. Социология: пер. с англ. М., 1994. Гл. 20.

материальная рамка, то есть способствуя или препятствуя их реализации, но не предопределяя содержания этих идей. При этом следует учитывать, что и сами социальные характеристики, приобретшие объективную реальность, первоначально были созданы идеально в сознании человека и лишь потом воплощены его деятельностью в реальность.

Общественное сознание

Общественное сознание существует в виде идей, которые находятся в сознании индивидов, составляющих данное общество. Эти идеи рождаются индивидуальным сознанием, затем передаются по различным каналам коммуникаций другим людям, которые принимают их как верные или ошибочные. Так, общественное сознание в определенное время может рассматривать некоторые идеи как верные (например, царь – помазанник Божий), а позднее под влиянием аргументов, выработанных некоторыми индивидуальными сознаниями, – как ошибочные (царь – представитель и защитник класса угнетателей). В каждом случае идеи создает или опровергает индивидуальное сознание, а другие люди либо разделяют, либо отвергают их. Под влиянием работы индивидуальных сознаний происходит постоянное изменение отношения к тем или иным идеям.

Введение термина «общественное сознание» поставило перед социологами вопрос о его субъекте и местонахождении. Так, Дюркгейм полагал, что общественное сознание функционирует как отдельная часть сознания индивидуального. «В нас есть два сознания, – пишет Дюркгейм, – одно содержит только состояния, свойственные лично каждому из нас и характеризуют нас, между тем как состояния, обнимаемые вторым, общие всей группе. Первое представляет и устанавливает только нашу индивидуальную личность, второе представляет коллективный тип и, следовательно, общество. ...Но эти два сознания, хотя и различны, связаны друг с другом, так как в итоге составляют только одно, имея для обоих себя только один-единственный органический субстрат. Они, следовательно, солидарны...». В психиатрии два сознания в одном органическом субстрате называются шизофренией[1]. Общественное сознание как субъект творчества существует только как метафора. В человеческом мозгу нет двух сознаний, есть одно – вырабатывающее и усваивающее различные комплексы идей, которыми руководствуется человек в своем социальном поведении. Один из таких комплексов идей определяет личность «человека общественного», человека, как составную часть общества.

Общество как идеальное образование существует вне человека именно в форме идей. Эти идеи (идеи общества, общественных отношений) объективируются, становятся реальностью, когда они усваиваются человеком, и он, разделяя эти идеи, начинает действовать в соответствии с ними.

---

[1] Шизофрения – психическое заболевание, многообразное в проявлениях и характерное раздвоением личности, замыканием в себе, нарушением контакта с другими людьми и внешним миром. /Словарь практического психолога. С.Ю. Головин. М., 1998.

Любые идеи общественного сознания появляются первоначально только в индивидуальном человеческом сознании и лишь потом, в процессе общения, могут быть усвоены другими людьми; и когда они разделяются некоторым количеством людей, тогда становятся идеями так называемого общественного сознания, причем не всего общества, а каких-то его частей. Так, классовое сознание – это преобладающие идеи в том или ином классе, их наличие обусловлено одинаковыми материальными и социальными условиями, в которых находятся представители данного класса, что и создает предпосылки для усвоения одних и тех же идей, которые, в свою очередь, порождают сходные образцы поведения.

Общественное сознание по очень грубой аналогии можно сравнить с компьютерной сетью, в которой каждый человек представляет собой компьютер, обрабатывающий общие для всех членов общества задачи (идеи) и делится своими результатами с другими людьми. Таким образом, общественное сознание «распределено» между индивидуальными сознаниями и существует в них, но не отдельной частью, как утверждает Дюркгейм, а неразделенной общностью с индивидуальным сознанием. С потерей (смертью) индивидуума общественное сознание тоже теряет некоторую свою часть в виде тех идей, носителем которых являлся умерший человек и над которыми он работал в своем сознании. Поэтому наибольшие потери общественное сознание несет тогда, когда из общей идейной работы исключаются наиболее сильные и продуктивные умы; тогда общественное сознание упрощается, становится нетворческим.

Идеи передаются от человека к человеку при помощи языка, символов, артефактов, изображений и других форм, которые способно воспринимать человеческое сознание. Идеи, независимо от того, кто их создал – данный индивидуум или другие люди, обладают одинаковой эффективностью в руководстве человеческой деятельностью. При этом человек четко отличает свои идеи от чужих, причем последние могут восприниматься им как внешняя сила. Такой внешней силой может стать идея общества, Бога, отечества и т.п. Так, человек, подчиняясь требованиям идеи патриотизма, гибнет на войне, прекрасно понимая, что эта идея создана не им. Идеи формируют, структурируют реальную общественную действительность. Общие идеи формируют похожий взгляд на мир, взаимодействие с другими людьми, общие алгоритмы действий, и, таким образом, создаются человеческие общности. В их основе лежат ценности, разделяемые членами данной общности, – важные идеи, входящие в состав их мировоззрения.

Отношения к другим людям и взаимодействие с ними осуществляется человеком на основе идей, которые содержатся в сознании конкретного человека. Если эти идеи у двух человек отличаются, то они будут по-разному вос-

принимать общество и различно строить отношения с другими людьми. Общественная реальность первоначально всегда существует идеально[1].

В рамках общественного сознания формируется общественное мнение. У. Липпман считает, что картины в головах «человеческих существ, образы их самих, других людей, их потребностей, целей, взаимоотношений – это общественные мнения. Картины, в соответствии с которыми действуют группы людей или индивиды, действующие от имени групп, – это Общественное Мнение, с большой буквы»[2]. С позиций идеалистического подхода, общественное мнение[3] – это идеи, господствующие в обществе в данное время. Общественное мнение может существовать по любым актуальным для общества вопросам: от того, сколько чертей может уместиться на кончике иглы, до преимуществ суверенной демократии. Общественное мнение решает актуальные проблемы с позиций господствующего мировоззрения. Если общество нестабильно и в нем существует несколько мировоззренческих парадигм, как это было в России в конце XIX – начале XX вв., тогда большие группы людей могут придерживаться различного, порой противоположного взгляда на одни и те же проблемы. Из двух точек зрения человек выберет ту, которая лучше обоснована с позиций его мировоззрения.

Таким образом, общественное сознание – это тот комплекс идей, который определяет поведение человека как элемента общественной системы. Идеи создают, творят и структурируют общество, формируя общественное сознание и определяя действия больших групп людей.

Социализация

Общественное сознание определяет так называемое «общественное поведение», важную роль в формировании которого играет социализация личности. Маугли до тех пор не был общественным человеком, пока не усвоил базовые идеи, определяющие отношение к другим людям и поведение в социальной среде.

Общественное и атомарное индивидуалистическое поведение отличаются. Общественное поведение определяется рядом идей, усвоенных человеком, причем человек может усваивать не сами идеи, а только образцы поведения, на которых эти идеи построены, и он будет вести себя так, как если бы он сна-

---

[1] Например, один человек неправильно считает, что его сосед плохо к нему относится и, основываясь на этой идее, соответствующим образом строит с ним свои отношения. Когда же сосед оказывает ему помощь в трудную минуту, человек пересматривает идею их взаимоотношений. Может показаться, что это произошло под влиянием объективной реальности; в действительности поступок соседа определялся его идеей отношения к этому человеку. При этом возможно, что сосед действительно относился негативно, а его помощь обусловлена его христианским мировоззрением; все равно в основе его действий лежит идея, неважно чья – индивидуальная, общественная, религиозная, нравственная или другая.

[2] Липпман У. Общественное мнение/Пер. с англ. Т.В. Барчуновой. М., 2004. С. 32.

[3] В социологии общественное мнение – это мнение, поддерживаемое некоторым числом людей, представителями определенной социальной группы и субкультуры в данном обществе, либо – доминирующее мнение среди всех представителей общественности. См.: Фролов С.С. Социология. Учебник. Для высших учебных заведений. М., 1994. С. 156.

чала усвоил эти идеи, а затем применил. Чаще всего человек в жизни усваивает массу образцов общественного поведения, не зная и не осознавая тех идей, которые эти образцы сформировали. Например, отношения в семье человеком усваиваются в самом раннем детстве, когда он и говорить-то не умеет. При этом он может прожить всю жизнь и применять эти усвоенные в раннем детстве образцы поведения и никогда не догадаться о том, какие идеи сформировали это поведение. То есть общественное поведение может усваиваться без понимания идей, лежащих в их основе. Однако это не означает, что данное поведение не определяется идеями, поскольку для формирования первых образцов обязательно нужно было осознание необходимости именно такого поведения: необходимо было сформулировать идею поведения, идеальное представление о том, как себя вести. Когда образцы поведения сформированы, они могут применяться неосознанно, но для их изменения опять нужно идеальное действие, необходима идея о том, что такое поведение надо изменить или отменить.

Сегодня во многом изменились взгляды на роль социальных и биологических факторов в формировании человеческой личности. Даже общественные различия, связанные с половой принадлежностью человека, во многом оказались обусловлены не генетически, а социально. Как считает генетик Ричард Левонтин, «с кем человек начинает идентифицировать себя – с мужчиной или с женщиной, равно как и большая часть черт его характера, идей и желаний, зависит в первую очередь от того, к какому полу он был отнесен в детстве. Биологические различия становятся скорее сигналом, нежели причиной дифференциации социальных ролей»[1]. Половые различия обусловлены генетически, социальные – исторически. Роли, которые связаны с половыми отличиями в обществе, не предопределены генетикой. Физиология человека накладывает определенные ограничения на реализацию некоторых идей, связанных с выполнением тех или иных ролей. Например, идею охоты в основном реализуют более сильные мужчины, в то время как в осуществлении идеи земледелия женщины участвуют наравне с мужчинами, а в ведении домашнего хозяйства они доминируют. И охота, и земледелие, и домашнее хозяйство – результат творчества человеческого разума; физиологическая, половая природа человека способствует или ограничивает конкретного человека в реализации идей, но не предопределяет ни их содержания, ни их развития.

Конфликт

Важную роль в истории играют различного рода конфликты, начиная от межличностных и заканчивая военными. Современная социология признает, что конфликты порождаются конфликтом ценностей, которые разделяют личности и социальные группы. Л. Козер считает социальный конфликт спо-

[1] Цит. по: Гидденс Э. Социология. М., 2005. С. 121.

собом разрешения напряженности, которая возникает между тем, что есть, и тем, что должно быть в соответствии с чувствами известных групп и индивидов. Естественно, что эти чувства определяются идеями, господствующими в сознании личностей, входящих в эти группы.

С позиций идеалистического подхода к истории конфликты в человеческом обществе не являются продолжением борьбы, существующей в животном мире. Социальные конфликты – это реализация конфликта идей в объективном мире.

Конфликт как социальная форма есть взаимодействие двух или большего числа индивидов, находящихся в состоянии оппозиции или антагонизма. На основе этой посылки Г. Зиммель сформулировал ряд общих положений: чем больше единство группы и чем сильнее групповые связи, тем больше интенсивность конфликта внутри группы; конфликт – это средство восстановления единства и сплоченности группы, находящейся перед угрозой индивидуальной вражды членов группы; конфликт есть средство поддержки иерархии и дифференциации в социальных системах. Кроме того, Зиммель сформулировал ряд частных положений: чем больше из конфликта исключаются личные особенности индивидов, тем интенсивнее, ожесточеннее и безжалостнее борьба; объективация целей противостоящих групп интересов усиливает жестокость борьбы; конфликты прежде единых групп отличаются крайней жестокостью; чем больше в борьбе применяются средства насилия, тем больше внутреннее единство противоборствующих групп; наличие общего противника повышает до предела единство группы; борьба между членами группы за объективные ценности и социальные блага полезна для группы в целом и потому поддерживается ею[1].

Наиболее ожесточенной формой социального конфликта являются войны. Идея решения внутренних или внешних проблем за счет военной силы очень древняя идея. Война, с одной стороны, – это убийство людей, разрушение существующих материальных и культурных ценностей, ликвидация социальных структур, отношений и порядков, с другой стороны – это творческий социальный процесс, в ходе которого создаются новые общества и государства. Война – это крайняя форма использования силы как метода социального творчества.

Как показывают исследования П. Сорокина[2], идея использовать военную силу для социального творчества чаще обретает сторонников тогда, когда общество и государство находятся на подъеме. По мнению социолога, в исторических судьбах наций бремя войны, абсолютное и относительное, как правило, возрастает в периоды экспансии – политической, социальной, культурной

---

[1] Абель Т. Социология: Основы теории / Т. Абель; Пер. с польск. В.П. Макаренко. 2-е изд. М., 2006. С. 68–69.

[2] См.: Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика / Пер. с англ., вст. статья и комментарии В.В. Сапова. М., 2006.

и территориальной. По крайней мере, войны в эти периоды становятся столь же частыми, как и в периоды упадка[1]. В данной гипотезе П. Сорокина по существу содержится утверждение о том, что бремя войны ложится на нацию тогда, когда она хочет этой войны либо когда она находится в упадке; это тоже объяснимо, поскольку ослабление страны всегда ведет к тому, что у соседей появляется желание воспользоваться этой слабостью и отнять часть территорий или богатств.

Война есть реализация идеи войны. Воюет либо тот, кто хочет воевать, либо тот, кто не может от этого уклониться. Не объективные факторы, а идея – вот основная причина войны. Объективные факторы способствуют укоренению в сознании людей либо идеи войны, либо мира. Военная мощь соседа создает условия для миролюбивых мыслей в общественном сознании, а слабость, напротив, – для милитаристских. И наоборот, своя военная мощь является благоприятной почвой для идей о военном решении существующих или мнимых проблем с соседями.

П. Сорокин пишет, что в «истории нации большинство периодов ее интенсивного развития в политической, социальной, экономической, нравственной и интеллектуальной сферах – то есть самые блестящие периоды ее истории, периоды высшего великолепия, могущества, величия и гения, как правило, являются и периодами наивысшего милитаризма и воинственности. Обратное утверждение, однако, менее достоверно. Нельзя утверждать, что всякий период войны и максимальной воинственности непременно является и периодом великолепия и процветания»[2]. Периоды воинственности и процветания действительно причинно связаны, но связь эта не прямая, одно не является причиной другого, но оба эти явления могут быть следствием одних и тех же причин.

Периоды процветания являются хорошей средой для развития как идеи воинственности, так и развития культуры. Расцвет культуры не есть следствие войны, а есть результат общего развития общества. Также и сильное общество более склонно к войне, нежели слабое. Никто не начинает войну, заведомо зная, что проиграет ее. При этом оказывается неверным распространенное мнение, что якобы демократические государства гораздо менее воинственны, чем автократические; например, в XIX веке демократическая Франция не была более миролюбивой, чем «автократические» Германия, Россия или Испания[3].

---

[1] Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика / Пер. с англ., вст. статья и комментарии В.В. Сапова. М., 2006. С. 714.

[2] Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика / Пер. с англ., вст. статья и комментарии В.В. Сапова. М., 2006. С. 718.

[3] П. Сорокин пишет: «Данные о динамике войны показывают, что войны случаются в периоды как процветания, так и депрессии; и при автократическом, и при демократическом режимах; в странах со всеобщей грамотностью и с преобладающей безграмотностью; в аграрных и индустриальных обществах; у “либеральных” и “консервативных” народов; среди представителей разных рас и национальностей; и в сравнительно простой, и в сложной международной об-

Нет однозначной связи между процветанием и обязательной воинственностью государства, так же как нет ее и с культурным развитием, которое более зависит от идейных причин, нежели от материальных. Гении рождаются и в бедных странах, а хорошие материальные условия вовсе не гарантируют появления гения, но создают условия для развития одаренных людей; таким образом, процветающее государство способно устойчиво развиваться за счет среднеодаренных личностей. Бедное, неразвитое общество может сделать рывок только за счет прорывных идей, созданных гением, но они не рождаются по заказу и их невозможно вырастить искусственно, поэтому культурное процветание более прочно связано с развитием благосостояния обществ, хотя истинно прорывные идеи создают гении, которые могут появиться в любом обществе, как, например, гений Чингисхана, создавшего не только великую армию, но и великое государство. Чингисхан, как и Александр Македонский или Наполеон, был великим социальным творцом, создавшим новые социальные формы.

§4. Структура общества

Социальное пространство

Общество неоднородно, то есть определенным образом структурировано сначала в сознании человека, а затем и в реальности, – это то, что в социологии называют социальным пространством[1].

Основные идеи социального пространства были сформулированы Питиримом Сорокиным в его классической работе «Социальная мобильность», вышедшей в 1927 году. В ней он подчеркивал невозможность совмещения или даже сравнения таких понятий, как «геометрическое пространство» и «социальное пространство». По его утверждению, человек низшего сословия может физически соприкоснуться со знатным человеком, но это обстоятельство нисколько не изменит существующие между ними экономические, престижные или властные различия, то есть не уменьшит существующую социальную дистанцию. Таким образом, два человека, между которыми существуют значительные имущественные, родственные, должностные или иные социальные различия, не могут находиться в одном социальном пространстве, даже если они стоят обнявшись. Кроме того, П. Сорокин определил, что социальное пространство многомерно. Это означает, что в одних общностях индивид может занимать высокий социальный статус, а в других он может быть значительно ниже. Следовательно, каждая личность в обществе живет в

становке; в обществах с разными религиями, разной плотностью населения и т. д., и т. п.». См.: Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика / Пер. с англ., вст. статья и комментарии В.В. Сапова. М., 2006. С. 706, 718–719.

[1] Пространство – фундаментальное (наряду с временем) понятие человеческого мышления, отображающее множественный характер существования мира, его неоднородность. Множество предметов, объектов, данных в человеческом восприятии одновременно, формирует сложный пространственный образ мира, являющийся необходимым условием ориентации любой человеческой деятельности. См.: Философский энциклопедический словарь. 2010.

нескольких социальных пространствах, связанных между собой таким образом, что изменение одного статуса меняет другие статусы или позиции, находящиеся в других социальных измерениях[1]. В соответствии с теорией П. Сорокина каждый занимает в обществе несколько статусов в различных социальных структурах, что позволяет нам говорить не о социальном пространстве, а о социальных пространствах, каждое из которых структурировано. Показатели статусов каждого из индивидов различны. Так, богатый человек (то есть занимающий достаточно высокий статус в социально-экономической структуре) может иметь невысокую должность в организации, а следовательно, крайне низкий должностной статус.

Важный вклад в разработку теории социального пространства внес П. Бурдье. Он называет социальным пространством[2] логически мыслимый конструкт, своего рода среду, в которой осуществляются социальные отношения. По его мнению, это не физическое пространство, но оно стремится реализоваться в нем более или менее полно и точно.

Социальное пространство, считает П. Бурдье, можно описать и как совокупность полей, специфических однородных «под-пространств» (например, поле литературы, экономическое поле и т. п.), власть над которыми дает обладание дефицитными благами – капиталом. Именно распределение различных видов капитала (экономический, культурный, социальный, символический) в социальном пространстве и структурирует его[3]. В рамках идеалистического подхода то, что П. Бурдье называет капиталом, – это идеальная ценность, а значит, этой ценностью капитал является не объективно, а лишь в рамках конкретного господствующего мировоззрения. Нет ценностей вечных, объективных, данных человеку извне, – все они историчны, идеалистичны и субъективны. Исходя из этого можно утверждать, что система ценностей, определяемая господствующим мировоззрением, структурирует общество, причем сначала идеально, в сознании человека, и лишь затем объективно, в обществе.

П. Бурдье пишет: «На базе знания пространства позиций можно вычленить классы в логическом смысле этого слова, то есть класс как совокупность агентов, занимающих сходную позицию, которые, будучи размещены в сходных условиях и подчинены сходным обусловленностям, имеют все шансы для обладания сходными диспозициями и интересами и, следовательно, для выработки сходной практики и занятия сходных позиций. Этот класс на бумаге имеет теоретическое существование, такое же, как и у любой теории: будучи продуктом объяснительной классификации, совершенно сходной с той, что

---

[1] Фролов С.С. Социология. М., 1994. С. 134.

[2] «Когда мы говорим о социальном пространстве, то имеем в виду прежде всего то, что нельзя объединять любого с любым, невзирая на глубинные различия, в особенности на экономические и культурные различия. Однако все это никогда полностью не исключает того, что можно организовать агентов по другим признакам деления: этническим, национальным и т. п., которые, заметим в скобках, всегда связаны с более глубинными принципами...». См.: Бурдье П. Социология политики /Пер. с фр. М., 1993. С. 61.

[3] Бурдье П. Социология политики /Пер. с фр. М., 1993. С. 40.

существует в зоологии или ботанике, он позволяет объяснить и предвидеть практики и свойства классифицируемых, и, между прочим, поведение, ведущее к объединению в группу. Однако реально это не класс, это ненастоящий класс в смысле группы, причем группы "мобилизованной", готовой к борьбе; со всей строгостью можно сказать, что это лишь возможный класс... Что существует, так это пространство отношений»[1].

П. Бурдье считает, что нельзя отождествлять реальный и сконструированный класс, как это принято в марксистской традиции.

В рамках идеалистического подхода социальное пространство формируется ценностями господствующей мировоззренческой системы. История показывает, что в обществах с разным мировоззрением различны не только очевидно зависимые от ценностей позиции – такие, как престиж, власть, положение в обществе, но и биологически определяемые – возраст, пол, раса. Например, в мировоззренческих системах различно положение стариков: в одних они уважаемые «аксакалы», в других – никчемный балласт, который мешает жить молодым. Отношение к расовым отличиям в коммунистической и капиталистической системе мировоззрения также было различно.

Сущность социальных общностей

Люди в ходе взаимодействия образуют большое множество социальных групп. Самой большой человеческой общностью является общество.

Первым, кто обнаружил отличие современного индустриального общества, от предшествующего ему, традиционного, был Ф. Теннис. В соответствии с его концепцией общество заключает в себе различные отношения и объединения людей и является, таким образом, продуктом человеческой воли. Теннис различает «волю» двух типов: а) естественная – основа «гемейншафта» (общины) и б) рациональная – основа «гезельшафта» (общества). Первая характеризует прежде всего традиционное общество, а вторая – индустриальное. Такие общества отличаются друг от друга на основе доминирующих в них норм, которые, в свою очередь, устанавливаются ценностями господствующего мировоззрения.

Определяя задачи социологии, Ф. Теннис писал: «...мы хотим познать и изучить не только те умонастроения и движущие силы, которые соединяют одних людей с другими, удерживают их вместе, побуждают или стимулируют их к совместным действиям и взаимодействию, но и, прежде всего, возникающие вследствие этого продукты человеческого мышления, необходимые для сохранения и поддержания общей сущности (gemeinsames Wesen). Последние находят свое завершение в таких важных формах, как община (Gemeinde), государство, церковь, часто принимаемых за элементы действительности, а иногда и за нечто сверхъестественное»[2].

---

[1] Бурдье П. Социология политики /Пер. с фр. М., 1993. С. 59, 60.

[2] Теннис Ф. Общность и общество//Теоретическая социология: Антология: В 2-х ч. / Пер. с англ., фр., нем., ит. Сост. и общ. ред. С.П. Баньковской. М., 2002. Ч. 1. С. 97.

Общество в том понимании, в котором понимал его Теннис, возникло в рамках государства, – до этого существовала общность. Исходя из этого можно предположить, что государство не есть результат развития общества в современном его понимании: это два социальных образования, института, которые возникли независимо друг от друга из разных социальных идей. Они тесно связаны друг с другом и оказывают сильное влияние друг на друга. Общество существует в рамках государства, государство формирует общество, его структуру; одновременно и общество оказывает влияние на государство, меняя его и направленность его деятельности через общественное мнение, влияние отдельных социальных групп. Государство, существующее в лице чиновников, находится в обществе и подвергается такому же влиянию со стороны общества, как и другие его члены. Вместе с тем, обладая властью, чиновники сами активно влияют на общество.

Общество состоит из множества социальных групп, представляющих собой некоторое число людей, взаимодействующих друг с другом на регулярной основе и обладающих некими общими социальными характеристиками.

В истории довольно часто приходится встречаться с действием такой социальной общности, как толпа. Природа ее поведения впервые была разработана Г. Лебоном в конце XIX века. Согласно теории заражения Лебона, толпа оказывает гипнотическое влияние на своих членов. Защищенный анонимностью, обеспечиваемой большим числом людей, человек избавляется от личной ответственности и заражается общими эмоциями. Таким образом, толпа разжигает эмоции и заставляет людей совершать иррациональные и даже насильственные действия.

Согласно современным взглядам, представленным Р. Тернером и Л. Киллиан, если людей объединяют схожие интересы, то в толпе могут возникнуть некоторые образцы поведения и люди по ходу дела создают собственные правила.

Тернер считает, что первоначально люди в действующей толпе имеют различные мотивы и установки. В ходе взаимодействия этих индивидов в толпе начинают с большой скоростью образовываться новые нормы. Их творцами будут немногие, наиболее активные личности. В том случае, если эти нормы не устраивают большинство толпы, данные личности смещаются и на их место приходят новые активные люди. Нахождение в замкнутом пространстве и наличие идентичных целей способствуют быстрому принятию возникающих норм или отказу от них, социальному контролю за их соблюдением со стороны большинства. Действия личностей становятся однонаправленными и относительно упорядоченными, толпа начинает действовать. Таким образом,

поведение людей в значительной степени определяется принимаемыми решениями, хотя случайные наблюдатели могут это и не осознавать[1].

Психические состояния человека, а также массовые психические состояния, возникающие в толпе и других больших группах людей, не способны сформулировать идею, которая стала бы целью социального действия. Создание идей – это прерогатива индивидуального сознания. Массовые психические состояния являются объективной рамкой, в которой эти идеи существуют. Чувства, эмоции, переживания и т.п. могут способствовать или препятствовать реализации идеи, но выработать новую идею, которая ляжет в основание социального действия, они не могут. Выработка идей – функция рационального сознания.

Особым типом социальных групп является организация – большая ассоциация людей, действующих на основании неличных связей, созданная для достижения специфических целей. Организации по большей части спроектированы – учреждены с определенными целями и располагаются в зданиях или на физических пространствах, специально сконструированных, чтобы помочь в достижении этих целей[2]. Здания, в которых функционируют больницы, школы или заводы, являются материальной частью организации.

О. Конт считал, что общая сумма групповых представлений есть ядро единомыслия, которое обеспечивает саму возможность социальной организации: «Надо осознать тот факт, что появление любого общества связано с наличием системы общих представлений, которая ограничивает оригинальность индивидов. Никакая общность интересов и чувств не может обеспечить устойчивость даже крохотного общества, если отсутствует единство мнений. Оно необходимо для предотвращения и корректировки неизбежных разногласий» [3].

Э. Дюркгейм полагал, что социальные группы обладают действительной силой подобно физической, хотя данная сила действует иначе. Он считал, что силы, действующие в человеческих коллективах, по происхождению обладают действительным бытием и не являются только идеальными или вербальными конструкциями: «Это не словесные сущности, а реальности sui generis, которые можно измерять, сравнивать по величине, как это делают по отношению к интенсивности электрических токов или источников света»[4]. Аналогично физическим данные силы являются внешними и воздействуют на индивидов извне. Интенсивность коллективной жизни зависит от количества и веры в коллективные представления (идеи, верования, обычаи и привычки).

---

[1] Масионис Дж. Социология /Пер. с англ.: З. Замчук, С. Комаров, А. Смирнов. СПб., 2004. С. 691–693.

[2] Гидденс Э. Социология. М., 2005. С. 205.

[3] Цит. по: Абель Т. Социология: Основы теории / Пер. с польск. В.П. Макаренко. 2-е изд. М., 2006. С. 98.

[4] Цит. по: Абель Т. Социология: Основы теории / Пер. с польск. В.П. Макаренко. 2-е изд. М., 2006. С. 22.

Как считает Ф. Знанецкий, социальная группа есть объект культуры, поэтому ей надо приписывать такой смысл, который содержится в сознании членов группы. Главный принцип его подхода содержится в суждении: единство группы есть фикция, возникающая в сознании ее членов. Представление членов группы в ее действительном существовании влияет на их поведение. При этом Знанецкий утверждал о наличии фундаментального подобия представлений отдельных индивидов. Речь идет о коллективных представлениях людей о группах, членами которых они являются. Эти представления выражаются в образах общества, которые возникают в определенных условиях. После выработки такого образа он воздействует на людей более или менее единообразно. Иначе говоря, существует подобие между концепцией группы и чувствами индивидов по отношению к ней. Это подобие базируется на общем фундаменте опыта и наблюдения[1].

Каждый индивид выделяет некоторое множество групп, к которым он принадлежит, и определяет их как «мои». Другие группы, к которым не принадлежит индивид, будут им классифицироваться как «другие». Отношения между группами строятся на основе ценностей, которые они разделяют[2].

Поскольку общества базируются на общих идеях, то, когда люди в этих идеях разочаровываются, данные общества распадаются на более мелкие, основанные на других идеях. В кризисное время государство, как самая крупная общность, может распасться на несколько частей, причем содержание этих частей будет определяться теми идеями, которые разделяют люди сообщества, образующего эту часть.

Таким образом, общество состоит из социальных групп, различающихся прежде всего их целями, а соответственно этому и составом участников. Даже в таких аморфных образованиях, как толпа, могут существовать общие цели, обусловленные общностью разделяемых идей.

Социальные общности возникают исторически на основе общих идей. Однажды созданные формы социальных групп затем могут тиражироваться и использоваться для реализации идей, отличных от первоначальных. Когда люди разочаровываются в идее, сформировавшей общность, эта общность распадается.

---

[1] Абель Т. Социология: Основы теории / Пер. с польск. В.П. Макаренко. 2-е изд. М., 2006. С. 35.

[2] Весьма характерен исторический пример, приведенный американским писателем Г.Р. Тревор-Рупером: «Англичане XVII в. обычно были терпимыми и человечными. Даже в гражданских войнах и революции они постоянно помнили, что их противники такие же, как и они сами, а потому они были мягкими и великодушными в сражении. Оливер Кромвель шел впереди своего века в пропаганде этой терпимости. Но, когда Кромвель вторгся в Ирландию, он совершенно изменил свой характер по отношению к противнику. Для него и его приближенных ирландец был совершенно отличен от англичанина. В английской армии, как и в английском обществе, сложилось мнение, что ирландцы не люди, а только несколько напоминают людей. Это мнение укреплялось официальной пропагандой. И англичане в соответствии с этой установкой вели себя по отношению к ирландцам крайне жестоко». Цит. по: Фролов С.С. Социология. М., 1994. С. 115.

Основания социальных неравенств

Наиболее влиятельные теоретические подходы к теории социальных неравенств были разработаны К. Марксом и М. Вебером. Их идеи легли в основу почти всех последующих стратификационных концепций.

Э. Гидденс считает, что взгляды основных теоретиков классовой системы и теории стратификации «совпадают в одном: материальные ценности, в особенности капитал, являются базисным показателем классовой системы»[1]. Действительно, материальные ценности, лежащие в основе благосостояния, и стремление к неограниченной прибыли – базовые ценности рационалистической капиталистической мировоззренческой системы, поэтому не случайно, что именно эта ценность стала основным показателем для существующей группировки неравенств в капиталистическом обществе. С точки зрения идеалистического подхода она правомерна и применима для анализа капиталистического общества; в социальных системах, построенных на других основополагающих ценностях, эта концепция работает намного хуже или не работает вовсе.

Классы и страты – это искусственно сконструированная идеальная модель реальности (идеальный тип), имеющая к этой реальности такое же отношение, какое имеет к ней любая модель[2].

В рамках идеалистического подхода марксистская классовая структуризация общества может использоваться только отчасти, поскольку отражает ценностную систему периода классического капитализма, при котором место в системе производства действительно играет значительную роль, и главными социальными ценностями становятся ценности материальные. Поэтому марксистская классовая теория более или менее адекватно работает в мировоззренческой системе, соответствующей классическому капитализму. Для докапиталистических[3] и посткапиталистических общественных форм нужны иные системы классификации людей.

Недостаток современных теорий неравенства применительно к истории заключается в том, что они базируются на теориях, созданных в рамках рационалистического мировоззрения, поэтому часто в основу структурирования общества кладутся современные критерии, а не те, которые реально его формировали. Богатство не всегда было главным критерием неравенства. В религиозном обществе духовность имела гораздо большую ценность, чем

---

[1] Гидденс Э. Социология. М., 2005. С. 160.

[2] Вместе с тем классовая идея, созданная Марксом, оказалась настолько убедительной, что, проникнув в сознание большого числа людей, стала мощной классообразующей силой. Без этой идеи рабочий класс не стал бы тем, чем он стал. Можно с уверенностью сказать: ничто не способствовало формированию реального рабочего класса больше, чем марксистская теория.

[3] В докапиталистическом обществе деление по месту в производстве и распределении материальных благ не отражало ценностей господствующей религиозной мировоззренческой системы. Например, в отношении истории России докапиталистического периода лучше работает сословное деление.

богатство. В таком обществе высшую ступеньку в общественных неравенствах занимали те лица, которые хранили и защищали веру[1].

В существующей социологической традиции классы и страты – это группировка, проведенная по некоторым объективным признакам, присущим людям: например, уровню дохода и образования или проживанию в городах или селах. При этом предполагается, что эти внешние по отношению к людям условия будут определять их внутреннюю идейную сущность, исходя из которой можно будет объяснить их прошлое поведение и предсказать будущее.

Действительно, те или иные группы людей в силу объективных причин расположены к тому, чтобы быть носителями тех или иных идей, определяющих их поведение, но это не значит, что именно эти причины и породили данные идеи. Более того, объективные обстоятельства не мешают некоторым людям иметь идеи, нетипичные для их материального и объективного положения. Так, социологические опросы свидетельствуют, что практически нет групп людей, сформированных по какому-либо объективному признаку, которые бы разделяли одни и те же идеи, одинаково мыслили, а значит, и действовали.

Конечно, каждый человек индивидуален и имеет свой набор идей и основанных на них действий, однако наиболее близкими по идеям и действиям будут люди, имеющие одинаковое мировоззрение, а не сходные условия жизни. Хотя даже наличие одинакового, например православного, мировоззрения не гарантирует идентичности в религиозных мыслях, поскольку некоторые христианские ценности могут быть интерпретированы по-разному. Тем не менее наиболее точной группировкой, отражающей отличие одного человека как члена социума от другого, будет группировка по мыслям, по идеям.

Идея о том, что социальные условия играют роль объективно-материальной рамки, подтверждаются исследованиями К. Мангейма, выяснившего, что одни и те же идеи с различной силой действуют в различных социальных условиях. Более того, внутри статичного общества с очень незначительной вертикальной мобильностью различные слои различным образом воспринимают мир: например, это довольно отчетливо проявлялось в России XVIII – XIX вв. в существовании двух культур – верхов и низов. Это не означает, что объективная и материальная реальность создает определенные идеи в сознании людей; это означает, что та реальность, в том числе и социальная, в которой существуют люди, ограничивает усвоение ими одних идей в силу их несоответствия господствующему мировоззрению или реальности и, напротив, подтверждает другие, которые и становятся доминирующими у людей, принадлежащих к данной социальной группе. Так, М. Вебер в своей социологии религии показал, как одна и та же религия

[1] В период Святой Руси юродивый как носитель святости занимал социальную позицию, которую совершенно невозможно объяснить, исходя из рационалистического мировоззрения.

зачастую различно воспринимается крестьянами, ремесленниками, торговцами, знатью и интеллигенцией.

В обществе, разделенном на замкнутые сословия или касты, где вертикальная мобильность очень незначительна либо создаются замкнутые, изолированные друг от друга представления о мире, эти представления и даже религиозная вера интерпретируются различно, в соответствии с жизненным укладом данного сословия. Последнее обстоятельство служит объяснением того факта, что различные типы мышления отдельных сословий не объединяются в одном сознании, в одном интеллекте и поэтому не становятся, по мнению К. Мангейма, проблемой. Решительное изменение происходит тогда, когда возникает коммуникация между изолированными ранее слоями общества и начинает действовать социальная циркуляция. Развивавшиеся до сих пор независимо друг от друга формы мышления и опыта проникают в одно и то же сознание и заставляют интеллект обнаруживать непримиримость противоречивых концепций мира. Например, в процессе демократизации методы мышления и идеи низших слоев впервые могут быть противопоставлены идеям господствующего слоя на равном уровне значимости и заставить человека, мыслящего в их рамках, подвергнуть фундаментальному переосмыслению объекты своего мира[1]. Такие процессы приводят к социальным потрясениям в обществе, и связаны они со сменой господствующих мировоззренческих типов или парадигм.

Изначально социологический инструментарий был разработан исходя из позитивистского и материалистического взглядов на мир, отсюда – ориентированность на объективные показатели при группировке людей в социальные общности. Однако в связи с тем, что объективные условия являются не причиной, определяющей действия людей, а лишь рамкой, которая благоприятствует или препятствует усвоению идей, на которых основаны социальные действия человека, то и проявления этих идей и действий будут наблюдаться лишь статистически. При этом в действиях людей первичны все же не объективные условия, а идеи, лежащие в основе их действий[2]. Внешние объективные факторы благоприятствуют или препятствуют восприятию тех или иных идей, но не предопределяют их создания и даже усвоения. Поэтому люди одной группы, сформированной по какому-то объективному признаку, разделяют одни и те же идеи только с долей вероятности. Если другая группа людей, вычлененная по иному объективному признаку, в меньшей степени разделяет эти идеи, значит условия, в которых она (эта группа) существует, менее благоприятны для того, чтобы признать данные идеи действенными и

---

[1] Мангейм К. Диагноз нашего времени. М., 1995. С. 11–12.

[2] Именно поэтому, например, в среде дворянства в XIX веке появились первые революционеры, которые хотели изменить строй, в котором власть принадлежала дворянству. А в конце XX века в среде партийной коммунистической элиты появились люди, задавшиеся целью изменить коммунистический строй, хотя никаких объективных условий для зарождения именно в этой социальной среде антикоммунистических идей быть не должно.

верными. Поэтому она будет воспринимать иные идеи, а значит, ее действия будут отличаться от действий других людей.

Деление общества на классы по объективным признакам – это деление по вторичному признаку. Суть человека составляет его сознание, а не среда, в которой он находится. Суть человека то, что он думает, а не уровень дохода, статус и т.п. – это все объективно-материальная рамка, которая способствует либо препятствует укоренению в сознании человека тех или иных идей (путем проверки их на истинность по отношению к социальной действительности). По причине того, что классы, в их марксистском понимании, образуются по вторичному признаку, то они отражают сущность человека (состояние его сознания) лишь статистически, то есть с долей вероятности, – в той мере, в какой объективно-материальная рамка позволяет укорениться некоторым господствующим в данном обществе идеям в сознании человека, обладающего конкретными объективными характеристиками – доходом, местом в системе производства и распределения и т.п.

Социальные неравенства существуют объективно. Они формируются на основе господствующих в обществе ценностей. Наверху социальной пирамиды находятся те, кто обладает наиболее ценными, с позиций господствующего мировоззрения, качествами, статусом, престижем, функциями. Внизу социальной пирамиды – те, кто с позиции господствующего мировоззрения осуждается. В обществе, сформированном религиозным мировоззрением, наверху социальной пирамиды находятся те, кто хранит и защищает веру. А среди осуждаемых могут оказаться банкиры, ростовщики, то есть богатые люди. В социуме, формируемом рационалистической парадигмой, наверху оказываются те, кто раньше относился к низам общества – третье сословие, буржуазия.

Конечно, господствующее мировоззрение играет решающую роль в создании социальных неравенств, но идеи создают люди, а значит, они способны изменять некоторые мировоззренческие аспекты[1]. Так, в православном обществе царь становится на вершину социальной пирамиды с помощью идеи «помазания на царство», которая напрямую не вытекает из христианской доктрины и была создана позже, для того чтобы специально обосновать высочайший статус правителя. Партийная элита, занявшая высшие социальные позиции в СССР, никоим образом не была предусмотрена марксистским уче-

[1] В обществе, где господствующее мировоззрение числит материальные ценности среди главных жизненных целей, то есть важнейшей мировоззренческой ценностью, обладание материальными ценностями может изменять положение значительных групп людей в социальном пространстве. Например, военные могут иметь высокий статус за счет того, что они защищают значимую идею – например, православие, коммунизм или свободу. Сегодня, когда такой общезначимой и разделяемой большинством общества идеи нет, для обеспечения высокого статуса военных властью решено поднять им зарплату, переместив военнослужащих вверх по социальной лестнице за счет высоких заработков. Противоположный пример – духовенство, которое в массе своей не имеет больших доходов, но стоит высоко в социальной иерархии за счет непрерывно повышающегося авторитета Церкви и ценности православной идеи.

нием, ее высокий статус был обоснован учением о партии, разработанным В. Лениным и И. Сталиным и органично встроенным в марксистско-ленинскую теорию.

Рационалистическое мировоззрение в основу социального деления кладет такие идеальные ценности, как деньги и капитал, религия – веру в Бога.

Если материальное богатство – в числе главных ценностей капиталистического общества, значит те, у кого много денег, займут место во главе иерархии, потому что это ценность господствующего мировоззрения. В древних обществах главной ценностью были воинские качества, поэтому высшую ступеньку в обществе занимали воины, полководцы, а банкиры, обладающие богатством, были презренными ростовщиками. В религиозном обществе духовенство занимало место в элите, а в атеистическом советском оно было на самом низу социальной пирамиды.

Классификация больших групп людей может проводиться по различным основаниям. В рамках идеалистического подхода естественная группировка будет проходить по содержанию людей, то есть тому, какие идеи содержит их сознание. Группировки по внешним объективным признакам будут вторичными и искусственными. Богатство, статус, отношение к власти – это производные господствующего в обществе мировоззрения. Такая группировка имеет право на существование, но она вторична, а потому всегда статистична, то есть при ее осуществлении главные человеческие признаки, составляющие содержание личности – ее идеи, будут проявляться с долей вероятности. Это всегда четко фиксирует социология. Ни в одной большой группе, составленной по какому-либо объективному признаку, нет полного единомыслия ни по одному вопросу, потому что внешние признаки играют роль объективной рамки, в которой существуют идеи. Наличие культурных и идейных различий в классах, сформированных по объективным признакам, объясняется тем, что в похожих объективно-материальных условиях усваиваются примерно одинаковые идеи. Однако объективные обстоятельства никогда полностью не определяют содержания сознания представителей класса. История знает много примеров, когда в сознании представителей господствующих классов зарождались идеи, в корне противоречащие их «классовым интересам»[1].

Характер процессов мобильности во многих обществах и социальных группах различен и зависит от особенностей господствующего мировоззрения общества или группы.

---

[1] Например, декабристы, В.И. Ленин да и большинство профессиональных русских революционеров были выходцами из дворян и буржуазии, а вовсе не из рабочих, хотя и создали идеологию рабочего класса. Для обоснования этого феномена в марксизме-ленинизме была создана специальная теория, объясняющая, что рабочий класс за неимением времени сам не может создать собственной идеологии и поэтому за него это делают его классовые враги, причем почему-то класс, который они представляют, согласно марксистско-ленинской теории должен быть ликвидирован.

Одни общества имеют мировоззрение, препятствующее различным видам социальной мобильности, другие более или менее свободно допускают как социальные подъемы, так и социальные падения. В открытых классовых обществах господствующие идеи позволяют их членам подниматься и опускаться по статусам, составляющим структуру социума, на основе собственных усилий и способностей. В закрытых классовых обществах каждая социальная позиция предписана религией индивиду от рождения, и, какие бы усилия он ни предпринимал, общество исключает для него социальный подъем или социальное падение. Одним из обществ, близким к закрытому, было кастовое общество в Древней Индии. Кастовое деление напрямую вытекало из религиозных представлений общества, строилось на них и ими обосновывалось. В Европе такая идея не стала господствующей, поэтому кастовой системы здесь не сложилось, зато сложилась система сословий. Классовая система сначала существовала как научная абстракция К. Маркса, однако, по мере распространения этой идеи, она стала формировать реальное классовое общество.

Общество есть продукт творчества человеческого сознания. Это не означает, что оно существует лишь в голове человека; нет, оно получает начало существования в сознании, а затем, в результате коллективного творчества, оформившись в систему идей, формирует реальное общество. Как все человеческое творчество, социальная структура первоначально создается субъективно и идеально, а затем осуществляется объективно и материально, однако первична идеальная реальность, а объективная – вторична.

> *Л. Мизес утверждает: «Любая существующая структура общества является продуктом предварительно продуманных идеологий. В обществе могут возникнуть новые идеологии и вытеснить старые, тем самым преобразовав общественную систему. Однако общество всегда является творением идеологий, предшествующих ему по времени и логически. Деятельность всегда направляется идеями; она реализует то, что спланировало мышление»*[1].

Общество как социальную структуру создают люди. В истории это чаще делалось неосознанно, но иногда и сознательно. Например, формирование дворянства как сословия Петром I и Екатериной II – вполне осознанный процесс.

Таким образом, можно утверждать, что формирование социальных неравенств происходит, прежде всего, в соответствии с господствующими мировоззренческими системами.

Идеалистический подход считает первичной идейную группировку, классификация по объективным признакам – это вторичная группировка по тем факторам, которые это идейное содержание или ограничивают, либо способствуют его усвоению, однако не предопределяют его возникновения.

Для того чтобы понять социальные действия групп людей и предсказать их поведение, нужно знать идеи, которые господствуют в их сознании и которые

---

[1] Мизес Л. Человеческая деятельность: Трактат по экономической теории / 2-е испр. изд. Челябинск, 2005. С. 322.

будут определять их действия. Только таким образом можно предсказать поведение социальных групп.

Нации как социальные общности

Важным видом исторически сложившейся устойчивой социальной общности людей являются этносы[1]. Племена, народности и нации[2] – это социальные общности, построенные на идеях общего происхождения, общей истории, культуры и языка. Эти общности различаются по количеству объединяемых людей, что определяется техническими возможностями коммуникации между ними. Первоначальной общностью был род, затем, когда несколько родов смогли взаимодействовать между собой и это позволило им осознать себя единой общностью, спаянной общими ценностями, было сформировано племя. Возможность объединения нескольких племен привела к формированию народности. Условия для объединения людей создаются не в социальной сфере, поэтому выглядят по отношению к ней как внешние объективные и материальные факторы, способствующие формированию национально окрашенного социума. На самом деле эти факторы – результат человеческой деятельности в технической, экономической, культурной областях, которые, в свою очередь, являются итогом реализации идей человеческого сознания в этих сферах.

Этническая принадлежность характеризуется культурными обычаями и мировоззрением, выделяющими и обособляющими данную группу людей. Члены этнических групп считают себя отличающимися в культурном отношении от остальных социальных сообществ и таким же образом воспринимаются остальными группами в обществе. Для выделения этнических групп может служить множество различных характеристик, но чаще всего используются язык, история или происхождение (реальное либо вымышленное), религия, стиль одежды и украшений. Этнические различия являются полностью приобретенными[3].

В условиях Нового времени на основе быстро распространяющегося рационалистического мировоззрения формируются новые крупные этнические общности – нации. Ряд взаимосвязанных явлений образуют нацию – это общая идея, язык и история. Без общей истории нет содержания нации. Содержание народа – это то, что этот народ есть в истории. История формирует содержание народа. Без общей идеи не существует цели существования нации как общности. Язык обеспечивает понимание членов новой общности. Все

---

[1] Некоторые этносы могут быть очень устойчивыми, таковы, например, цыгане. Но часто этносы взаимодействуют, перемешиваются и сливаются в более крупные этнические образования. Так, китайцы – это совокупность многих этносов, Для обозначения подобных сложных форм этнических связей вводится понятие «суперэтнос». Русский суперэтнос образовался из смешения восточных и западных славян, угрофиннов, балтов, тюрков и других этнических групп.

[2] Согласно М. Веберу, нация – человеческое сообщество, объединенное общностью языка, религии, обычаев и стремящееся к созданию собственного государства.

[3] Гидденс Э. Социология. М., 2005. С. 181.

остальные признаки являются атрибутивными: территория, государство, религия и т.п. Нации тесно связаны с так называемой высокой культурой, созданной в Новое время.

Социальный механизм образования наций заключается, по мнению Э. Геллнера, в том, что большая группа людей (скажем, жители определенной территории или носители определенного языка) твердо признает определенные общие права и обязанности по отношению друг к другу в силу объединяющего их членства. Именно взаимное признание такого объединения и превращает их в нацию[1].

Этнические социальные образования формируются идеей общности происхождения. Первоначально они создавались на основе идеи прямых или косвенных кровнородственных связей, причем эти связи могли быть очень отдаленными, фиктивными и даже воображаемыми, представленными в виде мифологического общего предка, например родоначальника племени. К таким этническим общностям относятся род и племя. На базе идейного единства, выражающегося в общей культуре и истории, языке, хозяйственных связях, формируются народности. С их созданием может быть связана и государственность данного народа.

Прямой связи между формами этнических общностей (в т.ч. и наций) и государственностью нет[2], поскольку они создаются различными идеями, однако довольно часто в основу национальной идеи ложится идея образования или защиты государства. Нации создаются на базе различных идей – коммунистических, либеральных, патриотических и др.

По мнению Б. Андерсона, люди представляют себе нацию как ограниченное, построенное на принципе исключения сообщество, полагают, что оно является (или должно быть) суверенным и заслуживает некоторых жертв, в конечном счете даже собственной жизнью.

Одной из характеристик национальной принадлежности является феномен национального самосознания. Личность, осознавая себя частицей нации, воспринимает как свои собственные историю своей страны и национальные ценности – религию, письменность, национальный язык, достижения в духовной культуре, вклад нации в мировую культуру и т.п. Национальное самосознание основано на исторической памяти, на культурных традициях, оно складывается в психологическую установку личности. Однако национальное сознание может и разделять людей.

Считается, что нации формирует идея национализма, однако необходимо отметить, что содержание национализма у всех наций различно по своему

---

[1] Геллнер Э. Нации и национализм: Пер. с англ./Рец. и послесл. И.И. Крупника. М., 1991. С. 35.

[2] Может быть, для наций, не имеющих государства, оно и является величайшей ценностью, как, например, для поляков, но думается, что в каждом конкретном случае нация формировалась специфической идеей. У каждой нации своя национальная идея. Универсальной национальной идеи нет.

содержанию. Универсальной идеи, формирующей нации, не существует, то есть национализм – понятие, подразумевающее комплекс конкретных идей, создающих конкретную нацию. Каждая нация формируется своей идеей. Нации часто стремятся создать собственное государство[1].

Различные этнические общности сосуществуют в истории, при этом новые зачастую не вытесняют старые, а надстраиваются над ними. Энтони Смит утверждает, что этническая идентичность не является новым изобретением. Уже давно существовали народности, историю которых можно проследить – по крайней мере в Европе и на Среднем Востоке – в течение веков, если не тысячелетий. Он определяет народности как человеческие популяции, носящие определенное имя, с общими мифами происхождения, историей и культурой, с привязанностью к конкретной территории и чувством солидарности.

Считается, что нации есть продукт преимущественно Нового времени, поскольку только в это время в результате идейной работы в области техники, экономики, государственного строительства были сформированы необходимые объективные предпосылки для их создания. Особую роль в формировании наций сыграло, по мнению Э. Геллнера, развитие так называемой высокой культуры и государственности. В эпоху капитализма именно эти объективные факторы способствовали реализации национальных идей. Возникновение наций тесно связано с развитием идеи национализма.

В «Идее национализма» Г. Кон так описывает его создание: «Национализм, как мы его понимаем, возник не ранее второй половины XVIII века Его сила впервые проявилась во время Французской революции, которая придала новому движению небывалый размах и динамизм. В конце XVIII века национализм проявился почти одновременно в ряде далеко удаленных друг от друга стран Европы. Наступило его время в развитии человечества. Хотя Французская революция была одним из мощнейших факторов роста и распространения национализма, она отнюдь не означала его рождения. Как любое историческое движение, национализм имеет свои корни в далеком прошлом. Условия, сделавшие его появление возможным, складывались в течение веков»[2]. Для Кона «Национализм – не естественное явление, не результат действия “вечных” законов, а продукт роста социальных и интеллектуальных факторов на некоторой стадии истории»[3].

---

[1] Часто, хотя не всегда, этническая группа входит в состав политического образования, именуемого нацией-государством; или просто страной либо нацией. Но иногда группа, считающая себя нацией, разделена политическими границами. Например, в результате раздела Германии на зоны после Второй мировой войны возникли два германских государства. Последователи иудейской веры часто говорят о себе как о нации. Они создали страну в Израиле, но евреи живут во многих нациях-государствах. С другой стороны, нация–государство может включать в свой состав несколько народностей и даже наций.

[2] Цит. по: Этнос и политика: Хрестоматия. М., 2008. С. 108.

[3] Цит. по: Сидорина Т.Ю., Полянников Т.Л. Национализм. Теории и политическая история. М., 2006. С. 124.

Оформление наций в национальное государство в Новое время связано с усилением государственного механизма, который является наиболее мощным орудием социального творчества и более всего подходит для реализации национальной идеи. Государство не самоцель, государство – орудие, которое может служить целью, если у нации еще нет своего государства.

Не все нации формируют государства, и не все государства могут образовать нацию. Нация не есть результат экономического развития, иначе во всех существующих развитых странах нации были бы сформированы уже в начале XX века. В Австро-Венгрии, например, создать нацию так и не удалось. Не была она образована ни в царской, ни в современной России. В дореволюционной России национальной идеей было православие, но поскольку только половина жителей империи были православными, то остальных эта идея не вдохновляла, и они удерживались в рамках империи в основном силой. Имперская идея была слаба и не смогла сформировать нации, состоящей из представителей различных исповеданий. А в Советской России нация была создана – ею являлся советский народ; она была сформирована в феноменально короткие исторические сроки и еще быстрее распалась, как только создавшая ее коммунистическая идея исчерпала себя[1].

Идея нации закрепляется в национальной истории, способствуя формированию национального сознания.

Таким образом, нации, как большие человеческие общности, связанные общей целью, – результат идей и ценностей Нового времени. Идея нации стала удобным орудием создания внутренне единых и крепких, а значит, сильных государств. Некоторые нации создавались вокруг реальных целей: например, французская нация была создана идеями Великой французской революции, советский народ – идеями коммунизма. Это примеры, когда в национальной идее содержится проект прекрасного будущего, ради которого люди готовы идти на смерть. Такие идеи создают сильные национальные государства. Если национальная элита неспособна создать сильную идею, то она может взять на вооружение стандартный образец, который заключается в том, что «моя» нация лучше других, а другие – хуже моей. Причины обязательно найдутся, вспомнятся старые обиды, исторические прецеденты и т.д. Такая национальная идея не содержит внятных идейных ориентиров, кроме четкого указания врагов, например: «Бей жидов – спасай Россию», но что де-

[1] Интересно, что в Советском Союзе национализм считался негативным явлением. СССР был нацелен на создание всемирного государства рабочих и крестьян, поэтому национализм был заменен интернационализмом; при этом парадокс заключается в том, что нацию образовывала в том числе и идея, отрицающая национализм как явление. Системообразующей национальной идеей советского народа был коммунизм, в который интернационализм входил составляющей частью. Если бы нация формировалась не идеей, а какими-то объективными факторами, то логично было бы предположить, что советский народ сохранится хотя бы в рамках России, но он бесследно исчез с крахом СССР. Люди, составлявшие нацию, остались, а сама нация исчезла, не оставшись даже в виде осколка хотя бы в одной постсоветской республике.

лать после «уничтожения врагов», как правило, непонятно: считается, что затем все проблемы нации решаются автоматически[1].

Современные исследователи национализма[2] отмечают, что хотя история национализма как идеологии относительно недавняя, тем не менее за это время он, по мнению Э. Хобсбаума, превратился в явление мирового значения и в один из крупнейших, если не самый крупный, фактор современной истории[3].

Возникновение национализма во многом было предопределено развитием философской мысли Европы, приведшей к созданию национализма как идейной и политической программы этнической общности. «Именно национализм порождает нации, а не наоборот»[4]. По мнению Б. Андерсона, национализм – это своего рода гражданская религия современного общества, сулящая человеку бессмертие в вечном существовании нации, к которой он себя причисляет в своем воображении. Из такого понимания национализма вытекает решающая роль интеллектуалов в создании и распространении националистической идеологии. Интеллектуалы создают символы, образы и понятия, которые придают национализму определенную направленность.

Л.Г. Ионин следующим образом описывает механизм создания нации на основе объединяющей идеи: «Великая история и славное прошлое – это просто сказка, сложенная местными интеллектуалами, но до тех пор, пока она не стала образом жизни населения. А тогда она превращается в миф, причем такой, против которого бесполезно и бессмысленно предостерегать, ибо это значит предостерегать человека против него самого, против его собственной жизни, какая она есть. Мифологическая идентичность – это подлинная национальная идентичность, и уже на ее основе создаются культурная и политическая “надстройки”. Это не миф, который отражает прошлое, а миф, который представляет собой сегодняшнюю реальность»[5].

Э. Геллнер считает, что национализм – это, прежде всего, политический принцип, суть которого состоит в том, что политическая и национальная единицы должны совпадать[6]. Политическая программа национализма состоит в том, что группы, определяемые как «нации», имеют право формировать тер-

---

[1] О том, что это не так, показывают примеры новейшей российской истории. После того как с рынков изгнали торговцев нерусских национальностей, выяснилось, что русские не смогли их полноценно заменить, и прежних торговцев были вынуждены вернуть за прилавки. То же произошло в среднеазиатских республиках, где производство развалилось, когда из этих государств под натиском национализма бежали русские специалисты.

[2] Национализм – это комплекс идеологических представлений и политической практики, в котором центральное место занимают интересы нации. Идеологи национализма полагают, что главным видом социальных связей являются связи национальные и главным субъектом истории – этнические общности, сотрудничающие или – чаще – враждующие между собой. Эти идеологи приписывают своему народу особые исторические заслуги и историческую миссию, призывают людей служить этой миссии, пренебрегая другими интересами.

[3] Сидорина Т.Ю., Полянников Т.Л. Национализм. Теории и политическая история. М., 2006. С. 53–55.

[4] Геллнер Э. Нации и национализм: Пер. с англ./Рец. и послесл. И.И. Крупника. М., 1991. С. 127.

[5] Ионин Л.Г. Социология культуры: путь в новое тысячелетие. 3-е изд., доп. и перераб. М., 2000. С. 171.

[6] Геллнер Э. Нации и национализм: Пер. с англ./Рец. и послесл. И.И. Крупника. М., 1991. С. 23.

риториальные государства того стандартного образца, который утвердился со времен Французской революции. На практике националистическая программа обычно выражается в осуществлении самостоятельного контроля над территорией максимально большой протяженности с четко установленными границами, занимаемой однородным населением, которое и представляет собой значимое единство граждан.

Национальная принадлежность – не врожденное человеческое свойство и не пробуждение древней, скрытой, дремлющей силы, хотя часто оно воспринимается именно как таковое. Э. Геллнер утверждает, что нации, как и государства,– всего лишь случайность, а не всеобщая необходимость. Ни нации, ни государства не существуют во все времена и при любых условиях. Государство, безусловно, возникло без помощи нации. Некоторые нации, несомненно, сложились без благословения своего собственного государства[1]; однако еще Гегель видел в государстве способ реализации наций: «Нации могут пройти большой исторический путь, прежде чем они осуществят свое предназначение – оформить себя в виде государства».

Национализм является специфической разновидностью патриотизма, которая распространяется и начинает доминировать только при определенных социальных условиях культурной однородности и собственной системы образования. Такие условия создаются достижениями идейной работы в культурной области лишь в современном мире, и нигде больше[2].

Таким образом, в основе этнических общностей лежат идеи, их формирующие. В результате создания соответствующих условий происходит укрупнение этносов. Сегодня самой большой этнической общностью является нация. В основе нации лежит национализм – комплекс идей, объединяющих людей в нацию.

Расы и расизм

Отличие людей по ряду наследуемых признаков привело в XIX веке к созданию понятия расового отличия. Расы изначально не являлись социальными общностями, однако постепенно на их основе формируются различные общественные образования.

Опыт говорит нам о том, что люди, внешне отличающиеся от нас, имеют значительные отличия и в своем внутреннем содержании; и это действительно так. Культуры негров, индейцев, китайцев длительное время развивались независимо от европейской культуры и поэтому имеют значительные отличия в своем идейном содержании.

Г. Лебон пишет: «Духовные свойства расы представляют собой не только синтез живых существ, из которых она состоит, но главным образом синтез длинного ряда предков, способствовавших ее образованию. Не живые, но мертвые играют выдающуюся роль в существовании народа. Они – творцы его мо-

---

[1] Геллнер Э. Нации и национализм: Пер. с англ./Рец. и послесл. И.И. Крупника. М., 1991. С. 34.
[2] Геллнер Э. Нации и национализм: Пер. с англ./Рец. и послесл. И.И. Крупника. М., 1991. С. 280.

рали и бессознательные двигатели его поведения. В качестве главных факторов развития культуры следует указать, наряду с характером, идеи... Каждая культура возникает из небольшого числа общепринятых основных идей»[1].

Негр так же отличается от русского внутренне, как и внешне. То же можно сказать и об отличии негра от европейца. Наиболее остро проблема отношений негров и европейцев стоит в США. За чернотой кожи там порой не видят главного – негры отличны от европейцев прежде всего по своему содержанию, и его невозможно изменить, поскольку оно сформировано исторически.

Исторические действия всегда рациональны и обусловлены существующим на данный момент мировоззрением. Когда европейцы завоевывали свои колонии, они не рассматривали их жителей как настоящих людей, в лучшем случае это были люди второго сорта либо еретики, не желающие отказаться от своей веры и упорствующие в своих заблуждениях. Даже самые либеральные[2] из поселенцев считали себя высшими существами по отношению к коренному населению. Тот факт, что большинство туземных народов имели на этот счет прямо противоположное мнение, мало значил, поскольку у европейцев были все возможности отстоять свои убеждения. В соответствии с этими идеями формировалось и отношение к населению колоний.

Столетия рабства формировали в мировоззрении негров негативное отношение к белым. В свою очередь белые тоже чувствовали угрозу, исходящую от своих бывших рабов. Этот страх рожден той исторической несправедливостью, источником которой были белые. Они понимают, что у них есть причины бояться справедливой мести негров. Для того чтобы этой несправедливости не было, надо либо переписать историю, либо исправить настоящее: например, сделать белых рабами черных. И то и другое пока невозможно[3].

В русской истории был похожий момент, когда на Руси на 250 лет установилось татаро-монгольское господство. Народный фольклор сохранил крайне негативное отношение к татаро-монголам, однако позднее, в реальной истории, русские освободились от ига и, в свою очередь, подчинили себе потомков завоевателей. Можно спорить, насколько русская форма господства отличалась от татаро-монгольской; несомненно то, что русские реально сполна отомстили за столетия унижений и гнета, поэтому в их сегодняшнем сознании нет комплекса боязни наследников татаро-монголов.

---

[1] Зомбарт В. Социология/ Пер. И.Д. Маркусона. М., 2003. С. 68, 69.

[2] На протяжении почти всего периода европейской экспансии этноцентрические воззрения были широко распространены среди колонистов, полагавших, что они несут свет цивилизации остальному миру.

[3] Примерно такая же ситуация сложилась в США в отношении белых с индейцами, миллионы которых были вырезаны европейцами. Историческое содержание мировоззрения индейца – это идея о том, что его народ был уничтожен, а земли отобраны европейцами. Никакие сегодняшние подачки со стороны правительства не изменят этого исторического содержания. Его могут изменить только либо реальное прощение индейцами европейцев, либо большая европейская кровь. Сегодня невозможно представить, что могло бы породить реальное прощение индейцами своих поработителей. Победить в новой войне с белыми индейцы пока тоже не способны.

Э. Гидденс пишет: «...мнение человека о черных или о евреях может основываться на нескольких прочно укоренившихся идеях, в соответствии с которыми он интерпретирует всю соответствующую информацию»[1]. Расовые отличия являются, прежде всего, индикатором идейных отличий. Например, русские индифферентно относятся и к неграм, и к индейцам, потому что в реальном историческом содержании русского человека нет ни негативно, ни позитивно окрашенных идей, формирующих отношение к неграм или индейцам. Это отношение пока не наполнено никаким содержанием. По мере активизации взаимодействия с представителями этих рас русское мировоззрение будет наполняться новым содержанием, которое создаст определенное отношение.

Рассовые и национальные отличия выливаются в конфликты не потому, что у представителей народов разный цвет кожи или разрез глаз, а потому, что у них разное идейное содержание, обусловленное исторически. Европейцев чаще всего встречали вполне гостеприимно и дружелюбно во время их первых визитов к другим народам. Однако негров белые считали порождением дьявола и относились к ним соответственно. Как выразился один писатель XVII века, черные «и цветом, и сутью своей не что иное, как воплощенья дьявола»[2]. Поэтому сегодняшняя ненависть к белым со стороны негров, да и иных рас, вполне понятна и объяснима; и виноваты в этом сами европейцы.

«Отцом современного расизма» иногда называют графа Жозефа Артура де Гобино (1816–1882), который утверждал, что существуют три расы: белая, черная и желтая. Белая раса обладает более высокими умственными, моральными и волевыми качествами, именно эти врожденные черты лежат в основе распространения западного владычества во всем мире. Черные – наименее способные из трех рас. По своему уровню они близки к животным, низкоморальны и эмоционально неустойчивы.

Идеи де Гобино и других, имеющих подобные взгляды, первоначально предлагались просто как научные теории, однако вскоре на их основе был сформирован расизм как мировоззренческая идея, определявшая расизм и как социальную практику.

Расизм не столько оправдывал, сколько формировал колониальное владычество европейцев над небелыми народами. Работорговля не могла бы существовать, если бы среди европейцев не было широко распространено мнение о принадлежности негров к низшей, возможно полуживотной, расе. Без расизма, возможно, не было бы колонизации в том виде, в котором она проходила. Например, в России не было отношения к народам Сибири и Севера как «недочеловекам», поэтому и завоевание их не закончилось ни истреблением, как североамериканских индейцев, ни рабством, как африканских негров.

---

[1] Э. Гидденс Социология. М., 2005. С. 293.
[2] Jordan W. White Over Black. Chapel Hill, 1968. P. 24.

Р. Парк называет расовые, национальные и классовые отношения предрассудками[1]. Однако это оценочное суждение не соответствует реальности. Эти отношения не предрассудки, а реальное историческое содержание сознания представителей различных рас, наций, классов. Если европейцы до 1960-х гг. официально угнетали население своих колоний, а теперь вынуждены перестать это делать, то это никоим образом не меняет отношения к ним. Теперь, когда гуманизм стал одной из господствующих идей европейского сознания и все люди наконец признаны людьми, отношение к жителям бывших колоний реально резко изменилось, однако это не может изменить исторического содержания сознания населения стран третьего мира. Изменить сложившиеся отношения невозможно без радикальных действий обеих сторон. Улучшение отношения со стороны угнетателей к угнетенным – не повод для последних пересматривать свой исторический опыт. Поэтому удивление европейцев на отсутствие любви со стороны обитателей бывших колоний сродни удивлению русских на отношение к ним со стороны жителей Кавказа, на покорение которых ушло 60 лет.

То, как история формирует отношение к тем или иным народам, мы можем наблюдать на примере постсоветского общества. Так, в Советском Союзе отношение к среднеазиатским народам было вполне положительное и уважительное, как к добрым соседям по большой стране – СССР. Однако после 1991 года положение изменилось, и в условиях, когда узбеки и таджики приехали, чтобы делать грязную работу в России, к ним появилось сначала презрение, которое те сразу же почувствовали, а затем и боязнь, когда на это презрение приезжие ответили соответствующим поведением. Узбеки и таджики ведут себя в России так, как повел бы в недружественной обстановке любой другой народ. В лицо они улыбаются, но, когда возможно, они мстят, что выражается и в росте преступности, которая обусловлена в том числе и желанием мести за те унижения, которым подвергался человек со стороны русских на работе и в быту.

Русский, приезжая в ближнее зарубежье, тоже часто сталкивается с негативным отношением к себе, причем оно чаще всего прямо пропорционально тем историческим обидам, которые потерпели от русских те или иные народы. Если в Средней Азии русские сделали немало не только отрицательного, но и хорошего, то и отношение к ним со стороны этих народов лучше, чем, скажем, со стороны прибалтов, которые рассматривают русских как оккупантов.

Таким образом, расовые отличия являются индикатором глубоких внутренних, содержательных мировоззренческих отличий, обусловливающих отношения между представителями различных рас.

---

[1] Предрассудок – ложный, но укоренившийся в сознании взгляд на что-нибудь. См: История слов.

Цивилизация как социальная общность

Самой большой человеческой общностью на сегодня является цивилизация. Границы цивилизаций размыты, критерии неопределенны; все это дает основания для произвольного толкования этого понятия. Цивилизации образовались в результате самостоятельного развития некоторых идей, которые сформировали культуру этих цивилизаций. Отличие различных цивилизаций определяется, во-первых, отличием базовых идей, которые лежат в их основе, а во-вторых, историческим развитием, которое формирует содержание этих цивилизаций, в том числе и культурное. По мнению Э. Дюркгейма, «Цивилизация обязана своим существованием кооперации ассоциированных индивидов и сменяющих друг друга поколений; следовательно, она есть результат главным образом социального творчества. Именно общество ее создало, общество ее хранит и передает индивидам. Именно от него мы ее получаем. Цивилизация – это совокупность всех благ, за которые мы назначаем самую высокую цену; это совокупность наивысших человеческих ценностей»[1].

Россия определенно принадлежит к европейской цивилизации. Есть три крупных идейных влияния, которые наложили отпечаток на особенности русской культуры, – это язычество, православие и монгольское влияние. Конечно, перечисленные неевропейские влияния имеют большое, но не критическое значение, не меняющее европейской сущности российской культуры. В постмонгольское время все базовые идеи были заимствованы на Западе и адаптированы к российским реалиям, что требует отнести ее к европейской цивилизации, а не выделять в отдельную цивилизационную общность, как это сделал А. Тойнби.

Основу русской культуры последовательно составляли славянское язычество, православие и коммунизм. Две последние концепции – европейские. Первая, язычество, возможно, отличается от европейских языческих воззрений, однако формирование цивилизационной общности началось в постязыческое время. Племена не могли создать цивилизацию, которая была напрямую связана с государственным периодом развития.

Выводы

В основе социального творчества лежит способность индивидуального человеческого сознания создавать идеальную социальную реальность и воплощать ее в объективном материальном мире в форме социальных отношений, взаимодействий, явлений, процессов, структур, материальной инфраструктуры и пр. Основными формами социального творчества являются убеждение, насилие и принуждение. В материальной действительности элементы социальной реальности осуществляются с помощью труда.

---

[1] Дюргейм Э. Определение моральных фактов //Теоретическая социология: Антология: В 2-х ч. / Пер. с англ., фр., нем., ит. Сост. и общ. ред. С.П. Баньковской. М., 2002. Ч. 1. С. 31.

Идеи, формирующие социальную реальность, создаются из ничего и представляют собой образец человеческого творения. Психология человека, объективные и материальные факторы играют роль объективно-материальной рамки, затрудняющей или облегчающей реализацию этих идей. На формирование социальных идей решающее влияние оказывает господствующее мировоззрение. Идеи, создаваемые в других сферах человеческого творчества – технической, научной, экономической, в искусстве, влияют на социальные идеи как непосредственно, так и опосредованно через формируемую человеком искусственную среду. Общества, создаваемые на основе различных мировоззренческих парадигм, коренным образом отличаются друг от друга. В них действуют разные закономерности, образуются различные социальные системы.

Накапливаясь, социальные идеи создают все более сложную социальную реальность. Наибольшие изменения в обществе производят новые идеи, в наименьшей степени – связанные с существующей социальной реальностью; именно их воплощение в социальную реальность формирует принципиально новые общественные явления. Для изменения общества необходимо прежде всего изменить идеи, лежащие в его основании. Наибольшие изменения в социуме происходят в случае смены базовых мировоззренческих идей, сформировавших данный тип общества.

Общество существует в идеальном виде – в индивидуальном человеческом сознании и в объективном – в мире реальном. При этом субъективный и идеальный образ общества первичен, а объективный и реальный – вторичен. Каждый человек создает свою картину общества. Относительное единство социального мира в различных индивидуальных сознаниях обеспечивается единством идей, формирующих эти картины. Тем не менее нет двух совершенно одинаковых образов общества, а следовательно, нет и двух одинаковых обществ.

Поскольку субъективно существующие идеи определяют действия людей в объективном мире, то по отношению к другим людям они являются объективным фактором. В свою очередь, идеи, заимствованные у других людей и ставшие частью идеального мира человека, действуют на него как внешняя, объективная сила.

Социальные идеи, однажды созданные человеком, обособляются от своего создателя и могут сохраняться в виде текстов, символов и пр., а также развиваться в результате творчества других людей, формируя новую социальную реальность. Общество как идеальное образование существует вне человека в форме идей, оно становится реальностью, когда эти идеи усваиваются другими людьми и начинают определять их социальное поведение.

Идеи лежат в основе общественного сознания, определяя действия больших групп людей, формируя объективные общественные отношения и структуры. Конфликты идей приводят к конфликтам в объективном мире.

Ценности, как наиболее важные идеи господствующего мировоззрения, формируют социальное пространство и структуру общества, систему неравенств, этнические и классовые различия, отношения представителей различных рас и цивилизаций.

ГЛАВА II

ВЛАСТЬ, ГОСУДАРСТВО, ПОЛИТИКА

§1. Теория власти в рамках идеалистического подхода

Определение власти

В рамках идеалистического подхода власть – это возможность одного человека или группы лиц реализовывать свои идеи при помощи других людей.

Власть не существует в природном мире, это вид человеческих отношений – отношений между людьми и группами людей[1].

Власть – это отношения, возникающие между субъектом власти и ее объектом, при котором субъект способен заставить объект выполнить то, что он хочет. Эти отношения возникают в разных сферах из разных идей. Например, отношения власти родителей над детьми возникли из одной идеи, отношения командир–солдат – из других. Нет единой идеи, сформировавшей все виды власти, но есть идея, сформировавшая универсальный инструмент, который человек применяет в тех случаях, когда это оказывается возможным или необходимым. Основания для применения властных отношений диктует содержание идеи.

В природе одни особи не используют других как инструмент для реализации своих идей, прежде всего, вследствие отсутствия последних. Власть есть изобретение человека, это социальный универсальный способ (инструмент) реализации идей с помощью мобилизации усилий других людей. Люди в этом случае выступают как средство и как инструмент.

Используя власть как инструмент в социуме, один человек или группа людей достигают своих целей самого разнообразного спектра. Цели определяются в соответствии с мировоззрением тех людей, которые владеют властью. Для осуществления своей власти люди используют убеждение, принуждение и силу, которые сами по себе властью не являются.

Власть может быть направлена как на решение созидательных, творческих задач, так и разрушительных, как коллективных, так и индивидуальных. Часто она используется исходя из интересов власть имущих, при этом сами эти

---

[1] Ледяев В.Г. Концепции власти: аналитический обзор // Антропология власти. Хрестоматия по политической антропологии: В 2-х т./ Сост. и отв. ред. В.В. Бочаров. Т. 1. СПб., 2006. С. 92.

интересы определяются их мировоззрением. Власть может использоваться для создания социальных институтов, проведения реформ, строительства государства, а может удовлетворять самые низменные интересы и потребности человека, ею обладающего.

В основе власти лежит убеждение людей, составляющих данное общество, в необходимости исполнения указаний носителя власти. Это убеждение основывается на мировоззренческих идеях: например, о том, что царь – помазанник Божий, или власть имущий – строитель светлого будущего, знающий, как его построить. Даже если власть осуществляется с помощью силы, тем не менее в ее основе лежит убеждение, поскольку тот, кто применяет силу, должен быть убежден в необходимости и правомерности ее применения. Основание власти лежит вне власти, оно лежит в идеальной области[1], в сфере мировоззрения. Насилие, принуждение и убеждение являются только инструментами ее реализации.

В древних малых социальных группах физическое превосходство рождало власть: кто сильнее, тот и правит. Однако для этого тоже было нужно убеждение тех, кем правят, в правильности такого порядка, поскольку нет человека, который был бы сильнее нескольких десятков и сотен человек. Власть, основанная только на физической силе, возможна в отношении лишь нескольких человек, и она не долговечна: она проходит, как только меняется соотношение силы носителя власти и управляемых.

Физическая сила дана человеку как биологическому существу, однако в обществе чаще всего используется не физическая сила носителя власти, а сила, убеждение и принуждение, которые осуществляют люди, составляющие аппарат этой власти. Сами они физическому насилию со стороны верховной власти не подвергаются, но применяют ее по отношению к подвластным слоям населения. Аппарат выполняет распоряжения верховной власти в силу различных причин: традиции, материального интереса, религиозных убеждений, общей цели в строительстве «светлого будущего» и др. Подвластное население всегда многократно превосходит силы власти и ее аппарата (исключение составляет завоеванная страна или угнетаемая социальная общность), поэтому без веры и убеждения населения в необходимости и легитимности власти последняя не продержалась бы и дня. Власть является властью лишь потому, что таковой ее считают подданные.

Власть, построенная на одной силе, может осуществляться только в отношении людей «чужой» социальной общности, чужого племени, народа, государства. Такая власть обычно создается в ходе войны и затем поддерживается

---

[1] Подтверждение этому мы, в частности, находим у А. Кожева, который пишет: «Вообще говоря, у человека больше Власти после его смерти, чем при жизни: завещание обладает большей Властью, чем отданное живым распоряжение; обещание более значимо после смерти того, кому оно было дано; указаниям умершего отца более послушны, чем его указаниям при жизни, и т. д. Причина этого заключается в том, что против умершего невозможна никакая реакция». Кожев А. Понятие Власти. М., 2006. С. 24–25.

преимущественно насильственными средствами. Однако даже в этом случае те, кто применяет насилие, должны быть убеждены в том, что они поступают правильно. Убивать людей, даже если они враги, – занятие противоестественное и поэтому требует убедительного идейного обоснования. Например, для европейцев в Австралии такое обоснование заключалось в том, что они не считали аборигенов людьми, так же они относились и к неграм. Часто враги создаются на основе различия веры, расы, нации или идейных убеждений. Нигде людей не убивают просто так, из любви к убийству; исключение, возможно, составляет каннибализм, но в данном случае люди удовлетворяют свою биологическую потребность в пище, во всех остальных случаях они удовлетворяют социальные потребности, которые по своим последствиям превосходят любую каннибальскую войну.

Особенно сильно теории, провозглашающие примат насилия в природе власти, были распространены в XIX – первой половине XX вв. Марксизм провозгласил, что власть, прежде всего государственная, держится на насилии, а само государство есть аппарат насилия одного класса над другими; эти идеи были впоследствии широко растиражированы и применены на практике[1].

А. Кожев считает, что «употребление Власти не только не тождественно использованию силы (насилия), эти два феномена взаимно исключают друг друга. Вообще говоря, для употребления Власти следует ничего не делать. Обязанность вмешиваться посредством силы (насилия) указывает на то, что Власть отсутствует. И наоборот, невозможно принудить людей (не применяя силы) к совершению чего-то, что они самопроизвольно не делают, без вмешательства Власти»[2].

Современные исследователи власти придерживаются в основном веберовской позиции, согласно которой власть состоит в способности индивида А добиться от индивида Б соответствующих воле А поведения или воздержания от действий, с которыми Б в противном случае не согласился бы. При этом Б должен подвергнуться если не насилию, то по крайней мере принуждению, для осуществления воли А. Но в истории мы видим, как огромные массы мужчин по призыву власти добровольно идут на войну, а колоссальные стройки социализма притягивают тысячи и тысячи молодых людей, и при этом по отношению к ним не применяют ни насилия, ни принуждения. В обычной мирной жизни очень мало принуждения и насилия со стороны власти. Да, многие требования власти предполагают возможность применения насилия, но используется оно крайне редко – может быть, один раз на миллион актов проявления власти. Поэтому утверждение о том, что власть держится на насилии, противоречит существующей реальности. Исследования антропологов свидетельствуют, что в примитивных обществах насилия еще

---

[1] Например, в Китае. Мао Цзэдун: «Власть вырастает из ствола винтовки».
[2] Кожев А. Понятие Власти. М., 2006. С. 20.

меньше. В несвободном обществе, например в крепостнической России, были сотни тысяч помещиков, которые осуществляли власть над миллионами крепостных, однако случаи насилия были крайне редки (статистики нет); но определенно подавляющее большинство властных актов помещиков не сопровождалось насилием. Насилие было исключением, причем редким.

Власть держится на убеждении управляемых в легитимности, то есть законности, требований власти. Можно сказать, что речь идет о добровольном выполнении приказов власти. Наиболее наглядный пример – армия, институт, который, казалось бы, полностью держится на насилии, однако реальная практика показывает, что в полку, насчитывающем не менее тысячи человек и где в месяц отдаются сотни, а может быть, и тысячи приказов командирами различного уровня, тем не менее случаи ареста единичны, а порой их не бывает в течение нескольких месяцев. Другие меры дисциплинарного воздействия – такие, как наряд вне очереди, применяются чаще, но есть военнослужащие, которые ни разу за всю свою службу не подвергались взысканиям, связанным с насилием или принуждением. Среди офицеров таких абсолютное большинство. Человеку, знающему армию изнутри, совершенно ясно, что этот институт построен не на насилии[1], а на убеждении в необходимости защищать Родину, существующий режим и власть.

На насилие опирается только слабая власть, неслучайно Э. Тоффлер утверждает, что насилие – низкокачественная власть. Сильная власть осуществляет свои функции, не встречая сопротивления тех, кто выполняет ее приказы. Сила власти не в количестве штыков, на которые она опирается, а в количестве людей, внутренне согласных на выполнение властных распоряжений. Расширение масштабов насилия внутри государства, осуществляемого действующей властью, свидетельствует о том, что его социальная база сужается, люди все меньше убеждены в необходимости выполнять приказы власти. Власть становится нелегитимной.

Если идеи рождают силу власти, то сила никогда не рождает идей, поэтому первичны идеи[2].

Часто встречается утверждение, что власть – это выполнение одними людьми воли других. Однако надо понимать, что чистой воли не бывает, она всегда направлена на что-то, и ее цель определяется идеей, поэтому воля тоже лишь инструмент, а реальным содержанием, определяющим направленность любого властного акта, является идея. Власть наполняется и определяется идеей, что вызывает к жизни различные, порой самые причудливые формы.

---

[1] В данном случае не учитывается казарменное насилие, или дедовщина, которая к государственной власти не имеет никакого отношения. Это проявление власти старших над младшими, основывающееся на идее особых заслуг «старослужащих» и сложившейся традиции.

[2] Примерно об этом писал А. Кожев: «Власть, основанная на Авторитете, конечно, может пользоваться и силой; но если Авторитет рождает силу, то сила по определению никогда не порождает политического Авторитета». См.: Кожев А. Понятие Власти. М., 2006. С. 97.

В древности идея физического превосходства рождала власть: кто сильнее, тот и правит. Постепенно, по мере развития цивилизации, власть стала наследоваться. Король – символ и воплощение власти, передаваемой по наследству. В более поздние времена в символ власти превратился капитал – кто обладает им, у того власть над промышленностью, то есть и над другими людьми. Сегодня к традиционным источникам власти относят насилие, наследство, богатство. Во второй половине XX века все чаще стали писать о знании как еще об одном, специфически современном, источнике власти. Нет постоянных, вечных, «естественных» источников власти, все они историчны и социальны. Новые идеи рождали и будут рождать новые формы, реализуемые с помощью универсального инструмента власти.

Власть как универсальный способ реализации идей одних людей с помощью других наполняется новым содержанием, которое создается не во властных сферах.

Природа, сущность и содержание власти

Власть – это объективное явление. Но где она находится в объективном мире? Тюрьмы, крепости, трон или герб государства – это символы власти, но не сама власть. Остается только человек. С позиций идеалистического подхода власть, как и всякое социальное явление, берет свое начало в идеальном мире человеческого сознания и объективируется в реальности в результате человеческих действий, отношений и пр.

В природе власти нет ничего материального, вся власть держится на идеях, сформированных в субъективном сознании конкретных людей. Эти идеи становятся объективной и материальной силой только тогда, когда начинают определять действия людей. Таким образом, власть – явление идеальное по своему происхождению, она рождается в субъективном и идеальном мире, а затем с помощью специфических социальных методов – убеждения, принуждения, насилия – реализуется в объективном и материальном мире[1].

Имея идеальную природу, власть ею определяется и ограничивается тоже ею. Власть монарха как помазанника Божия не может выйти за рамки религии, на которой она основывается. Безграничная, казалось бы, власть коммунистического вождя не может требовать действий, противоречащих основам коммунистической доктрины; власть демократического парламента ограничена идеями, выражающими мнение народа. Любая, самая сильная и

---

[1] Так, наиболее распространенным в социально-политической литературе взглядом на власть является теория М. Вебера, которая определяет три типа господства: харизматическое, традиционное и рационально-лигитимное. Все они основываются на идеальном: харизматическое господство – на вере в исключетельные качества лидера (за редким исключением реально отсутствующие); в традиционном обществе власть базируется на убеждении в правильности освященных веками традициях и обычаях; в рационально-легитимной системе – на вере в правильность и нужность созданных правил, норм, принципов, законов.

абсолютная власть не может преступить те идейные опоры, на которых она держится, в противном случае она лишится своей силы и падет.

Содержанием власти являются идеи, которые ее породили, а формой – отношения подчинения, с помощью которых эти идеи реализуются. Идей, которые являются содержанием власти, создано уже довольно много. Например, Б. де Жувенель считает, что в числе идей, движущих людьми во власти, – эгоизм и стремление к благу общества. Действительно, эти идеи присутствуют в людях власти. Однако нельзя сказать, что эгоизм является решающим, поскольку ни один правитель долго не продержится на одном эгоизме. Никто не поддержит человека на выборах, если он заявит, что идет во власть, чтобы удовлетворить собственный эгоизм; и даже если он этого не заявит, а будет лишь в этом заподозрен. Тем не менее эгоизм во власти присутствует, но не он рождает власть – он ее уменьшает. Идея общего блага может рождать власть, религиозные идеи создают прочную власть, сильным стимулом является вера в «светлое» будущее. Мощным мотивом для человека власти может являться возможность творчества, которая раскрывает его сущность и делает подобным Богу. Однако единой идеи, которая бы была содержанием власти, не существует[1].

Из идейной основы власти вытекает то, что она не имеет фиксированного объема. В зависимости от силы идей, которые создали власть, она может быть сильнее или слабее. Одни и те же идеи в разное время и в различных обстоятельствах могут обладать разной силой, увеличивая или уменьшая силу власти, которая на них базируется. Власть, как и все в социальном мире, созданном человеком, зависит от творческих способностей человеческого разума.

Власть имеет свой потенциал, который реализуется в чрезвычайных ситуациях в форме насилия. Чем она прочнее, тем большее масштабное насилие по отношению к собственному обществу она может себе позволить; однако парадокс заключается в том, что идейно сильной власти нет нужды применять силу. В ее применении нуждается слабая власть, но лимит силового решения проблем у нее ограничен силой идей, на которые она опирается, что свидетельствует о неэффективности силовых методов внутри собственного государства вообще[2]. В каждый конкретный момент сила власти, как и всякая потенция, не может быть с точностью определена, ее реальный потенциал может выявить только действие.

---

[1] Впрочем, Б. де Жувенель считает, что «единственная теория, которую можно было бы считать отвечающей фундаментальному условию объяснения всякой Власти, это теория божественной воли; св. Павел сказал: «...ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены» – и это даже при Нероне дало теологам объяснение, единственно способное охватить все случаи Власти». См.: Жувенель Б. де. Власть: Естественная история ее возрастания / Бертран де Жувенель; пер. с фр. В.П. Гайдамака и А.В. Матешук. М., 2011. С. 49.

[2] Речь идет о неэффективности силовых методов в сравнении с методами убеждения, но власть часто обладает очень слабыми творческими потенциями в идейной области, поэтому для нее проще применить силу, чем создать новые привлекательные идеи.

Всякая власть желает упрочиться за счет дополнительных опор. Одним из таких универсальных изобретений является право, которое в форме закона закрепляет права власти и обязанности подданных. По этому поводу А. Кожев пишет, что «всякая Власть с необходимостью имеет легальный или легитимный характер с точки зрения тех, кто ее признает (это подразумевается, поскольку любая Власть обязательно является признанной Властью: не признавать Власть – значит отрицать ее, а тем самым ее уничтожать)»[1].

Важную роль в обосновании легитимности власти играют понятие времени и история. А. Кожев пишет, что во все времена, в особенности в языческой Античности, власть института «оправдывалась» его древностью. Древность рода, самого государства несла с собой не только славу, но была вполне реальным фундаментом власти. Вместе с тем прошлое обретает власть ровно настолько, насколько оно предстает в форме традиции. Столь же неоспоримой была власть будущего, которое «проявляется» в форме проекта. Наконец, настоящее обладает властью именно как настоящее. Причем несомненную власть имеет только историческое настоящее, а не «настоящее» (t = 0) физики. Власть «человека сегодняшнего дня» связана с тем, что именно он представляет «действительное». И всем этим «темпоральным» властям противостоит власть вечности, которая ссылается на «вечные принципы» [2].

Таким образом, в основе власти лежат идеи, которые определяют ее природу, сущность и содержание.

Идеи как основа власти

Различно понимаемые политические идеи с древности привлекали внимание мыслителей. Так, Платон рассматривал эфемерный и изменчивый мир как своего рода эманацию невидимого и неизменного мира идей. Как отмечал Г.В.Ф. Гегель, все, что нами мыслится, является продуктом мышления. Однако, говорил он, «мысль есть еще нечто формальное; понятие есть уже более определенная мысль; наконец, идея есть мысль в ее целостности и ее в себе и для себя сущем определении»[3]. Комплекс нескольких идей составляет политическую теорию. В рамках предлагаемого идеалистического подхода это не гегелевские идеи, создателем которых является Абсолютный дух, – это идеи, созданные человеческим сознанием, которое действует в социальном мире и не только создает его, но и существует в нем.

К. Мангейм утверждает, что конкретный человек участвует в процессе мышления, возникшем задолго до него, причем люди осуществляют процесс мышления в определенных группах и не могут быть адекватно поняты без выявления их социальных корней. Эти типы мышления зачастую сосуществуют в одном обществе, не конфликтуя друг с другом, однако в период демо-

---

[1] Кожев А. Понятие Власти. М., 2006. С. 20.
[2] Кожев А. Понятие Власти. М., 2006. С. 75.
[3] Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. М., 1993. Т. 1. С. 85.

кратизации методы мышления и идеи низших слоев могут быть противопоставлены идеям господствующего слоя на равном уровне значимости. «В этом случае эти идеи и формы мышления могут заставить человека, мыслящего в их рамках, подвергнуть фундаментальному переосмыслению объекты своего мира. Столкновение различных типов мышления, каждый из которых в равной степени претендует на репрезентативность, впервые делает возможной постановку столь рокового и столь фундаментального для истории мышления вопроса, а именно: как могут идентичные процессы мышления людей, объектом которых является один и тот же мир, создавать различные концепции этого мира»[1]. В рамках материалистического подхода решить эту проблему невозможно, ведь сознание есть лишь отражение единого для всех бытия. Идеалистический подход, с его концепцией творчества, непротиворечиво разрешает ее, поскольку картины мира – результат идеалистического творчества человеческого сознания; поэтому в принципе может существовать столько концепций[2], сколько существует человеческих сознаний. Другое дело, что не каждый человек способен на это.

Идеи, которые формируют политическую и иную реальность, необязательно научные идеи. Многие из них созданы в глубокой древности, и их авторов мы не знаем и никогда не узнаем, в каких мировоззренческих системах они были сформированы; другие определенно были созданы в рамках мифологического или религиозного мировоззрения. С позиций господствующего сегодня рационализма эти идеи считаются иррациональными, однако это неправильно. Все идеи, формировавшие реальность, разумны (вспомним гегелевское «все действительное разумно»); просто они разумны только в рамках господствующего в то время мировоззрения. Часто в политической символике и ритуалах, доставшихся нам от прошлых веков, отчетливо угадываются идеи, создавшие эти политические формы, иногда для их понимания нужно провести настоящее исследование.

Ученый застает политическую реальность уже созданной и начинает изучать ее как данность. Поскольку многие институты этой реальности созданы в глубокой древности в рамках иной мировоззренческой парадигмы, то исследователю кажется, что они созданы не под влиянием рационально действующего сознания, а под воздействием каких-то внешних, иррациональных сил. Отсюда поиски материальных и иных внешних причин, которые заставляли предков действовать иррационально. На самом деле те действовали рационально, но исходили из иных мировоззренческих основ. Особо хотелось бы подчеркнуть то обстоятельство, что донаучные идеи столь же успешно могут

---

[1] Манхейм (Мангейм) Карл. Идеология и утопия. // Антология мировой политической мысли. В 5-ти т. Т. 2. Зарубежная политическая мысль: истоки и эволюция. М., 1997. / http://www.gumer. info /bibliotek_Buks/Polit/Sem/index.php

[2] Большой проблемой является то, какие из этих концепций верно отражают реальный мир и могут быть реализованы, а какие в принципе невозможны.

быть реализованы в политической реальности, как и современные научные. Думается, что большая часть существующей ныне социально-политической реальности создана исходя из донаучных мифологических, религиозных и иных идей. В то время как древние мифологические и религиозные идеи, мысли Платона и Аристотеля определенно до сих пор формируют политическую реальность, далеко не все из созданных сравнительно недавно научных идей создают новую реальность, однако они влияют на идеальную реальность и с созданием благоприятных условий тоже могут начать формировать объективную реальность.

Жизнь политической идеи начинается с момента ее создания. В древности и в Средние века это было привилегией выдающихся мыслителей – таких, как Аристотель или Макиавелли. В современную эпоху, как считает Т.Б. Боттомор, новые политические идеи очень часто возникают и формулируются в качестве непосредственной реакции на различные ситуации, с которыми приходится сталкиваться общественным движениям, партиям и политическим лидерам. При этом интеллектуалы и их группы играют различную роль в политической практике. Наибольший вклад вносят те, кто формулирует принципы новой политической доктрины обычно в рамках какой-либо более широкой социальной теории. Это – Бентам и утилитаристы, Маркс и Энгельс, Парето и Моска, – все они являют собой примеры политических мыслителей, которые оказали влияние на политическую жизнь, давая новую ориентацию действиям классов, элит или других групп, формируя их взгляды и вовлекая в общественные движения и политические партии.

Второй тип политических мыслителей не создает новой политической теории, а адаптирует уже сформулированные концепции к существующим условиям. Некоторые из них непосредственно участвуют в политической жизни в качестве лидеров политических движений; другие же не столь явно связаны с политическими организациями. Представители академической политической науки также оказывают влияние на политическую жизнь, способствуя распространению в обществе тех или иных взглядов.

И наконец, существует тесная и постоянная связь между трудами практикующих политологов и повседневными действиями правительства и администрации.

Политические теории, философские доктрины или идеологии и политическая практика действительно находятся между собой в тесном и сложном взаимодействии. Уже с конца XVIII века большинство направлений социальной критической философии имело своей основой науку об обществе. С другой стороны, каждая значительная общественная теория, которая стремится создать новую научную конструкцию для объяснения политической жизни, в то же время воплощает в себе совершенно определенную ориентацию на решение важных политических проблем. Политические теории и доктрины ис-

пытывают влияние политических условий, в которых они формируются и развиваются, оказывая в свою очередь на них свое воздействие[1].

История позволяет понять, как возникали и осуществлялись те или иные политические идеи, а также подтверждает верность идеалистического подхода к первичности политических идей. Так, еще Конфуций, отвечая на вопрос о том, в чем состоит управление государством, на первое место среди материальных и идейных факторов поставил идейные. Он утверждал, что в случае крайней необходимости можно отказаться от вооружения и продовольствия, но не от доверия народа, поскольку «без доверия [народа] государство не сможет устоять»[2].

Э. Фегелин утверждает, что Аристотель «...конструировал понятия полиса, конституции, гражданина, различных форм правления, справедливости, счастья и т.д., он не изобрел эти термины, а наделил их созданными им значениями...»[3]. По существу, речь идет о том, что Аристотель сконструировал новую идеальную политическую реальность, которую современная западная цивилизация реализовала в объективном мире.

Смысл власти можно понять только в рамках господствующего мировоззрения, поэтому любое политическое явление понимается только исторически. Вне этих рамок власть с позиций современности кажется бессмысленной, иррациональной. Смысл власти придают господствующие ценности, которые могут быть поняты только в их историческом мировоззренческом контексте.

Власть в европейской цивилизации первоначально формировалась под влиянием мифологического[4], а затем и религиозного мировоззрения. К. Мангейм утверждает, что в каждом обществе существовали социальные группы, главная задача которых заключалась в создании картины мира для данного общества. В современном мире – это интеллигенция. В более раннее время эту роль выполняли шаманы, брахманы, средневековое духовенство. Все они обладали в своем обществе монополией контроля над формированием картины мира и над преобразованием и сглаживанием противоречий в представлениях, созданных в других социальных слоях. В рамках этих картин мира создавались отношения власти. Они не только вытекали из этой картины, но и формировались для создания и реализации главной идеи, заложен-

---

[1] Боттомор Т.Б. Политическая социология //Антология мировой политической мысли. В 5-ти т. Т. 2. Зарубежная политическая мысль: истоки и эволюция. М., 1997. / http://www. gumer. info /bibliotek

[2] Конфуций. Изречения //Политология: хрестоматия / Сост. проф. М.А. Василик, доц. М.С. Вершинин. М., 2000. С. 80.

[3] Фегелин Эрик. Представительство и существование. //Антология мировой политической мысли. В 5-ти т. Т. 2. Зарубежная политическая мысль: истоки и эволюция. М., 1997. http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Sem/index.php

[4] Как подчеркивают современные антропологи, иррациональные элементы политики в современной Африке до сих пор имеют своим основанием архаические пласты менталитета и мировоззрения. Бочаров В.В. Колониализм: общественный и культурный процессы //Антропология власти. Хрестоматия по политической антропологии: В 2-х т. / Сост. и отв. ред. В.В. Бочаров. Т. 2. Политическая культура и политические процессы. СПб., 2007. С. 73.

ной в мировоззренческой парадигме. В Средние века это была религия. Вместе с освобождением интеллектуалов от строгой церковной организации всё в большей степени получали признание иные способы интерпретации мира[1].

С того момента, как Церковь лишилась своей духовной монополии, оппозиционные группы получили возможность открыто заявить о своих, противоположных существующим, смысловых значениях, соответствующих их собственному пониманию мира. Тот, кто для одних был королем, для других стал тираном. К. Мангейм полагает: пошатнувшийся авторитет Церкви привел к тому, что абсолютистское государство, считавшее одной из своих главных прерогатив разработку собственной интерпретации мира, сделало шаг, который в ходе дальнейшей демократизации общества все более становился прецедентом. Оказалось, что политика может использовать свою концепцию мира в качестве орудия и что политика не является только борьбой за власть, но обретает свое фундаментальное значение лишь тогда, когда она связывает свои цели с политической концепцией мира. С ростом демократизации не только государство, но и политические партии стали стремиться философски обосновывать свои позиции. Сначала либерализм, затем, осторожно следуя его примеру, консерватизм и, наконец, социализм превратили свои политические взгляды в некое философское кредо, в мировоззрение с хорошо разработанными методами мышления и заранее предписанными выводами. Тем самым к расщеплению религиозного видения мира присовокупилось разделение в политических взглядах[2].

Таким образом, в рамках идеалистического подхода к истории власть основывается на идеях, созданных человеческим сознанием. Политические теории базируются и вытекают из мировоззрения, господствующего в данном обществе в данное время. Важную роль в создании и распространении политических идей играют выдающиеся мыслители и слой интеллектуалов, который существует в различном качестве во всех обществах. Политики адаптируют эти идеи к текущей ситуации и реализуют их.

Идеология

В рамках рационалистической мировоззренческой парадигмы могут одновременно существовать несколько политических концепций, объясняющих природу и цели власти; так, в Новое время создается понятие идеологии как ложного сознания[3]. По утверждению Э. Хейвуда, «никто из нас не видит мир

---

[1] Мангейм К. Диагноз нашего времени. М., 1995. С. 15–17.

[2] См.:Мангейм К. Диагноз нашего времени. М., 1995. С. 37.

[3] В современной политической мысли, вслед за К. Марксом и К. Мангеймом, распространено представление об идеологии как о «ложной» форме сознания, а характер и содержание деформированного образа реальности обусловлены конкретными социальными обстоятельствами, в которых находятся производитель и транслятор идеологии (то есть сам идеолог) и которые либо скрыты от него, либо намеренно им искажены. В этом смысле идеология опять-таки трактуется как противоположность научному постижению действительности. См.: Политология. / А.Ю. Мельвиль [и др.]. М., 2008. С. 468.

таким, каким он есть на самом деле. Мы смотрим на него через призму каких-то уже сформировавшихся представлений, предположений и теорий»[1]. Политический мир люди видят и объясняют при помощи политических идеологий – либеральной, социалистической, консервативной и др.

Общественные науки под идеологией понимают целостный набор идей, обеспечивающий цели и основу для организованных политических действий. Главные темы идеологий – та или иная картина властных отношений, «проект» будущего и политические пути его осуществления. Идеологии связывают политическую теорию и политическую практику, они основываются на определенном мировоззрении и содержат набор ценностей, теорий и доктрин, которые являются целью политических движений, лидеров, партий и групп.

В современной политической социологии под идеологией по-прежнему чаще всего понимается система идей, оправдывающих власть[2] либо обосновывающих «задним числом» действия тех или иных социальных сил[3]. С этих позиций идеология действительно «ложное сознание», а человек – игрушка в руках неких материалистических сил природы, но этот подход разделяется не всеми. Например, М. Годелье пишет: «Я не думаю, как это предполагал первичный марксизм, что представления, идеи, ценности выступают простой легитимацией предшествующих общественных отношений. Отношений, которые могли бы родиться, как если бы эти идейные реалии не существовали. Это не имеет смысла»[4]. Идеалистический подход[5] исходит из того, что человек сам творит свою судьбу, общество и окружающий мир, поэтому идеи становятся первичными по отношению как к политическому действию, так и к созданной при их помощи социальной действительности.

В рамках идеалистического подхода идеологии как ложного сознания быть не может. Поскольку идеи являются первичными в создании социального мира, то любая из них имеет право на осуществление. То, что одни из них мо-

---

[1] Хейвуд Э. Политология. М., 2005. С. 50.

[2] Э. Гидденс, к примеру, пишет: «Иногда власть связана с прямым использованием силы, но почти всегда ей сопутствует появление идей (идеологий), которые оправдывают действия власть имущих». Гидденс Э. Социология. М., 2005. С. 52.

[3] Современная политическая психология также считает, что власть создает идеи, идеологию, мировоззрение в частности, А. Конфисахор пишет: «По нашему мнению, политическая власть – это такая форма власти, которая устанавливает и регулирует систему отношений в социуме, формирует стратегическое целеобразование общества, сохраняя старую или формируя новую картину мира, мировоззрение, жизненную позицию и образ жизни». Конфисахор А.Г. Психология власти. М., 2004. С. 6.

[4] Годелье М. Воображаемое, символическое и реальное //Антропология власти. Хрестоматия по политической антропологии: В 2-х т./ Сост. и отв. ред. В.В. Бочаров. Т. 1. Власть в антропологическом дискурсе. СПб., 2006. С. 310.

[5] В рамках гегелевской идеалистической политической традиции идеи также лежат в основе изменения форм государства, однако это идеи, созданные не человеком, а Абсолютом. «...государство – это шествие Бога в мире; его основанием служит власть разума, осуществляющего себя как волю. Мысля идею государства, надо иметь в виду не особенные государства, не особенные институты, а идею для себя, этого действительного Бога». См.: Гегель Г.В.Ф. Философия права//Антология мировой политической мысли. В 5-ти т. Т. 1. Зарубежная политическая мысль: истоки и эволюция. М., 1997.

гут быть реализованы в данный момент, а другие нет, не означает ложности последних, поскольку, возможно, эти идеи будут осуществлены тогда, когда человек создаст для них подходящие условия. Например, социалистические идеи Т. Мора были неосуществимы в его время, однако в XX веке часть из них была реализована в реальном социализме. Можно говорить о нереализуемых в данный момент идеях; говорить о ложных идеях в рамках идеалистического подхода нельзя, поскольку идея, лежащая в основе социальной реальности, есть причина самой себя.

Идеология в рамках идеалистического подхода – это система идей, описывающая существующую социально-политическую реальность и предлагающая меры по ее изменению. Идеологии часто привязывают к тем или иным социальным группам, однако они всегда шире этих социальных групп и никогда не сводятся к какой-либо классификации людей, созданной по материальным или объективным признакам, поскольку идеи относятся к сфере идеального и субъективного. С позиций материалистического понимания истории, идеи правящего класса являются в каждую эпоху правящими идеями, то есть класс, выступающий главной материальной силой в обществе, одновременно является его главной умственной силой. Класс, владеющий средствами производства, одновременно контролирует производство идей[1]. С позиций идеалистического подхода правящий класс потому и стал правящим, что он выдвинул идеи, поддержанные остальным обществом и согласившимся в связи с этим на его правящую роль.

К идеологии тесно примыкают утопии, которые бывают частью идеологии, но первоначально могут существовать независимо от них. В утопии, по существу, содержится проект новой реальности. Утопия, как и идеология, содержит требование, согласно которому идея должна быть подтверждена ее соответствием реальности, а если она ей не соответствует, то реальность следует изменить.

Политические утопии – это проекты политического будущего. Утопии находят поддержку прежде всего у оппозиции, поскольку представители господствующего слоя, находящегося в согласии с существующим порядком, чаще всего не видят смысла в его смене[2].

В процессе своей жизни политическая идея проходит несколько стадий. Начинается она с утопии, после ее воплощения в политическую реальность утопия становится официальной идеологией власти и способна со временем превратиться в оправдание полномочий и привилегий нового правящего слоя, стремящегося сохранить свое господство. После победы новой идеи и

---

[1] Хейвуд Э. Политология. М., 2005. С. 51.

[2] Однако часто именно в рядах господствующего класса создается оппозиция правящему режиму: например, в царской России многие профессиональные революционеры были выходцами из дворян. При этом ими руководило не пресловутое «классовое сознание», а чуждые их классу идеи, в которые они поверили как в истинные.

смены политического строя идея, когда-то бывшая утопией, а затем официальной идеологией, превращается в реликт, пригодный в основном лишь для изучения политологической наукой. Эту закономерность подмечает, в частности, Льюис Фейер, утверждающий, что «догма – это революционная идеология предшествующего поколения, когда бывшие революционные фанатики становятся консерваторами и охранителями». Предложенный им «закон крыльев» исходит из мысли о том, что любая политическая идея в своей эволюции проходит все фазы политического спектра – слева направо или наоборот, обслуживая полярные политические силы[1].

Важнейшая черта идеологии – ее органическая связь с политикой и обусловленность политической практикой. Политика – это реализация идеологии, которая воплощается именно в сфере политического. Американский политолог К. Фридрих подчеркивает, что «идеологии неразрывно связаны с политическим процессом, ибо без идеи не бывает никаких политических действий»[2], и называет политическую идеологию «идеями-в-действии». Политическая идеология[3] отличается от совокупности неких политических идей тем, что она более целостна и систематизирована, выражена, как правило, в теоретической форме, четче формулирует лежащие в ее основе базовые принципы, сильнее настаивает на активном участии в каких-либо политических организациях.

Б. Норберто в своей работе «Интеллектуалы и власть» показывает роль и место в борьбе за власть тех, кто выдвигает идеи, и тех, кто их реализует. По его мнению, в этом процессе участвуют идеологи – то есть те, кто определяет цели, поставляет генеральные идеи, руководящие принципы и основывающиеся на них проекты. Политики, отталкиваясь от этого универсума различных, порой противоположных и противоречивых идей, имеют своей задачей определение линии действия. У практики есть свои соображения, которые теория может и не знать. Даже самая совершенная, полная и последовательная теория, для того чтобы обратиться в решение, должна быть приспособлена к обстоятельствам[4].

---

[1] См.: Политология. / А.Ю. Мельвиль [и др.]. М., 2008. С. 467.

[2] Цит. по: Политология. / А.Ю. Мельвиль [и др.]. М., 2008. С. 467.

[3] Политическая идеология – система верований, которая объясняет и оправдывает предпочитаемый данным обществом политический порядок (уже существующий или предполагающийся), а также предлагает стратегию (процессы, институциональные меры, программы) для его достижения. Это целостная система идей о политических средствах для сохранения или преобразования политического порядка... Это системы идей, связанные с действием. Обычно они содержат программу и стратегию для их реализации вместе с главной функцией объединения организаций, выстраивающихся вокруг них... Это совокупности идей, которые относятся к существующему политическому и общественному строю и нацелены на то, чтобы изменить либо защищать его. К. Фридрих, «Человек и его правительство: эмпирическая теория политики». Цит. по: Политология. / А.Ю. Мельвиль [и др.]. М., 2008. С. 471.

[4] Норберто Б. Интеллектуалы и власть //Антология мировой политической мысли. В 5-ти т. Т. 2. Зарубежная политическая мысль: истоки и эволюция. М., 1997. http://www. gumer. info/ bibliotek_Buks/Polit/Sem/index.ph

Таким образом, политические идеи оформляются в идеологии, которые в качестве проекта будущего могут содержать утопии, а также способы их воплощения в реальность. Преобразуя существующую политическую реальность и создавая новую, политическая идея проходит ряд этапов. Идеи реализуются в ходе политического процесса.

§2. Формы, цели и механизмы властного действия

Цели и мотивы власти

Важной представляется проблема целей и мотивов действия власти. При этом в политической литературе обычно ищут «вечных» или изначально присущих власти целей и мотивов. С позиций идеалистического подхода это неправильно, поскольку власть как инструмент своих собственных мотивов не имеет и иметь не может. Цели имеют конкретные люди, получающие власть как инструмент повелевания. Эти цели полностью определяются мировоззрением этого конкретного человека и ограничиваются мировоззрением, господствующим в данный момент в данном обществе.

Власть – это инструмент, состоящий из двух частей: субъекта власти и ее объекта, при этом главным является последний, поэтому надо различать цель власти для людей во власти и цель власти для подданных этой власти. Если для человека во власти цели могут быть как общественно значимыми, так и личными, в том числе и антиобщественными, то для его подданных цели власти могут быть только общественными. Поэтому, рассуждая о целях власти, надо определиться, с чьих позиций они формируются.

От Платона и Аристотеля идет традиция определять мотивы власти с позиции интересов управляемых[1], однако на практике люди во власти часто стремятся воспользоваться ею в интересах удовлетворения своих частных интересов. Вместе с тем современная политическая психология считает, что мотив власти может быть связан и со стремлением использовать власть ради нее самой, поскольку с точки зрения получения удовлетворения от власти чувство обладания ею более значимо, чем воздействие на других людей[2]. Как пишет Б.де Жувенель, «Атмосфера Власти действительно портит людей. Подданные чувствуют, что правление не осуществляется исключительно ради них, и обвиняют режим – все равно, монархию или республику, – в пороке, который обусловлен человеческой природой, – в эгоизме, который неизбежно присутствует во Власти»[3]. Вместе с тем он считает, что именно эгоистическое начало дает власти ту внутреннюю силу, без которой она не могла бы выполнять свои

---

[1] У Аристотеля мы находим: «Итак, ясно, что наилучшим государственным строем должно признать такой, организация которого дает возможность всякому человеку благоденствовать и жить счастливо». Аристотель. Политика. Кн.7. /Антология мировой политической мысли. В 5-ти т. Т. 1. Зарубежная политическая мысль: истоки и эволюция. М., 1997.

[2] Напр., см.: Конфисахор А.Г. Психология власти. М., 2004.

[3] Власть: Естественная история ее возрастания / Бертран де Жувенель; пер. с фр. В.П. Гайдамака и А.В. Матешук. М., 2011. С. 172.

функции, то есть людей манят во власть те возможности, которые она дает для удовлетворения их частных интересов.

Действительно, одной из причин власти часто называют саму власть. Власть ради власти. К такой власти стремятся властолюбцы, однако надо сказать, что никто не станет повиноваться такой власти, если она открыто провозгласит свои цели. В глазах повинующихся власть – это инструмент осуществления целей, которые разделяют повинующиеся. Причиной и главным мотивом подчинения людей является их вера в осуществление властью тех целей и идей, которые желают управляемые массы. Как только эти цели перестают удовлетворять повинующихся, власть слабеет, а затем и вовсе становится нелегитимной. Цели, которые преследует власть, должны соответствовать господствующему мировоззрению, вытекать из него и быть привлекательными для большинства защищающих и осуществляющих власть, а также и повинующихся. Таковыми могут быть религиозные цели, общее благо, свобода, расширение жизненного пространства, построение лучшего будущего и др.

Управляемые всегда более многочисленны, чем те, кто ими управляет, поэтому в конечном счете от них зависит, какой быть данной власти. Их цели, а не цели людей во власти определяют характер власти. Если она им не соответствует, то ее меняют. Такой позиции придерживался и Ж.-Ж. Руссо в своем «Общественном договоре...»[1].

Власть может быть эгоистична и аморальна, но если она существует, значит еще не перешла той грани, которая отделяет ее от революции или бунта. Эта грань устанавливается не властью, а обществом. Власть имеет полный простор для маневра в довольно узких рамках, отведенных для него идеями, господствующими в данном обществе.

От Н. Макиавелли идет традиция рассмотрения мотивов и целей власти с позиции людей, имеющих власть. При этом надо учитывать то, что Макиавелли давал советы государю, а не народу, поэтому вполне естественно, что он выбрал именно такую мотивацию власти.

История показывает, что соотношение личных и общественно-политических мотивов в деятельности политиков носит ярко выраженный индивидуальный характер. В политической сфере действуют и последователи Н. Макиавелли, и люди типа академика А.Д. Сахарова – абсолютно чуждые

---

[1] «...господствующая воля государя является или должна быть общей волей или законом; его сила – лишь сконцентрированная в нем сила всего народа. Как только он пожелает осуществить какой-нибудь акт самовластный и произвольный, связь всего целого начинает ослабевать. Если бы, наконец, случилось, что государь возымел свою личную волю, более деятельную, чем воля суверена, и если бы он, чтобы следовать этой воле, использовал публичную силу, находящуюся в его руках, таким образом, что оказалось бы, так сказать, два суверена – один по праву, а другой фактически, то сразу же исчезло бы единство общества и политический организм распался бы». См.: Руссо Ж. Об общественном договоре, или Принципы политического права /Антология мировой политической мысли. В 5-ти т. Т. 1. Зарубежная политическая мысль: истоки и эволюция. М., 1997.

стремлению к власти и руководимые лишь силой своих убеждений, когда бремя власти принимается и воспринимается ради блага других.

Таким образом, цели и мотивы власти определяются мировоззренческими политическими идеями, господствующими в данном обществе. Они же ставят границы, в которых существующая власть может удовлетворять свои собственные частные интересы.

Механизм действия идей

Наиболее полное и ясное изложение идеалистического подхода к проблеме власти мы находим у Л. Мизеса[1]. В частности, он пишет, что идеологии[2] обладают могуществом по отношению к людям. При этом тот, кто является могущественным, обязан своим могуществом идеологии. Только идеология способна сообщить человеку силу влияния на выбор и поведение других людей. Лидером можно стать лишь при поддержке идеологии, которая делает других людей сговорчивыми и смиренными. Например, королевское могущество зиждется на признании его подданными монархической идеологии[3]. Далее Л. Мизес утверждает, что насилие или его угроза против тех, кто не желает подчиниться добровольно, точно так же основывается на идеологическом могуществе. Тот, кто желает применить насилие, нуждается в добровольном сотрудничестве определенного количества людей. Индивид, целиком полагающийся на себя, никогда не сможет править при помощи только физического насилия. Для того чтобы покорить группу людей, он нуждается в идеологической поддержке другой группы людей. Тиран должен быть окружен сторонниками, которые повиновались бы его приказам по собственной воле. Их добровольное повиновение обеспечивает тирана аппаратом, в котором он нуждается для покорения других людей. Сможет ли он продлить свое господство, зависит от численного соотношения двух групп – тех, кто поддерживает его добровольно, и тех, кого он заставляет подчиняться. Хотя тиран и может временно править с помощью меньшинства, если это меньшинство вооружено, а большинство нет, в долгосрочной перспективе меньшинство не сможет удержать большинство в подчинении. Угнетенные поднимут мятеж и сбросят ярмо тирании.

Сила господствующей идеологии заключается в том, что люди подчиняются ей без всяких сомнений и колебаний. Долговечная система правления должна опираться на идеологию, признаваемую большинством. Мизес считает, что реальные силы, лежащие в основе руководства и дающие правителям власть использовать насилие против оказывающих сопротивление различных

---

[1] См.: Мизес Л. Человеческая деятельность: Трактат по экономической теории / 2-е испр. изд. Челябинск, 2005.

[2] Л. Мизес подразумевает под идеологиями не ложное сознание, как это принято в современной политической науке, а исторически сложившийся комплекс идей, то есть ту часть мировоззрения, которая определяет властные, политические отношения.

[3] См.: Мизес Л. Человеческая деятельность: Трактат по экономической теории / 2-е испр. изд. Челябинск, 2005. С. 788–789.

групп, по своей сущности являются идеологическими, моральными и духовными. Правители, неспособные осознать этот первый принцип руководства, полагающиеся на мнимую неотразимость своих вооруженных сил, пренебрегающие духом и идеями, в конце концов свергаются в результате вооруженного выступления своих противников.

Меньшинство может одержать верх с помощью военного превосходства и установить свое правление. Но такой порядок вещей не будет долговременным. Если победившие завоеватели затем не преобразуют систему правления посредством насилия в систему на основе идеологического согласия тех, кем правят, они проиграют. Как утверждает Л. Мизес, любое победившее меньшинство, установившее длительную систему правления, сделало свое господство долговечным с помощью последующего идеологического господства. Они узаконили свое превосходство, или подчинившись идеологии побежденных, или трансформировав ее. Если не соблюдено ни одно из этих условий, угнетенные изгонят угнетателей либо с помощью открытого восстания, либо путем тихого, но непоколебимого действия идеологических сил[1]. Примером последнего является политика ненасилия в Индии, с помощью которой было покончено с британским колониальным правлением.

Политика ненасилия была полностью построена на идейных, идеалистических основаниях, и М. Ганди по этому поводу пишет: «Мысль является силой и жизнью ненасилия. Едва ли мы знаем, что мысль – нечто бесконечно большее, чем действие или слово»[2].

М. Дюверже также полагает, что власть не является чисто силовым феноменом; более того, «сила здесь играет относительно второстепенную роль: когда власти необходимо применить силу для достижения повиновения, это значит, что ее основания пошатнулись; диктатура, как мы увидим дальше, – это болезнь власти, проистекающая из ослабления верований, которые ее обычно поддерживают»[3].

---

[1] См.: Мизес Л. Человеческая деятельность: Трактат по экономической теории / 2-е испр. изд. Челябинск, 2005. С. 790–796. Там же Л. Мизес пишет: «Многие из великих исторических завоеваний оказались долговечными, потому что захватчики вступили в союз с теми классами побежденного народа, которые поддерживались правящей идеологией и, таким образом, рассматривались как законные правители. Такие системы были созданы татаро-монголами на Руси, турками в дунайских княжествах и в той или иной степени в Венгрии и Трансильвании, а также Британией и Голландией в Индии. Сравнительно небольшое число британцев смогло управлять многими сотнями миллионов индийцев, так как индийские раджи и аристократы-землевладельцы видели в британском правлении средство сохранения своих привилегий и обеспечили его поддержкой, которую общепризнанная в Индии идеология оказывала их собственному превосходству. Господство Англии в Индии было прочным до тех пор, пока общественное мнение одобряло традиционный общественный порядок».

[2] Ганди Махатма. Сатьяграха. //Антология мировой политической мысли. В 5-ти т. Т. 2. Зарубежная политическая мысль: истоки и эволюция. М., 1997. http://www.gumer. info/bibliotek_Buks /Polit/Sem/index.php

[3] Дюверже М. Политические институты и конституционное право//Антология мировой политической мысли. В 5-ти т. Т. 2. Зарубежная политическая мысль: истоки и эволюция. М., 1997. / http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Sem/index.php

Таким образом, в основе любой власти лежит идеология, независимо от того, использует ли она преимущественно убеждение или силу.

Власть как творчество

Власть колоссально увеличивает творческие возможности людей, обладающих ею. Для ее реализации используется несколько наиболее распространенных видов человеческого творчества: убеждение – основной из них, принуждение и насилие. Власть отличается от других видов социального творчества, реализующих идеи, тем, что с ее помощью эти формы социального творчества применяются не теми, кто имеет власть, а теми, кто ей подчиняется. Таким образом, власть – это инструмент творчества одних людей с помощью других. В животном мире власти как инструмента не существует – он создан человеком.

Отдельно остановимся на насилии как инструменте творчества, который использует человек для своих целей, так же как рука является естественным инструментом, но она используется человеком для труда как формы творчества; также и насилие, используемое властью, – это форма использования естественно присущей человеку формы поведения в виде насилия для решения чисто социальных задач. Что здесь первично? По времени возникновения – насилие, но это было насилие животного, которое не могло привести ни к какому человеческому результату. Человек становится человеком, когда начинает творить. Таким образом, насилие – это форма творчества: например, порядка из хаоса, государства из массы людей, семьи из родственников, племени из родов и т.д. Насилие – это негуманный инструмент социального творчества; при этом надо понимать, что, когда его применили впервые, понятия гуманизма не существовало, оно возникло в эпоху Возрождения, а до этого насилие было вполне приемлемой формой творчества, которая не несла на себе негативного оттенка. Пожалуй, впервые негативный оттенок оно получило в свете христианской морали.

Многообразие сфер, на которые воздействует власть, поражает: она управляет не только людьми, обществом, но и природой[1], и даже самим временем[2]. Власть не только управляет людьми, но и формирует общество[3] и государство.

По мнению А. Кожева, власть имеется только там, где есть движение, изменение, действие (действительное или хотя бы возможное); власть есть лишь над тем, что способно «реагировать», то есть меняться. Очевидно, что она принадлежит тому, кто изменяет, а не тому, кто изменяется: власть по сути своей активна, а не пассивна. Поэтому реальным «носителем» всякой власти с необходимостью является деятель в истинном смысле этого слова. Властное действие отличается от всех прочих тем, что оно не встречает противостояния

---

[1] Вспомним плакат советского времени: «Течет вода Кубань-реки, куда велят большевики».

[2] Например, Август прибавил целый день в одноименном месяце. Французская революция ввела новое летоисчисление. Октябрьская революция 1917 года перевела Россию на новый календарь.

[3] Впрочем, в кризисные моменты общество меняет власть и переопределяет ее функции и сущность в соответствии с изменившимися идеями.

со стороны того или тех, на кого оно направлено. Если сказать иначе: действуя властно, деятель может менять подчиненного ему человека, не испытывая при этом обратного действия, то есть не изменяясь по ходу своего действия[1].

Как считает Б. де Жувенель, власть меняет жизнь у людей, ее осуществляющих, она беспрерывно поддерживается и укрепляется наслаждениями, которые она им доставляет, и самые глубокие из них – вовсе не те ребяческие удовольствия от роскоши и суетных почестей, что будоражат воображение народа. Истинные наслаждения властителя состоят в ином. Человек, когда он добивается признания, превращает других в орудия своей воли, в средства достижения великих целей, мысль о которых опьяняет его. Управлять народом – это колоссальное расширение человеческого «Я». «Лишь та кратковременная радость, которую доставляет нам послушность наших членов, вернувшаяся после длительной болезни, может дать отдаленное представление о несравненной радости ежедневно посылать импульсы в огромное тело, издали приводя в движение миллионы неизвестных членов. Такую радость может испытывать в сумрачном кабинете бледный чиновник в черном сюртуке. Он мысленно прослеживает судьбу своих распоряжений. И вот ему грезится канал, прорытый по линии, собственноручно проведенной им на карте: плавающие там корабли; выросшие по берегам селения; груды товаров, шум и сутолока на пристанях города, вырванного из сонного оцепенения. Немудрено, что Кольбер, подходя по утрам к письменному столу, потирал руки от удовольствия, как рассказывает Перро»[2].

Современная психология согласна с той точкой зрения, что власть является страстью, всепоглощающим, неодолимым, желанным влечением, с которым практически невозможно бороться. Об этом пишут в своих мемуарах политические лидеры. Н.С. Хрущев, находясь в отставке, отмечал, что пресытиться можно всем – едой, отдыхом, изобилием, красотами природы, но невозможно пресытиться властью – эта страсть ненасыщаема.

А. Конфисахор, занимающийся проблемами психологии власти, утверждает, что власть предоставляет человеку уникальные возможности для самоосуществления, которые он не может достигнуть никаким иным образом. Любой человек стремится реализовать заложенный в нем потенциал наиболее полно. По мнению Конфисахора, категории «политическая власть» и «счастье» между собой взаимосвязаны, имеют единую психологическую природу и общие основания. Нигде, ни в какой сфере деятельности человек не сможет так полно раскрыть и реализовать весь свой потенциал по всем психологическим характеристикам и параметрам собст-

---

[1] Кожев Л. Понятие Власти. М., 2006. С. 16.

[2] Жувенель Б. де. Власть: Естественная история ее возрастания / Бертран де Жувенель; пер. с фр. В.П. Гайдамака и А.В. Матешук. М., 2011. С. 178.

венной организации, кроме как в политике, через овладение и обладание властью, используя власть[1].

Власть позволяет максимально полно раскрыть все способности человека. Обладание ею позволяет человеку оставить свой собственный след в истории, остаться в памяти целых поколений потомков наряду с выдающимися деятелями науки и искусства, учеными и художниками. И это при том, что сам властитель может не обладать и сотой частью их гениальности. Благодаря наличию власти он имеет возможность не только влиять на процессы, определяющие жизнь целых поколений людей, но и изменить ход истории. Человек становится творцом, подобным Богу. Божественный отблеск, который всегда имела власть, по-прежнему манит к себе людей.

Наконец, обладание властью позволяет властителю показать и доказать свою неповторимость, свои индивидуальные особенности. И это независимо от того, благодаря чему человек стал обладателем власти – стечению обстоятельств, хитрости, коварству, измене или своим выдающимся способностям. Он может сделать так, что в сознании людей он будет выдающимся человеком благодаря именно своим собственным возможностям и особенностям – уму, настойчивости, целенаправленности, трудолюбию, гениальным идеям, пониманию стоящих перед обществом проблем и т.д.

Не только обладание властью или близость к ней, но и доступ к властным и политическим рычагам и структурам позволяет максимально раскрыться потенциалу человека. Как бы к этому ни относиться, именно близость к власти и властным структурам, нахождение под ее сенью позволяют человеку творить, создавать свой неповторимый продукт, реализовывать себя как индивидуальность. Только политическая власть дает такие возможности[2].

Таким образом, в рамках идеалистического подхода основной, но не единственной функцией власти является творческая функция. Именно потенциал почти безграничного творчества создает те колоссальные возможности, которые привлекали и привлекают людей. Нигде, как во власти, человек не может реализоваться с такой полнотой. Власть – это путь в историю и возможность творить историю. Ни в какой другой области человек не может сделать так много и продлить свое существование после смерти в памяти потомков.

Происхождение форм и механизмов власти

Сегодня существует целый ряд концепций происхождения власти[3]. От Аристотеля ведет свое начало теория о том, что отеческая власть есть первая, которую мы знали. Она продержалась до XVIII века. Еще Ж.-Ж. Руссо утверждал, что «Самое древнее из всех обществ и единственное из них естественное – это семья». Эта классическая концепция первобытного

---

[1] См.: Конфисахор А.Г. Психология власти. М., 2004.

[2] Конфисахор А.Г. Психология власти. М., 2004.Тема.13.

[3] Подробнее см.: Жувенель Б. де. Власть: Естественная история ее возрастания / Бертран де Жувенель; пер. с фр. В.П. Гайдамака и А.В. Матешук. М., 2011. С. 101–144.

общества, как основанного на патриархате, была отброшена в 1860-е гг., после того как молодой американский этнолог, много лет проживший среди ирокезов, констатировал, что наследование у них идет по материнской, а не по отцовской линии, а следовательно, нельзя отцовскую власть считать исходным пунктом любого правительства.

В 1870 году МакЛеннан первым обратил внимание на то, что первобытные группы отправляли культ какого-нибудь особого растения или животного: это был их тотем. В результате создается новая теория происхождения власти, в ее основе лежала концепция первобытного мышления. Ряд фактов способствовал значительному распространению идеи правительства как заступника. Д. Фрэзер выдвинул предположение, что в первобытных обществах царем признавался человек, способный повелевать вовсе не людьми, а невидимыми силами, которые он мог делать благоприятными. Царь должен был беспрестанно обуздывать злые силы, вызывать умножение благ, а также поддерживать силу племени.

По мере того как продвигаются этнологические исследования, становится все более и более ясным, что изучение примитивных обществ не дает основания рассматривать их как прошлое западной цивилизации[1]. Сегодня ученые склонны рассматривать те или иные концепции происхождения власти как характерные только для отдельных регионов планеты. Особое место среди них занимают теория естественного права и основанная на ней концепция общественного договора.

Естественное право – такой взгляд на право, созданный в рамках древнегреческой философии, согласно которому оно существует уже в природе, то есть заложено в самой сущности человека. Впоследствии такой взгляд был воспринят просветителями XVII – XVIII вв. Его главными представителями являются Боден, Альтузий, Гроций, Гоббс, Пуффендорф, Томазий, Лейбниц, Христиан Вольф и Кант, хотя по частным вопросам их взгляды нередко значительно расходятся[2]. Идея естественного права – сильная идея, поскольку она выводит правовые нормы из-под власти человека. Естественное право лежит вне человека и не подвержено его изменению. Слабость этой позиции только в одном: непонятно, как эти права находятся в природе, когда они возникли и почему. В сущности, естественные права держатся на вере в их существование, и больше ни на чем. Но до тех пор, пока вера сохраняется, концепция естественных прав работает, причем неплохо.

---

[1] Б.де Жувенель по этому поводу пишет: «Нам показывают первобытные народы, созывавшие собрания. В результате наше воображение разыгрывается, и мы уже представляем себе примитивные демократии. Полагать, что это были совещания, устраиваемые с целью представить аргументы за или против того или иного решения, после чего племя склонялось к более убедительным из них, – значит совершать грубую ошибку. На этих собраниях вовсе ничего не обсуждалось; скорее, в них надо видеть черты черных месс, имевших целью заставить бога сообщить свою волю». Жувенель Б. де. Власть: Естественная история ее возрастания / Бертран де Жувенель; пер. с фр. В.П. Гайдамака и А.В. Матешук. М., 2011. С. 117.

[2] Философский энциклопедический словарь. 2010.

Концепция общественного договора была создана в Новое время в качестве идеи, объясняющей происхождение и сущность общества, власти и государства. По сути – это соглашение, заключенное непосредственно между людьми, минуя политические и общественные организации; оно определяет условия, на основании которых люди готовы участвовать в общественной жизни и подчиняться политической власти. По мысли Т. Гоббса, Д. Локка, Спинозы, Ж.-Ж. Руссо и др., общественный договор – механизм выхода общества из естественно-природного состояния к государственному, предполагающий, что индивиды добровольно учреждают государство и взамен абсолютной свободы получают подкрепленные силой и авторитетом последнего гарантии безопасности себя и своей собственности. Условия общественного договора не могут быть нарушены ни одной из сторон – ни властью, ни населением – без риска ввергнуть общество или в тиранию, или в анархию. Теория общественного договора сформировала главный принцип в важной исторической идее, что легитимная власть должна быть получена с согласия управляемых. Ж.-Ж. Руссо пишет: «По Общественному договору человек теряет свою естественную свободу и неограниченное право на то, что его прельщает и чем он может завладеть; приобретает же он свободу гражданскую и право собственности на все то, чем обладает. Подобно тому как природа наделяет каждого человека неограниченной властью над всеми членами его тела, общественное соглашение дает политическому организму неограниченную власть над всеми его членами...»[1].

Эти теории (естественных прав и общественного договора), созданные или возрожденные в Новое время, никак не вытекали из предыдущего опыта, они были умозрительны[2] и не основывались на реальных исторических фактах, что обеспечило им разрыв с традицией. В результате на основе этих идей, не имеющих под собой никаких оснований в исторической реальности, была создана принципиально новая форма власти – современная демократия. На эти же идеи опирались рационально мыслящие личности в борьбе с прежней монархической абсолютистской властью, основанной на божественном происхождении королевской власти.

Создатели теории общественного договора как источника власти отвергли идеи, лежавшие в ее основании: магию, религию, мифологию, ведь они были

---

[1] Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969. С. 151.

[2] Слабость исторического и логического обоснования теории общественного договора была видна уже современникам его создателей. Так, Т. Пейн пишет: «Утверждение, что правительство есть результат договора между управляющими и управляемыми, считалось важным шагом к установлению принципов свободы; но это неверно, ибо это означает поставить следствие раньше причины: ведь, поскольку до возникновения правительств должен был существовать человек, значит, было обязательно такое время, когда никаких правительств не было и в помине и, стало быть, не могли существовать и правители, с которыми заключался этот договор». См.: Пейн Т. Здравый смысл о происхождении и назначении правительственной власти, с краткими замечаниями по поводу английской конституции //Антология мировой политической мысли. В 5-ти т. Т. 1. Зарубежная политическая мысль: истоки и эволюция. М., 1997.

объявлены рационалистическим мировоззрением, выдумкой шарлатанов и заблуждением темных народных масс. Однако именно эти «выдумки», а не общественный договор создали и наполнили содержанием реальную власть в реальном обществе, в том числе и первоначальную власть в европейской цивилизации. Это свидетельствует о том, что власть создается многими идеями – мифологическими, религиозными, рациональными. Власть, как универсальный инструмент, может опираться на разнообразные идеи, которые наполняют ее содержанием и ставят ей цели, создают различные властные формы, соответствующие этому содержанию и целям. Часто такие формы перенимаются у других народов, реже – создаются творчеством гениальных властителей или их советниками.

В рамках идеалистического подхода в качестве гипотезы можно выдвинуть предположение о том, что идея власти как осуществление идей одних людей руками и делами других, была выдвинута как одна из первых идей человека разумного; именно поэтому она в той или иной форме присутствует во всех известных человеческих культурах.

Важность первых идей заключается в том, что они предопределили все дальнейшее развитие человеческого общества, поскольку дальнейшая мысль неизбежно развивалась в контексте этих первых идей. Новые идеи могли быть противоположным изначальным, но не могли их не учитывать и не отталкиваться от них. Какой была эта первая идея власти, восстановить вряд ли удастся.

Идея власти сформировала возможность власти, то есть способность реализации идей одного человека при помощи других людей. Вероятнее всего, первый акт власти базировался на вполне конкретной цели, в основе которой лежала какая-то идея. Осуществив ее, человек стал применять созданный им механизм для реализации других идей. Так, возможно, возник универсальный механизм власти, и его конкретные формы определялись содержанием тех идей, которые осуществлялись при его помощи. С подобным механизмом в основном согласуются и выводы современной антропологии о том, что «истоки власти, понимаемой как оказание психологического влияния или принуждения одних людей на других, уходят своими корнями в самое начало человеческой истории, когда формировались первые социальные нормы поведения. Эти же поведенческие стереотипы во многом определяют отношения власти и сегодня, т. е. в современном индустриальном обществе»[1].

О том, как идеи, сформулированные в глубокой древности, определяли действия человека традиционного общества, в начале XX века писал А. Богданов: «В старые времена людям жилось лучше, т.е., собственно, не лучше, а легче. И не в том смысле легче, чтобы меньше было труда и страда-

[1] Бочаров В.В. Истоки власти //Антропология власти. Хрестоматия по политической антропологии: В 2-х т./ Сост. и отв. ред. В.В. Бочаров. Т. 1. Власть в антропологическом дискурсе. СПб., 2006. С. 222.

ний, – нет, всего этого было более чем достаточно, – а думать людям не приходилось. За них думали другие, – но и эти другие, собственно, тоже не думали, потому что и за них думали третьи, а за третьих, таким же образом, четвертые и т. д. Казалось бы, что в этой цепи "недумания" должны были на самом конце оказаться какие-то "думающие", но и этого не было. Дело в том, что цепи конца не было. Цепь живых людей в своем целом соединялась с цепью мертвых, и за живых думали мертвые: это называлось заветами предков»[1]. Завет предков, о котором пишет А. Богданов, – это идея, передаваемая из поколения в поколение, и именно она формировала реальность традиционного общества.

Современные антропологические и исторические исследования утверждают, что у разных народов первоначальные формы власти разнятся. С материалистических позиций это можно объяснить различием физико-географических условий, но это объяснение настолько натянуто, что практически не используется. Антропологические исследования также не дают оснований полагать, что из власти современных примитивных обществ с неизбежностью возникнет античная республика или современная демократия.

Примечательно то, что насилия, которое, с подачи К. Маркса и М. Вебера, является сущностью власти, по утверждениям современных антропологов в примитивных обществах практически не было. Так, В.В. Бочаров пишет: «...в примитивных социальных организмах отсутствовали институализированные средства физического принуждения, которые бы применялись к нарушителям норм поведения. Однако это не означало, что принуждение вовсе не использовалось, просто оно было весьма редким явлением. Основными механизмами, обеспечивавшими порядок в первобытных социумах, были психологические»[2]. Вместе с тем страх, на котором часто держится власть в примитивных обществах, основан на чисто идеальных конструктах.

Антропологические исследования выявили и ряд наследованных из глубокой древности механизмов, которые действуют в различных современных культурах – как примитивных, так и развитых. Среди них присущие носителям власти отклонения от нормы – физиологической, психической, интеллектуальной и моральной. В. Бочаров по этому поводу пишет: «Представляется, что "закодированная" в человеческой культуре установка на власть как на аномальное явление, формирование которой относится к начальным стадиям человеческой истории, обусловила и известное отношение людей к подобного рода индивидуальностям. Люди с психическими и физическими отклонениями воспринимались как бы естественными лидерами, так как отличались от других; значит, могли вызывать у окружающих уже известные нам

---

[1] Богданов А. Из психологии общества. СПб., 1906. С. 4.

[2] Бочаров В.В. Истоки власти //Антропология власти. Хрестоматия по политической антропологии: В 2-х т./ Сост. и отв. ред. В.В. Бочаров. Т. 1. Власть в антропологическом дискурсе. СПб., 2006. С. 172.

эмоциональные ощущения. Интересно, что и сегодня, особенно в обыденном сознании, довольно широко представлено мнение, что к власти стремятся "ненормальные", "закомплексованные" люди»[1]. При этом он считает: «В целом объяснение поведенческого алгоритма, в основе которого лежит различное отношение управляющих и управляемых к норме, зависит от господствующих в данном обществе идеологических представлений, в рамках которых это поведение трактуется. Например, нарушение африканским вождем табу в ходе ритуала коронации рассматривалось обществом в рамках магической идеологии, то есть как акция по увеличению его магическою потенциала. Иное объяснение получает по сути дела тот же поведенческий алгоритм в рамках коммунистической идеологии»[2]. То есть, один и тот же сформированный в глубокой древности механизм наполняется различным идейным содержанием, в зависимости от мировоззрения, господствующего в данный момент в данном обществе.

Давно замечена тесная связь общества и власти. Можно согласиться с Б.де Жувенелем, который считает, что «власть не возникает в результате возникновения общества, как не возникает она и одновременно с ним. Напротив, Власть по отношению к обществу первична, именно она его формирует, и до ее возникновения всякая человеческая совокупность являет собой лишь некий агрегат, в лучшем случае сообщество, но не единое целое»[3]. Отсюда следует, что без власти не может быть человеческого общества в том виде, в котором оно было исторически сформировано. Власть является не только создателем, но и одним из главных ресурсов любого человеческого сообщества. Вместе с тем, когда власть выводят из необходимости организации совместной жизни людей, то вполне очевидно, что это попытка задним числом вывести причину из следствия.

Действительно, если власть появилась на определенном этапе развития общества или одновременно с ним, значит это было необходимо. Это материалистический подход. Идеалистический подход заключается в ином: такое было возможно, а не необходимо, поскольку власть – как возможность осуществлять волю одних людей посредством других – была создана конкретным человеком. И данному действию предшествовала идея его совершения. Поскольку это произошло очень давно, то легло в основание многих, если не большинства социальных отношений, именно поэтому позднее этот краеугольный камень был объявлен необходимым. Да, он необходим для сущест-

---

[1] Бочаров В.В. Истоки власти //Антропология власти. Хрестоматия по политической антропологии: В 2-х т./ Сост. и отв. ред. В.В. Бочаров. Т. 1. Власть в антропологическом дискурсе. СПб., 2006. С. 202.

[2] Бочаров В.В. Истоки власти //Антропология власти. Хрестоматия по политической антропологии: В 2-х т./ Сост. и отв. ред. В.В. Бочаров. Т. 1. Власть в антропологическом дискурсе. СПб., 2006. С. 220.

[3] Жувенель Б. де. Власть: Естественная история ее возрастания / Бертран де Жувенель; пер. с фр. В.П. Гайдамака и А.В. Матешук. М., 2011. С. 18.

вующего общества, сформированного при помощи власти, но если бы человек не додумался до этого действия вначале, то, возможно, было бы сформировано иное общество, в котором власть не была бы необходимым элементом; но это было бы уже иное общество, нежели то, в котором живет нынешнее человечество. Подобный проект содержится, в частности, в учении Христа, где не власть, а любовь должна объединить людей. Эта притягательная идея так и не была полностью реализована и продолжает оставаться утопией. Но одно то, что она привлекает людей уже два тысячелетия, вселяет надежду, что эта идея в конце концов будет реализована.

Таким образом, власть, вероятно, возникла как механизм осуществления идеи одного человека при помощи других людей. Этот механизм, однажды возникнув, наполнялся различным идейным содержанием, что привело к появлению разных форм власти и целей, лежащих в ее основании. Ведущую роль в создании форм и целей власти играли господствующие мировоззренческие парадигмы: магическая, мифологическая, религиозная. В Новое время на базе рационалистического мировоззрения возникли теории, которые создали новые формы власти, присущие современному западному обществу.

Механизмы создания и удержания власти

Власть формируется через посредство целого ряда механизмов, обеспечивающих господство одного человека над другими. Вне идей, которые запускают действие этих механизмов, власть бессмысленна, поскольку остается только оболочка, форма, лишенная содержания. Конкретные идеи, наполняющие содержанием власть, могут быть объяснены и поняты только исходя из того мировоззрения, в котором они были созданы.

Исторически создано множество различных механизмов реализации власти, которые часто принимают за саму власть, и ищут ее истоки в основании этих механизмов. Например, утверждают, что в основе власти лежит особое поведение лиц, ею наделенных, нарушение ими ряда табу и т.д. Однако любой властный механизм историчен, он создается в определенных условиях, и когда эти условия меняются, перестает действовать; тогда люди изобретают новый механизм властной реализации идей либо наполняют старый механизм новым идейным содержанием. При этом надо понимать, что власть рождается не этим механизмом, а при помощи этого механизма. Она рождается идеей.

Механизмы власти – это не врожденные и не «естественные» и «вечные» формы, а изобретенные человеком как в глубокой древности, так и в недавнее время. Так, на наших глазах были созданы новые механизмы власти: например, ряд разновидностей манипуляции – телевидение, PR, информационная война, радио, ТВ и др.

В общем виде социальный механизм осуществления власти связывает властными отношениями три социальные группы. Первая – это человек или группа людей, принимающих властные решения. Поскольку эта группа неве-

лика, то ей необходимы помощники, которые составляют аппарат власти, – это вторая группа. Этот аппарат создается не для власти как таковой, а для реализации конкретной идеи. Аппарат власти играет важную роль в ее осуществлении. В понятие аппарата включаются не только управленцы, но и люди, осуществляющие убеждение, принуждение и насилие. Их участие в аппарате управления определяется интересами, которые, в свою очередь, выводятся из господствующего мировоззрения, и, следовательно, в разных обществах мотивация аппарата будет разной. В рационалистическом это может быть материальный интерес, в религиозном – стремление послужить православному царю, а значит, Божьему делу. В индийском кастовом обществе – это кастовая обязанность[1]. В любом случае, интерес определяется господствующим мировоззрением. Когда этот интерес исчезает, аппарат перестает служить власти.

Третья, самая большая группа – повинующиеся власти, то есть люди, которые выполняют ее решения. Они поддерживают власть только по причинам, определяемым господствующим мировоззрением. Это может быть сохранение и распространение веры в условиях господства религии, либо рациональное общее благо, либо личное счастье и пр. Власть в глазах повинующихся всегда нацелена на достижение общественно значимой, важной цели. Когда власть перестает работать над осуществлением этой цели и становится эгоистичной, то она перестает пользоваться поддержкой подданных и свергается. В том случае, когда в этой группе появляются люди, несогласные с действиями власти, этих людей аппарат власти принуждает к выполнению властных решений с помощью силы; однако если их число становится слишком велико, то они могут сменить власть.

В общих чертах эта концепция довольно близка к элитарной модели, созданной Г. Моска, однако у последнего правящее меньшинство, то есть власть и ее аппарат, навязывают свою волю управляемому меньшинству исключительно за счет собственной организованности[2], что не соответствует, по край-

---

[1] Особый случай – служба наемников. Это, казалось бы, чистый случай меркантильного служения, не связанный с идейными причинами. Однако если вникнуть в проблему глубже, то выясниться, что и такая служба определяется мировоззрением человека. Во-первых, не каждый пойдет в наемники, и прежде всего по идейным основания. Вместе с тем, в истории были целые народы, которые шли в наемники: черкесы, немцы, швейцарцы. Это было способом их существования, который определялся господствующим мировоззрением. Целью службы было обеспечение себя и семей средствами существования, и когда эта цель оказывалась недостижимой, то наемник прекращал служить. Наемник мог рискнуть жизнью, но на верную смерть никогда не шел, потому что это расходилось с главной целью его службы – обеспечение себя и своей семьи.

[2] Г. Моска пишет: «В действительности суверенная власть организованного меньшинства над неорганизованным большинством неизбежна. Власть всякого меньшинства непреодолима для любого представителя большинства, который противостоит тотальности организованного меньшинства. В то же время меньшинство организованно именно потому, что оно меньшинство. Сто человек, действуя согласованно, с общим пониманием дела, победят тысячу не согласных друг с другом людей, которые общаются только один на один». См.: Моска Г. Правящий класс //Антология мировой политической мысли. В 5-ти т. Т. 2. Зарубежная политическая мысль: истоки и эволюция. М., 1997. http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Sem/index.php

ней мере, современной реальности, когда и управляющие и управляемые имеют свои организованные политические структуры.

Для реализации идей власть использует различные способы, типы и источники власти.

Если М. Вебер указывал на три способа власти: традиционная, рационально-легальная (бюрократическая) и харизматическая, то современные исследователи выделяют уже восемь типов носителей власти. К ним относятся: бюрократия – власть уполномоченных над неуполномоченными; наукократия – власть знающих над незнающими; технократия – власть умеющих над неумеющими; демократия – власть большинства над меньшинством; автократия – власть сильных над слабыми; плутократия – власть имеющих над неимеющими; партократия – власть организованных над неорганизованными; райтократия – власть пишущих над читающими. Восемь сосуществующих носителей власти находятся в постоянном движении относительно друг друга, используя для этого пять возможных видов отношений – гегемонизм, вотум, блок, консенсус и оппозицию[1].

Также выделяют следующие источники и основания власти: власть вознаграждения или принуждения со стороны субъекта власти; признание объектом власти законного права субъекта предписывать ему определенное социальное поведение; идентификация объекта власти с ее субъектом; основанием власти является знание, которым обладает субъект[2].

Наиболее полная классификация источников власти, предложенная Х. Хекхаузеном и принятая в отечественной политической психологии, включает шесть источников: власть вознаграждения, власть принуждения, нормативная власть, власть эталона, власть знатока, информационная власть[3]. У приведенных классификаций нет единого основания.

Построить единую классификацию способов, форм, источников и носителей власти невозможно, да и не имеет большого смысла, поскольку люди используют для создания властных отношений очень разные основания, и их выбор зависит от идей, составляющих господствующее мировоззрение, а также возможностей, которые возникают в результате реализации идей в научной, технической сферах, искусстве, экономике и пр. Например, современная власть широко использует для реализации своих идей радио, телевиде-

---

[1] Гегемонизм – навязывание взглядов, политических установок, политики одним субъектом власти другому. Вотум – решение, мнение, выраженное в форме голосования. Блок – соглашение, объединение государств, политических партий, общественных организаций для совместных действий, достижения общих политических целей. Консенсус – метод разработки и принятия решений, а также международных договоров, документов, при котором обсуждаемое положение не ставится на голосование, а принимается согласованием. Оппозиция – в политике: а) противопоставление своей политики другой политике, б) выступление против мнения большинства или господствующего мнения в законодательных, партийных или иных структурах, декларирующих свою приверженность демократическим процедурам.

[2] См.: Конфисахор А.Г. Психология власти. М., 2004.

[3] Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность: В 2-х т. М., 1986. Т. 1. С. 309.

ние, газеты, оппозиция – Интернет. Этих форм реализации власти не было в предшествующие эпохи.

Вот как описывает М. Годелье реализацию власти в Древнем Египте. Верховный правитель – фараон – был сыном двух божеств – Исиды и Осириса. На картушах огромных памятников фараон представлен человеком огромного роста, и персонажи, которые окружают его, с трудом доходят до высоты его колен. Фараон не только сын богов, но он также представлял и Нил, который сам по себе является священной рекой. Каждый год, когда воды реки находились на убыли, фараон поднимался вверх по Нилу на своей королевской ладье до той точки, за которой движение вперед уже было невозможно. Там он совершал обряд и кидал в воду реки кусок папируса, на котором была начертана магическая формула, должная вернуть воды реки. Некоторое время спустя в Ниле действительно отмечался подъем воды. И вместе с водой прибывал ил, который позволял возродиться растительности и произрастать культурным растениям. Все происходило, как если бы фараон своим обрядом доставил воду, жизнь, богатство в королевство.

Социальные результаты символических действий фараона были огромны в связи с тем, что он воспринимался богом, чье дыхание давало жизнь всем живым тварям – как людям, так и животным, а значит, все живые существа были обязаны ему своей жизнью. Тысячи земледельцев были обязаны ему водой, плодородием обрабатываемых ими земель, защитой от врагов и, в конечном счете, самой жизнью. Свой долг они возвращали, работая на фараона, выплачивая ему оброк, отдавая ему свои жизни и жизни своих детей. С позиций современного рационального мировоззрения – это эксплуатация, замешанная на мелком мошенничестве. А в рамках господствующего тогда магического мировоззрения – это форма обмена. Боги дали вам жизнь – вы им должны вашу, причем это долговое отношение является неравным, поскольку боги дают столько, что люди никогда не смогут покрыть этот долг ответными дарами[1].

Никакая власть не может сохраняться в течение длительного времени без создания и укрепления мощных символических оснований своего режима. Наполненные идейным содержанием, символы[2] власти укореняются в сознании людей. Почему в обществе воспроизводятся одинаковые стереотипы власти? Потому что в свое время была реализована идея, создавшая механизм, обеспечивающий функционирование власти, и подобные стереотипы обеспе-

---

[1] См.: Годелье М. Воображаемое, символическое и реальное //Антропология власти. Хрестоматия по политической антропологии: В 2-х т./ Сост. и отв. ред. В.В. Бочаров. Т. 1. Власть в антропологическом дискурсе. СПб., 2006. С. 307–309.

[2] Символ – условный знак, обозначающий ту или иную реалию. Символом может быть как некий материальный предмет (знак), так и модель поведения, маркирующие место, занимаемое индивидом (или группой) в общественной иерархии. Бочаров В.В. Символы власти или власть символов? //Антропология власти. Хрестоматия по политической антропологии: В 2-х т./ Сост. и отв. ред. В.В. Бочаров. Т. 1. Власть в антропологическом дискурсе. СПб., 2006. С.275.

чивают властные отношения в различных обществах, созданных на разных мировоззренческих основаниях. Этот механизм мог быть создан в глубокой древности, но так же эффективно использоваться и сейчас, наполняясь новым идейным содержанием и распространяясь на новые предметы и символы. По мнению В. Бочарова, символы власти, «демонстрирующие свою устойчивость на всем протяжении существования социальной формы движения материи, маркируя данный вид отношений, играют важную роль и в их организации. Иными словами, они не просто оформляют власть, но, в известном смысле, тождественны ее содержанию»[1].

Первоначально символами власти в определенном смысле были все атрибуты Бога, поэтому впоследствии они узурпировались царями и императорами. Политическая власть находила и находит свое выражение в символах политической независимости и суверенитета, военная власть – в боевых и военных символах, а власть религиозная представлена знаками и символами, связанными с образами божеств и их атрибутов.

Особым способом представления власти являются архитектурные сооружения, которые приобрели эту функцию во всех частях мира. Один из самых древних символов власти – столб (колонна). Наиболее важные строения, обозначающие власть, – замки и административные здания, которые символизируют земную власть, а также храмы и церкви, символизирующие религиозную, сакральную власть. Самыми впечатляющими животными и птицами, в том числе мифологическими, имевшими множество символических значений, были орел, лев, дракон и феникс, которым приписывался ряд сверхъестественных свойств[2].

Еще Аристотель писал: «...когда одни властвуют, другие находятся в подчинении... является стремление провести различие между теми и другими в их внешнем облике, в их речах и знаках почета»[3]. Это «стремление», на которое обратил внимание древнегреческий мыслитель, продолжает маркировать социальную и политическую иерархию как в древних, так и в современных общественных системах.

Анализируя материалы по традиционным обществам, Г. Спенсер сделал важное наблюдение, дополняющее и конкретизирующее мысль Аристотеля: «Закон не поощрял сходства между действиями высших и низших лиц, а, напротив, требовал несходства: что делает правитель, то не может делать управляемый, а управляемому приказано делать то, что не должно делать правящее лицо»[4]. Один из механизмов формирования властных отношений пред-

---

[1] Бочаров В.В. Символы власти или власть символов? //Антропология власти. Хрестоматия по политической антропологии: В 2-х т./ Сост. и отв. ред. В.В. Бочаров. Т. 1. Власть в антропологическом дискурсе. СПб., 2006. С.275.

[2] Ковачев А.Н. Антропология власти. Хрестоматия по политической антропологии: В 2-х т./ Сост. и отв. ред. В.В. Бочаров. Т. 1. Власть в антропологическом дискурсе. СПб.:, 2006. С. 248–249.

[3] Аристотель. Политика // Сочинения В 4-х т. Т 4 М., 1984. С. 98.

[4] Спенсер Г. Основания социологии. Т. 2. СПб., 1898. С. 223.

писывает различное поведение человеку, имеющему власть, и его подчиненному. В древних и примитивных обществах различия касались в первую очередь пищевого и сексуального поведения. По мере углубления социальной дифференциации общества они становятся более значительными. Например, вождю даже предписывалось употреблять в пищу человеческое мясо, когда остальным это строго воспрещалось. В традиционных культурах подчиненным запрещалось быть «богаче» властителей, и африканские вожди пристально следили за тем, чтобы число скота у подданных не превышало их стадо. В современных условиях этот механизм сохранился и проявляется в иных формах[1].

Устранение различия в поведении людей, обладающих властью, и их подданных ведет к деградации власти, поскольку «символы власти (статуса) вечны, их невозможно упразднить без разрушения гармонии властных отношений»[2]. Именно поэтому новая власть, упразднив старые «привилегии», быстро создает иные, которые обосновываются исходя из господствующей мировоззренческой парадигмы. Все усилия революционеров XIX и XX столетий покончить с ними после прихода к власти оказались напрасными – они вновь и вновь воспроизводились. Так, жесткое распределение жизненных благ и других «знаков почета» в соответствии «с чином» существовало в царской России, СССР, а сейчас воспроизводится и в Российской Федерации. Данные различия представляют собой символы, маркирующие властный статус человека или группы людей; они же могут быть определены как символы власти, так как отражают их место в социальной и политической иерархии[3].

Стремление посредством символов воздействовать на объективную властную реальность, в российской истории в частности, проявляется в форме борьбы с памятниками вождям свергнутой власти. Так, в 989 году «пришел в Новгород архиепископ Аким Корсунянин и разрушил капища, идол Перуна посек и велел его волочить к Волхову. Обвязали его веревками и поволокли по грязи, избивая палками». В 1917 году памятники свергали большевики, а в 1990-м свергали памятники уже большевикам. Во всех этих случаях массы активно участвовали в свержении символов павшей власти.

В русской истории был случай, когда символ был признан виновным и сурово наказан. Так, после убийства царевича Дмитрия колоколу, обвиненному

---

[1] Бочаров В.В. Символы власти или власть символов //Антропология власти. Хрестоматия по политической антропологии: В 2-х т./ Сост. и отв. ред. В.В. Бочаров. Т. 1. Власть в антропологическом дискурсе. СПб., 2006. С. 302.

[2] Бочаров В.В. Символы власти или власть символов //Антропология власти. Хрестоматия по политической антропологии: В 2-х т./ Сост. и отв. ред. В.В. Бочаров. Т. 1. Власть в антропологическом дискурсе. СПб., 2006. С. 303.

[3] Бочаров В.В. Символы власти или власть символов //Антропология власти. Хрестоматия по политической антропологии: В 2-х т./ Сост. и отв. ред. В.В. Бочаров. Т. 1. Власть в антропологическом дискурсе. СПб., 2006. С.275.

в подстрекательстве, вырвали «язык», оторвали «уши» и «выслали» из Углича в Тобольск[1].

Многие механизмы сохранения и поддержания власти, созданные в период магического, языческого или религиозного мировоззрения, успешно эксплуатируются и в эпоху господства рационализма. Если раньше вождям насыпали высокие курганы или хоронили в церквях, то в период советской власти таким местом стала Красная площадь, а в Российской Федерации существует своя иерархия захоронений, начинающаяся с Новодевичьего кладбища и заканчивая почетными аллеями, имеющимися на любом провинциальном кладбище.

Важным символом политической власти является флаг (знамя), который в традиционных культурах маркировал суверенитет или зависимость того или иного лидера. Причем похищение знамени подчас было равнозначно падению власти лидера. Современный российский воинский устав требует: «При утрате знамени командир части и непосредственные виновники подлежат суду военного трибунала, а воинская часть – расформированию...». Закон охраняет государственный флаг от оскорбительного отношения к нему со стороны граждан[2].

Как считает Т. Щепанская, восприятие власти, придаваемые этому понятию субъективные значения материализуются в ее предметных символах. Сегодня создаются новые символы власти. Так, в неформальном дискурсе современных политиков в качестве символов власти чаще всего фигурируют телефон и другие системы связи; спецмашина с мигалкой и другие транспортные средства; иногда оружие[3].

Таким образом, символы являются древнейшим механизмом оформления и поддержания отношений власти. В символе объективируются те идеи, которые создают эти властные отношения. Материальность или объективность символа являются постоянным напоминанием как власти, так и ее подданным об идейном содержании данной власти.

Для истории, имеющей дело со временем, важны особые отношения власти и времени.

Власть издревле наделялась колоссальными творческими возможностями, при этом считалось, что ей подвластны не только люди, но и сама природа. Например, из глубокой древности к современности восходит способность вла-

---

[1] Радзинский Э. Кровь и призраки русской смуты. М., 1999. С. 104.

[2] См.: Бочаров В.В. Символы власти или власть символов? //Антропология власти. Хрестоматия по политической антропологии: В 2-х т./ Сост. и отв. ред. В.В. Бочаров. Т. 1. Власть в антропологическом дискурсе. СПб., 2006. С. 286–289.

[3] Щепанская Т.Б. Символическая репрезентация власти: атрибутика //Антропология власти. Хрестоматия по политической антропологии: В 2-х т. / Сост. и отв. ред. В.В. Бочаров. Т. 2. Политическая культура и политические процессы. СПб., 2007. С. 313.

стителей управлять временем[1]. Часто новая власть символизирует эту способность путем смены календаря. Так произошло после Великой французской революции. В России новый календарь был принят с воцарением Петра I, а также после Октябрьской революции.

Идея контроля политической власти над временем в советское время была представлена в членении хозяйственных и жизненных циклов людей на пятилетки.

Надо отметить, что власть имеет особые отношения с прошлым. В традиционных обществах лидер – это живой представитель предков правящего клана, наследующий их силу по праву родства, поэтому авторитет власти определялся ее историей: чем древнее род, тем более правомерны притязания на власть. Неудивительно, что узурпаторы всегда стремились сфальсифицировать свою принадлежность к правящему роду. Иван Грозный, например, вывел свою родословную от Цезаря. При И. Сталине получила широкое распространение «теория двух вождей», исказившая реальные взаимоотношения В. Ленина и И. Сталина в дореволюционный период, что давало последнему возможность разделить с Лениным сакральный авторитет. Фальсификацией прошлого активно занимались Н. Хрущев, а затем и Л. Брежнев, которые рисовались советской пропагандой великими полководцами, что не соответствовало исторической действительности. Словом, власть неизменно черпает легитимность из истории, которую она же сама и сакрализует. Без опоры на прошлое власть утрачивает силу, что чревато наступлением хаоса.

Приход к власти очередного лидера неизменно сопровождается в той или иной мере отрицанием наследия предшествующего «вождя», а также совершением «подвигов» и «чудес» – главных аргументов харизматических лидеров в их претензиях на власть. Поэтому завоевания новых земель связывались с именем царя, а восстановление в СССР народного хозяйства, покорение целины и завоевание космоса, строительство БАМа и т.д. – с именем высшего должностного лица партии и государства.

Важной функцией власти является ее контроль над будущим. Вожди в традиционных обществах управляли будущим в силу, как считалось, своей связи с сакральным прошлым, воплощенным в предках. Власть обязана предвидеть будущее, обладать пророческим даром. Советские руководители обладали даром предвидения в силу сакрального учения, которому они были привер-

---

[1] В ментальности многих народов достаточно легко обнаруживаются пласты, наделяющие власть всеми свойствами времени, способностью управлять им. В доколониальных африканских культурах вождю племени было под силу задержать или ускорить наступление нового года. Здесь время определялось земледельческими производственными циклами, и наступление нового года увязывалось с созреванием нового урожая. Таким образом, объективно природное время детерминировало хозяйственный ритм общества, но в сознании людей этот процесс отражался в обратном порядке, то есть как волевое усилие политического лидера, который управлял как хозяйственным, так и природным временем. См.: Бочаров В.В. Власть и время в культуре общества //Антропология власти. Хрестоматия по политической антропологии: В 2-х т./ Сост. и отв. ред. В.В. Бочаров. Т. 1. Власть в антропологическом дискурсе. СПб., 2006. С. 226.

жены. Предвидение и контроль будущего являются основными пунктами любой современной политической программы[1].

По мнению В. Бочарова, отношения власти с будущим «являются культурной универсалией, характерной для политической жизни любого общества»[2]. Он также считает, что возникновение представлений о корреляции власти и времени уходит в начало человеческой истории, когда возникали первые социальные нормы. Эти нормы обеспечивали эффективную передачу социальной информации от поколения к поколению. Она могла осуществляться только тогда, когда старшие пользовались бы у младших безусловным авторитетом. Идеологическим обеспечением подобного авторитета старших стал культ предков. Таким образом, старшие, а затем и вожди управляли обществом от имени предков, разделяя с ними сакральный авторитет и силу.

В. Бочаров полагает, что люди как в древности, так и сейчас считают, что «социально-политическое движение определяет все остальные виды движения во Вселенной, поэтому только власть в широком смысле слова дает индивиду возможность влиять не только на социальную, но и природную среду. Поэтому власть привлекательна во все времена, ее достижение связано с мистическими ощущениями собственной силы, значимости, со способностью контролировать время. Именно это является, как представляется, первичным мотивом стремления индивида к иерархическому доминированию, т.е. к борьбе за власть, а не корысть, как это часто утверждается. Этот вывод справедлив не только для доиндустриальных обществ, но и современных»[3].

Итак, власть как способ осуществления идей одних людей при помощи других создается посредством множества механизмов. Для ее осуществления используются символы, отличия в поведении людей, наделенных властью, влияние на время и другие формы.

§3. Теории власти

Поскольку идеалистический подход утверждает примат идейного содержания над объективными формами власти, то понять властные отношения в истории России возможно, только поняв то идейное содержание, которым наполнялись формы русской, а позднее и российской власти.

В рамках европейской цивилизации русская и российская ее ветви имеют значительные особенности, обусловленные их формированием из различных идейных источников. Самым древним является славянское мифологическое

---

[1] См.: Бочаров В.В. Власть и время в культуре общества //Антропология власти. Хрестоматия по политической антропологии: В 2-х т./ Сост. и отв. ред. В.В. Бочаров. Т. 1. Власть в антропологическом дискурсе. СПб., 2006. С. 229–233.

[2] Бочаров В.В. Власть и время в культуре общества //Антропология власти. Хрестоматия по политической антропологии: В 2-х т./ Сост. и отв. ред. В.В. Бочаров. Т. 1. Власть в антропологическом дискурсе. СПб., 2006. С. 234.

[3] Бочаров В.В. Власть и время в культуре общества //Антропология власти. Хрестоматия по политической антропологии: В 2-х т./ Сост. и отв. ред. В.В. Бочаров. Т. 1. Власть в антропологическом дискурсе. СПб., 2006. С. 237.

и языческое наследие. Позднее в течение нескольких веков идейное содержание властных отношений формировалось под значительным влиянием Византии, которое осуществлялось в основном через православие. Относительно кратковременным, но, тем не менее, оставившим след в русском мировоззрении, было монгольское влияние. В XV – XVI вв. все эти источники иссякли. Византия рухнула под напором турков, татарские ханства были покорены русскими и поэтому уже не могли оказывать идейного воздействия на властные отношения, которые особенно чутки к силе источника, а татары эту силу определенно потеряли, поэтому их идеи определялись как недейственные. В указанное время были попытки создать собственные концепции власти, наиболее яркой из них является «Москва – Третий Рим», и хотя эта теория не была реализована, она всегда оказывала влияние на царскую, советскую и российскую политику. Начиная с XVII века и по сей день наиболее сильное идейное влияние на формирование властных отношений в России оказывает Запад в широком понимании этого термина. Западное влияние было и до этого, но только с XVII века оно становится доминирующим. Российские властные отношения в XIX – начале XX вв. формировались в основном на западных идеях, поэтому их невозможно понять вне европейского цивилизационного идейного контекста.

Взгляды на власть в рамках западной цивилизации берут свое начало от Платона и Аристотеля, заложивших основы изучения и формирования этого феномена. В дальнейшем политические теории развивались в русле и под влиянием господствующих мировоззренческих парадигм: в Средние века – в рамках религиозного мировоззрения, а с наступлением Нового времени – рационалистического. Расщепление средневекового целостного религиозного мировоззрения в Новое время привело к созданию разнообразных, зачастую конфликтующих идей, объясняющих политическую реальность и формирующих ее. Это стало той основой, на которой произошло создание и постепенное размежевание различных политико-философских и идейных течений и направлений, призванных обосновать те или иные альтернативные пути общественно-исторического развития – либерализма, консерватизма, марксизма, социал-демократизма и др. Все эти течения базировались на инфраструктуре основополагающей рационалистической парадигмы.

Зарождение европейской политической мысли связано с античным идейным наследием. Для Платона всякая власть является – или, по крайней мере, должна быть – основанной на справедливости. Платон рассматривает власть как силу, базирующуюся на специфическом знании – знании правления. Платоновская концепция вытекает из его учения о том, что «истинное бытие – это некие умопостигаемые и бестелесные идеи». Мир идей – вечно неизменный божественный проект изменчивого человеческого мира. Идеальное государство трактуется Платоном как реализация идей и максимально

возможное воплощение мира идей в земной общественно-политической жизни – в полисе.

Аристотель характеризует власть как свойство любой сложной системы. Все, что состоит из нескольких частей, имеет властвующий элемент и подчиненный элемент – таков «общий закон природы». Власть у Аристотеля играет роль активной формы, трансформирующей пассивную материю в реальные предметы.

Политика как учение у Аристотеля тесно связана с этикой, ее объектами являются прекрасное и справедливое, но те же объекты в качестве добродетелей изучаются и в этике. Этика предстает как начало политики, введение к ней. Поэтому учение о формах государственного устройства, увязываемое с соответствующими принципами (принцип аристократии – добродетель, олигархии – богатство, демократии – свобода), занимает центральное место в политических взглядах Аристотеля. Государство существует ради процветания, справедливости и лучшей жизни граждан. При этом оно – продукт естественного развития, высшая форма общения, охватывающая собою все остальные общения.

Тремя правильными формами государства являются монархическое правление (царская власть), аристократия и полития, а соответствующими ошибочными отклонениями от них – тирания, олигархия и демократия. Самую правильную форму государства Аристотель называет «политией» – в ней правит большинство в интересах общей пользы. Все остальные формы представляют собой то или иное отклонение от нее. Из неправильных форм государства тирания – наихудшая. Резко критикуя крайнюю демократию, где верховная власть принадлежит демосу, а не закону, Аристотель с одобрением характеризует умеренную цензовую демократию, основанную на примирении богатых и бедных и господстве закона.

Платон и Аристотель создали современное государство в идеальном виде в своих произведениях. Именно их идеи формировали основы властного и государственного устройства в Европе начиная с Нового времени и по сегодняшний день. Современная политика создана их идеями, а современная политическая реальность основывается на них. Какие бы проблемы политическая наука ни ставила, они отталкиваются от идей Платона и Аристотеля, даже в том случае, если они их отвергают. В их идеях в свернутом виде содержится вся современная политическая проблематика и практика.

Новые формы и механизмы власти были созданы в рамках христианской мировоззренческой парадигмы.

В посланиях апостола Павла (первая половина II века) впервые в христианстве выдвигается положение о том, что политическая власть происходит

от Бога[1]; следовательно, повиноваться цезарям необходимо не только из страха наказания, но и по совести. Это послужило основой для превращения христианства в государственную религию, и после принятия императором Константином христианства постулаты веры стали формировать властные отношения.

Главной идеей стала идея божественного происхождения власти, из которой вытекала необходимость покорности власти и недопустимости сопротивления ей. Вместе с тем из этой идеи органически вытекала и теория верховенства духовной власти над светской[2]. Церковь утверждала, что она получила власть прямо от самого Христа, и в силу этого безусловная обязанность земных государей состоит в том, чтобы подчиняться главе христианской церкви. Еще св. Амвросий выдвинул, по сути дела, революционную по своему содержанию доктрину о независимости Церкви от государства. Из этого делался далеко идущий вывод о подчинении светской власти королей духовной власти Церкви. Схоластами разрабатывалась теологическая теория, которая гласила, что изначальная и абсолютная власть принадлежит Богу; все прочие власти (относительные) из нее выводятся. Папство устами папы Григория VII провозгласило, что светская власть является лишь отражением духовной власти, точно так же как свет луны является отражением солнечного света. Однако идея главенства папы над светскими государями не смогла закрепиться, поэтому в политической практике Божественной властью были наделены и монархи и папа[3].

Подрыв авторитета религиозного мировоззрения в Новое время привел к тому, что папа прекратил свои притязания на светскую власть и вся полнота власти сосредоточилась в руках так называемых «абсолютных» монархов. Источником власти по-прежнему оставался Бог, однако в условиях, когда религия была все более теснима в идейной области рационализмом, кроме убеждения власть все чаще прибегала к насилию. Это породило иллюзию силы этой власти, с одной стороны, а с другой – привело к неверному утверждению, что власть основывается преимущественно на насилии.

---

[1] Послание к римлянам святого апостола Павла, в котором раскрывается божественное происхождение власти: «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены».

[2] «Бог стоит над всем; ведь и в человеческом обществе большая власть поставляется над меньшей, и эта последняя ей повинуется». Августин Блаженный. Исповедь// Антология мировой политической мысли. В 5-ти т. Т. 1. Зарубежная политическая мысль: истоки и эволюция. М., 1997.

[3] «Изложив и отведя заблуждения, на которые всего больше опираются те, кто утверждает, будто власть римского императора зависит от римского первосвященника... упомянутая власть зависит непосредственно от вершины всего сущего, т. е. от Бога. И это будет показано либо при условии, что власть Церкви можно отделить от власти императора (поскольку о власти Церкви спора нет), либо если путем прямого доказательства можно будет доказать, что власть империи зависит непосредственно от Бога». См.: Данте Алигьери. Монархия// Антология мировой политической мысли. В 5-ти т. Т. 1. Зарубежная политическая мысль: истоки и эволюция. М., 1997.

Христианское понимание власти более чем тысячу лет формировало политическую реальность европейской цивилизации. Качественные изменения в идейной основе формирования власти произошли с переходом от Средних веков к Новому времени, когда возникла и утвердилась новая система миропонимания, которая перевернула все представления о человеке, обществе, государстве, об их сущности и взаимоотношениях.

Смена мировоззренческих парадигм в Европе привела к смене оснований власти. Рационализм зарождался в недрах христианского мировоззрения и постепенно подтачивал идейные основы королевской власти, основанной на христианской вере; это вызвало возможность и необходимость усиления власти. До этого единство веры было основой для сплочения общества под эгидой власти, данной от Бога.

Вера, а не власть обеспечивала общественный порядок, одновременно освобождая власть от огромной доли ответственности и воздвигая вокруг нее почти неприступный бастион. С падением авторитета веры на власть легла дополнительная нагрузка: она вынуждена была взять на себя ту часть бремени, которую до этого несла Церковь. Это вынудило власть усиливать свои функции, она начинала держаться не на вере, поскольку та ослабевала, а на самой власти. Так наступил период абсолютизма. Однако власть не может быть основанием самой себя, поэтому абсолютизм, в его европейском виде, был обречен. Вот как описывает этот процесс Б. де Жувенель: «Как же не увидеть временного совпадения двух явлений, характерных для XVI–XVIII вв., – расшатывания верований и возвышения абсолютных монархий? Как не понять, что абсолютные монархии возвышаются, в частности, благодаря расшатыванию мировоззренческих основ? Ведь совершенно очевидно, что великий век рационализма – это и век просвещенных деспотов, впавших в безверие, убежденных в конвенциональности установлений, уверенных, что они могут и должны круто изменить обычаи своих народов, чтобы привести их в соответствие с разумом, непомерно раздувающих бюрократию, чтобы через нее воплотить в жизнь свои замыслы, и полицию, чтобы сломить сопротивление»[1].

Первым, кто осмыслил те изменения в природе власти, которые принес с собой рационализм, был Н. Макиавелли. Его прагматичные и рациональные советы властителям могли появиться только в период, когда вера уже зашаталась, а в некоторых душах и пала. Его совет о том, что государь должен «по возможности не удаляться от добра, но при надобности не чураться и зла», не мог родиться в сознании христианина, это совет атеиста, который не видел

[1] Жувенель Б. де. Власть: Естественная история ее возрастания / Бертран де Жувенель; пер. с фр. В.П. Гайдамака и А.В. Матешук. М., 2011. С. 288–289.

смысла ни в вере, ни в морали. Он уповал на насилие[1]. Однако сила сильна идеей, а у власти собственной идеи нет и быть не может. Поэтому абсолютизм, несмотря на чрезвычайное внешнее возрастание власти за счет массированного применения насилия, был обречен. Единственным выходом было создание привлекательной теории власти, но идеологи абсолютизма оказались на это неспособны, их противники представили более убедительные идеи, которым поверили широкие массы.

Основатель современной политической философии Н. Макиавелли предпринял и осуществил разрыв со всей предшествующей политической философией, противопоставив идеализму реалистичный подход к политическим процессам и явлениям.

По мнению Л. Штрауса, Н. Макиавелли считал, что не следует исходить из нормативных требований описания лучшего режима, осуществление которого маловероятно. Необходимо «прекратить определять наше становление добродетелью, высшей целью, которую общество только и может для себя избрать; позвольте нам, наконец, начать руководствоваться задачами, которые ныне решают все общества... Моральность покоится на аморальности, справедливость возникает из несправедливости, и точно так же всякая легитимность в конечном счете образуется из революционных преобразований. Человек не обращен к добродетели по своей природе. Если у него бывают угрызения совести, это величайшее зло для него... невозможно определять благо общества, общее благо в терминах добродетели и что, наоборот, следует определять добродетель в терминах общего блага. Именно такое понимание добродетели на деле определяет жизнь всех обществ. Поэтому их цели состоят в свободе от чужеземного господства, стабильности или правлении закона, процветании, славе или могуществе... Все, что делается ради этой цели, есть благо. Такая цель оправдывает любые средства».[2]

Макиавелли, изучив современную ему политическую действительность, увидел, что некоторые государи действовали исходя не только из христианской морали, но и из своих эгоистических интересов. Тогда он выдвинул идею о том, что это не только возможно, но и приносит пользу государству. Идея имела широкий успех, в том числе и у власть имущих, которые приняли эти идеи и стали реализовывать их в своей политической практике. Впоследствии исследователи, изучив современную им действительность, построенную на этих идеях, убедились в истинности идей Макиавелли и заявили, что он открыл то, что до него было неизвестно. Это неверно. Макиавелли не открыл, а создал новую действительность, сначала идеально, а последующие поколения

---

[1] В. Парето писал: «Не следует путать насилие с силой. Насилию часто сопутствует слабость». См.: Парето В. Социалистические системы. Введение. //Теоретическая социология: Антология: В 2-х ч. / Пер. с англ., фр., нем., ит. Сост. и общ. ред. С.П. Баньковской. М., 2002. Ч. 1.

[2] Штраус Л. Что такое политическая философия? // Антология мировой политической мысли. В 5-ти т. Т. 2. Зарубежная политическая мысль: истоки и эволюция. М., 1997. / http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Sem/index.php

политиков, которые руководствовались этими идеями, – воплотили их в политическую реальность. Без Макиавелли политическая реальность была бы другой. Не обязательно лучше, но точно другой.

Своего рода духовным рубежом в процессе рационализации политики оказалась Реформация, которая выступила против притязаний католической церкви на универсальность[1]. Первые протестанты выдвинули принцип, согласно которому каждый государь или народ вправе сам решать вопрос о форме своего вероисповедания.

Если почти все средневековые учения ставили в центр внимания религию и Церковь как высший авторитет, то учения Нового времени отдают приоритет светскому началу, отвергая авторитет Церкви для государства.

Основу политической концепции Нового времени составил рационализм, оформившийся в политических теориях Т. Гоббса, Дж. Локка, Ж.-Ж. Руссо, Ш.-Л. Монтескье и др. Было заявлено, что человек – самостоятельный и свободный индивид, способный без чьей-либо помощи извне[2] реализовать свои цели и интересы, он сам лучше, чем кто-либо другой, в том числе и государство, знает, что для него хорошо, а что плохо. Идею «естественных прав» развила и дополнила концепция «общественного договора», благодаря которой радикально изменялся господствовавший прежде взгляд на источник публичной власти в государстве, на подлинного субъекта государственного суверенитета (Г. Гроций, Т. Гоббс, Дж. Локк). Глубокой разработке подверглись идеи государства вообще и национального государства в частности.

Если классическая политическая философия была поиском наилучшего политического порядка или строя, наиболее благоприятного для добродетельной жизни, то в Новое время добродетель уже не понимается как цель существования государства; напротив, добродетель существует ради него. Классическая политическая философия считала, что хорошее государство можно построить только из хороших людей. Начиная с Макиавелли эта идея отвергается. Утверждается, что при хорошей организации государство может состоять из кого угодно, «хотя бы из дьяволов, при условии, что они обладают рассудком» (И. Кант). В частности, Т. Гоббс пишет: «...когда государство при-

---

[1] Мартин Лютер пишет: «Поскольку весь мир зол и среди тысячи едва ли найдешь одного истинного христианина, то люди пожирали бы друг друга и некому было бы защитить женщин и детей, накормить их и поставить на службу Богу, и мир опустел бы. Вот почему Бог учредил два правления: духовное, которое образуют христиане и благочестивые люди при помощи Святого Духа во главе с Христом, и светское, сдерживающее нехристиан и злых, заставляющее их, хотя бы против воли, сохранять внешний мир и спокойствие... Потому-то эти два правления должны усердно разделяться и оба должны оставаться: одно, которое делает благочестивым; другое, которое создает внешний мир и защищает от злых дел. Ни одного из них недостаточно в мире без другого». См.: Лютер Мартин. О светской власти// Антология мировой политической мысли. В 5-ти т. Т. 1. Зарубежная политическая мысль: истоки и эволюция. М., 1997.

[2] «Итак, знайте, друзья мои, что всякий культ и поклонение богам есть заблуждение, злоупотребление, иллюзия, обман и шарлатанство; что все законы и повеления, издаваемые именем и властью Бога и богов, – не что иное, как измышление человека...» См.: Мелье Жан. Завещание // Антология мировой политической мысли. В 5-ти т. Т. 1. Зарубежная политическая мысль: истоки и эволюция. М., 1997.

ходит в упадок не вследствие внешнего насилия, а вследствие внутренних междоусобиц, то это вина людей не в силу того, что они являются материалом, из которого составлены государства, а в силу того, что они являются творцами и распорядителями последних»[1]. Сегодня такой подход назвали бы институциональным.

Если стержнем политического учения Макиавелли была слава, то стержнем политической концепции Гоббса является власть. В основе его построений лежит тезис о двух состояниях любого человеческого общества: естественном, когда отсутствует какая бы то ни было государственная организация, и государственном, гражданском.

Власть человека, пишет Гоббс, «есть его наличные средства достигнуть в будущем некоего блага»[2]. Он рассматривает властные отношения как асимметричные и конфликтные, отражающие господство одних людей над другими. При этом гоббсовское видение причинной связи следует из его механистической интерпретации социальных отношений как контактов и столкновений, в которых одни тела («агенты») толкают другие тела («пациентов»)[3].

Приняв фундаментальную концепцию Гоббса, Локк внес в нее существенную поправку. Он утверждал, что человеку для самосохранения нужно не ружье, а пища, или вообще собственность: «... великой и главной целью объединения людей в государства и передачи ими себя под власть правительства является сохранение их собственности»[4]. Таким образом, желание самосохранения превращается в желание собственности, приобретения, и право на самосохранение становится правом на неограниченное приобретение. Практические последствия этого маленького изменения были огромны[5].

Важным элементом формировавшейся теории национального государства стала идея суверенитета. Приоритет и главная заслуга в разработке идеи государственного суверенитета принадлежит Ж. Бодену. Он обосновал тезис о том, что о существовании государства можно говорить лишь в том случае, если оно наделено суверенитетом, под которым подразумевалась «абсолютная и постоянная власть», «высшая власть повелевать». Она едина, неделима, неограниченна и не связана с какими бы то ни было сковывающими условиями. На подконтрольной данному государству территории не остается и не может быть какой-либо иной власти, кроме как власти единого суверена. Наиболее завершенным выражением этого принципа стала монополия государства на легитимное насилие.

---

[1] Цит. по: Штраус Л. Введение в политическую философию. Пер. с англ. М., 2000.

[2] Гоббс Т. Левиафан // Избранные произведения. В 2-х т. М., 1991. Т. 2. С. 63.

[3] См.: Ледяев В.Г. Концепции власти: аналитический обзор //Антропология власти. Хрестоматия по политической антропологии: В 2-х т./ Сост. и отв. ред. В.В. Бочаров. Т. 1. Власть в антропологическом дискурсе. СПб., 2006. С. 83.

[4] Локк Дж. Два трактата о правлении //Политология: хрестоматия / Сост. проф. М.А. Василик, доц. М. С. Вершинин. – М.: Гардарики, 2000. С. 151.

[5] См: Штраус Л. Введение в политическую философию. Пер. с англ. М., 2000.

Просветители активно занимались созданием теории политического механизма, которым следовало заменить абсолютную монархию. Шарль Луи Монтескье (1689–1755) – философ-просветитель, политический мыслитель Нового времени – видел этот механизм в разделении властей на законодательную, исполнительную и судебную. По его мысли, в случае соединения любых двух ветвей неизбежно подавление свободы, господство произвола и тирании, а соединение всех трех в одном лице или органе составляет характерную черту деспотизма. Монтескье подчеркивал не только независимость ветвей власти друг от друга, но и необходимость их взаимного дополнения и уравновешивания. У него разделенные власти выступают как подсистемы единой системы, как три ветви единого ствола.

На формирование договорной теории государства и ряда других идей и теорий, составивших субстрат политической философии, сильно повлияли воззрения Ж.-Ж. Руссо. Главная его мысль состояла в том, что справедливое и отвечающее природе людей государственное устройство должно основываться на общественном договоре.

Политические концепции общественного договора, естественных прав, правового государства и пр. – это не вывод из политической практики, а творческие концепции, обоснованные псевдоисторически[1], то есть они не имели реального основания, и их создание основывалось не столько на понимании прошлого, сколько на необходимости изменения будущего. Все эти концепции не имели реальных исторических оснований[2], но зато они стали основанием для будущего. Люди поверили в них и действовали таким образом, будто эти концепции отражают некую, пусть и прошлую, реальность. Опираясь на эти концепции, революционеры, а потом и реформаторы преобразовывали настоящее, формировали будущее.

Например, концепция общественного договора предполагает наличие у договаривающихся сторон тех прав, которые они передают правительству; но люди на заре государственности и не предполагали об их существовании, однако считалось, что граждане, образующие государство, отдавали ему некую свободу, которую они имели в обмен на порядок. Исторические и антропологические изыскания свидетельствуют о том, что у человека, живущего в рамках семьи, рода, племени, нечего было отдавать. У него не было ничего, чем он мог бы пожертвовать образовывающемуся правительству. Все свободы и так уже были узурпированы главой семьи, рода, старейшинами племени. Ка-

---

[1] Л. Штраус пишет: «...история (включая антропологию) учит нас, что не существует такого права; вместо мнимого единообразия мы находим неограниченное многообразие представлений о праве или справедливости». См.: Штраус Л. Естественное право и история. М., 2007. С. 15.

[2] «Рационалистическая мысль XVII–XVIII вв. представляла первобытного человека совершенно свободным действователем, исполняющим любые прихоти своеволия... Сегодня мы смотрим на дело иначе. Чем больше мы узнаем о первобытных людях, тем больше нас поражает не безграничная свобода, а, наоборот, удивительно строгая регламентированность их поведения». Жувенель Б. де. Власть: Естественная история ее возрастания / Бертран де Жувенель; пер. с фр. В.П. Гайдамака и А.В.М., 2011. С. 268.

ждый человек не был участником общественного договора, если бы даже он и имел место. Это мог быть договор вождей племени, рода – кого угодно, но не частных личностей. Во время реального образования государства понятия естественных прав не было, как не было и самих прав. Отдавать было нечего.

Для того чтобы отдать свои естественные права, их нужно иметь. Просветители предполагали, что человек имеет их от природы, однако это заблуждение. Природа – это то, что существовало до появления человека и функционирует по законам, заложенным не человеком. Общество, государство, власть – это создания человека. В природе никаких прав существовать не может – это человеческое произведение. У неандертальца не было никаких прав. Они созданы исторически, и создала их не природа, а сам человек. Как и все остальные общественные и гуманистические явления, они не были взяты из природы. Права, как и весь остальной искусственный мир, сотворены человеком. Естественные права не могли «появиться» – они могли быть только созданы. Последующие поколения мыслителей и политиков исходили из их реальности[1]. На основе идеи естественных прав Ж.-Ж.Руссо создал теорию общественного договора, которая, в свою очередь, опиралась не на реальность, а на идеальные конструкции, созданные в сознании Руссо.

Таким образом, естественные права и основанный на них общественный договор есть абстрактная идеальная конструкция, из которой исходили последующие поколения людей как из реально существующих[2].

Концепции эпохи Просвещения глубоко преобразовали политический мир, потому что имели в нем лишь минимальную опору, они не вытекали из него. Поскольку их концепции были противоположны существующему порядку, то для их внедрения нужно было его кардинальное изменение – революция во Франции либо длительная реформа, как в Англии. Нынешняя политическая реальность западной цивилизации строится исходя из этих идеальных, не имеющих отношения к историческим фактам конструкциях. Это свидетельствует о том, что не важно, насколько теория соответствует реальности, – важна возможность ее осуществления в реальности.

---

[1] Гоббс и Руссо были правы не потому, что правильно познали существующую действительность и сделали из нее верные выводы, а потому, что их идеи оказались привлекательными для людей, принимающих решения и одновременно реализуемыми в тогдашних и современных условиях. Их идеи оказались разумными, потому что они сегодня действительны. Их оправдывает сегодняшняя реальность.

[2] Естественные права, общественный договор – это такая же химера рационалистического сознания, как и лешие, русалки, – сознания религиозного или мифологического. Они существуют, пока в них верят. Но если в них верят, то действуют так, как если они реально существуют. Всякая реальность мира, созданного человеком, начинается в его сознании, поэтому человек действует исходя из этого видения мира. Это не отрицает существования объективного мира, но человек действует исходя не из реальностей этого мира, а того, который есть в его сознании. Искусственный мир создается человеком сначала идеально в сознании, а затем реально в объективном и материальном мире. Естественно, что они отличаются, поскольку не все из идеального мира удается воплотить в реальном; тем не менее первичным является мир идеальный и субъективный.

Политическая реальность не выводится из прошлого, она создается из идей. Было время, когда политической реальности не было. Первый властный акт сначала родился в сознании человека и лишь затем был реализован. Все последующие создавались таким же образом. Даже когда ученые стараются познать реальность, они познают не некую независимую от человека реальность, а социально-политическую реальность, которая первоначально всегда создана идеально.

Ключ к пониманию российской власти в XIX – начале XX вв. лежит в содержании политических идей западной цивилизации, которые в своем развитии прошли три этапа. Первый развивался в рамках древнегреческой философии, второй – в рамках христианской мировоззренческой парадигмы, третий – продукт рационализма Нового времени. Создаваемые в пределах господствующих мировоззренческих систем, политические идеи формировали политическую реальность.

§4. Динамика власти

Возрастание и ограничение власти

В истории наблюдается феномен возрастания силы и мощи государственной власти. Несмотря на то, что в отдельные периоды ее сила и объем могут уменьшаться, тем не менее общая тенденция свидетельствует о ее возрастании. Тому есть целый ряд причин.

Одна из причин возрастания власти кроется в том, что она вынуждена решать все новые задачи. Увеличивающееся количество идей, которые власть претворяет в жизнь, увеличивает объем ее функций и полномочий, а значит, и силы, которая имеется у власти, и ресурсов[1] для реализации этих идей.

Б.де Жувенель указывает на то, что власть имеет тенденцию к возрастанию[2] не только по причине увеличения числа функций, которые она вынуждена возлагать на себя, но и из-за ее стремления непосредственно осуществлять власть над личностями, составляющими государство, минуя посредников. Действительно, социальная реальность под воздействием новых идей меняется, что приводит к формированию новых центров власти, первоначально независимых от власти: партий, профсоюзов, социальных движений и др. Постепенно они наращивают свою власть. Государственная власть, увидев поднимающегося соперника, начинает действия по его подчинению. В конце концов она либо лишает его силы, либо встраивает в собственную систему власти на правах подчиненного, хотя и сохраняющего некоторые властные функции. Например, феодалы были встроены во власть в качестве аристокра-

---

[1] Новые силы и ресурсы власти создаются в экономической, научно-технической, социальной областях.

[2] См.: Жувенель Б. де. Власть: Естественная история ее возрастания / Бертран де Жувенель; пер. с фр. В.П. Гайдамака и А.В. Матешук. М., 2011. С. 176–194.

тии; первоначально независимые политические партии также были постепенно инкорпорированы в современную властную систему.

Государство, реализуя идею суверенитета, стремится к концентрации всей власти на данной территории в своих руках. Поэтому, как только в стране создаются новые властные центры, неподконтрольные центральной власти, она стремится к их подчинению. То, что это стремление есть следствие действия идеи суверенитета, а не имманентное свойство власти, как полагает Б.де Жувенель, говорит тот факт, что власть в тех государствах, которые восприняли и реализуют идею разделения властей, может разделиться на исполнительную, судебную и законодательную, то есть пойти на ослабление власти как таковой.

Б.де Жувенель описал универсальный механизм, часто используемый государственной властью в своей борьбе с новыми центрами власти, которые он характеризует как аристократические. В качестве союзников в борьбе с ними государство использует плебс (или народ). Действительно, этот механизм применяется не только в европейской, но и российской истории: например, использование Иваном Грозным народа в борьбе с боярами или привлечение Сталиным выдвиженцев из народа для борьбы с партийными функционерами – выходцами из профессиональных революционеров, которые превратились в партийную аристократию.

Власть не опасается новых социальных структур до тех пор, пока они не претендуют на политическую власть. Например, первоначально она благосклонно относилась к возвышению финансовых и промышленных структур, однако как только они заявили свои претензии не только на экономическое, но и на политическое могущество, как с ними тут же началась война.

Часто государственная власть, ликвидируя своих соперников, будь то аристократия или иные автономные центры власти, невольно способствует установлению большего равенства в обществе, и эти действия обычно находят поддержку у плебса. Установившееся на некоторое время относительное равенство вскоре нарушается естественным ходом событий[1], когда начинают возникать новые центры власти. Этот процесс Р. Михельс назвал «железным законом олигархических тенденций», согласно которому демократия, дабы сохранить себя и достичь стабильности, вынуждена создавать организацию, а это связано с выделением элиты – бесконтрольного активного меньшинства, поэтому демократия неизбежно превращается в олигархию. Демократия, как и любая власть, не может существовать без организации, управленческого аппарата, элиты, что в свою очередь ведет к закреплению постов и привилегий, к отрыву от масс, к несменяемости лидеров, к вождизму. При этом функционеры левых партий, особенно избранные членами парламентов, меняют

[1] Под естественным ходом событий понимается не развитие под влиянием каких-то внешних причин, а реализация идей в технической, научной, экономической и других сферах, что приводит к изменению естественной и социальной среды существования общества.

свой социальный статус, превращаются в правящую элиту. С определенными оговорками этот процесс применим для объяснения действия механизма разрушения равенства в других политических системах и при иных исторических обстоятельствах.

Важным фактором возрастания власти является необходимость защиты суверенитета от внешних угроз. Как только у соседей появляются и реализуются идеи, увеличивающие их военную, политическую, экономическую или научно-техническую мощь, тотчас эти же идеи государственная власть стремится внедрить и у себя в стране, чтобы не оказаться зависимой от более сильного соседа.

Государство не только не может допустить чрезмерного увеличения военного, экономического и научно-технического потенциала соседей, но и на значительное усиление власти в соседних государствах вынуждено отвечать ее усилением в собственной стране, поскольку власть способна мобилизовать все остальные виды ресурсов.

Как утверждает Б.де Жувенель, «Прогресс Власти – прогресс войны. Прогресс войны – прогресс Власти» [1]. Всякий значительный шаг вперед в милитаризации связан с ощутимым продвижением власти – как его результат или как его причина. При этом власть, находясь в некоторых отношениях с народом, может увеличить свой военный аппарат только в известных пределах. Чтобы их преступить, она должна революционизировать эти отношения, присвоить себе новые права.

Одной из причин возрастания власти является и то, что все авторы социальных утопий, реформаторы и революционеры связывают свои проекты с ее творческими возможностями. Осуществление новых социальных проектов предусматривается обычно силами государственной власти, как наиболее могущественного инструмента социального творчества. Придя к власти и осуществляя свои проекты, и революционеры, и реформаторы прежде всего привлекают к этому делу государственный аппарат, вынужденно увеличивая его силу и мощь, даже если в результате предполагается отмирание государства, как это было в случае с коммунизмом.

Б.де Жувенель считает, что проведение в жизнь любых «простых» решений также требует значительной власти и приводит к ее возрастанию[2].

В рамках рационалистического мировоззрения в XVIII веке была воссоздана идея ограничения государственной власти. Эта идея не нова. Вероятно, она становится популярной в те периоды, когда власть опирается на слабую или слабеющую идею и ей приходится применять насилие для реализации своих решений.

---

[1] Жувенель Б. де. Власть: Естественная история ее возрастания / Бертран де Жувенель; пер. с фр. В.П. Гайдамака и А.В. Матешук. М., 2011. С. 202.

[2] См.: Жувенель Б. де. Власть: Естественная история ее возрастания / Бертран де Жувенель; пер. с фр. В.П. Гайдамака и А.В. Матешук. М., 2011. С. 196.

В Средние века государственная власть в Европе была проводником христианской идеи, и до тех пор, пока эта идея не ставилась под сомнение, не возникало попыток ограничения власти. Мысль о том, что люди могут вводить законы, идущие вразрез с обычаем, совершенно чужда Средневековью. Да и сама государственная власть находилась в жестких рамках религиозных догматов, переступить которые она не могла ни при каких обстоятельствах. В этих рамках власть была неограниченна, вне этих рамок – незначительна либо не существовала вовсе. Наступление идей рационализма привело к кризису христианского мировоззрения. Власть, лишенная идейной опоры в глазах прежде всего рационалистически мыслящих людей, стала казаться им избыточной и несправедливой. Вот как описал этот процесс Б.де Жувенель: «Распад единства христианской церкви, многообразие сект, распространение вольнодумства подрывали этот фундамент. Его заменили основанием Разума, по правде сказать, более хрупким. Важно было поддерживать всеобщее законодательство, которое ни один человек не мог бы извращать по своей прихоти и в своих интересах»[1]. Выход нашел Монтескье, создавший средство против вырождения демократии в тиранию – равноправие трех ветвей власти: «Чтобы не было возможностей злоупотреблять властью, необходим такой порядок вещей, при котором различные власти могли бы сдерживать друг друга» («О духе законов», 1748). Примеры для обоснования, как обычно, нашли в римской истории, где против постановления одного консула мог возражать другой консул, против действия одного трибуна – другой трибун, то есть разные части одной и той же власти ограничивали друг друга.

Другой идеей, ограничивающей власть, была идея верховенства права. В условиях христианского мировоззрения эта идея не могла существовать, поскольку господствовал Закон Божий, не подлежащий изменению. Нужны были рационализм и смелость Гоббса, чтобы утверждать, что государство – источник права, что «все законы, писаные и неписаные, имеют свой авторитет и силу в зависимости от воли государства, то есть от воли его представителя, каковым является в монархии монарх, а в других государствах – верховное собрание»[2]. Обоснование и в этот раз нашли в Античности. Еще Цицерон утверждал, что над властью во все времена стоит право, распространяющееся на всех людей во всех землях и не подчиненное воле сената или народа. Эти принципы восприняла революция. Право – творение общей воли, а на деле – парламента, который сразу же стал единственной инстанцией, правомочной не только изъяснять, но и формировать эту волю. Этому действительному суверену была дана неограниченная власть[3].

---

[1] Жувенель Б. де. Власть: Естественная история ее возрастания / Бертран де Жувенель; пер. с фр. В.П. Гайдамака и А.В. Матешук. М., 2011. С. 382.

[2] Цит. по: Жувенель Б. де. Власть: Естественная история ее возрастания / Бертран де Жувенель; пер. с фр. В.П. Гайдамака и А.В. Матешук. М., 2011. С. 390.

[3] Жувенель Б. де. Власть: Естественная история ее возрастания / Бертран де Жувенель; пер. с фр. В.П. Гайдамака и А.В. Матешук. М., 2011. С. 390.

Б.де Жувенель считает, что «идея ограничения власти со стороны права означает не механический, а духовный процесс. Это общее отвращение, вызываемое руководителями государства у всей нации, это испытываемые ими самими угрызения совести, это, наконец, возможное возбуждение против них судебного процесса и осуждение их, невзирая на высокое положение»[1].

В современной либеральной политической мысли идея ограничения власти путем демократических процедур и механизмов возведена в ранг одного из основных догматов. Так, К. Поппер считает, что «демократия, или право народа оценивать и отстранять свое правительство, представляет собой единственный известный нам механизм, с помощью которого мы можем пытаться защитить себя против злоупотребления политической силой. Демократия – это контроль за правителями со стороны управляемых... государственная власть всегда была и останется опасным, но неизбежным злом... Государственное вмешательство должно быть ограничено в той степени, которая в действительности необходима для защиты свободы»[2].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в основе исторических тенденций как усиления, так и ограничения власти лежит появление новых идей в политической, и иных сферах.

Свержение власти

Любая власть не вечна, и период ее смены – очень болезненный исторический момент для любого народа.

Смена власти в широком смысле – это переход к власти, основанной на иной идейной основе, в узком смысле – передача власти от одного лица к другому. Такая передача осуществляется либо по наследству, либо по выбору, либо по назначению.

В основе передачи власти по наследству лежит идея о том, что власть не привязана к некой личности, то есть власть порождается не бытием того, кто ее удерживает, но его действиями или качествами; при этом власть может оставаться той же самой, будучи передаваемой от одного лица к другому (индивидуальному или коллективному) с тем условием, что все они воспроизводят те акты, которые породили эту власть. Следовательно, передача по наследству более или менее осознанно опирается на теорию, согласно которой «добродетели» или способности производить нужные действия передаются от отца к сыну. Эта теория, по мнению А. Кожева, базируется на весьма «примитивной», даже «магической» концепции. «Добродетель» понимается как своего рода полуматериальная субстанция, обнаруживаемая с большей или меньшей полнотой у всех членов одного семейства и более или менее полно передаваемая от отца к сыну. Поскольку с позиций рационалистического ми-

---

[1] Жувенель Б. де. Власть: Естественная история ее возрастания / Бертран де Жувенель; пер. с фр. В.П. Гайдамака и А.В. Матешук. М., 2011. С. 403.

[2] Антология мировой политической мысли. В 5-ти т. Т. 2. Зарубежная политическая мысль: истоки и эволюция. М., 1997. / http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Sem/index.php

ровоззрения эта концепция звучит малоубедительно, то передача власти по наследству утратила доверие.

Передача власти по назначению имеет место, когда кандидат утверждается тем (теми), кто сам наделен властью; передача власти по избранию происходит, когда кандидат утверждается теми (или тем), кто не обладает никакой властью. Оба этих механизма также основываются на идейных концепциях. Как считает А. Кожев, какой бы ни была передача, она всегда более или менее уменьшает власть[1].

Рассмотренные формы смены власти не затрагивают ее сущности и не приводят, как правило, к смене ее основ. Для истории больший интерес представляет рассмотрение таких форм смены власти, в ходе которых происходит ломка основ общественного и государственного устройства. Хотя сегодня и продолжает господствовать материалистический взгляд на причины таких катаклизмов, тем не менее современные исследователи все чаще сходятся во мнении, что нет прямой связи между экономической эффективностью правящего режима, материальным благосостоянием людей и революцией. Напротив, все чаще звучит мысль о том, что люди проявляют недовольство властью не в худшие экономические времена, а, скорее, в период экономического роста. Идеалистический подход объясняет этот феномен второстепенной ролью экономического фактора в революции, отводя главенствующую роль идеям. Экономический, а шире – материальный фактор играет роль объективно-материальной рамки, которой проверяется эффективность идей. Слабая идея – непрочная поддержка власти. Первый же экономический кризис, война, природный катаклизм приведут к ее падению. В этом случае власть теряется не в результате кризиса, войны или природного катаклизма, – она падает вследствие слабости идеи, на которую опирается, а объективные события служат лишь поводом, подтверждающим слабость власти. Главной же причиной является слабая идея, на которой эта власть держится. Как считает Л. Мизес, «если уж большинство управляемых приходит к убеждению, что необходимо и возможно изменить форму правления и заменить старый режим и старый персонал новым режимом и новым персоналом, дни прежнего сочтены. Большинство всегда будет иметь средства осуществить свои желания силой даже против воли старого режима»[2].

Победа силы идеи над материальной силой в политической сфере отчетливо проявилась в победе индийцев, руководствующихся идеей ненасильственного сопротивления, над британскими колонизаторами. Этой идее, имеющей прочные корни в индийской идейной культуре, английская мысль не смогла

---

[1] См.: Кожев А. Понятие Власти. М.:, 2006. С. 70–76.

[2] Мизес Л. Либерализм в классической традиции //Антология мировой политической мысли. В 5-ти т. Т. 2. Зарубежная политическая мысль: истоки и эволюция. М., 1997. / http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Sem/index.php

ничего противопоставить, и вскоре идейное поражение закономерно повлекло за собой поражение политическое.

«Смерть» богов, а позднее дискредитация идейных доктрин знаменуют собой упадок и смерть старой и восхождение не только новой власти, но иногда и целой цивилизации. Как правило, народы недолго переживают исчезновение своих богов. Прав был Г. Лебон, когда писал: «Нет ничего более разрушительнее, чем прах умерших богов»[1]; при этом он указывал, что влияние оказывают не только войны и революции, опустошительные следы которых рано или поздно изживаются, но и перемены в основных идеях, понятиях и верованиях, которые связаны с тем, что основополагающие элементы самой цивилизации осуждены на преобразование. Настоящие революции, чреватые опасностью для существования того или иного народа, – это революции, происходящие в его мыслях[2].

Насильственная смена власти всегда происходит в условиях ее кризиса, имеющего идейную основу. Власть, основывающаяся на сильной идее, несокрушима даже для более сильного внешнего врага. Примеров тому мы находим достаточно и в российской истории, наиболее яркие – сохранение власти, основывающейся на православии в период татаро-монгольского ига, и коммунистического режима в 1941 году, когда враг был под Москвой.

Кризис власти – это всегда кризис идеи, лежащей в основе этой власти. В самом общем виде механизм ее свержения в рамках идеалистического подхода видится следующим образом. Главным условием политического кризиса является кризис мировоззренческих основ, на которых держится данная власть. В религиозном обществе это кризис религии, в коммунистическом – коммунистической идеи, в либеральном – либеральной доктрины. Если мировоззренческого кризиса нет, то власть может быть свергнута только в случае ее грубейших ошибок или откровенных преступлений, оцениваемых, таким образом, с позиций господствующего мировоззрения. При этом сущность власти останется прежней, поменяются только носители верховной власти. Такая смена власти характерна для государственных переворотов; примером может служить убийство Павла I или снятие Н. Хрущева с поста генсека.

Если мировоззрение в кризисе, то есть его основные идеи уже не являются действенными и не подтверждаются общественной практикой (например, страна начинает резко отставать в своем развитии либо под угрозу ставится ее независимость или сохранение господствующего культа), тогда малейший повод может стать причиной свержения всей системы данной власти.

Еще одной важнейшей предпосылкой является наличие сильной оппозиционной идеи, которая вдохновляет активное политическое большинство. Если такой идеи нет, то власть, даже опирающаяся на слабую идею, вероятнее

---

[1] Лебон Г. Психология народов. М., 1898. С. 128.

[2] Гаджиев К. С. Введение в политическую философию. М., 2004. С. 115.

всего устоит во внутренних катаклизмах, но будет чрезвычайно слабой в катаклизмах внешнеполитических[1].

Историки и политологи давно работают над проблемой предотвращения политических конфликтов в их жестоких формах – революций, гражданских войн, кровавых переворотов. Часто приходится встречать утверждение, что та или иная власть опоздала с реформами, соответствующими господствующему идейному мейнстриму, и это привело к кровопролитию. При этом не учитывается то обстоятельство, что не всякая власть может проводить реформы, насыщенные определенным идейным содержанием. Например, власть, основывающаяся на религии, не может начать проведение реформ, опирающихся на материалистическое мировоззрение, поскольку это подорвет ее политическую опору, не прибавив при этом сторонников в лагере материалистов. Такая власть обречена в любом случае, и опыт Николая II хорошо иллюстрирует данное утверждение. Царь потерял свою традиционную опору в крестьянстве, купечестве и даже дворянстве, пойдя на либеральные реформы. Невозможно представить, но если бы он вдруг начал проводить коммунистические реформы, то не продержался бы и дня – его тут же свергло бы ближайшее окружение. Власть не может произвольно опираться на те или иные идеи – она заложница того идейного направления, с помощью которого пришла к власти и осуществляла ее. Возможности идейного маневрирования у власти крайне ограниченны.

Конечно, действенность идеи зависит от качества личностей, возглавляющих власть. Это не столь значимо для сильных идей, ведь возглавлял же СССР откровенно слабый для такой огромной и сложной страны Н. Хрущев, когда коммунизм как концепция был еще достаточно популярен. А вот в период опоры власти на слабую идею, слабость личности, возглавляющей верховную власть, почти всегда имеет фатальные последствия. В английской, французской и русской революциях свергнутые монархи были слабыми личностями, опиравшимися на слабые идеи. Интересную мысль по этому поводу высказал английский философ С.Н. Паркинсон в книге «Законы Паркинсона». Рассматривая проблему студенческих революций середины 1960-х годов, он пишет о том, что люди никогда не восстают против тирании, но всегда – против власти слабеющей и колеблющейся. История любой революции начинается не с заговора повстанцев, но с сомнений и разлада среди людей у власти. Упадок власти создает вакуум, заполняемый протестом.

Часто приходится сталкиваться с утверждением, что любая революция, начинающаяся против господства деспотизма, заканчивается еще большим деспотизмом, при этом не находя объяснения этому феномену в рамках материалистического мировоззрения, – утверждается, что это всеобщая историческая закономерность. В рамках идеалистического подхода этот феномен

[1] Яркий пример тому – военная слабость России, первостепенной военной державы, какой она являлась во второй половине XIX – начале XX вв.

объясняется тем, что свергается власть, опирающаяся на слабую идею, а на смену ей приходит победившая власть, которая опирается на более сильную идею и, следовательно, порождает более сильную власть.

Свергаемая власть, потерявшая свою идейную опору, всегда вынуждена широко применять насилие, которое, будучи необоснованно идейно, встречает всеобщее неодобрение. Новая власть, опирающаяся на сильную идею, может применять насилие в гораздо больших масштабах, не вызывая при этом отрицательных эмоций в рядах своих сторонников, а это, как правило, – активное политическое большинство. После того как идейный фундамент власти будет подорван, применение ею силы также будет считаться нелегитимным. Яркий пример тому – эволюция коммунистического режима в СССР, широко применявшего насилие в начале правления и оказавшегося совершенно неспособным на это в конце своего существования.

Идейный кризис прежде всего задевает правящий класс. Еще Г. Моска подметил тенденцию слабеющих элит к прекращению занятиями военным делом; так случилось с римскими аристократами, отдавшими не только службу в армии, но и командование войсками на откуп варварам. Нечто подобное случилось и в Венецианской республике, где знать перестала командовать галерами и проводить в море большую часть жизни торгуя и воюя. Так было в период застоя в СССР и наблюдается в современной России, где элита прекратила направлять своих детей в армию и на флот. Так всегда бывало в обществах со слабеющей господствующей идеей, на которой зиждется государственная власть. Первой на это реагирует правящая элита, которая, лишившись «высокой» идеи, начинает руководствоваться идеями «низкими» – стремлением к собственному благосостоянию, поиском удовольствий и т.п. Конечно, руководствуясь такой жизненной доктриной, представители правящего класса не захотят жертвовать своей жизнью или жизнью своих детей ради государства, лишенного идейной опоры. Чтобы отдавать свою жизнь за страну и ее народ, нужно, чтобы данное государство основывалось на идее, которая была бы для элиты дороже жизни. Такой идеей было православие в царской России до XIX века, идея коммунизма для СССР до периода застоя. Такой идеи нет у современной России, поэтому она пребывает в перманентном кризисе вне зависимости от ее экономического состояния. Подобное состояние российских элит не является следствием их внутренней испорченности или национальной специфики, поскольку такие элиты формируются в любом обществе тогда, когда в нем нет сильной привлекательной идеи.

Таким образом, смена носителей власти является важным моментом для любого общества и может проходить как в бесконфликтных формах, так и насильственным путем. Главную роль в смене форм власти играют идейные факторы. Смена господствующих парадигм приводит к строительству новых общественно-политических систем; смена концепций в рамках господствующего мировоззрения также влечет за собой смену власти, однако ее последст-

вия не являются столь радикальными. Ошибки и преступления власти, квалифицируемые так в рамках господствующего мировоззрения, могут приводить к государственным переворотам без смены форм политической системы. Интенсивность и размах применяемого насилия при смене власти зависят от радикальности идей, с которыми идет во власть новый правящий класс.

§5. Государство и политика

Теории государства[1]

Есть множество теорий государства, и каждая из них дает свою картину его зарождения, эволюции и воздействия на общество. Все они строились на основе идей господствующего мировоззрения: античное понимание государства базировались на мифологии и древнегреческой философии; в Средние века основой взглядов на государство была христианская доктрина, а в Новейшее время – рационалистическое мировоззрение, тесно связанное с наукой. Различие базовых основ обусловило различие толкований понятия государства.

Одну из первых трактовок государства[2] дал Платон: «Государство возникает, как я полагаю, когда каждый из нас не может удовлетворить сам себя, но во многом еще нуждается... Испытывая нужду во многом, многие люди собираются воедино, чтобы обитать сообща и оказывать друг другу помощь: такое совместное поселение и получает у нас название государства... Ведь ради того мы и основали государство, чтобы люди вступили в общение»[3]. Эта идея до сих пор является одной из основополагающих в мировой политической науке.

Если Платон занимался поисками и конструированием идеального, на его взгляд, государства, то Аристотель перевел проблему государственности из абстрактно-теоретической области в практически-политическую. Сущность государства по Аристотелю – это власть: «существует и такая власть, в силу которой человек властвует над людьми себе подобными и свободными. Эту власть мы называем властью государственной»[4].

Аристотель считал, что «всякое государство представляет собой своего рода общение, всякое же общение организуется ради какого-либо блага (ведь всякая деятельность имеет в виду предполагаемое благо), то, очевидно, все общения стремятся к тому или иному благу, причем больше других и к высшему

---

[1] При написании подпараграфа в качестве основы использована работа: Миголатьев А.А. Предисловие //Антология мировой политической мысли. В 5-ти т. Т. 1. Зарубежная политическая мысль: истоки и эволюция. М., 1997.

[2] Современные исследователи считают, что античные мыслители, разрабатывавшие политические феномены на основе полиса, вообще-то не знали понятия «государство», которое было введено в научный оборот Н. Макиавелли. Понятия «полис» и «республика» у древних греков, которые, как правило, в русском переводе передаются термином «государство», никоим образом не предполагают противопоставления государства и общества, такое разграничение чуждо античной философской мысли. См.: Гаджиев К.С. Введение в политическую философию. М., 2004. С. 13–14.

[3] См.: Платон. Государство //Антология мировой политической мысли. В 5-ти т. Т. 1. Зарубежная политическая мысль: истоки и эволюция. М., 1997.

[4] См.: Аристотель. Политика //Антология мировой политической мысли. В 5-ти т. Т. 1. Зарубежная политическая мысль: истоки и эволюция. М., 1997.

из всех благ стремится то общение, которое является наиболее важным из всех и обнимает собой все остальные общения. Это общение и называется государством или общением политическим»[1].

Принципиальное значение имело разграничение Аристотелем государства и общества[2]. До него полис как город-государство рассматривался в качестве некоего целого, не расчлененного на государственные и общественные отношения, связи и институты. Аристотель выделил в полисе два ряда отношений входящих в него граждан. Первое – это политические, и вторые – частные экономические, нравственные, бытовые, религиозные, семейно-брачные и другие отношения и связи, где прямое вмешательство государства нежелательно или недопустимо. Такой подход к государству имел далеко идущие последствия как в сфере государственного строительства, так и в политической теории[3].

Таким образом, Платон и Аристотель – основоположники политики. Они создали политику как идеальную реальность. Они определили основные проблемы политики; при этом уже неважно, правильно ли они их вывели из существовавшей в их время реальности. С эллинских времен политическая мысль вращается в том круге проблем, который очертили Платон и Аристотель. Причем в Новое время они были открыты заново, и их идеи можно рассматривать как занесенные с другой планеты: ведь реальности, в которой они были созданы, уже давно не было, и какой она была в то время, никто не знал. Идеи Платона и Аристотеля не вытекали из существующей в Новое время реальности; попав в нее, они стали формировать новую политическую реальность. Можно утверждать, что сегодняшняя политика – это по большей части результат развития идей Платона и Аристотеля. Например, уже Т. Мор в своей «Утопии» развивает некоторые их идеи. Затем идеи Мора кладутся в

---

[1] См.: Аристотель. Политика //Антология мировой политической мысли. В 5-ти т. Т. 1. Зарубежная политическая мысль: истоки и эволюция. М., 1997.

[2] Идею разделения общества и государства воспринял итальянский мыслитель Н. Макиавелли, а уже в Новое время она была развита в трудах Т. Гоббса, Дж. Локка, Ш. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо, И. Канта, Г. Гегеля, Дж. Милля в форме концепции гражданского общества и правового государства. Для политической теории и политической практики эта концепция имела выдающееся значение, определив целые направления в исследованиях проблем политики и государства, либеральной демократии, парламентаризма, законодательства, прав и свобод граждан, многопартийности и др. Сегодняшнее разделение гражданского общества и государства есть прямое следствие реализации идеи Аристотеля.

[3] Современные проблемы взаимоотношений между государством и гражданским обществом в основном укладываются в четыре течения: 1) либералы делают упор на вопросы суверенитета и понятие гражданства; 2) либерал-демократы совершенствуют концепцию государства, правительство которого руководствуется прежде всего соображениями общего блага, поскольку считают политику как таковую сценой, где обеспечиваются интересы индивидов, защита их жизни и имущества; 3) марксисты видят в государстве и бюрократии классовые инструменты, призванные осуществлять общественную координацию в интересах правящего класса; 4) представители политической социологии развивают идеи своего учителя Вебера, который категорически возражал против тезиса об «уничтожении» государственных институтов в ходе «революций» и считал государство с его монополией на насилие необходимым орудием защиты собственников внутри страны и во внешних отношениях. См.: Дэвид Хелд. Политическая теория и современное государство (1989).

основание коммунистических проектов; таким образом, политическая мысль вращается в одном и том же круге идей, очерченном древними мыслителями, и если эта мысль и выходит из этого круга, все равно она остается связанной с первоисточником, даже если она его отрицает. Вся политика и ее проблематика в свернутом виде содержатся в идеях Платона и Аристотеля. Современные учения и концепции только развертывают их. Они могут создавать сколь угодно отличные идеи, но, вынужденные оперировать аристотелевскими понятиями и концепциями, неизбежно вытекают из них.

В начале Средних веков Августин Аврелий (IV – V вв. н. э.), а в XIII веке Фома Аквинский создали основы христианской политической теории. Августин противопоставлял Церковь и государство. Он рассматривал их как самостоятельные сущности: «Град Божий» – как воплощение идей Бога и всемирного господства Церкви и «град земной» – государство как порождение дьявола, нечто низменное и греховное, хотя и способное к добродетельным переменам в духе божественных предустановлений.

Фома, как и Августин, считал, что Церковь выше любого государства, поскольку она владеет душой человека, духом, а государству принадлежит лишь бренное человеческое тело. Однако в отличие от Августина он исходил из того, что государство имеет не дьявольское, а Божественное происхождение и потому не может быть отвергнуто. Христианство должно исходить из гармонического сочетания функций Церкви и государства (под духовным влиянием и превосходством Церкви).

Рационалистический пересмотр христианских политических положений был совершен в условиях Ренессанса Н. Макиавелли. Он противопоставил теологическому подходу к государству конкретное историческое понимание его происхождения, предназначения и функций. Основной его вывод: для сохранения и упрочения власти в государстве должны быть использованы любые средства, освобождая политику и политиков от соблюдения христианских канонов и моральных норм, с чем во многом связано употребление термина «макиавеллизм» как синонима постулата «цель оправдывает средства».

От Макиавелли берет свое начало материалистическая тенденция и традиция, согласно которой в политике нельзя абстрагироваться от экономических реалий, имущественных потребностей и интересов ее субъектов[1]. То же можно сказать о концепции политического республиканизма, которую Макиавелли отстаивал в противовес монархии, прежде всего в ее тиранической форме, и аристократическому правлению. Его тезис, что демократическая республика – идеал государства, оказал сильное влияние на развитие европейской и американской политической мысли и был реализован во многих странах.

---

[1] Ее впоследствии продолжили Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо, Ш. Фурье, П. Прудон, в особенности К. Маркс и Ф. Энгельс.

Томас Гоббс определял государство[1] как «искусственное тело», продукт человеческой деятельности, а не Божественное установление. Государство, по Гоббсу, возникло на основе «общественного договора» из «естественного состояния», когда люди жили разобщенно и находились в состоянии «войны всех против всех». Поэтому Гоббс считал, что цель создания государства – главным образом обеспечение безопасности, стремление избавиться от бедственного состояния войны, в котором люди пребывали, живя маленькими семьями[2]. Страх не разъединяет, а напротив, соединяет, побуждает заботиться о всеобщей безопасности, и государство – наилучший способ удовлетворения такой потребности.

Концепция власти и государства Гоббса явилась одной из первых современных моделей государства, и к ней обращаются по сей день.

Более поздние истоки современных концепций государства – в творчестве просветителей, которые отделили государственную систему как от особы правителя (почести нужно оказывать не конкретному человеку, а посту, статусу), так и от совокупности граждан.

Кантовская концепция государства коренилась в философском антропологизме кенигсбергского мыслителя, который исходил из того, что три сильные естественные склонности и страсти – честолюбие, властолюбие и жажда собственности – делают человека врагом других людей. Именно страсти подстрекают людей к постоянному соперничеству, в том числе политическому, к борьбе за превосходство. Это порождает антагонизм в обществе, но он служит средством, стимулирующим прогресс. Государство, по Канту, является формой общественной жизни, которая ограничивает разумными рамками борьбу и соперничество людей во имя прогресса. Оно призвано ограничить принудительными законами произвол частных лиц в условиях естественного состояния общества, которое «есть состояние войны»[3]. Преодолевая его, государство делает возможным совместную жизнь и деятельность людей. Следовательно, оно необходимо ввиду социального и природного несовершенства людей. Таков самый общий вывод, к которому пришел Кант в своем учении.

Важные суждения о государстве высказывались другим крупным немецким философом и политическим мыслителем – И.Г. Фихте. Для него характерен подход к государству как учреждению искусственному[4], так как оно стремится

---

[1] Т. Гоббс: «...государство есть единое лицо, ответственным за действия которого сделало себя путем взаимного договора между собой огромное множество людей, с тем чтобы это лицо могло использовать силу и средства всех их так, как сочтет необходимым для их мира и общей защиты». Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского //Политология: хрестоматия / Сост. проф. М.А. Василик, доц. М. С. Вершинин. М., 2000. С. 138.

[2] Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского //Политология: хрестоматия / Сост. проф. М.А. Василик, доц. М. С. Вершинин. М., 2000. С. 135–136.

[3] Кант И. Сочинения. В 6-ти т. Т. 6. М., 1966. С. 266.

[4] «Абсолютное государство по своей форме есть, на наш взгляд, искусственное учреждение, задача которого – направить все индивидуальные силы на жизнь рода и растворить их в последней,

растворить индивидов в жизни человеческого рода, и принудительному, поскольку для этой цели используется насилие. Фихте полагал, что государство должно считаться со свободой мнений своих граждан. Если оно начнет борьбу с господствующими в народе мнениями путем использования силы, то поставит перед собой «совершенно неосуществимую цель», ибо преследуемые в народе воззрения приобретут новых сторонников, а сознание своего права придаст ему «новые силы для сопротивления». Дело кончится тем, что государственный аппарат вынужден будет уступить, «лишний раз обнаруживая этим свою слабость»[1].

Особое внимание уделял государству Г.Ф.Г. Гегель. Свой известный тезис, что «разум господствует в мире, так что, следовательно, и всемирно-исторический процесс совершался разумно»[2], он применял и к государству, прежде всего германскому; поэтому Пруссия для него – вершина, опора и цель.

Важную роль в формировании идеи государства играли утопии, ведущие свое название от главного труда Т. Мора – «Утопия». Социальные утопии Сен-Симона, Фурье и Оуэна явились одним из идейных источников коммунистической доктрины государства.

В марксизме государство рассматривается как продукт классовой борьбы, результат раскола общества на классы и появления частной собственности. Энгельс усовершенствовал доктрину Гоббса, и вместо людей, которые враждуют друг с другом, у него действуют классы[3]. Государство в марксистском понимании – это орудие насилия, машина подавления одной части общества другой, диктатура класса. В условиях рабства, феодализма и капитализма меньшинство подавляет большинство; при переходе от капитализма к социализму диктатура пролетариата осуществляет господство победившего в революции большинства над свергнутым, но еще не уничтоженным меньшинством (эксплуататорами), слом буржуазной государственной машины. Классики марксизма считали, что государство неизбежно исчезнет вместе с клас-

---

т. е. дать достаточно разъясненной выше форме идеи внешнюю реализацию и выражение в индивидуумах». См.: Фихте Иоганн Готлиб. Основные черты современной эпохи //Антология мировой политической мысли. В 5-ти т. Т. 1. Зарубежная политическая мысль: истоки и эволюция. М., 1997.

[1] Фихте И.Г. Основные черты современной эпохи / Пер. с нем. СПб., 1906. С. 75.

[2] Гегель Г.В.Ф. Сочинения. Т. VIII: Философия истории. М.; Л., 1935. С. 10.

[3] «Государство есть продукт общества на известной ступени развития; государство есть признание, что это общество запуталось в неразрешимое противоречие с самим собой, раскололось на непримиримые противоположности, избавиться от которых оно бессильно. А чтобы эти противоположности, классы с противоречивыми экономическими интересами, не пожрали друг друга и общество в бесплодной борьбе, для этого стала необходимой сила, стоящая, по-видимому, над обществом, сила, которая бы умеряла столкновение, держала его в границах «порядка». И эта сила, происшедшая из общества, но ставящая себя над ним, все более и более отчуждающая себя от него, есть государство». Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства в связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана // Антология мировой политической мысли. В 5-ти т. Т. 1. Зарубежная политическая мысль: истоки и эволюция. М., 1997.

сами, его породившими. Коммунизм есть отмирание классов, поэтому коммунистическое общество будет носить безгосударственный характер.

В последней трети XIX столетия Ф. Ницше стал родоначальником «философии жизни», закрепившей поворот от рационализма XVII – XIX вв. к иррационализму и нигилизму. Среди прочих отвергнутых философом ценностей было и государство. Он сравнивал его с чудовищем, холодным в своем безрассудстве. Государство душит исконные права и обычаи людей. Оно подавляет народ, который поэтому его не понимает и ненавидит. Тем не менее государство – этот новый фальшивый кумир, лгущий на всех языках «добра и зла», отождествляет себя с народом. В действительности человек начинается там, где кончается государство. Всячески принижая роль государства, отрицая его социальные функции, он одновременно возвеличивал власть, стремление к ней. Более того, само человеческое существование тождественно инстинкту власти: жизнь не имеет «иных ценностей, кроме степени власти, если мы предположим, что сама жизнь есть воля к власти»[1].

В рамках идеалистического подхода можно утверждать, что современное европейское государство было создано идеями Платона и Аристотеля. Древнегреческими мыслителями они были созданы как идеальные типы, а сегодня они существуют как политическая реальность. Следующие шаги в создании современного государства были предприняты Гоббсом, Локком, Руссо, Монтескье. Так появилось государство как инструмент защиты всех от всех и как предмет и результат общественного договора. Маркс создал государство как инструмент насилия одного класса над другим, и такое государство было создано в ходе русской революции.

Некоторые из созданных идей государства были воплощены в практике государственного строительства, некоторые остались пока нереализованными. Так, современные либерально-демократические «плюралистические» государства в своих идейных истоках восходят к работам таких теоретиков общественного договора, как Томас Гоббс и Джон Локк. Марксизм создал социалистические государства, которые в недавнем прошлом сформировали социалистическую систему государств, так называемый «второй мир». Некоторые идеи так и остались пока невостребованными, но это не значит, что они никогда не построят «своей реальности». Вполне возможно, что творческая деятельность в области науки, техники, в экономике создаст условия для реализации идей анархизма или многочисленных утопистов, пока не востребованных политической практикой.

Идеи, создавшие первое государство, создали тот дискурс, в котором существуют все последующие политические идеи. В этом дискурсе ничего принципиально нового уже создать нельзя. Если и будет создано что-то принципиально новое, то это будет уже не государство. Государство, которое создали

[1] Ницше Ф. Воля к власти: Опыт переоценки всех ценностей. М., 1995. С. 58.

древние, вытекает из их идей, и в них уже находится в свернутом виде все последующее развитие государства, поскольку все идеи, даже те, которые им противоречат, будут отталкиваться от них.

Сущность и содержание государства

Общепринятого понимания сущности государства политическая наука не выработала. Аристотель видел ее в достижении общего блага, Г.Ф.Г. Гегель – в осуществлении нравственной идеи, К. Маркс – в насилии. С позиций идеалистического подхода сущностью государства является реализация идеи власти, а содержанием – идеи, которые определяют государственное целеполагание; такими идеями могут быть и общее благо, и реализация заповедей Бога, и др. Государство есть социальный объект, созданный людьми, берущий свое начало в идеальном мире человека, в его сознании и продолжающийся в мире реальном – в форме объективных отношений между людьми и материальной инфраструктурой, которая обеспечивает эти отношения.

В свое время Гоббс увидел одну из функций государства – защита всех против всех, и сделал из этого вывод о том, что это и есть цель государства и его подлинное содержание, то есть идея, лежащая в основе государственности. Позже Руссо посчитал, что договорные отношения есть цель и содержание государственности. Однако сегодня очевидно, что ни та ни другая идея не исчерпывает сущности государства, а значит, вряд ли являются подлинными первоидеями его создания.

У различных государств определенно различные мировоззренческие основания. Эти основания формируются большими идеями, лежащими в основе цивилизаций или мировоззрений. Идеи, которые лежат в основе западноевропейского и мусульманского государства, различны; также они отличаются от идей, определяющих китайское государство. В основе русской государственности лежат как византийское идейное наследство, так и монгольские влияния, которые являются фундаментом для более поздних европейских идей. Исторические особенности русского мировоззрения определяют особенности русской власти и государственности. Содержание государства непостоянно, коль оно определяется идеями людей, его защищающих и охраняющих. Это содержание может меняться достаточно быстро, если меняются идеи людей, от которых зависит функционирование этого государства. Такими людьми являются не только те, кто на него работает, но и те, кто противостоит ему: диссиденты, оппозиция и т.п.

Содержание государства меняется в зависимости от господствующей идеи, которую в данный момент реализует государственный аппарат. Царская Россия реализовывала идею православия, а Советская Россия – идею коммунизма. Эти идеи определяли содержание данных государственных образований, при этом сущность их оставалась одной и той же – они были инструментом властвования. Но идея власти также инструментальна; следовательно, государство – это инструмент, который реализует другую инструментальную

идею – идею власти в наиболее широких на данный момент формах. Ни та ни другая идея не являются целеполагающими, поскольку как бессмысленна власть ради власти, так же бессмысленно и государство ради государства. И на Руси исторически реальное государство создавалось не ради государства как такового, а ради порядка, которого, впрочем, как не было, так и нет.

В кризисные периоды, когда общество разочаровывается в идеях, которые скрепляют государство, это государство может распасться, если на смену старой государствообразующей идее не придет новая.

Человечество создало довольно много инструментов реализации социальных идей в реальном мире. Такими инструментами являются убеждение, принуждение, сила. Таким инструментом является и власть. Она представляет собой довольно сложный инструмент, который использует других людей для реализации идей в объективном мире. Власть может использовать убеждение, принуждение и силу. Государство, являясь инструментом, в свою очередь использует власть для реализации идей. Можно сказать, что государство есть самая широкая форма реализации власти в обществе наряду, например, с властью отца в семье или лидера в партии. С одной стороны, государство реализует власть в масштабе большем, чем племя, а с другой – с помощью власти организует общество.

Таким образом, история показывает, что человек, изобретая тот или иной инструмент, использует его в различных комбинациях для реализации различных идей. Более того, когда встает задача реализации новой идеи, первым делом используются старые испытанные инструменты, и лишь в том случае, если они оказываются бесполезными, создаются новые либо идея остается нереализованной. В социальном творчестве человек комбинирует уже созданные инструменты и строит из них новые социальные механизмы осуществления идей в объективном мире[1].

Для реализации каких идей было создано первое государственное образование, мы, вероятнее всего, никогда не узнаем. То, что мы сейчас используем его для ведения войны или освоения космоса, не означает, что оно создавалось для реализации именно этих идей. Государство оказалось исключительно эффективным инструментом осуществления идей в социальной и политической сферах. Оно создавало порядок, безопасность, права собственности и др. До государства все эти явления не существовали в том, виде, в каком они существуют в государстве. Однако это не означает, что государство было создано для обеспечения именно этих явлений, просто они смогли реализоваться из соответствующих идей только в условиях государственности. Будучи формой самоорганизации человеческих сообществ, государство стало факто-

[1] Так же в технике: человек, используя один и тот же ограниченный набор инструментов и шаблонных форм, строит различные виды техники: автомобиль, самолет, станок и т.п.

ром формирования и институционализации множества, если не большинства социальных феноменов[1].

Обычно утверждается, что государство было необходимо для наведения порядка, безопасности, осуществления всеобщего блага, обеспечения собственности и др., но такой подход меняет местами причину и следствие. Государство не есть следствие необходимости в порядке, безопасности, благе, собственности. Оно создало условия для реализации этих идей в социальной реальности. Без него они не могли бы быть реализованы в том виде, в каком существуют ныне. Можно утверждать, что без государства мы имели бы иную социальную реальность. Это свидетельствует о том, что государство есть та «среда», в которой оказалась возможной реализация большинства социальных идей.

Сегодня в политической науке господствует веберовская точка зрения на государство как на организацию, имеющую монопольное право на легитимное насилие[2], хотя с этим согласны не все. Так, Э. Геллнер утверждает, что существовали и существуют государства, не пользующиеся исключительным правом на законное насилие на контролируемой ими территории; например, феодальное государство зачастую ничего не имело против междоусобных войн вассалов, если они при этом не забывали о своих обязанностях перед сюзереном. До сих пор существуют государства, которые мирятся с существованием обычая кровной мести, пока враждующие стороны не становятся угрозой для мирных людей; «...короче говоря, бывают государства, которые либо не желают, либо не могут обеспечить соблюдение своей монополии на законное насилие и которые при этом, бесспорно, остаются во многих отношениях «государствами»[3]. С позиций идеалистического подхода утверждение о том, что государство есть лишь насилие, абсолютизирует один из инструментов, который использует власть, и игнорирует очевидное широкое использование государством других форм, таких как убеждение и принуждение.

Государство тесно связано с обществом. Оба эти явления относятся к социальным, однако возникли из разных идей, поэтому несводимы друг с другом и не выводятся одно из другого, хотя и оказывают сильное взаимное влияние. Общество было создано из идеи совместного действия, а государство – из идеи власти. Существуя вместе, часто в одних и тех же границах, эти явления, созданные из разных идей, хотя и влияют друг на друга, тем не менее разви-

---

[1] Например, Т. Гоббс справедливо считал, что о собственности можно говорить лишь в условиях государства.

[2] Сам М. Вебер утверждал, что «насилие отнюдь не является нормальным или единственным средством государства, об этом нет и речи, но оно, пожалуй, специфическое для него средство». То есть в насилии он видел не сущность государства, а его специфическое, отличительное свойство. См.: Вебер М. Политика как призвание и профессия //Антология мировой политической мысли. В 5-ти т. Т. 2. Зарубежная политическая мысль: истоки и эволюция. М., 1997. / http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Sem/index.php

[3] Геллнер Э. Нации и национализм: Пер. с англ./Рец. и послесл. И.И. Крупника. М., 1991. С. 28.

ваются на разных идейных основаниях, поэтому никогда не будут сведены одно к другому.

Государство – механизм творческого преобразования общества и одновременно форма его существования, поэтому часто выступает в качестве инструмента формирования и изменения общества. Однако формирует общество не государственная власть как таковая, а идеи, производимые людьми, для которых государство лишь орудие реализации идей в объективной реальности.

Государство – это такой способ организации общества, в котором может реализовываться идея власти. Власть существует и в семье, и в роде, и в племени, но в этих общностях она реализуется не столь эффективно. Государство может быть создано тогда, когда для этого созданы некоторые предпосылки.

Как и весь остальной социальный мир, государство сначала создается в идеальном виде в субъективном сознании. Его сущностью является реализация идеи власти, а содержанием – главная в данный исторический момент идея, которую пытается осуществить государство.

Цели государства

В понимании многих мыслителей государство представляется каким-то безжалостным деспотом, который давит и губит людей. Государство – это «зверь-Левиафан», как его прозвал Т. Гоббс, который поглощает людей целиком, без остатка. Ему вторит Ф. Ницше: «Государством называется самое холодное из всех холоднокровных чудовищ». Л. Толстой видел в нем только организованное и монополизированное насилие.

Б. Кистяковский пишет: «Государство даже в настоящее время вызывает иногда ужас и содрогание. Но действительно ли государство создано и существует для того, чтобы угнетать, мучить и эксплуатировать отдельную личность? ...Никогда государство не могло продолжительно существовать только насилием и угнетением. В чем же, однако, настоящие задачи и истинные цели государства? Они заключаются в осуществлении солидарных интересов людей. При помощи государства осуществляется то. что нужно, дорого и ценно всем людям... Государство само по себе есть пространственно самая обширная и внутренне наиболее всеобъемлющая форма вполне организованной солидарности между людьми... Даже наиболее жестокие формы государственного угнетения обыкновенно оправдываются соображениями о пользах и нуждах всего народа. Общее благо – вот формула, в которой кратко выражаются задачи и цели государства»[1].

Действительно, вышеприведенным мнениям Гоббса, Ницше и Л. Толстого можно противопоставить мнения других авторитетов. В частности, Платон и Аристотель считали главной целью государства гармонию общественных отношений и справедливость. Фихте признавал государство самым полным

---

[1] Кистяковский Б. Государство и личность // Политология: хрестоматия / Сост. проф. М.А. Василик, доц. М. С. Вершинин. М., 2000. С. 473–475.

осуществлением человеческого «Я», высшим эмпирическим проявлением человеческой личности. Гегель видел в государстве «действительность нравственной идеи» и потому даже называл его земным богом[1]. Американская конституция числила среди прав человека «the Pursuit of Happiness» – стремление к счастью. Подразумевалось, что обрести счастье – это личное дело каждого индивидуума, но этому должны содействовать огромные силы государства. В 1891 году Дж. Чемберлен полагал, что государство вправе принять любой закон или совершить любой акт, способный увеличить сумму человеческого счастья.

Позиция идеалистического подхода по вопросам целей государства заключается в следующем. Абстрактного государства не существует. В истории мы всегда имеем дело с конкретным государством, которое представлено конкретными людьми, провозглашающими определенные идеи в качестве целей и реализующие их средствами государства[2].

Официально провозглашаемые цели всегда привлекательны для большинства подданных данного государства и исходят из господствующего мировоззрения. А вот средства их достижения могут быть отвратительны[3]; при этом внешний наблюдатель часто принимает средства за цели.

Множественность целей государства вытекает из множества идей, реализуемых при помощи государства. Причем в разные периоды в качестве приоритетных могут выдвигаться различные идеи. В Средние века главной целью государства была реализация – насколько это возможно – идей, заложенных в христианстве. В советское время главной целью был коммунизм.

Внешние обстоятельства также накладывают отпечаток на восприятие целей государства. Например, в период войны преобладает идея насильственного решения проблем, и неслучайно в XX веке, самом кровавом в истории человечества, идея насилия была провозглашена государствообразующей; ведь государства, реализуя свои политические цели с помощью войны, играли решающую роль в организации насилия. Однако среди воевавших государств только у фашистских войну с определенными натяжками можно было отнести к официальным государственным целям. Для остальных стран, включая СССР, война была средством достижения других целей.

Таким образом, у государства нет вечных целей, определяемых его природой: все цели историчны и формируются главными политическими идеями, вытекающими из господствующего мировоззрения.

---

[1] См.: Кистяковский Б. Государство и личность // Политология: хрестоматия / Сост. проф. М.А. Василик, доц. М. С. Вершинин. М., 2000. С. 474–475.

[2] Так, еще Л. Фейербах писал: «Ни политика, ни государство для себя самих не являются целью. Государство растворяется в людях, существует только по воле людей». См.: Фейербах Л.А. Право и государство //Антология мировой политической мысли. В 5-ти т. Т. 1. Зарубежная политическая мысль: истоки и эволюция. М., 1997.

[3] Так они воспринимаются только с позиций историка, мыслящего в рамках иного мировоззрения – в рамках господствующего в государстве мировоззрения, применяемые им средства обычно считаются и допустимыми, и приемлемыми.

Формы государственного устройства

История знает довольно много типов и форм организации государства. Республика, монархия, аристократия, демократия и др. – это формы организации государства, созданные в рамках западной европейской цивилизации. Большинство из них создано в глубокой древности, и первоначальные идеи, лежавшие в их основании, неизвестны. Однако у большинства современных государственных форм можно проследить идейные истоки. Например, идейным истоком Советского государства является марксизм. Вместе с тем марксизм не полностью определил его организацию и форму, свою роль сыграли и те государственные формы, которые были переняты у Российской империи и приспособлены для реализации коммунистической идеи. Например, Красная армия как институт государства практически полностью копировала организацию царской армии. Также были приспособлены и некоторые другие государственные институты.

Гегель пишет: «...государственный строй не есть нечто созданное: он представляет собой работу многих веков, идею и сознание разумного в той мере, в какой оно развито в данном народе. Поэтому государственное устройство никогда не создается отдельными субъектами»[1]. Это не означает, что государственное устройство не создается людьми, просто каждое государство есть результат идейной и практической работы многих поколений людей.

Конкретные организационные формы государства, набор государственных институтов – это результат творчества многих поколений людей, причем не только данного государства. Государственные формы и институты редко изобретаются, чаще они копируются у других государств – как правило, наиболее успешных в данный исторический момент. Есть формы государственного устройства, которые диктуются господствующей мировоззренческой системой. Например, христианская политическая идея о том, что император (король, царь) есть помазанник Божий, предполагает монархию как наиболее приемлемую. Либеральная идея, напротив, более склонна к демократическим формам, хотя в некоторых странах монархии встроены в демократические системы.

Организационные государственные формы и формы правления могут быть классифицированы по различным основаниям: по количеству имеющих верховную власть (монархия, аристократия, демократия), по составу государства (унитарное, федерация, конфедерация) и другим основаниям. Все организационные формы создаются различными идеями, невыводимыми друг из друга, их сочетание в различных комбинациях приводит к значительному разнообразию государственного устройства, что, в свою очередь, позволяет государству эффективно реализовывать те идеи, которые являются содержанием данного исторического государства. Идеи, реализуемые государством, влияют на его организационные формы и формы правления. Это влияние сказывает-

---

[1] Гегель Г. Философия права //Политология: хрестоматия / Сост. проф. М.А. Василик, доц. М. С. Вершинин. М., 2000. С. 455.

ся либо в приспособлении существующих форм к этим идеям, либо в создании новых государственных структур.

Несмотря на то, что содержанием государства являются идеи, тем не менее одна и та же идея может осуществляться с помощью различных государственных форм. Сильные и слабые идеи могут реализовываться с помощью схожих типов государств. Например, сильная идея может быть основанием для государства с массированным насилием в случае глубокого раскола общества. В свою очередь, и слабая идея для удержания базирующейся на ней власти вынуждена порой прибегать к масштабному насилию, однако такое явление, как тоталитаризм, может быть осуществлено только в результате реализации сильной идеи, а деспотизм – слабой.

В соответствии с современными взглядами главные позиции в демократии занимают право и идея справедливости как высшей степени совместимости различных интересов. Основной критерий справедливости – максимум свободы для возможно большего числа индивидов. Цель демократии – достижение предельного разнообразия, привлечение наивысшего количества людей к социальной жизни и распределению общественного продукта. Демократии не может быть без согласия большинства с главными принципами устройства данного общества, но нет демократии и без конфликта интересов[1].

Важными составляющими государства являются институты. В свете идеалистического подхода в основе государственных институтов[2] лежат идеи, которые формируют объективные отношения и создают необходимые материальные объекты для их функционирования.

Сила государства лишь косвенно зависит от его формы и организации.

Государство тем сильнее, чем больше людей готово на жертвы и насилие ради тех идей, которые это государство защищает, охраняет и осуществляет. Сила государства определяется соотношением сил тех, кто за государство, и тех, кто против него. При этом сила определяется не столько количеством людей, сколько их готовностью идти на жертвы ради защиты своих идей. В этом противостоянии побеждает тот, у кого сильнее идеи, именно они могут мобилизовать на свою сторону большее количество сторонников, готовых на большие жертвы. Так, в 1917 году большевиков было немного, однако, после того как их идеи стали широко известны и в тогдашней конкретно-исторической обстановке показались людям наиболее привлекательными, число сторонников начало расти лавинообразно. В годы Гражданской войны за них воевало большее число людей, чем на стороне их противников. Людей,

---

[1] Политология. / А.Ю. Мельвиль [и др.]. М., 2008. С. 189.

[2] В книге «Политическая социология» (1968) Дюверже дал свое известное определение политических институтов: они выступают в качестве «модели человеческих отношений, с которых копируются конкретные связи, приобретая, таким образом, характер стабильных, устойчивых и крепких». Центральными политическими институтами являются государство и связанные с его деятельностью структуры. См.: Политология / А.Ю. Мельвиль [и др.]. М., 2008. С. 239.

готовых жертвовать своими жизнями и убивать своих соотечественников ради коммунистической идеи, было больше на стороне большевиков.

Переломы в мировоззрении случаются тогда, когда рушится старая идея, вдохновлявшая большинство людей данного общества или государства. На смену старой идее всегда приходит новая, и если она достаточно сильна, то государство может сохраниться или даже усилиться; если она слаба или не соответствует реально сложившейся обстановке, тогда государство может ослабнуть или распасться.

Таким образом, формы организации государства как инструмента власти созданы исторически для реализации определенных идей. Впоследствии эти формы изменялись и приспосабливались для претворения в жизнь иных идей, становясь универсальными, то есть способными вместить в себя различное содержание.

Сущность, содержание и определение политики

В разных традициях и разными мыслителями политика понималась поразному. Ее рассматривали как искусство управления государством и сферой публичной жизни, как разрешение общественных конфликтов через дискуссию и компромисс, как производство, распределение и использование ресурсов в ходе общественной жизни.

Современные взгляды на политику были выработаны в эпоху Просвещения. Их недостаток в том, что они пытались рационально объяснить те явления, которые были созданы в абсолютно другой мировоззренческой парадигме. Хотя рационалистические объяснения вытекали из господствующего мировоззрения, сегодня они поражают своей убогостью. Например, общественный договор, или то, что власть и государство были установлены для всеобщего блага, или естественные права человека. Почти все аргументы и исторические примеры, из которых выводились теоретические положения, оказались неверными, однако это не помешало идеям, раз возникнув, начать творить новую социально-политическую реальность. Не важно, из чего возникли эти идеи; важно, что оказалось возможным их осуществить. Важно, что значительное число политически активных людей взялись за их осуществление. Новые идеи стали создавать новую реальность не потому, что они были истинным знанием, выведенным научным образом из исторической реальности, этого-то как раз не было, а потому, что они оказались очень привлекательными и возможными для осуществления[1].

Ввиду неопределенности понятия, политика так и не получила своего точного и общепринятого определения. По мысли Н. Макиавелли, выраженной им в «Государе», «Политика – совокупность средств, которые необходимы для того, чтобы прийти к власти, удерживаться у власти и полезно исполь-

[1] Это не значит, что любая фантазия осуществима. Например, идея создания совершенного общества на Луне не могла бы осуществиться в XVIII– XIX вв., но, возможно, могла бы реализоваться в XXII веке.

зовать ее... Итак, политика есть обращение с властью, заданное обстоятельствами и зависящее от могущества властителя или народа, а также от текущих ситуаций».

П. Гольбах считал, что «политика – это искусство управлять людьми или заставлять их содействовать сохранению и благополучию общества. Ничто не представляется более трудным, чем умение заставить членов одного и того же общества действовать сообща...»[1].

К. Шмитт считает, что политическое не имеет собственной предметной области, что политическое может извлекать свою силу из различных сфер человеческой жизни, из религиозных, экономических, моральных и иных противоположностей. Мотивы людей могут быть религиозными, национальными (в этническом или культурном смысле), хозяйственными или же мотивами иного рода, и в разные периоды они влекут за собой разные соединения и разъединения. Это разъединение, по мысли Шмитта, ведет к бытийственному разделению людей на группы друзей и врагов. Именно это разделение лежит в основе политики[2].

К. Манхейм отделяет политику от управления, считая их частями государственной жизни. Политика, по его мнению, это формирующиеся государственные явления, а управление – устоявшиеся, сформированные[3]. По существу, речь идет о том, что политика – это творчество, а управление – рутина.

К. Маркс заметил влияние экономики на политику и абсолютизировал его. Он выводил все политические явления из экономических. Его критики, например К. Поппер, обратили внимание на то, что в реальной жизни политика в свою очередь может влиять на экономику. Политическая власть с этой точки зрения может контролировать экономическую мощь. Абсолютизировав влияние политики, Поппер впал в иную крайность, утверждая, что «Политическая власть и присущие ей способы контроля – это самое главное в жизни общества. Нельзя допускать, чтобы экономическая власть доминировала над политической властью. Если же так происходит, то с экономической властью следует бороться и ставить ее под контроль политической власти»[4].

Материалистический подход видит в политике нечто внешнее, чаще всего насилие; идеалистический исходит из того, что политика как способ осуществления власти есть, прежде всего, внутренний побудительный мо-

---

[1] Гольбах П.А. Естественная политика, или Беседы об истинных принципах управления //Антология мировой политической мысли. В 5-ти т. Т. 1. Зарубежная политическая мысль: истоки и эволюция. М., 1997.

[2] Шмитт К. Понятие политического //Антология мировой политической мысли. В 5-ти т. Т. 2. Зарубежная политическая мысль: истоки и эволюция. М., 1997. / http://www.gumer.info /bibliotek_Buks/Polit/Sem/index.php

[3] Манхейм (Мангейм) К. Идеология и утопия //Антология мировой политической мысли. В 5-ти т. Т. 2. Зарубежная политическая мысль: истоки и эволюция. М., 1997. / http://www.gumer.info /bibliotek_Buks/Polit/Sem/index.php

[4] Поппер К.Р. Открытое общество и его враги //Антология мировой политической мысли. В 5-ти т. Т. 2. Зарубежная политическая мысль: истоки и эволюция. М., 1997. / http://www.gumer.info /bibliotek_Buks/Polit/Sem/index.php

тив, вытекающий из политических идей, обусловленных господствующим мировоззрением.

В рамках идеалистического подхода и политическая и экономическая реальность рождаются из идей, поэтому ни одна из этих сфер не является первичной по отношению к другой. Они обе вторичны по отношению к идейной сфере. Реализация экономических идей приводит к изменению материального мира, окружающего человека, что влечет увеличение или сужение возможностей для формирования политической реальности; также и осуществление политических идей формирует социально-политическую реальность, в которой реализуются экономические идеи. В одних случаях первичным может быть влияние политических, а в других – экономических идей. Сфера политического формировалась независимо от сферы экономического, но, составляя единое человеческое бытие, они взаимно влияют друг на друга, как, впрочем, и другие сферы – искусства, религии, науки, техники.

Одна из самых спорных проблем заключается в неясности круга общественных отношений, охватываемых сферой «политического». При традиционном взгляде на вещи к этой сфере относят только институты и тех акторов, что действуют в «публичной сфере» общества. Если, однако, понимать политику как область властных отношений, к ней следует относить и отдельные стороны «частной сферы» жизни. В конечном же итоге то или иное понимание общества и политики осуществляется в рамках более широкой интеллектуальной конструкции – мировоззренческой парадигмы[1].

В рамках идеалистического подхода, власть – это возможность одного человека или группы лиц реализовывать свои идеи при помощи других людей, а государство есть самая широкая форма реализации власти в обществе. Исходя из этого, можно определить политику как способ реализации власти. Политика при таком понимании чаще всего осуществляется в рамках государства, но она возможна и в иных – международной, экономической, научной, технической – сферах. Политика – это все, что касается реализации идей одного человека или группы людей при помощи других людей. Поэтому политика шире, чем государство, хотя и тесно с ним связана. Политика в сфере экономики, культуры, образования, искусства и т.п. –это способы реализации идей власть имущих в данных сферах. Например, социальную политику могут проводить отдельные административные образования (местная или региональная социальная политика), а также отдельные предприятия, в том числе транснациональные.

Политика складывается из действий, которые совершают политики. Они в своих действиях исходят из собственных идей, которые, в свою очередь, определяются господствующим мировоззрением. Политики, как правило, не являются идеологами, тем более выдающимися философами или теологами,

---

[1] См.: Хейвуд Э. Политология. М., 2005. С. 26.

способными на создание собственных мировоззренческих систем, поэтому обречены вращаться в круге идей существующего мировоззрения. Мировоззренческие системы разрабатываются мыслителями: в условиях господства религиозной мировоззренческой парадигмы – религиозными мыслителями, в период господства рационалистической – сначала философами, а затем и учеными. Смена мировоззренческих парадигм происходит под воздействием выдвижения великих идей, обесценивающих предыдущие идеи, на которых строилось прошлое мировоззрение, и создают собственные мировоззренческие системы. Таким образом, фундаментальное влияние на общество и политику имеют великие идеи, выдвигаемые в религии, философии, науке и, возможно, в искусстве.

Таким образом, с позиций идеалистического подхода сущностью государства является реализация идеи власти, а его содержанием – идеи, определяющие государственное целеполагание. Государство является инструментом реализации этих идей, ими же определяются его цели. Формы государственной власти и ее устройства определяются потребностями осуществления тех идей, которые составляют содержание данного исторического государства. Политика – все, что касается реализации в социуме идей одних людей с помощью других.

§6. Обычай, право, закон

Человечество создало несколько схожих по действию механизмов, при помощи которых власть реализует идеи, создающие, поддерживающие и изменяющие социальную реальность. К таким механизмам, в частности, относятся обычай, право и закон.

Исторически первой была власть обычая или традиции. Право обычая или традиции – это власть не от мира сего. Это власть мертвых, и эту власть живые не вправе ни отменить, ни изменить. Поскольку обычай – это кристаллизация всех без исключения правил и традиций данного общества, то народ, над которым безраздельно господствует обычай, можно сказать, покорился деспотии предков.

Обычай может сформироваться и вне религиозных рамок или быть унаследованным из дорелигиозного времени, но даже в этом случае в обществе, где господствует религиозное мировоззрение, он должен быть согласован с религиозными догмами. Старые обычаи постепенно встраиваются в новое религиозное право.

С позиций идеалистического подхода, право – это форма создания, упорядочения и поддержания социальной реальности в соответствии с определенными идеями. Оно формулирует общеобязательные правила (нормы) в обществе, охраняемые силой власти (рода, племени, государства)[1]. В зависимости

[1] Власть не только обеспечивает право, но и сама опирается на него. Одной из важных функций права является обеспечение поддержки существующей власти с помощью использования дове-

от господствующего мировоззрения право на формулирование общеобязательных правил и норм имеет тот, кто создал это общество: Бог (либо боги), предки, природа, народ (нация), господствующий класс. Поэтому в социологическом понимании право – это общественный институт, обеспечивающий реализацию идеи о том, что высшие силы (боги, абсолютный дух, духи предков и др.) либо люди (народ, нация) создают законы функционирования созданного ими мира.

Основным источником права считается закон.

Закон может устанавливать только тот, кто господствует над предметной областью, которая подчиняется этим законам. Считается, что власть творит законы, однако это не так: законы устанавливает тот, кто создал социальный мир. Если это Бог, значит Он высший законодатель, а человеческая власть в лице короля, царя, императора может издавать свои законы только в рамках законов божественных, которые являются для нее первичными. Над Божественными законами людская власть не имеет силы, она не вправе их изменять или дополнять; «...когда полагают, будто Власть творит Закон, тогда как она, наоборот, подчинена ему, как явствует из Второзакония, где сказано, что царь должен сделать себе со священной книги список Закона, читать его во все дни жизни своей и строго соблюдать все повеления Закона сего, не уклоняясь от них ни вправо, ни влево»[1].

Пока считалось, что создателем мира является Бог, то он и был законодателем[2]. С утверждением концепции антропоцентризма человек занял место законодателя. При этом он не посягал на мир природы, но в мире социальном его законы стали общеобязательны.

Отличие природных законов от законов человеческих с позиций идеалистического подхода заключается в различии объектов. Природа создана не человеком, поэтому ее законы неподвластны человеку. Законы природы не надо принимать, они существуют и действуют вне воли человека, а попытки изменить их волевым путем, как правило, приводят к отрицательным последствиям. В обществе не могут действовать законы, подобные законам природы, то есть такие, которые были бы независимы от людей и действовали бы даже в том случае, когда люди не ведают об их существовании. Общество создано человеком, поэтому он устанавливает законы, по которым оно создается, существует и меняется. К таким законам относятся и законы юридические. Они не только закрепляют сложившиеся и склады-

рия со стороны общества к праву. Право, как и традиция, закрепляет отношение к власти вообще, то есть безотносительно к достоинствам и порокам ее носителей. Это позволяет оставаться у власти непопулярным правителям. Если бы власть напрямую зависела от воли управляемого большинства, то она менялась бы слишком часто и не имела необходимого запаса «прочности». Институты обычая, права и закона создают этот запас прочности.

[1] Жувенель Б. де. Власть: Естественная история ее возрастания / Бертран де Жувенель; пер. с фр. В.П. Гайдамака и А.В.М., 2011. С. 271.

[2] Такими были, например, законы, данные Богом Моисею, или законы Иисуса.

вающиеся отношения, но и способны создать такие отношения, которых еще не существует в объективном мире.

Законами в юридическом смысле являются акты, выражающие идеи законодательной власти, имеющие целью создание и регулирование явлений общественной жизни путем установления в ней определенного порядка отношений, но могущие подвергаться изменениям в зависимости от трансформации идей законодателя или смены самих законодателей. Все юридические законы идеальны по своей природе, независимо от того, являются ли они произведениями богов или людей. Идеальный мир предшествует миру социальному и создает его.

Законы – это набор идей, которые предписывают определенное поведение или действия, формирующие социальные, экономические, политические и иные объективные отношения и явления, в том числе и материальные процессы. По отношению к каждому человеку юридический закон является внешней силой, поэтому действует так же, как и закон природный, но в отличие от последнего юридический закон обязательно должен быть ему в той или иной мере известен, пусть даже в форме привычки или обычая. Человек может и не знать закона тяготения – тот все равно будет действовать на него, и человек будет подчиняться ему. Иначе ведет себя человек в отношении законов юридических. Пока они ему неизвестны, он их не исполняет и они не могут определять его действия, то есть в этом случае законы не действуют.

В эпоху религиозного мировоззрения человек, издававший светские законы, а это обычно был монарх, имел это право от Бога, то есть истинного создателя мира. Церковь подтверждала это право путем миропомазания. С наступлением эпохи секуляризации создателем всего был провозглашен народ, и законы стали издаваться от его имени.

Если божественный закон дается непосредственно, то для закона юридического, человеческого характерен особый порядок принятия – например, специальная законотворческая процедура, распадающаяся на ряд стадий: законодательная инициатива, обсуждение законопроекта, принятие закона и его опубликование.

Закон тогда становится законом, когда имеет определенную поддержку среди тех, кто его исполняет и обеспечивает исполнение. Если такой поддержки нет, то закон не действует. Поддержка закона обеспечивается благодаря тому, что люди согласны с идеями, заложенными в законе. Закон является основным источником права в современном обществе.

Содержание права лучше всего раскрывается его историей. Идеи, которые ложатся в основание законов, вытекают из содержания господствующего мировоззрения; в древнейших законодательствах это выражалось в божественном происхождении норм, устанавливаемых законодателями (Моисеем, Зороастром, Ману, Конфуцием). Например, древнейшие священные книги Индии не предусматривают никакого наказания, налагаемого государством, а

советуют виновному наказать себя самолично: например, трижды бросившись в огонь или выйдя безоружным к нападающим врагам, затем чтобы Бог не поступил с ним еще хуже. Люди карают нарушителя закона из страха, как бы высшее возмездие не обрушилось и на них самих, если они будут терпимы к тому, кого преследует божественное мщение; они не наказывают, а изгоняют из своей среды осужденного, соседство с которым грозит им бедствиями. Преступивший закон ответствен перед Богом, и общество не может, не смеет его простить. Бог – законодатель, судья, исполнитель закона[1].

В Древней Греции издание законов являлось, по воззрению философов, делом мудрецов, способных внести в человеческие законы начала разума, управляющего всей природой, отражением законов которой и должны служить человеческие законы (древняя идея естественного права)[2]. От Аристотеля идет традиция главенства закона: «предпочтительнее, чтобы властвовал закон, а не кто-либо один из среды граждан»[3].

Религиозная точка зрения на происхождение права становится господствующей в Средние века. У религиозного народа нет сомнений, что божественный закон – единственное основание морали, единственный базис права. Б. де Жувенель пишет: «Законодательствует не Власть, но Бог устами вдохновенных или глубоко убежденных людей. Поэтому преступившие закон посягнули не на авторитет общества, а, того страшнее, на божественный авторитет»[4]. В этих условиях народ может обойтись без всякой законодательной власти, поскольку ее заменяет церковная юриспруденция. Через толкование божественного закона получают ответы во всех частных случаях. Подобный порядок ясен и понятен людям. Следовать ему легко и просто, достаточно знать основные заповеди Закона Божия, а они немногочисленны. Даже высшая светская и духовная власть в религиозном обществе не может нарушить закон, данный Богом. Под влиянием Церкви в умах глубоко укоренилось представление о том, что Бог поставил государей, дабы воцарились Его закон, право и справедливость.

Пока источник закона Бог, то его невозможно исправить никому, кроме Бога[5], поэтому божественный закон – самая могучая идея, которую не в состоянии поколебать воля стоящих у власти. Конечно, божественный закон не

---

[1] Жувенель Б. де. Власть: Естественная история ее возрастания / Бертран де Жувенель; пер. с фр. В.П. Гайдамака и А.В. Матешук. М., 2011. С. 272.

[2] «...право, которое между всеми людьми установил естественный разум, применяется и защищается одинаково у всех народов и называется правом общенародным, как бы правом, которым пользуются все народы. Таким образом, и римский народ пользуется отчасти своим собственным правом, отчасти правом, общим всем людям». См.: Гай. О гражданском праве и естественном // Антология мировой политической мысли. В 5-ти т. Т. 1. Зарубежная политическая мысль: истоки и эволюция. М., 1997.

[3] См.: Аристотель. Политика //Антология мировой политической мысли. В 5-ти т. Т. 1. Зарубежная политическая мысль: истоки и эволюция. М., 1997.

[4] Жувенель Б. де. Власть: Естественная история ее возрастания / Бертран де Жувенель; пер. с фр. В.П. Гайдамака и А.В. Матешук. М., 2011. С. 271.

[5] Ветхий Завет для христиан был дополнен Новым Законом, но сделал это Бог.

предусматривает регулирование всего многообразия текущей жизни, поэтому люди принимают светские законы, чтобы упорядочивать поведение, которое, вследствие возрастающей сложности общества, становится все более разнообразным. Однако эти людские законы в религиозном обществе находятся в строгом соответствии с духом законов божественных, органически вытекают из них.

Таким образом, божественный закон в обществе, где господствует религиозное мировоззрение, поощряет или порицает нравы, устанавливая рамки, в которые более или менее четко вписывается частное и публичное поведение. Он придает расчетам максимальную степень вероятности, какая только возможна в человеческих делах.

Религиозное понимание права до сих пор влияет на формирование современных правоотношений, однако с позиций рационального мировоззрения оно кажется иррациональным.

Рационализм и связанная с ним секуляризация интеллектуальной и общественной жизни с неизбежностью повлекли за собой и изменения в основаниях власти. В условиях рационализма возобладала идея о том, что источником власти должен быть народ, который и занял место Бога в законотворческом процессе. Руссо считал, что «народ, повинующийся законам, должен быть их творцом: лишь тем, кто вступает в ассоциацию, положено определять условия общежития»[1]. Главенство народа обосновывалось строго рационалистически; например, по мысли Канта, народ не примет вредных для себя законов: «когда кто-то принимает решение в отношении другого лица, то всегда существует возможность, что он тем самым поступит с ним не по праву; однако такой возможности никогда не бывает в решениях относительно себя самого»[2].

Большое значение имели и идеи просветителей о верховенстве законов, вытекавшие из их либерального мировоззрения. Согласно формуле Руссо[3], законы выше человека, но над человеком нет ничего, кроме законов. Человек не должен страшиться правителей, ибо их власть ограничивается законами, по отношению к которым они были только слуги. Такая система могла сохраняться лишь до тех пор, пока закон внушал глубочайшее уважение, пока «су-

---

[1] См.: Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или Принципы политического права // Антология мировой политической мысли. В 5-ти т. Т. 1. Зарубежная политическая мысль: истоки и эволюция. М., 1997.

[2] Цит. по: Жувенель Б. де. Власть: Естественная история ее возрастания / Бертран де Жувенель; пер. с фр. В.П. Гайдамака и А.В. Матешук. М., 2011. С. 407.

[3] Понимание сущности закона Ж.-Ж. Руссо заключалось в следующем: « ...когда весь народ выносит решение, касающееся всего народа, он рассматривает лишь самого себя, и если тогда образуется отношение, то это – отношение целого предмета, рассматриваемого с одной точки зрения; к целому же предмету, рассматриваемому с другой точки зрения,– без какого-либо разделения этого целого. Тогда сущность того, о чем выносится решение, имеет общий характер так же, как и воля, выносящая это решение. Этот именно акт я и называю Законом». См.: Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или Принципы политического права // Антология мировой политической мысли. В 5-ти т. Т. 1. Зарубежная политическая мысль: истоки и эволюция. М., 1997.

ществовал» Бог. Однако в рационалистическом обществе источником закона стал не Бог, а народ, а если точнее, представители народа, избранные в парламент или иной законодательный орган власти. При этом законы стали рассматривать как постановления, подлежащие критике и ревизии. Беспрестанно переделывать их доверяли либо парламентскому корпусу, либо самому народу. Закон перестал быть вечным и неизменным, наступила эпоха быстроменяющихся законов. Изменение из отзывается на всех общественных отношениях и затрагивает существование каждого человека тем больше, чем смелее обращаются с законами реформаторы[1].

Возведение народа в ранг создателя законов привело к неожиданным результатам. Дело в том, что формулирование законов до эпохи демократии не было прерогативой политической власти. Политическая власть подчинялась законам, данным Богом, теперь эти законы она стала устанавливать сама. Б.де Жувенель считает, что «Власть, которая определяет Благое и Справедливое, является, независимо от ее формы, гораздо более абсолютной, чем Власть, для которой Благое и Справедливое определены свыше. Власть, регулирующая человеческое поведение исходя из соображений общественной пользы, гораздо более абсолютна, чем Власть, управляющая людьми, чье поведение предписано Богом. И понятно, что отрицание божественного законодательства и установление законодательства человеческого – величайший шаг общества на пути к подлинному абсолютизму Власти»[2]. Действительно, отказ от божественного законодательства с неизбежностью вел к безграничному усилению политической власти.

В Новое время в новом виде возрождается идея естественного права. Право теперь – это возведенная в закон справедливость, оно возникает естественным путем и появляется раньше государства. Само право даровано Богом или природой, поэтому государство должно уважать и соблюдать естественные права и свободы человека (право на жизнь, имя, собственность, создание семьи и др.). В учении влиятельных представителей этого направления (Руссо и Кант) народная воля, выражаемая в правильно организованном учреждении, является лучшим источником права именно потому, что она общая или соединенная (в отличие от воли всех) и в силу этого – неизменно правовая (нравственная).

В середине XIX века усилиями Г. Гуго, Ф. Савиньи и других мыслителей была создана историческая школа правоведения, которая отвергла существование самого естественного права[3]. Историческая школа отделила понятие

---

[1] См.: Жувенель Б. де. Власть: Естественная история ее возрастания / Бертран де Жувенель; пер. с фр. В.П. Гайдамака и А.В.М. Матешук. М., 2011. С. 372–373.

[2] Жувенель Б. де. Власть: Естественная история ее возрастания / Бертран де Жувенель; пер. с фр. В.П. Гайдамака и А.В. Матешук. М., 2011. С. 274.

[3] Густав Гуго (1764–1844) в книге «Учебник естественного права, или Философия положительного права» по ряду оснований отвергает концепцию общественного договора: таких договоров никогда не было; общественный договор практически невозможен – миллионы незнакомых лю-

права от понятия закона, смешиваемых их предшественниками, и видела в законе только проявление воли законодателя, могущее быть и произвольным. Представители школы думали найти в обычае источник правовых норм. Исходя из этого, важнейшим источником права был объявлен обычай, кодификация законов отвергалась, а само право представлялось как система постепенного формирования «народного духа». Ряд положений исторической школы права, в особенности ее учение о первенстве обычая перед законом, оказали влияние на формирование юриспруденции[1].

В условиях господства рационализма право лишилось обоих корней, некогда обеспечивавших его незыблемость, – веры в божественный закон и уважения к древним обычаям. В этих условиях возникла проблема обеспечения на деле верховенства права. В начале XIX века она была решена стараниями американского юриста Маршалла ясной формулировкой высших правовых норм и определением конкретной власти, сопоставляющей законы с правом и отвергающей те, которые его нарушают. На практике это выглядело так: если закон нарушает права, гарантированные конституцией, гражданин прибегает к правосудию, и последняя инстанция, Верховный суд, отменяет действие этого закона в отношении истца, так что закон, ставший неприменимым, утрачивает силу. В этом институте американцы нашли оплот своей свободе, преграду захватническим поползновениям власти. В США, так же как ранее и в Англии, был создан судебный тормоз для исполнительной власти, а когда и законодательная власть приобрела невиданные прежде полномочия, к нему был прибавлен и тормоз для самой законодательной власти.

Таким образом, обычаи, право, законы – это набор идей, которые предписывают определенное поведение или действия, формирующие социальные, экономические, политические и иные объективные отношения и явления, в том числе и материальные процессы. Закон тогда становится законом, когда имеет определенную поддержку среди тех, кто его исполняет и обеспечивает исполнение. Если такой поддержки нет, то закон не действует. Поддержка обеспечивается благодаря тому, что люди согласны с идеями, заложенными в законе.

Выводы

Власть как возможность одних людей реализовывать свои идеи при помощи других людей является результатом социального исторического творчества. Власть – это самый мощный механизм, с помощью которого идеи объективируются в социальной реальности.

Политические идеи оформляются в идеологиях, которые, в свою очередь, основываются на господствующем мировоззрении и составляют сущность и

дей не могут вступить в соглашение и договориться о вечном подчинении учреждениям, о которых они судить еще не могут, а также о повиновении, еще не известном людям; и др.

[1] Российская кодификация шла под влиянием исторической школы права.

содержание власти; они же определяют ее цели, формы и механизмы воплощения идеальной реальности в объективную социальную. Власть является самым мощным инструментом социального творчества, который формирует, созидает и изменяет искусственный мир.

Динамика власти целиком и полностью определяется теми идеями, которые создают власть и формируют ее целеполагание.

Государство является самым мощным и эффективным инструментом властвования. Его содержанием являются идеи, определяющие цели и задачи, реализуемые данным государством в его политике. Господствующее мировоззрение определяет сущность идей, реализуемых властью, государством и политикой.

Право, законы и обычаи являются механизмами, при помощи которых власть реализует идеи, созидающие и изменяющие общество. Эти механизмы функционируют благодаря поддержке со стороны людей, тех идей, которые заложены в законах и обычаях.

РАЗДЕЛ 7
РОССИЙСКИЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИДЕИ

ГЛАВА I
ИСТОКИ И СОДЕРЖАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИДЕЙ ДРЕВНЕЙ РУСИ И РОССИИ

Ни одна новая идея не является абсолютно новой, поскольку формируется на основе предыдущих либо отталкиваясь от них и отрицая. Поэтому понять смысл и содержание социально-политических идей можно, лишь поняв их истоки. Другой причиной, диктующей необходимость изучения истории идей, является то, что та реальность, которую начинают преобразовывать новые идеи, была создана на основе предшествующих идей. Взаимодействие социально-политических реальностей, сформированных на базе различных идей, определяется взаимодействием идей, их создавших. Все это обусловливает необходимость изучения происхождения важнейших идей, как создавших существующую историческую реальность, так и тех, которые ее преобразуют или создают новую.

§1. Идеи Древней Руси

Основными источниками идей, формировавших социально-политическую реальность Древней Руси и России, были языческие и византийские идеи и концепции. На протяжении всей допетровской истории главной мировоззренческой парадигмой, в которой создавались и усваивались социально-политические идеи, было православие. Позднее, уже в XVII веке, русские мыслители начали осваивать рационалистические европейские социально-политические теории и конструкции.

Славянские языческие социально-политические идеи

Первые социально-политические идеи у славян были созданы в рамках мифологического языческого мировоззрения.

Как считают исследователи[1], один из ключевых моментов мифологии власти Древней Руси – отсутствие веры в божественное происхождение княжеской власти. Отсюда логично вытекает то, что подчинение населения князю изначально не имело религиозной мотивации. Княжеская власть, по представлениям восточных славян, – сугубо земной институт. Сакральной явля-

[1] См.: Андреева Л.А. Сакрализация власти в истории христианской цивилизации. М.: Ладомир, 2007.

лась не должность князя, а общественные отношения (то есть институт веча). Языческая религия Древней Руси стала идейной основой вечевого строя. При этом социальный идеал языческой Древней Руси был диаметрально противоположен социальной мифологии и политической практике христианской Восточно-Римской империи.

Сакральное восприятие славянами природных явлений и религиозный культ предков оказали решающее влияние на становление государственности Древней Руси. Русская земля воспринималась славянами как единая для всех мать-кормилица, как сакральное пространство погребенных в ней предков и отчизна всех русичей – «Даждьбожьих внуков». Русская земля как территориальное образование возникла в результате союза русских земель, но никак не союза княжеств.

Идея русской государственности – заимствованная идея, она не вытекала из языческого мировоззрения славян и не очень хорошо с ней сочеталась. Об этом говорят многие исследователи, особенно указывая на религиозные реформы великого князя Владимира, который, как считается, преследовал цель идеологического подкрепления своих позиций единодержавца страны. Здесь Владимир руководствовался классическим принципом: «Один великий бог на небе – один великий государь на земле». Однако нельзя согласиться с утверждением, что ее глубинный смысл состоял в интенсивных поисках в 980-е годы правящей верхушкой молодого Древнерусского государства религиозных структур, наиболее отвечавших ее интересам[1]. Не интересы определяют господствующее мировоззрение, а, напротив, мировоззрение определяет интересы. Исходя из этого постулата можно утверждать, что созданная на Руси государственность изменила социальную реальность, поставив под сомнение эффективность языческих политических идей. По мнению С.М. Соловьева, «русское язычество было так бедно, так бесцветно, что не могло с успехом вести спора ни с одной из религий, имевших место в юго-восточных областях тогдашней Европы, тем более с христианством». В смене религии главную роль сыграли не политические, а мировоззренческие факторы. Идеи христианства победили языческих богов.

Византийское политическое наследство России

Важным фактором становления и развития древнерусского общества и государства были византийские социально-политические идеи.

Социально-политическая теория Византии представляет собой оригинальную и целостную концепцию, сложившуюся в неразрывной связи с политическими условиями Византии, традициями общественной жизни вошедших в ее

[1] Напр., см.: Васильев М.А. Язычество восточных славян накануне Крещения Руси: Религиозно-мифологическое взаимодействие с иранским миром. Языческая реформа князя Владимира. М., 1998.

состав областей. Возникновение этой теории относится к ранневизантийскому периоду, окончательно же она оформилась в IX–X вв.

Оригинальность и неповторимость этой теории состоит в органическом синтезе трех компонентов – антично-эллинистических традиций, римской государственности и христианства.

Мир греческих городов-государств и их колоний, усеявших Восточное Средиземноморье, был историческим началом византийского мира, поэтому теория гражданской общины – полиса, была фундаментом, на котором базировалась и византийская политическая доктрина. Однако основой византийской политической теории можно считать все-таки римскую идею императорской власти, тесно связанную с эллинистической концепцией царства и христианскими представлениями о монархической форме правления. Порожденная философией Платона идея монархической власти как лучшей формы правления всегда доминировала в политическом сознании византийцев, а идея о благородном и разумном правлении, гуманности и доброте правителя, обусловленная платоновской традицией, стала преобладающей в пространных трактатах византийских мыслителей, где изучались и анализировались основы высшей власти. Прямые политические традиции императорской власти и государственности Византии восходят к эллинистической автократии Александра Македонского, эллинистической идее «царя» и «царства».

Несмотря на некоторое сходство византийской государственности с восточными деспотиями, некоторые специалисты считают, что византийская политическая мысль сохранила те же теоретические основания неприятия деспотии, что и эллинская политическая теория: деспотия – всегда осуждаемая и наихудшая форма правления, законченный в своих отрицательных чертах тип тирании[1].

Решающую роль в определении идейного содержания властных отношений играла религия. Акт коронации, при котором василевс (император) получал венец из рук патриарха, должен был и связать государя тесными узами с Церковью, и возвысить его власть в духовной сфере: василевс единственный из мирян получил право доступа в алтарь и в ряде случаев участвовал вместе со священниками в совершении литургии. Культ служения «божественной империи» развивался параллельно с возвеличиванием власти императора и с восхвалением единственно «непогрешимого» византийского христианского правоверия. Идея божественности власти императора содержится и в официальных документах поздневизантийского времени.

В IX – XI веках была сформулирована одна из важнейших политических идей, прочно усвоенная русской политической мыслью. Это – ненависть к

[1] Курбатов Г.Л. Политическая теория в ранней Византии. Идеология императорской власти и аристократическая оппозиция // Культура Византии. IV–первая половина VII в. М., 1989. С. 98.

«латинянам»[1], которые в глазах византийцев к началу XIII столетия были не только грабителями, сребролюбцами, не ведающими ни истинной веры, ни подлинной культуры, но они еще и «враги Христа», предатели христианства.

Римская идея pax Romana трансформировалась в Византийской империи в теорию христианской империи, объединявшей всю ойкумену под эгидой нового Рима – Константинополя. В соответствии с основным тезисом этой концепции василевс являлся главой христианского мира в границах orbis terrarum[2]. Несмотря на то, что в последние два века существования Византийской империи уже не было реальной почвы для сохранения имперской идеи, тем не менее идея вселенской империи и вселенского императора продолжала вплоть до самого конца Византии владеть умами византийцев как в области реальной политики, так и в сфере теоретических изысканий. Ко времени падения Византии Россия оказалась способной понять и усвоить идею православной империи.

Под влиянием тяжелых военных и внешнеполитических поражений поздневизантийская мысль выработала две важные идеи, связанные с делами веры, которые, будучи отвергнуты русскими, тем не менее сильно повлияли на их политические доктрины. Первая – это концепция о том, что владычество турок не принесет ущерба христианской вере в силу их религиозной лояльности[3]. И вторая – идея унии с католической церковью. Обе эти идеи были признаны Русской православной церковью предательством веры, которое и привело к падению Византии.

Византийские идеи, усвоенные русскими, в значительной мере определяли тот круг идей, в котором вырабатывалась политическая доктрина Древней Руси и России. Известен целый ряд памятников византийской политической мысли, которые, будучи переведенными на старославянский язык, вошли в идейный арсенал Древней Руси, стали неотъемлемой частью древнерусской литературы. Так, «Изложение наставительных глав» Агапита императору Юстиниану I (527–565), «Учительные главы» Василия I (867–886), «Послание» патриарха Фотия (858–867, 877– 886) Михаилу Болгарскому хорошо известны по русским рукописным сборникам XV–XVI вв. Речь императора Юстина II (565–578) «О царстве» была известна на Руси в составе переводных хроник. Императорские речи в «Повести о Варлааме и Иосафе» были знако-

---

[1] В публичном диспуте Мануила I с патриархом последний впервые заявил (впоследствии эта идея найдет себе немало адептов), что лучше турецкое владычество, чем уния с папством.

[2] Поляковская М.А., Медведев И. П. Развитие политических идей в поздней Византии // Культура Византии. XIII – первая половина XV в. М., 1989. С. 265. Orbis terrarum (лат. «круг земной; вселенная») – у римлян обозначение известного им мира, тех стран, о которых им известно.

[3] Иоанн Кантакузин ответил папскому легату Павлу по поводу его сочувствия христианам, вынужденным жить среди турок: «Я не считаю их всех, как ты говоришь, нечестивыми, но думаю, что многие из них лучше и благочестивей многих из живущих в здешних землях...»

мы древнерусскому читателю по переводу, выполненному, по всей видимости, в Киевской Руси не позднее первой половины XII века[1].

Как показал анализ византийской политической литературы, известной на Руси, фундаментальное положение византийской политической идеологии (божественное происхождение императорской власти) оставалось непоколебленным на всем протяжении истории империи. В компетенцию императора входило, согласно нормам «Исагоги», хранить то, что содержится в Священном Писании, догматы семи Вселенских соборов, а также ромейские законы, и вместе с тем сам император должен отличаться православием, благочестием и ревностью Богу.

Важной была и трактовка взаимоотношений власти и Церкви. В «Исагоге» на этот счет содержится следующее: «Так как государство, подобно человеку, состоит из частей и членов, наинужнейшие и наинеобходимейшие части – это император и патриарх. Поэтому духовное и телесное благоденствие и мир подданных заключаются в согласии и единомыслии во всем царственности и первосвященства»[2]. Что касается разделения сфер юрисдикции, то за патриархом, и только за ним, остается право толкования древних канонов, правил Святых Отцов и постановлений соборов; собственно патриаршим декларируется право без страха говорить перед лицом императора об истинности догматов и каре за их нарушение.

По мнению специалистов, в положениях «Исагоги» нетрудно заметить тенденцию представить патриаршую власть равновеликой власти императорской, а в ряде случаев и автономной[3]. Так, патриарх Фотий в «Послании» Михаилу Болгарскому излагает ее в рамках концепции «симфонии»[4] (согласия) государства и веры. В иерархической системе ценностей, утверждаемых патриархом, главенствующая роль принадлежит вере, при этом он выделяет священство как прерогативу Церкви. Отказывая князю в руководстве христианской общиной, Фотий, вместе с тем, все же сознавал возможность его реальной власти в деле распространения христианства.

Взаимоотношения власти и общества традиционно описывались в византийских источниках как забота правителя о подданных. Считая наказание необходимым в регулировании общественных отношений, Фотий, тем не менее, обнаруживает умеренность в рекомендации применять его, дабы из законного правителя не превратиться в тирана. Идеологической доминантой, определяющей существо отношений между властью и обществом, является благонамеренность подданных.

---

[1] Чичуров И.С. Политическая идеология средневековья (Византия и Русь). М., 1991. С. 6.
[2] Цит. по: Чичуров И.С. Политическая идеология средневековья (Византия и Русь). М., 1991. С. 72.
[3] Чичуров И.С. Политическая идеология средневековья (Византия и Русь). М., 1991. С. 73.
[4] Подробнее об этом см.: Т. 1. Глава I. Отношения Церкви и государства.

В византийских текстах, распространенных на Руси, заметна тенденция к обмирщению политической идеологии. Концепция божественного происхождения власти в более поздних памятниках политической литературы потеснена другими темами. Родовитость в сочетании с личной воинской доблестью становятся едва ли не главными достоинствами идеального императора. Полководческие функции императора, утраченные идеологией в VIII – начале IX вв., появляются вновь как предмет прославления в начале X столетия[1].

Византия принадлежала к средиземноморской региональной цивилизации, предшествовавшей европейской, поэтому во многих отношениях она развивалась существенно иным образом, чем страны, составившие впоследствии ареал европейской цивилизации и культуры. Так что Византия, несмотря на свои тесные связи с Русью, не могла передать ей такое культурное наследие, которое стало бы основанием для ее развития как вполне европейской страны. Тем более что Русь, принимая христианство, заимствовала менее динамическую по сравнению с католической православную культуру из клонившейся к упадку Византии (частично через посредника – Болгарию). В этих условиях на Руси X–XVII вв. не могла сформироваться и существовать социально-политическая мысль, вполне сопоставимая с западноевропейскими социальными и политическими идеями и концепциями. Тем не менее в ней протекали политические процессы и возникали социально-политические идеи, типологически сходные с западноевропейскими[2], что было обусловлено общими источниками, из которых они черпали и развивали социально-политические идеи.

Политические идеи X – XVII вв.

В период с X по XVII век отечественная политическая мысль не выходит за рамки религиозного мировоззрения.

В середине XI века создается первое чисто политическое произведение – «Слово о законе и благодати» киевского митрополита Илариона, в котором он теоретически обосновывает независимость Киевского государства от Византии и идею сильной княжеской власти. Уподобив князя Владимира римскому императору Константину I, считавшемуся первым и великим христианским государем, Иларион заложил фундамент возникшей впоследствии теории «Москва – Третий Рим». Идеализируя деяния великих князей Владимира и Ярослава Мудрого, Иларион первым на Руси попытался создать идеальный образ русского христианского государя, источником власти которого является божественная воля, но княжеский стол он занимает по законам родового наследования.

---

[1] Чичуров И.С. Политическая идеология средневековья (Византия и Русь). М., 1991. С. 152.

[2] Пустарнаков В.Ф., Шевченко В.Н. Предисловие //Антология мировой политической мысли. В 5-ти т. Т. 3. Политическая мысль в России X – пер. пол. XIX вв. М., 1997. С. 6.

Линия, намеченная Иларионом, получила отражение в последующих летописях, послуживших основой для «Повести временных лет» (начало XII в.), созданной предположительно монахом Киево-Печерского монастыря Нестором. Если Иларион в «Слове» стремился дать теоретическое обоснование независимости Русского государства и сильной княжеской власти, то Нестор в «Повести...» дает их историческое обоснование.

В период раздробленности, татаро-монгольского нашествия в политической литературе появляются призывы к единению всех сил Русской земли, выдвигаются идеи борьбы против раздробленности, ослаблявшей Русское государство, и боярского засилья. Громадный след в русской политической идеологии оставило «Слово о полку Игореве», его основная мысль – идея единства земли Русской, общности интересов перед лицом внешней угрозы.

Логика единства земли Русской вела к оправданию идеи единовластия, то есть сильной княжеской власти. Эта идея выражена в другом произведении литературы XII–XIII вв. – «Моление Даниила Заточника». Установление единовластия князя – основная идея произведения. Единовластие князя, по мнению Даниила, – единственное средство возвеличения государства, установления твердого порядка и избавления простых людей от бедствий.

Идеализация мудрого единовластного князя, князя – избавителя от всех бед была созвучна широко распространившимся позже утопиям русского крестьянства.

При всей традиционности разноплановых контактов Руси и Византии, давних культурных связей, активной переводческой деятельности в славянских странах, по мнению специалистов, политическая мысль Древней Руси отличалась от византийской в целом ряде существенных моментов, что определило ее своеобразие[1]. Концепция божественного происхождения власти хотя и была известна в византийском варианте, на Руси модифицируется: ударение ставится на божественном обосновании наследования власти (у Илариона).

Представления о престижности знатного происхождения, обусловленные, естественно, на Руси иной, нежели в Византии, социальной действительностью, изначально присутствовали в древнерусской политической мысли, равно как и прославление воинской доблести князя, обретшей в «Поучении» Владимира Мономаха исключительно индивидуальный характер. Необычной могла оказаться для Византии и древнерусская «огласовка» традиционной темы: например, образованность, раскрытая Владимиром Мономахом, как знание князем (его отцом Всеволодом Ярославичем) иностранных языков[2]. В

[1] Чичуров И.С. Политическая идеология средневековья (Византия и Русь). М., 1991. С. 150.
[2] Чичуров И.С. Политическая идеология средневековья (Византия и Русь). М., 1991. С. 151–152.

«Поучении» уже ясно видна основа власти – «Основа всему: страх божий имейте превыше всего»[1].

С именем Андрея Боголюбского связан новый этап в истории русской политической мысли. Князь Андрей – апологет идеи «самовластия», единодержавия, противник удельных и вечевых порядков. Все это отразилось в «Повести об убиении Андрея Боголюбского». Там же намечена линия на разграничение власти земной и небесной. «Пишет апостол Павел: “Всякая душа властям повинуется”, ибо власти Богом поставлены; природой земной царь подобен любому человеку, но властию сана он выше – как Бог. Сказал великий Иоанн Златоуст: “Если кто противится власти – противится закону божьему. Князь не напрасно носит меч – он ведь божий слуга”» [2].

Поскольку Русь находилась сначала под формальным суверенитетом Византийской империи (будучи фактически независимой), а затем под тюрко-монгольским владычеством (чуть ли не на положении улуса Золотой Орды), в ее политической мысли особое место заняли темы церковно-государственной независимости, суверенности Русского государства, концепция государя-самодержца, то есть государя, властвующего самостоятельно, единодержавно над всей подвластной ему Русской землей.

Причины бедствий, постигших русский народ в связи с татаро-монгольским игом, и его борьба против поработителей становятся основными темами летописных произведений XV – XVI вв. Среди них выделяются «Повесть о разорении Рязани Батыем» и «Задонщина великого князя господина Дмитрия Ивановича и брата его князя Володимира Андреевича», более известная под названием «Задонщина».

В «Задонщине» звучит призыв к объединению как залогу побед над поработителями, при этом его автор центром объединения русских земель во имя освобождения и независимости видит Москву. В последующем очевидное признание решительно возросшей роли Москвы, возглавившей Русское государство как государство независимое, получило обоснование в ряде произведений политической литературы: «Повесть о Флорентийском соборе», «Послание о Мономаховом венце», «Сказание о князьях Владимирских». Эти произведения были связаны общей идеей величия власти московских государей, являвшихся якобы наследниками римского императора Августа и получивших знаки царского достоинства (скипетр, державу и корону) от византийского императора Константина Мономаха.

Если в киевский период господствовала родовая идеология при обычной норме старшинства престолонаследия (хотя на практике родовой принцип

---

[1] Владимир Мономах. Поучения // Антология мировой политической мысли. В 5-ти т. Т. 3. Политическая мысль в России X – пер. пол. XIX в. М., 1997. С. 47.

[2] Повесть об убиении Андрея Боголюбского // Антология мировой политической мысли. В 5-ти т. Т. 3. Политическая мысль в России X – пер. пол. XIX в. М., 1997. С. 47.

престолонаследия часто нарушался), то в московский период произошел существенный пересмотр прежней родовой идеологии.

Тема закона и законности проходит через всю русскую мысль. Однако надо помнить, что в тогдашнем теоцентристском мировоззрении исходным был Закон Божий, а гражданские законы были вторичными, подчиненными; и перед русской мыслью со временем встала задача разведения этих законов[1].

Во время похода 1480 года князя Ивана III против хана Ахмата «Послание на Утру» ростовского архиепископа Вассиана Рыло приобрело особое политическое значение и смысл: автор обосновал право русского князя не соблюдать клятву верности своих прародителей ханам, доказывая, что не подобает христианскому царю великой страны повиноваться «богопротивному» царю Орды[2].

Усиление власти великих князей Московских, успехи политики объединения русских земель и борьбы против считавших себя наследниками Золотой Орды казанских ханов отразились в принятии Иваном III титула «самодержец Всея Руси», а затем и в присоединении титула «государь Всея Руси»[3], власть которого имеет божественное происхождение – «поставление имеем от Бога».

Логическим завершением идей, приведших к созданию единого Российского государства, новым этапом их развития стала известная теория «Москва – Третий Рим», созданная псковским монахом Филофеем в начале XVI века. По своему наиболее общему содержанию концепция Филофея – религиозная историософская теория с мессианской идеей особой роли в мире православной «богоизбранной» России как нового (после Первого Рима и Второго Рима – Византии) истинного и последнего центра христианства и его защитницы[4].

---

[1] Ф. Карпов: «...всякий город и всякое царство, по Аристотелю, управляться должно начальниками по правде и определенными законами справедливыми». См.: Карпов Ф.И. Послание митрополиту Даниилу // Антология мировой политической мысли. В 5-ти т. Т. 3. Политическая мысль в России X – пер. пол. XIX в. М., 1997. С. 164.

[2] Вассиан, в частности, пишет: «...если клятва бывает вынужденной, прощать и разрешать от таких клятв нам повелено, и мы прощаем, и разрешаем, и благословляем – как святейший митрополит, так и мы и весь боголюбивый собор: не как на царя пойдешь, но как на разбойника, хищника и богоборца. Уж лучше тебе солгать и приобрести жизнь вечную, чем остаться верным клятве и погибнуть, то есть пустить их в землю нашу на разрушение и истребление всему христианству, на святых церквей запустение и осквернение». Вассиан Рыло. Послание на Угру// Антология мировой политической мысли. В 5-ти т. Т. 3. Политическая мысль в России X – пер. пол. XIX в. М., 1997. С. 113.

[3] Уже при Иване III титул «царь» эпизодически употреблялся применительно к великому князю Московскому. Настойчивое использование этого титула в важных переговорах Василия III с послом Максимилиана I свидетельствовало об упрочении идеи самодержавия в политической идеологии России начала XVI в. См.: Антология мировой политической мысли. В 5-ти т. Т. 3. Политическая мысль в России X – пер. пол. XIX в. М., 1997. С. 128.

[4] «Пусть знает твоя державность, благочестивый царь, что все православные царства христианской веры сошлись в едином твоем царстве: один ты во всей поднебесной христианам царь». Филофей. Послание великому князю Василию об исправлении крестного знамения и о содомском блуде //Антология мировой политической мысли. В 5-ти т. Т. 3. Политическая мысль в России X – пер. пол. XIX в. М., 1997. С. 149.

Филофей пишет: «...все христианские царства сошлись в одно твое, что два Рима пали, а третий стоит, четвертому же не бывать. И твое христианское царство другим не сменится...»[1].

Русский государь – это православный христианский «царь и владыка всех», «браздодержатель святых божьих престолов», который «вместо римского и константинопольского владык воссиял». Филофей фактически видит государя орудием православной церкви в ее всемирно-исторической миссии[2]. В соответствии с этой политической концепцией Московское государство может претендовать на объединение под своей властью всех народов, исповедующих православную веру.

В условиях господства религиозного мировоззрения в центре политической мысли стоял вопрос о взаимоотношении государства и Церкви. Общим источником размышлений на эту тему стали библейские тексты, в которых есть места, где утверждается божественное происхождение государственной власти и дается авторитетное обоснование идеям главенства светских государей над Церковью, так называемой цезарепапистской идеологии, возобладавшей в Византии, а затем и на Руси; а также места, которые можно истолковать в смысле идеи главенства Церкви над государством («священства» над «царством») и которые стали источником для теократических (папоцезаристских) идей на Руси[3], особенно в период патриаршества Никона[4].

Важным этапом в развитии политической мысли стал спор между «стяжателями» и «нестяжателями». Конфликт в церковной среде возник из-за вопроса, должна ли Церковь обладать богатством. Но с ним был органически связан важный политический вопрос: должна ли Церковь поддерживать усиление царской власти.

Нестяжатели утверждали, что Церковь обязана заботиться только о духовном, а не о мирском. Не порицая богатства бояр, эксплуатацию ими крестьян, критикуя за это только Церковь, способствовавшую возвышению царской власти, нестяжатели, в частности Максим Грек[5], осуждают и последнюю за

---

[1] Антология мировой политической мысли. В 5-ти т. Т. 3. Политическая мысль в России X – пер. пол. XIX в. М., 1997. С. 152.

[2] Антология мировой политической мысли. В 5-ти т. Т. 3. Политическая мысль в России X – пер. пол. XIX в. М., 1997. С. 149.

[3] Пустарнаков В.Ф., Шевченко В.Н. Предисловие //Антология мировой политической мысли. В 5-ти т. Т. 3. Политическая мысль в России X – пер. пол. XIX в. М., 1997. С. 10.

[4] Никон: «...не от царей начальство священства приемлется, но от священства на царство помазуются; явлено много раз, что священство выше царства». Никон. Возражения // Антология мировой политической мысли. В 5-ти т. Т. 3. Политическая мысль в России X – пер. пол. XIX в. М., 1997. С. 315.

[5] В многогранном творчестве Максима Грека наибольший интерес представляют его «нестяжательские» сочинения о недопустимости монастырского землевладения и идеи, посвященные проблеме взаимосвязи светских («царство») и духовных («священство») властей: «Священство и царство суть два величайших дарования Божия человеческому роду, данные величайшим Его человеколюбием; из них священство служит к устроению дел божественных, а царство заведует делами человеческими, промышляя о них; причем и то и другое, происходя от одного и того же

злоупотребления, неправосудие. Государь, по их мнению, должен быть добрым, советующимся с князьями и боярами.

На церковном соборе 1503 года «нестяжатели», отстаивавшие противодействие боярства усилению центральной государственной власти, потерпели поражение от иосифлян («стяжателей»).

Иосиф Волоцкий утверждал, что власть царю дана Богом и поэтому не ограничена никакой другой властью. Царь властью обязан Богу, поэтому он обладает правом жизни и смерти, и подданные его обязаны смиренно ему повиноваться во всем. Не ограничена ничем и власть московских государей над удельными князьями: московские цари – «всея русские земли государям государи». Бог дает царю власть прежде всего для защиты веры, и царь обязан преследовать еретиков. Царь должен защищать Церковь, ее имущество. Царь, посягающий на церковные богатства, – «не Божий слуга», но дьявол, и не царь, «но мучитель», ибо «церкви богатство – божье богатство». Церковь и должна быть богатой, чтобы ее обряды показывали величие Бога и чтобы во имя Бога помогать бедным и нищим. Сочетая, таким образом, идеи усиления царской власти с защитой интересов Церкви, Иосиф Волоцкий призывал их к союзу, направленному против ограничения царской власти и посягательств на церковные богатства. Победа этой доктрины предопределила союз царя и Церкви, ставший основой самодержавия.

Среди политических проблем важное место занимала идея о коллегиальном решении важнейших государственных вопросов. Эта идея была реализована в форме Думы. По обычаю, а не по какому-либо закону, ограничивающему его власть, государь должен был советоваться с боярами, составлявшими Боярскую думу как постоянный совет при государе, что выразилось также и в формуле «государь указал и бояре приговорили». Поскольку по мере упрочения на Руси самодержавия государи нередко игнорировали Боярскую думу, в политической литературе постоянно возникала идея о необходимости для них иметь при себе разумных советников.

Еще одним истоком самодержавия стали идеи Ивана Пересветова, который предлагал взять в образец для подражания «Турецкое государство», где султан советуется с «думой», состоящей из знати, военачальников, духовенства, судей; особенно ратует Пересветов за воинов, которыми силен и славен царь; самоуправство «ленивых» и богатых вельмож он осуждает. При этом Пересветов подчеркивает, что главная причина падения Византии и завоевания ее

начала, украшают человеческую жизнь». Ратуя за идею одновременного и единомысленного управления «священством» и «царством», Максим отводил роль главы такого управления государю, полагая, что митрополит при нем является духовным отцом державы и ходатаем перед Богом. Встречаются, однако, в сочинениях Максима и высказывания в духе теократической идеи превосходства «священства» над «царством». Считая русских государей самодержцами, Максим вместе с тем проводил мысль о разумной сословной монархии, о необходимости иметь при государе «советы» по делам управления. См.: Антология мировой политической мысли. В 5-ти т. Т. 3. Политическая мысль в России X – пер. пол. XIX в. М., 1997. С. 153–154.

турками – засилье предателей-вельмож. Боярское засилье – причина не только материального оскудения государства, казны, но и ослабления военного могущества страны. Пересветов готов простить государям гордость и даже жестокость – лишь бы они были справедливыми, ввели добровольную, а не подневольную военную службу и праведный суд.

Одновременно Пересветов обосновывает необходимость коренного изменения внутренней и внешней политики русского государя. Настоящая опора царской власти в борьбе с внутренними и внешними врагами – служилое дворянство, верное царю, но страдающее от бояр-вельмож. Не знатность рода и богатство, а личные заслуги перед царем, преданность ему и храбрость должны определять положение воина на государевой службе. Союз между военным дворянством и царской властью – необходимое условие проведения назревших социально-политических преобразований в Русском государстве.

Поскольку многие идеи Пересветова оказались близки и понятны Ивану IV, то были использованы последним в его борьбе за укрепление самодержавия, в выработке политической программы назревших преобразований, в реформах – поместной, приказной, финансовой, военной – и в Судебнике 1550 года. Совпали с политикой царя и наметки внешнеполитической программы Пересветова – завоевание Казани.

Традиционной для всей литературы Древней Руси была тема идеального государя. Поднимались вопросы: должен ли государь быть грозным или кротким, может ли «царская гроза» сочетаться с христианскими добродетелями – праведностью, милосердием, справедливостью? Царю показалось близким рекомендованное И. Пересветовым средство осуществления преобразований: «Как конь под царем без узды, так царство без угрозы».

Эти идеи создали благоприятный фон для борьбы за укрепление самодержавия в период правления Ивана IV. Наиболее отчетливо столкновение противоположных политических идей и тенденций проявилось в полемике между Иваном IV и князем Андреем Курбским.

В своих трех письмах Ивану IV и написанной в эмиграции «Истории о великом князе Московском» А. Курбский обвиняет царя в том, что он «правил не по старине», что был жесток, несправедлив, находится под влиянием «лукавых монахов» – иосифлян. Самодержавие царя, царские реформы Курбский отвергает, противопоставляя им идеального государя, правящего с «Избранной радой», советующегося с Думой и боярами. Он утверждал, ссылаясь на Цицерона, что нет государства, если не действуют законы, нет правосудия, не соблюдаются старые обычаи, и обвиняет царя в жестокости, злодеяниях, видя причину всех зол в личных качествах Ивана IV.

В древнерусской литературе часто с разных сторон обсуждался вопрос о пределах великокняжеской и царской власти, о возможностях избежать пере-

растания самодержавия в деспотизм и тиранию, но переписка А. Курбского с Иваном Грозным особенно показательна в этом отношении.

Протест Курбского против укрепления самодержавия, стремление ограничить царскую власть аристократическим советом вызвали резкий отпор Ивана IV. В письмах к Курбскому он использует идеи иосифлян и отдельные аргументы челобитных И. Пересветова для обоснования самодержавной власти царя.

Царская власть – от Бога, и сопротивление ей – сопротивление Божьей воле. «Русская земля держится божьим милосердием, и милостью пречистой богородицы, и молитвами всех святых, и благословением наших родителей, и, наконец, нами, своими государями, а не судьями и воеводами...» [1]. Любые ее ограничения царем решительно отвергаются, опыт европейских стран считается непригодным: «Там ведь у них цари своими царствами не владеют, а как им укажут их подданные, так и управляют. Русские же самодержцы изначала сами владеют своим государством, а не их бояре и вельможи» [2]. Царская опала, казни бояр-изменников оправданны – «таких собак везде казнят»[3].

Последовательно развивая идею сильной, ничем не ограниченной самодержавной власти, Иван IV идет дальше иосифлян, отказывая Церкви во вмешательстве в государственные дела. В связи с этим он пишет Курбскому: «Вспомни, когда Бог избавил евреев от рабства, разве он поставил перед ними священника или многих управителей? Нет, он поставил владеть ими одного царя – Моисея...»[4].

Особенно сложные вопросы встали перед русской политической мыслью, когда прекратилась династия Рюриковичей и на престоле фактически или номинально оказывались выборные цари (Борис Годунов, Василий Шуйский, польский королевич Владислав, а затем первый Романов): непреодоленная средневековая идея богоизбранности царя оказывалась в неразрешимом противоречии с идеей выборности.

Религиозное политическое мышление составителей Соборного определения об избрании царем Бориса Годунова потребовало ссылки на родство Бориса с прежней династией, на «завет» Ивана IV, на «предвещание» царя Федора о том, что после его смерти царем должен стать Годунов, а также опоры на сюжеты из древнеизраильской, египетскй, греческой и римской истории. По существу обосновывалась не избранность, а богоизбранность нового царя.

---

[1] Антология мировой политической мысли. В 5-ти т. Т. 3. Политическая мысль в России X – пер. пол. XIX в. М., 1997. С. 229.

[2] Антология мировой политической мысли. В 5-ти т. Т. 3. Политическая мысль в России X – пер. пол. XIX в. М., 1997. С. 224.

[3] Антология мировой политической мысли. В 5-ти т. Т. 3. Политическая мысль в России X – пер. пол. XIX в. М., 1997. С. 230.

[4] Антология мировой политической мысли. В 5-ти т. Т. 3. Политическая мысль в России X – пер. пол. XIX в. М., 1997. С. 227.

Сам Борис считал, что он «учинился» царем по приказу царя Федора, по благословению царицы Ирины и по челобитью всего народа.

Значительный интерес представляют политические обязательства, данные Шуйским при вступлении на престол. Демонстрируя свое стремление избежать повторения опричнины, внесудебных расправ, имевших место в царствования Ивана Грозного и Бориса Годунова, Василий дал обязательство судить подданных «истинно праведным судом», по закону, а не по произволу[1]. По мнению В.О. Ключевского, это был первый на Руси опыт построения государственного порядка на основе формально ограниченной царской власти, правящей по закону.

А. Боханов считает, что весь комплекс российских самодержавно-государственнных представлений базировался на христианской идее истины. Как истина христианства предметно недоказуема, так обусловленная ею истина самодержавия – лишь предмет веры и приятия, но не объект логически-лексических спекуляций. Идея царской власти как идея священного служения содержала огромный духовный потенциал, раскрывавшийся в многовековом успешном деле державоустроения. Именно Русская православная церковь и выпестовала идею царской власти как национально-государственный символ веры. Поэтому судьбы православия и самодержавия оказались теснейшим образом связанными. Эта связь придавала царской власти устойчивость и силу, но лишь до определенного исторического предела, который обозначился с началом дехристианизации общественной жизни и общественного сознания[2].

Поскольку в сознании древнерусского человека безраздельно господствовало религиозное мировоззрение, то все социально-политические идеи вытекали из него и обосновывались религиозными аргументами.

В XIV – XV вв. в России широко распространились ереси. К этому времени относится появление псковско-новгородских «стригольников», а затем и «жидовствующих». Часть «стригольников» не только отрицала основные догматы христианской религии о Божественном происхождении Христа, его втором пришествии и др., но и, осуждая богатство и имущественное неравен-

---

[1] «И соизволил я, Царь и Великий князь всея Руси Василий Иванович, целовать крест, что мне, Великому Государю, каждого человека судить истинным судом, бояр своих смерти не предавая, вотчин, дворов и имущества у их жен и у детей, которые с ними в сговоре не были, не отнимать. Также у купцов, у торговых людей и у простого народа, если кто из них по суду и по сыску дойдет до смертного приговора, после их [смерти] у жен и у детей дворов, и лавок, и имущества не отнимать, если они с ними в той вине не повинны». Годунов Борис. Грамота в Пермь Великую // Антология мировой политической мысли. В 5-ти т. Т. 3. Политическая мысль в России X – пер. пол. XIX в. М., 1997. С. 265.

[2] Так было не только в России: со времени Реформации постулат о приоритете «человекобожеского» над «богочеловеческим» становился определяющим. Французская революция 1789 года явилась высшим «актом торжества» указанного принципа. «Вещное» отринуло «Вечное», а «разум» возобладал над теургическим принципом мироустроения. «Культура» начала уступать место «цивилизации», а «рабство у тлена» стало выдаваться за высший и конечный смысл существования человечества. См.: Боханов А.Н. Самодержавие. Идея царской власти. М., 2002.

ство вообще, проповедовала имущественное и социальное равенство людей, аскетический образ жизни.

В XVI веке появляются московские ереси Матвея Башкина и Феодосия Косого. Критика официальной церкви с ее «стяжательством» у Башкина соединялась с критикой социального неравенства и эксплуатации. Он утверждал, что вера требует любить ближнего, как самого себя, что Христос всех людей называл братьями. На деле же «мы у себя христиан держим рабами»; при этом сам М. Башкин отпустил своих холопов на волю. Ересь Башкина была осуждена церковным собором 1553 года, а сам он заточен в Волоколамский монастырь.

В это же время начал проповедовать более радикальное еретическое учение Феодосий Косой. Отказываясь подчиниться официальной Церкви, Феодосий отрицал и необходимость повиноваться любой существующей власти и призывал к созданию такого христианского общества, где не было бы ни богатых, ни бедных и люди подчинялись бы только Богу.

В период с X по XVII век, оставаясь глубоко религиозным, русское общество пыталось заимствовать у Запада только те социально-политические идеи и взгляды, которые укладывались в рамки господствующего мировоззрения, поэтому новые европейские политические теории, возникшие в рамках рационализма, были им усвоены в более позднее время.

Гораздо медленнее, чем в Западной Европе, шла на Руси секуляризация политической мысли. Здесь нет явных аналогий теориям Н. Макиавелли, трактовавшего политику как самостоятельную сферу духовной деятельности. Однако некоторые древнерусские мыслители (Ф. Карпов, И. Пересветов, А. Курбский и особенно писавший в России Ю. Крижанич) определенно двигались по пути секуляризации политической мысли.

Несмотря на то, что в «Политике» Юрия Крижанича содержится множество ссылок на Святое Писание, они уже не поглощают и не предопределяют полностью идей ее автора, опирающегося на Аристотеля, Цицерона и другие авторитеты. В изложении Крижанича, государь-«самовладец» подобен Богу на земле и его судит только Бог. Праведная верховная власть может превратиться в тиранию, если будут введены несправедливые законы. Безграничная власть противна божественному и природному закону. Крижанич был уверен, что в России может наступить время, когда весь народ восстанет против «безбожных», «людодерских» законов, введенных еще царями Иваном Грозным и Борисом. Чтобы этого не произошло, он советовал ограничить законами всевластие «слуг царя», установить новое, наилучшее законодательство[1].

Несмотря на новгородский опыт, слабое развитие на Руси получила и республиканская идея, тогда как на Западе в XV–XVI вв. уже не только появи-

[1] Антология мировой политической мысли. В 5-ти т. Т. 3. Политическая мысль в России X – пер. пол. XIX в. М., 1997. С. 317.

лись сторонники республики, но даже были созданы первое национальное государство-республика (Голландия) и первые республиканские партии под эгидой кальвинизма. Достаточно назвать имена Жана Бодена, Томаса Мора, Томмазо Кампанеллы, Гуго Греция, Самуэля Пуфендорфа и других западноевропейских политических мыслителей с их идеями антитиранизма, государственного суверенитета, частной и общественной собственности, естественного права, свободы человека и т. д., а также напомнить о политических теориях западноевропейских философов XVII века Бенедикта Спинозы, Томаса Гоббса, Джона Локка и сопоставить эти имена с именами современных им русских мыслителей, чтобы, как считают некоторые исследователи, скромно оценить уровень древнерусской политической мысли[1]. Как считают В.Ф. Пустарнаков и В.Н. Шевченко, «Применительно к Древней Руси можно говорить о специфическом для нее политическом сознании, о своеобразии ее политической мысли, политической культуры и политической идеологии. До политических теорий в строгом смысле этого слова в Древней Руси дело не дошло, если не считать исключительного даже для русского XVII века политического трактата Юрия Крижанича «Политика»[2].

Лишь к концу XVII века в России появились переводы более или менее солидных западноевропейских политико-исторических трактатов. В 1678 году был сделан, в частности, перевод получившего широкую известность во всей Европе выдающегося политического трактата «Об исправлении государства» (1551) польского мыслителя Анджея Моджевского (1503–1572).

§2. Социально-политические идеи XVIII века

Социально-политические идеи русского общества

В Петровское время вместе с экспортом научных, технических, военных, управленческих и иных идей началось проникновение в страну европейских политических теорий, которые дали мощный толчок развитию общественной мысли в стране. Они ознакомили общество с идеями Г. Гроция, Т. Гоббса, С. Пуфендорфа, Х. Вольфа и др.

Великий переворот, произведенный Петром I, заключался в том, что Петр стал строить социально-политическую реальность исходя не из религиозного, а рационалистического мировоззрения. Новые идеи, завезенные им из Европы, стали формировать новую Россию. Начав с военного дела, техники, науки, флота, быта, царь с неизбежностью был вынужден реформировать общество и власть, созданные в религиозной парадигме. Власть царя держалась на вере в него как помазанника Божьего, это был тот предел, на который рационализм Петра I не посягал. Несмотря на то, что Церковь при первом российском

---

[1] Пустарнаков В.Ф., Шевченко В.Н. Предисловие //Антология мировой политической мысли. В 5-ти т. Т. 3. Политическая мысль в России X – пер. пол. XIX в. М., 1997. С. 6–7.

[2] Пустарнаков В.Ф., Шевченко В.Н. Предисловие //Антология мировой политической мысли. В 5-ти т. Т. 3. Политическая мысль в России X – пер. пол. XIX в. М., 1997. С. 9.

императоре была подчинена государству, однако обоснование власти осталось прежним.

Петр I не был кабинетным теоретиком, писавшим научные труды. Его идеи посредством законов, уставов, указов формировали новую реальность. Великому царю остро не хватало людей, которые могли бы разъяснить, дополнить и развить его идеи. Пока идея не принята теми людьми, которые должны ее реализовывать, она может быть осуществлена ими не иначе как под действием насилия – отсюда такое широкое применение силы в Петровское время. Позднее, когда идеи были усвоены, приняты, для их реализации не требовалось столь масштабного насилия, а Елизавета вообще отказалась от смертной казни в годы своего правления.

Несовместимость рационалистического и религиозного мировоззрений привела к тому, что в социально-политической и правовой мысли России развернулся процесс борьбы рационализма и религии, юридического и теологического мировоззрений.

Влияние европейских идей непосредственно сказалось на обсуждении основных для России того времени политических проблем – самодержавной власти и крепостного права. Весь XVIII век социально-политические мыслители пытались на базе рационалистических идей создать систему доводов, обосновывавших самодержавие, для чего использовались произвольно подобранные или искаженные идеи Просвещения («Наказ» Екатерины; критика Щербатовым идеи равенства). Эти идеи привели к созданию концепции «просвещенного абсолютизма». Характерная черта политико-правовой идеологии «просвещенного абсолютизма» – резкое, порой вопиющее противоречие между логико-теоретической основой, взятыми у Просвещения теоретическими посылками и апологией крепостничества. В его защиту была положена выдвинутая еще Татищевым и просуществовавшая до середины XIX века идея: «Если крепостное право – зло, то его отмена или ослабление – зло еще большее».

Из Европы были заимствованы идеи конституционализма, призванные ограничить наиболее вредные стороны абсолютной монархии. Консерваторы первыми поставили вопрос об ограничении власти самодержца; таков был, например, проект В. Татищева (1730). Тенденция фактического ограничения власти самодержца просматривается в рассуждениях И. Посошкова об утверждении монархом законов или указов, предварительно обсужденных, тщательно продуманных и подготовленных собранием всего народа или представителей сословий, чьи интересы затрагиваются будущим указом (законом). Та же идея постоянно возникала и обсуждалась в процессе последующего развития политико-правовой идеологии.

Первые шаги на пути ограничения самодержавия были сделаны в январе – феврале 1730 года, когда Д. Голицын и ряд его сторонников предприняли по-

пытку ограничения самодержавия на определенных правовых началах. «Кондиции» членов Верховного совета содержали «пункты», ограничивавшие власть монарха. Несмотря на неудачу затеи «верховников», идея конституционализма, подкрепленная примером Запада, продолжала существовать вплоть до победы над самодержавием.

Новые рационалистические идеи были усвоены очень узким кругом лиц, преимущественно из высшего слоя правящего класса; во второй половине века к ним присоединились дворяне, преподаватели учебных заведений, обучавшиеся за границей.

Несмотря на то, что различные социальные условия, разное положение людей во властной системе создавали неодинаковые условия для усвоения одних и тех же идей, почти все видные теоретики, за исключением Ф. Прокоповича и И. Посошкова, были выходцами из дворянства, преимущественно родовитого. Это обусловлено тем, что высший слой российского общества первым познакомился с европейскими социальными и политическими теориями, и в рамках этого слоя рационалистические социально-политические концепции начали приспосабливаться для решения российских политических проблем.

В зависимости от целей и последовательности применения европейских теорий одни и те же идеи обосновывали и сохранение существующего политического порядка, и его изменение, и даже уничтожение (Радищев). В рамках рационалистического направления социально-политической мысли создается ряд идейных направлений, отличавшихся по принципам и способам решения существующих проблем, а также целям развития: консервативное, либеральное, радикальное.

Государственно-охранительная политическая мысль находила поддержку со стороны деятелей государственного аппарата, которые прилагали усилия для сохранения и упрочения существующей социально-политической реальности.

Преисполненная рационалистическими идеями, преимущественно заимствованными из французской философии эпохи Просвещения, из немецкого пиетизма и в меньшей степени английской политической философии, русская элита конца XVIII века претерпела серьезные изменения под влиянием Екатерины II, подтолкнувшей ее на этот путь. Но уже вскоре результаты этих заимствований породили сомнения в применимости и правильности для России европейской модели[1]. Результаты действия рационалистических идей вызвали Французскую буржуазную революцию; это напугало российский правящий класс и привело к жестокому подавлению в 1790-е годы в стране всяких проявлений вольномыслия, тем более политического. Стало понятно,

[1] Алексеева Е.В. Диффузия европейских инноваций в России (XVIII – начало XX в.). М., 2007. С. 97.

что общество, построенное на идеях Просвещения, вместо «свободы, равенства, братства» с вероятностью ждет диктатура, а правящий класс – гибель, потеря власти, собственности, жизни.

Идеи западноевропейского Просвещения оказались близки части дворянства, составившей либеральное направление политической мысли. Просветительский подход к решению российских политических проблем был характерен для таких крупных мыслителей России, как графы А.Р. Воронцов, Н.И. Панин, княгиня Е.Р. Дашкова и некоторых других[1]. Признавая невозможность и вредность радикального изменения существующих государственных органов власти, они были сторонниками постепенного реформирования общественной жизни, разумного сочетания прав и обязанностей всех сословий империи, просвещения народа. По их мнению, это привело бы к расширению и упрочению сложившихся форм власти и управления, к обнаружению новых резервов у самодержавно-крепостнического строя. Принципы либеральной просветительской идеологии, особенно естественного права, активно использовались и для обоснования законности крепостничества и просвещенной монархии как идеала государственного устройства.

Именно либеральное просветительское направление в русской политической мысли постепенно становится преобладающим к концу XVIII века. Для него характерно, в частности, обращение к теории договорного происхождения государства. В центре внимания российских просветителей находились идеи ограничения самодержавной власти и сословных привилегий, законодательного закрепления прав гражданина, поиски путей и способов влияния общественного мнения на действия власти. Предпринимались попытки продвинуться дальше теории общественного договора в понимании природы государства. В целом российские просветители XVIII века были прозападно ориентированной частью образованного слоя тогдашнего общества и видели основной способ обновления России в ее приобщении к достижениям западной цивилизации[2].

Радикальные выводы из европейских социально-политических теорий сделал А.Н. Радищев, явившийся, по существу, предтечей весьма влиятельной в 20-х годах XIX века идеологии декабризма.

Идеи И.Т. Посошкова, имевшие антидворянскую направленность, легли в основу политической идеологии третьего сословия (купцов и промышленников).

Европейские идеи постепенно проникали и в народную среду, причудливо отражаясь в мировоззрении народа, особенно в ересях и утопиях.

---

[1] С некоторыми оговорками к этому направлению политической мысли можно отнести и некоторые работы Екатерины II, которая, к примеру, в своем Манифесте по случаю вступления на престол заявила, что самовластие, не обузданное добром и человеколюбием, есть зло.

[2] Пустарнаков В.Ф., Шевченко В.Н. Предисловие //Антология мировой политической мысли. В 5-ти т. Т. 3. Политическая мысль в России X – пер. пол. XIX в. М., 1997. С. 11–13.

Практически все столетие европейские концепции беспрепятственно распространялись в среде высшего общества. Лишь в конце века в результате Великой французской революции ряд европейских идей оказался под запретом, однако к этому времени с наиболее важными из них русское образованное общество было уже знакомо, поэтому остановить их дальнейшее распространение оказалось невозможно, хотя на решение именно этой задачи были направлены правительством основные усилия. Идею можно победить только идеей, но для этого нужно создать более привлекательную, более убедительную идею, что очень непросто, особенно в отношении тех идей, которые созданы в иной мировоззренческой парадигме. Российская власть вообще редко способна создавать оригинальные социальные идеи, поэтому предпочитает бороться с ними в материальной и объективной сфере путем запретов, арестов, цензуры, увольнений и т.п. Поскольку такими методами можно лишь ограничить скорость распространения идей, но невозможно доказать их негодность, то идеи продолжают распространяться и захватывать все больший круг людей. Становясь на путь запрета и борьбы с инакомыслием, царская власть лишь оттягивала неизбежную развязку, но не предотвращала ее.

Социально-политическая мысль активно использовала идеи из других областей знания: к примеру, мыслителями всех направлений широко применялись новые концепции и данные истории и географии. Для консервативных идеологов обширность территории стала официальным обоснованием целесообразности самодержавия для России. Либеральная мысль обнаружила в русской истории начатки демократии: Киевское вече, республиканские Новгород и Псков. Последующий теоретический поиск привел их к мысли о федерации, к идеям представительной демократии, к резонным сомнениям в фатальной предопределенности форм государства географическими условиями.

Несмотря на широкое распространение рационалистических идей, общество и власть продолжали основываться на православии. В XVIII веке социально-политическая мысль практически не выходила за пределы, установленные религиозным мировоззрением, поскольку подрыв веры грозил обрушением всей системы власти, на ней построенной. Правители России стремились использовать те политические идеи, которые, не подрывая основ власти, могли бы преобразовать общество и государство на европейских основах. Два главных реформатора XVIII века – Петр I и Екатерина II – были едины в этом своем устремлении, однако останавливались там, где дальнейшее развитие «импортных» идей грозило ослаблением власти.

Петр I

Петр I не оставил потомкам специальных социально-политических и юридических трактатов, его идеи об обществе, государстве и праве рассыпаны в эпистолярном наследии, обширном российском законодательстве первой четвер-

ти XVIII века. Сам Петр был деятелем, а не мыслителем: он беспорядочно впитывал западные идеи из прочитанного, из разговоров и заграничных путешествий, но не подвергал их сомнению, а стремился со всей своей безграничной энергией воплотить в жизнь.

Царь сохранял на вооружении теологический довод о богоустановленности царской власти, ее широких правах и бесправии подданных. Он исходил в своей деятельности из представления о неограниченном характере власти монарха как помазанника Божия. Вместе с тем Петр I впервые в русской истории рассматривает государство как политический институт, врученный царю Богом. Наиболее отчетливо смысл и цель своего служения царь выразил в обращении к армии перед Полтавской битвой. «Воины! Вот пришел час, который решит судьбу Отечества. И так не думайте, что вы готовитесь сражаться за Петра: вы идете сражаться за государство, Петру врученное, за род свой, за Отечество... а о Петре знайте, что ему жизнь его не дорога, только бы жила Россия в блаженстве, славе для благосостояния вашего».

Петр был первым русским монархом, формально определившим свои самодержавные прерогативы. Он сделал это в Воинском уставе 1716 года: «Его Величество есть самовластный монарх, который никому на свете о своих делах ответу дать не должен. Но силу и власть имеет свои государства и земли, яко Христианский Государь, по своей воле и благомнению управлять»[1].

Среди прочих западных идей Петра особенно привлекала концепция «всеобщего блага», или «блага отечества». Понятие «всеобщего блага» требовало объяснить проблемы, которые необходимо решить, чтобы достичь этого блага, а также обосновать мотивы своих распоряжений, и Петр I делал это в некоторых своих указах, что также стало радикальным отходом от практики Московского царства, которая настаивала на том, что «святая Русь» – самое совершенное государство в мире. С концепцией «всеобщего блага» была тесно связана концепция государственной службы, обязательной не только для знати, что было традиционным для России, но и для всех остальных, включая, в значительной степени, и самого царя.

Любые меры самодержавия истолковывались как направленные на обеспечение общего блага и государственного интереса. Обе эти цели достигались как за счет деятельности самого монарха, так и благодаря служению государству каждого подданного. Польза государства ставилась Петром неизмеримо выше интересов отдельных членов общества. При идеальном правлении все граждане, включая монарха, служат государству с полной отдачей сил, с подчинением частных интересов интересам государственным, с готовностью жертвовать жизнью для достижения поставленной цели.

---

[1] Полное собрание законов Российской империи. Т. 5. № 3006. С. 325.

Петр рассматривал государство с механистических позиций в русле воззрений Бэкона, Гассенди, Локка, Лейбница, которые полагали, что государство – чисто человеческое установление, которое разумный человек может изменять по собственному усмотрению, совершенствовать в зависимости от целей, которые он перед собой ставит.

Первый российский император стоял у истоков российской бюрократии. Как в часовом механизме все винтики и колесики подогнаны друг к другу, находятся в сцеплении и взаимодействии, так и в государственном механизме, считал он, должна быть установлена четкая система соподчинения учреждений и разделения функций между ними. Все это вело к специализации труда чиновников и дроблению их обязанностей.

Петр I рассматривал Российское государство как механизм властного принуждения, который люди создают искусственно и путем вынужденной переуступки ему части своих естественных прав. Идея о человеческой, а не только богоданной природе государства порождала представление о том, что государство есть тот идеальный инструмент преобразования общества, с помощью которого можно достичь всеобщего блага. Совершенствование общества возможно лишь с помощью организации и законов – рычагов государства. Совершенствуя право, добиваясь с помощью учреждений реализации законов, можно достичь всеобщего процветания, поэтому Петр I рассматривает государство как главный механизм, преобразующий общество.

По мнению Р. Пайпса, политическая теория в настоящем смысле этого слова не просто как компиляция идей, а как доктрина государства с объяснением его истоков и оснований, законных полномочий и его отношения к обществу впервые появилась в России во время правления Петра Великого, и к 1730 году, спустя пять лет после его смерти, когда Россия переживала кризис престолонаследия, ее ведущие полемисты могли свободно цитировать Бодена, Гоббса, Локка, Гроция и Пуфендорфа[1].

Социально-политические условия России значительно отличались от европейских, поэтому простое заимствование идей и создание на их основе новой социально-политической реальности было невозможно. Требовалось отобрать те идеи, которые возможно воплотить в жизнь, и адаптировать к российским условиям те, которые в начальном виде для этого были непригодны. Этим занялась группа дворян и священников, образно названная одним из них «ученая дружина Петра». Без их работы реформы Петра I были бесполезны, поскольку не проникли бы в сознание народа и не удержались в социально-политической практике. Теоретическая работа была нужна не для оправдания реформ задним числом, как это часто утверждается в исторической литературе, а для того, чтобы реформы были осуществлены и прижились на

[1] Пайпс Р. Русский консерватизм и его критики / Пер. с англ. М., 2008. С. 171.

русской почве. Без этого после смерти царя-реформатора плоды его деятельности были обречены на уничтожение.

Феофан Прокопович

Вокруг Петра I сформировалась команда его единомышленников, первое место в которой закономерно занял Феофан Прокопович (1681–1736). Его значимость определялась не столько талантом, сколько важностью решаемых задач. Именно на его плечи легло бремя увязки новых рационалистических идей с православием, на котором основывалась власть царя.

Объясняя социальную природу современного ему общества, Прокопович опирался на широко распространенную в то время в Европе идею общественного разделения труда, положенную в обоснование сословного деления. В государстве, рассуждал Прокопович, существуют разные «чины», каждый из которых занят полезным для общества делом. Священство играет свою роль в разделении труда, и, составляя часть народа, духовенство подчинено государству так же, как и другие части. Прокопович резко осуждал самую мысль о превосходстве духовной власти над светской или о неподчиненности государству духовенства и монашества: «Жало се змиино, папежский се дух». В 1721 году Ф. Прокопович по поручению Петра I разработал «Духовный регламент» – законодательный акт, заменивший соборное управление Церковью синодальным. Согласно этому акту устанавливался полный контроль государства над Церковью. Ее место в системе государственных учреждений отныне определялось функциями воспитания и просвещения подданных. Духовенство – часть народа, а не иное государство. Упразднение патриаршества, учреждение Духовной коллегии, а затем Синода Прокопович обосновывал ссылками на преимущества коллегиального управления перед единоличным, а также историческими примерами.

В политической сфере Прокопович использовал для обоснования российского самодержавия концепцию естественного права. Попытки применить антирелигиозную в своей идейной основе теорию, чтобы обосновать самодержавие и крепостничество, сопровождались существенными деформациями ряда коренных положений этой концепции, выборочным использованием ее категорий и осторожным подбором ссылок на авторитеты[1].

Сочетанием богословских и рационалистических идей Прокопович обосновывал и неограниченную монархию: «Русский народ таков есть от природы своей, что только самодержавным владетельством храним быть может. А если каковое-нибудь иное владение правило воспримет, содержаться ему в цело-

[1] Так, концепция общественного договора хотя и применялась для обоснования абсолютизма, однако ссылки на Гоббса были нежелательны из-за его материализма. Часто ссылались на Гроция и Пуфендорфа; книга последнего «О должности человека и гражданина» была издана при Петре в русском переводе.

сти и благосостоянии отнюдь невозможно»[1]. При этом, с одной стороны, «монархи бози суть», государь «самому токмо Богу ответ дает». С другой стороны, неограниченность власти самодержца проистекает из соглашения, по которому народ отказывается от всех своих прав и свобод, наделяя властью правителя. Следуя Гроцию и Пуфендорфу, Ф. Прокопович писал, что в безвластном состоянии царили хаос, произвол, кровопролитие. Для обеспечения мира, безопасности, общего блага народ «не без смотрения божия» отказывается от прав и свобод, заключая соглашение о создании государства. Мысль о зависимости форм государства от размеров территории, высказанная Прокоповичем еще в 1716 году , задолго до Татищева, также была приспособлена для обоснования абсолютизма в России.

Главное политико-философское произведение Прокоповича «Правда воли монаршей во определении наследника державы своей...» написано в обоснование указа (1722) Петра I, определившего право императора назначать наследника престола. Царь прекрасно понимал, что для изменения политической реальности недостаточно одного указа, – необходимо убеждение тех, кто будет этот указ выполнять, тем более что данный указ должен был создать новую реальность уже после смерти Петра I. Сравнивая достоинства «наследной» и избирательной монархий, Прокопович отдает решительное предпочтение наследственной, в которой находит лишь один изъян – наследник царской власти по закону может оказаться недостойным, неспособным царствовать. Этот недостаток может быть устранен только царствующим монархом, который может и должен назначить достойного и способного наследника престола своим завещанием, в чем, собственно, и заключалась суть петровского указа о порядке престолонаследия. Опираясь как на библейские, так и исторические источники, Прокопович доказывал, что отцы имели право завещать свои вотчины любому, по своему выбору, оставляя в стороне, если нужно, старших сыновей: «Монарх не токмо волен, но и должен поставлять наследника по себе не по естеству их, но по достоинству»[2]. Прокопович был первым, кто оправдывал самодержавие в России с помощью исторических аргументов; к такому методу будут многократно обращаться его позднейшие защитники.

Права самодержца, по Ф. Прокоповичу, неограниченны и абсолютны; он имеет право и должен регулировать все стороны жизни и быта. Подданные же должны «без прекословия и роптания все от самодержца повелеваемое творить».

В трактате «Правда воли монаршей...» западноевропейская рационалистическая трактовка общественного договора переплетается с религиозной идейной традицией. Государство существовало не всегда, ему предшествовало

---

[1] См.: Смирнов В. Феофан Прокопович. М., 1994. С. 210.

[2] Прокопович Ф. Правда воли монаршей во определении наследника державы своей. М., 1794.

естественное состояние, где были война и мир, любовь и ненависть, добро и зло. Человек, обладающий свободой воли, может творить и добро, и зло, хотя по своей воле он более склонен к добру. Необходимость государства обосновывается задачей охраны естественных законов, вытекающих из инстинктивного стремления к сохранению жизни, продлению человеческого рода. Власть нужна, чтобы держать в узде злые страсти людей, защищать человеческое общежитие. Вместе с властью для сохранения естественных законов нужны гражданское право и юридические законы. Основой государства Прокопович считает общественный договор, посредством которого народ, отрекаясь от своей воли, передает ее одному лицу – монарху. В ответ монарх обязывался отправлять правосудие, поддерживать армию для защиты своих подданных и обеспечивать образование. Договор толкуется односторонне – он обязателен только для народа. Сущность государства – в верховенстве государственной власти, в суверенитете как совокупности абсолютных прав верховной власти, которых, согласно Божьей воле, ни у кого нет больше в этом мире; это и законодательство, и суд в последней инстанции, выносящий никем не отменяемые повеления.

Смешение религиозных и рационалистических идей позволило провести ряд рационалистических реформ, опираясь на православную основу власти, однако в перспективе ставка на рационализм должна была привести к отказу от православия как основы власти, а следовательно, и к ликвидации самодержавия в том виде, в котором оно существовало в царской России. Приспособить рационалистические идеи для укрепления православной власти Феофану Прокоповичу удалось лишь на время, пока не выявились их глубинное противоречие и несовместимость.

В.Н. Татищев

Василий Никитич Татищев (1686 – 1750) разделял убеждение века во всесилии просвещения, законов, разумного правления.

Как и другие представители школы естественного права, В. Татищев различает естественные и гражданские (положительные) законы, последние устанавливаются «по произволению каждого народа». Если естественные законы определяют, что «право и не право», то политика судит о том, что полезно или вредно.

Естественный закон предполагает наличие вольности. Последняя нужна и полезна, если она «с разумом употребляема». Поскольку человек живет не один, то для его вольности «необходима узда неволи» – государственная власть, форма которой зависит от ряда условий. Татищев считал, что большие страны, вроде России, требуют монархической формы правления, поскольку «всяк может видеть, сколько монархическое правление государству нашему протчих полезнее, чрез которое богатство, сила и слава государства умножа-

ется, а чрез протчее умаляется»[1]. Без ссылок на Священное Писание или божественное происхождение царской власти, подчеркивая уникальный размер России и невежество ее населения в качестве факторов, требовавших монархического правления, В. Татищев вслед за Ф. Прокоповичем обосновал главный аргумент, которым будет пользоваться российская верховная власть, отказываясь от предложений ввести конституцию и общественное представительство, на протяжении следующих полутора столетий.

Защита и обоснование самодержавия в концепции Татищева соединялись с мечтой о внедрении в систему органов власти неких представительных дворянских учреждений, чтобы наладить законодательство и компетентное решение дел центрального управления, пресекать фаворитизм, казнокрадство, взяточничество в верхних звеньях государственного аппарата.

Много внимания Татищев уделял обоснованию сословной структуры, которая обусловлена, по его мнению, исторически сложившимся разделением труда, предопределившим правовое положение каждого из сословий. Возникновение дворянства Татищев выводит из необходимости оборонять и защищать государство. Рабство, или невольничество, Татищев признавал противоестественным, противоречащим природе человека, естественному праву защищаться и обороняться от насильственного порабощения. Поэтому введение крепостного права считал ошибкой Бориса Годунова, вызвавшей большие смуты. Хотя, по его мнению, вольность и была бы полезна, но в России освобождение крестьян породило бы новую смуту и поэтому принесет больше вреда, чем пользы. Эти доводы впоследствии в различных вариантах всплывали каждый раз, когда поднималась данная проблема.

И.Т. Посошков

Одним из первых идеологов промышленников и купцов был Иван Тихонович Посошков (1652, 1653 или 1665 – 1726).

Все надежды Посошков возлагает на царя, держась традиционно-теологического обоснования царской власти: «Мы же монарха своего почитаем яко Бога». Посошков – сторонник тотальной государственной регламентации производства, труда, многих сторон быта для увеличения общественного богатства. Чтобы истребить неправду, обеспечить благосостояние народа, царь указами должен заставить всех работать, жить по средствам и не тратить понапрасну средств.

Много внимания Посошков уделял положению сословий и политике государства по отношению к каждому из них. В духе эпохи Петровских реформ сословное деление общества он объяснял разделением труда, причем на государство возлагалась задача заставить каждое сословие работать в отведенной ему сфере.

---

[1] Татищев В.Н. Собрание сочинений: В 8-ми т.Т. 1. М., 1994. С. 367.

Крестьянство он считал основным производительным классом России, его благосостояние непосредственно сказывается на благосостоянии государства: чем богаче крестьянство, тем богаче государство, и наоборот. Поэтому И. Посошкова тревожит тяжелое положение крестьян, обремененных массой повинностей помещику и государству, беззащитных перед произволом дворянства и чиновников, нищих, безграмотных, лишенных каких-либо стимулов к труду. «Крестьянам помещики не вековые владельцы; того ради они не весьма их и берегут, а прямый их Владетель – Всероссийский Самодержавец, а они владеют временно. И того ради не надлежит их помещикам разорять, но надлежит их Царским указом хранить, чтобы крестьяне крестьянами были прямыми, а не нищими; понеже крестьянское богатство – богатство Царственное»[1].

В целом идейная программа Посошкова, не ставя под сомнение надобность крепостного права и даже высказываясь за его расширение, в интересах развития отечественной промышленности и торговли предлагала ограничить помещичий произвол и расточительство, определив на государственном уровне размер крестьянских повинностей.

Большое внимание Посошков уделял положению купечества. В духе политики полицейского государства он призывает царскими указами регламентировать порядок торговли, занятия промышленностью и ремеслами, определять цены на товары, стоимость самих денег, строго контролировать соблюдение царских указов. Купечество должно стать единственным торговым и промышленным сословием.

Важное место в системе обеспечения правопорядка должен занять суд. Одной из причин отсталости страны Посошков называл неправосудие, волокиту, взяточничество. Для наведения порядка в правосудии он предлагает ужесточение наказаний в отношении уличенных во взятке судей или чиновников, а также радикальное реформирование суда, включая изменение его состава.

В «Книге о скудости и богатстве», адресованной лично Петру Первому, И. Посошков пытается убедить царя в необходимости новых, более глубоких реформ, призывает самодержца к диалогу с народом через его представителей. Тем самым он сформулировал концепцию народной монархии без посредников между царем и народом, на базе взаимного экономического интереса и выгоды. Реализация планов Посошкова привела бы к изменению в расстановке российских политических сил: ослабло бы дворянство и усилилась роль промышленников и купечества, «понеже без купечества никаковое не токмо великое, но и малое царство стоять не может»[2], а также зажиточного

---

[1] Посошков И.Т. Книга о скудости и богатстве //Антология мировой политической мысли. В 5-ти т. Т. 3. Политическая мысль в России X – пер. пол. XIX в. М., 1997. С. 395.

[2] Посошков И.Т. Книга о скудости и богатстве //Антология мировой политической мысли. В 5-ти т. Т. 3. Политическая мысль в России X – пер. пол. XIX в. М., 1997. С. 395.

крестьянства. Концепция новой монархии, опирающейся на богатый народ, проводится в учении И. Посошкова весьма последовательно, однако она не нашла поддержки у Петра I.

М.М. Щербатов

Некоторые представители правящего класса задолго до Французской революции осознавали, что ждет российскую власть в случае дальнейшего движения по пути, указанному рационалистическим мировоззрением. Это заставило искать выход в сохранении православия и сложившихся на его основе политических отношений. Консервативные идеи, основывающиеся прежде всего на православии, были близки консервативной боярско-аристократической светской оппозиции реформированию страны на европейских началах. Наиболее ярким представителем такого подхода в политике был князь Михаил Михайлович Щербатов (1733–1790). Он ратовал за особое положение и привилегии дворянства, их дальнейшее расширение, подчеркивал незыблемость монархии и крепостного права. Будучи консерватором и выступая за сохранение монархии и крепостничества, для обоснования своих взглядов опирался как на православную традицию («Хранение владычествующей веры и пребывание государя в оной и в гражданских законах должно составить ненарушимое положение»[1]), так и на европейские рационалистические идеи.

Ссылаясь на идеи Просвещения, он стремился доказать «химеричность равенства состояний», о котором пишут «новые философы». Люди, рассуждал Щербатов, имеют разные способности; это естественное неравенство связано и с сословным неравенством, которое возникло исторически, в процессе возникновения государства и разделения труда. В естественном состоянии все были свободны. «Люди свою вольность уступили для общей пользы». Эта общая польза обеспечивается сохранением и укреплением сословного деления.

Особое внимание М. Щербатов уделял положению дворянства, делая упор на наследственность дворянского звания, его связь с монархией, а также на специальные просвещение, образование и воспитание дворян. Он выступал против предоставления купечеству права владеть крепостными, а также против присвоения дворянского звания выходцам из других сословий.

Щербатов оспаривал возможность предоставления крепостным права на какое бы то ни было имущество, поскольку «собственности у рабов быть не может». Был также против предоставления крестьянам «естественной вольности», потому что без надзора помещиков крестьяне «предадутся лени», станут дерзки и своевольны. Отрицательно относился к просвещению народа, которое, по его мнению, ведет к духу неповиновения.

---

[1] Щербатов М.М. Размышления о законодательстве вообще // Антология мировой политической мысли. В 5-ти т. Т. 3. Политическая мысль в России X – пер. пол. XIX в. М., 1997. С. 521.

Отношение Щербатова к самодержавию было неоднозначным. Будучи убежденным сторонником монархии, он, тем не менее, считал, что оно должно больше опираться на родовитое дворянство в управлении обществом и государством. Самовластие государя, произвол, фаворитизм и употребление власти во вред общественному благу может сдержать, по мнению Щербатова, только аристократия. Порицал хаотическое состояние российского законодательства, жестокость уголовных законов, «кнутобойство», бездарность и леность чиновной бюрократии, неустроенность правосудия.

М. Щербатов – сторонник ограничения власти монарха «основательными законами». Образование государства этот мыслитель связывал с заключением между народом и правителями общественного договора, который в России соблюдался в «старые добрые времена», в период Петровских преобразований. Современное правительство нарушило общественный договор, стало главным злом, средоточием всех бед России, подрывающим нравственные устои общества. Порочная практика бюрократически-самодержавного режима послужила объектом обличения и в работе «О повреждении нравов в России». Единственную силу, способную дать отпор деспотизму, Щербатов видел в дворянстве, живущем по кодексу чести и от природы наделенном способностью управлять.

Дворянство, по мнению М. Щербатова, представляло главную опору монархии и должно было подобающим образом награждаться. Все, чего Россия когда-либо достигла – в политике, военном деле или культуре, – было заслугой аристократии. Поэтому верховная власть должна управлять страной в тесном сотрудничестве с этим классом. В настоящий момент Россия была не подлинной монархией, а деспотией, так как не опиралась на закон, а находилась во власти прихотей цариц и их фаворитов. Все эти идеи были прямо позаимствованы у Монтескье.

По отношению к российскому среднему классу Щербатов не испытывал ничего, кроме презрения, считая его «летаргическим и некомпетентным». Он также не придавал никакого исторического значения крестьянству, рассматривая его как пассивный элемент. Неравенство его совсем не беспокоило, потому что он верил в то, что оно заложено естественным законом, который позволял людям с различными способностями и амбициями достигать разного общественного положения и передавать свои привилегии потомству[1].

В произведении «Путешествие в землю Офирскую господина С. швецкого дворянина» М. Щербатов изложил свой идеал – кастовое рабовладельческое общество и тоталитарное олигархическое государство. Идеальное Офирское государство управляется государем, власть которого ограничена высшим дво-

[1] Пайпс Р. Русский консерватизм и его критики: Исследование политической культуры / Пер. с англ. М., 2008. С. 106–107.

рянством. Остальные классы, даже рядовое дворянство, доступа к высшей власти не имеют.

Идеология Щербатова занимает уникальное место в истории русской мысли благодаря своему консерватизму, основанному не на монархическом, а на аристократическом принципе. Она разделялась ограниченным числом людей, потому что к боярской аристократии в России сложилось негативное отношение; однако те немногие, кто его придерживался, либо находились во власти, либо имели возможность влиять на власть, поэтому консервативно-аристократические идеи оказывали непосредственное влияние на формирование социально-политической реальности России XVIII века.

Екатерина II

Усиление идейных позиций рационализма в социально-политической сфере произошло в годы правления Екатерины II, которые были ознаменованы разработкой новой официальной идеологии, использующей ряд идей Просвещения для апологии самодержавия и крепостничества. Екатерина, убежденная сторонница европейского Просвещения, хотела адаптировать его концепцию к российским условиям, однако социально-политическая реальность России, построенная на православных основаниях, отторгала большинство нововведений, и после Пугачевского восстания императрица перешла на идейные позиции консерватизма.

Политическая теория Екатерины определялась в категориях, заимствованных у Монтескье, чей «Дух законов», опубликованный в 1748 году, быстро нашел читателей в России. Идея Монтескье, в наибольшей степени повлиявшая на Екатерину и ее современников, состояла в том, что государственное управление должно основываться на законе. Другие мысли Монтескье она использовала избирательно, игнорируя его концепцию свободы и разделение властей как ее непременное условие[1].

Дать народу разумные и справедливые законы, которые обеспечат всеобщее благоденствие, – основная идея Екатерины, которую она вынесла из просвещенческой литературы своего века. В том, что она применима к России, Екатерина не сомневалась, ибо была убеждена, что Россия – часть Европы, поскольку возможность насаждения европейских идей на российскую землю доказал еще Петр I.

Исходя из идей Просвещения, Екатерина II желала «учредить добрый порядок и утвердить правосудие в любезном нашем отечестве», для чего в 1767 году была созвана Комиссия для создания проекта нового Уложения, в которой были представлены все сословия, кроме крепостных крестьян. Екатерина II подготовила для этой комиссии обширный «Наказ», основанный по боль-

[1] Пайпс Р. Русский консерватизм и его критики: Исследование политической культуры / Пер. с англ. М., 2008. С. 96–97.

шей части на идеях западноевропейских просветителей, преимущественно Монтескье и Беккариа. Однако в «Наказе» была решительно отвергнута теория общественного договора с идеей народного суверенитета, как не соответствовавшая прагматическому интересу Екатерины II.

Доминантой «Наказа» становится мысль о необходимости в России самодержавной монархии. «Всякое другое правление, – утверждала императрица, – не только было бы в России вредно, но и вконец разорительно». Целью государства императрица провозгласила обеспечение всеобщего блага, повторив положение идеологов абсолютизма, согласно которому монарх, олицетворяя государство, через соответствующие учреждения и законы обеспечивает благо подданных.

Обоснование самодержавного правления Екатерина II стремилась дать в духе идей Просвещения. Для этого используются ссылки на особенности географического положения страны: обширность территории не позволяет применить никакую иную форму правления, кроме самодержавия. Вместе с тем в «Наказе» содержится ряд положений, не вписывающихся в социально-политическую реальность самодержавно-крепостнической России: равенство граждан, состоящее в подчинении общим для всех законам; свобода как зависимость только от закона; уверенность граждан в своей безопасности; ограничение государственной власти пределами, ею же положенными; власть законов и др.

По мнению Екатерины II, неравенство людей предопределено не только их особой ролью в государстве, но и различием их занятий. Каждое сословие занимает определенное место в государстве. На самом верху находятся дворяне, далее идет «средний род» людей. И самую последнюю ступень занимают люди «низкого рода», которые должны повиноваться, и государь должен «состояние сих подвластных облегчать, сколько здравое разсуждение дозволяет» (ст. 252 «Наказа»). Все должны любить Отечество, быть верными и послушными государю, добронравными и трудолюбивыми. Уравнения в состоянии различных сословий быть не может, потому что это может привести к повреждениям государственного основания (ст. 503). Единственное равенство, возможное в государстве, по мысли Екатерины II, это равенство перед уголовно-правовыми законами.

Первоначально в «Наказе» содержались предположения определить законом порядок выкупа крепостных либо наделить их участками земли. Однако в окончательном тексте «Наказа» крепостничество уже не критикуется; более того, для его обоснования приспосабливаются даже отдельные высказывания западноевропейских просветителей[1].

---

[1] Беглое замечание Монтескье о беспорядках, связанных с освобождением сразу большого количества рабов в Древнем Риме, в «Наказе» превращено в рассуждение о невозможности законодательной отмены крепостного права.

Либеральные идеи императрицы не нашли поддержки в среде крепостнического дворянства, поэтому самодержавие взяло курс на защиту и укрепление крепостного права. Прекратив деятельность Уложенной комиссии, Екатерина II через журнал (1769) пояснила: «Пока новые законы поспеют – будем жить, как отцы наши жили».

Основной причиной, по которой европейские идеи негативно воспринимались в России, было то, что в ней существовала социально-политическая реальность, созданная религиозным мировоззрением, и рационалистические идеи в такой реальности было сложно осуществить, поскольку они находились в глубоком противоречии с православным мировоззрением.

А.Н. Радищев

Александр Николаевич Радищев (1749–1802) был первым, кто подверг критике крепостничество и самодержавие как социально-политические системы, использовав наиболее радикальные идеи школы естественного права, и сделал из этих идей конкретные выводы, определил позитивную программу оппозиции самодержавию. Именно поэтому творчество Радищева оказало столь сильное и продолжительное воздействие на последующее развитие общественной и политико-правовой мысли России. Он первым сделал из заимствованных европейских идей те выводы, которые напрямую вытекали из них применительно к российской действительности.

В формировании мировоззрения Радищева большое значение имело знакомство с сочинениями французских просветителей – Вольтера, Гельвеция, Руссо, Мабли. Из русских мыслителей наибольшее влияние оказали Я.П. Козельский и Н.И. Новиков.

Теоретической основой политико-правовых взглядов Радищева были идеи естественного права и общественного договора, наиболее радикальные концепции Просвещения. Причем он дал революционно-демократическую трактовку идеи общественного договора, что позволило ему создать проект «народного правления», основой которого признавалась крестьянская община. Кроме того, обосновывая «народное правление», он опирался на факты русской истории, в частности на историю Новгорода.

Особенно резко Радищев выступил против самодержавия. Еще в 1773 году термин «деспотизм» он перевел как «самодержавие» и пояснил: «Самодержавство есть наипротивнейшее человеческому естеству состояние». Среди русских просветителей Радищев занимал особое место благодаря бескомпромиссному отрицанию «просвещенного абсолютизма» и скептическому отношению к реформам сверху. Он полностью отвергает теорию просвещенного абсолютизма и порывает с верой просветителей в великодушие и мудрость монархов. Зло содержится в самом принципе монархии, который означает попрание элементарных прав человека, торжество произвола и насилия. Самодержавие возникло в результате узурпации, грубого нарушения общест-

венного договора, что предоставляет народу право на восстание. Такое видение проблемы приводило Радищева к выводу о возможности в России нового крестьянского восстания, которое низвергнет и самодержавие, и крепостное право. Бунт – не программа, а скорее прогноз Радищева, но он не относился к возможному бунту отрицательно, признавая его закономерность.

Уже в первой своей публикации (1773) – переводе «Размышления о греческой истории» Радищев, исходя из демократической трактовки общественного договора, утверждал, что люди никогда не должны предоставлять кому-либо над собой неограниченную власть, законы же должны устанавливаться и исполняться в пользу народа. Если же государь нарушает законы, то народ не только не обязан ему повиноваться, но должен судить его, и притом строже, чем обычного преступника.

Ода «Вольность» (1781–1783) содержит осуждение монархии и концепцию народной революции. Именно поэтому «народное правление», по Радищеву устанавливается в результате революции. В своей оде он рисует восстание народа, который свергает царя и судит его как лютого злодея и первейшего преступника, дерзнувшего нарушить волю народа-суверена и захватить верховную власть: «Ликуйте, склепанны народы. Се право мщенное природы на плаху возвело царя». Борьба будет, по его мнению, тяжелой, долгой, но завершится победой народа. Народная республика будет строем равных людей, по своему государственному устройству она мыслилась как унитарное объединение самоуправляющихся общин на основе вечевых сходок. Высшим государственным органом должен быть народный Собор. Народ в его республике постоянно надзирает за деятельностью должностных лиц, предупреждает их произвол, что создает предпосылки для сохранения свободы. В этом аспекте его идеи близки к учению Руссо о непосредственной демократии. Радищев считал, что ослабление единства государства способствует нарушениям законности, снижает эффективность общественного мнения, создает угрозу вольности.

В то время многие, даже радикальные мыслители опасались, что народное восстание не сможет привести к положительным результатам, боялись ужасов революции. Эти опасения были чужды Радищеву. Он считал, что и поголовное истребление дворянства не привело бы к урону для страны. Первым в России он выдвинул принцип: земля должна принадлежать тем, кто ее обрабатывает, поэтому в результате революции и ликвидации помещичьей собственности землю получат крестьяне.

Радищев с позиций теории естественного права выступал против крепостного права в России. По его мнению, положительный закон должен иметь основание в естественном законе; по природе все люди равны, и если одни порабощают других, то это противоестественно, потому крепостничество является не правом, а насилием, которому порабощенные могут противопоста-

вить силу же. Крепостное состояние противоречит общественному договору, поскольку общество создано для обеспечения интересов всех и каждого, а не порабощения одной его части другой.

В «Путешествии из Петербурга в Москву» (1790) звучит призыв к уничтожению крепостничества. «Заклепанные в узы» крестьяне «в законе мертвы». Они лишены земли и права собственности, вынуждены работать на барщине до шести дней в неделю. Их истязают, ссылают на каторгу, «продают в оковах, как скот». Чудовищная бесчеловечность помещиков доводит крестьян до того, что они убивают своих тиранов. Надежды на нравственное воспитание помещиков, которые питали просветители, по мнению Радищева, бессмысленны. Крестьян освободит только гибель угнетателей.

Так же как и Руссо, Радищев связывает возникновение государства с появлением собственности. Однако в отличие от Руссо, утверждавшего, что возникновение власти, судов и судебных уставов есть результат хитроумного плана богатых, Радищев полагал, что государство возникает в результате молчаливого договора в целях защиты слабых и угнетенных.

Проблемы права Радищевым решаются на основе естественно-правовой теории с учетом исторических особенностей России. При этом он показывает тесную связь естественного права, народного суверенитета и закона, в основе которого должно лежать естественное право. Эта идея позволяет ему сделать вывод о естественных неотчуждаемых правах человека, к которым относятся право на собственность, безопасность, вольность, жизнь. В интересах общей пользы эти права могут быть ограничены, но не решением монарха, а лишь в случаях, предусмотренных положительным законом, отражающим общие интересы граждан. Второй тезис Радищева – отрицание юридической силы за законами, противоречащими естественному праву и основанными только на силе. Сила, творящая произвол, не может породить права. Однако мыслитель не отрицает значения силы в деле осуществления права. Отсюда третий тезис Радищева, в котором он настаивает на том, что основанные на естественном праве законы могут быть реализованы только тогда, когда они опираются на реальную силу.

В творчестве А.Н. Радищева – впервые в истории русской политической мысли, на основе доведенных до логического завершения идей просветителей – обосновываются концепция народной революции, отмена крепостного права и ряд связанных с этим проблем.

Политические идеи народа

В народной среде господствовали социально-политические идеи, выработанные в рамках православного мировоззрения, которое не ставилось под сомнение в XVIII веке. Народная оппозиция правящему режиму также исходила из политических идей, выработанных в рамках религиозной парадигмы. Поэтому народ, недовольный рационалистическими нововведениями Петра

Первого, объяснял это тем, что царя подменили и на престоле находится царь-антихрист. Отсюда вытекала цель: найти настоящего царя, вернуться к настоящей вере, ограничить произвол бояр и дворян, а в «прелестных письмах» пугачевцев содержались призывы бороться «за истинную веру христианскую, за благочестивого нашего государя царя».

Православный народ, недовольный существующими социально-политическими порядками, обращался к еретическим идеям, как наиболее близким и созданным в той же мировоззренческой парадигме. Так в своем сочинении солдат Евфимий (1740?–1792) с еретических позиций характеризовал Петра I, в ком видел антихриста, «при описи разделил народ на разные чины и установил дань подушную, потом же и землю размежевал и купцов отделил... и этим разделением превратил его в язычников, которые друг на друга конфликтовали, межи как на границе с другими странами ставили, часто говоря “мое”». Иными словами, введение и частной собственности на землю, и подушной подати привело к раздроблению народа, и это дело антихристово, проклятое, скверное.

Ожидая освобождения от помещичьего гнета, крестьяне рассчитывали именно на царя, и в начале царствования Екатерины II в народе по рукам ходил подложный царский указ с обвинением дворянства в нарушении правды, в пренебрежении Божьим законом и государственными правами, а к началу созыва Уложенной комиссии было подано множество челобитных на тяжесть помещичьих поборов; пошли слухи, что господских крестьян отберут в казну. Восстававшие крестьяне тоже нередко требовали перевода их из помещичьих в государственные.

Особенно ярки и выразительны социально-утопические легенды о царях-избавителях, бытовавшие среди участников Крестьянской войны под предводительством Е.И. Пугачева. Проявлением царистских настроений было и самозванство. Уже в 60-е годы XVIII века было шесть самозванцев, обещавших народу волю и землю; во время Крестьянской войны 1773–1775 гг., кроме Пугачева, еще четверо, затем до конца века – еще 13 самозванцев.

В манифестах и воззваниях Е. Пугачева дворяне обвинялись в том, что они неправедно изгнали «великого государя Петра Федоровича за то, что соизволил при вступлении своем на престол о крестьянах указать, чтоб у дворян их не было во владении». Крестьяне призывались «злодеев-дворян всячески стараться искоренять». В манифестах Пугачева провозглашались освобождение крестьян от крепостного гнета, вольность, свобода, отмена оброков, податей, рекрутских наборов: «Отныне я вас жалую землями, водами, лесами, рыбными ловлями, жилищами, покосами, хлебом, верою и законом вашим, посевом, пропитанием, жалованьем, свинцом, порохом и провиантом». В Манифесте от 31 июля 1774 года «во всенародное известие» объявил: «Жалуем сим имянным указом... всех, находившихся прежде в крестьянстве и поддан-

стве помещиков, быть верноподданными рабами собственной нашей короне, и награждаем древним крестом и молитвою, головами и бородами, вольностью и свободами и вечно казаками». В манифесте содержится попытка логически осмыслить существующую действительность, выявить главных виновников угнетения и бесправия крестьянства. Такими виновниками объявляются не отдельные чиновники и дворяне, но все дворяне-крепостники в целом.

Россия после победы в Крестьянской войне мыслилась Пугачевым как казацкое государство во главе с монархом, «хорошим мужицким царем», то есть демократическое казачье начало общественного строя с казачьим кругом во главе сочеталось с монархическим правлением. Это объяснялось тем, что народ не знал иных форм государственной власти, кроме самодержавия, и лучших форм организации, чем казачество с его демократическими традициями. Ту и другую идею восставшие взяли за образец из современной им жизни России, но пытались наполнить эти формы новым содержанием.

Социально-политические идеи простого народа были зафиксированы в «отреченных книгах»[1], народных легендах, сочинениях крестьянских вольнодумцев, в челобитных. В них народная «правда» связана прежде всего со стремлением передать землю тем, кто ее обрабатывает, с отрицанием и осуждением в той или иной форме эксплуатации человека человеком. Все повседневные вопросы крестьянской жизни «по правде» должны решаться с общего согласия на основе равенства. При этом демократические идеи обычно сочетались с мечтой о «мужицком царе», защитнике народных интересов. Монархические настроения русского народа органично уживались с отрицанием политической реальности, стремлением утвердить демократические порядки самоуправления в повседневной жизни крестьянства.

В мечтах и утопиях «о далеких землях», «о золотом веке», «об избавителях» русский народ выражал свой социально-политический идеал. Так, в легендах «о далеких землях» обычно описывалась идеальная страна, в которой народ живет сытно и вольно. В легендах «об избавителях» отстранение того или иного лица от престола объяснялось народной пользой, поддерживалось весьма своеобразное явление русской истории – «самозванство» как способ замены царя-угнетателя народным царем. В легендах «о золотом веке» путем противопоставления старых добрых времен существующей политической действительности формировалось критическое отношение к настоящему,

[1] Народные, социально-политические идеи отражены в «отреченной книге» «Житие Андрея Юродивого», где рассказывается о приходе к власти «царя от нищеты», который властвует строго и в интересах народа. Он кладет конец войнам и освобождает людей труда и от страха войны, и от беззакония бояр, пресекаемого смертной казнью, и от податей, и от обид. Сословная структура общества сохраняется, поскольку бояре остаются и даже становятся еще более богатыми, но одновременно уничтожается нищета: золото лопатою рассыпается перед народом. Но и осыпанный золотом, народ не перестает быть трудовым: оружие переплавляется в косы, серпы, плуги, чтобы ими «землю делати».

возрождались идеи вольности крестьянской общины, вечевого строя древнего Новгорода.

Некоторые произведения являются рефлексией на проникновение в страну западных рационалистических идей. Так, автор «Плача холопов», воспроизведя крестьянскую оценку Указа о вольности дворянства 1762 года, осуждает дворян, которые «царю послужить ни один не хочет, лишь только у нас последнее точит», возмущается порядками, при которых «нами, как скотами, привыкли обладать», когда крестьянин не имеет собственности на плоды своего труда, не находит правды в суде, где процветает взяточничество. Корень всех зол крестьянский поэт видит в прозападной политике царей, в помещиках-иностранцах, которых раньше пускали в Россию для ее просвещения. Теперь же эти иностранцы «так нами владеют, что и говорить холопы не смеют».

В фольклоре народ создавал свой образ идеального царя – защитника народа, которому противопоставлен и остро-сатирический образ толстопузого боярина, крючкотвора-судьи или бессердечного богатея. Идея о том, что бояре скрывают от царя правду о народе, была исключительно живуча на протяжении всей истории существования монархии.

К концу XVIII века в Россию стали проникать слухи о Французской революции. Интерес к ней был велик во всех слоях общества, в том числе и у крестьян. Сведения о революции обсуждались, например, в селах Екатеринославщины и Полтавщины. Так, некий дьяк Романовский «разглашал между простолюдинами» сел этих губерний, что «во Франции все свободные», и ждал времени, когда «и у нас» будет так же, то есть кончится торговля крепостными, уничтожится принудительный труд. П.А. Словцов (1767– 1843) – преподаватель семинарии и историк Сибири, 10 ноября 1793 года произнес в местном соборе проповедь, в которой власти усмотрели «крамольные» идеи, оскорбительные для трона и «начальства». В ней он заявил: «Тишина народная есть иногда молчание принужденное, продолжающее дотоле, пока неудовольствия, постепенно раздражая общественное терпение, не прервут оного. ...Итак, когда тишина служит чаще знаком притеснения, что значат таковые монархии? Это – великие гробницы, замыкающие в себе несчастные стенящие трупы, и троны их – это пышные надгробия, тяжко гнетущие гробницы. Народы злополучны!»[1].

Таким образом, народное мировоззрение продолжало оставаться религиозным, слабо затронутым привнесенным в Россию рационалистическим мировоззрением. Православное мировоззрение служило прочной опорой власти российского самодержца как помазанника Божия. «Темнота» народная, с ко-

[1] В феврале 1794 года Словцов был арестован и как «опасный государственный преступник» заточен в Валаамов монастырь на Ладоге. Антология мировой политической мысли. В 5-ти т. Т. 3. Политическая мысль в России X – пер. пол. XIX в. М., 1997. С. 574.

торой будет непрестанно бороться в следующем веке русский образованный класс, приведет к рационализации народного мировоззрения и, как следствие, к крушению монархии, державшейся на идеях православия.

Выводы

Таким образом, история социально-политической мысли Древней Руси и России свидетельствует о том, что социальные и политические идеи определялись религиозным мировоззрением русского народа. Основой были идеи Священного Писания, и практически все политические и социальные теории и концепции либо напрямую вытекали из него, либо обосновывались им. Христианские идеи предопределяли весь круг социальных и властных отношений. Обоснование политических акций с помощью ссылок на библейские тексты носило вторичный характер, роль религиозных идей была первична по отношению к политическим идеям и действиям.

Попытки материалистического подхода к истории представить политические идеи лишь как обоснование уже произошедших изменений не соответствуют действительности. Как и во всех других сферах, в политике идеи предшествовали действию и предопределяли его.

Рационалистические идеи, привнесенные Петром Первым в социально-политическую сферу, первоначально были восприняты лишь небольшим числом его ближайших соратников и образованных представителей правящего класса, однако этого оказалось достаточным, чтобы начать создавать социально-политическую реальность на основе рационалистических идей.

Идеологи XVIII века вынуждены были считаться с господством православия в сознании большинства сограждан, поэтому приспосабливали свои идеи к российской реальности. Вплоть до конца столетия рационализм практически беспрепятственно распространялся в правящем классе. Последовательное развитие этих идей вело к отрицанию существующей социально-политической реальности, что проявилось в создании радикального направления рационалистической мысли, которое стало господствующим в следующем веке.

Подавляющее большинство народа не было затронуто влиянием рационалистических идей и имело православное мировоззрение; благодаря этому сохранялась власть царя над народом.

ГЛАВА II
РОССИЙСКИЙ КОНСЕРВАТИЗМ

§1. Консерватизм как идейное течение

Сущность русского консерватизма

В рамках идеалистического подхода, консерватизм[1] – это идейное течение, стремящееся сохранить уже осуществленные, реализованные социально-политические идеи. На этих идеях в основном построена и функционирует существующая реальность. Когда-то консервативные идеи были радикальными[2], однако, воплотившись в реальность, они становятся консервативными. Консерватизм «консервирует» не какие-то определенные идеи, а осуществленные идеи вчерашнего дня. Так, коммунизм, который до 1917 года был радикальным идейным движением, в конце 1980-х гг., несомненно, являлся консервативным идейным направлением.

Консерватизм в разное время, в разных странах может опираться на различные идеи[3], в том числе на либеральные или социалистические. С этих позиций консерватизм как идейное явление отличен от других главных идеологий XIX и XX веков. Либерализм и социализм сойдут с исторической арены, исчерпав свой потенциал или до конца реализовав свои идеи; консерватизм был и будет всегда, пока человечество создает новые социально-политические идеи. С этой точки зрения консерватизм есть явление, кардинально отличное от других идеологий. В понимании идеалистического под-

---

[1] В современной российской литературе «классический консерватизм может быть понят как реакция на рационализм Просвещения и связанную с ним практику радикального переустройства общества, в результате которой была разрушена традиционная система старого порядка (абсолютизма, привилегий аристократии и духовенства). Характерными чертами данной идеологии в целом признаются полное неприятие революционной ломки социального строя; историзм, отрицание рационалистической философии Просвещения, критика Французской революции и революционного сознания вообще, пессимизм. Во всяком случае, эти идеи оказались общими для всех крупнейших теоретиков консерватизма». См.: Модели общественного переустройства России. XX век / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2004. С. 23–24.

[2] Радикальными считаются те идеи, осуществление которых коренным образом меняет существующую реальность и которые вследствие этого сложно осуществить.

[3] Исследователь российского консерватизма А.В. Репников считает, что «нельзя раз и навсегда дать окончательное определение понятия “консерватизм”. В каждую конкретную эпоху и в каждой конкретной стране это понятие наполняется новым смыслом». Репников А.В. Консервативные концепции переустройства России. М., 2007. С. 14.

хода консерватизм есть не столько идеология, сколько способ защиты идей и созданной на их основе реальности. Его антиподом является радикализм.

Русский консерватизм, как и любой другой, не есть идеология, подобная либерализму или социализму, опирающимся на конкретную идею. Еще К.Н. Леонтьев писал о том, что «либерализм в России есть система весьма легкая и незатейливая еще и потому, что охранение у каждой нации свое: у турка – турецкое, у англичанина – английское, у русского – русское; а либерализм у всех один...»[1].

Современные исследователи также отмечают, что идейное наполнение консерватизма в каждой стране свое, поэтому невозможно «создать универсальную консервативную идеологию»[2]. Основная идея консерватизма как идейного движения – это сохранение господствующего положения той теории, которая сформировала существующую социально-политическую реальность. В связи с этим консерватизм не может представить никакой принципиально новой социально-политической программы или концепции – консерваторы могут лишь приспосабливать уже имеющиеся идеи к меняющейся действительности. Для консерватора меняющаяся действительность представляет угрозу в том случае, если эта действительность изменилась под влиянием новых идей. Действительно, еще в начале XX столетия консерватизм трактовался как «стремление отстаивать существующее против всякого новшества, господствующие политические и социальные формы – против стремлений к глубоким и широким преобразованиям, в особенности если они имеют революционный характер»[3].

Консерватизм по своей природе не может создать проект абсолютно нового коренного переустройства общества[4]. Именно поэтому российским консерваторам в XIX – начале XX вв. «так и не удалось представить власти, обществу и даже собственным единомышленникам четкой концепции переустройства России. Консерватизм не сложился в единую идеологию, не выработал четкой программы и не породил весомой политической силы. Изначально действуя в режиме ответов на модернизационные вызовы, консерваторы в первую очередь стремились сохранить то, что уже имелось»[5].

Консерватизм всегда наполнен конкретным идейным содержанием. Так, русский консерватизм XIX века – это направление, консервирующее идеи, связанные с православием и тесно связанным с ним в политике самодержа-

---

[1] Леонтьев К.Н. Восток, Россия и Славянство: Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872–1891). М., 1996. С. 268.

[2] Репников А.В. Консервативные концепции переустройства России. М., 2007. С. 13.

[3] Гросул В.Я., Итенберг Г. С., Твардовская В.А., Шацилло К.Ф., Эймонтова Р.Г. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М., 2000. С. 417.

[4] Единственное коренное преобразование общества на консервативных началах может заключаться в реставрации некогда существовавшего строя или режима.

[5] Репников А.В. Консервативные концепции переустройства России в контексте исторического процесса конца XIX – начала XX вв. Автореферат диссертации докт. ист. наук. С. 17.

вием, а также концепции, которые обслуживали эти направления. Вместе с тем у русского политического консерватизма XIX века прослеживается довольно тесная связь с консерватизмом европейским. Эта связь осуществлялась через немецких и французских политических эмигрантов, часть из которых осела в России, с консервативными деятелями Англии и Австрии[1].

Отношения консерваторов с властью определяются идейным курсом власти. Когда власть действует исходя из тех идей, которые ее сформировали, консерваторы поддерживают ее, поскольку она формирует реальность на основе именно тех идей, которые стремятся защитить и сохранить консерваторы. Но если власть начинает проводить реформы, исходя из либеральных идей, – консерваторы становятся в оппозицию к правительству.

Поскольку общество и власть всегда построены на каких-то ранее существовавших идеях, постольку в нем всегда есть консерваторы, стремящиеся к их сохранению и противящиеся изменениям, основанным на иных идеях. Консерваторы не против изменений вообще, – они против изменений, которые основаны на иных идеях, нежели те, которые они «охраняют».

Консервативная идея выполняет стабилизирующую роль в обществе. Она удерживает созданный порядок путем создания неких нравственных барьеров, своеобразной «границы», до которой возможно осуществление новаций. Консерватизм всегда находится в обороне, способствует сохранению стабильности социума и государства[2].

В XIX веке консерваторы «охраняли» общество и власть, построенные на православной мировоззренческой парадигме, но поскольку многие консерваторы были воспитаны уже в рационалистической парадигме, то они стремились обосновать охраняемый им порядок с позиций рационализма. Несовместимость мировоззренческих парадигм делала практически невозможным решение этой задачи; отсюда – идейная слабость и противоречивость консерватизма. Он был сильным и уверенным лишь тогда, когда оперировал идеями, созданными в религиозной православной парадигме. Это особенно отчетливо видно в теории «официальной народности» – единственной успешной теоретической конструкции консерватизма в XIX веке.

Российская власть как инструмент изменения существующей реальности в соответствии с определенными идеями в XIX веке попеременно пыталась менять реальность то в соответствии с консервативными православными идеями, то либерально-рационалистическими. В зависимости от идейного содержания власти идеи консерваторов то были востребованы, то отвергались.

---

[1] В это время в России налаживается издание газеты на французском языке под названием «Беспристрастный консерватор», в которой активно сотрудничали и эмигранты. Можно говорить о своеобразном для того времени консервативном интернационале, в котором русские консерваторы играли довольно активную роль, прежде всего в подготовке отпора Наполеону. Гросул В.Я., Итенберг Г.С., Твардовская В.А., Шацилло К.Ф., Эймонтова Р.Г. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М., 2000. С. 420.

[2] Репников А.В. Консервативные концепции переустройства России. М., 2007. С. 497.

Вплоть до конца XIX века идейную направленность власти, а следовательно, и социально-политических изменений определял царь. Его власть основывалась на православной вере народа, поэтому рационализм царя останавливался перед чертой, которую проводило православие. Царь не мог перейти ее, а если бы перешел, то лишился бы той реальной власти, которой он был наделен благодаря вере народа в его предназначение как помазанника Божия.

Основной причиной идейной и социально-политической слабости консерватизма в XIX – начале XX вв. было то, что в рамках религиозного мировоззрения не было создано сильных, убедительных идей. Это явилось, прежде всего, следствием того табу, которое было наложено на идейное развитие в православии. Православие, являясь идейной основой консервативных идей, не изменялось само и не одобряло изменений в идейных конструкциях, построенных на основе православия.

Еще одной особенностью было то, что русский консерватизм XIX – начала XX вв. вынужден был отстаивать свои позиции в понятиях, терминах, категориях рационалистического мировоззрения, пытался приспособить для своих нужд рационалистические концепции. Слабость этой позиции проявилась в том, что консерватизму удалось создать лишь одну относительно сильную концепцию (официальной народности), способную конкурировать с его идейными оппонентами. Однако ее действия хватило ненадолго, и под напором рационалистической критики, а также неспособности создать конкурентоспособную социально-политическую реальность концепция «официальной народности» постепенно теряла свою привлекательность.

Русский консерватизм XIX – начала XX вв. хранил и сберегал две основные, взаимосвязанные друг с другом идеи: православие и самодержавие[1]. Обе идеи подверглись мощным атакам со стороны приверженцев рационалистических теорий – либералов, социалистов, анархистов и др.

И православие, и самодержавие находились в этот период в глубоком идейном кризисе. При этом кризис самодержавия был напрямую связан с кризисом православия как идейной основы власти. Поскольку общество и власть строились на этих двух глобальных идеях, то можно утверждать, что консерватизм был господствующей идеологией, но не всегда правящей, так как власть несколько раз за столетие пыталась провести реформирование социально-политической сферы на основе либеральных идей. В периоды реформирования именно либерализм был идеей, которой руководствовались царь и правящий класс. Несмотря на это консерватизм продолжал оставаться господствующей концепцией, поскольку православие и самодержавие были главными хранимыми им идеями, и они же оставались силой, формирующей основы социально-политической реальности, вплоть до февраля 1917 года.

---

[1] «Квинтэссенция русского консерватизма – самодержавие». Пайпс Р. Русский консерватизм и его критики: Исследование политической культуры / Пер. с англ. М., 2008. С. 12.

Таким образом, консерватизм – это идейное направление, опирающееся на уже реализованную идею, сформировавшую социально-политическую реальность. Сохранение и развитие этой идеи, сохранение реальности, которую она создала, – есть главная задача консерватизма. В основе русского консерватизма лежали две идеи – православие и самодержавие.

Основные темы и идеи консерватизма

Условия, в которых существовали консервативные идеи, в разное время были то благоприятными, как после победы над Наполеоном, то отрицательными, как в середине XIX века, когда готовились и проводились отмена крепостного права и связанные с этим «великие реформы». Крымская война, вскрывшая многочисленные недостатки и даже гнилость самодержавия, поставила его перед необходимостью модернизации. Крестьянские бунты заставили императора признать, что лучше освободить крестьянство сверху, чем ждать, пока освобождение начнется снизу. Несмотря на либеральный характер отмены крепостничества, оно проводилось под сильным консервативным идейным влиянием. Программным законодательным документом русского консерватизма является «Положение о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости» (1861). В нем представлена типичная идея консерваторов о монархии как силе, возвышающейся над обществом и пекущейся с одинаковым усердием о всех верноподданных[1]. Пожертвовав крепостным правом, консерваторы сохранили главное – самодержавную царскую власть.

Крайне неблагоприятная для восприятия консервативных идей обстановка сложилась в начале XX века.

На действенность и популярность консервативных идей влияла не только складывающаяся объективная обстановка, но и другие идейные теории и концепции, прежде всего либерализм и различные направления социализма.

Многие консервативные мыслители отмечали двойственность прогресса и технических достижений. Неслучайно для многих из них понятия «капитализм», «технические достижения», «либерализм» были синонимичны. Отношение русских консерваторов к идее прогресса и к происходившей на их глазах промышленной модернизации было крайне настороженным, а временами и откровенно негативным. Это вытекало из мировоззренческих установок, в значительной степени базировавшихся на религиозном (православном) миропонимании. По мнению таких консервативных теоретиков, как Леонтьев, Победоносцев, Шарапов, Пасхалов, Меньшиков, непременными спутниками буржуазного прогресса и капитализации были буржуазно-либеральные идеи, охватывающие «верхи», и социалистические идеи, охватывающие «ни-

[1] Обращает на себя внимание, в частности, что начальные строки Манифеста от 19 февраля 1861 году содержали назидательные слова о том, что сердцу царя близки люди «всякого звания и состояния».

зы»[1]. Прогресс для них означал либерализацию политической и капитализацию социально-экономической жизни.

Тем не менее было бы ошибочно считать консерваторов абсолютными противниками прогресса. Как отмечал публицист газеты «Россия» А.Н. Гурьев, «Консерватизм не противен прогрессу – он требует лишь иного метода его осуществления»[2]. Условием, на котором консерваторы признали бы прогресс, было то, чтобы он исходил из разделяемых ими ценностей – православия и самодержавия. В XIX – начале XX вв. это было нереально, и прогресс был непосредственно связан с развитием рационализма и материализма как основ капиталистических отношений. «Капитализм – самое страшное, что выдвинуло последнее полустолетие... На капитал мечут громы, и он действительно похож на колесницу Джагернаута. Под колесницей его, под миллионом фабричных колес, выжимаются действительно соки народные», – рассуждал М. Меньшиков[3].

Признавая издержки прогресса и негативные стороны капитализма, консерваторы, тем не менее, отдавали ему предпочтение перед социализмом. «Капитализм идет своим ходом и несет свои приемы, – писал С. Шарапов. – Устранить этот капитализм нельзя, не пришло время, не в социалисты же идти, в самом деле! Капитализм должен логически завершить свой круг; бюрократизм его не остановит и намордника на него не наденет»[4]. К. Леонтьев был единственным видным консерватором, положительно оценивавшим социализм, что органично вытекало из его теоретической концепции.

Консерваторы были едины в пессимистическом взгляде на природу человека. Если либералы в основном считали человека совершенным от природы, а человеческие недостатки относили на счет социально-политического строя, при котором человек вынужден жить[5], то консерваторы считали его существом, испорченным от природы. Они иногда мотивировали свои утверждения христианским догматом о первородном грехе, а иногда – биологическим фактом животной агрессивности людей. Пессимистический взгляд на человеческую природу укреплял веру в необходимость сильной власти и недоверие к любым реформам. Если источник несчастий кроется в природе человека, то нет смысла вмешиваться в устройство государства и общества. Чтобы изменить что-либо в этих сферах, прежде всего нужно изменить самого человека.

Независимо от обстоятельств идеологи консерватизма отстаивали основные принципы – православие, сильную государственную власть (обязательно

---

[1] Репников А.В. Консервативные концепции переустройства России в контексте исторического процесса конца XIX – начала XX вв. Автореф. дисс. докт. ист. наук. С. 15.

[2] Цит. по: Лукьянов М.Н. Российский консерватизм и реформа, 1907–1914. С. 30.

[3] Меньшиков М.О. Национальная империя. М., 2004. С. 211.

[4] Шарапов С.Ф. Обуздание золотого тельца. Письмо князю В.П. Мещерскому // Русский путь в развитии экономики. М., 1993. С. 171.

[5] Выражаясь словами тургеневского Базарова, «в хорошо устроенном обществе совершенно неважно, глуп человек или умен, зол или добр» .

самодержавную), необходимость противодействия либеральной и социалистической доктринам. Главными социально-политическими темами, которые волновали консерваторов с конца XVIII века, были отношения к крепостному праву и к конституции[1]. Позднее к этим темам прибавились и другие: отношение к «почве», национализм, партийное строительство.

Русские консерваторы – прежде всего монархисты. Для них монархия – естественная форма правления в России, соответствующая православной традиции. Позднее в качестве обоснования прибавились история, климат, территория и другие рационалистические факторы.

Центральное место в консервативной концепции власти занимает обоснование преимуществ самодержавной власти. Для российских консерваторов была характерна ее сакрализация.

Главной опорой самодержавия был народ. Его отношение к царскому самодержавию консерваторы представляли себе следующим образом: «Царь, по представлениям великорусского народа, есть воплощение государства... Царь есть само государство – идеальное, благотворное, но вместе и грозное его выражение; он превыше всех поставлен вне всяких сомнений и споров и потому неприкосновенен; потому же он и беспристрастен ко всем; все перед ним равны, хотя и неравны между собою. Царь должен быть безгрешен; если народу плохо, виноват не он, а его слуги: если царское веление тяжело для народа – значит, царя ввели в заблуждение; сам собою он не может ничего захотеть дурного для народа... В самые трудные и тяжкие времена, когда приходилось чуть ли не сызнова начинать политическое существование, великорусский народ прежде всего принимался за восстановление царской власти»[2]. Иррациональный православный характер российской власти обусловил отказ консервативных идеологов обеспечить оформление политико-правовой доктрины самодержавной власти. Наиболее четко эта позиция нашла свое отражение в мировоззрении Победоносцева, который считал невозможным понять и обосновать сущность самодержавия в отрыве от религиозных принципов[3].

Поддержка консерваторами идеи самодержавия не означала, однако, что их удовлетворяла тогдашняя монархия. Большинство из них ненавидело петербургский правительственный аппарат, и особенно чиновничество, по их мнению, отравленное западничеством и чуждое жизни народа в той же мере, что и радикальная интеллигенция. До конца XIX века отвращение к бюрократии оставалось типичной чертой консервативных мыслителей.

---

[1] Гросул В.Я., Итенберг Г.С., Твардовская В.А., Шацилло К.Ф., Эймонтова Р.Г. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М., 2000. С. 418.

[2] Кавелин К.Д. «Мысли и заметки о русской истории» (1866).

[3] Репников А.В. Консервативные концепции переустройства России в контексте исторического процесса конца XIX – начала XX вв. Автореф. дисс. докт. ист. наук. С. 5.

Тем не менее охранители поддерживали существующую монархию, так как любая альтернатива казалась им гораздо хуже. Так, М.Н. Катков считал, что упразднение русской монархии приведет к деспотизму. Либеральное решение консерваторов тоже не устраивало. Во-первых, такое решение привело бы к образованию политических партий, к постоянной межпартийной борьбе, к обеспечению эгоистических интересов под маской интересов общенародных, к расколу единства народа. Во-вторых, либеральное решение проблемы усилило бы влияние интеллигенции, оторванной от русской почвы, которая посредством руководства партиями добилась бы преобладания в представительных учреждениях и стала диктовать народу свою волю. Перспектива социалистической революции пугала консерваторов еще больше.

На содержание консервативной мысли большое влияние оказали либеральные и демократические идеи. Особенно много спорили защитники российских традиций с теорией народного суверенитета, с нигилистами, которые ставили под сомнение исторически образовавшиеся в стране политико-правовые институты и готовы были их отбросить или разрушить. Поскольку нигилист не только спорил, но и делал, то есть активно участвовал в революционной борьбе с самодержавием, постольку эта фигура для консерваторов олицетворяла собой все зло и произвол европейской политической культуры вообще и русского западничества в частности. В целом русский консерватизм после 1860 года можно назвать теорией антинигилизма, где создана альтернатива страшному призраку «нового человека» Н. Чернышевского, представленного преобразующемуся русскому обществу.

Признавая наличие определенной правоты в критике, звучавшей со стороны радикалов, консерваторы не были готовы поступиться собственными идейными установками. Они позиционировали себя как убежденных антилибералов и антисоциалистов. Все попытки создания русской национал-либеральной доктрины потерпели фиаско как в теории, так и на практике, хотя тенденция к подобному идеологическому синтезу была[1].

Что касается социалистических идей, то консерваторы пытались перехватить у своих оппонентов слева те предложения, которые можно было бы использовать после соответствующей доработки в консервативном духе. Самым ярким примером стала попытка поставить под контроль рабочее движение, теоретическую базу под которую подвел Л. Тихомиров.

Отношение к либерализму органически вытекало из консервативного понимания свободы. По мнению консерваторов, свобода человека без сдерживающей государственной «узды» порождает хаос. Только сильное монархическое государство, опирающееся на нравственные начала, могло подавлять «темные» стороны человеческого сознания. Отсюда проистекало их настороженное отношение к либеральным ценностям, к системе представительной

[1] Она выразилась во взглядах идеологов Всероссийского национального союза и участников сборника «Ладо» (1911).

власти и местного самоуправления, которые оценивались ими в контексте сохранения неограниченной власти самодержца.

Мыслители, близкие к славянофилам (А. Киреев, С. Шарапов), предлагали укрепить самодержавие путем созыва Земского собора (эта идея активно внушалась Александру III в начале его правления, а потом неоднократно предлагалась Николаю II) или с помощью реформы местного управления и «обуздания» бюрократического аппарата. После создания Государственной думы большинство консерваторов разделилось на ее сторонников и противников. Существование Думы хотя и с оговорками, но принималось значительной частью монархистов. Ее сторонники (Н.Е.Марков, Л.А. Тихомиров, В.В. Шульгин и другие) пытались доказать, что Дума не ограничивает незыблемости монархического самодержавия. Противники (Г.В. Бутми, В.А. Грингмут, А.И. Дубровин, К.Н. Пасхалов) ни в каком виде не принимали идею народного представительства[1].

Европейские рационалистические идеи вели к глубокой пропасти между образованными классами и народом, которые стояли на различных мировоззренческих позициях. Видя этот процесс, но не до конца понимая его сущность, консерваторы призывали к единению с народом, поэтому они преобразовали и дополнили принцип народности принципом почвы. Консерваторы считали, что именно вестернизация, начатая Петром Великим, отделила образованные слои от народа, или от «почвы», как его называли некоторые. Иван Аксаков обосновал этот аргумент следующим образом: «Вне народной почвы нет основы, вне народного нет ничего реального, жизненного, и всякая мысль благая, всякое учреждение, не связавшееся корнями с исторической почвой народной или не выросшее из нее органически, не дает плода и обращается в ветошь»[2]. Отрезанные от естественной среды, образованные слои, по мнению консерваторов, ударились в теоретизирование, тотальное отрицание, в нигилизм.

Консерваторы тоже призывали интеллигенцию «идти в народ». Но в их устах этот лозунг имел совсем не то значение, которое придавали ему народники. У консерваторов этот призыв не подразумевал просвещения и подъема масс до уровня интеллигенции: имелось в виду слияние, единство образованных людей с народом, отказ от интеллектуальной самоуверенности (гордыни) ради нравственного смирения. Для консерваторов борьба революционеров за преобразование государства и общества по отвлеченным идеям и схемам – это не только самонадеянность или гордыня, осуждаемая православием, – это разрыв всех связей с источником созидания – Богом, дело Антихриста. Это основа для духовной смерти. По Ф.М. Достоевскому, западное образование

---

[1] Репников А.В. Консервативные концепции переустройства России в контексте исторического процесса конца XIX – начала XX вв. Автореф. дисс. докт. ист. наук. С. 6.

[2] Цит. по: Пайпс Р. Русский консерватизм и его критики: Исследование политической культуры / Пер. с англ. М., 2008. С. 157.

неизбежно ведет русского человека к преступлению[1]. Интеллигенция должна погрузиться в народную толщу и стремиться к растворению в ней. Речь шла о смиренном паломничестве, ученичестве у простых людей. Только таким образом, по мнению консерваторов, интеллигенция в целом, и нигилисты в особенности, могли преодолеть свое пустое всё-отрицание[2].

Идея народа, простого, необразованного, но пронесшего через века свою духовную чистоту, исповедующего христианство в православной форме, а значит сохранившего заповеди Христа в их первозданной чистоте, – эта идея становится ведущей у консерваторов. Они поглощены идеей народа[3] в такой же мере, как народники – идеей интеллигенции.

Не находя в православии аргументов, которые могли бы убедить рационалистически мыслящий русский образованный класс, консерваторы вынуждены были обратиться к рационализму, в частности к некоторым идеям Просвещения. По убеждению просветителей, страна, в которой власть управляет огромными территориями и которая уязвима перед иностранными вторжениями, имеет тенденцию к централизованным формам управления. Эта идея была сформулирована Монтескье в XVIII веке, а в России служила консерваторам основным оправданием самодержавия.

Несмотря на убедительную аргументацию, это был стратегически проигрышный ход. Взяв на вооружение ряд идей просветителей для оправдания монархии и самодержавия, консерваторы тем самым молчаливо признавали верность их идей. С другой стороны, рационалистические аргументы крайне плохо сочетались с базовой консервативной православной аргументацией и вступали с ней в противоречие. Разнородная аргументация, надерганная из разных противоречивых, часто несовместимых концепций, не создавала прочной основы для защиты православия и самодержавия. Их невозможно было защитить рационалистической аргументацией; более того, ее привлечение показывало беспомощность самих православных консервативных идеологов: ведь если самодержавие необходимо в первую очередь из-за величины территории, тогда сакральная сущность власти становится второстепенным фактором. Рационалистическое обоснование самодержавия было пригодно для рационалистически мыслящих русских людей, составлявших правящий класс, и совершенно непригодно для народа, по-прежнему находившегося под влиянием религиозного мировоззрения. А ведь именно народ был основ-

---

[1] Достоевский считает, что Грановский и Белинский породили Нечаева, и поэтому в «Бесах» проводит аналогию между Грановским и отцом сбитого с толку террориста.

[2] Пайпс Р. Русский консерватизм и его критики: Исследование политической культуры / Пер. с англ. М., 2008. С. 159.

[3] Не все консерваторы разделяли восхищение «мужиком». Для некоторых его величие было только потенциальным. Самарину и Ивану Аксакову невежественный, неграмотный, пассивный народ представлялся только бесформенной глиной. Чтобы стать настоящим народом, эта не сознающая себя масса должна подняться до уровня сознательного общества. Для этого необходимы свобода и образование, просвещение народа.

ной опорой самодержавия. Эклектичность аргументации не усилила, а ослабила позиции консерваторов.

По мнению Р. Пайпса, на консерватизм значительно повлияло Польское восстание 1863 года. Оно задело русские национальные чувства, поскольку было истолковано не как законная попытка народа с многовековой историей вернуть себе независимость, а как европейская атака на Россию. Это в значительной степени способствовало появлению крайнего национализма и усилению ощущения, что только самодержавие сможет сохранить целостность страны. Консерватизм приобретал националистические, популистские, антизападнические черты и все более отчетливый оборонительный характер[1]. При этом консерватизм, несомненно, лидировал в идейной сфере, связанной с вопросами патриотизма и твердой морали, которые трактовались консерваторами различных течений как общенациональные ценности[2].

На рубеже XIX–XX веков русский консерватизм не оставался чем-то неизменным, хотя на его знамени и был написан старый девиз: «Православие, самодержавие, народность». За редким исключением, консерваторы начиная с 1880-х годов XIX века совершили определенную идейную эволюцию. Они нуждались в программе действий и желали реализации своих предложений. Предлагаемые ими пути решения социально-политических, национальных и религиозных проблем подразумевали не только «подмораживание» общества, но и его постепенное развитие под контролем власти. Этого требовало идейное противостояние в российском обществе. Консерваторам была остро необходима своя привлекательная идеология, способная противостоять либеральным и социалистическим концепциям, набиравшим силу и вес в обществе, однако мало кто из консервативных мыслителей имел четко оформленную программу действий, которую можно было бы предложить в качестве альтернативы либеральной и социал-демократической идеологиям[3].

Не будучи в состоянии разработать собственные оригинальные концепции, объясняющие стремительно меняющийся социальный мир, консерваторы вынуждены были брать у либералов и социалистов некоторые тезисы, не противоречащие консерватизму[4].

Во второй половине XIX – начале XX вв. социально-политическая действительность, построенная на тех идеях, которые защищали консерваторы, а также отчасти на либеральных идеях, все больше не устраивала консерваторов. Создание консервативными мыслителями на рубеже XIX–XX веков целого ряда работ общетеоретического характера диктовалось их желанием –

---

[1] Пайпс Р. Русский консерватизм и его критики: Исследование политической культуры / Пер. с англ. М., 2008. С. 159.

[2] Гросул В.Я., Итенберг Г.С., Твардовская В.А., Шацилло К.Ф., Эймонтова Р.Г. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М., 2000. С. 420.

[3] Репников А.В. Консервативные концепции переустройства России. М., 2007. С. 493.

[4] Например, Л. Тихомиров, апеллируя к опыту европейской социал-демократии, предлагал программы решения рабочего вопроса.

путем незначительной реконструкции – сохранить существующую государственно-политическую систему во главе с монархом. Несмотря на относительно стабильную для консерваторов эпоху правления Александра III и подавление первой русской революции, консервативные идеологи так и не смогли выработать за все эти годы единой программы, и к моменту Февральской революции 1917 года консерватизм находился в идеологическом и политическом кризисе. Немногие идеологи, понимая неизбежность крушения, впадали в уныние и отчаяние[1].

Таким образом, основными темами и идейным содержанием консерватизма в XIX – начале XX вв. были православие, царская самодержавная власть, крепостное право. Меняющаяся социально-политическая действительность ставила новые проблемы, и консерваторы пытались найти на них ответы в своих концепциях национализма, парламентаризма, партийного строительства и др.

Течения и социальная база консерватизма

Диапазон русского консерватизма был довольно широк, включая в себя и крайних охранителей, и либералов-консерваторов, и «революционеров справа».

В русском политическом консерватизме уже в момент его зарождения четко прослеживаются три общественных течения. Это как бы консерватизм с прогрессом, к которому можно отнести братьев Воронцовых с их планами создания российского представительного органа, а также, например, такого крупного государственного деятеля, как М. Балугьянский. Второе течение может быть названо консервативным центризмом, и к нему относилось большинство деятелей консервативного плана того времени. Третье течение, которое вполне можно назвать реакционным, представляли крайне правые деятели. К числу лидеров последнего можно отнести А. Аракчеева, М. Магницкого и др.

Консервативный спектр русской политической жизни эволюционировал. На разных этапах истории XIX столетия верх брал тот или иной оттенок консерватизма[2]. Во второй половине XIX века выделяют реформистский вариант Александра II, Погодина (в историко-политических письмах после Крымской войны), раннего Каткова; этатистский – в деятельности Александра III и его духовного наставника Победоносцева; почвеннический – Данилевского, Леонтьева, Достоевского. Теософский вариант консерватизма, который весьма трудно отнести к какой-либо из вышеназванных ветвей, представлен в теократии Вл. Соловьева[3].

---

[1] Репников А.В. Консервативные концепции переустройства России в контексте исторического процесса конца XIX – начала XX вв. Автореф. дисс. докт. ист. наук. С. 4, 16.

[2] Гросул В.Я., Итенберг Г.С., Твардовская В.А., Шацилло К.Ф., Эймонтова Р.Г. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М., 2000. С. 420.

[3] Азаркин Н.М. История юридической мысли России.М., 1999. С. 252–253.

Социальная база консерватизма весьма широка. В XIX веке она включает в себя почти весь русский народ, да и в начале следующего века можно говорить о том, что за исключением политически активного меньшинства русское крестьянство было настроено консервативно.

Конечно, нужно отличать народный консерватизм от консерватизма образованного российского класса. Первый базировался целиком на православии. Власть самодержавия также целиком основывалась на православном мировоззрении. Набор идей консерваторов из образованного класса много богаче и рационалистичнее. Несмотря на это, консерватизм был не очень популярен в среде образованных русских людей, за исключением правящей элиты и крупного поместного дворянства.

Таким образом, консерватизм, в рамках идеалистического подхода, – идейное направление, стремящееся сохранить идеи, сформировавшие существующую социально-политическую реальность. В XIX – начале XX вв. такими идеями были православие и самодержавие. В зависимости от того, насколько действия власти определялись этими идеями, она получала поддержку со стороны консерваторов. В случае либерализации власти консерваторы обычно становились в оппозицию к ней.

На идейные искания консерваторов оказывали влияние либеральные и социалистические идеи, а также складывающаяся объективная обстановка. С либеральными и социалистическими идеями консерваторы в основном вели непримиримую борьбу, которую они, однако, проиграли.

Поддерживая изменения, основанные на базовых идеях православия и самодержавия, консерваторы в исследуемый период не смогли создать концепций консервативной социально-политической модернизации; причиной этого была идейная слабость православия.

§2. Основные концепции консерваторов

Консервативная концепция самодержавия

В основании российской консервативной политической концепции лежала идея самодержавной царской власти.

На протяжении двух столетий существования консервативной политической мысли ею, по мнению Р. Пайпса, был выработан целый ряд концепций и аргументов, обосновывающих закономерность, необходимость и преимущества самодержавного правления Россией. Основной аргумент в пользу самодержавия заключался в том, что Россия является слишком большой империей, а ее население слишком малообразованно и разобщено, чтобы развиваться в условиях какой-либо другой формы правления. Этот тезис, в числе других, приводился Татищевым, Екатериной Великой, Сергеем Витте и в значительной степени был общим местом. Другим аргументом являлось то, что самодержавие – столь же хорошая форма правления, как и любая другая, потому что важны не политические институты, а просвещение и достоинство

граждан (Новиков и, до некоторой степени, Карамзин). Это исконно русская форма правления, и любые манипуляции с ней приведут к катастрофе (Карамзин). Только самодержавие могло вести Россию к просвещению (Крижанич, Татищев, Пушкин). Только царь мог освободить крепостных (Пушкин). Русские люди по своей природе аполитичны и согласны оставить дела государства под контролем своего монарха (славянофилы). Учитывая невежество и аполитичность населения, представительное правление в России превратится не в демократию, а во власть аристократов (Кавелин, Самарин). Только самодержавие могло «подморозить» Россию и, таким образом, спасти ее от погружения в трясину «буржуазного» мещанства (Леонтьев). Самодержавие необходимо, чтобы спасти Россию от утопического «нигилизма» (Победоносцев). Самодержавие выше демократии, потому что поднялось над эгоистическими классовыми интересами (Шипов)[1]. Несмотря на обилие аргументов, защищать самодержавие в 1917 году нашлось не столь много охотников, что говорит об идейной слабости приведенной выше аргументации.

Действительно, во всех концепциях и аргументах, перечисленных рационалистом Р. Пайпсом, нет главного, основного, на чем держалось самодержавие, – нет православной основы царской власти. Вместе с тем русские консерваторы намного лучше их идейных противников – либералов и социалистов – понимали природу российской власти. Современный исследователь консерватизма А. Репников объясняет это следующим образом: «Для российских консерваторов была характерна сакрализация самодержавной власти. К сожалению, большинство современников прошли мимо религиозной константы в их рассуждениях или же попытались оценить ее с позиций материализма. Но именно с наличием этой константы связано то специфическое обстоятельство, что вплоть до конца XIX века консервативные идеологи в России не стремились обеспечить оформление политико-правовой доктрины самодержавной власти»[2]. Действительно, современные исследователи отбрасывают религиозные, православные основы власти как иррациональные, а потому либо ложные, либо неприемлемые[3].

Наиболее близко к пониманию природы российской власти подошел, по мнению А. Репникова, К. Победоносцев, который считал невозможным анализировать сущность самодержавия в отрыве от религиозных принципов[4].

---

[1] Пайпс Р. Русский консерватизм и его критики: Исследование политической культуры / Пер. с англ. М., 2008. С. 231–232.

[2] Репников А.В. Консервативные концепции переустройства России. М., 2007. С. 121.

[3] А. Репников пишет: «Как отмечает современный исследователь, «Идею власти как служения, посвященного Богу, следует признать традиционной для политического мышления русского консерватизма». Конечно, для рационалистического мировоззрения эта трактовка неприемлема, но для консерваторов это вполне логично, поскольку монархическое начало (особенно в России) тесно связано с религиозностью». Репников А.В. Консервативные концепции переустройства России. М., 2007. С. 128–129.

[4] Репников А.В. Консервативные концепции переустройства России. М., 2007. С. 122.

Российские консерваторы писали свои сочинения для рационально мыслящей аудитории, поэтому вынуждены были использовать рационалистический категориальный аппарат, который не был в состоянии передать сущность иррациональных по своей сути явлений и идей; а когда консерваторы, вроде К. Победоносцева, обосновывали свои политические идеи в религиозной мировоззренческой парадигме, их просто не понимали и считали замшелыми ретроградами, поэтому консерваторы вынуждены были изъясняться в рационалистической мировоззренческой парадигме, что не позволяло им правильно изложить суть самодержавной власти. Попытку синтезировать религиозное и юридически правовое обоснование самодержавия предпринял Л. Тихомиров в своей книге «Монархическая государственность», не имевшей, однако, успеха ни у левых, ни у правых, поскольку она содержала в себе смешение идей, понятий и категорий двух противоположных мировоззренческих парадигм – религиозной и рационалистической. Труд Тихомирова выглядел убедительным для рационалиста только в той части, где использовалась рационалистическая аргументация, а для православного – в той, где в качестве обоснования автор обращался к религиозным понятиям и идеям.

Консерваторы стремились совместить религиозные и правовые понятия. Право допускалось в систему консервативных построений только после того, как оно подкреплялось религиозным догматом. Особенно четко это выразилось в мировоззрении Победоносцева, для которого закон, с одной стороны, был правилом поведения, а с другой – приобретал характер заповеди, поскольку освящался религией. Для либералов же закон был самоценен, и его вовсе не нужно было «возвеличивать» с помощью обращения к «духовной» стороне человеческой природы. Либералы обращались прежде всего к «рациональной» стороне человеческого мышления, что с точки зрения консерваторов лишало закон рационального оправдания. По их мнению, в государственной системе, созданной в рамках либеральной модели, человек отвечал перед человеческим правосудием, а не перед Богом, то есть исполнение законов проистекало не из боязни Божественной кары, а из страха перед наказанием и «слепым правосудием человеческим»[1].

Консерваторы считали самодержавие самодостаточным. Идея замены абсолютистской модели самодержавия на конституционно-монархическую или конституционно-парламентскую форму правления рассматривалась ими как покушение на основы российской государственности, разрушение национальной самобытности. В качестве ограничителя деспотизма власти консерваторами выдвигалась не идея народного представительства, а прежде всего религиозно-нравственные нормы. По мнению консерваторов, только осененная религиозной идеей власть имеет право требовать подчинения, и, следовательно, сила монархической власти не в том, что она избирается и делеги-

[1] Репников А.В. Консервативные концепции переустройства России. М., 2007. С. 131.

руется, а в наличии над ней высшего религиозного идеала. Только монархическая система могла, как они считали, сохранить равновесие в обществе, избавив его от крайностей диктатуры и анархии, и, проведя через период модернизации, укрепить традиционные константы российской государственности. Эта система, построенная на православии, должна была служить залогом величия России, знаменуя собой особый путь ее развития[1].

В Евангелии от Марка сказано: «Если царство разделится само в себе, не может устоять царство то»[2]. Разделение мировоззренческих основ православного царства началось в эпоху Петра I, а закончилось крахом самодержавия в 1917 году. Православные основы русского царства были размыты рационализмом – и оно рухнуло. В категориях и понятиях православия причины падения самодержавия сформулировал патриарх Тихон: «Грех – тяжкий нераскаянный грех – вызвал сатану из бездны»[3]. Грех русского народа – это так понятно для верующего человека и такой бред для атеиста.

Создать идеи, способные сохранить российское самодержавие, русские консерваторы не смогли.

Сословная и иерархическая структура общества

Социальные воззрения консерваторов основывались преимущественно на православии. Сформированная в условиях господства религиозного мировоззрения, сословная структура общества начала стремительно распадаться во второй половине XIX – начале XX вв. под влиянием реализации новых идей в научно-технической, экономической и социальной сферах. Рационализм формировал новую социальную реальность в форме классов. «Запихнуть» расползающуюся социальную структуру в сословные рамки становилось все сложнее, и это ставило перед консерваторами вопрос о дальнейшей судьбе социальной структуры российского общества. Оставаясь охранителями существующего социального порядка, консерваторы так и не вышли за рамки сословной структуры. Например, К. Леонтьев предлагал реализовать идею формирования замкнутых социальных групп – общин, сословий, корпораций, на которые бы опиралась царская власть. Похожие идеи высказывал и В.М. Пуришкевич, призывая оставаться на почве традиционного социального уклада.

Одним из стержневых принципов в системе самодержавной власти, с точки зрения консерваторов, являлся принцип социальной иерархии, рассматриваемой как признак «культурного цветения» и сильной государственности, противостоящей эгалитарно-демократическим концепциям. Самодержец является верховным арбитром над всеми сословиями, поддерживая равновесие между ними. Консерваторы мыслили религиозно, и «защиту дворянства и

---

[1] Репников А.В. Консервативные концепции переустройства России. М., 2007. С. 147.

[2] Евангелие от Марка, гл. 3, ст. 24–25.

[3] Иоанн (Снычев), митр. Русь соборная. Очерки христианской государственности. СПб, 1995. С. 163.

элитарности, симпатию к армии, отношение к бюрократии, оценку народа – все это они основывали на принципах той религии и того мировоззрения, которое исповедовали. Поэтому при рассмотрении данной проблемы нужно исходить из убеждения консерваторов в том, что неравенство является нормальным состоянием человечества»[1]. Наиболее четко приверженность иерархии была выражена в мировоззрении К. Леонтьева. Выступая за элитарность, он утверждал, что «вся Россия, и сама царская власть, возрастали одновременно и в тесной связи с возрастанием неравенства в русском обществе...»[2], и настаивал на том, что сословный строй много прочнее бессословного.

Утверждая неразрывное единство царя и народа, консервативные идеологи признавали все же преимущество дворянства как опоры престола. Это сословие никогда не «шаталось», не знало колебаний в своей поддержке монархии. Идеолог самодержавия М.Н. Катков еще в 60-е годы обращал внимание на то, что дворянство – единственное сословие, не имеющее своих, отдельных от власти интересов и целей. На протяжении 70-х годов консерваторы – К.П. Победоносцев, В.П. Мещерский, Р.А. Фадеев, И.И. Воронцов-Дашков – выступали против попыток «отталкивать» дворянство в прошлое, доказывали полную гармонию между ним и властью[3]. Консерваторы 80-х годов основную роль дворянства видят уже не столько в государственной службе, сколько в попечительстве над крестьянством, в посреднической роли между ним и престолом. Дворянству предназначалось, усиливая свою власть и влияние на местах, постепенно вытеснить земское самоуправление[4].

Видя упадок дворянства и усиление влияния буржуазии, ее тягу к власти, часть консерваторов стремилась если не восстановить былые позиции дворянства, то хотя бы замедлить распад этого сословия. Другие (Л.Тихомиров, С. Шарапов), считая, что дворянство, явившись проводником либеральных идей, само уничтожило свое сословное значение, и, признавая факт упадка дворянского сословия, надеялись, что со временем на смену старой аристократии придет новая, состоящая из лучших представителей различных сословий, и, таким образом, в России неизбежно возникнет новая сословность. Но это будет именно сословное, а не классовое общество[5].

На рубеже веков консерваторы все чаще обращали внимание на рабочих. Главным знатоком «рабочего вопроса» считался Л. Тихомиров. Он доказывал, что рабочие организации – это естественное явление, которое нужно и можно использовать во благо государства и самодержавия. Его работы зало-

---

[1] Репников А.В. Консервативные концепции переустройства России. М., 2007. С. 148–149.

[2] Леонтьев К.Н. Восток, Россия и Славянство. Филос. и полит. публицистика. Духов. проза (1872–1891). М., 1996. С. 687.

[3] Гросул В.Я., Итенберг Г.С., Твардовская В.А., Шацилло К.Ф., Эймонтова Р.Г. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М., 2000. С. 307.

[4] Гросул В.Я., Итенберг Г.С., Твардовская В.А., Шацилло К.Ф., Эймонтова Р.Г. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М., 2000. С. 309.

[5] Репников А.В. Консервативные концепции переустройства России. М., 2007. С. 151.

жили идейный фундамент «зубатовщины». Несмотря на первоначальные успехи начальника Московского охранного отделения С.В. Зубатова, дальнейший крах организованного им движения показал, что идеи Тихомирова оказались менее действенными, чем его конкурентов-социалистов, чье влияние в рабочей среде было намного сильнее и постоянно возрастало.

Понимая наличие серьезного социального конфликта между рабочими и буржуазией, прежде всего по причине нещадной эксплуатации первых, консерваторы также хотели обуздать ее с помощью государственного регулирования и государственного вмешательства. Тихомиров утверждал, что государственное регулирование социальных отношений единственно возможная альтернатива революции. Эти идеи попали в программы монархических политических организаций. В частности, Союз русского народа признавал необходимость способствовать облегчению труда и улучшению быта рабочих путем сокращения рабочего дня; добиваться государственного страхования рабочих на случай смерти, увечий, болезни, старости и др.

Первоначально идеи правых имели отклик в рабочей среде, однако после первой русской революции начинается отток рабочих из монархических организаций, а перед Первой мировой войной происходит распад ранее созданных правомонархических рабочих организаций. Реальных предложений, которые могли бы помочь поскорее решить насущные социальные проблемы, правые так и не выдвинули, и, следовательно, они не смогли получить поддержки широких рабочих масс, для которых лозунги радикалов оказались более заманчивыми, чем призывы охранителей. «Хотя консерваторы и предприняли определенные действия в области разработки социально-политической доктрины, главная цель, заключавшаяся в примирении “труда” и “капитала” и предотвращении революции, не была ими достигнута. В отличие от своих либеральных оппонентов, консерваторам так и не удалось создать целостной социальной программы»[1].

Социальная доктрина консерваторов не содержала действенных рецептов сохранения и развития сословного общества, созданного в условиях господства православного мировоззрения. Его разрушение было предопределено нарастающим господством рационалистических идей.

Национальный и конфессиональный вопросы

Православие и православная церковь являлись приоритетными темами российских консерваторов. Более подробно этот вопрос освещен в разделе, посвященном роли православной церкви в истории России; здесь же можно кратко указать, что они не только видели назревшие проблемы церковной жизни, но и предлагали адекватные пути их решения. В качестве необходимых мер консерваторы предлагали: восстановление патриаршества; освобождение церковной жизни от диктата государственной власти; борьбу с бюро-

[1] Репников А.В. Консервативные концепции переустройства России. М., 2007. С. 397.

кратизацией путем введения в церковное самоуправление мирского выборного начала; усиление роли церковного прихода в жизни верующих; объединение со старообрядцами; сотрудничество со старообрядцами и мусульманами на общей платформе борьбы с революционерами, сектантами, атеистами и пр.; укрепление авторитета Церкви в целом и православного духовенства в частности[1].

Религиозный и национальный вопросы были тесно связаны в консервативной концепции. Помимо сильной религиозной составляющей национальный вопрос в некоторых случаях включал и расово-биологические аспекты (работы Меньшикова, Сикорского, Ковалевского), но эти тенденции так и не смоли вытеснить традиционный для консерваторов взгляд, в котором главным являлась принадлежность не к той или иной нации, а к тому или иному вероисповеданию. Русским, в полном смысле этого слова, для консерваторов продолжал считаться не столько русский по крови, сколько русский «по вере» и «взглядам» монархист[2]. С. Волконский писал: «Только православный считался истинно русским, и только русский мог быть истинно православным. Вероисповедной принадлежностью человека измерялась его политическая благонадежность»[3]. Поэтому некоторые из видных идеологов самодержавия могли иметь немецкие и даже еврейские корни.

Национальный вопрос был тесно связан с вопросом имперским. Как совместить многонациональный состав империи и главенствующую роль русского народа? Ясного ответа на этот вопрос консерваторы не дали. Например, К. Леонтьев, исходя из своего приоритета государственных интересов над национальными, считал, что можно поступиться интересами нации во имя интересов государства. Отбросив славянофильский национализм, он дал имперской идее религиозно-философское обоснование[4]. Национализм с его русификацией К. Леонтьев относил к числу антигосударственных идей, доказывая, что он означает по сути нивелировку, утверждение космополитизма, а не сплочение. Вводить на окраинах империи земства и новые суды, чтобы русифицировать национальные районы, сделать их однотипными с центральными, – значило в его понимании демократизировать и революционизировать их.

Идеи Леонтьева не нашли поддержки у консерваторов, хотя среди них многие по-своему не одобряли религиозно-национальную политику самодержавия, опасаясь ее крайних проявлений. П.А. Валуев, А.А. Половцев, И.И. Воронцов-Дашков, Н.П. Гиляров-Платонов, К.Ф. Головин критиковали

---

[1] Репников А.В. Консервативные концепции переустройства России. М., 2007. С. 327–328.

[2] Репников А.В. Консервативные концепции переустройства России в контексте исторического процесса конца XIX– начала XX вв.: автореферат дисс. докт. ист. наук. М., 2006.

[3] Волконский С.М. Мои воспоминания. М., 1992. Т. 2. С. 55.

[4] Репников А.В. Консервативные концепции переустройства России. М., 2007. С. 295.

решение национальных проблем за методы и средства, но в целом курс на русификацию у них не вызывал принципиальных возражений[1].

Леонтьевская концепция не была принята, поэтому в конце XIX века идеологии российского консерватизма начали сползать к крайним формам национализма, что выразилось в лозунге «Россия – для русских», выдвинутом императором Александром III.

Оборотной стороной попыток насильственной русификации стал рост сепаратизма и национализма на окраинах. Насильственная русификаторская политика, проводимая правительством, привела в итоге к ослаблению империи. Некоторые консерваторы, например О. Меньшиков, считали, что Россия должна заботиться не об обрусении и обращении в православие инородцев, а о самосохранении, и полагал, что Российская империя нежизнеспособна в том виде, в котором она сложилась к началу XX века, и ей придется избавиться от «бунтующих» окраин во имя сохранения русско-украинско-белорусского ядра[2]. «Украинский» и «белорусский» вопросы для консерваторов были искусственными: малорусы, белорусы и великорусы рассматривались ими как единый народ.

В начале XX века элементы русского национализма присутствуют во всех программах правых партий и союзов. В сентябре 1904 года в Киеве образовался Союз русских рабочих людей, выступавший за «главенство русского народа в Русском государстве». Всероссийский национальный союз, образованный в 1908 году в Петербурге, открыто выступил за приоритет этнических русских в Российской империи, поставив задачей «защиту интересов русского народа». Русский консерватизм все больше сосредотачивал свое внимание на вопросах этнического самоутверждения русского народа как народа главенствующего.

Большая часть консерваторов, отстаивавших приоритет русской нации, выступала и с критикой «инородческого засилья», полагая, что национальные меньшинства (в первую очередь евреи) пытаются подорвать устои монархической государственности и авторитет самодержавия. В отдельных случаях консерваторами провозглашались требования ограничений политических прав инородцев. Эти требования принимали различные формы и, как правило, наиболее жесткие меры предлагались по отношению к евреям.

«Еврейский» вопрос обострился на рубеже веков. Его постановка вытекала прежде всего из отношения православия к евреям, опирающегося на Священное Писание[3]. Хотя современные исследователи считают, что «было бы упрощением пытаться найти корни погромов только в антисемитской пропа-

---

[1] Гросул В.Я., Итенберг Г.С., Твардовская В.А., Шацилло К.Ф., Эймонтова Р.Г. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М., 2000. С. 338.

[2] Репников А.В. Консервативные концепции переустройства России. М., 2007. С. 298.

[3] В Евангелии от Матфея сказано: «Пилат, видя, что ничто не помогает, но смятение увеличивается, взял воды и умыл руки перед народом, и сказал: невиновен я в крови Праведника Сего... И, отвечая, весь народ сказал: кровь Его на нас и на детях наших». От Матф., гл. 27.

ганде правых организаций и юдофобстве ряда консервативных мыслителей»[1]; с позиций идеалистического подхода представляется, что дело именно в этом. По мнению современного православного историка О. Забегайло, иудеи «совершили ужасное злодеяние (хуже Каинова) – убийство Богочеловека. Произошел качественный перелом в истории всего человечества: мир стремительно покатился к своей окончательной гибели»[2]. Вина евреев с позиции ортодоксального (то есть последовательного) православного человека (а консерваторы и были такими) не просто огромна – она апокалиптична, и то, что муссирование еврейского вопроса привело к погромам, вполне закономерно. Начавшаяся Первая мировая война сделала еврейский вопрос менее актуальным по сравнению с вопросом о «немецком засилье», которое также было в арсенале консерваторов, правда без достаточного идейного обоснования.

Таким образом, при решении конфессионального и национального вопроса консерваторы руководствовались прежде всего основными идеями православия.

Внешнеполитические идеи консерваторов

Внешнеполитические идеи консерваторов вытекали из общих основ их концепции – приверженности православным ценностям и самодержавию. Православие определяло, с одной стороны, настороженное, если не враждебное отношение к католической и протестантской Европе, а с другой – симпатии к православным народам.

Несмотря на общее неприятие Европы, консерваторы понимали, что без ее идей, технологий и товаров Россия не сможет прожить, поэтому предлагали сотрудничать с наиболее идейно близкими странами. К таким относилась прежде всего Германия, в которой последовательно соблюдался монархический принцип, поэтому даже после начала Первой мировой войны газета «Русское знамя» предостерегала от «полного разгрома монархической идеи и Германии как ее очага»[3]. В ходе войны консерваторы, как лояльные верноподданные, не могли поступить иначе, чем следовать внешнеполитическому курсу, провозглашенному царем, но отнюдь не все они выступали за войну с монархической Германией, к которой многие из них испытывали симпатию. Война с Германией оценивалась значительным числом консерваторов как самоубийственная для монархических режимов обеих стран[4].

Реализация идей православия во внешнеполитической сфере выразилась в возродившемся стремлении к завоеванию Константинополя. Этими же идеями питалась поддержка православных славян и греков. Первая мировая война воскресила давнюю мечту русских панславистов о черноморских проливах, а из среды консерваторов стали раздаваться предложения о необходимости

---

[1] Репников А.В. Консервативные концепции переустройства России. М., 2007. С. 317.
[2] Забегайло О.Н. Духовное понимание истории. М., 2009. С. 384.
[3] Русское знамя. 1914. 30 сентября.
[4] Репников А.В. Консервативные концепции переустройства России. М., 2007. С. 250.

обязательного закрепления за Россией не только проливов, но и соответствующих территорий, прилегающих к ним. Архиепископ Антоний даже говорил в своих проповедях о том, что овладения только одними проливами уже мало для России – нужно завоевать Гроб Господень[1].

Консерваторы, находившиеся под сильным идейным влиянием рационализма, не могли последовательно проводить свои основополагающие принципы в конкретных направлениях политики, и внешнеполитической сферы это касалось особенно сильно. Кроме базовых идей православия и самодержавия, консерваторы руководствовались и некоторыми рационалистическими геополитическими идеями. Так, разделяя идею «естественных границ», консерваторы считали, что Россия еще не достигла в своем расширении естественных рубежей, поэтому выдвигали на первый план «объединение славянских народов Балканского полуострова вокруг России, утверждение в Константинополе и на проливах, выход к устью Немана. Они рекомендовали также развивать колониальную экспансию в Азии...»[2].

Идея создания федерации славянских государств, популярная в XIX веке, волновала консервативных мыслителей и в начале XX. Однако в это время из рядов консерваторов стали раздаваться голоса, в которых идея славянского объединения подвергалась жесткой критике. Отмечалось, что славянские народы, воспользовавшись поддержкой России и получив независимость, отнюдь не спешили к оформлению с ней каких-либо союзов, то есть поддержка православных славян и греков не принесла тех результатов, на которые рассчитывали консерваторы. Реальная политика вскрыла нереализуемость панславистских проектов, вследствие чего только немногие консерваторы остались верными славянофильским идеям[3].

Англофобия русских консерваторов была связана, прежде всего, с неприятием политического строя Великобритании, и хотя республиканская Франция для консерваторов и была примером страны, в которой в результате череды революций победили «безбожники», консерваторы с одобрением относились к деятельности французских монархистов и, выбирая между этими двумя странами, предпочитали видеть в военно-политических и торговых союзниках России последнюю[4].

С поисками союзников в противостоянии Европе во многом связана азиатская ориентация консерваторов. Так, например, К. Леонтьев мечтал найти барьер против надвигавшейся западноевропейской цивилизации в опоре на «астраханских мусульман», на «тибетцев» и другие народы Северной и Центральной Азии, еще не затронутые европейским рационализмом. Однако

---

[1] Русское знамя. 1914. 22 августа.

[2] Игнатьев А.В. От «личной дипломатии» к «политике интересов» //Россия: государственные приоритеты и национальные интересы. М., 2000. С. 194–195.

[3] Репников А.В. Консервативные концепции переустройства России. М., 2007. С. 240–242.

[4] Репников А.В. Консервативные концепции переустройства России. М., 2007. С. 243–244.

внятно обосновать с позиций консервативных ценностей необходимость российской экспансии в Азию и на Дальний Восток консерваторам не удалось. Утверждения о том, что в отличие от европейцев русские близки азиатам политически и духовно, в свете идеалистического подхода не выдерживают критики.

Несмотря на наличие в консервативной среде целого ряда мыслителей-геополитиков, внятного подхода к внешней политике выработать они не смогли. Не в последнюю очередь это было связано с поддержкой идеи самодержавия и переориентацией царя, воплощающего в себе эту идею, от союза с Германией к союзу с Англией.

Таким образом, внешнеполитические взгляды русских консерваторов в рассматриваемый период определялись их базовыми ценностями и претерпевали трансформацию, связанную как с идейной эволюцией самих носителей этих взглядов, так и с изменением внешнеполитического курса самодержавия.

Другие составляющие консервативной концепции

Коренной проблемой русского консерватизма было преодоление неконкурентоспособности в материально-экономической сфере русского православного мировоззрения, нацеленного на духовность. Экономика, наука и техника в православной идейной среде не могли развиваться теми же темпами, что и в рационалистической. Решить эту проблему русским консерваторам так и не удалось.

У консерваторов, если они хотели сохранить существующую социально-политическую реальность, был один путь – предложить идеи, которые бы позволили развиваться рационалистическим направлениям науки, техники, культуры, политики и общества в рамках православного мировоззрения. Таких идей они выдвинуть не смогли, потому что православие и рационализм несовместимы.

Единственным реальным направлением консервативной мысли, которое позволяло достичь хоть каких-то практических результатов, было охранительство, то есть сохранение социально-политических и культурных основ, созданных православным мировоззрением, при развитии других сфер на рационалистических основах. Такая двойственная политика позволяла на время оттянуть крах общественно-политической системы, но предотвратить его не могла. Распространение рационалистических социально-политических идей уже не представлялось возможным, а господство религиозного мировоззрения в образовании, экономических, производственных и трудовых отношениях не позволило создать конкурентоспособной экономики и армии, что выявила Русско-японская война, а затем и Первая мировая.

Несмотря на стремительное наступление рационалистических идей, консерваторы продолжали быть достаточно авторитетными в некоторых социальных слоях. Преимущества консерватизма над другими основными идей-

ными течениями было в лучшем понимании природы и основ российского общества и самодержавной власти. Именно это позволило консерваторам сделать довольно точные прогнозы о том, что произойдет с Россией, если она примет социалистическую или либеральную идею[1].

О неизбежности диктатуры в случае принятия социалистической идеи писал Л. Тихомиров. Несколько иначе смотрел на социализм К. Леонтьев, он единственный из консерваторов считал, что социализм может принести положительные плоды на русской почве: «В сущности, либерализм есть, несомненно, разрушение, а социализм может стать и созиданием»[2]. Его симпатии к социализму органично вытекали из идей иерархии и железной дисциплины. Однако в большинстве своем консерваторы отвергали социалистическую альтернативу. Не поддерживали они и сторонников либерализации самодержавного режима. Перспективы дальнейшего развития России и поиски компромисса с происходившими в стране переменами мыслились ими только при сохранении самодержавной системы власти. Они позиционировали себя как убежденных антилибералов и антисоциалистов[3].

Все исследователи отмечают бесплодность консервативной социально-политической мысли во второй половине XIX – начале XX вв. Консерваторы этого периода хорошо знали, чего делать не следует, но оказались совершенно неспособны предложить какие-либо позитивные идеи развития страны на основе православия. Думается, что в этом отношении главная вина лежит не на светских консерваторах, а на хранителях православной веры. Именно в их среде должны были быть созданы идеи, адаптирующие православие к меняющимся условиям либо предлагающие такую альтернативу рационалистическому развитию, которая была бы конкурентоспособна и более привлекательна, нежели европейская экономическая и социально-политическая модель развития. Таких идей православные мыслители не создали. Возможно ли их создание в православной мировоззренческой парадигме, считающей величайшей ценностью то, что она застыла в своем развитии в конце I тысячелетия, неясно. Это целиком дело Русской православной церкви, никто кроме нее не вправе и не в состоянии ответить на данный вопрос. Попытки интеллигенции (так называемых богоискателей) в начала XX века решить эту проблему без Церкви не принесли существенных результатов.

Таким образом, русский консерватизм – это попытка сохранить православные основы и созданные на их основе социально-политические формы, прежде всего самодержавную власть и сословную структуру общества. На православной концепции власти было создано российское самодержавие, на право-

---

[1] «Важным моментом в понимании отношения консерваторов к либеральным концепциям является то, что многие из видных идеологов консерватизма сами прошли через увлечение либеральными и даже радикальными идеями переустройства общества». Репников А.В. Консервативные концепции переустройства России. М., 2007. С. 166.

[2] Леонтьев К.Н. Избранные письма. СПб., 1993. С. 437.

[3] Репников А.В. Консервативные концепции переустройства России. М., 2007. С. 195–196.

славной идее сформировалась сословная структура общества, основывалось отношение к другим религиям, конфессиям и национальностям. Православная идея и концепция самодержавия определяли внешнеполитическую концепцию консерваторов.

§3. Российские консерваторы XIX – начала XX вв.

Н.М. Карамзин

Карамзин Николай Михайлович (1766–1826) – выдающийся русский писатель, историк, мыслитель. Получил прекрасное образование в России, а в 1789– 1790 гг. совершил путешествие по Европе, где имел встречи с Кантом, Бонне, Гете, Гердером и другими видными представителями Просвещения, посещал революционный Конвент в Париже в 1789 году. Приветствовал Великую французскую революцию, но впоследствии осудил якобинство, возвестившее о крахе идей Просвещения. Значительное влияние на формирование мировоззрения Карамзина оказало русское масонство, а также западноевропейские мыслители – Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо. Испытав заметное воздействие идей французского Просвещения, Карамзин, известный московский масон 80-х годов, существенно меняет свои прежние взгляды. Этот переворот начался после казни Людовика XVI.

Политические взгляды Карамзина сформировались главным образом под влиянием исторических исследований. Защита им российской монархии исходила не из политической теории, а из убеждения, подобного тому, которого придерживался Татищев: каждая страна имеет собственные традиции, определяющие, какое устройство является для нее более подходящим. Несмотря на то, что он рассматривал самодержавие как «палладиум» России, не желая ни конституции, ни представительного собрания, в глубине души он оставался республиканцем, при этом убежденным в том, что, даже если в теории лучшим типом правления является республиканское, для России оно не подходит. Стать защитником самодержавия Карамзина убедили исторические свидетельства, которые доказывали, что всякий раз, когда этот принцип выхолащивался или отменялся, Россия погружалась в анархию и становилась жертвой иностранного порабощения[1].

Главный политический труд Н.М. Карамзина «Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» (1811) появился в результате интриги, которую плела глава тогдашней консервативной партии Екатерина Павловна – любимая сестра Александра I. Именно она нашла Карамзина, как фигуру, равновеликую Сперанскому, и противопоставила их идеи. В лице Карамзина консервативная партия получила своего наиболее крупного идеолога. Представленная Александру I «Записка...» поколебала реформаторские намерения императора. Возможно, что именно она сыграла

[1] Пайпс Р. Русский консерватизм и его критики: Исследование политической культуры / Пер. с англ. М., 2008. С. 118.

роковую роль в судьбе Сперанского[1]. Однако победа Н. Карамзина была лишь тактической победой консерватизма. Она выразилась во временном поражении либерального направления. Карамзин укрепил консерватизм, но не поколебал либерализма, прежде всего потому, что идейные источники последнего находились вне России, – в Европе либерализм родился, там же он демонстрировал свою действенность.

Основная проблема русских консерваторов заключалась в том, что они пытались рационалистически обосновать самодержавие, которое в реальности держалось на иррациональных, православных основаниях. Особенно ярко это противоречие проявилось в «Записке...», написанной Н. Карамзиным.

Карамзин отстаивал самодержавие с рационалистических позиций. Это было первое внятное рационалистическое историческое обоснование монархии в России. В «Записке...» практически нет ссылок на Священное Писание, есть лишь рационалистические аргументы. Карамзин говорил с царем и образованной публикой на понятном им рационалистическом языке социальной науки. Исторические аргументы, на которые он в основном опирался, были весомыми еще и потому, что исходили от самого известного историка России.

В «Записке...» Карамзина нет Бога, нет Его Промысла, она насквозь рационалистична. В этом ее сила и ее слабость. Сила в том, что самодержавие и крепостничество защищаются исторически и рационалистически. Слабость же в том, что рационалистическими аргументами автор пытается обосновать самодержавие, истинная власть которого имеет иррациональную, религиозную природу, и с этими аргументами невозможно спорить, а с аргументами Карамзина можно. Более того, иной взгляд на историю, например материалистический, опровергает его аргументы. Поэтому «Записка...» Н. Карамзина имела временный успех. Она никак не влияла на истинную, православную основу русского самодержавия, однако укрепляла консервативное политическое крыло российского правящего класса, который был в то время насквозь рационалистичен.

«Записка...» пронизана обсуждением двух важнейших государственных вопросов: о государственном устройстве страны и о крепостном праве. По обоим этим вопросам Карамзин занимает антилиберальную позицию, открыто критикуя действия самого императора, и критика осуществляется им с консервативных позиций. Не случайно в литературе подчеркивалось, что в льшим роялистом, чем сам король[2].

Карамзин выступает в своей «Записке...» как убежденный, а не конъюнктурный сторонник самодержавия. В ней с самодержавием связана вся история России, и оно рассматривается автором как определяющая сила россий-

---

[1] Пустарнаков В.Ф., Шевченко В.Н. Предисловие // Антология мировой политической мысли. В 5-ти т. Т. 3. Политическая мысль в России X – пер. пол. XIX в. М., 1997. С. 14.

[2] Гросул В.Я., Итенберг Г.С., Твардовская В.А., Шацилло К.Ф., Эймонтова Р.Г. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М., 2000. С. 45.

ского исторического процесса. По его утверждению, все попытки ослабить самодержавие оказывались губительными для России; всякий раз, когда русским людям выпадала такая возможность, они наделяли своих правителей неограниченной властью, как это произошло в 1613 году, когда на трон был избран молодой Михаил Романов. Карамзин рассматривал историю государства как историю самодержавия и утверждал, что русский народ «всегда чувствовал необходимость повиновения», что самодержавие, поскольку оно есть всесословная власть, – гарант единства общества и благополучия российского народа, оно по своей природе есть отеческое правление.

В «Записке...» самодержавие не связывается напрямую с православием, а представлено самостоятельной силой: «Государь, – писал Карамзин, – единственный законодатель, единственный источник власти».

«Самодержавие основало и воскресило Россию: с переменою Государственного устава ее она гибла и должна погибнуть». Это положение, сформулированное Н. Карамзиным, стало основным рационалистическим аргументом, защищающим самодержавие как основную ценность консерваторов. Этот аргумент был значим только для европейски образованного человека и не имел ценности для человека с религиозным мировоззрением. Разве могла эта идея сравниться по своей силе с утверждением, что «всякая власть от Бога»? С одной стороны, Бог – как основание всякой власти, в том числе и самодержавной, а с другой – историческая судьба царства, которых в истории было много, и все они преходящи. Ослабление аргументации налицо.

В традициях Просвещения Карамзин отделял подлинную монархию от деспотизма. Самодержавие для него означало власть, не ограниченную ни законом, ни представительными органами, но такую, которая управляла в тесном сотрудничестве с дворянством, получившим неприкосновенные права собственности. Н. Карамзин рассматривал дворянство не как «отдел монаршей власти, но ее главное, необходимое орудие, двигающее состав государственный». Дворянство – аппарат самодержавной власти, без которого царю не обойтись.

Подлинное самодержавие не вмешивается в личные свободы своих подданных, разрешая им жить так, как они считают целесообразным. Эта концепция монархии – абсолютной, но только в ограниченной сфере, была новой для России. Она появится затем в политической философии славянофилов[1].

Рационалистическое обоснование самодержавия есть шаг назад по сравнению с обоснованием религиозным. Оно не просто ослабляло основания царской власти, но лишало его настоящей основы, поскольку истинным базисом российского самодержавия было православие.

Основной целью «Записки...» было противодействие либеральным реформам Александра I, которые Н. Карамзин не приемлет. В его работе сформули-

---

[1] Пайпс Р. Русский консерватизм и его критики: Исследование политической культуры / Пер. с англ. М., 2008. С. 119.

рованы основные принципы охранительной идеологии, несколько десятилетий противостоявшей в России идеям либеральных реформ. «Перемены сделанные не ручаются за пользу будущих: ожидают их более со страхом, нежели с надеждой, ибо к древним государственным зданиям прикасаться опасно. Россия же существует около 1000 лет, и не в образе дикой Орды, но в виде государства великого, а нам все твердят о новых образованиях, о новых уставах, как будто бы мы недавно вышли из темных лесов американских! Требуем более мудрости хранительной, нежели творческой. Если история справедливо осуждает Петра I за излишнюю страсть его к подражанию иноземным державам, то оно в наше время не будет ли еще страшнее?»

Карамзин резко осуждает какие бы то ни было попытки учреждения конституции, в чем-то ограничивающей власть царя. Россия – большая страна: «Что, кроме единовластия неограниченного, может в сей махине производить единство действия?» Попытки поставить закон выше государя неизбежно противопоставят монарху какие-то учреждения, призванные охранять этот самый закон, а это опасно: «Две власти государственные в одной державе суть два грозные льва в одной клетке, готовые терзать друг друга, а право без власти есть ничто, – пишет Карамзин. – Самодержавие основало и воскресило Россию... В монархе российском соединяются все власти: наше правление есть отеческое, патриархальное».

Под влиянием масонских идей, объяснявших социальные и политические несовершенства не плохими институтами, а человеческими недостатками, Карамзин считает: «Главная ошибка законодателей сего царствования состоит в излишнем уважении форм государственной деятельности: от того – изобретение различных министерств, учреждение Совета и проч. Дела не лучше производятся – только в местах и чиновниками другого названия. Последуем иному правилу и скажем, что не формы, а люди важны». Надо не перестраивать учреждения, писал Карамзин, а найти для управления Россией 50 умных и добросовестных губернаторов, которые «обуздают хищное корыстолюбие нижних чиновников и господ жестоких, восстановят правосудие, успокоят земледельцев, ободрят купечество и промышленность, сохранят пользу казны и народа». В манере, которая позднее станет обычной для русских консерваторов XIX века, Карамзин делал вывод, что лекарство от российских болезней заключается не в реформировании институтов – он осуждал «чрезмерное почтение к политическим формам», – а в том, чтобы найти хороших людей. Он также вспомнил Монтескье, сославшись на мнение, что прочная монархия должна опираться на дворянство[1].

Консервативную конструкцию российской власти Карамзин предлагает сформировать следующим образом: «Дворянство и духовенство. Сенат и Синод как хранилище законов, над всеми – государь, единственный зако-

[1] Пайпс Р. Русский консерватизм и его критики: Исследование политической культуры / Пер. с англ. М., 2008. С. 122.

нодатель, единовластный источник властей. Вот основание российской монархии, которое может быть утверждено или ослаблено правилами царствующих». Однако в этой конструкции нет Божественного обоснования власти, она целиком есть произведение человеческого разума, а потому может быть им изменена.

Будучи человеком своего века, рационалист по убеждениям и образованию, Н. Карамзин не понимал религиозной основы царской власти, поэтому и отводил духовенству хотя и важную, но все же второстепенную роль: «Как дворянство, так и духовенство бывает полезно государству по мере общего к ним народного уважения. Не предлагаю восстановить патриаршество, но желаю, чтоб Синод имел более важности в составе его и в действиях; чтобы в нем заседали, напр[имер], одни архиепископы; по характеру сих важных духовных сановников можете всегда судить о нравственном состоянии народа. Не довольно дать России хороших губернаторов – надобно дать и хороших священников; без прочего обойдемся и не будем никому завидовать в Европе».

Немалое место в «Записке...» занимают рассуждения по поводу слухов, что «нынешнее правительство имело, как уверяют, намерение дать господским людям свободу». Отмена господской власти над крестьянами приведет, утверждал Карамзин, к тому, что крестьяне станут пьянствовать и злодействовать. «Не знаю, хорошо ли сделал Годунов, отняв у крестьян свободу (ибо тогдашние обстоятельства не совершенно известны), но знаю, что теперь им неудобно возвратить оную. Тогда они имели навык людей вольных – ныне имеют навык рабов. Мне кажется, – заключает Карамзин, – что для твердости бытия государственного безопаснее поработить людей, нежели дать им не вовремя свободу, для которой надобно готовить человека исправлением нравственным...»

Идеи, отраженные в «Записке...» Карамзина, оказались близки основной массе дворянства. Возражения автора против каких бы то ни было перестроек в государственном и общественном строе России и их аргументация были восприняты охранительной идеологией Николаевской эпохи.

«Записка...» Карамзина – классический манифест русского консерватизма. По авторским копиям она была известна ряду современников, среди которых видные государственные и политические деятели; в 30–40-е гг. XIX века из нее печатались отрывки в различных изданиях. Полностью этот документ был опубликован лишь в 1861 году в Германии, а в России – только в 1871 -м.

С. Уваров и его концепция официальной народности

В 1830–1840-х годах, во время правления Николая I, царское правительство первый и единственный раз сформулировало официальную идеологию. Названная позднее «доктриной официальной народности», эта идеология была провозглашена группой консервативных ученых и публицистов по непосредственной инициативе и при поддержке Николая I.

Создание и осуществление доктрины официальной народности – явление уникальное в истории консерватизма. По своей значимости она сопоставима с концепцией «Москва – Третий Рим», однако если последняя имела значительную внешнеполитическую направленность, то первая была в основном для внутреннего употребления. Создание новой официальной идеологической концепции явилось реакцией власти на складывающуюся под воздействием рационалистических идей обстановку в стране.

Восстание декабристов, европейские революции 1830–1831 годов и Польское восстание российская власть справедливо отнесла на счет действия революционных (в то время либеральных) идей. Власть зашаталась в своих основах, и эти основы требовалось укрепить. Известно высказывание императора Николая I: «Революция на пороге России, но, клянусь, она не проникнет в Россию, пока во мне сохранится дыхание жизни». Революцию можно было остановить, только устранив воздействие революционных идей, с одной стороны, и укрепив идейные, православные основы режима – с другой.

Основными каналами, по которым распространялись рационалистические идеи в то время, были система образования, печать, различные политизированные общества, а также заграница, куда ездили русские люди и откуда привозили книги и идеи. Все эти каналы в той или иной степени необходимо было перекрыть или взять под контроль. Поскольку запретительные и репрессивные меры оказались малоэффективными, было решено дополнить их мерами идейного порядка.

Основы новой идеологии вырабатывались постепенно. Первый камень в ее основание заложил еще Н. Карамзин, развив свою концепцию самодержавия как «палладиума» России. После смерти Александра I писатель постарался внушить его преемнику на престоле свой взгляд на состояние России. Николай I проявил интерес к мыслям историка; сделанная для него копия «Записки о древней и новой России» датирована январем 1826 года. Идея самодержавия составила с тех пор центральное ядро официальной идеологии[1]. Однако исторического обоснования, сделанного Н. Карамзиным с рационалистических позиций, было определенно недостаточно, поэтому его «Записка...» не использовалась для обоснования политического строя в империи. Идеи Карамзина были пригодны для узкого круга консервативно настроенных интеллектуалов; для более широких слоев, тем более для народа, они были непонятны.

На выработку правительственной идеологии того времени непосредственное влияние оказывали европейские консервативные идеи. Современные историки видят генетическую связь уваровской триады не только с охранительной европейской философией, но прежде всего с идеями Ф. Шлегеля и с кон-

[1] Гросул В.Я., Итенберг Г.С., Твардовская В.А., Шацилло К.Ф., Эймонтова Р.Г. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М., 2000. С. 124.

цепцией национального государства, носившей в XIX веке характер по преимуществу революционный[1].

Отдельные идеи, впоследствии использованные в идеологии официальной народности, высказывались в ближайшем окружении царя. Так, начальник штаба корпуса жандармов и управляющий III Отделением канцелярии Его Императорского Величества Л.В. Дубельт писал: «Истинное просвещение должно быть основано на религии, тогда оно и плоды принесет сторицею. А когда просвещение религии знать не хочет и только опирается на дикий бездушный эгоизм, так и плоды будут адские, как начала его адские».

Реально зная положение России, Л. Дубельт считал, что, пока положение православия прочно, будет незыблемо стоять и самодержавие. Но не дай бог свободы – зараза неизбежно перекинется на простой народ, «станет развращать свои понятия чтением гадкой нынешней литературы: журналы собьют с толку...». Причем вся эта «гниль», по твердому убеждению Дубельта, – зарубежного происхождения. Поэтому от Запада следует отгородиться идейно, установив непроходимый карантин для «чуждых учений», стремящихся проникнуть в Российское государство и развратить его. Одну из важнейших задач власти он видел в безжалостной борьбе с любыми проявлениями «ложного» западного просвещения. И в то же время признавал: без просвещения нельзя, оно необходимо, но в России оно должно принять принципиально иной, нежели на Западе, характер.

Николай I видел, как мир разваливается на части под влиянием разрушительных идей, и поставил себе задачей любой ценой защитить от них Россию. III Отделение императорской канцелярии, регулярно докладывавшее царю об общественных настроениях в стране, отмечало в обществе, особенно среди молодого дворянства, рост недовольства, и эта информация только усиливала беспокойство императора. Высшая власть в России ясно ощутила необходимость усиления идейного обоснования своего бытия. В условиях противоборства двух принципиально несовместимых мировоззренческих систем – рационалистической и православной – царь мог выбрать любую из них. Опора на рационализм вела к активному развитию науки, техники, экономики, повышению благосостояния и обороноспособности, однако с неизбежностью и к краху социально-политического строя, основанного на православном мировоззрении. Выбор не был очевиден и во многом зависел от воспитания и мировоззрения российского самодержца, поскольку сторонников и консервативного и либерального курса в его окружении было достаточно. Если Александр I сначала выбрал либеральный курс и лишь позднее перешел на позиции консерватизма, то его царственный брат с самого начала встал на позиции консерватизма. Это не было следствием эгоизма или желания со-

[1] См.: Зорин А.Л. Идеология «православия–самодержавия–народности» и ее немецкие источники // В раздумьях о России (XIX в.). М., 1996.

хранить власть – это было следствием глубокого убеждения в том, что Россию можно сохранить только на основах православия.

Важность сохранения и укрепления авторитета Церкви в народе придала очевидную антипросветительскую направленность правительственной идеологии, поскольку религиозный индифферентизм и скептицизм, проникавшие в образованную часть русского общества по мере распространения в нем идей просветительной философии, грозили подточить самодержавие, разрушив в глазах населения ореол его святости и Божественного происхождения, низводя помазанника Божия до уровня обычного человека. В этих условиях усиление влияния православия в массе населения, и особенно в молодом поколении, приобретало важнейшее значение с точки зрения укрепления существующего строя. Принцип «народности» провозглашал глубокое отличие России от Запада, признание особого национального характера и ценностной ориентации русских, коренным образом отличающих их от народов Западной Европы[1]. Борьба против «европейских» (просветительских и преемственно с ними связанных либеральных и революционных) идей была воспринята как условие сохранения существующего строя и, тем самым, главная задача правительства.

Именно царь выступил инициатором разработки идеологии, которая должна была противодействовать тем деструктивным идеям, что лежали, как он считал, в основе мятежа декабристов[2]. Европейским идеям нужно противопоставить русские идеи о государстве и обществе. Эту задачу решала концепция особого, истинно русского просвещения, воплотившаяся в теорию официальной народности, разработанная С. Уваровым, который сумел развить и обобщить разрозненные мнения, придать им завершенность, облечь в чеканную, выразительную, понятную всем формулировку, выразившую суть правительственного курса.

Весной 1832 года Николай I назначил Уварова товарищем (заместителем) министра народного просвещения, а через год – министром. На этих должностях С. Уваров не уставал доказывать царю, внимавшему ему весьма благосклонно, что просвещение само по себе не есть зло. Все зависит от его конкретного содержания, от его духа, который может и должен быть различным у разных народов. Просвещение может быть источником зла, революционных потрясений, как это случилось в Западной Европе, а может превратиться в элемент чисто охранительный, к чему и следует стремиться в России.

В записке на имя императора Уваров выразил свое мнение по поводу стоящей перед министерством задачи: «Именно в сфере народного образования надлежит нам прежде всего возродить веру в монархические и народные на-

---

[1] Гросул В.Я., Итенберг Г.С., Твардовская В.А., Шацилло К.Ф., Эймонтова Р.Г. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М., 2000. С. 124.

[2] Пайпс Р. Русский консерватизм и его критики: Исследование политической культуры / Пер. с англ. М., 2008. С. 131.

чала»[1]. В докладе императору по итогам ревизии Московского учебного округа он сформулировал свой знаменитый тезис об «истинно русских охранительных началах Православия, Самодержавия и Народности, составляющих последний якорь нашего спасения и вернейший залог силы и величия Отечества»[2].

Несмотря на вполне понятное распределение приоритетов в концепции официальной народности, современные исследователи, находящиеся в большинстве своем на материалистических позициях, утверждают, что «главное в уваровской триаде было самодержавие, а вовсе не православие и народность. Последним двум компонентам отводилась задача упрочить его своим авторитетом и популярностью»[3]. Это неверно фактически, поскольку Уваров вполне сознательно поставил православие на первое место, а с позиций идеалистического подхода это неверно и по сути, поскольку именно идеи определяют создаваемую людьми реальность. В социально-политической реальности XIX века именно православие создавало самодержавие и являлось его опорой, а не наоборот. Российское самодержавие могло существовать только в условиях господства православного мировоззрения, поэтому вполне логично, что православие имело приоритет перед самодержавием. Речь идет о православной вере, а не о православной церкви как институте. Современные исследователи путают веру и Церковь как социально-политический институт, который действительно играл роль подпорки самодержавия и находился под его полным контролем в синодальный период.

Сам Уваров ясно и недвусмысленно определяет значимость каждого из элементов своей триады: «Россия имеет счастие верить Промыслу, Который проявляет себя в великих Царях ее. Тогда как другие народы не ведают покоя и слабеют от разномыслия, она крепка единодушием беспримерным. Здесь Царь любит Отечество в лице народа и правит им как отец, руководствуясь Законом; и народ не умеет отделять Отечество от Царя и видит в Нем свое счастие, силу и славу»[4]. Менее определенным было рассуждение Уварова о народности. Ее место в своей триединой формуле он определял неразрывной связью народных понятий с троном и Церковью. Вместе с тем автор замечал, что народность «не состоит в том, чтобы идти назад или останавливаться; она не требует неподвижности в идеях»: физиономия народа должна сохраниться, но ее черты со временем меняются. Уваров признавал, что принципы самодержавия и народности могли противоречить друг другу, но утверждал,

---

[1] Цит. по: Зорин А.Л. Идеология «православия – самодержавия – народности» и ее немецкие источники // В раздумьях о России (XIX в.). М., 1996. С. 126.

[2] Дмитриев М.А. Главы из воспоминаний моей жизни. М., 1998. С. 245.

[3] Гросул В.Я., Итенберг Г.С., Твардовская В.А., Шацилло К.Ф., Эймонтова Р.Г. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М., 2000. С. 126.

[4] Антология мировой политической мысли. В 5-ти т. Т. 3. Политическая мысль в России X – пер. пол. XIX в. М., 1997. С. 681.

что, «каковы бы ни были столкновения, которые им довелось пережить, оба они живут общей жизнью и могут еще вступить в союз и победить вместе».

Теория официальной народности – уникальное явление в российской политической истории. Оригинальным является уже то, что С. Уваров создал концепцию, которая не вытекала из его рационалистического мировоззрения. По некоторым данным, он был атеистом[1], однако это не означает, что он не понимал роли православия как основы самодержавной России. Осознав роль религии в создании российской социально-политической реальности, он смог создать идейную конструкцию, которая адекватно отражала состояние тогдашнего государства и общества, а также давала возможность осуществлять на основе доктрины деятельность по сохранению этого состояния. Уваров заблуждался в одном: он считал, что при помощи доктрины сможет дать известное направление всему делу образования в России, не затормозив при этом просвещения народа, а следовательно, и развития России. Это ему не вполне удалось. Тогдашнее понимание экономического и социально-политического развития мало отличается от сегодняшнего, поскольку вытекает из рационалистического и, в основном, материалистического мировоззрения. Совместить православие и рационалистическое развитие практически невозможно, поэтому в этой части доктрина не могла быть реализована.

Уваровская теория официальной народности есть результат рационалистического построения политической теории, основанной на религиозном мировоззрении. Она консервировала социально-политические отношения, базирующиеся на религиозных идеях, и одновременно не давала развиваться рационалистическим идеям в социально-политической сфере.

Создание рационалистом С. Уваровым идейной доктрины, основанной на православии, явилось следствием его глубокого понимания сущности российской власти. Православие являлось объединяющей идеей русского народа, но для неправославных оно было чуждым, поэтому концепция Уварова не была имперской, а касалась только государствообразующего народа.

Уваровская теория официальной народности – это попытка затормозить развитие российского общества на рационалистических основах. Для власти стало ясно, что продолжение либерализации (а рационализация проходила преимущественно в форме экспансии либерализма) вело к крушению самодержавия, а шире – всей социально-политической реальности, основанной на православии. Граф Уваров в частном порядке выразил свою главную политическую цель следующим образом: «Если мне удастся отодвинуть Россию на

[1]Уваров, писал С.М. Соловьев, «придумал эти начала, то есть слова: православие, самодержавие и народность; православие – будучи безбожником, не веруя в Христа, даже и по-протестантски; самодержавие – будучи либералом; народность – не прочтя в свою жизнь ни одной русской книги, писавший постоянно по-французски и по-немецки».

пятьдесят лет от того, что готовят ей теории, то я исполню мой долг и умру спокойно»[1]. Этой цели он достиг.

Теория официальной народности лежала в основании целого комплекса мер по сохранению и улучшению социально-политической реальности. Вместо погромов учебных заведений и упразднения наук Уваров развернул перед императором картину их невиданного процветания в империи. Однако, заявлял министр, это будут такие науки и учебные заведения, которые не только не повредят существующему строю, но, напротив, станут одной из самых надежных его опор. Сделать это можно только тогда, когда вверенное Уварову министерство станет «душой административного корпуса» и начнет последовательно возрождать веру в монархические и народные начала «без потрясений, без поспешности, без насилия». Для этого необходима пропаганда государственной идеологии, создание печатного органа – «Журнала Министерства народного просвещения», где главным средством воспитания народности и защиты от «европейской заразы» будет изучение и преподавание отечественной истории.

Главным орудием осуществления идеологии С. Уваров считал систему образования, при этом «только Правительство имеет все средства знать и высоту успехов всемирного образования, и настоящей нужды Отечества. С одной стороны, облегчая каждому способы к приобретению и совершенствованию полезных сведений, с другой – соображая ход новых идей с Верою, учреждениями, обычаями и иными особенностями Государства и, наконец, с общими успехами его жителей на поприще гражданственности, оно содействует сколько можно более естественному для страны своей и тем надежнейшему, мирному и прочному в ней развитию просвещения»[2].

Уваровская доктрина носила прикладной характер и воплотилась в ряд сугубо бюрократических предписаний, воздвигающих искусственные «умственные плотины» на пути идей, опасных для порядка, господствующего в России.

Один из популяризаторов уваровской доктрины С.А. Бурачек[3] в статье «Европейская идея – европеизм»[4] подробно излагает необходимость и составные части теории официальной народности. Исходной посылкой его рассуждений является то, что европейские идеи, которые многие принимают за истинные, таковыми не являются, поскольку противоречат идеям православия, а «где нет Православия, там нет истинной жизни, нет истинных идей, достойных

---

[1] Никитенко А.В. Дневник. Л.,1955. Т. 1. С. 174.

[2] Антология мировой политической мысли. В 5-ти т. Т. 3. Политическая мысль в России X – пер. пол. XIX в. М., 1997. С. 680.

[3] Бурачек Степан Анисимович (? – 1876) в 1840–1845гг. издавал журнал современного просвещения и образованности (с 1842 г. – «Маяк»). Основную задачу журнала видел в деятельности в духе «православия, самодержавия и народности».

[4] См.: Антология мировой политической мысли. В 5-ти т. Т. 3. Политическая мысль в России X – пер. пол. XIX в. М., 1997. С. 725–732.

подражания и усвоения». Поэтому «благо тем народам, которые заблаговременно успеют оградиться карантинами от этой чумы европейских идей». В России благодаря православию есть истинные идеи, и кроме этого у нее есть Царь: «его Самодержавие – Божье Самодержавие; ваша сыновняя любовь и покорность к Нему – приятнейшая жертва Богу, источник Его благословений и вашего благоденствия. Лицо Царя Православного – Лицо Божье на земле! Ничего этого не было, быть не могло и быть не может на Западе. – К вам это сокровище пришло вместе с Православием».

Подводя итоги десятилетней работы по претворению доктрины в реальность, Уваров докладывал царю: «Посреди быстрого падения религиозных и гражданских учреждений в Европе, при повсеместном распространении разрушительных понятий, ввиду печальных явлений, окружавших нас со всех сторон, надлежало укрепить отечество на твердых основаниях, на коих зиждется благоденствие, сила и жизнь народная; найти начала, составляющие отличительный характер России и ей исключительно принадлежащие; собрать в одно целое священные останки ее народности и на них укрепить якорь нашего спасения. К счастью, Россия сохранила теплую веру в спасительные начала, без коих она не может благоденствовать, усиливаться, жить. Искренно и глубоко привязанный к церкви отцов своих, русский искони взирал на нее как на залог счастья общественного и семейственного. Без любви к вере предков народ, как и частный человек, должен погибнуть... Самодержавие составляет главное условие политического существования России. Русский колосс упирается на нем, как на краеугольном камне своего величия... Спасительное убеждение, что Россия живет и охраняется духом самодержавия сильного, человеколюбивого, просвещенного, должно проникать народное воспитание и с ним развиваться. Наряду с сими двумя национальными началами находится и третье, не менее важное, не менее сильное: народность. Вопрос о народности не имеет того единства, как предыдущий; но тот и другой проистекают из одного источника и связуются на каждой странице истории Русского Царства. Относительно к народности все затруднение заключалось в соглашении древних и новых понятий; но народность не заставляет идти назад или останавливаться; она не требует неподвижности в идеях... Вот те главные начала, которые надлежало включить в систему общественного образования, чтобы она соединяла выгоды нашего времени с преданиями прошедшего и с надеждами будущего, чтобы народное воспитание соответствовало нашему порядку вещей и было не чуждо европейского духа»[1].

Уваровская триада – «православие, самодержавие, народность» – стала идеологическим обоснованием правления Николая I. Она была поддержана рядом ученых и журналистов, среди них – московский историк Михаил Погодин и его петербургский коллега Степан Шевырев. Они явились наиболее

[1] Десятилетие Министерства народного просвещения, 1833–1843. СПб., 1864. С. 2–4.

крупными теоретиками и пропагандистами «официальной народности» и ближайшими помощниками Уварова в этом деле.

Наряду с Погодиным и Шевыревым сходные с ними взгляды проводили в своих лекциях и печатных трудах некоторые другие профессора-гуманитарии. Прежде всего это относится к преподавателям отечественной истории – таким, как Н.Г. Устрялов в Петербурге (автор многих учебных пособий), Н.А. Иванов в Казани (вместе с Ф.В. Булгариным выпустивший в 1837 году «ручную книгу для русских всех сословий» под названием «Россия в историческом, статистическом, географическом и литературном отношениях»), П.П. Гулак-Артемовский в Харькове[1].

Поскольку реализацию идеологии, ставшей основным инструментом формирования социально-политических отношений, было поручено проводить Министерству народного просвещения, то оно и должно было составить душу правительственного аппарата. Принципы официальной народности правительство проводило последовательно и целеустремленно. «Система» внедрялась с помощью множества бюрократических и полицейских мер, и власти преуспели в своих целях: Россия избежала революционных и националистических потрясений, поразивших Европу. В стране не получили отклика революции 1820-х и 1830-х годов, а также революции 1848 года. Это убедило сторонников доктрины «официальной народности», что Россия невосприимчива к революции.

Подводя итог, можно отметить, что теория официальной народности – самое крупное и выдающееся достижение российской консервативной мысли. Ничего более значимого позднее создано не было, поэтому к ней до сих пор обращаются сторонники консервативного направления.

Н.Я. Данилевский

Если доктрина официальной народности была нацелена на достижение внутреннего единства русских как государствообразующего народа для обеспечения спокойствия внутри империи, то внешнеполитический аспект был второстепенным и задевался этой концепцией лишь опосредованно. По другому были расставлены акценты в доктрине всеславянской федерации Н. Данилевского. Она предполагала большую внешнеполитическую цель, достижение которой было возможно лишь при осуществлении сплочения и единства самого русского народа; а если точнее, то русский народ вынуждался к сплочению для достижения внешнеполитической цели. Решение внутренних проблем достигалось за счет стремления к реализации большой и привлекательной внешнеполитической идеи. Такой подход часто срабатывает: например, в случае угрозы или ведения войны.

---

[1] Гросул В.Я., Итенберг Г.С., Твардовская В.А., Шацилло К.Ф., Эймонтова Р.Г. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М., 2000. С. 128–131.

Данилевский на основании исторического анализа пришел к выводу, что русский народ был поврежден европейским влиянием – «европейничаньем», начало которому положил Петр I, «русская жизнь была насильственно перевернута на иностранный лад. Сначала это удалось только относительно верхних слоев общества, на которые действие правительства сильнее и прямее и которые вообще везде и всегда податливее на разные соблазны. Но мало-помалу это искажение русской жизни стало распространяться и вширь и вглубь, то есть расходиться от высших классов на занимающие более скромное место в общественной иерархии, и снаружности – проникать в самый строй чувств и мыслей, подвергшихся обезнародовающей реформе... Болезнь эту, вот уже полтора столетия заразившую Россию, все расширяющуюся и укореняющуюся и только в последнее время показавшую некоторые признаки облегчения, приличнее всего, кажется мне, назвать европейничаньем, и коренной вопрос, от решения которого зависит вся будущность, вся судьба не только России, но и всего Славянства» [1], заключается в том, какой характер будет носить эта болезнь в дальнейшем.

Данилевский прочно стоит за сохранение православных основ русской национальной жизни против экспансии рационализма, который он собственно и называет «европейничаньем». «Различие в просветительных началах русского и большинства других славянских народов от народов германо-романских состоит в том, что первые исповедуют православие, а вторые – римский католицизм или протестантство»[2].

Всеславянский союз, по мнению Н. Данилевского есть единственная твердая почва, на которой может расти самобытная славянская культура, – условие ее развития. Таким образом, всеславянское объединение – это прежде всего средство для решения внутренних проблем России.

Обоснование возможности объединения славян Н. Данилевский раскрывает следующим образом. Народность является причиной, целью, основой и смыслом существования государства. Каждая народность стремится к созданию национального государства, но для этого необходим внешний толчок, «приводящий племена к ясному сознанию их народной личности, а следовательно, и к необходимости ее защиты и охранения»[3]. Внешний толчок к созданию всеславянской федерации должна была дать Россия своими действиями на Балканах.

На первый взгляд в основе концепции Н. Данилевского лежит славянское единство, однако что объединяет славян? Идея всеславянского объединения – слабая идея, потому что в процессе истории все меньше идейных скреп ос-

---

[1] Данилевский Н.Я. Россия и Европа //Антология мировой политической мысли. В 5-ти т. Т. 4. Политическая мысль в России X – пер. пол. XIX в. М., 1997. С. 73–74.

[2] Данилевский Н.Я. Россия и Европа. http://vehi.net/danilevsky/rossiya/09.html

[3] Данилевский Н.Я. Россия и Европа //Антология мировой политической мысли. В 5-ти т. Т. 4. Политическая мысль в России X – пер. пол. XIX в. М., 1997. С. 61.

тавалось между славянскими народами. Яркий пример – отношения между русскими и поляками; последних, по мнению Н. Данилевского, будет очень проблематично интегрировать в состав федерации, и в качестве важнейшей причины он указывает на их католичество.

По Данилевскому, для русского и всякого другого славянина «идея славянства должна быть высшею идеей, выше свободы, выше науки, выше просвещения». А что собственно есть идея славянства? Реального наполнения, кроме православия, у нее нет. Этнографические особенности, фольклор или орнамент глиняных горшков и вышивки, некоторые обряды и языческие идеи и традиции – вот и все из чисто славянского, что есть общего у славянских народов. Иное дело православие – это действительно мощная, хотя и не славянская, а заимствованная у Византии идея.

Действительно, если очистить все, что связывает славянские народы, то окажется, что их прочно сближает только религия, она же (в случае с Польшей) их отдаляет друг от друга. Конечно, можно спорить, насколько удачно было бы включение в состав всеславянской федерации православных неславян (румын и греков), но в целом идея объединения народов православной цивилизации, или, по Данилевскому, «культурно-исторического типа» в одном государственном союзе – это сильная идея, но только в том случае, если сильна вера, создающая этот союз. Истории известно много примеров, когда вера объединяла в единое государство множество племен и народов, создавая халифаты и империи. Условием создания такого государственного союза является сила веры. Неслучайно арабский халифат был образован именно в то время, когда мусульманская идея находилась в пике своего идейного влияния. Православие же во второй половине XIX века находилось в глубоком идейном и организационном кризисе, и это делало проблематичным реализацию предлагаемой концепции.

Вл. Соловьев точно определяет, что Н. Данилевский «в главном своем литературном труде “Россия и Европа” представляет особую теорию панславизма, которая образует связующее звено между идеями старых славянофилов и новейшим безыдейным национализмом»[1]. Главное в этом утверждении – «новейший безыдейный национализм». Действительно, лишенный религиозного содержания, русский и иной славянский национализм становится безыдейным. Смысл и содержание единения славянских народов – в его православной основе. Неслучайно в состав всеславянской федерации Н. Данилевский включает православных неславян – греков и румын, а вот польские славяне, по его мнению, не подходят для федерации по причине своего католицизма. Исходя из этого становится понятным, почему единственной объединяющей идеей «всеславянского союза» является православие.

---

[1] В. С. Соловьев. Данилевский Николай Яковлевич // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: В 86-ти томах (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890 – 1907.

Исторические рассуждения Н. Данилевского довольно банальны во всех аспектах, за исключением тех, которые обосновывают роль и значение национально-культурных типов. Несмотря на их внутреннюю противоречивость, на что указывал еще Вл. Соловьев, они оригинальны и приводят к нетривиальным выводам. Вкратце основополагающая идея Данилевского в следующем: каждый народ (или группа народов) принадлежит к определенному культурно-историческому типу. «С общей культурно-исторической точки зрения Россия не может считаться составной частью Европы ни по происхождению, ни по усыновлению». Напротив, ей предстоят только две возможности: или вместе с прочими славянами образовать особую, самостоятельную культурную единицу, или лишиться всякого культурно-исторического значения – быть ничем. Противостоять враждебным попыткам Запада растворить славянство в европействе, защитить и объединить славян, сохранить и упрочить свою самобытность, традиции, культуру – такова историческая миссия России.

Отказавшись от гегелевской схемы поступательного развития мировой истории в пользу представления об истории как совокупности отдельных и автохтонных «культурно-исторических типов», которые живут своей собственной жизнью, не оказывая сильного влияния друг на друга, он ставил Россию и русских на равную ступень с европейцами[1], а его идея всеславянского союза была нацелена на создание такого государственного объединения, которое могло противостоять всей Западной Европе не только в военном и экономическом, но и культурном, а шире – в цивилизационном отношении.

Идея Н. Данилевского резко отличается и от образа мыслей прежних славянофилов, которые утверждали, что русский народ имеет всемирно-историческое призвание как истинный носитель всечеловеческого окончательного просвещения. Данилевский, напротив, считает Россию и славянство лишь особым культурно-историческим типом, однако наиболее широким и полным. Россия со славянством образуют новый тип, совершенно отличный и отдельный от Европы.

В сущности, Н. Данилевский – идейный продолжатель дела инока Филофея, а идея всеславянского союза – это реализация концепции «Москва – Третий Рим» в конкретно-исторических условиях XIX века, поэтому важную роль в ее реализации играет завоевание Константинополя.

В основе сложного и противоречивого обоснования русских притязаний на Константинополь, которые приводит Н. Данилевский, лежит его концепция, что только Россия может продолжать византийскую идею: «Константинополь составляет теперь в тесном юридическом смысле res nullius, предмет, никому не принадлежащий. В более же широком и высоком историческом смысле он

[1] Пайпс Р. Русский консерватизм и его критики: Исследование политической культуры / Пер. с англ. М., 2008. С. 189.

должен принадлежать тому, кто продолжает воплощать в себе ту идею, осуществлением которой служила некогда Восточная Римская империя» [1].

Данилевский пишет: «Итак, с какой бы стороны мы ни подступали к делу, всеславянская федерация с Россией во главе, со столицею в Царьграде – вот единственно разумное, осмысленное решение великой исторической задачи, получившей в последнее время название восточного вопроса»[2].

За идеями создания панславянской федерации недвусмысленно проглядывает расширение Российской империи на основе национально-культурной, православной в своей основе экспансии[3].

Таким образом, в соответствии с концепцией Н. Данилевского православие, лежащее в основании российского самодержавия, теперь должно лечь в основу федерации славянских народов. Эта идея православного единства славян была реальным объединяющим началом. Она легла в основу патриотизма русских в войне с турками за освобождение славян в 1877–1878 гг. Историческая практика подтвердила реальную силу идеи славянского единства. Не забудем и о том, что в Первую мировую войну Россия вступила, защищая Сербию. Однако идейной силы православия оказалось недостаточно для создания всеславянского союза. Плодотворная в целом идея Н. Данилевского не могла быть реализована из-за слабеющего под напором рационализма православия.

К.Н. Леонтьев

Леонтьев Константин Николаевич (1831–1891) – консервативный русский мыслитель[4].

Творя в идейном контексте эпохи, К. Леонтьев глубоко раскрыл несколько социально-политических тем: византийские основы русской социально-политической реальности; отношение к проблемам европейского рационалистического прогресса, к национальности и панславизму; и ясно высказанная им тема охранения существующего социально-политического строя.

К. Леонтьев верно определил важность византийского идейного наследия в истории России. Здесь он особо выделил два элемента: православие и самодержавие. «Я хочу сказать, что царизм наш, столь для нас плодотворный и спасительный, окреп под влиянием православия, под влиянием византийских идей, византийской культуры. Византийские идеи и чувства сплотили в

---

[1] Данилевский Н.Я. Россия и Европа. http://vehi.net/danilevsky/rossiya/14.html

[2] Данилевский Н.Я. Россия и Европа. http://vehi.net/danilevsky/rossiya/14.html

[3] Правда, в своей работе Н. Данилевский подчеркивает, что Константинополь не должен принадлежать России, а предназначался быть столицей всеславянской федерации.

[4] Р. Пайпс считает, что «Леонтьев был самым незаурядным философом в стране, и так осчастливленной (или проклятой, в зависимости от точки зрения) избытком оригинальных мыслителей, многие из которых были горячо преданны идеям, лишенным какой-либо практической значимости, а точнее, не имевшим никакого отношения к реальности. Он тоже может считаться одной из немногих фигур в российской интеллектуальной истории, за которой не прослеживается непосредственного иностранного влияния». Пайпс Р. Русский консерватизм и его критики: Исследование политической культуры / Пер. с англ. М., 2008. С. 185.

одно тело полудикую Русь». Действительно, византизм – это то идейное основание, на котором Россия развивалась в допетровское время. «Византизм как система византийских идей и институтов, сопрягаясь с нашими патриархальными, простыми началами, создала наше величие; изменяя этому византизму, мы погубим Россию; перед угрозой надвигающегося западного эгалитаризма следовало бы “подморозить прогресс”»[1].

На К. Леонтьева сильное влияние оказали идеи Н. Данилевского, однако он подверг их критике и переработке. Он поддержал его идею завоевания Константинополя, но не для создания всеславянского союза, как это предлагал Данилевский, а исходя из собственной идеи восстановления Византийской империи.

Леонтьев хотел, чтобы Россия захватила Константинополь и возродила Византийскую империю, которую он представлял как жесткий теократический режим, не допускавший никаких современных демократических институтов. Поглотив Константинополь и Дарданеллы, Россия «немедленно станет во главе совершенно антиевропейского движения, долженствующего ознаменовать новый период своеобразного творчества в истории человечества»[2].

Основная социально-политическая проблема, по Леонтьеву, заключалась в движении Европы по пути рационализма и вовлечении в сферу этого движения других стран, включая Россию. В письме к О.И. Фуделю К. Леонтьев пишет о колоссальном прогрессе Европы «на пути эгалитарного либерализма, демократизации, равноправности, на пути внутреннего смешения классов, властей, провинций, обычаев, законов и т. д. ...И если не произойдет в XIX веке где-нибудь и какой-нибудь, невообразимый даже, переворот в самих идеях, потребностях, нуждах и вкусах, то и будут так идти, пока не сольются все в одну – всеевропейскую – республиканскую федерацию»[3]. Этому страстно противится К. Леонтьев, однако положительного выхода для России он не видит.

В отличие от Данилевского, считавшего славянский национализм защитой от европейской идейной экспансии, Леонтьев отчетливо видит, что «политика племенная, обыкновенно называемая национальною, есть не что иное, как слепое орудие все той же всесветной революции, которой и мы, русские, к несчастью, стали служить с 1861 года»[4]. Он не верит в идею славянской федерации, ему чужд панславизм, который совершенно не сочетается с его теорией возвращения к основам византийского наследия. «Византизм есть прежде всего особого рода образованность или культура, имеющая свои отличитель-

---

[1] Леонтьев К. Византизм и славянство // Восток, Россия и Славянство : Сб. ст. К. Леонтьева. Т. 1-2. М., 1885–1886. // Константин Леонтьев. Произведения: http://knleontiev.narod.ru/articles.htm

[2] Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем. В 12-ти т. Т. 7. СПб., 2000. С. 216.

[3] Антология мировой политической мысли. В 5-ти т. Т. 4. Политическая мысль в России X – пер. пол. XIX в. М., 1997. С. 184.

[4] Антология мировой политической мысли. В 5-ти т. Т. 4. Политическая мысль в России X – пер. пол. XIX в. М., 1997. С. 186–187.

ные признаки, свои общие, ясные, резкие, понятийные начала и свои определенные в истории последствия. Славизм, взятый во всецелости своей, есть еще сфинкс, загадка. Отвлеченная идея византизма крайне ясна и понятна. Эта общая идея слагается из нескольких частных идей: религиозных, государственных, нравственных, философских и художественных. Ничего подобного мы не видим во всеславянстве»[1]. Он отвергал панславизм еще и потому, что считал, что южные славяне развращены либеральными и демократическими идеями. Их панславистской идеологии он противопоставлял византинизм, призывая к возрождению Византийской империи.

По мнению К. Леонтьева, панславизм «во что бы то ни стало – это подражание, и больше ничего. Это идеал современно-европейский, унитарно-либеральный, это – стремление быть как все. Это все та же общеевропейская революция»[2]. Русским следует стремиться к самобытности духовной, умственной и бытовой, тогда и остальные славяне пойдут со временем по их стопам.

Предложение К. Леонтьева о воссоздании Византийской империи оказалось слабой, неубедительной идеей, которую практически никто из политиков не поддержал. Идеи Н. Данилевского в этой части были более убедительными и нашли больше сторонников.

Не принимая европейских идей, ни религиозных, ни социальных и научных, ни европейского быта и образа жизни, Леонтьев не смог предложить иной программы, кроме «подмораживания России», то есть сохранения той реальности, которая уже была создана в государстве. Эта концепция – коренная социально-политическая идея Леонтьева, которую у него ценили и переняли К. Победоносцев и другие охранители. Казалось бы, что в ней привлекательного? «Подморозить хоть немного Россию, чтобы она не гнила...»[3] – эта идея поражает ясностью и откровенностью, граничащей с цинизмом. Для того чтобы так высказаться, нужно было большое мужество. Эта ясно высказанная, такая тяжелая и безнадежная идея, признававшая полное интеллектуальное бессилие в решении проблем тогдашней России, тяжело лежала на сердце каждого русского консерватора. В этой идее содержится и отказ от какого-либо развития на основе рационализма, и тревожное ожидание неизбежного конца привычного мира, и вера в чудо, что придет кто-то и скажет спасительное слово. Однако спасительное слово в среде консерваторов никто сказать не смог, а реализация К. Победоносцевым идеи «подмораживания России» привела к трем революциям, краху социально-политической реальности, построенной на православном мировоззрении. Все это предви-

---

[1] Леонтьев К. Византизм и славянство / Константин Леонтьев. Произведения: http://knleontiev.narod.ru/articles.htm

[2] Розанов В. О Константине Леонтьеве /http://knleontiev.narod.ru/aboutl/rozanov2.htm

[3] Леонтьев К.Н. Передовые статьи «Варшавского дневника» 1880 года // Леонтьев К.Н. Восток, Россия и Славянство. С. 246.

дел К. Леонтьев. Он понимал, что спасительное слово должно было прийти из недр православия, но там не нашлось людей и идей, способных на такое «слово».

Если надежды на консервативные изменения К. Леонтьев связывал с Церковью, то в деле сохранения существующей в России социально-политической реальности он уповал на власть: «Надо просить Царя,– писал Леонтьев,– чтобы он держал нас грознее». Пора перестать бояться страшных слов, раз дело идет о необходимости спасать Россию от грядущего зла. Надо не останавливаться и перед насилием, ибо без насилия нельзя.

Только жесткая самодержавная власть могла сохранить многообразие, являвшееся для Леонтьева сутью цивилизации, потому что современная жизнь имела тенденцию к однородности. Поэтому он прославлял Николая I и его правление. Он считал оправданными жертвы, принесенные народом на алтарь национальной культуры. Его не угнетала мысль, что миллионы русских людей должны прожить целые века под давлением трех атмосфер – чиновничьей, помещичьей и церковной, хотя бы для того, чтобы Пушкин мог написать Онегина и Годунова, чтобы построились Кремль и его соборы, чтобы Суворов и Кутузов могли одержать свои национальные победы[1].

Он высказывался за расширение функций полиции, выступал против всеобщего начального образования на основании того, что это будет способствовать прививанию простым русским порочных западных ценностей, и в связи с этим был доволен высоким уровнем неграмотности в России: «Да! В России еще много безграмотных людей; в России много еще того, что зовут варварством. И это наше счастье, а не горе»[2].

Идеи К. Леонтьева были реализованы только в части «подмораживания» России, однако это, как ожидал и сам автор, не уберегло ее от движения по пути европейских идей.

Л.А. Тихомиров

Заметной попыткой обновить монархические идеи, создав теорию «прогрессивной эволюции самодержавия», стало творчество Льва Александровича Тихомирова (1852–1923).

Начиная как революционер, Тихомиров сознательно отверг социализм и сделал свой выбор в пользу самодержавия, но это был выбор рационалиста. Тихомиров видел влияние религии на власть, но понимал его как рационалист, а не как человек, имеющий религиозное мировоззрение, и это искажало истинное взаимоотношение православия и самодержавия. По его мнению, «Действительно ценный элемент христианства составляют его нравственные понятия, высокая концепция личности. Новая эра именно и удержала их. Она

[1] Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем. В 12-ти т. Т. 7. СПб., 2000. С. 76–77.
[2] Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем. В 12-ти т. Т. 7. СПб., 2000. С. 23.

отбросила лишь отживший, мистический элемент христианства»[1]. Исходя из рационалистического понимания места религии в социально-политических отношениях, он пришел к выводу о возможности реформирования российского общества при сохранении самодержавия.

В противовес К.П. Победоносцеву Л. Тихомиров считал совершенно необходимым для укрепления самодержавия проведение определенных реформ, поскольку «консерватизм, который был бы прав как отрицание этого бесплодного революционного прогресса, – заслуживает не меньших упреков, когда ограничивается лишь одним отрицанием и не видит перед обществом положительной работы, движения вперед, то есть тоже прогресса, но только в эволюционном смысле. Жизнь действительная не знает революции как творческого начала. Но она также не знает ни неподвижности, ни движения назад»[2].

В начале XX века для него все очевиднее становилось, что Россия стремительно движется к революции, а старая политическая система не способна ее сдержать и неизбежно будет разрушена. В этих условиях, считал он, все усилия охранителей должны быть направлены на то, чтобы спасти саму идею самодержавия, внедрить в сознание народа мысль, что существующие социально-политические проблемы вовсе не вытекают из существа монархии и могут быть вполне устранены без перехода к конституционному строю. Самоуправление, народное представительство, личные свободы, законность и т.п. не только не противоречат интересам и целям самодержавия, но даже служат вернейшим залогом его прочности и наилучшим обеспечением против всякого рода революционных устремлений.

Монархическая альтернатива проектам либералов и социалистов обновить Россию была представлена в объемной книге Тихомирова «Монархическая государственность», изданной в 1905 году. В этом труде, признавая роль православия в обосновании самодержавия, Тихомиров, тем не менее, исходит из рационалистических установок при обосновании роли монархии в настоящем и будущем. В книге постепенно развертывается картина будущего «национального царства, венчающего православную жизнь народа и содержащего наибольшие залоги для развития личности и братского социального строя», царства, в котором «монарх пребывает в общении и единомыслии с народом» и совместно с ним «влагает в государственные управительные власти должное содержание и направление их деятельности»; царства, где все старое, отжившее будет неизбежно заменяться назревшим новым «путем добровольной уступки требованиям новых условий», где «энергично действуют личность и общественность», где утвердились «общее благо», «прочное

---

[1] Тихомиров Л.А. Демократия либеральная и социальная //Антология мировой политической мысли. В 5-ти т. Т. 4. Политическая мысль в России X – пер. пол. XIX в. М., 1997. С. 247.

[2] Цит. по: Гросул В.Я., Итенберг Г.С., Твардовская В.А., Шацилло К.Ф., Эймонтова Р.Г. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М., 2000. С. 388.

благосостояние сословий», «право и свобода всех и каждого», где реализованы, таким образом, «разумные требования» всех современных социально-политических направлений.

Тихомиров предложил примерную программу первоочередных реформ и способов их осуществления. Он призывал самодержавие обезоружить надвигающуюся революцию, осуществив мирным путем ее «разумные требования», при условии что реформы не должны подрывать «проверенных исторических основ» России, к которым он относил православие, самодержавие и народность. В качестве первоочередных реформ Тихомировым выдвигались возрождение церковного управления, социальная организация нации, перестройка правительственных учреждений и законодательное оформление прав и обязанностей подданных.

В церковном вопросе программа Тихомирова свелась, по существу, к требованию отделения Церкви от государства, восстановления патриаршества и «демократической реорганизации прихода».

Для обеспечения «возможно большего общения верховной власти с нацией» Тихомиров предусматривал также периодический созыв совещательных Земских соборов. Немного позднее, в августе – сентябре 1906 года, под влиянием бурных событий первой русской революции Тихомиров допускал даже мысль, что предметом обсуждения на таком соборе может быть вопрос о верховной власти: «Какую пожелает собор, такую и установить». При этом ему хотелось надеяться, что представленные на соборе «люди земли» восстановят самодержавие.

В условиях нарастающего влияния рационалистических, особенно материалистических идей программа Л. Тихомирова выглядит нереализуемой в конкретных российских исторических условиях начала XX века. Она предлагает осуществление либеральных реформ, закамуфлированных под консервативные преобразования, но это было невозможно. Практически все предложенные им меры рассматривались в XIX веке царской властью и были справедливо отвергнуты, как подрывающие природу самодержавия.

Другим, также не столь новым вкладом в консервативную мысль было предложение Л. Тихомирова регламентировать всю систему образования в России – от церковноприходских школ до университетов, поставить образование под жесткую опеку Церкви и государства, которые должны были контролировать и утверждать программы и состав преподавателей. Только так, считал Л. Тихомиров, путем долгого воспитания и «дрессировки», можно избавиться от безбожной и антигосударственной российской интеллигенции – главного врага (совместно с «инородцами») «истинно русского государственного строя» – самодержавия[1].

---

[1] Гросул В.Я., Итенберг Г.С., Твардовская В.А., Шацилло К.Ф., Эймонтова Р.Г. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М., 2000. С. 388.

Таким образом, принципиально новых консервативных социально-политических идей Л. Тихомиров не выдвинул.

К.П. Победоносцев

Победоносцев – главный идеолог царского правительства последнего периода его существования, не смог сформулировать убедительной позитивной политической программы развития режима, поэтому все его политические идеи носили сугубо охранительный характер.

К. Победоносцев отчетливо видел те губительные последствия для православного общества и государства, которые несет распространение рационализма, однако не смог предложить ни одной убедительной идеи, поэтому вынужден был остановиться на тотальном запретительстве. Он ясно осознавал религиозную природу царской власти и стремился сохранить ее, поэтому занялся тем, что реализовывал идею К. Леонтьева и «подмораживал» Россию, чтобы «не гнила».

По мнению Р. Пайпса, у К. Победоносцева не было никакой политической программы. Его главным политическим сочинением был «Московский сборник», впервые опубликованный в 1896 году. В этой книге Победоносцев выразил убеждение, сходное с мыслями Ф.М. Достоевского: современный мир находится на грани самоуничтожения, которое могло бы предотвратить лишь сотрудничество самодержавной монархии с православной церковью. Все западные идеи и институты – это обман. «Основное содержание книги можно свести к шести темам: 1) Церковь и государство должны действовать совместно, потому что моральная и физическая стороны человеческой природы нераздельны; 2) западные либеральные институты – демократия, парламенты, так называемая свободная пресса («одно из самых лживых учреждений нашего времени») – это мистификация, поскольку политика делается политиками, а не народом; 3) демократия покоится на ложной идее человеческой способности к совершенствованию, что ведет к противоположности демократии – тирании; 4) «вера в общие начала» – великое заблуждение, потому что «жизнь – не наука и не философия; она живет сама по себе живым организмом»; «закон жизни» превыше всего – человек должен признать свою незначительность и неспособность проникнуть в тайну жизни; 5) культ человеческой природы и потеря веры в бессмертие души вызовет разрушение человеческой личности; 6) человеку необходимо подчиниться власти: «Власть – хранилище правды»[1].

Победоносцев как никто другой хорошо понимал православную природу самодержавия. Он отчетливо видел, что угроза этой власти исходит из тех же источников, что и угроза православию, – из философских идей Просвещения.

---

[1] Пайпс Р. Русский консерватизм и его критики: Исследование политической культуры / Пер. с англ. М., 2008. С. 185.

Рационализм – вот главный враг православия и самодержавия[1]. Идеи можно победить только идеями, однако ни сам К. Победоносцев, ни возглавляемое им церковное ведомство таких идей создать не смогли, поэтому все его политические рекомендации сводились к сохранению существующей социально-политической реальности, основанной на православном мировоззрении. Остановить ее разрушение, происходящее под напором рационалистических идей, – вот задача правительства. В качестве средств – все формы ограничения распространения рационалистических идей, с одной стороны, и широкое распространение православных идей – с другой. Однако его рекомендации не привели к желаемому результату. Видя, как стремительно истощается вера в народе, он не знал рецептов к ее восстановлению, поэтому вся его политическая философия проникнута безнадежным ожиданием роковой развязки.

Другие идеологи консерватизма

Ф.М. Достоевский (1821–1881) не выдвинул новых идей консервативного переустройства общества – он был силен критикой рационализма в его либеральной и социалистической формах. Корень проблемы для него заключался в отделении Церкви от государства, в изгнании религии из повседневной жизни и в потере образованными людьми веры в Бога. Возвращение к Богу – вот коренная идея Ф. Достоевского. Она была не нова и являлась базовой для каждого настоящего консерватора, однако никем не была высказана столь ясно и пронзительно, как великим писателем.

Как и многие другие консерваторы, М.Н. Катков (1818–1887) в идейном плане эволюционировал от либералов к консерваторам. Первоначально поддержал реформы 1860 – 1870-х гг., однако после первых их результатов переместился на крайние консервативные, охранительные позиции.

Под впечатлением неприглядной практики реформ и неоправданных ожиданий Катков постепенно переходит на позиции государственнического консерватизма; идеи реформирования Российского государства отходят на задний план. Социализм, нигилизм, либерализм – все слилось у него в единый «клубок зла», и он повел с ним идейную борьбу, становясь при этом на позиции последовательной и искренней поддержки самодержавия.

Собственных глубоких и оригинальных идей Катков не создал, но отличился творческой адаптацией к существующим социально-политическим условиям предшествующих консервативных идей, прежде всего теории официальной народности и охранительных идей К. Леонтьева.

Формирование идеологии российского самодержавия во многом зависело от состояния образования, от направления и характера учебной реформы. Это очень хорошо понимал Катков и предложил меры, которые бы позволили завладеть умами юношества, вселить в них веру в истинно русские охрани-

---

[1] Победоносцев, Константин Петрович. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1890 – 1907.

тельные начала. Для этого в условиях пореформенной России следовало вспомнить и последовательно осуществлять принципы, выдвинутые в свое время графом Уваровым, – «Православие, Самодержавие и Народность». Реформы в области образования должны были подготовить такие кадры для самодержавия, которые не увлекались бы проблемами науки, были бы далеки от вольнодумства, а прочно верили в силу официальных догм, в справедливость государственного порядка, принципов самодержавной власти. Для того чтобы самодержавная идеология не оттеснялась либеральными и демократическими идеями, предлагалось внедрить программу образования, отвечающую целям охранительной идеологии, в центре внимания которой находились бы древние языки и математика. Преподавание естественных наук сводилось до минимума, что и должно было ограничивать развитие материалистического миросозерцания у учащейся молодежи[1]. Эти идеи Каткова были реализованы, однако не могли ни существенно затормозить распространение рационалистических взглядов, ни способствовать распространению охранительных, консервативных.

В отличие от К. Победоносцева М. Катков не понимал основополагающего значения православия как основы русской социально-политической реальности, а потому сужал роль Церкви до «нашего национального учреждения»[2]. Взгляд Каткова на Церковь был сугубо рационалистическим, поэтому он оказался близок и понятен рационалистически мыслящему, но мятущемуся правящему классу.

Б.Н. Чичерин (1828–1904) был, вероятно, самым известным российским либеральным теоретиком XIX века и лидером либерально-консервативной школы. По своим идеям он относился к «правым гегельянцем» и в этом качестве прославлял государство как прогрессивную силу, которая освободила человека. В то же время он хотел, чтобы правительство гарантировало своим подданным гражданские права. До середины 1860-х годов он считал самодержавный режим вполне совместимым с такими правами. Во время контрреформ, последовавших за убийством Александра II, Чичерин перестал считать, что самодержавие продвигает либеральные институты, и пришел к защите конституционной монархии. В своей последней опубликованной книге он писал, что самодержавие – первоначально сила, созданная во благо, – перестало быть таковым. Неограниченные полномочия царя, осуществлявшиеся с помощью бюрократии, приведут Россию к катастрофе, и единственный путь предупредить такое развитие событий – это ограничить царскую власть[3].

---

[1] Гросул В.Я., Итенберг Г.С., Твардовская В.А., Шацилло К.Ф., Эймонтова Р.Г. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М., 2000. С. 240.

[2] Катков М.Н. Идеология охранительства / Составление, предисловие и комментарии: Климаков Ю.В. / Отв. ред. О. Платонов. М., 2009. С. 413.

[3] Пайпс Р. Русский консерватизм и его критики: Исследование политической культуры / Пер. с англ. М., 2008. С. 203–207.

Последний великий государственный деятель императорской России Петр Аркадьевич Столыпин (1862–1911) был также ее последним выдающимся консерватором. В условиях революционного брожения в стране он понимал необходимость избавления от патримониального идеала путем установления некоего равновесия между обществом и правительством и был готов сочетать репрессии с уступками. Несомненно, Столыпин был преданным монархистом, но воспринимал монархию как развивающийся институт. В обращении к III Думе 16 ноября 1907 года он высказался следующим образом: «Русское государство росло, развивалось из своих собственных, русских корней, и вместе с ним, конечно, видоизменялась и развивалась и Верховная Царская Власть»[1].

Революционные выступления, как он считал, были вызваны глубинными причинами, поэтому подавление насилия должно сопровождаться далеко идущими реформами, которые устранили бы эти причины. Главная цель программы его реформ – укрепление социально-политического основания самодержавия. Способ достижения цели заключался в создании широкого социального слоя крепких собственников в деревне. Для этого нужно было разрушить общину и создать фермера-собственника, который должен оживить деревню и стать главной опорой реформированной России. Кроме этого он планировал принятие целого ряд законодательных актов, превращавших страну в правовое государство с твердыми гарантиями гражданских свобод. Предполагавшиеся реформы влекли за собой существенные изменения в местном управлении, законодательной системе, образовании, правах религиозных меньшинств, а также в страховании рабочих[2]. Это была либерально-консервативная программа, достижение ее цели в конкретно-исторических российских условиях того времени оказалось невозможно.

Выводы

Консерватизм – это идейное течение, стремящееся сохранить и развить уже осуществленные социально-политические идеи. Он опирается на уже сформировавшуюся социально-политическую реальность и стремится ее сохранить.

Русский консерватизм XIX – начала XX вв. – это идейное течение, стремящееся сохранить и развить основы российской социально-политической реальности, созданной в рамках православного мировоззрения. В основе сословной социальной концепции консерваторов лежало православие, а консервативная политическая теория основывалась на идее самодержавия. Создать идеи, способные приспособить сословное российское общество и самодержавие к меняющейся под напором рационализма реальности консерва-

---

[1] Столыпин П.А. Нам нужна великая Россия. М., 1991. С. 107.

[2] Пайпс Р. Русский консерватизм и его критики: Исследование политической культуры / Пер. с англ. М., 2008. С. 224.

торы не смогли. Выдвинуть привлекательные, конкурентоспособные социально-политические идеи, основанные на православии, им тоже оказалось не под силу. Разрушение социальных и политических основ российского общества в этих условиях было неизбежно, консерваторы особенно остро чувствовали приближение революции и пытались с ней бороться.

Попытка консерваторов обосновать особые права русских в империи привела к политике русификации и реализации лозунга «Россия – для русских», что вызвало ослабление многонациональной империи.

Внешнеполитические концепции консерваторы строили, исходя из базовых идей православия и самодержавия, а также некоторых геополитических идей. Выработать привлекательную, реализуемую внешнеполитическую концепцию консерваторы не смогли.

Пытаясь реализовать поставленные задачи, консерваторы часто прибегали к рационалистическим идеям, что создавало значительные затруднения в достижении цели. Попытки отстаивания православия и самодержавия с рационалистических позиций ослабляло защиту основ российской социально-политической реальности.

В то же время консерваторами в XIX веке был создан ряд работающих концепций, направленных на сохранение идейных основ общества и власти. К этим концепциям относятся теория официальной народности С. Уварова и «охранительная» теория К. Леонтьева. В области внешней политики следует отметить теорию создания славянской федерации Н. Данилевского, которая для достижения большой внешнеполитической цели была призвана сплотить народ на решение внутренних российских проблем, однако идеи всеславянской федерации не нашли отклика у других православных народов.

Теории С. Уварова и К. Леонтьева позволили на время затормозить распространение рационалистических идей и сохранить сложившийся на основе православия социально-политический строй, однако они не давали рецептов развития этого строя. Попытки Л. Тихомирова реформировать политический строй путем реализации теории «прогрессивной эволюции самодержавия» не увенчались успехом. Осуществление охранительной идеи К. Победоносцевым не смогло задержать развитие революции в России.

Консерваторы были сильны своим пониманием природы российского общества и власти, что позволило им не только обоснованно критиковать либеральных и социалистических оппонентов, но и сделать точный прогноз российского будущего, который заключался в неизбежности революции, в крахе православных ценностей и построенной на них российской социально-политической реальности.

Русская православная церковь в условиях синодального правления не выдвинула идей, способных противостоять рационалистическому мировоззрению и укрепить идейные позиции православия. Без идейной, интеллектуаль-

ной и духовной помощи Церкви консерваторы не могли спасти социально-политическую реальность, основанную на православном мировоззрении.

ГЛАВА III

ЛИБЕРАЛИЗМ

§1.Основные идеи российского либерализма

Базовые идеи западного либерализма

Центральная идея европейского либерализма, заимствованная русским образованным обществом, заключалась в том, чтобы дать конституционно-правовое закрепление индивидуальной свободы во всех областях, прежде всего в экономической и политической деятельности. Важнейшая особенность либеральной доктрины – ее правовой характер. Либерализм вообще может быть определен как требование правового порядка, при котором использование государством своих функций принуждения сведено к минимуму, определяемому правилами общественной справедливости[1].

Как отмечают современные исследователи либерализма начала XX века, «Системообразующим для либерализма является понятие прав личности. Именно в этом состоит фундаментальное единство либерализма и причина его постоянного возрождения во все новых условиях и обличиях. В соответствии с тем, дефицит каких прав (экономических, социальных, политических, религиозных, демографических и т.д.) особенно ощутим для данного общества, меняется и конкретная программа либералов, а отчасти и его социальная база»[2].

Еще во времена Великой французской революции наметилось противоречие принципов либерализма и демократии. Либеральные принципы гарантий собственности, права, политической свободы, конституционных норм вступали в противоречие с идеями уравнительного распределения или фактической демократии. Из внутренне противоречивой формулы революции – «свобода и равенство» – либерализм первоначально принял только первый компонент. Равенство понималось им исключительно как формальное условие свободы, то есть равенство всех перед законом.

Поворотным моментом стала работа А. де Токвиля «Демократия в Америке» (1835), в которой он показал возможность общества, где личная свобода и

---

[1] Модели общественного переустройства России. XX век / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2004. С. 44.
[2]Модели общественного переустройства России. XX век / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2004. С. 43.

частная собственность сосуществуют с демократией, и сумел обосновать совместимость либерализма и демократии в созданной им концепции

Большое значение для идеологии либерализма имели труды Д.С. Милля, в которых он сформулировал целостную либеральную философию свободы и прав личности как главную общественную ценность и критерий оценки политических систем. Его вклад в политическую теорию либерализма состоял в создании концепции демократии как представительного правления.

Представительное правление обеспечивает народу возможность контроля над правительством посредством периодически избираемого парламента. Милль выступает, однако, противником интерпретации демократии и представительного правления как простого численного большинства населения. Предоставление политических гарантий меньшинствам, прежде всего наиболее культурным и образованным слоям населения, становится в рамках либеральной политической философии Милля подлинным критерием демократизма и совершенства системы. Являясь теоретически сторонником принципов всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, Милль допускал возможность известных отступлений от этого идеала в социальных условиях, недостаточно подготовленных к их восприятию в полном объеме.

Развитие и реализация идей либерализма в разных европейских странах шли различными путями. Объективные условия способствовали реализации одних идей и препятствовали осуществлению других. Особенности общественного мировоззрения делали актуальными различные аспекты либерализма. В России наиболее популярна была английская модель парламентской монархии и ее теоретическое обоснование философами и юристами. Пример британского парламентаризма, по мнению российских либералов, позволял осуществить актуальный для русских условий синтез демократического и аристократического принципов.

«Либеральная модель общественного устройства предстает в истории достаточно четко. Основными идеологическими параметрами классического либерализма принято считать следующие: в экономике – это сторонник промышленного капитализма и экономической свободы, невмешательства государства в рыночные отношения и организацию хозяйства; в социальных отношениях – выразитель интересов среднего класса (буржуазии); в политике – парламентарной демократии, кабинетской системы и свободы политических партий, а также всестороннего развития права, в культурной жизни – свободы мысли и слова; в религии – антиклерикализма и в то же время терпимости к инакомыслию; с точки зрения нравственности – сторонник торжества утилитарных принципов и индивидуализма; в национальном вопросе – национализма (в смысле приоритетов национальной государственности). Однако наиболее типична для данного общественно-политического течения борьба за демократию и право, создание соответствующих инструментов их претворения в жизнь... Программа либерализма включает создание новой системы отношений общества и государства путем независимых общественных объединений, установления социального контроля над властью путем выборов, предоставления центральной роли парламенту, реализации принци-

па разделения властей и возможности их критики со стороны общественного мнения»[1].

Европейские либеральные идеи в течение длительного времени усваивались российским образованным классом и адаптировались к применению на русской почве, именно это было главным содержанием интеллектуальной работы русских либералов. Значительных новых идей, востребованных в Европе – колыбели либерализма, они не создали.

Различие религиозного и рационалистического понимания свободы

Свобода – это идеалистическая конструкция, созданная человеком. В природном мире свободы, как свободы воли, нет и быть не может, такая свобода присуща только разумному существу. Свобода, как идейная конструкция, не основывается на объективной реальности и не вытекает из нее – она ее создает. Сначала создается идея свободы, а потом она воплощается в социально-политической и иной реальности.

В российском обществе XIX – начала XX вв. соседствовали два мировоззрения – религиозное и рационалистическое, в рамках которых самостоятельно существовали две различные по своей сущности идеи свободы. Без понимания их различия невозможно понять смысл борьбы, проходившей в сфере идей и породившей борьбу, развернувшуюся в социально-политической сфере, которая и привела к двум русским революциям.

В религиозном православном мировоззрении настоящая, то есть негреховная, свобода человека ограничена Богом: «Если пребудете в слове Моем... познаете истину, и истина сделает вас свободными» (Ин. 8, 31–32). Апостол Павел говорит: «Стойте в свободе, которую даровал нам Христос» (Гал. 5, 1), чем показывает, что получившие этот дар освободились от рабства, находясь в котором они не были самовластны. Таким образом, настоящую свободу дарует Христос. В христианстве «свобода – дарованная Богом способность человеческой воли к непринужденному избранию добра»[2], то есть свобода в православии объективно ограничена заветами Бога, которые и есть добро.

В рационалистическом мировоззрении «свобода – возможность поступать так, как хочется»[3]. Эта свобода намного шире, чем в христианском мировоззрении, она необъятно широка[4]. Освобождая человека от ограничений Божь-

---

[1] Модели общественного переустройства России. XX век / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2004. С. 45.

[2] См.: http://azbyka.ru/dictionary/17/svoboda-all.shtml

[3] См.: Философский энциклопедический словарь. 2010.

[4] На эту особенность рационализма особенно указывал Ф. Достоевский. Его мысль о том, что если Бога нет, значит все позволено, – одна из ключевых в романе «Братья Карамазовы». Указывая на эту идею, обычно говорят о ее разрушительности, но забывают об огромном творческом потенциале, который, с точки зрения христианина, направлен на зло. В материалистической парадигме понятие зла имеет иное значение, нежели в религиозной, поэтому колоссальное накопление материальной силы и богатств не рассматривается исключительно как зло; напротив, зачастую в нем видится главное средство достижения рационалистического идеала всеобщего блага.

их заповедей, рационализм предоставляет ему ничем не ограниченную свободу творчества. Именно эта свобода привела к той вспышке творческой активности, которая создала современную западную цивилизацию с ее колоссальным материальным могуществом, особенно отчетливо видимым на фоне обостряющейся духовной нищеты.

Достижение рационалистически понятой свободы было невозможно без реализации идеалов либерализма в социально-политической сфере. Для осуществления этой цели нужно было реализовать два важнейших принципа: народный суверенитет и принцип народного представительства. Их закрепление предполагалось осуществить в конституции, принятой большинством населения на основе всеобщего избирательного права. Для претворения в жизнь этих принципов нужно было произвести смену мировоззренческих основ русского народа. Православную идею власти как Божьей санкции (всякая власть от Бога), лежавшую в основе самодержавия, следовало заменить идеей суверенитета народа как источника власти.

Для того чтобы смена мировоззренческих основ произошла, нужно сделать идею народовластия как минимум равновеликой идее Бога. Поскольку это невозможно ни практически, ни теоретически, то оставался один путь – умаление Бога; именно этим и объясняется антиклерикализм либеральной мысли. Без снижения влияния религии в умах людей невозможно осуществление рационалистических либеральных идеалов, коренным образом отличающихся от христианского понимания свободы. Вместе в тем рационализм враждебен религии только в своих крайних материалистических формах. Либерализм, особенно XIX века, чаще всего основывался на идеалистическом мировоззрении, поэтому не ставил перед собой задачи окончательной победы над религиозным мировоззрением. Либерализм не был антихристианским, он противостоял и боролся с христианскими идеями и мировоззрением только в той мере, в какой они мешали осуществлению либеральных идей. В социально-политической и экономической области религиозные (православные) идеи особенно сильно мешали либералам, поэтому здесь борьба была острой и бескомпромиссной. А вот в области нравственности рационализм не создал каких-либо сильных идей, и ему нечего было противопоставить христианской этике; вот эту область либерализм отдавал на откуп религии. Это была та идейная резервация, где христианство могло существовать относительно свободно в условиях общего мировоззренческого господства рационализма. Однако в тех областях, где на базе сильных идей либерализмом выработаны собственные ценности, он вел и ведет непримиримую борьбу с религией.

Основная проблема рационализма – это невозможность сформулировать ответ на главные вопросы человеческого бытия: в чем смысл и цель жизни. Религия дает ответ – в Боге. Рационализм лишает человека смысла и цели жизни, но дает ему колоссальное материальное могущество. Это не значит, что рациональный человек – животное, лишенное идеального мира и способ-

ное только потреблять материальные блага. Современный человек создает массу новых идей; его идеальный мир, его сознание производят множество блестящих теорий и концепций, из которых он творит окружающий его объективный мир, но при этом он лишен ответа на главные вопросы бытия, потому что в рамках рационализма ответить на них пока невозможно. Рационалистический человек страдает от отсутствия ответа на главные вопросы бытия и поэтому готов мириться с религиозными ответами, несмотря на то что они вступают в явное противоречие с рационалистическим мировоззрением. Оказывается, что все богатства мира и достижения материалистической цивилизации не могут компенсировать отсутствия цели жизни и явной бессмысленности рационалистического бытия. Вместе с тем сформулировать ответы на этот вопрос пока не представляется возможным, потому что любой ответ может быть поставлен под сомнение или заменен альтернативным. Идея, созданная одним человеком, не является абсолютно авторитетной для другого человека. Только идея Бога является таким авторитетом. Ее истинность определяется тем, что она исходит от Бога. Бог – есть истина, но только для верующего человека.

Реализация рационалистически понятой свободы привела к созданию современного человеческого мира, а платой за материальное могущество стало оттеснение Бога на задворки мировоззрения. Сегодняшние попытки совместить материальное процветание с религиозной этикой указывают на совершенное непонимание сущности современного мира, построенного на рационалистических либеральных ценностях. Стремление отвести Богу маленький уголок в душе современного человека, где бы Он отвечал за его нравственность, создать которую рационализм не в состоянии по своей природе, нереализуема, ибо еще два тысячелетия назад сказано: «Никто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть. Не можете служить Богу и мамоне» (Матф. 6:24).

Либерализм – это идейное течение, которое постепенно создавалось на основе своей главной ценности – рационалистически понятой свободы. Идея свободы оказалась исключительно сильной. Она настолько увлекла европейцев в Новое время, что стала главной движущей силой перемен практически во всех сферах человеческой жизни – политике, обществе, экономике, искусстве и др. На основе этой идеи построено современное западное общество.

Как любая другая человеческая идея, идея свободы открыта для ее развития и изменения как под влиянием других идей, так и благоприятных условий и ограничений ее реализации в объективном мире. Первоначально противоречащая идее демократии, впоследствии идея свободы была удачно совмещена с ней, что привело к появлению нового феномена – либеральной демократии. Объяснение этому идеалистический подход видит в том, что все, непротиворечиво уживающееся в идеальном мире, может быть реализовано и

в реальном. На этом явлении основано великое множество несовместимых, казалось бы, теорий, совершенно не объяснимых с позиций материализма[1]. Этот феномен базируется на том, что человек – единственный творец искусственной (не Божественной) реальности на Земле. Это не отрицает существования Бога, но Бог, сделавший человека подобным Себе, действует не непосредственно, а через идеи, данные людям в Завете.

Анализ различия рационалистического и религиозного понимания свободы в социально-политической сфере в исследуемый период приводит к выводу об их несовместимости в идеальном мире, а следовательно, и нереализуемости в объективном[2].

§2. Либерализм первой половины XIX века

Либерализм эпохи Александра I

Первая либеральная волна в XIX веке исходила от самого царя и его ближайшего окружения. Либеральные идеи были заимствованы целиком на Западе, и смысл тогдашней российской либерализации сводился к довольно примитивным попыткам реализовать европейские идеи в российских условиях усилиями ограниченного круга лиц, объединенных Александром I в так называемом «Негласном комитете». В его состав входили П. Строганов, В. Кочубей, Н. Новосильцев и А. Чарторыйский. Их идеи нашли наиболее полное выражение в принципиальном идеологическом документе – «Грамота российскому народу» (12 августа 1801 г.)[3]. Наряду с этим к коронации готовились еще два документа – Манифест по крестьянскому вопросу и проект преобразования Сената.

Результатом длительных дискуссий по конституционному вопросу стали два памятника – Конституция царства Польского 1815 года и «Государственная Уставная грамота Российской империи» 1820 года.

---

[1] Таким образом, создаются ранее несовместимые идейные движения: либеральный консерватизм, христианский социализм, националистический социализм и др. То, что можно непротиворечиво соединить в теории, то можно создать в реальности. Сначала создаются непротиворечивые теории, потом люди, разделяющие эти взгляды, меняют социально-политическую реальность в соответствии с новой теорией. Возможность соединить противоположное и антогонистическое вытекает не из природы вещей, как это утверждают материалисты, а обусловлено творческой способностью человека создавать новое, ранее не существовавшее. В том числе и то, что кажется невозможным.

[2] Несмотря на то, что сегодня либерализм не смог совместить христианские ценности со своими базовыми, не означает, что это невозможно в будущем. В том искусственном мире, который создал человек, все подвластно его воле.

[3] Анализ «Грамоты» М.М. Сафоновым позволил установить ее западные источники и характер их интерпретации. Ими явились, во-первых, Habeas Corpus Act – важнейший элемент английской неписаной конституции; во-вторых, Декларации прав человека и гражданина трех французских конституций, прежде всего конституции Директории 1795 года. Однако попытка их совмещения с социальными условиями России оказалась неудачной. «На российской крепостнической почве, – отмечает исследователь, – эти формулы выглядели тропическими растениями, посаженными в мерзлую землю». Сафонов М.М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. Л., 1988. С. 165.

Составленная Н.Н. Новосильцевым[1] под постоянным контролем императора конституционная хартия – «Государственная Уставная грамота Российской империи» – стала вершиной всех попыток правительственного конституционализма первой четверти XIX века. В проекте не ставились под сомнение существо и православная основа самодержавной власти: «Державная власть неразделима: она сосредоточивается в лице монарха... Особа государя священна и неприкосновенна»[2]. Либеральные идеи реализовывались путем определения юридического порядка действий власти. В проекте была заложена идея народного представительства: «Да будет российский народ отныне навсегда иметь народное представительство. Оно должно состоять в государственном сейме (государственной думе), составленном из государя и двух палат»[3]. Предпринята попытка реализовать такие либеральные идеи, как единство всех граждан перед законом, признание собственности священной и неприкосновенной и некоторые другие. Проводились и некоторые демократические принципы. «Либеральный» проект Новосильцева, как и многие другие замыслы Александра I, остался нереализованным.

По мнению современных исследователей, результатом реализации документов, разработанных членами «Негласного комитета», а позднее и М. Сперанским, было бы усиление «воздействия на правительство дворянства и особенно аристократической олигархии (через выборные учреждения) или, напротив, кровавая крестьянская революция, становящаяся возможной в условиях кризиса политической системы. На обе эти опасности прозорливо указывал Н.М. Карамзин в «Записке о древней и новой России». Его вывод состоял в необходимости сохранения сильной монархической власти в стране, где существует крепостное право»[4].

Либерализм, как главная социально-политическая идеология рационализма XVIII – первой половины XIX вв., оказывал сильнейшее влияние на весь российский образованный класс. В. Леонтович считает, что даже консерватор «Карамзин как представитель сентиментального гуманизма поддерживал как бы кристаллизацию некоторых укорененных в гуманизме предпосылок либерального мышления... Прежде всего, Карамзин делал очень многое для всеобщего духовного приближения России к европейскому Западу. Он старался всячески расширить те каналы, через которые могли проникнуть и действительно проникали в Россию либеральные идеи»[5]. Более того, Карамзин счи-

---

[1] Новосильцев Николай Николаевич (1761–1836) – государственный деятель. При Александре I являлся одним из ведущих членов «Негласного комитета» (1801 –1803), занимал ряд высших государственных должностей.

[2] Антология мировой политической мысли. В 5-ти т. Т. 3. Политическая мысль в России X – пер. пол. XIX в. М., 1997. С. 647.

[3] Антология мировой политической мысли. В 5-ти т. Т. 3. Политическая мысль в России X – пер. пол. XIX в. М., 1997. С. 651.

[4] А.Н. Медушевский. Вступительная статья /Конституционные проекты в России с XVIII – начала XX века / [Сост., автор вступ. ст. и коммент. А.Н. Медушевский] М., 2010. С. 27.

[5] Леонтович В.В. История либерализма в России (1762–1914). М., 1995. С. 98.

тал для абсолютной монархии возможным принять основные требования либерализма в качестве правительственной программы или даже в качестве основных принципов, на которых построено государство, при этом нисколько себе самой не повредив, и тем самым способствовал тому, чтобы направить русских монархов на путь либеральных реформ. По мнению Карамзина, не только возможно, но и необходимо, чтобы абсолютная монархия усваивала принципы либеральной идеологии[1], но без отказа от главного – от самодержавия.

Либерализм эпохи Александра I – это одна из первых попыток реализовать социально-политические европейские идеи в России. Она была предпринята европейски образованными людьми, не очень хорошо понимавшими сущность самодержавной власти, на которой основывалась вся российская социально-политическая реальность. У императора Александра I хватило ума и мудрости оставить эти скороспелые проекты без движения.

Весь последующий XIX век либеральная мысль, отталкиваясь от идей Александровской эпохи, пыталась найти относительно безболезненный способ привить европейские идеи на русскую почву. Однако найти его она не смогла, и реализация либеральных идей произошла революционным путем.

М.М. Сперанский

Михаил Михайлович Сперанский (1772 – 1839) – российский государственный деятель.

На взгляды М. Сперанского повлияли идеи английских юристов и либералов У. Блэкстона, А. Смита, Д. Юма, и особенно И. Бентама. Тем не менее нельзя считать реформатора последовательным сторонником этих либеральных концепций. Существеннейшей чертой мировоззрения М. Сперанского была глубокая, доходящая до мистицизма религиозность, поэтому его политические и правовые взгляды тесно связаны с его религиозными убеждениями. Бог для М. Сперанского – создатель и верховный законодатель природы и человека[2]. Однако, несмотря на религиозность, у Сперанского в его основном труде – «Введении к Уложению государственных законов» (1808–1809) нет ни слова о Боге. Православная вера оттеснена у Сперанского на периферию сознания, и в делах государственных он выступает как рационалист.

Как указывают исследователи творчества Сперанского, он сравнительно мало интересовался чистыми идеями, его интерес был направлен на практическое осуществление тех принципов, которые он считал правильными. Поэтому он сосредотачивал все свое внимание на тех требованиях либерализма, которые представлялись ему осуществимыми при данных обстоятельствах. Так, отец Георгий Флоровский писал о нем: «При всей смелости логического мышления у Сперанского не было самостоятельных идей. Его ясный разум не

---

[1] Леонтович В.В. История либерализма в России (1762–1914). М., 1995. С. 99.
[2] Азаркин Н.М. История юридической мысли России. М., 1999. С. 203.

был глубок, Сперанский не был мыслителем»[1]. В. Леонтович считает это суждение односторонним, хотя отчасти и правильным[2].

Основным оппонентом М. Сперанского выступал Н. Карамзин. Их мировоззренческие позиции были близки. Оба были верующими рационалистами и ярыми сторонниками самодержавия. Их разделяло отношение к возможности реформирования самодержавия в России. Н. Карамзин стоял на позициях, охраняющих незыблемость самодержавия, и считал, что проведение реформ ослабит политический строй. Поставив закон над царем, создав основы для правового государства, реформаторы, по мнению Карамзина, не усилят, а ослабят не только царскую власть, но и Российское государство в целом. М. Сперанский, напротив, считал, что реформы в западном духе позволят укрепить самодержавие и не дадут революции осуществиться в России.

Взгляды М. Сперанского претерпели заметные изменения в процессе его жизни, однако, по мнению В. Леонтовича, он продолжал оставаться либералом до конца своих дней. «Он мечтал о государстве, несомненно православном, но уже в значительной мере либерализированном, то есть о либеральном абсолютизме в том смысле, в каком говорила о нем Екатерина в своем Наказе»[3]. Тем не менее, по утверждению того же Леонтовича, во второй период своей жизни, занимаясь кодификацией законов, М. Сперанский действовал скорее в русле осуществления идей Н. Карамзина, нежели под влиянием своих либеральных принципов[4].

М.М. Сперанский в отечественной литературе считается либералом, но его либерализм отличается от западноевропейского. Сперанский, по мнению В. Леонтовича, не видит противоречия между идеалами православия и либерализма. Он «убежден в том, что развитие доброго в христианском смысле этого слова в обществе возможно только тогда и в той мере, в какой в государственной жизни соблюдаются принципы либерального правового порядка, то есть когда личность и собственность отдельных лиц рассматриваются государственной властью как нечто священное и неприкосновенное»[5].

В основе политической доктрины европейского либерализма лежит рационалистический взгляд на власть как произведение людей, а в основе религиозного – установление Бога. Сперанский считал, что в России нет свободы в ее рационалистическом понимании[6]. Такой свободы действительно не было и не могло быть в православном обществе. Исходя из своих рационалистических рассуждений, Сперанский пришел к выводу, что российский государственный строй – деспотия. В частности, он пишет: «Я нахожу в России два со-

---

[1] Г. Флоровский. Пути русского богословия. Париж, 1937. С. 139.
[2] Леонтович В.В. История либерализма в России (1762–1914). М., 1995. С. 94.
[3] Леонтович В.В. История либерализма в России (1762–1914). М., 1995. С. 93.
[4] Леонтович В.В. История либерализма в России (1762–1914). М., 1995. С. 94–95.
[5] Леонтович В.В. История либерализма в России (1762–1914). М., 1995. С. 92.
[6] Свободы как возможности поступать в соответствии со своими внутренними убеждениями

стояния – рабы государевы и рабы помещичьи. Первые называются свободными только в отношении ко вторым, действительно же свободных людей в России нет, кроме нищих и философов»[1]. Такой вывод органично вытекал из рационалистического подхода к пониманию свободы.

По мнению М. Сперанского, в «истинной монархии» нет места для рабства (крепостничества), но в связи с тем, что в России много земель и малочислен народ, – быстрое освобождение крестьян может побудить их «обратиться к некоторому роду кочевой жизни», что пагубно и для них, и для государственной экономики. Поэтому отмену крепостничества Сперанский предлагал провести в два этапа.

В государственно-организованном обществе Сперанский различал два вида свободы – политическую и гражданскую. Политическая свобода – это возможность участия в осуществлении законодательной и исполнительной власти, которая реализуется на основании закона. Политическую свободу Сперанский связывал с недвижимой собственностью, поэтому не все слои общества должны иметь активное и пассивное избирательное право.

Гражданскую свободу Сперанский определил как независимое существование всех сословных групп в обществе. Она обеспечивается гражданскими правами, гарантирующими «безопасность лиц и имущества», и предоставляется всем подданным. Первична политическая свобода, гражданская – вторична.

Смешение религиозного и рационалистического подхода привело к противоречиям во взглядах М. Сперанского на свободу и принципов ее реализации в конкретно-исторических условиях самодержавной России начала XIX века.

Главная идея М. Сперанского не нова и заключается в том, чтобы «правление, доселе самодержавное, поставить и учредить на законе». Не вполне понимая, что власть русского царя основывается на вере в него как в помазанника Божия, Сперанский пытается установить новое основание для самодержавной власти – закон, конституцию как человеческое (то есть небожественное) произведение. Однако царская власть обосновывалась более высоким – Божественным законом, поэтому законы человеческие только размывали основание самодержавной власти; любая конституция вела к ослаблению государственной власти в России, поскольку ее основание было неизмеримо менее прочное, нежели законы Бога. Конечно, это было верно только для того случая, когда подданные искренне верят в Бога. Рационализм образованных классов оттеснял веру на периферию их сознания[2], поэтому

---

[1] Цит. по: Азаркин Н.М. История юридической мысли России. М., 1999. С. 205.

[2] Попытки смены оснований российской государственной власти не были простым подражанием Европе. Падение православной веры в образованном классе – вот основная причина поисков новых оснований для власти. Рационализм образованного класса не позволял ему видеть в царе помазанника Божия, именно это привело к ряду убийств царей в ходе дворцовых переворотов. Во второй половине XIX века на царя была устроена настоящая охота, невозможная в религиозном обществе. Убийство помазанника Божия невозможно для верующего человека. Падение

они и не считали ее достаточным основанием для прочной власти. Однако многомиллионный русский народ мыслил в религиозной парадигме, и для него введение человеческих законов вместо законов Божественных было и непонятно и неправильно. Со времен своего основания царская власть держалась целиком на вере[1], поэтому замена религиозного основания на рационалистически обоснованные законы неизбежно вела к тому, что власть могла опираться не столько на убеждение подданных, сколько на насилие или угрозу его применения. Русские цари, несмотря на их европейское воспитание, понимали смысл этой подмены, и даже такой либерал, как Александр I, осознав основания своей власти, не пошел на их ослабление.

В проектах и записках, представленных М. Сперанским императору Александру I, утверждалось, что конституция упорядочивает осуществление государственной власти, но не ограничивает власти императора, и это действительно так. Не ограничивая власти императора, конституция уменьшала ее, причем в условиях господства религиозного мировоззрения в умах подданных – весьма значительно. Замена Божеских законов на человеческие с неизбежностью ослабляет царскую власть, даже когда эти законы устанавливает сам самодержец, поскольку он тоже является только человеком. Переход к так называемому «правовому государству»[2] укреплял государственную власть в России только в случае вытеснения религиозного сознания рационалистическим, тогда воля народа становилась более значимой, чем заветы Бога.

Различные государственные формы могут основываться на разных мировоззрениях, и тогда при их смене они, естественно, должны меняться. Идея правового государства, заимствованная в Европе, не могла быть пересажена на российскую почву без изменения мировоззренческих оснований русского народа. В противном случае вместо укрепления власти, государства и защиты свободы получалось ослабление власти, на которой держался весь общественный и государственный строй в России.

По заданию Александра I М. Сперанский подготовил ряд проектов усовершенствования государственного строя империи, по существу проектов российской конституции. Однако конституция, по мнению Сперанского, будет бесполезна, если у законодательной власти не будет сил заставить исполнительную власть подчиняться конституции. Тщетно писать конституции, не обеспечив их выполнение действительной государственной силой.

православной веры в образованном классе – вот основная причина поисков новых оснований для власти.

[1] Вся громада российской власти держалась на вере в царя. Стоило убрать фигуру помазанника Божия, как вся «вертикаль» тогдашней власти рушилась. Это особенно наглядно было видно в годы Смутного времени и в период Пугачевского бунта.

[2] Правовое государство – государство, важнейшими признаками которого являются господство закона во всех сферах общественной жизни; связанность законом государства и его органов; судебная защита прав граждан и взаимная ответственность государства и личности. См.: Политическая наука: Словарь-справочник. Сост. Санжаревский И.И. 2010.

Как считает В. Леонтович, требование укрепления гражданского строя лежало в основе всего плана государственной реформы Сперанского и определяло основную мысль этой реформы – «правление, доселе самодержавное, постановить и учредить на непременяемом законе». Иными словами, Сперанский считал необходимым издание основных законов, которые станут необратимой гарантией гражданской свободы. Идея Сперанского состоит в том, что государственную власть надо построить на постоянных началах, что правительство должно стоять на прочной конституционно-правовой основе и, таким образом, его власти должны быть поставлены точные конституционно-правовые пределы, а деятельность его должна протекать строго в рамках закона. Эта идея вытекает из склонности находить в основных законах государства прочный фундамент для гражданских прав и свобод[1].

План преобразований, предложенный М. Сперанским, предполагал изменение общественного устройства и перемену государственного порядка. Сперанский принимает идеи, господствовавшие тогда в Западной Европе, и видит разумное устройство государственной власти в ее делении на три ветви: законодательную, исполнительную и судебную при сохранении самодержавной формы. «Нельзя основать правление на законе, – пишет Сперанский во «Введении к Уложению государственных законов», – если одна державная власть будет и составлять закон, и исполнять его»[2]. Поэтому следует прежде всего технически отделить в ней друг от друга законодательную, исполнительную и судебную власти, сосредоточив их в разных, независимых один от другого органах. Сперанский советует организовать законодательную власть таким образом, чтобы она, используя представительный принцип, могла выражать волю народа; исполнительная власть должна быть вручена правительству и поставлена под контроль законодательной, а судебная – под контроль выборного суда присяжных. Державная власть остается за монархом, наделяется правом общего руководства и рядом прерогатив в реализации всех властных полномочий. Таким образом, монарх оставался единственным представителем всех ветвей власти, возглавляя их. Единство государственной власти, согласно проекту Сперанского, воплощалось бы лишь в личности монарха.

Вместе с тем М. Сперанский считал, что нужно создать учреждение, которое будет заботиться о плановом сотрудничестве между отдельными органами власти. По его замыслу, таким учреждением должен был стать Государственный совет. Одновременно этот орган должен был выступать блюстителем исполнения законодательства. Сперанский не только разработал, но и заложил определенную систему сдержек и противовесов в деятельности высших государственных органов при верховенстве власти императора.

---

[1] Леонтович В.В. История либерализма в России (1762–1914). М., 1995. С. 69.

[2] План государственного преобразования графа М.М. Сперанского (Введение к Уложению государственных законов 1809). М., 1905. С. 31.

Децентрализация законодательства, суда и администрации должна была дать центральной власти возможность сосредоточиться на важнейших государственных делах, а текущие региональные проблемы отдать в ведение местных властей.

В соответствии с этими началами должна была формироваться система государственных учреждений. Государственная дума – высший законодательный орган страны. Властно-распорядительные функции на местах осуществляются также выборными органами – волостной, окружной, губернской думами[1]. Непосредственное управление страной осуществляется министерствами. Министры ответственны перед Государственной думой за нарушение закона, отчитываются перед ней за свою деятельность. Судебная власть реализуется системой судов, состоящих из назначаемых чиновников и выборных присяжных заседателей. Верховным судебным органом является Сенат, назначаемый императором из числа кандидатов, рекомендованных губернскими думами. Все это вместе взятое должно было упорядочить процесс законотворчества и обеспечить надлежащий контроль за исполнением законов. Таким образом, по мысли М. Сперанского, властная структура, с одной стороны, приспособляется к нуждам и реалиям самодержавия, а с другой – проектируемое государственное устройство должно было канализировать развитие капиталистических отношений и предотвратить революционный вариант политических изменений в стране.

Как считают современные исследователи, «Сперанский пытался соединить несоединимое: он хотел законсервировать планируемую им социально-политическую организацию с помощью тех самых сил, которые неизбежно должны были бы сломать ее при дальнейшем развитии»[2]. Самодержавная власть – это прямое следствие православной политической доктрины, она держится на православии и с истончением веры должна погибнуть, однако введение в российскую власть рационалистических новин могло и должно было ослабить ее еще до угасания православия в большинстве русского народа. Проект Сперанского – это попытка приспособить европейские политические новшества к русской действительности. Можно с уверенностью сказать, что если бы они были внедрены в русскую политику в полном объеме, включая создание Думы и независимого суда, то это не усилило бы, а, наоборот, ослабило государственную власть. Не власть царя, а именно государственную власть. Это ослабление привело бы к стремлению заставить народ силой выполнять то, что прежде он выполнял из убеждения в необходимости подчи-

---

[1] Сперанский предлагает привлечь народонаселение (лично свободное, включая государственных крестьян, при наличии имущественного ценза) к прямому участию в законодательной, исполнительной и судебной власти на основе системы четырехступенчатых выборов (волостная – окружная – губернская – Государственная дума).

[2] Азаркин Н.М. История юридической мысли России. М., 1999. С. 208.

нения царской власти. Действительно, попытки насадить демократию в религиозном обществе возможны только при помощи насилия.

Западники

Европейские либеральные идеи вдохновляли не только сподвижников Александра I, но и европейски образованных представителей дворянства, прежде всего декабристов. Их конституционные проекты носят на себе отпечаток европейской либеральной мысли. Попытка насильственного осуществления этих идей дорого обошлась либеральному направлению – его идеи оказались под запретом и вновь активизировались лишь в 1840-е годы в форме западничества, представители которого выступали за ликвидацию крепостного права и признание необходимости развития России по западноевропейскому пути.

Видными западниками были Т.Н. Грановский, П.В. Анненков, К.Д. Кавелин, Б.Н. Чичерин и др. В 1840-х гг. в спорах славянофилов с их оппонентами на стороне западников были В.Г. Белинский, А.И. Герцен, Н.П. Огарев.

Западничество возникает на почве критического отношения к российскому прошлому и настоящему той мыслящей части общества, которая попыталась заново ответить на вопрос об отношении России к западноевропейским государственным институтам власти, праву, обществу, новейшим революционным и либеральным взглядам. Западники полагали, что Россия идет по пути Европы, поэтому, усвоив европейскую культуру, пойдет по этому пути быстрее и дальше, чем Запад. Они выступали с критикой крепостного права и составляли проекты его отмены, показывали преимущества наемного труда.

Отмена крепостного права представлялась западникам возможной и желательной только в виде реформы, проводимой правительством совместно с дворянами.

Западники критиковали самодержавный строй царской России, противопоставляя ему парламентарный, конституционный порядок западноевропейских монархий, прежде всего Англии и Франции.

Достижения своих целей они первоначально рассчитывали добиться мирным путем, воздействуя общественным мнением на царское правительство, распространяя свои взгляды в обществе через просвещение и науку. Впоследствии из западнического направления выделилось радикальное течение, которое считало возможным реализовать европейские идеи в России путем революции.

В среде западников обсуждались не столько проекты конституции будущей России (в дореформенный период такое обсуждение было опасно), сколько общие перспективы развития страны в связи с историей других европейских стран.

Организационно-идейными центрами либерализма стали собрания столичной интеллигенции. На собраниях петербургского кружка встречались столичная профессура (М.Н. Катков, В.Д. Спасович, М.М. Стасюлевич, Б. Ут-

кин), министерские чиновники (братья Н.А. и Д.А. Милютины, Н.И. Стояновский), писатели и журналисты (И.С. Тургенев, Н.А. Чернышевский и др.). Его признанным лидером постепенно становится К.Д. Кавелин.

В московский кружок входили А. Станкевич, Е.Ф. и В.Ф. Корш, С.М. Соловьев, К.П. Победоносцев (в ту пору еще не консерватор, как и Катков). Сначала этот кружок возглавлял Т.Н. Грановский, а после его смерти ведущую роль играл Б.Н. Чичерин.

Кружки контактировали друг с другом, выдвигали общие требования законности и гласности. Политическая программа кружкового либерализма представлена наиболее полно в совместной работе Кавелина и Чичерина «Письма к издателю», написанной после окончания Крымской войны и опубликованной в сборнике Герцена «Голоса из России». Заявив о том, что они «не разделяют образа мыслей» Герцена и не сочувствуют его «деятельности с отъезда за границу», Кавелин и Чичерин затем изложили свои планы: об освобождении крестьян без потрясения всего государства, о введении свободы совести, об отмене или по крайней мере об ослаблении цензуры.

Авторы были готовы поддерживать любое «сколько-нибудь» либеральное правительство, поскольку были твердо убеждены, что «только через правительство у нас можно действовать и достигнуть каких-нибудь результатов». Они осуждали Герцена за его революционную агитацию, подчеркивая, что для них революционная теория не только неприменима – «она противна всем нашим убеждениям и возмущает в нас нравственное чувство»[1].

В среде западников на основе европейских рационалистических идей был создан русский либерализм как продолжение западного, не слишком удачно привитого на русскую почву.

Таким образом, русский либерализм в начале XIX века – это попытка перенести на русскую почву европейские либеральные идеи. Русская политическая мысль в этот период еще только осваивала рационалистический стиль и метод мышления и не могла критически осмыслить не только полученные на Западе идеи, но и понять свою собственную социально-политическую реальность, поэтому реализация российских политических проектов в то время принесла бы больше вреда, чем пользы. Главная проблема заключалась в том, что рационалистическим идеям было не за что «зацепиться» в русском православном мировоззрении, оно было чуждо им. Конечно, под напором рационалистических технических, научных, экономических и иных идей менялась российская действительность, «подтачивалось» и православное мировоззрение, однако в первой половине XIX века оно было еще достаточно крепким.

Либеральные идеи исходили от тех слоев и классов, которые усвоили эти идеи. Первоначально это был высший правящий слой. Неслучайно в среде

---

[1] Азаркин Н.М. История юридической мысли России: М., 1999. С. 317–318.

первых либералов мы видим Екатерину II и Александра I, их ближайших сподвижников. Всех их объединяют европейское образование, взгляды, образ жизни и пр. Они первыми ощутили всю «прелесть» плодов рационализма и хотели осчастливить ими народ. По мере распространения образования и умножения контактов с Европой ширился и круг людей, разделяющих либеральные взгляды. В среде «западников» мы видим уже не столь знатные фамилии, появляются и разночинцы. Николаевская реакция на время затормозила процесс распространения либеральных идей, но полностью остановить его, а тем более повернуть вспять не могла. После смерти Николая I, поражения в Крымской войне либерализм возродился уже на новом уровне. Именно в обращении к опыту Европы большая часть элиты видела средство для решения российских проблем.

§3. Либерализм эпохи Александра II

Основные идеи и подходы к их реализации

Политическая слабость отечественного либерализма второй половины XIX века компенсировалась его высоким теоретическим уровнем, который был обеспечен длительными идейными исканиями европейской рационалистической мысли. Российские либералы стремились максимально заимствовать, дополнить, развить и практически привить на русской почве либеральные европейские идеи.

Целью их политической программы было постепенное, мирное превращение самодержавия в ограниченную монархию. Конкретные требования пореформенных либералов сводились к отмене крепостного права с сохранением земель и привилегий у помещиков, к введению местного самоуправления, суда присяжных, гражданских свобод. Принятие конституции они считали необходимым только после соответствующих преобразований общественного строя.

Либеральный идеал правового государства, где защищены и гарантированы «естественные» права и свободы российского гражданина, и в первую очередь право собственности и политические свободы индивида, отличался от теории народников и теории диктатуры пролетариата социал-демократов, а также от тех прав и свобод, которые обещал или затем даровал своим подданным император.

Главной задачей либералы видели создание разумного общественного порядка, способного мирным, ненасильственным путем изменить существующую социально-политическую реальность. Либеральные шаги правительства они горячо приветствовали и стремились доказать, что одни только репрессии вызывают сопротивление народа, ведут к росту оппозиционных настроений, изолируют правительство. В свою очередь, выступления масс с радикальными требованиями ожесточают власть и делают ее неустойчивой.

Либералы понимали, что для реализации их идей в полном объеме необходимо не только убедить власть, но и создать более широкие общественные условия, заключающиеся прежде всего в коренном изменении народного мировоззрения, что является крайне сложной задачей, поскольку каждая новая мировоззренческая парадигма отрицает старую, считая ее иллюзорной, построенной на ошибочных идеях и представлениях. Так относилась христианская мысль к предшествующей ей языческой, так же к религиозному мировоззрению относится рационалистическое. Столь же убого будут выглядеть нынешние научные истины в свете будущего постнаучного мировоззрения, построенного на нерациональных и ненаучных теориях и концепциях.

Конечно, адепты каждой великой идеи объявляют ее последней и окончательной истиной, на которой завершается история, и всегда ошибаются, поскольку истина есть не что-то лежащее вне человека, а произведение самого человека, поэтому она зависит от человека, создается человеком и может быть им и изменена, и заменена.

Каждое мировоззрение, построенное на новых больших идеях, создает свои истины, вытекающие из этого мировоззрения. Главная религиозная истина – Бог – таковой не является в рационалистической науке, поэтому объявлена заблуждением. Таким же заблуждением будут объявлены и главные научные истины в постнаучной мировоззренческой парадигме[1].

Публицист и общественный деятель Н.В. Шелгунов (1824 – 1891) писал: «Народная Русь живет своею жизнью, совершенно не согласною с жизнью России официальной. У народной Руси свое естествознание, и до сих пор покоящееся на кудесничестве, шаманстве и мистицизме; по народным понятиям, еще и до сих пор земля стоит на трех китах, гром производит Илья-пророк, а молния есть каленая стрела... Научная истина, добытая Западом, есть единственная истина. Поэтому европейское естествознание – как, напр., химия со своими разветвлениями, физика, механика, математика, астрономия, все промышленные изобретения, все исследования в области науки – можем мы взять только целиком от Запада... Народное мировоззрение должно здесь уступить внешнему натиску и внешнему влиянию, и Россия покроется школами с наукой западноевропейской, пересечется железными дорогами, устроенными по западному образцу, и обзаведется фабриками и мануфактурами с машинами западного изобретения. Другого выхода нет. Под этим влиянием Запада наше сближение с народом совершится не тем путем, что образованные люди наденут мужицкий кафтан, поддевку и сапоги, смазанные дегтем, построят свои дома по крестьянскому образцу и заведут крестьянскую утварь, а, напротив, крестьянин облачится в пальто и заживет с теми же западноевропейскими удобствами, с которыми живут наши образованные

[1] Это произойдет в том случае, если идеи, изложенные в данном труде, не будут осознаны. Осознание неизбежных последствий применения новых идей ведет к предотвращению этих последствий, поскольку осознанная неизбежность таковой перестает быть.

люди. Задача сближения в этом направлении не в том, чтобы господину сделаться мужиком, а, напротив, чтобы каждый мужик сделался господином. Достигнуть этого помогут нам лишь социально-экономические теории, выработанные Западом, и западноевропейские положительные знания»[1].

Либеральная социально-политическая парадигма в качестве истины выдвигала стремление ко всеобщему благу, праву, созданному человеком, а не Богом, и многие другие идеи, неприемлемые в парадигме религиозной. Для реализации либеральных идей не было иного пути, кроме смены мировоззренческих парадигм в народном сознании, и главной препоной на этом пути оставался Бог. Внедрение любых рационалистических идей, от либеральных до социалистических, разбивалось о Его присутствие в народном сознании. Поэтому последователи всех рационалистических идейных течений стремились избавить народ от Него. Одни, как коммунисты, хотели сделать это радикально – упразднить Бога, объявить его результатом искаженного человеческого восприятия мира; по-иному избавлялись от влияния Бога либералы. Они оттесняли Его на мировоззренческую периферию, отводя скромный уголок в человеческом сознании, ответственный за личную нравственность, чтобы Он не мешал «великой созидательной работе» по достижению всеобщего блага, которое стало целью, взамен спасения души.

Для российской либеральной мысли особое значение имело восприятие теории гражданского общества и правового государства. Заимствованная из германской философии права, эта концепция стала основой либеральных политических реформ второй половины XIX века. Согласно данной доктрине общество и государство имеют равный статус, а отношения между ними регулируются с помощью права. Высшее выражение эта логика получает в конституционном ограничении власти, при котором бюрократия служит уже не монарху, а обществу, народу. Это возможно лишь при замене взгляда на царскую власть с религиозного на рационалистический. Процесс мировоззренческой трансформации происходил прежде всего в сознании европейски образованного высшего класса. Это объясняет факт появления и развития в ходе крупных реформ так называемой либеральной бюрократии, осознающей свой долг служения обществу. Именно либеральная бюрократия подобного типа становится основной движущей силой реформ в России[2].

С пореформенным либерализмом связано дальнейшее становление конституционализма – требования господства права в социально-политических отношениях, юридического оформления полномочий и деятельности государственного аппарата, представительного правления, соблюдения законности, предоставления населению гражданских и политических свобод. Посте-

---

[1] Антология мировой политической мысли. В 5-ти т. Т. 4. Политическая мысль в России X – пер. пол. XIX в. М., 1997. С. 107–108.

[2] Конституционные проекты в России с XVIII – начала XX века / [Сост., автор вступ. ст. и коммент. А.Н. Медушевский]. М., 2010. С. 32–33.

пенно складывался идеал русского правового государства, где институт монархии сохранялся, но ориентировался не на реализацию православных идеалов, а на служение народу.

Конституционный вопрос, занимавший видное место уже в ходе крестьянской реформы, неоднократно ставился и обсуждался в правительственных кругах и в первое десятилетие после реформы. Единства во взглядах на цели и пути преобразований не было, что, по мнению одного из исследователей вопроса, объясняется неоднородностью и внутренней противоречивостью данного течения: «Одни из сторонников законосовещательного представительства ориентировались на западноевропейские образцы, предполагая подойти к ним в результате постепенного развития представительных начал, другие – отстаивали принцип исторической самобытности России и образцы государственного устройства искали в Земских соборах XVI–XVII вв. Одни выступали за преимущественные права дворянства в законосовещательных учреждениях, другие считали это опасным и настаивали на равных правах представительства сословий. Одни находили целесообразным проведение сравнительно крупной меры, которая на относительно долгое время удовлетворила бы наиболее широкие круги благонамеренной оппозиции, другие предпочитали меру самую малозначительную. Всех их объединяло одно – стремление сохранить и упрочить положение монархии и господство дворянства. Общим в их проектах было сохранение верховной власти в руках царя. Парадокс правительственного «конституционализма» состоял в том, что консервативные цели должны были достигаться с помощью либеральных мер»[1].

Несмотря на приверженность европейским либеральным идеям, люди, стоящие у кормила власти, хорошо понимали гибельность отказа от принципа самодержавия для существующего социально-политического порядка.

Организационно-идейная эволюция либерализма

Различия либералов во взглядах при резких изменениях обстановки приводили к расколам и возникновению новых идейных течений. Так, крестьянская реформа и ее результаты привели к тому, что из среды западников-либералов выделились народники. И до реформы среди либералов бывали радикалы в лице Белинского, Бакунина, Герцена, однако в 1860-е годы народничество становится свершившимся фактом, самостоятельно оформляется идейно и организационно как движение шестидесятников, признанными вождями которого стали Чернышевский, Добролюбов, Писарев.

В свою очередь, русский пореформенный либерализм также не был единым. До 1881 года существовало два его крыла – этатистский (кружковый) либерализм и правительственный (сановный). Первый сформировался под влиянием идей Кавелина, Чичерина, Градовского и др. и преобладал в среде

[1] Чернуха В.Г. Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 60-х гг. XIX в. Л., 1978. С. 15–16.

отечественной профессуры и в салонах либеральных дворян и богатых купцов. В этом течении было представлено особенно много ученых-юристов. Второй – результат идейной работы либерального крыла русских сановников, занимавших высокие посты в правительстве (братья Милютины, Валуев, Лорис-Меликов и др.). Именно они выступают инициаторами либеральных реформ, потому что имеют силу и власть провести реформы через все препоны общественного давления со стороны различных заинтересованных сил.

К концу века все более влиятельным носителем либеральных ценностей в стране становится внесословная интеллигенция, во многом благодаря которой в начале XX века либерализм обретает интеллектуальный облик, политическую широту и организационную оформленность. Но это была уже качественно иная фаза, ставшая новым этапом развития российского либерализма[1].

Свои надежды либералы XIX века связывали с действующей властью. В отличие от партий, ставивших своей целью революционные перемены и подчинивших этому свою структуру, либерализм сознательно отстаивал принцип минимума организации, а потому его программа носит не столько социальный, сколько чисто правовой характер, причем главное в ней – борьба за права человека.

К.Д. Кавелин

К.Д. Кавелин – один из основателей либерально-консервативного идейного направления. Его социально-политические и юридические взгляды органично вытекали из более общих философских взглядов, рассмотренных нами ранее.

Особенности российского государственного и политического устройства Кавелин связывает со своеобразием русской истории. Исторически он обосновывает и возможность либерального пути развития России. К. Кавелин утверждает, что, несмотря на различия в историческом развитии, Россия и Европа движутся в одном направлении. В «Кратком взгляде на русскую историю» он следующим образом обосновывает свою идею: «Наше движение историческое – совершенно обратное с европейским. Последнее началось с блистательного развития индивидуального начала, которое более и более вставлялось, вдвигалось в условия государственного быта; у нас история началась с совершенного отсутствия личного начала, которое мало-помалу пробудилось и под влиянием европейской цивилизации начало развиваться. Конечно, должно наступить рано или поздно время, – подчеркивает он, – когда оба развития пересекутся в одной точке и тем выровняются»[2]. При этом Кавелин утверждает, что влияние Запада могло лишь ускорить собственное развитие России по пути общечеловеческой цивилизации, обозначившееся задолго до Петровских реформ.

---

[1] Азаркин Н.М. История юридической мысли России. М., 1999. С. 312–314.

[2] Кавелин К.Д. Краткий взгляд на русскую историю // Кавелин К.Д. Наш умственный строй. С. 168.

К. Кавелин весьма невысоко оценивал развитие личностного начала в русском человеке. «У нас лицо расплывается в стихийных элементах; стало быть, все наши умственные силы и вся наша творческая деятельность должны быть направлены на то, как бы его укрепить и развить. Только когда у нас разовьется индивидуальное начало, когда народится и на Руси нравственная личность, может измениться и наша печальная ежедневная действительность»[1]. При этом «мы должны делать то же и так же, как европейцы: путем науки, исследования, знания мы должны выдвинуть на первый план не то, чем мы сильны, а то, чем мы слабы» [2].

К. Кавелин считал, что в России уже создана личность, а значит, есть и возможности для ее развития. Лучшими условиями для этого, по его мнению, являются либеральные условия.

Главная идея К. Кавелина, обоснованная исторически, состоит в том, что российское общество тоже может и должно развиваться на либеральных основах, и это возможно в условиях существования монархии путем реформ. Кавелин, вместе с консерваторами, был против ограничения самодержавия, считал введение конституционных порядков не только несвоевременным, но и опасным. Для него важнее были судебные реформы, реформа цензуры и свобода печати, хорошо проведенная земская реформа. «Ими бы следовало заниматься вместо игры в конституцию».

Такой взгляд не означал полного одобрения существующего политического режима. Оценивая настоящее России, Кавелин характеризует его как «самодержавную анархию». В этом определении выразилось его недовольство существующим порядком вещей, в особенности засильем централизованной бюрократии, которая нигде не находит ни малейшего сопротивления, и именно в этом заключается «анархичность» бюрократического управления.

Он доказывал, что реальная власть находится не у царя, а у придворной клики. «Насущный наш вопрос совсем не политический, а административный... Все, что нам нужно и чего хватит на долгое время, – это сколько-нибудь сносное управление, уважение к закону и данным правам со стороны правительства, хоть тень общественной свободы. Огромный успех совершится в России с той минуты, когда самодержавная власть ускромнит придворную клику, заставит ее войти в должные границы, принудит волей-неволей подчиниться закону»[3]. Необходимо создание такого учреждения, которое доводило бы до императора подлинные факты. Получая сведения из различных источников, он лучше бы представлял себе существо дела. Для исправления положения ученый предлагал учредить Административный сенат, который

---

[1] Кавелин К.Д. Собр. соч. В 4-х т. Т. 3. Наука, философия и литература. СПб., 1899. С. 885–886.

[2] Кавелин К.Д. Собр. соч. В 4-х т. Т. 3. Наука, философия и литература. СПб., 1899. С. 885–886.

[3] Кавелин К.Д. Чем нам быть? Ответ редактору газеты «Русский мир». Письмо второе // Антология мировой политической мысли. В 5-ти т. Т. 4. Политическая мысль в России X – пер. пол. XIX в. М., 1997. С. 46.

положит конец бюрократическому произволу, обеспечит единство в государственном управлении и будет систематически доводить до сведения царя нужды и потребности страны. Обеспокоенный тем, чтобы Административный сенат не расценили как замаскированный зародыш парламента, К. Кавелин подчеркивал, что планируемое им учреждение не ослабит царскую власть.

На смену «самодержавной анархии» должна была прийти «самодержавная республика», где воплотится единство интересов государя, высших либеральных слоев общества, ведущих его вперед по пути прогресса, и основной массы населения, представленной крестьянством.

Кавелин считал, что введение выборного представительства в России, «ничего не улучшая, не отвечая практической потребности, только осложнит и без того сложный правительственный состав и, вдобавок, искусственно возбудит трудный вопрос об отношениях этой ненужной приставки к существующей правительственной организации» [1]. По мнению Кавелина, Российское государство еще не доросло до представительства, которое «появляется при правильном ходе государственной жизни, когда правительственный механизм вполне сложился и окончательно выработался»[2]. России, считал К. Кавелин, нужна легитимная монархия, где законный порядок совмещается с абсолютизмом.

Если конституционализм не слишком волновал Кавелина, то, напротив, планы реформ сильно увлекали его. Будучи либералом, он выступал за отмену крепостного права. Его существенным вкладом в разрешение этой злободневной проблемы явилась знаменитая «Записка об освобождении крестьян в России» (1855).

«Записка...» встретила широкую поддержку в обществе и явилась одним из первых и довольно смелых проектов по крестьянскому вопросу, вышедших из среды либералов.

По мнению К. Кавелина, сохранение крепостного права мешает проведению других преобразований – реформ судопроизводства, судоустройства, полиции, администрации и цензуры.

Признавая необходимость отмены крепостного права в России, Кавелин предостерегал от революционных, насильственных изменений в политико-правовом строе. В той же самой «Записке...» он советует вести либеральные преобразования эволюционным путем, медленно и мирно. Залогом этих преобразований должны быть царь и вера в него народа.

Издание закона о земской реформе К. Кавелин воспринял с энтузиазмом. В земстве, писал он, «громадная целительная сила всех наших недугов». Выступая в принципе за бессословное земство, Кавелин считал, что ввиду

---

[1] Кавелин К.Д. Чем нам быть? Ответ редактору газеты «Русский мир». Письмо второе //Антология мировой политической мысли. В 5-ти т. Т. 4. Политическая мысль в России X – пер. пол. XIX в. М., 1997. С. 53.

[2] Кавелин К.Д. Собр. соч. В 4-х т. Т. 2. Публицистика. СПб., 1898. С. 919.

розни сословий пока это пожелание неосуществимо. Но он не оставлял надежды на то, что совместная работа сблизит сословия и это станет будущей основой нового порядка, с возможными представительными элементами в его устройстве.

В пореформенное время Кавелин утверждал, что «политическая революция у нас, к счастью, невозможна, потому что в основе русского государства нет взаимно враждующих элементов» [1], которые были устранены благодаря освобождению крестьян. Реальную угрозу он видит не в революции, а в смутах, вызываемых бессмысленным управлением, беспомощностью невежественных, полудиких масс, задавленных поборами и бесправием, а также раздраженностью имущих и образованных слоев, которая сближает их в недовольстве с массами.

Главную идейную опасность К. Кавелин видел в нигилизме, который «пришел к нам с Запада и потому принадлежит исключительно той среде, которая находится в отчуждении от народа и принимает в себя все отражения западных идей, то есть лицам высших сословий и частью разночинцам»[2]. Рассадниками нигилизма он считал прежде всего духовные семинарии и некоторые светские учебные заведения. Однако в отличие от охранителей Кавелин предлагал не запрещение и ограничение распространения идей в качестве борьбы с нигилистами, а улучшение постановки дела образования, поскольку «между нашими нигилистами не было до сих пор ни одного человека с серьезным научным образованием»[3].

К. Кавелин не создал сколь-нибудь значимых новых идей, однако сумел логически непротиворечиво свести воедино ряд слабо сочетающихся либеральных и консервативных теорий и создать на их основе довольно целостную либерально-консервативную концепцию, объяснявшую российскую социально-политическую реальность и предлагавшую пути либерального развития общества и государства в условиях существования самодержавия.

Б.Н. Чичерин

Борис Николаевич Чичерин (1828–1904) – виднейший теоретик так называемой государственной школы в русской историографии, один из основателей российского либерального консерватизма.

Разрабатывая свою либеральную политическую платформу, он исходил из понимания свободы личности как основного принципа общественного развития. Суть либерализма, по толкованию Б.Н. Чичерина, состоит в представле-

---

[1] Кавелин К.Д. Чем нам быть? Ответ редактору газеты «Русский мир». Письмо второе //Антология мировой политической мысли. В 5-ти т. Т. 4. Политическая мысль в России X – пер. пол. XIX в. М., 1997. С. 45.

[2] Кавелин К.Д. О нигилизме и мерах, против него необходимых //Антология мировой политической мысли. В 5-ти т. Т. 4. Политическая мысль в России X – пер. пол. XIX в. М., 1997. С. 34.

[3] Кавелин К.Д. О нигилизме и мерах, против него необходимых //Антология мировой политической мысли. В 5-ти т. Т. 4. Политическая мысль в России X – пер. пол. XIX в. М., 1997. С. 38.

нии о человеке как о существе свободном[1], которое в таком качестве вступает в общество.

Чичерин считал либерализм магистральным путем политического развития для Российского государства: «Не только распространение либеральных идей, которым никакие китайские стены не способны положить преграды, но и самая практическая необходимость ведет к водворению представительного правления. Государство, в котором задерживается общественная самодеятельность, не в состоянии тягаться со свободными странами, где все общественные силы развиваются на полном просторе и призываются к содействию общей цели. Поэтому, когда среди народов, живущих общей жизнью, одни вступают на либеральный путь, они неизбежно увлекают за собою и других»[2].

В развитии идей европейского либерализма Чичерин большое значение придает институту частной собственности, рассматривая ее не только как основание свободы и независимости человека, но и как основу для предпринимательской активности. Чем больше прослойка людей, обладающих капиталом и составляющих костяк гражданского общества, чем активнее их участие в общественных и государственных делах, тем выше гарантия политической свободы, замечает он[3].

Политико-правовой идеал Б. Чичерина расходился с порядками самодержавной России, о которых он не раз отзывался критически. Вместе с тем переход к либерально-представительному государству Чичерин считал необходимым и неизбежным для России и связывал его с конституционной монархией. Это органично вытекало из его понимания роли российской власти. Идея о том, что реформы в России в силу ряда обстоятельств, в отличие от Европы, осуществляются «сверху», а не «снизу», красной нитью проходит через многие работы ученого: «Россия вовсе не была приготовлена к либеральным идеям и учреждениям, оппозиции в ней нет, и правительству нетрудно справиться с отдельными лицами, которые осмеливаются возвысить свой голос; не встречая препятствий в народе, правительство привыкло делать, что ему угодно»[4]. В этих условиях только конституционно ограниченная монархия может «сверху» осуществить либеральные преобразования общества[5].

---

[1] «Как носитель абсолютного человек сам себе начало, сам абсолютный источник своих действий. Этим он возвышается над остальным творением, и только в силу этого свойства он должен быть признан свободным лицом, имеющим права, только поэтому с ним непозволительно обращаться как с простым орудием». Чичерин Б.Н. Собственность и государство. Ч. 1. М., 1882. С. V–VI.

[2] Чичерин Б.Н. Конституционный вопрос в России. СПб., 1906. С. 7.

[3] Новикова Л.И., Сиземская И.Н. Три модели развития России. М., 2000. Электронное издание.

[4] Анонимная бесцензурная статья Чичерина // Записки С.П. Трубецкого. СПб., 1907. С. 131.

[5] Хотя Б. Чичерин и был убежден в том, что конституционная монархия – наилучшая форма правления и что каждый цивилизованный народ неизбежно стремится к представительной системе, тем не менее на основании своих исследований он пришел к заключению, что в России нет еще нужных условий для перехода к конституционному режиму и с точки зрения консервативного либерализма Россия в шестидесятые годы XIX века нуждалась прежде всего в либеральных мероприятиях и в сильной государственной власти. Переход к конституционному строю Чичерин считал не только несвоевременным, но даже просто невозможным до оконча-

Обращаясь к методам осуществления либеральных реформ, Чичерин выступал против любых форм насилия на пути их реализации[1].

Главной заслугой Чичерина является приспособление теории классического либерализма к особенностям исторического развития России. Он сформулировал основной политический принцип, который называл «охранительным либерализмом»[2], сочетавшим в себе «либеральные меры и сильную власть», и считал его исключительно плодотворным для России. Сущность его он усматривал в примирении начала свободы с началом власти и закона.

Будучи реалистом, он полагал, что, если либеральное направление желает получить действительное влияние на общественные дела, оно должно приспосабливаться к жизни и учитывать уроки истории; оно обязано действовать с пониманием природы власти, а не относиться к ней как к противнику, оправдывая себя избранием беспристрастной и независимой позиции. Именно такой либерализм Чичерин называет либерализмом охранительным. Сформулированный им политический принцип встретил поддержку в правительственных кругах.

Политико-правовые взгляды Чичерина базируются на гегельянской трактовке государства как основного двигателя и творца истории; несмотря на это, его рационалистический подход к анализу природы Российского государства совершенно исключает православие из сферы рассмотрения. Выдающийся русский правовед игнорирует религиозное основание самодержавной власти, закрепленное в Своде основных законов Российской империи.

Государство для Чичерина – показатель высшего развития человеческого прогресса и воплощение нравственности, единства народа, территории и верховной власти: «Государство есть союз народа, как единое целое, управляемое верховною властью»[3]. Еще большая роль государства – в отечественной истории. До Чичерина не было в России трудов, в которых государство возвеличивалось бы до такой степени. Русское государство выступает не только надклассовой, но и надсословной организацией, оно обеспечивает безопасность и осуществление нравственного порядка, определяет и защищает права и свободы.

Через призму прав и свобод личности Чичерин анализирует различные образы правления и создает собственную теорию государства. Каждый на-

---

ния освобождения крестьян. См.: Леонтович В.В. История либерализма в России (1762–1914). М., 1995. С. 319.

[1] «Подавление общественной самодеятельности никогда не обходится даром: если в обществе есть живые силы, то насильственное их стеснение кончается взрывом; если же правительству удастся окончательно их сокрушить, то и общество, и государство погружаются в состояние полного отупения, из которого может вывести их только внешняя катастрофа». См.: Чичерин Б.Н. Вопросы политики. СПб., 1901. С. 81.

[2] Охранительный либерализм в сегодняшней политической науке соотносится с либеральным консерватизмом.

[3] Антология мировой политической мысли. В 5-ти т. Т. 4. Политическая мысль в России X – пер. пол. XIX в. М., 1997. С. 154.

род, по его мнению, в своей истории не ограничен раз и навсегда установленной какой-либо одной формой политической власти. С изменением жизненных условий видоизменяются и формы государства. С рационалистических позиций Б. Чичерин исследует абсолютизм, аристократию, демократию, конституционную монархию, условия их возникновения, развития и падения. Высшей стадией развития государства, согласно Чичерину, является конституционная монархия, в которой различные начала общежития приводятся к идеальному единству: монарх представляет начало власти, народ и его представители – начало свободы, аристократическое собрание – постоянство закона, и все эти элементы, входя в общую организацию, должны действовать согласно для достижения общей цели. Соглашение элементов в конституционной монархии достигается, по теории Чичерина, в результате разграничения компетенции верховной власти между монархом, аристократией и демократией.

Б. Чичерин – сторонник идеи народного представительства, которая органично вытекает из теории народовластия. Эта концепция противоречит основам православного самодержавия, однако вполне совместима с теорией монархии как власти одного человека, полученной им в результате общественного договора. При таком подходе и возможно, и целесообразно народное представительство в монархическом государстве. Руководствуясь этим положением, Чичерин считал, что правы те «писатели, которые признают за народом не одно только мнимое право установлять у себя тот или другой образ правления, а всю полноту верховной власти, считая самоуправление народа естественною, неотъемлемою его принадлежностью. Это учение имеет богатую литературу, оно основывается на весьма сильных доказательствах, на нем зиждутся действительные государства»[1]. Эту рационалистическую идейную конструкцию Б. Чичерин пытается привить на русскую почву. Рассуждая о представительстве, он совершенно не замечает православную идейную основу русского самодержавия и рассматривает его сквозь призму западноевропейского рационализма. Несмотря на логичность его доводов и рассуждений, они не могут быть применены для анализа и изменения русской политической реальности без ее полного отрицания и демонтажа, а именно этого он, опасаясь революции, и желает избежать.

После отмены крепостного права Чичерин высказывает мысль, что нужно постепенно подключать русский народ к государственной деятельности. «Народное представительство должно служить выражением целого общества, а не какой-либо части, ибо здесь дело идет об общей для всех свободе, об общественной власти, о решении судьбы всех. Если низшие классы, по недостатку способности и развития, исключаются из политических прав, то высшие должны представлять собою все разнообразие существенных интересов и

[1] Чичерин Б.Н. О народном представительстве // Антология мировой политической мысли. В 5-ти т. Т. 4. Политическая мысль в России X – пер. пол. XIX в. М., 1997. С. 133.

элементов народной жизни» [1]. Было время, когда правительство делало и направляло все. Этим достигались целостность и могущество империи, общественный порядок и благосостояние. Но так дальше идти не может, и для дальнейшего развития нужны новые силы, нужна энергия целого народа.

Для обоснования необходимости народного представительства Б. Чичерин приводит достаточно убедительных доводов, среди них и то, что «парламент дает государству способнейших деятелей»[2], а «представительные учреждения служат лучшей политической школой и для народа... твердые гарантии права, возбуждение общественной самодеятельности, новые мысли, новые силы – все это может дать свобода, входящая в государственную жизнь, как один из существенных ее элементов»[3].

Идеи Чичерина не выходят за рамки проблем, обозначенных европейской политической мыслью, поэтому он обращается и к проблеме создания партий, без которых не мыслит новой российской политической реальности. «Каков бы ни был, впрочем, состав представительства, при самых благоприятных условиях оно движется и действует не иначе как борьбою партий. Здесь опять открывается один из коренных недостатков представительного устройства. В борьбе и господстве партий, которое имеет, впрочем, и свои выгоды, лежит величайшая опасность политической свободы. Партии составляют естественную и непременную ее принадлежность»[4].

Борьба партий приводит к критике правительства, которое «старается устранить всякие поводы к справедливым нареканиям. Оно может успешно вести борьбу, только призывая в среду свою самых даровитых людей. Злоупотребления уменьшаются, господство рутины, неспособности, посредственности становится менее вероятным. Но, с другой стороны, правители принуждены истощать значительную часть своих сил и своей энергии на борьбу с противниками. Они обращают свою деятельность на односторонние цели, на поддержание своей партии, на сохранение власти». Вместе с тем «постоянные нападки на правительство, и в собраниях и в печати, обыкновенно со значительной примесью несправедливости и лжи, ослабляют власть и могут даже вести к ее незаслуженному падению»[5]. Таким образом, Б. Чичерин видит как плюсы, так и минусы партийной системы, но достоинств у нее, по его мнению, больше.

---

[1] Чичерин Б.Н. О народном представительстве // Антология мировой политической мысли. В 5-ти т. Т. 4. Политическая мысль в России X – пер. пол. XIX в. М., 1997. С. 132.

[2] Чичерин Б.Н. О народном представительстве // Антология мировой политической мысли. В 5-ти т. Т. 4. Политическая мысль в России X – пер. пол. XIX в. М., 1997. С. 136.

[3] Чичерин Б.Н. О народном представительстве // Антология мировой политической мысли. В 5-ти т. Т. 4. Политическая мысль в России X – пер. пол. XIX в. М., 1997. С. 136.

[4] Чичерин Б.Н. О народном представительстве // Антология мировой политической мысли. В 5-ти т. Т. 4. Политическая мысль в России X – пер. пол. XIX в. М., 1997. С. 137.

[5] Чичерин Б.Н. О народном представительстве // Антология мировой политической мысли. В 5-ти т. Т. 4. Политическая мысль в России X – пер. пол. XIX в. М., 1997. С. 138.

Ссылаясь на опыт европейских держав, Чичерин подчеркивает, что условием сохранения и развития всякого государства является не только привлечение к участию в политической жизни широких общественных сил, но и учет общественного мнения. «Общественное мнение, на котором зиждется представительный порядок, образуется не из местных воззрений и интересов. Партии, которые играют здесь главную роль, имеют также значение общее, а не местное. Они ведут борьбу на основании общей программы, одинаково повсюду. Поэтому для политической жизни весьма важно существование центра, где мысли перерабатываются и объединяются, где сосредоточиваются главные силы партий и происходит политическая борьба»[1].

Чичерин, однако, высказывает ряд опасений. Общественное мнение может быть «разумным», и тогда оно составляет первое условие свободы и плодотворного развития. Но оно бывает и «безрассудным», вызывающим только реакцию и бросающим тень подозрения на свободу. В России Чичерин видит именно второе. Это, по его мнению, происходит потому, что люди не имеют привычки к политической жизни. «Для водворения политической свободы необходимо, чтобы способность к ней глубоко проникла в общество, чтобы она была распространена в различных общественных слоях, призываемых к совокупному участию в общем деле. В них должна быть развита не только политическая мысль, но и привычка к согласной деятельности, ибо иначе не установится единство направления, невозможно правильное решение общих вопросов»[2]. Поэтому он призывает ждать тех времен, когда в результате «упорной работы мысли» и воздержания от «кипучих стремлений» в России разовьется «разумное» общественное мнение, а гражданами станет все население.

В России XIX века к участию в политической жизни, как считал Б. Чичерин, способно не все население. «Невозможно дать участие в управлении человеку, не понимающему государственных интересов. Это значило бы принести высшие начала, общее благо в жертву личной свободе, тогда как вся общественная жизнь держится подчинением личного начала общественному. Поэтому неспособные должны быть устранены от участия в политических правах» [3]. Русские крестьяне – большая часть всех подданных империи – не способны к управлению государством, так как их мысли и деятельность не выходят за пределы сельской сферы. Среднее, городское сословие имеет «городовое и государственное» назначение. А вот назначение дворянства – управлять государством, быть «руководителем остальных сословий». Таким образом, по мысли Чичерина, и в пореформенный период сохраняется ве-

---

[1] Чичерин Б.Н. О народном представительстве // Антология мировой политической мысли. В 5-ти т. Т. 4. Политическая мысль в России X – пер. пол. XIX в. М., 1997. С. 150.

[2] Чичерин Б.Н. О народном представительстве // Антология мировой политической мысли. В 5-ти т. Т. 4. Политическая мысль в России X – пер. пол. XIX в. М., 1997. С. 132.

[3] Чичерин Б.Н. О народном представительстве // Антология мировой политической мысли. В 5-ти т. Т. 4. Политическая мысль в России X – пер. пол. XIX в. М., 1997. С. 132.

дущая роль дворянства в российской политике при возрастающем участии в государственной жизни купечества и разночинной интеллигенции, которые в дальнейшем будут составлять «цвет труда и образования». Большинство же населения, крестьянская масса, по-прежнему остается вне политики. «Политическая свобода не составляет неотъемлемого права народа; в ней нельзя видеть непременного условия всякого государственного порядка. Народное представительство установится там, где оно требуется общим благом, где оно отвечает настоящим нуждам государства, где оно способно действовать в согласии с другими элементами, где оно содействует достижению известных целей»[1]

Равноправие сословий Чичерин видит не в установлении одинаковых прав, а в распределении деятельности, в «преобладающем влиянии» в соответствующих сферах: крестьянства – в сельском управлении, среднего сословия – в городском, дворянства – в областном. При этом дворянству принадлежит право участия в сельском и городском управлении. На первых порах очевидно, что единственное сословие, которое может иметь голос и вес, – все то же дворянство. Однако Чичерин высказывает опасение, что при таком исключительном преобладании дворянства в законодательстве государственные интересы будут принесены в жертву сословным интересам. В результате Чичерин, как и Кавелин, все более склоняется к легитимному и просвещенному самодержавию, ограниченному своими собственными законами, возрождая в новых исторических условиях проекты Сперанского, согласно которому гражданские свободы обеспечиваются всем в первую очередь, а политические – остаются в руках русского дворянства.

Оценивая сложившуюся ситуацию в России накануне XX столетия, Чичерин пришел к заключению: вопреки реформаторским начинаниям 60-х гг. она изменилась незначительно и являет собой зрелище всеохватывающего деспотизма. Наибольшее зло отныне исходит из бюрократии, особенность которой в том, что она требует дисциплины и исполнительности и менее всего личной инициативы. «В ней господствует механический строй, а не общественный дух... И так как для совокупного действия все должно идти однообразным, заведенным порядком и самые мелкие подробности восходят до самой вершины, которая всеми руководит и все контролирует, то отсюда рождается бесконечное бумажное делопроизводство, в котором исчезает всякая самостоятельная мысль и всякое живое дело»[2]. Выход из создавшейся ситуации виделся Чичерину в одном – в создании выборных учреждений. Этому учит также опыт других стран. «Только присутствие независимых общест-

---

[1] Чичерин Б.Н. О народном представительстве // Антология мировой политической мысли. В 5-ти т. Т. 4. Политическая мысль в России X – пер. пол. XIX в. М., 1997. С. 134.

[2] Антология мировой политической мысли. В 5-ти т. Т. 4. Политическая мысль в России X – пер. пол. XIX в. М., 1997. С. 153.

венных сил, облеченных правом голоса, в состоянии внести семена жизни в этот мертвящий механизм»[1].

Оставаясь искренним сторонником европейских либеральных и демократических новаций, Б. Чичерин, тем не менее, видит, что ни одна из них не может быть безболезненно введена в российскую политическую систему, и объясняет это неготовностью народа к политическому управлению, отсутствием привычки. Он считает, что нужно время для выработки навыков политического поведения, и это должно проходить в условиях твердой государственной власти, под ее надзором и опекой. «Таким образом, вникая в смысл исторических фактов, невозможно утверждать, что централизация губит политическую свободу. Напротив, во многих отношениях она способствует ее развитию...»[2].

Ослепленный блеском, красотой и логичностью европейской рационалистической мысли, Б. Чичерин не желает видеть того, что российская власть зиждется на совершенно иных, иррационалистических основах – на русском православии, поэтому ее невозможно, не сломав, втиснуть в европейские политические формы. Самодержавие, основанное на православии, и либеральная демократия несовместимы, и история России начала XX века это наглядно показала. Это не означает, что в России невозможно существование конституционной монархии; нет, оно возможно, но это уже не будет монархией, основанной на православной вере. Российская конституционная монархия возможна лишь как народное установление, а то, что народом установлено, может быть им и отменено. Поэтому конституционная монархия в России очень «хлипкая», ненадежная власть по сравнению с самодержавием. Власть народа – для русского человека гораздо более слабая идея, нежели идея власти помазанника Божия.

Внутренняя противоречивость российских либеральных концепций была хорошо видна консерваторам и подвергалась ими обоснованной критике, однако сами либералы, и Б. Чичерин в их числе, полагали возможным насаждение в России европейских политических форм, считая, что страна и общество движутся по той же исторической траектории, что и Европа, несколько отставая от нее по времени. Для того чтобы ее догнать, нужно взять готовые европейские формы и адаптировать их к российским социально-политическим условиям.

Сформулированные Б. Чичериным основные идеи либерального консерватизма как способа либерализации России во многом предопределили стратегию и тактику действия либерального фланга. Теорией и идеями либерального консерватизма были обусловлены те достижения и ошибки, которые сде-

---

[1] Антология мировой политической мысли. В 5-ти т. Т. 4. Политическая мысль в России X – пер. пол. XIX в. М., 1997. С. 154.

[2] Чичерин Б.Н. О народном представительстве // Антология мировой политической мысли. В 5-ти т. Т. 4. Политическая мысль в России X – пер. пол. XIX в. М., 1997. С. 150.

лали российские либералы в начале XX века. Их предположения, что либеральные идеи могут быть осуществлены самодержавной властью, оказались утопией. Царь прекрасно понимал, что подорвет основание государственной власти, реализовав либерально-демократические идеи, поэтому пошел на это только в самых крайних обстоятельствах – под давлением революции, в которой приняли участие и либералы.

Сановный либерализм

Сановный либерализм – это попытка обратиться к новым идеям, построить на них новую политику взамен консервативной, результатом которой стал ряд правительственных кризисов, возникших из-за поражения в Крымской войне и антиправительственных выступлений накануне и после освобождения крестьян. Для формирования новой социально-политической реальности некоторые европейски образованные чиновники решили использовать либеральные идеи. В среде высшей бюрократии в 60-е – начале 80-х годов XIX века неоднократно разрабатывались и выдвигались идеи реформирования центрального государственного управления путем введения в него представительных начал и создания «кабинета» во главе с первенствующим министром.

С инициативами ограничения императорской власти путем созыва выборных представителей и создания солидарного правительства с Кабинетом министров выступали лица, максимально приближенные к царю, в число первейших служебных обязанностей которых входила защита верховной власти от всяких на нее посягательств (министр внутренних дел П.А. Валуев, шеф жандармов и начальник Третьего отделения П.А. Шувалов, министр внутренних дел М.Т. Лорис-Меликов). Монопольное право самодержавия на всякую политическую деятельность превращало их «по долгу службы» в единственных легитимных глашатаев назревших, по их мнению, государственных потребностей перед лицом монарха[1].

Один из самых выдающихся конституционных проектов, исходящих из сановной среды пореформенного времени, составил Петр Александрович Валуев (1814–1890). Будучи убежденным монархистом, он считал, что самодержавие должно европеизировать и «обновить формы своего проявления» в условиях меняющейся социально-политической реальности.

Отправной точкой размышлений графа Валуева становится утвердившееся в русском образованном обществе мнение о том, что наличие сословного представительства есть неотъемлемый признак цивилизованного европейского государства. Поэтому политическая модернизация России неизбежно должна идти тем же путем. «Она заключается в том, – подчеркивает он, – что во всех европейских государствах разным сословиям предоставлена некото-

[1] Азаркин Н.М. История юридической мысли России. М., 1999. С. 313–314.

рая доля участия в делах законодательства или общего государственного управления и что если так везде, то так должно сбыться и у нас»[1].

Квазиконституционные идеи П. Валуева ярко отразились во «Всеподданнейшей записке» и составленном им проекте учреждения нового Государственного совета от 13 апреля 1863 года, цель которого – заключить царскую власть в рамки законности, а также расширить ее социальную базу путем привлечения к участию в политической жизни представителей земств и окраин. Предусматривалось создание при Государственном совете своего рода нижней палаты – Съезда государственных гласных, которые избирались земскими собраниями.

Центральный тезис «Всеподданнейшей записки» – введение представительного начала при сохранении самодержавия – определяет тот объем реформы, который рассматривался в качестве допустимого в кругах либеральной бюрократии. За основу с самого начала предполагалось взять германскую модель монархического конституционализма, исходившего из незыблемости монархического принципа как гаранта стабильности политической системы. В этом смысле записка отражает преемственность политического курса самодержавного государства на последовательное введение рациональных норм законодательного регулирования без изменений существа политического строя. Главная идея этой политики – сочетание западных конституционных форм и российского монархического содержания. Важнейший элемент нововведений сводился к допущению представительства с мест исключительно с целью реализации совещательных функций, следствием чего должно было быть снижение социального напряжения за счет частичных уступок либеральной оппозиции[2].

Александр II отнесся к проекту холодно. Валуев ошибся, когда считал, что он готов к реформе и утрате части своих прав. К тому же, пока Валуев разрабатывал свои предложения, политическая ситуация изменилась: революционный натиск был отбит, крестьянское движение шло на убыль, восстание в Литве и Белоруссии было подавлено, близилось подавление Польского восстания, революционные кружки 1860-х годов были разгромлены.

Отталкиваясь от проектов начала XIX века, проект Валуева оказал влияние на последующее конституционно-монархическое законодательство начала XX века, в частности на проекты булыгинской Думы[3].

Новая попытка сановных либералов несколько ограничить абсолютную власть была предпринята в 1865–1866 годах, после того как усилилась оппозиционная деятельность не только в дворянских, но и во вновь созданных

---

[1] Конституционные проекты в России с XVIII – начала XX века / [Сост., автор вступ. ст. и коммент. А.Н. Медушевский] М., 2010. С. 403.

[2] Конституционные проекты в России с XVIII – начала XX века / [Сост., автор вступ. ст. и коммент. А.Н. Медушевский] М., 2010. С. 37.

[3] Конституционные проекты в России с XVIII – начала XX века / [Сост., автор вступ. ст. и коммент. А.Н. Медушевский] М., 2010. С. 42.

земских учреждениях. Рупором сановной оппозиции на этот раз оказался генерал-адмирал, великий князь Константин Николаевич Романов, представивший Александру II Записку по созданию общероссийского представительства при Государственном совете[1].

По плану великого князя, общероссийское представительство создается в виде двух депутатских собраний при Государственном совете – дворянского и земского. Депутатские собрания становились как бы низшими палатами Государственного совета, заседающими периодически. Предварительно они обсуждали вопросы и вносили свои заключения в общее собрание Государственного совета. Депутатские собрания во многом зависели от правительства: оно решало вопрос о «полезности» созыва собраний, о созыве всего состава или части депутатов, определяло круг рассматриваемых ими вопросов, назначало председателей собраний.

Несмотря на то, что Константин Николаевич в записке не раз убеждал императора в безопасности для самодержавия предлагаемой меры и в ее необходимости, однако после покушения Каракозова на царя тот сделал выбор в пользу предупредительных и карательных мер.

Новая волна идей реформирования государственного строя России среди сановных либералов поднялась на рубеже 70–80-х годов в результате жестокого кризиса «верхов», вызванного плачевными итогами Русско-турецкой войны 1877–1878 годов. Русское общество было подавлено катастрофическими для страны-победительницы результатами Берлинского конгресса, обнаружившими международную изоляцию царизма, усилилась революционная активность. Этот период примечателен множеством предложений политических реформ. Согласие Александра II на их обсуждение было обусловлено обстановкой и давлением таких правительственных деятелей, как Валуев, Константин Николаевич, Милютин и др. Наиболее известным оказался проект М.Т. Лорис-Меликова (1825–1888). Речь идет о подготовленных по инициативе царя документах, допускающих ограниченное общественное представительство с целью расширения обратных связей монархии с обществом. Цель реформы состояла в том, чтобы сделать режим более эффективным, создать систему более рационального обсуждения принятых решений, контроля над их исполнением и добиться расширения социальной опоры власти.

На этой основе предполагалось продолжение курса реформ, начатых в 60-е годы. В программе Лорис-Меликова введение элементов общественного представительства имело исключительно вспомогательную, техническую, роль[2].

Идея о том, что для выхода из кризиса недостаточно только репрессивных мер, а необходимы также существенные преобразования полицейской, адми-

---

[1] Азаркин Н.М. История юридической мысли России. М., 1999. С. 329.

[2] Конституционные проекты в России с XVIII – начала XX века / [Сост., автор вступ. ст. и коммент. А.Н. Медушевский] М., 2010. С. 43–44.

нистративной и судебной системы, присутствует уже в первом всеподданнейшем докладе Лорис-Меликова царю от 11 апреля 1880 года. Здесь в общих чертах формулируется концепция таких преобразований – привлечение сословных представителей от дворянства, земства и городов для возрождения курса реформ начала царствования. Программа преобразований М.Т. Лорис-Меликова выражена наиболее полно в его докладе царю от 28 января 1881 года. Констатируя существование политического кризиса в стране, министр внутренних дел видит его выражение в росте нестабильности власти, «временно поколебленном доверии населения к силе и прочности правительственной власти в России». Признаком кризиса стало отчуждение ряда социальных групп от власти. Среди них он указывает прежде всего земскую интеллигенцию и студенчество, отдельные представители которого стали носителями ложных социальных учений и анархической пропаганды. Выход из этой ситуации невозможен только на путях усиления репрессивных функций государства, но предполагает также разработку комплекса мероприятий по удовлетворению «законных потребностей и нужд населения». Для завершения великих реформ правительству необходима поддержка «благомыслящей части общества»[1].

В последнем докладе царю Александру III (от 12 апреля 1881) масштаб реформы был существенно сужен и определялся следующей формулой: «Привлечение общественных представителей к предварительной разработке и выполнению реформ». Здесь на основании многочисленных обсуждений, в том числе после гибели Александра II, устанавливалась четкая иерархия уровней допуска общественных представителей к обсуждению законопроектов. Проект М.Т. Лорис-Меликова был в чем-то даже менее радикален, чем предшествующий проект П.А. Валуева (1863)[2].

Обсуждение проекта Лорис-Меликова состоялось 8 марта 1881 года, то есть уже после убийства Александра II. В ходе обсуждения проекта против него высказались граф П.А. Строганов, которого поддержал Александр III, обер-прокурор Святейшего Синода К.П. Победоносцев. Все они указывали на то, что утверждение законопроекта будет означать переход России к конституционному строю или, во всяком случае, первый шаг по направлению к конституции[3]. Проект Лорис-Меликова был передан на рассмотрение в Особую комиссию, которая затем ни разу не собиралась.

Последней попыткой сановных либералов склонить верховную власть к политическим реформам оказались идеи министра внутренних дел Н.П. Игнатьева (1832–1908). Он был связан с кружком московских почвенников-

---

[1] Конституционные проекты в России с XVIII – начала XX века / [Сост., автор вступ. ст. и коммент. А.Н. Медушевский] М., 2010. С. 44–45.

[2] Конституционные проекты в России с XVIII – начала XX века / [Сост., автор вступ. ст. и коммент. А.Н. Медушевский] М., 2010. С. 47.

[3] Леонтович В.В. История либерализма в России (1762–1914). М., 1995. С. 322–323.

славянофилов, поэтому его либеральный по своей сути проект был разработан в русле их идей, и воплощал давнюю мечту славянофилов о возрождении Земских соборов.

Основная идея проекта – положить начало созданию общероссийского совещательного представительства в форме Земского собора. Было намечено несколько вариантов состава собора. Общая численность представителей сословий колебалась в пределах от 3 до 4 тысяч человек. Здесь должны были присутствовать делегаты от дворянства, духовенства, купечества, крестьянства и ремесленников.

В мае 1882 года Н. Игнатьев представил царю проект созыва совещательного Земского собора к коронации Александра III в 1883 году. Однако либеральные идеи проекта были вскрыты и разрушены усилиями консерваторов в лице К. Победоносцева и М. Каткова, которые подвергли его критике как революционный. В результате Александр III не дал своего согласия на созыв собора.

Течение сановного либерализма, наиболее ранние проявления которого относятся к 1861 году, а наиболее поздние – к 1882-му, было представлено чиновными либералами, наиболее готовыми идти на модернизацию государственного строя, но и они не ставили вопрос о введении конституционного режима; тем не менее все предложения о введении законосовещательного представительства, даже самые умеренные, были отвергнуты Александром II и его преемником.

Во всех проектах существовал тот предел, дальше которого сановные либералы не заходили. Общими во всех предложениях были: сохранение в руках императора верховной власти и всех вопросов военной и внешней политики, сохранение за Государственным советом верховенства над депутатами, ограниченность компетенции представительства, возможность правительственного влияния на его состав. Споры в среде сторонников представительных начал велись вокруг второстепенных проблем: участие депутатов в разработке или только обсуждении законопроектов, предоставление дворянству привилегий, выборность состава Совета, его права и обязанности[1].

Сановные либералы, как правило, преследовали цель укрепления самодержавия и обеспечения его широкой социальной поддержкой в борьбе с революционным движением. Для этого было необходимо повышение качества законов, эволюционное политическое развитие страны, либерализация государственного строя.

Решающую роль в судьбах сановного либерализма играла позиция императора.

Среди русских либералов, несмотря на обилие имен, было немного крупных мыслителей, Кавелин и Чичерин, несомненно, относятся к таковым.

---

[1] Азаркин Н.М. История юридической мысли России. М., 1999. С. 333.

Значение их в том, что они подробно обосновали возможность и целесообразность применения либерализма на русской почве. Чаще всего это было историческое обоснование. Зачастую оно бывало не вполне корректным, но всегда убедительным а поэтому действовало на убеждения людей так же, как безусловно корректное. Действия людей и их эффективность зависят не столько от того, насколько истинны основания, побудившие их к действиям, сколько от того, насколько возможно или невозможно осуществление этой деятельности в данных конкретных условиях. Можно ничего не добиться, исходя из истинных посылок, но в то же время успех может сопутствовать тому, кто исходит из ложных установок и данных. Главное в реализации идей – их осуществимость, а не убедительность обоснования.

Таким образом, российский либерализм в пореформенную эпоху продолжал развиваться в направлении адаптации европейских либеральных идей к отечественным социально-политическим реальностям. Его основной проблемой было внедрение рациональных либеральных форм в политическую систему, основанную на самодержавии и православии.

Наибольший вклад в разработку проблем либерализма внесли представители либерально-консервативного крыла. Практическим осуществлением либеральных идей занимались сторонники европейского пути развития, находившиеся в ближайшем окружении царя.

Внедрение либеральных идей вело к успокоению части рационально мыслящей общественности, однако не создавало дополнительной социальной опоры в образованном обществе и в народных массах.

Пойти на реализацию базовых политико-правовых идей европейского либерализма царизм не мог, поскольку этим подрывались основы его власти и разрушалась социально-политическая реальность, созданная православием и самодержавием.

§4. Государственно-правовые идеи конца XIX – начала XX вв.

«Новый либерализм» конца XIX века

По мнению В.А. Маклакова, затишье в общественной жизни продолжалось вплоть до голода 1891 года, всколыхнувшего русскую общественность, которая почувствовала себя обязанной помогать голодающему населению. Именно в это время в умах вновь начали «бродить» либеральные идеи. Первоначально это были мысли о необходимости углубления и расширения реформ Александра II, о дальнейших политических реформах, и уж совсем не думали о конституции. Даже те, кто осуждал бюрократический характер государства, в большинстве своем все же предпочитали самодержавие конституционному режиму. В основном считали, что монархия должна привести в исполнение дальнейшие пункты либеральной программы и тем самым создать не-

обходимые предпосылки, при которых только конституция может дать положительные результаты[1].

Большие надежды в среде либералов вновь возникли в связи со вступлением на престол Николая II. В земских кругах ожидали от царя отказа от антилиберальной политики и возобновления курса 60-х годов. Выражалась надежда, что за земскими органами будет признано право высказывать свое мнение по поводу проблем, входящих в сферу их компетенции. Эта попытка представителей земства обратиться к молодому царю вызвала, однако, с его стороны резко отрицательную реакцию. Во время приема 17 января 1895 года царь произнес ставшую знаменитой фразу, в которой он назвал «бессмысленными мечтаниями» помыслы земств об участии во внутренних государственных делах. За исключением немногих, фразу эту поняли вообще так, что не может быть и речи о какой-либо конституции[2]. Доверие общества к царю быстро таяло. Мысль о том, что прогресс России возможен при самодержавии, стала рассматриваться как недомыслие или измена. Самодержавие было заклеймено, как такое же абсолютное зло, подлежащее уничтожению, каким до «великих реформ было крепостничество», вспоминал позднее В.А. Маклаков[3].

Либерализм эпохи Александра II и либерализм 90-х годов – вещи разные. Русский либерализм в 1890-е годы быстро усвоил новые европейские идеи постклассического либерализма. Как писал П. Струве, «всякий иной либерализм, кроме демократического, не имел бы в русском обществе почвы и не имел бы в ней отклика»[4]. Новый либерализм объявил своим политическим кредо конституционализм на основе представительной демократии. Как отмечал П. Новгородцев, «тот преимущественный интерес, который ранее принадлежал конституционной монархии, считавшейся наилучшим воплощением идеала правового государства для России, теперь постепенно переходил к представительной демократии... центр тяжести был перенесен на вопросы внутренней организации управления и представительства»[5]. Требования нового либерализма облекались в несколько иные формулы: свобода в общественном устройстве как равенство прав, свобода предпринимательства как отсутствие монополий и вольная конкуренция, расширение функций государства вплоть до вмешательства в жизнь гражданского общества. Соответственно идея народного суверенитета, принцип разделения властей, принцип личных прав – все эти начала старой политической доктрины получали иное обоснование и иное практическое звучание. Основой стала идея

---

[1] Леонтович В.В. История либерализма в России (1762–1914). М., 1995. С. 336–337.
[2] Леонтович В.В. История либерализма в России (1762–1914). М., 1995. С. 339.
[3] Маклаков В.А. Из прошлого // Соврем. записки. Париж, 1930. № 41. С. 231.
[4] Освобождение. 1904. № 20. С. 346.
[5] Новгородцев П.И. Общий взгляд на развитие политической мысли во второй половине XIX столетия // Новый мир. 1991. № 12. С. 215.

солидарности, подчинения всех социальных сил общему обязывающему началу (государству) как гарантия действительной свободы. Само понятие свободы тесно увязывалось с солидарностью всех членов общества; в противном случае считалось, что есть опасность ее самоуничтожения и разрушения основ государственной жизни[1]. В начале XX века движение «нового либерализма» в России выступило с развернутой программой интеграции либеральных ценностей, ориентированных на права личности, с социально-демократическими ценностями, нацеленными на социальные гарантии и права каждого на достойное существование.

Не последнюю роль в изменении либеральных воззрений сыграло и влияние западной ситуации, прежде всего успехи социал-демократического движения. Принцип правового государства стал коррелироваться с разнообразными программами, осуществляемыми государством в социокультурной политике. Правовым признавалось государство не потому, *что* оно делает, а потому, *как* оно действует, поэтому с ним связывались самые широкие программы социальной политики[2].

Содержание «нового либерализма» формировалось в условиях политической реакции середины 90-х годов. Жаждали «нового слова», им стало требование «Долой самодержавие!». Наиболее громко после народников его произнес марксизм, лозунг подхватили и либералы, часть которых начала быстро «леветь». В «новое слово» они внесли поправку, выдвинув требование конституционализма на основе народного представительства в качестве программного требования и провозгласив идею правового государства одним из «политических заданий». Вместе с тем в последнее десятилетие XIX века не все были готовы на радикализацию лозунгов и форм действий. Часть либералов, особенно земская среда, не намеревалась выступать против правительства и еще надеялась на возможность реформации старого строя без разрушения его основ. По мнению некоторых исследователей, либерализм в 1890-е годы проявлял себя чаще в умонастроениях, в сфере эмоциональной жизни, нежели в социальной практике и мотивации правительственных чиновников[3].

На рубеже веков либерализм в России, не занимая господствующего положения в общественной мысли и в социокультурной практике, тем не менее оставался на исторической арене в качестве заметной идейной силы. Он стоял почти за всеми главными конструктивными преобразованиями, которые проводило царское правительство вплоть до 1906 года.

М. Вебер считал, что русский либерализм был движим скорее не социально-экономическими интересами, как в Европе, а идеями[4]. Еще одно его отли-

---

[1] Новикова Л.И., Сиземская И.Н. Три модели развития России. М., 2000. С. 115.
[2] Новикова Л.И., Сиземская И.Н. Три модели развития России. М., 2000. С. 115
[3] Новикова Л.И., Сиземская И.Н. Три модели развития России. М., 2000. С. 113.
[4] См.: Вебер М. О буржуазной демократии // Социол. исслед. 1992. № 3.

чие состояло в том, что он стал системой взглядов образованной, гуманистически настроенной части общества, то есть интеллигенции, в то время как в Европе идеей свободы увлеклась прежде всего буржуазия. Русский либерализм как общественный феномен был интеллигентским течением как по составу его защитников, так и по пропагандируемому мировоззрению. «Никто из настоящих либералов того времени не защищал интересы какого-то отдельного класса или группы, но ратовал за интересы всего народа, всего общества, всей страны»[1].

В. Леонтович считает, что в 1890-е годы произошли важные перемены во взглядах либералов на пути и формы реализации их концепции. Истинно либеральный путь – путь реформ, однако в канун Нового времени либерализму пришлось вступить в конкуренцию с социалистическим идейным направлением, что привело к политической радикализации либерализма. «И тогда очень скоро оказалось, что такой политический радикализм не в состоянии противостоять социалистическим и революционным учениям»[2].

Всплеск либерализма в России на рубеже веков был обусловлен идейным кризисом власти, руководствовавшейся в этот период консервативными теориями и концепциями, общей обстановкой в стране, вызвавшей интерес к новым социально-политическим идеям, в том числе к либерализму.

Развитие идеи правового государства

Содержание либерального учения о государстве было обновлено благодаря идейным поискам В.С. Соловьева, П.И. Новгородцева, Л.И. Петражицкого и других теоретиков нового либерализма.

К концу 90-х годов под влиянием развития философско-правовой мысли и развития социал-демократического движения в Европе в русском либерализме сформировалась новая парадигма теории правового государства. Она заметно отклонялась от своего классического варианта, делая акцент на социальных функциях государства и более расширенном толковании самого права.

Если теоретики первой половины XIX века стремились к минимизации государства и полагали, что деятельность государства должна ограничиваться охраной прав граждан, а наилучшим средством обеспечения свободы и равенства является невмешательство государства в экономическую сферу и частную жизнь людей, то в конце века представления на этот счет весьма изменились. Идейные поиски привели к выводу о том, что для осуществления свободы и равенства требуется не только устранение юридических препятствий, но и материальные условия для их реализации, а значит, и определенная деятельность государства. Новые либералы считали необходимым расширить его функции, одновременно усилив их социальную направленность.

---

[1] Либерализм в России. М., 1996. С. 227.

[2] Леонтович В.В. История либерализма в России (1762–1914). М., 1995. С. 109.

Новый либерализм соглашался на расширение области государственного регулирования общественной и личной жизни индивидов, предлагая толковать право не просто как обеспечение индивидуальной свободы, но и как гарантию «минимального добра», что включало в правосознание вместе с категорией права категорию морали. Этому способствовало и освоение российским либерализмом идеи Вл. Соловьева о «праве человека на достойное сусуществование», «на возможное благополучие», гарантировать которые всем гражданам обязано государство[1].

Если классический правовой «либерализм мыслил отношения публичной власти и отдельного лица как отношения взаимного безразличия, то новый либерализм выставляет, напротив, идею взаимных прав и обязанностей между индивидом и государством»[2]. Эта идея исходит из того, что у государства есть определенные обязанности по отношению к индивиду, который имеет право требовать от него не только юридической, но и материальной защиты. Обеспечение последней есть прямая обязанность государства, нарушение которой равносильно ущемлению индивидуальной свободы.

Исходя из новых взглядов на правовое государство каждый гражданин имеет право требовать от него минимума социальных благ: получения образования, вспомоществования в случае старости, болезни, массовой безработицы и пр., а государство обязано гарантировать ему реализацию этого права. Главным из этих «прав-притязаний» новые либералы признавали право на достойное человеческое существование, которое выводилось из признаваемой самоценности каждой личности независимо от ее заслуг, положения в обществе, занимаемой должности и т.п. – просто как человека. Новые либералы полагали, что государство обязано не только не вмешиваться в частную жизнь, но и помогать гражданам определенным образом в целях достижения необходимого уровня жизни. Классическому либерализму такой подход был чужд.

Как считают современные исследователи, усвоив идеи Вл.Соловьева, русская либеральная мысль обрела программную последовательность европейского политического либерализма и прочно связала себя с концепцией прав человека и идеалом правового государства, определило новое направление в выборе «требований, предъявляемых к социальному моделированию, а именно – продолжить принцип равенства в сторону уравнивания социальных условий жизни» [3].

Обновленное понимание правового государства приближало новый либерализм к европейским социал-демократическим программам конца XIX века, в то время как классический либерализм ориентировал на сохранение самодержавия. В дальнейшем идея правового государства стала прочно увязы-

---

[1] Новикова Л.И., Сиземская И.Н. Три модели развития России. М., 2000. С. 119.
[2] Гессен С.И. Проблема правового социализма // Соврем. записки. Париж, 1924. Т. 22. С. 270.
[3] Новикова Л.И., Сиземская И.Н. Три модели развития России. М., 2000. С. 123.

ваться с осуществлением социальных реформ в соответствии с идеями нравственности и справедливости. Эти идеи стали основой идеологии и социально-политической программы партии кадетов.

Конституционные проекты начала XX века

Опираясь на теоретические изыскания зарубежных и отечественных обществоведов, опыт западноевропейских демократических стран, русские либералы сконструировали альтернативную самодержавному режиму, опирающемуся на православие, рационалистическую модель новой политической системы, основанной на идеях разделения властей, всестороннего обеспечения прав личности, а также на учете политической расстановки сил и национальных традиций[1].

Первым шагом в деле программной выработки общих контуров такой модели стала статья П.Н. Милюкова «От русских конституционалистов», опубликованная в № 1 журнала «Освобождение» в 1902 году. В ней была озвучена идея создания бессословного народного представительства в неясной форме «постоянно действующего и ежегодно созываемого верховного учреждения с правами высшего контроля, законодательства и утверждения бюджета»[2]. Переход к новой форме государственной власти должен был даровать и обеспечить монарх. В статье выдвигались и другие требования общедемократического характера: свобода личности, веры и совести, гарантированные независимым судом; отмена произвольных арестов и обысков, административной ссылки, чрезвычайных судов; равенство всех перед законом независимо от национальности и вероисповедания; свобода печати и отмена цензуры; право выпускать периодические издания явочным порядком; свобода собраний и союзов; право петиций. Программная статья Милюкова должна была выявить реакцию общества и власти на радикальные предложения замены авторитарного режима конституционным строем[3].

В начале XX века либералами из Союза освобождения (Н.Ф. Анненский, И.В. Гессен, В.М. Гессен, Ф.Ф. Кокошкин, П.И. Новгородцев, С.А. Котляревский, И.И. Петрункевич и Г.И. Шрейдер) разрабатывался проект конституции, напечатанный в октябре 1904 года. Авторы не скрывали того, что все идеи были заимствованы в Европе, но утверждалось, что он адаптирован к российским социально-политическим условиям. В этом проекте государственное устройство России представлялось в форме конституционной монархии, а верховная власть осуществляется императором при участии Государственной думы, состоящей из двух палат – палаты народных представителей и земской, наделенных равными правами. Император обладал значительной

---

[1] Модели общественного переустройства России. XX век: [монография] / В.В. Зверев [и др.]; отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2004. С. 230–231.

[2] «Освобождение». 1902. № 1. С. 10.

[3] Модели общественного переустройства России. XX век: [монография] / В.В. Зверев [и др.]; отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2004. С. 231.

законодательной и исполнительной властью: мог наложить veto на любой законопроект, издавать указы, сохранял за собой руководство вооруженными силами, назначал и смещал высших чиновников, объявлял войну и заключал договоры с другими государствами, созывал и распускал Думу. Исполнительная власть сосредоточивалась в руках Совета министров. Министры были ответственны перед Думой за общий ход государственного управления. Для наблюдения за исполнением конституции и для разрешения споров о ее истолковании создавался Верховный суд. В проекте были закреплены основные права личности. Для реализации проекта авторы настаивали на созыве Учредительного собрания, избранного всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием[1].

Либеральные конституционные проекты исходили из рационалистического понимания власти, поэтому ссылки на священный характер императорской власти отсутствовали. Отсылка к слабой в России идее народа как источника власти снижала уровень поддержки монархии. На это в ходе предварительного обсуждения программных документов ноябрьского Земского съезда 1904 года указывали славянофильские элементы, составлявшие меньшинство. Они считали, что русскому народу «чуждо стремление к народовластию и в нем сильна привязанность к идее самодержавия, в которой он хочет видеть выражение соборной совести народа и к которой он питает доверие и любовь»[2]. Единственное, что допускали представители этого течения, – создание законосовещательного учреждения, избираемого из представителей земского и городского самоуправления[3].

Проект не устроил ни левое, ни правое либеральное крыло. В результате дискуссий и споров возник новый проект, получивший в литературе того времени название «Проект С.А. Муромцева».

Проект С.А. Муромцева (1850–1910), созданный им при участии Ф.Ф. Кокошкина (1871–1918) в июле 1905 года, стал теоретической основой последующего конституционного движения в России. Он не только составил программную основу политической деятельности конституционно-демократической партии в думский период, но и оказал некоторое влияние на подготовку Основных законов Российской империи, принятых после революции 1905 года[4].

Важной целью проекта было стремление обеспечить эволюционный переход от самодержавия к правовому государству. Основным условием и гарантом такого перехода признавался созыв Государственной думы как важней-

---

[1] Модели общественного переустройства России. XX век: [монография] / В.В. Зверев [и др.]; отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2004. С. 232–233.

[2] Либеральное движение в России. 1902–1905 гг. М., 2001. С. 103.

[3] Модели общественного переустройства России. XX век: [монография] / В.В. Зверев [и др.]; отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2004. С. 235.

[4] Конституционные проекты в России с XVIII – начала XX века / [Сост., автор вступ. ст. и коммент. А.Н. Медушевский] М., 2010. С. 621–622.

шего инструмента политических реформ и установление ее контроля над монархической властью («ответственное министерство»).

Завершением и наиболее четким политико-правовым выражением воззрений русского либерализма по конституционному вопросу стала программа кадетской партии, выработанная учредительным съездом партии в октябре 1905 года. По мнению А. Медушевского, она «сама может рассматриваться как своеобразный конституционный проект»[1].

Основными положениями программы являются представления о том, что права личности – высшая ценность и ни при каких обстоятельствах не могут быть принесены в жертву социальному переустройству; социально-политические преобразования должны осуществляться исключительно в рамках права; конституционная реформа должна предшествовать всем прочим преобразованиям и составить их фундамент. Цели конституционной реформы: создание юридических гарантий прав человека, правового государства, гражданского общества. Главной проблемой переходного периода от самодержавия к правовому государству, по мнению разработчиков, является создание эффективного общественного контроля над властью в форме демократической избирательной системы, что потребует перестройки всего государственного управления, возглавляемого земскими учреждениями на местах и народным представительством в центре. Суть политической реформы заключается в последовательном проведении конституционного принципа разделения властей. По мнению авторов программы, гарантии стабильности политической системы, сохранения преемственности власти и ее легитимности могут быть обеспечены лучшим образом в форме конституционной монархии, которая обеспечивает наилучшее сочетание народного представительства и сильной исполнительной власти[2].

Несколько иное видение сути, характера и структуры государственной власти было у лидеров партии октябристов. «Российская империя, – говорилось в первом параграфе программы, – есть наследственная конституционная монархия, в которой император, как носитель Верховной власти, ограничен постановлениями Основных законов». В отличие от кадетов, являвшихся приверженцами парламентского строя, октябристы провозгласили себя сторонниками наследственной конституционной монархии, которая, по их мнению, наиболее адекватна историческим традициям русского народа. Октябристы считали, что совместно с монархом в осуществлении законодательной власти должно участвовать двухпалатное народное представительство. Государственная дума (нижняя палата) должна была избираться на основе всеобщего избирательного права, но не по полной формуле, а с исключением прямого

---

[1] Конституционные проекты в России с XVIII – начала XX века / [Сост., автор вступ. ст. и коммент. А.Н. Медушевский] М., 2010. С. 54.

[2] Конституционные проекты в России с XVIII – начала XX века / [Сост., автор вступ. ст. и коммент. А.Н. Медушевский] М., 2010. С. 54.

голосования. Кроме того, октябристы ограничивали круг избирателей. Требования в области гражданских прав совпадали с программными установками других либеральных партий[1].

Поскольку монархисты отвергали необходимость конституции, а социалисты считали, что переходный период будет осуществлен революционным путем, то программа либералов была единственной реально сформулированной стратегией мирного перехода от самодержавия к правовому государству в условиях глубокого социально-политического кризиса.

Изменения, внесенные в программу кадетской партии после Февральской революции (на VII съезде в марте 1917 года), завершили заложенную в ней концепцию правового государства. Они затронули два принципиально важных конституционных вопроса – о форме правления (переход к парламентской республике) и о созыве Учредительного собрания. «Россия, – подчеркивалось в новой редакции, – должна быть демократической парламентарной республикой, законодательная власть должна принадлежать народному представительству; во главе исполнительной власти должен стоять президент республики, избираемый на определенный срок народным представительством и управляющий через посредство ответственного перед народным представительством министерства»[2]. Для выработки конституционных основ новой республики декларировалась необходимость скорейшего созыва Учредительного собрания, способного «правильно выразить народную волю». Учредительное собрание интерпретировалось как высшая власть в стране, которая в силу этого самостоятельно определяет свою компетенцию и продолжительность деятельности[3].

Идея созыва Учредительного собрания завершала смену мировоззренческих основ власти.

Таким образом, государственно-правовые взгляды либералов конца XIX – начала XX вв. претерпевали значительные изменения. Основной тенденцией стало формирование правового государства, обеспечивающего гарантии и права каждого гражданина на достойное существование. Быстро менялись взгляды на формы и сущность верховной власти. Отказавшись от идеи самодержавия, пройдя увлечение конституционной монархией, либералы все больше склонялись к республике. Либеральная государственно-правовая модель вступала во все большее противоречие с православным мировоззрением русского народа, что делало неизбежным широкое применение насилия при ее реализации.

---

[1] Модели общественного переустройства России. XX век: [монография] / В.В. Зверев [и др.]; отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2004. С. 244.

[2] Цит. по: Конституционные проекты в России с XVIII – начала XX века / [Сост., автор вступ. ст. и коммент. А.Н. Медушевский] М., 2010. С. 60.

[3] Конституционные проекты в России с XVIII – начала XX века / [Сост., автор вступ. ст. и коммент. А.Н. Медушевский] М., 2010. С. 60.

§5. Социальные, национальные и внешнеполитические теории и подходы

Идеи социальных преобразований[1]

Преобразование общества и социальных отношений рассматривалось российскими либералами в конце XIX – начале XX вв. в тесной увязке с развитием правового государства, которое все больше приобретало в либеральной трактовке черты будущего социального государства. Решение обострившихся социальных проблем должно было способствовать стабилизации общества и государства, стать предпосылкой и условием экономического развития, роста материального благосостояния народа.

По замыслу либералов, социальные реформы должны были решить целый ряд задач. Во-первых, исходя из идеи взаимосвязи государства и гражданского общества, либералы хотели создать принципиально иную социальную основу для политической системы правового государства. Во-вторых, социальные реформы могли дать мощный импульс для создания экономики рыночного типа. В-третьих, формирование достаточно эффективной и разветвленной системы социального обеспечения способствовало бы достижению социальной и политической стабильности в российском обществе, раздираемом острейшими противоречиями. В-четвертых, гармонизация социальных отношений позволяла отрегулировать систему взаимоотношений между центральными и местными органами власти, создать новые общественные институты самоуправления, повысить общественную инициативу.

При решении социальных проблем либералы стремились решать их в рамках правового поля путем компромиссов. Они считали неприемлемым использование насильственных методов в решении социальных вопросов.

Значительная роль в либеральной социальной концепции отводилась государству, которое должно взять на себя функции социального арбитра и гаранта социальной стабильности в обществе.

Важное место в либеральной модели общества занимало социальное равенство. Его интерпретация определяет степень новизны всего учения о государстве и соответственно принципов его моделирования. Если для классического либерализма оно означало «подчинение всех граждан одинаковому закону» (Чичерин), что несло в себе по большей части отрицательный смысл (отмену привилегий, связанных с происхождением, родом занятий, уровнем достатка и т.п.), то новыми либералами оно в большей мере наделялось положительным содержанием.

Равенство, таким образом, интерпретировалось «новым либерализмом» как равенство перед законом плюс равные шансы для каждого. Такое толкование предполагало поддержку государством того рода деятельности, в кото-

---

[1] Данный параграф написан на основе материала, изложенного в книге: Модели общественного переустройства России. XX век: [монография] / В.В. Зверев [и др.]; отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2004. Гл. 4 Социальные гарантии граждан. С. 306–328.

рой человек нуждается, и потому правовое государство не может гарантировать подлинного равенства, если не в состоянии обеспечить социального равенства, равенства исходного пункта. Государство, не вмешиваясь в личную жизнь граждан, обязано помогать им своими положительными действиями. Таким образом, прежняя либеральная идея права – как подчинение всех без исключения закону – дополнялась в новом либерализме идеей блага[1].

Центральное место в социальной программе русского либерализма занимал аграрно-крестьянский вопрос, непосредственно затрагивающий все стороны общественной жизни, судьбы основной массы населения – многомиллионного и многонационального российского крестьянства. Мирное решение этого вопроса было невозможно без согласования интересов всех заинтересованных сторон – государства, помещиков, крестьян.

Решение этой проблемы позволяло создать необходимые предпосылки и условия для развития сельскохозяйственного производства и улучшения положения наиболее обездоленных слоев сельского населения. Либералы сходились в том, что следует уравнять крестьян в правах с остальными гражданами, отменить все исключительные законы, юридически принижающие податные сословия, административную опеку. В принципе они были согласны с тем, что следует передать для дополнительного наделения безземельных и малоземельных крестьян государственные, кабинетские, удельные, монастырские и церковные земли, однако понимали, что земель будет явно недостаточно для удовлетворения потребностей крестьян. Поэтому неизбежно вставал вопрос о необходимости перераспределения помещичьей земельной собственности. В этом вопросе позиции либералов сильно расходились. Октябристы выступали за максимальное сохранение помещичьих земель, а основной упор делался на «повышение производительности земли», для чего предлагался набор организационно-технических, юридических и культурных мер.

Позиция кадетов по аграрному вопросу была более радикальной. Согласно их программе, крупное помещичье землевладение должно быть подвергнуто безусловному отчуждению, и притом без всяких ограничений, а также части тех земель, на которых помещики вели хозяйство и которые они обрабатывали собственным инвентарем. В программе партии указывалось, что помещичьи земли подлежат отчуждению «по справедливой» оценке (не рыночной) за счет государства. Были определены хозяйства, в силу различных причин не подлежащие отчуждению.

Кадеты передавали реализацию аграрного вопроса в руки местных комитетов, создаваемых на паритетной основе из представителей всех заинтересованных сторон – государственных чиновников, помещиков и крестьян. Мест-

[1] Новикова Л.И., Сиземская И.Н. Три модели развития России. М., 2000. С. 136.

ные земельные комитеты наделялись широкими правами, и, по существу, от них зависело проведение реформы в том или ином регионе.

Идеологи либерализма разделяли идеи создания мелкой крестьянской собственности, лежащие в основе Столыпинской реформы. Они считали, что формирование многочисленного класса крестьян-собственников является не только основой для экономического возрождения России, но и крепким фундаментом для здания правового государства. Реализация идеи мелкой крестьянской собственности, считали идеологи либерализма, могла бы стать мощным стимулом роста материального благосостояния и культурного уровня крестьянства, необходимым условием получения им гражданского и политического равноправия. После Февральской революции социальные разделы кадетской программы, прежде всего аграрный, подверглись частичной корректировке, но значительного влияния эти идеи на создание социально-экономической и политической реальности не оказали.

Важнейшей социальной структурой в царской России оставалась община. Отношение к ее судьбе было противоречивым в среде либералов. Так, октябристы с одобрением отнеслись к столыпинским целям и методам разрушения крестьянской общины. Принципиальными противниками подобных насильственных методов являлись кадеты, выступавшие за эволюционный путь самоликвидации общинных порядков в деревне.

В целом либеральное решение основного социального вопроса в России не устраивало ни крестьян, ни помещиков, поэтому идеи, заложенные в нем, не были реализованы.

Во второй половине XIX века в социальной жизни России все большую роль и значение приобретал рабочий класс. Его положение в обществе и государстве, отношения с работодателями и государством все чаще становились объектом либеральной мысли. На урегулирование отношений между предпринимателями и рабочими была направлена либеральная рабочая программа. Одним из ее центральных пунктов являлось требование свободы рабочих союзов, собраний и стачек. Важное место в программе занимал вопрос о продолжительности рабочего дня и распределении рабочего времени на промышленных предприятиях. Например, в кадетской же рабочей программе имелось требование постепенного законодательного введения 8-часового рабочего дня.

Либералы считали возможным и необходимым определить права и обязанности предпринимателя по отношению к рабочим (внутренний распорядок рабочего дня, обеспечение безопасности производства, предоставление работы и необходимых инструментов, размер заработной платы и т.д.), а с другой – права и обязанности рабочего (право требовать полного использования своих сил, возмещение убытков по вине предпринимателей, право на минимум гарантированной заработной платы и т.д.). Создать органы (при-

мирительные камеры, третейские суды, разного рода согласительные комиссии и т.п.), решающие спорные вопросы взаимоотношения труда и капитала.

Большое внимание в либеральных рабочих программах уделялось вопросам социального страхования. Здесь среди либералов имелись значительные расхождения. Более радикальными были предложения кадетов, которые считали, что введение страхования рабочих позволило бы устранить многочисленные поводы к обострению отношений между предпринимателями и рабочими.

В целом либеральная программа решения рабочего вопроса значительно уступала большевистской, поэтому в рабочей среде либералы не пользовались значительной поддержкой.

Таким образом, решение социальных проблем рассматривалось в русле европейских либеральных идей, однако адаптация к российским условиям не сделала их привлекательными для рабочих и крестьян, чьи проблемы они должны были решать.

Национальный вопрос[1]

У российских либералов не было единства во мнениях относительно содержания понятий «нация» и «национальность». Одни считали, что это понятия духовные и даже иррациональные. Другие, например П.Н. Милюков, в содержании понятия «национальность» выделяли ряд различных компонентов: язык, религия, территория, общая цель, история и предания. «Нацию» Милюков характеризовал как «совокупность граждан одного политического тела», а В.М. Гессен – как «общность известных культурных форм».

Национализм либеральные теоретики рассматривали как данность, присущую той или иной национальности.

Идеи решения национального вопроса также значительно разнились. Одни считали идеалом модель решения национально-колониального вопроса, которая была апробирована в Англии и Америке, другие (например, Струве) проповедовали лозунг великорусского национализма и считали, что «русской национальности должна принадлежать гегемония в России». В последовательной культурно-ассимиляторской политике П. Струве видел единственный путь роста и укрепления «державной» национальности. Его позицию разделяли Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, С.Л. Франк, В.А. Голубев и другие. Такая постановка проблемы правыми либералами снимала с повестки дня вопрос о праве других народностей на политическое самоопределение. По их мнению, в рамках «единой и неделимой империи» между национальностями должно сохраняться и соперничество, и состязание, что позволит предохранить нацию от застоя и отвечает требованиям «национальной гигиены».

---

[1] Написано на материалах книги: Модели общественного переустройства России. XX век: [монография] / В.В. Зверев [и др.]; отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2004. С. 258–282.

В свою очередь, Милюков и его единомышленники выступали против крайностей великодержавного национализма и старались убедить националистов нерусских народов в том, что подобные настроения не свойственны кадетской партии, а являются наносными явлениями. Отвергая политику ассимиляции, которая до сих пор нигде не удавалась и приносила только вред, Милюков настаивал на необходимости мирного сожительства национальностей в рамках единого государства.

В целом единства во взглядах на природу и содержание национальных проблем у либералов не было.

Теоретические представления идеологов либерализма по национальному вопросу стали основой разработки программы кадетской партии. Еще до революции 1905–1907 гг. в программу Союза освобождения был включен лозунг права народов на самоопределение, однако под влиянием событий 1905 года левые освобожденцы радикализировали свои требования в национальном вопросе и уже не возражали против федеративного устройства государства и национально-территориальной автономии. Но на самом съезде под давлением земских либералов освобожденцы согласились изъять из программы пункт о федерации и ограничить требование областной автономии, признав ее в виде исключения только для Польши, Литвы, Закавказья и Украины. Другие же национальности получали право лишь на «свободное культурное самоопределение» и употребление родного языка в начальных школах и местных учреждениях. Эти решения сентябрьского (1905) земско-городского съезда легли в основу национальных программ либеральных партий.

Большие расхождения в национальном вопросе были между кадетами и октябристами. Так, октябристы выступали против идеи автономии вообще, в том числе и Польши, считая, что это стало бы «первым шагом к федеративному устройству России». Поэтому в своей программе они не шли дальше требования распространить местное самоуправление на всю территорию России. Аналогичной точки зрения по вопросу об автономии придерживались мирнообновленцы и прогрессисты.

Особую остроту национальные проблемы приобрели в годы Первой мировой войны, которая с логической неизбежностью выдвинула вопрос о необходимости единения всех национальностей.

В своих думских выступлениях по национальному вопросу кадеты стремились не выходить за рамки программы Прогрессивного блока. Главными идеями программы были: разрешение русско-польского вопроса; отмена ограничений в правах евреев; примирительная политика в финляндском вопросе, в частности перемены в составе администрации и Сенате и прекращение преследований должностных лиц.

Кадеты самым категорическим образом высказались против предоставления Польше политической независимости, допуская в исторической перспективе возможность создания польской автономии в этнографических грани-

цах. Позднее, в 1916 году, таким же образом кадеты определились и с принципами решения литовского вопроса. Литва в этнографических границах выделялась в особую автономную единицу и составляла «нераздельную часть Российского государства».

Идеи, которыми руководствовались либералы при решении национального вопроса, определялись их взглядами на сущность наций и их роль в российской социально-политической реальности. Они были убеждены в необходимости сохранения, насколько это возможно, единства и целостности России, считая, что это пойдет на пользу всем входящим в ее состав народам.

Внешнеполитическая доктрина[1]

Приоритеты во внешнеполитической сфере определялись либеральным мировоззрением, поэтому не случайна поддержка либералами тесных союзнических отношений с Англией и Францией. Как считают специалисты, «основным стержнем, основой “единения” русской оппозиции с союзниками России по Антанте была общность их идейно-политических взглядов. Традиционный спор о путях развития России, о ее отношениях с Западом, начавшийся еще в XIX веке полемикой “славянофилов” и “западников”, необычным образом трансформировался в эпоху П.А. Столыпина и годы Первой мировой войны в конфликт “антантофилов” (большей частью либеральные круги русского общества, представленные оппозицией и выступающие за дальнейшую эволюцию русского политического режима в сторону парламентаризма и конституционализма) и “германофилов” (в основном правые и отчасти монархические круги, приверженные автократизму)»[2].

В наиболее концентрированном виде основное содержание внешнеполитической доктрины русского либерализма было изложено в статье П. Струве «Великая Россия», опубликованной в январе 1908 года. Одним из необходимых условий создания Великой России, по мнению Струве, является ее ориентация на союз с Францией и соглашение с Англией, которые должны оказать поддержку России в осуществлении ее национальных внешнеполитических задач. Вместе с тем Струве считал, что дальневосточная политика царизма была в корне ошибочной, ибо шла вразрез с «историческим прошлым» и «живыми культурными традициями». Крах дальневосточной авантюры был предопределен прежде всего потому, что эпицентр внешней политики государства был искусственно перенесен «в область, недоступную русской культуре». Струве полагал, что главные интересы России лежат в бассейне Черного моря.

---

[1] Там, где специально не указано, данные взяты из книги: Модели общественного переустройства России. XX век: [монография] / В.В. Зверев [и др.]; отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2004. С. 328–356.

[2] Алексеева И.В. Последнее десятилетие Российской империи: Дума, царизм и союзники России по Антанте. 1907–1917 годы. СПб., 2009. С. 483–484.

Программная статья Струве вызвала острую полемику в печати. Либералы сходились в том, что основным фактором, определяющим развитие международных отношений в начале XX века, является «мировая конкуренция Англии и Германии», что назревающий конфликт между этими странами лежит «в основе мировых отношений». Отстаивая идею балансирования между ними, либералы, тем не менее, по идейным соображениям выступали за союз с республиканской Францией и за соглашение с Англией. Разъясняя причину, почему кадеты склоняются к союзу с Францией и соглашению с Англией, Милюков подчеркивал: «в силу их внутреннего строя и, наоборот, нам менее симпатичен союз с Германией, с которой наша дипломатия связана отчасти династическими связями, а отчасти солидарностью в охране старого строя».

Милюков считал, что кадеты должны поддерживать славянские народы тогда и постольку, когда и поскольку это совпадает с собственными национальными интересами России. Однако если речь зайдет о нарушении непосредственных национальных интересов России, то война, утверждал Милюков, представляется неизбежной.

Признавая неизбежность войн, либералы являлись сторонниками укрепления военного могущества России, выступали за техническое перевооружение и переоснащение армии и флота. Идеи П. Струве, из которых логически вытекала необходимость приступить к коренной перестройке армии и флота, повысить их военно-техническую оснащенность и боевую готовность, разделялись подавляющим большинством либералов.

В отношении действий на Дальнем Востоке единства не было. Октябристы и прогрессисты настойчиво подталкивали царское правительство к открытому вмешательству во внутренние дела Китая, считали необходимым оказать поддержку маньчжурской династии, заставить ее пойти на выгодные для российской буржуазии экономические и территориальные уступки. Они высказывались против какой-либо поддержки национально-освободительного движения в Китае. Их не устраивал лозунг китайской буржуазии «Китай для китайцев» и выступали против предоставления ему независимости, настаивали на его разделе на сферы влияния. Кадеты, в отличие от октябристов и прогрессистов, выступали за территориальную неприкосновенность Китая и предлагали сделать ставку на китайскую национальную буржуазию и либеральную интеллигенцию. Они рекомендовали царизму последовать примеру США и проводить свою дальневосточную политику под флагом «дружбы» и «поддержки» Китая.

Расходились взгляды либералов и на перспективы и действия России в Иране в ходе Иранской революции. Царизм по мере сил и возможностей оказывал военную помощь шахскому режиму. В свою очередь, революция вызвала неприятие со стороны крупной русской буржуазии, опасавшейся проникновения в Иран германского капитала и конкуренции германских товаров. В этой ситуации октябристы явно подталкивали царизм на путь открытой ин-

тервенции против Иранской революции, координируя свои действия с Англией. Довольно быстро на позиции подавления Иранской революции встали и прогрессисты. В отличие от них, кадеты, приветствуя победу конституционного режима в Иране, отмечали, что новый порядок создаст более благоприятные, чем ранее, условия для развития русской торговли и промышленности, для размещения дополнительных займов. Они критиковали правительство за то, что оно не могло понять характера и содержания революции в Иране и продолжает вести свою политику, как бы не замечая происшедших в этой стране перемен. Правительство, указывали кадеты, вместо того чтобы продолжать ориентироваться на старую шахскую династию, должно было сделать ставку на иранскую национальную буржуазию и либеральную интеллигенцию.

Начавшаяся Первая мировая война явилась завершающим этапом в разработке либеральной внешнеполитической программы. Теоретики либерализма рассматривали войну как следствие предельно обострившихся противоречий мирового капитализма. Со стороны России война трактовалась либералами как оборонительная, справедливая и народная, они рассчитывали на победу и приращение территорий. В наиболее концентрированном виде территориальные притязания либералов нашли свое отражение в программной статье Милюкова «Территориальные приобретения России», опубликованной в 1915 году в сборнике «Чего ждет Россия от войны». Среди них было присоединение Галиции, объединение Польши в ее этнографических границах и предоставление ей автономии в составе Российской империи, объединение в этнографических границах Армении под протекторатом России. Центральное место в территориальных притязаниях занимал вопрос о черноморских проливах и Константинополе, в решении которого либералы видели главную национальную задачу России.

Новые территориальные приобретения, с точки зрения либералов, были обусловлены исторической необходимостью укрепить стратегические позиции России, усилить ее экономическое и политическое могущество, а также защитить интересы малых, прежде всего славянских, народов. «Мы, – писал князь Е.Н. Трубецкой, – боремся за освобождение всех народов вообще, всех тех, кому угрожает поглощение и угнетение, без различия племени и вероисповедания. Мы сражаемся за права национальностей вообще, за самый национальный принцип в политике в полном его объеме»[1]. По мнению либеральных теоретиков, Россия вместе с другими странами Антанты должна была в ходе войны осуществить свою освободительную миссию, открыть путь к принципиально иной международной организации Европы.

С победоносным исходом Первой мировой войны либеральные идеологи и политики связывали дальнейший экономический и политический прогресс

[1] Русская мысль. 1914. Кн. XII. С. 89.

страны, перспективу укрепления ее международного авторитета, сближение со странами западной демократии. Все это, вместе взятое, по их представлениям, и должно было привести к созданию подлинно Великой России, о которой мечтало не одно поколение русских либералов. Из этих общетеоретических замыслов логически вытекал лозунг «Война до победного конца». Именно эта линия реализовывалась после Февральской революции министром иностранных дел Милюковым.

В годы Гражданской войны либералы ориентировались на различные силы, включая и бывших противников – немцев. Однако большинство было убеждено, что только в союзе с Англией, Францией и Америкой Россия сможет возродиться как Великая, Единая Россия и восстановить свою внешнеполитическую мощь. Исключение составили украинские кадеты, которые пытались доказать, что экономические интересы России в большей степени связаны с Германией и поэтому «немецкая ориентация» вполне оправданна.

Внешнеполитическая программа либералов на послевоенный период содержала требования как по возвращению России утраченного ею во время войны, так и по решению традиционных для российской внешней политики задач.

Таким образом, внешнеполитические идеи либералов определялись их мировоззренческими позициями, а также реальностями международной обстановки.

Выводы

Российский либерализм как идейное течение является прямым наследником европейского либерализма. В XIX – начале XX вв. главным содержанием интеллектуальной работы русских либералов был отбор и адаптация к российским условиям западных либеральных идей. Значительных новых идей, сопоставимых с идеями русских консерваторов, российские либералы не создали.

Сила русского либерализма состояла в его неразрывной связи с Западом, который не только питал идеями, но и подтверждал их привлекательность собственной социально-политической практикой. Проектом и идеалом для российских либералов была Европа. Несмотря на то, что либерализм плохо приживался на русской почве, правящий класс настойчиво возвращался к его идеям. Именно это обусловило цикличность реформ, в которой за реформами обязательно следовала контрреформа.

Главным препятствием на пути реализации либерально-демократических реформ было православное мировоззрение русского народа. Попытки установить вместо Бога закон или народ в качестве основания власти подрывали основы политической системы, оказывались несовместимыми с самодержавием и даже в вариантах конституционной монархии грозили смутой или революцией. Для реализации либеральных идей требовалась смена религиозной мировоззренческой парадигмы русского народа на рационалистическую.

На протяжении XIX – начала XX вв. эта смена постепенно происходила. По мере расширения зоны влияния рационалистического мировоззрения либеральными идеями последовательно охватывались правящий класс, затем образованные слои общества и, наконец, в начале XX века – часть народа.

Попытки «вписать» самодержавие в либеральную политическую систему не удались, поэтому в начале XX века дальнейшую реализацию своих политических идей часть российских либералов связывала не с конституционной монархией, а с республикой.

На рубеже веков произошла смена содержания либерализма, на смену классическому пришел «новый либерализм», предполагавший государственные гарантии социальных прав граждан. Идея правового государства стала увязываться с осуществлением социальных реформ.

Решение либералами социальных, национальных, внешнеполитических проблем и «рабочего вопроса» вытекало из их концептуальных установок, но не показалось убедительным для широких масс, поэтому в годы революций и Гражданской войны большинство народа выступило за реализацию социалистической, а не либеральной идеи.

ГЛАВА IV
СОЦИАЛИЗМ

§1. Российский утопический социализм

Утопия как проект будущего

В рамках идеалистического подхода утопия есть проект желаемого будущего социально-политического устройства общества. Этот проект не может не основываться или, по меньшей мере, не отталкиваться, например в форме отрицания, от существующей в момент создания утопии реальности. Для утопии характерно то, что она неосуществима в данный исторический момент, поэтому, отрицая существующую реальность, она может предлагать взамен ее такую реальность, которая вообще не вытекает из существующих объективных условий, а, напротив, является в основном продуктом творчества сознания утописта.

Большинство ныне существующих подходов предполагает наличие некой цели развития общества, заложенной вне человечества. «Утопист обязан мыслить и толковать историю, – писал Г.В. Флоровский, – в категориях телеологических – как развитие, как развертывание врожденных и предзаложенных задатков, как прорастание и созревание зерна, как самоосуществление некоего “плана” или “энтелехии”»[1]. Согласно с таким подходом, утопия осуществима тогда, когда она совпадает с этой целью или, как иногда выражаются, “предугадывает” или “предвидит”[2]. Как происходит «предугадывание» – не очень понятно; кроме того, иногда утопия настолько не соответствует общей тенденции развития существующего общества, что сторонникам телеологического развития человечества приходится признать, что «вера в осуществление того идеального мира, о котором трактует Утопия, способна охватывать массы людей, направляя и стимулируя их социально-политическую активность. И в этом смысле Утопия, повторяем, может приобретать значение реальной силы, оказывать преобразующее воздействие на бытие лю-

---

[1] Флоровский Г.В. Метафизические предпосылки утопизма // Вопр. философии. 1990. № 10. С. 87.

[2] См.: Утопия – особый способ социального предвидения, результатом которого является идея или образ совершенного государства, призванного служить образцом общественного устройства. Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М., 2009.

дей»[1]. Таким образом, по существу признается, что утопия может осуществлять такие цели, которые не предусмотрены первоначальным «планом».

Идеалистический подход лишен этих противоречий. Социально-политическая реальность создается первоначально в идеальном мире, а затем реализуется в объективном. С этих позиций утопия лишь одна из идей, реализация которой зависит от того, насколько сильно желание людей ее осуществить и насколько возможно создание условий для этого осуществления.

Реализация утопии в рамках идеалистического подхода есть не результат «предугадывания», а достижение поставленной человеком цели. Если идея, лежащая в основе утопии, сильна и привлекательна для большого количества людей и если для ее реализации в принципе могут быть созданы условия, то данная утопия может осуществиться. Примером такой утопии является социализм.

Западноевропейский утопический социализм XIX века

Социалистические идеи были импортированы в Россию из Западной Европы. Социализм как идея имеет большую историю и первоначально развивался в форме «утопического»[2] социализма. Первые утопические концепции были созданы достаточно давно, однако буржуазные революции существенно изменили содержание социалистической Утопии: из антифеодальной она превращается в антикапиталистическую, но по-прежнему связывается с общественным устройством, которое предоставляет всем равные возможности для счастья. Так, Сен-Симон (1760–1825) считал, что «Лучшее общественное устройство то, которое делает жизнь людей, составляющих большинство общества, наиболее счастливыми, предоставляя им максимум средств и возможностей для удовлетворения их важнейших потребностей»[3].

Главные идеи социализма Сен-Симона заключались в следующем.

Во-первых, это мысль о прогрессивном значении овладения человечеством силами природы и в этой связи позитивная оценка технических и организационных достижений капитализма, их значения для дальнейшего развития человечества. Будущее общество виделось всемирной ассоциацией трудящихся и представало развитым в научном и промышленном отношении. Но важнейшим фактором, обеспечивающим «победу» человечества над природой, признавалась адекватная прогрессу науки и техники социальная организация общественной жизни. При всей значимости индустрии в прогрессивном движении человечества она признавалась вторичной к нравственному развитию.

---

[1] НовиковаЛ.И.,СиземскаяИ.Н.Три моделиразвитияРоссии.М.,2000.Электронноеиздание.С. 56.

[2] Данный вид социализма является утопическим только в рамках так называемого «научного» социализма, созданного Марксом и Энгельсом. В рамках идеалистического подхода утопичность данного вида социализма не больше и не меньше, чем «научного». Это два вида одного учения, осуществленные в различной степени полноты в социально-политической реальности XX века. Поскольку в отечественной литературе это понятие прочно закрепилось за этими идеями, то автор тоже будет придерживаться общепринятых терминов.

[3] Сен-Симон. Взгляд на собственность // Он же. Избр. соч. М.-Л., 1948. Т. II. С. 363.

Второй новой идеей было утверждение о том, что в основе социальной жизни людей лежат связи, определяемые фактом совместной деятельности по поводу производства средств жизни. Человечество – это большая мастерская, в которой возникающие в процессе жизнедеятельности отношения определяются выполняемыми людьми функциями, сложившимися в соответствии с требованиями научной организации производства. Цель этой «мастерской» – не эксплуатация одних другими, а господство всех над природой.

В-третьих, предлагалась новая постановка вопроса о собственности: проблема собственности выступила разведенной на вопрос о материальном достатке (владение произведенным продуктом) и вопрос о социальном равенстве и свободе (владение средствами производства и орудиями труда).

В-четвертых, были предложены совершенно новые идеи относительно будущего государственного устройства, которые предполагали не совершенствование, а его преобразование из аппарата насилия в орган управления общественным производством и трудом[1].

Особое значение имела лежащая в основании новой утопии историософская посылка, состоявшая в признании объективности исторического процесса. Прошлое и будущее связывались как причина и следствие, само же историческое развитие толковалось как движение по пути прогресса. Эта идея ориентировала на поиски цели истории, начала и конца исторического процесса и обосновывала неизбежность социализма, связывая его с таким поворотом в развитии человечества, который будет означать трансформацию капитализма в новое общество.

Сен-Симон подверг резкой критике капиталистическое социально-политическое устройство и предрекал ему неминуемую гибель. На смену капитализму, утверждал он, неизбежно придет новый, более справедливый общественный строй. «Золотой век,– писал он,– который слепое предание относило до сих пор к прошлому, находится впереди нас». Он возлагал все надежды на разум, считал ум человека полновластным руководителем исторического процесса, а пропаганду идей лучшего устройства общества – главным средством осуществления его учения. Сен-Симон первым высказал идею о возможности такого общественного устройства, при котором каждый работает по способностям и получает по труду[2].

В общественной жизни Европы XIX века большое значение имело учение Шарля Фурье (1772–1837). Как и Сен-Симон, Фурье выступил с резкой критикой буржуазного строя. Развитие производства, если не будет создано новой социальной организации общества, говорил он, несет не счастье, а беду трудящемуся люду. Богатство растет, но нет приобщения производителя к растущему богатству. Критика капитализма – наиболее сильная сторона учения

---

[1] НовиковаЛ.И.,Сиземская И.Н. Три модели развития России.М.,2000.Электронноеиздание.С. 61.
[2] Научный коммунизм / П.Н. Федосеев, В.Г. Афанасьев, К.Н. Брутенц и др. 5-е изд. М., 1982. С. 22.

Фурье, но важны и его позитивные идеи. Он, например, ставит вопрос, каким образом труд, считавшийся в то время проклятием, может и должен превратиться в наслаждение для человека. Критикуя систему буржуазного права, Фурье выдвигает на первое место право на труд, без которого ничего не стоят все остальные права. Он приходит к идее, что труд надо организовать так, чтобы человек не был обречен на постоянное занятие одним и тем же видом деятельности, менял ее в соответствии со своими склонностями и способностями. Вместе с тем он отрицательно относился к классовой борьбе и революции, полагал, что сможет осуществить свои цели пропагандой социалистических идей, в том числе и среди капиталистов[1].

Роберт Оуэн (1771–1858), живший в бурно развивающейся Англии, в противовес тем, кто был склонен видеть в прогрессе техники и промышленности причину всех социальных зол, высоко оценивал роль промышленной революции, связанной с появлением и распространением машин. Одним из главных препятствий на пути к преобразованию общества Оуэн считал частную собственность. Социальный, интеллектуальный и моральный прогресс человечества, утверждал он, связан с ее уничтожением. Он верил, что новый общественный строй неизбежно победит. Так же как Сен-Симон и Фурье, Оуэн полагал, что это произойдет без классовой борьбы. Он безуспешно пытался убедить в реальности и полезности своих проектов то английский парламент, то королеву Викторию, то других монархов. Потерпели провал и его эксперименты по созданию трудовых коммун в Нью-Ланарке и Америке.

Идеи утопического социализма были достаточно убедительно обоснованны и поэтому обладали значительным влиянием на людей.

Русский утопический социализм

Идеи русского утопического социализма развивались на двух мировоззренческих основах: первоначально на религиозном, а затем – на рационалистическом.

Утопизм имел глубокую и давнюю традицию в общественной мысли России. Он, как отмечает Е. Черткова, «проходит сквозь всю русскую философию», но развивался по своим особым канонам – под знаком борьбы с западноевропейским «рацио»[2], поэтому у него сильны связи с религиозным миросозерцанием, и прежде всего с православным. Социалистические идеи равенства потребления, свободного труда и другие социалистические идеалы содержались в христианских по своей сути крестьянских народных утопиях. Идеи европейского утопического социализма выпадают из этой парадигмы – в нем сильны позитивистское начало и атеизм.

Как антибуржуазное идейное течение российский утопический социализм формируется только с освоением европейских социалистических концепций в

---

[1] Научный коммунизм / П.Н. Федосеев, В.Г. Афанасьев, К.Н. Брутенц и др. 5-е изд. М., 1982. С. 23.

[2] Черткова Е. Утопизм // Русская философия. Малый энциклопедический словарь. М., 1995. С. 528.

первой половине XIX века. В рамках рационалистического мировоззрения была заимствована западная социалистическая идея в учениях Сен-Симона, Фурье, Оуэна. Именно это направление вобрал в себя марксизм как проект будущего. Эти же идеи стали основными и для первых русских социалистов. На русской почве рационалистические европейские и русские религиозные идеи создают новый вид утопии.

Как пишут А.И. Володин и Б.М. Шахматов, «основной формой утопического социализма в России закономерно оказался социализм крестьянский («русский», общинный, народнический)... В ходе формирования и развития утопический социализм в России находился в постоянном соприкосновении и противостоянии с иными социальными утопиями, в том числе с патриархально-феодальными»[1].

Особенностями русского социалистического утопизма являются идеи, которые не были заимствованы в Европе. Они не относятся к базовым социалистическим, а в основном приспосабливают их к российской действительности. Одной из главных оригинальных российских идей было то, что крестьянство рассматривалось в качестве главного двигателя и социальной основы социалистических преобразований. Другой важной особенностью русского социализма стала идея «перепрыгнуть» через капитализм, перейти из докапиталистического общества сразу в социалистическое. Важными идеями были требование отмены крепостного права и протест против царского самодержавия.

На русский утопизм сильнейшее воздействие оказали идеи православия. «Создавая свое государство справедливости и благополучия, русские утописты размышляли не столько о его “обустройстве”, сколько над способами, как “войти в будущее общество очищенными от зла”. Тема “спасения человечества” была сквозной для русской философии, русской литературы и русской утопии... Будущее общество виделось не только изобильным и привольным, но прежде всего праведным обществом»[2].

Все социалисты-утописты исходили из идеи прогресса, находя в ней необходимое и достаточное, как считалось, оправдание социалистического идеала и теоретическое основание для социального моделирования. Это, в частности, подтверждает концовка известного четвертого сна Веры Павловны из романа Н.Г. Чернышевского: «...будущее светло и прекрасно. Любите его, стремитесь к нему, работайте для него, приближайте его, переносите из него в настоящее, сколько можете перенести: настолько будет светла и добра, богата радостью и наслаждением ваша жизнь, насколько вы умеете перенести в нее из будущего». Такая трактовка возможного способа приближения будущего, по мнению современных исследователей, утверждала жертвенность как принцип повседневной жизни, не свойственный ни одной западной утопии. В русском со-

---

[1] Утопический социализм в России: Хрестоматия/ А.И. Володин, Б.М. Шахматов. М., 1985. С. 17.
[2] Новикова Л.И., Сиземская И.Н. Три модели развития России. М., 2000. С. 64.

циалистическом сознании он был доведен до крайних форм, поскольку, приняв за критерий прогресса счастье будущих поколений, социалистическая утопия приносила в жертву ему судьбы живущих поколений, когда «страдания одних» представляются «мостом к счастью других»[1].

Таким образом, российский социалистический утопизм сформировался на основе западных рационалистических и отечественных религиозных социалистических идей. Это, а также российские социально-политические и экономические условия определили особенности его становления и развития.

§2. Эволюция социалистических идей в народнический этап своего развития

Развитие социалистических идей

Первоначально идея социализма воплотилась в движении народничества. Народнический период социализма – время поиска путей реализации социалистических идей. В этот период российские теоретики приложили большие усилия для создания методики преобразования православного самодержавного общества в социалистическое, минуя капитализм.

Социализм в это время еще нигде не был реализован, поэтому социалистическая идея выглядела предпочтительнее перед идеей либеральной, уже воплощенной в европейском капитализме с его достоинствами и недостатками. Последние были настолько неприглядны, что за ними в тот период практически не видели положительных сторон либерально-демократического общества.

В рамках идеалистического подхода социализм является одной из возможных моделей общественного развития. Его создание, как показала практика, возможно не только на базе капитализма, но и иных, в том числе и предшествующих общественных форм. Он не вытекает с необходимостью из общественного развития, а создается волей людей, верящих в социалистическую идею. Создание социалистического общества возможно не только через революцию, подобную Октябрьской 1917 года, но и с помощью внешних сил, как это произошло в Восточной Европе после Второй мировой войны. Пример Кубы доказал возможность бланкистского варианта, который в России разрабатывал П.Н. Ткачев. Нигде пока не был осуществлен анархический социализм, поэтому его российский бакунинский вариант не будет подробно рассмотрен в данной работе, хотя надо отметить, что анархистская струя в российском революционном потоке была довольно сильной.

Успешность реализации утопии, а любая социальная реальность первоначально всегда создается идеально в форме утопии, зависит от возможности ее формирования в конкретных исторических условиях и желания людей воплотить ее в жизнь. Во второй половине XIX века социалистическая утопия была достаточно сильной идеей, чтобы охватить своим влиянием сознание

[1] Новикова Л.И., Сиземская И.Н. Три модели развития России. М., 2000. С. 66–67.

многих и многих российских людей. Условия для ее осуществления в это время в России были, поскольку социализм – в том виде, в каком он был создан в России, – вполне мог быть создан и ранее. Для формирования отношений военного коммунизма, а затем и НЭПа не было нужды в создании мощной экономической базы. Реальный российский социализм был создан на основе разрушенной войнами экономической базы. История Монголии свидетельствует, что социалистическое общество может быть создано на значительно менее развитой экономической платформе, если вообще она играет какую-либо роль в формировании социализма.

Русские идеологи народничества взяли европейский социалистический идеал и пытались осуществить его на российской почве. Для этого им пришлось существенно переработать западный идеал, приспособить его для отечественных условий; однако это не означает, что они создали новый идеал, нет – это был европейский социалистический идеал, порождение рационалистического мировоззрения, а потому, и это важно, чуждый русскому православному мировоззрению.

Народнический социалистический идеал был довольно расплывчат, каждый из идейных лидеров движения видел его несколько отлично от других, но в целом в него были включены такие идеи, как свобода, справедливость, равенство, братство, отсутствие эксплуатации, материальное благосостояние, всестороннее развитие личности, прогресс. Российской особенностью было привнесение в этот, в общем-то европейский набор ценностей идеи коллективизма, связанной с русской общиной. Эта особенность хорошо просматривается в социалистическом идеале Андрея Желябова (1851–1881). Он считал: «Земля и орудия труда должны принадлежать всему народу, и всякий работник вправе ими пользоваться... Государственное устройство должно быть основано на союзном договоре всех общин... Личная свобода человека, то есть свобода мнений, исследований и всей деятельности, снимет с человеческого ума оковы и даст ему полный простор. Свобода общины, то есть право ее вместе со всеми общинами и союзами вмешиваться в государственные дела и направлять их по общему желанию всех общин, не даст возникнуть государственному гнету, не допустит того, чтобы безнравственные люди забрали в свои руки страну, разоряли ее в качестве разных правителей и чиновников и подавляли свободу народа, как это делается теперь»[1].

У народников было стойкое неприятие существующей российской действительности, в которой особенно неприемлемыми казались крепостное право, угнетение и политическое бесправие народа, самодержавие. Еще хуже им виделась европейская буржуазная действительность. Все народники – противники капиталистического пути развития, поэтому основная их идея – избежать капитализма в России, совершив «скачок» в социализм. Отстаивая воз-

[1] Цит. по: История политических и правовых учений. Под ред. В. С. Нерсесянца. М., 1997. С. 427.

можность особого, некапиталистического развития страны, народники отрицали какой-либо положительный смысл российского капитализма. Именно с общиной в первую очередь связывалась вера в возможность особого пути развития России. Из этого не следовало, что народники выступали за некий самобытный путь развития. Они исходили из общепринятой в то время идеи линейного развития человечества, где все народы идут к одной цели, и это движение называется прогрессом. К социализму, по их мнению, шла и Европа. Россия должна была, перескочив через капитализм, стать социалистической одновременно с Европой, а может быть, раньше. Идея «скачка» – заманчивая идея, ею были одержимы не только народники, но и, например, китайские коммунисты.

В историографии общепринятым является мнение о том, что народники были выразителями интересов крестьянства, которые в реальности терпеть не могли народнических идей и с завидным упорством «сдавали» полиции «защитников» своих интересов. Этот феномен легко объясним с позиций идеалистического подхода, в рамках которого интересы определяются господствующим мировоззрением, а оно у крестьян было православным и в принципе несовместимо с рационалистическим мировосприятием народников. Понимание своих интересов у крестьян и крестьянских интересов народниками было различно, а порой и противоположно, что и объясняет негативное отношения народа к «народникам».

Идейными источниками генезиса народничества стали наследие эпохи Просвещения, немецкая философия и западноевропейский социализм, но восприятие зарубежных идей происходило через переосмысление и соотнесение с российской действительностью[1].

Родоначальники народничества – А.И. Герцен и Н.Г. Чернышевский – являлись сторонниками ненасильственной эволюции, главным орудием прогресса считали реформу, отдавали предпочтение постепенному вовлечению в реформаторский процесс народных масс и надеялись на длительную и целенаправленную просветительскую деятельность отечественной интеллигенции. Однако уже поколение семидесятников, вдохновленное пламенными призывами М.А. Бакунина, П.Л. Лаврова, П.Н. Ткачева, перешло к революционному штурму твердыни самодержавия. Безуспешность предпринятой попытки обострила отношение к проблемам существования общества, экономическому развитию России в пореформенное время, будущему страны. Их разработка легла на плечи представителей либерального направления народнической мысли, пользовавшегося наибольшим влиянием в 80-е – начале 90-х годов XIX века[2].

---

[1] Модели общественного переустройства России. XX век: [монография] / В.В. Зверев [и др.]; отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2004. С. 382.

[2] Модели общественного переустройства России. XX век: [монография] / В.В. Зверев [и др.]; отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2004. С. 382–383.

Этапы развития народничества как идейного течения

Народничество становится ведущей силой в оппозиционной мысли в пореформенной России, пройдя ряд стадий своего развития. Первая стадия – зарождение народничества, выработка его теоретического ядра – «русского социализма» – связана в основном с именем бывшего западника А.И. Герцена. Вторая – расцвет народничества – совпадает с эпохой подготовки и отмены крепостного права, эпохой «великих реформ» Александра II. Ее олицетворяют шестидесятники Писарев, Добролюбов, Чернышевский. Третья – революционное народничество 70-х годов, основными теоретиками которого были Бакунин, Лавров, Ткачев. После убийства народовольцами 1 марта 1881 года императора наступает последняя, заключительная стадия эволюции народничества – либеральное народничество, его идейным вождем стал Михайловский.

В первой половине XIX века смена мировоззрений у образованного класса привела к потере того идеала развития, который содержался в православном мировоззрении в образах Царствия Божия. Поиски нового образа будущего достаточно закономерно привели русских рационалистов к идеям европейского социализма, поскольку именно эти идеи были наиболее популярны в западном рационализме.

Первое знакомство русских с социалистической идеей происходит еще в 1830-е годы. Однако социализм в России в этот период – факт не столько общественного, национального, массового, сколько личностного, в лучшем случае – узкогруппового сознания. Представления о желанном грядущем социальном устройстве весьма смутны. Более того, если они конкретизируются, то принимают очертания религиозного, христианского социализма, смыкаясь, с одной стороны, с идеями первоначального христианства, а с другой – с учениями французских христианских социалистов, вроде Ф. Ламенне и П. Леру[1].

Перенос идей европейского социализма в форме сенсимонизма на российскую почву был осуществлен А.И. Герценом и Н.П. Огаревым. Огарев напишет: «Первая идея, которая запала в нашу голову, когда мы были ребятами, – это социализм. Сперва мы наше *я* прилепили к нему, потом *его* прилепили к нашему *я*, и главною целью сделалось: *мы* создадим социализм»[2].

Концептуальная разработка так называемого «русского», крестьянского социализма, сознательная пропаганда его на страницах открытой печати началась в 40-е годы XIX века, в эти же годы в России была создана собственная социалистическая литература. Как отмечают современные исследователи, «Нельзя сказать, что общественность России была готова к восприятию идей социализма. (Даже В.Г. Белинский в это время относился к ним в целом отрицательно.) И тем не менее о социализме в России уже говорили

---

[1] Утопический социализм в России: Хрестоматия/ А.И. Володин, Б.М. Шахматов. М., 1985. С. 24.
[2] Цит. по: Новикова Л.И., Сиземская И.Н. Три модели развития России. М., 2000. С. 71.

(В.С. Печерин, В.П. Боткин, А.И. Тургенев, А.А. Краевский). В это время идеи социализма выступали фактом не столько общественного, сколько узкогруппового сознания, иногда принимая даже религиозный, мистический характер»[1].

Что касается содержания социалистической мысли этого периода, то оно определялось, прежде всего, критикой западного социализма. Неофиты увидели ряд негативных сторон нового учения, и в частности теоретическую необоснованность, оторванность от действительности, слабую философско-теоретическую базу[2]. Пытаясь избавиться от этих недостатков западного социализма, русский социализм пытается подвести под фундамент теории не только современные ему французские социалистические идеи, но и гегелевское учение о диалектике, антропологический материализм Фейербаха, а также некоторые идеи истории и политической экономии. Русская оригинальная составляющая заключалась в попытке связать социалистическое учение с судьбами русской крестьянской общины, в которой увидели элемент будущего общества. Сочетание этих идей разовьется в концепции народнического, так называемого «русского», общинного, крестьянского социализма уже в пореформенное время.

Распространение социалистических идей довольно быстро было замечено идейными противниками социализма. В секретной докладной записке, направленной весною 1846 года в III отделение – главный центр политического сыска России того времени, Ф. Булгарин пишет: социализм и коммунизм – это «два вида одной и той же идеи, породившей якобинизм, санкюлотизм, карбонаризм и все вообще секты и общества, стремившиеся и стремящиеся к ниспровержению монархии и всякого гражданского порядка». Вместе с философией безверия, то есть атеизмом, и пантеизмом они «вперяют» в головы людей «идеи равенства между людьми, натурального права на общее владение землею и уничтожения всех различий между людьми и всякого частного имущества»[3].

Следующий этап в развитии утопического социализма в России – 1849–1860 годы – время возникновения и разработки теории крестьянского, общинного социализма. И не только разработки, но и широкой его пропаганды, сначала главным образом в произведениях Герцена, предназначенных западноевропейскому читателю, затем – уже на страницах «Колокола» и примерно с 1857 года – на страницах «Современника». По мнению некоторых исследователей, социализм в России 30–40-х годов еще «не был национальным, «русским», хотя, несомненно, составлял органическую часть социальной мысли России. Разработка народнического социализма представляла со-

---

[1] Новикова Л.И., Сиземская И.Н. Три модели развития России. М., 2000. С. 70.

[2] Утопический социализм в России: Хрестоматия/ А.И. Володин, Б.М. Шахматов. М., 1985. С. 26.

[3] Цит. по: Утопический социализм в России: Хрестоматия/ А.И. Володин, Б.М. Шахматов. М., 1985. С. 28.

бой с этой точки зрения качественный рубеж в развитии социализма в России: отныне социалистический идеал оказывается привязанным к колеснице российского развития»[1].

В пореформенную эпоху идеи социализма впервые обретают в России относительно массовую базу, распространяясь среди значительной части интеллигенции, преимущественно разночинной. С момента соединения утопического социализма с освободительным движением разночинной демократии социалистические идеи и революционная практика выступают в одном общем потоке.

С отменой в 1861 году крепостного права условия существования, интенсивность и формы проявления социалистических идей и действий изменились коренным образом. Возникло организованное подполье. Это уже были не только отдельные кружки, но и целые общества, самое заметное из которых – «Земля и воля».

В начале 70-х годов XIX века в социалистическом движении усиливается влияние бакунинского варианта народнического социализма. Свою работу в народе последователи Бакунина строили в надежде поднять народ на восстание, взбунтовать его. Влияние идеологии бакунизма заметно на программе самой крупной организации революционеров-социалистов начала 70-х годов – организации чайковцев, или «Большого общества пропаганды». Наряду с проектом общинного, «безгосударственного» самоуправляющегося строя будущего России она содержала идеи строгой регламентации внутриобщинных отношений. Заметно влияние бакунизма и на массовое «хождение в народ»[2].

На рубеже 1860 – 1870-х годов народничество вполне оформилось и стало господствующим направлением освободительного движения и революционно-социалистической мысли. Главные его идеологи – М.А. Бакунин, П. JI. Лавров, П.Н. Ткачев, В.В. Берви-Флеровский и Н.К. Михайловский – как раз в это время выступили с трудами, в которых достаточно определенно выявилось своеобразие их теоретических позиций[3]. Распространение их идей вызвало новый революционный подъем, принявший характер массового «хождения в народ» в 1873– 1874 годах.

Несмотря на общность тематики лидеров народничества, в их работах легко заметить как общие, так и особенные трактовки ими проблем социализма. Общим для них было: понимание социалистического идеала, основанного на крестьянской общине; основы критики капитализма; признание капиталистического развития регрессом по отношению к России; понимание социальной революции как крестьянской революции. Общими были задачи уничтожения монархии и феодальных отношений и т. п. В «этих общих положениях теоретики народничества были наименее оригинальны по отношению к иде-

---

[1] Утопический социализм в России: Хрестоматия/ А.И. Володин, Б.М. Шахматов. М., 1985. С. 36.
[2] Утопический социализм в России: Хрестоматия/ А.И. Володин, Б.М. Шахматов. М., 1985. С. 68.
[3] Утопический социализм в России: Хрестоматия/ А.И. Володин, Б.М. Шахматов. М., 1985. С. 63.

ям общинного социализма, развитым еще Герценом и Чернышевским ...Оригинальность же их начиналась как раз в тех пунктах программ, которые разделяли три направления в народничестве. А расхождения между ними начинались тогда, когда они переходили к трактовке не только существа той революции, которая должна привести Россию к социализму, но и, что особенно важно, к изысканию путей и средств ее осуществления применительно к тем социально-политическим условиям, в которых приходилось действовать революционерам-социалистам. Если говорить о главном, что внесли теоретики революционного народничества 70-х годов, то это разработка теории социальной революции»[1].

Впервые в России проблемы революции и социализма разрабатывались в единстве и всесторонне. Понятия социализма и революции сливаются и становятся едины в общественном сознании. В 1885 году П.Ф. Николаев писал: «Не быть для русского социалистом – значит не быть и революционером. С другой стороны, невозможно быть социалистом, не будучи революционером. В этом лежит характерное различие истории современной России от истории Европы»[2]. Теория воплощалась в программы революционных организаций, определявших цели движения, его идеологию, организационные формы, политическую линию, характер деятельности и поведения каждого его члена.

На основе программ строилась идеология социалистической пропаганды, определявшая облик социалистической мысли того времени, и среди них особое место занимает литература для народа, получившая бурное развитие со времени «хождения в народ». Ее писали сами участники движения – такие, как С.М. Степняк-Кравчинский, Л.Э. Шишко, Л.А. Тихомиров, И.Н. Мышкин, А.И. Иванчин-Писарев, З. К. Ралли-Арборе, В.Е. Варзар и другие выдающиеся пропагандисты[3]. Талантливо изложенные социалистические идеи внесли свою лепту в разрушение православного мировоззрения крестьян, подготовили восприятие радикальной большевистской концепции.

Народнические идеи позднее были усвоены эсерами. Конечно, сегодня невозможно сказать, каким был бы народнический социализм в реальности. Некоторую пищу для размышлений может дать результат внедрения большевиками эсеровской аграрной программы, на ее основе поднялась русская деревня в 1920-е годы. Это не означает, что в случае реализации народнического варианта социализм в России развивался бы более успешно, чем это произошло в результате развития по большевистскому сценарию. Народнический социализм был бы другим, и у него были бы иные достижения и недостатки. Сегодня о них можно только гадать. Время реализации

---

[1] Утопический социализм в России: Хрестоматия / А.И. Володин, Б.М. Шахматов. М., 1985. С. 69–70.

[2] Николаев П.Ф. Очерк развития социально-революционного движения в России. Литературное наследство. М., 1977. Т. 87. С. 418.

[3] Утопический социализм в России: Хрестоматия / А.И. Володин, Б.М. Шахматов. М., 1985. С. 71–72.

этой идеи безвозвратно минуло. С позиций идеалистического подхода важно другое – то, что, народнический социализм мог быть реализован в России.

Реализация идей зависит от того, насколько эти идеи воплощаются в деятельность людей, как много людей верят в них и готовы рискнуть осуществить их в реальности. Во второй половине XIX века количество людей, одержимых народническими идеями, было невелико, зажечь ими народ они не смогли, попытка убедить власть в необходимости реализации этих идей также не удалась. В начале XX века народнические идеи уже не были столь популярны, как в век предыдущий, более привлекательными стали идеи марксистского социализма; именно они и были реализованы в России.

Оппоненты народников верно указывали на то, что народ не принял народнический идеал. Он был несравненно слабее православного идеала и полностью расходился с ним в своих основаниях. До тех пор пока мировоззрение активной части народа было православным, рационалистические социалистические идеи не имели шансов на реализацию. Для их осуществления нужно было «свергнуть» Бога в душах людей и подготовить их для принятия нового идеала. Это сумели сделать большевики с рабочим классом. Конечно, развенчание Бога в душах рабочих – «заслуга» не одних большевиков, этим занималось все образованное общество, но именно большевики сумели насадить, навязать рабочим свой идеал и использовать их энергию в целях реализации марксистского варианта социализма. Народники много сделали для того, чтобы поколебать православное мировоззрение в сознании крестьянства, которое в ходе революций не встало на защиту самодержавия, а в Гражданской войне выступило в основном на стороне большевиков.

§3. Разработчики русского социализма середины XIX века

Социализм А.И. Герцена

Значительную часть своей жизни Александр Иванович Герцен (1812–1870) провел за границей. Наблюдая непосредственно за развитием капитализма в Англии, он отмечал его растущие противоречия и пороки. Разочарование в Западе стало его духовной драмой, преодоленной в теории русского крестьянского социализма, которую он первым начал разрабатывать. На основе своих наблюдений он приходит к выводу, что на смену капитализму, который не является справедливым строем, должен прийти социализм, становление которого он связывал с сохранившейся в России общиной. При этом Герцен считал, что путь к социализму, который, по его убеждению, открывался перед русским народом, – частный случай в ходе общеевропейского экономического развития, поэтому разрабатывал пути быстрого преодоления этой, неизбежной по его мнению, ступени развития, с тем чтобы сразу выйти на социалистическую ступень.

Основой социального преобразования России и перехода ее к социализму А. Герцен считал сельскую общину. Он первым воспринял ее как главный

опорный элемент в здании будущего русского социализма. В общине, полагал Герцен, сохраняются равенство ее членов и самоуправление, что облегчает переход России к социалистическому строю. «Общинная организация, хоть и сильно потрясенная, устояла против вмешательства власти; она благополучно дожила до развития социализма в Европе. Это обстоятельство бесконечно важно для России»[1]. В общинных хозяйственных и административных началах Герцен усматривал прообраз и черты социалистического коллективизма. «...В избе русского крестьянина мы обрели зародыш экономических и административных установлений, основанных на общности землевладения, на аграрном и инстинктивном коммунизме»[2].

Существовавшую в России общину Герцен считал основой, но отнюдь не готовой ячейкой будущего общественного устройства. Ее главный недостаток состоял в поглощении личности общиной, поэтому главную проблему Герцен видел в том, чтобы соединить права личности с общинным устройством. Для этого необходимо освободить общину от примесей, внесенных в нее «монголизмом, бюрократией, немецкой военщиной, крепостничеством»[3]. Одновременно крестьянскую жизнь нужно изменить при помощи достижений западной цивилизации. К приобщению русского крестьянина к достижениям культуры, науки и техники Запада должны быть призваны передовые русские люди, впитавшие исторический опыт и социалистические представления Европы.

Герцен пришел к выводу, что именно Россия может быть страной, в которой есть возможность соединить социалистические идеи с исторической реальностью, поскольку в ней сохранилось общинное землевладение. В русском крестьянском мире, утверждал он, содержатся три начала, позволяющие осуществить экономический переворот, ведущий к социализму: право каждого на землю; общинное владение ею; мирское управление. По мнению Герцена, отмена крепостного права при сохранении общины даст возможность избежать печального опыта капиталистического развития Запада и перейти прямо к социализму.

Первоначально представления А. Герцена о грядущем социальном переустройстве были весьма неопределенны. Но уже в начале 1840-х годов его социалистические воззрения оформляются концептуально. За два года до смерти он дал следующее определение социализма: «Мы русским социализмом называем тот социализм, который идет от земли и крестьянского быта, от фактического надела и существующего передела полей, от общинного владения и общинного управления, – и идет вместе с работничьей артелью на-

---

[1] Антология мировой политической мысли. В 5-ти т. Т. 3. Политическая мысль в России X – пер. пол. XIX в. М., 1997. С. 771.

[2] Герцен А.И. // Он же. Собр. соч. В 30-ти т. Т. 13. С. 179.

[3] Новикова Л.И., Сиземская И.Н. Три модели развития России. М., 2000. С. 75.

встречу той экономической справедливости, к которой стремится социализм вообще и которую подтверждает наука»[1].

Будущее общество мыслилось Герценом как союз самоуправляющихся общин: «Сельская община представляет у нас ячейку, которая содержит в зародыше государственное устройство, основанное на самозаконности, на мировом сходе, с избирательной администрацией и выборным судом».

Неприятие капиталистической цивилизации, ее «мещанства», желание найти для своей страны путь в будущее, не зараженное язвами «буржуазности», подводило к «идее перескока» Россией стадии капитализма, концептуально оформившейся в теорию некапиталистического развития. «Мы можем и должны пройти через скорбные, трудные фазы исторического развития наших предшественников, но так, как зародыш проходит низшие ступени зоологического существования»[2], – писал Герцен. Способ, с помощью которого это можно сделать, – это совместить положительные свойства западной цивилизации и русской общины.

А. Герцен к решению проблемы скачка в социализм подходил как идеалист, поскольку считал, что социальные идеи обладают многообразием форм воплощения[3]. Возможность вырваться вперед связана с тем, что ход истории не предопределен жестко и может меняться в зависимости от исходных позиций и условий его развития. «При отсутствии плана и срока, аршина и часов развитие в природе, в истории не то что не может отклониться, но должно беспрестанно отклоняться, следуя всякому влиянию и в силу своей бесконечной страдательности, происходящей от отсутствия определенных целей»[4]. Большую роль в историческом процессе, считал он, играет не только закономерность развития, но и случайность.

Обоснование А. Герценом скачка из докапиталистического общества в социалистическое грешит некоторыми логическими и концептуальными погрешностями и исходит из противоположных идеалистических и материалистических посылок, но поскольку оно звучало убедительно для современников, то с точки зрения идеалистического подхода при наличии соответствующих условий могло быть реализовано.

Герцен уделял большое внимание способам осуществления социальной революции. В его произведениях немало суждений о неизбежности насильственного низвержения капитализма, однако он отнюдь не был сторонником обязательного насилия и принуждения. Незадолго до смерти Герцен напишет: «Я не верю в серьезность людей, предпочитающих ломку и грубую силу развитию и сделкам. Проповедь нужна людям – проповедь, неустанная, еже-

---

[1] Герцен А.И. Порядок торжествует! // Он же. Собр. соч. В 30-ти т. Т. 19. С. 193.

[2] Герцен А.И. Старый мир и Россия. Письма к В. Линтону. Письмо первое // Он же. Собр. соч. В 30-ти т. Т. 12. С. 186.

[3] Герцен А.И. Письма к путешественнику. Письмо второе // Собр. соч. В 30 т. Т. 18. С. 357.

[4] Герцен А.И. Концы и начала // Собр. соч. В 30 т. Т. 16. С. 346.

минутная, – проповедь, равно обращенная к работнику и хозяину, к земледельцу и мещанину. Апостолы нам нужны прежде авангардных офицеров, прежде саперов разрушения»[1]. Революцию следует осуществлять с помощью пропаганды социалистических идей, критики существующего строя и обличения язв капитализма.

Он считал, что из развалин буржуазного мира, разрушенного насилием, снова возникнет какой-нибудь иной буржуазный мир. К новому социальному порядку можно было прийти и мирным путем, поэтому А. Герцен разрабатывал идею избрания и созыва всенародного бессословного «Великого Собора» – Учредительного собрания для отмены крепостничества, узаконения пропаганды социалистических идей, законной борьбы против самодержавия. Именно начиная с А.И. Герцена идея Учредительного собрания стала органической частью социально-революционной и демократической идеологии России.

Западные социалистические идеи, адаптированные А. Герценом к российской реальности, послужили основой русского социализма.

Социалистические идеи Н.Г. Чернышевского

Николай Гаврилович Чернышевский (1828–1889) наряду с А.И. Герценом заслуженно считается основоположником теории «русского социализма». Герцен называл Чернышевского одним из выдающихся представителей теории не русского, а «чисто западного социализма». Чернышевский действительно часто ссылался на идеи Фурье, Леру, Прудона, Луи Блана и других западноевропейских социалистов. Споры Герцена и Чернышевского по отдельным проблемам не выходили за пределы разногласий в рамках одного направления, а общая цель была ясно сформулирована Герценом: «Великая задача, разрешение которой ложится на Россию, заключается в развитии народных элементов путем органического освоения науки об обществе, выработанной Западом»[2].

В отличие от А. Герцена, Н. Чернышевский – убежденный демократ. Будучи лидером революционно-демократического лагеря, он ближайшей целью революционной демократии ставил полное уничтожение крепостного права, а перспективной считал борьбу за социализм. Критически анализируя идеи утопического социализма Западной Европы и идеи русского социализма Герцена, Чернышевский, создавая свою теорию, ближе всех социалистов-утопистов подошел к историко-материалистической концепции, за что особо почитался В.И. Лениным.

Стержнем теории Н.Г. Чернышевского была разработанная А.И. Герценом идея общинного социализма в России. В 1856–1862 гг. в журнале «Современник» Чернышевский посвятил целый ряд статей систематическому изложе-

---

[1] Герцен А.И. К старому товарищу // Собр. соч. В 30-ти т. Т. 20, кн. 2. С. 593.

[2] Цит. по: История политических и правовых учений / Под ред. О.Э. Лейста. М., 1997. Ч. 3. С. 17.

нию и популяризации идеи перехода к социализму через крестьянскую общину, с помощью которой, по его мнению, Россия сможет избежать «язвы пролетариатства». Он стремится доказать на основе гегелевского закона отрицания отрицания необходимость сохранения общины и ее развития в более высокую организацию.

Размышляя о будущем России, Н. Чернышевский считал, что на смену самодержавию должна прийти демократическая республика. Эта форма правления, по его мнению, способна обеспечить оздоровление государственного аппарата и предотвратить образование бюрократии как особой касты, стоящей над обществом

В отличие от народников-анархистов, Чернышевский признавал необходимость государства для перехода к социализму. После длительного переходного периода (не менее 25–30 лет) будущее общество сложится в федерацию основанных на самоуправлении союзов земледельческих общин, промышленно-земледельческих объединений, фабрик и заводов, перешедших в собственность работников[1]. В результате роста производства и перехода к распределению по потребностям (принцип Луи Блана) исчезнут конфликты между людьми, а тем самым и надобность в государстве.

Социализм, по мнению Чернышевского, это общество, в котором обобществлены средства производства и земля, достигнут высокий уровень индустриального и культурного развития, труд превращается в приятное удовлетворение физиологической потребности, а личность получает максимальные условия для всестороннего развития. Социалистическое государство установит и упрочит коллективную собственность, организует общественное производство и потребление. Только на этой основе и возможно обеспечить основные потребности всех граждан: улучшить материальный быт масс, расширить просвещение, увеличить индивидуальную самостоятельность. А когда укрепится общественная собственность, то, как считал Н. Чернышевский, исчезнет необходимость в государстве для ограничения свободы трудящихся и охраны безопасности, так как исчезнут силы, заинтересованные в нарушении общественного порядка[2].

На смену социализму, полагал Чернышевский, придет новый, более совершенный общественный порядок – коммунизм. Если при социализме обобществлены средства производства и земля, то при коммунизме будет обобществлено и распределение. Люди будут получать продукты по потребности, утверждал Н. Чернышевский[3].

Своеобразие моделирования Чернышевским контуров социалистического общества состоит в том, что он обосновывает будущее на основе выявления

---

[1] История политических и правовых учений / Под ред. О.Э. Лейста. М., 1997.Ч.3. С. 18.

[2] Азаркин Н.М. История юридической мысли России. М., 1999. С. 347.

[3] Бессонов Б.Н. Предисловие //Антология мировой политической мысли. В 5-ти т. Т. 3. Политическая мысль в России X – пер. пол. XIX в. М., 1997. С. 6.

ведущих тенденций настоящего – современных ему капиталистических реалий Западной Европы. Опираясь в своих исследованиях на идеи Сен-Симона, Фурье, Оуэна, Годвина, а также на некоторые построения Луи Блана, мыслитель приходит к выводу: социализм есть неизбежный результат социально-экономической истории человечества, его движения по пути к коллективной собственности и «принципу товарищества»[1].

Именно утопии Чернышевского создали новый тип людей – народников-интеллигентов, которых идеи социализма заставили говорить не столько о желаемом будущем, сколько о должном настоящем. Герои его романа «Что делать?» стали прообразами тех «новых людей», которые спустя некоторое время составили многочисленные отряды народовольцев и с практической деятельностью которых будет связана дальнейшая эволюция русского утопического социализма[2].

Как и А.И. Герцен, Н.Г. Чернышевский был убежден, что у России особый путь к социализму. Опираясь на специфическую традицию российского общества – общинное земледелие, Россия может прийти к социализму, минуя капитализм.

Чернышевский считал наиболее желательным переход к социализму путем реформ, поскольку революции слишком дорого обходятся обществу. Однако для современной ему России такой путь он считал невозможным. В России переход к социализму, по его мнению, произойдет в форме народной революции с помощью организации революционеров – группы просвещенных, критически мыслящих людей, способных своим поведением и действиями воодушевить массы на борьбу[3].

Н. Чернышевский развил взгляды А. Герцена на общину как основу для русского социализма. В западной свободе, индивидуализме и законности он видит причину «безграничного соперничества» собственников в земледелии и промышленности, что в конечном счете «отдало слабых на жертву сильным, труд на жертву капиталу». Напротив, община и ее специфические отношения обеспечивают союз и братство между людьми.

Крестьянскую общину Чернышевский рассматривал не как специфическую особенность развития России, выражение русского национального характера, а как стадию экономического развития, которую фактически проходили, а частью и продолжают проходить все народы. Старая община, по его убеждению, не сохранится в ходе последующего общественного развития; иное дело, что на смену ей может прийти новая форма общинного, общественного хозяйства, за утверждение которой и надо бороться социалистам[4].

---

[1] Новикова Л.И., Сиземская И.Н. Три модели развития России. М., 2000. С. 79.
[2] Новикова Л.И., Сиземская И.Н. Три модели развития России. М., 2000. С. 82.
[3] Новикова Л.И., Сиземская И.Н. Три модели развития России. М., 2000. С. 83.
[4] Очерк теории социализма / Смирнов Г.Л., Андреев Э.М. Баграмов Э.А. и др. М., 1989. С. 50–51.

Кроме того, общинное владение, по мнению Чернышевского, предпочтительнее частной собственности на землю, поскольку лучше «упрочивает национальное благосостояние». Успехи в сельском хозяйстве общинная собственность должна обеспечить за счет того, что она «соединяет собственника, хозяина и работника в одном лице». Все это позволяло сделать вывод о возможности ускоренного социального развития при помощи общины.

В конце 40-х годов XIX века социалистическая теория усилиями экономиста, профессора Петербургского университета В.А. Милютина была соединена с политической экономией, что должно было, по его мысли, придать социализму характер «научных формул» и из несбыточной мечты превратить в идею, способную перейти из «сферы отвлечений в сферу действительности»[1]. Идеи Милютина нашли продолжение в учении о социализме Чернышевского. Еще в 1848 году он писал, что политическая экономия и история «стоят теперь во главе всех наук. Без политической экономии теперь нельзя шагу ступить в научном мире»[2].

Моделируя будущее социалистическое общество, Н. Чернышевский уделяет большое внимание вопросам его экономических и материально-технических предпосылок, его закономерной обусловленности. Анализ исторического процесса и экономического развития капиталистической цивилизации подвел Чернышевского к выводу: вектором последней является рост крупной промышленности и возрастание обобществления труда, что должно с необходимостью привести к ликвидации частной собственности. Из факта промышленного роста Чернышевский сделал вывод, противоположный тому, что сделал К. Маркс в «Капитале»: «Опасаться за будущую судьбу труда не следует: неизбежность ее улучшения заключается уже в самом развитии производительных процессов»[3].

Историческая ограниченность капитализма ведет к ситуации, «когда отдельные классы наемных работников и нанимателей труда исчезнут, заменившись одним классом людей, которые будут работниками и хозяевами вместе»[4]. Социализм выступает в учении Н. Чернышевского как экономическая необходимость, какой в свое время стал капитализм, принесший более высокие формы производства.

Вывод об экономической обусловленности социализма, о его корнях в капиталистической (промышленной) цивилизации не поколебал веры Чернышевского в крестьянскую общину, тем более что она позволяла, по его мнению, «перепрыгнуть» через капитализм сразу в социализм.

---

[1] Новикова Л.И., Сиземская И.Н. Три модели развития России. М., 2000. С. 79.

[2] Чернышевский Н.Г. Письмо Г.И. и Е.Е. Чернышевским 22 ноября 1849 г. // Он же. Полн. собр. соч. В 15 т. Т. 14. М., 1948–1950. С. 167.

[3] Чернышевский Н.Г. Основания политической экономии // Он же. Полн. собр. соч. В 15-ти т. Т. 9. С. 222.

[4] Чернышевский Н.Г. Очерки из политической экономии (по Миллю) // Полн. собр. соч. В 15-ти т. Т. 9. С. 487.

Социалистические идеи Н.Г. Чернышевского были настолько убедительными, что послужили основой для создания революционно-демократического движения в России.

П.Л. Лавров

Один из идеологов народничества Петр Лаврович Лавров (1823–1900) считал, что историю в конечном счете делает по своей воле образованное и нравственное меньшинство («критически мыслящие личности»). Поэтому главная задача революционных деятелей – выработка нравственного идеала, к осуществлению которого им и надлежит стремиться в своей практической деятельности. Моральный долг, идея «уплаты» долга народу были главным принципом всей жизни Лаврова.

Лавров исходит из решающей роли критически мыслящих личностей в историческом процессе. Задаваясь в своей наиболее известной работе «Исторические письма»[1] вопросами, как шла история, кто ее двигал, он отвечал: «Одинокие борющиеся личности». История развертывалась таким образом, что массы не оказывали существенного влияния на ход событий. По вине эгоистического меньшинства (эксплуататоров) они были отстранены от сколько-нибудь существенного влияния на прогресс в обществе. Поэтому интеллигенция, а не массы была до сих пор главным действующим лицом исторической драмы: «Как ни мал прогресс человечества, но и то, что есть, лежит исключительно на критически мыслящих личностях: без них он, безусловно, невозможен»[2]. Настало время вернуть долг народу, который забит и придавлен, но все же способен понять свои права. Интеллигенция должна разъяснить их народу и возглавить его борьбу за землю и волю. В крайнем случае, интеллигенция может сыграть прогрессивную роль «невзирая на пассивность народа». Но это – в крайнем случае. Вообще, интеллигенция должна вызвать в народе стремление к сознательной борьбе, и прежде всего к сознательной постановке целей. Таким образом, интеллигенция, проникнутая глубоким чувством долга и сознанием общественной цели (социализм), является главным двигателем исторического прогресса[3].

Известным вкладом в теорию русского социализма были выведенные Лавровым «формула прогресса», его цель и условия: «Развитие личности в физическом, умственном и нравственном отношении; воплощение в общественных формах истины и справедливости – вот краткая формула, обнимающая, как мне кажется, все, что можно считать прогрессом... Минимум гигиенических и материальных удобств – это необходимое условие прогресса; обеспеченный труд при общедоступности удобств жизни – это конечная цель, соот-

---

[1] См.: Лавров П.Л. Исторические письма //Антология мировой политической мысли. В 5-ти т. Т. 4. Политическая мысль в России X – пер. пол. XIX в. М., 1997. С. 80–93.

[2] Лавров П.Л. Исторические письма //Антология мировой политической мысли. В 5-ти т. Т. 4. Политическая мысль в России X – пер. пол. XIX в. М., 1997. С. 81.

[3] Азаркин Н.М. История юридической мысли России. М., 1999. С. 354.

ветствующая этому условию. Потребность критического взгляда, уверенность в неизменности законов природы, понимание тожества справедливости с личной пользой – это условия умственного развития; систематическая наука и справедливый общественный строй – это конечная цель его»[1].

Лавров высоко ценил науку и стремился обосновать теорию социализма новейшими достижениями политэкономии, социологии и естественных наук. Теорию Маркса он оценивал как «великую теорию фатального экономического процесса», и особенно ценил за критику западноевропейского капитализма, отвечающую стремлениям русских социалистов миновать в России эту стадию развития.

Социализм Лаврова имел ярко выраженный народнический характер, он отрицал государственность и выступал за свободную ассоциацию работников. П. Лавров подчеркивал самобытность русских общественных отношений, социалистическую природу крестьянства, рассматривал общину как социально-экономическую основу будущего общества. Главные положения социализма он определял следующим образом: «Прекращение эксплуатации человека человеком. Прекращение управления человека человеком. В последней формуле, конечно, слово “управление” должно быть понято не в смысле добровольного подчинения одной личности в данном случае руководству другой, – пояснял Лавров, – но в смысле принудительной власти одной личности над другою»[2].

Важную роль в концепции П. Лаврова играли его взгляды на государство. По мнению народнического идеолога, государство возникает не вместе с классами, а до классов из подчинения сначала природным, а затем природно-общественным условиям. Государство – институт насилия одних над другими – эволюционирует, проходя стадии физического господства (древние и средневековые государства), экономического господства (буржуазные государства Нового времени) и нравственного господства (социалистические государства будущего). На всех трех стадиях развития государства основанием для его существования является безопасность, в которой нуждаются все члены общества. Государство, по Лаврову, сохранится и на втором этапе социальной революции – переходном периоде построения рабочего социализма[3].

Большую роль в государстве играют критически мыслящие личности. Так, в работе «Государство» П. Лавров пишет: «Пока государственный союз есть могущественная функция в борьбе за прогресс и за регресс, до тех пор критически мыслящая личность имеет право употреблять ее как орудие для охранения слабых; для расширения истины и справедливости; для доставления личностям средства развиться физически, умственно и нравственно, для до-

---

[1] Лавров П.Л. Исторические письма //Антология мировой политической мысли. В 5-ти т. Т. 4. Политическая мысль в России X – пер. пол. XIX в. М., 1997. С. 81.

[2] Цит. по:История политических и правовых учений / Под ред. О.Э. Лейста. М., 1997. Ч. 3. С. 20.

[3] Азаркин Н.М. История юридической мысли России. М., 1999. С. 355.

ставления большинству минимума удобств, необходимого для вступления на путь прогресса»[1].

Современное государство, по толкованию Лаврова, один из самых сильных и опасных врагов делу социализма, и против него направлена значительная доля борьбы «организующегося рабочего социализма». П. Лавров утверждал, что нынешнее государство не может сделаться орудием социализма, поэтому для осуществления социалистического общественного строя необходимо разрушить современное государство и создать нечто другое[2]. В отличие от М. Бакунина, П. Лавров считал государство злом, которое нельзя уничтожить сразу, а можно только постепенно свести к «минимальному минимуму» по мере нравственного воспитания общества, утверждения солидарности, причем чем меньше в обществе солидарности, тем могущественнее государственный элемент[3].

Социализм в России, писал Лавров, подготовлен ее общинным строем и будет построен в результате повсеместной народной революции, которая создаст «народную федерацию русских революционных общин и артелей»[4]. Для строительства социализма, по П. Лаврову, необходима государственная власть как форма руководства коллективной деятельностью и применения насилия к внутренним врагам нового порядка. Лавров считал, что необходимо строить новое общество по разработанному научному плану.

Народной революции будет предшествовать неопределенно-продолжительный период пропаганды, поэтому для свержения самодержавия П. Лавров призывал русскую молодежь идти в народ, отказавшись «от всякого участия в государственном строе России». Основной и важнейшей задачей социалистов в России он считал сближение с народом для «подготовления переворота, долженствующего осуществить лучшее будущее»; особое значение он придавал строгой и усиленной личной подготовке социалиста к полезной деятельности, его умению завоевать доверие народа, его способности оказать помощь народу. Народную революцию можно готовить и легальными средствами, сотрудничая с либералами, русскими конституционалистами. Главное – принести народу «выработанную мысль, накопленное знание», придать «его порывам цельность и организацию», вызвать «из его среды представителей интеллигентного революционного крестьянства», а затем сойти со сцены, «отдав народное дело в руки народа»[5].

Что касается тактики революционной борьбы, то социальная революция, по Лаврову, должна быть подготовлена тайной организацией путем пропа-

---

[1] Антология мировой политической мысли. В 5-ти т. Т. 4. Политическая мысль в России X – пер. пол. XIX в. М., 1997. С. 91.

[2] История политических и правовых учений. Под ред. В. С. Нерсесянца. М., 1997. С. 426.

[3] История политических и правовых учений / Под ред. О.Э. Лейста. М., 1997. Ч. 3. С. 20.

[4] История политических и правовых учений / Под ред. О.Э. Лейста. М., 1997. Ч. 3. С. 20.

[5] Азаркин Н.М. История юридической мысли России. М., 1999. С. 356.

ганды и агитации, поэтому важным условием подготовки революции он считал создание партии революционной интеллигенции. Свои взгляды на принципы ее создания и работы он изложил в письме «Растущая общественная сила»[1]. В нем Лавров пишет, что это должен быть союз единомышленников, для которых «критическая мысль нераздельна от дела». Вокруг партии формируются группы сочувствующих.

П. Лавров придавал большое значение поселениям революционеров непосредственно в общинах и рабочих артелях. Находясь в гуще народной жизни, революционеры, как мыслил Лавров, «приобретут солидарность и для своего союза». Но самое главное то, что, объединенные крепкой практической организацией, они создадут революционную партию, соединят «в одно дело революционеров рабочего класса со всех концов России и тем самым положат начало теперь отсутствующей в народе солидарности всех русских рабочих»[2].

Революционная интеллигенция и ее партия, по Лаврову, должны выступить лишь застрельщиком, инициатором, организатором социального переворота. В союзе «интеллигенции и силы народных масс» он видел единственное условие победы социальной революции в России. П. Лавров считал, что успех может быть достигнут лишь при широком участии в революции трудящихся классов, которые осознают причины своих бедствий и соединят неосознанный протест отдельных личностей в единую могучую силу всеобщего протеста против существующего строя.

Таким образом, важными идеями, ясно и определенно высказанными П. Лавровым, были: «идея критически мыслящей личности» и связанная с ней «формула прогресса», развитие идеи «похода в народ», создание революционной партии и некоторые другие, которые были организованы в целостную концепцию, указывавшую направление деятельности по созданию социализма в России. Идеи Лаврова были созвучны интересам интеллигенции того времени и сделали его вождем правого крыла русских революционеров 1870-х годов.

Бланкистский путь к социализму П.Н. Ткачева

Представителем бланкистского[3] направления русского социализма был Петр Никитич Ткачев (1844 – 1886).

П. Ткачев выступал за немедленный правительственный переворот. Он считал, что сознательное революционное меньшинство, объединенное в централизованную партию, должно захватить политическую власть. Его концепцию от популярных в то время идей М. Бакунина и П. Лаврова отличали про-

---

[1] См.: Антология мировой политической мысли. В 5-ти т. Т. 4. Политическая мысль в России X – пер. пол. XIX в. М., 1997. С. 85–86.

[2] Азаркин Н.М. История юридической мысли России. М., 1999. С. 356.

[3] Главными составляющими концепции бланкизма являются идея заговора и идея диктатуры революционного меньшинства.

поведь политической борьбы, требование организации революционных сил и признание необходимости революционной диктатуры.

В вопросе о роли личности в истории Ткачев склонялся к субъективизму: поскольку история не существует вне и помимо деятельности людей, то личность выступает в ней как активная творческая сила. Личности, «активное меньшинство», могут и должны вносить «...в процесс развития общественной жизни много такого, что не только не обусловливается, но подчас даже решительно противоречит как предшествующим историческим предпосылкам, так и данным условиям общественности...»[1]. Руководствуясь этим положением, П. Ткачев создал собственную схему исторического процесса, согласно которой источником прогресса является воля «активного меньшинства». Эта концепция стала философским обоснованием его теории революции.

П. Ткачев отвергал идею «самобытности» русского общественного строя и утверждал, что пореформенное развитие страны совершается в сторону капитализма. Он считал, что предотвратить победу капитализма можно, лишь заменив буржуазно-экономический принцип социалистическим. Как и все народники, связывал надежду на социалистическое будущее России с крестьянством, коммунистическим «по инстинкту, по традиции», проникнутым «принципами общинного владения». Но в отличие от других Ткачев полагал, что крестьянство в силу своей пассивности и темноты неспособно самостоятельно совершить социальную революцию, а община может стать «ячейкой социализма» лишь после того, как будет уничтожен существующий государственный и социальный строй[2].

Орудием захвата власти по Ткачеву, является подпольная организация революционеров, а главным средством осуществления преобразований – революционное государство. Он считал, что революционная партия при подготовке революции должна заниматься не столько разработкой теоретических вопросов и их философским обоснованием, сколько формированием «отвращения и ненависти» к существующему порядку и «страстного желания перемены»[3].

Задачи революционной партийной пропаганды Ткачев формулировал следующим образом: «По отношению к образованному большинству, по отношению к привилегированной среде, равно как и по отношению к народу, она должна преследовать главнейшим образом цели агитаторские. Она должна возбуждать в обществе чувство недовольства и озлобления существующим порядком, останавливая его внимание главным образом на тех именно фактах, которые всего более способны вызвать и разжечь это чувство... По отношению к революционной молодежи, к своей партии она должна преследовать

---

[1] Цит. по: Петр Никитич Ткачев. Википедия.

[2] Петр Никитич Ткачев. Википедия.

[3] Антология мировой политической мысли. В 5-ти т. Т. 4. Политическая мысль в России X – пер. пол. XIX в. М., 1997. С. 221.

цели по преимуществу организационные. Убеждая ее в настоятельной необходимости непосредственной, практической революционной деятельности, она должна выяснить ей, что главное условие успеха этой деятельности зависит от прочной организации ее революционных сил, от объединения частных, единичных попыток в одно общее, дисциплинированное, стройное целое»[1].

Необходимость революционного государства, руководимого партией меньшинства, Ткачев объяснял тем, что коммунизм не является народным идеалом крестьянства в России. Исторически сложившийся строй крестьянской общины создает лишь предпосылки коммунизма, но путь к нему неизвестен и чужд народному идеалу. Этот путь знает только партия меньшинства, которая при помощи государства должна исправить отсталые представления крестьянства о будущем и повести его по дороге к коммунизму. «Народ не в состоянии построить на развалинах старого мира такой новый мир, который был бы способен прогрессировать, развиваться в направлении коммунистического идеала, – писал Ткачев, – поэтому при построении этого нового мира он не может и не должен играть никакой выдающейся, первенствующей роли. Эта роль и это значение принадлежат исключительно революционному меньшинству»[2].

Ткачев считал, что после победы революционная власть, опираясь на народную Думу, должна осуществить мероприятия непосредственно социалистического характера: преобразовать сельскую общину в общину-коммуну; обобществить орудия производства; установить прямой обмен продуктов; путем общественного воспитания постепенно уничтожить физическое, умственное и нравственное неравенство; уничтожить семью, основанную на неравенстве; развивать самоуправление. Лишь на этой основе будет происходить постепенное ослабление функций центральной государственной власти. Самая существенная черта будущего, по Ткачеву, должна выражаться словом «братство»[3].

П. Ткачев в своем понимании революции исходил из коренного отличия прогресса, который есть результат действий большинства, и революции, которую делает меньшинство. «Насильственная революция тогда только и может иметь место, когда меньшинство не хочет ждать, чтобы большинство само сознало свои потребности, но когда оно решается, так сказать, навязать ему это сознание, когда оно старается довести глухое и постоянно присущее народу чувство недовольства своим положением до взрыва... когда этот взрыв происходит, тогда меньшинство старается только придать ему осмысленный, разумный характер, направляет его к известным целям, облекает его грубую

---

[1] Антология мировой политической мысли. В 5-ти т. Т. 4. Политическая мысль в России X – пер. пол. XIX в. М., 1997. С. 222.

[2] Цит. по: История политических и правовых учений / Под ред. О.Э. Лейста. М., 1997. Ч. 3. С. 22.

[3] Предисловие // Антология мировой политической мысли. В 5-ти т. Т. 4. Политическая мысль в России X – пер. пол. XIX в. М., 1997. С. 8–9.

чувственную основу в идеальные принципы. Народ действительной революции – это бурная стихия, все уничтожающая и разрушающая на своем пути, действующая всегда безотчетно и бессознательно»[1].

В отличие от других народников, П. Ткачев утверждал, что в России уже нарождаются формы буржуазной жизни, разрушающие «принцип общины». Сегодня государство – фикция, не имеющая корней в народной жизни, писал он, но завтра оно станет конституционным и получит могучую поддержку объединенной буржуазии. Поэтому нельзя терять время на пропаганду и подготовку революции, как предлагают «пропагандисты» (сторонники Лаврова). «Такие минуты не часты в истории, – писал Ткачев о состоянии России. – Пропустить их – значит добровольно отсрочить возможность социальной революции надолго, – быть может, навсегда». Революционеры не готовят, а делают революцию. Вместе с тем бесполезно звать народ к бунту, особенно во имя коммунизма, который чужд идеалам русского крестьянства[2].

Народу в революции отводилась только разрушительная роль, что вытекало из консерватизма русского мужика. Вместе с тем Ткачев предполагал, что крестьянство не откажет революционному меньшинству «в своей пассивной поддержке». В целом формула социальной революции П. Ткачева такова: «Революционное меньшинство, освободив народ из-под ига гнетущего его страха и ужаса перед властью предержащею, открывает ему возможность проявить свою разрушительно-революционную силу; опираясь на эту силу, искусно направляя ее к уничтожению непосредственных врагов революции, оно разрушает охраняющие их твердыни и лишает их всяких средств к сопротивлению и противодействию. Затем, пользуясь своею силою и своим авторитетом, оно вносит новые, прогрессивно-коммунистические элементы в условия народной жизни, сдвигает эту жизнь с ее вековых устоев, одухотворяет ее окоченевшие и заскорузлые формы»[3].

Партия умственно и нравственно развитых людей, то есть меньшинство, получит материальную силу путем насильственного переворота. «Ближайшая цель революции должна заключаться в захвате политической власти, в создании революционного государства. Но захват власти, являясь необходимым условием революции, не есть еще революция. Это только ее прелюдия. Революция осуществляется революционным государством»[4]. Таким образом, Ткачев рассматривал политическую революцию как первый шаг к революции социальной.

Социальная революция осуществляется со временем революционным государством, которое предварительно должно подготовиться для этой миссии.

---

[1] Ткачев П.Н. Задачи революционной пропаганды в России //Антология мировой политической мысли. В 5-ти т. Т. 4. Политическая мысль в России X – пер. пол. XIX в. М., 1997. С. 214.

[2] История политических и правовых учений / Под ред. О.Э. Лейста. М., 1997. Ч. 3. С. 21.

[3] Азаркин Н.М. История юридической мысли России. М., 1999. С. 368.

[4] Цит. по: История политических и правовых учений / Под ред. О.Э. Лейста. М., 1997. Ч. 3. С. 21.

Во-первых, ему необходимо укрепить свою власть, окружив себя органами народного представительства. Власть обязана уничтожить консервативные и реакционные элементы общества и создать учреждения, благоприятствующие коммунистическому развитию. При этом для разрушения власть опирается на насилие, требует строгой централизации, дисциплины, единства действий, решительности; для созидания, напротив, она опирается на силу нравственности и убеждения. Во-вторых, революционное государство должно шишироко развернуть революционную пропаганду и втянуть в революционный процесс широкие народные массы, переведя тем самым политический переворот в социальную революцию[1].

Таким образом, П. Ткачев не разработал собственной целостной теории создания, развития и изменения общества. Он глубоко проработал только проблему революционного преобразования российской действительности. Революционный потенциал народа Ткачев отрицал, поэтому решение проблемы видел в политическом перевороте, совершенном революционной партией, которая, захватив государственный аппарат, сможет с его помощью преобразовать существующие общественные отношения в коммунистические.

Созданная П. Ткачевым «технология» захвата власти в некоторых своих чертах была впоследствии реализована большевиками.

§4. Либеральное народничество

Либеральное, или «легальное», народничество не было организационно оформлено и представляло собой лишь идейное движение в народничестве. Его представители отрицали революционные методы навязывания социализма и считали, что своих целей смогут добиться, сотрудничая с властью. Восприятие государства как надклассовой силы привело либеральных народников к убеждению, что с его помощью можно осуществить свои идеи, если заинтересовать ими государство.

Либеральная тенденция в народничестве наметилась с момента его зарождения и в последующее время продолжала развиваться. В середине 1880-х гг. либеральное народничество становится господствующим течением, что было обусловлено кризисом революционного направления, которое, несмотря на активную деятельность, не смогло реализовать свои идеи в стране с преимущественно религиозным православным населением, поддерживавшим самодержавие.

Либеральные народники всячески подчеркивали своеобразие русской социально-политической реальности, считая, что каждое государство должно идти национальной дорогой, что элементы парламентаризма «не выработались нашей историей» и нельзя ожидать их появления в скором будущем. Конституция для них тоже не была самоцелью. Главное – не буква, а дух закона, который определяется оригинальным социальным устройством общи-

[1] Азаркин Н.М. История юридической мысли России. М., 1999. С. 368.

ны, чистотой правосознания народа. Интеллигенция должна не столько учить народ, как надо жить, сколько учиться у него общности, коллективизму, нравственности. Интеллигенция должна прекратить «трепать» заграничные формулы, «мудрить над русской жизнью по иностранным образцам и книжкам», поскольку Россия несет в себе черты большого своеобразия, и эти черты – производное вовсе не ее отсталости: они объясняются «своеобразным складом общества» в ней. Социализм в России можно построить, минуя капитализм, с помощью крестьянской общины и живых традиций мирского самоуправления. Среди способов осуществления желанных целей революционное насилие привлекало их гораздо меньше, чем путь постепенного мирного преобразования действительности[1].

«Хождение в народ», на которое народники очень рассчитывали в своих революционных помыслах, с весны 1874 года терпело одну неудачу за другой. Народ вопреки ожиданиям оказался не готов не только к бунту, но и к восприятию социалистических идей. Довольно реалистическую картину встречи «ходоков» с православным народом нарисовал бывший народник, ставший консерватором, Л.А. Тихомиров. Народник, писал он, «нашел массу, только что освобожденную царем, наделенную землей массу, сплоченную в общество, которое твердо сознавало, что оно и политически организовано величайшею силой общего повелителя и попечителя – царя. Мужик даже и “барина” не отрицал, по существу, как слугу царского. Мужик этот серьезно верил в Бога, был в значительной степени идеалист и лучшие свои думы направлял не на комфорт житейский, а куда-то туда – в непонятную пропагандисту небесную высоту... Мужик, источник “коллективной мысли”, встречал “расстройщиков” чересчур нелюбезно и “представлял” их “куда следует” так неукоснительно, как еще и не видывала интеллигенция ни в одном дотоле известном ее слое населения»[2]. Православное мировоззрение народа не воспринимало социалистических идей, созданных в рационалистической мировоззренческой парадигме. У него был свой религиозный социалистический идеал, и он был несовместим с тем, который ему пытались навязать народники. Поэтому крестьянское население России не восприняло их идей и идеалов.

Либеральное народничество не было единым идейным течением и имело различные взгляды на решение российских социально-политических проблем. Его представителей объединяло отрицание революции как метода достижения целей. Они считали, что многого можно добиться с помощью «малых дел» (автор – Я.В. Абрамов) – так назывался путь кооперации: создание ссудно-сберегательных касс, организация артельной формы хозяйства, устранение препятствий для процветания общины, забота о местном самоуправлении, земская деятельность в деревне врачей, статистиков, учителей, помощь в

---

[1] Азаркин Н.М. История юридической мысли России. М., 1999. С. 372–373.
[2] Цит. по: Азаркин Н.М. История юридической мысли России. М., 1999. С. 370.

организации сбыта крестьянами и кустарями их продукции, в приобретении ими агрономических знаний и сельскохозяйственной техники, юридическая, организационная и материальная помощь переселенцам, борьба со злоупотреблениями местной власти. Все эти и многие другие дела, которыми легальные народники занимались, должны были, по мысли либеральных народников, приблизить Россию к социалистическому идеалу[1].

Как пишет Н. Азаркин, «Либеральное народничество развивалось вплоть до 1918 года. Полемика марксизма и этого течения в 90-х годах вряд ли окончилась победой первого, как утверждала официальная историко-партийная наука в советское время. Уже после его «полного идейного разгрома» марксизмом, по версии известного «Курса истории ВКП(б)», либеральное народничество продолжало существовать в виде партии народных социалистов, а в I и II Государственных думах именно либеральные народники имели особенно большое влияние на крестьянских депутатов[2].

Лидер либеральных народников Н.К. Михайловский

Признанным идейным вождем либерального народничества был Николай Константинович Михайловский (1842–1904). Сам он считал себя продолжателем и последователем идей Н. Чернышевского. Свободу личности, признание ее интересов Н. Михайловский характеризовал как высший критерий и смысл социального развития. В своих политических убеждениях он опирался на формулу прогресса как теоретическое обоснование идеи о руководящей роли интеллигенции в истории и революционном преобразовании общества. Главной целью русских революционеров, по его мнению, должны быть земля и воля. Он стал последовательным противником революционного насилия как средства разрешения социального вопроса. Михайловский высказывался за союз народовольцев и либералов, за социалистическое преобразование существующего общественного порядка в России, за закрепление крестьянского общинного строя и передачу всей земли в распоряжение земледельческих общин[3].

Принципиально важным в концепции Михайловского было обоснование роли личности в истории. По его мысли, прогресс управляется общими природными законами, которые люди не могут изменить. Но наряду с этим «сознательная деятельность человека есть такой же фактор истории, как стихийная сила почвы или климата», поэтому личность непосредственно влияет на темпы и скорость происходящих в обществе изменений[4]. Особую роль в истории играют великие люди, отличающиеся от других людей неординарностью

---

[1] Азаркин Н.М. История юридической мысли России. М., 1999. С. 371–372.

[2] Азаркин Н.М. История юридической мысли России. М., 1999. С. 371.

[3] Антология мировой политической мысли. В 5-ти т. Т. 4. Политическая мысль в России X – пер. пол. XIX в. М., 1997. С. 205–206.

[4] Эта идея Н. Михайловского лежит в русле идеалистического подхода к истории, однако он трактует роль человека в общественном развитии лишь как один из факторов, в то время как идеалистический подход считает его единственным.

натуры и силой воли, широтой образованности и пониманием общественных нужд и потребностей. Великий человек одновременно является порождением эпохи и противостоит ей, закладывает основы будущего. Среда, из которой, как правило, «рекрутируются» выдающиеся личности, – духовная элита общества, интеллигенция. Как и большинство народников, Михайловский понимал отечественную интеллигенцию не как социальный слой, занимающийся интеллектуальным трудом, а как совесть нации[1].

Исходя из его взглядов на роль личности, главная цель прогресса состоит в реализации на практике лучших качеств человека, обеспечении гражданских прав и в их защите от посягательств со стороны различных слоев населения, государства и даже самого общества.

Михайловский считал, что прогресс есть постепенное приближение к «возможно полному и всестороннему разделению труда между органами (общества – *Г. Герасимов*) и возможно меньшему разделению труда между людьми. Безнравственно, несправедливо, вредно, неразумно все, что задерживает это движение. Нравственно, справедливо, разумно, полезно только то, что уменьшает разнородность общества, усиливая тем самым разнородность его отдельных членов»[2]. Ему казалось, что при помощи совместной трудовой деятельности, сопереживания и сочувствия людей, целенаправленной социальной эволюции удастся преодолеть негативные стороны человеческого бытия. Благодаря этому субъект прогресса одновременно станет целью прогресса, а его активная позиция в вопросах общественной жизни определит темпы движения к справедливому общественному устройству[3].

Как и остальные народники, Н. Михайловский отрицательно относился к западноевропейскому капитализму, где человек был превращен в придаток машины, винтик государственного устройства. Высокий тип цивилизации, по его мнению, напротив, требовал неукоснительного следования принципу: не человек для общества, а общество для человека. Разделение труда и сложная кооперация в производстве привели к слому морально-этической шкалы ценностей и появлению нового наслаждения – наслаждения приобретения и новой цели – накопления богатства. Как результат этого, уже не общество служило интересам человека, а человек превращался в орудие прогресса. Михайловский не отрицал достижений науки, культуры, промышленности в капиталистическом обществе, но считал, что они куплены «слишком дорогою ценою»[4].

---

[1] Модели общественного переустройства России. XX век: [монография] / В.В. Зверев [и др.]; отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2004. С. 386–387.

[2] Михайловский Н.К. Полн. собр. соч.: В 10-ти т. СПб., 1909–1911. Т. 1. С. 150.

[3] Модели общественного переустройства России. XX век: [монография] / В.В. Зверев [и др.]; отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2004. С. 385.

[4] Модели общественного переустройства России. XX век: [монография] / В.В. Зверев [и др.]; отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2004. С. 385–386.

Н. Михайловский не внес значительных изменений в народнический социалистический идеал. Высшим типом общества он считал такой строй, при котором «производитель и потребитель, капитал и труд совпадали в одной личности»[1]. В этом вопросе Михайловский прямо следовал идеям Н. Чернышевского. Надеялся он и на то, что Россия сможет миновать муки капиталистической эволюции и пойти собственным путем к справедливому обществу. Ход мыслей Михайловского, в общем, повторял хорошо известные тезисы народнической программы – соединить элементы социалистического устройства России с полезными и необходимыми западноевропейскими заимствованиями, чтобы на почве их синтеза создать идеальную модель национального развития. Традиционен и выбор формы реализации изложенной идеи – община[2]. Справедливое и гармоническое общество будущего достигается у Михайловского не революционным насилием, а просвещением, повышением культурного уровня. Залог справедливого общественного устройства Михайловский находил в трудовом сотрудничестве, развитии форм кооперации[3]. Труд – основа существования людей, но формы его проявления различны для разных этапов социального развития. Для несовершенного устройства общества характерен сложный тип кооперации, для более развитого этапа – простой тип сотрудничества[4].

Общество социальной гармонии Михайловский проектировал, ставя во главу угла человеческую личность, ее судьбу, ее интересы. «Личность никогда не должна быть принесена в жертву, она свята и неприкосновенна. И все усилия вашего ума должны быть направлены к тому, чтобы самым тщательным образом следить в каждом случае за ее судьбами и становиться на ту сторону, где она может восторжествовать»[5]. Главное в будущем обществе – деятельность самой личности, ее труд. Видя в труде «сознательный, целесообразный расход сил», он отождествляет интересы личности с интересами труда, а народ определяет как «совокупность трудящихся классов общества». К народу он относил всех, кто зарабатывает хлеб своим собственным трудом. Из этого постулата выводится всеобщая обязанность «служения народу». Русская интеллигенция имеет гражданский долг перед угнетенными массами[6].

Будучи социалистом, Михайловский в близость революции не верил, все попытки подтолкнуть к ней страну считал напрасной тратой сил и больше опасался революции, чем реакции. Он боялся негативных последствий рус-

---

[1] Михайловский Н.К. Полн. собр. соч.: В 10-ти т. СПб., 1909–1911. Т.Х. С. 210.

[2] Модели общественного переустройства России. XX век: [монография] / В.В. Зверев [и др.]; отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2004. С. 387.

[3] Азаркин Н.М. История юридической мысли России. М., 1999. С. 378.

[4] Модели общественного переустройства России. XX век: [монография] / В.В. Зверев [и др.]; отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2004. С. 385.

[5] Цит.по: Азаркин Н.М. История юридической мысли России. М., 1999. С. 376.

[6] Азаркин Н.М. История юридической мысли России. М., 1999. С. 377–378.

ского бунта: «народное восстание может выставить гениального честолюбца – цезаря, полубога, перед которым покорно склонит голову несчастная страна»[1]. Боязнь революции во взглядах Михайловского была связана с отрицанием насилия, сомнением в способности народа выступить в качестве преобразующей социальной силы. Прямым следствием этого убеждения стал и вывод о зависимости будущего страны от взаимоотношения власти и интеллигенции. Михайловский надеялся, что при соответствующей организации социалистическая оппозиция может заставить власть пойти на целый ряд уступок, отвечающих интересам всего народа. К ним он относил правление «с выборными от русской земли», конституцию, Земский собор[2]. В случае если власть не пойдет на уступки, Михайловский считал оправданным ведение подпольных, в том числе террористических методов борьбы. Не отвергая террор, он, тем не менее, настаивал на более гибкой и разнообразной тактике, указывал на необходимость практических союзов, хотя бы случайных и временных, с другими противниками самодержавного деспотизма, например с либералами[3].

Надежды на реформы Н. Михайловский неслучайно связывал с государством. Государство для него – организация, служащая всем людям, безотносительно их классовой принадлежности. Он опирался на исторический опыт, когда именно самодержавное государство при поддержке либерального дворянства и чиновничества осуществило «великие» реформы 60-х годов, и надеялся, что оно и в будущем способно оградить Россию от ужасов капитализма. Он считал, что можно убедить правительство в проведении назревших реформ; если же оно не захочет этого делать, возможно применение террора как средство подталкивания к мероприятиям в пользу народа.

Таким образом, Н. Михайловский создал народническую теорию построения социализма силами существующего государства при ведущей роли, активной поддержке и помощи интеллигенции. У него не было принципиально новых идей, его заслуга – в формировании убедительной концепции реформирования существующего общества в социалистическое ненасильственными методами. Идеи Михайловского были привлекательны для той части интеллигенции, которая не хотела радикальных действий и боялась их непредсказуемых последствий. Власти предержащие, на которых также была рассчитана теория Михайловского, ее не приняли, прежде всего вследствие неприятия социализма как такового. Радикальное со-

---

[1] Михайловский Н.К. Полн. собр. соч.: В 10-ти т. СПб., 1909–1911. Т. X. С. 36.

[2] Модели общественного переустройства России. XX век: [монография] / В.В. Зверев [и др.]; отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2004. С. 387–388.

[3] Бессонов Б.Н. Предисловие //Антология мировой политической мысли. В 5-ти т. Т. 4. Политическая мысль в России X – пер. пол. XIX в. М., 1997. С. 9.

циалистическое крыло восприняло идеи Михайловского как соглашательские и предательские по отношению к революции.

§5. Эсеры

Продолжателем дела народничества и развития их идей в начале XX века был Виктор Михайлович Чернов[1] (1873 – 1952) – лидер партии эсеров.

Формирование мировоззрения Чернова происходило под влиянием различных теорий, разных мыслителей, но более всего на него повлиял Н. Михайловский. Его идеи и субъективный метод послужили толчком к определению собственной позиции Чернова по вопросам роли личности в истории, соотношения субъективных и объективных факторов прогресса. Вместе с тем традиционный круг народнических проблем пополнился элементами переосмысления западной социал-демократией марксизма, эволюции товарного производства в Европе.

Идеи классического народничества об особом некапиталистическом пути развития России в 1890-е годы обнаружили свою полную несостоятельность. Застойный характер экономического развития сменился бурным подъемом промышленности и торговли. Капитализм вторгался во все сферы общественного бытия, но последствия его были весьма неоднозначны. Все это требовало переосмысления старой теории.

Новым во взгляде на капитализм, привнесенным Черновым в сравнении с прежней народнической доктриной, стал отход от канонического представления о капитализме исключительно как о регрессе. Под влиянием новейших экономических и социологических теорий он признает известные достижения современного капитализма. К ним он относит создание крупного машинного производства и коллективных форм труда, которые, по его мнению, подготавливают условия для будущего социалистического производства. Отрицательными элементами существования капиталистического общества являются кризисы перепроизводства, власть денег, анархия производства и распределения продуктов труда.

Если в промышленном производстве за капитализмом и признавались некоторые положительные явления, то в аграрном секторе, по мнению эсеров, капитализм приводил преимущественно к негативным переменам.

Негативные стороны в капиталистическом обществе преобладают, оно не способно обеспечить прогресс личности. Подавляя и эксплуатируя человека, калеча его в моральном и физическом отношении, капитализм создает больше препон на пути развития, чем элементов будущего справедливого устройства.

---

[1] По меткому замечанию И.Г. Церетели, «в партии социалистов-революционеров Чернов занимал своеобразное положение. Он никогда не был ни организатором, ни практическим руководителем партии... Чернов с момента основания партии был ее вдохновителем, создателем ее идеологии и программы». См.: Церетели И.Г. Воспоминания о Февральской революции. Париж, 1963. Т. 1. С. 469.

Анализируя изменения, произошедшие в развитии мировой капиталистической системы, Чернов приходит к заключению, что эпоха социализма для западных стран отдаляется на неопределенное время, но для России, как более отсталой страны, еще остается перспектива некапиталистического пути развития.

Развитие русского капитализма, по мнению В. Чернова, характеризовалось «наименее благоприятным соотношением между творческими, исторически прогрессивными и темными, хищнически разрушительными тенденциями», поэтому никаких надежд на рыночную модель развития экономики возлагать не следует: она губительна для всей цивилизации в целом и для отдельного человека в частности[1]. Капитализм в России Чернов характеризовал как «паразитический», а его особенности обосновывал аграрным характером страны; а поскольку перспективы развития капитализма в аграрных странах ограниченны, то экономический и культурный прогресс в них Чернов связывает с некапиталистической альтернативой.

Представления эсеров о социалистическом устройстве расплывчаты и неопределенны, впрочем, это свойство не только эсеровской, но большевистской концепции. Социализм для В. Чернова означал общество с высоким уровнем производительности труда, в котором торжествует плановое начало, устраняются классовые антагонизмы, утверждается новое трудовое правосознание, основанное на сотрудничестве, солидарности, коллективизме, удовлетворяются потребности, обеспечивается всестороннее и гармоническое развитие каждой личности, человеческое сознание эмансипируется от религиозных и метафизических догм, на все человечество распространяются общепринятые нравственные нормы[2].

Социалистическое будущее рисовалось в образе справедливого общественного устройства, где человек будет самостоятельно определять формы и рамки разного рода деятельности. Постепенная социализация общественных отношений, длительный переходный период, воспитание нового человека, отрицание классовой диктатуры и государственного диктата в общественной жизни стали отличительными чертами эсеровского социализма. Черновым была разработана новая парадигма народнического социализма, сверхзадачей которой было безболезненное врастание патриархального крестьянства в современное индустриальное общество[3].

Переход к социализму должен был занять довольно длительный период, в ходе которого необходимо было провести полную демократизацию всего политического и общественного строя, обеспечивающую свободное народное

---

[1] Модели общественного переустройства России. XX век: [монография] / В.В. Зверев [и др.]; отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2004. С. 422.

[2] Коновалова О.В. В.М. Чернов о путях развития России. М., 2009. С. 43.

[3] Модели общественного переустройства России. XX век: [монография] / В.В. Зверев [и др.]; отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2004. С. 435–436.

правление и превращение государства из орудия классового господства и репрессий в простой служебный орган общества. Предусматривалась национализация земли, переход в непосредственное заведование центральных государственных органов и органов местного самоуправления некоторых отраслей народного хозяйства; крупные предприятия передавались на определенных условиях в заведование рабочих ассоциаций. Предполагалась передача земель при посредстве органов местного самоуправления в пользование товариществ равноправных работников или, где это окажется возможным, отдельным лицам, обрабатывающим ее собственными силами; уничтожались права наследования имущества выше известных норм и т.п[1].

Прогрессивный налог на доходы, имущество и наследство, отмена косвенных налогов и покровительственных пошлин должны были обеспечить равное положение труда и капитала. Установление 8-часового рабочего дня, введение обязательного страхования рабочих со стороны государства и предпринимателей, введение фабричной инспекции, избираемой самими рабочими, создание профессиональных союзов, регулирующих отношения с хозяевами[2], – все это принципиально меняло положение личности, позволяло человеку широко реализовывать свои потенциальные возможности и одновременно защитить его от нещадной капиталистической эксплуатации.

В политической области первоначально планировалось обеспечить неотъемлемые права человека, закрепить законодательным путем свободу совести, собраний, слова, союзов, стачек, неприкосновенность личности и жилья. Реализация на практике этих требований неминуемо привела бы к свержению самодержавия, установлению демократической республики, к демократической системе выборов представительных органов. Республиканская форма правления, обеспечение прав и свобод всего населения страны диктовали необходимость федеративного устройства государства, которое обеспечивало бы учет интересов разных национальностей, населяющих Россию, способствовали развитию отдельных областей и регионов страны[3].

Эсеровское понимание социализма отличалось от большевистского в некоторых принципиальных положениях. Так, если В.И. Ленин рассматривал кооперацию как вспомогательный инструмент социалистических преобразований, считая, что ее можно использовать лишь только при условии диктатуры пролетариата, то для В.М. Чернова кооперация – не столько инструмент создания нового социально-экономического базиса, сколько суть социализма, подтверждающая его демократическое начало. Другим важным моментом

---

[1] Партия социалистов-революционеров: Документы и материалы. Т. 1. 1900–1907. М., 1996. С. 116.

[2] Полный сборник платформ всех русских политических партий. С приложением Высочайшего манифеста 17 октября 1905 г. и всеподданнейшего доклада графа Витте. / Гос. публ. ист. б-ка России. М., 2001. С. 24.

[3] Полный сборник платформ всех русских политических партий. С приложением Высочайшего манифеста 17 октября 1905 г. и всеподданнейшего доклада графа Витте. / Гос. публ. ист. б-ка России. М., 2001. С. 23.

было приоритетное значение преобразований в аграрной сфере. Широкое развитие крестьянской кооперации, опиравшейся на общинные традиции, должно было, по плану эсеров, послужить главным звеном в цепи социалистического преобразования всей экономики. Важным новым положением была идея вытеснения кооперацией рыночных отношений[1].

Переход к социализму, по мнению эсеров, должен занять довольно длительный период. В. Чернов считал, что людей надо не принуждать, а убеждать в прогрессивности коллективного труда, и делать это необходимо путем развития кооперации, муниципального хозяйства, национализированных отраслей экономики, синдицирования и постановки под государственный контроль капиталистических предприятий.

Демократическая по своей сути программа преобразований содержала в себе возможность использования как эволюционных, так и революционных способов трансформации капиталистического строя. Эсеры, как и их предшественники, не склонны были абсолютизировать насилие и, скорее, склонялись к мирному решению проблем; однако реальная оценка ситуации в стране свидетельствовала, что самодержавие вряд ли добровольно уступит власть. Поэтому революционный способ действий допускался в период кардинальной ломки старых порядков в форме «временной революционной диктатуры» крестьянства и пролетариата, организованных в социально-революционную партию[2].

Будущую революцию эсеры не считали социалистической, она должна была лишь приблизить общество к переходу на новую стадию развития. Для этого требовалось поэтапное осуществление наиболее очевидных преобразований, в первую очередь – демократизации государственного устройства и политической жизни страны. Только после этого можно было говорить о социалистическом переустройстве экономики[3].

В своей программе эсеры указывали, что эксплуатируемые классы стремятся освободиться от тяготеющего над ними гнета. Во главе движения этих классов стоит инициативное революционное меньшинство, его боевой авангард, и его «основная практическая задача сводится к тому, чтобы все слои трудового и эксплуатируемого населения осознали себя единым рабочим классом, видели в своем классовом единстве залог своего освобождения и путем планомерной организованной борьбы совершили социально-революционный переворот», который приведет к освобождению общества из-под власти эксплуататорских классов, уничтожению вместе с частной собственностью и самого деления общества на классы; превращение государства из классового принудительно-репрессивного орудия в орудие «планомерной

---

[1] Коновалова О.В. В.М. Чернов о путях развития России. М., 2009. С. 79–80.

[2] Полный сборник платформ всех русских политических партий. С приложением Высочайшего манифеста 17 октября 1905 г. и всеподданнейшего доклада графа Витте. / Гос. публ. ист. б-ка России. М., 2001. С. 22.

[3] Модели общественного переустройства России. XX век: [монография] / В.В. Зверев [и др.]; отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2004. С. 425.

организации всеобщего труда на всеобщую пользу... Осуществление этой программы даст возможность непрерывного, свободного и беспрепятственного развития всех духовных и материальных сил человечества»[1].

Революция для В. Чернова – это переход от одного общественно-политического строя к другому, который знаменуется определенным перераспределением ролей между классами. Чернов признавал вклад марксистов в разработку теории классовой борьбы, но считал, что в марксизме явно абсолютизирован экономический аспект и классовая борьба рассматривается, прежде всего, как проекция экономических интересов. Преувеличение роли экономического фактора не позволило Марксу в должной мере обратить внимание на другие ее составляющие – социально-политическую и социально-психологическую стороны[2]. Эсеры сохранили народническое представление о влиянии активной личности на социальный прогресс, поэтому В. Чернов был убежден, что результативность революционного движения будет зависеть от сознательности и организованности масс и этим должна заниматься эсеровская партия.

При разработке тактической линии партии Чернов исходил из критической переоценки народовольческого опыта, полагая, что вместо какого-то одного из направлений борьбы – политического террора, агитации среди рабочих или крестьян, использование которых в разное время в конечном счете приводило к поражению, нужно перейти к одновременному их сочетанию. Такая тактика должна была обеспечить расширение социальной базы политической борьбы[3]. Обоснование Черновым необходимости союза пролетариата, крестьянства и демократической интеллигенции в борьбе против самодержавия за социализм явилось основой для практической деятельности партии среди этих категорий населения и способствовало превращению ее в самую массовую партию России начала XX века[4].

В вопросе об отношении к террору единой позиции в партии не было. Чернов подходил к нему лишь как к вспомогательному средству, подчиненному общей стратегической и тактической линиям партии. Радикальное крыло партии рассматривало террор как одно из основных средств борьбы. Поражение первой русской революции, общественная апатия, организационный и идейный кризис партии похоронили эсеровский террор.

В отличие от старого народничества, которое ориентировалось в основном на революционный потенциал русского крестьянства и интеллигенции, эсеры к своим потенциальным сторонникам относили также и пролетариат. Изме-

---

[1] Полный сборник платформ всех русских политических партий. С приложением Высочайшего манифеста 17 октября 1905 г. и всеподданнейшего доклада графа Витте. / Гос. публ. ист. б-ка России. М., 2001. С. 19–20.

[2] Коновалова О.В. В.М. Чернов о путях развития России. М., 2009. С. 46.

[3] Коновалова О.В. В.М. Чернов о путях развития России. М., 2009. С. 91.

[4] Коновалова О.В. В.М. Чернов о путях развития России. М., 2009. С. 105.

нение позиции по вопросу о положении и революционных возможностях пролетариата произошло под воздействием марксистских идей.

Представления о крестьянстве у эсеров и марксистов значительно различались. В. Чернов считал крестьянство не мелкобуржуазным, а эксплуатируемым классом. Развивая положение Н. Михайловского о народе как совокупности трудящихся классов, он обосновал концепцию, согласно которой рабочие и крестьяне рассматриваются как единый класс тружеников. В. Чернов категорически расходился с марксистами, рассматривавшими крестьянина как мелкого буржуа. «Эксплуатация крестьян только по своей форме отличается от эксплуатации рабочих. Эксплуататор у тех и у других один и тот же – капитал»[1], – писал Чернов. А вот кулаков он относил к сельской буржуазии.

«Отзывчивость рабочих к мужицким бедствиям», по мысли Чернова, должна была обеспечить распространение рабочей политической агитации в деревне. На этом он строил свою тактику революционного рабоче-крестьянского союза. В отличие от марксистов, признававших только за пролетариатом гегемонию в революционной борьбе, Чернов не отрицал возможности революционной инициативы крестьянства и рассматривал пролетариат, крестьянство и интеллигенцию как равноправных союзников в борьбе за политическое и социальное освобождение[2].

Союзником пролетариата и крестьянства в борьбе с самодержавием Чернов считал демократическую интеллигенцию. Ее особая роль заключалась в пробуждении народа от рабского сна, развитии в нем политической и гражданской активности. Интеллигенция должна сыграть роль «застрельщика революционного движения трудовых масс», пробуждая народ к активной политической жизни и творчеству.

Определяя классовую основу своей партии, Чернов считал ее партией рабочего класса в широком смысле, подразумевая под ним индустриальный пролетариат, трудовое крестьянство и демократическую интеллигенцию.

На противоположном полюсе российского общества, по классификации Чернова, стояли силы, являвшиеся опорой самодержавия. Самодержавие представляло, по его мнению, особую диктаторскую форму господства имущих классов. Социально-классовой опорой русского самодержавия являлся «тройственный союз дворянства, буржуазии и бюрократии – трех основных реакционных сил»[3].

Во Временном правительстве в сложной ситуации экономической разрухи и надвигавшегося голода эсеры сделали ставку на достижение компромисса между буржуазией и рабочим классом, на сглаживание социальных антагонизмов в деревне, надеясь решить злополучные вопросы о земле, мире, де-

---

[1] Чернов В.М. Социалистические этюды. М., 1908. С. 329.
[2] Коновалова О.В. В.М. Чернов о путях развития России. М., 2009. С. 87.
[3] Коновалова О.В. В.М. Чернов о путях развития России. М., 2009. С. 89.

мократии. Пока крестьянство ждало от Временного правительства соответственных законов и надеялось на созыв Учредительного собрания, призванного решить наболевшие вопросы в духе народных чаяний, социальная база этой политики была обеспечена. Но промедление с реформами, поляризация социально-политических сил привели к тому, что она стала стремительно размываться[1].

Эсеры восприняли от народников особое отношение к общине, поэтому общинный институт занимал в их проектах особенное положение. Они были убеждены в его жизненной силе и умении сохранить присущие общине качества даже в условиях жесточайшей капиталистической конкуренции. «Русская община, – писал Чернов, – несмотря на все тяжкие удары, получаемые ею вот уже 40 лет от бюрократически-буржуазных и купонных распорядков, все-таки жива и продолжает если не развиваться, то ревниво оберегает свои основные бастионы и редуты от нагло надвигающегося индивидуализма»[2]. Эсеры были уверены, что в ходе социалистического переустройства общества будут использованы некоторые элементы общинной жизни. Например, после проведения социализации земли община могла возложить на себя обязанности заведовать той ее частью, которая будет находиться в пределах отведенной ей территории, обеспечив доступ к земле всех граждан, способных ее обрабатывать.

Эсеры унаследовали у своих предшественников и другую основополагающую идею. По их мнению, крестьянские хозяйства могут достаточно долго сопротивляться и противостоять новым хозяйственным отношениям. При этом аграрный сектор экономики они рассматривали в качестве противовеса капиталистической тенденции, хотя и преобладающей в экономике страны, но еще окончательно не победившей социалистические потенции кооперации. Почерпнутая в конце 1890-х годов у западной социал-демократии мысль о возможности существования и развития социалистического уклада еще при капитализме приобрела четко оформленные контуры в начале XX века. Эсеры считали, что некапиталистическая эволюция крестьянского хозяйства может стать базой социалистических преобразований[3].

Альтернативу крупному капиталистическому производству Чернов видел в крестьянском хозяйстве, которое, в отличие от марксистов, он не считал мелкобуржуазным. По его мнению, крестьянское хозяйство более конкурентоспособно и устойчиво по сравнению с крупным, обладает способностью развиваться и усваивать достижения технического прогресса.

---

[1] Коновалова О.В. В.М. Чернов о путях развития России. М., 2009. С. 116.

[2] Цит. по: Модели общественного переустройства России. XX век: [монография] / В.В. Зверев [и др.]; отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2004. С. 426–427.

[3] Модели общественного переустройства России. XX век: [монография] / В.В. Зверев [и др.]; отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2004. С. 421–422.

Партия социалистов-революционеров одной из первых приступила к разработке аграрной программы, и главная заслуга в ее подготовке принадлежала В. Чернову, который был уверен, что «будущее в России может принадлежать только такой партии, которая сумеет найти точку опоры для борьбы не только в городе, но и в деревне»[1].

В программе партии говорилось: «В вопросах аграрной политики и поземельных отношений партия социалистов-революционеров ставит себе целью использовать в интересах социализма и борьбы против буржуазно-собственнических начал как общинные, так вообще трудовые воззрения, традиции и формы жизни русского крестьянства, и в особенности взгляд на землю как на общее достояние всех трудящихся»[2]. Эсеровская идея социализации земли опиралась на православное мировоззрение крестьян, с их представлениями о том, что «земля – Божья, земля – ничья», она принадлежит тому, кто ее обрабатывает, поэтому оказалась наиболее приемлемой для крестьян.

Провозглашение прав каждого человека на землю является основополагающим положением эсеровской программы социализации земли. С юридической точки зрения, отмечал В. Чернов, надо было уничтожить право частной собственности на землю, чтобы она стала общенародной. «Мы не делаем землю ни имуществом общины, ни имуществом области... ни государственным имуществом. Мы делаем ее ничьей. Именно как ничья она и становится общенародным достоянием»[3]. В этом случае верховное право распоряжения землей должно принадлежать народу, заведующему ею через демократические органы своего самоуправления, начиная от волостных земств и кончая центральной народной властью. «Партия будет стоять за социализацию всех частновладельческих земель, то есть за изъятие их из частной собственности отдельных лиц и переход в общественное владение и в распоряжение демократически организованных общин и территориальных союзов общин и на началах уравнительного пользования»[4]. Уничтожение частной собственности на землю означало прежде всего изъятие земли из товарного оборота. Такая мера, по мнению Чернова, приведет к уничтожению абсолютной ренты. Те суммы, которые поглощала арендная плата, должны были пойти на улучшение производительных сил деревни[5].

---

[1] Чернов В.М. Аграрно-социалистическая лига. Очередной вопрос. Б. м., б. г. С. 41.

[2] Полный сборник платформ всех русских политических партий. С приложением Высочайшего манифеста 17 октября 1905 г. и всеподданнейшего доклада графа Витте. / Гос. публ. ист. б-ка России. М., 2001. С. 24.

[3] Чернов В.М. Земля и право. Пг., 1917. С. 159.

[4] Полный сборник платформ всех русских политических партий. С приложением Высочайшего манифеста 17 октября 1905 г. и всеподданнейшего доклада графа Витте. / Гос. публ. ист. б-ка России. М., 2001. С. 24–25.

[5] Коновалова О.В. В.М. Чернов о путях развития России. М., 2009. С. 67.

В. Чернов не желал передачи земли в собственность общины, поскольку в ней сильны сословные пережитки и не развито личностное начало. Поэтому он отстаивал необходимость передачи земли в распоряжение всего общества в лице органов народного самоуправления, в которые со временем трансформируется и община. Таким образом, социализация земли предполагает, что земля переходит в заведование демократически организованных общин и неких территориальных союзов этих общин, или органов самоуправления. Их функция состоит в том, чтобы следить за уравнительностью землепользования.

Чернов выступал против передачи права собственности на землю государству, поскольку полагал, что в этом случае государство получает неограниченную власть над землей и право присваивать себе ренту и прибыль на капитал, которые раньше уходили частному собственнику. Крестьянин при этом превращается в пролетария, арендующего у государства землю. За государством остается роль центра, координирующего деятельность органов самоуправления[1].

При осуществлении социализации земли у личности остается право пользования землей. Оно дает каждому гражданину страны возможность прилагать к ней труд без каких-либо ограничений. Право на надел дает только труд; земля принадлежит тому, кто ее обрабатывает[2].

Большую роль в реализации аграрной программы Чернов отводил уравнительному принципу распределения земли. Уравнительности в землепользовании предполагалось достичь посредством перераспределения земли на основе трудовой и потребительской норм. Намечалось введение налогов на излишки сверх нормативного надела. Такая мера, с одной стороны, была призвана ограничить концентрацию земли в одних руках, а с другой – стимулировать хозяйственную предприимчивость. Таким образом, программа социализации земли была нацелена на рост производительности труда не только за счет введения в оборот дополнительных сельскохозяйственных площадей, но и за счет интенсификации труда. Уравнительность, как подчеркивал сам В. Чернов, не сводилась «к равенству в нищете» – она должна была стимулировать рост производительных сил крестьянского хозяйства[3].

Эсеры предполагали проведение социализации земли в два этапа. На первом должны быть уничтожены лишь земельная рента и кабальные отношения между крестьянами и помещиками. Фактическая же доступность земли для всех граждан и уравнительность в ее распределении могут быть осуществлены только на втором этапе социализации в результате длительной борьбы за переделы как внутри общин, так и между ними.

Социализация земли должна была обеспечить предпосылки для проведения широкого кооперирования крестьянских хозяйств.

---

[1] Коновалова О.В. В.М. Чернов о путях развития России. М., 2009. С. 70.
[2] Коновалова О.В. В.М. Чернов о путях развития России. М., 2009. С. 67.
[3] Коновалова О.В. В.М. Чернов о путях развития России. М., 2009. С. 69.

Эсеры оставались верны идее социализации земли на протяжении всей активной деятельности партии. Став министром Временного правительства, В. Чернов сделал все, чтобы приблизить момент реализации эсеровской аграрной программы, однако его предложения по данному вопросу встречали ожесточенную оппозицию в правительстве, поэтому осуществить их не удалось. После принятия Декрета о земле Чернов обвинял большевиков в политическом двурушничестве за то, что они использовали основные идеи эсеровской аграрной программы, которые прежде критиковали как ненаучные[1].

Эсеры были одними из первых, кто оценил кооперацию как путь радикально-демократических преобразований и поставил задачи развития кооперации во главу угла своих программных установок и практической деятельности. Как писал В. Чернов, «в свободном государстве кооперативное движение, руководимое и вдохновляемое социалистической партией, действительно способно служить интересам освободительной борьбы рабочего класса, вносящего в это движение свежую идейную струю»[2]. Социализация земли как демократическое требование должна была создать необходимые условия для кооперации: способствовать повышению уровня развития производительных сил в сельском хозяйстве, увеличить емкость внутреннего рынка сельскохозяйственной и промышленной продукции, улучшить материальное благосостояние крестьянства, способствовать демократизации политического строя[3].

Кооперация в городе в основном должна была выполнять воспитательные функции, учить рабочих вести производство на демократических принципах, вырабатывать навыки управления и тем самым подготавливать ячейки социализма уже при капитализме, чтобы в дальнейшем облегчить становление будущего общества[4].

Чернов считал, что первичной формой кооперации является община[5]. Развитие демократических традиций общины должно было стать основой для ее эволюции к более зрелым формам «хозяйственной демократии», которая, по мысли В. Чернова, являлась экономическим фундаментом социализма. Таким образом, отправной точкой программных построений было глубокое убеждение в том, что именно сельское хозяйство, где кооперация как зародышевая форма социалистических отношений является всеобъемлющей, должно стать основой, с которой следует начинать социалистическое преобразование экономики. Это кардинально отличало эсеровский план по-

---

[1] Коновалова О.В. В.М. Чернов о путях развития России. М., 2009. С. 122.

[2] Чернов В.М. Трудовое крестьянство и его задачи. М., 1918. С. 54.

[3] Чернов В.М. Пролетариат и трудовое крестьянство. М., 1906. С. 69.

[4] Модели общественного переустройства России. XX век: [монография] / В.В. Зверев [и др.]; отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2004. С. 427.

[5] Чернов В.М. Конструктивный социализм. Прага, 1925. С. 118.

строения социализма в России от ленинской программы, в которой главное место отводилось индустриализации страны[1].

Качественно новый этап в развитии кооперации Чернов связывал с переходом к социализму. В развитии кооперации вглубь и вширь он видел панацею от действия рынка. Рынок при капитализме, полагал он, есть источник противоречий, который порождает кризисную ситуацию в экономике. Вместо анархии, экономической стихии, общество должно выработать плановый механизм, действующий через систему «заказов», предпосылки которого В. Чернов усматривает в кооперации. В потребительской кооперации проявляется не только плановое начало, но и важный для эсеров трудовой принцип распределения дохода, который они рассматривали как зародыш социалистического механизма распределения. Исходя из того, что целью социалистического производства является удовлетворение всесторонних потребностей трудящихся, Чернов делал вывод, что при социализме будет соблюдаться приоритет потребления над производством. «Социалистический строй, рассматриваемый экономически, – подчеркивал он, – есть не что иное, как колоссальная потребительская организация»[2]. Кроме того, кооперация, с точки зрения Чернова, является важным инструментом формирования традиций демократического самоуправления.

Кооперативная теория, разработанная Черновым, послужила основой эсеровской программы социалистических преобразований. Социалистическая модель эсеров существенно отличалась как от анархо-синдикалистских программ западноевропейских социалистов, так и от ленинского плана построения социализма. С большевиками Чернов принципиально расходился во взглядах на место и роль кооперации при социализме. Если В. Ленин рассматривал кооперацию как вспомогательный инструмент социалистических преобразований, считая, что ее можно использовать лишь только при условии диктатуры пролетариата, то для Чернова кооперация – не столько инструмент создания нового социально-экономического базиса, сколько суть социализма, которую прежде всего составляет всеобъемлющее демократическое начало[3].

Таким образом, эсерам удалось создать довольно убедительную программу социалистических преобразований в России, базировавшуюся на их вере в творческий потенциал русского крестьянства и общины как основ, на которых произрастут будущие социалистические отношения. Важнейшей концепцией эсеров была теория социализации земли. Большое значение они отводили реализации идеи кооперации как экономической основы социалистических отношений.

---

[1] Коновалова О.В. В.М. Чернов о путях развития России. М., 2009. С. 73–74.
[2] Чернов В.М. Основные вопросы пролетарского движения. Пг.,1917. С. 98.
[3] Коновалова О.В. В.М. Чернов о путях развития России. М., 2009. С. 73–79.

§6. Большевики

Первое знакомство отдельных представителей русской интеллектуальной элиты с произведениями К. Маркса и Ф. Энгельса относится еще к 40-м годам XIX века. Начиная с 1860-х стали появляться переводы некоторых их работ на русский язык, а в 1872 году в Петербурге был издан перевод первого тома «Капитала», вызвавший большой интерес в научных и революционных кругах. Русскую научную интеллигенцию привлекали в марксизме широта и глубина постановки основных мировоззренческих вопросов, классово-формационная теория развития общества, глубокий анализ капитализма и его противоречий. Революционные круги восхищались яростным духом борьбы за социальную справедливость, которым веяло от произведений Маркса и Энгельса, их преданностью демократическим и социалистическим идеалам и интересам пролетариата, непоколебимой уверенностью в грядущей победе коммунизма. Импонировало и то, что они были решительными противниками и гневными критиками царского самодержавия и предсказывали неизбежную победу революции в России. Вместе с тем некоторых русских почитателей Маркса с самого начала настораживали его революционный фанатизм и «диктаторские» замашки, неприятие инакомыслия, излишне жесткие, по их мнению, формы борьбы с идейными противниками[1].

Коммунистический проект будущего

По мнению исследователей теории социализма, наибольший идейный вклад в развитие марксисткой теории внес В.И. Ленин, который «обогатил своей творческой мыслью все составные части марксизма. Особенно существен его вклад в теорию научного социализма. Он развил учение о перерастании демократической революции в социалистическую, о возможности победы первоначально в одной или нескольких странах, конкретизировал теорию переходного периода от капитализма к социализму, обогатил марксистское представление о социализме»[2].

Большевики, в том числе и В. Ленин, не создали принципиально нового социалистического идеала, за основу будущего был взят коммунистический проект, разработанный Марксом[3]. Как считают некоторые современные исследователи, «представления большевиков о социализме оставались еще достаточно смутными и в чем-то даже примитивными»[4].

---

[1] Модели общественного переустройства России. XX век: [монография] / В.В. Зверев [и др.]; отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2004. С. 484.

[2] Очерк теории социализма / Смирнов Г.Л., Андреев Э.М. Баграмов Э.А. и др. М., 1989. С. 80.

[3] В программе РСДРП было сказано: «Считая себя одним из отрядов всемирной армии пролетариата, российская социал-демократия преследует ту же конечную цель, к которой стремятся социал-демократы всех других стран». См.: Полный сборник платформ всех русских политических партий. С приложением Высочайшего манифеста 17 октября 1905 г. и всеподданнейшего доклада графа Витте. / Гос. публ. ист. б-ка России. М., 2001. С. 9.

[4] Модели общественного переустройства России. XX век: [монография] / В.В. Зверев [и др.]; отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2004. С. 541.

Марксистское видение коммунизма всегда носило довольно схематичный, во многом абстрактный характер. Отчасти это объяснялось стремлением создать научную концепцию развития общества, где чисто умозрительные, не подкрепленные жизненной практикой умозаключения были исключены или сведены к минимуму как ненаучные[1].

Развернутое определение коммунизма как высшей фазы коммунистической формации принадлежит К. Марксу. Он писал: «На высшей фазе коммунистического общества, после того как исчезнет порабощающее человека подчинение его разделению труда; когда исчезнет вместе с этим противоположность умственного и физического труда; когда труд перестанет быть только средством для жизни, а станет сам первой потребностью жизни; когда вместе с всесторонним развитием индивидов вырастут и производительные силы и все источники общественного богатства польются полным потоком, лишь тогда можно будет совершенно преодолеть узкий горизонт буржуазного права, и общество сможет написать на своем знамени: «Каждому по способностям, каждому по потребностям!»[2]. Основная идея коммунизма, как определил ее Ф. Энгельс, – это создание «ассоциации, в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех»[3].

Суть взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса на коммунизм и социализм состояла в том, что это должно быть общество, сменяющее революционным путем капитализм с его законом стоимости и с государственной организацией общественной жизни. Капитализм постепенно исчерпывает возможности своего развития, создавая материальные предпосылки преодоления условий действия закона стоимости, товарно-денежных отношений. На место прибавочной стоимости как определяющей цели производства встает цель всестороннего развития человека. Социализм – это сознательно регулируемое, то есть планируемое, бестоварное и самоуправляющееся общество, базирующееся на общественной собственности на средства производства[4].

Пролетарская революция открывает переходный период от капитализма к первой стадии коммунизма – социализму, когда все трудятся в меру своих сил и получают в зависимости от количества и качества затраченного труда. Социалистическое государство в его политической форме будет необходимо только в переходный период, а насилие должно применяться лишь по отношению к свергаемой и сопротивляющейся буржуазии. Государство в этот период существует в форме диктатуры пролетариата, предполагающей полное развитие демократии для всех трудящихся. Процесс всестороннего развития

---

[1] Действительно, марксизм использует научный подход к исследованию общества, поскольку изучает его как объективное явление. Однако общество существует не только и не столько объективно, сколько субъективно и идеально в сознании людей, поэтому научный подход в изучении общества не «работает».

[2] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 20.

[3] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 39. С. 166.

[4] Очерк теории социализма / Смирнов Г.Л., Андреев Э.М. Баграмов Э.А. и др. М., 1989. С. 73.

производства и личности каждого труженика, стирание граней между физическим и умственным трудом, между городом и деревней приведут к созданию условий перехода ко второй стадии коммунистической формации – собственно коммунизму, когда будет обеспечено удовлетворение всех потребностей каждого члена общества, а функции государства перейдут к органам общественного самоуправления[1].

В социалистический период пролетарское государство в социально-экономической сфере проводит следующие меры: национализирует землю и обеспечивает переход к коллективному производству сельскохозяйственной продукции; национализирует крупную и среднюю промышленность, банки, транспорт; вводит обязательный труд для всех граждан; организует плановое ведение народного хозяйства; производит замену рыночной экономики прямым продуктообменом; вводит высокий прогрессивный подоходный налог; обеспечивает выборность, подотчетность народу и сменяемость всех чиновников при фиксированном максимуме их оплаты[2].

Переход от капитализма к коммунизму не является сменой однотипных общественно-экономических формаций, и общество, которое противостояло людям до сих пор как навязанное свыше природой и историей, становится теперь их собственным свободным делом, и люди начинают вполне сознательно сами творить свою историю[3]. Капитализм завершает предысторию человечества, социализм и коммунизм – это эпоха настоящей истории человечества. Новая, свободная, счастливая жизнь, аналог рая, но только на земле и при этой жизни – вот что такое коммунизм для обычного рационалиста в переводе с тяжеловесного, наукообразного языка Маркса и Энгельса. В упрощенном виде, очищенном от наукообразной терминологии, это светлая мечта о прекрасном будущем, и эта мечта по своей силе и привлекательности вполне сопоставима с мечтой христианской.

Ленин в статье «Три источника и три составных части марксизма» (1913) утверждал, что благодаря двум величайшим открытиям марксизма – материалистическому пониманию истории и теории прибавочной стоимости – социализм превратился из утопии в науку. В условиях колоссальных изменений, которые в это время научные знания привнесли в жизнь, связь социализма с наукой имела огромное значение для рационалистически мыслящих людей, безоговорочно верящих в мощь научного познания.

Тяжеловесность изложения, сложные логические конструкции, в которых невозможно разобраться даже подготовленному человеку, не только не снижали, но и значительно усиливали убедительность конечных выводов для

---

[1] Модели общественного переустройства России. XX век: [монография] / В.В. Зверев [и др.]; отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2004. С. 480–481.

[2] Модели общественного переустройства России. XX век: [монография] / В.В. Зверев [и др.]; отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2004. С. 481.

[3] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 227–228.

рационалистически мыслящих людей. Особенно сильное влияние учение Маркса оказало на рабочих, которые на производстве видели колоссальную силу науки, но вследствие недостатка образования чаще всего принимали на веру научные постулаты, усваивали их в готовом виде, не обременяя себя всей последовательностью доказательств, их обосновывающих. Точно так же они восприняли и учение К. Маркса – усвоив выводы и пропустив доказательную часть. В воспоминаниях рабочих-марксистов неоднократно приходилось читать о том, что они с гордостью, как о великом подвиге, писали, что сумели прочитать «Капитал» К. Маркса, но ни один не утверждал, что понял его. Большинство, естественно, не читали не только «Капитал», но и меньшие по объему произведения «классиков»; они усваивали популярное изложение основных тезисов марксизма, а авторитет науки утверждал их истинность. В сознании рационалистически мыслящего человека авторитет науки столь же высок, как для христианина авторитет Бога.

Настоящее значение Маркса и Энгельса в том, что они приспособили социалистический, утопический идеал для его восприятия рационалистическим сознанием. Авторитет науки освятил, придал силу и действенность социалистической идее.

Реальная история показала, что из всего количества научных предсказаний осуществились только те, которые могли осуществиться, при этом решающим условием реализации была не строгость логических доказательств[1], а их соответствие условиям реальности.

Представления В. Ленина о коммунизме и социализме в общем соответствовали идеям К. Маркса и Ф. Энгельса, каких-либо значимых новаций в социалистический проект будущего он в дореволюционный период не внес, придерживаясь в основном уже устоявшихся догм. Намного значительнее вклад В. Ленина в теорию перехода к социалистическому обществу[2].

Согласно ленинским представлениям, сложившимся к началу Октябрьской революции, социалистическое общество должно быть единой фабрикой «с равенством труда и равенством платы», всенародным контролем и «фабричной» дисциплиной. Но эта дисциплина никоим образом не являлась, по Ленину, идеалом или конечной целью. Она должна была стать, по его замыслу, только ступенькой, необходимой для радикальной чистки общества от капиталистической эксплуатации и для дальнейшего движения вперед, смысл которого состоит в том, чтобы все трудящиеся сами научились управлять обществом. «Социализм, – писал В. Ленин, – немыслим без крупнокапиталистической техники, построенной по последнему слову но-

---

[1] Марксизм не допустил научных просчетов, просто наука неприложима к обществу. Общество, созданное человеком, имеет иные основания, чем природный мир, поэтому естественнонаучные методы и способы для его изучения неприменимы.

[2] В рамках идеалистического подхода эту теорию было бы вернее назвать теорией создания социалистического общества, однако, чтобы не вводить в заблуждение читателя, автор будет придерживаться устоявшихся терминов.

вейшей науки, без планомерной государственной организации, подчиняющей десятки миллионов людей строжайшему соблюдению единой нормы в деле производства и распределения продуктов»[1]. Решаться эти задачи должны, прежде всего, путем создания основанного на единой общенародной собственности, направляемого и планируемого государством общенационального производства, а также на строжайшем учете и контроле распределения в виде прямого продуктообмена и нормированного снабжения, постепенно исключающих товарное производство и товарно-денежные отношения.

В качестве ближайших задач социалистического строительства выдвигались замена торговли продуктообменом, прежде всего между городом и деревней; создание производственно-потребительских коммун; постепенное уничтожение денег и замена их сберегательными книжками, краткосрочными билетами (у Маркса – «квитанциями») [2].

Еще до революции В.И. Ленин говорил о необходимости научного различия между социализмом и коммунизмом, подчеркивал, что «политически различие между первой, или низшей, и высшей фазой коммунизма со временем будет, вероятно, громадно...»[3]. В работе «Государство и революция», анализируя важнейшие положения марксизма о коммунистической формации и фазах ее исторического развития, Ленин конкретизирует взгляды Маркса и Энгельса на коммунистическую формацию. Он четко разграничивает переходный период («долгие муки родов»), социализм (низшую фазу) и коммунизм (высшую фазу).

Марксистско-ленинская концепция государства

Ленинское отношение к государству в целостном виде сформировалось непосредственно перед Октябрьской революцией. В начале своей политической деятельности он, придерживаясь в целом марксистских взглядов и считая социализм в России делом неблизкого будущего, мыслил в русле, присущем всем российским социал-демократам того времени.

Поскольку страна не относилась к категории развитых, то для нее в качестве первоочередной стояла задача создания условий для борьбы за социализм. Это выдвигало на первый план свержение самодержавия и переход к демократической государственности вначале в форме парламентской республики. Уже группа «Освобождение труда» требовала введения в России демократической конституции, предусматривающей всеобщее избирательное право при выборах в общероссийское законодательное собрание, а также в органы провинциального и общинного самоуправления. Демократизация общественного и государственного строя России предполагала, по мнению группы, непри-

---

[1] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 300.
[2] Очерк теории социализма / Смирнов Г.Л., Андреев Э.М., Баграмов Э.А. и др. М., 1989. С. 86.
[3] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 98.

косновенность личности и жилища граждан, неограниченную свободу совести, слова, печати, собраний и ассоциаций, а также выбора занятий и места жительства. Принцип равноправия граждан распространялся на людей всех национальностей и вероисповеданий. Выдвигалось также требование пересмотра всего действующего гражданского и уголовного законодательства, уничтожения сословного деления и наказаний, несовместимых с достоинством человека. Постоянная армия подлежала замене всеобщим вооружением народа[1].

В 1902 году в программе РСДРП демократические требования были не только четко увязаны с задачей «низвержения самодержавия», но и дополнены рядом новых важных положений. Так, появился тезис о «самодержавии народа», а выразителем народной воли должно было стать однопалатное законодательное собрание, обладающее верховной государственной властью. Возрастной ценз избирателей понижался теперь до 20 лет, выборы должны были проходить путем тайного голосования. Срок действия парламента определялся в два года. Специально оговаривалось участие в выборах не только мужчин, но и женщин и то, что в выборах в органы местного самоуправления, так же как и в выборах в общероссийский парламент, участвует все взрослое население страны независимо от пола, национальности и религиозных убеждений граждан[2].

Марксистское учение о государстве вытекает из концепции К. Маркса и Ф. Энгельса о базисе и надстройке. Базис – экономическая структура общества, совокупность не зависящих от воли людей производственных отношений, в основе которых лежит та или иная форма собственности; эти отношения соответствуют определенной ступени развития производительных сил. На базисе возвышается и им определяется юридическая и политическая надстройка, которой соответствуют формы общественного сознания. Государство и право как части надстройки всегда выражают волю и интересы класса, который экономически господствует при данной системе производства. В книге «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1884) Энгельс доказывал, что государство возникло в результате раскола общества на классы с противоположными экономическими интересами и само оно является «государством исключительно господствующего класса и во всех случаях остается по существу машиной для подавления угнетенного, эксплуатируемого класса».

В.И. Ленин строго придерживался марксистских взглядов на сущность государства и считал, что в классово-антагонистическом обществе не может

---

[1] Модели общественного переустройства России. XX век: [монография] / В.В. Зверев [и др.]; отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2004. С. 492.

[2] Полный сборник платформ всех русских политических партий. С приложением Высочайшего манифеста 17 октября 1905 г. и всеподданнейшего доклада графа Витте. / Гос. публ. ист. б-ка России. М., 2001. С. 13.

быть надклассового государства. Классовость – врожденная, неотъемлемая и всеопределяющая черта государства.

Поскольку государство является не более чем инструментом в руках власть имущих, то, соответственно, и любое государство является организацией, которая выражает волю не всего общества, а именно господствующего класса. Ленин считал, что государство есть машина для угнетения одного класса другим, машина, чтобы держать в повиновении одному классу прочие подчиненные классы.

Вследствие классовой природы государства комплектование аппарата государственного управления происходит преимущественно лицами из среды господствующего класса, которые проводят политику, отвечающую коренным экономическим, политическим и идеологическим интересам правящего класса.

Взгляды В. Ленина на государство в целостном виде были сформулированы в 1917 году в его труде «Государство и революция».

Государство, по Ленину, – власть господствующего класса, оторванная от общества и все более ставящая себя над ним, а его опорой являются армия, чиновничество, полиция, имеющая в своем распоряжении и такие вещественные придатки, как тюрьмы. Оно не только орудие подавления, но и орудие эксплуатации угнетенного класса посредством налогов и других форм выкачки средств.

Ленин считал, что классовая сущность государства не зависит от его формы. При демократической республике неравные и несправедливые отношения сохраняются. Более того, «демократическая республика есть наилучшая возможная политическая оболочка капитализма», и капитал, овладев этой оболочкой, «обосновывает свою власть настолько надежно, что никакая смена ни лиц, ни учреждений, ни партий в буржуазно-демократической республике не колеблет этой власти»[1]. Отсюда необходимость слома буржуазно-демократической государственной машины. Все прошлые революции лишь усовершенствовали эту машину, а ее надо разбить, сломать, поскольку, по Ленину, «всякое государство есть особая сила для подавления угнетенного класса, поэтому всякое государство несвободно и ненародно»[2].

Классовый подход закономерно приводил к выводу о том, что государственная машина, независимо от ее форм и типа, является лишь инструментом насилия одного класса над другим, поэтому В. Ленин утверждал, что «чистой» демократии не бывает и в классово-антагонистическом обществе демократия всегда существует только для господствующего класса. И напротив, диктатура представляет диктатуру над эксплуатируемыми классами. Из этого следует, что демократия и диктатура могут существовать одновременно в одном государстве, все дело только в том – для какого класса.

---

[1] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 14.
[2] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 7.

Диктатура класса, по Ленину, означает, во-первых, власть определенного класса над всеми остальными социальными группами. Во-вторых, подобная диктатура включает в себя опору власти господствующего класса на прямое насилие, применяемое в самых различных формах. В-третьих, непременным признаком диктатуры класса является ее несвязанность какими бы то ни было законами.

В. Ленин в основном негативно относился к буржуазным демократическим государственным институтам, включая парламент, считая, что они оторваны от народа и слабо отражают интересы трудящихся. Эти негативные черты, по его мнению, были характерны и для Государственной думы России (1906–1917).

Лишь во время революции 1905 года были созданы принципиально новые демократические органы местного самоуправления – Советы рабочих (а иногда солдатских) депутатов, революционные крестьянские комитеты и некоторые другие подобные организации, в принципе однотипные с органами самоуправления Парижской коммуны. Для работы Советов были характерны полная гласность, соединение законотворчества и исполнения принятых постановлений, что считалось тогда революционным шагом вперед по сравнению с практикой разделения различных ветвей власти. Советы рассматривались как новый тип демократии, сразу же замеченный и использованный социал-демократами, ставшими ведущей силой в большинстве Советов.

В начале 1917 года Ленин пришел к идее о том, что на смену царскому строю должна прийти не парламентская республика, а Республика Советов[1]. После победы Февральской революции 1917 года лозунг «Вся власть Советам!» как альтернатива сначала буржуазному, а затем буржуазно-социалистическому правительству стал главным стратегическим лозунгом партии большевиков, который она реализовала в ходе Октябрьской революции[2].

Идея диктатуры пролетариата как форма государства переходного периода от капитализма к социализму принадлежит К. Марксу, но детальной разработки она у него не получила, поэтому была развернута в полноценную и обоснованную теорию В.И. Лениным.

Ленин дал следующее определение диктатуре пролетариата: «Диктатура пролетариата есть особая форма классового союза между пролетариатом, авангардом трудящихся и многочисленными непролетарскими слоями трудящихся... в целях полного свержения капитала, полного подавления сопротивления буржуазии и попыток реставрации с ее стороны... в целях оконча-

---

[1] В отличие от Ленина, меньшевики не склонны были преувеличивать роль Советов как чего-то большего, чем стачечные комитеты и органы революционного самоуправления. В Советах были представлены далеко не все социальные группы населения, а их депутатам явно не хватало интеллигентности и умения осуществлять управленческие функции. Поэтому они видели в Советах лишь некие «временные бараки» демократии, которые должны были уступить место каким-то новым органам власти.

[2] См.: Модели общественного переустройства России. XX век: [монография] / В.В. Зверев [и др.]; отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2004. С. 493–494.

тельного создания и упрочнения социализма»[1]. В этом определении он раскрыл сущность диктатуры пролетариата как государства особого типа, которое характерно для такой эпохи, при которой эксплуатируемые классы еще не вполне утвердились и при которой еще сильны эксплуататоры, которых следует подавлять.

По мнению В. Ленина буржуазия добровольно власть не отдаст, поэтому по отношению к этому классу придется применить насилие. Создание основ социалистического общества также потребует насильственного внедрения, поэтому путь к коммунизму лежит не через демократические процедуры и правовое государство, а через самую ожесточенную диктатуру угнетенных классов над своими угнетателями. Впрочем, предполагалось, что окончательная победа будет достигнута не столько насилием, сколько в результате создания более высокой и эффективной хозяйственно-экономической организации страны.

Еще одна функция диктатуры пролетариата – защита власти эксплуатируемых от мирового империализма.

В государстве диктатуры пролетариата демократия предназначена для пролетариев и всех трудящихся, а диктатура направлена против буржуазии и должна выполнить задачу подавления сопротивления, а в перспективе и полной ликвидации эксплуататорских классов. Диктатура пролетариата призвана вести общество по пути уничтожения эксплуататорских классов, устранения классовых различий между рабочими и крестьянством. Этим она отличается от всех ранее существовавших государств, которые имели целью увеличение классового господства эксплуататоров, рабского состояния и угнетения эксплуатируемых. Диктатура пролетариата ставит целью ликвидацию эксплуататорских классов и обеспечение полной и окончательной победы социализма[2].

Поскольку подавление эксплуататоров производит громаднейшее большинство народа, то значение государственного аппарата становится существенно иным: он тесно связан с народом и опирается на народ, на его громаднейшее большинство. В связи с этим государство диктатуры пролетариата превращается «в нечто такое, что уже не есть собственно государство». Это – социалистическое государство, «отмирающее государство, то есть устроенное так, чтобы оно немедленно начало отмирать и не могло не отмирать». Таким образом, В. Ленин связывает идею диктатуры пролетариата и идею отмирания государства при коммунизме.

Диктатура пролетариата должна была осуществляться в классовой форме союза пролетариата с полупролетарскими слоями трудящихся. Победивший пролетариат не наследует предшествующей государственной машины, он ее

---

[1] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 377.

[2] Азаркин Н.М. История юридической мысли России. М., 1999. С. 453.

уничтожает и создает новую. В начале XX века была определена и ее конкретная государственная форма – Республика Советов, в которой соединяются элементы представительной и непосредственной демократии.

В ленинском изображении Советская республика сочетает черты государственной и общественной организации: в ней соединяются элементы представительной и непосредственной демократии. Советы – учреждения, которые одновременно и законодательствуют, и исполняют законы, и сами же контролируют выполнение своих законов. Строится и функционирует такого типа республика на основе демократического централизма, что означает выборность всех органов власти снизу доверху, подотчетность их и подконтрольность, сменяемость депутатов и т. д[1].

Наиболее важным в Советах для Ленина является то, насколько они фактически в состоянии быть инструментами диктатуры пролетариата или, что одно и то же, находиться под беспрекословным руководством большевистской партии. Без этого Советы, в глазах Ленина, никакой ценности не имеют. Лозунг «Советы – без коммунистов!» представлялся ему контрреволюционным и смертельно опасным для диктатуры пролетариата[2]. Диктатуру осуществляет организованный в Советы пролетариат, которым руководит коммунистическая партия большевиков.

В эпоху коммунизма государство, по Марксу, Энгельсу и Ленину, отомрет естественным ходом событий. Это будет связано с тем, что, во-первых, общество будет бесклассовым и необходимости подавлять какой-либо класс не будет. Ленин неоднократно повторяет эту мысль: «...пролетарское государство сейчас же после его победы начнет отмирать, ибо в обществе без классовых противоречий государство не нужно и невозможно». Во-вторых, уровень сознательности людей поднимется до такой степени, что они не будут нуждаться в управлении со стороны государства. В обществе восторжествует принцип «От каждого по способностям, каждому по потребностям», при том что труд будет сам являться первой жизненной потребностью. Руководящие функции будут возложены на общественное самоуправление, в ходе которого каждый гражданин будет принимать активное участие в управлении государством. Правовые нормы заменят правила коммунистического общежития.

Процесс отмирания государства – долгий и эволюционный, ибо требует высокого уровня сознательности, которого невозможно достичь без определенной материально-технической базы развития производительных сил, определенного уровня общественных отношений. Окончательную ликвидацию госаппарата Ленин увязывает с выполнением ряда социально-экономических и общекультурных условий, которые будут созданы государством диктатуры пролетариата.

---

[1] История политических и правовых учений. Под ред. В. С. Нерсесянца. М., 1997. С. 469.
[2] История политических и правовых учений. Под ред. В. С. Нерсесянца. М., 1997. С. 469.

Таким образом, взгляды большевиков на государство и его отмирание при социализме органично вытекали из марксизма, в котором оно определялось как аппарат насилия господствующего класса. В результате победы социалистической революции на смену буржуазному демократическому государству должна прийти диктатура пролетариата в форме Республики Советов. Ее назначение – подавление сопротивления эксплуататоров и создание основ социализма; по мере их формирования начнется процесс отмирания государства, поскольку в бесклассовом обществе государство не нужно и невозможно.

Ленинская теория социалистической революции

Классический марксизм не давал русским революционерам надежды на осуществление социалистической революции в обозримом будущем, однако благодаря некоторым идеям, выдвинутым В. Лениным, перспектива социализма в России стала делом самого ближайшего будущего.

Согласно теории К. Маркса и Ф. Энгельса, социалистическая революция – пролетарская революция, в ходе которой происходит взятие политической власти рабочим классом, экспроприация класса капиталистов, уничтожение деления общества на классы, ликвидация эксплуатации человека человеком на основе общественной собственности на средства производства. Основа и причина революции – конфликт между общественным характером производства и частнокапиталистической формой присвоения.

Согласно марксистской теории, революции происходят вследствие объективных, независящих от людей причин, коренящихся в изменении материальной основы их бытия, но, кроме объективных условий, для революции необходима и зрелость субъективного фактора, который включает в себя активную и сознательную борьбу рабочего класса, всех трудящихся за социализм, наличие у рабочего класса революционной марксистской партии, которая вносит в рабочее движение социалистическое сознание, воспитывает и организует массы, разрабатывает стратегию и тактику классовой борьбы, осуществляет политическое руководство. Союз рабочего класса с непролетарскими слоями трудящихся – необходимое условие победы революции. Главным союзником рабочего класса является крестьянство.

Социалистическая революция охватывает весь переходный период от завоевания власти рабочим классом до построения социализма (первой «фазы» коммунистического общества). В узком смысле слова социалистическая революция означает переход власти в руки рабочего класса, установление его диктатуры. Революция включает комплекс разрушительных и созидательных задач: взятие власти рабочим классом, слом старой государственной машины, утверждение общественной собственности на средства производства, создание системы сознательного управления экономическими и социальными процессами, ликвидацию классовых и национальных антагонизмов, эксплуатации человека человеком, развитие социалистической демократии, культурную революцию.

В программе РСДРП сказано: «Заменив частную собственность на средства производства и обращения общественною и введя планомерную организацию общественно-производительного процесса для обеспечения благосостояния и всестороннего развития всех членов общества, социальная революция пролетариата уничтожит деление общества на классы и тем освободит все угнетенное человечество, так как положит конец всем видам эксплуатации одной части общества другою. Необходимое условие этой социальной революции составляет диктатура пролетариата, то есть завоевание пролетариатом такой политической власти, которая позволит ему подавить всякое сопротивление эксплуататоров»[1].

В отличие от всех предшествующих социальных революций, лишь изменявших форму эксплуатации, социалистическая революция, по мысли К. Маркса, означает коренной поворот в развитии общества, знаменует переход от предыстории человечества к его подлинной истории.

В какой форме пройдет революция – в мирной или немирной, зависит главным образом от степени сопротивления буржуазии. При этом вооруженное восстание может рассчитывать на успех только в условиях общенационального кризиса, когда ему обеспечена поддержка и сочувствие большинства народа[2].

В начале XX века российские социал-демократы не видели возможности проведения собственно социалистической революции, поэтому ставили перед собой общедемократические задачи, решение которых должно создать условия для перехода к социализму. Главным тормозом на пути к демократии было самодержавие, «поэтому Российская социал-демократическая рабочая партия ставит своей ближайшей политической задачей низвержение царского самодержавия и замену его демократической республикой»[3].

Для правоверных марксистов было очевидно, что революция должна начаться в наиболее развитых странах; это с очевидностью вытекало из хода рассуждений К. Маркса и делало бесперспективным дело революции в России – стране с неразвитым капитализмом. Из этого положения исходили большинство российских социал-демократов. В программе партии было записано, что перспективы и обострение классовой борьбы зависят от уровня развития капиталистических отношений, поэтому «социал-демократы разных стран вынуждены ставить себе неодинаковые ближайшие задачи – как потому, что этот способ (капитализм. – *Г. Герасимов*) не везде развит в одинаковой степени, так и потому, что его развитие в разных странах совершается в

---

[1] Полный сборник платформ всех русских политических партий. С приложением Высочайшего манифеста 17 октября 1905 г. и всеподданнейшего доклада графа Витте. / Гос. публ. ист. б-ка России. М., 2001. С. 11.

[2] См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 337.

[3] Полный сборник платформ всех русских политических партий. С приложением Высочайшего манифеста 17 октября 1905 г. и всеподданнейшего доклада графа Витте. / Гос. публ. ист. б-ка России. М., 2001. С. 12.

различной социально-политической обстановке»[1]. В соответствии с этой концепцией социал-демократы не планировали проведения социалистической революции, а ставили «своей ближайшей политической задачей низвержение царского самодержавия и замену его демократической республикой»[2].

Строгое следование марксистской теории откладывало перспективу социалистической революции в России на неопределенное будущее.

В. Ленин обосновал возможность создания социализма в России невзирая на уровень ее социально-экономического развития. Это явно противоречило учению К. Маркса, на что неоднократно указывали Г. Плеханов, меньшевики и европейские марксисты. Теоретические споры по этому вопросу фактически выиграл В. Ленин – его соратники по большевистскому крылу РСДРП поверили в возможность победы социализма в России, а октябрь 1917-го подтвердил теорию практикой, что было для марксистов критерием истины. Идея социалистической революции сначала овладела большевиками, а затем и теми представителями рабочего класса, интеллигенции и крестьянства, которые находились под их влиянием.

В. Ленин сумел создать целостную концепцию, убедительно обосновывавшую возможность социалистической революции в России. Главные идеи, венчающие концепцию, были созданы им в годы Первой мировой войны.

Важнейшими составляющими ленинской концепции социалистической революции были идеи об империализме как высшей стадии капитализма, о революционной ситуации, о партии нового типа, гегемонии пролетариата, о союзе пролетариата и всего крестьянства, о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую, о диктатуре пролетариата, о руководящей роли партии в революции и некоторые другие.

Учение об империализме

В основе ленинской концепции социалистической революции лежала идея о неравномерности развития империализма.

В. Ленин определил империализм как высшую стадию капитализма. Когда сложилось господство монополий и финансового капитала, приобрел огромное значение вывоз капитала, начался раздел мира между картелями и трестами и закончился раздел всей территории земли крупнейшими капиталистическими странами.

Образование уже в годы Первой мировой войны начальных форм государственно-монополистического капитализма Ленин трактовал как создание при империализме материальных предпосылок нового строя. Он считал, что можно рассматривать монополистический капитализм как полнейшую мате-

---

[1] Полный сборник платформ всех русских политических партий. С приложением Высочайшего манифеста 17 октября 1905 г. и всеподданнейшего доклада графа Витте. / Гос. публ. ист. б-ка России. М., 2001. С. 11–12.

[2] Полный сборник платформ всех русских политических партий. С приложением Высочайшего манифеста 17 октября 1905 г. и всеподданнейшего доклада графа Витте. / Гос. публ. ист. б-ка России. М., 2001. С. 12.

риальную подготовку социализма. Ленин характеризовал империализм как паразитический, загнивающий, умирающий капитализм, подводящий посредством революции к социализму[1].

В.И. Ленин утверждал, что при империализме развитие происходит в высшей степени неравномерно, скачкообразно. Вследствие этого, во-первых, разновременно вызревают экономические и политические предпосылки социалистической революции в различных странах, во-вторых, все более обостряются противоречия между капиталистическими странами, что, в свою очередь, ослабляет силы империализма и создает условия для прорыва его цепи в слабых звеньях[2].

Империализм – мировая система. В этих условиях вовсе не обязательно, чтобы революция произошла в наиболее развитой капиталистической стране. Империалистическая цепь будет прорвана в слабейшем ее звене при соответствующих объективных и субъективный предпосылках – при известном уровне развития капитализма, при наличии пролетариата и его партии, способных возглавить непролетарские массы, в первую очередь крестьянство. Там, где противоречия проявились наиболее остро и где налицо подготовленные силы, – там и может произойти социалистическая революция. И этим звеном, по утверждению В. Ленина, была Россия

Сформулировав закон неравномерности экономического и политического развития капиталистических стран в статье «Военная программа пролетарской революции» (1916), В. Ленин категорично утверждал: «...социализм не может победить одновременно во всех странах. Он победит первоначально в одной или нескольких странах, а остальные в течение некоторого времени останутся буржуазными или добуржуазными»[3]. Этот логический разрыв с К. Марксом был объяснен диалектическим подходом к его учению, который хоть и противоречил формальной логике, однако был объявлен высшей ступенью познания истины.

Учение об империализме и вытекающая из него возможность проведения социалистической революции в России – стране с неразвитым капитализмом, хотя и противоречит учению К. Маркса, зато научно обосновывает желание совершить революцию. В 1917 году это желание было осуществлено, причем не потому, что этого требовали «железные» законы общественного развития. Те законы, которые открыли Маркс и Энгельс, не сработали: в развитых странах социалистической революции не произошло ни в условиях кризиса, ни в условиях войны, а значит, и законы оказались вовсе не законами, а лишь теоретическими конструкциями.

---

[1] Очерк теории социализма / Смирнов Г.Л., Андреев Э.М. Баграмов Э.А. и др. М., 1989. С. 80–81.

[2] Научный коммунизм: Учебник для вузов / П.Н. Федосеев, В.Г. Афанасьев, К.Н. Брутенц и др. 5-е изд. М., 1982. С. 47.

[3] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 133.

Главное в ленинской идее было не то, что она вытекала из объективной реальности, а то, что была привлекательна для революционеров, поскольку открывала перспективу совершения долгожданной социалистической революции в стране, где, согласно классическому марксизму, произойти в то время не могла. И второе: идея захвата власти при условии ее системного кризиса действительно могла быть осуществлена, и это было важнее того, насколько она соответствовала «законам общественного развития».

Учение о революционной ситуации

Еще одной важной идеей В. Ленина была идея революционной ситуации. По его мнению, революционную ситуацию характеризуют три основных признака: во-первых, невозможность для правящих классов продолжать свое господство в прежнем виде. Во-вторых, резкое обострение, выше обычного, нужды и бедствий трудящихся масс в результате кризиса. В-третьих, значительное усиление недовольства и возмущения поведением господствующих классов, выраженное в активных революционных выступлениях и действиях широких народных масс. В принципе, революционная ситуация никак не связана со степенью развития производительных сил и может произойти в стране с любым уровнем развития, но Лениным она была привязана к текущей империалистической стадии развития общества и экономики.

По идее В. Ленина, не всякая революционная ситуация превращается в революцию. Для этого необходимы кроме объективных причин также субъективные, а именно – способность и готовность передового класса подняться на свержение господствующих классов. Эта способность рабочего класса обеспечивается марксистской революционной партией, опирающейся на класс рабочих и его союзника в лице крестьянства.

Марксизм не только научно обосновал возможность и неизбежность коммунизма, но и указал на ту силу, с помощью которой можно осуществить социалистическую революцию. Такой общественной силой является рабочий класс. «Главное в учении Маркса,– подчеркивал Ленин,– это выяснение всемирно-исторической роли пролетариата как созидателя социалистического общества»[1].

Основоположники марксизма справедливо отмечали, что именно пролетариат – наиболее революционный класс буржуазного общества. Он добывает средства к жизни исключительно продажей своей рабочей силы. Как самый эксплуатируемый класс буржуазного общества, лишенный собственности на средства производства, пролетариат является непримиримым врагом капитализма. Он кровно заинтересован в его ликвидации. Пролетариат – самый организованный класс. Развитие крупной промышленности ведет к росту его численности, силы и влияния. Сам характер труда на крупных предприятиях

[1] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 1.

объединяет рабочих в большие коллективы, приучает к дисциплине и организованности[1].

Важная особенность пролетариата, которую не заметили К. Маркс, Ф. Энгельс и В. Ленин, но которая очень важна с позиций идеалистического подхода, – это то, что пролетариат – самый многочисленный рационалистически мыслящий класс капиталистического общества. Порвавший с религией, загнанный в трущобы городов, в дым и грохот заводов, на практике познавший мощь научно-технического прогресса и преклоняющийся перед ней, это был первый класс, готовый реально бороться за социалистические идеалы. Поверхностно образованный, пролетариат оказался способен увлечься яркими, научно обоснованными рационалистическими идеями, особенно если они обещают светлое будущее не на небе, в другой жизни, в которую они не верят, а на земле и сравнительно скоро.

Другие рационалистически мыслящие классы и социальные слои не верили в социализм. Буржуазная среда оказалась малопригодной для широкого распространения социалистической идеи. Образованные слои, интеллигенция быстро увлекались социализмом, но самые образованные и авторитетные быстро разочаровывались в его интеллектуальном потенциале, тоталитарном характере идей. Однако низкий уровень образования и недостаток времени не позволяют людям, работающим на производстве, самостоятельно создать сколь-нибудь значимые идеи, поэтому рабочий класс нуждается в идеологическом поводыре; на эту роль и претендует коммунистическая партия, которая вносит в рабочее движение социалистическое сознание.

На рубеже XIX и XX веков марксизм оказался наиболее привлекательной идеей для рабочих, ясно, понятно и убедительно формулируя цели к захвату власти, ликвидации эксплуатации, повышению благосостояния, созданию великого интернационала трудящихся. Марксизм содержал яркую, великую, светлую цель, достижение которой было равнозначно построению Царствия Небесного на земле, идее, еще очень близкой рабочим, не столь давно и неокончательно порвавшим с религией.

Из рационалистических учений ни одно не давало столь соблазнительной цели. Либерализм обещал свободу, но она и так была у рабочих и сводилась к свободе продажи своего труда, поэтому рабочий не желал свободы. Он хотел счастья, а либерализм его не только не гарантировал, но даже не обещал ему, а вот социализм гарантировал. Социализм обещал сделать пролетариат господствующим классом, он открыто провозглашал в будущем диктатуру пролетариата, которая уничтожит нынешних работодателей, собственность, эксплуатацию, неравенство. Конечно, для рабочего класса социализм был наиболее привлекательным из всех существующих рационалистических идей проектом будущего. Крестьянство, остающееся верным православию, не

[1] Научный коммунизм: Учебник для вузов / П.Н. Федосеев, В.Г. Афанасьев, К.Н. Брутенц и др. 5-е изд. М., 1982. С. 34.

могло зажечься этой рационалистической концепцией, поэтому рассматривалось В. Лениным лишь как «попутчик», в лучшем случае – как союзник рабочего класса.

Для успешного захвата власти рабочим классом был необходим общенациональный кризис, возникающий на почве революционной ситуации. Таков, по словам В. Ленина, основной закон всякой великой революции[1]. Такой кризис был вызван империалистической войной, поэтому российский пролетариат должен, не выжидая, когда сложится такая же обстановка в других государствах, прорвать фронт империализма и установить свою диктатуру, экспроприировать свергнутых капиталистов и организовать у себя в стране социалистическое производство. Успешное строительство социализма, ликвидация частной собственности на средства производства, коренное улучшение жизни всех трудящихся страны вдохновят мировой пролетариат на борьбу за социализм и приведут к мировой революции. С победой социализма в России создается база для усиления и развития мирового революционного движения и победы революции в мировом масштабе. Рабочие развитых государств помогут русским пролетариям в налаживании современного производства.

Учение о революционной партии

Учение В. Ленина о революционной партии стало одной из важных идей, обеспечивших победу социализма в России.

Партия, как ее видел В. Ленин,– передовой отряд рабочего класса. Она неразрывно связана со своим классом и всеми непролетарскими трудящимися массами. Партия – высшая форма классовой организации. Она является боевым штабом рабочего класса, руководит его борьбой. Главное, что характеризует партию нового типа,– это ее революционность, непримиримость по отношению к капитализму. Всю свою деятельность она направляет на подготовку рабочего класса к завоеванию политической власти. Для того чтобы сохранять и усиливать свою боеспособность, успешно выполнять миссию организатора и вдохновителя революционной борьбы трудящихся, партия должна обеспечить единство своих рядов. Ее основу составляет идейная общность. Но одного идейного единства для политической организации рабочего класса недостаточно. Оно должно закрепляться организационным единством: внутрипартийная жизнь основывается на твердых нормах и правилах, обязательных для всех ее членов[2].

Именно такую партию строил В. Ленин, и ее создание явилось его величайшей победой. Партия большевиков стала идейным лидером рабочего класса, она повела его на захват власти и впервые в истории сделала господствующим классом.

---

[1] См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 69–70.

[2] Научный коммунизм: Учебник для вузов / П.Н. Федосеев, В.Г. Афанасьев, К.Н. Брутенц и др. 5-е изд. М., 1982. С. 44.

Процесс развертывания мировой социалистической революции был нарисован В. Лениным настолько убедительно, что этими идеями руководствовались вплоть до середины 1920-х годов, когда руководству СССР стало окончательно ясно, что мировая революция в настоящих условиях – утопия. Тем не менее российский народ в большинстве своем поверил этой утопии и активно стремился к ее воплощению в жизнь. Утопия была реализована лишь в первой своей части – социалистическую революцию в России удалось совершить, а мировую – нет. Идея мировой революции стала основой для другой сильной идеи – идеи интернационализма.

Аграрная программа социал-демократов

Аграрная программа РСДРП была частью общей программы партии, определявшая ее основные задачи по крестьянскому вопросу. Она строилась исходя из общих теоретических положений марксизма, условий обстановки и конкретных идей, направленных на привлечение крестьян как союзников рабочих в борьбе за социализм.

Несмотря на то, что над этой программой российские социал-демократы работали в общей сложности более 20 лет, приемлемого варианта создать так и не удалось – по причине идейных расхождений среди социал-демократов, а также попыток сделать излишне прямолинейные выводы из марксистской теории. Время от времени в РСДРП раздавались голоса тех, кто вообще не понимал, зачем пролетарской партии нужна особая программа по аграрно-крестьянскому вопросу. Вместе с тем в стране, где крестьянство абсолютно преобладало в структуре населения, не учитывать его интересы было невозможно, к тому же оно рассматривалось в качестве союзника пролетариата.

При формулировании аграрной программы социал-демократы исходили из более общих марксистских концепций, поскольку должны были иметь четкое представление о том, в каком направлении развивается капитализм в российской деревне и какие тенденции в соответствии с этим следует поддержать. Классический марксизм всегда отдавал предпочтение крупному хозяйству перед мелким, полагая, что первое способно обеспечить экономический прогресс в гораздо большей степени и значительно быстрее, чем второе.

По тогдашним представлениям, одним из законов капитализма являлся закон концентрации всех видов собственности и хозяйства и неизбежного поглощения мелких и средних хозяев крупными. Поэтому дробить крупные капиталистические хозяйства с более высокой, чем у крестьян урожайностью и продуктивностью животноводства, дававшие до половины всего товарного зерна в стране, и пускать их в «черный передел» между крестьянами значило, по Марксу, бросать вызов теории общественного прогресса[1]. Отсюда негативное отношение марксистов к мелкому частному крестьянскому хозяйству.

---

[1] Модели общественного переустройства России. XX век: [монография] / В.В. Зверев [и др.]; отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2004. С. 517.

Первые идеи по аграрному вопросу были выдвинуты Г. Плехановым еще в 1880-х годах. В отличие от народников, первые русские марксисты связывали перспективы революции в России не с крестьянством, а с пролетариатом, и к тому же они не очень верили в революционный потенциал русского крестьянства.

Отсутствие данных по вопросу, насколько быстро развивается капитализм в деревне, заставило в 1896 году В. Ленина ограничиться выдвижением минимального требования возвращения «отрезков», поскольку здесь интересы всех слоев деревенского населения безусловно совпадали. Крестьянам были обещаны отмена выкупных платежей и возвращение уже уплаченной их части. Они должны были получить обратно «отрезки» земли, отобранные у них по условиям реформы 1861 года. Подлежали отмене круговая порука членов общины при уплате налогов и отбывании повинностей и все законы, стеснявшие крестьян в распоряжении их землей. Предусматривалось также равенство в налогообложении крестьянских и помещичьих земель. Это были весьма умеренные требования, определенно не удовлетворявшие крестьян.

В начале XX века Ленин пришел к выводу, что при существующей в России политической ситуации требование радикального пересмотра условий Крестьянской реформы 1861 года является более реалистичным и правильным, чем популярное тогда требование национализации земли.

В 1902 году с идеей «муниципализации» земли выступил будущий видный меньшевик П.П. Маслов. Эта концепция предусматривала конфискацию всех церковных, монастырских и удельных земель и передачу их во владение демократического государства для использования населением, а также передачу крупной частной земельной собственности во владение земствам. Вопрос о конкретных формах использования земельного фонда должен был решаться будущим народным представительством. Однако формы реализации этой программы оказались расплывчатыми и были бы совершенно непонятны крестьянам.

Аграрная программа, принятая на II съезде РСДРП, была результатом консенсуса различных точек зрения, преобладавших в партии. В ней выдвигались требования отмены выкупных и оброчных платежей, а также всяких повинностей, падающих на крестьянство как на податное сословие; отмены всех законов, стесняющих крестьянина в распоряжении своей землей; возвращения крестьянам выкупных и оброчных платежей; учреждения крестьянских комитетов для возвращения крестьянам тех земель, которые были отрезаны у них при уничтожении крепостного права, для передачи крестьянам на Кавказе тех земель, которыми они пользуются как временнообязанные, и для устранения остатков крепостных отношений, уцелевших на Урале, Алтае и в других областях государства; предоставления судам права понижать непомерно высокие арендные платы и объявлять недействительными кабальные сделки. Программа выдвигала – в связи с образованием фонда для возвращения вы-

купных и оброчных платежей – требование конфискации только в отношении монастырских и церковных имуществ и имений удельных, кабинетских и принадлежащих лицам царской фамилии. В отношении же помещичьих земель предполагалось лишь изъятие отрезков – земель, отрезанных у крестьян в результате Крестьянской реформы 1861 года[1]. Главный недостаток аграрной программы состоял в том, что она не была привлекательной для самих крестьян.

Несколько позднее, учитывая опыт первой русской революции и фактически признавая неудачность аграрной программы партии, В. Ленин писал: «Без опыта массового – даже более того: общенационального крестьянского движения, программа социал-демократической рабочей партии не могла стать конкретной, ибо вопрос о том, насколько разложилось уже капиталистически наше крестьянство, насколько способно оно к революционно-демократическому перевороту, слишком трудно или невозможно было бы решить на основании одних теоретических соображений»[2].

На IV съезде РСДРП была принята новая аграрная программа.

Аграрная программа, которую В.И. Ленин защищал на съезде, ориентировалась на революционную ломку всего старого землевладения. Ее основные пункты сводились к следующему: конфискация всех церковных, монастырских, удельных, государственных, кабинетских и помещичьих земель; учреждение выборных крестьянских комитетов для уничтожения всех следов помещичьей власти и помещичьих привилегий для фактического распоряжения захваченными землями; при определенных политических условиях (решительная победа революции и установление демократической республики) национализация всех земель, то есть передача их в собственность государства.

П. Маслов от меньшевиков выдвинул реформистскую программу муниципализации земли. Ее сущность состояла в том, что частная собственность сохранялась на надельные земли крестьян, а помещичьи передавались во владение муниципалитетов – органов местных самоуправлений или земств. Меньшевики не звали крестьян к захвату помещичьих земель, вместо революционных крестьянских комитетов они предлагали создавать общедемократические органы самоуправления (муниципалитеты), под контроль которых должны были перейти все отчужденные земли. Меньшевистская муниципализация – это решение аграрного вопроса не революционным, а реформистским путем[3].

---

[1] Полный сборник платформ всех русских политических партий. С приложением Высочайшего манифеста 17 октября 1905 г. и всеподданнейшего доклада графа Витте. / Гос. публ. ист. б-ка России. М., 2001. С. 15–16.

[2] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 13. С. 231.

[3] История КПСС. В 6-ти т. Т. 2. М., 1966. С. 181.

Съезд принял меньшевистскую программу муниципализации с некоторыми поправками большевиков. Новая редакция аграрной программы РСДРП провозгласила требование конфискации (без каких-либо оговорок о возможности выкупа) всего крупного и среднего помещичьего землевладения. В целом же эта программа носила явно компромиссный характер, соединяя «муниципализацию» и частичную национализацию земли. В условиях нарастания крестьянского движения аграрный раздел программы социал-демократов оказался наиболее слабым, непонятным для крестьян и вдобавок не удовлетворявшим большевистскую часть партии, которая признавала принятый на IV съезде РСДРП меньшевистский план «муниципализации» земли в лучшем случае сугубо формально[1]. Меньшевистское крыло РСДРП до самого конца держалось за программу «муниципализации» земли.

Февральская революция создала новые условия, и, соответственно, нужны были новые идеи, которые бы привлекли крестьян на сторону большевиков в ходе готовящейся социалистической революции. Первый набросок аграрной программы был дан в Апрельских тезисах В.И. Ленина и ряде других его статей, докладов и речей. Резолюция Апрельской конференции РСДРП(б) по аграрному вопросу указывала, что партия всеми силами борется за немедленную и полную конфискацию всех помещичьих, удельных и т. п. земель в России и за немедленный переход всех земель в руки крестьянства, организованного в Советы крестьянских депутатов или другие, вполне демократические органы[2]. Резолюция требовала, далее, национализации всех земель, повторяя ленинскую программу 1905–1907 гг. Однако эти идеи не находили отклика у крестьян, которым больше импонировала программа эсеров. Исходя из сугубо прагматических соображений борьбы за власть, большевики в октябре 1917 года фактически взяли на вооружение эсеровскую программу социализации земли, с которой полностью корреспондируется ленинский Декрет о земле, принятый II Всероссийским съездом Советов 26 октября 1917 года. При этом они представили дело так, что заимствуют идеи аграрного декрета не у эсеров, а у самих крестьян, сформулировавших свои требования по аграрному вопросу в 242 наказах делегатам I Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов[3].

Декрет о земле провозглашал безвозмездную и полную отмену помещичьей собственности на землю, объявлял всю землю общественным достоянием, передавал помещичьи, церковные и удельные земли с соответствующим инвентарем и скотом в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных Советов крестьянских депутатов. Специально оговаривалось, что земли

---

[1] Модели общественного переустройства России. XX век: [монография] / В.В. Зверев [и др.]; отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2004. С. 521, 514.

[2] Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. 1. 7-е изд., М., 1954. С. 341.

[3] Модели общественного переустройства России. XX век: [монография] / В.В. Зверев [и др.]; отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2004. С. 526.

крестьян и рядовых казаков конфискации не подлежат. Раздел земли между крестьянами должен был производиться на уравнительных началах, на чем они сами всегда настаивали, причем применение наемного труда в крестьянском хозяйстве запрещалось.

Реализация эсеровской идеи социализации земли обеспечила большевикам поддержку крестьянства в ходе Гражданской войны, без этой поддержки большевики не смогли бы остаться у власти и в начале 1920-х годов.

Позиция по национальному вопросу

Определяя свои взгляды по национальному вопросу, русские социал-демократы исходили, прежде всего, их тех идей, которые оставили К. Маркс и Ф. Энгельс в наследство своим последователям. Широко известна красивая формула Энгельса, которая гласит: «Не может быть свободен народ, угнетающий другие народы»[1].

Марксу и Энгельсу казалась нелепой сама мысль о том, что одна раса или национальность может иметь какие-то прирожденные преимущества перед другими, что одни народы созданы для того, чтобы быть господами, а другие обречены всегда оставаться их рабами. Право каждой крупной европейской нации на независимое существование и государственную обособленность и право колониальных народов на восстание против стран-метрополий и превращение национально-освободительных движений в союзников международного рабочего класса казались им естественными и практически не подлежащими даже обсуждению. При этом Маркс и Энгельс отнюдь не были сторонниками обязательного отделения любой колонии от метрополии и любой угнетенной нации от того или иного многонационального государства. Этот вопрос они решали так: равенство и свободный союз там, где это возможно; полное отделение и вступление на путь независимого государственного существования там, где мирное сожительство наций в рамках единого государства стало невозможным. В перспективе же весь мир виделся основоположникам марксизма как единое цивилизованное коммунистическое содружество народов, между которыми не будет войн и конфликтов[2].

Создатели марксизма видели неразрывную связь национального вопроса с вопросом классовой борьбы пролетариата, поэтому считали, что «Вместе с антагонизмом классов внутри наций падут и враждебные отношения наций между собой»[3]. Ведущую роль в решении национального вопроса они отводили рабочему классу. Именно из этого вытекает принцип пролетарского интернационализма, который они выразили в знаменитой формулировке: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 18. С. 509.

[2] Модели общественного переустройства России. XX век: [монография] / В.В. Зверев [и др.]; отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2004. С. 499.

[3] Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 445.

После смерти Маркса и Энгельса теоретики II Интернационала выступили с идеей «культурно-национальной автономии», которая вместо разрушения всей системы национального угнетения предлагала его «урегулирование» в рамках существовавшей государственности в условиях капитализма. Реализация этой идеи на практике должна была дать возможность каждому гражданину данной страны «записаться» в ту или иную «нацию». Каждая такая «нация» должна была составить в данной стране государственно признанный союз, ведающий делами национальной культуры, с национальными парламентами, национальными «статс-секретарями» по делам развития культуры и т.п.[1]

Этот набор идей, созданных в рамках западноевропейского марксизма, был усвоен русскими социал-демократами. Эти идеи составляли теоретическую основу русских марксистов в их теоретической и практической работе по решению национального вопроса в царской, а впоследствии и в Советской России.

Руководствуясь положениями, выработанными Марксом, Энгельсом и их европейскими последователями, русские марксисты с самого начала выступали как интернационалисты, противники национального неравенства и привилегий. Например, группа «Освобождение труда» в своих программных документах требовала равноправия граждан независимо от их вероисповедания и «племенного происхождения»[2].

В первые годы XX века, когда в редакции газеты «Искра» разрабатывался проект программы РСДРП, стало ясно, что такая постановка вопроса уже недостаточна. Поэтому было решено выдвинуть требование предоставить каждой нации, живущей в России, право на самоопределение. Это означало, что принадлежащие к данному этническому сообществу люди могут демократическим путем самостоятельно решить, оставаться ли им в составе Российского многонационального государства или выйти из него и создать собственное независимое государственное образование[3].

В этот период считалось, что крупные государственные образования имеют преимущества перед мелкими, поэтому выход нации из крупного государства может иметь смысл только в самом крайнем случае, когда исчерпаны все другие средства, с помощью которых можно обеспечить мирное сожительство различных народов в пределах одного государства. Поэтому накануне II съезда РСДРП В.И. Ленин в статье «Национальный вопрос в нашей программе» заявил, что вопрос об отделении той или иной нации от многонационального государства социал-демократия может ставить лишь в отдель-

---

[1] История Коммунистической партии Советского Союза. В 6-ти т. Т. 2. Партия большевиков в борьбе за свержение царизма. 1904 – февраль 1917 года. М., 1966. С. 420.

[2] Плеханов Г.В. Избранные философские произведения. В 5-ти т. М., 1956. Т. 1. С. 374.

[3] Модели общественного переустройства России. XX век: [монография] / В.В. Зверев [и др.]; отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2004. С. 500.

ных, исключительных случаях[1]. При этом главным для решения вопроса об отделении для Ленина было то, насколько «развод» двух наций отвечает интересам их пролетариата.

Впоследствии, в связи с явно обозначившейся тенденцией наций к свободному развитию, Ленин отстаивал и право наций на самоопределение вплоть до отделения. Без этого права, указывал он, признание равноправия наций остается фикцией. Каждая нация сама, свободно, без насилия и нажима должна определить свою судьбу: оставаться ли ей на тех или иных равноправных началах в рамках централизованного демократического государства или выйти из его состава и образовать самостоятельное государство.[2] Ленин противопоставлял такое понимание самоопределения нации праву господствующей нации по своему усмотрению определять судьбы угнетаемых ею народов. «Реакционеры и буржуа, – писал Ленин, – предоставляют нациям, насильственно удерживаемым в границах данного государства, право “совместно определять” его судьбы в общем парламенте»[3]. Усилиями В.И. Ленина вопрос о праве наций на самоопределение вплоть до отделения стал центральным в большевистской программе по национальному вопросу.

Выступая против национализма, Ленин указывал на необходимость самого внимательного отношения к национальным чувствам масс. Он сформулировал принципиальное различие между национализмом угнетающих и порабощенных наций. Национализм угнетающей нации проповедует превосходство одних наций над другими. Различие в цвете кожи, языке, религии буржуазия использует для подавления других народов. Национализм угнетающих наций реакционен, враждебен интересам и демократии и социализма. Национализм же угнетенных наций отражает протест народных масс против колониализма, содержит элементы демократизма, присущие освободительному движению. Это общедемократическое содержание в буржуазном национализме угнетенных наций и должен поддерживать пролетариат. Каждое национальное требование рабочие поддерживают не безусловно, а в зависимости от того, содействует ли оно равноправию наций, миру между народами, и прежде всего интересам классовой борьбы пролетариата[4].

В начале XX века социал-демократы, в отличие от эсеров, были противниками федеративного принципа государственного устройства России, считая вполне достаточным провозгласить полное национальное равноправие и предоставить крупным национальным меньшинствам национально-территориальную автономию в составе единого государства.

---

[1] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 233.

[2] История Коммунистической партии Советского Союза. В 6-ти т. Т. 2. Партия большевиков в борьбе за свержение царизма. 1904 – февраль 1917 года. М., 1966. С. 421–422.

[3] В.И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 19.

[4] История Коммунистической партии Советского Союза. В 6-ти т. Т. 2. Партия большевиков в борьбе за свержение царизма. 1904 – февраль 1917 года. М., 1966. С. 424.

В российской социал-демократии были сторонники идеи культурно-национальной автономии. В ее поддержку на II съезде РСДРП выступили представители Бунда – Всеобщего еврейского союза в Литве, Польше и России. По мнению бундовцев, в программу РСДРП следовало включить право наций на создание учреждений, гарантирующих полную свободу их культурного развития. Эта австромарксистская по своему происхождению теория культурно-национальной автономии считалась в РСДРП оппортунистической и поэтому была отвергнута[1].

Требования РСДРП по национальному вопросу выглядели в программе 1903 года следующим образом: право на самоопределение признается за всеми нациями, входящими в состав Российского государства; точно так же признается право населения получать образование на родном языке и использовать его на собраниях; национальные языки, наряду с русским, могут применяться во всех местных и государственных учреждениях. Более расплывчато звучало требование областного самоуправления для местностей, отличающихся особыми бытовыми условиями и составом населения, то есть для крупных регионов с преобладанием нерусского населения[2].

В годы первой русской революции национальный вопрос не был в числе наиболее важных, поэтому новый всплеск интереса к национальной тематике возник накануне Первой мировой войны.

В этот период меньшевики начали активно продвигать идею культурно-национальной автономии, подчеркивая, что их требование не идет вразрез с требованием права наций на самоопределение. При этом они высказывались за сохранение территориальной целостности России.

Большевики выступали против «культурно-национальной автономии», поскольку она, по их мнению, противоречила и интересам экономического развития, и объективным законам развития самих наций. Они считали, что обособление наций могло лишь раздробить освободительное движение по национальному признаку, что сужало массовую базу национально-освободительной борьбы. К тому же В. Ленин различал в каждой культуре ее официальное течение – культуру эксплуататорских классов, наряду с которой в недрах нации развиваются элементы другой, демократическо-социалистической культуры, преследуемой господствующими классами. Поддержка же национальной культуры «вообще» означало, как полагал Ленин, на деле поддержку именно буржуазной, господствующей культуры. Эта программа давала оппортунистам «теоретическую основу» и для разделения единой рабочей партии на организации, построенные по национальному признаку.

---

[1] Модели общественного переустройства России. XX век: [монография] / В.В. Зверев [и др.]; отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2004. С. 502–503.

[2] Полный сборник платформ всех русских политических партий. С приложением Высочайшего манифеста 17 октября 1905 г. и всеподданнейшего доклада графа Витте. / Гос. публ. ист. б-ка России. М., 2001. С. 12–16.

В. Ленин отмечал, что тип организации партии – национальный или интернациональный – важен для судеб рабочего движения. Сплочение пролетариата выражается прежде всего в сплочении рабочей партии. Поэтому партия должна строиться на принципах интернационализма с едиными организациями рабочих независимо от их национальной принадлежности. Такой тип организации выделяет общее для всех рабочих – их классовые интересы, а не то, чем они отличаются друг от друга, – национальные особенности. Ленин доказал, что строить пролетарскую партию и межевать рабочих по национальному признаку значит содействовать укреплению национальной ограниченности, ослаблять фронт пролетарской борьбы[1].

В 1913 году большевики дополнили право наций на самоопределение прямым указанием на возможность их отделения от России, хотя по-прежнему не считали последний вариант желательным для пролетариата и социал-демократии, которые в принципе всегда выступали за большие демократические государства.

Ленинские идеи были закреплены в резолюции Поронинского совещания, которая развивала национальную программу партии, принятую II съездом РСДРП. Резолюция подчеркивала, что требования большевистской национальной программы неосуществимы без свержения самодержавия, и определяла, что национальный вопрос не может быть решен в рамках капиталистического строя. Только сплочение пролетариев и трудящихся всех наций на базе пролетарского интернационализма гарантирует победу над капитализмом, без которой невозможно уничтожение национального гнета.

Резолюция Поронинского совещания призывала решать вопрос об отделении в каждом отдельном случае совершенно самостоятельно, с точки зрения интересов всего общественного развития и интересов классовой борьбы пролетариата за социализм[2]. Партия большевиков не преследовала цели раздробить Россию на мелкие национальные государства.

Подчеркивая единство классовых задач социалистов угнетающих и угнетенных наций, Ленин обращал внимание и на различие в их агитационной работе. Социалисты угнетающей нации должны прежде всего настаивать на праве угнетенных народов и зависимых стран на самоопределение. Первейшая обязанность социалистов угнетенных наций – агитация за целесообразность объединения различных наций в крупном государстве в случае его демократизации[3].

В. Ленин неоднократно выступал в защиту правильного понимания лозунга самоопределения наций. «Мы требуем свободы самоопределения... –

---

[1] История Коммунистической партии Советского Союза. В 6-ти т. Т. 2. Партия большевиков в борьбе за свержение царизма. 1904 – февраль 1917 года. М., 1966. С. 426–427.

[2] История Коммунистической партии Советского Союза. В 6-ти т. Т. 2. Партия большевиков в борьбе за свержение царизма. 1904 – февраль 1917 года. М., 1966. С. 424–425.

[3] История Коммунистической партии Советского Союза. В 6-ти т. Т. 2. Партия большевиков в борьбе за свержение царизма. 1904 – февраль 1917 года. М., 1966. С. 425.

писал он, – не потому, чтобы мы мечтали о хозяйственном раздроблении или об идеале мелких государств, а, наоборот, потому, что мы хотим крупных государств и сближения, даже слияния наций, но на истинно демократической, истинно интернационалистской базе, немыслимой без свободы отделения»[1]. При этом Ленин разъяснял: коммунисты угнетающих наций должны отстаивать «свободу отделения», а коммунисты угнетенных наций – «свободу соединения».

В декабре 1913 года в письме С. Шаумяну Ленин писал: «Отделение вовсе не наш план. Отделение мы не проповедуем. В общем мы против отделения. Но мы стоим за право на отделение ввиду черносотенного великорусского национализма, который так испоганил дело национального сожительства, что иногда больше связи получается после свободного отделения!»[2] В том же письме Ленин выступал за национальную автономию в рамках единого государства как наилучший, с его точки зрения, способ решения национального вопроса в России.

В. Ленин сформулировал положение о двух тенденциях в национальном вопросе при капитализме. «Первая: пробуждение национальной жизни и национальных движений, борьба против всякого национального гнета, создание национальных государств. Вторая: развитие и учащение всяческих сношений между нациями, ломка национальных перегородок, создание интернационального единства капитала, экономической жизни вообще, политики, науки и т. д.»[3] Обе эти тенденции прогрессивны. Но в условиях капитализма вторая тенденция реализуется путем колониальных грабежей и подчинения одних народов другими, усиливая и национализм, и национальные движения порабощенных народов. Поэтому противоречие между двумя тенденциями в развитии наций при капитализме непримиримо. В соответствии с этими тенденциями большевистская партия и подходила к решению национального вопроса[4].

Большой резонанс в большевистских кругах получила работа И.В. Сталина «Национальный вопрос и социал-демократия» (1913), известная позже под названием «Марксизм и национальный вопрос». В основу ее была положена концепция нации, выдвинутая крупнейшим теоретиком II Интернационала К. Каутским, акцентировавшим внимание на таких признаках нации, как общность языка и территории, складывающаяся на базе развития и укрепления экономических связей в условиях капитализма. У видного теоретика австрийской социал-демократии О. Бауэра Сталин взял такие признаки нации, как общность национально-

---

[1] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 68.
[2] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 48. С. 235.
[3] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 24. С. 124.
[4] История Коммунистической партии Советского Союза. В 6-ти т. Т. 2. Партия большевиков в борьбе за свержение царизма. 1904 – февраль 1917 года. М., 1966. С. 421.

го характера и культуры, которые современные этнологи считают ключевыми показателями этнической принадлежности людей[1].

Третий этап разработки программных требований по национальному вопросу связан с периодом непосредственной подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. В это время национальную проблему В. Ленин связывал с основными стратегическими этапами революции – буржуазно-демократическим и социалистическим. На буржуазно-демократическом этапе требования по национальному вопросу выступали частью демократических преобразований. Радикальное же решение национального вопроса возможно было только в результате победы социалистической революции и установления диктатуры пролетариата[2].

Таким образом, русские марксисты развивали идеи национального равноправия, заложенные в основание марксизма его основателями. Достижение этой цели они увязывали с успехами классовой борьбы пролетариата в мировом масштабе.

В. Ленин, большевики дополнили марксистскую теорию яркой и привлекательной для национальных меньшинств идеей о праве наций на самоопределение, вплоть до отделения. Эта идея стала центральной в большевистской программе по национальному вопросу. Именно она обеспечила большевикам поддержку народов национальных окраин в их борьбе с самодержавием, а затем и за власть в годы Гражданской войны.

При решении конкретных национальных проблем большевики всегда исходили из интересов победы пролетариата в его борьбе за социализм.

Социальная программа РСДРП

Рабочий вопрос в России был одним из самых острых и болезненных среди множества социальных проблем, настоятельно требовавших в конце XIX – начале XX вв. своего радикального решения. Поскольку марксисты с самого начала объявляли себя выразителями и защитниками интересов прежде всего пролетариата, требования по рабочему вопросу заняли в партийной программе одно из центральных мест.

Уже в первой программе группы «Освобождение труда» было выдвинуто требование законодательного регулирования отношений между рабочими и предпринимателями и создания соответствующей инспекции с участием представителей от рабочих. Одновременно первые русские марксисты в духе народнических идей того времени требовали государственной помощи

---

[1] Модели общественного переустройства России. XX век: [монография] / В.В. Зверев [и др.]; отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2004. С. 505.

[2] Актуальные проблемы истории и политики КПСС: Уч. пособие/М.И. Владимиров, В.С. Вовк, С.П. Войтенко и др.; Под ред. Н.Р. Панкратова, В.А. Глазачева, А.А. Каралюка. М., 1984. С. 71.

производственным ассоциациям во всех отраслях сельского хозяйства и промышленности[1].

В программе РСДРП, принятой на II съезде партии, требования по рабочему вопросу, призванные обеспечить охрану пролетариата от физического и нравственного вырождения и «развитие его способности к освободительной борьбе», состояли уже из 16 пунктов. Среди важнейших были: ограничение рабочего дня 8 часами; 42-часовой еженедельный непрерывный отдых для рабочих во всех отраслях народного хозяйства; полное запрещение сверхурочных работ; запрещение ночных работ за исключением тех случаев, когда они необходимы по техническим причинам; запрещение детского труда и 6-часовой рабочий день для подростков; воспрещение труда женщин в тех отраслях производства, где он вреден для их здоровья, и др.[2]

Современные исследователи считают, что столь всеобъемлющей, детализированной и отвечающей интересам рабочих программы не было ни у одной другой политической партии. Схожие требования содержались в документах эсеров и кадетов. Все требования РСДРП по рабочему вопросу носили сугубо адресный, пролетарско-классовый, а не общенародный характер. До 1917 года ни один из пунктов программы РСДРП по рабочему вопросу не был выполнен. После Февральской революции 1917 года рабочие добились заметного улучшения своего правового положения и условий труда. В полной же мере реализация партийной программы по рабочему вопросу началась уже в советское время[3].

Таким образом, марксистско-ленинский проект будущего приспосабливал социализм к рационалистическому, научному мировоззрению, все больше распространявшемуся в сознании российских подданных, что обеспечило его влияние на образованные слои населения, рабочих и часть крестьян.

Создав и научно обосновав коммунистический идеал, разработав пути проведения социалистической революции и создания основ нового общественного строя, разработчики марксизма-ленинизма создали стройную теорию сотворения нового общества – подобия рая на земле. Особая заслуга В. Ленина заключалась в том, что он всесторонне разработал пути и средства захвата власти и строительства новой социалистической реальности в российских условиях.

---

[1] В дальнейшем, поскольку эти ассоциации не получили в России распространения, да и рассчитывать на помощь им со стороны царской власти было совершенно нереально, требования помощи им были сняты. См.: Модели общественного переустройства России. XX век: [монография] / В.В. Зверев [и др.]; отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2004. С. 508.

[2] Полный сборник платформ всех русских политических партий. С приложением Высочайшего манифеста 17 октября 1905 г. и всеподданнейшего доклада графа Витте. / Гос. публ. ист. б-ка России. М., 2001. С. 12–15.

[3] Модели общественного переустройства России. XX век: [монография] / В.В. Зверев [и др.]; отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2004. С. 510.

Российские социал-демократы рассматривали государство как производное от классовой борьбы и держащееся исключительно на насилии господствующего класса над эксплуатируемыми слоями.

Важнейшей идеей В. Ленина была идея обоснования возможности победы социалистической революции в слабом звене империализма – экономически отсталой России. Для этого рабочий класс под руководством коммунистической партии должен совершить революцию и установить диктатуру пролетариата в форме Республики Советов. Подавив сопротивление эксплуататоров и создав основы социалистического производства, распределения и отношений, социалистическое государство начнет отмирать.

Одной из важнейших ленинских идей, обеспечивших победу революции, было его учение о революционной партии как передового отряда пролетариата.

Для обеспечения поддержки со стороны крестьянства, составлявшего подавляющее большинство населения страны, социал-демократы разработали аграрную программу. Она логично вытекала из основ марксизма, но совершенно не устраивала крестьян, поэтому прагматичный В. Ленин в ходе революции в основу советской аграрной политики положил эсеровскую программу социализации земли, популярную среди крестьян, что обеспечило их поддержку в годы Гражданской войны.

Выдвижение и последовательное отстаивание идеи самоопределения наций дало поддержку большевикам со стороны нерусских народов Российской империи, позволило в будущем создать СССР как добровольный союз народов.

В своей социальной программе социал-демократы делали упор на улучшении условий работы, жизни и быта рабочего класса, что обеспечило им влияние и поддержку в рабочей среде.

Выводы

Русский социализм – это заимствованный на Западе рационалистический проект будущего, противостоящий в России православному проекту Царствия Небесного, народным утопиям, созданным в рамках религиозного мировоззрения, а также либеральным перспективам европейского пути развития.

Первоначально русский социализм предполагалось осуществить в рамках народничества, как идейного течения, опирающегося на исконно русские социалистические элементы в форме общины, артели и др. Главными социальными силами, которые должны осуществить этот проект, были крестьянство, революционная партия, группа заговорщиков. Увлечь социалистическим рационалистическим проектом широкие массы крестьян, имевших православное мировоззрение, не удалось. Борьба революционной партии и групп заговорщиков потерпела крах.

В результате активной агитационно-пропагандистской деятельности социалистов коммунизм как проект будущего привлек внимание интеллигенции и рабочих. В этих социальных слоях он стал главенствующей идейной

силой, определявшей политические действия; некоторое влияние социализм имел и среди крестьянства.

Идейная победа социализма в душах русских людей подготавливалась вековой работой по внедрению в умы рационалистических естественнонаучных и гуманитарных знаний и разрушением православного мировоззрения. Без «изгнания» Бога из душ православных социалистический переворот был бы невозможен.

Правящий класс, опиравшийся на самодержавие, не принял социалистической идеи, поэтому ее осуществление было возможно только революционным путем.

Наиболее влиятельными российскими социалистическими партиями были эсеры, делавшие ставку на крестьянство, и социал-демократы, опиравшиеся на рабочий класс.

Наибольшую силу смогли мобилизовать радикальные коммунистические идеи большевиков, оказавшиеся наиболее привлекательными для значительной части рабочих. Им импонировала убедительность и научность этих идей, а также перспектива стать правящим классом в государстве, осуществляющем диктатуру пролетариата. Таких колоссальных перспектив рабочему классу не предлагал никто и никогда. Русский рабочий, «расставшийся» с Богом и очарованный научной социалистической идеей, поверивший В. Ленину и большевикам, разрушил прежнее государство и начал строить «светлое» коммунистическое будущее.

Заключение по разделу

Рассмотрение развития идей в российской истории приводит к выводу о том, что в основе бурных и драматических событий начала XX века лежит смена мировоззренческих парадигм, проходившая в сознании русского народа.

На протяжении многих веков православие формировало и определяло социальную и политическую реальность сначала Руси, а затем и России. Европейские социально-политические рационалистические идеи, проникшие в Россию вместе с естественнонаучными и техническими знаниями, а отчасти осознанно усвоенные правящей элитой, начали формировать новую социально-политическую реальность, вступавшую в конфликт с православными идеями, существующим социальным строем и самодержавным правлением.

Причиной, по которой правящий класс вынужден был постоянно обращаться к европейским идеям и построенным на них практикам, была неспособность православия создавать конкурентоспособную социально-политическую реальность. Послепетровская Россия формировалась на заимствованных в Европе идеях, именно они обеспечивали ее военное могущество и экономическое развитие. Социальные отношения и самодержавная власть, базировавшиеся на православии, не вписывались в новый рационалистический контекст, поэтому правящий класс с завидной регулярностью возвращался к идее их реформирования на рационалистических основах, что было невозможно

без разрушения православных начал общества и власти. На потерю власти и связанную с этим неизбежную социальную самоликвидацию правящий класс не был готов, поэтому упорно держался за сохранение патриархальных общественных и властных отношений, сформированных православием. В этом заключалась суть и смысл охранительной политики, основывавшейся на консервативной социально-политической идее. Особенностью русской консервативной идеи было то, что она с рационалистических позиций защищала социально-политическую реальность, созданную в иной, православной мировоззренческой парадигме. Несмотря на значительные достижения и создание ряда работающих концепций, сохранить прежнюю общественно-политическую реальность без идейной работы православной церкви не представлялось возможным, но Церковь сама была в это время в «синодальном пленении».

Первоначально главным идейным противником консерваторов были либералы. За ними стояли идейная мощь Запада и его достижения в материальной, научно-технической и культурной сферах. Российский либерализм не создал значительных оригинальных идей и был занят в основном привитием европейского либерализма на русскую почву. Будучи ограниченными в свободе своих действий, русские либералы не могли последовательно провести реформирование общества и власти. Этому мешали прежде всего православие и самодержавие. Разрушить эти основы общества и государства означало привести народ и страну к катастрофе с непредсказуемыми последствиями. Пойти на это либералы, за исключением радикального меньшинства, не могли, поэтому периоды реформ постоянно завершались контрреформами.

Либеральный проект будущего в неявном виде был представлен в форме европейского пути развития, что по мировоззренческим причинам было неприемлемо для православного русского большинства. Создать сильную политическую опору вне власти и части интеллигенции либералам так и не удалось.

В XIX веке в Россию с Запада была завезена социалистическая идея. Сначала ее освоили народники, однако попытки увлечь социализмом крестьянство провалились. Вплоть до конца века социализм оставался идеей лишь узкого круга разночинной интеллигенции. Только большевикам в XX веке удалось получить мощную социальную опору в лице рабочего класса, поверившего в научный социализм так же безоглядно и бездоказательно, как он верил в мощь науки и техники, с которой каждодневно сталкивались на заводе и фабрике.

В. Ленин сумел убедительно доказать, что вопреки марксистским догмам социалистическая революция возможна и в России. Его теория социалистической революции, вытекавшая из учения об империализме, учение о партии и целый ряд других оригинальных новаторских идей так увлекли большевиков и их сторонников из числа рабочих, что, как только представилась возможность, они совершили политический переворот, взяли власть в свои руки

и начали творить новую социально-политическую реальность в соответствии со своим коммунистическим идеалом.

Условия для строительства социализма в огромной крестьянской стране с религиозным мировоззрением были определенно недостаточные, поэтому новое зачастую создавалось путем насилия, что, впрочем, находилось в полном соответствии с марксистско-ленинской концепцией диктатуры пролетариата.

Прагматический подход В. Ленина к идеологии позволил заимствовать у эсеров их аграрную программу, что обеспечило большевикам поддержку многомиллионного крестьянства в годы Гражданской войны.

Победа социалистической идеи была обусловлена прежде всего тем, что она смогла увлечь на самые решительные, вплоть до самопожертвования, политические действия российский рабочий класс. Ведомый большевистской партией, он смог сломить сопротивление хоть и более многочисленного, но гораздо менее уверенного в своей правоте противника.

Таким образом, в начале XX века в России развернулась широкомасштабная идейная борьба между православным и рационалистическим направлениями. Первая русская революция – это первый признак победы рационализма. С этого времени российская реальность начала строиться на новых идейных основах. В 1917 году борьба развернулась между двумя идейными течениями рационализма – либеральным и социалистическим. Победа социализма не была предрешена; первоначально, в феврале, победили либералы, однако удержать власть они не смогли.

РАЗДЕЛ 8
ОРГАНИЗАЦИЯ ВЛАСТИ В РОССИИ

ГЛАВА I
ОСНОВЫ ВЫСШЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

§1. Самодержавие как основа власти в России

В основе всей системы власти в России в XIX – начале XX вв. лежала идея самодержавной царской власти. Ее легитимность обеспечивалась санкцией православной церкви и православной верой русского народа в то, что царь – это помазанник Божий. Вне православного мировоззрения царь власти не имел и иметь не мог.

Теория российской царской власти была разработана Иосифом Волоцким (Саниным). Согласно ей царская власть учреждена на земле Богом не с ограниченными правовыми, но с некоторыми универсальными, как бы божественными функциями. Царей и князей, как учил Иосиф Волоцкий, «Бог в себе место посади на престоле своем», а потому «царь убо естеством подобен есть всем человеком, властию же подобен вышнему Богу». Обязанность царей сводится к нравственному попечению над душами подданных, к спасению их. Бог передал царю, по выражению Иосифа Волоцкого, «и церковное, и монастырское, и всего православного христианства власть и попечение». Миссия государства в таком понимании сводится, прежде всего, к охране благочестия. Эту теорию воспринял Иван Грозный. По его мнению, царь – не народный ставленник, который, «как староста в волости», а епископы и советники «ему товарищи». Царь и есть олицетворение Божьего гнева и Божьей милости – «гнев венчанный». Повиноваться царю значит повиноваться Богу; кто не повинуется – губит свою душу[1].

Политическое учение Грозного оставалось лежать в основе самодержавия и в XIX веке.

Либеральные реформы 1860–1870-х гг. не затронули основ системы государственного управления империи, и к началу XX века Россия оставалась неограниченной монархией. Статья 1 Свода основных государственных законов, утвержденного еще Николаем I и сохранявшего силу до 1906 года, гласила: «Император Всероссийский есть монарх самодержавный и неограниченный. Повиноваться верховной его власти не токмо за страх, но и за совесть сам Бог повелевает». В рамках, определяемых православными идеями, царь сам уста-

[1] См.: Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М., 1998. С. 61–64.

навливал законы. Так, в ст. 47 Свода основных законов специально подчеркивалось: «Империя Российская управляется на твердых основаниях положительных законов, уставов и учреждений, от самодержавной власти исходящих», однако выйти за рамки православия царь не мог, потому что сразу же становился нелегитимным правителем.

С распространением рационалистических идей все меньше царских чиновников оставалось на религиозных мировоззренческих позициях; они могли быть лично верующими людьми, но их религиозные убеждения находились на задворках их сознания, и не ими они руководствовались в своей административной, политической деятельности, а рационалистическими теориями и концепциями. Религиозными идеями они руководствовались только в своих этических, моральных отношениях и поступках. Отсюда метания в национальной политике в конце XIX – начале XX вв. Рационально мыслящие чиновники власть стали ставить выше православия, Церковь виделась им лишь подпоркой для государства, поэтому зачастую они были готовы пожертвовать православием во имя сохранения власти. Такой подход свидетельствовал о непонимании православной природы русского самодержавия. Лишившись православного основания, царская власть лишалась легитимности. Все русские цари это хорошо понимали, исключение составляют, пожалуй, только Екатерина II и молодой Александр I. Наверное, не очень хорошо понимал эту взаимосвязь Александр II, иначе он не пошел бы на радикальные, во многом рационалистические по своему характеру реформы. Впрочем, он выбрал весь резерв уступок рационализму, на который могла пойти власть, державшаяся на православии, и остановился у самого края. Николай II, вынужденный пойти на ограничение царской власти, перешел эту черту, да и православие уже не было надежной основой власти.

По мнению А. Боханова, истина самодержавия – предмет веры, а не логически-лексических спекуляций. Именно Русская православная церковь создала и выпестовала идею царской власти, поэтому судьбы православия и самодержавия оказалась теснейшим образом связанными. Эта связь придавала царской власти устойчивость и силу, но лишь до определенного исторического предела, который обозначился с началом дехристианизации общественной жизни и общественного сознания. Февральская революция явилась результатом глубочайшего духовного кризиса, стала следствием в первую очередь дехристианизации сознания. Православное царство было обречено не просто злой волей революционеров или ошибками и провалами правительственной политики, главный разрушительный фактор – оскудение веры[1] как неизбежная плата за принятие рационалистического мировоззрения.

[1] См.: Боханов А.Н. Самодержавие (Идея царской власти). М., 2002.

Поскольку вся полнота власти принадлежала только царю, то все остальные начальствующие лица получали властные полномочия только от него. Никто, кроме царя, не имел независимой легитимной власти.

Для осуществления власти, как реализации идей в реальном мире, создается государственный аппарат. Все должностные лица империи, за исключением выборного местного самоуправления, назначались царем или с его санкции соответствующими чиновниками. Вся огромная властная пирамида восходила к царю и держалась на вере в него как помазанника Божия. Без царя власть в России осуществляться не могла, поскольку ни одно назначаемое должностное лицо самостоятельной власти не имело. Любая крупная идея, если она претендовала на осуществление при помощи государства, сначала восходила к царю и лишь затем воплощалась в реальность. Любое должностное лицо имело власть лишь потому, что она была делегирована ему царем через назначение на должность. Вне этого процесса никто никакой самостоятельной, независимой от царя государственной властью не пользовался и не имел таковой. Первичность фигуры царя обусловливала особенности российской власти.

Государство как основной институт осуществления власти нуждалось в понимании того, кто его поддерживает, то есть какие группы подданных готовы осуществлять идеи властей предержащих на условиях доверия к ней, а кто, не доверяя власти, не желал добровольно претворять ее идеи в жизнь. Поскольку царская власть основывалась на православии, то первоначально главным критерием политической благонадежности была религия – православие, за исключением старообрядчества. С распространением рационализма, националистических идей, и особенно после внедрения свободы вероисповедания, власти потребовалось более четкое понимание, на кого она может положиться, а кто был ненадежен. Поскольку в душу не заглянешь, то вычленялись объективные критерии, которые со значительной долей вероятности создавали условия для тех или иных политических взглядов людей. Русский православный крестьянин, русский православный дворянин – вот главная опора самодержавия. Хотя и в этих социальных слоях были противники царизма, но в целом они считались преданными слугами царя.

Распространение националистических идей поставило в повестку дня отношение этих идей к самодержавию, и власти определились с тем, какие этносы являются союзниками режима, а какие – противниками. Например, католики – давние противники православия, а поляки – России; следовательно, католик и поляк – враг. Белорус-католик – менее предан режиму, чем белорус православный, и т.д.

Власть заинтересована в наилучшей управляемости государством, что выражается в готовности подданных реализовывать идеи власти, поэтому правительство старалось создать в России как можно более широкую общность подданных, готовых добровольно подчиняться царю и выполнять его реше-

ния, а также заставлять силой тех, кто по своим взглядам не был готов реализовывать идеи самодержавия.

Формирование преданных царю подданных осуществлялось путем обращения в православие и обрусением инородцев. Главным, наиболее надежным инструментом в этом процессе было насаждение религии, которая в обществе с религиозным мировоззрением являлась идеологической формой, тотально влияющей на все стороны отношения человека к обществу и власти. Акт крещения был не простым обрядом, и даже насильственное крещение не теряло своей силы и влияния. Отказ от прежнего Бога, произошедший даже под давлением, есть отказ от Бога, который все видит и все знает, а значит, остается уповать только на нового Господа. Конечно, были случаи отказа от крещения, выхода из православия, обращения обратно в ислам или католичество, но никто не становился атеистом. Религиозное сознание не может существовать без веры. Смена веры меняла главные ценности человека, он становился другим по своей сущности. Так было до тех пор, пока на смену религиозному мировоззрению не пришел рационализм.

Кризис власти, который стал особенно виден на рубеже XIX и XX веков, был вызван кризисом православной веры и нарастающим влиянием рационалистического мировоззрения, в рамках которого царь мог быть легитимной властной фигурой только с санкции народа. Таким образом, власть в условиях господства рационализма должна была опереться на иные идейные основы. Самодержавной власти в этих условиях быть не могло.

§2. Государственный аппарат как инструмент реализации идей

С позиций идеалистического подхода к истории государственный аппарат рассматривается как инструмент реализации идей существующей в России власти.

Систематически возникающие проблемы заставляли создавать властные структуры для их решения и реализации идей, которые должны были решать эти проблемы. В таких случаях создавались различного рода комитеты, совещания, советы и т.п. Они существовали столько времени, сколько было необходимо для решения проблемы или реализации идеи, а затем временный орган власти либо упразднялся, либо становился постоянным, или его функции передавались какому-либо существующему органу.

Ход реализации идей, возложенных на тот или иной орган власти, во многом зависел от мировоззрения и взглядов тех людей, которые его возглавляли, поэтому царь для реализации либеральных идей назначал либерально мыслящих чиновников, а для проведения консервативной – людей с консервативными взглядами. Смена взглядов царя на способы (либеральные или консервативные) достижения той или иной цели обычно влекла за собой смену руководства государственного органа, осуществляющего политику в своей области.

Поскольку главным и единственным легитимным носителем власти являлся царь, то от него в решающей степени зависели выбор направленности реализуемых идей и подбор кадров, способных их осуществить.

Господствующими идеями, доминирующими во власти, были консервативные и либеральные, поэтому они определяли способ достижения тех или иных целей или решения проблем.

Либеральные идеи вытекали из рационалистического мировоззрения, поэтому их реализация часто приводила к разрушению православных основ, на которых базировалась власть; например, распространение научных знаний подрывало веру в Бога, а значит, и в царя как помазанника Божия; но власть вынуждена была заниматься их распространением, поскольку без развития науки и техники она рухнула бы еще быстрее под напором внешнего врага. Власть, неспособная выработать адекватный ответ на вызовы времени в рамках консерватизма, вынуждена была выбирать меньшее из зол, которым являлась реализация отдельных либеральных идей, не подрывающих в ближайшей перспективе основ власти православного царя.

Еще одной особенностью строительства государственного аппарата власти в исследуемый период было выраженное стремление борьбы с разрушительными либеральными и социалистическими идеями насильственными, а не идейными методами. Единственной удачной попыткой противостоять враждебным идеям была выработка государственным чиновником С. Уваровым доктрины официальной народности. Защита идейных основ самодержавия проводилась в основном людьми, не связанными или официально слабо связанными с государственными органами. Наиболее ярким представителем идеологов самодержавия был М. Катков – журналист и издатель, оказавший сильнейшее воздействие на политику правительства.

Государственный аппарат занимался борьбой с идеями доступными ему средствами: запретом, насилием, цензурой, изоляцией носителей и распространителей враждебных идей. Иногда эта деятельность была успешной, но чаще не позволяла достичь нужного результата. Идеи либерализма и социализма стремительно распространялись в умах российских подданных, а действенность и сила консервативных идей самодержавия и православия, напротив, уменьшалась.

Российская власть в середине XIX – начале XX вв. держалась на целом ряде взаимосвязанных и взаимодополняемых элементов. Идейную основу самодержавия составляло православие, идеи которого внедрялись в сознание народа (народа в широком смысле этого понятия, включающего сюда не только низшие, но и средние и высшие слои общества) при посредстве Русской православной церкви; системы образования и просвещения, руководимой правительством; средствами массовой информации, находившимися под его контролем. Важной опорой власти была судебно-правовая система, обеспечивавшая легитимность режима и формировавшая политические

отношения в государстве и обществе. Для реализации идей, на которых основывалась власть, были созданы органы управления – высшего и центрального, к которым относились Синод, Министерство народного просвещения; функции идеологического контроля частично лежали на Министерстве внутренних дел; наместничества, генерал-губернаторства, а также различные специальные высшие комитеты. Созданием правовых основ занимались царь, Государственный совет и Государственная дума, Комитет и Совет министров и ряд других государственных органов. Отправление правосудия лежало на судебной системе власти.

Осуществление насилия в отношении подданных Российского государства, как способ реализации идей власти, осуществляли: III отделение канцелярии Ее императорского величества и Министерство внутренних дел с помощью полиции и жандармерии; наместничества, генерал-губернаторы и различные специальные высшие комитеты; армия и флот; суд и прокуратура.

Остальные органы власти – Министерство финансов, Министерство иностранных дел, Министерство торговли и промышленности, государственное казначейство, земства и органы городского самоуправления и другие центральные и местные органы власти – реализовывали экономические, социальные, культурные, хозяйственные и иные идеи. Реализация этих идей осуществлялась с помощью власти, которой эти органы были наделены царем или народом (для земств, городского и сельского самоуправления).

Правительственный аппарат России даже к началу XX века имел много черт дореформенной организации и деятельности. В нем сохранялись переплетение функций и параллелизм в работе высших центральных и даже местных органов и учреждений[1].

Таким образом, для реализации идей царской власти создавались соответствующие государственные органы и ведомства. Решения поставленных задач зависели от взглядов конкретных исполнителей, подбиравшихся царем в соответствии с его намерениями и целями. В тех случаях, когда планировалось проведение либеральных реформ, во главе соответствующих министерств и ведомств ставились руководители, имеющие либеральные взгляды; если намечались консервативные преобразования, то царь их менял на консерваторов.

С помощью соответствующих органов и полномочий государственный аппарат обеспечивал как добровольную, так и принудительную реализацию идей высшей власти.

---

[1]Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1968. С. 257.

§3. Высшие органы государственной власти[1]

Глобальную идею формирования и поддержания существующего общества и государства путем формулирования законов, их создающих и регулирующих, царь реализовывал с помощью ряда властных органов, важнейшим из которых был Государственный совет, а в начале XX века и Государственная дума. Роль законодателя – решающая роль, поэтому царь ее уступил Думе только в ходе первой русской революции, когда это ему представлялось единственным способом сохранить оставшуюся часть властных полномочий и спасти страну от дальнейшей эскалации насилия.

Государственный совет, созданный в 1810 году, был высшим законосовещательным учреждением, члены которого назначались царем из числа влиятельных чиновников России. По должности в состав Госсовета входили министры. Председатель Совета назначался царем. «Никакой закон не может быть представлен на утверждение императора помимо Государственного совета», – гласила статья «Учреждения» Государственного совета[2]. Одобренный Госсоветом текст законопроекта передавался на утверждение царя. После обсуждения отдельных законопроектов в общем собрании царь нередко соглашался с мнением меньшинства. Иногда законопроект направлялся в Государственный совет с готовой резолюцией царя о желательности того или иного решения.

Особенно велика была роль Госсовета в подготовке и проведении реформ 1860–70-х годов. В 1880-е годы его значение несколько падает. Александр III предпочитал обсуждать законопроекты в более узком кругу доверенных высших чиновников – в Комитете министров.

Государственный совет не был единственным законосовещательным учреждением России. Довольно часто после рассмотрения в Комитете министров, Собственной его императорского величества канцелярии, Синоде, отдельных высших комитетах, Военном и Адмиралтейском советах законопроекты поступали на утверждение царя, минуя общее собрание Государственного совета.

В 1802 году был учрежден Комитет министров, состоявший из министров и главноуправляющих на правах министров; позднее в его состав вошли председатель Государственного совета, а также председатели его департаментов, отдельные лица по назначению царя. Это было высшее государственное совещание монарха по вопросам управления страной с наиболее доверенными высшими чиновниками. На рассмотрение комитета выносились дела, которые министры сами не могли решать из-за отсутствия соответствующих законов или из-за того, что затрагивали интересы других ведомств. Поступали в комитет и запутанные дела, которые министры не желали разрешать своей властью.

---

[1] Данный параграф написан на основе фактического материала, взятого из книги: Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1968. С. 149–349.

[2] ПСЗ, Т. XXXI, № 24064. Ст. 1.

Загруженный массой административных дел, Комитет министров не мог осуществлять координацию деятельности отдельных ведомств и министерств, поэтому 12 ноября 1861 года был создан новый правительственный орган – Совет министров, который состоял из министров, главноуправляющих, председателей Комитета министров и Государственного совета и ряда близких к императору лиц. Председателем Совета министров был сам царь, ему же принадлежало право выносить вопросы на рассмотрение Совета. В отличие от Комитета министров, в ведении которого остались текущие административные дела, Совет министров рассматривал и обсуждал мероприятия общегосударственного значения. Расцвет деятельности его приходится на 1857–1862 годы – период общественно-политического кризиса, разработки и начала осуществления крестьянской реформы, подготовки других реформ. В последующий период роль Совета министров падает. В 70-х годах его заседания собирались очень редко, а с 1882-го и вовсе прекратились.

В пореформенной России Правительствующий сенат сохранил свое старое значение высшего органа суда и надзора. Значительные изменения, которые произошли в структуре, функциях и деятельности Сената, были связаны с судебной реформой 1864 года.

Святейший Синод оставался высшим законосовещательным, административным и судебным правительственным учреждением по делам Русской православной церкви.

Канцелярия его императорского величества была создана как орган, связывающий царя со всеми правительственными учреждениями по наиболее важным вопросам внутренней политики. В ее составе было пять отделений, возглавляемых начальниками, ответственными только перед царем. Отделения создавались последовательно в первой половине XIX века для реализации отдельных идей.

Первое отделение Собственной его императорского величества канцелярии заведовало разнообразными делами, наибольшее значение среди них имели так называемые «инспекторские» дела – заведование личным составом чиновников, их назначение, увольнение, наградные, пенсионные и пр.

Второе отделение было создано для составления сборников законов царской России. В 1882 году оно было упразднено, а его дела были переданы в Государственный совет.

Особое место в государственном аппарате России занимало Третье отделение Собственной его императорского величества канцелярии – орган политического сыска и следствия. Исполнительным органом этого отделения был Отдельный корпус жандармов. В 1880 году отделение было ликвидировано, а его дела переданы в ведение Департамента государственной полиции Министерства внутренних дел. На министра внутренних дел возлагалось и руководство Корпусом жандармов.

Четвертое отделение канцелярии было создано для реализации идеи благотворительности и ведало благотворительными учреждениями и женскими учебными заведениями. В 1880 году оно было преобразовано в самостоятельное высшее учреждение – Собственную его императорского величества канцелярию по учреждениям императрицы Марии.

Пятое отделение считалось временным, поскольку было учреждено для разработки реформ о государственных крестьянах, и просуществовало до 1866 года.

После закрытия Второго и Третьего отделений оставшееся в составе канцелярии Первое отделение законом от 22 февраля 1882 года стало именоваться Собственной его императорского величества канцелярией с сохранением за ней роли канцелярии царя по разным вопросам.

На правах высших учреждений в России существовал ряд специальных высших комитетов. Сибирский комитет (1852–1864) и Кавказский комитет (1840–1882) были созданы для разработки и введения на окраинах империи общеимперского управления. Для этих регионов они являлись законосовещательными и высшими административными учреждениями, а также – органами надзора за деятельностью их местного аппарата.

В 1864 году был создан и существовал до 1881 года Комитет по делам царства Польского, рассматривавший проекты изменений в управлении регионом и проведении в нем крестьянской реформы.

Реализацией идеи освобождения крестьян занимался Главный комитет по крестьянскому делу. Рассмотрением материалов, подготовленных дворянскими комитетами, и составлением проектов реформ занималось созданное в ведении Главного комитета учреждение под названием «Редакционные комиссии».

Реализацией идеи железнодорожного строительства занимались Комитет железных дорог (1859– 1874) и Комитет Сибирской железной дороги (1892–1905).

В начале XIX века для реализации долговременных идей на базе коллегий были созданы министерства военное и морское для реализации идеи защиты страны; для осуществления идеи внутреннего управления и сохранения власти – Министерство внутренних дел; для воплощения в жизнь внешнеполитических идей – Министерство иностранных дел; реализацией идеи управления финансов занималось Министерство финансов и т.д.

Министры назначались царем и были ответственны только перед ним.

После 1861 года особенно возросло значение Министерства внутренних дел. Административно-хозяйственные функции Министерства постепенно оттесняются административно-полицейскими задачами. Основную роль стали играть такие учреждения, как департаменты полиции и общих дел, главные управления по делам печати и тюремное, а также земский отдел.

Успешно боровшееся с политической оппозицией и укреплявшее властный режим министерство становится универсальным инструментом реализации различных вновь возникающих идей. Так, в начале 80-х годов за ним было закреплено заведование почтовыми и телеграфными учреждениями, в 1896 году создано Переселенческое управление, а в 1900-м – Управление по делам воинской повинности. В 1905 году на министерство легла основная тяжесть борьбы с революцией, однако с этой задачей оно самостоятельно справиться не смогло.

Министерство народного просвещения, осуществлявшее идею народного образования и просвещения, играло довольно скромную роль в государственном аппарате России. В начале 60-х годов XIX века специальные комиссии министерства разработали и провели ряд реформ в области просвещения. Однако период реформ в деятельности министерства был коротким. Специальным рескриптом царя от 13 мая 1866 года министерству предписывалось руководствоваться охранительными началами, быть охранителем религии и существующего строя. Эти указания послужили основой деятельности министерства на долгие годы. Органично совместить задачу распространения научных знаний с идей православия оно не смогло, в результате большая часть образованных людей имела оппозиционные взгляды. Невольным результатом деятельности министерства стало усиление политической оппозиции режиму[1].

На правах центральных ведомств действовали Главное казначейство и Департамент уделов.

Важные перемены в устройстве государственной власти произошли в результате революции 1905–1907 гг. Главным было создание Государственной думы.

Государственная канцелярия и канцелярия Комитета министров в феврале – марте 1906 году подготовили проект нового издания «Основных законов Российской империи», который был рассмотрен в Совете министров, а затем в Царском Селе – на совещании высших чиновников под председательством царя. Новое издание «Основных законов» было утверждено царем 23 апреля 1906 года.

---

[1] Несмотря на то, что на дело «просвещения» правительство тратило ничтожные суммы своего годичного бюджета (от 1 до 2% общего бюджета страны), распространяемое им рационалистическое мировоззрение принесло столько политического вреда, что его не смогли компенсировать совместные усилия Министерства внутренних дел и Военного министерства, занимавшихся подавлением революции 1905–1907 гг. и потреблявших большую часть бюджета страны. В данном случае речь идет о неосознанном и непланируемом результате деятельности министерства. Без развития образования и просвещения народа было невозможно развитие науки, техники и экономики, но одновременно с этим создавалась и массовая социальная основа для усвоения рационалистических идей, большинство из которых отрицало религию и тем самым подрывало основы самодержавного строя, неизбежно расширяло базу революции. Правительство и руководители министерства понимали это, пытались ограничить те политические издержки, которые несло вместе с собой просвещение, но не смогли этого сделать. У них не было идей, способных решить столь непростую проблему.

«Основные законы» подтверждали незыблемость самодержавия. «Императору всероссийскому, – гласила статья 4, – принадлежит верховная самодержавная власть... повиноваться власти его не только на страх, но и на совесть сам Бог повелевает». Последующие статьи подтверждали священность и неприкосновенность особы царя, его неограниченное право в верховном руководстве внешними сношениями, армией, флотом, в назначении высших чиновников, руководстве финансами и т. п. Таким образом, российская власть оставалась самодержавной и по-прежнему опиралась на санкцию православия; исключение составляла только выбранная народом Дума и некоторые органы власти, созданные общественностью в годы Первой мировой войны.

Законодательная власть Государственной думы и обновленного Государственного совета подтверждалась статьей 86: «Никакой новый закон не может последовать без одобрения Государственного совета и Государственной думы и воспринять силу без утверждения государя императора». Думе принадлежали законодательные права: право законодательной инициативы по изданию законов, штатов, их изменений, право обсуждения бюджета государства и отдельных ведомств, верховный надзор за государственным контролем. Статья 87 предоставляла царю возможность для утверждения между сессиями Государственной думы и Государственного совета законов в форме «чрезвычайных указов» через Совет министров.

При выборах в Думу действовал сословно-куриальный принцип. Всего создавалось четыре курии: землевладельческая, городская, крестьянская, рабочая. Один выборщик приходился на 90 тыс. рабочих, 30 тыс. крестьян, 4 тыс. горожан и 2 тыс. землевладельцев. Подобный выборный принцип давал очевидные преимущества состоятельным слоям населения, которые считались наиболее лояльными царю. Общая численность Государственной думы определялась в 524 депутата.

Создание Государственной думы нарушило самодержавный строй российской власти. Это был высший орган законодательной власти, строившийся на либерально-демократической идее, основывающейся на рационалистическом мировоззрении. В отличие от других государственных органов, получавших санкцию на власть от царя, Дума приобретала свою легитимность в результате народного волеизъявления. Получив власть от народа, а не от царя и православия, депутаты руководствовалась идеями и интересами тех людей, которые ее выбрали. С избранием Думы исполнительная и законодательная ветви власти стали базироваться на различных основаниях: первая – на православии, вторая – на идее народовластия. Создание законодательной Думы означало победу рационалистической либеральной идеи и поражение религиозной православной идеи. Различие источников власти, наделявших царя и Думу полномочиями, неизбежно вело к противоречию самих органов власти.

I и II Дума не оправдали надежд правительства. 3 июня 1907 года были обнародованы манифест и указ о роспуске Государственной думы второго созыва и назначении выборов в III Думу; одновременно был издан текст нового избирательного закона, который обеспечивал более лояльный к царю состав Думы посредством уменьшения представительства рабочих, крестьян, национальных окраин. «Правительство хотело опереться на помещиков и верхи буржуазии; на этом, как известно, построен весь Закон 3-го июня 1907 г.»[1],– писал В.И. Ленин, характеризуя этот избирательный закон. Уменьшение представительства наиболее широких слоев населения в Думе неизбежно вело к снижению ее легитимности в глазах народа.

В годы первой русской революции был реформирован и Государственный совет. Состав, структуру и компетенцию обновленного Государственного совета определили два законодательных акта, принятых в 1906 году: «О переустройстве учреждений Государственного совета» и «Учреждение Государственного совета». Государственный совет имел равные права с Думой и стал исполнять роль верхней палаты российского парламента, в котором Дума фактически являлась нижней палатой.

Состав Госсовета формировался из членов, назначенных царем, а также выборных от земств, дворянских собраний, интеллигенции и др. и обновлялся в течение девяти лет по третям каждые три года. Царем назначались председатель и вице-председатель Государственного совета. Порядок назначения и избрания членов Госсовета обеспечивал лояльный к самодержавию состав этого законодательного учреждения.

Формирование лояльных к царю Государственного совета и Дум III и IV созывов позволило российскому парламенту совместно с правительством наладить нормальную законодательную деятельность в условиях сохранения самодержавия.

В 1905 году на новых основаниях воссоздается Совет министров. По закону «О мерах к укреплению единства в деятельности министерств и главных управлений» он превращался в постоянное высшее правительственное учреждение для «направления и объединения деятельности главных начальников ведомств как по предметам законодательства, так и в государственном управлении». В состав Совета министров входили министры и главноуправляющие на правах министров, а также государственный контролер, обер-прокурор Синода и председатель Государственного совета. Председатель Совета министров назначался царем и был ответственен только перед ним.

«Никакая имеющая общее значение мера управления, – отмечалось в законе, – не может быть принята главными начальниками ведомств помимо

[1] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 22. С. 130.

Совета министров»[1]. С 1906 года компетенция Совета министров была значительно расширена. По статье 87 «Основных законов» он получил право в случае прекращения заседаний Государственной думы и Государственного совета обсуждать законопроекты, которые сразу же поступали на утверждение царя и становились «высочайшими указами». Это позволяло самодержавию принимать в экстренных случаях законы без обсуждения в палатах российского парламента[2].

После упразднения 23 апреля 1906 года Комитета министров его функции наследовали частично департаменты Государственного совета, а большей частью Совет министров, заседания которого стали ежедневными.

8 июня 1905 года, в конце Русско-японской войны, правительство учредило высший правительственный орган, объединявший деятельность военного и морского управлений и согласовывавший их деятельность с другими ведомствами, – Совет государственной обороны. Создание этого органа было вызвано не только потребностями обороны, но и соображениями «внутреннего» характера: в условиях революции нужно было сосредоточить в руках царя все руководство военным аппаратом России. Председателем Совета обороны стал великий князь Николай Николаевич, вошедший в состав Совета министров с огромными распорядительными правами. В состав Совета обороны входили, кроме «непременных» членов (военный и морской министры, начальник Генерального штаба, начальник Главного морского – впоследствии Морского генерального – штаба, инспектора войск), также постоянные члены, назначаемые царем из генералов и адмиралов. Совет провел перестройку всего военного аппарата. Для очистки командного состава армии от политически неблагонадежных элементов с весны 1906 года при Совете действовала Высшая аттестационная комиссия. В августе 1909 года Совет государственной обороны был упразднен.

После вступления России в Первую мировую войну 19 июля 1914 года началось приспособление правительственного аппарата к военным условиям. Была создана Ставка верховного главнокомандующего, ее основной структурной частью являлся штаб во главе с начальником.

В годы войны так называемой общественностью создаются самостоятельные, не предусмотренные законом и волей самодержца центры власти.

Во время войны на царя усилилось влияние старца Григория Распутина, при котором сложился влиятельный кружок. Этот «теневой» центр власти

---

[1] Относительную самостоятельность получили лишь военный и морской министры, а также министр двора. Они могли вносить на рассмотрение Совета министров только те мероприятия, которые сами находили необходимыми.

[2] Между I и II Государственными думами (июль 1906 – февраль 1907) через Совет министров было проведено 59 законопроектов, получивших утверждение в форме «чрезвычайных указов». Важнейшие из этих законопроектов были направлены на борьбу с революционным движением и носили ярко выраженный карательный характер.

оказывал значительное воздействие на проведение политики и даже на ход боевых действий.

Поражения на фронте усилили оппозиционные настроения в Государственной думе и Государственном совете. К середине августа в их составе сложился так называемый «прогрессивный блок», в который вошло две трети состава Думы (из 422 членов – 235) – фракции националистов, центра, левых октябристов, октябристов, прогрессистов и кадетов, а из состава Государственного совета – центр, беспартийные и академическая группа.

«Прогрессивный блок» ставил своей задачей убедить правительство «встать на новый путь». Он предлагал царю полное обновление состава министров и создание правительства, «сильного доверием общества».

Царь и правительство отрицательно отнеслись к «прогрессивному блоку». Председатель Совета министров добился у царя указа о перерыве в деятельности Думы с 3 сентября 1915 года.

Неспособность самодержавия и царской бюрократии вести победоносную войну толкнула российскую буржуазию на создание новой общероссийской организации – военно-промышленных комитетов, которые помогли бы мобилизовать промышленность на нужды войны. Эта идея была высказана на IX съезде представителей торговли и промышленности в мае 1915 года, а 25–28 июля состоялся первый съезд представителей военно-промышленных комитетов, определивший состав центрального военно-промышленного комитета[1]. Правительство было вынуждено закрепить создание центрального и местных военно-промышленных комитетов законом от 27 августа 1915 года, который предоставлял комитетам функции «содействия правительственным учреждениям в деле снабжения армии и флота всеми необходимыми предметами снаряжения и довольствия путем планового распределения сырья и заказов, своевременного их выполнения, установления цен и т. п.»[2].

В ходе войны на базе земств и городских дум были созданы Всероссийский земский и Всероссийский городской союзы. Они стали заведовать военно-санитарным делом, снабжением и снаряжением армии, размещением беженцев и т. п. Поскольку функции этих союзов фактически совпадали, то они создали единый Главный комитет по снабжению армии, или Земгор, а также его местные, губернские, уездные и городские комитеты при земских и городских управах и уполномоченные на фронтах. Законом от 16 ноября 1915 года правительству пришлось санкционировать существование и этой общественной организации. В противовес этим организациям правительство законом 17 августа 1915 года создало ряд Особых совещаний – высших правительствен-

---

[1] В состав Центрального военно-промышленного комитета входили 10 представителей от Совета торговли и промышленности, по три – от каждого областного военно-промышленного комитета, по три – от Всероссийских земского и городского союзов, по два – от городских дум Петрограда и Москвы, два – от Всероссийской сельскохозяйственной палаты и пять – от Комитета военно-технической помощи. Аппарат комитета возглавляло бюро.

[2] Сборник узаконений, 1915, № 347, ст. 25–61.

ных учреждений под председательством отдельных министров, подотчетных только царю: для обсуждения и объединения мероприятий по обороне, по топливу, по продовольствию и по перевозкам. 30 августа было учреждено еще одно Особое совещание – по устройству беженцев. В состав Особых совещаний, кроме правительственных чиновников, включались и представители крупной буржуазии, однако они составляли в них меньшинство, и их влияние на основное направление деятельности этих учреждений было ограничено вмешательством царских чиновников.

В узаконенных новых центральных органах управления было довольно много либерально и оппозиционно настроенных деятелей, что в целом снижало эффективность работы власти и вело к ее дезорганизации в условиях войны. Другим негативным фактором, подрывавшим авторитет власти, было влияние Г. Распутина.

Характерным признаком разложения правительственного аппарата явилась так называемая «министерская чехарда», то есть частые смены министров.

В правящей среде плелись заговоры с целью спасения власти. Вдохновителем консервативного заговора явились императрица Александра Федоровна и Г. Распутин. Либеральный заговор родился в среде «прогрессивного блока». Его поддержали некоторые видные и популярные генералы, командующие фронтами. В народе зрели революционные настроения. Наступали последние дни самодержавия, ибо сказано, что «Всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет; и всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит»[1].

В конце февраля 1917 года власть оказалась парализованной. 27 февраля царским указом был объявлен перерыв в заседаниях Государственной думы и Государственного совета до апреля. В этот же день министры собрались на последнее заседание Совета министров и послали телеграмму царю с просьбой принять коллективную отставку, но, не получив ответа, разошлись.

На улицах Петрограда начались аресты полицейских и жандармов, разгром полицейских участков, охранки, жандармского управления, окружного суда, тюрем. 28 февраля был арестован ряд царских министров и главноуправляющих; Совет министров как высшее правительственное учреждение перестал существовать.

Вечером 27 февраля в Петрограде в Таврическом дворце собралось заседание Совета рабочих депутатов, избранного рабочими города. Одновременно и Дума собралась на «неофициальное» заседание, на котором из ее членов был создан «Временный комитет Государственной думы для водворения порядка в Петрограде и для сношения с учреждениями и лицами». На следующий день комитет назначил из членов Думы особых комиссаров в Сенат, министерства, градоначальство, а на пост командующего войсками Петроградского военного округа – генерала Л.Г. Корнилова. Всем главнокомандующим фрон-

[1] Евангелие от Матфея Гл. 12. Ст. 25.

тами и командующим флотами Временный комитет послал телеграммы о переходе к нему правительственной власти «ввиду устранения всего состава бывшего Совета министров». В Ставку были посланы А.И. Гучков и В.В. Шульгин для переговоров с царем об отречении его от престола в пользу сына Алексея при регентстве великого князя Михаила Александровича.

Одновременно комитет вступил в переговоры с меньшевистско-эсеровскими руководителями Исполкома Петроградского совета о создании нового правительства. В ночь на 2 марта в результате переговоров руководства Петроградского Совета рабочих депутатов и Временного комитета Государственной думы было сформировано Временное правительство.

2 марта царь Николай II подписал манифест, в котором он признавал «за благо отречься от престола государства Российского и сложить с себя власть» в пользу брата Михаила, рекомендовав ему править государством «в полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях на тех началах, кои будут ими установлены»[1].

После совещания с членами Временного правительства напуганный революцией князь Михаил в отречении от престола в пользу Временного правительства написал: «Принял я твердое решение в том случае восприять верховную власть, если такова будет воля великого народа нашего, которому надлежит всенародным голосованием чрез представителей своих в Учредительном собрании установить образ правления и новые основные законы государства Российского»[2]. Таким образом, Михаил был готов получить санкцию на власть не от Бога, а от народа, что коренным образом меняло бы основания царской власти[3].

Временное правительство с первых же дней существования превратилось в высший орган государства по вопросам законодательства[4], надзора и верховного управления в стране, поставив все другие высшие учреждения, сохранившиеся от царизма, в подчиненное положение.

Временное правительство считало себя преемником свергнутой власти. Получив широкие полномочия, оно оказалось перегруженным массой сравнительно второстепенных дел. Постановлением от 19 марта для рассмотрения этих дел (главным образом в области верховного управления) было создано Совещание товарищей министров Временного правительства.

---

[1] «Вестник Временного правительства», 1917. № 1, 5 марта.

[2] Российское законодательство X–XX вв.: в 9-ти т. Т. 9. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций /Отв. ред. О.И. Чистяков. М., 1994.

[3] В конкретных исторических условиях восстановление монархии на рационалистических основах вряд ли было возможно, поэтому идея монархии была похоронена, и вновь к ней вернулись только в 1990-х гг., но уже безуспешно. Для восстановления русского царя нужно православное мировоззрение, а его в русском народе уже не было.

[4] Еще 3 марта ЦК кадетской партии, обсуждая вопрос о Временном правительстве, указал, что оно «должно считаться имеющим законодательную и исполнительную власть». См.: Вестник партии народной свободы. 1917. № 1. С. 13.

Отказавшись под давлением революции от монархической формы правления, новые правители страны стремились сохранить старый государственный аппарат в своих основных звеньях. Вместе с тем в состав старых ведомств и учреждений, наследованных от царизма, а также вновь созданных учреждений, кроме чиновников включались представители общественных организаций: Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, фабзавкомов, профсоюзов, кооперации и т. д. Были сохранены основы старого права: Уголовное уложение 1903 года, Судебные уставы 1864 года. Действующими оставалось подавляющее большинство статей «Свода законов Российской империи».

Были упразднены только те органы высшей власти, которые с переходом к новой власти были лишены ясной руководящей идеи. Из высших правительственных учреждений с падением самодержавия прекратила свое существование Собственная его императорского величества канцелярия. Фактически бездействовал Государственный совет, зато члены Государственной думы собирались на «частные совещания» (с марта по 6 октября), на которых давали правительству рекомендации по основным направлениям внутренней и внешней политики, критиковали его деятельность с правых позиций.

Сохранились и Особые совещания (кроме совещания по продовольствию); буржуазные элементы получили в них решающее преобладание над чиновниками. В состав Особых совещаний по топливу и перевозкам были включены несколько членов от Советов.

Важнейший орган Особого совещания по обороне, наиболее связанный с монополиями, Комитет по делам металлургической промышленности был передан в Министерство торговли и промышленности. В составе Сената официально были упразднены Верховный уголовный суд, Особое присутствие, Высший дисциплинарный суд. Синод сохранил свой аппарат. Из центральных ведомств России было упразднено лишь Министерство двора.

В центральном аппарате Министерства внутренних дел уже в первые дни революции произошли изменения – были упразднены Штаб отдельного корпуса жандармов, Департамент полиции и Главное управление по делам печати.

Менялось целеполагание некоторых министерств: так, например, на Министерство земледелия были возложены задачи разработки земельных реформ и продовольственное дело.

Новые идеи, которые пыталось реализовать Временное правительство, привели к созданию некоторых новых центральных учреждений власти. Так, при министре юстиции была учреждена «Чрезвычайная следственная комиссия для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и других высших должностных лиц». На базе аппарата отдела труда Министерства торговли и промышленности было создано Министерство труда Временного правительства, призванное решить «рабочий вопрос». Министерство государственного призрения наследовало функции бывших органов царской и казенной благотворительности и одно-

временно было призвано позаботиться о семьях миллионов убитых и искалеченных на войне.

21 июня 1917 года при Временном правительстве были учреждены Экономический совет и Главный экономический комитет. Экономический совет создавался «для выработки общего плана организации народного хозяйства и труда, а также для разрешения законопроектов и общих мер по регулированию хозяйственной жизни». Его председателем был министр-председатель Временного правительства князь Г. Львов, а в состав совета входили министры, представители буржуазных организаций, съездов промышленности, банков, кооперации, бирж, а также Советов.

Для реализации идеи Учредительного собрания было создано Особое совещание по подготовке закона о выборах в Учредительное собрание.

После событий 3–5 июля в Петрограде Временное правительство совместно с меньшевистско-эсеровским ВЦИКом создало «Комиссию по водворению порядка в Петрограде». В ее состав вошли министр труда – временный управляющий Морским министерством и два представителя ВЦИКа.

В августе 1917 года была упразднена должность обер-прокурора Синода, а из объединения его канцелярии и департамента духовных дел иностранных исповеданий было создано новое Министерство исповеданий, состоявшее из Департамента по делам православной церкви и Департамента по делам инославных и иноверческих исповеданий. Это был орган власти, построенный на рационалистических основах, для управления религиозными делами.

Ослабление власти Временного правительства привело к широкому распространению идеи установления в стране военной диктатуры. 12–15 августа в Москве проходило Государственное совещание, на которое собралось до 2000 представителей буржуазии, правых и либеральных партий и организаций, военных, духовенства, интеллигенции. На совещании присутствовал и премьер-министр А.Ф. Керенский. На второй день собравшиеся устроили торжественную встречу кандидату в диктаторы генералу Л.Г. Корнилову, назначенному в июле Верховным главнокомандующим. 25 августа вспыхнул контрреволюционный мятеж. Корнилов порвал с Временным правительством и обратился с призывом поддержать его и помочь захватить власть в свои руки. Большевики подняли массы на отпор корниловщине, и мятеж был подавлен. Под напором возмущенных масс А. Керенский издал указ об отстранении и аресте Л. Корнилова и других мятежных генералов, возложив верховное командование армией на себя.

Крах Корниловского мятежа привел к очередному кризису Временного правительства. 1 сентября вместо правительства «до окончательного сформирования кабинета» была создана так называемая Директория из пяти лиц во главе с А.Ф. Керенским (М.И. Терещенко, А.И. Верховский, Д.Н. Вердеревский, А.М. Никитин). Одновременно с учреждением Директории было объявлено о республиканском строе в России.

После Корниловского мятежа выросли роль и значение Советов, активно участвовавших в его подавлении. На объединенном заседании ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов и Исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов было принято решение провести в сентябре в Петрограде совещание представителей политических партий и общественных организаций (Демократическое совещание). Как говорилось в телеграмме, подписанной председателями ЦИКов, его целью было объединение «всей организованной Демократии России для создания сильной революционной власти, способной объединить всю революционную Россию для отпора внешним врагам и для подавления всяких покушений на завоеванную свободу». На предпоследнем заседании Демократического совещания 21 сентября был избран многочисленный (первоначально 313, а впоследствии 555 человек) постоянно действующий Временный совет республики – Предпарламент. Полномочия как самого Демократического совещания, так и созданного им Предпарламента вызывали большие сомнения и у правых (кадетов и всех, кто был правее кадетов), и у левых (большевиков, левых эсеров, левых меньшевиков). Первое заседание Предпарламента состоялось 7 октября. Официально он должен был выполнять роль органа контроля за деятельностью Временного правительства. В условиях нарастания революционного кризиса большевистский ЦК признал участие в деятельности Демократического совещания и Предпарламента ошибочным, и, огласив на первом же заседании соответствующую резолюцию, большевистская фракция навсегда покинула его.

25 сентября Керенский на основании решения Демократического совещания сформировал третье (последнее) коалиционное правительство под своим председательством.

Если однородно-буржуазное Временное правительство действовало два месяца, первое коалиционное – менее двух месяцев, то второе коалиционное существовало только месяц и два дня, а третье – всего месяц. Зато с каждым составом правительства возрастала длительность правительственного кризиса: два дня – в результате апрельского кризиса, три недели – в результате июльского, почти месяц – вследствие Корниловского мятежа.

Потеряв доверие со стороны широких народных масс, Временное правительство вновь попыталось опереться на военную силу. В конце сентября в Ставке состоялось секретное совещание, на котором присутствовали Керенский и деятели буржуазных партий. На совещании был утвержден план военного переворота в стране; он предусматривал мобилизацию и приведение в боевую готовность всех наличных сил, сосредоточение их вблизи крупнейших административных центров, и прежде всего столиц. В конце сентября – начале октября правительство приступило к реализации этого плана, с фронта Ставка снимала армейские корпуса и дивизии и направляла их вглубь страны, в намеченные пункты. Однако столичным гарнизоном и рабочими к этому времени уже овладели идеи большевиков, за Временное правительство, реа-

лизующее дискредитированную в глазах широких масс либеральную идею, войска сражаться не хотели, поэтому оно закономерно потерпело поражение в ходе Октябрьского вооруженного переворота, положившего начало социалистической революции и новой системе власти, реализующей социалистическую идею.

Выводы

Таким образом, высшие органы управления создавались для осуществления главных идей, которые реализовывала самодержавная власть в общегосударственном масштабе. По мере достижения результатов или исчерпания идеи эти органы ликвидировались или преобразовывались для осуществления новых целей, поставленных высшей властью.

Государственный аппарат смог успешно реализовать ряд актуальных идей – например, промышленного развития, освоения и закрепления территорий на окраинах страны, развития науки, техники. Менее удачно реализовывалась идея защиты Отечества и самодержавия, были проиграны три крупных войны: Крымская, Русско-японская и Первая мировая. В начале XX века страну сотрясли три революции, похоронившие два политических режима: самодержавие, основывающееся на православной идее, и Временное правительство, базирующееся на идее либеральной. На смену пришла власть, реализующая социалистическую идею.

Высшие органы государственного управления России в XIX веке создавались царем и получали от него санкцию на власть. В XX веке под давлением революции была создана Государственная дума, получившая санкцию на власть от народа. В годы Первой мировой войны были созданы некоторые органы, получившие властные полномочия от так называемой «общественности» как части народа. Происходил процесс размывания самодержавной власти, и идея Божественной санкции власти, сформированная в православной мировоззренческой парадигме, постепенно уступала место либерально-демократической идее народовластия, созданной рационалистическим мировоззрением. В ходе Февральской революции была упразднена власть, основанная на вере в Бога, и создана власть, основанная на рационалистической идее народовластия. В основе глубинных процессов смены природы власти лежала победа рационалистического мировоззрения над религиозным.

Новое идейное содержание власти Временное правительство пыталось осуществить в основном с помощью прежних властных форм, доставшихся ему в наследство от царской власти.

ГЛАВА II

МЕСТНЫЕ ОРГАНЫ ВЛАСТИ

§1. Вертикаль власти в регионах

Местные органы управления[1], построенные на наделении властью царем, в ходе «великих реформ» претерпели значительные изменения. Под влиянием европейских идей был создан ряд управленческих структур, получавших санкцию на власть от народа, что создавало для них иные основу, цели, ответственность, нежели для государственных органов, встроенных в самодержавную вертикаль управления. Целью либерального реформирования было укрепление власти в стране, однако вместо этого самодержавие ослабло. Чем больше в состав власти вводилось либерально-демократических нововведений, элементов правового государства, тем больше ослабевал главный стержень, на котором держалась российская власть – самодержавие.

В зависимости от степени лояльности населения территорий к самодержавию, а также способности воспринять российские законы и методы осуществления власти они имели различные формы управления.

Основными административно-территориальными единицами дореформенной России являлись губернии и уезды. Такое деление существовало там, где население считалось лояльным власти и действовало общеимперское право. «Особенное» управление сохранилось в тех местностях России, главным образом на окраинах, не столь давно завоеванных либо присоединенных иным способом, где населению временно были оставлены прежние, привычные способы управления и суда. Такие территории управлялись наместниками и генерал-губернаторами. Так, наместники существовали в царстве Польском (с 1815), на Кавказе (с 1844), а генерал-губернаторы – в Финляндии, Западной и Восточной Сибири, Прибалтике, Оренбургском крае, Новороссии, а также в столицах государства (Петербурге и Москве).

Генерал-губернаторы являлись главами местной администрации нескольких губерний, входящих в генерал-губернаторство. В своей деятельности генерал-губернаторы и наместники руководствовались весьма не-

---

[1] Глава написана на основе фактического материала, взятого из книги: Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1968. С. 149–349. Использование иных источников специально оговаривается в сносках.

определенными формулировками «Учреждения о губерниях» 1775 года, дававшими им широкий административный простор. Мало что изменила в деятельности генерал-губернаторов данная им в 1853 году инструкция. Она только с большей силой подчеркивала их ответственность за «состояние умов» в губернии. Положением о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия от 1881 года любая местность по решению генерал-губернатора могла быть объявлена в состоянии усиленной или чрезвычайной охраны, в том числе и при отсутствии внешней опасности. Срок действия этого положения устанавливался в три года, но оно регулярно продлевалось и просуществовало вплоть до февраля 1917 года.

Задача генерал-губернаторов на окраинах заключалась в том, чтобы по возможности постепенно, различными методами (русификацией, обращением в православие и др.) обеспечить лояльность населения самодержавию и создать условия для применения общеимперского законодательства на данной территории.

Главой местной администрации являлся губернатор, официально признаваемый законами «хозяином губернии». В период реформ второй половины XIX века компетенция губернаторов несколько сузилась: они потеряли право «ревизии» судебных дел, из их ведения выпал ряд учреждений, созданных в 60-х годах (контрольные палаты, губернские акцизные управления и т. д.). Тем не менее за губернатором сохранялась основная власть в губернии.

Основным административным учреждением губернии считалось губернское правление, возглавляемое губернатором. В 1865 году правление было освобождено во многих губерниях от сравнительно второстепенных административно-хозяйственных дел – они были переданы вновь создаваемым земствам.

Основой аппарата насилия на местах была полиция. Органы полицейского надзора сконцентрировали в своих руках всю реальную репрессивную власть на местах. Власть исправника охватывала весь уезд. Был расширен низовой аппарат полиции: в 1878 году учреждены должности участковых урядников и полицейский резерв в уездах – отряды сельской стражи. В каждом уезде было до 30–40 урядников. Полиция была освобождена от несвойственных ей функций – хозяйственных дел и предварительного следствия.

Распространение во второй половине XIX века рационалистического мировоззрения приводило к снижению доверия к самодержавию, уменьшало его социальную опору и вынуждало усиливать власть на местном уровне[1]. С на-

[1] В 1866 году губернаторы получили право ревизии всех гражданских учреждений губернии независимо от ведомства, а Положение Комитета министров от 13 июля 1876 года давало губернаторам право для «правильного исполнения узаконений о благочинии и безопасности» издавать так называемые «обязательные постановления» (запрет собраний, органов печати и пр.). С 80-х годов значение губернатора еще больше возрастает. Он получил право влияния даже на суд (просмотр списков лиц, имеющих право быть избранными в мировые судьи, списков присяжных заседателей). С 1904 года губернатор стал председателем губернского «особого совещания» (в его состав входили начальник губернского жандармского управления и прокурор окружного

чала 80-х годов правительство все чаще прибегало к «исключительному положению» в отдельных местностях России «для водворения полного спокойствия и искоренения крамолы». В этом случае власть на территории передавалась генерал-губернатору или специально назначенному главноначальствующему, которому подчинялся весь местный гражданский, а нередко и военный аппарат. Он мог учреждать особые военно-полицейские команды, передавать в военный суд любое дело, устранять от должности чиновников, а также должностных лиц земского и городского самоуправления, налагать секвестр на недвижимое и арест на движимое имущество и т. п. В 1901 году режим «усиленной охраны» и «обязательных постановлений» губернаторов распространялся более чем на треть населения страны (половина населения европейской России)[1].

В годы первой русской революции на территории 82 губерний Российской империи с населением в 117 млн человек было объявлено чрезвычайное и даже военное положение. Соответственно расширились полномочия местных губернаторов и полицейских властей, а в местностях, объявленных на военном положении, власть переходила в руки военного командования. В ряде местностей учреждались генерал-губернаторства с передачей генерал-губернаторам полномочий командующих войсками военных округов. Поскольку генерал-губернаторства объявлялись на военном положении, то на основании Закона о военном положении 1892 года военные власти получали право передавать дела гражданских лиц на рассмотрение военно-окружных судов, которые решали их по законам военного времени и могли применять смертную казнь как за многие политические, так и общеуголовные преступления. Особенно много смертных приговоров было вынесено в период подавления первой русской революции.

Чем меньше было доверия к самодержавию, тем более возрастала роль полиции – главного органа власти, осуществлявшего насилие в отношении населения. Во главе всей уездной полиции с 1775 года стоял уездный капитан-исправник, при котором находилось полицейское управление, называемое земским судом. Полицейскими и следственными делами в уездах заведовали управы благочиния. К концу XIX века они были повсеместно упразднены. Их заменили в городах канцелярии обер-полицмейстеров, полицмейстеров, градоначальников. В составе этих учреждений наряду с распорядительными, исполнительными, инспекторскими и прочими отделениями появились сыскные отделения – зачатки уголовного розыска в растущих городах капиталистической России.

Уезды по «Положению» от 3 июня 1837 года делились на станы. В каждый стан губернатор назначал непосредственных исполнителей – становых при-

---

суда). Это совещание руководило производством дознаний по государственным преступлениям: оно могло прекратить дело или дать ему ход.

[1] См.: Бонч-Бруевич В.Д. Россия под гласным надзором. Избр. соч. Т. II. М., 1961. С. 46.

ставов. В осуществлении своих полицейских функций становой пристав опирался на сельскую выборную полицию удельных и государственных крестьян – сотских и десятских, а также на вотчинную полицию помещиков. Центром каждого стана являлось местечко или заштатный город.

В городах «охрана тишины и порядка» возлагалась на городскую полицию. Города подразделялись на части, а части – на участки и околотки во главе с частными приставами, участковыми и околоточными надзирателями.

Полицейское управление некоторых городов, втянутых во внешнюю торговлю, имело свою специфику. Правительство, заинтересованное в развитии торговых городов, создавало в них градоначальства (Одесса, Таганрог, Керчь, Измаил, Феодосия). Градоначальники имели более широкие права, чем полицмейстеры, и приравнивались к губернаторам.

Пока крепостные крестьяне находились под властью помещиков, то необходимости в большом полицейском аппарате в уездах не было. С отменой же крепостного права вотчинная полиция помещиков потеряла свое значение, что потребовало усиления полицейской власти. В результате полицейской реформы 1862 года в 44 губерниях России старые полицейские органы в каждом уездном городе (городничий и его канцелярия) и уезде (земский исправник и земский суд) объединялись в возглавляемое исправником уездное полицейское управление. Исправники назначались губернатором из местных дворян. Только в губернских городах были созданы городские полицейские управления. Вся губернская полиция подчинялась губернатору и генерал-губернатору.

Увеличивался аппарат и политической полиции. В 1867 году было принято новое Положение о корпусе жандармов[1], по которому вместо жандармских округов, включавших в свой состав по нескольку губерний, были созданы жандармские управления в каждой губернии, а в шести особо неблагополучных с политической точки зрения губерниях Северо-Западного края и царстве Польском создавались также и уездные жандармские управления. В отдаленных регионах страны сохранились жандармские округа (Варшавский, Кавказский и Сибирский). Однако в целом численность корпуса жандармов была сравнительно невелика: она не превышала 6 тыс. человек. Начальники губернских жандармских управлений получили звания инспекторов губернской полиции. Таким образом, общая полиция с ее разветвленным аппаратом ставилась под контроль жандармов.

Причиной, заставившей усилить политическую полицию, было прежде всего распространение революционных и оппозиционных идей. Если в начале XIX века ими были охвачены только единичные представители образованного класса, то с распространением рационалистического мировоззрения они

[1] Непосредственным поводом, подтолкнувшим правительство к проведению реформы жандармского аппарата в 1867 году, явилось покушение 4 апреля 1866 года Д. Каракозова на императора Александра II.

проникали в сознание широких масс, что вынуждало власть к переориентации жандармерии на наблюдение за состоянием умонастроения либеральной интеллигенции и студенчества.

Военизированная организация жандармерии была недостаточно хорошо приспособлена к ведению политического сыска[1] в среде разночинной интеллигенции, поэтому жандармы использовались главным образом для проведения арестов, дознаний и ведения следствия по делам о государственных преступлениях. Учитывая эти обстоятельства, в 1880 году в Петербурге при градоначальнике и в Москве при обер-полицмейстере были учреждены специализированные органы политического сыска – отделения по охране государственного порядка и общественной безопасности, сокращенно их стали называть охранными отделениями. Они имели своей задачей борьбу с подпольными революционными организациями при помощи секретной агентуры. Деятельность этих отделений выходила далеко за границы столичных губерний.

В годы первой русской революции и после ее подавления сеть охранных отделений покрывает практически всю территорию страны. Они вели борьбу с революционным подпольем как путем наружного наблюдения, то есть слежки за членами революционных организаций, так и при помощи секретной агентуры, внедрявшейся в подпольные сообщества. Нередко такие секретные агенты играли роль провокаторов. В целях координации деятельности губернских охранных отделений образуются «районные охранные отделения», руководившие работой отделений нескольких губерний. Общее руководство осуществлял Особый отдел Департамента полиции. Он же руководил и оперативной работой жандармских управлений.

Широкое распространение политических оппозиционных и революционных взглядов и настроений в среде рабочих привело к принятию в феврале 1899 года закона «Об усилении полиции в районе промышленных заведений», предусматривавшего создание специализированной фабрично-заводской полиции. В ее обязанности входила не только охрана промышленных предприятий и обеспечение порядка в их помещениях, но и борьба с забастовками и волнениями рабочих. В связи с ростом уголовной преступности, как следствия урбанизации и социального кризиса, в ряде крупных городов учреждались сыскные отделения (уголовный розыск).

Обострение социальной напряженности в деревне, крестьянские выступления 1903 года привели к идее усиления и реорганизации сельской полиции. В связи с политической ненадежностью сотских и десятских, избираемых крестьянами и осуществляющих свои функции в порядке повинности, прави-

[1] Генерал Спиридович, бывший начальником Киевского жандармского управления, а затем начальником личной охраны царя, в своих мемуарах описывал, как жандармские унтер-офицеры вели наружное наблюдение, надев гражданское пальто поверх формы, со шпорами на сапогах и с саблей под пальто.

тельство ввело вместо сотских штатные должности сельских стражников – государственных служащих, получавших зарплату из казны. Для крестьян же натуральная повинность вспомогательной полицейской службы заменялась специальным денежным сбором.

В период первой русской революции усложнилось управление столицами. С января по октябрь 1905 года петербургский генерал-губернатор Д.Ф. Трепов имел диктаторские полномочия. Старая должность обер-полицмейстера в Москве была заменена должностью градоначальника, имевшего гораздо больше прав и самостоятельности в отношении полиции, местного городского самоуправления и т. п. Изменилось устройство и столичных охранок. В послереволюционные годы при них появились регистрационные бюро, следившие за всеми приезжавшими в столицы лицами. При петербургской охранке для обеспечения безопасности царя и царской фамилии учреждается центральный филерский отряд, а при Московском охранном отделении из черносотенцев формируется добровольческая охрана.

Для борьбы с революцией в сельской местности, кроме существующего аппарата исправников, становых приставов, урядников и сельской полицейской стражи, законом от 10 апреля 1905 года «Об имущественной ответственности сельских обществ и селений, крестьяне которых приняли участие в аграрных беспорядках» создавались временные уездные комиссии под председательством уездного предводителя дворянства для выяснения степени участия крестьян в беспорядках и привлечения их к ответственности.

В связи с дарованием свободы слова, печати, союзов и обществ в апреле 1906 года цензурные комитеты были преобразованы в комитеты по делам печати, а цензоры стали называться инспекторами печати. В крупных городах при канцеляриях градоначальников и полицмейстеров были учреждены особые инспекции типографий, литографий и книжной торговли. Для наблюдения за учреждением обществ и союзов, для регистрации их программных документов и контроля над их деятельностью учреждались губернские (областные, городские) присутствия по делам об обществах и союзах под председательством губернаторов или градоначальников.

В сельской местности для крестьян, вышедших из крепостной зависимости, были созданы крестьянские сословные учреждения: сельские и волостные сходы, волостные правления и волостные суды[1]. Эти органы являлись допол-

[1] Каждое сельское общество (включавшее одно или несколько селений) имело сход, выбиравший должностных лиц (сельского старосту, сборщика податей, сотских, десятских) и разрешавший некоторые поземельные дела (например, переделы общинных земель), раскладку налогов, мелкие полицейские дела. Гораздо большее значение имело волостное сословное крестьянское звено – волостной сход, в состав которого входили сельские и волостные должностные лица во главе со старшиной, а также «десятидворники» – выборные от каждых десяти дворов. Волостной сход выбирал волостных должностных лиц, представителей на предварительный съезд для выбора гласных в уездное земское собрание от сельских обществ, разрешал хозяйственные нужды волости, утверждал приговоры сельских сходов и т. д. Избираемый волостным сходом на три года волостной старшина выполнял полицейские функции: следил за «сохранением обще-

нительным бесплатным административно-полицейским звеном, облегчавшим правительству сборы налогов, выкупных платежей, осуществление государственных и земских повинностей, комплектование армии, разрешение поземельных споров как между самими крестьянами, так и между помещиками.

Функции крестьянского управления ограничивались сословными рамками, осуществлялись в пределах волости и сельского общества, не имели выхода на уездный и губернский уровень. Крестьянское самоуправление контролировалось царской администрацией, которая имела право отстранять волостного старшину, сельского старосту временно или окончательно от должности в случаях неисправного исполнения обязанностей или злоупотреблений. Решения об этом принимал уездный мировой съезд, а утверждал губернатор.

Крестьянские органы местного самоуправления находились под постоянной опекой системы органов правительственно-дворянского надзора. В разное время опеку и надзор осуществляли мировые посредники, земские участковые начальники, уездные съезды мировых посредников, губернское присутствие и пр. Законом от 12 июля 1889 года все эти учреждения и должностные лица в уездах были заменены земскими начальниками, назначаемыми из дворян. Они получали широкие полномочия по утверждению решений крестьянских учреждений, назначению и смещению должностных лиц в них, права наказания крестьян. Губернское присутствие являлось не только административным, но и судебным органом. В административном отношении органы правительственно-дворянского надзора, как и сами крестьянские учреждения, находились в ведении земского отдела Министерства внутренних дел, а в судебном – во Втором (крестьянском) департаменте Сената.

§2. Земства

Важным нововведением, внесшим раскол во власть на местах, стало создание земств.

Земства, в отличие от других органов местного управления, получали властную санкцию от выбравшего их народа, а не от царя, поэтому сущность их власти кардинальным образом отличалась от других управленческих структур на местах.

Земские органы самоуправления по Реформе 1 января 1864 года учреждались для руководства хозяйственными делами – строительством и управлением местных дорог, школ, больниц, благотворительных учреждений, заведования продовольственным делом, организацией поземельного кредита, пропаганды агрономических знаний, улучшением кустарной промышленно-

---

ственного порядка, спокойствия и благочиния в волости». В этом ему подчинялись сельские старосты и другие должностные лица волости, а также волостное правление. Волостной суд представлял собой коллегию из 4–12 судей, выбираемых ежегодно волостным сходом. Этот сословный крестьянский суд рассматривал споры и тяжбы между крестьянами, а также мелкие уголовные проступки.

сти, организацией земской статистики и т. п. Земства были лишены значимых политических функций. Самодержавие уступило им в основном хозяйственные дела на местах, разгрузило от них административно-полицейский аппарат, сохранив за собой основные позиции управления.

Было создано сложное и уникальное явление в истории российского регионального управления – функционирование двух местных разнотипных управленческих структур при сохранении старого административно-территориального деления. Первое – государственное, главное, основное управление с централизованными ведомственными органами царской администрации, бюрократическим аппаратом чиновников, выполнявшее всевластные функции. Второе – земское управление общественного типа, не главное, не основное, которому было поручено заботиться об общеземских нуждах местного населения в сферах хозяйства, культуры, благоустройства, призрения, являвшееся дополнением к государственному. Власть расчленила функции местного управления между казенными и земскими учреждениями, что затрудняло управление, нарушало его единство и целостность, но сохраняло при этом за собой основные позиции в управлении.

В правительственных кругах существовало мнение, что земские учреждения являлись не органической частью административного аппарата, а неким придатком к нему, едва терпимым, а в отдельные периоды просто нежелательным. Как полагал В.П. Безобразов, закон 1 января 1864 года не вводил земства в существовавшую тогда структуру учреждений, а ставил «подле них, как отдельные государственно-общественные тела, не имеющие никаких органических связей с системой государственного управления»[1].

Многие современники, понимая, что земства основаны на принципе народовластия, связывали с земским управлением перспективу всесословного и даже конституционного управления. Ограниченность земской реформы порождала идеи земского либерализма: передать земству всю полноту власти и управления на местах, обеспечить элементарные гражданские свободы, увенчать здание земства властным всесословным представительным учреждением, изменить оставшиеся в неприкосновенности верхние этажи государственного устройства и управления, продолжить реформы, дать конституцию[2].

По закону 1 января 1864 года земскими учреждениями являлись: 1) уездные земские собрания, 2) губернские земские собрания, 3) уездные и губернские управы как их распорядительные исполнительные органы. Члены земских собраний получили название «гласных» (имевших право голоса). Для выполнения своих хозяйственных задач земства получили право облагать население специальным земским сбором.

---

[1] Цит. по: Герасименко Г.А. Земское самоуправление в России. М., 1990. С. 13.

[2] История государственного управления России. / Отв. ред. В.Г. Игнатов. Ростов н/Д, 2002. С. 202. Электронное издание.

Выборы были бессословные, но от участия в них отстранялись женщины, учащиеся, народные учителя, «находящиеся в услужении у частных лиц» (в эту категорию наряду со слугами входили также рабочие и служащие частных промышленных предприятий), и др., а также армия и полиция, поскольку они считались находящимися «вне политики».

Населением избирались лишь члены уездных земских собраний, причем избиратели делились на три избирательные курии – уездных землевладельцев, городских избирателей, выборных от сельских общин. Если для избирателей первых двух курий, имевших высокий имущественный ценз, выборы были прямыми, то для крестьян, избиравших по третьей курии, выборы были многоступенчатыми.

Губернские земские собрания избирались депутатами уездных земских собраний. Избирательная система строилась с таким расчетом, чтобы обеспечить фактическое преобладание в органах земского самоуправления русского дворянства[1], хотя формально органы эти были всесословные. Власть надеялась на традиционную лояльность дворянства, однако в его среде уже были широко распространены либеральные идеи, поэтому земства превратились в очаг либеральной дворянской оппозиции[2]. Среди земских служащих – инженеров, техников, статистиков, бухгалтеров, секретарей, учителей, врачей, агрономов и др. – преобладали разночинцы, сторонники либеральных, народнических, социалистических идей.

Земская реформа не сформировала стройной и централизованной системы. И на форме закона, и на его содержании лежала печать борьбы, которая шла в верхах по вопросу о местном самоуправлении[3]. В ходе реализации идеи общественного самоуправления не было создано органа, возглавлявшего и координировавшего работу всех земств. Существование земских учреждений допускалось только на губернском и уездном уровнях. Когда в 1865 году Санкт-Петербургское губернское земское собрание поставило вопрос об образовании такого органа, оно было закрыто правительством. Не было создано также и низшего звена, которое могло бы замкнуть систему земских учреждений, – волостного земства. Попытки многих земских собраний на своих первых сессиях поставить этот вопрос были пресечены правительством в самом зародыше.

Уездные земские собрания собирались ежегодно на сессии, и вся текущая работа падала на избранную им уездную земскую управу. Уездные земские

---

[1] В 1864 году по итогам первых выборов дворяне составляли 42,4%, крестьяне – 38% среди гласных уездных собраний. В губернских собраниях дворяне составляли 74,2% в 1865–1867 гг., а затем свыше четырех пятых, а купцы и крестьяне – лишь по 10%. И председательствовали в земских собраниях уездные и губернские предводители дворянства.

[2] Отчасти это произошло из-за того, что многие помещики, особенно из консервативного крыла, «не считали нужным принимать участие в их деятельности. Абсентеизм крупных землевладельцев приводил к тому, что на выборах в земские собрания нередко проходили либеральные помещики». См.: Герасименко Г.А. Земское самоуправление в России. М., 1990. С. 16–17.

[3] Герасименко Г.А. Земское самоуправление в России. М., 1990. С. 8.

собрания всей губернии выбирали по нескольку гласных в состав губернского земского собрания, который также выбирал исполнительный орган – губернскую земскую управу. Во главе собраний и управ стояли выборные председатели, которые не только руководили деятельностью названных учреждений, но и представительствовали от имени земства в местных правительственных учреждениях (главным образом присутствиях); председателями земских собраний были предводители дворянства. Никакой принудительной власти земства не имели и для приведения в исполнение своих решений должны были обращаться к органам администрации и полиции.

Земства находились под контролем центральной и местной власти – министра внутренних дел и губернатора, которые имели право приостанавливать любое постановление земского собрания, признав его «противным законам или общим государственным пользам». Председатель уездной управы утверждался губернатором, а председатель губернской – министром внутренних дел, что также являлось одной из конкретных форм контроля со стороны власти. Многие из постановлений земских собраний не могли вступить в силу без утверждения губернатора или министра внутренних дел.

Вместе с тем правительству не удалось достичь тех противоречивых целей, которое оно ставило, создавая земства: с одной стороны, власть хотела успокоить либеральные общественные силы, требовавшие замены неэффективного бюрократического управления системой представительного всесословного управления снизу доверху, и сблизить общество с властью. С другой стороны, консервативные круги в правительстве желали дискредитировать привлекательную идею самоуправления особым статусом земств, которым поручены труднореализуемые, обременительные для бюрократии, весьма непопулярные функции[1].

Уже первый опыт показал оппозиционную сущность земства, поэтому с 1866 году правительство проводит ряд законов, ограничивающих земскую деятельность. Указы 1866–1869 годов стеснили функционирование только что созданных земских учреждений, ограничили объем финансирования, гласность, свободу прений в земских собраниях, установили предварительную губернскую цензуру для печатания земских речей, постановлений и пр. Правительство обоснованно опасалось стремления земств к объединению для совместного ведения оппозиционной деятельности, поэтому в 1867 году последовали запреты земствам взаимодействовать друг с другом, взаимно информировать о принятых решениях, а также публиковать без разрешения губернатора отчеты о своих собраниях. Председателей земских собраний обязывали закрывать их заседания, если в них поднимались вопросы, «не согласные с законом». Ряд разъяснений Сената и Министерства внутренних дел поставил земское учреждение в еще большую зависимость от администрации.

---

[1] История государственного управления России. / Отв. ред. В.Г. Игнатов. Ростов н/Д, 2002. С. 203. Электронное издание.

По мнению исследователей, несмотря на весьма стеснительные рамки, в которых оказались земства, они показали себя вполне жизнеспособными учреждениями[1].

Земства были созданы на основе либеральной идеи, поэтому не вписывались в общий консервативный круг аппарата российской власти. Либеральная оппозиция усматривала в их создании шаг, который приведет к тому, что правительство будет вынуждено ввести «умеренную конституцию, исторически выросшую на основе местного самоуправления с сословной окраской». В. Ленин подчеркивал значение земства и «как орудия укрепления самодержавия посредством половинчатой уступки, как орудия привлечения к самодержавию известной части либерального общества»[2], отмечая наряду с этим невозможность при царизме осуществления подлинного самоуправления.

Правительство чувствовало оппозиционность земств, поэтому распространяло земское самоуправление на регионы с нелояльным власти населением медленно и неохотно. Земства вводились только в великорусских губерниях, в которых преобладало русское дворянство. Из 78 губерний России «Положение о земских учреждениях» от 1 января 1864 года распространялось на 34 губернии. Реформа не распространялась на Сибирь, Архангельскую, Астраханскую и Оренбургскую губернии, в которых не было или почти не было дворянского землевладения, и на национальные окраины России: остзейские губернии (здесь было свое местное управление, подчиненное немецким баронам), Литву, Польшу, Белоруссию, Правобережную Украину (в этих регионах среди землевладельцев преобладало польское дворянство), на Кавказ, Казахстан и Среднюю Азию. Даже к началу XX века многие окраины России не имели ни земств, ни городского самоуправления.

Вопреки законодательным запретам земства все же превратились в очаги общественной деятельности либерального дворянства. Возникновение в 70–80-х годах XIX века земского либерально-оппозиционного движения, с которым вынуждено было считаться правительство, стало важным фактором общественно-политической жизни страны. Поэтому те значительные успехи, которых добились земства в своей хозяйственной и культурной работе, мало радовали правительство. Несмотря на то, что они официально были лишены политических функций, однако тот авторитет, который они имели среди широких слоев населения благодаря своей эффективной, часто построенной на одном энтузиазме работе, создавал в их лице альтернативный центр силы в провинции. Свой авторитет земства могли легко конвертировать в политическое влияние, составив конкуренцию существующей власти, поэтому правительственные чиновники с тревогой следили за ростом их влияния.

---

[1] Герасименко Г.А. Земское самоуправление в России. М., 1990. С. 13.
[2] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 5. С. 69.

12 июня 1890 года вышло в свет новое «Положение о губернских и уездных земских учреждениях». Его авторы были озабочены главным образом тем, как еще более усилить в земских учреждениях влияние дворян – самой благонадежной, по их мнению, части общества, а также администрации. Правительство считало, что таким образом ему удастся направить земства в нужное русло, превратить в подобие совещательных учреждений по местным делам. Однако обстоятельства сложились так, что деятельность земств после 1890 года не только не ослабла, но еще более активизировалась. Вместе с тем стеснение земских учреждений, усилившееся после 1890 года, усиливало их оппозиционные настроения по отношению к правительству[1].

В 90-х годах в связи с вступлением Николая II на престол в кругах либерально настроенных земцев возникла надежда на некоторое расширение политических прав земских учреждений. На имя императора поступили адреса от ряда земств, в которых они убеждали царя крепить единение монархии с народом путем «доступа земств к престолу». 17 января 1895 года на приеме депутаций от дворян, земств, городов и казачьих войск по случаю бракосочетания императора Николай II, обращаясь к представителям земства, сказал: «Мне известно, что в последнее время слышались в некоторых земских собраниях голоса людей, увлекшихся бессмысленными мечтаниями об участии представителей земств в делах внутреннего управления; пусть все знают, что я... буду охранять начала самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял его мой незабвенный покойный родитель». Эта речь только усилила земское движение. Земские собрания чаще стали обсуждать политические вопросы. В 1900–1904 годах расширялась политическая деятельность земских учреждений, нарастала их либеральная оппозиционность[2].

Осенью 1904 года в условиях предреволюционного кризиса правительство, стремясь привлечь на свою сторону либералов, разрешило им устраивать банкеты и проводить совещания. Центральным звеном шумной либеральной кампании стал общеземский съезд, состоявшийся в Петербурге 6–9 ноября 1904 года. На нем была принята программа политических преобразований в стране. Земцы требовали созыва народного представительства с законодательными функциями, гражданских свобод, равноправия сословий, расширения полномочий местного самоуправления.

Манифест от 17 октября 1905 года полностью соответствовал интересам либерального земства, и первый же земский съезд, состоявшийся после этого события, высказался за поддержку царского правительства, оговорив это решение необходимостью проведения манифестов в жизнь. Следом за ним земские собрания на местах заявили о готовности содействовать правительству в борьбе против революции. После революции земства официально отказались

---

[1] Герасименко Г.А. Земское самоуправление в России. М., 1990. С. 22–26.
[2] Герасименко Г.А. Земское самоуправление в России. М., 1990. С. 26–27.

от решения политических проблем. В их среде возникла и стала преобладающей так называемая деловая точка зрения[1].

В годы революции и послереволюционный период были проведены некоторые частные изменения в компетенции земских учреждений. С 1906 года каждое губернское земское собрание получило право выбирать по одному члену Государственного совета. С 1912 года уездные земские собрания вновь стали выбирать мировых судей, фактически упраздненных в 1889 года. Мировые суды восстанавливались в апреле 1912 года; тогда же ликвидировался институт земских начальников.

В годы Первой мировой войны с согласия правительства была наконец создана общеземская организация, получившая название «Всероссийский земский союз помощи больным и раненым воинам». Позднее, в 1915 году, земский союз объединился со Всероссийским союзом городов и было создано довольно мощное объединение – Земгор – политический центр торгово-промышленной буржуазии и либеральных помещиков. В 1915 году обострились отношения между царским правительством и Земгором. 7–9 сентября съезд земского и городского союзов, состоявшийся в Москве, высказался за пополнение правительства за счет «лиц, облеченных доверием страны», то есть выдвинул требование создания правительства народного доверия. Накануне Февральской революции в условиях глубокого политического кризиса земские лидеры приняли участие в разработке планов дворцового переворота. Они вынашивали идею свержения Николая II и замены его кандидатурой, тесно связанной с буржуазией[2].

Земские деятели встретили весть о падении монархии с ликованием. Временное правительство в борьбе за власть на местах решительно сделало ставку на земства, и вместо отстраненных от должности губернаторов председатели губернских и уездных управ автоматически становились комиссарами Временного правительства, возглавившими власть на местах[3]. Это вызвало недовольство рабочих и крестьянских масс, уже находившихся под влиянием социалистических партий и идей. По сведениям МВД, полученным во второй половине апреля 1917 года, из 55 председателей губернских земских управ, ставших комиссарами, эту должность сохранили лишь 23. В условиях нарастающего кризиса либеральные земские деятели в регионах не смогли удержаться у власти и уступили ее Советам. После Октябрьского вооруженного восстания началась ликвидация отдельных земских собраний и управ, а мас-

---

[1] Герасименко Г.А. Земское самоуправление в России. М., 1990. С. 36.

[2] Герасименко Г.А. Земское самоуправление в России. М., 1990. С. 42–44.

[3] Местные органы новой власти формировались из различных «общественных комитетов» и комиссаров Временного правительства. Последние, как правило, входили в состав этих комитетов и даже возглавляли их, как это имело место, например, в Москве. В подавляющем большинстве случаев инициатива создания комитетов исходила от городских дум и земств, которые являлись главными опорными пунктами Временного правительства на местах. См.: Исторический опыт трех российских революций. Кн. 2. Свержение самодержавия: Вторая буржуазно-демократическая революция в России/ Гл. ред.: Голуб П.А. и др. М.: Политиздат, 1986. С. 297.

совое упразднение земств развернулось уже после III Всероссийского съезда Советов. Этот процесс завершился к июлю 1918 года[1].

Получившие санкцию на власть от народа, земства плохо вписывались во властную структуру самодержавия и поэтому стали оплотом либеральной оппозиции. Существование двух систем местной власти, основанных на разных принципах, подрывало самодержавную власть.

Получив в 1917 году полноту власти на местах из рук идейно близкого Временного правительства, земство не смогло ее удержать и вместе с ним сошло с политической арены. В течение первого послереволюционного года земство как институт было ликвидировано советской властью.

§3. Городское управление

На созданные по «Городовому положению» 12 июня 1870 года городские органы самоуправления, на которые возлагалось решение административно-хозяйственных задач, так же как и земства, получали санкцию на власть от избиравшего их населения, что неизбежно противопоставляло их другим властным органам, получавшим власть от царя. Органы городского самоуправления, как и земства, стали центрами либеральной оппозиции.

Ведению городских дум и управ подлежали вопросы благоустройства города, а также заведование школьным, медицинским, благотворительным делом, торговлей, кредитом и т. п. Городские органы самоуправления выбирались на четыре года налогоплательщиками. Часть налогов поступала в кассу городских управ для решения общегородских проблем.

Выборы в городскую думу проводились по трем избирательным съездам (крупных, мелких и средних налогоплательщиков), избиравшим по равному числу гласных. Рабочие, служащие, интеллигенция, являвшиеся основным по численности населением, но не имевшие собственности и поэтому освобожденные от уплаты налогов, устранялись от участия в самоуправлении. Характерно, что чем крупнее был город, тем меньшим становился удельный вес жителей, допускаемых к участию в выборах в городские думы. Так обеспечивалось преобладание в городской думе представителей буржуазии и дворян-домовладельцев. Устанавливалось предельное число лиц нехристианского вероисповедания, допускавшихся в состав управы, – оно не могло превышать одной трети. Городским головой не могло быть лицо еврейской национальности. Эти ограничения должны были обеспечить политическую лояльность самодержавию со стороны выборных органов.

Городская дума избирала из своего состава исполнительный орган – городскую управу, в которую входили голова и члены управы. Городской голова возглавлял и думу и управу, координируя работу этих учреждений. Городской голова, избираемый думой, утверждался в своей должности в крупных городах министром внутренних дел, а в мелких – губернатором. Для надзора за

[1] Герасименко Г.А. Земское самоуправление в России. М., 1990. С. 238.

деятельностью городских дум и управ в каждой губернии Положением 1870 года создавалось губернское по городским делам присутствие из чиновников под председательством губернатора. Сроки заседаний городской думы утверждались губернатором. Он же разрешал публиковать решения городской думы, если не усматривал в них нарушения императорских законов.

Компетенция городского самоуправления, как и земского, была ограничена рамками чисто хозяйственных вопросов: благоустройство городов, попечение о местной торговле и промышленности, общественное призрение (богадельни, детские приюты и пр.), здравоохранение и народное образование, принятие санитарных и противопожарных мер. Бюджет городской думы формировался из средств, получаемых от налогов и сборов с городской недвижимости, торговых и промышленных заведений, пошлинных сборов с проводимых в городе аукционов и др.[1]

Как и земства, городские думы не имели принудительной власти и для исполнения своих постановлений обязаны были прибегать к помощи полиции, им не подчиненной. По существу реальная власть в городе принадлежала губернаторам и градоначальникам.

«Городовое положение» 1870 года сначала было введено в 509 русских городах, а несколько позднее – в городах Закавказья, Литвы, Белоруссии и Правобережной Украины, в Прибалтике. Оно не распространялось на города Средней Азии, а также Польши и Финляндии, где действовало прежнее городское управление.

Городовое положение от 11 июня 1892 года явилось городской контрреформой. Оно заменило налоговый ценз для избирателей имущественным. Избирательные права получили только те жители города, которые имели недвижимое имущество. Мелкие и средние налогоплательщики лишались избирательных прав. Число избирателей по городам России, имевшим городское «самоуправление», сократилось в несколько раз. В среде городской буржуазии правительство видело тот лояльный и зависимый элемент, с которым можно было наладить сотрудничество, и способный в то же время управлять городским хозяйством.

Для мелких городов Городовое положение 1892 года вводило так называемое «упрощенное управление». Сход домохозяев города избирал состав собрания уполномоченных, а последние выбирали городского старосту с одним или двумя помощниками.

Значительно более строгим стал надзор за органами самоуправления со стороны губернской администрации.

---

[1] На эти средства, помимо расходов на собственно городские нужды, содержались полиция, городские тюрьмы, воинские казармы, пожарная охрана: на это тратилось в разных городах до 60% средств городского бюджета. Расходы на благоустройство городов составляли 15% городского бюджета, на образование – 13% и на медицину – около 1%.

Как и земства, городское самоуправление, получавшее власть от своих избирателей, стало оплотом либеральной оппозиции правительству.

§4. Судебная реформа

По общему мнению современников, знакомых с европейской правовой системой, российский суд, созданный самодержавием, значительно проигрывал в сравнении с ней. Структуру дореформенной судебной системы составляли разнообразные исторически сложившиеся органы, делавшие ее сложной и запутанной. Существовали особые суды для дворян, горожан, крестьян, специальные коммерческие, совестные, межевые и иные суды. Судебные функции отправляли и административные органы – губернские правления, органы полиции и др. Рассмотрение дел во всех судебных инстанциях происходило при закрытых дверях. На деятельность суда сильное давление оказывали различные административные органы, ведение следствия и исполнение приговора предоставлялись органам полиции, которые, кроме того, могли принимать на себя и судебные функции по «маловажным» делам.

Александр II повелел комиссии, работавшей над законами, составлявшими основу реформы 1864 года, действовать в соответствии с «теми главными началами, несомненное достоинство коих признано в настоящее время наукою и опытом европейских государств»[1]. Смысл судебной реформы заключался в либерализации и демократизации суда и процесса, поэтому новые судебные уставы, принятые в ходе преобразований, основывались на либерально-демократических европейских идеях и предусматривали бессословность суда, его независимость от административной власти, несменяемость судей и судебных следователей, равенство всех сословий перед законом, состязательность и гласность судебного процесса с участием в нем присяжных заседателей и адвокатов.

Реформа также провозглашала либеральные принципы процесса: отделение предварительного следствия от суда; устность и гласность процесса; участие в процессе обвинения и защиты; презумпцию невиновности; ликвидацию формальной оценки доказательств и введение принципа свободной оценки доказательств самим судом на основе обстоятельств дела.

Реформой вводились новые судебные учреждения – коронный и мировой суды. Коронный суд имел две инстанции: первой являлся окружной суд (обычно в пределах губернии, которая составляла судебный округ), второй – судебная палата, объединявшая несколько судебных округов. Таким образом, в России создавались две системы судебных учреждений: суды с избираемыми судьями – мировые судьи и съезды мировых судей и суды с назначаемыми судьями – окружные суды и судебные палаты.

---

[1] Цит. по: Хоскинг Дж. Россия: народ и империя (1552–1917) /Пер. с англ. С.Н. Самуйлова. Смоленск, 2001. С. 347.

Избираемые населением мировые судьи получали санкцию на осуществление судебной власти не от царя, как коронные судьи, а от народа, то есть часть судебной системы основывалась на рационалистическом понимании власти как воли народа. Эти нововведения, а также независимость коронных судей не могли не привести к напряжению отношений между судебной и самодержавной властью. Судебная реформа фактически вывела судебную власть из-под контроля царя, ослабив, таким образом, самодержавие.

Мировые судьи избирались на уездных земских собраниях, а в Москве, Петербурге и Одессе – городскими думами сроком на 3 года. В губерниях, где не было земств, мировые судьи назначались местной администрацией. Ведению мировых судей подлежали мелкие уголовные и гражданские дела.

Мировой судья был первой инстанцией, представлявшей собой мировой участок. Второй инстанцией являлся уездный съезд мировых судей, состоявший из всех мировых участковых и некоторых «почетных» судей. Уездный съезд мировых судей играл роль окончательной апелляционной инстанции для мировых судей округа. Дальнейшее рассмотрение дел мировых судей можно было проводить только в кассационном порядке в Сенате.

Выборность мировых судей неизбежно вела к их независимости от власти, и в 1889 году они повсеместно, кроме столиц и Одессы, были упразднены и заменены назначаемыми лицами: в городах – городскими судьями, а для негородского населения – земскими начальниками. Мировые судьи в деревне были заменены земскими участковыми начальниками.

Окружной суд создавался на несколько уездов. В уголовном судопроизводстве окружных судов важную роль стали играть присяжные заседатели, определявшие виновность или невиновность подсудимого; меру наказания определял судья. Суд присяжных поднял авторитет суда, однако по политическим делам часто выносил оправдательные решения[1], поэтому в 1878 году все дела «о явном восстании против властей» были изъяты из ведения суда присяжных и переданы в судебные палаты с сословными представителями.

Судебная палата являлась окончательной апелляционной инстанцией для рассматриваемых в окружных судах гражданских и уголовных дел. В судебную палату поступали на пересмотр из окружных судов только те дела, которые решались без присяжных заседателей. Пересмотр дел, решенных судом присяжных, можно было проводить только в кассационном порядке в Сенате.

Председателей и членов судебных палат и окружных судов утверждал император, а мировых судей – Сенат. После этого они по закону не подлежали ни увольнению в административном порядке, ни временному отстранению от должности. Их можно было отстранить от должности лишь в том случае, если они привлекались к суду по обвинению в уголовном преступлении.

---

[1] Несмотря на определенный подбор присяжных, окружные суды иногда принимали решения, противоречившие официальной политике (например, оправдательный приговор по делу Веры Засулич).

В ходе подготовки и проведения реформы были созданы новые институты присяжных заседателей и судебных следователей, реорганизована деятельность старых. Изменились функции прокуратуры, а именно: поддержание обвинения в суде, надзор за деятельностью судов, следствием и местами лишения свободы. Надзор за законностью действий судебных учреждений осуществлялся обер-прокурором Сената, прокурорами судебных палат и окружных судов. Они подчинялись непосредственно министру юстиции как генерал-прокурору.

Для реализации идеи состязательности в судебном процессе был создан новый специальный институт – адвокатура (присяжные поверенные). При окружных судах и судебных палатах находились адвокаты – присяжные поверенные; адвокаты, не числящиеся на службе в суде, назывались частными поверенными. Руководящим органом коллегии адвокатов стал Совет присяжных поверенных.

Суд комплектовался в основном из лиц дворянского сословия. Достаточно высокий имущественный и образовательный ценз практически закрывал доступ на эту должность представителям низших социальных слоев.

Все прокуроры судебных палат, 95% прокуроров окружных судов и 90% их товарищей были дворянами (остальные – выходцами из духовенства, буржуазии и чиновников). Подавляющее большинство чинов прокуратуры имели консервативные взгляды. Носители либеральных идей в прокуратуре 60–70-х годов (например, А.Ф. Кони) являлись редким исключением и задерживались в ней недолго.

Во второй половине XIX века в ведении крупных уголовных процессов прославились либеральные адвокаты (В.Д. Спасович, А.И. Урусов, Ф.Н. Плевако).

Новые судебные учреждения вводились не сразу. Действие Судебных уставов 1864 года распространялось только на 44 губернии (немногим более половины губерний) России, – не распространялись на Прибалтику, Польшу, Белоруссию, Сибирь, Среднюю Азию[1], северные и северо-восточные окраины Европейской России.

Несмотря на попытку последовательно реализовывать либерально-демократические правовые принципы, в новой судебной системе и после реформирования сохранялось немало черт сословного суда. Так, продолжали действовать духовный суд по делам духовным лиц и военные суды для военных.

---

[1] Так, работая над реформой, ее разработчики пришли к выводу о невозможности немедленного перехода коренных жителей Туркестана к общеимперскому судопроизводству. Поэтому в сферу ведения российского суда отнесли только дела переселенцев из внутренних районов империи, а также наиболее тяжкие преступления. Другими словами, была сделана попытка создать новую судебную систему параллельно традиционной в надежде, что «справедливый русский суд» станет более привлекательным для коренных жителей. Важной частью туркестанской правоохранительной системы оставалось «туземное» судопроизводство. Специальные народные суды на основе шариата (то есть мусульманского права) и адата (то есть обычного права) для разбора дел, в которых не были замешаны русские, были установлены в 1865 году. См.: Центральная Азия в составе Российской империи. М., 2008. С. 99–100.

Духовные суды судили также и мирян по таким вопросам, как нарушение церковных догматов, бракоразводные дела и т. п. Для крестьян первой инстанцией при рассмотрении маловажных уголовных дел был сословный волостной суд. Высшие царские сановники – члены Государственного совета, сенаторы, министры, генералы – за совершенные ими преступления подлежали Верховному уголовному суду.

Новые «суды плохо вписывались в рамки самодержавной политической системы»[1], «демократические и либеральные тенденции новых судов скоро вызвали большое недовольство консерваторов и реакционеров, которые усматривали в многочисленных оправдательных приговорах «потрясение основ» общежития и даже политическую опасность»[2]. Вследствие этого послереформенные узаконения, касающиеся суда и процесса, привели к значительным отступлениям от первоначальных либерально-демократических правовых принципов, положенных в основу судебной реформы. В 1866 году судебные чиновники фактически были поставлены в зависимость от губернаторов. С 1867 года вместо следователей стали назначать «исправляющих должность следователя», на которых принцип несменяемости не распространялся. Существенным средством давления на судей было право министра юстиции перемещать их из одного судебного округа в другой. Закон 1871 года передал производство дознания по политическим делам жандармерии, а с 1878-го значительная часть политических дел изымалась из ведения судебных палат и передавалась военным судам. В 1872 году было создано Особое присутствие Правительствующего сената специально для рассмотрения дел по политическим преступлениям. Закон 1872 года ограничивал публичность судебных заседаний и освещение их в печати. В 1889 году был упразднен и мировой суд. По делам печати, по делам политическим и при народных волнениях и недостатке оснований для судебного преследования правительство старалось прибегнуть к наказаниям в административном порядке.

Революция 1905 года и создание Государственной думы сформировали условия для восстановления либерально-демократических принципов, изначально лежавших в основе судебной реформы. В 1912 году был восстановлен институт мировых судей, однако до войны мировые судьи были введены только в 13 губерниях, а к 1917 году – в 20 (из 97 губерний и областей России).

Судебная реформа была одним из самых последовательных и радикальных либерально-демократических преобразований 1860–1870-х годов, поэтому она постоянно подвергалась критике со стороны консервативно настроенного правящего большинства.

Новая судебная система, созданная на основе либеральных идей, а также мировые судьи, получающие санкцию от избирателей, а не от царя, создавали

---

[1] Хоскинг Дж. Россия: народ и империя (1552–1917) / Пер. с англ. С.Н. Самуйлова. Смоленск, 2001. С. 347.

[2] Пушкарев С.Г. Россия в XIX веке (1801 – 1914). Нью-Йорк, 1956. С. 242.

условия для действительной независимости суда и выведения судебной власти из-под влияния самодержавия, ослабляя тем самым власть царя.

Вместе с тем судебная система, построенная на либерально-демократических принципах, как «идейно близкая» Временному правительству, в наименьшей степени подверглась изменениям в период его правления, а те изменения, которые все же были им проведены, вполне укладывались в логику судебной реформы 1864 года.

§5. Реформирование органов управления образованием

Система образования и народное просвещение, занимавшиеся распространением идей, напрямую оказывали влияние на сознание людей, на их доверие к власти, понимание того, насколько власть соответствует их основным интересам, определяемым в соответствии с господствующим мировоззрением. Образование и просвещение формировали сознание масс и тем самым создавали социальную опору власти. В допетровские времена образование и просвещение находились исключительно в сфере ответственности Церкви, однако с проникновением рационалистических знаний были созданы государственные органы, занимавшиеся распространением чуждых православию знаний и идей.

Образование и народное просвещение, занимавшиеся распространением рационалистических взглядов, подрывали православную основу самодержавия, оказывали непосредственное влияние на политическую лояльность народа. Идеальным подданным российского царя был неграмотный православный крестьянин, однако в условиях соприкосновения с развитой в экономическом и военном отношении Европой царское правительство было вынуждено распространять рационалистические знания, развивать науку. «Против своей воли государство поощряло развитие тех качеств, которые представлялись потенциально опасными для империи: независимость мышления, стремление к истине, способность критиковать и ставить под сомнение правомерность существующего порядка»[1]. При этом правительство понимало политический вред этих знаний и стремилось минимизировать тот негативный политический эффект, который они создавали.

Все формы образования, объем и содержание преподаваемых дисциплин всегда строго регламентировались и находились под контролем соответствующих правительственных учреждений. Народное образование и просвещение всегда рассматривались как важный инструмент воспитания народных масс в духе преданности «вере, царю и отечеству».

Реформа образования, проведенная в 1864 году, исходила из европейского рационалистического опыта, составленные проекты преобразований начальной, средней и высшей школы были разосланы на отзыв известным русским и иностранным специалистам и опирались на их рекомендации.

---

[1] Хоскинг Дж. Россия: народ и империя (1552–1917) / Пер. с англ. С.Н. Самуйлова. Смоленск, 2001. С. 342.

14 июля 1864 года было утверждено «Положение о начальных народных училищах». Оно предоставляло право открывать начальные школы как общественным учреждениям, так и частным лицам, но лишь с разрешения властей. Учредители брали на себя заботу о материальном обеспечении школ, а руководство учебной частью передавалось уездным и губернским училищным советам. Уездный училищный совет состоял из представителей от уездного земского собрания и местных ведомств. Губернский училищный совет состоял из губернатора, архиерея, директора училищ данной губернии и представителей от губернского земского собрания. Председательствовал в совете архиерей. В пореформенной России существовали четыре вида начальных школ: учрежденные частными лицами (таких школ было немного), Министерством народного просвещения (министерские), земствами (земские) и церковноприходские, которые подчинили себе создаваемые по инициативе крестьян сельские «школы грамоты».

19 ноября 1864 года был утвержден «Устав гимназий и прогимназий». Он вводил принцип формального равенства в среднем образовании для людей всех сословий[1] и вероисповеданий. В соответствии с новыми правилами прежние гимназии подразделялись на классические и реальные (те и другие семиклассные). Классические гимназии давали гуманитарное образование: в основу его было положено преподавание древних («классических») языков – латинского и греческого. В реальных гимназиях увеличивался объем преподавания математики и естествознания за счет сокращения часов на гуманитарные предметы. Окончившие классические гимназии получали право поступать в университеты без экзаменов. Окончившим реальные гимназии доступ в университеты был затруднен: они могли поступать преимущественно в высшие технические учебные заведения. Уставом 1864 года учреждались прогимназии – дававшие знания, соответствующие первым четырем классам классической гимназии. Окончившие прогимназию могли поступить в 5-й класс классической гимназии.

Еще в 1858 году наряду с закрытыми женскими учебными заведениями – «институтами благородных девиц», учрежденными в XVIII веке, стали открываться женские училища для девочек и из непривилегированных сословий. В 1862 году эти училища получили свой устав, а 10 ноября того же года переименованы в женские гимназии с более сокращенной по сравнению с мужскими гимназиями программой преподавания общеобразовательных дисциплин.

---

[1] Несмотря на записанное в законе равенство всех сословий и вероисповеданий при приеме в гимназии, в них из-за высокой платы за обучение могли учиться преимущественно дети привилегированных и состоятельных сословий. Так, в 1874 году в классических гимназиях дети дворян и чиновников составляли 59%, городской буржуазии – 28%, духовенства – 6%, крестьян – 5%, прочих – 2%; в реальных гимназиях дети дворян составляли 53%, буржуазии – 33%, духовенства – 3%, крестьян – 7%, прочих – 4%.

Университетский устав[1] был утвержден 16 июня 1863 года императором и получил силу закона. Это был самый либеральный из всех университетских уставов в дореволюционной России.

Действие Университетского устава 1863 года распространялось на пять существовавших к тому времени российских университетов: Московский, Петербургский, Казанский, Харьковский и Киевский. Дерптский в Эстонии, Гельсингфорсский в Финляндии и Варшавский в Польше имели свои уставы.

Устав 1863 года предоставлял университетам довольно широкую автономию. Совет университета получал право самостоятельно решать все научные, учебные и административно-финансовые вопросы: присуждать ученые степени и звания, распределять государственные средства по факультетам, разделять сами факультеты на отделения, заменять одни кафедры на другие, открывать новые кафедры, отправлять молодых ученых за границу на стажировку. Руководство жизнью факультетов принадлежало факультетским советам. Университеты имели собственную цензуру, свободно выписывали из-за рубежа книги, журналы и газеты, которые не подлежали проверке на таможне. Такое право имел и каждый профессор. Устав предусматривал выборность ректора, проректоров, деканов с последующим утверждением их в должности министром народного просвещения.

Реформы 1860-х годов в области просвещения несколько сузили влияние попечителей учебных округов по управлению учебными заведениями (особенно университетами). Однако они остались главными администраторами, ведавшими учебными заведениями подведомственных им округов. С 70-х годов влияние их на учебные дела вновь возрастает.

Консервативный поворот в области образования и просвещения был произведен после покушения на царя студента Д.В. Каракозова в 1866 году.

Чтобы усилить контроль над народными училищами и деятельностью земств в области народного просвещения, 26 мая 1869 года правительство учредило должность инспектора народных училищ. На инспекторов возлагался надзор за постановкой учебной и воспитательной работы в начальных училищах, направлением преподавания в них и политической благонадежностью преподавательского состава; им же поручался подбор учителей.

Университетская автономия привела к распространению свободомыслия и целому ряду политических проблем, в результате университеты стали рассматриваться как очаги распространения оппозиционных идей, поэтому ряд узаконений 1860–70-х годов был направлен на стеснение университетской автономии. Полицейским учреждениям и университетской администрации вменялось в обязанность взаимно осведомлять друг друга о политической

[1] По Уставу 1863 года каждый университет должен был иметь четыре факультета – историко-филологический, физико-математический, юридический и медицинский. В полтора раза увеличивалось число штатных профессоров. Вводились новые дисциплины в преподавании, и в связи с этим открывались новые кафедры. Вдвое увеличивались денежные оклады профессорам и преподавателям. Их статус по Табели о рангах повышался на два класса.

благонадежности студентов. Университетский устав 23 августа 1884 года отменил университетскую автономию профессорской коллегии и установил назначаемость министром ректора, деканов и профессоров; попечители сделались основными руководителями всей университетской жизни. Им были окончательно подчинены инспектора, на которых возлагалось наблюдение за «поведением» студентов. Плата за обучение в университетах в 80-х годах возросла в пять раз. Все эти меры были направлены на то, чтобы ограничить приток в вузы студентов из потенциально опасных разночинных слоев населения, по своему материальному и социальному положению склонных к усвоению либеральных и социалистических идей.

Распространение среди молодежи либеральных и социалистических идей подтолкнуло правительство к переориентации содержания преподаваемых знаний и дисциплин. Правительство оказалось в безвыходном положении: оно не могло ограничить прием учащихся в учреждения среднего образования без того, чтобы не лишить себя грамотного персонала, в котором страна нуждалась в период ускоренных экономических перемен, но и не могло продолжать плодить противников режима. Сменивший в 1866 году либерала А.В. Головнина на посту министра народного просвещения консерватор граф Д.А. Толстой пришел к заключению, что изучение естественных наук ведет к материализму и нигилизму, и потому решил изгнать естествознание из гимназий и сделать их «классическими», с латинским и греческим языками в качестве главных предметов[1]. Толстой видел выход также в увеличении преподавания математики, греческого и латыни за счет истории, общественных наук и русской литературы, то есть «предметов, которые рассматривались как потенциально угрожающие устоям империи»[2]. В гимназиях внедрялись механическое заучивание и зубрежка, подавлялась всякая самостоятельность мысли. Усиливалось наблюдение за гимназистами как в стенах гимназии, так и вне ее, поощрялись доносы и наушничество. Изданный 30 июля 1871 года новый устав предусматривал сохранение только классических гимназий, срок обучения в которых увеличивался с 7 до 8 лет.

Устав 15 мая 1872 года о реальных гимназиях заменял их шестиклассными реальными училищами, приспособленными к «приобретению технических познаний», для «занятий различными отраслями промышленности и торговли». Поэтому программа преподавания в них ограничивалась техническими предметами (значительно увеличился объем преподавания математики и черчения). Как в классических гимназиях, так и в реальных училищах резко уменьшилось количество учебных часов по истории, географии, естествознанию и новым языкам, которые стали рассматриваться как «второстепенные» предметы. Была повышена плата за обучение, что еще больше

---

[1] Пушкарев С.Г. Россия в XIX веке (1801 – 1914). Нью-Йорк, 1956. С. 255.

[2] Хоскинг Дж. Россия: народ и империя (1552–1917) / Пер. с англ. С.Н. Самуйлова. Смоленск, 2001. С. 339.

ограничивало прием в эти учебные заведения детей из малоимущих слоев населения. Окончившим реальные училища не только категорически запрещался доступ в университеты, но и затруднялось поступление в высшие технические учебные заведения.

Преподавательский состав средних учебных заведений тоже находился в политической оппозиции к режиму, это ярко проявилось в ходе первого национального съезда учителей, который из-за запретов правительства удалось собрать только в 1905 году. На нем затрагивались такие вопросы, как созыв учредительного собрания, отмена смертной казни и уравнение евреев в правах. Учителя хотели видеть школу светской, эгалитарной, профессионально и интеллектуально свободной[1].

Несмотря на то, что правительство понимало опасность широкого распространения рационалистических и научных знаний, как подрывающих православную основу самодержавия, тем не менее, чтобы поддержать научно-техническое и экономическое развитие страны, оно было вынуждено открывать новые вузы. К уже существовавшим университетам добавились Одесский (1865), Варшавский (1886) и Томский (1888).

Растут число средних и низших учебных заведений (как казенных, так и по линии земств и городских самоуправлений) и численность учащихся в них. Новый устав гимназии 19 ноября 1864 года, провозгласив формально принцип всесословной средней школы, подразделял ее на две категории: семиклассные классические и реальные гимназии.

Выросла сеть низших школ, хотя их количество продолжало оставаться недостаточным для экономического развития страны и улучшения ее управления. Всероссийская перепись 1897 года показала, что 80% населения России было неграмотным (в начале 60-х неграмотность в России достигала 94%).

От дореформенного времени была унаследована очень небольшая сеть начальных школ – приходских школ и уездных училищ. Положение о начальных народных училищах 14 июня 1864 года преобразовывало приходские школы в начальные народные училища. Основной целью народных училищ было признано «утверждать в народе религиозные и нравственные понятия и распространять первоначальные полезные знания».

В 1872 году все уездные училища преобразуются в городские с шестилетним обучением. Положение 25 мая 1874 года с целью превращения начальных училищ в замкнутые сословные крестьянские школы установило разрыв в программах этих учебных заведений.

Развивая образование, правительство расширяло сферу действия рационалистического мировоззрения и подрывало православное миропонимание, а вместе с ним и социальную опору самодержавия. Попытки придать образованию православную направленность, хотя бы в самом широком – начальном

---

[1] Хоскинг Дж. Россия: народ и империя (1552–1917) / Пер. с англ. С.Н. Самуйлова. Смоленск, 2001. С. 339.

звене народного просвещения, путем внедрения церковноприходских школ потерпело неудачу. Не только светские высшие учебные заведения, но и духовные семинарии оказались рассадниками рационалистического мировоззрения, либеральных и социалистических идей.

§6. Военная реформа

Армия является самым мощным орудием насилия как в отношении внешнего, так и внутреннего врага существующей власти. Обладая наибольшей силой в государстве, сама армия не может строиться на насилии: ее готовность выполнять приказы власти базируется только на убеждении в том, что эти приказы соответствуют господствующим в военной среде ценностям. Революция 1905 года показала, что выход из повиновения по идейным причинам даже одной воинской части, одного корабля становится огромной проблемой для власти, поэтому обеспечению политической лояльности армии самодержавие всегда уделяло первостепенное внимание. Все цари служили в армии и не понаслышке знали настроения войск, понимали их состояние и пристально следили за боеготовностью армии, ее способностью выполнять приказы по применению насилия внутри страны.

Поражение в Крымской войне показало слабую подготовку офицеров, вскрыло военно-техническую отсталость российской армии и одновременно продемонстрировало ее высокие морально-боевые качества. Вместе с тем со времен декабристов политическая преданность армии самодержавию уже не считалась безусловной.

Реформирование армии проводилось либерально[1] мыслящим военным министром Д.А. Милютиным. Реформа предусматривала сокращение вооруженных сил в мирное время и развертывание их за счет обученных резервов в период войны, реорганизацию подготовки офицерского состава и создание новой структуры управления армией.

Вслед за этим была реорганизована система военного управления. Местными учреждениями Военного министерства в 1862–1864 годах на территории России было создано 10 (впоследствии 15) военных пограничных и внутренних округов, из которых каждый охватывал по нескольку губерний. Военно-окружная система имела ряд преимуществ: ликвидировалась излишняя централизация управления и создавались более благоприятные условия для оперативного руководства войсками, сокращались сроки мобилизации запасных в военное время. В каждом военном округе было сформировано военно-окружное управление, возглавляемое командующим войсками военного округа. Командующий войсками должен был «оказывать содействие» граждан-

[1] «Заскорузлые консерваторы и сторонники дворянских привилегий возражали против реформы и пугали царя будущей «демократизацией» армии, но при поддержке государя и вел. князя Константина Николаевича, председательствовавшего в Государственном совете, Милютину удалось провести свой проект». См.: Пушкарев С.Г. Россия в XIX веке (1801 – 1914). Нью-Йорк, 1956. С. 245–246.

ским властям в случаях волнений, беспорядков и других выступлений народных масс. В шести из десяти первоначально созданных военных округах командующие войсками совмещали эту должность с должностью генерал-губернатора. Впоследствии, когда военно-окружная система была распространена на окраины государства, соединение должности командующего войсками и генерал-губернатора было установлено и там.

Для учета запасных в округе с 1864 года была введена должность губернского воинского начальника. После введения всесословной воинской повинности они были заменены уездными воинскими начальниками.

С введением Военно-судебного устава 1867 года в каждом военном округе был создан военно-окружной суд. Через несколько дней после убийства народником Кравчинским шефа жандармов генерала Мезенцова правительство приняло закон 9 августа 1878 года «О временном подчинении дел о государственных преступлениях и о некоторых преступлениях против должностных лиц ведению военного суда, установленного для военного времени». Этот закон перечислял категории политических преступлений, которые оказывались подсудными военно-окружным судам: вооруженное сопротивление властям, «нападение» на чинов войск полиции и других должностных лиц «при исполнении ими обязанностей службы». За изданием этого закона потянулась длинная полоса политических процессов в военно-окружных судах.

В годы революции военно-окружные штабы сделались центрами руководства деятельностью карательных отрядов, а военно-окружные суды судили не только военных, но и гражданских лиц. Дела, попавшие в военно-полевой суд, рассматривались в течение двух суток при закрытых дверях, без форм судопроизводства, а решения сразу же вступали в силу и приводились в исполнение.

Создание системы военных округов позволяло, с одной стороны, милитаризовать общество, а с другой – усиливало военную составляющую власти в губерниях, позволяло местным властям привлекать в случае необходимости войска для осуществления насилия над отдельными социальными слоями и группами, подталкиваемыми революционными идеями к антиправительственным действиям, подрывающим основы самодержавной власти на местах.

Одним из важных факторов повышения боевой готовности и боеспособности войск становится не только военная, но и общеобразовательная подготовка офицерского состава. В 1863 году часть кадетских корпусов упраздняется, а другая часть преобразуется в военные гимназии – учебные заведения, которые должны были «доставить детям потомственных дворян, предназначенным к военной службе, приготовительное общее образование и воспитание».

Основными учебными заведениями, готовящими офицерские кадры из унтер-офицеров, юнкеров и вольноопределяющихся в армии, с 1864 года стали двухгодичные юнкерские училища, в которые принимались лица с незаконченным средним образованием.

Расширение общеобразовательной подготовки закономерно привело к проникновению в сознание командного состава армии революционных идей и настроений. Обеспокоенное этим обстоятельством военное командование приступило к сокращению общеобразовательной подготовки будущих офицеров. В 1882 году военные гимназии были упразднены, а кадетские корпуса восстановлены. К началу XX века многие юнкерские училища были преобразованы в военные училища.

Во второй половине XIX века в офицерскую среду, несмотря на строгий идеологический контроль, проникают либеральные, а впоследствии и социалистические идеи. Революция 1905 года показала, что офицерский корпус в политическом отношении был ненадежен, а армия перестала быть надежным инструментом насилия внутри страны, хотя и была готова сражаться за царя с внешним врагом. Помня уроки волнений в армии в 1905–1906 годах, власти считали, что в частях должно быть не более 30% местных уроженцев, а фабрично-заводские рабочие – направляться в воинские части подальше от места жительства; призывники нерусских национальностей в частях не должны превышать 10–15%. Эти меры усиливали политическую надежность армии.

Важнейшим мероприятием по реорганизации армии стало введение всесословной воинской повинности, которая по Закону 1874 года распространялась на все мужское население, достигшее 20-летнего возраста. Для сухопутных регулярных войск устанавливался 6-летний срок действительной службы. Отслужившие увольнялись в запас на 9 лет, а по истечении этого времени зачислялись в ополчение до достижения 40-летнего возраста. Для флота устанавливался 7-летний срок действительной службы и 3 года пребывания в запасе.

Сроки действительной военной службы значительно сокращались в зависимости от образовательного ценза: до 4 лет – для окончивших начальную школу, до 3 лет – городскую школу, до полутора лет – гимназию и до полугода – для имевших высшее образование. Если получивший образование поступал на действительную службу добровольно (вольноопределяющимся), то указанные сроки сокращались вдвое. Находившихся на действительной службе солдат в обязательном порядке обучали грамоте. Поэтому армия играла немалую роль в распространении грамотности среди мужского населения, поскольку в то время до 80% призываемых на службу были неграмотными.

По Закону 1874 года от воинской повинности освобождались духовные лица всех вероисповеданий, представители некоторых религиозных сект и организаций (в силу их религиозных убеждений), народы Средней Азии и Казахстана, некоторые народности Кавказа и Крайнего Севера, а также те подлежащие призыву молодые люди, которые были единственными кормильцами своих семей.

Командный состав русской пореформенной армии был преимущественно из дворян, хотя формально лица из податных сословий имели право посту-

пать в военно-учебные заведения и в перспективе стать офицерами. Рядовой солдат мог дослужиться только до унтер-офицерского чина.

По новому Воинскому уставу 1888 года устанавливался 5-летний срок действительной службы и 13-летний срок пребывания в запасе для всех родов войск с последующим зачислением в ополчение.

В 1912 году был принят новый устав о воинской повинности, который существенно сокращал льготы по призыву на военную службу по образованию, роду занятий и званию; численность призывников резко возросла. В силу того что значительная часть младших офицеров запаса готовилась из людей, имевших образование, офицерский корпус пополнился представителями буржуазии. Отменены были сословные ограничения при приеме во все военные училища (ранее в некоторые из них принимали только дворян), что также увеличивало приток в училища образованной молодежи. Эти вынужденные меры снижали политическую лояльность офицерского корпуса.

В целом военная реформа, повысив боеготовность и боеспособность армии, значительно снизила уровень ее политической лояльности самодержавию, а значит, ослабила власть в стране.

§7. Реформирование органов цензуры и надзора за печатью

Уже в самом начале царствования Александра II были сделаны некоторые послабления печати. В 1855 году был упразднен учрежденный в 1848 году Николаем I для усиления надзора за печатью печально знаменитый бутурлинский комитет с его карательной цензурой.

В 1865 году царем утверждаются «Временные правила о печати», действовавшие 40 лет. По правилам, устранялась предварительная цензура для книжных изданий, для периодических ее отмена или введение зависели от министра внутренних дел. Он же решал вопрос об открытии новых органов печати. Вместе с тем Главный комитет по цензуре при Министерстве внутренних дел имел право изъять из обращения издание, если в нем усматривалась «опасная ориентация». Автор, редактор, издатель и даже книготорговец в случае нарушения «Временных правил» отвечали перед судом. Освобожденные от предварительной цензуры периодические издания могли подвергаться и административному воздействию – «предостережениям» (после трех таких «предостережений» журнал или газета закрывались), денежному штрафу, временной приостановке на полгода или прекращению издания. От цензуры освобождались лишь правительственные и научные издания. Новые правила распространялись только на Москву и Петербург. На провинциальную печать и массовую литературу для народа цензура сохранилась в полной мере. Действовала и духовная цензура Святейшего Синода, которая следила не только за духовными, но и за светскими произведениями, если в них затрагивались вопросы веры.

Реализация ряда технических идей в издательском деле и в способах реализации газет, журналов и книг превратила печать в мощное орудие

распространения идей, что требовало контроля над этим процессом со стороны правительства. С конца 1860-х годов издается серия законов и постановлений, ужесточающих меры административного воздействия на печать. Так, закон 1873 года запрещал редакторам газет и журналов под страхом их закрытия касаться острых политических вопросов, обсуждение которых в печати правительство признавало «неудобным».

«Ограничения доставляли немало неудобств, но не могли полностью подавить несогласные мнения. Режим уступил повседневный контроль за печатными средствами в расчете, что сохраняет в своих руках такие решающие инструменты воздействия, как приостановка и закрытие издания. Однако предусмотреть, что более плотная сеть информации, идей, комментариев и дискуссий постепенно создает новый тип читающей публики, не смогли»[1]. Новые идеи создавали новые социальные общности людей – так называемую общественность[2].

Новые изменения в регулировании средств массовой информации были связаны с революционными событиями 1905 года. Временные правила о печати (Указы от 24 ноября 1905 года, 18 марта и 26 апреля 1906 г.) провозглашали отмену общей и духовной цензуры. Но значение этой либеральной меры существенно снижалось введением целого ряда требований и условий, при наличии и соблюдении которых могло быть выдано разрешение на издание печатного органа. Так, следовало сообщать административным властям о цели издания, его программе. Они могли наложить запрет на издание и возбудить уголовное дело против издателей, редакторов и авторов.

Уже в 1906 – начале 1907 годов началось массовое преследование демократической печати: запрещение изданий, наложение штрафов, возбуждение судебных дел. За 1906–1911 годы были закрыты 978 газет и журналов. За 1907-1910 годы аресту подверглись 1236 книг. Наиболее серьезные ограничения вводились в местностях, объявленных на чрезвычайном или военном положении.

Органы контроля над печатью были главным инструментом, препятствующим распространению вредных, с точки зрения правительства, идей. Царь и его ближайшее окружение под влиянием западных идей и опыта, а также под давлением оппозиции постепенно ослабляли цензурные требования, что в условиях идейной слабости православия и проправительственно-

---

[1] Хоскинг Дж. Россия: народ и империя (1552–1917) / Пер. с англ. С.Н. Самуйлова. Смоленск, 2001. С. 344.

[2] «Уже само употребление слова “публика” предполагает появление нового социального организма, способного отыскивать информацию независимо от режима, поглощать ее, оценивать и превращать в часть представления о мире. Это была общественность, порождение великих реформ». Хоскинг Дж. Россия: народ и империя (1552–1917) / Пер. с англ. С.Н. Самуйлова. Смоленск, 2001. С. 344.

го консерватизма, а также растущей популярности либеральных и социалистических идей неизбежно вело к подрыву доверия к самодержавию.

§8. Прочие органы местного управления

Финансовые реформы начала 60-х годов вызвали изменения в организации местных органов Министерства финансов, в их структуре и функциях. Кроме казенных палат и казначейств на местах был создан ряд новых учреждений: губернские акцизные управления, финансовые присутствия (податное, по питейным делам, по квартирному налогу). В связи с реформами государственного контроля из ведения казенных палат были изъяты контрольные функции и переданы созданным на местах контрольным палатам (1865).

В 1872 году были созданы губернские комитеты торговли и мануфактур, а также купеческие управы и биржевые комитеты; в их состав входили и представители работодателей. После 1905 года они потеряли свое значение, одновременно большую роль стали играть различные «представительные органы» промышленников и купечества: биржевые комитеты, советы и бюро съездов представителей буржуазии, различные общества и союзы предпринимателей.

Это проникновение буржуазии в некоторые звенья государственного аппарата подрывало власть на местах, затрудняло проведение самодержавием своей экономической политики.

Для надзора за выполнением первого фабричного закона в 1882 году была создана фабричная инспекция. По закону 30 мая 1903 года местные фабричные инспектора подчинялись губернаторам.

В 1912 году по закону о страховании рабочих на предприятиях учреждались больничные кассы. Для общего управления и руководства ими в каждой губернии, на которую распространялся страховой закон, учреждалось губернское страховое присутствие в составе председателя – губернатора, чиновников, представителей земства и городского самоуправления, предпринимателей и рабочих.

Законом 30 апреля 1885 года была учреждена должность податных инспекторов, на которых вначале был возложен надзор за доходностью подлежащих обложению торгов и имуществ, а впоследствии надзор за исправностью платы налогов вообще. Тогда же были созданы губернские и уездные по питейным делам присутствия, дававшие разрешения на открытие питейных заведений, а с введением винной монополии – наблюдавшие за ее введением.

Реформы государственного контроля привели с 1865 года к созданию самостоятельных местных органов – контрольных палат, осуществлявших ревизию казначейств, касс, всех местных оборотов. Палатам были подведомственны от одной до нескольких губерний.

В связи с отменой крепостного права местный аппарат Министерства государственных имуществ был значительно сокращен. Вместо старых палат государственных имуществ и окружных правлений в губерниях создавались управления государственных имуществ во главе с управляющими. Эти управ-

ления заведовали государственными лесами, землями, недрами и т. д., в ведении их находились лесничества и казенные имения.

В условиях революции в декабре 1905 года были приняты «Правила чрезвычайной охраны на железных дорогах». В соответствии с ними Министерство путей сообщения имело право учреждать особый комитет по охране железной дороги под председательством начальника (управляющего) дорогой. В состав комитета входили заведующий передвижением войск этой дороги и начальник жандармского полицейского управления. На комитет возлагались задачи предотвращения забастовок, наблюдения за исполнением служащими дороги их обязанностей. Комитеты по охране железных дорог являлись следственно-судебными и административными органами, устанавливающими на железных дорогах России военно-полицейский режим.

Для реализации Столыпинской аграрной реформы на местах были созданы губернские и уездные землеустроительные комиссии, которые являлись административно-судебными учреждениями по землеустройству. В некоторых губерниях они были учреждены еще в марте 1906 года, а повсеместно открыты законом 29 мая 1911 года. Землеустроительные комиссии должны были содействовать выделившимся из общины крестьянам в размежевании земель, покупке земель через посредничество отделения Крестьянского банка, в переселенческой политике, разрешении межевых и прочих землеустроительных споров.

Губернская землеустроительная комиссия выполняла функции распорядительного учреждения и принимала апелляционные жалобы на решения уездных комиссий, которые являлись исполнительными инстанциями. Во главе губернской землеустроительной комиссии стоял губернатор или губернский предводитель дворянства. Уездную землеустроительную комиссию возглавлял уездный предводитель дворянства.

Низовым звеном столыпинского землеустройства сделался земский участковый начальник; он был ближайшим исполнителем землеустроительных законов, выдавал удостоверительные акты на землю, разрешал предварительные споры, принимал участие в работе землеустроительных комиссий.

§9. Органы власти революционной оппозиции

В начале XX века в ходе первой русской революции были созданы органы власти революционной оппозиции в форме Советов. Это была оригинальная российская идея, рожденная коллективным творчеством рабочих.

Первый Совет[1] был создан на Урале в марте 1905 года. Рабочие Алапаевского завода и Алапаевских рудников избрали Собрание рабочих депутатов из

[1] Советы – органы власти, выполняющие одновременно законодательные, исполнительно-распорядительные и контрольные функции. Депутаты Советов работали на непрофессиональной основе, формально были связаны наказами избирателей и могли быть отозваны ими в любое время. Все административные и судебные органы в государстве были подотчетны и подкон-

33 человек, первоначально выполнявшее функции стачечного комитета. После прекращения стачки Совет организовал охрану порядка на заводе, пытался контролировать вопросы организации производства, увольнения и приема, начал формирование боевой дружины. «Выборные депутаты... распоряжались в заводе как хотели» [1],– жаловался начальству один из местных жандармов.

В мае 1905 года был создан первый общегородской Совет в Иваново-Вознесенске. Совет организовал в городе рабочую милицию для охраны предприятий и поддержания порядка на улицах, отменил продажу крепких спиртных напитков, запретил купцам закрывать лавки и повышать цены на продукты, заставил владельцев предприятия на время стачки отпускать в кредит продовольствие семьям рабочих. При Совете были созданы боевая дружина, а также специальные комиссии. Совет опирался на доверие и поддержку жителей города и с первых же дней своего существования стал силой, с которой считались не только городские, но и губернские власти. Совет заявил, в частности, губернатору, что при условии невмешательства в ход забастовки войск и полиции он гарантирует в городе полное спокойствие и порядок[2]. Таким образом, это был орган власти, реализующий идею рабочего самоуправления в условиях революции.

По примеру ивановцев рабочие других городов, а следом крестьяне, солдаты стали создавать свои Советы, избиравшиеся открытым или тайным голосованием на митингах и собраниях. Основной избирательной единицей Советов становились коллективы фабрики, завода, казачьей станицы, воинской части. Депутатами в них могли избираться и те, кто никогда не мог попасть в состав официальной администрации: женщины, представители нетитульных наций, члены любых партий. Кандидатуры прилюдно обсуждались, депутатам давались «наказы», за невыполнение которых их отзывали. В рамках избранных Советов могли создаваться комиссии (финансовые, продовольственные, судебно-следственные), а также народные суды. Высшими органами Советов обычно становились президиумы или исполкомы, в которых основной костяк составляли социалисты – социал-демократы и эсеры,

В ходе революции Советы брали на себя всю полноту власти на контролируемой территории. Так, Новороссийский Совет возглавил «Новороссийскую республику», созданную в декабре 1905 года и на протяжении двух недель сосредоточивал в своих руках всю административную и судебную власть в городе. Вместо полиции стала действовать народная милиция, был установлен контроль над промышленными предприятиями, транспортом и торговлей,

---

трольны соответствующим Советам, а нижестоящие были подконтрольны вышестоящим. Энциклопедический словарь. 2009.

[1] Горовой Ф. С. Очерки революции 1905–1907 годов на Урале. Пермь, 1955. С. 119.

[2] Исторический опыт трех российских революций. Кн. 1. Генеральная репетиция Великого Октября: Первая буржуазно-демократическая революция в России / Гл. ред.: П.А. Голуб и др. М., 1985. С. 390.

введены твердые цены, имущая часть населения обложена налогом. В рабочих районах города действовал народный суд. Еще ряд городов революционной России благодаря Советам смог объявить себя «республиками» (Красноярская, Люботинская, Рузаевская, Чиатурская и др.) и даже ненадолго ввести внутри контролируемой ими территории некоторые демократические свободы (слова, собраний, союзов) и 8-часовой рабочий день.

Наиболее крупным и влиятельным среди Советов был Петербургский. Его создание непосредственно связано с октябрьской политической стачкой, в ходе которой у рабочих многих предприятий почти одновременно возникла идея о необходимости сосредоточить руководство забастовочной борьбой в общегородском центре. Советом руководили президиум и исполком. На его заседаниях, которые происходили легально и открыто, присутствовали также представители от крестьян и Советов других городов страны. При исполкоме работали несколько комиссий – финансовая, агитационно-пропагандистская и др. Совет стал выпускать собственный печатный орган – «Известия Совета рабочих депутатов».

Порядок выборов в Советы отличался значительным разнообразием, но главный принцип оставался при этом единым и незыблемым: полный и последовательный демократизм.

Опыт рабочих стали перенимать другие социальные группы, участвовавшие в революции. В Новинской волости Тверской губернии были созданы Советы крестьянских депутатов, а в Чите – солдатских и казачьих депутатов. По своим функциям были близки к Советам и некоторые другие организации трудящихся, выполнявшие в том числе и властные функции: железнодорожные стачечные комитеты, крестьянские революционные комитеты и др.

«В истории Советов в 1905 г. прослеживаются две взаимосвязанные тенденции: расширение их революционно-демократических функций до уровня новой, революционной власти, с одной стороны, и превращение этих организаций в органы народного восстания – с другой»[1]. Всего в годы революции 1905–1907 гг. в стране возникло 62 Совета, из которых 35 были образованы в городах. В Советах главную роль играли социал-демократы и эсеры. С поражением революции 1905–1907 гг. Советы прекратили свое существование.

Идея Советов как новой формы политической организации пролетариата, зародыша революционной власти прочно вошла в сознание широчайших народных масс[2], поэтому в феврале 1917 года стали активно создаваться Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. 27 февраля в Петрограде инициативная группа из меньшевиков и эсеров, объявившая себя «Временным

---

[1] Исторический опыт трех российских революций. Кн. 1. Генеральная репетиция Великого Октября: Первая буржуазно-демократическая революция в России / Гл. ред.: П.А. Голуб и др. М., 1985. С. 386.

[2] Исторический опыт трех российских революций. Кн. 1. Генеральная репетиция Великого Октября: Первая буржуазно-демократическая революция в России / Гл. ред.: П.А. Голуб и др. М., 1985. С. 404.

исполнительным комитетом» Совета, разослала воззвание войскам и заводам, предлагая выбирать представителей в Совет. Вечером того же дня Петроградский Совет собрался на свое первое заседание. Вслед за этим был создан Совет солдатских депутатов, который объединил свои действия с Советом рабочих депутатов. На первом же заседании Петроградского Совета рабочих депутатов был избран его исполнительный комитет.

Петроградский Совет принял ряд постановлений: приказ № 1[1], имевший особое значение в демократизации армии, вылившейся в ее развал, постановление о 8-часовом рабочем дне, о создании рабочей милиции и др.

Вначале в Советах преобладали меньшевики и эсеры. В соответствии с их идеями в России не было условий для создания социализма, и поэтому власть, по их мнению, должна перейти к буржуазии, а Советы только временно закрепят победу революции. Руководство Петроградского Совета на объединенном заседании исполкома рабочих и солдатских депутатов 1 марта добилось принятия решения об организации «революционного правительства» и пошло на переговоры с Временным комитетом Государственной думы. Результатом этих переговоров было сформирование в ночь на 2 марта буржуазного Временного правительства. В тот же день Петроградский Совет призвал массы поддержать это правительство при условии соблюдения им своих обещаний, данных в декларации. Союз с Временным правительством «был не ошибкой, а выражал существо политики лидеров меньшевиков и эсеров, которые ориентировались на буржуазную власть, отодвигая осуществление социалистических задач в туманную даль»[2].

В действиях Временного комитета Государственной думы и Петроградского Совета сразу же проявились зачатки двоевластия[3]. Думский комитет считал себя законной инстанцией для формирования правительственной власти и «водворения порядка», а Совет считал себя «властной организацией народа», центром мобилизации сил рабочих и солдат, стражем их интересов и политических свобод, контролером правительства. Временное правительство было вынуждено не только терпеть двоевластие, но и во многих случаях принимать важные решения под непосредственным давлением Совета, демонстрируя

---

[1] Приказ от имени Петроградского Совета устанавливал следующий порядок в частях гарнизона. Во всех ротах, батальонах, полках, батареях, эскадронах и отдельных службах создавались выборные комитеты из представителей от солдат. В своих политических выступлениях солдаты обязаны были подчиняться Совету рабочих и солдатских депутатов. Приказы военной комиссии Государственной думы должны были выполняться лишь в тех случаях, когда они не противоречили постановлениям Совета. Все оружие должно было находиться в распоряжении и под контролем ротных и батальонных комитетов и ни в коем случае не выдаваться офицерам. Приказ устанавливал полное равенство солдат в гражданских правах.

[2] Исторический опыт трех российских революций. Кн. 2. Свержение самодержавия: Вторая буржуазно-демократическая революция в России/ Гл. ред.: Голуб П.А. и др. М.: Политиздат, 1986. С. 280.

[3] Суть двоевластия, по мнению В. Ленина, заключалась в том, что рядом с Временным правительством, правительством буржуазии, «сложилось еще слабое, зачаточное, но все-таки несомненно существующее на деле и растущее другое правительство: Советы рабочих и солдатских депутатов». Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 145.

тем самым свою полную зависимость от последнего[1]. В целом состояние власти было неопределенным и переходным, поэтому лидер большевиков В. Ленин считал, что Советы могут и должны при благоприятной обстановке взять всю полноту власти[2].

С марта начал формироваться аппарат исполнительного комитета Петроградского Совета. Он состоял из президиума, секретариата и множества комиссий. В его составе функционировала так называемая «контактная» комиссия, официально существовавшая для «воздействия» на Временное правительство и «контроля» за ним. Комиссия просуществовала до начала мая, когда меньшевики и эсеры вошли в состав Временного правительства. Все Советы в провинции строились по образцу Петроградского, в их составе имелись свои контактные комиссии с органами власти Временного правительства на местах.

Только в течение марта 1917 года образовалось около 600 Советов, примерно в 12 раз больше, чем в 1905 году. В их числе было 242 рабочих и 116 солдатских Советов[3]. Советы в момент своего возникновения обладали огромными возможностями для выполнения функций органов власти, поскольку именно они, а не буржуазные комитеты опирались на силу вооруженного народа.

В ответ на запросы с мест об отношении к политике Временного правительства исполком Петроградского Совета в конце марта разослал инструкцию Советам, призывая их «поддерживать это правительство в той мере, поскольку оно будет проводить на практике обещанную им программу реформ». В мае 1917 года представители Петроградского Совета вошли во Временное правительство, образовав его первый коалиционный состав.

В июне 1917 года состоялся I Всероссийский съезд Советов, одобривший внутреннюю и внешнюю политику Временного правительства. Было решено созывать Всероссийский съезд Советов не реже одного раза в три месяца, а общее руководство Советами и их деятельностью между съездами поручить Всероссийскому центральному исполнительному комитету (ВЦИК), состав которого должен будет избираться на каждом съезде. На съезде был избран ВЦИК первого созыва, проработавший до октября 1917 года.

Активное участие Советов в подавлении Корниловского мятежа повысило их авторитет и одновременно привело к их большевизации: массы отзывали из Советов своих депутатов-эсеров и меньшевиков и выбирали большевиков, поэтому осенью 1917 года они вновь выдвинули лозунг «Вся власть Советам!».

---

[1] Исторический опыт трех российских революций. Кн. 2. Свержение самодержавия: Вторая буржуазно-демократическая революция в России/ Гл. ред.: Голуб П.А. и др. М.: Политиздат, 1986. С. 275.

[2] «Мы должны умело, осторожно, прояснением мозгов вести пролетариат и беднейшее крестьянство вперед, от «двоевластия» к полновластию Советов». Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 123.

[3] Исторический опыт трех российских революций. Кн. 2. Свержение самодержавия: Вторая буржуазно-демократическая революция в России/ Гл. ред.: Голуб П.А. и др. М.: Политиздат, 1986. С. 290.

Советы создавались не только в городах, но и в сельской местности. В мае 1917 года состоялся I Всероссийский съезд Советов крестьянских депутатов. Съезд более четко определил организационные начала и подчиненность друг другу губернских (областных), уездных (окружных), волостных и сельских (станичных, поселковых) Советов и их исполнительных комитетов, пропорциональность представительства в них и другие организационные вопросы. Советы крестьянских депутатов находились под влиянием эсеров благодаря наличию у них привлекательной аграрной программы.

В ходе революции был создан и ряд других органов власти, таких, как фабрично-заводские комитеты (фабзавкомы), а также армейские и флотские комитеты.

Фабзавкомы выбирались рабочими каждой фабрики или завода. Через них организованно предъявлялись требования капиталистам – владельцам фабрик и заводов, занимались вопросами нормирования рабочего дня и оплаты труда, приема и увольнения работников, контроля за деятельностью заводоуправления, осуществления явочным порядком 8-часового рабочего дня, организацией рабочей милиции и т. д. Временное правительство стремилось ограничить их деятельность.

В первые же недели после свержения самодержавия были созданы армейские и флотские комитеты. В армии это были ротные, эскадронные, батарейные, полковые, дивизионные, корпусные, армейские, фронтовые комитеты и общеармейский комитет в Ставке, а на флоте – судовые комитеты, комитеты флотов и, наконец, Центрофлот. Все эти комитеты избирались солдатами или матросами.

Ленин рассматривал Советы как орудие насилия со стороны трудящихся в отношении буржуазии для реализации идеи построения социализма: «Пролетариату необходима государственная власть, централизованная организация силы, организация насилия и для подавления сопротивления эксплуататоров, и для руководства громадной массой населения, крестьянством, мелкой буржуазией, полупролетариями в деле “налаживания” социалистического хозяйства»[1].

Выводы

Власть на местах обеспечивалась доверием населения к самодержавию и уверенностью в том, что оно действует в интересах народа. Главным интересом православного большинства в условиях господства религиозного мировоззрения было спасение души, сохранение и распространение веры. Царская власть, основанная на санкции церкви и руководствовавшаяся в своих действиях основными идеями христианства (в православной трактовке), в основном соответствовала интересам православного русского народа.

---

[1] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 26.

В середине XIX века под влиянием поражения в Крымской войне и либерально-демократических идей, все больше захватывающих сознание правящего и образованного класса России, самодержавная власть провела ряд реформ, направленных на модернизацию властных отношений. Вместо усиления власти царь получил ее ослабление, потому что созданные на либерально-демократических основаниях земства, суды, городское управление, университетская автономия пришли в противоречие с существующими органами самодержавной власти.

Власть, основанная на самодержавии, ослаблялась, когда в структуру ее органов вводились новые элементы, построенные на либеральных идеях, заимствованных на Западе. Новые органы власти подпадали под влияние оппозиционных сил, и вместо укрепления разрушали самодержавие. В результате реформирования больше не существовала единая вертикаль власти. Из ее состава были исключены земства и городское самоуправление, реальную независимость получили суды. Либерализация системы образования привела к распространению оппозиционных идей и сокращению социальной поддержки самодержавной власти.

История строительства местных органов власти свидетельствует о том, что во второй половине XIX – начале XX вв. продолжалась передача функций осуществления насилия от представителей общества, к которым можно отнести и помещиков, и выборных от крестьян, к наемным должностным лицам, осуществляющим принуждение и насилие за деньги. Это было вызвано, прежде всего, снижением идейных стимулов участия в защите существующего порядка. Теряющая доверие общества власть уже не могла полагаться на то, что она сможет привлечь его для осуществления насилия над инакомыслящими и инакодействующими, поэтому вынуждена была вводить материальные стимулы осуществления этой деятельности.

Главным соображением, которым руководствовалось самодержавие при изменении местных органов, было стремление обеспечить управляемость населением на территориях в интересах реализации идей высшей власти. В условиях снижающегося доверия к власти на местах она все больше была вынуждена полагаться на насилие. С этой целью усиливаются полиция и жандармерия, создаются охранные отделения, к восстановлению управляемости все чаще привлекаются войска.

Ослабление цензурных требований к печати вело к широкому распространению оппозиционных идей в образованных слоях населения.

Земства и органы городского управления, основанные на западных идеях местного самоуправления, подрывали созданную самодержавием «вертикаль» власти, превратились в оплот либеральной оппозиции. Самодержавие не доверяло этим управленческим структурам и держало их под постоянным контролем. С точки зрения управления новые органы местного самоуправления действительно были эффективнее прежней бюрократии, но по-

литически они были ненадежны и, как показала история, опасны для существующей власти.

Либерализация и демократизация судебной власти привели к ее обособлению от самодержавия. Суд стал действовать по законам, а не обслуживать самодержавие, и это тоже сужало сферу власти царя.

Либеральные реформы 1860 – 1870-х годов вводили новый принцип народовластия, основанный на рационалистическом понимании природы власти. Реформы системы государственного управления Александра II нанесли удар по самодержавию, сопоставимый по последствиям с первой русской революцией, и вместо ожидавшегося общего укрепления самодержавной власти ослабили ее, что и обусловило контрреформы Александра III. Компенсировать ослабление власти не могло ни усиление полиции, ни расширение масштабов и функций охранных отделений, ни военная реформа. Армия, как наиболее мощный инструмент осуществления насилия в отношении подданных, была использована для подавления первой русской революции, однако к 1917 году военные разочаровались в идее царской власти, поэтому в решающий момент отказали самодержавию в поддержке.

В процессе либерально-демократических преобразований распалась некогда единая система органов власти, замыкавшаяся на царя и получавшая от него властную санкцию. Земства, органы городского самоуправления, Государственная дума становятся оплотом стремительно увеличивающейся части населения, имевшей рационалистическое мировоззрение. Православное мировоззрение, находящееся в идейном кризисе, напротив, теряет своих сторонников.

В ходе первой революции создаются Советы и некоторые другие органы власти радикальной, в основном социалистической оппозиции, которые начинают реализовывать революционные идеи на подконтрольной территории. В годы Первой мировой войны под влияние либеральной оппозиции попадает ряд органов, обеспечивающих ведение боевых действий и функционирование экономики страны.

Таким образом, история власти во второй половине XIX – начале XX вв. – это история постепенного, но неуклонного сокращения самодержавной власти в результате идейного кризиса православия и постепенного усиления контроля оппозиции, опирающейся на рационалистически мыслящие слои, над вышедшими из-под влияния царя органами власти.

К 1917 году идея самодержавной власти была дискредитирована в глазах значительной массы населения, армии, чиновников государственного аппарата, поэтому в феврале месяце не нашлось защитников царской власти. От монарха отреклись не только солдаты в тылу и на фронте, но также генералитет и духовные иерархи. У царя не осталось поддержки ни в народе, ни в аппарате управления, осуществляющем насилие. Главной причиной этого было поражение православной идеи и победа рационалистического миро-

воззрения, сначала в форме либеральной, а в октябре 1917 года – социалистической идеи.

Ослабление самодержавной власти не было результатом некоего объективного процесса. Это был, с одной стороны, результат заимствования и реализации европейских идей в надежде на то, что на их основе можно будет создать в России властную конструкцию, подобную европейской, а с другой – неспособность российской властной и духовной элиты к созданию оригинальных идей, адаптирующих самодержавие к новым экономическим и социально-политическим реалиям.

Можно ли было предотвратить тот катастрофический сценарий, по которому развивалась страна на рубеже веков? Идеалистический подход дает положительный ответ на этот вопрос. Социально-политическая и экономическая реальность создаются идейным творчеством людей, и только от их способности и желания творить зависит будущее. Русские идейные лидеры не смогли создать идей, которые бы позволили России развиваться и на равных конкурировать с Западом.

ГЛАВА III
РУССКИЙ НАРОД – ОСНОВА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

§1. Русские как народ и нация. Русский национализм

Христианское учение – против деления людей по национальному, этническому принципу. У Бога нет ни эллина, ни иудея. Поэтому этническое деление в христианском мире имело второстепенное значение. Главным было деление религиозное и конфессиональное. Идея наций – это идея рационалистическая, просвещенческая. В Россию национальная идея определенно занесена с Запада и была осуществлена рационалистически образованными элитами различных народов. Деление по языку, осуществляемое в Российской империи в конце XIX – начале XX вв., – это также рационалистический подход, с одной стороны, с другой – признание начала формирования наций; и, наконец, это признак того, что в образованном обществе религиозное мировоззрение уже не было доминирующим. Национализм – признак того, что рационализм значительно потеснил христианское мировоззрение и его ценности становятся новой объединяющей основой для этносов.

Русский народ, живший в Российской империи до XIX века, – это этнос, созданный на основе религиозного православного мировоззрения.

Крещение в православие превращало человека любой этнической группы в русского сначала юридически, а со временем и фактически, то есть он начинал осознавать себя русским. Русские – это не этническая, а прежде всего религиозная общность. В XIX веке начался процесс создания русской нации на базе общности языка и истории. Формирование национального самосознания заставило дополнить православие еще одной уточняющей категорией – русским происхождением. В новую национальную идентичность не вписывались малороссы и белорусы, которые имели отличия в языке и историческом прошлом, что привело к их обособлению и формированию отдельных наций.

Процесс создания русской нации тормозился правительством, поскольку опорой власти был русский православный народ. Русская нация, объединенная рационалистическими идеями, не поддержала бы самодержавие. Царя наделял полномочиями Бог, а не русский народ, поэтому русские подчинялись царю как православные, а не как русские. Царь был наднациональной властью, а не национальной. Те части русского народа, которые уже были

охвачены рационалистическим мировоззрением: интеллигенция, буржуазия, отчасти рабочие, часть дворянства, в качестве политического идеала выдвигали либерально-демократическое или социалистическое, но не самодержавное политическое и государственное устройство. Русский народ поддерживал православного царя, а русская нация – либерализм, демократию, социализм. Дальнейшее расширение образования вело к распространению рационализма и подрыву социальной базы самодержавия.

Повышенное внимание к национальному вопросу в XIX – начале XX вв. было связано еще и с тем, что этот вопрос все более переплетался с ширившимся революционным движением.

В эпоху господства различных мировоззренческих парадигм применялись различные методы превращения инородцев в подданных Российской империи. В период преобладания религиозного мировоззрения превращение инородцев в верноподданных русского царя проводилось с помощью «обрусения инородцев». Оставаясь литовцами, грузинами, калмыками или абхазами, они должны были превратиться в граждан России не в формально-юридическом, но в действительном смысле. Их отечеством должна была стать Россия, а высшим земным авторитетом – русский самодержец. Это и означал термин «обрусение».

Метод обрусения царское правительство с успехом применяло на востоке страны, где проводилось массовое крещение нехристианского населения с последующим включением его в состав русского народа. Таким образом были ассимилированы финно-угорские племена, обрусению подверглись многие народы Сибири, однако с мусульманскими народами такая тактика оказалась невозможной. Чтобы включить территории Сибири, Северо-Западного Кавказа и Центральной Азии в состав Российского государства, их территории активно заселялись переселенцами из Центральной России. После того как на территории преобладающим народом становился русский, она в понимании русских националистов также становилась частью русской национальной территории[1].

С наступлением эры рационалистического мировоззрения в России делаются попытки изъять повсюду из употребления местные языки и дискриминировать нерусское и неправославное население, и этот процесс может быть назван «русификацией». В период 1885 – 1905 годов школа целиком переводится на государственный язык, запрещаются разного рода национальные просветительские организации, резко ограничивается книгопечатание на местных языках. Национально-религиозные движения народов империи рассматриваются царской властью как враждебная пропаганда и подрывная дея-

[1] Миллер А. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М., 2006. С. 76.

тельность в пользу иных стран. Русификаторская политика вызывала в инородцах негодование и сопротивление[1].

Поскольку в основе Российского государства, так же как и в основе русского народа, лежало православие, то объединить представителей иных религий и конфессий в единую нацию на базе православия было невозможно, поэтому создание российской нации в условиях самодержавной власти было нереально. Несмотря на длительные усилия, обратить неправославные народы в свою веру не удалось, поэтому Россия оставалась государством, населенным многими народами, в котором господствующей была православная идея, не разделяемая значительным меньшинством населения. Это было основным препятствием для формирования классической нации, одним из условий существования которой является наличие государства, населенного представителями одной нации. Россия могла бы стать национальным государством[2] только в том случае, если бы она приняла вместо православия другую господствующую идею, разделяемую всеми населяющими ее народами. Так, собственно, и случилось в результате победы коммунистической идеи, создавшей СССР и советский народ.

Российская империя, как это часто отмечается в исторических исследованиях, не была и не хотела превращаться в русское национальное государство. Д. Роули считает, что «русское националистическое чувство могло найти выражение в двух формах: либо русская нация очертит границу вокруг территории, на которой живут русские, и отделит себя от всех нерусских территорий, либо она может попытаться превратить всех жителей Российского государства в членов русской нации. Первый вариант предполагал бы роспуск империи и создание русским народом собственного государства. Второй вариант предполагал бы аккультурацию с русской этничностью (русификацию) всех народов империи»[3]. Русское правительство, как могло, сопротивлялось «национализации», которая с неизбежностью приводила к значительному уменьшению социальной базы самодержавной власти. Если русский народ – это все православные империи, то русская нация – это только великорусская часть славян. Делать ставку на русскую нацию вместо русского народа означало существенно сократить социальную базу поддержки власти, поскольку внятного обоснования самодержавия, за исключением того же православия, в рамках русского национализма не было.

---

[1] История России. XX век: 1894–1939. М., 2009. С. 132.

[2] Преимущество национального государства перед многонациональным в том, что оно намного прочнее, поэтому иногда выгоднее избавиться от народов и территорий, не разделяющих идеи большинства, чем продолжать их удерживать силой в составе единого государства. Различие идеологий «разорвало» большинство империй Нового времени. Эта участь ждала и Россию в 1917 году, если бы не победа коммунистической идеи. Однако ее крах привел к распаду единого государства в 1991 году.

[3] Цит. по: Миллер А. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М., 2006. С. 149.

Переход на позиции русского национализма означал для правительства снижение властных возможностей, прежде всего это заключалось в том, что оно теряло такой инструмент расширения опоры своего влияния, как обрусение нерусских подданных.

Русский народ в самодержавной России так и не превратился в классическую европейскую нацию.

В XIX веке власть упорно и настойчиво держалась концепции «официальной народности», которая консервировала русский народ и препятствовала созданию русской нации на основе рационалистических ценностей. Тем не менее русским пришлось заняться своей национальной идентификацией, после того как они вступили в конфликт сначала с польским, а затем и с украинским национальным движением.

Украинский национализм показал, что в XIX веке прежней православной идеи уже недостаточно для образования единой русской общности в составе велико-, мало- и белорусского народов. Формирование нового этноса – украинской нации, поставило проблему: а что еще, помимо православия, является критерием принадлежности к русскому народу? Украинский прецедент показал, что это – язык и история. Отличия в них проложили границу между великорусской и малорусской нациями. Если в XVIII веке основной конфликт на западных окраинах империи был религиозный считалось, что у каждого народа своя вера и именно она его формирует, поэтому основная борьба велась за веру, то в XIX веке началась борьба за язык и историю.

То, что называют «русским национализмом», как это ни странно звучит, – это борьба против превращения русского народа в нацию. Превращение русских в нацию разрушало единый русский народ и ставило под вопрос существование созданного им государства. По мере распространения рационалистического мировоззрения религиозный фактор в национальном вопросе уступает главенствующее место фактору этническому.

Русский национализм в XIX веке заключался в нескольких идеях. Главной из них была идея сохранения православия; вторая – сохранение «большой русской нации» в составе великороссов, белорусов и малорусов; третья – сохранение территориальных имперских завоеваний; четвертая – обрусение тех народов, в отношении которых это было возможно сделать. То есть, по существу речь шла о сохранении русского народа в прежнем его виде и состоянии.

Русский национализм не смог объединить народы империи и создать новую российскую нацию потому, что он не создал новой, более сильной идеи, чем православие. Идея сохранения русского народа в составе велико-, мало- и белорусов – это идея обороняющаяся, а не наступательная, это идея охранительная. Она нацелена не на расширение национальной общности, а лишь на ее сохранение.

Российская самодержавная империя не смогла быть национальным государством еще и потому, что она основывалась на религиозной мировоззрен-

ческой парадигме, а национальные государства – на рационалистической. В этих условиях ни русский народ не мог преобразоваться в нацию без развала единого государства, ни государство не могло сформировать единую нацию, поскольку держалось на православии.

Консервации русского народа служила концепция «большой русской нации». Эта концепция формировалась в конце XVIII – начале XIX вв. В ее состав правительство и русские националисты включали велико-, мало- и белороссов. Считалось, что они имеют единое историческое происхождение, а их отличия обусловлены временным вхождением украинцев и белорусов в состав других государств. Позднее этой концепции противостояли украинские и белорусские теории национальной истории, особенно «отрубная» схема М.С. Грушевского.

Русский национализм идеологически развивался и формулировал свой образ национальной территории во взаимодействии и соперничестве с другими национализмами империи. В начале XX века в борьбе с украинским национализмом была создана идея «единой и неделимой России». Ее автор – малорусский дворянин и русский националист М.В. Юзефович – в данном случае имел в виду не столько империю, сколько русский народ как ее создателя. Разделение русского народа на велико-, мало- и белоруссов автоматически вело к ликвидации единой Российской империи[1].

Концепция единой русской нации или, точнее, единого русского народа обосновывалась исторически, трактуя Киевскую Русь как колыбель русского суперэтноса, одновременно создавая основу для формирования границ «исконно русской» земли, в состав которой входили все земли, населенные малороссами и белороссами. В концепции русского народа Киев играл важную роль общего корня и общей собственности всех восточных славян.

С точки зрения русского правительства западные окраины империи делились на три категории земель: «исконно русские»; литовские земли, которые в образ русской национальной территории не включались, но были желанной частью империи; и этнически польские земли, которые в идеале следовало бы «исторгнуть» из империи как нежеланную, неисправимо чуждую и враждебную часть[2]. Вне состава русского народа находилась русская Галичина.

Еще одной идеей русского национализма было сохранение территории, которую удалось тем или иным способом присоединить к России. Накануне и в годы Первой мировой войны сторонники сохранения единого русского народа выдвигали идеи расширения российской территории путем присоединения Галичины и Константинополя. Если в Галиции жили православные русины, то Константинополь был родиной православия и имел для него огром-

---

[1] Миллер А. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М., 2006. С. 159.

[2] Миллер А. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М., 2006. С. 161.

ное символическое значение. Для русского народа приобретение Царьграда было понятно и объяснимо в рамках религиозной парадигмы. Для русской нации, мыслящей в рационалистической парадигме, Стамбул имел только геостратегическое значение – как замок на черноморских проливах.

В XIX веке русским пришлось осмыслить образ исторической национальной территории, или «идеального Отечества», который сформировался в остром конфликте с соответствующей польской концепцией. Для поляков «идеальной родиной» была Речь Посполитая в границах 1772 года, включавшая заметную часть территории с преобладанием восточнославянского населения (современная Белоруссия и часть современной Украины), которые русское общественное сознание считало «исконно русскими». Именно это взаимное наложение «идеальных отечеств» и делало польско-русский конфликт непримиримым, а концепция большой русской нации, уходящей корнями в Киевскую Русь, была главным идеологическим основанием для русской позиции в этом конфликте[1].

В огромной стране, населенной многими народами, элиты которых в период распространения рационализма стали пытаться формировать собственные нации, русскому правительству и интеллектуалам пришлось искать ответы на вызовы нарождающихся национализмов – татарского, польского, украинского, белорусского, литовского, латышского, финского, еврейского, немецкого башкирского и др.

В XIX веке пространство и население Западного края стали объектом ожесточенной идейной войны за основные этнические группы. Различные проекты национального строительства предлагали им стать частью разных наций. Польский проект предлагал украинским и белорусским народам вхождение в польскую нацию, русский – в русскую. От привлекательности проекта зависел выбор народа, и этот выбор реально представился в ходе Первой мировой войны. От него зависело не только будущее соответствующей нации, но и ее история, которая переписывалась для создания нового содержания молодой нации.

В условиях ускоренного формирования европейских наций русскому правительству пришлось активизировать свои идейные поиски в связи с вызовом пангерманизма. Объединенная Германия, как ожидалось, должна была в обозримом будущем заявить права на остзейские губернии как часть «большой Германии». С этого времени оказалась под вопросом лояльность к Романовым всех немецких подданных империи, будь то немецкие дворяне Прибалтики[2], которые с XVIII века играли столь важную роль в управлении импери-

---

[1] Миллер А.И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб., 2000. С. 36.

[2] Цари доверяли баронам Прибалтики высокие посты как в вооруженных силах, так и на гражданской службе. Они не растворились в российской знати, но сохранили национальное сознание, институты и установления. Однако из всех имперских элит прибалтийские немецкие бароны являлись единственными, кому просто не с кем было потенциально формировать нацию. На

ей, или немецкие колонисты, сотни тысяч которых заселяли к тому времени стратегически важные районы империи, в том числе западные и южные ее окраины.

Первые ограничения на приобретение земли в западных губерниях иностранными подданными были приняты в 1887 году, а в 1892-м закон уже ограничил права российских граждан «немецкого происхождения» приобретать земли в Юго-Западном крае. В ходе Первой мировой войны имущественному и социальному статусу немцев, будь они иностранными или российскими подданными, был нанесен сильнейший удар[1].

С русским национализмом была тесно связана и концепция российского панславизма, адресованная зарубежным славянам, находившимся как в Австрийской, так и в Османской империи. Чехи и словаки, не говоря уже о галицийских русинах, были весьма восприимчивы к этой пропаганде. Идея российского панславизма находилась в столкновении с другими панславистскими идеями: так, австрославизм предполагал лояльность к Габсбургам. Собственную версию панславизма создали поляки: в ней они отводили лидирующую роль в славянском мире не России, а Польше[2].

До последней десятилетия XIX века Финляндия являлась самым крупным успехом имперской политики России. Русским самодержцам удалось добиться лояльности финнов. Финляндия отвечала взаимностью, и в конце 1880-х годов ее можно было назвать примером успешного осуществления российской имперской политики интеграции[3]. Тем не менее с конца 1890-х годов были осознаны процессы формирования финской нации, что повлекло за собой развернутое наступление на автономию Финляндии. Ограничивались права сейма, в делопроизводство вводился русский язык, административные должности стали замещаться выходцами из России, ликвидировалась самостоятельность финской армии. Усилились сепаратистские настроения, из мирной российской провинции она все более превращалась в один из очагов приближавшейся революции. Покушения царизма на финляндскую автономию также способствовали росту оппозиционного движения в самой России.

принадлежащих им землях проживали эстонские и латышские крестьяне, которых, конечно, невозможно было идентифицировать с Германией. Возможно, что именно это обстоятельство обусловило отсутствие собственного немецкого национального проекта в Прибалтике и верность царю, как единственному гаранту прав и привилегий, при всеобщей ненависти русской элиты к немцам, оккупировавшим многие высшие посты в империи. Тем не менее возможность их участия в пангерманском проекте заставила власть пересмотреть отношение и к ним. См.: Хоскинг Дж. Россия: народ и империя (1552–1917) / Пер. с англ. С.Н. Самуйлова. Смоленск, 2001. С. 50–51.

[1] Миллер А. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М., 2006. С. 35–36.

[2] Миллер А. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М., 2006. С. 34–35.

[3] Хоскинг Дж. Россия: народ и империя (1552–1917) / Пер. с англ. С.Н. Самуйлова. Смоленск, 2001. С. 52–53.

В отношении евреев правительство Николая II продолжало политику предшествовавших романовских правительств: сохранялись черта оседлости, запреты заниматься сельским хозяйством, квота для студентов высших учебных заведений и ряд других ограничений. Евреи, наряду с поляками, считались главными виновниками и участниками революционного и оппозиционного движений. В отношении евреев русское правительство было готово поддержать создание ими своей особой нации и национальной государственности, но только в Палестине, путем переселения их туда из России.

В середине XIX века Н.И. Ильминский осознает рост влияния татарских элит и ислама в Поволжье и Приуралье как серьезный вызов русскому господству и как альтернативный проект исламско-татарской общности. И если ранее посредническая роль татар в отношениях с восточными народами империи поощрялась, то теперь в ней виделся источник угрозы. Считая, и не без основания, что русско-православный ассимиляторский проект на данный момент слабее татарско-исламского, Ильминский и его последователи прибегают к тактике поддержки отдельных, особых этнических идентичностей народов Поволжья и Приуралья, разрабатывают для каждого из них собственную письменность. Даже сохранение ими языческих верований в этом контексте выступало как предпочтительный вариант по сравнению с возможной исламизацией. Эти процессы во многом напоминали процессы, идущие на западных окраинах империи, где власти и русские националисты были озабочены соперничеством с этническими группами, обладавшими мощным ассимиляторским потенциалом и способными осуществить собственные экспансионистские проекты национального строительства[1].

Националистические и религиозные идеи приводили в движение большие массы людей, причем не только в границах государств: в мирное время русофильски настроенные русины переселялись из Галиции в Россию, а из Российской империи в Галицию эмигрировали украинские активисты; поляки и евреи переселялись из Российской империи в Пруссию, иногда – чтобы снова оказаться в России в результате новой подвижки границ после Венского конгресса; позднее миграция поляков шла в обоих направлениях – как из России, так и в нее. Мусульмане из Российской империи уходили в Османскую, а балканские славяне, главным образом болгары и сербы, отправлялись в противоположном направлении; немцы и в меньшем, но все равно значительном числе чехи мигрировали из империи Габсбургов и малых немецких государств в Российскую империю[2].

Российское правительство не только содействовало выселению неугодных этносов, но и способствовало в переселении в страну политически лояльным,

---

[1] Миллер А. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М., 2006. С. 168–169.

[2] Миллер А. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М., 2006. С. 37.

поэтому еще более массовым явлением было переселение на некоторые окраины казаков и населения центральных и юго-западных областей, а также немецких, сербских, чешских колонистов.

Пространство империи становилось ареной соревнования не только националистических движений, но и национальных проектов, а вместе с ними и образов национальной территории, то есть той земли, которая «по праву» должна принадлежать именно этой нации и никакой другой. Само собой разумеется, что эти образы национальной территории, формируемые различными национальными движениями, находились в конфликте между собой, как правило, частично «налагаясь» друг на друга, претендуя на одни и те же территории, а порой и вовсе отрицая право некоторых других групп претендовать на статус отдельной нации[1].

В XIX веке, в условиях распространения рационалистического мировоззрения, коренным образом изменилась и выросла роль языка в формировании национальной идентичности и политической лояльности, что привело к учащению случаев вмешательства властей в языковую сферу, алфавит, орфографию.

Вопрос регулирования употребления языков с особой остротой встал перед властями Российской империи во второй половине XIX века, прежде всего на ее западных окраинах, а также в Волжско-Камском регионе, когда в связи с отменой крепостного права грамотность перестала рассматриваться как удел элитных групп и поэтому начала оказывать непосредственное влияние на создание национальных идентичностей. После восстания 1863–1864 годов в Западном крае действовало полное запрещение публичного использования польского языка, некоторые ограничения были введены и в царстве Польском, то есть запреты варьировались по отношению к одному и тому же языку в разных частях империи[2].

Более или менее жесткие ограничения сферы применения языка в администрации, образовании, печати, публичной сфере касались в разное время, особенно во второй половине XIX века, всех языков, кроме русского, распространенных на западных окраинах империи, включая не только царство Польское и Западный край, но и остзейские губернии.

«Особый способ регламентирования языковой сферы состоял в изменении привычного алфавита (как в случае с литовским, позднее также латышским) или в выборе алфавита для языка, письменность на котором разрабатывалась миссионерами и/или лингвистами, например – для казахского, чувашского и ряда других языков народов Поволжья (где кириллицу предпочли арабской графике). Возможна была и частичная смена письма, как в случае с татар-

---

[1] Северный Кавказ в составе Российской империи. М., 2007. С. 7–8.

[2] Например, два поляка, севшие в поезд в Варшаве, могли спокойно говорить по-польски в купе, пока поезд не въехал на территорию Западного края, где это уже считалось правонарушением. Однако, миновав восточную границу Западного края, они могли снова вполне легально говорить по-польски, в том числе и в имперской столице. См.: Миллер А. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М., 2006. С. 81.

ским, – арабскую графику не запрещали, но параллельно миссионеры разработали кириллическую графику для татарского языка крещеных татар. Регулирование могло касаться и вопросов орфографии – в отношении украинского языка власти поддерживали этимологическую орфографию против фонетической, потому что последняя увеличивала дистанцию между русским и украинским»[1].

Хотя призрак малорусского сепаратизма тревожил Петербург, особенно после раскрытия в 1847 году Кирилло-Мефодиевского братства, в процессы развития украинского языка власти империи вплоть до конца 1850-х годов практически не вмешивались. Первое ограничительное вмешательство относится к 1859 году, и касалось оно алфавита. «Печатание азбук, содержащих в себе применение польского алфавита к русскому языку», было запрещено. Российское правительство стремилось, чтобы сочинения на малороссийском и белорусском языках печатались русскими буквами или, где окажется нужным, церковнославянскими[2].

В 1865 году власти Российской империи ввели запрет на латиницу для литовского языка. Цель этого мероприятия состояла не в том, чтобы сделать литовцев русскими, но в том, чтобы максимально дистанцировать их от мятежных поляков. При этом учитывалось, что, привыкнув к кириллице, литовцы легче будут усваивать русский не вместо, а наряду с литовским языком. Эта ситуация была сходна с ситуацией в остзейских провинциях, где власти тоже стремились предотвратить возможную ассимиляцию латышей и эстонцев немцами и в определенный период поощряли развитие латышской и эстонской идентичности.

Подобная политика применялась не только на западных окраинах. В 1858 году в Волжско-Камском регионе с целью предотвращения массовых переходов крящен в ислам был осуществлен перевод на татарский язык букваря и молитвенника с использованием кириллического алфавита. Принцип перевода религиозной литературы на местные языки был применен в отношении ряда народов Поволжья, а также башкир и казахов. Автор этого проекта Н.И. Ильминский полагал, что кириллица в дальнейшей перспективе послужит предпосылкой для более легкого усвоения русского языка и культуры.

В отношении восточнославянского населения западных окраин к 1860-м годам в бюрократии окончательно утвердился взгляд, согласно которому обучение грамотности должно было происходить на «общерусском» литературном языке. Украинский и белорусский должны остаться на положении наречий, как языки для «домашнего обихода», для издания художественной ли-

---

[1] Миллер А. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М., 2006. С. 82–83.

[2] В это же время в Австро-Венгрии стремились перевести галицийских русинов с кириллицы на латиницу. По сути дела, эта борьба вокруг алфавита представляла собой один из аспектов продолжавшегося весь XIX век спора о национальной и цивилизационной принадлежности тех земель Речи Посполитой, которые были аннексированы Российской империей.

тературы о местной жизни, исторических и фольклорных памятников. Попытки поляков использовать латиницу для украинского и белорусского языков однозначно воспринимались как стремление перетянуть русинов на свою сторону. Таким образом, на окраинах власти стремились препятствовать сильным в материальном и культурном отношении этническим группам реализовать свой собственный ассимиляционный проект в отношении более слабых групп.

Во второй половине XIX века этническая и религиозная принадлежность становится важным фактором в определении лояльности населения и возможности на эту лояльность влиять. Особенно важным это было в условиях войны, поэтому уже в конце XIX века российский Генеральный штаб начинает составлять этнические карты возможных театров боевых действий, прежде всего западных окраин и приграничных областей Австро-Венгрии и Германии, в то время как официальная имперская статистика вплоть до Первой мировой войны не пользовалась категорией этничности. То же самое происходило и в армейских штабах центральных держав. Теперь, во время войны, «неправильная» национальная или религиозная принадлежность могла стать сама по себе достаточной причиной для репрессий, экспроприации, депортации[1]. В ходе Первой мировой войны Россия, Австро-Венгрия, Германия без ограничений использовали поддержку национального сепаратизма в лагере соперника. Они стремились применить национализм малых народов для подрыва военной мощи противника и повышения своего военного и политического могущества. Так, на оккупированных в 1916 году белорусских землях специальным указом маршала Гинденбурга разрешались языки местного населения (польский, литовский, белорусский) и запрещалось использование русского в образовании, печати и администрации. Аналогичная политика проводилась на Украине.

В 1917 году по приказу Верховного главнокомандующего генерала Л.Г. Корнилова начинается украинизация и белорусизация армейских частей. Корнилов надеялся таким образом предохранить эти части от большевистского влияния и в то же время рассматривал эту меру как ответ на активность Германии в украинском и белорусском вопросе[2].

Русский национализм мог выступать как союзником самодержавия, так и его противником. Как считает А.И. Миллер, «Русский национализм как общественное настроение и «официальный национализм» самодержавия представляют собой тесно связанные, но самостоятельные явления, иногда идущие рука об руку, но не менее часто и конфликтующие»[3].

---

[1] Миллер А. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М., 2006. С. 172.

[2] Миллер А. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М., 2006. С. 190.

[3] Миллер А.И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб., 2000. С. 12.

Особую остроту национальный вопрос приобрел в начале XX века с созданием Государственной думы обновленного Госсовета. Так, С.Е. Крыжановский в записке «К преобразованию Государственного совета» (октябрь 1905), особо выделяя национальную проблему, писал: «В России господствующая национальность, на которой стоит государство, составляет всего лишь около 66% общего количества населения, а чуждые народности достигают 34%, то есть такого процента, какого не знает ни одна западноевропейская держава, кроме Австрии, не имеющей вовсе господствующей нации. Национальная борьба и теперь проявляется у нас в высокой степени, а в будущем должна составить вопрос первенствующий, с которым едва ли уже будет связана территориальная целостность империи. Интересы величайшей государственной важности настоятельно требуют поэтому, чтобы голос русского народа, на котором одном держатся и сила государственной власти, и самый престол Российских государей, безусловно господствовал в законосовещательных учреждениях... В Думе может слагаться по вопросам, касающимся инородческих интересов, сильное и неудобное для правительства большинство»[1].

Когда после 1905 года Николай II счел нужным искать союза с русскими националистами, выбор его пал на самые экстремистские и одиозные организации. Поддержкой власти пользовались правомонархические русские партии и союзы – «Русское собрание», Русская монархическая партия, «Союз русского народа». Национальная политика в трактовке правых монархических партий и союзов состояла из двух взаимосвязанных программных тезисов: во-первых, доказывалась необходимость привилегий для православной церкви и русских; во-вторых, утверждалась необходимость ограничения прав неправославных исповеданий и нерусских народов. Теоретической основой проектов и программ этих организаций стала официальная формула «самодержавие, православие, народность». Программа «Русского собрания» подчеркивала формулу «Россия едина и неделима». Русская монархическая партия ориентировала избирателя на поиск врагов русского народа и борьбу с ними. Среди «врагов» главными были евреи. Заявившие о себе массовыми погромами и проправительственными манифестациями правомонархические партии на выборах в I Думу потерпели поражение, в том числе и в губерниях западной окраины, где рассчитывали пройти под антисемитскими и националистическими лозунгами. Во II Думе они составили немногочисленную (10 человек) фракцию правых[2].

Таким образом, в XIX – начале XX вв. в Российской империи на основе распространяющегося рационалистического мировоззрения начали создаваться нации. На базе некогда единого русского народа в новых условиях стали формироваться русская, украинская и белорусская нации. Этот процесс

---

[1] Цит. по: Западные окраины Российской империи. М., 2006. С. 347–348.
[2] Западные окраины Российской империи. М., 2006. С. 352–353.

грозил не только территориальными потерями, но и развалом империи, основанной на единстве русского православного народа, являвшегося главной социальной опорой самодержавной власти. Осознавая это, правительство стремилось затормозить процесс нациостроительства путем ограничения использования национальных языков, внедрения кириллического алфавита, насаждения русского языка, литературы и культуры.

В конкретных исторических условиях создание русской нации было невозможно без развала империи. Так же было нереально и формирование российской нации из народов, населявших империю, из-за отсутствия мощной нациообразующей идеи. Православие для этого в условиях рационализма не годилось.

Русский национализм боролся не за создание русской нации на основе общности рационалистических ценностей, а за консервацию русского народа, объединенного православием. На сохранение русского народа была нацелена концепция «большой русской нации», а также идея «единой и неделимой России». Важную роль в создании и обосновании этих теорий играла интерпретация истории Киевской Руси как общего корня и общей собственности всех восточных славян.

Русский национализм, на который правительством в начале XX века была сделана ставка в борьбе за сохранение самодержавия, не только не достиг поставленной цели, но еще больше обострил отношения между формирующимися нациями. Исход борьбы между различными национальными проектами зависел от привлекательности идей, на которых они основывались. Русскому правительству и обществу в условиях усиливающегося господства рационалистического мировоззрения не удалось создать нового привлекательного проекта единой русской нации, поэтому она была обречена на распад. Не удалось создать и привлекательной идеи для объединения народов империи в российскую нацию. Эта задача была решена в 1920-е годы большевиками.

§2. Имперская идея и практика российского империостроительства

Падение Византии возложило на молодую Россию нелегкую задачу сохранения и распространения православной веры. Именно этой идеей руководствовались народ и власть, обустраивая государство, расширяя его границы.

Русское православное государство не имело союзников, потому что почти все окружающие ее соседи были населены идейно враждебными народами, проповедовавшими ислам, католичество, протестантизм и пр. Историк А. Корнилов пишет: «Взглянув на карту, нетрудно понять, насколько неустойчиво и непрочно было в XV в. положение только что сложившегося тогда Московского государства. С востока и юга и по свержении татарского ига Москве не переставали грозить постоянные нашествия и набеги кочевников, сгруппировавшихся после разложения Золотой Орды в три царства, в три беспокойных хищных гнезда: казанское, астраханское и крымское. На западе и юго-западе к этому времени сложилось сильное польско-литовское государ-

ство, поглотившее остатки днепровской и западной Руси и грозившее поглотить и остальные русские земли. Границы этого грозного соседа в XV в. подошли близко к самой Москве»[1].

Россия со времен своего основателя Ивана III была озабочена идеей обеспечения безопасности веры и жизни русских православных, населяющих территорию страны. В борьбе за осуществление этой идеи у России не было ни одного постоянного союзника, а были только враги, готовые в случае ее слабости отторгнуть территорию, покорить, а то и поработить население[2]. Речь шла о жизни и смерти, причем не только физической, но и, что гораздо страшнее, духовной. Находясь на огромной равнине, русский народ не чувствовал себя в безопасности до тех пор, пока не дошел до естественных рубежей этой равнины на юге, севере и востоке. На западе граница устанавливалась текущим соотношением сил объединенной Европы и России, поэтому была самой опасной и уязвимой.

Российская империя[3] как государство, состоящее из разных народов, созданных различными религиозными идеями, берет свое начало от завоевания Казани Иваном IV. Татарское ханство было разгромлено, мусульмане, за малым исключением, изгнаны из Казани, в которой были построены православные храмы, а город заселен русскими. Затем периодически приступали к обращению мусульман в православие, но желаемого результата так и не достигли: поволжские татары остались в большинстве своем верны исламу. Власти постепенно «встроили» регион в структуру империи, отказываясь при этом от интеграционных мер, которые вызывали излишнее сопротивление мусульман. Волжский регион служил своеобразным полигоном: испытанные там методы – административные и экономические, за которыми следовала культурная и религиозная интеграция, – впоследствии применялись в других районах империи.

Сокрушая своих врагов, царь конечной целью видел их обращение в православие и включение в состав русского народа, в состав Святой Руси. Эту идею поддерживал и русский православный народ. Опыт Повольжья показал, что полностью «обрусить» мусульманское население невозможно, однако попытки все же обратить мусульман в православие миссионеры предпринимали еще не раз.

Завоевание Волжско-Камского бассейна, имевшее само по себе огромное значение, также послужило исходным пунктом для невиданной экспансии.

---

[1] Корнилов А.А. Курс истории России XIX века. М., 1993. С. 18.

[2] Россия находилась в состоянии, типичном для своего времени, жизнеспособность государства определялась его способностью противостоять соседям. Как только народ ослабевал, он становился добычей более сильного соседа.

[3] Империя – государство, объединяющее несколько народов. Это большое государство, проводящее, пока оно сильно, экспансионистскую политику. В основе каждой империи лежит своя объединяющая идея либо сила. Если в основе создания империи лежит сила, то эта сила в свою очередь является производной от сильной идеи, которая вдохновляла создателей империи. В Российской империи такой идеей была православная идея, в советской – коммунистическая.

Решающим в деле создания Российской империи является покорение и заселение Сибири и Дальнего Востока до самого Тихого океана. Процесс, хотя и поддерживался правительством, проходил без его прямого вмешательства. Инициатива исходила от охотников, звероловов, купцов, заинтересованных в расширении торговли пушниной, а также от полукочевого казачества[1]. Распространение русского влияния на Восток было вызвано незначительностью сопротивления, оказываемого русской экспансии на этом направлении.

Изначально, создавая государство, населенное многими народами, русские цари не думали об империи. Россия строилась не как империя, а как расширяющееся православное царство. Империей Россию назвал Петр I, когда она уже сложилась в своих основных чертах. А. Корнилов пишет: «...к концу XVIII в. могли считаться выполненными те государственные задачи, которые были поставлены ходом вещей еще при Иване III. Только с тех пор, когда Россия раздвинула свои пределы до берегов Черного и Каспийского морей на юге и до берегов Балтийского моря на западе, сформирование государственной территории великого царства могло считаться законченным, по крайней мере в главных чертах, и настало наконец время, когда возможно стало главные силы и средства страны сосредоточить на удовлетворении нужд самого народа» [2].

Инициатором присоединения и захвата новых территорий было самодержавие, которое исходило из собственного понимания интересов православного государства. Чаще всего в качестве аргумента выдвигалась идея защиты границы от реальной или предполагаемой угрозы. Русский народ в лице крестьянства и помещиков поддерживал борьбу за безопасность и территориальные приобретения, видя в них запас земель для нынешних и будущих поколений. Земля для русского человека была той ценностью, которая не могла обесцениться, могла бесконечно долго ждать крестьянина, не теряя при этом своих плодородных свойств. Значение новых земель было понятно и крестьянскому большинству, и дворянскому меньшинству. В XVIII – XIX веках промышленники также высказывали интерес к новым территориям как объектам возможной экономической эксплуатации.

Завоевывая и присоединяя новые народы и территории, русское правительство главное внимание уделяло распространению веры. Поскольку православная идея распространялась в уже существующем религиозном пространстве, то ей нужно было представить преимущества православия сравнительно с другими религиями и конфессиями. Это в основном удалось сделать в отношении языческих культов, но слабо – в отношении мусульманства, католичества, протестантства. Насаждение русского языка и русской культуры стало значимой целью только в условиях распространяющегося влияния ра-

---

[1] Хоскинг Дж. Россия: народ и империя (1552–1917) / Пер. с англ. С.Н. Самуйлова. Смоленск, 2001. С. 25.

[2] Корнилов А.А. Курс истории России XIX века. М., 1993. С. 19.

ционалистических ценностей, а в период господства религиозного мировоззрения решающим фактором была вера.

Российская империя была сформирована идеей обеспечения безопасности страны, располагавшейся на самой большой в мире равнине и потому не имевшей естественным образом защищенных границ в виде гор, морей, непреодолимых пустынь и т.п. Эта идея была реализована к концу XVIII века, когда уже ничто не угрожало православной вере и жизни русского христианина. Тем не менее завоевания не закончились, теперь их вдохновляли геополитические идеи Нового времени: борьба за районы, имеющие геополитическое и стратегическое значение, противоборство с Турцией, Англией, Францией и другими державами. Эти цели порой не имели внятного объяснения для русского православного человека, тем не менее Россия вела победоносные войны, в которых ее войска, сформированные из православных крестьян, воевали за чуждые и непонятные для них цели. Народом войны велись исключительно за царя, воля которого была освящена православием.

В Европе империя имела только одно значение – универсальной монархии, совпадавшей во времени и пространстве со всем христианским миром. Империя дублировала и дополняла вселенскую церковь и была неразрывно связана с ней. Образование Российской империи могло бы означать создание (вернее, воссоздание, если учесть преемственность России от Византии) еще одного христианского мира, построенного на православной вере, однако в реальности основатели империи опирались на рационалистические идеи Нового времени, а вовсе не на религиозные санкции.

Причиной смены титула объявлялось не новое состояние государства и общества, а личные заслуги Петра I, при этом инициаторы поднесения императорского титула Петру I – Сенат и Синод – действовали, как провозглашалось, от «общего всех верных подданных лица». Таким образом, источником имперского звания царя признавалась воля народа, «всех чинов»[1], то есть с санкции народа, а не православной религии. Однако для народа император так и остался прежде всего царем, имевшим санкцию от Бога. Православному человеку было непонятно, как подданные могли наделить какими-то правами или властью своего господина.

Изменение названия государства с царства на империю не вытекало из каких-либо внутренних перемен и было нужно лишь для повышения внешнеполитического статуса России. Новый императорский титул имел большое значение для внешнеполитических дел и сношений и значительно меньшее – для внутреннего потребления.

Создание империи имело определенный алгоритм и последовательность. Включая в свой состав ту или иную территорию на востоке, правительство начинало прежде всего его властное освоение, интегрируя в имперское поли-

[1] ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 6, № 3840, с. 444.

тико-административное пространство и последовательно используя окраины как военно-экономический плацдарм для дальнейшего имперского расширения (Охотско-Камчатский край – для Северной Америки, Забайкалье – для Приамурья, Приамурский край – для Маньчжурии, Западную Сибирь и Оренбургский край – для Казахстана и Средней Азии и т.п.)[1].

Проводя работу, направленную на политико-административную и экономическую интеграцию азиатских окраин в единое имперское пространство, самодержавие придерживалось определенной последовательности при переходе от военно-административного надзора за традиционными институтами власти к замене их общероссийской бюрократической системой государственных учреждений. Этот процесс довольно точно обозначил в начале 1880-х годов восточносибирский генерал-губернатор Д.Г. Анучин: «При всяком увеличении нашей территории, путем ли завоеваний новых земель или путем частной инициативы, вновь присоединенные области не включались тотчас же в общий состав государства с общими управлениями, действовавшими в остальной России, а связывались с Империей чрез посредства Наместников или Генерал-губернаторов как представителей верховной власти, причем на окраинных наших областях вводились только самые необходимые русские учреждения в самой простой форме, сообразно с потребностями населения и страны и нередко с сохранением многих из прежних органов управления. Так было на Кавказе, в Сибири и во всей Средней Азии...»[2]

Присоединенные территории становились полноправными составными частями империи, как только для этого складывались политические условия. Стабильность поддерживалась за счет силы, интегрирования местной элиты в российскую знать и бюрократию, а также обрусением населения. На массовом уровне самые плохие отношения складывались между кочевыми и оседлыми народами, а также между исламистами и христианами на Кавказе[3].

Российское общество в XIX веке напряженно искало ответ на вопрос о смысле приобретения новых азиатских владений. Идеология движения на Балканы и Ближний Восток, проникнутая славянофильскими мотивами освобождения братьев-славян от мусульманского ига и исторического права на Царьград–Константинополь, не могла быть востребована на Дальнем Востоке. Идеологическое обоснование дальневосточной политики включило наряду с традиционными утверждениями о стихийном движении русских на восток, «к морю-океану», собирание земель, или выполнение православной христианской миссии, и новые геополитические мотивы. Создаются или заимствуются рационалистические теории о «естественных границах», о кон-

---

[1] Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков: Монография. Омск, 2004. С. 19.

[2] Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. Иркутск, 1884. Т. 1. Вып. 1. С. 66.

[3] Хоскинг Дж. Россия: народ и империя (1552–1917) / Пер. с англ. С.Н. Самуйлова. Смоленск, 2001. С. 55–56.

тинентальном характере Российской империи, колониальной политике, национальных интересах, стремлении нести европейскую цивилизацию азиатам, пророчества о «желтой опасности» или новом монгольском иге, и даже расистские заявления[1].

В идеале российский имперский проект предусматривал постепенное поглощение имперским ядром окраин за счет русской крестьянской колонизации, развития коммуникаций и экономической интеграции. Реализация этой концепции приводила к тому, что правительство вынуждено было больше, чем внутренним губерниям, уделять внимание окраинам, где Россия соприкасалась с другими империями, где она имела возможности для своего расширения и откуда ей грозила опасность.

На практике проект постепенного поглощения имперским ядром окраин за счет русской крестьянской колонизации и экономической интеграции начал в полной мере осуществляться только в конце XIX – начале XX вв. Именно русские переселенцы должны были духовно скрепить империю, являясь «живыми и убежденными проводниками общей веры в целостность и неделимость нашего отечества от невских берегов до Памирских вершин, непроходимых хребтов Тянь-Шаня, пограничных извилин Амура и далекого побережья Тихого океана, где все, – в Азии, как и в Европе, одна наша русская земля, – одно великое и неотъемлемое достояние нашего народа»[2].

Во второй половине XIX века движение русского населения на имперские окраины начинает сознательно восприниматься и в правительстве, и в обществе как целенаправленное политическое конструирование империи. Территория за Уралом осознается уже не только земельным запасом или стратегическим тылом, благодаря которому Россия, бесконечно продолжаясь на восток, становится несокрушимой для любого врага с запада. Поэтому было так важно, чтобы зауральские земли были не просто освоены экономически, но и заселены по возможности однородным и единоверным с Россией населением[3].

Сделать империю преимущественно русской можно было, лишь сохраняя темпы прироста населения, которые были высокими во второй половине XIX века, а также широко применяя насилие для обеспечения русским переселенцам из центральных областей благоприятных условий на окраинах.

Основной проблемой империи в XIX веке становится обеспечение единства центральных и окраинных районов, создание «единой и неделимой России». До середины века эта задача решалась методом обрусения, и считалось, что со временем ее можно будет решить, однако рационализация сознания в значительной степени девальвировала процесс распространения православия и

---

[1] Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков: Монография. Омск, 2004. С. 39.

[2] Азиатская Россия. СПб., 1914. Т. 1. С. 199.

[3] Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков: Монография. Омск, 2004. С. 53.

выдвинула новые вызовы в виде угрозы формирования наций на основе единства языка и исторического прошлого присоединенных народов. Сначала этот процесс начался на западе, но со временем он распространился и на Сибирь, создав движение сибирского сепаратизма и областничества.

В основе действий русского народа до XIX века лежала идея сохранения и распространения православной веры. Пришедшее ей на смену рационалистическое мировоззрение ставило иные цели и обесценивало прежние достижения либо наполняло их новыми смыслами. Огромное государство, созданное православным народом во главе с самодержавным царем, стало рассматриваться как колониальная империя. Формирование наций на основе рационалистических идей привело к созданию права наций на самоопределение. Это право отвергалось российскими властями, но было важнейшим принципом националистов, а также представителей либеральных и социалистических идейных течений. В политической сфере конфликт религиозных и рационалистических идей воплотился в противостояние самодержавия и либерально-демократического республиканского строя. Позднее к нему присоединился конфликт социализма и либерализма. Все это вело к тому, что сохраниться в прежнем виде Российская империя не могла – она должна была либо распасться, либо наполниться новым содержанием. Именно это и произошло. Сначала империя распалась в результате победы либерализма, а затем коммунистическая идея вновь объединила разошедшиеся по национальным квартирам народы в Советский Союз.

ГЛАВА IV
БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ НА ЗАПАДНЫХ ОКРАИНАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Западные окраины российской империи, присоединенные Екатериной II, доставили русскому самодержавию много проблем в XIX веке. Значительная часть политически активного населения не желала признавать легитимность русской власти; особенно сильна была польская идея создания независимой Польши, превратившаяся в национальную идею, определявшую отношение многих поляков к существовавшему режиму. Борьба за власть в царстве Польском и Западном крае повседневно велась идейными средствами, а в моменты обострения обстановки и насильственными, вплоть до применения войск[1].

§1. Русский взгляд на Польшу и Литву

Население присоединенных при разделах Польши территорий отличалось большим разнообразием: около 40% составляли украинцы и белорусы, 26% – поляки, 20% –литовцы, 10% – евреи и 4% – русские. 38% были католиками, 40% – униатами, 10% исповедовали иудейскую веру и 6,5% – православие. Но «трудности заключались не в разнообразии – в конце концов, с этим Россия уже научилась справляться. Роковым для нее стал тот факт, что поляки и евреи оказались самыми непримиримыми противниками российского имперского правления и постоянным источником недовольства и конфликтов»[2].

К середине 1850-х годов в националистически ориентированной части правящего класса сложилось достаточно определенное представление о западных губерниях не просто как о древнем достоянии России, но и как о земле, населенной преимущественно соотечественниками. Эти идеи особенно были распространены среди славянофилов. Западные губернии рассматривались как некогда отторгнутые Польшей и в XVIII веке возвращенные в состав Русского государства. Национальная, этническая общность малороссов, белору-

---

[1] Глава написана на основе материала, содержащегося в книге: Западные окраины Российской империи. М., 2006. Использование иных источников специально оговаривается в сносках.

[2] Хоскинг Дж. Россия: народ и империя (1552–1917) / Пер. с англ. С.Н. Самуйлова. Смоленск, 2001. С. 44.

сов и великороссов постепенно превращалась в один из ключевых постулатов русского национализма. В русской схеме «лишними» оказывались поляки, которые в наиболее радикальных «концепциях отчуждения» назывались «иудами славянства» [1].

В начале 1860-х годов царское правительство было склонно видеть в нарастающем польском национальном движении ответвление общеевропейского революционного «заговора»[2], однако уже в июне 1863 года великий князь Константин признавал, что «революция, мятеж и измена обняли всю нацию. Она вся в заговоре...»[3]. В разгар восстания, в августе 1863 года, Александр II в беседе с Н.А. Милютиным заявил: «Надо поднять народ, искать опоры в нем... Между мной и польской аристократиею все кончено»[4]. Это была не просто смена социальной политики – это было изменение идейной концепции, определявшей отношение царя к Польше. Именно она и была положена в основание программы действий правительства на западных окраинах.

В ходе Польского восстания были выработаны новые идеи, определяющие подход самодержавия к польской проблеме. Одним из главных проводников и разработчиков новой программы был Н.А. Милютин. Новая концепция сочетала в себе катковские и славянофильские воззрения на исторические судьбы России и Польши. Суть ее заключалась «в признании существования “двух Польш” – космополитической шляхетско-клерикальной, неразрывно связанной с изжившими себя традициями феодальной анархии и сословного эгоизма, обращенной целиком в прошлое, и самобытно-крестьянской, неосознанно хранящей исконно славянские начала»[5]. Ставка делалась на народ, а польская шляхетская элита рассматривалась как враждебный социальный элемент, который следовало, насколько возможно, оттеснить от рычагов власти, лишить социального и экономического влияния.

В отношении польских и литовских крестьян, как и в отношении массы еврейского населения черты оседлости, власти были озабочены не столько их обрусением, сколько формированием у них таких идей, которые бы делали их лояльными подданными империи и невосприимчивыми к призывам польского шляхетского национального движения.

Вместе с тем Польское восстание подорвало убежденность многих русских в исторической легитимности господства России в коренных польских землях. Усмиритель восстания в Северо-Западном крае М.Н. Муравьев полагал, что

---

[1] Цит. по: Западные окраины Российской империи. М., 2006. С. 131–132.
[2] Цит. по: Западные окраины Российской империи. М., 2006. С. 154.
[3] Цит. по: Западные окраины Российской империи. М., 2006. С. 181.
[4] Цит. по: Западные окраины Российской империи. М., 2006. С. 182.
[5] Цит. по: Западные окраины Российской империи. М., 2006. С. 185.

царство Польское «никогда не будет нам прочно, за исключением некоторых частей, населенных жмудинами и русскими»[1].

После 1863 года на территории Литвы и Белоруссии развернулась битва между русской и польской идеей.

В русском представлении территория Белоруссии представала в образе исконно русской земли, населенной братской ветвью некогда единого русского народа, правда несколько искаженной под влиянием длительного польского владычества. В основном искажению, по мнению имперских идеологов, подверглась ополячившаяся знать, поэтому она подлежала социально-политической изоляции. В отношении восточнославянского населения западных окраин власти ставили задачу их слияния с русским народом на базе общерусской идентичности.

Польское восстание определило отношение к польскому вопросу со стороны правительства вплоть до первой русской революции, а в широком смысле – до начала Первой мировой войны.

Взгляды на польскую проблему несколько изменились в начале XX века, когда в ходе первой русской революции поляк-сепаратист виделся менее страшным врагом, чем взбунтовавшийся русский крестьянин или профессиональный революционер. К этому времени накопилось немало убедительных свидетельств лояльности к самодержавию значительной части польских крупных землевладельцев.

§2. Польская национальная идея

В своих политических действиях поляки исходили из идеи создания независимого польского государства. Эта идея приобрела у них статус национальной. Условием ее реализации было освобождение из-под власти России.

Как пишет Дж. Хоскинг, «И в традиционной аристократической, и в новой демократической формах польский идеал оказался несовместим с российским самодержавием. К несчастью для поляков, а возможно, и для русских, продолжавшийся раскол общества на знать (шляхту) и остальных не позволил им создать сплоченное движение национального сопротивления после включения в состав России. Будучи не в силах сбросить российское господство и не желая покориться России, Польша была постоянно гноящейся язвой на политическом теле России... Чувство свободы, присущее старой шляхте, окончательно так и не исчезло: под гнетом русских оно только ожило, приняв облик романтизма. Под его туманными покровами поляки мечтали о нации, избавленной от недостатков, волей-неволей навязываемых действительностью...»[2].

---

[1] Цит. по: Западные окраины Российской империи. М., 2006. С. 182.

[2] Хоскинг Дж. Россия: народ и империя (1552–1917) / Пер. с англ. С.Н. Самуйлова. Смоленск, 2001. С. 44–45.

Польскими националистами разрабатывались различные концепции национального освобождения. Радикалы считали, что это возможно только вооруженным путем; но после поражения двух восстаний более популярными стали идеи образования национально-культурной автономии в рамках России.

Главными идейными центрами польского национализма в России были Киевский, Петербургский и Московский университеты. В Киевском университете в 1857 году примерно 70% студентов были уроженцами западных губерний и царства Польского. Около половины студенчества составляли католики. Деятельность националистов облегчалась довольно либеральной политикой Киевского учебного округа, попечителем которого с середины 1858 года стал Н. Пирогов, мирившийся с проявлениями польского национализма в студенческой жизни. В тот период в Киеве было более безопасно распространять польские националистические идеи, нежели в Варшаве.

На основе идейной общности образовывались националистические кружки, в состав которых входили и польские офицеры. Польские националисты пытались создать идеи, пригодные для привлечения на свою сторону крестьян. С этой целью они разрабатывали земельную реформу.

В Западном крае, и особенно в Правобережной Украине, в отличие от царства Польского, «важную роль играли также религиозные и этнические отличия православных крестьян от шляхты. Эту проблему польские конспираторы пытались решить, развивая идею о преобразовании “Речи Посполитой обоих народов”, то есть Польши и Литвы, в тройственный союз Польши, Литвы и Руси. Русь в этой концепции противопоставлялась Московщине и включала в себя восточнославянское население бывшей Речи Посполитой. Прошлое отношений русинов и Речи Посполитой идеализировалось, а все конфликты с Москвой и Петербургом, наоборот, подчеркивались. Ф. Духиньский даже выступил с теорией о неславянском происхождении москалей, что делало их ”третьим лишним” в отношениях славян – русинов и поляков»[1].

В 1888 году создается «Польская лига», вскоре самая популярная партия царства Польского, принявшая название – Национал-демократическая партия (НДП). Партия за «освобождение родины силой», «ополячивание» украинцев, белорусов и литовцев и за изгнание из Польши евреев. Лидеры партии стремились к воссозданию такого польского государства, в котором этнические поляки преобладали бы, а меньшинства были достаточно слабыми, чтобы их можно было успешно ассимилировать. Позднее, в 1904 году, НДП отказалась от требования национальной независимости и призвала к объединению всех польских земель (австрийских, прусских и российских) в единую автономную Польшу в составе Российской империи[2].

---

[1] Цит. по: Западные окраины Российской империи. М., 2006. С. 141.
[2] История России. XX век: 1894–1939. М., 2009. С. 133.

Принципиально иную позицию занимала Польская социалистическая партия во главе с Ю. Пилсудским. Он считал, что благоприятный момент для очередной попытки вооруженной борьбы за независимость уже наступил или вот-вот придет. Оппонентами Пилсудского на левом фланге политического спектра были социал-демократы, которые продолжали линию Р. Люксембург на единство пролетариата разных национальностей в борьбе с царизмом. Социал-демократия царства Польского и Литвы была тесно связана с РСДРП.

В 1905 году в Литве обозначилась напряженность в отношениях поляков и литовцев. Идея федерации Польши, Литвы, Белоруссии и Курляндии постепенно теряла сторонников. На первый план выступала идея литовской автономии. Протестуя против польских претензий на земли, которые они считали литовскими, автономисты в то же время говорили о белорусах как об «ославяненных литовцах»[1].

Таким образом, на западных окраинах Российской империи конкурировал целый ряд идей. Самой сильной из них была польская национальная идея, для реализации которой польский народ поднял два восстания, пошел на большие человеческие и материальные жертвы. В конце концов, воспользовавшись слабостью России, он осуществил свою национальную мечту.

§3. Идеи, причины и ход Польского восстания 1863 года

После подавления восстания 1830–1831 годов Николай I предупредил поляков: «Если вы будете упорствовать в мечтах о... независимой Польше... вы можете навлечь на себя величайшие беды». Сейм и отдельная армия были упразднены, а ведение польских дел передано российским министерствам. Рубль заменил злотый. Закрыли Варшавский университет, а над всеми школами установили российский контроль. В судах и администрациях русский язык стал официальным, российский Уголовный кодекс вытеснил польский. Униатская церковь в бывшей Литве была ассимилирована в православную. На время полякам пришлось отложить реализацию своей мечты о независимом государстве.

Польская национальная идея с новой силой распространилась в период либеральных ожиданий и действий начала царствования Александра II. Пойдя на уступки Церкви, разрешив частично открыть Варшавский университет, поддержав обсуждение реформ, в том числе отмену крепостного права, царь вызвал преувеличенные надежды и спровоцировал последующее горькое разочарование[2]. Новые либеральные меры «не внесли успокоения в страну: польских патриотов не могла удовлетворить административная автономия, поскольку их целью была полная политическая независимость Польши, и

[1] Цит. по: Западные окраины Российской империи. М., 2006. С. 346.

[2] Хоскинг Дж. Россия: народ и империя (1552–1917) / Пер. с англ. С.Н. Самуйлова. Смоленск, 2001. С. 46–47.

притом “в границах 1772 года”, то есть с включением в Польское государство Литвы и западнорусских областей. Эти требования были неприемлемы для русского правительства, и волнения в стране продолжались; носителями идеи польской независимости были польская шляхта, католическое духовенство и часть городского населения»[1].

С 1860 года в Польше начались массовые патриотические манифестации, в которых участвовала преимущественно учащаяся молодежь. Активную роль в их организации играло польское католическое духовенство. Первоначально манифестации ограничивались богослужениями в костелах, где пелись религиозные гимны; затем с благословения ксендзов манифестанты вышли на улицы, и их действия приняли уже политический характер. Слабая реакция на них русских властей поощряла участников манифестаций к более смелым и массовым действиям.

К осени 1861 года в Варшаве образовалась тайная повстанческая организация «красных» во главе с Центральным национальным комитетом. В ее программе выдвигались требования восстановления независимости Польши в границах до первого ее раздела (1772), а впоследствии – предоставления права на самоопределение литовскому, белорусскому и украинскому населению, а также ликвидации сословных привилегий и передачи крестьянам в собственность той земли, которую они обрабатывали.

Руководители Центрального комитета были связаны с русскими революционерами. 5 декабря 1862 года между руководством «Земли и воли» и польскими лидерами «красных» было заключено соглашение о совместном выступлении, которое намечалось на весну 1863 года. Активную роль в установлении русско-польского революционного союза играли А.И. Герцен и Н.П. Огарев[2].

Обстановка в стране все более обострялась, и когда в начале 1863 года правительство объявило рекрутский набор в городах, желая изъять из них неспокойную молодежь, то по всей стране вспыхнуло заранее подготовленное восстание[3]. Оно началось в ночь на 11 (23) января 1863 года одновременным нападением на 17 русских гарнизонов, дислоцированных в небольших городах и местечках. Центральный национальный комитет, возглавивший восстание, объявил себя Временным национальным правительством и обратился к польскому народу с манифестом и декретом, в которых целью восстания провозглашались «полная независимость Польши, Литвы и Руси как нераздельных частей единого государства Польского», освобождение крестьян от барщины и передача им в собственность той земли, которой они пользовались; поме-

---

[1] Пушкарев С.Г. Россия в XIX веке (1801 – 1914). Нью-Йорк, 1956. С. 273–274.

[2] История России XIX – начала XX вв. Учебник для исторических факультетов университетов / Под ред. В.А. Федорова. М., 1998. С. 319–320.

[3] Пушкарев С.Г. Россия в XIX веке (1801 – 1914). Нью-Йорк, 1956. С. 273–274.

щичье землевладение сохранялось. Политическая программа восставших была неприемлема как для русского правительства, так и для большинства русского общества, выразителем мнений которого в это время становятся славянофил И. Аксаков и западник-либерал М. Катков. В России не только консервативные круги, но и почти все либералы выступили с осуждением Польского восстания и с одобрением карательных действий царского правительства в Польше.

А. Герцен в газете «Колокол» стал всецело на сторону Польского восстания, присоединился к лозунгу «За вашу и нашу свободу», ратовал за свободную Польшу и призывал русских офицеров в Польше не поднимать оружия против поляков. Эта позиция «Колокола» имела последствием быстрое падение авторитета и влияния Герцена в России.

В пользу восставших поляков вела агитацию народническая организация «Земля и воля».

В самый разгар восстания Англия, Франция и Австрия обратились к русскому правительству с предложением созыва международной конференции по польскому вопросу, а позднее предъявили требование о предоставлении Польше широкой автономии, введении в ней народного представительства и даровании полной амнистии всем участникам восстания. Не только русское правительство, но и русское общественное мнение усмотрело в действиях западной дипломатии недопустимое вмешательство во внутренние дела России, и это вмешательство вызвало взрыв патриотизма и национализма: правительство было засыпано патриотическими адресами от дворянских, купеческих, городских и крестьянских обществ, выражавших готовность защищать интересы и достоинство России, и этот поток адресов помог правительству «отразить дипломатическую атаку иностранных держав»: правительство ответило твердым отказом принять какое-либо их посредничество в польском вопросе[1]. Русскому правительству удалось убедить в правильности своих идей и действий в Польше наиболее авторитетных представителей общества, и оно поддержало власть в ее действиях по подавлению восстания.

В восстании приняли участие ремесленники, мелкая национальная буржуазия, низшие чиновники, учащаяся молодежь, беспоместная шляхта. Активно поддерживало восставших польское католическое духовенство. Однако польские помещики-землевладельцы и крупная буржуазия держались пассивно. К восстанию удалось привлечь лишь незначительную часть крестьянства. К весне 1863 года в повстанческой армии насчитывалось до 44 тысяч человек, причем многие из них были мобилизованы насильно.

Среди восставших не было единства. Руководители восстания выступали за сохранение привилегий землевладельческой шляхты и отказались реализо-

[1] Пушкарев С.Г. Россия в XIX веке (1801 – 1914). Нью-Йорк, 1956. С. 274–275.

вывать идеи, которые были заявлены в декларации Национального правительства от 22 января 1863 года. С целью отвлечь карательные русские войска от Польши несколько польских и русских революционеров предприняли попытку поднять восстание в Поволжье. В Казани в то время была значительная польская колония, состоявшая из чиновников, профессоров, студентов и военных.

В борьбе с польским освободительным движением российское правительство впервые столкнулось с феноменом политического террора[1]. В глазах имперской элиты и значительной части русского общества покушения на представителей имперской администрации подтверждали стереотип средневековой, феодальной анархии и мракобесного религиозного «фанатизма» поляков.

Восстание из Польши перекинулось в Литву и западные губернии, но там оно быстро обнаружило свою слабость. Масса польского крестьянства не примкнула к восстанию, а крестьянство западных губерний (Витебской, Киевской, Волынской, Подольской) отнеслось к нему прямо враждебно и помогало русским властям и войскам в их борьбе с восставшими поляками.

К лету 1863 года царское правительство направило в Польшу дополнительные войска и приняло решительные меры к подавлению восстания.

В 1864 году генерал Муравьев в Литве и генерал Берг в Польше суровыми военно-полицейскими мерами подавили восстание. К концу 1864 года русская армия вновь установила полный контроль над Польшей, и на этот раз Польша лишилась последних остатков особого статуса: то, что было царством Польским, стало просто Привислинским краем; край этот был разделен на 10 губерний, в которых была введена общерусская администрация с делопроизводством на русском языке. Все созданные в 1861–1862 гг. автономные административные учреждения, центральные и областные, были отменены.

Разгром восстания имел огромные последствия не только для самой Польши, но и России, поскольку он значительно ослабил реформистские намерения Александра II.

Польская национальная идея не была реализована, ее последователи были казнены, сосланы, подвергнуты репрессиям; польские патриоты поняли, что в существующих условиях их мечта не может быть осуществлена, и на время перестали руководствоваться ею в своих практических действиях.

§4. Деполонизация Польши и Литвы

Идеи деполонизации, определившие действия русского правительства в Польше, были сформированы в конце 1850-х гг. в милютинском кружке бюрократов и интеллектуалов. Либеральный взгляд на проблему развивал

[1] С середины 1862 года польские радикалы начали целую террористическую кампанию, которая затем была продолжена в ходе партизанской войны.

близкий приятель Милютина, уже тогда известный правовед и историк Б.Н. Чичерин. Он предлагал сделать ставку на низшие слои общества: «Поляки составляют здесь верхний слой народонаселения. В противодействие ему надобно поднять низшие классы, к чему лучшим средством служит совершающееся ныне освобождение крестьян»[1]. Успех деполонизации связывался с превращением царства Польского в независимую монархию – младшего партнера России, «под скипетром одного из младших сыновей» российского императора, что побудило бы польских помещиков из западных губерний переселяться в независимую Польшу. Их имения, по замыслу русских идеологов, должны были перейти к русским владельцам, что обеспечит усиление русского влияния на этих территориях при одновременном ослаблении влияния польского. В Литву предлагалось переселить крестьян из Великороссии.

Августовское восстание 1863 года внесло коррективы в прежние идеи деполонизации западных окраин империи. Они стали более радикальными и направленными на отстранение от власти всех, кто по объективным критериям мог быть заподозрен в польском национализме и антирусских настроениях. Деполонизация затронула в первую очередь кадры бюрократии. Почти полностью русскими стали учебное и судебное ведомства; поляки не допускались на губернаторские и другие важные должности в системе Министерства внутренних дел.

На освободившиеся места стремились переводить идейно чуждых, а порой и откровенно ненавидящих Польшу чиновников: например, из числа украинофилов – «хлопоманов», доставлявших властям много хлопот в Малороссии. На службу в царстве Польском охотно брали поляков – уроженцев западных губерний («литвинов»), выпускников гимназий и других учебных заведений, особенно выходцев из мелкой шляхты. Лишенные после 1863 года, вследствие аналогичных деполонизаторских мероприятий в своем родном крае, возможности делать карьеру вблизи от дома, они должны были становиться на новом месте, без знакомств и связей, исправными служаками.

Несмотря на значительные усилия, полной чистки управленческого аппарата произвести не удалось. Общая доля поляков в гражданской администрации царства Польского в конце 1860-х гг. составляла 80%, а к концу века – 50%. «Тотальная деполонизация управления не была исполнимой задачей: в конечном счете Привислинский край оставался польским культурным миром, польскоязычной в большинстве своем средой, а знавших польский язык русских чиновников было слишком мало»[2].

Деполонизация в Западном крае к концу 1860-х гг. была осуществлена более последовательная, чем в царстве Польском. Поляки массово увольнялись

---

[1] Цит. по: Западные окраины Российской империи. М., 2006. С. 138.
[2] Цит. по: Западные окраины Российской империи. М., 2006. С. 193.

из административных и судебных институтов, преподавательского состава учебных заведений, часть из них переводилась во внутреннюю Россию или царство Польское. Увольнялись и те из православных чиновников, кто был женат на польках.

Подавив военной силой польское национальное движение, российское самодержавие вынуждено было провести ряд реформ в Польше. Так, 19 февраля 1864 года был издан указ «Об устройстве крестьян царства Польского». Крестьяне получали в полную собственность, без выкупа, всю землю, какая находилась в их пользовании, а также и ту, которую помещики незаконно захватили у них в последние годы. Крестьяне становились земельными собственниками сразу, без переходного периода. Помещики получали вознаграждение в виде так называемых «ликвидационных листов», приносивших ежегодно 4% дохода и погашавшихся в течение 42 лет.

В ходе реформы мотив избавления крестьянской массы от многовекового панского гнета подчеркивался властями гораздо сильнее, чем при освобождении крепостных в России. Размеры надела и условия его приобретения были выгоднее, чем в Центральной России и – даже после дополнительных указов 1863 года – в западных губерниях. Н.Я. Данилевский назвал наделение крестьян землей «нравственным оружием», посредством которого «[мы] не только умиротворили... Польшу, но обратили даже всю массу тамошнего народонаселения в преданных России подданных...»[1].

Главным идейным противником российской власти оставалось католичество, поэтому после августовского восстания по нему был нанесен решительный удар. Осенью 1864 года специальным указом было одновременно закрыто более половины католических монастырей в царстве Польском, а в оставшиеся был резко ограничен прием новых послушников. В 1865 году с целью подрыва материальной независимости католической церкви была проведена секуляризация всей церковной недвижимости и упразднена опека шляхты над приходами. В 1867 году, после разрыва конкордата с Римом, польское католическое духовенство, ранее подчинявшееся по духовным делам непосредственно папе римскому, было переведено под контроль Римско-католической духовной коллегии в Петербурге, которая отныне выступала посредником между папой и клиром. Одним из способов отрыва духовенства от Рима виделось официальное поощрение ксендзов к отказу от обета безбрачия, что уподобляло бы их – прежде всего в глазах прихожан из простонародья – православным священникам. «Католицизм, в понимании реформаторов, должен был принять новый культурный облик, от-

[1] Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 468.

личный от того, который был тесно связан с исторически сформировавшейся польскостью»[1].

Для того чтобы ослабить связь польской культуры с европейской и, наоборот, сблизить ее с культурой русской, была продолжена реализация идеи перевода польского алфавита на кириллическую основу. Налагались ограничения на использование польского языка в суде, управлении, государственных учреждениях. С 1864 года запрещалось печатание и резко ограничивалось распространение книг на польском языке, в типографиях уничтожался польский шрифт. В 1869 году запрет на издание польских книг был смягчен.

Программа деполонизации предусматривала репрессии по отношению к наиболее активным участникам Польского восстания и его идеологам. Главный удар был нанесен по польской шляхте – не только участники мятежа, но и подозреваемые в причастности к нему были депортированы во внутренние губернии, наиболее активные мятежники – казнены. Мелкие шляхтичи переведены в податные сословия и расселены среди крестьян. У польских землевладельцев, прямо или косвенно участвовавших в восстании, были конфискованы или секвестрированы поместья. На все помещичьи имения Западного края был наложен штрафной сбор в размере 10% дохода.

В Западном крае, как считают специалисты, «политика деполонизации после восстания 1863 года безвозвратно подорвала возможности польского нациостроительства в западных губерниях Российской империи. Репрессии против участников восстания губительно отозвались на увлекавшем шляхту романтическом идеале нации. В течение последней трети XIX века преимущественно шляхетское по составу польское население бывших «кресов» все более обособлялось от развития польского национального самосознания на территории царства Польского. Однако нельзя сказать, что русский проект нациостроительства вышел из этого столкновения победителем»[2]. Имперская политика на западных окраинах в последней трети XIX века продолжала развиваться под знаком событий 1863 года. Инерция тогдашней деполонизаторской кампании оказалась на редкость длительной, однако под влиянием либеральных идей отношение к полякам постепенно менялось.

§5. Создание украинской нации и отношение к этому процессу со стороны общества и правительства

Значительную роль в формировании украинской нации и в разработке украинской государственной идеи сыграли идейные поиски малороссийских националистов в XIX – начале XX вв. «Украинский вопрос» стал еще одним вызовом российской имперской идее и политике. Культурная и историческая специфика Малороссии и региональный патриотизм малороссов были впол-

[1] Цит. по: Западные окраины Российской империи. М., 2006. С. 195.
[2] Цит. по: Западные окраины Российской империи. М., 2006. С. 252.

не приемлемы для российского правительства до тех пор, пока не входили в противоречие с концепцией «большой русской нации». Более того, в первой половине XIX века малорусская литература вызывала живой интерес в Петербурге и Москве, как красочный, романтичный вариант русской литературы. Однако концепция украинской нации создавала свой образ идеального Отечества, стоявший в конфликте с русским, и настаивала на украинской идентичности вне общерусского народа[1], а это грозило в недалеком будущем значительными политическими и территориальными потерями.

По мнению исследователей, идея национализма была заимствована украинскими идеологами у чехов и поляков[2]. Украинская государственность в форме гетманства была той исторической почвой, на которой эта идея получила первые всходы, несмотря на то что к началу XX века идея «национальной украинской обособленности сохранилась разве что в умах образованных людей, интересовавшихся литературой, фольклором и древностью»[3].

Сильное идейное влияние на украинофильство оказали польские интеллектуалы. Украинофильство в этом случае выступало как любовь к краю, являющемуся частью Речи Посполитой. Интерес к Украине польских идеологов, особенно после поражения восстания 1830 –1831 гг., был связан, прежде всего, с поиском потенциальных союзников в борьбе с Российской империей. В своих произведениях они идеализировали прошлое польско-русинских отношений и будущее Руси (Украины) видели в восстановлении Речи Посполитой[4].

Три важнейших идейных направления формировали украинское национальное сознание – история, литература и язык. Историей обосновывали и доказывали идеи будущего отделения от России, а язык и литература создавали новую национальную идентичность на культурном и бытовом уровне.

Значительное влияние на формирование украинской национальной мысли оказали идеи «Истории русов» - одного из ключевых памятников украинской литературы и исторической мысли первой половины XIX века. Широкому распространению ее идей способствовали оппозиционность автора официальной политике Российской империи, а также его представления о необходимости особой политической и культурной автономии для украинских земель. Киевская Русь рассматривалась в «Истории...» как начальный период жизни одного украинского народа, а не всех восточных славян. Подчеркивалась непрерывная государственная традиция Киевской Руси – казацкого го-

---

[1] Миллер А.И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб., 2000. С. 39.

[2] См.: Миллер А.И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб., 2000. С. 10.

[3] Хоскинг Дж. Россия: народ и империя (1552–1917) / Пер. с англ. С.Н. Самуйлова. Смоленск, 2001. С. 40.

[4] Миллер А.И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб., 2000. С. 54.

сударства – Украины XIX века, которая не была нарушена ни монголо-татарским нашествием, ни вхождением в состав других государств. Идеи книги формировали притязания украинской политической элиты на власть и привилегии.[1]

Важной вехой в развитии украинской националистической мысли стала полемика академика М. Погодина и бывшего ректора Киевского университета М. Максимовича, выступавшего от имени «малорусского народа». Суть спора, проходившего в течение 1856–1857 гг. на страницах журнала «Русская беседа», сводилась к тому, кто имеет больше прав на наследие Киевской Руси – великороссы или малороссы. Максимович возражал против теории Погодина, согласно которой население Киевской Руси до татарского нашествия было великорусским, а малороссы заняли эту территорию лишь в XIV–XV вв. после ухода великороссов на север. Из рассуждений Погодина вытекала идея «старшинства» и доминации великорусского элемента, Максимович же отстаивал их равенство, но само единство сомнению не подвергал[2].

В статье Н.И.Костомарова «Украина», анонимно опубликованной в газете Герцена «Колокол», утверждалось, что «В будущем славянском союзе... наша Южная Русь должна составить отдельное, гражданское целое на всем пространстве, где народ говорит южнорусским языком». Завершалась статья так: «Пусть же ни великороссы, ни поляки не называют своими земли, заселенные нашим народом»[3].

Новым этапом формировании украинского национального самосознания стало написание «История Украины-Руси» М.С. Грушевским, первый том которой вышел в 1898 году. Грушевский выступал в большей степени как федералист, нежели сторонник полной независимости Украины[4]. Им же пущен в широкое обращение искусственный, гибридный термин «Украина-Русь». В начале XX века в политически окрашенной типологии Грушевского различались носители трех типов национального самосознания: малороссы, украинцы и хохлы; последние, по мнению автора, вообще равнодушны к определению своей идентичности.

По мере формирования концепции украинской нации формулировались и наполнялись новым содержанием прежние термины. Так, содержание понятия «украинец» стало отличаться от понятия «малоросс». Украинские националисты первоначально пользовались понятием «Русь», но постепенно пере-

---

[1] На путях становления украинской и белорусской наций: факторы, механизмы, соотнесения. М., 2004. С. 115–116.

[2] Миллер А.И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб., 2000. С. 71.

[3] Цит. по: Миллер А.И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб., 2000. С. 85.

[4] На путях становления украинской и белорусской наций: факторы, механизмы, соотнесения. М., 2004. С. 136.

ключались на термин «Украина», чтобы избежать постоянной путаницы между их трактовкой понятия «Русь» как «Украина» и значением этого термина как общего для всех восточнославянских земель. Украинофилам пришлось также утверждать новый термин «украинцы» вместо более распространенного самоназвания «русины», чтобы преодолеть традицию прежних двух веков, акцентировавшую общность имени для всего восточнославянского населения[1].

Важным признаком зрелости нации и национальной идеи стало складывание представлений о национальной территории. Так, Н. Михновский писал в 1900 году о «единой, неделимой, свободной и самостийной Украине от Карпат до Кавказа», использовал формулу «Украина для украинцев». Задолго до 1917 года Грушевский начинает говорить об «украинизации». В Манифесте украинской соборности от 22 января 1919 года фигурирует «Великая Украина». Таким образом, национальные движения периода существования империй передавали эстафету национальным государствам[2].

Идеи и пример украинского нациостроительства оказал значительное воздействие на белорусских идеологов, а также сибирских областников.

По мнению Э. Хобсбаума, «развитие национализма можно измерять развитием школ и университетов, поскольку школы, и особенно университеты, были главными его проводниками»[3]. В 1820–30-е годы центром развития малорусского романтического украинофильства был Харьков с его университетом, а позднее – Киевский университет Св. Владимира.

В стихах середины 1840-х гг. Т. Шевченко с большой эмоциональной силой сформулировал идею воскрешения Украины, ее особой будущности и оказал решающее воздействие на идейное развитие участников Кирилло-Мефодиевского общества. Члены общества – Н.И. Костомаров, П.А. Кулиш и Н.М. Белозерский – стали наряду с Т.Г. Шевченко тем поколением, которое превратило украинофильство в националистическую идеологию[4]. Можно утверждать, что украинская нация была создан идеями, выработанными членами этого общества.

Кирилло-Мефодиевское общество, ставшее первой попыткой организационного оформления украинского национализма, было разгромлено властями в 1847 году. При этом правительство сознательно обошлось с большинством его деятелей довольно мягко, чтобы не толкнуть украинофилов к радикализму и союзу с поляками. Принцип «сдержанности» в персональных ре-

---

[1] Миллер А.И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб., 2000. С. 43.

[2] На путях становления украинской и белорусской наций: факторы, механизмы, соотнесения. М., 2004. С. 84.

[3] Цит. по: Миллер А.И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб., 2000. С. 147.

[4] Миллер А.И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб., 2000. С. 55.

прессиях против активистов украинского движения оставался в силе, по крайней мере, до конца XIX века.

Условия для новой активизации украинофильства возникли во второй половине 1850-х годов – в связи с общей либерализацией в начале царствования Александра II члены общества были возвращены из ссылки и получили возможность возобновить общественную деятельность.

Первоначально ведущая роль в возрождавшемся украинском движении принадлежала собравшимся в Петербурге бывшим членам Кирилло-Мефодиевского братства. Запрет на публикацию их произведений был снят. Костомаров получил место профессора в Петербургском университете. У Кулиша вскоре после возвращения из ссылки появилась собственная типография в Петербурге. Существенная активизация украинского движения в 1861 году была связана, прежде всего, с организацией ежемесячного южнорусского литературно-ученого вестника «Основа»[1]. Публицистика «Основы», особенно статьи Костомарова, имели мощный пропагандистский эффект.

Несколько позднее украинские националистические идеи достаточно широко проникают в студенческую среду. В 1860–1864 гг. студенты составляли более 70% активистов украинофильского движения. Они сформировали киевскую «Громаду» – первую полулегальную организацию украинских националистов после Кирилло-Мефодиевского общества. Постепенно «громады» по образцу киевской возникли в ряде других городов.

Закрытие «Основы», ссылка одних украинофилов и вовлечение в правительственную службу в царстве Польском других, прекращение деятельности киевской «Громады» привели к тому, что в развитии украинского национального движения до начала 1870-х наступило временное затишье, что отчасти было обусловлено не только действиями властей, но и слабостью самого движения. Новый период активизации украинофильства приходится на первую половину 1870-х годов, что было связано с общим общественно-политическим оживлением в стране.

В начале XX века украинское национальное движение политически структурируется. Создаются партии, разрабатываются автономистские программы, принимается участие в парламентской жизни, начинается обсуждение вопроса о практических шагах строительства национальной государственности. Этому способствуют как внутренние потрясения, так и рост международной напряженности в преддверии мировой войны.

Одними из первых выступили за автономию Украины Революционная украинская партия (лидеры Д.В. Антонович, В.К. Винниченко, С.В. Петлюра) и Украинская демократическая партия (Б. Тимченко, И.Л. Шраг, В.М. Шемет). Накануне выборов в I Думу последняя объединилась с Украинской радикаль-

[1] Миллер А.И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб., 2000. С. 227.

ной партией в Украинскую демократическо-радикальную партию (лидеры Б.Д. Гринченко, С.А. Ефремов, М.Ф. Левицкий, М.С. Грушевский); важными программными требованиями партии были предоставление равноправия и автономии народам, создание в России «федерации равноправных автономных национально-территориальных единиц».

Украинское националистическое движение, сформированное идеей создания украинской нации и государственности, в XIX – начале XX вв. прошло путь от отдельных кружков до партий и широкого народного движения, ставшего мощной политической силой, направленной на образование украинской государственности.

Русское общественное мнение уже в 1840-е годы было расколото в своем отношении к украинскому национальному движению. Ясно выраженный ассимиляторский подход был представлен В. Белинским и Ю. Венелиным. В то же время Ю. Самарин на рубеже 40–50-х годов XIX века высказывался в пользу политического единства Великороссии и Малороссии при ограничении языковой и культурной ассимиляции.

Позиция В. Белинского во многом определила отношение общественного мнения к проблеме языка: «Нет малороссийского языка, а есть областное малороссийское наречие. Литературный язык малороссиян должен быть язык их образованного общества – язык русский»[1]. Это убеждение было распространено и в середине XIX века. Общим для всех был тезис о государственном единстве Южной и Северной Руси.

В целом дискуссия по «украинскому вопросу» в русском обществе проходила на фоне общего поворота внимания к национальной проблематике. Либеральные реформы начала царствования Александра II способствовали обсуждению национальной тематики. Вызов со стороны украинского национализма становится исключительно важным катализатором дискуссии о проблеме формирования самой русской нации. Представление о Малороссии и Белоруссии как об «исконно русских землях», о малороссах и белорусах – как о частях русского народа преобладает в общественном мнении и ясно прослеживается в правительственных документах. В статьях М. Каткова на тему украинофильства концепция «большой русской нации», включающей малороссов и белорусов, получает свое наиболее полное для того времени выражение.

Некоторая часть петербургской прессы симпатизировала украинофилам. Целый ряд русских деятелей культуры помогал Н. Костомарову в сборе средств для издания украинских учебников. Однозначную поддержку украинскому движению выразил «Колокол» А. Герцена. Оппозиция концепции «большой русской нации» со стороны А. Герцена и Н. Чернышевского опи-

[1] Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Т. 5. М., 1954. С. 330.

ралась на европейские идеи национального самоопределения, право на которое они признавали за всеми народами империи, включая малороссов и белорусов.

Выходящая в Петербурге «Основа» внимательно читалась в русском обществе, которое постепенно, во многом благодаря журналу, начало осознавать действительные цели украинофильского движения. Если первая реакция петербургской и московской прессы на появление «Основы» была вполне благожелательной, то с течением времени все большее количество изданий начинает с ней полемизировать. Появилось понимание, что украинская идея «отбирала» у русских не просто часть национальной территории, но «Киев – мать городов русских», место обретения православной веры и государственности. В тот момент, когда малоросс принимал украинскую, исключающую общерусскую идентичность, он, в отличие от представителей других этнических групп, становился в глазах сторонников концепции «большой русской нации» отступником. В рамках этой концепции верна была формула «одним украинцем больше – значит, одним русским меньше». Поэтому восприятие украинского движения коренным образом отличалось от восприятия иных национальных движений в империи, борьба с которыми была борьбой за сохранение целостности империи. Борьба же с украинским движением непосредственно касалась еще и вопроса о целостности русского народа[1].

Сторонников предоставления Украине автономии было немного, но также немного было и тех, кто считал необходимым полное подавление особой малороссийской региональной идентичности и малороссийской культурной специфики.

В обществе обсуждение национальной проблемы шло более открыто и продуктивно, чем в среде бюрократической, поэтому отношение со стороны русского общества к проблеме украинского национализма во многом предопределяло позицию правительства по этому вопросу.

В XIX веке правительству пришлось решать непростую задачу определения отношения к украинофильству, а затем и борьбы с ним.

Сам термин «украинофильство» впервые появился в связи с делом Кирилло-Мефодиевского братства. В секретном докладе шефа жандармов А.Ф. Орлова царю о расследовании дела общества говорится: «В Киеве же и Малороссии славянофильство превращается в украйнофильство. Там молодые люди с идеею соединения славян соединяют мысли о восстановлении языка, литературы и нравов Малороссии, доходя даже до мечтаний о возвращении времен прежней вольницы и гетманщины»[2].

---

[1] Миллер А.И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб., 2000. С. 227. С. 40–41.

[2] Цит. по: Миллер А.И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб., 2000. С. 57.

Разгромив едва возникшее Кирилло-Мефодиевское общество, власти обошлись с его участниками (за исключением Т. Шевченко и Н. Гулака) по меркам николаевского времени довольно мягко.

В правительстве Николая I взгляды кирилло-мефодиевцев были верно оценены как попытка формулирования программы украинского национального движения. Сам царь прямо связывал возникновение общества с влиянием польской эмиграции. Не желая подталкивать малороссов к союзу с поляками и учитывая также, что круг распространения идей кирилло-мефодиевцев был крайне узким, власти решили не обострять обстановку жесткими репрессиями и сохранить в тайне истинный характер дела. Сконструированная тогда III отделением версия о стремлении кирилло-мефодиевцев объединить славян под скипетром русского царя стала официальной. Распространение подлинной информации о выводах следствия было строго ограничено. Официально «малороссийское особничество» рассматривалось как проявление традиционалистского местного регионального патриотизма и своеобразный пережиток старины, обреченный отойти в прошлое, но не как начало украинского национализма, каковым оно в действительности являлось.

Украинский национализм продолжал беспокоить правительство. Создание украинской нации вело не просто к обособлению некоторой части населения России, оно разрушало основу Российского государства – единый православный русский народ. Пока не был поднят «украинский вопрос», никто особенно не задумывался над тем, что из себя представляет русский народ в этническом отношении. Идеей, его формирующей, было православие, и принадлежность к нему являлась главным признаком русскости. В условиях распространения рационалистического понятия нации этого было недостаточно, поэтому была создана концепция «большой русской нации», которая объединяет велико-, мало- и белорусов. В случае победы украинофилов и создания украинской нации эта концепция рушилась, а вместе с ней и само единство русской нации.

Правительство в своей деятельности руководствовалось идеей М.Н. Каткова, который настойчиво доказывал в своей публицистике, что консолидация «большой русской нации» есть важнейшая политическая задача, а ускоренное развитие начального образования крестьян Малороссии и Белоруссии на русском языке представляет главное к тому средство.

Власти лишь постепенно приходили к осознанию природы и масштаба угрозы: вплоть до 1862 года они, за редким исключением, не противодействовали стремлению к эмансипации украинского языка, а отдельные ведомства, прежде всего Министерство народного просвещения, порой даже оказывали этим усилиям поддержку.

Сознавая отсутствие идей и ресурсов для проведения ассимиляторской политики, правительство вынуждено было прибегать к привычным запретительным мерам[1].

В период правления Александра II был принят ряд инструкций и указов в отношении украинского движения, остававшихся в силе до 1905 года.

Летом 1863 года, на фоне Польского восстания министр внутренних дел П.А. Валуев издал циркуляр, резко ограничивший издательские возможности украинофилов. Он приостанавливал публикацию любых книг для народа, включая учебники и религиозные тексты. Главной целью циркуляра было блокировать усилия, направленные на эмансипацию украинского языка и распространение грамотности на украинском языке среди крестьян.

В циркуляре указывалось, что «никакого особенного малороссийского языка не было, нет и быть не может и что наречие их, употребляемое простонародием, есть тот же русский язык, только испорченный влиянием на него Польши; что общерусский язык так же понятен для малороссов, как и для великороссиян, и даже гораздо понятнее, чем теперь сочиняемый для них некоторыми малороссами, и в особенности поляками, так называемый украинский язык. Лиц того кружка, который усиливается доказывать противное, большинство самих малороссов упрекает в сепаратистских замыслах, враждебных к России и гибельных для Малороссии.

Явление это тем более прискорбно и заслуживает внимания, что оно совпадает с политическими замыслами поляков и едва ли не им обязано своим происхождением... »[2].

В относящихся к 1863–1864 гг. правительственных документах была ясно сформулирована задача языковой ассимиляции малорусского крестьянина и достаточно полно перечислен арсенал практических мер для достижения этой цели[3].

Циркуляр был реакцией на заметную активизацию как легальной, так и скрытной деятельности украинофилов, в которой явно просматривались, пусть и отдаленные, сепаратистские планы.

Закрытие журнала «Основа», валуевский циркуляр, ссылка одних украинофилов и вовлечение в правительственную службу в царстве Польском других, прекращение деятельности киевской «Громады» привели к тому, что в развитии украинского национального движения до начала 1870-х годов наступила долговременная пауза.

---

[1] Миллер А.И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб., 2000. С. 151–152.

[2] Цит. по: Миллер А.И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб., 2000. С. 242.

[3] Миллер А.И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб., 2000. С. 228–229.

В ответ на активизацию украинофильства в середине 1870-х Александр II 18 мая 1876 года поддержал радикальную версию антиукраинофильских инструкций, получивших название «Эмский указ». Этот документ ограничивал ввоз в империю и издание книг на малорусском наречии, запрещалось преподавание в первоначальных училищах на украинском языке. Не допускалось его использование в театральных постановках, из учебных библиотек изымались книги на малорусском наречии и т.д. Обращалось внимание на необходимость назначения в Харьковский, Киевский и Одесский учебные округа преимущественно великороссов на должности преподавателей, а малороссов предлагалось распределить по учебным заведениям С.-Петербургского, Казанского и Оренбургского округов.

Единственным реальным средством, способным ассимилировать малороссийское население, было широкое распространение народного образования на русском языке. Однако неудовлетворительные результаты деятельности Министерства народного просвещения, особенно в области развития начальной школы, служат убедительным свидетельством прагматического бессилия русского национализма. Лишь накануне Первой мировой войны Россия подошла к практической возможности осуществления принципа всеобщего обязательного начального образования и использования начальной школы как эффективного инструмента ассимиляции.

Запретительные меры, принимавшиеся правительством в XIX веке, не принесли желаемых результатов. Идеи побеждаются только более сильными идеями, а их ни правительство, ни общество создать не смогли. Развитие идеи украинского национализма, сформировавшее широкое общественное движение, привело к созданию украинской нации и в конце концов к украинской государственности.

§ 6. «Белорусский вопрос»

В отличие от украинского, польского или еврейского, белорусский вопрос не стоял остро в Российской империи. В XIX веке белорусы в большинстве своем принадлежали к крестьянскому сословию, жили в сельской местности и лишь в малой степени демонстрировали наличие «национального самосознания». Даже в конце XIX века белорусы продолжали жить в обществе, где «национальность» и «социальный класс» были почти взаимозаменяемыми понятиями: они составляли крестьянское сословие, в городах преобладали евреи, и их занятия, такие как торговля и коммерция, позволяли отнести их к «среднему классу», а к «высшему классу» – чиновникам или местным помещикам – принадлежали только поляки и русские[1]. Среди белорусов господствовало религиозное мировоззрение, а значит, они еще не вступили в

[1] Теодор Р. Вике. «Мы» или «они»? Белорусы и официальная Россия, 1863–1914 / Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. Сост. П. Верт, П.С. Кабытов, А.И. Миллер. М., 2005. С. 591.

стадию нациостроительства, непосредственно связанную с широким распространением рационалистического мировоззрения, носителем которого в первую очередь являлась интеллигенция.

В целом идентичность белорусских крестьян до 1914 года складывалась из отождествления самих себя с деревенским укладом, религией и социальным положением, но никак не с «национальностью» – категорией, которая почти не имела смысла в их повседневной жизни. Правительство и русское образованное общество считало, что белорусы, как и украинцы, в культурном, языковом и (по большей части) религиозном отношении были настолько близки крестьянам Центральной России, что при правильном функционировании образовательной и административной систем государства они скоро полностью инкорпорируются в русскую нацию[1]. Усиление осознания белорусами своей белорусской идентичности обычно расценивали просто как неразрывную часть усиления русского самосознания – то есть основной цели правительственной политики в регионе.

По мнению современных исследователей, решающим фактором для белорусской национальной идентичности было православие. Что касается языка, то он не имел определяющего значения[2]. Пример белорусов показывает, что в Российской империи практически невозможно было разделить религию и этническую принадлежность: несмотря на все попытки включить белорусских католиков в лоно русской нации, в конце концов возобладала формула «католик = поляк»[3].

За полвека, прошедшие от Польского восстания до начала Первой мировой войны, представление российских властей о белорусах изменилось незначительно. Белорусов воспринимали, прежде всего, как бедное и неграмотное население, пассивный слой людей, находящихся во власти польских помещиков и слишком часто подпадающих под пагубное влияние католических священников. Усилия по снижению польского влияния в католической церкви в 1870 – 1880 годах не принесли успеха, и, учитывая, что после 1905 года началась волна обращений в католическую веру, правительство решило принять жесткие и более действенные меры для противостояния католическому и польскому влияниям.

Мысль о существовании особой белорусской культуры или языка, не говоря уж о национальности, редко возникала в умах чиновников и общества, а если

---

[1] Теодор Р. Вике. «Мы» или «они»? Белорусы и официальная Россия, 1863–1914 / Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. Сост. П. Верт, П.С. Кабытов, А.И. Миллер. М., 2005. С. 592.

[2] На путях становления украинской и белорусской наций: факторы, механизмы, соотнесения. М., 2004. С. 90.

[3] Теодор Р. Вике. «Мы» или «они»? Белорусы и официальная Россия, 1863–1914 / Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. Сост. П. Верт, П.С. Кабытов, А.И. Миллер. М., 2005. С. 536.

и рассматривалась, то в этом видели лишь способ, с помощью которого поляки намереваются ополячить местных «русских». Использование белорусского языка не воспринималось как угроза. Возможность того, что белорусы могут создать собственную национальную культуру, никогда серьезно не рассматривалась официальной Россией, даже в 1914 году[1]. За несколько месяцев до начала Первой мировой войны в правительственном докладе об этом регионе говорилось следующее: «Проявление национального движения среди белорусов слабо, в народной массе его почти нет, и лишь часть белорусской интеллигенции, путем печати и другими способами, пытается пробудить среди белорусов национальное самосознание»[2].

Таким образом, «белорусский вопрос» в императорской России не был острым вследствие отсутствия идей, позволявших объединить белорусов на основе языковой и этнической общности. Идейная бедность объясняется, прежде всего, отсутствием у них в то время развитой интеллигенции, способной создать привлекательную объединяющую идею. В белорусском этносе еще не было столь распространено рационалистическое мировоззрение, чтобы в нем начались процессы нациостроительства.

Выводы

Власть русского царя на западных окраинах империи не была прочной вследствие непринятия поляками русских ценностей. Идея создания независимого польского государства стала национальной идеей поляков, готовых бороться за нее, в том числе и с оружием в руках.

Борьба с польской национальной идеей вылилась в политику деполонизации, однако «располячить» поляков царской власти не удалось: они крепко держались своей католической веры, европейских культурных ценностей и идей. Предложить какие-либо более значимые ценности русские не смогли, поэтому для поддержания власти вынуждены были часто применять насилие и военную силу.

В ходе борьбы с польской идеей русскими идеологами была разработана концепция единого русского народа в составе великороссов, малороссов и белорусов.

Основными методами деполонизации были следующие: замена поляков на руководящих постах в администрации и армии, борьба с католическим влиянием, русификация образования и культуры, сталкивание между собой кре-

---

[1] Теодор Р. Вике. «Мы» или «они»? Белорусы и официальная Россия, 1863–1914 / Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. Сост. П. Верт, П.С. Кабытов, А.И. Миллер. М., 2005. С. 604–605.

[2] Цит. по: Теодор Р. Вике. «Мы» или «они»? Белорусы и официальная Россия, 1863–1914 / Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. Сост. П. Верт, П.С. Кабытов, А.И. Миллер. М., 2005. С. 595.

стьян и помещиков и др. В борьбе с польской оппозицией русские власти делали ставку на силы, которые были готовы принять русские ценности.

В XIX веке русское общество, за исключением революционных радикалов, в основном поддерживало действия власти на западных окраинах империи; особенно отчетливо это выразилось в поддержке правительства в ходе подавления Польского восстания 1863 года.

Решить польскую проблему царское правительство не смогло, и в марте 1917 года Временное правительство объявило о том, что будет содействовать созданию Польского государства на всех землях, населенных в большинстве поляками, при условии заключения ими с Россией «свободного военного союза». 6 октября 1918 года Регентский совет Польши объявил о создании независимого Польского государства.

Важная роль в XIX веке отводилась борьбе с попытками создания украинской нации, что грозило не только территориальными и политическими потерями, но и разрушением русского народа – основы российской государственности и самодержавной власти. Однако создать идеи, способные противостоять процессу формирования украинской нации, русское общество и правительство не смогли, а запретительные меры лишь замедлили этот процесс.

Белорусское население империи, не охваченное рационалистическим мировоззрением, вследствие отсутствия развитой интеллигенции, не смогло создать мощной идеи, на основе которой была бы сформирована белорусская нация.

В рамках идеалистического подхода создание национальных идей, прежде всего украинской и белорусской, связано со сменой мировоззрения. Православие, как объединяющая идея и основа мировоззрения, подвергается эрозии в XIX веке, и в рамках рационалистического мировоззрения создаются новые привлекательные идеи, формирующие новые нации. Когда православие ослабло настолько, что уже не могло противостоять националистическим идеям, созданным в рамках рационального мировоззрения, единый русский народ начинает распадаться.

ГЛАВА V
ФОРМИРОВАНИЕ РОССИЙСКОЙ ВЛАСТИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ И БОРЬБА ЗА ЕЕ УКРЕПЛЕНИЕ

§1. Управление Северным Кавказом

При организации власти и общества российские администраторы руководствовались общими идеями, господствовавшими в империи и особенно в правительстве, и при их применении исходили из конкретно-исторических условий Северного Кавказа[1]. Сразу после окончания Кавказской войны начался длинный ряд реформ, имевших целью совместить исторически сложившиеся в регионе властные отношения с общеимперскими порядками управления.

Политика и практика управления Кавказом во многом определялась господствующими идеями и имеющимся опытом применения управления в других регионах страны. Во главе Кавказского края нередко стояли люди, карьера которых начиналась на других окраинах. Идеи и методы, испробованные при «умиротворении» Кавказа, затем переносились на другие окраинные территории. Кавказ последней трети XIX века служил полигоном для теоретиков и практиков реформ. Здесь впервые была применена система военно-народного управления[2], впоследствии она использовалась в Западном Закавказье и Средней Азии.

Гражданское управление, введенное в Кавказском крае сенатором П.В. Ганом в 1840 году, оказалось неэффективным, поэтому в условиях продолжающейся войны было создано Кавказское наместничество с целью концентрации власти в руках особо доверенного императору лица. Одновременно был создан специальный высший комитет, при помощи которого планировалось контролировать Кавказ и управлять краем из столицы. Так в 1844 году поя-

---

[1] Глава написана на основе книги: Северный Кавказ в составе Российской империи. М., 2007. Использование иных источников специально оговаривается в сносках.

[2] Системы, подобные военно-народному управлению, существовали и в других колониальных и зависимых странах. Истоки подобной системы управления, вероятно, были первоначально созданы в Османской империи и в зависимых от нее мусульманских государствах XVI – XVIII вв. Можно предположить, что и русские военные, применившие военно-народное управление на Кавказе, «учились» у турок подобно англичанам и французам. См.: Северный Кавказ в составе Российской империи. М., 2007. С. 205–206.

вился наместник Кавказский в Тифлисе, а в 1845-м – Кавказский комитет в Петербурге.

Наместник управлял Кавказским краем, в состав которого вошли все российские владения на Северном Кавказе и в Закавказье, включая Кавказскую область, преобразованную в 1847 году в Ставропольскую губернию, и Кавказскую линию. В руках наместника была сосредоточена высшая гражданская и военная власть. Он также мог изменять общие законы империи применительно к условиям региона. Наместник являлся главнокомандующим Кавказской армией, руководил войсками и укреплениями Кавказской линии. Он имел право решать на месте все вопросы, не превышающие власти министра, то есть фактически был уравнен в правах с министрами, не подчиняясь при этом ни одному из центральных министерств и ведомств. По вопросам, выходящим за пределы министерских полномочий, он должен был обращаться в Кавказский комитет, а по вопросам военного или внешнеполитического характера – лично к императору.

Для оперативной связи Тифлиса с Петербургом и решения проблем региона служил Кавказский комитет[1]. В его компетенцию входил разбор всех гражданских дел Северного Кавказа и Закавказья, выходивших за рамки полномочий министров, кроме военных и дипломатических вопросов. Он также курировал вопросы торговли, промышленности и сельского хозяйства, землевладения, переселений, народного образования и здравоохранения на Кавказе. Чиновники Кавказского комитета назначались императором. Они занимали министерские и другие высшие государственные должности.

До начала 1860-х годов разные районы Северного Кавказа не имели единой администрации, налогообложения и судопроизводства. Наряду с общеимперским гражданским управлением существовало военное управление. Огромные территории, занятые горцами и казаками, управлялись штабом при наместнике через офицеров Кавказской армии.

Только окончание Кавказской войны и пленение Шамиля в 1859 году дали возможность приступить к реорганизации власти в соответствии с предположениями, подготовленными Кавказским комитетом. Реформы коснулись в основном горцев и казаков. Для них создавалась новая администрация, получившая название военно-народной. Ее сущность сформулировал наместник Кавказский (1905–1915) генерал-адъютант граф И.И. Воронцов-Дашков: «Система военно-народного управления, созданная на Кавказе в период борьбы русских войск с местными горцами, основана на сосредоточении административной власти в руках отдельных офицеров, под высшим руковод-

[1] В системе центральных органов власти России он представлял собой экстраординарное учреждение. Аналогичную роль играли так называемые территориальные, или национальные, комитеты, через которые осуществлялось управление окраинами империи: два Сибирских, по делам Западных губерний, Западный, Комитет по делам царства Польского (1864 – 1881).

ством главнокомандующего Кавказской армией, и на предоставлении населению во внутренних делах ведаться по своим адатам».[1] Новая система власти опиралась на народные обычаи и общину. Создателем военно-народного управления был наместник князь А.И. Барятинский. В период его недолгого наместничества были разработаны основные принципы военно-народного управления. Идея Барятинского сводилась к мысли развивать на Северном Кавказе адат[2] в ущерб шариату, в котором он видел опасность антироссийских исламских движений, в частности мюридизма[3]. Другой опорой имперского строительства на Кавказе он собирался сделать сельскую общину, о стабилизирующем влиянии которой много писалось в научных трудах и публицистике того времени. К сходным выводам пришли российские правоведы, востоковеды, этнографы, привлеченные к подготовке реформ. При выработке проекта военно-народного управления немалую роль сыграл долгий опыт косвенного управления, широко применявшегося в Закавказье[4].

Основные принципы и порядок управления горцами по новой системе определяла инструкция, утвержденная Барятинским 23 марта 1860 года. Горцам-мусульманам было даровано право управляться «по адату и шариату и по особым правилам, постепенно составляемым на основании опыта и развивающейся в них потребности». По обычному праву разбирались мелкие уголовные правонарушения и поземельные споры между общинами. Мусульманскому праву остались подсудны гражданские иски, включая случаи раздоров между мужем и женой, родителями и детьми, бракоразводные процессы, опекунские дела, споры по завещаниям и благотворительной и религиозной собственности. Все состояния мусульман Северного Кавказа уравнивались в правах. Привилегии, закрепленные за знатью дореформенным адатом, были отменены. Начавшее было создаваться сословие горских дворян рушилось. Исчезла социальная иерархия местной военной элиты. Джамаат[5] превращался в бессословную общину. В нее допускались лишь свободные об-

---

[1] Воронцов-Дашков И.И. Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем. СПб., 1907. С. 4.

[2] Адат (от араб. «ада», мн. «адат» – обычай, привычка) – обычное право у мусульманских народов, в противоположность шариату, то есть религиозному закону, основанному на богословско-юридическом толковании Корана и религиозного предания (сунна). Адат представляет собой совокупность обычаев и народной юридической практики в самых разнообразных сферах имущественных, семейных и т. п. отношений. Юридический словарь. 2000.

[3] Мюридизм – кавказская магометанская секта, ставившая своей целью борьбу с иноверцами, возникла в 20-х годах XIX века. Последователи мюридизма оказывали сильное сопротивление русским войскам при завоевании Кавказа, особенно при имаме (глава секты) Шамиле, с пленением которого (1859) распалась и секта. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. Павленков Ф., 1907.

[4] Первый эксперимент такого рода был проведен в Кубинском ханстве в Северном Азербайджане. В 1809 году по приказу главнокомандующего генерал-фельдмаршала И.В. Гудовича управление было передано совету из четырех влиятельнейших беков, во главе совета был поставлен русский штаб-офицер. В дальнейшем эта практика применялась и на Северном Кавказе.

[5] Джамаат – территориальная община у народов Кавказа. Этнографический словарь. 2000.

щинники и уравненные с ними в правах бывшие рабы и их потомки. Были созданы новые органы управления общиной, включавшие в себя сельский сход, старшину с помощниками и сельский суд в составе кади[1] и знатоков местного адата. Реформированный джамаат стал основным посредником между горцами и военными властями наместничества. Община отвечала за уплату налогов, поддержание правопорядка на ее землях, выдачу разбойников и повстанцев, ремонт дорог и выделение подвод для нужд войск, проходящих по ее территории. Мусульман Северного Кавказа освободили от рекрутских наборов. На военную службу и в горскую милицию принимали только добровольцев.

По идее реформаторов из российской администрации, преобразование обычного права и общины преследовало следующие основные цели. Во-первых, реформа должна была преодолеть судебно-административную раздробленность и создать единую централизованную организацию края. Гарантом права и закона вместо сельских обществ горцев, местных беков или ханов стало Российское государство, а низовыми органами судебной и законодательной власти для местного мусульманского населения – горские или сельские словесные суды. Другой целью реформы было ослабление власти мусульманской элиты и создание единой местной светской администрации, пользующейся доверием и авторитетом у местных жителей и послушно исполняющей решения российских властей. Третьим направлением реформы было ослабление шариата и модернизация адатного права и процесса, имевшее целью подготовить постепенный переход горцев к единому российскому законодательству. Начальникам округов было вменено в обязанность не допускать применения в народных судах «решений по шариату и адату, которые противоречат общему духу наших законов». Особое внимание было уделено искоренению обычая кровной мести. Тяжбы горцев с русскими переселенцами решались уже не по адату и шариату, а по общим законам империи.

В наиболее полном виде осуществить проект военно-народного управления удалось только в Нагорном Дагестане и Закаталах, где он просуществовал вплоть до 1917 года, в Терской и Кубанской областях – лишь отдельные его элементы. В целом на Центральном и Северо-Западном Кавказе военно-народное управление продержалось недолго и имело свои существенные особенности.

Главной причиной провала проекта Барятинского на северо-западе и в центре региона оказалось мухаджирское движение. Уже в первой половине 1860-х годов большая часть коренного населения Кубанской области была выселена из труднодоступных горных районов и предгорий, а затем в не-

[1] Кади – назначающий, приговаривающий. Так называют судью либо государственного чиновника, который уполномочен вершить суд на основании законов шариата. Исламский энциклопедический словарь. А. Али-заде, Ансар, 2007 г.

сколько потоков эмигрировала в Османскую империю. Их земли были заняты казаками и переселенцами из Южной и Центральной России. К началу XX века на Северо-Западном Кавказе горцы составляли меньшинство. Они жили в укрупненных селениях бок о бок с переселенцами из России.

К 1870 году в основном было завершено преобразование Кубанского и Терского казачьих войск. В обеих областях сохранялось введенное в 1860–1861 гг. раздельное управление для гражданского, казачьего и горского населения. Казачество было передано в ведение областного военного начальства. Как военное, так и гражданское устройство казаков осталось в ведении Военного министерства.

Серьезные перемены в организации власти на Северном Кавказе произошли после вступления на престол Александра III (1881–1894). Должность наместника была упразднена, его заменил главноначальствующий гражданской частью на Кавказе, который, оставаясь командующим войсками Кавказского военного округа и наказным атаманом казачьих войск, уже не был напрямую связан с царем. Одновременно с наместничеством был упразднен Кавказский комитет в Петербурге. Высшая петербургская бюрократия пыталась упразднить и систему военно-народного управления, но не преуспела в этом, и этот режим продолжал действовать вплоть до 1917 года.

В последние годы существования наместничества территория, подвластная военно-народному управлению, немного расширилась. В 1880 году в него вошли Карсская и Батумская области, оказавшиеся в составе России в результате Русско-турецкой войны 1877– 1878 гг. Здесь эта система получила название военно-адатного управления. Этим власти хотели подчеркнуть примат обычного права у местного немусульманского населения – в отличие от шариата у горцев-мусульман Дагестана и Абхазии. В обеих областях в состав «туземцев» было включено пришлое христианское население (в основном армяне и грузины), переселившееся сюда из османской Турции. Подчинив эти области Кавказскому главному управлению, власти несколько расширили его, преобразовав в Кавказское военно-народное управление. Это учреждение продолжало функционировать и при главноначальствующих.

В 1905 году, в связи с событиями первой русской революции, на Кавказе было восстановлено наместничество.

Опыт военно-народного управления, полученный на Северном Кавказе, был использован при покорении отдельных районов не только в Закавказье, но и в Средней Азии. Его идеи оказались вновь востребованы при организации правосудия и власти в Закаспийской области на территории современного Туркменистана[1].

---

[1] Эти земли были присоединены усилиями Кавказской армии в 1881– 1897 гг. и подчинялись главноначальствующему гражданской частью на Кавказе, а позднее Туркестанскому генерал-губернатору. В завоевании новых территорий и установлении российской власти в Средней

На Кавказе, как и на других присоединенных окраинах, власть стремилась постепенно сначала встроить существующие институты властвования в вертикаль самодержавной власти, а затем заменить их на стандартные общеимперские.

Главной проблемой в крае было наличие множества исторически сложившихся институтов и форм власти, трудно сводимых к какому-то одному образцу. К этому добавлялось сильное влияние ислама, что делало проблематичным распространение православия и основанной на нем самодержавной власти.

Несмотря на значительные сложности, власть творчески использовала отечественный и зарубежный опыт для организации политических отношений на Северном Кавказе, и в результате ей удалось создать режим, в котором применение силы не было главным фактором, побуждавшим подданных реализовывать идеи самодержавия.

§2. Борьба за души верующих: противоборство ислама и православия на Северном Кавказе

Религиозный состав населения Северного Кавказа в период покорения его Российской империей в XVIII – первой половине XIX вв. отличался крайней пестротой. В основном здесь жили мусульмане. Казаки и русские переселенцы относились к православию и разным толкам старообрядчества. Небольшие общины горских евреев Северо-Восточного Кавказа исповедовали иудаизм. На Северо-Западном и отчасти Центральном Кавказе жили недавно обращенные в ислам или православие язычники. В предгорьях кочевали буддисты – калмыки. Даже в первой трети XX века идентичность населения региона была не столько этнической, сколько конфессиональной. При этом границы между религиозными группами оставались довольно подвижными. Как коренные жители региона, так и переселенцы не раз меняли свое вероисповедание. Язычники становились мусульманами, а затем обращались в православие. Были крещены многие буддисты. Часть новокрещеных православных вновь стали мусульманами. Шииты и отчасти иудеи были ассимилированы мусульманами-суннитами, а часть старообрядцев – православными. Эти переходы происходили не без влияния православных и мусульманских миссионеров, которых нередко поддерживали державы, боровшиеся за обладание Кавказом. При этом Османская империя пыталась насаждать суннитский ислам, Иран – шиизм, а Российская империя – православие. Тем самым они приобретали новых политически лояльных подданных и укрепляли границы государства. Конфессиональная принадлежность имела в глазах власти значение идентичности политической.

Азии участвовали военные, прежде служившие в системе военно-народного управления на Кавказе.

Трудами османских и крымских миссионеров исламизация Северо-Западного Кавказа закончилась только в XVIII – первой половине XIX вв. Вплоть до начала XIX века идущее из Крыма мусульманское влияние явно перевешивало османское.

Ислам не везде имел одинаково прочные позиции: так, исламизация Северо-Западного Кавказа была поверхностной. В частной и общественной жизни предписания шариата уживались с правовыми и неправовыми обычаями. Среди мулл сначала было много турок и крымских татар, однако ко времени установления российского владычества сложилась и местная мусульманская духовная элита. Мусульмане уезжали через Анапу продолжать свое образование в Османскую империю. Одним из каналов распространения исламского знания в регионе был хадж, пока Россия не начала ограничивать его, пытаясь оградить «замиренный Кавказ» от османского влияния. Во главе мусульманской духовной элиты стояли получившие исламское образование в Стамбуле и Бахчисарае или в Дагестане имамы мечетей и шариатские судьи, носившие титул эфенди.

Конфессиональная ситуация на Северо-Восточном Кавказе была иной, чем на северо-западе региона. Большая часть Дагестана вошла в состав мусульманского мира еще в VII–XIV вв. Последними к XV–XVII вв. ислам приняли сельские общины и конфедерации горцев Северного Дагестана, Чечни и Ингушетии. Некогда сильное православие к XVIII веку полностью сдало свои позиции, и на этой территории господствовал ислам.

Российское государство первоначально не предпринимало серьезных попыток христианизировать край. Принимая мусульманских правителей Дагестана и Чечни под свое покровительство, русские цари не обязывали их или их подданных менять веру, те должны были лишь платить подать-ясак и не предпринимать враждебных действий против российских властей и подданных. Эта же политика продолжалась на большей части российского Кавказа и в первой половине XIX века. Северо-Восточный Кавказ не был и объектом активной миссионерской деятельности.

Еще в XVIII столетии среди мусульманской духовной элиты было организовано движение против российского проникновения на Северный Кавказ. В литературе за ним утвердилось название «мюридизм». Усиление российского политического и военного присутствия в регионе вызвало резкие антироссийские настроения среди мусульманской знати. В это время в ней завоевывает популярность идея войны за веру (джихад) и за освобождение северокавказских мусульман из-под власти «проклятых русских». В начале XIX века идеологи шариатского движения пытались воспользоваться этим и первоначально сделали ставку на горскую знать. Они попробовали объединить под лозунгом джихада или газавата силы мусульманских общин и ханов. Однако из этого ничего не вышло, и к 30-м годам XIX века горская знать отошла от уча-

стия в движении за джихад. Она приняла сторону русских, видя в них гарантию сохранения своих привилегий в борьбе с общинами горцев.

К концу XVIII века движение за очищение ислама и джихад против России перекинулось в Центральный, а затем и на Северо-Западный Кавказ. Во главе его здесь тоже встали склонявшиеся к суфизму отдельные представители местной мусульманской духовной элиты, известные антироссийскими взглядами и проосманскими симпатиями.

Глубокий раскол мусульманского общества на сторонников и противников власти Российской империи, произошедший на Северо-Восточном Кавказе в период Кавказской войны, продолжал ощущаться вплоть до начала XX века и сыграл определенную роль в противостоянии советской власти и ее противников в годы революции и Гражданской войны.

Российские власти понимали опасность воинствующих исламских движений на Северном Кавказе. Они пытались противопоставить им как укрепление российской границы, так и проповедь христианства среди замиренных горцев. В то время как из османских крепостей на Черноморском побережье по региону рассеивались мусульманские миссионеры, на Центральном Кавказе не менее активно работали православные миссии. Главным объектом их деятельности стали осетины, которых православные миссионеры и российские чиновники рассматривали как «древних христиан», отпавших от веры после усиления ислама в горах Кавказа в Средние века. Обращение в православие часто носило насильственный характер, что вызывало недовольство политикой российских властей. Новокрещеные часто тайно возвращались в ислам, участвовали в антироссийских выступлениях.

Для контроля над действиями и идеями мусульманских лидеров российское правительство пыталось поставить Северный Кавказ под юрисдикцию Оренбургского магометанского духовного собрания (ОМДС). В 1852 году наместник Кавказский М.С. Воронцов пригласил 10 улемов из Оренбургского муфтията для противодействия проповедникам газавата.

Под влиянием Кавказской войны призрак мусульманского повстанчества стал пугать российское правительство. Синод получил неограниченные права в христианизации нерусских подданных народов. Были ужесточены наказания за переход из православия в другую веру. Со второй трети XIX века вновь усилилось православное миссионерство в регионе. Однако предотвратить вероотступничество новокрещеных не удалось. Большую роль в деятельности православных миссионеров на Северном Кавказе стали играть переводы Св. Писания и учебной религиозной литературы на местные языки.

Еще одной серьезной проблемой, которая тревожила российские церковные и светские власти на Северном Кавказе, была борьба с христианским сектантством и управление православными Предкавказья. В регионе долго не было отдельной епархии, что мешало установлению церковного контроля над

религиозной жизнью казаков и русских переселенцев. Наконец в 1843 году была создана отдельная Кавказская епархия. Значение православия на Северном Кавказе заметно выросло. В Ставрополе была открыта консистория, а в 1846 году – духовная семинария, быстро росло число церквей. Расселяя казаков на землях Северо-Западного Кавказа, освобожденных уехавшими в Османскую империю горцами, власти пытались дать каждому селу свою церковь и православного священника. Православное духовенство, направлявшееся по распоряжению епархиального начальства в казачьи станицы, в течение первых шести лет получало жалованье наравне с офицерами. Переданные им во время службы земельные участки переходили в их потомственное пользование. Несмотря на эти привилегии, служение на Северном Кавказе оставалось непопулярным среди русских православных иерархов, многих отпугивали близость военных действий и перспектива оказаться в плену или в заложниках у «немирных горцев».

Сильные позиции на Северном Кавказе удерживало старообрядчество. Немало общин раскольников осталось в Терском казачьем войске. Под влиянием местных раскольников казаки-переселенцы часто переходили в «старую веру». В некоторых казачьих полках старообрядцы составляли подавляющее большинство.

Несмотря на все старания православного миссионерства, усилившиеся после создания Кавказской епархии, конфессиональный состав региона оставался очень пестрым. Значительная часть коренного и пришлого населения по-прежнему ускользала от контроля российских церковных властей.

Вместе с преобразованием управления Кавказского края правительство начало в регионе серию религиозных реформ. Их целью было создание управляемой мусульманской организации.

В 1857 году был издан «Устав духовных дел иностранных вероисповеданий», определивший правовой статус иноверцев в империи. Власти пытались «встроить» мусульманскую духовную элиту в систему официальных институтов империи в центре и на местах. Реформы последней трети XIX века на Кавказе были в целом направлены на упрочение государственного надзора за деятельностью мусульманских подданных империи с намерением по возможности избегать конфронтации с ними. В политике реформирования немалую роль сыграла охранительная русско-православная идеология, влияние которой в правительстве резко усилилось в правление Александра III.

В середине XIX века правительство курировало мусульманские регионы империи через Оренбургский и Таврический муфтияты, замыкавшиеся на Министерстве внутренних дел в Петербурге. В 1832 году при МВД был создан Департамент духовных дел иностранных исповеданий (ДДДИИ), остававшийся важнейшей частью министерства вплоть до революции 1917 года.

Мусульмане Северного Кавказа относились к юрисдикции Оренбургского муфтията.

Департамент духовных дел иностранных исповеданий оставался центральным правительственным органом, контролировавшим жизнь мусульман, буддистов и лиц прочих неправославных исповеданий. При надзоре за иноверцами департамент был обязан придерживаться «принципа полной терпимости, насколько такая терпимость может согласовываться с интересами государственного порядка»[1]. В последней трети XIX века большинство чиновников департамента имело высшее образование, полученное в лучших востоковедческих центрах страны. Кроме постоянных сотрудников в ДДДИИ имелся обширный штат научных консультантов и экспертов.

На формирование политики в религиозной области значительное влияние во второй половине XIX века оказывают новые идеи, которые создаются в российской науке под влиянием изучения ислама. Складываются школы востоковедения и исламоведения, академическая в Петербурге и миссионерская с центром в Казани. При кавказских наместниках работало в свое время немало известных востоковедов практического направления. Изучение ислама привело к переоценке прежде более благожелательного отношения к исламу, к общему ужесточению конфессиональной политики России. Под влиянием востоковедов и миссионеров среди чиновников в Тифлисе и Петербурге распространяются страхи перед внешней и внутренней исламской угрозой, от которой они пытаются отгородиться при помощи православия, государственных границ и новых форм контроля над мусульманами. Главной причиной смены направления в конфессиональной политике России в центре и на Кавказе стало новое понимание сути и смысла ислама под влиянием новых знаний и идей.

В 50–70-х годах XIX века в правительстве складываются два диаметрально противоположных подхода к исламу. Один из них предполагал полный пересмотр конфессиональной политики Российской империи начиная с Екатерины II, которую теперь обвиняли в потакании мусульманам. Сторонники этого направления считали крайне опасной концентрацию власти в руках «мусульманских фанатиков», а создание централизованного управления в виде муфтиятов – ошибкой. В будущем они[2] предлагали отказаться от создания новых муфтиятов, в том числе и на Кавказе, полностью игнорируя мусульманскую духовную элиту.

Сторонники другого направления настаивали на продолжении централизации управления и надзора над деятельностью ислама, и в особенности му-

---

[1] Министерство внутренних дел. Исторический очерк. 1802– 1902. СПб., 1901. С. 153.

[2] В лагере сторонников этой точки зрения были известные миссионеры и востоковеды – профессор Казанской духовной академии Н.И. Ильминский, его ученики и последователи. В их числе был и будущий военный министр России Д.А. Милютин. Военное министерство в целом поддерживало план игнорирования ислама.

сульманской духовной элиты, развивая иерархические структуры в виде муфтиятов. Для противодействия враждебным иностранным исламским влияниям сторонники этой точки зрения предлагали закрыть границы России для мусульманских агитаторов из-за рубежа, а также запретить российским мусульманам выезжать за границу для продолжения там исламского образования. Наиболее сильными сторонниками этого лагеря оказались чиновники МВД.

Еще в царствование Николая I Министерство внутренних дел разработало амбициозную программу строительства мусульманского «духовенства» путем создания иерархической структуры мусульманских учреждений. Несмотря на то, что в исламе в принципе не может быть духовенства и церкви, ни тем более государственных религиозных иерархий, эксперты МВД решили обойти все это путем легализации в России части мусульманской духовной элиты (улемов[1]) и постановки ее на казенное содержание. Улемы должны были дать кадры мусульманского духовенства.

Северный Кавказ и Закавказье стали одним из основных «полигонов» плана дальнейшей централизации управления исламом. В 1872 году были созданы два муфтията – Закавказские магометанские духовные правления (ЗМДП) шиитского и суннитского учений. Идею их создания активно поддерживал наместник Кавказский великий князь Михаил Николаевич, поскольку он разделял точку зрения чиновников МВД о необходимости государственной централизации управления мусульманами. Целью создания новых муфтиятов, по словам Михаила Николаевича, был, во-первых, контроль над деятельностью «враждебных по религиозным убеждениям» империи лиц; во-вторых, противодействие укреплению среди влиятельного духовного «сословия» корпоративного антироссийского духа, а также препятствование проникновению на Кавказ враждебных России представителей мусульманской духовной элиты из Османской империи и Персии. Для осуществления этих задач власти пытались ограничить «круг действий» мусульманской элиты, не ущемляя при этом свободу совести, декларированную в законодательстве; установить надзор над мусульманскими школами и поставить под контроль государства разные виды имущества, составляющие основу финансовой независимости «мусульманского духовенства». В указе об образовании ЗМДП, как и в других законах того времени, власти прямо заявляли о стремлении создать сословие «мусульманского духовенства», материально зависящее от Российского государства.

Положение 1872 года создавало в Закавказье более упорядоченную иерархию подотчетного властям империи «мусульманского духовенства», возникла единая властная вертикаль – от сельского муллы до муфтия. Часть мусуль-

[1] Улем (от араб. улама, ученый) – в мусульманских странах представитель сословия богословов и законоведов.

манской духовной элиты, получившая государственную лицензию, была поставлена под двойной контроль – местного губернского и высшего кавказского начальства империи. Средством интеграции мусульман в правовое пространство империи стал шариат. В ЗМДП на всех уровнях был последовательно проведен принцип коллегиального управления под контролем российских гражданских чиновников.

Связи мусульманской элиты Северного Кавказа с муфтиятами в Тифлисе были крайне нерегулярными. Ко второй половине XIX века практически полностью прервались отношения Северного Кавказа и с ОМДС; регион, по существу, выпадал из сферы влияния обоих муфтиятов, а собственного централизованного управления там так и не было создано.

На уровне мечетной общины («мусульманского прихода») судебная (по шариату) и духовная власть была сосредоточена в руках имамов. Наряду с управлением общиной и преподаванием в частных мусульманских школах они были обязаны вести метрические книги своей общины и регулярно предоставлять местным кади сведения о количестве мечетей и школ, рождений, смертей и заключенных браков. Тем самым они превратились в низовых сотрудников государственной статистической службы. Кади помимо своих прямых функций по разрешению споров по брачно-семейным и наследным делам между мусульманами округа должны были надзирать за сельскими имамами, выступая в роли государственных чиновников среднего звена. Они проводили испытания кандидатов в имамы мечетей и судьи по мусульманскому праву, составляли программы для примечетных школ, ежегодные статистические отчеты по губерниям и консультировали власти в вопросах культа. Духовным правлениям подчинялись губернские меджлисы (советы из трех членов), а тем – кади, муллы и муэдзины.

На уровне губернских меджлисов разбирались дела по вопросам мусульманской обрядности и богослужения, апелляции и жалобы на решения кади, выносились судебные решения по обвинениям простых мусульман и духовной элиты в проступках религиозного характера. Здесь же рассматривались вопросы, касающиеся работы медресе и мектебов[1] губернии, управления имуществами мечетных («приходских») общин. Кроме того, через меджлисы власти контролировали настроения в мусульманских общинах края. Время от времени губернатор обращался к ним с запросами, которые требовали участия мусульманских судей или знатоков шариата.

Выборность мусульманской духовной элиты была сохранена. Однако все кандидаты на пост сельских мулл, мударрисов[2] и кади обязательно проходили через контроль окружного начальства. Областные начальники утверждали сельских мулл, избранных на сходе общины. При назначении на ду-

[1] Мектеб – начальная мусульманская школа, создаваемая как правило, при мечети.
[2] Мударрис — старший учитель, преподаватель, педагог, наставник.

ховные должности учитывалась лояльность претендентов к российским властям. Состоявшие под негласным надзором полиции не имели возможности попасть на эти должности.

Хотя «мусульманское духовенство» и находилось под пристальным надзором властей, его представители получили широкие права и существенные привилегии. Представители мусульманской духовной элиты и их дети были освобождены от уплаты казенных повинностей. Дети высшего духовенства (эфенди), прослужившего на службе империи 20 лет, автоматически приобретали права детей личных дворян и личных почетных граждан. В случае командировок духовные лица получали прогонные деньги от казны.

В состав привилегированного «мусульманского духовенства» Кавказского края не попали только довольно многочисленные суфии и их последователи – по причине устойчивых страхов властей перед суфизмом, в котором после Кавказской войны и восстания 1877 года видели источник антироссийского повстанчества. Это отношение к суфизму, сложившееся в последней трети XIX века, определяло правительственную политику по отношению к суфиям и суфийским братствам не только на Кавказе, но и в других регионах империи, в частности в Средней Азии.

Первоначально иерархическую организацию мусульманского духовенства закавказских духовных правлений собирались распространить на весь Кавказский край. Однако на Северном Кавказе в последней трети XIX и начале XX вв. удалось создать только низовой общинный уровень имперской мусульманской администрации. Прослойка мусульманского духовенства была относительно велика. В Дагестанской области она охватывала до 5% местного мусульманского населения.

Наместники, а затем главноначальствующие и начальники округов старались ограничить довольно значительное в регионе число низовых мусульманских институтов. Разрешение на возведение новых мечетей и открытие примечетных школ и медресе выдавал начальник области. Однако на деле существовавшие за счет частных пожертвований общин мечети и мусульманские школы ускользали от контроля начальства. Новые школы возникали и закрывались без ведома властей, в зависимости от числа учеников, учителей и имевшихся средств.

Дореволюционная статистика позволяет предположить, что в пореформенное время на Северном Кавказе наблюдался довольно бурный рост низовых мусульманских институтов, прежде всего мечетей и примечетных школ. Особенно значителен он был на Северо-Западном Кавказе, где исламизация продолжалась.

В пореформенное время на Северном Кавказе активизировалось православное миссионерство. Его центром, как и прежде, оставалась Осетия.

Наиболее отличился на миссионерском поприще о. Игнатий Брянчанинов, назначенный в 1855 году на учрежденный здесь новый пост епископа Кавказского и Черноморского. Немало сил он отдал христианизации горцев Северного Кавказа. Будучи противником нередко встречавшихся прежде случаев насильственного обращения горцев в православие, Брянчанинов выступал за развитие христианского просвещения среди населения Осетии, Кубани и Черномории.

Новый этап в истории православного миссионерства в регионе начинается в последней трети XIX века. В это время усилия были направлены главным образом на развитие православного образования на родных языках народов Северного Кавказа. В этом отношении руководители Кавказской епархии следовали по пути, предложенному деятелями миссионерского востоковедения в Казанской епархии. На Кавказ поступали выпускавшиеся в Поволжье миссионерская литература и учебники для тюркоязычных «инородцев».

«Программа-максимум» православных миссий в регионе заключалась в возвращении Северного Кавказа в лоно православия, откуда он уклонился в ислам. С этой целью проводилась работа по изучению исторических средневековых христианских памятников в Осетии, Чечне, Дагестане.

Для координации деятельности ученых, православной церкви и миссионеров при наместнике в 1860 году было создано «Общество восстановления православного христианства на Кавказе» с центром в Тифлисе. Вопреки первоначальным надеждам основателей «Общества...» собственно миссионерская деятельность не получила в нем особого развития, оно приобрело скорее охранительный характер. Объектом его забот было в основном православное и новообращенное население Кавказского края.

Главными направлениями миссионерской деятельности на пореформенном Северном Кавказе были: открытие новых православных храмов; создание сети церковноприходских школ и духовных семинарий; переводы Библии, молитвенников и иной богослужебной литературы на местные языки; издание христианской литературы.

Практические итоги миссионерской деятельности на Центральном Кавказе, за исключением Осетии, оказались довольно скромными. Наибольших успехов «Общество восстановления православного христианства на Кавказе» добилось в Закатальском округе, где в 1850–1858 гг. было крещено 5442 грузиноязычных мусульманина. В Абхазии к концу XIX столетия удалось окрестить 241 мусульманина и шесть евреев. Около 30 поляков-католиков перешли в православие. В Дигории крещение приняли 23 язычника.

Православное миссионерство вызывало растущее недовольство мусульман в Южном Дагестане и Северном Азербайджане. Назревало крупное восстание. Участились случаи отпадения новообращенных из православия в ислам. По этим причинам в 1858 году власти военно-народного управления решили

свернуть программу по христианизации. Подытоживая неудачи православных миссионеров в регионе, в 1864 году барон Н.Е. Торнау отмечал, что «ввиду несгибаемых религиозных убеждений... несбыточно обращение мусульман по приказу правительства в христиан»[1].

К 1867 году в Кавказском наместничестве удалось исключительно за счет переселения и колонизации создать достаточно прочную социальную опору самодержавия. Общее количество православных было примерно равно числу мусульман, а если учесть лояльных власти раскольников, армяно-григориан и других христиан, то большинство было за сторонниками царского режима. Однако христиане проживали в Кубанской и Терской областях и Ставропольской губернии, а в Дагестанской области на полмиллиона мусульман проживало всего 8 тысяч православных[2].

В конце XIX – начале XX вв. стало ясно, что программа рехристианизации горцев Северного Кавказа потерпела полное фиаско. В 1905 году впервые в Российской империи были отменены репрессивные меры при переходе из православия в другую веру и провозглашалась свобода совести. В новых условиях православные миссионеры, лишенные поддержки властей и закона, не могли развернуть успешную деятельность по пропаганде православной веры.

Таким образом, российскому правительству не удалось убедить завоеванные народы Северного Кавказа в преимуществе русских православных идей и ценностей над мусульманскими. Идейной победы над исламом православие не одержало. Победа в регионе была достигнута силой оружия, выселением идейных противников и заселением их территорий казаками и русскими переселенцами.

Конфессиональная принадлежность на Северном Кавказе определяла политические взгляды и лояльность к существующей власти, поэтому царское правительство главное внимание обращало на создание социальной базы своей власти в регионе. Основным методом ее создания стали переселение народов и заселение освободившихся территорий православными, старообрядцами, представителями других христианских конфессий. Благодаря принимаемым мерам на Северном Кавказе удалось создать социальную опору власти, однако позиции ее противников были сильны, их основу составляло мусульманское население региона.

Для подчинения мусульманского духовенства и контроля его влияния на массы власти создали иерархическую структуру «мусульманского духовенства». Тем не менее полностью поставить под контроль деятельность мусульманских идейных лидеров правительству не удалось.

---

[1] Цит. по: Северный Кавказ в составе Российской империи. М., 2007. С. 267.

[2] Статистический временник Российской империи. Сер. II. Вып. II. Отд. IX. Население Азиатской России по вероисповеданиям. СПб., 1871. С. 102–105.

Православное миссионерство, несмотря на поддержку власти и закона, не смогло достичь сколь-нибудь значимых политических результатов.

§3. Идейная борьба за лояльность населения

Российское правительство вело целенаправленную политику по формированию среди горцев имперской идентичности и сознания. Власти располагали различными рычагами для осуществления этой задачи. Одним из важнейших инструментов формирования лояльного отношения к российской самодержавной власти на Кавказе была светская школа и просветительство. Усваивая русские, а шире – европейские идеи и ценности, для горцев появлялась возможность понять и принять власть русского царя. При этом следует учитывать, что полноценных подданных формировало только православное мировоззрение; европейские идеи, усвоенные горцами, могли сделать их либералами или социалистами, но не приверженцами самодержавия.

Важным средством создания пророссийски настроенного слоя общественной и культурной элиты на Северном Кавказе служила школьная политика Российской империи. Детей элиты приглашали на учебу в столичные российские учебные заведения. На Кавказе на казенные деньги создавалась система начального, среднего образования при одновременном ограничении мусульманского образования.

Во второй половине XIX века было принято решение о повсеместном открытии на Кавказе горских школ «для распространения гражданственности и образования между покорившимися горцами и для доставления служащим на Кавказе семейным офицерам и чиновникам средства к воспитанию и обучению детей».

На Северо-Западном Кавказе первые русские школы стали создаваться с середины XIX века. В 1850 году в Нальчике была открыта школа военных воспитанников для детей кабардинских князей и узденей (горское отделение)[1]. В Дагестане первые русские школы появились во второй трети XIX века. В 1868 году первая русская школа была открыта в Ингушетии.

С 1870-х годов начинается новый этап в развитии светского образования в России в целом и на Северном Кавказе в частности. В 1869 году Министерство народного просвещения Российской империи подготовило и опубликовало «Сборник документов и статей по вопросу об образовании инородцев», в котором отмечалось, что «конечной целью образования всех инородцев, живущих в пределах нашего отечества, бесспорно, должно быть обрусение их» и слияние с русским народом. Идеологом русификации народов на национальных окраинах России стал русский ученый-тюрколог, профессор Казан-

[1] Курс обучения в школе составляли: Закон Божий, турецкий, арабский и русский языки, арифметика. Первые три предмета вел благонадежный мулла, остальные – уздень первой степени Куденетов, «человек, преданный правительству и благонадежнейшего поведения». См.: Северный Кавказ в составе Российской империи. М., 2007. С. 271.

ского университета и Духовной академии Н.И. Ильминский. Им был предложен следующий метод русификации: создание на первом этапе начальных школ на местных языках народов империи с параллельным изучением русского языка и с переводом обучения на втором этапе полностью на русский язык. Ряд общественных деятелей Северного Кавказа второй половины XIX века поддерживали работу российских русификаторов (Крым-Гирей, Коста Хетагуров и др.).

В это время министром народного просвещения Российской империи Д.А. Толстым был подготовлен план расширения сети начальных школ среди народов Поволжья, Урала, Сибири, Кавказа и Крыма. Первый этап организации школ нового типа на Северном Кавказе был неудачен, потому что горцы отказались их посещать. Второй, более успешный этап создания таких школ относится к концу 1890-х годов, когда на всем Северном Кавказе были организованы аульные начальные школы. Помимо начальных организовывались и средние учебные заведения.

В начале XX века появились сторонники разделения церковного и светского образования, которые выступали с идеей развития народного просвещения на базе церковноприходских школ. Однако в условиях их слабости и непопулярности в России в начале XX века возобладала идея государственной народной школы: она давала рационалистические знания, необходимые для работы в экономике и управлении, но не воспитывала преданных царю подданных, и чем больше и лучше знания учащиеся получали, тем больше расширялась социальная база для либеральной и социалистической оппозиции и ослабевала социальная опора самодержавия.

До начала XIX века горцы пользовались арабским, староосманским и татарским языками. Книги религиозного содержания на этих языках в арабской графике, в основном по мусульманскому праву, филологии, литературе и поэзии, оставались основой обучения местной элиты. Они же составляли круг чтения образованных мусульман региона.

В первой половине XIX века делаются попытки создания письменности некоторых народов Кавказа на русской графической основе.

Мусульманская духовная элита Северного Кавказа с опаской следила за распространением русскоязычного светского образования. Российская администрация не поддерживала попытки ее лидеров на свои средства и по своей инициативе создавать в населенных пунктах мечетные школы. Формально министерство не возражало против создания школ, но денег на их организацию и последующее содержание не выделяло.

Несмотря на противодействие российских властей Кавказского наместничества в системе частного исламского образования, примечетные школы в большей или меньшей степени действовали на всем Северном Кавказе, сеть их к концу столетия даже расширилась. В 1855 году в Темир-Хан-Шуре было

открыто первое мусульманское училище, где продолжали обучение горцы со всего Северного Кавказа. Кроме этого дагестанского училища горцы учились в других крупных исламских центрах Российской империи – Бахчисарае, Казани, Бухаре, а также в городах Ближнего Востока – Стамбуле и Каире.

В начале XX века на мусульманских окраинах Российской империи началось движение за расширение сферы ислама и религиозной свободы и за формирование новой системы мусульманского образования. В Крыму, Поволжье и Туркестане стало развиваться исламское реформаторство. Среди его сторонников выделялся крымско-татарский общественный деятель Исмаил-бей Гаспринский (1851–1914), выступавший против русификации мусульманских общин России и предлагавший реформировать мусульманскую жизнь. В основу модернизации российского ислама Гаспринским была положена идея реформирования исламского образования путем внедрения нового звукового метода обучения письменности (усул-и джадид).

Гаспринский вел активную деятельность по вовлечению мусульман российских окраин и их лидеров из других мусульманских регионов в движение по модернизации ислама. Со временем он вовлек в свое движение и мусульман Северного Кавказа. Многие из них обучались в его школе в Бахчисарае и к началу XX века находились под влиянием его идей. Исламское реформаторство конца XIX – начала XX вв. получило на территории Российской империи наименование джадидизма. Российскими политиками и учеными оно часто связывалось с распространением панисламизма и пантюркизма.

На Северном Кавказе движение джадидизма активизировалось в конце 1900-х – начале 1910-х годов. Наиболее активными реформаторами ислама на Северном Кавказе стали дагестанские исламские лидеры, в том числе дагестанские депутаты Государственной думы (И. Гайдаров, М. Далгат). К началу XX века ряд дагестанских городов стали крупными исламскими центрами на всем Северном Кавказе, в том числе по широте организации исламского образования и издательской деятельности. Первое просветительское общество, тесно связанное с идеями джадидизма, было создано в Дагестане в начале XX века.

По данным Департамента полиции МВД России, идеи джадидизма и отчасти панисламизма имели успех только в Дагестане и Азербайджане, в остальных регионах Кавказа – Кабарде, Осетии и Чечне – широкого распространения они не получили. Тем не менее отголоски джадидского движения наблюдались и в этих северокавказских районах. Российская администрация рассматривала идеи модернизации ислама, все более распространявшиеся на мусульманских окраинах империи, как попытку государственного переворота. Подъем мусульманского движения начала XX века был воспринят главой российского правительства и министром внутренних дел П.А. Столыпиным как серьезная угроза «историческим задачам русской государственности». Столыпин активизировал деятельность всех структур центрального и местного аппарата МВД,

других министерств и учреждений империи для ограничения деятельности исламских реформаторов.

В противовес мусульманскому реформаторству и деятельности мусульманской фракции Думы правительство пыталось создать мусульманскую прессу пророссийского направления.

Результаты процесса формирования российского сознания и идентичности среди северокавказских горцев проявились в начале XX века, когда на Северном Кавказе увеличилось количество лиц, которые либо поддерживали Россию, либо относились к российской власти лояльно. В основном российскую власть поддерживали старшины, представители высших сословий, состоявшие на военной службе в русской армии, а также некоторые мусульманские служители. В этот период в горской среде появились люди, ориентированные на русскую культуру.

Тем не менее в целом борьбу за сознание горцев русское самодержавие на Северном Кавказе проиграло. Оно не смогло создать среди них массовой социальной базы, на которую могло бы опереться. Предложить им идеи, которые могли бы сделать из них сторонников самодержавного царя и верных подданных православной России, они не смогли. Лояльность к правящему режиму достигалась преимущественно за счет применения силы, выселения или выдавливания за пределы страны наиболее активных политических и идейных элементов, переселением на освободившиеся земли русских и казаков.

§4. Кавказская война и восстание 1877 года

Решающим процессом, сформировавшим общество и власть на Северном Кавказе, была Кавказская война. Выделяют до пяти ее периодов: действия А.П. Ермолова и восстание в Чечне (1817–1827), создание имамата Нагорного Дагестана и Чечни (1828 – начало 1840-х), распространение власти имамата на горную Черкесию и деятельность М.С. Воронцова на Кавказе (1840-е – начало 1850-х), Крымская война и покорение А.И. Барятинским Чечни и Дагестана (1853–1859), покорение Северо-Западного Кавказа (1859–1864).

Основные очаги войны были сосредоточены в труднодоступных горных и предгорных районах на Северо-Восточном и Северо-Западном Кавказе, окончательно покоренных Российской империей только к концу второй трети XIX века. Основным ареалом войны оказались земли Северного и Среднего Нагорного Дагестана и Чечни.

Сгон коренного населения с земель, отводившихся под строительство Кавказской линии, заселение их казаками вызвали ряд восстаний, которые возглавила прежде лояльная к империи мусульманская знать горцев.

Воспользовавшись тем, что вне российского контроля продолжали оставаться труднодоступные горные районы Северного и Центрального Дагестана, Южной Чечни и горные долины Закубанской Черкесии, все недовольные властью России и бежавшие за Кавказскую укрепленную линию стали сосре-

дотачиваться на этих территориях. Ликвидировать этот оплот политической оппозиции – такова была внутриполитическая цель Кавказской войны.

Успешные и жесткие действия генерала А. Ермолова вызвали общее восстание горцев Чечни в 1825–1826 гг. Восстание быстро распространилось и на Северный Дагестан. Восставшие призывали горцев подняться на джихад за освобождение от засилья «проклятых урусов», однако это движение вскоре было подавлено. Более успешными были действия Шамиля, который создал в Дагестане и Чечне военно-теократическое государство – имамат. Как имаму, Шамилю принадлежала верховная светская и религиозная власть. Он официально принял титул халифа (амир ал-муминш, араб, предводитель правоверных), что должно было придать его власти легитимность в глазах мусульман Кавказа и Ближнего Востока. Подобно правителям халифата, имам сосредоточивал в своих руках не только религиозную, но и военную, исполнительную, законодательную и судебную власть. Он являлся верховным судьей на территории имамата. Основой своего государства Шамиль сделал мусульманское право (шариат).

Благодаря проведенным в духе мусульманской идеи реформам Шамиль обрел прочную социальную базу, и ему удавалось почти четверть века сопротивляться российской армии.

Военные действия на Северо-Западном Кавказе продолжались до 1864 года. После окончания Кавказской войны серьезного сопротивления там не было по двум причинам. Во-первых, часть горцев была насильно выселена из труднодоступных ущелий на равнину, а другая часть эмигрировала в Османскую империю. Во-вторых, организации сопротивления теперь мешало чересполосное расселение «замиренных горцев» с казаками и переселенцами из Южной России.

Последней крупной вспышкой мусульманского вооруженного сопротивления на Северо-Восточном Кавказе стало восстание 1877 года. Слухи о приближении к Кавказу освободительной османской армии, распространившиеся с началом Русско-турецкой войны в 1877 году, вызвали стихийные антироссийские бунты по всему Дагестану и Чечне. На западе Кавказа взбунтовались горцы Абхазии. Первыми 12–13 апреля выступили горцы Ичкерии, в мае поднялся Дагестан. Отдельные чиновники военно-народного управления примкнули к восставшим. Но подавляющее большинство бывшей военной элиты, включая бывших шамилевских наибов, остались верны империи, на сторону которой они перешли в конце войны. Русские войска, блокируя восставших, пытались не допустить соединения их отрядов. Укрепленные горные селения они быстро разрушали при помощи бомбардировки артиллерией.

В сентябре восстание достигло своего пика. Волнения прокатились по всему Дагестану и даже Северному Азербайджану. В лагерь восставших перешла часть мусульманской военной и духовной элиты.

В ходе сражений под селом Леваши 12 сентября и под селом Кутиша в конце сентября отряды повстанцев были разгромлены. В октябре–ноябре 1877 года боевые действия велись в основном в ходе карательных экспедиций, организованных для селений, принявших участие в восстании. Все мятежные селения, встречавшиеся на пути следования колонны, безжалостно уничтожались. Их жители расселялись по окрестным селениям. Карательные отряды действовали до середины 1878 года. Выступления были подавлены с особой жестокостью.

Восстание продемонстрировало как силу, так и слабость российского владычества на Северном Кавказе. С одной стороны, даже массовые волнения не смогли сокрушить российскую власть. Большая часть местных чиновников и отрядов горской милиции остались верны режиму. С другой стороны, правительство поняло, что созданная им система власти не так прочна, как оно полагало. Стало ясно, что власти недооценили возможности мусульманского повстанчества. Волнения охватили 394 селения во всех округах Дагестана, Чечни и Ингушетии. В Дагестанской области в нем участвовало почти 90% дворов. После подавления выступлений было ограничено общинное самоуправление. Был также усилен надзор за мусульманской духовной элитой. Мятеж усилил страхи империи перед мусульманским повстанчеством на Кавказе и в Средней Азии.

Поражение восстания свидетельствовало об окончании эпохи вооруженного мусульманского повстанчества на Северном Кавказе. Идея строительства шариатского государства на основе движения за джихад провалилась.

Несмотря на то, что военной силой последователи ислама были приведены к повиновению, они не являлись искренними сторонниками власти, и правительство это хорошо понимало. Военную победу нужно было закрепить победой идейной, но битву за умы и сознание горцев выиграть самодержавию не удалось. Россия не смогла на Кавказе предложить идеи более привлекательные, чем те, которые уже давал ислам. Православие не увлекло жителей Кавказа, а рационалистические знания и идеи не укрепляли самодержавную власть.

§5. Крестьянская и земельная реформы

Крестьянская и земельная реформы на Северном Кавказе оказали значительное преобразующее влияние на общество. Как и во внутренних губерниях России, эпоха Великих реформ в регионе отмечена, прежде всего, освобождением «зависимых сословий» и изменением поземельного устройства на недавно завоеванной окраине. На Северном Кавказе крестьянская реформа началась с освобождения рабов и крепостных. С установлением российского правления работорговля запрещалась повсеместно. Вслед за тем была решена судьба домашних рабов. В 1866–1868 гг. все они были освобождены и приравнены в правах к свободным общинникам.

Освобождение всех категорий зависимого населения в регионе началось в середине 1860-х гг. Всего в этот период из зависимости вышло около 55 тысяч человек. Постепенное освобождение зависимых категорий горского населения продолжалось в течение всей последней трети XIX века. Период временной зависимости на Северном Кавказе затянулся до начала XX века, а в некоторых районах Южного Дагестана она продолжалась до 1917 года.

Основной задачей проводимых реформ была задача политическая – укрепить социальную опору самодержавной власти в регионе, при этом цель его экономического освоения не ставилась. Российские военные и ученые, привлеченные к подготовке земельной реформы, считали, что неопределенность поземельных прав пестрого населения региона ставит под угрозу прочность российского владычества над Северным Кавказом. Существовавшие здесь прежде поземельные отношения представлялись им диким хаосом, который было необходимо упорядочить.

В соответствии с предложениями командующего Кавказской армией, председателя совета наместника князя Г.Д. Орбелиани план реформы сводился к двум основным положениям – развитию общинного землевладения среди низших страт горцев и созданию слоя крупных горских землевладельцев из знати на русской службе.

Проведение крестьянской и земельной реформ облегчалось наличием в ряде районов большого фонда незаселенных земель, перешедших в казну от покинувших Кавказ горцев-мухаджиров, а также конфискованных в казну общинных пастбищ, принадлежавших участникам движения Шамиля и восстания 1877 года.

На втором этапе земельной реформы, в 1870-е годы, согласно плану Орбелиани началась раздача крупных земельных пожалований выходцам из местной знати, служившим в Кавказской армии. В соответствии с принятыми положениями устанавливались примерно одинаковые квоты для офицерского состава казачьих войск, горской милиции и действующей армии.

За участие в войне и послевоенные заслуги в управлении регионом значительные земельные наделы получили высшие российские военные.

Средний и низший эшелон землевладельцев в новой военной элите края образовывали горцы-мусульмане, имевшие генеральские и офицерские должности в регулярной армии либо горской милиции, а также сельские старшины. Размер полученных ими крупнейших частных участков в тысячи раз превышал наделы, выделенные их соплеменникам – крестьянам-общинникам. Чаще всего они передавались в потомственное владение.

Поскольку многие из новых крупных и средних землевладельцев были заняты на службе в армии или администрации, они не могли в полной мере заниматься земледелием и часто сдавали свои земли в аренду как отдельным горцам, так и целым сельским обществам. С конца 1880-х годов земли на

равнинах и в предгорьях все чаше становились предметом купли-продажи. Чуть ли не большинство выходцев из горской знати, получивших огромные земельные пожалования, распродавали свои участки.

Для казаков была разработана специальная программа реформ. Большее значение для крестьян и казачества имело принятое в 1868 году положение, подтвержденное в 1869 году общероссийским законом «О казачьем населении». Он знаменовал переход государства к поддержке крестьянской колонизации и уничтожению обособленности казачьего статуса в Кубанской и Терской областях. Были разрешены выход из войск и зачисление в них неказаков. Казачьи земли разделялись на три категории: станичные, запасные и частные. Казаки-общинники получали свой надел в частную собственность и могли свободно распоряжаться им, вплоть до сдачи в аренду. Правда, на последнее требовалось согласие войскового правления. Переселенцам было разрешено покупать частные казачьи земли, войсковые и станичные земли они могли только арендовать. Вместе с тем у казаков сохранялись община и общинное землевладение, дававшие немало преимуществ. По своему статусу казачество было максимально приближено к крестьянству. Однако полного слияния казачества с крестьянством не произошло.

Составной частью земельной реформы в Кубанской области была крестьянская колонизация. Власти предоставляли переселенцам материальную помощь и налоговые льготы. На 3 года их освобождали от воинской службы. По истечении срока службы переселенцы могли выйти из казачьего сословия. Количество лиц невойскового сословия быстро росло, особенно на плодородных землях Кубани, куда хлынул поток крестьян-переселенцев из среднерусских губерний. За 15 лет после принятия Закона 1869 года число переселенцев в этом районе достигло 250 тысяч, а к 1913-му было 57,2% невойскового населения. Широкое распространение получили купля-продажа и аренда земли. К началу 1890-х годов в Кубанской области было продано от 63 до 77% казачьих частных земель, а остальная часть почти вся сдавалась в аренду.

В результате проведения крестьянской и земельной реформ на Северном Кавказе произошло стирание сословных перегородок в обществе и его выравнивание. Основной социальной ячейкой пореформенного общества как у горцев, так и у казаков становится бессословная община, включенная в единую огосударствленную иерархию власти и общества. Община превращается в один из важнейших рычагов преобразовательной деятельности государства в регионе.

Другим последствием реформ стало перерождение местных военных элит. После реформ они были окончательно включены в военно-бюрократические институты империи в северокавказском пограничье.

Крестьянская и земельная реформы унифицировали сельское общество и упростили управление им со стороны властей. Разрешение свободной прода-

жи и аренды земли, а также грамотная переселенческая политика привлекли на Северный Кавказ значительное количество крестьян из Центральной России. Наделение землей представителей горской знати, доказавшей свою преданность на войне, в ходе военной и гражданской службы, и, наоборот, лишение собственности тех, кто воевал против русской власти, создали новую, лояльную самодержавию горскую элиту. Богатые земельные пожалования закрепляли на кавказских землях участников войны и гражданской администрации, безусловно преданных самодержавию. Таким образом, посредством перераспределения земель и конструированием общества власть добивалась создания прочной социальной опоры для самодержавия.

§6. Революция 1905 года на Северном Кавказе

Первая русская революция (1905–1907) отчетливо показала, что степень участия населения Кавказа в вооруженной и иной борьбе против власти целиком и полностью зависела от мировоззрения людей.

В Кавказском крае главные очаги революционного движения оказались сосредоточены в крупных промышленных центрах Закавказья – Тифлисе, Кутаиси, Батуми, Поти, Баку. Именно здесь была сосредоточена большая часть рационалистически мыслящего, образованного населения, а также рабочего класса, способного понять и воспринять революционные и либеральные идеи. Росту революционного движения в регионе мешали и этноконфессиональные барьеры. Горцы-мусульмане и казачество почти не были представлены в революционизировавшихся городах. Большинство городского населения здесь составляли переселенцы из внутренней России. Так, в 1897 году во Владикавказском округе Терской губернии русские составляли более 70% горожан. В Кабарде и Карачае вообще не было городов.

На Северном Кавказе годы первой русской революции оказались гораздо спокойнее.

В большей части Дагестанской области действовало военно-народное управление, по которому местное мусульманское население исключалось из общей судебно-административной системы империи. Дагестанцы не были полностью интегрированы в российское правовое и политическое пространство. На территории области действовали не общероссийские, а местные правовые нормы, основанные на адате и шариате. Даже официальным языком власти и права здесь был не русский, а арабский язык (и отчасти тюркский). Все это создавало барьер непонимания между горцами-мусульманами Северного Кавказа и остальными российскими подданными, мешало распространению в регионе революционных идей и настроений.

Распространению революции в регионе мешало и существование трех казачьих войск – Кубанского, Терского и Астраханского. Православное и старообрядческое казачество придерживалось консервативных идей и оказалось невосприимчивым к революционным лозунгам, оставаясь одной из главных

опор российского владычества на Кавказе, поэтому к первой русской революции кавказские казаки отнеслись так же холодно, как и горцы-мусульмане.

Конечно, революционные настроения и идеи проникали и сюда, поэтому власть в областных центрах и на местах существенно ослабла, перестала работать система путей сообщения, в первую очередь сеть железных дорог. Однако основная масса населения региона приняла революцию холодно, хотя в результате революционной анархии и военных поражений уважение горцев-мусульман и казачества к империи было сильно подорвано. В октябре 1905 – январе 1906 гг. революционное брожение перекинулось на деревню, в равнинные и предгорные районы Адыгеи, Кабарды, Северной Осетии, Чечни и Дагестана. Пользуясь ослаблением государства, крестьяне повсеместно отказывались платить налоги и выполнять повинности в пользу казны, захватывали казенные и частные угодья, производили вырубки казенных лесов, поджигали хутора-кутаны на отгонных пастбищах. Между восставшими и высланными на подавление бунтов войсками происходили вооруженные стычки. В целом же революционное движение, начавшееся в городах и на железной дороге не нашло широкого отклика среди казачества и мусульманского крестьянства. Гораздо более опасным для властей оказалось разложение армии. Воинские части, расквартированные возле революционных центров на равнине, пришли в волнение. 12 декабря 1905 года взбунтовался Осетинский конный дивизион во Владикавказе, 16 декабря восстал 2-й Урюпинский казачий полк на Кубани.

С февраля 1906 года революционное движение на Северном Кавказе пошло на убыль. Окончательно революция здесь была подавлена к лету 1907 года. С весны–лета 1906 года инициативу перехватило правительство. Начались расправы с восставшими. В городах проходили массовые аресты рабочих и служащих, в сельской местности действовали карательные отряды. Многие мятежные селения в Осетии подверглись артиллерийскому обстрелу. С замиренных горцев взимали огромную контрибуцию.

В 1906 – 1907 гг. столкновения между сторонниками правительства и революционного лагеря приняли в отдельных районах национальную и конфессиональную окраску. На юге Дагестана произошли столкновения между шиитами и суннитами, были отдельные случаи армянских погромов. В ответ на насилие мусульман горцы-армяне Карабаха поголовно вырезали азербайджанские селения. С другой стороны, в городах с еврейским меньшинством на Северо-Западном Кавказе произошли отдельные еврейские погромы. Они были отмечены в Армавире, Майкопе, в станице Тихорецкой. Только к концу лета 1907 года обстановка в регионе нормализовалась.

Своеобразной формой сопротивления властям в годы революции на Северном Кавказе стало абречество, подъем которого пришелся как раз на 1905–1907 гг. Абреческое движение продолжалось в городах региона и после по-

давления революции. На 1910-е годы приходится деятельность самых прославленных кавказских абреков. Основным методом борьбы правительства с абречеством были военные рейды и карательные экспедиции.

Не понимая и не принимая либеральных и социалистических идей, во время революции кавказцы нередко поддерживали правительство. В подавлении революционных выступлений на Кавказе и в России участвовали не только офицеры мусульмане, но и простые горцы. В 1906–1907 гг. в Дагестанской, Кубанской и Терской областях формировались отряды конной стражи, которые наряду с полицией и казаками использовались для разгона демонстраций на Кавказе и за его пределами. Добровольцы из Нагорного Дагестана помогали властям в осуществлении карательных экспедиций в селах Ставрополья и Поволжья. Отряды конной стражи из горцев охраняли помещичьи усадьбы, помогали губернским властям собирать налоги и подати в деревнях, а при необходимости жестоко усмиряли бунтующих крестьян, подвергая их массовым поркам и избиениям.

Из числа мусульман-добровольцев формировались не только карательные отряды иррегулярной жандармерии, но и отдельные воинские части. С началом Первой мировой войны из горцев-добровольцев на Северном Кавказе вновь были набраны Дагестанский, Чеченский и Ингушский конные полки и Осетинская пешая бригада. Вместе с казачьими частями они образовывали Кавказскую туземную конную дивизию, действовавшую на фронтах войны.

Если после первой революции империя приобретала в Центральной России черты конституционной монархии, то на Кавказе и других восточных окраинах происходило укрепление авторитарных элементов имперского строя. Демократизации институтов власти тут не произошло. Вместе с тем еще в начальный период революции правительство взяло курс на усиление судебно-административной автономии Кавказского края при известной децентрализации его управления. Зависимость Кавказа от центральных министерств и ведомств Петербурга была ослаблена. В чем-то положение региона в империи напоминало статус автономных царства Польского и Великого княжества Финляндского.

Еще в 1905 году указом Николая II было восстановлено Кавказское наместничество с центром в Тифлисе, упраздненное в 1881 году. В руках наместника была сосредоточена высшая военная, исполнительная и судебная власть на Кавказе. Он входил в состав Совета министров. При наместнике был создан Консультативный совет. На местах в целом сохранялась прежняя система управления. В Дагестанской области действовал режим военно-народного управления, при котором коренное мусульманское население управлялось в основном по местному обычному и мусульманскому праву под контролем российского военного начальства. Элементы этого режима сохранялись также среди горцев-мусульман Терской и Кубанской областей. Определенную авто-

номию в организации власти и общества сохранили Терское и Кубанское казачьи войска.

На основании принятого 11 декабря 1905 года избирательного закона кавказцы получили доступ к выборам в Государственную думу, началось формирование общероссийской оппозиционной политической элиты, в состав которой влились и депутаты от Кавказа. В центре империи стала образовываться обособленная от Кавказа политическая кавказская диаспора. Наиболее благоприятные условия для деятельности казачьи и мусульманские депутаты получили во II Думе. По новому избирательному закону от 3 июня 1907 года избирательные права коренных жителей восточных окраин империи были существенно ограничены. Северный Кавказ был отнесен к числу «окраин, где население не достигло достаточного развития гражданственности». По этой причине число мусульманских депутатов резко сократилось. В Государственной думе III созыва их было десять, а в IV Думе – только шестеро. Они продолжали объединяться в мусульманскую фракцию. Северокавказские депутаты участвовали в обсуждении насущнейших для региона аграрного и мусульманского вопросов. В 1913 году члены мусульманской фракции IV Думы в количестве 39 человек внесли предложение об учреждении духовного управления для мусульман Северного Кавказа. Однако законопроект не был поддержан Думой.

Кроме мусульманской фракции Государственной думы представители послереволюционной политической элиты Северного Кавказа вошли в состав националистических организаций Закавказья. Выходцы из Южного Дагестана влились в ряды азербайджанского движения «Мусават», боровшегося за национальное освобождение и объединение тюркских народов Кавказа. В формировании движения немаловажную роль сыграли идеи пантюркизма, распространявшегося тогда в Османской империи и соседних с ней тюркоязычных регионах.

Под влиянием российского и немецкого социализма на Северном Кавказе и в Закавказье появились партии социалистического направления. В марте 1903 года в Тифлисе состоялся I съезд кавказских социал-демократических организаций. На нем был создан Кавказский союз РСДРП, ознаменовавший подчинение армянской и грузинской социал-демократии Закавказья российскому «большевистскому» центру. Однако вплоть до 1910-х годов ни социал-демократы, ни националистические партии не оказывали особого влияния на политическое развитие даже Закавказья, не говоря уже о Северном Кавказе. Они не определяли общественного мнения городов, а в деревне их и подавно не знали.

В послереволюционное десятилетие социально-политическое положение на Северном Кавказе временно стабилизировалось. И все же под влиянием первой русской революции началось формирование политической элиты ре-

гиона на базе новых либеральных и социалистических идей. Оппозиционные режиму силы группировались либо в центре империи, в Петербурге и Москве, либо за границей. Северокавказская революционная эмиграция вливалась в ряды оппозиционных партий религиозного (мусульманского) и социал-демократического направлений. В то же время царский режим постепенно терял влияние в регионе. Ослабление самодержавной власти предоставляло оппозиционерам возможность упрочить свое положение, участвовать в подпольной работе с целью захвата власти в регионе.

Выводы

Главной целью всех действий российской администрации и армии на Северном Кавказе было подчинение его народов власти русского царя. Для достижения этой цели использовалась военная сила, а результаты закреплялись формами и методами идейного воздействия, изменением социальной структуры общества.

Как и в других присоединенных к России территориях, процесс создания социальной базы самодержавной власти осложнялся пестротой этноконфессионального состава населения и многообразием идей, определявших его действия. Главная линия борьбы проходила через противостояние ислама и православия.

Для создания благоприятных условий принятия самодержавной власти был коренным образом изменен состав населения – в результате Кавказской войны из региона были выдавлены наиболее непримиримые противники русской власти, а их земли были заселены лояльными режиму казаками и русскими крестьянами.

Много сил было положено на переформатирование существовавшей политической структуры. Для этого сначала были удалены от власти традиционные местные правители, а затем на их месте, где это было возможно, создана система военно-народного управления, находившаяся под жестким контролем российской администрации. Правительству удалось создать среди оставшихся горцев лояльную власти верхушку общества, сформировать новую знать, которая была готова служить России.

На переформатирование общества на понятных для российской власти общинных основаниях было нацелено проведение земельной и крестьянской реформ, создавших бессословную общину как основную социальную ячейку, включенную в единую иерархию власти и общества. Община становится одним из важнейших рычагов преобразовательной деятельности государства в регионе.

Борясь за души, сознание и лояльность горцев, наибольшие трудности русские испытали в борьбе с исламом. Понимание того, что главная опасность в регионе исходит от мусульманских идей, было как в Петербурге, так и у руководителей администрации на Северном Кавказе. Страх перед исламской иде-

ей поддерживался и результатами научных исследований, и практикой повседневного сопротивления мусульманского населения. Ни насилие, ни миссионерская деятельность не привели к сколь-нибудь значимому результату. Проблему удалось решить только выселением и изгнанием части наиболее радикально настроенного исламского населения.

Действенным средством снижения исламской угрозы правительство считало создание централизованной иерархической структуры «мусульманского духовенства», встроенного в систему российской власти и находящегося под ее неусыпным контролем. Вместе с тем у этой идеи были и влиятельные противники, опасавшиеся того, что созданную централизованную систему управления мусульмане используют для объединения против самодержавной власти. В результате отдельный муфтият в регионе так и не был создан. Поставить под контроль правительства «мусульманское духовенство» полностью не удалось.

Распространение пророссийских идей через церковноприходские школы потерпело неудачу, более успешная государственная школа давала рационалистические знания и потому оказалась, скорее, пригодной для распространения оппозиционных идей, чем воспитания лояльных власти подданных, что и продемонстрировало многонациональное население крупных городов в ходе революции 1905 года. Напротив, незатронутые либеральными и социалистическими идеями горцы не поддержали идей революции, которые были чужды исламу, и поэтому выступили на стороне российской власти. Либерализация режима, произошедшая в результате первой русской революции, привела к широкому распространению оппозиционных рационалистических идей, что подготовило базу для благоприятного восприятия в будущем революционных идей.

ГЛАВА VI
УСТАНОВЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ САМОДЕРЖАВНОЙ ВЛАСТИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

§1. Присоединение Центральной Азии к России

Территория Центральной Азии исторически включала в себя огромные пространства: от степей нынешнего Казахстана на севере до Памира на юге, от Каспийского моря на западе до Тянь-Шаня на востоке[1]. Политически эта территория до ее присоединения к России представляла собой конгломерат внутренне нестабильных государств, находившихся в постоянной борьбе со своими соседями. Этими государствами были: Казахское ханство, распавшееся на Старший, Средний и Младший жузы; Бухарский эмират, Хивинское и Кокандское ханства.

Решающим фактором, определявшим все протекавшие в Центральной Азии социально-политические процессы, было мусульманское мировоззрение проживавших здесь народов. В свое время под знаменем ислама арабские завоеватели вытеснили зороастризм, христианство, манихейство, другие религии и народные верования. Вместе с исламом в регионе распространились арабский язык и арабский алфавит. Идеи ислама изменили социальный и политический строй центральноазиатского общества. В регион были привнесены новые идеалы и ценности, новые стандарты литературы, искусства, архитектуры. На основе мусульманского мировоззрения была создана во многом общая для народов Центральной Азии мусульманская культура.

В XIX веке основными соперниками в регионе выступили Британия и Россия, поэтому в современной историографии преобладает мнение, что в проведении активной политики в Центральной Азии решающими для России были политические мотивы, связанные с необходимостью ослабления влияния Англии.

В силу ряда причин Россия смогла подчинить этот регион своей власти.

В XVIII – XIX вв. в состав России добровольно вошли казахи, теснимые со всех сторон враждебными для них народами и государствами. Сначала на

---

[1] Глава написана на материалах книги «Центральная Азия в составе Российской империи». М., 2008. Использование иных источников специально оговаривается в сносках.

верность царю присягнул Младший жуз, затем Средний и Старший жузы признали власть российского императора. В 1860-х гг. завершилось присоединение к России казахских земель. Россия сумела противостоять агрессии маньчжуро-китайских завоевателей и обеспечить защиту казахских жузов и населения Южной Сибири, добровольно принявших российское подданство.

В годы Крымской войны развернулось противоборство Англии и России за господство над югом Центрально-Азиатского региона. Взаимное недоверие приводило к эскалации их противостояния в этом районе мира.

Весной 1864 года началось наступление русских войск на Кокандское ханство. К осени они овладели городами Туркестан и Чимкент. Местное командование, не дожидаясь указаний из Петербурга, предприняло наступление на Ташкент, но поход окончился безрезультатно.

Завоеванный край от Аральского моря до озера Иссык-Куль был объединен в Туркестанскую область, военным губернатором которой стал генерал М.Г. Черняев. В июне 1865 года Черняев, воспользовавшись борьбой между Кокандом и Бухарой, без приказа[1] из Петербурга двинул войска на Ташкент. Практически без потерь русская армия заняла крупнейший город Средней Азии. В 1867 году было создано Туркестанское генерал-губернаторство с центром в Ташкенте. Новый регион возглавил опытный администратор генерал К.П. Кауфман.

В марте 1868 года с кокандским ханом был заключен договор, который внешне носил равноправный характер, но фактически ханство ставилось под контроль России. Бухарский эмир отказался от договора и объявил России «священную войну», но в городах Бухарского эмирата развернулась борьба между пророссийски настроенными силами, выступавшими за присоединение к России, и «мусульманским духовенством». Используя поддержку горожан, русские войска в мае 1868 года беспрепятственно заняли Самарканд.

В обстановке острых противоречий с Англией российское правительство не решилось на ликвидацию ханств. Коканд и Бухара сохранили статус самостоятельных государств, но их политика подчинялась России. В особом положении оказалась Хива. Окруженное степями и пустынями, Хивинское ханство считалось труднодоступным для русского вторжения.

В 1870-е годы некоторое ослабление противоречий с Англией позволило перейти к решению хивинской проблемы. В феврале 1873 года был предпринят тщательно подготовленный военный поход на Хиву. В результате был подписан мирный договор, по которому хан отказывался от прямых внешнеполитических отношений с другими государствами и признавал вассальную зависимость от России.

---

[1] Несмотря на самовольность действий, правительство не осудило Черняева. Для иностранных государств было объявлено, что взятие Ташкента объясняется враждебными действиями бухарского эмира против населения города и его просьбой о помощи к русскому командованию.

Воспользовавшись сложным внутриполитическим положением, сложившимся в Кокандском ханстве и выразившимся в государственных переворотах, сопровождавшихся сменой ханов и ликвидацией соглашений с Россией, 19 февраля 1876 года российским правительством было объявлено о включении ханства в состав Туркестанского края. Хивинское ханство и Бухарский эмират сохраняли номинальную независимость. Царское правительство вмешивалось в их политическую и экономическую жизнь, но в целом здесь сохранилось прежнее внутреннее управление.

В 1880–1881 гг. Россией был организован военный поход во главе с генералом М.Д. Скобелевым в туркменские степи. В мае 1881 года Ахалтекинский оазис был включен в состав России как Закаспийская область с центром в Ашхабаде. В 1884 году Мерв обратился к российскому правительству с просьбой о добровольном присоединении. Включением Туркмении завершился процесс присоединения Центральной Азии к России[1].

По мнению Дж. Хоскинга, «Более чем любая другая российская территория, Туркестан вплоть до 1917 года напоминал колонию привычного европейского типа, в данном случае являясь зоной экономической эксплуатации, далекой от метрополии и признаваемой совершенно отличной от нее. Местное население классифицировалось как инородцы, и по отношению к нему не предпринималось попыток ни русификации, ни обращения в христианство. Местная элита, в отличие от кавказской, не была включена в российскую знать, хотя ей и позволили пользоваться значительной властью под контролем русского военного генерал-губернатора. Исламский суд остался нетронутым и мог осуществлять свои полномочия в местных делах.

Возможно, со временем это отношение изменилось бы и Россия начала долгую, терпеливую интеграцию данных территорий и народов в имперскую структуру, как делалось раньше в отношении мусульманских народов Поволжья, но завоевание произошло слишком поздно, этот процесс так и не успел начаться всерьез – вскоре рухнула сама царская империя»[2].

§2. Образ Азии у русской образованной публики и политиков

Завоевание Центральной Азии не было обусловлено какими-либо значимыми объективными причинами: отсюда не исходила угроза для безопасности страны, здесь не страдали от притеснений единоверцы. Завоевание огромной территории было результатом реализации идеи противодействия Англии в этом регионе, при этом до конца не ясно, насколько это противодействие было действительно необходимо.

---

[1] История СССР. 1861–1917 / Под ред. В.Г. Тюкавкина. М., 1989. С. 143–145.

[2] Хоскинг Дж. Россия: народ и империя (1552–1917) / Пер. с англ. С.Н. Самуйлова. Смоленск, 2001. С. 54.

Любое завоевание требует своего обоснования, офицер и солдат, проливающие кровь в бою, должны быть убеждены в том, что они делают благое дело, рискуя своей жизнью и убивая противника. Для этого создается концепция, оправдывающая завоевание земель, принадлежащих другим народам. В начале 60-х годов XIX века все больше официальных изданий стали посвящать целые страницы оправданию экспансии на Востоке. У просвещенной общественности формировалось мнение о завоевании Туркестана не только как о средстве защиты южных рубежей империи и противодействия британской экспансии на Востоке, но и как о несомненном цивилизаторском благе для покоряемых народов, которым русское владычество несет свет цивилизации, помогает уничтожить пережитки отсталого общественного устройства, такие как рабство и работорговля. Эта концепция в упрощенной, доступной форме внедрялась в сознание народа и армии.

Под влиянием имперских идей колонизируемые народы представали взору публики как отсталые и неразвитые. Их полудикие ханы представлялись слепым орудием в руках дервишей. Полуголодная армия занималась не столько обороной, сколько грабежами. К трудолюбивым простым подданным собственное правительство относилось как к стаду баранов, которых можно и нужно стричь. Считалось, что трудящиеся люди живут в постоянном страхе за жизнь и собственность и видят свое спасение лишь в чужеземном завоевании. Многие из этих представлений были взяты из европейского арсенала идейного обоснования колониальных войн, поэтому были надежны и оказывали эффективное воздействие на сознание как образованных людей, так и простого народа.

Исследования и наблюдения этнографов, военных и туркестанских чиновников формировали представление о неоднородности коренного населения. Кочевники (казахи и киргизы) воспринимались как бродячий народ, не достигший уровня развития своих оседлых соседей. Однако слабое усвоение мусульманских представлений в их среде рассматривалось как благоприятное условие для осуществления цивилизаторского влияния. Вместе с тем кочевники в воображении русских выглядели ленивыми и апатичными, мстительными и обуреваемыми необузданными страстями, лживыми и предрасположенными к воровству, хвастливыми и любопытными, суеверными и неопрятными. Считалось, что, будучи более близкими к природе, казахи и киргизы сохраняли все пороки и добродетели детей, легко подпадающими под чужое влияние, веселыми и добрыми, поэтичными и музыкальными. Наряду с этим существовало убеждение, что именно кочевники, глубоко не затронутые мусульманской культурой, наиболее способны к восприятию достижений европейской цивилизации. Считалось, что именно среди них русская культура может привиться гораздо скорее, чем в среде оседлого населения.

Оседлое население – таджики, узбеки, сарты, как правило, представлялись в несколько более мрачных тонах: фанатичными и лицемерными, когда речь идет о стремлении выгодно что-либо приобрести, и ленивыми, когда мираж барыша исчезает. Деспотизм местных правителей и произвол полицейских властей воспитали в них скрытность, подозрительность, хвастовство, склонность к обману, корысть и нахальство, лесть и низкопоклонство перед властью. Жизнь собрата или иноплеменника для них ничто. Создавалось мнение, что эти народы, некогда испытывавшие цивилизационный подъем, находились теперь в полнейшем упадке и застое.

Подобное восприятие азиатской реальности не могло не убедить общество и власть в том, что лучшее будущее для местных народов может наступить только при участии России. Формировалось убеждение, что туземцы – податливый материал, а русские, имеющие богатый опыт ассимиляции народов, способны приобщить их к высотам христианской европейской культуры.

Особый цивилизаторский оттенок русской колонизации придавало понимание того, что экономической выгоды, по крайней мере на начальном этапе освоения Центральной Азии, ожидать не приходится. Общественность должна была смириться с мыслью, что политика империи на Востоке есть «политика самопожертвования, более тратящая на покоренных, чем приобретающая от них»[1].

После завоевания образ новой имперской окраины в восприятии российского общества менялся в лучшую сторону. Мрачные картины азиатского деспотизма сменились лубочными картинками, изображающими процветание азиатов под русским господством.

Вслед за покорением Центральной Азии пришло понимание необходимости и возможности извлечения выгод от развития транзитной торговли и использования региона как рынка сбыта российских товаров. Эта идея нашла свое отражение в концепции окупаемости военной администрации в новой провинции, широко распространенной в околоправительственных кругах. Позднее в повестку дня ставится «хлопковый вопрос», и регион начинает восприниматься как потенциальный и естественный поставщик сырья для российской легкой промышленности.

Понимая, что эксплуатировать угнетенных в XX веке уже негуманно, пресса убеждала общественность в том, что «туземцы» с готовностью и радостью воспринимают все нововведения российской власти, изменяющие их быт. С другой стороны, по-новому использовался старый стереотип о лени и низком развитии кочевого населения. Не умеющий обрабатывать землю не должен ею владеть, а значит, появлялась возможность для использования кочевий под хлопковые плантации и земли для русских переселенцев.

---

[1] Цит. по: Центральная Азия в составе Российской империи. М., 2008. С. 324.

Идеи, формирующие представления царской власти и русского народа о Центральной Азии и ее населении, не только оправдывали завоевание новых территорий и стран, но и отчасти были причиной этих завоеваний.

§3. Организация власти у казахов

Казахи, кыргызы, дунганы, уйгуры и другие кочевники, населявшие Степь, имели свое традиционное социально-политическое устройство, которое значительно разнилось с Центральной Россией, и в соответствии с господствующими в правящих кругах идеями должно было быть по возможности приведено к общеимперскому.

Ломка прежних властных отношений среди кочевников Степи, как и на других национальных окраинах, проводилась постепенно. Все начиналось с временного закрепления существующего порядка, в который, по мере создания условий, вводились все новые изменения.

Основной задачей правительства было создание эффективной власти, способной реализовывать идеи, транслируемые самодержавием. Лучше всего это получалось у образованных православных русских чиновников и офицеров. Мусульманская, малообразованная знать плохо подходила для реализации мировоззренчески чуждых и непонятных ей идей, поэтому трансформация власти на мусульманских окраинах всегда начиналась с вытеснения прежней знати из властных структур. Для этого часто использовались выборные, псевдодемократические методы. Они позволяли устранить от рычагов управления тех, кто претендовал на нее по праву наследования. Поскольку выборы проводились под контролем русской администрации и их результаты обычно ею же утверждались, то создавалась возможность для проведения на властные посты в средней и низовой администрации наиболее подходящих для русской власти людей.

Прежняя знать устранялась постепенно, и если она не проявляла крайней оппозиционности правительству, то интегрировалась в имперское дворянство, служила в армии, реже – в госаппарате, но не на своих наследственных властных постах.

В начале XIX века султаны были наиболее сильной в экономическом и организованной в политическом отношении элитарной группой в Степи, и русское правительство опиралось на них при проведении своей политики. Однако правительство передало им административную власть только в среднем звене управления, оставив за собой верховную власть и управление в областях. Но уже во второй четверти XIX века экономическое и политическое влияние султанов стало уменьшаться, поскольку перестройка аппарата управления казахской Степью была направлена на ограничение родовых прав султанов и превращение их в служилых российских чиновников.

«Устав о сибирских киргизах» 1822 года впервые ввел в Степи выборную систему. Контроль над процессом выборов находился в руках местной адми-

нистрации. Правительство постепенно стало ущемлять права султанов на главенство в аппарате местного управления, вовлекая в него старшин-родоправителей. Последовательно ликвидируя права и привилегии казахской аристократии – султанов, правительство стремилось уравнять их в правах с рядовыми кочевниками с последующим причислением казахов к сословиям государственных крестьян, мещан и купечества.

В волостном и аульном звеньях управления коллегиальность не соблюдалась. Во главе волостей стояли волостные султаны. Их звание было наследственным и передавалось по прямой нисходящей линии и по праву первородства. Общество могло производить их перевыборы, но только с согласия Омского областного правления. Волостные султаны считались чиновниками XII класса и пользовались правами волостного головы. Они подчинялись Окружному приказу, и их власть фактически имела характер исполнительной: выполнение приказов и постановлений Окружного приказа и исполнение судебных приговоров.

Аульные старшины избирались казахами (султаны в выборах не участвовали) каждые три года и утверждались в должностях Окружным приказом. Отменить выборы могло лишь областное начальство. По объему прав старшины приравнивались к сельским головам в центре России, подчинялись волостным султанам, исполняли их приказания и были обязаны представлять им сведения о своем ауле.

В первой половине XIX века были ограничены права и родовой знати – биев, старшин, правителей родов. Администрация поставила их под свой контроль.

В связи с падением влияния института султаната к середине XIX века падало и значение батыров[1]. По этим же причинам изживает себя и институт тюленгутов[2]. Султаны, лишившись власти, перестали нуждаться в тюленгутах-дружинниках, тюленгутах – сборщиках налогов, и те постепенно слились с основной массой кочевников.

Часть местной аристократии, родоплеменной знати была приравнена к служилому сословию согласно «Табели о рангах», получила за службу дворянское звание, классные чины, жалованье, награды – медали и ордена, земельные наделы. Казахи, на присоединенных к России территориях были освобождены от службы в регулярной армии. Российское законодательство не ограничивало прав казахов поступать на государственную службу. Однако отбор в государственный аппарат был чрезвычайно сложным, так как требовал сочетания европейского и восточного образования, знания не только родного, но и русского языка.

---

[1] Батыр – воинский чин, титул военных лидеров.

[2] Тюленгуты – зависимое сословие, которое находилось на службе ханов и султанов, их личная гвардия.

«Устав» также положил начало ограничению прав суда биев, постепенной замене его общеимперским судом, что усиливало контроль царской администрации над казахским населением. Суд не был отделен от администрации. Органы местной власти наделялись и полицейскими функциями. Они производили розыск, следствие и задержание лиц, обвиненных в совершении преступлений.

Политико-административные реформы в казахской Степи ликвидировали ханскую власть, нанесли ущерб интересам тех султанов, которые были отстранены от управления. Оппозиционно настроенная часть кочевой знати и султанов составила впоследствии основную социальную базу антироссийских выступлений, в том числе движения, возглавляемого Кенесары Касымовым, в первой половине XIX века.

К 1860-м годам система управления казахами в составе Российской империи оставалась самостоятельной для Младшего и Среднего жузов. Старший жуз в это время находился частично под властью Коканда и Хивы, другая его часть сохраняла независимость от России.

Новые преобразования в системе власти над казахами были закреплены «Временным положением об управлении Семиреченской и Сырдарьинской областями» 1867 года и «Временным положением об управлении в Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областями» 1868 года. Они вводили единую систему управления казахами Младшего и Среднего жузов, которая приближала нормы управления к требованиям для внутренних губерний империи с целью дальнейшего слияния территорий кочевников с Российским государством.

Управление областями для казахов делилось на областное, уездное, волостное и аульное. Область в административном плане фактически приравнивалась к российской внутренней губернии, уезд – к уезду, волость – к волости, аул – к деревне. Управление областью вверялось военному губернатору и подчиненному ему областному правлению, уезд – уездному начальнику, волость – волостному управителю, аул – аульному старшине. Отдельное управление было установлено для казаков Уральского и Сибирского казачьих войск на территориях Уральской, Акмолинской и Семипалатинской областей. Однако в военной и административной сферах они подчинялись военным губернаторам.

Система администрирования 1867–1868 гг. сохранялась без изменений до начала 1880-х, когда было образовано Степное генерал-губернаторство, управлявшее Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской областями. Права и обязанности генерал-губернатора, а также его отношение к верховной власти, государственным и местным учреждениям определялись правилами Общего губернского учреждения и Положением 1891 года.

Областное управление образовывали военный губернатор и областное правление. В Семиреченской и Уральской областях губернаторы одновременно являлись наказными атаманами казачьих войск. Областное правление исполняло обязанности губернского и ведало всеми делами в области, для которых не существовало особых учреждений.

Уезды с находившимися в них городами, кроме тех, что имели особое управление, состояли в ведении уездных начальников, имевших права и обязанности уездного исправника и полицейского управления в соответствии с общими законами империи.

Администрация кочевого населения в каждом уезде подразделялась на волостную, а внутри них – на аульную общественную. Волости заведовались волостными управителями, аульные общества – аульными старшинами, избираемыми на три года. В целом система местного кочевого управления соответствовала Положению 1868 года.

Общественное управление и станичный суд в поселениях казачьих войск существовали на основании особых положений об этих войсках.

Управление сельского коренного населения русского происхождения формировалось и действовало на основании учреждения общественного управления сельских обывателей.

Судебные, нотариальные, опекунские учреждения и народные суды в областях образовывались и действовали на основании правил о судебном устройстве Туркестанского края.

Система управления степными областями сохранилась без изменений до 1917 года.

Таким образом, процесс организации власти в Степном крае заключался в постепенном сближении туземных систем власти с общеимперской.

§4. Управление Туркестаном

Завоевания российской армии в Центральной Азии привели к тому, что в начале 1865 года к южным границам Российской империи была присоединена колоссальная территория.

Создававшаяся в Центральной Азии с середины XIX века система управления открыто порывала со старыми ханскими традициями и была направлена на быстрое обрусение и русификацию имперской окраины. Прежняя элита потеряла все свои преимущества, и при этом не получила российского дворянства, утратила значительную часть земельных владений и т.п. Она использовалась новой властью лишь в зависимости от ее лояльности и вовлеченности в управленческие структуры. В строительстве системы власти широко использовался как российский опыт колонизации Кавказа, так и практика британской и французской колониальных империй.

В феврале 1865 года новый регион был преобразован в Туркестанскую область в составе Оренбургского генерал-губернаторства. 6 августа 1865 года

было высочайше утверждено Временное положение об управлении Туркестанской областью и главное начальство в Туркестане было вверено военному губернатору. Органом центрального управления для новой области стало Военное министерство, а глава Туркестана, в отличие от «внутренних» губерний империи, сосредоточил в своих руках военное и гражданское управление областью.

Результатом административных преобразований стало создание особой системы военно-народного управления, уже опробованной при завоевании и «замирении» Кавказа. Получили законодательное оформление ее основные принципы: неделимость административной и военной власти и сосредоточение ее в одних руках; принадлежность всех чинов военно-народного управления военному ведомству; сохранение традиционных институтов самоуправления под контролем русской администрации; отделение в допустимой степени суда от администрации.

Военно-народное управление Туркестана составили военный губернатор, начальники отделов области, управляющие туземным населением и городничие.

Временное положение 1865 года содержало список туземных должностных лиц. Для кочевников это были родоправители, бии, манапы, для оседлых – аксакалы, раисы, базар-баши и казии. Аксакалы стояли во главе оседлого населения и соединяли в своем лице административную и полицейскую власть. Казии исполняли обязанности судей для городских жителей, а бии – для кочевников. Базар-баши заведовали торговой полицией города. В законе были упомянуты серкеры и зякетчи, на которых лежали обязанности по взиманию податей. Наблюдение за исполнением мусульманских норм было главным занятием раисов. Непосредственными начальниками всей туземной администрации являлись управляющие туземным населением. Подчинялись они начальникам отделов. По Временному положению об управлении Туркестанской областью 1865 года туземное управление в городах также составляли выборные из местных жителей.

Таким образом, управление местным населением сочетало стремление властей подчинить традиционные институты самоуправления российской администрации с сохранением их некоторой самостоятельности.

С целью ограничить влияние «мусульманского духовенства» на внутреннюю жизнь завоеванного края и поставить местную элиту под контроль новый начальник области пошел на устройство, по примеру Кавказа, мехкеме – особого органа, состоявшего из советников от коренного населения. Дела в этом органе рассматривались в полном соответствии с законами шариата.

11 июля 1867 года Александр II подписал именной указ об учреждении Туркестанского генерал-губернаторства в составе Семиреченской и Сырдарьинской областей. Главным должностным лицом в Туркестане назначался гене-

рал-губернатор, который являлся одновременно и командующим войсками округа. Первым генерал-губернатором в русском Туркестане стал К.П. фон Кауфман (1867–1882), пользовавшийся особым расположением и доверием императора. Высочайшим рескриптом ему была предоставлено право действовать на месте сообразно с обстоятельствами: «Обещаем императорским словом нашим за нас и преемников наших за благо принять все, что в силу сего означенного уполномоченным нашим заключено и подписано будет». Для ведения внешних сношений с соседними государствами Кауфману были также даны экстраординарные полномочия: «...право на объявление войны и на заключение мира на условиях, какие генерал-губернатор признает соответствующими достоинству русской державы...» [1]. Огромный объем власти и самостоятельности туркестанского генерал-губернатора был обусловлен как особым военно-политическим положением края, так и стремлением осуществить слияние Туркестана с остальной империей в максимально короткий срок.

Управление каждой из областей делилось на общее (или областное) и частное (по городам, селениям, волостям и аулам). Областные органы власти возглавляли военные губернаторы, которые в отношении военно-народного управления обладали правами и обязанностями губернаторов, определенными для Общих губернских учреждений в империи, но с некоторыми дополнениями, внесенными в проект Положения. Свои функции по военно-народному управлению губернатор осуществлял через областное правление. Проект 1867 года фактически устанавливал полный контроль над деятельностью правления со стороны губернатора, который получал право по своему усмотрению изменять даже его коллегиальные решения (за исключением судебных дел).

Ставя ближайшей задачей русской администрации упрочение нового порядка, документ определял переходное положение власти от роли наблюдательной, последовавшей за завоеванием, к роли организующей, перспективной целью которой было вовлечение Центральной Азии в общегражданскую жизнь Российской империи.

В 1868 году из завоеванной части бухарских владений и присоединенных в 1870–1871 годы к Российской империи некоторых мелких горных бекств в составе края был образован Зеравшанский округ; его начальник стал пользоваться правами и нести обязанности наравне с военными губернаторами областей.

Одной из особых административных единиц был Амударьинский отдел, преобразованный из Амударьинского округа, созданного в 1873 году на землях, отторгнутых от Хивинского ханства.

---

[1] Цит. по: Центральная Азия в составе Российской империи. М., 2008. С. 91.

Поиски эффективной системы управления велись в Ферганской области, созданной в 1876 году на территории окончательно завоеванного Кокандского ханства. В соответствии с высочайшим повелением генерал-губернатору предписывалось самостоятельно ввести временное управление в области исходя из местных условий.

В особом управлении находились туркестанские города, состоявшие из двух частей – «русской» и «туземной». Во главе городов стояли городничие, заведовавшие городской полицией, наблюдавшие за сбором податей и исполнением предписаний и требований начальства, разбиравшие жалобы русских поселенцев на городских «туземцев» и т.д. Первичную администрацию коренного населения в «туземных» частях составляли выборные из местных жителей: старший аксакал (соответствовал городскому голове), аксакалы (гласные городской думы) – заведующие кварталами в полицейском отношении, раис – помощник городничего по полицейскому управлению из местного населения, казий – исполняющий обязанности судьи. Должностные лица местного городского управления получали предписания и исполняли требования, исходившие от городничего, и подчинялись ему лично.

Несмотря на то, что органы местного самоуправления создавались в крае по общеимперскому образцу, законодатели ставили их под контроль администрации, лимитируя их и без того ограниченную самостоятельность. Главной тенденцией в преобразованиях местного самоуправления было приобщение коренных жителей Туркестана к положению низших податных сословий внутренней России и к системе сельского самоуправления империи.

В отношении организации судебной власти правительство пришло к выводу о невозможности немедленного подчинения коренных жителей общеимперскому судопроизводству. Поэтому в сферу ведения российского суда отнесли только дела переселенцев из внутренних районов империи (споры между собой и с местным населением, между жителями оседлых и кочевых районов), а также наиболее тяжкие преступления. Этим была сделана попытка создать новую судебную систему параллельно традиционной в надежде, что «справедливый русский суд» станет более привлекательным для коренных жителей. В зависимости от вида судебных дел имперская судебная власть в крае принадлежала уездным судьям, временным военно-окружным комиссиям, областным правлениям на правах Палаты уголовного и гражданского суда и Съезда мировых судей, а также Правительствующему Сенату.

Важной частью туркестанской правоохранительной системы оставалось «туземное» судопроизводство. Положением 1865 года создавались специальные народные суды на основе шариата и адата для разбора дел, в которых не были замешаны русские. Суд биев (на основе адата) для кочевников объявлялся гласным и публичным. Бии избирались населением волости и утверждались военным губернатором. Для решения дел, выходящих за пределы их

компетенции, назначались периодические съезды всех биев волости. Подобным же образом был организован суд казиев (на основе шариата) у оседлого населения, на который туркестанская администрация смотрела как на пережиток прошлого, рассчитывая, что он сам постепенно придет в упадок.

В 1886 году было принято новое Положение об управлении Туркестанским краем. Наиболее значительным изменением стало учреждение Совета генерал-губернатора - коллегиального органа, обсуждению которого подлежали земские и поземельно-податные дела, а также законодательные и другие важнейшие вопросы управления. По вопросам общего управления краем заключения совета имели совещательное значение. Дела, касавшиеся земского хозяйства и поземельно-податного устройства, решались большинством голосов. В исключительных случаях главный начальник края получал право проводить в жизнь собственные решения, не согласуясь с мнением большинства в совете.

Положение 1886 года предоставило военным губернаторам право вводить в городах упрощенное общественное управление. Полицейское управление в «русских» частях городов максимально приближалось к общеимперскому, а в «туземных» передавалось в руки выборных из среды местных жителей – аксакалов (заведовавших отдельными городскими частями) и назначаемых военными губернаторами старших аксакалов, осуществлявших высший полицейский надзор в городе.

Закон менял систему организации власти у оседлых жителей края, доля которого неуклонно возрастала среди коренного населения, что было вызвано политикой русской власти на переход к оседлости в этой части империи. Местное управление в крае приобрело практически единообразный характер. Теперь и оседлое и кочевое население в каждом уезде делилось на волости, а волости – на сельские общества (аксакальства). Во главе волостей стояли выборные волостные управители (минг-баши), а в сельских обществах – сельские старшины (аксакалы). Процедура выборов общественной администрации и состав сельского схода полностью соответствовали Общему положению о крестьянах 1861 года. Аксакалы избирались на сходе сельских обществ простым большинством голосов. Здесь же избирались мирабы для заведования второстепенными арыками (заведование главными оросительными каналами возлагалось на назначавшихся военными губернаторами арык-аксакалов), пятидесятники (эллик-баши) от каждых 50 хозяйств, составлявшие волостной съезд, который выбирал волостного управителя. Аксакалы и волостные управители утверждались в должностях уездными начальниками и военными губернаторами соответственно. Права, обязанности и круг деятельности волостного управителя, сельского старшины, волостного съезда и сельского схода определялись Общим губернским учреждением. Ведению волостного съезда подлежали избрание народных судей и раскладка общественных сборов и

повинностей, относящихся к нескольким сельским обществам. Волостной управитель был обязан приводить в исполнение судебные решения и правительственные распоряжения, следить за изменением численности населения, наблюдать за своевременным поступлением всех сборов и исполнением повинностей, не допускать неразрешенных сборов и неустановленных повинностей. Сельский старшина должен был созывать сходы для избрания уполномоченных по раскладке податей в селениях, собирать с населения все подати и повинности и представлять их в казначейство.

Судебная часть в генерал-губернаторстве была максимально приближена к общеимперскому положению. Народный суд по-прежнему оставался под контролем общей администрации, предметы его ведения ограничивались в пользу русского суда, регламентировались права и обязанности народных судей.

Положение 1886 года стало свидетельством сохранения главной тенденции политики царского правительства в Центральной Азии, направленной на органическое слияние Туркестана с остальной империей.

§5. Ислам как главный идейный противник российской власти в регионе

В мировоззрении населения Центральной Азии безраздельно господствовал ислам. Вместе с тем ислам, как и всякая религия, неоднороден и имеет несколько течений. Оседлое население Туркестана исповедовало ислам и принадлежало к последователям ханафитского толка, который считается наиболее терпимым к разного рода местным обычаям доисламского или неисламского происхождения. Большая часть населения Степи была сравнительно недавно приобщена к мусульманской религии и тоже не принадлежала к ее ортодоксальному крылу. Фундаменталистский, ортодоксальный ислам исповедовали в Бухаре, Коканде, Хиве.

Ортодоксальный ислам, как и любая религия единобожия, признает истинным только своего бога, а поскольку другие боги неистинны, то их последователи есть слуги диавола – бога неистинного. К таким же выводам приходит и ортодоксальное христианство[1], поэтому последовательное, фундамен-

[1] До Константинопольского Собора 1180 года формула отречения, которую произносили новообращенные мусульмане, гласила: «Анафема богу Мухаммеда, о котором он говорит, что он есть бог ολόσφυρος». Под влиянием императора Мануила I формулировка была изменена: «Анафема Мухаммеду [и его] учению, переданному в Коране, в котором он исповедует, что Господь, Бог и Спаситель наш Иисус Христос не является Сыном Божиим; благое называет дурным, а свет выставляет тьмою, еще же [анафема] и скверному учению его, противному священным наставлениям Христа и богомудрых святых, а также [анафема] и тому, кто внушил ему и думать и учить этим скверным и презренным вещам, буде это кто-либо из людей, или же злоначальник демонов и отец зла, или же сам скверный Мухаммед породил от себя столь безобразнейшие плоды; кроме того, анафема тем, кто [считает], что Мухаммед пророк и посланник, от которого приняли учения и заповеди, противные учению Христа».

Иоанн Дамаскин в книге «О ересях» писал: «Существует еще и религия измаилян, которая господствует и в наши дни, вводя в заблуждение народы и предвозвещая приход антихриста».

талистское религиозное учение всегда внутренне враждебно другой ортодоксальной монотеистической религии. В связи с тем что власть русского царя держалась на православии, то признать эту власть и внутренне принять ее ортодоксальный приверженец ислама не мог, поскольку она, по его мнению, держалась на вере в неистинного бога.

Относительно толерантно способен был относиться к власти православного царя неортодоксальный, непоследовательный, то есть слабый ислам, однако он всегда мог под воздействием внутренней работы своих наиболее убежденных последователей либо под влиянием авторитетов извне превратиться в ортодоксальное мусульманство, готовое не на жизнь, а на смерть бороться с православной царской властью. Поэтому для царской власти любой ислам был идейным врагом, отличие было только в степени его готовности к борьбе. Ортодоксальный ислам был смертельным врагом, неортодоксальный тоже врагом, но не готовым пойти на крайние меры.

Вера в единого бога и признание других богов ложными, а ложным богом может быть только диавол, есть источник религиозных войн, которые ведутся между представителями монотеистических религий и конфессий. С другой стороны, из веры в единого бога вытекает лояльное отношение к рационалистической власти, имеющей свой источник в народе, а не в боге. Поэтому в религиозном обществе может быть признана светская власть, избранная народом, но никогда не будет искренне признана власть, основанная на вере в «чужого» бога, который всегда есть бог неистинный.

Неортодоксальным мусульманином власть православного царя может быть принята внешне, но всегда неискренне и поверхностно; для ортодоксального мусульманина невозможно даже внешнее принятие этой власти. Поэтому в мусульманских районах царская власть никогда не была сильна, и периодически ее подтверждали силой.

Признание опасности ислама для власти православного царя хорошо осознавалось всеми русскими правителями, кроме Екатерины II, которой ее европейское рационалистическое образование и воспитание не позволили понять суть расхождений ислама и православия.

До царствования Екатерины II российская власть на протяжении столетий проводила политику ограничения прав мусульман – то смягчая ее, то усиливая. В 1767 году в Наказе Уложенной комиссии Екатерина II признала «пороком» притеснение ислама и иных неправославных религий. Это было следствием усвоенных ею идей эпохи Просвещения. Указом от 17 июля 1773 года она провозгласила всеобщую веротерпимость и запретила православному духовенству вмешиваться в дела мусульманских общин, отнеся их к ведению государственной власти. В 1788 году императрица учредила Оренбургское маго-

Цит. по: Журавский А. Христиане и мусульмане: от конфронтации к диалогу / Христиане и мусульмане: проблемы диалога. Хрестоматия. М., 2000. С. VIII.

метанское духовное собрание – муфтият, центр которого находился, однако, не в Оренбурге, а в Уфе. Этот государственно-религиозный орган был призван руководить деятельностью мусульманских общин России, включая и присоединенные территории Центральной Азии (казахской степи), но исключая мусульман Крыма, для которых в 1794 году императрица образовала отдельный муфтият – Таврическое мусульманское духовное управление с центром в Бахчисарае. Муфтияты содержались за счет казны, за государственный счет также был налажен выпуск разнообразной исламской литературы, в частности Корана. Власть разрешила мусульманам открывать религиозные школы – мектебы, а также исламские вузы – медресе, готовившие кадры священнослужителей для мечетей.

Политика Екатерины II имела немало последователей среди либерально настроенных сторонников свободы вероисповедания, однако ее реализация в исламских регионах неизменно приводила к подрыву власти, основанной на православии.

Во второй четверти XVIII века, когда в состав Российской империи вошли обширные территории Центральной Азии, принадлежавшие крупным казахским родоплеменным объединениям – Младшему и Среднему жузам, было завершено формирование основных принципов исламской политики правительства, которые и были применены к новым подданным – кочевникам казахской степи. Сущность этой политики заключалась в безусловной терпимости к духовно-религиозному быту кочевников и в утверждении среди них мусульманской веры.

Противники христианизации исходили из того, что ислам уже укоренился среди кочевников, поэтому их обращение в православие будет не только весьма долговременным и дорогостоящим мероприятием, но и опасным в силу естественного ему сопротивления. Кроме того, полагали, что ислам будет эффективным средством преодоления родоплеменной розни и объединения кочевников и проще иметь дело с единой социальной системой, действующей по одним правилам, нежели со множеством социальных систем и правил. Однако главной задачи – формирования искренних подданных православного царя ислам не решал, поэтому религиозную политику Екатерины II разделяли далеко не все. Время от времени идея христианизировать казахов появлялась в умах российских чиновников[1].

Для практической реализации религиозно-политических планов в Казахской степи власть привлекла российских мусульман – татар Поволжья, называвшихся «казанскими», и татар Западной Сибири. Считалось, что за два с

[1] Например, М.М. Сперанский, в бытность свою генерал-губернатором Сибири, планировал послать в Степь «особенную миссию», которая должна была «действовать» на кочевников «одними увещеваниями и убеждениями». Однако, в конечном счете, из этого замысла прославленного русского реформатора ничего не вышло.

лишним столетия пребывания в составе христианского государства мусульмане-татары и смирились с царской властью, и сблизились с русской жизнью. Обеспечением кочевников-казахов священниками занимался Оренбургский муфтият, координировавший миссионерскую деятельность татар. Муфтият назначал своими указами мулл в кочевья, их в народе называли «указными». Муллы были ответственны за правильное отправление мусульманского культа и религиозное обучение детей кочевников, что особенно контролировалось муфтиятом. Со временем российская власть стала продвигать на должности «указных» мулл для кочевников их соплеменников из числа казахов, получивших образование в медресе Оренбурга, Казани, Уфы, Троицка и др.

Кроме «указных» в Степи проповедовали и различные бродячие проповедники ислама, среди которых было немало агентов из южных центральноазиатских ханств, сеявших антирусские настроения и нагнетавших таким образом религиозно-политическую обстановку в Степи. Немногочисленная имперская администрация не вела постоянной и эффективной борьбы с этими вольными проповедниками ислама, ошибочно не усматривая в них угрозы для российской власти.

В первой половине XIX века правители Кокандского ханства содействовали массовому проникновению вглубь российских территорий миссионеров-исламизаторов, среди которых, кроме кокандских, было немало бухарских и хивинских религиозных деятелей. Ханские миссионеры проповедовали ислам в его наиболее ортодоксальной и агрессивной форме и открыто продвигали антироссийские идеи, находившие поддержку среди многих кочевников. Эти идеи в немалой степени побуждали кочевников к восстаниям. В таких условиях российская власть была вынуждена усилить полицейско-административный контроль за религиозной жизнью в кочевьях. Пришлые пропагандисты ислама в Степи отлавливались и выпроваживались восвояси. Но такая участь постигла далеко не всех из них, поскольку многих казахи прятали в своих кочевьях, причем часто с ведома «указных» мулл.

Изменение религиозной политики царской власти в степных районах было намечено во «Временном положении об управлении в Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях» (Степное положение), утвержденном 21 октября 1868 года императором Александром II. Положение имело специальный раздел «Об управлении духовными делами киргизов». Оно изъяло кочевое население Степи из ведения Уфимского муфтията, что должно было ликвидировать влияние татар на религиозную жизнь казахов. С этой же целью в степных областях был ликвидирован институт «указных» мулл. Заведование «духовными» делами кочевников закон поручал муллам, избранным самими казахами. Эти муллы передавались в ведение так называемого «общего гражданского управления», а через него – Министерства

внутренних дел. Избранные муллы утверждались губернатором. Степное положение устанавливало избрание только одного муллы на волость. Содержание мулл, мечетей, религиозных школ возлагалось на кочевые общества. Закон устанавливал право мулл преподавать в религиозных школах, но только с разрешения уездного начальства.

Новое «Положение об управлении Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской областями», утвержденное в 1891 году императором Александром III, внесло мало нового в религиозную жизнь кочевого населения степных областей, и конфессиональная политика правительства в этом регионе оставалась неизменной вплоть до 1917 года.

В религиозной политике царской власти среди кочевников Центральной Азии особое место занимала Закаспийская область, большинство населения которой составляли туркмены. В феврале 1890 года было утверждено «Положение об управлении Закаспийской областью», которое действовало до 1917 года. Закон не регулировал религиозную жизнь мусульманского населения, зато предоставлял начальнику области чрезвычайно широкие полномочия по «общему надзору» за таковой. Первый начальник Закаспийской области генерал-лейтенант А.Н. Куропаткин (1890 – январь 1898) использовал эти полномочия в полной мере. Суть его политики заключалась в противодействии усилению ислама среди местного населения.

Куропаткин решительным образом пресекал миссионерскую деятельность «исламизаторов» из Хивинского и Бухарского ханств; не менее решительно изгонял он и проповедников ислама, являвшихся из Туркестанского генерал-губернаторства. По его распоряжению чины уездной и приставской администрации осуществляли строгий надзор за деятельностью мулл в кочевьях. Строительство и открытие мечетей, религиозных школ, мазаров и т.п. допускалось только с разрешения начальника области. С уходом Куропаткина на должность военного министра исламизация кочевого населения Закаспийской области стала усиливаться. Причиной этому была, в числе прочего, передача Закаспийской области в состав Туркестанского края, население которого было более твердым в вере, что привело к повышению уровня исламизации закаспийских туркмен, казахов, каракалпаков и др. Сказывалась также близость Хивинского ханства, миссионерам из которого после Куропаткина никто серьезно не противодействовал.

Свои особенности имела религиозная политика по отношению к кочевникам Туркестана. Первый туркестанский генерал-губернатор К.П. фон Кауфман изначально принимал решительные меры по предотвращению мусульманизации кочевников края, начатой еще правителями Кокандского ханства. Самовольно поселившиеся в крае миссионеры из Бухары, Хивы разыскивались и незамедлительно высылались за пределы генерал-губернаторства без права появления на его территории впредь.

Преемники Кауфмана, за исключением Н.О. фон Розенбаха (1884–1889), не проявляли большого рвения в борьбе с исламизацией кочевников. К тому же «Положение об управлении Туркестанского края» 1886 года не содержало никаких законодательных препятствий для контактов твердого в вере оседлого населения с кочевниками, что способствовало распространению ортодоксального ислама. Положение 1886 года практически никак не регулировало религиозную жизнь коренного мусульманского населения. При этом в Семиреченской области, включенной в состав Туркестанского края, сохранялось действие «Степного положения» 1891 года, которое «загоняло» ислам в строгие рамки регламентации. Поэтому семиреченские кочевники, проживавшие рядом со своими туркестанскими соседями, не могли не чувствовать себя обиженными, видя, что те никоим образом не ущемлены в своей религиозной жизни и могут иметь все то, чего в значительной степени их лишало «Степное положение» 1891 года. Туркестанские генерал-губернаторы не раз входили в правительство с предложениями решить вопрос о ликвидации несоответствия норм двух положений. Однако российская власть, пытавшаяся выработать единое общетуркестанское положение об управлении, так и не смогла или не успела этого сделать.

Присоединение южных районов Центральной Азии с преимущественно оседлым и глубоко исламизированным населением настоятельно требовало сформировать новый тип религиозной политики российской власти. В этом регионе, как нигде в Российской империи, «капля» христиан растворилась в «океане» мусульманства, казавшегося вначале фанатичным и непримиримым по отношению к пришлой цивилизации.

Первый военный губернатор Туркестанской области генерал-майор М.Г. Черняев выступал за активное сотрудничество с представителями исламской элиты, полагая, что в союзе с мусульманскими лидерами будет легче примирить местное население с новой властью. Такой подход расходился с воззрениями непосредственных начальников Черняева, считавших недопустимым заигрывание с «мусульманским духовенством». Новый военный губернатор генерал-майор Д.И. Романовский пытался внедрить в Туркестанской области выборные административно-судебные органы – мехкеме, ранее учреждавшиеся среди мусульманского населения Кавказа. Эта новация должна была серьезно подорвать авторитет и влияние «исламского духовенства», поскольку из трех «туземных» членов мехкеме только один мог быть духовным лицом.

В 1867 году было образовано Туркестанское генерал-губернаторство в составе двух областей – Семиреченской и Сырдарьинской. В законе об управлении этими областями не были определены принципы религиозной политики, она была отдана на откуп местной администрации, и прежде всего – туркестанского генерал-губернатора К.П. фон Кауфмана. Свою позицию Кауфман

изложил в речи перед представителями мусульманства 22 января 1868 года в Ташкенте. Он обещал населению не вмешиваться в его религиозную жизнь, но при этом требовал взамен от исламской элиты безусловной лояльности к русской власти и ее порядкам, угрожая наказанием за их нарушение. Провозглашенные Кауфманом принципы легли в основу «политики невмешательства и игнорирования ислама», которая должна была своим «невмешательством» привлечь к русской власти симпатии рядового мусульманского населения, а «игнорированием» – полностью отстранить духовенство от участия в государственной жизни и управлении. Кауфман считал «улемов» неисправимой консервативной силой, враждебной всему русскому и передовому. Он надеялся, что политика «игнорирования» отодвинет мусульманскую элиту на задворки общественной жизни, сведет на нет ее влияние на массы верующих, которые, освободившись из-под духовного гнета улемы, станут быстро и охотно приобщаться к идеалам российской государственности. При этом туркестанская администрация весьма внимательно следила за деятельностью духовенства», решительно пресекая любые «вредные» поползновения в его среде.

Администрация действительно не вмешивалась во внутренние дела исламских общин, в выборы имамов и мулл. Местное мусульманское население удовлетворяли принципы «невмешательства и игнорирования», позволявшие им жить свободной религиозной жизнью. Оно положительно оценило то, что власти не мешают им открывать мечети, мектебы, медресе и т.п.

Еще при жизни К.П. Кауфмана религиозная политика «невмешательства и игнорирования» вызывала у многих сомнения в ее эффективности. Наиболее решительно критиковал программу Кауфмана его преемник М.Г. Черняев. Он объявил ее бесперспективной и даже преступной. Вместо «невмешательства и игнорирования» Черняев предлагал концепцию, основанную на активном диалоге российской власти с «мусульманским духовенством». В 1882 году новый император Александр III назначил Черняева туркестанским генерал-губернатором вместо умершего Кауфмана, однако, столкнувшись с туркестанской реальностью, Черняев отступил от многих своих прежних громких заявлений, стал более осторожно и взвешенно относиться и к идее учреждения муфтията в Туркестане. Против его учреждения выступало и правительство, считавшее, что он может стать центром местного «мусульманского духовенства», а это не входило в планы российской власти. Не получила данная идея поддержки и среди членов Государственного совета, рассматривавших проект нового «Положения об управлении Туркестанского края», которое было утверждено императором в июле 1886 года.

Разногласия в правительстве и среди высших чинов туркестанской администрации не позволили выработать единый религиозно-политический курс

в Центральной Азии, что не могло не породить в исламской политике неуверенных, непродуманных и паллиативных решений.

Попытка генерал-губернатора А.Б. Вревского обязать «мусульманское духовенство» повсеместно произносить «молитвы за царя», которую сочинил главный инспектор училищ Туркестанского края Ф.М. Керенский, а также стремление навязать изучение русского языка в мектебах и медресе привели к значительному ухудшению отношений с мусульманской элитой и осложнили внутриполитическую обстановку в регионе. Летом 1892 года, вследствие религиозно-политических ошибок администрации во время холерной эпидемии, в Ташкенте вспыхнуло восстание мусульман. В последующем в разных местах края также имели место волнения среди мусульманского населения.

В мае 1898 года под религиозными лозунгами восстали мусульмане города Андижана и его окрестностей. Повстанцы в количестве около двух тысяч человек атаковали казармы царских войск. Выступление быстро подавили, его руководители были повешены, а сотни рядовых участников высланы за пределы Туркестана. Восстание заставило российскую власть пересмотреть свою религиозную политику в отношении мусульманства, а новому туркестанскому генерал-губернатору С.М. Духовскому было поручено разработать программу преобразований в части управления духовными делами мусульман края; однако большинство его предложений высшая российская власть проигнорировала, посчитав их слишком радикальными. Религиозная политика среди оседлого населения Туркестана, сформулированная Кауфманом, сохранялась вплоть до 1917 года.

Российское влияние на центральноазиатский ислам было двояким. С одной стороны, русская власть подорвала позиции прежнего наследственного духовенства, лишив его былых привилегий и значительной части собственности, а также установив внешний контроль над действиями шариатского судопроизводства; с другой –политикой модернизации власть способствовала быстрому проникновению в общество новых исламско-пуританских идей и в целом распространению исламского просвещения, а также появлению новой мусульманской элиты. Неслучайно число мечетей в оседлой части Центральной Азии кратно возрастает именно на рубеже XIX–XX веков. Все эти изменения подготовили новый всплеск исламского возрождения и мусульманского самосознания.

В процессе российской колонизации в Центральной Азии появились представители многих неисламских религий и конфессий, прежде всего православия. В церковно-административном отношении приходы западной части Степи подчинялись Оренбургской епархии, а восточной – Томской (позже – Омской). Среди православного духовенства стало преобладать епархиальное, игравшее заметную роль в общественно-культурной жизни «степных» горо-

дов. Роль военного духовенства была незначительной и ограничивалась в основном пределами гарнизонов.

Со временем православные переселенцы все больше стали углубляться в Степь, где образовывали хутора. Церковь на них оказывала незначительное влияние, в результате в условиях «кочевого» окружения молодое поколение, выросшее на новом месте, довольно быстро сближалось с туземцами, чаще поддерживая контакты с мусульманами, чем со своими единоверцами. В XIX веке «Оренбургские епархиальные ведомости» писали, что многие хуторяне окончательно «окиргизились» – говорят только на чужом языке, забыли православные обряды, а из праздников помнят только Пасху.

Кроме православных, в Степи расселились старообрядцы, составлявшие большинство Уральского казачьего войска. Отдельной группой были старообрядцы – переселенцы из Сибири, имевшие разные с уральцами староверческие «толки», что препятствовало их тесному общению. Относясь терпимо к старообрядцам-казакам, царская власть не жаловала старообрядцев-переселенцев, держала их под строгим контролем.

Вслед за православными в Степи расселились и немцы-лютеране. Поскольку в высших эшелонах российской власти было немало лютеран, то им оказывалось покровительство при расселении. Большинство представителей этой конфессии селились в городах, служа чиновниками, учителями, врачами, фармацевтами и т.п.

Кроме лютеран, со временем в Степи стали расселяться немцы-адвентисты. Они создали крупные общины в «степных» городах, а также в Омске, Томске и др. Российская власть относилась к адвентистам в Степи с недоверием, держала их под полицейским контролем, поскольку, в отличие от лютеран, адвентисты активно проповедовали свою веру, рекрутируя новых членов общин не только из православных, что было строжайше запрещено законом, но и из кочевников.

Действовали в Степи и римско-католические общины. Большинство здешних католиков были поляками, среди них значительную часть составляли сосланные или их потомки. Над ссыльными католиками осуществлялся постоянный полицейский надзор. Российская власть особенно не благоволила к католикам, но и не препятствовала им организовывать свои богослужебные учреждения, совершать молебствия.

В XIX веке «степные» области стали активно заселяться евреями из внутренних губерний России, имевшими разрешение на переселение из так называемой «черты оседлости». Иудейские общины функционировали во всех крупных населенных пунктах. Российская власть не препятствовала евреям вести религиозную жизнь по канонам их вероучения, открывать богослужебные заведения (синагоги) и религиозные школы при них.

В Туркестане российская власть столкнулась также с приверженцами иудаизма и индуизма, давно обосновавшимися в этих краях. В центральноазиатских ханствах они находились, как «неверные», в унизительном положении и были ограничены в своих правах, поэтому эти религиозные группы приветствовали приход России в Туркестан как избавление от многовекового угнетения и деспотизма. Учитывая данное обстоятельство, новая власть отнеслась к ним весьма гуманно и, рассчитывая на их политическую лояльность, предоставила широкие возможности в сфере религиозной жизни.

Таким образом, политика царского правительства по отношению к исламу в Центральной Азии колебалась в зависимости от взглядов самодержца и господствующих идей в высших кругах, принимавших решения в столице и регионе. Первоначально власти исходили из идеи веротерпимости к исламу, однако по мере понимания его неизбежной оппозиционности к царской власти перешли к политике, основанной на ограничении влияния ислама.

В различных регионах Центральной Азии религиозная политика различалась в зависимости от взглядов военных губернаторов и начальников, а также от силы веры в ислам местного населения. В тех районах, где господствовало ортодоксальное мусульманство, чаще приходилось применять силу для утверждения и восстановления власти православного царя.

§6. Колонизация Центральной Азии

Решение задачи закрепления Центрально-Азиатского региона за Россией было непосредственно связано с лояльностью населения к самодержавной власти. Сложнее всего добиться этого было в южных районах, населенных ортодоксальными мусульманами. Поскольку политика русификации, обрусения и обращения в православие не принесла значимых результатов, то край удерживался в составе империи преимущественно силой или угрозой применения силы. В случае ослабления центра была высока вероятность отделения Центрально-Азиатского региона и его возвращения в «первобытное» состояние.

Единственным действенным средством, способным создать социальную опору самодержавия в крае, была колонизация, то есть переселение православных из Центральной России. Колонизация Центральной Азии как процесс началась довольно давно и чаще всего была стихийной. Российское правительство лишь косвенно регулировало процесс и, в зависимости от конкретной ситуации, либо поощряло переселение, либо пыталось его сдерживать.

Первыми, как обычно, новые земли осваивали казаки. Позднее началось переселение российских крестьян. Во многих случаях официальная колонизация шла по следам «вольной», правительство признавало участок своим, так как он был уже занят русскими. Именно православные переселенцы создавали опору российской государственности на недавно присоединенных территориях. Администрация, понимая выгоды колонизации, тем не менее

вынуждена была учитывать возможность и вероятность волнений вызванных среди местных жителей, постепенным оттеснением их с участков земли, которые они считали исконно своими. Позднее движение русского населения в Центральную Азию было связано также с промышленным развитием региона и включением его в систему экономики всей империи.

В первой половине XIX века казаки составляли преобладающий элемент в оседлом земледельческом населении восточной половины казахских степей. Сибирское войско являлось одним из крупных землевладельцев в регионе. Однако с началом крестьянского переселения расширение казачьих владений было приостановлено, а часть этих земель была возвращена преимущественно кочевому населению.

Кроме казаков значительную роль в колонизации Восточного Казахстана сыграли старообрядцы, искавшие здесь легендарное «Беловодье» – страну, где всем свободно и легко живется.

Массовое крестьянское переселенческое движение началось вскоре после отмены крепостного права. В 1860–1870-е гг. переселение в центральноазиатский регион, главным образом в казахские степи, шло самовольно, то есть без каких-либо санкций правительства и даже несмотря на запретительные меры. В тот период новоселы чаще всего брали землю у кочевников-казахов по соглашению – на правах аренды, хотя бывали и самовольные захваты участков, что иногда допускалось российской администрацией. Кочевое население обычно уступало излишки – те участки, которые фактически не использовались или лежали на периферии кочевий.

Поворот в переселенческой политике наметился к началу 1880-х годов, когда крестьянский земельный голод сделался реальной угрозой для стабильности империи, а правительство стало осознавать, что необходимо упорядочить переселенческое движение. В 1891–1892 гг. масса переселенцев устремилась на восток из-за постигшего Центральную Россию неурожая и голода. Большая часть переселения шла самовольно, без согласия начальства. Возвращать обратно всех «самовольцев» было невозможно, и правительство стало узаконивать возникшие без разрешения поселения, причисляя жителей к фактическим местам их водворения. Только с 1893 года было окончательно легализовано переселение в степные районы, люди стали получать путевые пособия, им оказывалась врачебная и продовольственная помощь, частично оплачивался проезд по железной дороге.

Особенности крестьянской колонизации Туркестана во второй половине XIX века заключались в том, что там была более высокая плотность населения, чем в казахских степях, причем преобладало оседлое земледельческое население, освоившее в далеком прошлом всю пригодную к обработке землю. В то же время администрация края была заинтересована в заселении пригодных для земледелия районов крестьянами с целью создания опоры россий-

ской власти на недавно присоединенных территориях, поэтому, например, Семиреченская администрация, вместо того чтобы возвращать самовольных переселенцев на родину, чего требовали законы, стремилась обустроить и закрепить крестьян на месте. Для этого они получали не только землю, но и материальную помощь на строительство дома, приобретение рабочего скота, инвентаря и посадочного материала, пользовались различными льготами.

В начале XX века переселение крестьян на восток стало составной частью новой аграрной политики российского министра внутренних дел П.А. Столыпина. Основной поток миграции направлялся в Сибирь и на Дальний Восток, но около трети переселенцев в 1906–1910 гг. ехали в казахские степи. Туркестан официально считался закрытым, однако тысячи переселенцев самовольно устремились в кочевые районы края. Многие малоимущие крестьяне не смогли в короткие сроки устроиться на новых местах и разорялись, большая их часть возвращалась обратно в Центральную Россию.

По установленному российской администрацией порядку туземцам не разрешалось обустраиваться в русских селах. Это было особенно актуально для густонаселенных областей Туркестана. Власть стремилась максимально оградить переселенцев от контактов с местным населением. Безопасность сельчан обеспечивалась российской администрацией и военными силами, кроме того, в каждом доме предписывалось иметь винтовку. Однако фактически уже в первые годы после водворения между переселенцами и коренными жителями устанавливались хозяйственные и торговые отношения, выгодные обеим сторонам. Правило «закрытости» сел для людей коренных национальностей никогда не соблюдалось слишком строго.

В целом на новом месте воспроизводился привычный для крестьян уклад жизни, регулируемый ими самими и политически – через общинное самоуправление, и экономически.

С начала крестьянского переселенческого движения, то есть с 70-х годов и до конца XIX века, численность славянского населения в Степном крае увеличилась более чем вдвое и составила по переписи 1897 года 430 тыс. человек. Их удельный вес среди населения кочевых областей составил 11%. Всего за 1897–1917 гг. славянское население на кочевых территориях увеличилось в три раза и достигло в Степном крае более 1 млн человек. Первое место по численности переселенцев занимала Акмолинская область. Славянское население Туркестанского края в 1897 году составляло почти 200 тысяч человек, а к 1917 году – около 750 тысяч чел – 10% населения края. Первое место по количеству переселенцев занимала Семиреченская область – там обосновалось две трети всех переселенцев края.

Этнический состав населения Степного и Туркестанского краев после вхождения в состав Российской империи изменился не только за счет количественно преобладавших в миграционных потоках представителей восточных

славян, главным образом русских и украинцев, но и вследствие переселения представителей других народов – как с территории России, так и из соседних Китая и Персии. Большинство формировавшихся этнических групп в силу культурных и конфессиональных отличий от местного населения мало с ним смешивались, длительное время сохраняли свою самобытность, образовывая общины или семейные группы и занимая определенные социальные ниши.

В Центральную Азию переселилось много татар из Среднего Поволжья, Северного Приуралья и Западной Сибири. Правительство привлекало татарских купцов для налаживания торговли с местным населением, значительное количество их прибывало в регион в качестве служащих царской армии, часто они работали переводчиками. Заметной была деятельность татарских духовных лиц и татарской интеллигенции. Они, распространяя исламское образование, способствовали росту грамотности, особенно среди кочевого населения, открывали мечети, школы, культурные учреждения. Ассимиляционные процессы среди татар были незначительны, хотя в Уральской области часть татар входила в состав казачьего войска, приняла православие и обрусела. К 1917 году представителей этого народа насчитывалось в регионе более 100 тыс. человек.

Для понимания политических взглядов и настроений населения более важной характеристикой, чем национальность, являлось вероисповедание, определявшее мировоззрение человека.

В Средней Азии православие занимало второе место после ислама, и за период с 1897 по 1911 год увеличилось почти в три раза. Тем не менее православные составляли всего 18,7% в общем составе населения, а вместе со старообрядцами – 19%. В Акмолинской области православные за счет переселенцев превратились в большинство и насчитывали 57,6% населения в 1911 году.

Некоторое увеличение числа православных произошло и в коренных областях Туркестана: в Ферганской почти в три раза, в Самаркандской почти вдвое и Сырдарьинской более чем вдвое; но при этом православные составляли здесь лишь 1,7%, 2,3% и 5,4% всего населения названных областей. Только в Закаспийской области было отмечено относительное уменьшение числа православных – с 8,9% до 8,1% при оставшемся почти без изменения абсолютном числе всех православных.

В православие к 1897 году было обращено всего 1544 иноверца[1].

Среди других конфессий в 1911 году армяно-грегориане составляли 16 тыс. человек, католики – 30 тыс., протестанты – 45 тыс., иудеи – 84 тыс.

Подавляющее большинство населения составляли мусульмане. Если в 1897 году их было около 7 млн. человек, то в 1911-м уже 8,2 млн. Невзирая на столь значительный абсолютный прирост по отношению ко всему населению Сред-

[1] Азиатская Россия. Т. 1. Люди и порядки за Уралом. СПб., 1914. С. 234–235.

ней Азии число мусульман с 90% упало до 79%. В Акмолинской области они составляли меньшинство – 38% населения. При этом у мусульман практически не было переходов в другие религии, поэтому изменение их доли в общем составе населения было достигнуто исключительно за счет переселения православных и представителей других конфессий из России[1].

Таким образом, переселение больших масс людей в Центральную Азию значительно изменило этнический и религиозно-конфессиональный состав населения, однако он по-прежнему оставался преимущественно мусульманским, что делало его абсолютно ненадежным в политическом отношении. Прочной социальной опоры власти православного царя в регионе, за исключением Акмолинской области, создать не удалось.

§7. Политика русификации

Стержнем внутренней политики России на национальных окраинах во второй половине XIX – начале XX вв. была политика русификации[2], подразумевавшая интенсивное распространение православия и русской культуры при одновременном ограничении ислама и мусульманской культуры. Считалось, что достижение определенных успехов в этой политике создавало социальную базу царского самодержавия и возможность замены местных органов власти и управления на общеимперские.

Если консервативно настроенная часть правящего слоя отводила главную роль в русификации православному миссионерству, то рационалистически мыслящая – образованию. В 1869–1870 гг. Министерством народного просвещения была разработана программа развития школьного дела в среде нерусских народов и сформулирована ее основная идея: «Конечной целью образования всех инородцев, живущих в пределах нашего отечества, бесспорно, должно быть обрусение их и слияние с русским народом»[3].

В XIX веке Центральная Азия уже не относилась к передовым странам мусульманского мира, тем не менее знания, ученость, образованность были попрежнему в почете. Система мусульманского образования охватывала большую часть населения, и каждый ребенок получал определенные навыки и знания. И хотя в целом уровень грамотности в Центральной Азии оставался очень низким, основы мусульманского мировоззрения успешно усваивались большинством населения.

В условиях малой доли русских в населении Центральной Азии решить задачу обрусения мусульман было затруднительно. Например, когда генерал-губернатор К.П. Кауфман приступил к созданию школ для казахов и кыргы-

---

[1] Азиатская Россия. Т. 1. Люди и порядки за Уралом. СПб., 1914. С. 236–238.

[2] В дореволюционной литературе внутреннюю политику царской России на окраинах чаще именовали «обрусением»; под этим термином понималось ненасильственное, естественное сближение с русским народом, превращение в русского по языку и традициям.

[3] Цит. по: Центральная Азия в составе Российской империи. М., 2008. С. 172.

зов, он рассчитывал на то, что их дети обрусеют в русских школах и усвоят русскую культуру, после чего ислам не сможет оказывать на них сильного влияния. Считалось, что достичь этой цели можно путем совместного обучения русских детей и детей коренного населения, преподавания в этих школах на русском языке, по русским программам и учебникам. Со временем выявилась неэффективность обучения русскому языку, и главный начальник края разрешил обучать казахов в русской школе родному языку.

При новом генерал-губернаторе Н.О. Розенбахе, во второй половине 1880-х годов, произошло заметное изменение в тактике русификации. Были осуждены «игнорирование» туземных религиозных школ, устранение ислама из программы обучения, ориентация на кочевое население и привлечение его в русские школы; начались поиски новых методов обрусения народов Центральной Азии. Было признано необходимым перейти к созданию отдельно для оседлого и кочевого населения русских начальных школ грамотности с кратким курсом обучения. За новым типом приходского училища закрепился термин «русско-туземная школа», которая фактически соединила в себе мектеб и русскую школу грамоты. Образцом для организации русских классов стала система Н.И. Ильминского, подразумевавшая обучение русскому языку при помощи родного языка детей с применением к нему русской транскрипции: тексты переводились сначала с родного языка на русский, а затем – в обратном порядке. Первоначально русско-туземные школы стали распространяться по всему краю, однако незначительность русской составляющей такой школы не могла способствовать русификации, а само коренное население не видело в них никакой конкретной пользы, поэтому открытие таких школ носило насильственный характер.

Несмотря на методические поиски, значительных успехов в деле обрусения населения образовательный процесс не принес, и это стало ясно в начале XX века, когда начала рушиться убежденность в скорой естественной ассимиляции коренных жителей Туркестана.

Надежды на то, что мусульманские традиционные школы будут вытеснены более передовыми, русскими, не оправдались. Старая мусульманская школа и вообще ислам обнаружили больше жизненных, сил, чем ожидали русские администраторы в Туркестане. Даже в степных районах, где влияние ислама было несоизмеримо меньше, чем в оазисах, в волостях и аулах казахские дети учились обычно в начальных мусульманских школах-мектебах, реже – в медресе.

Царское правительство периодически пыталось принять меры к тому, чтобы преградить путь к открытию новых мусульманских школ в Центральной Азии. Однако, несмотря на все ограничения, их количество постоянно росло, и если в 1876 году в Ташкенте существовало 11 медресе, то по сведениям 1910 года – уже 22. В Фергане в 1892 году насчитывалось 120, а в 1911-м – 204 мед-

ресе. Всего в 1911 году в главных трех областях Туркестанского края было 328 медресе. В степных районах к 1913 году мектебы функционировали повсеместно, зачастую «незаконно», то есть без письменного разрешения властей. Точному учету число таких заведений не поддавалось, и, по неполным данным, в одном лишь Туркестанском участке Чимкентского уезда Сырдарьинской области насчитывалось более 1000 мектебов, тогда как русско-казахских школ по всему Степному краю было тогда 157 и в большинстве из них число учащихся не превышало 50.

Не удалось не только обеспечить русификацию коренного населения, но даже обучить хотя бы часть его русскому языку, поэтому вплоть до 1917 года в волостях с коренным населением так и не смогли перевести делопроизводство на государственный язык. В связи с этим генерал-губернатор Туркестана Д.И. Субботич вынужден был вновь поднять вопрос о необходимости для представителей русской власти владеть языками народов Центральной Азии, что улучшало понимание между русской администрацией и туземными подданными, но никак не решало проблемы их русификации.

В целом русифицировать и обрусить население Туркестана не удалось, да это и вряд ли было возможно в условиях безраздельного господства в сознании туземцев мусульманского мировоззрения, не принимавших по этой причине ни православных, ни европейских рационалистических ценностей.

Битву за умы и мировоззрение новых подданных царское правительство в Центральной Азии проиграло. Создать массовой опоры царской власти методами обрусения в Центральной Азии не удалось.

§8. Православное миссионерство

Православное миссионерство на территории Туркестана после его вхождения в состав Российской империи было запрещено, тем не менее в 1882 году по указу Святейшего Синода Русской православной церкви среди казахов Семипалатинской области начала работу православная миссия. Однако результаты миссии за первые 10 лет ее существования оказались не столь впечатляющими: крещено всего 200 казахов.

Военная администрация Туркестанского края полагала, что излишняя активность православия в регионе осложнит отношения с многомиллионным мусульманством, поэтому она сдерживала некоторые инициативы православной церкви. Несмотря на такую позицию местной администрации, с 1872 года начала функционировать самостоятельная Туркестанская епархия, которая находилась на «голодном пайке». Ей выделялась только половина тех сумм, которые направлялись в российские епархии. Жалованье священников было нищенским, и прихожанам приходилось содержать их за свой счет. Православному населению Центральной Азии не хватало богослужебных учреждений, их в Туркестане насчитывалось около 180, включая 5 монастырей и обителей. Если одно мусульманское культовое заведение в Центральной

Азии приходилось в среднем на 150–200 человек, то одно православное (всех типов) – на 1500 прихожан. Таким образом, позиции государственной религии и Церкви в Центральной Азии оказались значительно слабее позиций «негосударственного» ислама.

Различное отношение было к другим христианским конфессиям. Как и в Степи, власть более всего благоволила к лютеранам-немцам, которых немало служило в войсках Туркестанского военного округа, в том числе и среди генералов. Кирха и постоянный лютеранский приход открылись в Ташкенте и Асхабаде. Отношение к лютеранам ухудшилось в годы Первой мировой войны, когда среди них стали проявляться германофильские настроения.

Отношение российской власти к католической общине в Туркестане было прохладным. Католиков обслуживали в основном разъездные ксендзы, а постоянный католический приход впервые открылся в Ташкенте в 1902 году.

В Туркестане российская власть весьма терпимо относилась к немецким сектантам – меннонитам и адвентистам, поскольку они считались «крепкими» хозяевами, то есть выгодным колонизационным элементом.

Непросто складывались отношения властей с армяно-григорианской общиной, насчитывавшей к 1917 году свыше 17 тыс. человек. Среди части армян были популярны «сепаратистские» настроения, привносимые единоверцами с Кавказа. Поэтому власти всеми мерами пресекали возможные «опасные» связи.

Жестко относилась царская администрация к русским раскольникам. Ссыльные уральские старообрядцы находились под постоянным административно-полицейским контролем. Достаточно терпимо власть относилась к молоканам, расселившимся (по инициативе Куропаткина) преимущественно в Закаспийской области и содержавшим здесь в очень хорошем состоянии почтовые тракты. Гонениям подвергались немногочисленные общины «хлыстов», «шелапутов», «иоаннитов». Секта русских иеговистов в Ташкенте была разгромлена туркестанской охранкой за распространение «антиправительственной» литературы.

Таким образом, религиозная политика российской власти в Центральной Азии мало чем отличалась от общеимперской в отношении неисламских конфессий. В связи с подавляющим преобладанием исламского населения и незначительным числом православных создать базу для самодержавной власти в конце XIX – начале XX вв. правительству не удалось, поэтому в регионе сохранялось военное управление, основанное на силе, а не на доверии подданных.

§9. Политические результаты усвоения центральноазиатской элитой рационалистических идей

На протяжении всего XIX и в начале XX вв. под влиянием, с одной стороны, русской культуры, российских мыслителей и политиков, а с другой – под

влиянием политических процессов в мусульманском мире (в Оттоманской империи, в Британской Индии, у тюркоязычного населения российского Поволжья и Крыма) рационалистические научные идеи постепенно проникали в сознание центральноазиатской элиты.

Быстрее этот процесс шел в Степи, где уже в середине XIX века появилась целая плеяда ученых, писателей, общественных деятелей, выходцев из казахских жузов, знавших русский язык, знакомых с западноевропейскими исследованиями по истории, этнографии, праву. Вместе с иными концепциями усваивались и идеи нации и национализма. Новые казахские идейные лидеры сформулировали «национальную идею» как идею сохранения своей самости. Они были за изменение архаичных обычаев, за распространение науки и техники, за участие в институтах государственного управления России. Однако центральным в этой программе был пункт «национального» протеста против политики переселения русских в Степной край и кочевые области Туркестана. На этой основе постепенно созревала идея общеказахской автономии. В широкие массы националистические идеи не проникали и были достоянием лишь отдельных представителей казахской элиты.

В Туркестане первые попытки осмыслить социально-политические проблемы с рационалистических позиций, и в частности в понятиях «нации», были спровоцированы младотурецкой революцией 1908 года, проходившей под знаменем возрождения «турецкой нации». Местная элита особо была озабочена поиском единого национального самоназвания, а также тех границ, в рамках которых будут складываться новые национальные формы.

Таким образом, рационалистические идеи, привнесенные в Центральную Азию, прежде всего русским присутствием, образованием и просвещением, на местной почве создавали националистические идеи, нацеленные на освобождение от российской власти.

§10. Основные политические процессы в Центральной Азии

После завоевания Туркестане российская власть в регионе держалась не на доверии к правительству, а в основном на штыках войск, что подтвердило Андижанское восстание 1898 года. Расследовав его причины, Главный штаб выступил с предложением об усилении обрусения края, а военный министр А. Куропаткин высказался за ужесточение контроля над действиями мусульманского духовенства. Местная российская администрация, в свою очередь, сделала вывод о необходимости введения в крае жестких мер, что нашло свое выражение в уничтожении принципа выборности волостных управителей и судей, в расширении прав местной имперской администрации, увеличении числа российских чиновников и войск в ферганских городах.

Революционные события 1905–1907 гг. затронули Центральную Азию в значительно меньшей степени, чем другие регионы империи. В первые месяцы революции оформились социал-демократические группы в Степном крае

и Туркестане. Во многих городах были созданы либерально-демократические организации (кадеты, октябристы и др.).

В период первой русской революции разночинная интеллигенция народов Востока также втянулась в водоворот революционных событий, начала активнее участвовать в формировании общественного сознания местного общества, претендуя на идейно-политическое руководство национальным движением.

Забастовки, стачки, демонстрации в крупных городах и на железной дороге, мятеж в Ташкентском гарнизоне, отказ населения кишлаков от уплаты налогов и выполнения натуральных повинностей, аграрные волнения крестьян-переселенцев – вот неполный список проявления революции в регионе.

Размах революционных выступлений в Центральной Азии был незначительным на фоне остальной империи. Революционные идеи были созвучны и понятны только рабочим, служащим и немногочисленной интеллигенции крупных городов. Туземное население края их и не поняло, и не поддержало. Тем не менее отсутствие достаточной социальной базы не позволяло правительству отказаться от военных форм управления регионом.

Попытки в 1916 году мобилизовать инородцев Степного края и Туркестана для работ по устройству оборонительных и военных сооружений в районе действующей армии привели к масштабному народному восстанию, которое охватило весь Степной край, Туркестан, часть Сибири и Кавказа. В нем принимали участие кочевое и оседлое сельское население, рабочие угольных копей, нефтяных промыслов, Иртышского пароходства, Омской, Оренбургско-Ташкентской, Среднеазиатской, Транссибирской железных дорог. Преобладание масс сельского населения придало восстанию характер стихийного крестьянского движения. В октябре 1916 года восстание в Семиречье было подавлено, многие участники арестованы, сосланы на каторгу или заключены в тюрьму. Более 300 тысяч казахов и кыргызов, опасаясь репрессий, откочевали из Семиречья.

Февральскую революцию русская администрация в лице туркестанского генерал-губернатора А. Куропаткина признала сразу. Уже в начале марта в Ташкенте были созданы Советы рабочих и солдатских депутатов, а из депутатов городской думы был образован Ташкентский исполнительный комитет Временного правительства. Коренное население стало объединяться в Советы мусульманских рабочих депутатов и Союзы трудящихся мусульман. В крае сложилось традиционное для того времени двоевластие.

На рубеже веков в политические процессы все чаще стали вмешиваться силы, созданные новыми идеями. Широкое распространение рационалистических теорий привело к тому, что в борьбу за лидерство в национальном движении вступила либерально-буржуазная интеллигенция народов Востока. К началу века в ее рядах были выпускники высших учебных заведений и учи-

лищ Петербурга, Москвы, Варшавы, Казани, Воронежа, Омска, Оренбурга – в основном выходцы из семей потомственной аристократии, нарождающейся средней и крупной национальной буржуазии; вокруг них сгруппировалась значительная прослойка разночинцев, обучавшихся в российских учебных заведениях разного уровня. Их объединяло критическое отношение к колониализму, самодержавию, средневековым религиозным традициям.

Мировоззрение этого образованного слоя формировалось на идеях национальных просветителей и либерально-демократических идеях русской культуры. Интеллигенция выступала за освобождение своих народов от произвола колониальной администрации, за свободу вероисповедания, равноправие языков. Она ратовала за оседлость и просвещение, модернизацию местной системы управления, особенно судебной. Российское образование не сделало будущих национальных лидеров сторонниками русской власти: напротив, именно они возглавили национально-освободительное движение своих народов. Несмотря на то, что они первоначально высказывались за нераздельность судеб народов Востока с Россией, дальнейшее развитие либерального национального движения неизбежно вело к требованию создания собственной государственности.

В начале XX века под влиянием татарских просветителей (в частности, И. Гаспринского) в Туркестане сформировалось движение джадидов, ставившее первоначально цели по реформированию старой системы мусульманского религиозного образования. Сформировавшееся позднее на основе его идей либеральное движение мусульман Туркестана, Хивы, Бухары получило название «джадидизм». Это политическое движение поддерживали местная интеллигенция, часть мусульманского духовенства и торгово-промышленная буржуазия. Джадидизм идейно вырос под влиянием европеизированных рационалистических идей, реализация которых подрывала основы ислама.

Джадиды выступали за прекращение переселений из Европейской России в Туркестан и ограничение податей с населения. Также они считали необходимыми реформы в самом исламе, требовали реорганизации духовных школ, ограничения обязательных и многочисленных мусульманских религиозных обрядов, снятия запретов на ношение европейской одежды и употребление пищи, приготовленной христианами. Радикальные элементы среди джадидов выступали за отделение Туркестана от России и образование государства под эгидой Турции. Джадиды были сторонниками национализма, панисламизма, пантюркизма[1].

---

[1] Панисламизм – религиозно-политическая идеология, в основе которой лежат представления о том, что ислам способствует формированию наднациональной и надклассовой общности под главенством халифа. Панисламизм возник в последней четверти XIX в. Его последователи создавали мусульманские политические центры и объединения с целью противостояния колонизаторам. Пантюркизм возник в Османской империи в начале XX в. и ставил своей целью подчинение власти Турции всех народов, говорящих на тюркских языках. Часть османской элиты

Первоначально центральноазиатский джадидизм выступал за культурные изменения. Постепенно от их пропаганды джадиды переходили к политическим требованиям. Среди них были как сторонники радикальных преобразований, в том числе независимости Центральной Азии, так и сохранения внутригосударственных отношений с Россией.

Политическая практика в регионе подтверждает утверждение о том, что в Центральной Азии не была сформирована социальная база поддержки русского самодержавия, которое держалось в основном на военной силе. Все вновь создаваемые на основе рационалистических, в том числе и российских, теорий и концепций социально-политические движения были враждебны царской власти. В дальнейшем без массовой колонизации удержать край в составе империи было невозможно.

§11. Цена российского господства в Центральной Азии

Экономической выгоды от присоединения Центральной Азии российская империя первоначально не получила. Российский импорт из региона в абсолютных показателях на протяжении всей первой половины XIX века превышал экспорт из России. В 1865 году импорт из Центральной Азии все еще превышал российский экспорт в регион, и только завоевание Ташкента существенно изменило ситуацию – уже в 1867 году вывоз товаров из России примерно на 20% стал выше, чем ввоз. Таким образом, не завоевание было следствием развития экономических отношений с Центральной Азией: напротив, экономические связи следовали по пятам за российской армией.

Бедное население региона оставалось не очень привлекательным покупателем, а быстрое развитие морских и железнодорожных путей снизило роль Центральной Азии в торговле. Лишь в конце XIX века, особенно с развитием хлопководства, произошло принципиальное переосмысление места региона в экономике Российской империи.

Министерство финансов вплоть до падения самодержавия рассматривало регион как один из самых убыточных. Во второй трети XIX века доходы, поступавшие из Туркестана, почти в три раза превышали расходы на содержание администрации и войск, обустройство границ и городов, проведение железных дорог и другие затраты из казны. Общественное мнение России было убеждено, что Туркестан – это колония, которая живет за счет метрополии. Только начиная с 1906 года доходы казны от Туркестана стали превышать расходы.

Рассуждения о рентабельности Туркестана были частью общей дискуссии об убыточности колоний и окраин. Схожие дебаты шли и в других европей-

---

после младо-турецкой революции 1908 года, выдвинула идею о «национальном единстве» всех тюрков и об их «расовом превосходстве» над всеми другими народами. Панисламистское движение в отличие от пантюркистского предполагало объединение не только тюрков-мусульман, но и мусульман нетюркского происхождения (персов, арабов и др.).

ских империях. Действительно, экономический эффект от присоединения Центральной Азии был отрицательным, но жизнь общества и государства состоит не из одной экономики. Новые приобретения позволили улучшить геополитическое и военно-стратегическое положение России. На обширные земли был направлен поток переселенцев, что решило проблему относительного перенаселения в Центральной России.

Оценка российского господства с позиций населения Центральной Азии зависит от мировоззренческого подхода. С позиций мусульманского мировоззрения господство православного царя, безусловно, оценивается отрицательно. Невозможность жить в соответствии с исламскими идеалами и ценностями – главный минус иноверческого правления. Иная оценка может быть дана с рационалистических, особенно материалистических позиций. Безусловно, можно говорить о том, что уровень жизни местного населения вырос. Резко – в 2–3 раза – возросла плата за работу. Еще больше доходы населения стали увеличиваться с развитием хлопководства.

Главный аргумент материалистов и рационалистов заключается в том, что русское завоевание привело к демографическому взрыву в Центральной Азии. Снижению смертности способствовали прекращение междоусобных войн, относительное улучшение качества жизни, питания, гигиены, а также первые шаги по внедрению государственного медицинского обслуживания (борьба с эпидемиями и пр.).

Первые проявления резкого роста населения проявились среди кочевого и полукочевого населения Степи, где русская власть утвердилась раньше. Общая численность кочевников-казахов в течение XIX века выросла примерно в два раза (с 2,25 до 4 млн. человек).

Естественный прирост населения Туркестана, который в 1870–1880-е гг. был не более 0,4–0,6%, увеличился к 1916 году до 1,5–2%, а в некоторых регионах и до 3% в год. Некогда малонаселенная Фергана превратилась в самый густонаселенный район не только Центральной Азии, но и – по плотности населения – всей империи. В начале XX века появились явные признаки перенаселенности Туркестана и Степного края. С позиций рационалистического, материалистического мировоззрения, где ценность «земной» жизни несравненно выше, чем в координатах религиозного мировоззрения, Центральная Азия под русским господством сделала огромный рывок вперед.

Выводы

Присоединение к России огромного Центрально-Азиатского региона, населенного мусульманами, создало большие проблемы при распространении самодержавной российской власти на новых подданных. Сформировать действительно прочную, основанную на доверии населения власть так и не удалось. Регион управлялся военными и, несмотря на все усилия администрации, не смог перейти к общеимперской организации власти. Завоевание, на-

правляемое идеями геополитического соперничества с Англией и цивилизаторской миссией русского народа, не принесло и значимых экономических выгод России.

Реорганизация управления была проведена по апробированной в других регионах схеме: сначала местная знать оттеснялась от высшей власти, а затем ее смена проходила на среднем и низшем уровнях. Управленческие должности замещались новыми людьми, обязанными своим положением новой русской власти, под бдительным контролем которой находилась вся властная пирамида. Однако создать надежную систему управления из представителей коренного населения так и не удалось, поэтому военное управление в регионе сохранялось вплоть до 1917 года.

Главной проблемой было отсутствие социальной базы для российского самодержавия среди мусульманского населения, которое не удалось ни обратить в православие, ни «русифицировать» при помощи образования. Битву за мировоззрение новых подданных царское правительство в Центральной Азии проиграло. Единственным действенным методом создания социальной базы оставалось переселение из центральных областей России, но завершить этот процесс к 1917 году не удалось, поэтому за исключением Акмолинской области вся Центральная Азия была ненадежна в социально-политическом отношении.

Просвещение, распространение рационалистических знаний, обучение в российских учебных заведениях не привело к созданию преданной России национальной интеллигенции. Рационалистически мыслящая образованная часть туземного общества быстро восприняла идею национализма и положила ее в основание теорий и концепций, нацеленных на создание или восстановление собственной государственности и отделение от империи.

Оценки результатов русского господства в Центральной Азии зависят от мировоззрения оценивающих и поэтому разнятся от крайне отрицательной в мусульманской системе координат до вполне положительной – в материалистической парадигме.

ГЛАВА VII
СИБИРЬ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

§1. Административное деление Сибири и Дальнего Востока

Административно-политическое территориальное образование (Сибирь, Дальний Восток, Северный Кавказ, Туркестан и др.)[1] – это не столько историко-географическая или политико-административная реальность, сколько идеальная конструкция, созданная на основе представлений о пространстве, социально-политических и культурных отношений, существующих как в реальности, так и в воображении людей. И в этом смысле регионы, по мнению современных исследователей империй, «конструируются» подобно «воображаемым сообществам» Б. Андерсона[2].

Организация власти во вновь присоединенных районах империи была важнейшим и первейшим делом военной и гражданской администрации, поскольку именно администрация меняла имеющееся общество и придавала ему необходимые, с точки зрения имперского правительства, формы, создавала условия для политической и экономической интеграции страны, установления ее социальной, правовой и административной однородности. Власть создавала новую социально-политическую и культурно-экономическую реальность.

Поскольку на вновь присоединенных территориях нужны были особенные методы властвования, то это обусловливало и особенные формы власти. Административная централизация представлялась мощным орудием не только управления, но и социально-политического конструирования и реформирования.

Особое место в системе административно-территориального устройства азиатской части России занимали пограничные области, в которых существовала не только упрощенная система управления при сохранении традиционных институтов самоуправления и суда, но и длительное время сохранялся явный приоритет военной власти над гражданской, внешние границы имели

---

[1] Глава написана на материалах книги: Сибирь в составе Российской империи. М., 2007. Использование иных источников специально оговаривается в сносках.

[2] Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М., 2001; Миллер А.И. Тема Центральной Европы: история, современные дискурсы и место в них России // Политическая наука. 2001. № 4. С. 33.

аморфные очертания и обладали большой подвижностью. В этом положении местная администрация становилась ответственной не только за внутреннее устройство области, но и за определение ее границ, в том числе и государственных, за проведение внешней политики в отношении сопредельных государств[1].

В начале XIX века Сибирь составляла единое генерал-губернаторство, которое в 1822 году в результате реформ М.М. Сперанского было разделено на два генерал-губернаторства – Западно- и Восточно-Сибирское. Однако в 1882 году Западно-Сибирское было упразднено, и от Сибири отделился Степной край с центром в Омске. С этого времени Западная Сибирь превратилась в своего рода «внутреннюю окраину», повысив свой статус интегрированности в имперское пространство, что заметно отличало ее от Восточной Сибири, Дальнего Востока и Степного края.

В 1884 году, с созданием Приамурского генерал-губернаторства, от Сибири отпочковался Дальний Восток, а в 1887-м Восточно-Сибирское генерал-губернаторство было переименовано в Иркутское. Как и в Европейской России, в Сибири с 1898 года округа стали называться уездами, чтобы устранить признаки обособленности данной территории.

За изменениями на административной карте империи стоял процесс ее внутреннего строения. С созданием Приамурского генерал-губернаторства произошло не только географическое отделение Дальнего Востока России от Сибири, но и ускорились процессы внутренней административной и экономической консолидации региона, имевшего преимущественно морскую ориентацию. Начался процесс формирования особой, дальневосточной идентичности («амурцы», «дальневосточники»). Но этот процесс был замедлен отсутствием собственной дальневосточной интеллигенции[2].

Основная ставка в сибирской и дальневосточной административной политике делалась на образование новых областей во главе с губернаторами, обладающими высоким официальным статусом, полнотой власти и не обремененными сложной системой учреждений и бюрократического делопроизводства. Если в 1847 году восточнее Енисея было всего два губернатора (иркутский и енисейский), то к началу 1860-х их было уже шесть (иркутский, енисейский, якутский, забайкальский, амурский, приморский) и один градоначальник в Кяхте. Это позволило заполнить вакуум власти на Дальнем Востоке, создать новые управленческие центры, способные относительно автономно принимать важные военно-политические и экономические решения[3].

---

[1] Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков: Монография. Омск, 2004. С. 25.

[2] Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков: Монография. Омск, 2004. С. 42.

[3] Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков: Монография. Омск, 2004. С. 250.

Реальное администрирование на окраинах империи представляло собой совокупность правительственных мероприятий, направленных на сохранение государственной целостности, хозяйственное освоение регионов. Оно также включало решение этнических, конфессиональных и социокультурных проблем с учетом существующих традиций. На азиатских окраинах империи местная администрация, претендовавшая на самостоятельное видение региональных проблем, имела возможность до известной степени проводить автономную политику, которая иногда могла расходиться с намерениями центра[1].

§2. Управление коренными народами Сибири и Дальнего Востока

Принимая во внимание огромные расстояния и опасное положение немногочисленных русских поселенцев в Сибири, московское правительство осуществляло в отношении коренных народов прагматичную политику, схожую с той, что уже была опробована на Волге. Утвердив железной рукой свою власть, жестко, а то и жестоко подавив сопротивление недовольных, Москва предоставила право местному населению вести прежний, традиционный образ жизни при условии уплаты регулярной дани мехами. Воеводы получили указание относиться к туземцам «с терпимостью и милосердием и не взимать ясак с применением грубой силы». Родовые и племенные вожди сохраняли свой статус, но, в отличие от татар, никто не был принят в круг русской знати, так как их образ жизни воспринимался как чуждый[2].

В долгосрочной перспективе правительство на присоединенных территориях преследовало цель создать социально-политическую и культурную реальность, по возможности близкую к центральным российским районам, поэтому стержневой линией правительственной политики и законодательства было стремление глубже вовлечь народы Сибири в орбиту общероссийских административных, хозяйственных и иных связей. В то же время власти отчетливо сознавали сложность и невозможность идеи полного превращения Сибири в Россию – из-за коренного идейного и бытийного различия русского народа и сибирских инородцев; именно поэтому империя на первых порах не ломала существующую у народов Сибири систему местного управления и самоуправления, а стремилась интегрировать ее в создававшийся на окраинах государственно-правовой механизм.

На Дальнем Востоке правительство преследовало те же цели политической и экономической интеграции страны, установления ее социальной, правовой и административной однородности[3].

---

[1] Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков: Монография. Омск, 2004. С. 22.

[2] Хоскинг Дж. Россия: народ и империя (1552–1917) / Пер. с англ. С.Н. Самуйлова. Смоленск, 2001. С. 28.

[3] Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков: Монография. Омск, 2004. С. 22.

Важнейшим законодательным актом, регламентирующим все стороны жизни коренного населения вплоть до начала XX века, стал «Устав об управлении инородцев» от 1822 года, разработанный М. Сперанским. В соответствии с этим документом туземное население Сибири делилось на три разряда – оседлых, кочевых и бродячих, причем первые приравнивались к сословию государственных крестьян во всех правах и обязанностях, кроме рекрутской. Задача постепенного перехода бродячих и кочевых племен в оседлые была основана на успехах в хлебопашестве. Кочевые инородцы приравнивались к крестьянам в налоговом отношении, но сохраняли самостоятельность в управлении и суде. На бродячих жителей распространялись правила, «для кочующих постановленные». Конечной целью было обеспечение перехода бродячих и кочевых жителей в категорию оседлых. Деление на разряды отчасти преследовало русификаторские цели, а также учитывало фискальные интересы государства.

В первой половине XIX века в правительстве под влиянием идей Сперанского возобладало мнение о необходимости провести кодификацию обычного права коренных народов Сибири, а в практике управления учитывать традиционные институты власти аборигенов, их права и обычаи, поскольку полное подчинение народов Сибири действию общероссийского законодательства было в то время невозможно. Позднее взгляды в правительстве изменились, и в 1847 году было признано, что кодификация норм обычного права народов Сибири в том виде, как это предусматривал в 1822 году Сперанский, послужит лишь консервации наиболее отсталых юридических норм и родовых традиций туземцев. Поскольку под влиянием контактов с русским населением в хозяйственной, общественной жизни и быту народов Сибири наметились значительные изменения, было предложено управление «инородцами» подчинить общеимперскому законодательству.

В середине XIX века Сибирь все больше превращалась в край сплошной крестьянской колонизации, поэтому правительство постепенно склонялось к идее необходимости ускорения темпов интеграции русского и коренного населения. Разногласия касались лишь вопроса о том, как эту меру осуществить. Наиболее эффективным средством считалось обращение в православие, которое активно и успешно проводилось среди коренных народов региона, при этом использовались все методы – от посулов и угроз до прямого администрирования и насилия.

Основные направления будущих административных преобразований в крае были сформулированы иркутским генерал-губернатором А.П. Игнатьевым в 1887 году. Конечную цель своего проекта автор выразил как «обрусение инородцев». Эта идея понравилась Александру III и легла в основу закона от 8 июня 1898 года, получившего название «Временное положение о крестьянских начальниках». Несколько позже начальникам участков, в пределах которых про-

живало коренное население, было присвоено название «крестьянские и инородческие начальники».

Закон о крестьянских и инородческих начальниках явился началом полного подчинения аборигенов действию общероссийского законодательства. Согласно новому закону ранее существовавшие органы управления «инородцев» заменялись управами, устроенными по русскому типу. В основе «Временного положения» лежали идеи закона о земских начальниках от 12 июня 1889 года. Однако по сравнению с земскими права крестьянских начальников в отношении подведомственного населения были значительно расширены. На практике новые чиновники становились полными хозяевами в «инородческой» волости. В то же время административные преобразования были направлены на усиление имперской полицейской опеки над туземцами и на их скорейшее «слияние» с русским населением.

Правительство, обеспокоенное активным участием народов Сибири в революционных событиях 1905–1907 гг., стремилось усилить власть над аборигенами и не допустить революционного взрыва в «инородческой среде». С 1908 года стала реализовываться идея скорейшего перевода кочевых инородцев в разряд оседлых. Особую активность в этом деле проявил П.А. Столыпин. К 1914 году из 350 тыс. кочевников, числившихся по официальным данным в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской, в категорию оседлых было переведено 233 тыс., в разряде кочевых и бродячих продолжало оставаться около 116 тыс. душ, что составляло примерно 33% всего коренного населения.

Одновременно с причислением к разряду «оседлых» правительство проводило у аборигенов волостную реформу. Вместо родовых управлений и инородных управ вводились сельские и волостные управления по русскому образцу. Представители родовой знати отстранялись от власти, вместо них на должности сельских старост и волостных старшин назначались зажиточные «инородцы». Таким образом, на протяжении XIX века реализуется идея перехода от косвенной системы управления к управлению по крестьянскому образцу. В конце века возникает идея ликвидации сословия «инородцев» как такового.

§3. Колонизация Сибири

Колонизация – сложный процесс трансформации власти, общества и экономики на присоединенных к России землях. Активным элементом этого процесса является власть. На завоеванных или добровольно вошедших в состав России территориях прежде всего создавалась власть, реализующая идеи российского самодержавия. Иногда русские цари шли по самому простому, но затратному и стратегически невыгодному пути – проводили все трансформации при помощи силы, обычно военной, вопреки желаниям населения присоединенной территории. Имея богатый опыт силового социально-политического творчества, российское правительство применяло его обычно

тогда, когда без этого было невозможно обойтись. Чаще всего это делалось в ходе завоевания территории и во время приведения ее в повиновение новым властям; затем старались создать такую структуру власти, которая позволяла бы обойтись минимальным насилием или избежать его вовсе. Таким образом, тема колонизации выходит далеко за рамки хозяйственного освоения Сибири и имеет большое значение для понимания процессов формирования политического и социокультурного пространства России. Колонизация была направлена на снятие, перенесение границы между уже освоенным и осваиваемым пространствами, на преодоление социально-политического и культурного различия между ними. Империя была обречена обращать на свои азиатские окраины больше внимания, чем на центр, потому что именно на периферии лежали ее основные заботы о безопасности, именно там, конкурируя, империя соприкасалась с себе подобными.

Дж. Хоскинг пишет: «Русское господство на новых территориях ощущалось весьма слабо. Первыми пришли охотники, купцы и искатели приключений, соблазненные сказочными богатствами региона, и лишь затем правительство принялось плести тонкую и совершенно непрочную паутину колонизации, посылая войска, духовенство, чиновников и немногочисленные группы крестьян-переселенцев. Редкие крестьянские поселения играли незначительную роль, так как удаленность новых земель и опасности, подстерегающие чужаков, отпугивали даже самых смелых»[1].

В основе колонизации как универсальном механизме государственного расширения и создания империи лежало закрепощение крестьян, сильная власть в центре и относительно открытые границы государства на востоке и юге, куда недовольные своей жизнью люди могли податься за свободой и сытым житьем. Открытость границ и свобода служили способом формирования казачьих окраин, которые осуществляли закрепление территорий за Россией. Центр и окраины империи были как бы сообщающимися сосудами, в которых повышение давления власти и недовольства населения в центре страны отзывалось усиленной активностью на окраинах. Чем больше было недовольства в центре, тем больше людей бежало на окраины, обеспечивая тем самым расширение империи. Открытость границ не позволяла власти чрезмерно усиливать свой пресс в центре. Однако этот процесс, обеспечивая расширение империи, не гарантировал заселение уже закрепленных за Россией окраинных территорий. Как только они включались в общеимперскую систему власти и администрирования, как приток населения на эти территории прекращался, поскольку по своему режиму они мало чем отличались от центральных областей империи. Свобода и большие возможности были только на неспокойных окраинах, которые постоянно стремились расшириться.

---

[1] Хоскинг Дж. Россия: народ и империя (1552–1917) / Пер. с англ. С.Н. Самуйлова. Смоленск, 2001. С. 27.

Усиление крепостного гнета в центре страны выдавливало на окраины самый непокорный крестьянский элемент, поэтому подавляющее большинство прибывших в Сибирь в XVIII веке крестьян были беглыми помещичьими или черносошными. Вольно-народная колонизация на начальных этапах была выгодна государству, поскольку не требовала от него дополнительных средств, поэтому особых мероприятий по выдворению беглых крестьян, как правило, не предпринималось, хотя допускалось принудительное переселение вновь прибывших в те районы, которые должны были быть освоены в первую очередь.

Миграция населения на окраины постепенно попадает под контроль государства, которое изначально стремилось подчинить ее задачам имперского закрепления новых территорий. Для заселения стратегически важных пунктов и территорий, таких как тракты, пограничные линии, военные гарнизоны, использовались старообрядцы, казаки, бессрочно отпускные солдаты, ссыльные. Штрафная колонизация была главным источником пополнения рабочей силы на заводах и рудниках. Ссылка в Сибирь рассматривалась правительством и населением по преимуществу как «внутренняя колонизация», «государево дело», в отличие от практиковавшейся на Западе карательной эмиграции из метрополии в колонии. Однако ссыльные были малоэффективны в деле земледельческого освоения территорий из-за отсутствия навыков и стимулов к долговременной хозяйственной деятельности.

Попытки принудительного переселения крестьян в XVIII веке дали очень скромный результат, поэтому в начале следующего века было разрешено вольным поселенцам из государственных крестьян малоземельных внутренних губерний селиться в Западной Сибири. Они освобождались от уплаты податей и выполнения повинностей, за исключением воинской, получали от казны ссуду, сельскохозяйственный инвентарь, рабочий скот. До первой жатвы на месте переселенцы получали семена на посев и хлеб или кормовые деньги. По истечении льготного срока они были обязаны платить все подати и вернуть полученную от казны ссуду. Такой подход дал положительные результаты.

В 1843 году Государственный совет одобрил дополнительные правила переселения страдающих от недостатка земли государственных крестьян в многоземельные районы. Цели переселенческой политики определялись двояко: решение проблемы обезземеливания и продолжение хозяйственного освоения окраин. Однако ограничения, сохранявшиеся в отношении некоторых категорий государственных крестьян (семьи с детьми призывного возраста, крестьяне под следствием или судом, крестьяне-мануфактуристы и ремесленники), по-прежнему свидетельствовали о российских, а не сибирских приоритетах в колонизационной политике. Государство, контролируя масштабы переселения, жестко регламентировало его на всех этапах, заботясь о появлении в Сибири состоятельного колонизатора и прочности его водворения. При не-

значительных размерах переселенческого движения государству реально удавалось обеспечивать переселенцев всем необходимым, но льготы привлекали население, и переселение возрастало.

В российской имперской политике все большее значение приобретает идея, что только та земля может считаться истинно русской, где прошел плуг русского пахаря. Крестьянская колонизация становится одним из важнейших компонентов имперской политики, а крестьянин рассматривался как эффективный ее проводник, поэтому их переселение сознательно определялось как необходимое дополнение и продолжение военной экспансии. Таким образом, важнейшую роль в социально-политическом закреплении и хозяйственном освоении присоединенных территорий должны были сыграть не столько военные и чиновники, сколько мирные крестьяне-переселенцы.

Экстенсивный характер крестьянского земледелия и нехватка земли в центральных районах подталкивали власть к идее создания земельных запасов для будущих поколений. Эта идея была близка и понятна народу, именно она обеспечивала массовую социальную поддержку колонизационной политики правительства. Влиятельный в правительственных сферах экономист профессор П.П. Мигулин на страницах газеты «Русь» писал: «Народ наш, обладающий страстною жаждою к земле, отлично поймет значение захвата таких областей, как Монголия и Маньчжурия, с их обширными и плодородными равнинами, пригодными и для земледелия, и для скотоводства. Но он поймет и значение открытого моря и важность короткого общения (торгового и политического) с восточными народами, живущими в ином, чем мы, климате и производящими предметы нашего широкого потребления (чай, хлопок, пряности, фрукты), без которых мы не можем обойтись»[1].

Социальной опорой и базой расширяющейся империи было крестьянство с его пониманием непреходящего значения земли. Крестьянские идеи лежали в основе боевого духа и желания сражаться у российских войск, состоявших из вчерашних крестьян, именно они двигали их на завоевание и присоединение все новых и новых территорий. Их командиры тоже видели на новых территориях свои будущие усадьбы и поместья, поэтому идея расширения границ государства была близка и понятна земледельческому большинству населения и элиты России. Российская имперская идея – это идея расширения пространства как источника жизни, благосостояния нынешних и будущих поколений. Земля не только ценность, но и основание любой ценности, поскольку все основывается на ней. В понимании русского крестьянина и помещика ее много не бывает. К тому же она не пропадет, а будет терпеливо ждать своего часа, когда по ней пройдет крестьянский плуг, а до того времени она не станет хуже, поэтому земельный запас не может быть обузой ни крестьянину, ни помещику, ни государству. «Сибирь дала русским чувство уверенности.

[1] Цит. по: Сибирь в составе Российской империи. М., 2007. С. 52.

Необъятные просторы сформировали нечто вроде геополитического обоснования идеи вселенской империи»[1].

Российское государство и народ впрок собирали, завоевывали, покоряли, присоединяли земли на Востоке и Юге, получая от них обычно меньше, чем вкладывали, и только в XIX веке идея, ради которой собиралась империя, начала эффективно работать. Народ, получив свободу, но не получив достаточно земли, пошел осваивать Сибирь, Кавказ, Центральную Азию.

Первоначально, после освобождения крестьян, правительство, ограждая интересы помещиков, ограничило возможности и права крестьян на переселение. Не только были отменены ссуды и льготы для переселенцев из числа государственных крестьян, но за самовольное переселение предусматривалось уголовное наказание. Тем не менее запретительная политика не смогла существенно ограничить поток на окраины, привела лишь к развитию самовольных отъездов, удельный вес которых увеличился до 85% среди новых поселенцев. Это обстоятельство вынудило правительство предоставить самовольным переселенцам права на занятые земли.

В это же время из стратегических соображений – необходимости освоения и закрепления пограничных окраин – разрешается заселение Амурского и Южно-Уссурийского краев и Приморской области. Стратегическая задача заключалась в создании полосы казачьих и крестьянских поселений, которые закроют границу, обеспечат коммуникации и станут плацдармом для дальнейшего имперского продвижения, сломив сопротивление уже укоренившегося здесь китайского населения. Привлекательность условий, малые затраты, хорошая осведомленность крестьян отдельных внутренних губерний достаточно быстро привели к незапланированному росту переселенческого потока.

По приблизительным подсчетам, с 1861 по 1885 год число переселившихся в Сибирь крестьян составляло около 300 тысяч. Экономическая состоятельность переселенца обуславливала место его размещения: бывшие крепостные старались водвориться сразу за Уралом, более состоятельные государственные крестьяне, особенно при наличии казенных ссуд, добирались и до Восточной Сибири. В этот период государство накопило опыт организации переселений, использованный в следующем веке. Было официально признано, что процессы переселения безвредны для экономического развития Центральной России из-за высокого прироста там населения. С другой стороны, переселение признано необходимым для окраин в целях создания там социально-политической базы самодержавия за счет «распространения и упрочения русской народности».

Новый этап заселения Сибири был связан с организацией строительства Транссибирской магистрали. Комитет Сибирской железной дороги обладал

[1] Хоскинг Дж. Россия: народ и империя (1552–1917) / Пер. с англ. С.Н. Самуйлова. Смоленск, 2001. С. 29.

достаточными средствами и полномочиями для обеспечения строительства рабочими руками и обустройства края. В его распоряжение был предоставлен особый «Фонд вспомогательных предприятий Сибирской железной дороги», главным образом для нужд колонизации Сибири.

С 1904 года в переселенческом законодательстве доминируют политические аспекты, все более усиливающиеся в годы первой русской революции и последующей Столыпинской реформы. За счет переселения стремились улучшить хозяйственные условия крестьян внутренних губерний и тем самым снизить остроту аграрного кризиса.

Масштабы переселенческого движения в 1906–1908 гг. превзошли самые смелые ожидания. Всего с 1907 по 1914 год только в Сибирь переселилось свыше 2,5 млн. крестьян. Подобные масштабы переселения не соответствовали реальным возможностям местной администрации обустроить всех вновь прибывших. Обратные переселенцы составляли от 2 до 10%. Основную массу переселенцев дали Центральный, Малороссийский, Новороссийский, Белорусский, Волжский и Юго-Западный районы, на долю которых приходилось 92% всего вновь прибывшего населения.

Как и всякое крупное социально-политическое мероприятие, переселение огромных крестьянских масс имело не только положительные, но и отрицательные последствия. Проводя крупномасштабные землеустроительные мероприятия по отводу участков для переселенцев в спешном порядке, администрация неизбежно нарушала права старожилов и инородцев. Переселяя малоземельных и безземельных крестьян в Сибирь, государство порой не только ухудшало экономическое положение Сибири, но и не всегда решало аграрные проблемы внутренних губерний. Крайне низкий уровень агрокультуры российского переселенца при известном консерватизме в хозяйственной сфере усугублял положение в сложных, специфических условиях Сибири, Дальнего Востока, Степного края.

Одновременно с крестьянской колонизацией, а на границах опережая ее, следовала колонизация казачья. Казачьи отряды рассматривались как авангард продвижения в Приамурье, на юге Западной Сибири, особенно в тех случаях, когда крестьянской колонизации было недостаточно, когда хозяйственное освоение сопровождалось угрозой вооруженных столкновений с соседями.

На востоке страны, так же как и в казахской степи, крупное казачье землевладение оказалось менее эффективным средством колонизации по сравнению с крестьянским переселением, поскольку казаки предпочитали не земледельческую деятельность, а торгово-предпринимательскую. В редких случаях они занимались сельским хозяйством, предпочитая сдавать землю в аренду или обрабатывать ее дешевым трудом туземцев.

Государство постоянно возвращалось к идее привлечения российского дворянства для колонизации сибирской окраины. Развитие крупного помещичьего хозяйства предполагало не только более высокий агротехнический потен-

циал, но и создание прочной социальной опоры государственной власти на окраине, привлечение чиновников на сибирскую службу. Дворянская колонизация рассматривалась и в связи с необходимостью укрепления обороноспособности российских границ.

С последней трети XVIII века на слабозаселенных окраинах правительство активно использовало иностранных колонистов. В 70-х годах XIX века начинается период вторичной иностранной миграции из зон плотного заселения в Сибирь и на Дальний Восток. Привлекаются при этом колонисты-сектанты (в частности, менониты), затем – католики и лютеране. Иностранная колонизация гарантировала окраинам рациональное и высокопродуктивное земледелие, успешное промышленное предпринимательство, создание образцовых ферм. Изменение отношения к иностранным колонистам в Сибири прослеживается с конца XIX века. Для колонистов, не имеющих российского подданства, не допускалось переселение в приграничные районы. Российским же подданным неславянского происхождения, в частности немцам, запрещалось не только создавать самостоятельные поселки, но и селиться и арендовать земли на этих территориях. О нежелательности – с точки зрения государственных интересов и интересов русских людей – водворения немцев в Сибири писал П.А. Столыпин в 1910 году А.В. Кривошеину, руководителю Главного управления землеустройства и земледелия. К началу Первой мировой войны настороженное отношение властей к иностранным колонистам сменяется достаточно последовательными дискриминационными мерами – запрещением селиться на определенных территориях, куда стремились русские и украинские переселенцы, способные «обрусить» окраинные земли. Открытыми для иностранных колонистов оставались лишь участки с особо сложными климатическими и экономическими условиями. Мотивы политической ненадежности немецких переселенцев начинают превалировать над экономическими выгодами эффективного хозяйствования.

Негативное отношение к иностранным колонистам не распространялось на славян – западных и православных. Понимание русскости местные власти пытались расширить, включая в него не только великороссов, малороссов и белорусов, но и вообще все славянское население.

Колонизация Сибири – длительный и сложный процесс освоения самодержавной властью огромной территории, главным в котором было перемещение масс людей из Центральной России. Основным средством, обеспечивающим прочное господство власти над Сибирью, было заселение ее православным крестьянством, считавшимся надежной опорой самодержавия.

Сибирь, самая большая из присоединенных к России территорий, до конца XIX века оставалась экономически убыточной. Это порождало недовольство в правительстве и обществе, особенно в свете эволюции британской колониальной системы. Знаток Востока барон Е.К. Мейендорф считал, что даже если «мы успеем устроить благосостояние всех новых наших поселений, мы этим

только будем споспешествовать их отделению от метрополии, как учит история всех колоний»[1]. Возражая Мейендорфу, академик К.М. Бэр призывал не бояться возможного отделения колоний, указывая, что Англия экономически только выиграла от самостоятельности своих бывших заокеанских владений.

Когда к рубежу XIX–XX вв. процесс хозяйственного освоения Сибири заметно ускорился и возросли бюджетные траты, посыпались обвинения, что Сибирь живет за счет остальной России. Заговорили о невыгодности окраин, тяжести расходов на их нужды из государственного бюджета. Выделение огромных финансовых средств на строительство Сибирской железной дороги, переселенческое движение крестьян вызвали ожесточенную критику со стороны дворян-землевладельцев. Они требовали перераспределения расходов между окраинами и центром для поддержки последнего.

Сибирский регион почти на всем протяжении XIX века не стал ни объектом мощного колонизационного движения, ни источником сырья для российской промышленности, ни заметным рынком сбыта для мануфактур и фабрик центральной части страны. Самодержавие не умело пользоваться Сибирью, как его справедливо упрекали областники, потому что не имело средств для создания дорогостоящего механизма эксплуатации сибирских природных ресурсов. Ему едва хватало средств на присоединение, удержание и управление новыми землями и народами на востоке империи. Положение стало меняться только в начале XX века.

§4. Отношение к коренным народам Сибири

Ко времени прихода русских в Сибирь ее огромные территории были освоены и обустроены местными народами на свой лад, определявшийся их господствующим мировоззрением. Русские, руководствующиеся православным, а впоследствии и рационалистическим мировоззрением, начали перестраивать существующую социально-политическую, культурную и хозяйственную реальность в соответствии с ценностями своего мировоззрения. На первых порах этот процесс не задевал глубинных основ бытия коренных народов Сибири и в основном сводился к обложению их данью в пользу государства. По мере втягивания туземцев в общероссийскую систему государственных, экономических и иных связей на них были распространены и другие виды податных обязанностей, например земские, которые мало или ничем не отличались от обычного крестьянского тягла. Сибирские аборигены и русские крестьяне рассматривались как подданные государства и должны были уплачивать соответствующие налоги на его содержание.

Влияние русского господства на туземное население до сих пор является предметом споров среди историков. Одни из них считают, что русские оказали негативное влияние; другие, наоборот, – позитивное. Активная политика по обрусению и русификации местного населения изменила внутреннюю

[1] Цит. по: Сибирь в составе Российской империи. М., 2007. С. 31.

сущность большинства из них более чем в каком-либо другом районе. Вместе с тем если подходить к оценке с рационалистических позиций, то надо признать, что при этом происходили и многие позитивные изменения. Так, с 1795 по 1897 год численность коренного населения увеличилась более чем в два раза – с 183 тысяч душ мужского пола до 413 тысяч. Однако в результате интенсивного притока пришлого, главным образом русского, населения, численность которого за этот же период возросла с 412 тыс. душ мужского пола до 2,3 млн., то есть в 5,6 раза, наблюдается падение удельного веса коренного населения – с 30% в 1795 году до 15% в 1897-м.

Главной причиной роста численности большинства народностей и этнографических групп считается распространение у аборигенов земледелия, возрастание оседлости, происходившие под влиянием русского крестьянства и правительственной политики. Эти процессы протекали быстрее в районах более интенсивного общения аборигенного и русского населения.

Однако тенденция к увеличению численности прослеживается не у всех народностей Сибири. Так, например, за тот же период численность юкагиров, ительменов, энцев не возросла, а уменьшилась, однако неправильно рассматривать каждый факт сокращения численности аборигенов как их вымирание. Известную роль в подобных случаях играли процессы миграции и ассимиляции, особенно усилившиеся по мере притока в Сибирь русского населения. Активная православная миссионерская деятельность, распространение русского языка как родного приводили к тому, что в процессе переписи инородцев учитывали как русских.

Таким образом, с позиций религиозного и мифологического мировоззрения, преобладавшего у коренных жителей Сибири, русское господство и сопровождающие его ассимиляционные процессы вели к изменению, а часто и ликвидации их прежней сущности, что рассматривалось ими как крах их идентичности, равнозначный уничтожению народа. С позиций рационалистических и материалистических русское владычество несло коренным народам прогресс, увеличение численности населения, умножение благосостояния и прочие признаки цивилизации.

§5. Русификация и обрусение Сибири и Дальнего Востока

Главным условием реализации идеи самодержавия на вновь присоединенных территориях было утверждение на их пространстве российской власти. Только крепкая власть позволяла получать материальные, геополитические, военные и иные выгоды от владения Сибирью и Дальним Востоком.

Власть над территорией – это, прежде всего, власть над проживающим населением региона, и она может быть обеспечена либо силой, что и дорого и ненадежно, либо доверием со стороны населения, что и надежно и малозатратно. Поэтому русское правительство на первом этапе использовало силу для завоевания азиатских просторов, а на втором стремилось закрепить свою власть через доверие новых подданных; если это не удавалось, то подданных

либо меняли, выселив на другие территории, либо растворяли в массе переселенных из Центральной России крестьян[1].

Одной из главных идей, обеспечивающих политическую лояльность подданных Сибири, стала концепция «слияния» инородцев с русским населением.

Термин «инородцы» впервые получил строгое правовое определение в 1822 году, с введением «Устава об управлении инородцев». К категории инородцев устав относил различные «восточные» народы, в основном кочевые и полукочевые коренные народы Сибири, чей образ жизни базировался на скотоводстве, охоте и рыболовстве[2].

В начале XX века термин «инородцы» приобрел новое содержание, обусловленное его переосмыслением в рамках рационалистического мировоззрения. Если еще в начале XIX века «русскость» определялась принадлежностью к православию, а подавляющее большинство инородцев (в соответствии с классификацией Устава 1822 года) не были христианами, то к началу XX века понятие «инородцы» – в его неформальном использовании – приобрело значение «национальные меньшинства», то есть нерусские национальности, группы, определявшиеся, прежде всего, по их языковой идентичности. Поскольку этнические различия стали осмысливаться в большей степени в терминах языка, чем религии, слово «инородцы» все чаще использовалось для обозначения всех нерусских (определяемых по языковому признаку)[3].

Так же, как язык начал преобладать над религией в качестве основного показателя «русскости», так и национальность, определяемая на основе языка, оттеснив религиозную принадлежность, стала служить основным показателем «этнической» идентичности, отделяющей друг от друга различные нерусские народы империи. Система социальной классификации, основанная на принципах религиозного мировоззрения, частично уступала место системе, основанной на принципах класса и национальности, сформированной в рамках рационалистических взглядов и концепций[4].

В XIX – начале XX вв. огромные массы переселенцев довольно успешно ассимилировали сибирских инородцев, и в местах их совместного проживания возникали инородческие поселения по русскому типу; некоторые из них не отличались от русских селений, другие представляли собой смешанный тип. Процесс обрусения инородцев поддерживался и направлялся усилиями им-

---

[1] Для этого требовалось много земли, и не всегда она была свободной, поэтому вначале правительство постепенно отказалось от провозглашенного еще в XVII веке курса на признание незыблемости прав сибирских народов на занимаемые ими земли.

[2] В 1835 году в инородцы были определены российские евреи, несмотря на тот факт, что они были оседлым народом и населяли, скорее, европейскую, нежели азиатскую территорию.

[3] Джон У. Слокум. Кто и когда были «инородцами»? /Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. Сост. П. Верт, П.С. Кабытов, А.И. Миллер. М., 2005. С. 512, 518–519.

[4] Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. Сост. П. Верт, П.С. Кабытов, А.И. Миллер. М., 2005. С. 505–506.

перской администрации и православными миссионерами с целью создания политически надежной социальной базы российского самодержавия.

В основе всех мероприятий самодержавия в церковной сфере в азиатской России лежало признание решающей политической и социокультурной важности распространения православия среди инородцев. Распространение православия правительство рассматривало как главную составную часть общегосударственной политики обрусения нерусских народов окраин империи, сословного приравнивания их к основному крестьянскому населению империи. Официальные материалы и воспоминания современников свидетельствуют, что для большинства крещеных сибирских инородцев следующим шагом был переход к оседлости и занятию земледелием. Неслучайно во многих местах возникали целые деревни оседлых крещеных инородцев.

На протяжении всего XIX века наступательное движение миссионеров обеспечивалось укреплением организационного строения и упрочением материального положения православной церкви в регионе. Если в 1840 году в Сибири было пять епархий, то к началу XX века число их возросло до одиннадцати.

Важным этапом в деле распространения православия в Сибири стало учреждение в 1870 году в Москве Всероссийского православного миссионерского общества, отделения которого были созданы во всех сибирских епархиях. При покровительстве высших светских и духовных властей наблюдается быстрый рост числа членов и денежных средств общества, что позволяло ему координировать деятельность православных миссий, оказывать им значительную материальную поддержку. Хотя общество финансировало все православные миссии империи, почти 50% денежных ресурсов шло на содержание сибирских миссий, как наиболее успешных и эффективных.

В начале XX века на территории Сибири постоянно действовали восемь православных миссий. Немногочисленными были северные – Березовская и Туруханская, но такие миссии, как Алтайская, Иркутская, Забайкальская, наоборот, активизируют свою деятельность: растет их численность, упрочивается материальное положение.

Совместное наступательное движение православной церкви и государства против традиционных верований народов Сибири проявилось в миссионерских съездах этого периода, в работе которых, как правило, принимали совместное участие высшие губернские власти и церковные иерархи. В пореформенный период Русская православная церковь при поддержке администрации проводила наступательную, а подчас и агрессивную политику в отношении нерусских народов. В XIX веке, как и в XVIII столетии, были нередки случаи насильственного крещения. Это приводило к тому, что часть крещеных аборигенов Сибири формально относилась к православию, сохранялось двоеверие. Формальность принятия веры сибирским туземным населением ярко проявилась в массовом отходе от православия в годы первой

русской революции. Тем не менее политика христианизации местных народов по-прежнему считалась важнейшим средством их обрусения.

К началу XX века большинство коренного населения Тобольской, Томской, Енисейской, Якутской губерний было обращено в православие. В Иркутской губернии насчитывалось 60 тыс. бурят-христиан, примерно 30 тыс. бурят исповедовали шаманизм и столько же – буддизм.

Церковная политика в Сибири была успешной, поскольку учитывала опыт обращения народов Поволжья, Приуралья и др. В то же время в ряде случаев государственная политика в религиозных вопросах принимала во внимание и некоторые местные особенности, стремясь найти решения, оптимальные с точки зрения имперских интересов. Особенностью распространения православия во второй половине XIX века стало введение практики богослужения на языках народов Сибири, а в 1907 году Синод официально разрешил проводить богослужение на инородческих языках.

Успешность политики обрусения поставила в конце XIX – начале XX вв. в повестку дня вопрос о привлечении сибирских инородцев к отбыванию воинской повинности, от которой они были освобождены в соответствии с «Уставом об управлении инородцев». Однако вплоть до начала Первой мировой войны вопрос не был решен окончательно. После вступления России в войну было принято решение правительства, в соответствии с которым сибирские туземцы подлежали мобилизации на тыловые работы. Из-за плохой организации мобилизованные инородцы на фронт так и не попали и были распущены по домам. Новая мобилизация коренного населения на тыловые работы началась летом 1916 года. Однако практика отправки сибирских туземцев в районы, удаленные от мест их постоянного проживания, мало оправдывала себя. Тяжесть работы, антисанитарные бытовые условия, плохое, непривычное питание приводили к массовым заболеваниям. Сотни людей бросали работу и бежали в родные места. Вместо сближения сословий мобилизация аборигенов на тыловые работы порождала у них неприятие политических устоев империи.

Не только инородцы требовали внимания православной церкви, но и русские сибирские старожилы. Постановка этой задачи, по мнению правительства, вызывалась сибирскими особенностями – определенным религиозным индифферентизмом сибиряков-старожилов, разнородным этноконфессиональным составом населения. Поражали не только просторы и природные богатства Сибири или отсутствие соломенных крыш, но и то, что в сибирских селах, несмотря на зажиточность жителей, церкви были деревянные, небогатые, а многие просто убогие. Настораживало и большое количество расколь-

ников, влияние ислама и ламаизма. Переселенцы представлялись более стойкими в православной вере, нежели сибиряки-старожилы[1].

Существовало осознанное беспокойство по поводу культурного воздействия на российское население китайцев, корейцев, японцев, монголов и даже якутов и бурят, которые воспринимались как конкуренты российского имперского колонизационного проекта. Опасались, что, попав под влияние иностранцев и инородцев, переселяющиеся в край русские люди утратят привычные национальные черты, отдалятся от своей родины и потеряют чувство верноподданности.

В XIX веке изменился характер войн, которые перестали быть династическими или колониальными, превратившись в национальные, что привело к идее более активного вмешательства государства в этнодемографические процессы, манипулирование этноконфессиональным составом населения на имперских окраинах для решения военно-мобилизационных задач. Это было связано, прежде всего, с насаждением русско-православного элемента на окраинах с неоднородным составом населения или, как в случае с Приамурьем и Приморьем, с территориями, которым угрожала извне демографическая и экономическая экспансия. Народы империи начинают разделяться по степени благонадежности, принцип имперской верноподданности этнических элит стремились дополнить более широким чувством национального долга и общероссийского патриотизма. Считалось необходимым разредить население национальных окраин «русским элементом», минимизировать превентивными мерами инонациональную угрозу как внутри, так и извне империи[2].

Успешность интеграционных процессов на востоке империи военный министр А.Н. Куропаткин призывал оценивать с точки зрения заселения «русским племенем», разделив территорию восточнее Волги на четыре района: 1) восемь губерний восточной и юго-восточной части Европейской России; 2) Тобольская, Томская и Енисейская губернии; 3) остальная часть Сибири и российский Дальний Восток; 4) Степной край и Туркестан. Если первые два района, по его мнению, могут быть признаны «краем великорусским и православным», то в третьем районе, который уже тоже стал русским, этот процесс еще не завершился и представляет серьезные опасения в Амурской и Приморской областях ввиду усиливающейся миграции китайцев и корейцев. Еще более опасной ему виделась ситуация в четвертом районе. Поэтому, заключал Куропаткин, «русскому племени» предстоит в XX столетии огромная работа по заселению Сибири (особенно восточных ее местностей) и по увеличению в

---

[1] Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков: Монография. Омск, 2004. С. 76.

[2] Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков: Монография. Омск, 2004. С. 42.

возможно большей степени русского населения в степных и среднеазиатских владениях[1].

Несмотря на то, что само славянское население Дальнего Востока было сложным не только по этническому (русские, украинцы, белорусы), конфессиональному (православные, старообрядцы, сектанты), но и сословному (крестьяне, казаки, отставные солдаты) составу, существование в иной социально-культурной среде подталкивало его к консолидации на основе русской нации и не способствовало оформлению на Дальнем Востоке украинского или белорусского национальных анклавов. Здесь не возникла идея дальневосточного сепаратизма.

В Приморье с 1858 по 1914 год прибыло 22 122 крестьянских семьи, из них 69,95% были выходцы из Украины. В Южно-Уссурийском крае этот показатель достигал 81,26%, тогда как русские составляли 8,32%, а белорусы – 6,8%. Однако население украинских и белорусских сел в Сибири и на Дальнем Востоке быстро переходило на русский язык, а к 1930-м годам в большинстве случаев сменило и свое этническое самосознание[2]. И как следствие, в правительственных взглядах на славянское население Сибири и Дальнего Востока преобладало в целом индифферентное отношение к культурным различиям между великороссами, украинцами и белорусами, их поглощение русской нацией представлялось делом времени. Местная администрация до начала XX века три славянских народа нередко обозначала одним термином – русские.

В Сибири и на Дальнем Востоке наиболее успешно шло строительство «большой российской нации». Причинами того, что в этих регионах русские, украинцы и белорусы быстро сливались в единый народ именно тогда, когда на западе империи шло интенсивное украинское нациостроительство, являлось то, что за Уралом практически не было украинской и белорусской интеллигенции, которая могла бы занести и поддерживать идеи этнической идентичности и отличия. Во-вторых, эти идеи на новом месте были уже не так привлекательны и убедительны в отрыве от тех мест, где происходили исторические события, на которые опиралась этническая идентичность украинцев и белорусов, приобретали черты легендарности, сказки. Ну что за дело сибирским и дальневосточным украинцам до Мазепы или Переяславской Рады? С русскими и белорусами их сплачивали нынешняя жизнь и нынешние общие идеи и задачи. Они все становились русскими, но особыми русскими: дальневосточниками и сибиряками. На место старых проблем – украинского и белорусского вопросов – приходили новые: сибирское областничество и сепаратизм.

---

[1] Куропаткин А.Н. Русско-китайский вопрос. СПб., 1913. С. 55–75.

[2] Кабузан В.М. Русские в мире. Динамика численности и расселения (1719–1989). Формирование этнических и политических границ русского народа. СПб., 1996. С. 210; Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков: Монография. Омск, 2004. С. 65.

Тем не менее окончательное представление о Сибири как о «русской земле», как неотъемлемой части национальной территории утвердилось очень поздно, уже в XX веке. Этот процесс включал в себя изменение мировоззрения инородцев, прежде всего, путем обращения их в православие, приобщения к русской культуре в результате общения с переселенцами.

§6. Сибирский сепаратизм

Концепция сибирского сепаратизма (регионализма, областничества, автономизации) имела довольно много идейных истоков и составляющих. Первыми вопрос о децентрализации управления России поставили декабристы. В конституционном проекте декабриста Н.М. Муравьева предлагалось разделить Россию на 13 держав, в том числе Обийскую и Ленскую в Сибири.

Сибиряк, не знавший крепостного гнета, привыкший к самостоятельности, живущий в относительном довольстве в сибирском «мужицком царстве», привлекал взоры не одного поколения деятелей освободительного движения в России. В сибирских городах под влиянием декабристов, петрашевцев, ссыльных поляков начинает формироваться не внушающая властям доверия сибирская интеллигенция.

Главное влияние на идеологов сибирского областничества Н. Ядринцева и Г. Потанина оказали демократические идеи российских «шестидесятников» народнического толка, а также история западноевропейских колоний, политические и экономические теории того времени. Именно последние стали для будущих областников толчком к осознанию колониального положения Сибири в составе Российской империи. Существовало устойчивое убеждение, что собственно сибирские или дальневосточные нужды приносятся в жертву интересам имперской политики[1], и если Сибири удастся освободиться, то, по мнению сибирских сепаратистов, ее ждет будущее Северо-Американских Штатов.

Интерес к западным идеям Ядринцева и Потанина диктовался, прежде всего, необходимостью дать научное обоснование сибирскому сепаратизму. В перечне тем, интересовавших областников, выделялась колониальная проблема. Областники попытались свести социальный и колониальный вопросы и проблему децентрализации в одну общую теоретическую систему. Для ее обоснования они привлекали идеи и аргументацию из трудов Алексиса де Токвиля, П.-Ж. Прудона, А. Смита, Г.-Ч. Кэри, К. Маркса, Д. Милля и др. Таким образом, областническая идея представляла собой сплав российских социальных проектов с западными доктринами с целью создать оригинальное учение о путях регионального развития Сибири. Областники творчески восприняли современные им федералистские и колониалистские теории, заложив основы сибирского регионализма не только как влиятельного общест-

[1] Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков: Монография. Омск, 2004. С. 74.

венного течения, но и как особого научного направления. Политический аспект регионализма проявился в осознании политического или социально-экономического неравноправия, а в потенции – в стремлении к автономии или даже к государственной обособленности.

Большое влияние на разработку идей сибирского сепаратизма оказали российские теории и модели федерализма (регионализма), связанные с именами Н.И. Костомарова и А.П. Щапова. Основу исторической концепции первого составляла идея о наличии у всех народов, населяющих Российское государство, «федеративных начал», которые должны способствовать образованию федерации. При этом идею федерации Костомаров выводил из национальных различий отдельных народов.

В отличие от Костомарова, для Щапова источником теоретических построений была собственно Сибирь, из истории ее колонизации он черпал примеры народного устройства, самобытности развития и инициативы. Он одним из первых выдвинул и развил идею о роли областей как составных частей Российского государства. Сущность федерализма для Щапова составлял не национальный аспект, а местные особенности великорусского народа, сложившиеся в процессе колонизации новых территорий под воздействием природно-климатических, экономических и этнографических условий.

Таким образом, Костомаров и Щапов в 50–60-е гг. XIX века сформулировали два противоположных подхода к проблеме федеративного устройства России – по национальному и территориальному (региональному) принципам. Обе эти теории получили достаточно широкое распространение среди студенческой молодежи Петербурга.

Психологическое и культурное своеобразие сибиряков поражало современников. О закономерности такого явления утверждала и тогдашняя наука о колониях, за достижениями которой внимательно следили как в правительстве, так и в сибирском обществе. Сибирские областники создали целое учение об образовании в регионе особого культурно-антропологического типа («сибиро-русской народности») по образцу того, как это происходило в Америке[1].

Сами сепаратисты считали, что в основе сибирской обособленности лежат особые условия их жизни, при этом они не объясняли, почему четыре столетия эти особые условия не приводили к идее сепаратизма. Очевидно, что не удаленность и климат, а знакомство с идеями европейских и североамериканских интеллектуалов породили теорию сибирской обособленности.

Первоначально в кружках сибиряков в Казани и Петербурге обсуждались общие вопросы развития родного региона, которые не имели четкой направленности. Постепенно стал вырисовываться круг вопросов, который привлекал общее внимание: зависимое положение Сибири, направление преобразо-

[1] Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков: Монография. Омск, 2004. С. 75.

ваний и будущее региона. Основой формирования кружков стала оценка положения Сибири как колонии. Участники обсуждений пытались ответить на вопрос о причинах серьезного отставания в развитии экономики Сибири по сравнению с бывшими колониями европейских государств в Северной Америке и Австралии, освоение которых началось примерно в то же время. Поначалу областники приходили к выводу, что виноваты в этом штрафная колонизация края и произвол чиновников.

Таким образом, областники 1860-х гг. рассматривали Сибирь как колонизуемую окраину России. Главными действующими силами колонизации они считали вольнолюбивые и предприимчивые элементы русского народа. Однако результатами народного творчества, по их мнению, воспользовалось государство, превратившее регион в экономическую колонию и затормозившее его культурное развитие. Негативно они оценивали и результаты деятельности сибирской администрации: по их мнению, «Сибирь не знала крепостного права, но она знала административное бесправие».

Одно время сторонники движения считали, что разрешить основные проблемы региона можно путем отделения Сибири от России и создания в крае государственности по типу США. Позднее они высказывались уже более умеренно и лишь добивались предоставления региону автономии. Однако развить эти идеи дальше областникам не удалось, поскольку их главные идеологи были арестованы.

В 1870–1890-е гг., по возвращении из ссылки, сибирские областники продолжили разработку своей концепции и программы. Главным следствием трехсотлетнего процесса освоения региона русскими и взаимодействия их с аборигенами, по мнению областников, явилось формирование нового этнографического типа русского населения. Первыми вывод о формировании сибирской народности как одной из ветвей славянства сделали А.П. Щапов и Н.М. Ядринцев. Они полагали, что в результате смешения с инородцами и воздействия природно-климатических условий «на Востоке слагается новый этнографический тип». При этом сибиряк «считает себя русским, а на русского поселенца смотрит как на совершенно чужого ему человека и сомневается в его русской национальности»[1].

Сибирь в последней четверти XIX века, по мнению сторонников движения, в отличие от Европейской России еще не вступила на путь рыночных капиталистических отношений и стояла перед выбором возможного варианта экономического развития. Будущее региона они связывали не с капиталистическим развитием, а с крестьянской поземельной общиной. Сибирь, по их мнению, была раем для мужика. Развивая данное положение, сторонники направления продолжали смотреть на капитализм как на явление, искусст-

[1] Цит. по: Сибирь в составе Российской империи. М., 2007. С. 327.

венно насаждаемое правительством. Предпочтение отдавалось кустарному производству и кооперации.

Важным пунктом программы движения стал вопрос о подготовке в Сибири интеллигенции в собственном университете. Университет был центральным, но не единственным пунктом областнической программы развития просвещения и культуры. Она предусматривала создание школ, библиотек, книжных магазинов и типографий. Большое значение придавалось развитию местной литературы и периодической печати, организации собственного литературно-критического журнала.

Надежды на реализацию своей программы социально-экономического развития Сибири лидеры областничества связывали с предоставлением населению «полных гражданских прав». Под этим понималось введение земства, нового гласного суда, распространение образования, гарантий прав личности. Среди этого комплекса требований главным было земство, которое в тесном союзе с администрацией должно было реализовать намеченную программу переустройства сибирского общества.

Идеи сибирского сепаратизма приобрели своих сторонников. У местного населения столетиями формировалось чувство территориальной обособленности, осознания своей непохожести и социально-экономической ущемленности в отношениях между центром и окраинами. Сибирская общественность активно сопротивлялась превращению региона в сырьевой придаток центра, призывала освободиться от «московского мануфактурного ига». Вызывало недовольство и то, что ряд реформ (прежде всего, судебная и земская), осуществленных в Европейской России, не был своевременно распространен на азиатские окраины. Сибирь и Дальний Восток долгие годы оставались местом уголовной и политической ссылки. Высказывались обвинения, что метрополия высасывает не только материальные, но и духовные силы периферии, централизовав всю научную деятельность и систему высшего образования[1].

С другой стороны, все чаще звучало сравнение Сибири с Северо-Американскими Штатами. На протяжении XIX века наблюдался, хотя и медленный, процесс постепенного крушения стереотипа Сибири как «царства холода и мрака». А.А. Кауфман отмечал, что амурские крестьяне выглядели настоящими американцами, непохожими на русского мужика. И главное было не в том, что они использовали американские сельскохозяйственные орудия, а нечто более важное – то, что у амурского крестьянина была необыкновенная восприимчивость к новизне[2].

Положение в государстве, место в экономике страны, исторически сложившиеся культурные особенности населения делали сибиряков относитель-

---

[1] Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков: Монография. Омск, 2004. С. 74.

[2] Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков: Монография. Омск, 2004. С. 74.

но восприимчивыми к идее сепаратизма, однако слабая проработанность самой концепции не смогла создать массовую социальную базу для сибирского сепаратизма.

Идея отделения Сибири от России будоражила умы не только сибиряков. Понимание того, что удаленная провинция при определенных условиях может отделиться от метрополии, появилось у правительства и оппозиции раньше, чем в самой Сибири начали формироваться автономистские настроения и зародилось сибирское областничество. Уже с конца XVIII века в правительственных кругах начинают подозревать сибиряков в неблагонадежности, предчувствуя, что Сибирь может последовать примеру североамериканских колоний Англии[1]. Подтверждение этого тезиса находили и в европейской колониальной науке, заявлявшей устами П. Леруа-Болье, «что некогда колонии достигнут зрелости и что тогда они начнут требовать все большей и большей, а наконец, и абсолютной независимости»[2]. Эта идея постоянно беспокоила Петербург.

В XIX веке ученые и правительство пытались осмыслить положение Сибири в Российском государстве в понятиях современной им европейской политической теории. Известный статистик и географ К.И. Арсеньев считал, что «Сибирь есть истинная колония земледельческая, металлоносная и коммерческая; рассматривая под сим видом, она имеет преимущество над колониями других государств Европейских, не отделяясь от метрополии ни Океаном, ни посторонними владениями»[3]. В 1852 году Николай I, рассуждая о статусе Сибири, и сравнивая ее с Кавказом и Закавказьем, признавал колониальный характер своей политики, однако считал, что даже далекая Восточная Сибирь отдалена лишь от «внутренних частей государства», но населена «народом, большею частию русским», она «не может и не должна быть поставлена в те отношения, в каких обыкновенно находятся колониальные управления к метрополии»[4].

Признание за Сибирью статуса колонии, на чем настаивали областники, заложившие основы сибирского регионализма, грозило, как казалось, политическим сепаратизмом. В противовес формируемому сибирскому областничеству, вызывавшему политические подозрения в сепаратизме, понятие Сибири замещается официальными властями понятием Азиатской России[5], подчеркивающей то обстоятельство, что Сибирь – это часть России.

---

[1] Ремнев А.В. Призрак сепаратизма // Родина. М., 2000. № 5. С. 10–17.

[2] Леруа-Болье П. Колонизация у новейших народов. СПб., 1877. С. 512.

[3] Арсеньев К.И. Статистические очерки России. СПб., 1848. С. 25.

[4] Цит. по: Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков: Монография. Омск, 2004. С. 48.

[5] Иркутский генерал-губернатор А.Д. Горемыкин выискивал и вычеркивал в газетных статьях слова «Сибирь и Россия», заменяя их словами «Сибирь и Европейская Россия»; вместо «сибиряки» требовал писать «уроженцы Сибири».

Особенно в правительственных кругах опасались происков разного рода недоброжелателей России, а также распространения через политических ссыльных революционных идей. Действительно, революционеры поддерживали сепаратистские настроения в Сибири. Так, М.А. Бакунин утверждал, что Амур, соединивший Сибирь с внешним миром, «со временем оттянет Сибирь от России, даст ей независимость и самостоятельность». Он добавлял, что в Петербурге этого вполне серьезно опасаются и боятся, как бы тогдашний генерал-губернатор Муравьев не провозгласил независимость Сибири. Учитывая наличие сепаратистских настроений, а еще больше опасаясь их роста в будущем, правительство весьма настороженно относилось к вынужденной концентрации власти в Сибири в руках генерал-губернатора, пусть даже и пользующегося доверием императора. В центре не могли не сознавать опасности длительного существования административного единства большого периферийного региона империи, который мог составить управленческую конкуренцию центру. Для того чтобы избежать возможных неприятностей, генерал-губернаторство было разделено и создано новое административное деление: у Сибири, как внутренней периферии империи, появляются свои окраины.

Деятельность молодых патриотов Сибири не на шутку тревожила местную администрацию, а после того как у воспитанника Омского кадетского корпуса А. Самсонова была найдена прокламация «Патриотам Сибири», дело приобрело серьезный оборот. Были проведены обыски и аресты Н. Ядринцева, Г. Потанина и др. Установить авторов прокламации не удалось, и против арестованных выдвигается обвинение в сепаратизме и подготовке отделения Сибири от России посредством вооруженного восстания. Дело областников вызвало значительный резонанс в регионе.

В записке от 21 февраля 1866 года, составленной в III отделении, о политических настроениях сибиряков отмечалось: «Открытые в Сибири заговорщики имели целью распространение нигилизма и отделение Сибири, корни их заговора пущены глубоко; в нем участвуют служащие по Министерству народного просвещения, чиновники, даже купечество и золотопромышленники...»[1] Подобные настроения создавали определенный фон для общественного мнения как в столице, так и в Сибири.

М.Н. Катков и К.П. Победоносцев неоднократно напоминали Александру III об опасности областнических настроений в Сибири и происках поляков[2].

Для борьбы с идеями сепаратизма использовались как идейные, так и организационные меры и средства. В специальной записке о состоянии церковного дела в Сибири, подготовленной в конце XIX века канцелярией Комитета министров, указывалось на необходимость объединения духовной жизни си-

---

[1] Цит. по: Сибирь в составе Российской империи. М., 2007. С. 33.

[2] См.: Дневник государственного секретаря А.А. Половцова. М., 1966. Т. I. С. 380, 534.

бирской окраины и центральных губерний «путем укрепления в этом крае православия, русской народности и гражданственности».

Важнейшим организационным мероприятием, препятствующим распространению сепаратистских идей, должно было стать переселение огромных масс крестьян из центральных районов России, однако в начале XX века на самом высоком правительственном уровне существовало опасение, что лозунг «Сибирь для сибиряков» широко проник во все слои местного населения и становится серьезным препятствием переселенческой политике.

Действительно, идея сибирского сепаратизма существовала, однако она не была достаточно разработана, чтобы поднять на решительные действия сколь-нибудь значительные массы сибиряков. Эта идея была популярной в основном среди разночинной интеллигенции и студентов.

В середине XIX века идейные поиски приводят к организационному оформлению единомышленников, создаются землячества студентов-сибиряков в Казани и Петербурге. Члены этих объединений решают посвятить себя служению Сибири. Для пропаганды областнических идей создаются собственные общесибирские периодические издания – газеты «Сибирь», «Сибирская газета», «Восточное обозрение». Главным теоретиком движения в это время был Н.М. Ядринцев (1842–1894). К началу XX века лидером и единоличным идеологом областничества становится Г.Н. Потанин (1835–1920). Вокруг него формируется круг единомышленников. В новых условиях они продолжили разработку областнической теории, уделив немалое внимание проблемам экономики региона.

28–29 августа 1905 года в Томске прошел нелегальный съезд Сибирского областного союза. Главной его целью стало объединение основных политических группировок на областнических лозунгах. В решениях съезда констатировалась нераздельность России и Сибири, и одновременно выдвигались требования организации областного самоуправления в форме сибирской областной думы, самостоятельно решающей местные хозяйственные, социально-экономические, просветительные проблемы. Движение стало претендовать на роль надпартийного образования, выражающего интересы всего населения Сибири.

После революции 1905–1907 гг. основные усилия областники сосредоточили на борьбе за введение в регионе земских учреждений. Однако после отклонения Государственным советом 5 мая 1912 года законодательного предложения Государственной думы о земском самоуправлении в Сибири они прекратили организованную деятельность и вновь возобновили ее только в 1917 году. Областничество в этот период занималось в основном научно-пропагандистской деятельностью и объединяло сравнительно небольшие группы интеллигенции в Томске, Красноярске, Иркутске.

Вслед за падением самодержавия в 1917 году возник ряд организаций областников-автономистов в Томске, Красноярске, Иркутске, Омске, Петрограде,

Новониколаевске и других городах. Они вынашивали мысль об объединении под областническими лозунгами всех непролетарских групп в Сибири. Основная задача этих объединений заключалась в разработке вопроса о будущем автономном устройстве региона. Областники надеялись, что Временное правительство создаст сибирскую областную думу, однако осуществить данный замысел не удалось.

Октябрьскую революцию и власть большевиков сибирские областники не приняли и вместе с другими антисоветскими силами потерпели политическое поражение.

Несмотря на многочисленные факты и свидетельства сепаратистских настроений, движение сибирских областников так и не переросло в реальную опасность утраты Россией региона. В Сибири и на Дальнем Востоке все еще недоставало интеллектуалов, способных разработать убедительную идею региональной автономии. Недоставало высших и средних учебных заведений, местных культурных центров, а также местных демократических институтов (не было даже земств), вокруг которых мог бы организоваться сибирский патриотизм. В отличие от «украинского вопроса», «сибирский вопрос» так и не перешел в фазу политического сепаратизма и остался в рамках требований расширения местного самоуправления и хозяйственной самостоятельности. К тому же массовое переселенческое движение начала XX века в известной степени сняло остроту опасности формирующейся сибирской идентичности и регионального патриотизма[1].

Выводы

В основе многовекового стремления России в Сибирь лежала идея приращения территории и создания земельных запасов для будущих поколений.

Главной заботой российского самодержавия в Сибири была организация власти на ее огромных просторах. Власть как способ и метод реализации идей самодержавия формировала социально-культурные, хозяйственные и иные отношения и процессы, создавая тем самым новые, необходимые ей формы реальности. Важную роль в организации власти играло административно-территориальное деление.

Особые условия и задачи, стоящие перед властью в Сибири, обусловили специфику организации и применения власти на этой территории. Главными перспективными целями были унификация управления по общеимперскому образу и подобию и обеспечение политической лояльности населения. Достижение этих целей, по мнению правительства, было возможно с помощью обрусения местного населения, а также заселения территории политически надежными крестьянами из центральных областей России.

---

[1]Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков: Монография. Омск, 2004. С. 80.

Обрусение и русификация коренного сибирского населения меняли его внутреннюю сущность за счет принятия православия и последующей смены мировоззрения, что делало сибиряков верноподданными империи.

Русское господство, уничтожившее не только политическую самостоятельность коренного населения, но зачастую и его мировоззренческую идентичность, имело и положительные последствия, выразившиеся в увеличении численности населения, умножении его благосостояния и т.п.

Крестьянская колонизация рассматривалась и как решающий фактор установления российского суверенитета над присоединенной территорией. Формы и методы колонизации Сибири в разное время отличались по причине различия преследуемых правительством целей и задач. Первоначально переселение крестьян преследовало цель заселения стратегически важных сибирских территорий, позднее к этому добавилось их экономическое и хозяйственное освоение. В начале XX века на первый план выходит переселение из центра крестьян, страдающих от малоземелья.

Распространение рационалистических европейских теорий привело к созданию идеи сибирского сепаратизма. Ее развитию и распространению способствовали удаленность региона, недостаточное внимание к нему со стороны правительства, однако слабая разработанность идеи не сделала ее привлекательной для широких народных масс, что позволило сохранить Сибирь в составе России.

Заключение по разделу

Российская власть во второй половине XIX – начале XX вв. продолжала оставаться инструментом реализации идей самодержавия. Царская власть держалась на религиозной санкции и была прочна, пока признавалась легитимной большинством населения империи. Проблемы начались по мере распространения рационалистического мировоззрения, которое стало достоянием не только высшего класса, но и разночинной интеллигенции. Распространение образования среди рабочих, а также части крестьян делало их восприимчивыми к оппозиционным и революционным теориям. Снижение убедительности православной идеи в русском народе и усиление различных рационалистических концепций – либеральных, социалистических, анархических и др., сокращало социальную опору царской власти. В результате трех революций самодержавие, основывавшееся на православной идее, рухнуло. На смену ему пришло Временное правительство, реализующее либеральную идею.

Для осуществления идей высшей власти создавались государственные органы в форме министерств, аппарата управления губерний, уездов, волостей. Все органы управления и должностные чины получали санкцию на власть от царя. Только царь в условиях господства религиозного мировоззрения обладал всей полнотой власти и мог наделять ею других. Иных источников власти до середины XIX века в стране не было.

В ходе либеральных реформ Александра II вместо укрепления самодержавной власти ей был нанесен колоссальный урон. Царизм начал базироваться на различных основаниях, а расширение народного образования и просвещения привело к широкому распространению рационалистических идей, на базе которых население легко усваивало оппозиционные и радикальные революционные идеи. В ходе реформ были созданы земства, городское самоуправление, которые наделялись властью народом. Создание параллельных органов власти, имеющих иную властную санкцию, привело к их конфликту с существующей самодержавной вертикалью управления. Еще больший удар по самодержавию нанесло создание в ходе революции оппозиционных революционных органов власти в форме Советов. В феврале 1917 года власть, основанная на вере в Бога, была упразднена и создана власть, базирующаяся на рационалистической идее народовластия.

На местах также происходило падение авторитета самодержавия, и местному начальству все чаще приходилось прибегать к насилию, аппарат которого в рассматриваемый период постоянно увеличивался, расширялись его функции. Однако массированное применение насилия не смогло компенсировать падение авторитета самодержавной власти.

Наступление рационалистических националистических идей подорвало важнейшую опору самодержавия – единый православный русский народ. Украинский народ первым сделал попытку обособиться в результате национальной идентификации. Похожие процессы начались среди белорусов. Опора царя – русский народ – начала распадаться.

Активизировались национальные процессы среди поляков, евреев, финнов и других народов западных окраин. На востоке страны назревал сибирский сепаратизм. Процессы нациостроительства в той или иной мере затрагивали все народы, в которых создавалась собственная интеллигенция. Результат был один – сначала требование культурной автономии, а затем и собственного государства. Национальные движения внесли свой вклад в подрыв социальной опоры самодержавия.

Выделить русскую нацию из единого русского народа самодержавие и не хотело, и не могло. Создать единую российскую нацию на основе всего многообразия народов и племен, населяющих Россию, правительство также не смогло по причине отсутствия объединяющей идеи.

Особенно непрочной царская власть чувствовала себя на недавно присоединенных окраинах. Самой большой проблемой была Польша, ее население не подвергалось обрусению и русификации, польские интеллектуалы создали мощную национальную идею, ядром которой было восстановление польской государственности. Русское правительство и общество не смогли предложить полякам ни убедительного проекта совместного с русскими будущего, ни заставить их перейти в православие. Поэтому, как только представилась возможность, поляки создали собственное государство.

Идейно покорить Северный Кавказ и создать значительную прослойку подданных – убежденных сторонников царской власти в регионе так и не удалось, поэтому власти прибегли к выселению, вытеснению непокорных в другие страны и заселению освободившихся земель выходцами из России. На часть оставшихся горцев была распространена созданная на Кавказе система военно-народного управления, другая часть стала управляться с помощью лояльной к России элиты. Несмотря на установление мира в регионе сохранялось военное управление.

Главной идейной угрозой на Северном Кавказе оставался ислам, для борьбы с ним активно использовались миссионерская деятельность православной церкви, расширение сети русских образовательных учреждений, создание централизованного управления «мусульманским духовенством». Ни одна из этих мер не привела к перелому в отношении мусульман к России. Распространение знаний и русской культуры приводило не к повышению доверия к самодержавию, а к распространению оппозиционных либеральных и революционных социалистических идей.

Подобные процессы шли и в Центральной Азии, присоединенной к России в XIX веке. Засилье ортодоксального ислама не позволяло русифицировать народы региона и делало бесполезной миссионерскую деятельность РПЦ. Власть держалась в основном на военной силе. Заселить регион переселенцами из центральных областей России правительство не успело, поэтому в политическом отношении Центральная Азия в начале XX века была совершенно ненадежна.

Наиболее удачно проходила колонизация Сибири, что связано с длительностью процесса «врастания» в структуры самодержавной власти. Большое количество язычников и народов, имевших более слабые в идейном отношении верования, нежели христианство, позволило провести в регионе массовые обращения в православие и создать прослойку идейно преданных самодержавию местных жителей. Огромное значение имела длительная, постепенная колонизация русскими огромных незанятых земель, что позволяло избегать конфликтов с местным населением. Массовое переселенческое движение в XIX – начале XX вв. помогло создать преимущественно русское население в регионе и надежно закрепить его за Россией. Вместе с тем на основе рационалистических идей сибирская интеллигенция разрабатывала проекты автономии и даже государственного отделения от России, однако они не нашли значительного отклика в широких массах.

РАЗДЕЛ 9
БОРЬБА ОППОЗИЦИИ ЗА ВЛАСТЬ

ГЛАВА I

НАЧАЛО БОРЬБЫ ОППОЗИЦИИ ЗА ВЛАСТЬ

§1. Борьба оппозиции за власть в первой половине XIX века

В начале XIX века самая сильная схватка за власть между оппозицией, рожденной западными рационалистическими идеями, и самодержавием состоялась в 1825 году. Имея в виду восстание 14 декабря, В.И. Ленин писал: «В 1825 году Россия впервые видела революционное движение против царизма...»[1] Декабристы эту борьбу за власть проиграли.

До второй половины века оппозиция по большей части вела идейные дискуссии и меньше внимания уделала практическим действиям. Это отчасти было связано еще и с тем, что любые попытки организационного оформления оппозиции жестко и жестоко пресекались властями. Показательным является пример петрашевцев.

Крестьянские бунты, как и выступления военных поселенцев, которые случались довольно часто и которые в марксистской традиции относят к освободительной борьбе народа против самодержавия, в действительности в этот период к таковой не относились. Крестьяне не боролись против самодержавия, максимум их требований, как, например, в период Пугачевского бунта, – это поставить на трон «законного царя». Рассматривать крестьянские выступления как борьбу оппозиции за власть в большинстве случаев неправомерно. Чаще всего эти бунты были актом доведенных до отчаяния людей, а не способом борьбы за власть. Иное дело, что революционные потрясения 1848–1849 гг. в Западной Европе отозвались революционным эхом на западных окраинах Российской империи. В это время в Прибалтике, Литве и на Украине распространялись прокламации, призывавшие к свержению царизма. Данные призывы можно рассматривать как борьбу оппозиции за власть, но это было дело рук интеллигенции и крестьянство к этому отношения не имело.

В 1830-е годы усилилось польское, грузинское, чеченское и другие национальные движения, которые, на наш взгляд, тоже не следует рассматривать как борьбу политической оппозиции, поскольку они боролись за власть на конкретной окраине империи, не имея целью самим встать у руля России. Чаще всего самодержавие было их врагом лишь как сила, препятствующая ус-

[1] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 315.

тановлению национальной власти в Польше, Грузии или Чечне. Преимущественно национальная оппозиция вела борьбу за власть в 1830-е и 1840-е годы.

Оппозиционные идейные движения 1840-х годов – западничество и славянофильство – не создали сколь-нибудь значимых организационных форм. В освободительном движении этого периода наиболее заметным явлением были, несомненно, петербургские кружки. Самый значительный из них был тот, что возглавлял М.В. Петрашевский. В 1848–1849 годах от общества Петрашевского отпочковываются самостоятельные кружки. По мнению специалистов, накануне разгрома петрашевцы «довольно далеко продвинулись по пути создания настоящей революционной организации с демократической и социалистической программой»[1].

Почти одновременно с кружками петрашевцев в России существовала еще одна довольно крупная для своего времени антиправительственная организация – Кирилло-Мефодиевское общество, которое было зачаточной формой националистической оппозиции. В отличие от существующих национальных движений, это общество создавало новое национальное движение внутри еще единой русской нации и тем самым подрывало основы российской государственности.

В 1850-х годах борьба оппозиции с властью приняла несколько иные формы. На территории Российской империи некоторое время практически отсутствовало революционное подполье – оно переместилось за границу. В 1853 году А.И. Герцен в Лондоне основал с помощью польской демократической эмиграции Вольную русскую типографию.

Военное поражение в Крымской войне показало слабость самодержавной власти и воскресило надежды оппозиции на возможную победу с ослабшим противником. С 1856 года начался, в частности, постепенный подъем студенческого движения в ряде университетских городов.

Вскоре после Крымской войны появились оппозиционные кружки в армии и на флоте. Первый офицерский кружок в Петербурге был создан З. Сераковским из слушателей Академии Генерального штаба в 1856 году. К концу 1859 года этот кружок становится центром федерации военно-революционных организаций, охватывавших значительную часть столичного гарнизона и тесно связанных с кругом «Современника». В 1861 году революционная организация русских офицеров возникла в Польше.

Бесспорный знаток истории освободительной борьбы В.И. Ленин основывал ее периодизацию, прежде всего, на социальной принадлежности ее участников. «Освободительное движение в России, – писал он в 1914 году,– прошло три главные этапа, соответственно трем главным классам русского общества, налагавшим свою печать на движение: 1) период дворянский, примерно

[1] Дьяков В.А. Освободительное движение в России, 1825– 1861. М., 1979. С. 24.

с 1825 по 1861 год; 2) разночинский, или буржуазно-демократический, приблизительно с 1861 по 1895 год; 3) пролетарский, с 1895 по настоящее время»[1].

В целом соглашаясь с социальным составом участников борьбы, с позиций идеалистического подхода в данную классификацию требуется внести некоторое принципиальное уточнение. Социальный состав участников определялся, прежде всего, тем, какие слои народа вовлекались в сферу сначала рационалистического мировоззрения, а затем и радикальных либеральных и социалистических идей. На примере состава участников видно, что сначала люди получали европейские рационалистические научные знания, а затем, на базе этих знаний либо вместе с ними, усваивали просвещенческие, а позднее и социалистические идеи радикального переустройства общества и власти. Именно таким образом формировался социальный состав революционного движения.

§2. Народническое движение

«Земля и воля»

Во второй половине XIX века система образования и просвещения принесла свои «неожиданные» плоды в форме создания широкого социального слоя разночинной интеллигенции, оппозиционной самодержавию. В этой среде живой отклик нашла теория общинного социализма в России. Эти новые оппозиционные силы, пришедшие на смену дворянским революционерам, группировались вокруг своего вождя Н.Г. Чернышевского и стали объединяться в боевую организацию, которая получила название «Земля и воля». Это общество строилось на народнической идеологии.

«Земля и воля», сначала структурно построенная по пятеркам, а затем двойкам, своим организационным центром имела пятерку в составе ближайших сподвижников Чернышевского – братьев Н. и А. Серно-Соловьевичей, А. Слепцова, Н. Обручева, В. Курочкина. Был создан заграничный центр, который возглавили Герцен и Огарев. За сравнительно короткий срок «Земля и воля» превратилась в массовую организацию. Одно ее московское отделение насчитывало до 400 действительных членов[2].

Несмотря на аресты 1862 года организация устояла, тогда же центр «Земли и воли» был преобразован в Центральный комитет, одновременно выросла роль заграничного центра. В феврале 1863 года общество приступило к подготовке восстания.

Весной 1863 года в стране обозначился подъем крестьянского движения, однако ожидаемого восстания не произошло. Поднялась только Польша, но ее выступление началось в январе 1863-го, раньше намечавшегося срока общероссийского восстания. Как внутренний, так и заграничный центры «Зем-

---

[1] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 93.

[2] Линков Я.И. Основные этапы истории революционного общества «Земля и воля» 1860-х годов, «Вопросы истории», 1958, № 9, С. 39, 41.

ли и воли» постоянно поддерживали связь с польскими повстанцами и обещали им всяческую поддержку, однако сдержать своих обещаний не смогли.

Подавив Польское восстание, правительство жестоко расправилось и с теми революционерами, которые были заподозрены в связях с поляками. Имевшихся сил было мало, и в марте 1864 года центр вынужден был разослать директиву о временной приостановке работы. В дальнейшем эта деятельность так и не была возобновлена. Неразгромленные правительством организации самораспустились.

«Ишутинцы» и другие народнические группы 1860-х годов

В 1863 году, когда еще не сложила своего оружия партия «Земля и воля», в Москве стала создаваться новая революционная организация, известная в исторической литературе под названием ишутинцев. Инициатором создания и руководителем ее был Николай Андреевич Ишутин (1840 – 1879), сын пензенского почетного потомственного гражданина.

Ишутинцы хоть и относили себя к последователям Н.Г. Чернышевского, тем не менее подчеркивали первостепенную важность экономического переворота. «Цель наших действий, – писал в своем показании П. Ермолов, – была посредством революции уничтожить частную земельную собственность, водворив вместо ее общее пользование землей»[1]. Ишутинцы начали действовать собственным примером, заводя артели, мастерские, коммуны, замышляли создание и более мощных ассоциаций.

Как и многие из их современников, ишутинцы стремились на новых основах наладить и школьное дело. Неудачной оказалась их попытка, основать в 1865 году журнал для народа. Все усилия использовать мирные и легальные средства для распространения социалистических идей почти никаких практических результатов не дали. Они лишь убедили ишутинцев в необходимости переходить к более радикальным средствам деятельности.

Перелом произошел в 1865 году, когда кружок значительно расширился за счет притока в него новых сил. На их основе планировалось создание централизованной и широко разветвленной организации, которая должна была направить своих членов в народ для пропаганды идей социализма с целью подготовки или мирного, или насильственного утверждения социалистического строя. В планах значилось и цареубийство, его попытался осуществить недоучившийся студент Д. Каракозов в апреле 1866 года. После неудавшегося покушения была создана комиссия под руководством М.Н. Муравьева, поставившего себе целью вырвать корни «крамолы» в стране. Началась полоса террора. Организация была ликвидирована. Наиболее активные члены арестованы и сосланы, а Каракозов был повешен.

---

[1] «Красный архив», Т. IV (17), М.–Л., 1926, С. 115.

Несмотря на ужесточение режима, к концу 1867 года образовалась новая группа во главе с Г. Лопатиным. Совместно с Ф. Волховским они намеревались привлечь учителей, которые, не возбуждая особого подозрения, могли бы «кочевать» из села в село для обучения детей и одновременно выполнять специальные задания. Энергично взявшись за дело, они уже в январе 1868 года сумели привлечь в общество немало сторонников, однако в феврале организаторы были арестованы. Разгром складывавшегося общества завершился судом. Волховский был оправдан, но отдан под надзор полиции, а Лопатин за «дерзкое» поведение на суде сослан в Ставрополь.

В конце 60-х годов произошли важные события в идейной жизни. Вышедшие в свет в 1868–1869 гг. «Исторические письма» П.Л. Лаврова и появившийся в России осенью 1868-го журнал «Народное дело», издававшийся за границей, а затем ряд революционных прокламаций 1869 года оказали сильное влияние на умы учащейся молодежи. Анархист М.А. Бакунин, другой идеолог народничества, прямо звал молодежь к революции.

Новый подъем революционного движения в среде разночинной интеллигенции начался осенью 1868 года. Он выразился волнениями студенчества и учащихся Петербурга. В этот период особой активностью среди студенчества выделялся С.Г. Нечаев – личность, сыгравшая заметную роль в движении революционной молодежи. Человек необыкновенной энергии, Нечаев был фанатиком идеи революционной борьбы, но борьбы, не знающей стеснений в средствах. Собирая вокруг себя наиболее решительно настроенных молодых интеллигентов, он сразу повел дело с большим размахом, намереваясь создать всероссийскую революционную организацию. Стремясь избежать ареста, Нечаев скрылся за границей, где близко сошелся с М. Бакуниным. В сентябре 1869 года Нечаев, возвратившись в Россию, в Москву, стал выдавать себя за члена «Комитета Народной Расправы» – организации, будто бы имеющей всероссийский масштаб. Во главе нечаевской организации стояла сравнительно небольшая группа москвичей, наиболее приближенных к нему. Какой-либо стройной программы действий у них не было. Общая цель – поднять «чернорабочих» на «беспощадное разрушение» государства – была обозначена в документах, присланных Бакуниным и Нечаевым из-за границы.

Нечаев, не терпевший возражений, убедил своих сотоварищей – Успенского, Прыжова, Кузнецова и Николаева – в том, что действия Иванова якобы представляют опасность для организации и в интересах дела его нужно убрать. Убийство товарища положило конец существованию нечаевской организации. Ее члены были арестованы и преданы суду в 1871 году.

С. Нечаев, бежавший за границу, в результате настойчивых требований русского правительства был выдан ему Швейцарским Союзом и в 1873 году осужден на 20 лет каторги. Заключенный в Алексеевский равелин Петропавловской крепости, он сумел склонить стражу на свою сторону, установить связь с волей, планировал устроить побег всех заключенных. Неудача в осу-

ществлении этого плана сломила железную волю узника, и в мае 1883 года он умер от чахотки.

Революционное народничество 1870-х годов

Особый этап борьбы оппозиции за власть представляют 1870-е годы.

Революционное народничество 70-х годов стояло на той же идеологической основе, которой руководствовались его предшественники – революционеры 60-х. Связующим звеном в движении революционной интеллигенции двух десятилетий были идеи П.Л. Лаврова, М.А. Бакунина и П.Н. Ткачева. Общность мировоззрения революционеров этих двух десятилетий обусловила схожесть планов и действий. В то же время революционеры 70-х годов не только создали образцовые революционные организации, но и сумели выйти из них в народ, а в конце десятилетия перешли к политической борьбе против самодержавия, завершившейся убийством царя.

Оппозиционная организация, сложившаяся в начале 70-х годов, известна в литературе как кружок «чайковцев»[1]. Она была названа так по имени одного из ее видных деятелей – Н.В. Чайковского. Среди членов организации были такие известные представители революционного народничества, как С.Л. Перовская, Н.А. Морозов, С.М. Кравчинский, А.И. Желябов, рабочие П.А. Алексеев, В.П. Обнорский.

Первое звено кружка составила небольшая группа студентов Медико-хирургической академии, объединившихся весной 1869 года вокруг М.А. Натансона. Кружок Натансона, резко расходясь с Нечаевым, считал его план поднять восстание народа весной 1870 года вредной и обреченной на провал попыткой мятежа. Члены кружка были сторонниками длительной и основательной подготовки масс к борьбе. Объединившись, они поставили перед собой задачу изучить жизнь и настроение народа и, опираясь на собранный на местах материал, показать несостоятельность затеи Нечаева и тем самым предотвратить увлечение молодежи ложными надеждами на скорую победу. Считая своим учителем Н.Г. Чернышевского, воспитанные на лучших традициях борьбы 60-х годов, натансоновцы, несомненно, были подвержены и влиянию «Исторических писем» П.Л. Лаврова. Для реализации его идей Натансон разработал программу для «кружков самообразования и практической деятельности», которые должны были подготовить кадры революционно-социалистической, или, как чаще выражались тогда, истинно-народной партии в России.

К кружку Натансона примкнул еще ряд групп радикально настроенного студенчества. Объединение кружков придало большой размах деятельности формирующейся организации. Ее руководство стремилась к тому, чтобы каж-

---

[1] Некоторые исследователи считают более правильным называть эту организацию «Большим обществом пропаганды». См.: П.А. Кропоткин, Записки революционера, М.–Л., 1933, С. 185; Троицкий Н., Большое общество пропаганды, 1871 – 1874, Саратов, 1963. С. 11.

дый кружок в столице и на периферии имел одинаковую программу чтения с целью подготовки к будущей революционной деятельности.

Революционеры, вступая в общество, обязывались принести на алтарь революции свои силы, имущество и жизнь. Смысл жизни они видели в борьбе за идеи освобождения народа от тирании и кабалы эксплуататоров. Вплоть до осени 1874 года общество непрерывно пополнялось. Основной состав петербургского кружка насчитывал 53 человека. На периферии, в университетских городах, из групп самообразования складывались местные филиалы общества. Такие филиалы были созданы в Москве, Киеве, Одессе и Херсоне. В некоторых городах России общество имело своих агентов и единомышленников. Каждый кружок сохранял самостоятельность, но в то же время общество составляло единое целое и представляло собой федеративную организацию, соответствующую идеям П.Л. Лаврова.

Это общество одним из первых обратило внимание на рабочих промышленных предприятий и начало вести революционную пропаганду в их среде. Считая, что крестьянство будет главной силой будущего революционного переворота, члены общества основное внимание обращали не на заводских, а на фабричных рабочих, которые еще были тесно связаны с сельским хозяйством и на летнее время разъезжались по деревням, а к осени возвращались в город. Из этих рабочих старались подготовить проводников идей в деревне.

Поставив целью поднять народ, члены общества стали готовиться к своей новой миссии, обучаясь сапожному, столярному или слесарному ремеслам.

Значительная часть организации к весне 1874 года была арестована, остальные «пошли в народ».

Действия народников в разное время определялись различными теориями. Идеи М.А. Бакунина о народном бунте, возглавляемом революционной молодежью, после разгрома нечаевцев на время отошли на второй план, уступив место лавровскому призыву к самообразованию. Однако с 1873 года они вновь стали доминирующими. Бакунинская проповедь готовности России к революции и сравнительно легкой возможности совершения переворота была более убедительной для интеллигентной молодежи. Среди «бакунистски» настроенных кружков (Лермонтова, Ковалика, Коблица и других) наибольшую известность получил кружок, организованный А.В. Долгушиным[1].

Долгушинцы намеревались вызвать в массах сознательное чувство протеста и с их помощью уничтожить причины «бедности и невежества». Ждать, когда созреют для этого условия, они не хотели, считая народ готовым к борьбе. Необходимы были идеи, созвучные народному религиозному мировоззрению, и они были заимствованы у В.В. Берви-Флеровского, чей авторитет среди молодежи в тот период был огромен.

---

[1] Антонов В.Ф. Революционное народничество. М., 1965. С. 163–164.

Флеровский написал по просьбе кружка брошюру под названием «О мученике Николае и как должен жить человек по закону природы и правды». «Религия без бога и святых», изложенная Флеровским, была проникнута идеями христианского социализма, находившего в среде крестьянства благоприятный отзвук. Да и сами разночинцы еще не до конца расстались со своим христианским мировоззрением.

В прокламации «К русскому народу», составленной самими долгушинцами, начинающейся словами из Евангелия, взятыми эпиграфом, и содержащей ссылки на евангельские заповеди, вскрывается бедственное, рабское положение крестьян до реформы, показывается грабительский характер их освобождения в 1861 году и содержится прямой призыв народа к борьбе с угнетателями.

Свою задачу долгушинцы видели в том, чтобы призвать народ к оружию и борьбе с самодержавием. В конце лета – начале осени 1873 года они пошли в народ, однако в это же время начались аресты. Многие члены кружка были осуждены на каторгу или тюремное заключение.

С осени 1873 года революционная молодежь все более проникается анархическими убеждениями, а с 1874 года бакунизм почти до конца десятилетия становится господствующим теоретическим направлением революционного народничества. Под его лозунгами, с верой в близкую революцию молодежь ринулась «в народ». Вырабатывать программы ей было некогда, да и незачем: иди, разрушая старый мир, а новый сам вырастет на его развалинах, учил Бакунин[1].

Народническая пропаганда не имела того успеха, на который рассчитывали сами пропагандисты. Религиозное крестьянское мировоззрение не понимало и не принимало рационалистических идей пришлых агитаторов. Поднять народ на восстание и бунт не удалось. Идея М. Бакунина о русском народе как природном бунтовщике не сработала.

Власти довольно быстро среагировали на действия народников, и в течение 1874 года в 37 губерниях России было арестовано около тысячи человек. Движение «в народ», по инерции еще продолжавшееся некоторое время, было представлено уже единицами. В основе же своей оно было не только разгромлено, но и потерпело идейный крах[2]. В.И. Ленин писал: «Вера в коммунистические инстинкты мужика, естественно, требовала от социалистов, чтобы они отодвинули политику и “шли в народ”. За осуществление этой программы взялась масса энергичнейших и талантливых работников, которым на практике пришлось убедиться в наивности представления о коммунистических инстинктах мужика»[3].

---

[1] Антонов В.Ф. Революционное народничество. М., 1965. С. 163–176.
[2] Антонов В.Ф. Революционное народничество. М., 1965. С. 183–184.
[3] Ленин В.И., Полн. собр. соч., Т. 1. С. 286.

Сами народники не испытали полного разочарования в народе. В своей основе мировоззрение революционеров осталось прежним, менялась лишь тактика борьбы за осуществление народнических идеалов. Революционеры поняли, что к народу нельзя идти без серьезной подготовки и вразброд.

Уцелевшие от арестов находили друг друга и вновь приступали к созданию кружков и организаций. Опираясь на опыт предшественников, они стремились к установлению между собой связи и к объединению. На этом новом этапе борьбы господствующими были бунтарски-анархические идеи Бакунина и стремление сплотить революционные силы. Наиболее крупная организация этого времени сложилась в Москве, в связи с чем и осталась известной в литературе под именем «москвичей».

Пропаганде организация отводила второстепенную роль. Ей противопоставлялась агитация, имеющая цель «возбудить личности или кружки прямо на активную революционную деятельность». Формой этой деятельности признавался бунт. Активисты сразу ринулись «в дело», начав словом и примером возбуждать народ. Одновременно они стремились выявить оставшиеся революционные силы, установить с ними связь и объединить их во всероссийскую революционную организацию, однако новая организация, зародившись поздней осенью 1874 года, уже с апреля 1875-го стала нести потери, а к осени была разгромлена. Тем не менее она сумела пустить корни в ряде городов страны.

Большинство активных деятелей революционного народничества первой половины 70-х годов – членов «Большого общества пропаганды», участников «хождения в народ» и членов организации «москвичей» – оказались в тюрьме. Правительство решило подготовить и провести серию судебных процессов с таким расчетом, чтобы добиться дискредитации революционеров в общественном мнении. Два из них – «процесс 50-ти» и «процесс 193-х» – имели особое значение. Вопреки целям и надеждам правительства подсудимые «процесса 50-ти» превратили открытый суд в трибуну политической борьбы и пропаганды. Используя право последнего слова, некоторые подсудимые произнесли резко обличительные, революционно-пропагандистские речи, которые нашли широкий отклик в стране.

Героическое поведение подсудимых на «процессе 193-х» также вызвало сочувствие к себе в русском обществе.

В 1876 году по инициативе и под руководством М.А. Натансона была основана новая организация, учредители которой в память о своих предшественниках начала 60-х годов назвали ее «Земля и воля». В течение последующих четырех лет «Земля и воля» превратилась в разветвленную организацию, объединявшую революционные кружки Поволжья, центральных и западных губерний, Белоруссии, Польши, Украины, Северного Кавказа и Грузии. Программа организации намечала осуществить три важнейших пункта: передачу всей земли крестьянским общинам с равномерным ее распределением; раз-

деление Российской империи на части соответственно местным желаниям; полное самоуправление общин. Осуществить их предполагалось только путем насильственного переворота. Средствами подготовки и свершения переворота считались агитация и дезорганизация государства. Как видно из программы, «Земля и воля» руководствовалась в своих действиях бакунинскими идеями.

В 1878 году, после создания всероссийской организации, был принят более подробный программный документ. Его «дезорганизаторская» часть содержала требование создания организаций в войсках, главным образом среди офицерства; привлечение на свою сторону лиц, служащих в правительственных учреждениях; систематическое истребление наиболее вредных или выдающихся лиц из правительства.

Менялась тактика «хождения в народ». Для вовлечения крестьян во всеобщий бунт было признано необходимым селиться под видом различных специалистов в деревнях. Создание народнических колоний в сельской местности стало основным делом землевольцев. Рабочему классу они, как и их предшественники, не придавали самостоятельного значения.

Организация серьезно относилась к печатной пропаганде. Ее органом стал подпольный журнал «Земля и воля». Кроме «Центра», землевольцами было образовано пять групп: интеллигентская, рабочая, редакционная, типографская и дезорганизаторская. Высшим органом организации был конгресс[1].

«Земля и воля» с самого своего зарождения приступила к активной деятельности, что получило особенно яркое выражение в демонстрации на Казанской площади Петербурга 6 декабря 1876 года. Немалую роль землевольцы сыграли в студенческих волнениях в конце 1870-х годов.

В 1876 году они стали создавать пробные поселения «в народе». Достигнуть сближения с народом можно было, по мнению землевольцев, поселением революционеров в деревнях под видом учителей, врачей, деятелей земских канцелярий, ремесленников, лавочников и т. п. Каждый из этих родов деятельности связывал их с народом и открывал возможность заслужить доверие и любовь крестьян.

Дезорганизаторская деятельность «Земли и воли», первоначально рассчитанная на самооборону, постепенно активизировалась и стала приобретать самостоятельное значение. Предатель – рабочий Шарашкин – весной 1877 года выдал главу организации М. Натансона и летом был убит землевольцами. 24 января 1878 года В.И.Засулич выстрелила в петербургского градоначальника Трепова. 31 марта того же года суд присяжных оправдал ее. Процесс по делу Засулич вызвал живую реакцию в прессе и обществе. Состоялась грандиозная демонстрация, в которой приняли участие, кроме интеллигенции, и рабочие Петербурга.

---

[1] См.: Ткаченко П. С. Революционная народническая организация «Земля и воля», М., 1961. С. 145.

Формально землевольцы еще продолжали ориентироваться на работу в деревне, но ее низкая эффективность и широкий резонанс, производимый террористическими актами, все более склонял их к политической борьбе. Это являлось свидетельством нарастающего идеологического кризиса землевольчества. Так называемые «деревенщики», как стали называть сторонников старой тактики, превратились в маргиналов, а затем и вовсе сошли с арены революционного движения в России. Организация раскололась.

Сторонники политической борьбы – А.Д. Михайлов, Н.А. Морозов, Л.А. Тихомиров, М.Н. Ошанина, А.И. Баранников, А.И. Зунделевич и другие – втайне от «деревенщиков» – Г.В. Плеханова, М.Р. Попова, О.В. Аптекмана, А.И. Игнатова – организационно обособились, именуя себя «Исполнительным комитетом северно-революционной партии». Исполнительный комитет стал создавать из сторонников террора боевую группу. Девиз ее был – «Свобода или смерть»[1].

15 августа 1879 года в Петербурге собрался съезд организации, где произошел полный ее раскол. «Деревенщики» стали именовать свою организацию «Черный передел», а «политики» – «Народной волей». Организационный раскол закрепил давно существовавший раскол идейный, выразившийся в противоположных взглядах на цели и методы ведения борьбы.

Бывшие землевольцы, вошедшие в состав «Черного передела», практически утратили связи с деревней, но еще удерживались в городе. Однако и здесь их позиции становились все более шаткими, что было вызвано главным образом охлаждением интеллигенции к программе землевольческой организации, целиком наследованной «Черным переделом». Этому способствовал и арест полицией многих членов организации в 1880 году. Уцелевшие чернопередельцы стали собирать силы и восстановили разгромленную организацию, привлекли новых людей, главным образом моряков и учащуюся молодежь, и стали вести пропаганду среди петербургских рабочих. Воссозданная организация получила название «Северно-Русское Общество “Земля и воля”». Ее единственным филиалом был связанный с ней московский кружок. Не имея новых идей, организация вскоре организационно деградировала, теряя своих сторонников и членов.

«Народная воля»

Гораздо эффективнее в борьбе за власть выступила «Народная воля». В августе 1879 года Исполнительный комитет постановил убить Александра II. В октябре был издан первый номер журнала под названием «Народная воля», а 1 января 1880-го опубликована новая программа организации, которая заявляла себя выразительницей воли народа и объявляла беспощадную войну самодержавному правительству. «Война, – писала «Народная воля» 1 января 1880 года, – начата не на жизнь, а на смерть... из этой ожесточенной схватки

[1] Антонов В.Ф. Революционное народничество. М., 1965. С. 219–220.

нет другого исхода: либо правительство сломит движение, либо революционеры низвергнут правительство»[1]. В программе «Народной воли» говорилось: «По основным своим убеждениям мы – социалисты и народники». По своей сути это была программа анархического социализма.

Ближайшей целью организация ставила политический переворот и уничтожение современного государства с передачей власти народу. Практическая деятельность «Народной воли» в программе делилась на пропагандистско-агитаторскую и разрушительную, на первое место ставилась пропагандистская деятельность. Террористическая деятельность состояла «в уничтожении наиболее вредных лиц правительства, в защите партии от шпионства... имеет своей целью подорвать обаяние правительственной силы, давать непрерывное доказательство возможности борьбы против правительства, поднимать, таким образом, революционный дух народа». Против правительства и поддерживающих его людей было дозволено применять любые средства борьбы. Всем оппозиционным правительству силам обещалась помощь и защита. На программные положения организации значительное влияние оказали идеи Н. Ткачева.

В инструкции Исполнительного комитета, конкретизирующей пути реализации программы, указывалось, что цель организации заключается в осуществлении в ближайшее время государственного переворота, воспользовавшись народным бунтом, неудачной войной, государственным банкротством, обострением европейской политики или другими подобными обстоятельствами. Но партия должна быть в полной готовности восстать даже при самых худших обстоятельствах. Народовольцы считали, что можно самим создать условия для восстания, уничтожив «10 – 15 человек – столпов современного правительства», и, воспользовавшись паникой власти, овладеть главнейшими административными учреждениями.

Для осуществления этих планов нужны были боевая организация, помощь городских рабочих, содействие или нейтральность войск, поддержка интеллигенции и общественного мнения Европы.

«Народная воля» имела до двадцати местных групп, которые или создавались представителями Исполнительного комитета, или, принимая его программу, присоединялись к организации. В целом Исполнительный комитет с его местными группами представлял собой централизованную и хорошо законспирированную организацию революционеров-заговорщиков. Практическая деятельность партии «Народная воля» в силу признания главным оружием против самодержавия политическую борьбу сконцентрировалась в городах; в деревне масштабной работы не велось, хотя как дань прошлому она упоминалась в программе. Считая рабочих в период восстания второстепенной силой, народовольцы, тем не менее, видели в них своих главных по-

[1] Литература партии «Народная воля». М., 1930. С. 47.

мощников в деле подготовки и организации народных сил на борьбу с правительством. Народовольцы первыми в России стали готовить рабочих к вооруженному выступлению против самодержавия.

Решающую роль в момент политического переворота народовольцы отводили армии, поэтому уже осенью 1879 года они стали вести пропаганду среди офицеров, однако только через год удалось создать революционный кружок флотских офицеров. Тогда же сформировался кружок офицеров-артиллеристов. В Петербурге был создан еще один кружок, состоявший из представителей различных родов армии. Всего членов военной организации было более 200. Кроме того, в Кронштадте было «распропагандировано» до 100 моряков. Для пропаганды среди солдат партия направила специально подготовленных для этого рабочих, для руководства военной организацией Исполнительный комитет создал военный Центральный комитет[1].

Замысел «Народной воли» опереться на армию для совершения политического переворота не удался, но своей работой в войсках организация показала, что армия в политическом отношении ненадежна. Революционерам удалось проникнуть даже в самый центр царской охранки – III отделение, куда был зачислен секретным агентом народоволец Н. Клеточников.

Руководство «Народной воли» в 1879 году посчитало, что в стране назревает политический кризис и достаточно убить царя, чтобы ситуация разрешилась в пользу революции. На охоту за царем были брошены все лучшие силы организации. Серия покушений не принесла успеха, однако они оказали давление на правительство и вызвали смятение самого царя.

Взрыв в Зимнем дворце в феврале 1880 года переполошил правительство. Царь учредил Верховную распорядительную комиссию, которая должна была положить предел покушениям и стремлениям «поколебать в России государственный и общественный порядок». Поставленный во главе комиссии М. Лорис-Меликов обратился к жителям столицы с воззванием оказать поддержку властям в возобновлении «правильного течения государственной жизни». Одновременно Александр II вынужден был пойти на уступки: сместить крайне реакционного министра народного просвещения Д.А. Толстого и упразднить III отделение, передав его дела Департаменту государственной полиции, специально учрежденному в системе Министерства внутренних дел. Во главе министерства был поставлен М. Лорис-Меликов. 28 января 1881 года новый министр представил царю свой план создания временных подготовительных комиссий, которые должны были разработать проекты законов по преобразованию губернского управления, земского и городского положений и внесению дополнений к Положению 19 февраля 1861 года. В дальнейшем предполагалось рассмотреть проекты в общей комиссии, затем – в Государственном совете с участием выборных от земств и городов.

---

[1] Антонов В.Ф. Революционное народничество. М., 1965. С. 249–250.

Таким образом, давление революционеров вело к непосредственному влиянию на проводимую правительством политику.

Несмотря на ряд арестов «Народная воля» продолжала оставаться внушительной силой и смогла организовать еще одно покушение, которое 1 марта завершилось убийством царя Александра II. Ожидаемого восстания не произошло, у самих народовольцев сил для самостоятельного выступления тоже не было. Народничество как революционная сила, пытавшаяся поднять крестьян на социалистическую революцию, и как революционная идея исчерпало себя актом 1 марта 1881 года.

Революционеры-народники и после 1 марта еще продолжали сражаться, но их борьба слабела и постепенно затихала. В то же время либеральная струя народничества, всегда сопутствовавшая этому движению, растекалась, ширилась и превратилась в главное течение народнического мировоззрения, остававшегося господствующим еще до середины 90-х годов.

Таким образом, благодаря активному распространению рационализма к середине XIX века в стране была создана достаточно широкая социальная база оппозиции самодержавному режиму, опирающемуся на православное мировоззрение.

Деятельность оппозиционной разночинной интеллигенции направлялась идеями П.Л. Лаврова, М.А. Бакунина и П.Н. Ткачева. По мере того как идеи того или иного «властителя дум» оказывались недейственными для изменения существующей реальности, революционные деятели увлекались идеями другого мыслителя и на них строили свою революционную работу.

Основываясь на идеях народнического социализма, революционеры 1860–1870-х годов перепробовали довольно много форм работы, методов и способов ее организации. Наибольшее влияние на политику власти и обстановку в стране оказала «Народная воля», однако поднять восстание и взять власть в свои руки она не смогла.

Исчерпание идей народнического социализма закономерно привело к кризису, а затем и трансформации народничества как революционного движения.

§3. Партия эсеров

Партия социалистов-революционеров была старейшей социалистической партией и вела свое происхождение от «Народной воли». Еще в 1890-е годы возник ряд организаций, ставивших задачей возрождение традиций революционного народничества (Северный союз социалистов-революционеров, Южная партия социалистов-революционеров и др.). В 1902 году на базе этих организаций и была создана партия социалистов-революционеров. К эсерам примкнули такие ветераны народнического движения, как Н.В. Чайковский и М.А. Натансон. Большую роль в объединении разрозненных кружков сыграла газета «Революционная Россия», выходившая сначала в России (нелегально), а затем за границей и ставшая официальным органом партии. Главным теоретиком и видным лидером партии стал В.М. Чернов.

Партия эсеров не сложилась как единая, дисциплинированная и централизованная организация. В ней всегда было много отдельных лидеров и кружков. По этой причине эсеры очень долго не могли созвать свой первый съезд. Центральный комитет, возникший как бы самочинно, без избрания, большим авторитетом не пользовался. Из-за частых арестов состав его постоянно менялся. В первые годы существования единство партии поддерживалось в основном усилиями трех энергичных лидеров – Г.А. Гершуни, Е.Ф. Азефа и М.Р. Гоца.

К началу первой русской революции численность партии эсеров доходила до 2,5 тыс. человек. Из этого числа около 70% приходилось на интеллигенцию, примерно 25% были рабочими, крестьяне составляли чуть более 1,5%.

I съезд партии эсеров проходил на рубеже 1905–1906 гг. На нем были официально одобрены программа партии, написанная В.М. Черновым, и партийный устав, в соответствии с которым был избран ЦК из пяти человек. Между съездами мог созываться Совет партии, состоявший из членов ЦК и представителей областных и столичных комитетов. Он мог отменять решения ЦК. В период революции численность партии эсеров достигла примерно 60 тыс. человек.

Новый ЦК пытался подтянуть дисциплину, но натолкнулся на мощное сопротивление. Перешла в оппозицию и вышла из повиновения почти вся московская организация. Расколы происходили и в других организациях. Эсеровские «диссиденты» называли себя максималистами. Политика ЦК казалась им оппортунистической, вялой и непоследовательной. Они считали, что социалистический строй можно ввести немедленно, если решительно бороться против самодержавия и эксплуататорских классов. Поэтому максималисты почти не занимались агитацией, не входили в легальные организации (профсоюзы, кооперативы и пр.), а сосредоточились на индивидуальном терроре и экспроприациях. Признанным лидером максималистов был М.И. Соколов, один из руководителей Декабрьского восстания в Москве.

В октябре 1906 года в Або (Финляндия) состоялась 1-я учредительная конференция «Союза максималистов». Но еще до конференции они заявили о себе рядом громких дел. В 1907 году максималисты были фактически разгромлены властями.

Платформа эсеров содержала три основных пункта: антикапитализм, терроризм и социализация земли.

В своей программе эсеры сохранили тезис о крестьянской общине как зародыше социализма. Интересы крестьянства, говорили они, тождественны интересам рабочих и трудящейся интеллигенции. Грядущая революция представлялась им как социалистическая. Главную роль в ней они отводили крестьянству. Эсеры выступали за «социализацию земли», что означало отмену частной собственности на нее, изъятие из торгового оборота и уравнительное

распределение между всеми, кто хочет ее обрабатывать (в общине, товариществе или единолично).

Ближайшие требования их программы совпадали с программой-минимум РСДРП, однако в отличие от социал-демократов они выступали за национализацию земли и уравнительное землепользование. Движущими силами революционных преобразований эсеры считали трудовое крестьянство, интеллигенцию и пролетариат. Хотя в крестьянстве эсеры видели главную, решающую силу, в своей программе они описывали пролетариат как существенный элемент революции и допускали переходный период «пролетарской революционной диктатуры». Так как социалисты-революционеры не могли рассчитывать, что буржуазия возглавит политическую борьбу или даже примкнет к ней, то эта задача возлагалась на интеллигенцию. «Свою миссию интеллигенция могла исполнить наилучшим образом посредством актов политического терроризма, цель которого та же, что была сформулирована “Народной волей”, – то есть подрыв престижа правительства в глазах населения и подстрекательство к бунту. Терроризм был центральным пунктом программы эсеров. Для эсеров это было не просто политической тактикой, но и некоторым духовным актом, почти религиозным ритуалом, в котором террорист, отнимая чужую жизнь, жертвует своей»[1].

Специфической особенностью эсеровской тактики, унаследованной от народовольцев, был индивидуальный террор, направленный против представителей высшей царской администрации. Еще в 1901 году, то есть до оформления партии, один из ее основателей, Г.А. Гершуни, приступил к созданию боевой организации. Под руководством Гершуни, а после его ареста – Е.Ф. Азефа, являвшегося, впрочем, провокатором и ведшего двойную игру, эсеры провели накануне первой русской революции ряд террористических актов (убийство в 1902 году министра внутренних дел Д.С. Сипягина, а в 1904-м – его преемника В.К. Плеве и др.). Хотя эсеры считали террор «средством сдерживания произвола самодержавно-бюрократической власти, ее дезорганизации и поднятия масс на революционные выступления», то есть не отводили ему роль решающего метода борьбы, на практике происходило увлечение индивидуальным террором, который приносил известность и популярность.

Террористические акты происходили на фоне утраты в русском обществе доверия к царской самодержавной власти. Широкое распространение рационалистических, секулярных идей вело к тому, что народ переставал надеяться на помазанника Божия, верить в его мудрость и бескорыстие; одновременно падало и доверие ко всей вертикали власти, опиравшейся на царя.

Кроме террора тактика эсеров предусматривала пропаганду и агитацию, организацию стачек, бойкота и вооруженных акций – вплоть до подготовки вооруженных восстаний.

---

[1] Пайпс Р. Русская революция Кн. 1. Агония старого режима. 1905–1917. М., 2005. Электронное издание.

Эсеровские агитаторы, направленные в деревню, призывали к «аграрному террору» (к поджогам и разгромам помещичьих усадеб, порубкам в барских лесах и т.п.). Эсеры создали целую сеть крестьянских братств (всего более полутора тысяч) и подтолкнули не на одно крестьянское восстание. Однако организовать всеобщее восстание в деревне им не удалось.

Расширилась деятельность эсеров среди рабочего класса. Особенно податливы их влиянию были рабочие, еще не успевшие порвать связь с землей, – прежде всего текстильщики. Московская Прохоровская мануфактура стала настоящей эсеровской цитаделью.

Активно действовали эсеры в войсках. После роспуска Первой думы в июле 1906 года эсеры, имевшие сильные организации в армии и на флоте, приняли участие в организации военных мятежей в Свеаборге, Кронштадте и Ревеле. Замысел состоял в том, чтобы окружить Петербург кольцом восстаний и принудить правительство к капитуляции. Но власти быстро справились с положением. Восстания были подавлены, после чего последовали многочисленные казни.

В отличие от максималистов эсеровское руководство старалось сочетать легальные и нелегальные методы борьбы. Правда, выборам в Первую думу был объявлен бойкот. Позднее, убедившись в ошибочности этого решения, эсеры попытались установить контакты с думской Трудовой группой. Эти попытки были не очень успешны.

Во Вторую думу эсеры провели 37 своих представителей – гораздо меньше, чем социал-демократы и трудовики. Эсеровская группа внесла на рассмотрение Думы проект социализации земли и пыталась его отстаивать, но успеха не имела. В целом же во Второй думе эсеры ничем себя не проявили. Тактика парламентской борьбы и техника законодательной работы требовали совсем других навыков.

В эсеровской партии были различные течения. Кроме «Союза социалистов-революционеров максималистов», из среды эсеров выделилась и группа анархо-коммунистов – последователей П. Кропоткина, влияние которой было невелико, несмотря на авторитет ее лидера. Бывшие либеральные народники, группировавшиеся вокруг журнала «Русское богатство», в 1906 году создали полукадетскую легальную «Трудовую народно-социалистическую партию» (энесы), сразу же ставшую выразителем интересов зажиточного крестьянства.

В национальных районах страны также имелось несколько партий и организаций эсеровского типа – Польская социалистическая партия (ППС), армянский революционный союз «Дашнакцутюн», Белорусская социалистическая громада, партия социалистов-федералистов Грузии и др.[1]

---

[1] Исторический опыт трех российских революций. Кн. 1. Генеральная репетиция Великого Октября: Первая буржуазно-демократическая революция в России / Гл. ред. П.А. Голуб и др. М., 1985. С. 253–254.

§4. Начало борьбы социал-демократии за власть

Плеханов и группа «Освобождение труда»

Убийство царя не привело к ожидаемой революции. Теория народничества оказалась недейственной. Нужно было создать или найти новую идею, которая бы могла осуществить социализм в России. Значительное влияние на революционную мысль в это время оказывали бурное развитие рабочего движения в России и успехи западноевропейского пролетариата. Небольшая группа революционных народников – «чернопередельцев», вынужденных эмигрировать, стала усердно изучать марксизм и внимательно знакомиться с западноевропейским рабочим движением. 25 сентября 1883 года группа «Освобождение труда» в составе Г.В. Плеханова, П.Б. Аксельрода, Л.Г. Дейч, В.И. Засулич и В.Н. Игнатова выступила с программным заявлением о своем окончательном разрыве с народничеством и о необходимости организации особой партии русского рабочего класса.

Главную свою задачу группа видела в пропаганде марксизма в России и сплочении сил для создания рабочей партии. Так возникла первая русская марксистская организация, ставящая своей целью борьбу за власть. Основным направлением деятельности группы стала пропаганда марксизма. Она перевела на русский язык, издала и тайно распространила в России ряд произведений Маркса и Энгельса. Плеханов написал много книг и статей, в которых пропагандировал и защищал марксизм[1]. Полоса безраздельного господства народничества кончилась, в освободительном движении России возникло марксистское направление.

Однако народничество все еще пользовалось большим влиянием среди революционной интеллигенции и рабочих и являлось главным идеологическим препятствием на пути марксизма. Идейная борьба с ним была одной из основных проблем молодого российского марксизма. В борьбе с народнической идеологией взгляды группы «Освобождение труда» постепенно завоевывали сторонников в России, способствовали развитию в стране социал-демократического движения. По оценке В. Ленина, «Группа “Освобождение труда” лишь теоретически основала социал-демократию и сделала первый шаг навстречу рабочему движению»[2].

Марксистские идеи сначала усваивались интеллигенцией и лишь затем были привнесены ею в рабочую среду, оказавшуюся наиболее восприимчивой к марксизму. Несмотря на жестокую политическую реакцию в правление Александра III рабочее движение продолжало расти. В 1880-е годы произошло 446 стачек и волнений, в первой половине 1890-х – 232 стачки с участием 157 тысяч рабочих. Однако эти выступления не были политическими и не преследовали борьбы за власть. Рабочие добивались улучшения условий ра-

---

[1] История Коммунистической партии Советского Союза /Б.Н. Пономарев, М.О. Волин, В.С. Зайцев и др. 6-е изд., доп. М., 1982. С. 21.

[2] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 132.

боты и повышения оплаты труда. В этом виде рабочее движение не годилось для борьбы за власть, его надо было политизировать, привнести в него социалистические идеи и ненависть к самодержавию.

Почти в то же время, что и группа Плеханова, первые марксистские кружки возникли и в России. Деятельность их была направлена на распространение социал-демократических идей, в основном среди интеллигенции. Эти кружки не были сколько-нибудь тесно связаны с рабочим движением, носили замкнутый характер и имели весьма ограниченный состав участников. Таковой являлась, например, группа, возглавляемая студентом Петербургского университета болгарином Димитром Благоевым («Партия русских социал-демократов»), впоследствии основавшим болгарскую социал-демократическую партию. В Петербурге же в 1885–1886 гг. существовала группа, созданная П.В. Точисским («Товарищество санкт-петербургских мастеровых»). В конце 1880 – начале 1890-х гг. вела пропаганду группа М.И. Бруснева, образовавшаяся из кружков Петербургского университета и Технологического института. Кроме Петербурга марксистские кружки существовали в Москве, Киеве, Одессе, Вильно и других городах. В Казани с кружком, возглавляемым Н.Е. Федосеевым в 1888–1889 гг., был связан В.И. Ленин.

1883–94 годы были периодом медленного и трудного роста социал-демократического движения в России. До середины 90-х годов марксизм в России оставался идейным течением, не связанным с рабочим движением. Сторонников нового, марксистского учения было очень мало. В огромной стране насчитывалось немногим более десятка небольших марксистских групп и кружков в крупных городах. Кружки занимались пропагандой лишь среди отдельных рабочих, не вели широкой политической работы в массах.

Развитие рабочего движения и деятельность марксистских организаций подготовили условия для внедрения идей социализма в массовое рабочее движение и его политизации, для создания марксистской партии в России.

Петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса»

Для развертывания работы в массах марксистские кружки в Петербурге по инициативе В.И. Ленина объединились в единую социал-демократическую нелегальную организацию, принявшую в конце 1895 года название «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». «Союз» был построен на принципах централизма, строгой дисциплины и тесной связи с массами. Основой являлись рабочие кружки на заводах и фабриках. Руководила «Союзом» центральная группа во главе с Лениным, который одновременно был редактором всех его печатных изданий. В состав «Союза борьбы» входили А.А. Ванеев, П.К. Запорожец, Г.М. Кржижановский, Н.К. Крупская, Ю.О. Мартов, А.Н. Потресов и другие. Поддерживались связи со многими заводами, издавались листовки, готовился первый номер нелегальной газеты.

В декабре 1895 года были арестованы руководство «Союза» во главе с В.И. Лениным и около сорока активных работников. В течение 1896 года полиция совершила еще ряд арестов, тем не менее «Союз» продолжил свою работу. Так, летом 1896 года разразилась общая стачка текстильщиков столицы, и «Союз» руководил стачкой, выпустил 13 листовок. Впервые рабочие поднялись на борьбу под руководством социал-демократической организации, которая связала борьбу рабочих за экономические требования с политической борьбой против царизма и капиталистической эксплуатации[1].

По образцу петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса»» стали создаваться союзы и группы в Москве, Туле, Иваново-Вознесенске (Иваново), Ярославле, Костроме, Владимире, Ростове-на-Дону и в других городах. К концу 1890-х социал-демократические кружки и группы существовали более чем в 50 городах России. Возникли социал-демократические организации на Украине и в Закавказье. Многие из них приняли название «Союз борьбы». Развивается социал-демократическое движение и в западных национальных районах. В 1893 году основывается Социал-демократическая партия Польши, в 1896-м – Литовская социал-демократическая партия и «Рабочий союз Литвы», в 1897-м – «Всеобщий еврейский рабочий союз в России и Польше» (Бунд). Во второй половине 90-х годов появляются первые социал-демократические организации в Латвии и Эстонии[2].

В марте 1898 года по инициативе Петербургского «Союза борьбы» в Минске состоялся первый съезд социал-демократических организаций России. В его работе приняло участие всего девять человек, представлявших петербургский, московский, киевский и екатеринославский «Союзы борьбы», Бунд и группу киевской «Рабочей газеты». Съезд принял решение об образовании Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП) и избрал Центральный комитет из трех человек. От имени съезда был выпущен манифест[3], который провозгласил целью рабочего движения «борьбу с капитализмом и буржуазией до полной победы социализма»[4]. Но вскоре после съезда было арестовано большинство членов избранного на нем Центрального комитета. Отчасти по причине арестов, а также из-за внутренних разногласий распался петербургский «Союз

---

[1] История Коммунистической партии Советского Союза /Б.Н. Пономарев, М.О. Волин, В.С. Зайцев и др. 6-е изд., доп. М., 1982. С. 34–35.

[2] История Коммунистической партии Советского Союза /Б.Н. Пономарев, М.О. Волин, В.С. Зайцев и др. 6-е изд., доп. М., 1982. С. 35–36.

[3] Манифест не был программой партии, в нем не были поставлены конкретные задачи. Съезд не принял и устава партии. Создание рабочей социал-демократической партии продолжало оставаться важнейшей задачей революционных марксистов.

[4] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1970. Т. 1. С. 15.

борьбы». В условиях промышленного подъема стачечное движение шло на спад. Для социал-демократов настали нелегкие времена.

Борьба ленинской газеты «Искра» за создание партии

Еще в ссылке В.И. Ленин пришел к выводу о том, что решающую роль в создании марксистской партии должна сыграть общерусская политическая газета, поэтому, получив свободу в 1900 году, Ленин энергично принялся за организацию ее издания. Он объехал ряд городов, вел переговоры со многими социал-демократами, привлекал и сплачивал сторонников будущей газеты. Подготовив почву в России, Ленин выехал за границу, чтобы там наладить ее издание. Этой газетой стала «Искра» – первая нелегальная общерусская политическая газета революционных марксистов.

В ее редакцию вошли представители социал-демократических организаций в России В. Ленин, Ю. Мартов, А. Потресов и члены группы «Освобождение труда» Г. Плеханов, П. Аксельрод и В. Засулич. Подлинным вдохновителем, организатором и руководителем «Искры» был Ленин. Местом издания был избран Мюнхен. В канун 1901 года первый номер «Искры» вышел в свет. Сначала газета выходила ежемесячно, затем – каждые две недели. Тираж, доходивший до 10 тысяч экземпляров, тайно переправлялся в Россию и распространялся по социал-демократическим кружкам. «Искра» стала нитью, идейно связывавшей их воедино.

В передовой статье первого номера «Искры» «Насущные задачи нашего движения», написанной В.И. Лениным, главной целью газеты было создание в России марксистской партии.

В статье «С чего начать?», опубликованной в «Искре» в мае 1901 года, был выдвинут ленинский план построения марксистской партии, первым пунктом которого было издание общерусской политической газеты. Она должна подготовить идейный разгром врагов внутри рабочего движения и защитить чистоту марксистской революционной теории, выработать единое понимание программных целей и тактических задач партии[1]. Лозунг момента Ленин сформулировал следующим образом: «Прежде, чем объединяться, и для того, чтобы объединиться, мы должны сначала решительно и определенно размежеваться»[2].

Важнейшим делом «Искры» являлась разработка проекта программы партии. Определив цели и задачи, программа должна была идейно сцементировать разрозненные социал-демократические кружки в единую организацию. Сторонники газеты должны были стать ядром, костяком будущей партии.

В редакции «Искры» не было единства мнений по целому ряду вопросов. Так, Плеханов и Аксельрод рассматривали либералов как союзников в революции. Резкие споры возникли по вопросам программы. Плеханов проявил

---

[1] История Коммунистической партии Советского Союза /Б.Н. Пономарев, М.О. Волин, В.С. Зайцев и др. 6-е изд., доп. М., 1982. С. 41–42.

[2] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 358.

колебания в вопросе о диктатуре пролетариата. Острая борьба развернулась по вопросам аграрной программы. В. Ленин мыслил партию как организацию сознательного революционного меньшинства, построенную на принципах строгой централизации и жесткой дисциплины и призванную покончить со стихийностью в рабочем движении. Эти взгляды Ленина нашли наиболее полное отражение в его книге «Что делать?» (1902).

Газета «Искра» была не только инструментом создания партии нового типа, но и мощным орудием борьбы В. Ленина за идейное господство в революционном марксизме.

Борьба с народниками, экономистами и легальными марксистами

Круг революционной интеллигенции в конце XIX века был неширок, и от того, на чью сторону она встанет, во многом зависел исход борьбы за влияние на оппозиционные массы рабочих и крестьян. Поэтому между представителями различных социалистических направлений разгорелась ожесточенная идейная борьба за умы, сознание и мировоззрение революционной интеллигенции. Эту борьбу выиграли марксисты. Первым противником, с которым они вели ожесточенные идейные дискуссии, были народники – властители дум ушедшего поколения революционеров.

До созыва II съезда РСДРП и окончательного ее оформления было проведено идеологическое размежевание с народниками, «легальными марксистами»[1] и «экономистами»[2].

Первым, кто подверг критике с марксистских позицией взгляды народников, был Г. Плеханов. Его книга «Наши разногласия», изданная в 1885 году, имела большое значение в пропаганде материалистического мировоззрения и доказательстве идейной несостоятельности народнических идей.

Выдающуюся роль в идейном разгроме народничества сыграла книга В.И. Ленина «Что такое “друзья народа” и как они воюют против социал-демократов?», вышедшая в 1894 году. В ней были подвергнуты критике мировоззрение, экономические взгляды, политическая платформа и тактика

---

[1] Легальный марксизм – идейно-политическое направление российской буржуазной интеллигенции, возникшее в сер. 90-х гг. 19 в. в условиях широкого распространения марксизма в России. Ленин характеризовал это течение как «отражение марксизма в буржуазной литературе». Главные представители «легального марксизма» П.Б. Струве, С.Н. Булгаков, М. И. Туган-Барановский, Н.А. Бердяев выступали в легальной прессе (отсюда назв. «Л. м.»), издавали журн. «Новое слово», «Начало», «Жизнь». Являясь идеологами либеральной буржуазии, «легальные марксисты» извращали марксистское понимание классовой борьбы, отвергали основу учения Маркса о неизбежности революционного ниспровержения капиталистического строя и завоевании диктатуры пролетариата. См.: Советская историческая энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия. Под ред. Е.М. Жукова. 1973–1982.

[2] Экономизм – оппортунистическое течение в российской социал-демократии в период ее становления (кон. 19 – нач. 20 вв.). «Его политическая сущность сводилась к программе: “рабочим – экономическая, либералам – политическая борьба”...» (Ленин В.И., Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 26. С. 343–344). Лидерами «Э.» были К.М. Тахтарев, С.Н. Прокопович, Е.А. Кускова, В.Н. Кричевский, А. С. Мартынов, В.П. Акимов (Махновец) и др. См.: Советская историческая энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия. Под ред. Е.М. Жукова. 1973–1982.

народничества. Ленин доказывал, что народничество претерпело глубокие изменения и превратилось из революционного в либеральное. Из двигателя революции оно стало ее тормозом. Эти и ряд других работ марксистов убедили революционную интеллигенцию в том, что марксизм представляет более совершенное социалистическое учение, нежели предшествовавшие ему народнические доктрины и концепции Лаврова, Бакунина, Нечаева, Михайловского.

В конце XIX столетия «экономисты» преобладали в социал-демократических комитетах. Против их позиции выступили такие видные российские социал-демократы, как Плеханов, Ленин, Мартов и др. Накануне II съезда РСДРП позиция «экономистов» была отвергнута большинством социал-демократических организаций России.

С «легальными марксистами» Г. Плеханов и В. Ленин первоначально сотрудничали и использовали возможности легальной прессы, которую те издавали для борьбы с общим идейным противником – народничеством. После достижения поставленной цели союз распался, и Плеханов вместе с Лениным в ряде статей идейно разгромили «легальных марксистов», обвинив их в ревизионизме марксистского учения. Ко времени выхода «Искры» «легальный марксизм» как идейное течение перестал существовать, а его лидеры в дальнейшем перешли в стан либералов, войдя в кадетскую партию.

Эти идейные победы закрепили за лидерами социал-демократии лавры истинных последователей набиравшего популярность марксизма, стали предпосылкой и условием завоевания на свою сторону широких рабочих масс.

Книга В.И. Ленина «Что делать?», вышедшая в 1902 году, сыграла не только значительную роль в идейном разгроме «экономизма», но и в сплочении партийных кадров на основе марксизма, в подготовке II съезда РСДРП. В этой работе Ленин первым из марксистов выдвинул идею рабочей партии нового типа[1].

II съезд РСДРП

Энергичная деятельность редакции газеты «Искра» по разъяснению необходимости объединения разрозненных социал-демократических групп принесла свои плоды. В июле 1903 году 43 делегата от 26 местных организаций собрались на съезд, который сначала проходил в Брюсселе, а затем переехал в Лондон.

Съезд принял программу партии, состоявшую из двух частей – программы-максимум и программы-минимум. Первая из них в соответствии с марксистской доктриной конечной целью партии объявляла социалистическую революцию, установление диктатуры пролетариата и построение социализма. В программе-минимум определялись ближайшие цели: свержение самодержавия, установление демократической республики, уравнение в правах всех

[1] История Коммунистической партии Советского Союза / Б.Н. Пономарев, М.О. Волин, В.С. Зайцев и др. 6-е изд., доп. М., 1982. С. 45–46.

граждан, введение 8-часового рабочего дня. Аграрный раздел этой программы требовал отмены выкупных платежей и возвращения «отрезков».

Проект устава партии был написан Лениным. Большой спор разгорелся по условиям членства в партии. Съезд принял формулировку, которая вопреки позиции Ленина не предусматривала непременного участия членов партии в работе партийных организаций и противоречила ленинскому курсу на формирование иерархичной, строго дисциплинированной организации. Но она мало изменила общий дух ленинского устава, построенного на началах централизма, что выражалось в жестких требованиях подчинения нижестоящих партийных организаций вышестоящим и в больших полномочиях Центрального комитета. Съезд принял устав в ленинской редакции, за исключением первого параграфа.

Наметившийся на съезде раскол между сторонниками Ленина и его оппонентами окончательно оформился в ходе выборов ЦК и редакции «Искры». Приверженцы Ленина, одержавшие на выборах победу, стали именоваться большевиками, а их противники – меньшевиками. Фактически на II съезде возникли две партии. Одна из них, меньшевистская, ориентировалась на опыт западных социалистических партий; другая, руководимая Лениным, изначально была нацелена на захват власти[1].

Борьба большевиков с меньшевиками

Многолетняя борьба большевиков с меньшевиками имела своим истоком различное понимание марксизма и его применения к российской действительности. Меньшевики исходили из ортодоксального марксизма, согласно которому революция есть результат экономического развития, а значит, произойдет в наиболее развитой капиталистической стране, поэтому в России нет шансов на осуществление социалистической революции в обозримом будущем. Из этого вытекала тактика меньшевиков, их отношение к революции, союзникам и противникам. Модернизированный В. Лениным марксизм они не принимали. Меньшевики отрицали необходимость создания централизованной партии и строгой партийной дисциплины, ориентируясь на социал-демократические партии Западной Европы, проводившие политику «открытых дверей»; отсюда тезис меньшевиков о неограниченном приеме в партию всех желающих без обязанности работы в партийной организации и подчинении партийной дисциплине[2].

Сразу после II съезда РСДРП меньшевикам удалось убедить значительное число членов партии в правоте своих идей, и постепенно они захватили все партийные центры: в ноябре 1903 года – «Искру», а в июле 1904-го – ЦК, после чего меньшевистские лидеры стали раскалывать партийные организации на местах.

---

[1] История России с древнейших времен до конца XX века. В 3-х кн. Боханов А.Н., Горинов М.М., Дмитренко В.П. Кн. 3. История России. XX век. М., 2001. С. 75–76.

[2] См.: Меньшевизм / Большая советская энциклопедия. М., 1969–1978.

В этих условиях В. Ленин начал длительную борьбу за восстановление лидерства в партии, прежде всего с помощью идейных средств. Важную роль сыграла книга «Шаг вперед, два шага назад», вышедшая в мае 1904 года. В ней ленинское учение о партии, в особенности ее организационные принципы, получили дополнительное обоснование.

Идейное наступление на меньшевиков было подкреплено организационными мероприятиями. В августе 1904 года в Швейцарии под руководством В.И. Ленина состоялось совещание 22 большевиков. Принятое обращение «К партии» призывало партийные организации к борьбе за созыв III съезда, на котором большевики надеялись взять реванш. 22 декабря 1904 года вышел первый номер большевистской газеты «Вперед». Две социал-демократические газеты вступили друг с другом в ожесточенную перепалку. Большевистские и меньшевистские лидеры принимали самостоятельные решения, никак не согласовывая их между собой.

К началу 1905 года РСДРП насчитывала до 10 тысяч членов (в России и за границей). Меньшевики численно преобладали и в России, и за границей, но большевики были активнее, напористей. За большевиками шли крупные промышленные районы и главные центры – Петербург, Москва, Рига, Баку, Екатеринослав, Одесса, Центрально-промышленный район, Урал. Основные кадры профессиональных революционеров целиком поддержали Ленина[1].

Борьба, развернувшаяся в руководстве РСДРП, не сразу дошла до низовых звеньев. Рядовые члены, не вдаваясь в сложности марксистской теории, попрежнему считали себя социал-демократами, не примыкая ни к какой из фракций и не видя между ними особой разницы. Тем не менее именно различный подход к самым основным теоретическим проблемам предопределил различие стратегии и тактики большевиков и меньшевиков в российском революционном движении. Эта разница проявлялась во всех русских революциях и в конце концов привела к окончательному размежеванию, когда в 1971 году была образована самостоятельная меньшевистская партия. Октябрьскую революцию меньшевики не приняли, и в 1924 году меньшевизм как организованная сила прекратил существование на территории СССР[2].

Усиление влияния социалистических идей на рабочее движение

В 1900–1903 годах разразился мировой экономический кризис. В России он проявился особенно остро и болезненно.

Кризис создал благоприятные условия для усвоения рабочими политических лозунгов и требований. В феврале – марте 1901 года на улицы Петербурга, Москвы, Харькова, Киева вышли тысячи демонстрантов с лозунгом «Долой самодержавие!». Во многих городах состоялись первомайские демонст-

---

[1] История Коммунистической партии Советского Союза /Б.Н. Пономарев, М.О. Волин, В.С. Зайцев и др. 6-е изд., доп. М., 1982. С. 65.

[2] См.: Меньшевизм / Энциклопедический словарь. 2009.

рации и стачки. Стачка рабочих Обуховского завода переросла в столкновение с полицией и войсками.

1902 год был годом дальнейшего подъема рабочего движения. Особое значение имела крупная стачка-демонстрация в Ростове-на-Дону, руководимая комитетом РСДРП. В течение нескольких дней происходили многотысячные митинги рабочих, жадно слушавших речи социал-демократов. Летом 1903 года под руководством комитетов РСДРП произошли всеобщие политические стачки на юге страны – в Закавказье и на Украине. В этих стачках участвовало более 200 тысяч рабочих. Пролетариат России поднимался на революционную борьбу с царской властью.

Напуганный ростом рабочего движения, царизм пытался всяческими мерами остановить его. Поняв, что насилие перестало быть эффективным методом борьбы, охранка с помощью своих агентов создала в некоторых городах организации, которые убеждали рабочих в том, что царское правительство само готово помочь им в удовлетворении их экономических требований, только бы они не ввязывались в политику. Эта тактика получила название «полицейский социализм», или «зубатовщина» – по фамилии ее инициатора жандармского полковника С.В. Зубатова[1]. Однако идеи Зубатова оказались менее убедительны, нежели марксистские и социалистические неонародническое теории, поэтому эсеры и социал-демократы смогли перехватить инициативу и порой использовали зубатовские организации в своих целях. В результате правительство вынуждено было прекратить их деятельность.

С начала XX века многие рабочие становятся убежденными приверженцами социалистических идей, в результате контроль над рабочим движением переходит в руки социал-демократии и, отчасти, эсеров.

III съезд РСДРП

В апреле 1905 года в условиях нарастающей революции был созван III съезд РСДРП. Именно на нем стало ясно, что среди большевиков нет лидера, равного В.И. Ленину. Он председательствовал на съезде и задавал тон при обсуждении всех вопросов. В основу решений съезда легла ленинская теория гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции. Крестьянство рассматривалось как ближайший союзник пролетариата, поэтому в программу партии было внесено требование конфискации в пользу крестьянства помещичьих, удельных, казенных, церковных и монастырских земель. В отношении буржуазии была принята тактика «нейтрализации» ее колебаний.

Съезд ставил задачу путем вооруженного восстания свергнуть самодержавие и установить демократическую республику. В перспективе не исключалась возможность перерастания буржуазно-демократической революции в

[1] История Коммунистической партии Советского Союза /Б.Н. Пономарев, М.О. Волин, В.С. Зайцев и др. 6-е изд., доп. М., 1982. С. 38–39.

социалистическую. Было принято предложенное Лениным определение членства в партии, из-за которого разгорелись страсти на II съезде.

Меньшевики, не признававшие III съезд, в мае того же года собрались на конференцию в Женеве. Они не отрицали, что рабочий класс уже занял «центральное место в русской общественной жизни», однако при этом старались не давать волю игре воображения и оставаться на почве «революционного реализма». В некоторых случаях, говорили они, не мешает немного «притормозить» слишком далеко зашедшее народное движение. И не нужно дробить силы оппозиции, предъявлять к либералам невыполнимые требования, развязывать и раздувать распри среди оппозиционных сил. Наоборот, надо добиваться их сплочения.

Как и большевики, меньшевики считали крестьянство ближайшим союзником рабочего класса и были готовы поддержать его требования земли и воли. Но многих меньшевиков смущал разгромный характер начавшегося аграрного движения, особенно в черноземной полосе.

Особое внимание меньшевики уделяли созданию и развитию легальных форм организации городского и сельского пролетариата (профсоюзов, касс взаимопомощи, просветительных обществ). Тем самым они старались преодолеть неуправляемость и хаотичность рабочего движения, усилить его организованность в наступлении и стойкость в обороне[1].

Таким образом, в исторически короткий срок марксистские идеи овладели сознанием революционной интеллигенции, которая, адаптировав марксизм к российским условиям, смогла подчинить себе рабочее движение. В идейной борьбе народничества и различных направлений марксизма победу одержал большевизм, как радикальное течение, считавшее возможным осуществление социалистической революции в России.

Созданная в 1903 году социал-демократическая партия из-за непримиримых идейных разногласий раскололась на два движения: большевизм и меньшевизм. К революции 1905 года социал-демократия подошла расколотой не только идейно, но и организационно.

§5. Организация либеральной оппозиции в начале XX века

Либеральные идеи имели влияние не только в правительственной, но и в революционной среде. Либерализм был единственной идеей, которая разделялась как правительственными чиновниками, так и сторонниками радикального оппозиционного крыла, поэтому казалось, что именно у этой идеи был наибольший шанс на осуществление, поскольку на них могли сойтись и правительство и революционеры. Для правительства были неприемлемы требования социалистов, а требования либералов были тем рубежом, на который в крайнем случае самодержавие могло отойти. И правительственные либералы,

[1] История России с древнейших времен до конца XX века. В 3-х кн. Боханов А.Н., Горинов М.М., Дмитренко В.П. Кн. 3. История России. XX век. М, .2001. С. 80–81.

и радикальные имели своим идеалом европейскую либеральную демократию, поэтому они могли договориться, а вот с социал-демократами и эсерами точек соприкосновения не было и договориться было невозможно.

В начале XX века под влиянием сложившейся в стране революционной ситуации либеральный лагерь активизировал свои действия. С 1 июля 1902 года в Штутгарте, а затем в Париже стал выходить нелегальный либеральный журнал «Освобождение». Он поставил себе целью выработать программу, на основе которой можно было бы объединить разрозненные либеральные силы. Летом 1903 года в Швейцарии, в Шафгаузене, собралось совещание представителей земцев и буржуазной интеллигенции. На нем было решено создать нелегальную организацию «Союз освобождения», учредительный съезд которой состоялся в Петербурге в начале января 1904 года. На съезде были приняты программа и устав, выбран совет «Союза освобождения», выполнявший роль ЦК. Несколько ранее земцы организовали свой отдельный, но более аморфный орган – «Союз земцев-конституционалистов». Осенью 1904 года освобожденцы собрались в Париже вместе с представителями отдельных демократических партий для выработки программы совместных действий против самодержавия. Вслед за тем «Союз освобождения» развернул довольно широкую банкетную кампанию. В 34 городах России освобожденцами было проведено 120 банкетов, на которых побывало около 50 тыс. человек. Банкеты кончались, как правило, принятием резолюции с требованием политических свобод и конституции. Одновременно либералы-освобожденцы приступили к организации среди интеллигенции профессионально-политических союзов, получивших широкое распространение уже после начала революции[1].

В конце марта 1905 года освобожденцы создали ряд профессионально-политических союзов интеллигенции (адвокатов, инженеров, педагогов, врачей и т. д.). Позже было решено объединить их в Союз союзов, чтобы еще более усилить воздействие либералов на демократические элементы общества.

В своих печатных изданиях и агитационных выступлениях либералы стремились воздействовать прежде всего на крестьянство, но свое влияние они пытались распространить и на пролетариат. Попытка освобожденцев создать собственную рабочую партию потерпела крах. В мае 1905 года либералы объявили об образовании в стране беспартийного «Российского освободительного союза» (РОС) и в его составе – «Рабочего союза», а также издали его устав.

Кадеты

Самой авторитетной и политически сильной оппозиционной либеральной партией стала партия конституционных демократов (кадетов). Позднее, в январе 1906 года к основному названию было добавлено «партия народной свободы».

---

[1] Исторический опыт трех российских революций. Кн. 1. Генеральная репетиция Великого Октября: Первая буржуазно-демократическая революция в России / Гл. ред. П.А. Голуб и др. М., 1985. С. 212–213.

Формирование партии происходило в условиях быстрого роста революционного движения в стране. Учредительный съезд Конституционно-демократической партии состоялся в Москве в октябре 1905 года, в разгар Всероссийской политической стачки. Он принял программу и устав.

Лидером кадетской партии и главным ее теоретиком был историк П.Н. Милюков. В состав руководства партии входили князь П.Д. Долгоруков, профессор В.Д. Набоков, профессор В.И. Вернадский, адвокат В.А. Маклаков, князь Д.И. Шаховской, бывший легальный марксист П.Б. Струве. В кадетской партии состояла элита русской интеллигенции. В годы революции кадеты стремились стать над партиями, объединить вокруг себя или подчинить своему влиянию другие оппозиционные самодержавию партии и течения.

Социальной основой партии являлись земско-либеральные элементы левой ориентации, профессура крупнейших университетов и лица свободных профессий (адвокаты, врачи, журналисты, писатели), а также представители либерально настроенных помещиков и буржуазии, отчасти ремесленники. В свои ряды партия кадетов привлекла также немногих рабочих и крестьян. Вместе с тем кадеты претендовали на то, чтобы представлять интересы всех слоев населения России и называли себя «партией социальных реформаторов».

Программа кадетов основывалась на европейских либеральных идеях того времени. Главной своей целью кадеты провозгласили введение в стране демократической конституции (отсюда и название партии). Неограниченная монархия, согласно их программе, должна была быть заменена парламентарным демократическим строем (кадеты обходили вопрос о том, будет ли это монархия или республика, но идеалом их была конституционная монархия английского типа). Они выступали за разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную, за коренную реформу местного самоуправления и суда, за всеобщее избирательное право, свободу слова, печати, собраний, союзов, за строгое соблюдение «гражданских политических прав личности», за свободу преподавания и бесплатное обучение в школе. Кадеты предусматривали введение 8-часового рабочего дня на предприятиях, право рабочих на стачки, на социальное страхование и охрану труда, отчуждение за вознаграждение части помещичьих земель и передачу ее крестьянам. В их программе были пункты о восстановлении государственной автономии Финляндии и Польши, но в составе России и культурной автономии других народов. Программа кадетов была направлена на развитие России по европейскому либерально-демократическому пути.

Программа преследовала цель – обеспечить партии максимально широкую социальную базу, а для этого нужно было включить в нее такие положения, которые дали бы возможность либералам утверждать, что она выражает общенародные интересы. При открытии съезда ее вожди особенно подчеркивали, что образуемая партия будет носить общенародный, а не классовый характер, заботиться об интересах «всего народа».

Внутри кадетов существовали три течения: правое, левое и центристское. Они не были оформлены во фракции. По отдельным вопросам правые могли выступать с «левых» позиций и наоборот. Левые в партии являлись меньшинством, но меньшинством сплоченным, активным и имеющим опору в провинции. Враждебно настроенные к существовавшей в царской России социально-политической системе, левые кадеты выступали за ее разрушение. Поэтому их можно назвать (так же как и эсеров, и социал-демократов, за сотрудничество с которыми они всегда выступали) «антисистемной оппозицией». Левые кадеты занимали антибуржуазные позиции. Они были против гласного сотрудничества с буржуазией и политическими силами, представлявшими интересы «цензовых» элементов.

Правые члены Партии народной свободы являлись «системной оппозицией», то есть стремились не к ликвидации системы, а лишь к перераспределению властных полномочий внутри нее. Поэтому они отрицательно относились к революции как методу борьбы и спокойно воспринимали возможность соглашения с властью. Они также допускали возможность гласного сотрудничества с отдельными предпринимателями, буржуазными организациями и партиями (прогрессисты, октябристы) на оппозиционной платформе. Правые не были организационно и идеологически консолидированы и практически не имели опоры в местных парторганизациях.

Центристы составляли партийное большинство. В идейно-политическом плане они были ближе к левому крылу партии. С левыми они имели только тактические разногласия, а с правыми и тактические, и идеологические.

В 1905–1907 гг. и правые, и левые, и центристы занимали антибуржуазные позиции. Однако по мере спада революционной волны в кадетской партии укреплялось правое, системное крыло. Пик его влияния – июль1906 – июнь 1907 года[1].

Р. Пайпс пишет, что по своей тактике и стратегии русские либералы были очень близки к радикалам: как любил хвастаться Павел Милюков, их политическая программа «наиболее левая из всех, какие предъявляются аналогичными нам политическими группами Западной Европы»[2].

Либералы, адресуясь к избирательским массам, вынуждены были соперничать с радикальными партиями и, чтобы лишить социалистов их козырей, разработали радикальную социальную программу, в которую входило требование экспроприации многоземельных имений (с компенсацией «по справедливости», а не по рыночной стоимости), а также церковных и государственных владений для распределения крестьянам. Их платформа включала также создание обширной программы социального обеспечения. Они остава-

---

[1] Селезнев Ф.А. Конституционные демократы и буржуазия (1905–1917 гг.): Монография. Нижний Новгород, 2006. С. 129.

[2] Цит. по: Пайпс Р. Русская революция. Кн. 1. Агония старого режима. 1905–1917. М., 2005. Гл. 4. Электронное издание.

лись глухи к призывам умерить свои требования, боясь скомпрометировать себя в глазах народных масс и проиграть социалистам. Кадеты не осуждали террор, давая ему как бы моральное благословение. Однозначному осуждению подвергались лишь все силовые действия властей; когда же убивали губернатора, министра или простого городового, то голосов возмущения в либеральной среде слышно не было.

Но еще более серьезными были соображения тактического характера. Чтобы вырвать у самодержавия сначала конституцию и законодательный парламент, а затем парламентскую демократию, либералам нужен был мощный рычаг. И такой рычаг ими был найден – угроза революции. В 1905– 1907 годах они убедили монархию пойти на политические уступки в попытке избежать еще больших неприятностей.

Таким образом, политическая тактика кадетов была довольно суетливой и двусмысленной – страх перед революцией и использование этого страха, как оказалось, таили в себе грубейшую ошибку: игра на революционной угрозе в немалой степени способствовала подготовке именно того, чего либералы более всего желали избежать. Но осознали они это, когда уже было поздно что-либо изменить.

Хотя либералы были умеренней социалистов, правительству они доставляли больше хлопот, в силу того что в их рядах состояли весьма заметные в обществе фигуры, которые могли свободно заниматься политикой под видом своей легальной профессиональной деятельности. Для полиции верной и легкой добычей были студенты-социалисты. Но кто осмелился бы хоть пальцем тронуть, скажем, князя Шаховского или князя Долгорукова, даже если они занимались организацией подрывной партии? И как можно было вмешаться в собрания врачей или юристов, даже если было хорошо известно, что там обсуждаются запрещенные темы? Это отличие в социальном положении объясняет, почему руководящие органы либералов могли действовать непосредственно в России, практически не испытывая полицейского давления, тогда как эсерам и социал-демократам приходилось руководить деятельностью своих партий из-за рубежа. Это же объясняет и то, почему и в 1905, и в 1917 годах либералы первыми вступали на политическую сцену, опережая на несколько недель своих соперников-социалистов»[1].

Привлекательная программа, яркие лидеры, активная деятельность способствовали бурному росту партии. В январе – апреле 1906 года насчитывалось 274 кадетских комитета, а к 1907-му свыше 300; общая численность партии колебалась в пределах 50–60 тыс. членов (после поражения революции численность кадетской партии сократилась вдвое).

---

[1] Пайпс Р. Русская революция. Кн. 1. Агония старого режима. 1905–1917. М., 2005. Гл. 4. Электронное издание.

Октябристы

Правое крыло либеральной оппозиции объединилось в Союз 17 октября (октябристы). Союз принял это название в честь царского Манифеста 17 октября 1905 года, который, как считали октябристы, знаменовал собой вступление России на путь конституционной монархии. Организационное оформление партии началось в октябре 1905 года, а завершилось на ее I съезде, состоявшемся 8–12 февраля 1906 года в Москве.

Это была партия крупного капитала – верхов торгово-промышленной буржуазии и помещиков.

Октябристы не являлись строго организованной партией – это был скорее временный союз довольно разношерстных общественных элементов из числа имущих, желавших принять участие в выработке политических решений. Во главе партии стояло правое крыло земско-либерального движения во главе с графом П.А. Гейденом, Д.Н. Шиповым, М.А. Стаховичем, Н.А. Хомяковым. Но уже в 1906 году на первую роль выдвинулся выходец из семьи старинного московского купечества, известный деятель Московского городского управления А.И. Гучков, ставший бесспорным лидером этой партии. Видными ее деятелями были крупный землевладелец М.В. Родзянко (председатель III и IV Государственных дум), адвокат Ф.Н. Плевако, фабрикант П.П. Рябушинский.

Октябристы были значительно правее кадетов, и их представления в области государственного устройства носили более определенный характер. Выступая против неограниченного самодержавия, октябристы были и против установления парламентарного строя, как неприемлемого для России и политически, и исторически. Они стояли за сохранение конституционным монархом титула «самодержавный»; предусматривали введение двухпалатного «народного представительства» – Государственной думы и Государственного совета, формируемых на основе цензовых выборов, прямых в городах и двухступенчатыми в сельской местности.

Своей целью октябристы считали оказание содействия правительству, идущему по пути реформ, направленных на полное обновление общественного строя. Они отвергали идею революции и были сторонниками медленных преобразований. Свобода промышленности, торговли, приобретения собственности и охрана ее законом – главные программные требования октябристов.

Гражданские права в программе октябристов включали свободу совести и вероисповедания, неприкосновенность личности и жилища, свободу слова, собраний, союзов, передвижения. Они были сторонниками единой и неделимой России, выступали против областной национальной автономии (за исключением Финляндии) и даже против культурно-национальной автономии.

Социальная программа предусматривала передачу крестьянам через особые земельные комитеты пустующих казенных, удельных и кабинетских земель, а также содействие покупке земли крестьянами «у частных владельцев» при посредстве Крестьянского банка, требовали возвращения крестьянам от-

резков, произведенных от их наделов в 1861 году. Октябристы допускали и «принудительное отчуждение» части частновладельческих земель с обязательным вознаграждением владельцев за счет казны.

Октябристы признавали свободу рабочих организаций, союзов, собраний и право рабочих на стачки, но только на почве экономических, профессиональных и культурных нужд, при этом на предприятиях, «не имеющих государственного значения». Они выступали за ограничение продолжительности рабочего дня, но не в ущерб промышленникам, введение страхования рабочих; требовали сокращения налогового обложения населения; были сторонниками расширения народного образования, декларировали необходимость реформы суда и административного управления.

Вся программа октябристов была составлена с позиций интересов крупного капитала и консервативных помещиков, отрицавших необходимость демократии и полагавшихся, прежде всего, на сильную монархическую власть, дополненную минимумом политических свобод.

В 1905–1907 гг. «Союз 17 октября» насчитывал до 30 тысяч членов. Его печатным органом была газета «Голос Москвы». В 1906 году октябристы издавали до 50 газет на русском, немецком и латышском языках.

Другие либеральные партии

Почти сразу после возникновения партий кадетов и октябристов от них начали отпочковываться небольшие по численности партии, мало чем отличавшиеся друг от друга. Так, в январе 1906 года появилась «Партия демократических реформ» – совершенно ничтожное ответвление от кадетской партии справа. Несколько позже из правых кадетов и левых октябристов образовалась еще одна либеральная организация – «Партия мирного обновления», отличавшаяся от кадетов открытым осуждением революционных действий народа, а от октябристов – порицанием правительственного террора.

Осенью 1905 года возникло и большинство национально-либеральных партий – Литовская демократическая партия, Украинская радикально-демократическая, Эстонская народная партия прогрессистов, Латышская конституционно-демократическая партия и другие. Хотя численность этих партий была невелика, их влияние среди интеллигенции привело к тому, что многие печатные органы, выходившие на национальных языках, выражали и пропагандировали программы либерально-национальных партий, которые сводились в основном к требованию буржуазно-демократических свобод, культурного самоопределения и национального равноправия. По своим взглядам все эти партии, как правило, примыкали к кадетской партии, блокировались с ней в Думе[1].

Так, в стране организационно оформились два фланга русского либерализма, различных по некоторым программным положениям и методам дей-

[1] Исторический опыт трех российских революций. Кн. 1. Генеральная репетиция Великого Октября: Первая буржуазно-демократическая революция в России /Гл. ред. П.А. Голуб и др. М., 1985. С. 234–225.

ствия. Правое крыло либерально-монархической буржуазии представляли главным образом «Союз 17 октября», «Партия правового порядка», «Торгово-промышленная партия» и др. Это были организации помещиков, крупной торговой и промышленной буржуазии. Либеральные партии левого крыла – кадеты, «Партия демократических реформ» и др. – были более пестрыми по своему социальному составу и в силу этого колебались между демократической интеллигенцией и крупной буржуазией, между стремлением опереться на народ и боязнью его революционной разрушительной самодеятельности.

Кровавые события 9 января 1905 года активизировали либералов. Уже вечером этого дня в помещении Вольно-экономического общества состоялось собрание столичной интеллигенции, оно осудило действия правительства и обратилось к войскам с призывом впредь не стрелять в народ. Даже представители «деловой» промышленной буржуазии обратились к правительству с серией записок, требуя политических реформ, без которых они не надеялись внести «успокоение» в рабочий класс.

Особое оживление в либеральном лагере началось после 18 февраля, когда царизм, понуждаемый революцией, перешел от репрессий к попыткам маневрирования и обещал собрать законосовещательную Думу.

Либералы воспользовались возможностью, предоставленной Указом от 18 февраля, чтобы внедрить свою программу, и вновь развернули кампанию торжественных обедов – на сей раз под видом «кампании петиций». Стало возможно не только в частных собраниях, но и публично выдвигать требования конституции и законодательного парламента. В апреле 1905 года в Москве земство провело свой второй съезд, большинство делегатов которого уже не хотело довольствоваться ничем иным, кроме Учредительного собрания. На собраниях разнообразных профессиональных союзов принимались резолюции в духе «Союза освобождения». Бюрократы, опасаясь влияния манифеста в деревне, пытались скрыть его от крестьян, но либералы воспользовались для его распространения в сотнях тысяч экземпляров земскими губернскими и уездными управами. В результате весной 1905 года в Петербург хлынул шестидесятитысячный поток крестьянских петиций. Кампания петиций неумышленно привела к политизации деревни, хотя в крестьянских челобитных поднимались в основном земельный вопрос и связанные с ним экономические проблемы[1].

Поскольку накал революции не ослабевал, то кадеты посчитали необходимым воспользоваться им для того, чтобы добиться принятия по-настоящему демократической конституции.

Особенно активизировались либералы летом 1905 года, когда революционная борьба развернулась с новой силой и заставила либералов еще немного сдвинуться влево. «Союз освобождения» значительно расширил свою изда-

[1] Пайпс Р. Русская революция. Кн. 1. Агония старого режима. 1905–1917. М., 2005. Гл. 1. Электронное издание.

тельскую деятельность. В мае в нелегальной типографии Петербурга стал выходить его официальный орган «Листок Союза освобождения». Оживилась работа местных организаций. Самарская группа союза издала брошюру «Великая перемена», Воронежская – листок «Как правительство помогает дворянам», Новгородская выпустила четыре «Письма к крестьянам». Широкий размах приобрели поездки с лекциями либеральных лидеров по стране[1].

8 мая 1905 года съезд четырнадцати союзов, организованный «Союзом освобождения» в Москве, объединился в «Союз союзов» – самую мощную всероссийскую организацию, которой суждено было сыграть решающую роль в критический момент революции 1905 года. «Союз союзов» был самой радикальной из всех либеральных организаций, он стоял на позициях более левых, чем Земский съезд и «Союз освобождения». Целью «Союза союзов» было донести либеральные веяния до массовых организаций, образованных по принципу профессиональной принадлежности, а также до мелких и средних чиновников, дабы вовлечь их в политическую борьбу. Профессиональные организации, созданные под покровительством «Союза», должны были служить вовсе не профессиональным интересам их членов, а вовлечению их в кампанию борьбы за политические свободы. «Союз союзов», кроме того, создавал массовые сообщества и добился небывалого успеха, учредив Всероссийский союз железнодорожных служащих и рабочих – самую крупную рабочую организацию в стране. Впоследствии он сыграл существенную роль и в создании Крестьянского союза. Все эти сообщества придерживались минимальной программы, провозглашающей замену самодержавия конституционным строем и гарантию полных гражданских прав населения.

По мнению Р. Пайпса, «в последующие пять месяцев “Союз союзов” практически стал определять ход русской революции»[2].

Либералы, в отличие от социал-демократов и эсеров, уже были встроены во власть через земства и городское самоуправление, поэтому могли оказывать не нее непосредственное влияние.

Известия о Цусимском поражении еще более усугубили политическую напряженность. 2 мая Петербургская дума проголосовала за политические реформы, на следующий день то же произошло в Московской думе. 24–25 мая земцы провели собрание совместно с представителями дворянства и городских дум. Резолюция собрания призывала к созыву всероссийского представительного органа, избранного на основе тайного, равного, всеобщего и прямого голосования; среди подписавших ее было двадцать председателей городских дум. Совещание избрало депутацию для встречи с царем, которую он

---

[1] Исторический опыт трех российских революций. Кн. 1. Генеральная репетиция Великого Октября: Первая буржуазно-демократическая революция в России /Гл. ред. П.А. Голуб и др. М., 1985. С. 215.

[2] Пайпс Р. Русская революция. Кн. 1. Агония старого режима. 1905–1917. М., 2005. Гл. 1. Электронное издание.

принял 6 июня. Царь заверил депутацию, что его воля созвать выборных от народа непреклонна. Эта встреча явила исторический прецедент – впервые правитель России соизволил принять представителей либеральной оппозиции, ратующей за конституционные перемены. Как считает Р. Пайпс, в середине лета 1905 года оппозиционным движением руководили либералы и либерал-консерваторы, видевшие в установлении конституционных и парламентских начал путь к укреплению государства и способ отвратить революреволюцию. Революционеры по-прежнему играли лишь второстепенную роль и шли за либералами. Такая расстановка сил сохранялась вплоть до октября[1].

В начале осени центр политического сопротивления переместился в университеты, которым по инициативе Д. Трепова 27 августа были даны новые «Временные правила», предоставляющие профессуре право избирать ректоров, а студентам – свободу собраний. Эти либеральные меры возымели неожиданный для властей эффект: вместо того чтобы усмирить студентов, они предоставили радикальному меньшинству возможность превратить университеты в арену рабочей агитации.

В конце сентября по Центральной России прокатилась новая волна забастовок. Экономические по замыслу, стачки были скоро политизированы благодаря усилиям «Союза союзов» и радикальных студентов, действовавших по его указаниям.

Забастовки, вылившиеся в середине октября во всеобщую стачку, начались 17 сентября с выступления московских печатников. Разногласия, носившие поначалу весьма миролюбивый характер, сводились исключительно к вопросу о заработной плате, но вскоре студенты придали им политическую окраску. Произошли стычки забастовщиков с полицией и казаками. В забастовку протеста включились и другие рабочие. Беспорядки в Москве и Петербурге распространились на регионы, когда к ним присоединились рабочие-путейцы. Всероссийский союз железнодорожных служащих и рабочих, входящий в «Союз союзов», уже с лета 1905 года рассматривал возможность всеобщей политической стачки.

4–5 октября распространились ложные слухи о том, что рабочие, участвовавшие в работе конференции союза железнодорожников, арестованы. Руководство союза воспользовалось этим поводом для осуществления своих планов. 6 октября прекратила работу Московская дорога, изолировав город. Стачка перекинулась на другие города и вскоре охватила работников связи, фабричных рабочих и конторских служащих. Всякий раз «Союз союзов» и его ответвления давали ясно понять, что забастовщики выдвигают политические требования, призывая к созыву Учредительного собрания. Отчасти стихийное, отчасти организованное движение неотвратимо шло к полному и повсеместному прекращению работы.

---

[1] Пайпс Р. Русская революция. Кн. 1. Агония старого режима. 1905–1917. М., 2005. Гл. 1. Электронное издание.

8 октября «Союз союзов» призвал своих членов поддержать путейцев и создать стачечные комитеты по всей стране. Всероссийская стачка стремительно разворачивалась[1]. Историки оспаривают главенствующую роль либералов в ее организации и чаще считают организаторами меньшевиков или эсеров, тем не менее либералы, игравшие основную роль в «Союзе союзов», внесли в нее немалую лепту. Важно еще и то, что власть считала, что за организацией беспорядков стоят именно либералы. Р. Пайпс пишет: «С точки зрения хорошо информированных полицейских властей, всеобщая стачка и образование Петербургского Совета – дело рук “Союза союзов”. Трепов безоговорочно возлагал на “Союз” ответственность за создание Петербургского Совета и приписывал ему роль “центральной организации”. Такого же мнения был и начальник Петербургского охранного отделения генерал А.В. Герасимов… Царь 10 ноября писал матери, императрице Марии Федоровне, о “знаменитом “Союзе союзов”, который вел все беспорядки”»[2]. Именно это объясняет либеральный характер уступок Манифеста 17 октября. Царь уступил силе, за которой, по его мнению, стояли либералы, и надеялся, удовлетворив их требования, успокоить революционные массы. Кроме того, уступки, на которые пошла самодержавная власть, могли быть только либеральными, но ни в коем случае не социалистическими, поэтому либеральный характер манифеста был предопределен.

Кадеты использовали самые различные средства пропаганды и агитации, стремясь воздействовать на демократические слои населения, чтобы отвратить их от революционной борьбы. Только с декабря 1905-го по сентябрь 1906 года они выпустили 1 284 500 экземпляров различных книг, брошюр и листовок. В их руках находилась также значительная часть центральной и провинциальной прессы. По некоторым подсчетам, в конце 1905 – начале 1906 года на периферии выходило не менее 50 газет кадетского направления[3].

Выводы

Рационалистическое мировоззрение, проникнув в сознание сначала высшего, а затем и образованного слоя российского общества, одновременно усвоило ряд новых политических идей, ставших основой для организации политической оппозиции и борьбы за власть, которая была необходима для воплощения этих идей в реальность.

Начало борьбе оппозиции за власть положили декабристы. Новый этап этой борьбы начался во второй половине XIX века и был связан с усвоением в среде интеллигенции социалистических идей, которые легли в основу народ-

---

[1] Пайпс Р. Русская революция. Кн. 1. Агония старого режима. 1905–1917. М., 2005. Гл.1. Электронное издание.

[2] Пайпс Р. Русская революция. Кн. 1. Агония старого режима. 1905–1917. М., 2005. Гл.1. Электронное издание.

[3] Исторический опыт трех российских революций. Кн. 1. Генеральная репетиция Великого Октября: Первая буржуазно-демократическая революция в России / Гл. ред. П.А. Голуб и др. М., 1985. С. 222.

нического движения. В течение двух десятилетий революционеры пробовали последовательно реализовывать идеи П.Л. Лаврова, М.А. Бакунина и П.Н. Ткачева, однако не достигли желаемого результата.

Вследствие деятельности народников социалистические идеи проникли в широкие слои населения и стали массовыми, подготовив последующие революционные взрывы XX столетия. Само же народничество после убийства царя Александра II, не добившись ожидаемого народного восстания, оказалось в состоянии кризиса, а затем постепенно трансформировалось в неонародничество. Другая часть приверженцев народнических взглядов перешла на марксистские позиции.

В ходе ожесточенной идейной борьбы между народниками и различными направлениями в марксизме постепенно сформировались три основных идейных социалистических течения, которые боролись за влияние в народных массах: неонародничество (эсеры) и два идейно-организационных направления в марксизме – большевизм и меньшевизм.

Либеральные идеи продолжали формировать оппозицию самодержавию в среде чиновничества, интеллигенции, земства. Несмотря на малочисленность либералов, они обладали значительными ресурсами для борьбы за власть и эффективно их использовали, поэтому на рубеже веков рассматривались самодержавием в качестве главных политических противников.

ГЛАВА II
ПЕРВАЯ РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ В ПРЕДВОЕННЫЕ ГОДЫ

§1. Мировоззрение и поведение больших социальных групп в революции

Рабочий класс

На рубеже XIX и XX веков в мировоззрении рабочих происходили кардинальные изменения. Шеф жандармов П.Д. Святополк-Мирский писал в 1901 году: «В последние 3–4 года из добродушного русского парня выработался своеобразный тип полуграмотного интеллигента, почитающего своим долгом отрицать религию и семью, пренебрегать законом, не повиноваться власти и глумиться над ней. Такой молодежи, к счастью, имеется в заводе еще немного, но эта ничтожная горстка руководит всей остальной инертной массой рабочих»[1].

По мнению исследователей, для основной массы рабочих этого периода были характерны типичные черты религиозного мировоззрения: «почитание Бога и царя, уважение к хозяевам и представителям властей, нравственно-бытовой традиционализм»[2]. Отношение рабочих к царю и власти было двойственным. «Многочисленные документы зафиксировали сознательное или неосознанное отрицательное отношение рабочих к самодержавию, под которым, однако, понимались, прежде всего, не государственное устройство, а полицейско-бюрократический произвол администрации на предприятии, в городе, губернии. Но при этом монархическое устройство государства, власть царя не затрагивались... Пролетарская масса, в отличие от рабочих, связанных с социалистами и порвавших с верой в царя, сохраняла монархические настроения. До событий 9 января 1905 года за десятками тысяч распропагандированных рабочих стояли миллионы, у которых вера в царя оставалась пока нерушимой»[3]. Так, в петиции петербургских рабочих, которую предполагалось передать царю 9 января 1905 года, после перечисления их невзгод была фраза: «Государь! Разве это согласно с Божескими законами, милостью

---

[1] Красный архив. М., 1936. №3. С. 62.
[2] Кирьянов Ю.И. Рабочие в России на рубеже XIX–XX в. // Отечественная история. 1997. №4. С. 41.
[3] Кирьянов Ю.И. Рабочие в России на рубеже XIX–XX в. // Отечественная история. 1997. № 4. С. 44.

которых ты царствуешь?», являющаяся классическим обоснованием власти царя в рамках религиозного мировоззрения. Не случайно, что на этом этапе агитация социалистических партий почти не касалась религиозной сферы. По мнению Ю. Кирьянова, «религиозный индифферентизм как массовое явление в среде рабочих следует относить все же к более позднему времени – к 1905–1907 и последующим годам... Таким образом, на рубеже XIX–XX вв. лишь политизированные рабочие, связанные с партийными организациями, являлись атеистами, хотя прежние устои, характеризовавшие отношение рабочей массы к религии и церкви, были поколеблены»[1].

У большинства рабочих представления о социализме были весьма расплывчатыми, нередко превратными и в лучшем случае ассоциировались со справедливым и равноправным обществом, близким к тому пониманию, которое было распространено среди большевиков[2].

Революционные события 1905–1907 гг. произвели существенную корректировку мировоззрения, прежде всего средних и низших слоев рабочих, при этом все больший авторитет приобретали политически активные личности. Эти сдвиги выразились в изменении представлений о способах улучшения своего положения, в перемене отношения к самодержавию и к леворадикальным партиям, в стремлении к организации и в конечном счете в поведении больших масс рабочих. «Но ситуация изменилась отнюдь не вдруг, предшествовавший революции 1905–1907 гг. период был естественной предысторией “раскачивания” и надламывания прошлых, консервативных представлений и стереотипов поведения»[3].

Рабочий класс, тесно связанный с техникой и производством, быстро усваивал рационалистическое мировоззрение и поэтому являлся потенциально самым массовым идейным противником самодержавия. Авторитет монархии сохранялся в тех рабочих, которые недавно пришли из деревни в город, но под воздействием рабочей социальной среды и господствовавших в ней идей они быстро меняли свои политические взгляды и убеждения.

Рабочий класс, являясь основной движущей силой первой русской революции, был подвержен воздействию всех главных идейных сил, все стремились склонить его на свою сторону. Лучше всего это удалось социал-демократам. На рабочих оказывали влияние как большевики, так и меньшевики. Несмотря на различные подходы к стратегии и тактике ведения революции, их влияние было сопоставимым. Самыми активными участниками стачечного движения являлись рабочие-металлисты. Основная их

---

[1] Кирьянов Ю.И. Рабочие в России на рубеже XIX–XX в. // Отечественная история. 1997. №4. С. 45.

[2] Кирьянов Ю.И. Рабочие в России на рубеже XIX–XX в. // Отечественная история. 1997. №4. С. 46–47.

[3] Кирьянов Ю.И. Рабочие в России на рубеже XIX–XX в. // Отечественная история. 1997. №4. С. 51.

масса шла за большевиками. На втором месте по своей активности стояли текстильщики.

Январско-февральская волна забастовочного движения в 1905 году заставила царизм согласиться на созыв народных представителей: того, о чем либералы тщетно упрашивали царя на протяжении почти полувека, угроза силой позволила добиться в исторически короткие сроки.

Экономический кризис, ухудшившиеся условия продажи своего труда, поражение в Русско-японской войне – все эти внешние объективные условия подтверждали недееспособность власти, создавали благоприятную почву для усвоения социалистических и либерально-демократических идей.

Рабочие первыми начали революцию, и это был результат длительного мировоззренческого кризиса, в ходе которого власть все более теряла легитимность в их глазах. Непосредственным поводом к выступлению стал расстрел демонстрации 9 января 1905 года, но даже после этого некоторое время среди рабочих преобладали экономические лозунги и требования.

Крестьянское движение

Крестьянство являлось наиболее многочисленной и второй по активности социальной силой революционного движения.

Участие крестьянства в революции было результатом изменений в его сознании, которые можно проследить по некоторым документам того времени. Так, мировоззрение крестьянских масс нашло яркое выражение в наказах и приговорах, направлявшихся сельскими обществами правительству, Всероссийскому крестьянскому союзу и крестьянским депутатам I и II Государственных дум. В этих документах крестьяне требовали прежде всего передачи им всех помещичьих, казенных и церковных земель, причем в подавляющем большинстве случаев они выступали против какого-либо выкупа. Очень часто крестьяне прямо высказывались за отмену всякой частной собственности на «божью», по их выражению, землю. Широкое распространение получило требование уравнительного землепользования.

Крестьян волновал вопрос не только о земле. Под влиянием революционных идей, приносимых в деревню различными газетами, листовками и агитаторами, они требовали созыва Учредительного собрания или законодательной Государственной думы, всеобщего избирательного права, свободы печати, слова, собраний, союзов, амнистии политических заключенных. В число крестьянских требований входили также уничтожение всех сословных различий, введение единого подоходного налога и всеобщего бесплатного светского образования. Особую ненависть крестьянства вызвал институт земских начальников, живо напомнивший им об эпохе крепостного права.

Политические настроения крестьян были достаточно сложными и пестрыми: часть из них шла за эсерами, другие отдавали предпочтение программе социал-демократов, третьи – народным социалистам и даже либеральным

партиям. Были среди крестьян и сторонники черносотенных организаций, соединявшие в своих взглядах вековую мужицкую тягу к земельному «поравнению» с монархизмом.

Двойственность и переходный характер мировоззрения крестьян отражались на их поведении в революции. Только меньшинство их участвовало в открытой вооруженной борьбе с самодержавным строем, в то время как большая часть лишь глухо роптала, посылала «ходоков» и отправляла разные прошения[1].

Начало приговорного движения связано с Указом 18 февраля 1905 года, направленным на разрушение того «средостения», которое отделяло верховную власть от народа. В это время крестьянство уже было подвержено агитации со стороны практически всех политических сил, что отразилось на их социально-политических взглядах. Интересен количественный анализ приговоров и петиций, написанных в годы первой русской революции, проведенный О. Буховцом. Несмотря на то, что анализу были подвергнуты лишь петиции и приговоры Воронежской и Самарской губерний, они тем не менее дают представление о политическом содержании крестьянского мировоззрения периода первой русской революции[2]. Смоделировав структуры политического сознания крестьян 275 селений, автор исследования пришел к ряду важных обобщений. Главное из них то, что в сознании крестьян этого периода сосуществовали как традиционные монархические социально-политические ценности и представления, так и новые рационалистические, революционные[3]. Процесс смены мировоззрения начался, безусловно, раньше, однако в годы первой русской революции он прогрессировал со значительной скоростью, на которую оказывали влияние и внешние факторы. Прослеживается прямая зависимость между революционной активностью крестьянства и, например, степенью остроты крестьянского малоземелья[4].

В революции 1905–1907 гг. наиболее заметным был конфликт крестьянской общины и ее «середняцкого» большинства с помещиками и местными государственными властями, он вполне вписывался в традиционное православное крестьянское мировоззрение. Конфликт с царем, борьба за Учреди-

---

[1] Исторический опыт трех российских революций. Кн. 1. Генеральная репетиция Великого Октября: Первая буржуазно-демократическая революция в России /Гл. ред. П.А. Голуб и др. М., 1985. С. 246–247.

[2] Буховец О.Г. Социальные конфликты и крестьянская ментальность в Российской империи начала XX века: новые материалы, методы, результаты. М., 1996. С. 154.

[3] Буховец О.Г. Социальные конфликты и крестьянская ментальность в Российской империи начала XX века: новые материалы, методы, результаты. М., 1996. С. 219. По мнению Буховца, «результаты исследования заставляют отвергнуть первоначальную логичную гипотезу о том, что традиционалистская и революционизированная подсистемы характеризуют сознание различных групп крестьян». Там же. С. 224.

[4] Исторический опыт трех российских революций. Кн. 1. Генеральная репетиция Великого Октября: Первая буржуазно-демократическая революция в России / Гл. ред. П.А. Голуб и др. М., 1985. С. 249.

тельное собрание и законодательную Думу, наделенную народом санкцией на власть, – это были новые, рационалистические идеи, вошедшие в сознание крестьянина уже в ходе революции.

Под воздействием событий в городе уже с февраля – марта 1905 года развернулись массовые крестьянские восстания против помещиков и, отчасти, против властей. Начались они в районах черноземного центра. Формы движения были разнообразны: захват помещичьих земель и угодий, порубка леса, разгром дворянских усадеб, отказ повиноваться местной администрации, столкновения с войсками и полицией. Всего в 1905 году в европейской части России крестьяне разгромили около 3 тысяч дворянских имений. В районах с высоким уровнем развития аграрного капитализма широкое распространение получили стачки крестьянской бедноты и батраков, требовавших улучшения условий найма на работу в помещичьих хозяйствах. Отличительными чертами крестьянских выступлений в период революции стали массовость, наступательный характер, использование опыта промышленных рабочих[1].

Большую роль в крестьянском движении играли возвращавшиеся с заработков крестьяне-отходники, сохранявшие связь с деревней рабочие, а также железнодорожники, демобилизованные солдаты, сельская интеллигенция. Они являлись для крестьян и источником информации о событиях в стране, и революционными агитаторами, и организаторами.

По мнению Т. Шанина, наибольшее влияние на крестьян оказывали «сельская интеллигенция (в основном земский “третий элемент”) и городские рабочие. Среди политических партий на эту честь претендовали в основном эсеры и социал-демократы...»[2]. Правительство упорно считало, что основная причина негативных сдвигов в крестьянском мировоззрении происходит под влиянием, прежде всего сельской интеллигенции. «Впервые в истории России представители интеллигенции жили постоянно, легально и в большом числе в сельской местности и в небольших губернских городах. Они попадали сюда теперь не по царскому указу о высылке за преступления (действительные или мнимые) и не из-за желания удалиться от света. Примерно 70 тыс. из них работали там учителями, агрономами, медиками, статистиками и т.д., общаясь ежедневно с крестьянским населением»[3]. Именно они привносили рационалистическое мировоззрение в сознание крестьян, а в годы революции на него очень легко и органично легли радикальные либеральные и социалистические идеи.

---

[1] Исторический опыт трех российских революций. Кн. 1. Генеральная репетиция Великого Октября: Первая буржуазно-демократическая революция в России /Гл. ред. П.А. Голуб и др. М., 1985. С. 249.

[2] Шанин Т. Революция как момент истины. Россия 1905–1907 гг. –> 1917– 1922 гг.: Пер. с англ. М., 1997. С. 227.

[3] Шанин Т. Революция как момент истины. Россия 1905–1907 гг. –> 1917– 1922 гг.: Пер. с англ. М., 1997. С. 231.

Опосредованно, через сельскую интеллигенцию, на крестьян колоссальное влияние оказали эсеры, их неонароднические взгляды были близки сельским учителям, врачам, агрономам, и они являлись их добровольными и активными пропагандистами в деревне. В меньшей, но тоже значительной степени сельская интеллигенция симпатизировала социал-демократам и либералам. При этом сами эсеры, социал-демократы и либералы рассматривали работу в деревне как второстепенную. Т. Шанин, например, пишет, что 70-летние «исследования не обнаружили даже ни одного крестьянского вожака в событиях 1905–1907 гг., которого можно было бы считать большевиком. Социал-демократическая “работа в деревне” сводилась в основном к распространению листовок и посылке в села небольшого числа агитаторов»[1]. Однако, учитывая роль крестьянства в первой русской революции, отношение к нему со стороны социал-демократов радикально поменялось; особенно сильно изменились взгляды В. Ленина. Его новая позиция означала, что объединение пролетарской и крестьянской революций было главным условием будущей революционной победы и краеугольным камнем оптимального послереволюционного режима.

Вместе с тем нельзя абсолютизировать влияние сельской интеллигенции на крестьянство. «Во время революционного подъема 1905–1907 гг. крестьяне относились с уважением и умели пустить в действие грамотность “третьего элемента”, его знания и способности анализировать события. В те дни они жадно внимали новым образам, идеям и словам. Но если эти образы и слова вступали в противоречие с устоявшимися предпочтениями крестьян, их осознанным выбором или предрассудками, на советы интеллигенции не обращали внимания»[2].

На политическое поведение крестьян значительное влияние оказывали революционные действия рабочих в городах. Именно это взаимодействие являлось основой того феномена, который называется союзом пролетариата и крестьянства в революции 1905–1907 гг.

В ряде случаев крестьяне создавали оппозиционные органы власти в лице крестьянских комитетов и других аналогичных организаций. Революционные крестьянские комитеты были созданы не менее чем в 16 губерниях Европейской России (Тверской, Нижегородской, Пензенской, Могилевской, Полтавской и др.)[3].

В ходе крестьянских восстаний в Прибалтике и Грузии создавались повстанческие отряды, народная милиция, революционные или так называе-

---

[1] Шанин Т. Революция как момент истины. Россия 1905–1907 гг. –> 1917– 1922 гг.: Пер. с англ. М., 1997. С. 257.

[2] Шанин Т. Революция как момент истины. Россия 1905–1907 гг. –> 1917– 1922 гг.: Пер. с англ. М., 1997. С. 236–237.

[3] См.: Тропик В.И. Борьба большевиков за руководство крестьянским движением в 1905 г. М., 1970. С. 123–124.

мые распорядительные крестьянские комитеты. В ряде мест в результате восстаний возникли своеобразные местные «республики», в которых власть находилась в руках революционных крестьянских комитетов[1].

Таким образом, мировоззрение крестьянства на рубеже веков уже не было традиционно монархическим, систематическая работа сельской интеллигенции привнесла в него значительный пласт рационалистических идей. Особенно стремительно мировоззрение менялось в ходе революции, что отражалось на поведении крестьянских масс и сделало их второй по важности социальной силой революции.

Участие городского населения в революции

Активное участие в революции приняли горожане, принадлежавшие к самым различным социальным слоям и профессиональным группам, включавшим в себя мелкую торгово-ремесленную буржуазию, низших и средних служащих, интеллигенцию, студенчество, численность которых в общей сложности составляла более 10 млн. человек[2]. Они сыграли важную роль в некоторых революционных событиях – во время массовых стачек и вооруженных восстаний и в ходе избирательных кампаний по выборам в Государственную думу. Так, среди участников Всероссийской октябрьской политической забастовки 200 тысяч человек составляли представители различных городских социальных групп. В Москве к декабрьской забастовке рабочих примкнули служащие земской управы и городской думы, страховых обществ, профсоюз техников и некоторые другие группы интеллигенции. Во время восстания дружинникам помогали студенты, ремесленники, мелкие лавочники, дворники, кухарки. Особое значение имело, в частности, участие в стачках и вооруженных восстаниях работников транспорта и связи, активно помогавших мобилизовывать революционные силы и парализовывать действия правительства.

Среди этой части населения, весьма пестрой по своему мировоззрению, материальному положению и политическим взглядам, сказывалось влияние меньшевиков, эсеров, кадетов, буржуазных и мелкобуржуазных националистов. Одна их часть открыто тяготела к буржуазии и ориентировалась на ее политические партии, прежде всего на кадетов. Среди другой, особенно в кру-

---

[1] Так, в октябре 1905 года в селе Николаевский Городок Саратовской губернии крестьяне под руководством большевиков подняли восстание, конфисковали у помещика хлеб и распределили между собой его землю. Был создан крестьянский комитет, в состав которого вошли представители аграрной группы Саратовской организации РСДРП, а также по два выборных крестьянина от каждого из окрестных сел. Комитет разоружил полицию и создал народную милицию, почти две недели поддерживавшую в селе революционный порядок. В Новинской волости Тверской губернии был создан большевиками первый в стране Совет крестьянских депутатов, объединивший крестьян 30 деревень. Исторический опыт трех российских революций. Кн. 1. Генеральная репетиция Великого Октября: Первая буржуазно-демократическая революция в России /Гл. ред. П.А. Голуб и др. М., 1985. С. 250–251.

[2] Исторический опыт трех российских революций. Кн. 1. Генеральная репетиция Великого Октября: Первая буржуазно-демократическая революция в России /Гл. ред. П.А. Голуб и др. М., 1985. С. 259.

гах студенческой молодежи, были довольно сильны левые настроения, что облегчало проникновение в ее ряды социал-демократического, эсеровского и анархистского влияния.

Значительную роль в их идеологии играл национализм, который использовали консерваторы и монархисты, провоцируя эту часть населения на черносотенные погромы.

Мировоззрение русских горожан было преимущественно либеральным, именно на них опиралась партия «кадетов, которая в 1906 году насчитывала 100 тыс. членов – в несколько раз больше, чем все социалистические партии, вместе взятые, – опиралась на гораздо более широкие круги общества, чем их соперники слева, привлекая в свои ряды многих творческих людей, мелкое чиновничество, купечество. Либеральную интеллигенцию представляли главным образом профессионалы: университетские преподаватели, юристы, врачи, журналисты, но не студенты, пополнявшие ряды социалистов»[1].

Самой активной силой городских демократических слоев была студенческая молодежь, сосредоточенная, как правило, в крупных промышленных центрах и поддерживавшая тесные контакты с революционным пролетариатом. Численно эта прослойка была невелика: в 1905 году в России насчитывалось всего около 44 тысяч студентов. Но они отличались высокой социальной активностью и чутко откликались на революционные события в стране.

27 августа 1905 года были изданы «Временные правила об управлении высшими учебными заведениями», восстановившие автономию профессорских советов, которым было предоставлено избрание ректоров и деканов, руководство всем делом преподавания и «заботы о поддержании правильного хода учебной жизни». Однако университетская автономия имела неожиданные для правительства политические последствия. С. Пушкарев пишет: «Университеты сделались какими-то странными экстерриториальными свободными “республиками”, куда полиция входить не решалась, но толпы “посторонних” входили совершенно свободно; в сентябре и октябре 1905 года университетские залы и аудитории то и дело наполнялись революционно настроенными толпами рабочих и прочих жителей столицы; здесь устраивались митинги, на которых царила полная “свобода слова”, вплоть до призывов к вооруженному восстанию, и принимались соответственные резолюции»[2].

Осенью 1905 года в высших учебных заведениях проходило множество митингов и собраний самой различной политической направленности. Во время Всероссийской октябрьской политической стачки на эти митинги собирались тысячи и даже десятки тысяч участников, прежде всего рабочих. Характерно,

---

[1] См.: Пайпс Р. Русская революция. Кн. 1. Агония старого режима. 1905–1917. М., 2005. Электронное издание.

[2] Пушкарев С.Г. Россия в XIX веке (1801 – 1914). Нью-Йорк, 1956. С. 392.

что в ряде высших учебных заведений столицы неоднократно проходили заседания Петербургского Совета рабочих депутатов.

Вместе с рабочими студенты защищали 9 января первые баррикады в Петербурге. Радикально настроенная часть студенчества с первых же дней революции объявила себя сторонницей вооруженного восстания. Во многих высших учебных заведениях создавались боевые дружины, шел сбор средств на оружие. В октябре 1905 года многие студенты вместе с рабочими участвовали в баррикадных боях в Москве, Харькове, Одессе, а в декабрьские дни помогали московскому пролетариату, поднявшемуся на вооруженное восстание против царского самодержавия. Т. Шанин пишет: «Студенты сыграли исключительно важную роль, и их боевой дух часто объединял рабочих с “образованными классами” в едином политическом действии. Однако основную массу тех, кто сражался на улицах городов и потом заплатил за это тюрьмой и каторгой, составляли молодые рабочие тяжелой промышленности и транспорта, а также – особенно на западе и юге страны – работников небольших мастерских и торговых предприятий (включая многих приказчиков)»[1].

Революция привела в движение и различные группы служащих. Одними из первых в борьбу вступили железнодорожные служащие. Вместе с рабочими они уже в январе – феврале 1905 года бастовали на 30 крупнейших магистралях страны. Кульминацией забастовочного движения на транспорте стала Всероссийская октябрьская политическая стачка, в которой приняли участие практически все рабочие и служащие железнодорожного транспорта. Многие служащие были активными участниками вооруженных боев с царским самодержавием в декабре 1905 года (Москва, Донбасс, Ростов-на-Дону и др.).

В апреле 1905 года железнодорожники создали свою профессионально-политическую организацию – Всероссийский железнодорожный союз (ВЖС), находившийся под политическим влиянием эсеров и сыгравший важную роль в дни всеобщей забастовки в октябре 1905 года. К концу второго года революции ВЖС насчитывал около 15 тысяч членов, но в 1907-м в результате репрессий царских властей он фактически распался[2].

В революции приняли участие торговые служащие. От частных требований чисто экономического характера они постепенно перешли к борьбе за демократические свободы. К стачкам промышленных рабочих часто присоединялись и конторские работники фабрик и заводов.

Активное участие в революционных событиях приняла демократическая интеллигенция – народные учителя, врачи, агрономы, средний и низший медицинский персонал. Революция послужила толчком к созыву многочислен-

---

[1] Шанин Т. Революция как момент истины. Россия 1905–1907 гг. –> 1917– 1922 гг.: Пер. с англ. М., 1997. С. 227.

[2] Исторический опыт трех российских революций. Кн. 1. Генеральная репетиция Великого Октября: Первая буржуазно-демократическая революция в России / Гл. ред. П.А. Голуб и др. М., 1985. С. 262–263.

ных съездов представителей различных профессий интеллигенции, к созданию их профессионально-политических союзов, к активизации деятельности культурно-просветительных обществ. В 1905 году были созданы союзы учителей и деятелей народного образования, медицинского персонала, фармацевтов и др. В этих союзах вначале преобладало влияние эсеров, меньшевиков, разного рода «беспартийных демократов», но по мере развертывания революции усиливалось воздействие большевиков.

Особую роль в революции играла творческая интеллигенция, оказавшая большое идейное воздействие на самые демократические слои общества своими выступлениями против самодержавного строя. Эта часть интеллигенции оказывала различные услуги революционным организациям в распространении нелегальной литературы, устройстве явочных квартир и пр.[1] В зависимости от мировоззрения ее представители могли примыкать к большевикам, эсерам, кадетам или другим политическим направлениям.

Таким образом, городское население приняло активное участие в революции и в зависимости от своего мировоззрения примыкало к либеральным, социалистическим или консервативным политическим силам. Наиболее политически активная часть горожан имела, несомненно, рационалистическое мировоззрение и была сторонником либеральных и социалистических идей. Разделяемые представителями города социально-политические идеи определяли их поведение в годы революционной смуты.

Таким образом, в революционных событиях принимали участие конкретные люди, а не социальные классы, слои, страты, являющиеся, по выражению Б. Андерсона, «воображаемыми сообществами». Тем не менее для упрощения анализа сложного исторического процесса имеет смысл применять эти социальные категории и понятия. Идеалистический подход исходит из того, что люди, принадлежащие к одной социальной группе и живущие в одинаковых материальных условиях, могут иметь различное мировоззрение; и поведение людей в годы первой русской революции прекрасно подтверждает это положение. Среди всех классов и социальных групп были носители всех политических идей – от крайне правых до крайне левых, менялось лишь их соотношение в конкретной социальной группе.

Рабочий класс тяготел к социалистическим идеям, но не был чужд и либеральных, а также монархических и националистических. Политически активные крестьяне больше симпатизировали неонародникам и социал-демократам, но среди большинства тех жителей деревни, кто не принял участия в революции, преобладали традиционное православное мировоззрение и монархические политические пристрастия, однако они были уже не столь

[1] Исторический опыт трех российских революций. Кн. 1. Генеральная репетиция Великого Октября: Первая буржуазно-демократическая революция в России / Гл. ред. П.А. Голуб и др. М., 1985. С. 264–265.

сильны, чтобы за них вступать в открытую борьбу, тем более со своими односельчанами. Среди непролетарского городского населения преобладали сторонники либерализма, однако были и те, кто симпатизировал другим политическим силам.

В ходе революции необычайно быстро усваивались новые идеи, и они были преимущественно рационалистические и радикально-революционные. Из революции представители всех социальных слоев вышли с изменившимся мировоззрением и политическим сознанием. При этом база поддержки существующей самодержавной власти уменьшилась, а оппозиционных либеральных и социалистических идей – увеличилась.

Наибольшее число сторонников в революции имели либералы, однако их последователи не были склонны к решительным действиям. Меньше союзников имели социалисты, но они были более решительны и готовы идти намного дальше в своей борьбе, чем те, кого вели либералы. Именно поэтому рабочие сыграли главную роль в первой русской революции.

Издав Манифест 17 октября, самодержавие удовлетворило политические требования либералов и вывело их из революции; вместе с ними из активной политической борьбы выключились их многочисленные сторонники, что коренным образом изменило соотношение сил в пользу самодержавия. После этого победа революции, несмотря на героизм и самоотверженную борьбу московских рабочих, была невозможна.

Крестьянские волнения и восстания никогда не достигали опасного для власти размаха. Мировоззрение крестьян еще было расколото между традиционным православием и новыми рационалистическими идеями, однако ни одно из них не было достаточно сильным, чтобы позволить деревне однозначно встать на чью-либо сторону в политическом революционном противостоянии. Вместе с тем революция показала, что крестьянство перестало быть опорой самодержавия, хотя еще не стало и последовательным сторонником революции. Гораздо большую опасность представляли волнения в армии, но ее удалось политически изолировать и после нескольких инцидентов привести к повиновению.

Судьба первой русской революции определенно решалась в городах, особенно в столицах. Городское население тяготело к либерализму и было удовлетворено свободами, дарованными Манифестом 17 октября, поэтому вышло из революции, не поддержав дальнейшей борьбы тех социальных слоев и групп, которые стремились свергнуть самодержавие и ставили своей целью создание социалистического общества.

§2. Ход революции

Накануне революции

На рубеже веков в действиях людей начали отчетливо проявляться те мировоззренческие изменения, которые годами накапливались в их сознании. В самых различных слоях населения наблюдалось брожение, возникали вспышки протеста по всяким поводам. Характеризуя положение в стране, Ленин писал: «Россия переживает небывалый политический подъем», «все рвется к политике, все кипит оппозиционным возмущением против правительства»[1]. Приближение революции начала остро ощущать и демократическая общественность. В стране нарастало аграрно-крестьянское и национально-освободительное движение.

Обстановка внутри страны свидетельствовала о назревании глубокого мировоззренческого кризиса, готового вылиться в кризис политический. В. Ленин охарактеризовал его как революционную ситуацию, суть которой состоит в том, что наступает такой переломный момент, когда «низы» не хотят жить по-старому, а «верхи» не могут уже управлять по-старому[2].

Примечательно, что кризис власти обозначился еще в период экономического подъема и роста благосостояния населения, однако начавшийся экономический кризис естественным образом подтвердил недееспособность власти и усилил оппозиционные настроения политически активного населения, особенно рабочих. Начиная с 1901 года забастовочное движение заметно возрастает, а в 1903 году достигает максимума за все предреволюционное десятилетие. Всего же в 1901–1904 гг. бастовало свыше 500 тысяч рабочих – от 125 до 170 тысяч ежегодно[3].

Изменения в мировоззрении вели к изменениям в требованиях, которые выдвигались рабочими. Если раньше они видели причину своих бед в конкретном хозяине конкретного предприятия и поэтому выдвигали в основном экономические требования, то, усвоив рационалистическое мировоззрение и радикальные социалистические идеи, они начинают считать своим врагом существующую самодержавную власть. Если в 1898 году доля политических выступлений в общем числе забастовок составляла лишь 8,4%, то в 1903-м – уже 53,2%[4].

Переход к политическим требованиям, особенно лозунг «Долой самодержавие!», означал разрыв с прежним православным мировоззрением, в рамках которого царь как помазанник Божий не может быть противником трудящегося человека.

---

[1] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 24. С. 266.
[2] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 218.
[3] Рабочий класс России в период буржуазно-демократических революций. М., 1978. С. 43.
[4] История Коммунистической партии Советского Союза: В 6-ти т. Т. 1. С. 274, 357.

В этот период правительство пытается противопоставить оппозиционным идеям идеи проправительственные. Начальник Московского охранного отделения С.В. Зубатов пытается внедрить в сознание рабочих теорию надклассовости самодержавия как беспристрастного посредника между трудом и капиталом, готового пойти навстречу интересам рабочих. Однако Зубатов в качестве теоретика определенно уступает Марксу, и созданные им организации постепенно переходят в стан оппозиции.

В оппозиционное движение втягивались и широкие слои городского населения. Крупные антиправительственные демонстрации в начале 1901 года прошли в Петербурге, Москве, Харькове, Белостоке и некоторых других городах. В 1902 году политические стачки еще теснее переплелись с политическими демонстрациями. Так, в марте забастовка на заводе Ротшильда в Баку привела к мощной демонстрации, в которой участвовали около 6 тысяч рабочих. В ноябре разразилась ростовская стачка, впервые объединившая рабочих всех профессий и всех предприятий целого города. Общегородская стачка в Ростове-на-Дону слилась с многолюдными митингами и демонстрациями.

О радикализации настроений свидетельствовали вооруженные столкновения с властями. Так, в мае 1901 года рабочие Обуховского завода в Петербурге вступили в открытое столкновение с полицией и солдатами.

Постепенно нарастал масштаб оппозиционного движения. В 1903 году стачки охватывали уже не только города, но и целые регионы. Так, летом стачки охватили весь юг страны. В общей сложности в них участвовали от 120 до 130 тысяч человек[1].

Студенческое движение приобретало все более открытую политическую направленность. От академических требований, касавшихся внутренних вопросов университетской жизни, студенты переходили к выдвижению политических лозунгов. В 1901 – 1902 гг. студенты ряда городов совместно с рабочими участвовали в крупных политических демонстрациях. К ним скоро примкнули и учащиеся средних учебных заведений – гимназий, реальных училищ, духовных семинарий, средних технических учебных заведений, земледельческих училищ и пр.

Политические лозунги начинают звучать на съездах учителей (декабрь 1902) и врачей (январь 1904).

Вслед за городским населением пришло в движение и крестьянство. Если в 1895–1899 гг. было всего 32 крестьянских выступления, то в 1900–1904-х – уже 670[2]. Правда, пока еще это была борьба крестьян против помещиков, а не власти как таковой.

---

[1] См.: Рабочий класс России от зарождения до начала XX в. М., 1983. С. 389.

[2] 1905. История революционного движения в отдельных очерках: В 3-х т. М. – Л., 1926. Т. 1. С. 250.

Таким образом, мировоззренческий кризис приводит к кризису политическому, который все отчетливее проявляется в городах и особенно на фабриках и заводах. Самодержавная власть, основывающаяся на православном мировоззрении, все более теряет свою легитимность в глазах рационально мыслящих людей.

Начало революции

Революция 1905 года началась неожиданно, хотя ее ждали и предчувствовали многие.

События, которые привели к трагедии Кровавого воскресенья и общероссийскому революционному взрыву, начались 25 декабря 1904 года с частного конфликта на Путиловском заводе. 3 января последовала общезаводская стачка, 8 января она переросла в городскую забастовку, и, наконец, 9 января было беспощадно расстреляно шествие рабочих к Зимнему дворцу.

Шествие рабочих с иконами и хоругвями, возглавляемое священником Гапоном, – это порыв рабочих к восстановлению традиционного образа царя в народном сознании. Остатки веры в самодержавие, еще не подорванной рационалистическим мировоззрением, были расстреляны. Действия властей подтвердили верность идей революционеров, представлявших царя как главу класса эксплуататоров, и неверность православной идеи, представлявшей его помазанником Божьим, заботящимся о всех своих подданных.

Расстреляв народ, самодержавие окончательно потеряло свою легитимность для тех, кто уже разделял различного рода рационалистические идеи, но еще не сомневался в православном обосновании самодержавия. Особенно сильно вера в царя была подорвана в сознании рабочих. «Устроив “кровавую баню”, царизм довершил дело, на которое ушли годы революционной пропаганды и агитации среди пролетариев: раз и навсегда была перечеркнута вера рабочих в “доброго” царя, способного действовать на благо всего народа»[1].

Проявив максимальную жестокость, власть надеялась «успокоить» и запугать тех, кто вышел на улицы и площади, однако она не учла того, что в настроениях большинства городских жителей произошел перелом и вместо «успокоения» в сознании и душах людей закипел гнев. Остановились все 625 фабрик и мастерских столицы. Забастовали все без исключения военные заводы Петербурга и его окрестностей. Стачка приобрела ярко выраженный политический характер.

Сразу же после 9 января в борьбу, кроме рабочих, включились учащаяся молодежь, демократические слои городского населения и, в незначительной мере, крестьянство. Положение было настолько напряженным, что правительство впервые после декабрьских событий 1825 года вывело на улицы сто-

---

[1] Исторический опыт трех российских революций. Кн. 1. Генеральная репетиция Великого Октября: Первая буржуазно-демократическая революция в России / Гл. ред.: П.А. Голуб и др. М., 1985. С. 141.

лицы артиллерию и усилило охрану арсеналов. 12 января город был объявлен на военном положении.

По всей стране развернулись мощные стачки солидарности с жителями столицы. 10 января началась общая стачка в Москве, продолжавшаяся одиннадцать дней. На следующий день забастовка охватила Харьков и Ковно, 12 января ее пламя перебросилось на Могилев, Ригу, Ревель, Саратов, 13-го вступили в борьбу рабочие Лодзи и Минска, а еще через день – Варшавы. С 18 января общее революционное выступление распространилось на Самару и Тифлис.

За неполные десять дней, с 10 по 18 января, движение, начатое в Петербурге, приобрело общероссийский масштаб. За один лишь январь общее число бастовавших рабочих превысило количество участников стачек за все предыдущее десятилетие.

Январские забастовки заставили правительство и владельцев предприятий пойти на экономические уступки. Из 320 тысяч рабочих, предъявивших капиталистам в эти дни развернутые экономические требования, более 87 тысяч (27%) выиграли стачку, 152 тысячи (48%) закончили ее компромиссом и лишь 80 тысяч участников (25%) временно отступили, не добившись ничего. Экономические уступки показали рабочим возможность немедленного улучшения своего положения[1].

Уже в январе правительство начинает разрабатывать вопрос о страховании рабочих и сокращении рабочего дня, а 19 числа депутация рабочих была принята в Царском Селе Николаем II. 29 января для «безотлагательного выяснения причин недовольства рабочих» Петербурга и «изыскания мер к устранению их в будущем» была учреждена особая комиссия во главе с сенатором Шидловским. В состав комиссии должны были войти и выборные представители от рабочих.

В конце января возникает новая волна стачек. На борьбу поднимаются текстильщики Центрального промышленного района, рабочие и служащие железных дорог, шахтеры Донбасса, горные заводы Урала. Стачка парализует – полностью или частично – 13 крупнейших железнодорожных магистралей страны. События февраля – апреля 1905 года были органически связаны с январскими выступлениями в городах и явились их прямым продолжением, однако политические требования уходят на второй план и преобладают экономические лозунги[2].

---

[1] Исторический опыт трех российских революций. Кн. 1. Генеральная репетиция Великого Октября: Первая буржуазно-демократическая революция в России / Гл. ред.: П.А. Голуб и др. М., 1985. С. 144–145.

[2] Исторический опыт трех российских революций. Кн. 1. Генеральная репетиция Великого Октября: Первая буржуазно-демократическая революция в России / Гл. ред.: П.А. Голуб и др. М., 1985. С. 147–148.

Высший подъем революции

События октября и декабря 1905 года знаменуют собой апогей революции. Начало новому подъему борьбы положили забастовки в Москве. 23 сентября забастовали все 89 типографий города. Выпуск газет прекратился, стачечники вышли на улицы. В поддержку бастующих типографских рабочих выступили металлисты и текстильщики. Под влиянием металлистов московская забастовка, чисто экономическая вначале, приобрела явно выраженный политический характер. 7 октября началась общая забастовка на дорогах Московского узла, что привело к дезорганизации движения на всех железных дорогах страны. 8 и 9 октября железнодорожники Тулы, Саратова, Нижнего Новгорода, Курска, Харькова, Вильно и других центров объявили политическую стачку. Стачка Московского узла перерастала в железнодорожную забастовку общероссийского масштаба.

Волнения охватили и Петербург. За три дня, с 11 по 13 октября, к стачке присоединились большинство промышленных и городских предприятий, все учебные заведения, магазины, больницы, аптеки, а также большинство частных и правительственных учреждений. Аналогичный процесс в Москве завершился к 15 октября.

В короткий срок, приблизительно за пять дней – с 10 по 15 октября, революционная стачка, начатая рабочими Москвы и Петербурга, распространилась по всему огромному пространству Российской империи. Политическая забастовка охватила даже самые отдаленные районы страны – Сибирь, Дальний Восток, Среднюю Азию. Она возникала везде, где имелся промышленный или железнодорожный пролетариат.

По данным фабрично-заводской инспекции, бастовали свыше 500 тысяч одних только индустриальных рабочих. В забастовке участвовали 700 тысяч железнодорожников. Стачка охватила все без исключения слои рабочего класса России. Помимо фабричных, заводских, железнодорожных рабочих в ней участвовали также 200 тысяч рабочих мелких предприятий, 150 тысяч торговых служащих и рабочих местного транспорта, 50 тысяч муниципальных рабочих и служащих, многие другие категории городских наемных рабочих. Всего в забастовке приняли участие около двух миллионов человек[1].

Особенностью октябрьской забастовки был широкий охват непролетарского городского населения. Помимо учащейся молодежи в октябре вместе с рабочими бастовали служащие государственных, земских, городских учреждений, частных контор и банков, инженеры, врачи, учителя, адвокаты, а также городская мелкая буржуазия. В борьбе с царизмом, развернувшейся в октябрьские дни, участвовали и крестьяне. Это была первая в истории общенациональная, то есть охватывающая всю страну, все народы ее, революционная

[1] Шестаков А.В. Октябрьская стачка 1905 г. Харьков, 1925. С. 170.

забастовка[1]. В ней были представлены носители всех оппозиционных идей – и либеральных, и социалистических, и анархических.

Октябрьское забастовочное движение приняло ярко выраженный характер борьбы за власть. Основным требованием бастующих было не то или иное преобразование самодержавного строя, а уничтожение его, созыв полновластного Учредительного собрания. Во весь рост, причем в масштабе страны в целом, был поставлен главный вопрос революции – вопрос о власти. Для его решения оппозиция начала создавать органы власти. 13 октября в Петербурге на всех фабриках и заводах происходили выборы в Совет, первое заседание которого состоялось в ночь на 14 октября. В течение октября – декабря Советы рабочих депутатов были созданы во многих центрах страны. Советы фактически противопоставили себя царскому правительству. С. Витте писал: «Деятельность и нахальство противоправительственной власти росли ежедневно, всякие союзы и союз союзов ежедневно изрекали резолюции, все клонившиеся к подрыву власти и уничтожению существующего режима. Революционная пропаганда деятельно проникала в войска... Самым главным и опасным было то, что вся Россия была недовольна существующим положением вещей, т.е. правительством и действующим режимом»[2]. У правительства не хватало сил для подавления революции, поэтому царь не был уверен в успехе диктатуры, которую ему рекомендовало ввести ближайшее окружение. Он выбрал предложение С. Витте о переформатировании ситуации за счет уступок либеральной части революции.

17 октября царь выступил с манифестом, в котором обещал народу созыв законодательной Думы, демократические свободы, неприкосновенность личности и пр. Либералы и их сторонники, удовлетворившись этими мерами, отошли от революционного движения. Социалисты и другие радикалы, которые не видели большой ценности в либеральных уступках власти и желали свержения самодержавия, а также захвата власти, решили идти до конца. Результатом этого решения было Декабрьское вооруженное восстание в Москве. Его поражение не было предрешено, многое зависело от способности сторон сосредоточить главные силы в решающем месте и в решающее время. Лучше это смогло сделать правительство.

Под влиянием Октябрьской общенациональной забастовки усилилась активность крестьян. Массовое рабочее движение и повышение революционной активности крестьян отразились на поведении солдат и матросов. Случаи перехода на сторону народа отдельных военных частей и целых соединений участились. В конце октября вспыхнули восстания солдат и матросов в Крон-

---

[1] Исторический опыт трех российских революций. Кн. 1. Генеральная репетиция Великого Октября: Первая буржуазно-демократическая революция в России / Гл. ред.: П.А. Голуб и др. М., 1985. С. 160–162.

[2] Витте С.Ю. Воспоминания: Царствование Николая II. Берлин, 1922. Т. 1. С. 496–497.

штадте. В ноябре восстали матросы и солдаты в Севастополе. Брожение охватило Московский гарнизон. Восстания и волнения солдат происходили также в Ташкенте, Тифлисе, Самарканде, Курске, Сухуми, Варшаве, Риге и других центрах.

Октябрьская стачка рабочих, новый подъем крестьянского движения, восстания в армии и на флоте свидетельствовали о возникшей политической неопределенности в стране. Внести ясность в этот вопрос могли либо дальнейшие уступки со стороны власти, либо сила.

В условиях, когда либералы и их сторонники отошли от революции, ее силы значительно сократились. Главной движущей силой оставался промышленный пролетариат – у него еще были тактические союзники. Так, борьбу за улучшение экономического положения и условий труда во второй половине октября и в ноябре 1905 года продолжали вести низшие слои служащих государственных учреждений. Одновременная забастовка работников почты и телеграфа парализовала связь на всем пространстве страны.

Главными организаторами и вдохновителями восстания были большевики, которые уже на III съезде РСДРП одобрили курс на свержение самодержавия и всенародное вооруженное восстание. Против выступали меньшевики. Социал-демократия оказалась расколотой в решающий момент по решающему вопросу. В Петербурге, и особенно в его Совете, позиции меньшевиков были наиболее сильны, поэтому курс на вооруженное восстание не был последовательно проведен; к тому же в столице было достаточно верных правительству войск и сил. 26 ноября власти арестовали председателя Петербургского Совета рабочих депутатов, а вскоре – почти весь исполком Совета и 180 его членов. 2 декабря правительство издало закон о преследовании участников забастовок на железных дорогах, почте, телеграфе, военных заводах.

Несмотря на то, что в Петербурге поднять восстание не удалось, большевики решили нанести главный удар в Москве, надеясь, что впоследствии их поддержат по всей стране, в том числе и в Петербурге.

7 декабря в Москве началась заранее подготовленная массовая политическая стачка. На следующий день число ее участников возросло до 150 тысяч человек. В Петербурге к этому времени бастовали уже почти все фабрики и заводы города. Однако то обстоятельство, что меньшевики из исполкома Петербургского Совета перенесли заранее объявленное время забастовки с 7 на 8 декабря, дало возможность правительству занять вокзалы и станции войсками. Движение, начатое по почину рабочих обеих столиц, быстро разрасталось. К 12 декабря стачка охватила большинство железных дорог страны и превратилась во всероссийскую. К середине декабря стачка фабрично-заводских рабочих также стала всероссийской. По составу участников это была в основном чисто пролетарская забастовка. Девять десятых общего числа

ее участников вступили в борьбу с одними лишь политическими, революционными требованиями.

В ряде мест всероссийская стачка переросла в вооруженное восстание. Крупнейшим из них было московское. Столкновения проходили в Сормове и Ростове-на-Дону, Харькове и Мотовилихе, Новороссийске и Сочи, в Донбассе и на трассе Сибирской и Забайкальской железных дорог. Везде вооруженные восстания рабочих возникали на базе революционной стачки, развивалось из нее.

Наиболее решительно и последовательно стачка переросла в восстание в Москве, поскольку большевики заранее подготовили это событие и ставили его как главную цель борьбы. Уже 9 декабря рабочие начали сооружать баррикады. Центр города, который занимали правительственные войска, был опоясан кольцом из сотен баррикад. В рабочих районах установилась власть районных Советов.

Московские боевые дружины стремились действовать наступательно. Сжимая кольцо баррикад, они пытались с разных сторон прорваться в центр города. Но применение артиллерии позволило царским войскам удержать занятые позиции и затем изолировать повстанческие районы один от другого. До прибытия подкреплений из Петербурга, с 11 по 15 декабря, войска не могли прорвать боевые кордоны рабочих дружин. Лишь с прибытием гвардии из столицы положение повстанцев стало безнадежным. Против них было брошено 11 пехотных и 5 кавалерийских полков, 12 батарей, 3 пулеметных роты и другие воинские части[1]. Однако подавляющее их большинство не было настроено на решительную борьбу, исход которой определил прибывший из Петербурга Семеновский гвардейский полк, оставшийся преданным царю и беспрекословно выполнивший приказ по подавлению мятежа.

Ход вооруженного восстания в Москве показал, что исход борьбы зависит не от количества офицеров, солдат, пушек, винтовок и пулеметов, а от количества людей, готовых жертвовать собой и убивать других ради защищаемой или продвигаемой ими идеи.

Спад революции

С поражением декабрьских вооруженных восстаний в развитии революции наступает перелом, связанный с конституционными надеждами крестьян и отдельных слоев городского населения. Тем не менее ни одна из сторон – ни правительство, ни революционеры не чувствовали себя победителями. Главный вопрос революции – вопрос о власти – не был решен окончательно. Революция продолжалась еще полтора года, постепенно сужая фронт борьбы.

---

[1] См.: Исторический опыт трех российских революций. Кн. 1. Генеральная репетиция Великого Октября: Первая буржуазно-демократическая революция в России / Гл. ред.: П.А. Голуб и др. М., 1985. С. 168–171.

Поражение Декабрьского восстания поумерило революционный задор пролетариата, а крестьянство в своей борьбе за землю и против помещиков еще не избавилось от религиозного взгляда на помазанника Божия и не было настроено на свержение самодержавия. К тому же оно рассчитывало решить свои проблемы через Думу.

Большевики еще надеялись раздуть пожар революции, поэтому проводили политику активного бойкота выборов в Думу. Решение об этом было принято большевистской конференцией в Таммерфорсе, основываясь на настроениях наиболее активной части рабочего класса, готового к дальнейшей вооруженной борьбе с режимом. Однако политически пассивная часть рабочих, крестьянство и городское население верили в идею народного представительства и приняли участие в выборах, что привело к успеху кадетов в думской выборной кампании.

Созыв Думы стал признаком того, что появилась возможность направить политическую активность в мирное русло. Снизилась революционная активность крестьян, начали успокаиваться вооруженные силы. С деятельностью Думы стали связывать свои надежды приверженцы либеральной идеи и многие нерадикальные социалисты. Их всех привлекала возможность решать главные вопросы социально-политического бытия без открытой борьбы, крови и жертв.

После роспуска Думы (8 июля 1906) создались условия для нового всплеска революции. За применение уличных средств политической борьбы стали выступать не только большевики, но и примкнувшие к ним меньшевики, эсеры и даже лишившиеся думской трибуны кадеты. При этом все политические силы преследовали свои узкопартийные цели, что предопределило исход нового витка политической борьбы.

Эсеры приняли решение искусственно форсировать события. По их призыву военные восстания в Свеаборге и Кронштадте были начаты 17 и 19 июля преждевременно, без учета общей обстановки, и потому были провалены. Восстания на крейсере «Память Азова» и учебном судне «Рига» (20 июля) не смогли существенно помочь матросам и солдатам Свеаборга и Кронштадта. Серьезную помощь участникам военных восстаний могло оказать новое выступление рабочих, но призыв к всероссийской забастовке последовал с запозданием – лишь 21 июля. Он был дан в обращении «Ко всему народу!» от имени Центральных комитетов РСДРП, партии эсеров, Польской социалистической партии (ППС), Бунда и комитетов фракции распущенной Думы – социал-демократов и трудовиков. В результате внутренних разногласий между большевиками и меньшевиками рабочие основных заводов Петербурга отказались бастовать. В столице бастовали около 80 тысяч человек, примерно столько же в Москве. Этим, собственно, и ограничилось территориальное

распространение июльской политической забастовки: задуманная как всероссийская, она так и не стала ею. Военные выступления были подавлены.

За июльскими событиями 1906 года последовал дальнейший спад революции, вступившей в заключительную, нисходящую фазу борьбы масс против царизма, которая продолжалась по 3 июня 1907 года и характеризовалась арьергардными боями революционных сил[1].

Причины поражения революции с точки зрения идеалистического подхода заключаются в том, что политически активных людей, доверявших самодержавию, оказалось больше, чем тех, кто хотел его свергнуть. Армия, как основная вооруженная сила, хоть и колебалась, но осталась на стороне царя. Крестьянство в подавляющей массе продолжало считать своим врагом помещика и кулака, а не самодержца. Городские непролетарские слои населения хоть и были настроены довольно решительно и действовали отчаянно в первый год революции, но, удовлетворившись дарованными свободами, от революции отошли. Последовательно за революцию до победного конца выступали только большевики и их сторонники в рабочем классе, однако их сил оказалось недостаточно.

Революция – это коренная перестройка мировоззрения и политического сознания огромных масс людей, готовившаяся десятилетиями долгой, кропотливой просвещенческой, агитационной работы и политической борьбы. События и практика революции серьезным образом изменили мировоззрение и политическое сознание всех ее участников. Правительство, армия, аппарат государственного управления поняли шаткость и неустойчивость своей власти. Пролетариат укрепился в решимости смести существующий режим и почувствовал возможность победы. Крестьяне впервые увидели в царе политического противника и потеряли веру в него как своего защитника. Главный бенефициар революции – буржуазия и либеральная общественность – впервые непосредственно прикоснулись к власти и почувствовали ее вкус и прелесть, что не столько успокоило их, сколько раздразнило, и при удобном случае они могли попытаться взять всю полноту власти.

Политическая борьба в I и II Государственной думе

На выборах в I Думу победили кадеты. В чем-то это была закономерная победа, потому что именно либералы были главными сторонниками создания законодательного собрания. Они наиболее последовательно продвигали эту идею в сознание народа, поэтому вполне логично, что именно им избиратели и поручили ее реализовывать. Другой причиной стало то, что в условиях бойкота выборов со стороны левых революционных партий кадеты оказались самыми левыми и получили голоса тех партий, которые остались на баррикадах.

---

[1] Исторический опыт трех российских революций. Кн. 1. Генеральная репетиция Великого Октября: Первая буржуазно-демократическая революция в России / Гл. ред.: П.А. Голуб и др. М., 1985. С. 178–184.

Победа кадетов на выборах оказалась весьма значительной. К началу работы Думы в мае 1906 года из 448 депутатов 153 были кадетами. К ним примыкали 63 депутата национальных групп. Октябристов оказалось всего 13 человек. Кадетская фракция стала в Думе самой крупной и почти в два раза превосходила следующую за ней по численности фракцию трудовиков (107 депутатов), в рядах которых оказались преимущественно крестьянские депутаты.

В целом итоги выборов, давших леволиберальную по составу Думу, вызвали беспокойство в правительстве.

С.Ю. Витте считал, что Дума сама должна заняться законотворчеством, поэтому его кабинет не подготовил к ее открытию законопроектов, которые должны были бы стать предметом рассмотрения народных представителей. Ко времени начала работы Думы кабинет С.Ю. Витте пал и премьером был назначен известный царедворец И.Л. Горемыкин, но у него законодательных предложений еще не было, поэтому думцы стали оглашать призывы и декларации самого радикального характера: объявить всеобщую амнистию, создать ответственное правительство, ввести всеобщее избирательное право, наделить крестьян землей и др. Многие депутаты, разгоряченные баталиями революционных битв, смотрели на думскую трибуну как на новый инструмент социальной борьбы.

Первая Дума просуществовала чуть больше двух месяцев и основную часть времени уделила обсуждению самого жгучего вопроса социальной жизни – аграрного. Центром обсуждения стали два проекта. Первый внесли кадеты. Он предусматривал дополнительное наделение крестьян землей за счет земель казенных, монастырских, удельных, а также за счет частичного отчуждения частновладельческих земель за выкуп «по справедливой (но не рыночной) оценке». Второй проект внесла фракция трудовиков. Он носил еще более радикальный характер и предусматривал отчуждение помещичьей земли, превышающей «трудовую норму», создание «народного земельного фонда» и введение уравнительного землепользования. Обсуждение этих предложений вылилось в громкое обличение общественного строя. Правительство не устраивал ни тот ни другой, поэтому царскую власть обвинили в том, что она стоит на страже «интересов помещиков и капиталистов», хотя на самом деле царь стоял на страже принципа неприкосновенности частной собственности.

Уже через несколько недель после начала работы I Государственной думы стало очевидно, что сотрудничества между властью и представительным учреждением не предвидится.

20 июня 1906 года правительство обратилось к населению с сообщением по аграрному вопросу, в котором отвергался принцип принудительного отчуждения частновладельческих земель. Дума, со своей стороны, в начале июля постановила обратиться к населению с сообщением, что она не отступит от

принципа принудительного отчуждения и отклонит «все предположения, с этим началом несогласованные». Правительство усмотрело в этом «действие явно незаконное», ибо по закону Думе не было предоставлено право непосредственного обращения к народу, и 8 июля явился царский манифест о роспуске Государственной думы и о назначении новых выборов[1].

На следующий день группа кадетов и трудовиков собралась в Выборге, где опубликовала так называемое «Выборгское воззвание», в котором в знак протеста «против роспуска народного представительства» население призывалось к пассивному сопротивлению: не платить налоги, избегать рекрутской повинности, а зарубежные правительства призывались не предоставлять России займов. Эта акция никакого успеха не имела.

Роспуск I Государственной думы прошел сравнительно спокойно. Одновременно в отставку ушел и И.Л. Горемыкин. Новым главой правительства Николай II назначил П.А. Столыпина, занимавшего с апреля 1906 года пост министра внутренних дел.

Во время новых выборов в Думу правительство делало все от него зависящее, чтобы обеспечить угодный ему состав этого учреждения. Однако усилия правительства, стремившегося создать послушную Думу, впрочем как и стремление кадетов развить свой успех, завоеванный на прошлых выборах, закончились неудачей.

Новая Дума, открывшаяся 20 февраля 1907 года, оказалась более левой, чем первая. Ее левый фланг насчитывал 222 депутата (65 социал-демократов, 104 трудовика, 37 эсеров, 16 народных социалистов), а правый (октябристы, монархисты) – 54 депутата. Кадетский центр сократился до 98 человек[2]. Состав II думы отразил поляризацию сил в обществе, и хотя среди депутатов значительную группу составляли правые, перевес был на стороне левых, так как кадеты часто солидаризировались с ними.

Аграрный вопрос опять оказался в фокусе внимания, но теперь уже существовала правительственная программа переустройства землевладения и землепользования, ставшая объектом ожесточенных нападок. Довольно быстро власти стало понятно, что ждать конструктивной работы от новой Думы не приходится. К тому же поступали сведения, что левые, прикрываясь депутатским иммунитетом, занялись откровенной антиправительственной деятельностью и вне стен Таврического дворца. Дума отказалась лишить депутатских полномочий социал-демократическую фракцию. В ночь на 3 июня 1907 года полиция арестовала, а затем предала суду группу думских социали-

---

[1] Пушкарев С.Г. Россия в XIX веке (1801 – 1914). Нью-Йорк, 1956. С. 415.

[2] Исторический опыт трех российских революций. Кн. 1. Генеральная репетиция Великого Октября: Первая буржуазно-демократическая революция в России /Гл. ред. П.А. Голуб и др. М., 1985. С. 231.

стов. Через несколько часов последовало сообщение о роспуске Думы и был опубликован новый избирательный закон.

§3. Борьба за власть в 1907 – 1914 гг.

Эсеры[1]

После подавления революции[2] нелегкие времена настали для радикальной оппозиции. Партия социалистов-революционеров (ПСР) находилась в состоянии идейного и организационного распада. С поражением революции 1905–1907 гг. организационное положение партии резко ухудшается. Этому способствовал целый ряд причин: аресты, массовый отток партийной интеллигенции из руководящих органов местных организаций, ликвидация областных и губернских комитетов партии, финансовый кризис, гибель значительной части нелегальных изданий партии и всех легальных органов печати, потеря думской трибуны и других легальных возможностей. Все это разрушало организационную структуру партии и обрекало многие организации на бездействие и распад, а резкое сужение возможностей влиять на массы, используя легальные и нелегальные средства, привело партию к отрыву от них.

Центральные руководящие органы все больше теряли авторитет и влияние в партии. Местные партячейки подверглись в 1907–1910 гг. серьезной дезорганизации. В это время часть эсеровских организаций была уничтожена, часть распалась сама, часть – находилась в полной или частичной изоляции от руководящих органов и других звеньев партии и пребывала в состоянии почти полного бездействия. Лишь единичные организации и группы продолжали деятельно работать и сохраняли связи с другими частями партии.

Тактика эсеров в 1907–1914 гг. заключалась в сохранении «боевой подготовки масс» при переносе задачи всенародного восстания на неопределенно далекую перспективу. Непосредственными тактическими задачами партии оставались террор, бойкот выборов в III и IV Государственную думу, участие в профсоюзном и кооперативном движении трудящихся масс.

Эсеровский террор в условиях постреволюционной ситуации фактически прекратился. Это произошло из-за того, что общество перестало одобрять и поддерживать террор, а сами террористы были деморализованы, среди них распространялись взгляды на несвоевременность и даже ненужность его. Террору препятствовали распространенность провокаций полиции и нехватка средств.

---

[1] Подпараграф написан на материалах и выводах книги: Морозов К.Н. Партия социалистов-революционеров в 1907–1914 гг. 2-е изд., доп. и испр. М., 1998. С. 606–620.

[2] По неполным данным, царский суд с 1907 по 1909 год осудил по политическим делам более 26 тыс. человек, в том числе свыше 5 тыс. были приговорены к смертной казни. Общее же число граждан, подвергшихся репрессиям различного рода, вплоть до смертных приговоров, к июлю 1909 года достигло 1,5 млн человек. См.: Обнинский В.П. Новый строй. М., 1909. Ч. 2. С. 353.

Организация профсоюзного и кооперативного движения тормозилась нехваткой сил и средств у большинства организаций, а также преследованиями профсоюзов. Среди части эсеров, считавших главной задачей свержение самодержавия, распространялось негативное отношение к подобной «культурнической» деятельности.

Таким образом, за 2–3 года, последовавшие после «третьеиюньского переворота», ПСР теряет качества массовой политической партии: организационно разрушаясь и теряя инструменты влияния на массы, постепенно перестает оказывать сколько-нибудь заметное влияние на политическую жизнь страны и, подобно многим другим партиям, фактически оказывается вытесненной с общественно-политической сцены. Попытки остановить эти процессы, в том числе и за счет организационной перестройки партии, успеха не имели – ПСР не смогла вернуть и предреволюционное свое качество.

В 1909–1912 гг. происходит сначала ослабление, а затем и раскол в руководстве партии. Из него уходит ее ведущий идеолог В.М. Чернов. Фактически ЦК партии в это время окончательно утрачивает функции идейного руководства из-за неспособности вразумительно изложить свою позицию вследствие внутреннего раскола, что ведет к еще большему снижению его авторитета и возникновению ситуации его «ненужности».

В условиях фактического распада и исчезновения уже к 1910 году единого партийного организма и ослабления авторитета руководства партии дальнейшей эрозии подверглись и другие несущие конструкции, обеспечивавшие единство партии, – комплекс программных и тактических установок, идей и принципов.

Несмотря на то, что в 1907–1914 гг. партия организационно превратилась в «рассыпанную храмину», ее членов связывали общие идеи, которым они в большинстве своем остались верны, и именно это позволило партии «восстать из пепла» после марта 1917 года.

РСДРП

Нелегким был этот период и у социал-демократов. Резко изменившаяся в связи с подавлением революции политическая ситуация в стране породила в их среде два диаметрально противоположных друг другу течения. Поражение революции совершенно деморализовало меньшевиков. Они считали невозможной новую революцию в ближайшее время, а следовательно, ненужными революционную программу и революционные лозунги партии. Они звали рабочий класс к соглашению с буржуазией. Меньшевики добивались ликвидации нелегальных партийных организаций и прекращения нелегальной революционной работы[1].

---

[1] История Коммунистической партии Советского Союза /Б.Н. Пономарев, М.О. Волин, В.С. Зайцев и др. 6-е изд., доп. М., 1982. С. 112.

Ликвидаторы, включавшие в себя не только многих меньшевиков, но и часть большевиков, настаивали на ликвидации подпольной партии и призывали сосредоточить все силы на легальной деятельности, имея в виду прежде всего работу в Думе. Отзовисты-большевики, напротив, призывали уйти в глубокое подполье, отозвав рабочих депутатов из Думы и отказавшись от любых легальных форм деятельности. Этим крайним течениям противостояли сторонники В. Ленина, сблизившиеся в это время с меньшевиками-партийцами, руководимыми Г.В. Плехановым. И те и другие призывали к разумному сочетанию легальной и нелегальной борьбы, стремясь сохранить как подпольную партийную организацию, так и социал-демократическую фракцию в III Думе. Все эти распри, отнимавшие массу сил и средств, в свою очередь значительно ослабили деятельность социал-демократов[1].

Социал-демократам удалось сохранить партию, а проведенные в бурных теоретических дискуссиях годы эмиграции не пропали даром. Именно в этот период В. Ленин детально теоретически обосновал необходимость создания партии нового типа – как инструмента завоевания и удержания власти.

Большевики считали, что «послереволюционная Россия стоит перед двумя возможными путями развития: полным демократическим преобразованием страны или такой ее буржуазной эволюцией, при которой сохраняются монархия и господство помещиков. Царизм, помещики и буржуазия всеми средствами пытались предотвратить новую революцию. Большевики отстаивали революционный путь развития страны, отвечавший жизненным интересам народа»[2]. Их идеи звучали очень убедительно для рабочих, большевики сами верили в них и готовы были бороться за них до конца. Только совмещение ярких, убедительных идей с массами людей, готовых идти под их знаменами до конца, могло привести к осуществлению в России большевистской социалистической утопии. И это им удалось сделать. У правительства и консерваторов вообще не осталось привлекательных идей; либеральные идеи были увлекательны для интеллигенции, но не для рабочих и крестьян. Эсеровские неонароднические идеи были хороши для крестьянства, но оно не обладало в это время столь мощным протестным порывом, какой был у рабочего класса.

В подготовке новой революции особенно большая роль отводилась большевистской газете «Правда». Газета выступала против ликвидаторов, за сохранение и укрепление нелегальной революционной партии, за правильное сочетание легальных и нелегальных форм движения. Во второй половине 1912 года в «Правде» появились материалы об аграрной программе РСДРП и

---

[1] История России XIX – начала XX в. Учебник для исторических факультетов университетов / Под ред. В.А. Федорова. М., 1998. С. 555.

[2] История Коммунистической партии Советского Союза /Б.Н. Пономарев, М.О. Волин, В.С. Зайцев и др. 6-е изд., доп. М., 1982. С. 125.

лозунгах партии по крестьянскому вопросу. Основным их автором был В. Ленин[1].

Большевики являлись единственной организованной революционной силой в стране. Поражение революции не сломило их, ленинская энергия позволила справиться с огромными трудностями, отступить в порядке, сохранить боеспособное ядро. Несмотря на аресты, партийные организации уцелели почти повсеместно. Во всех крупных городах и промышленных районах работали партийные комитеты. На крупных предприятиях сохранились партийные ячейки или связи с рабочими. Выпускались листовки и нелегальные партийные газеты. Бегство из РСДРП колеблющихся и идейно неустойчивых элементов было в то же время чисткой партии. В парторганизации вливались новые кадры рабочих, на плечи которых легла вся тяжесть партийной работы на местах[2]. Почти все нелегальные партийные организации были большевистскими.

Партия использовала те немногие легальные возможности, которые у нее еще оставались. Основы думской тактики были заложены В. Лениным еще в период работы II Думы. Думская фракция рассматривалась как один из органов партии, непосредственно подчиненный Центральному комитету. Депутаты-большевики обязаны были не ограничиваться деятельностью в Думе, а вести работу и вне ее, связываться с массами, участвовать во всей партийной нелегальной жизни. Большевики использовали думскую трибуну для пропаганды своих идей и организации пролетариата.

Несколько напыщенно, но по сути верно звучит оценка деятельности РСДРП в этот период, данная в официальной советской версии истории КПСС: «Партия большевиков овладела и умело пользовалась всеми формами борьбы и организации рабочего движения, быстро и искусно переходила от одной формы к другой. Она руководила боями пролетариата в условиях назревания революционного кризиса в стране. Рабочий класс, возглавляемый большевиками, выступил как руководитель революционной борьбы за общенародное освобождение.

Всей своей революционной, интернационалистической деятельностью партия большевиков была подготовлена к величайшим испытаниям мировой империалистической войны»[3].

Кадеты

Послереволюционные процессы деградации и распада, особенно идейного, затронули и либеральный фланг оппозиции. В 1907–1909 гг. кадетское ру-

---

[1] Исторический опыт трех российских революций. Кн. 2. Свержение самодержавия: Вторая буржуазно-демократическая революция в России / Гл. ред.: Голуб П.А. и др. М., 1986. С. 72–73.

[2] История Коммунистической партии Советского Союза /Б.Н. Пономарев, М.О. Волин, В.С. Зайцев и др. 6-е изд., доп. М., 1982. С. 125–126.

[3] История Коммунистической партии Советского Союза /Б.Н. Пономарев, М.О. Волин, В.С. Зайцев и др. 6-е изд., доп. М., 1982. С. 152.

ководство сдвинулось вправо. Ряд заявлений П.Н. Милюкова в этот период позволяет утверждать, что в новой политической ситуации кадетский лидер был готов к тому, чтобы его партия играла роль системной оппозиции («оппозиция Его Величества»). Левые в партии критиковали этот курс, правые защищали от их нападок линию Милюкова. Но собственный вес правых в партии существенно понизился из-за скандала по поводу их тайных контактов со Столыпиным в 1907 году. После этого инцидента главный идеолог правых П.Б. Струве все более отдаляется от партии кадетов как в политическом, так и в идейном плане. В своей публицистике 1908–1909 гг. (статьи в «Русской мысли» и «Вехах») он призывает интеллигенцию преодолеть отчуждение от государства и предпринимательства. Однако поэтизация Струве государства и капиталистического производства оказалась неприемлема для левых и центристов в кадетской партии, чьи взгляды во многом формировались под влиянием идеологии народничества. Общая установка конституционных демократов состояла в том, что буржуазия должна без всяких условий, в своих же интересах примкнуть к «освободительному движению», подчинившись руководству интеллигенции и не претендуя на собственную политическую позицию[1].

В 1910–1912 гг. в связи с ростом оппозиционных настроений в обществе (в том числе с «левением» буржуазии) в партии кадетов обсуждается проект широкой предвыборной коалиции из всех «прогрессивных» (оппозиционных) элементов, стержнем которой должна была стать Партия народной свободы.

На выборах в IV Государственную думу кадетам удалось привлечь в столицах значительную часть буржуазного электората. Однако они не собирались отстаивать в парламенте его интересы. Они отказались также от предложения прогрессистов создать блок прогрессивных фракций («Левый центр»). Правые кадеты пытались противодействовать этой политике руководства. Они полагали, что с оппозиционно настроенной буржуазией можно и нужно заключить формальное соглашение, чтобы вместе добиваться уступок от власти. Но их взгляды в 1912–1915 гг. систематически подвергались жесткой критике. Левые и центристы в это время целенаправленно выталкивали их из партии. В результате с 1915 года правые как самостоятельное крыло партии фактически перестают существовать[2].

Кадеты, как оппозиционная партия, после поражения революции хотя и прошла через ряд довольно разрушительных идейных дискуссий, тем не ме-

---

[1] Селезнев Ф.А. Конституционные демократы и буржуазия (1905–1917 гг.): Монография. Нижний Новгород, 2006. С. 130–131.

[2] Селезнев Ф.А. Конституционные демократы и буржуазия (1905–1917 гг.): Монография. Нижний Новгород, 2006. С. 160–161.

нее к новому революционному подъему подошла, понеся наименьшие организационные и идейные потери.

Социальная опора оппозиции

В 1907-1914 гг. социальная основа оппозиционных идей претерпела значительные изменения. От активных действий отказались буржуазия и значительная часть непролетарского городского населения.

После подавления революции в рабочем движении наблюдается спад. Рабочие все реже выступали на борьбу с предпринимателями и правительством: в 1908 году бастовали 176 тысяч, в 1909-м – 64 тысячи, в 1910-м – 47 тысяч человек. Особенно заметным было уменьшение числа политических стачек: если в 1905 году в разгар революции они составляли до 50% от общего числа бастующих, то в 1910-м – всего 8%. Зато рос процент так называемых оборонительных стачек, с помощью которых рабочие всего лишь пытались сохранить то, что имели, сопротивляясь снижению заработной платы и увеличению рабочего времени. И наконец, характерной чертой этого периода были частые поражения рабочих, вынужденных прекращать стачки, так и не добившись никакого успеха[1].

Новое качество оппозиционного движения обозначилось в 1910 году, когда впервые на улицы столицы вместе с рабочими вышли и студенты. А в январе – марте 1911 года студенческие забастовки и сходки прошли по всей стране[2].

Существенное воздействие на дальнейшее развитие оппозиционной борьбы в стране оказал расстрел мирного шествия рабочих Ленских золотых приисков 4 апреля 1912 года (270 человек было убито и 250 ранено). В прокатившемся по городам России движении протеста участвовали около 300 тыс. рабочих. Широкого размаха достигли выступления, проходившие под политическими лозунгами. Число забастовщиков в 1912 году составило примерно 1 млн 463 тыс. человек. Подъем рабочего и общедемократического движения в 1912 году был непосредственно связан с деятельностью нелегальных организаций РСДРП[3].

Еще более бурным был 1913 год, когда в стачках участвовали около 2 млн. рабочих. Размах движения, его активность, сочетание экономических и политических требований напоминали 1905 год.

В последующие годы революционное движение продолжало нарастать. За 1913 – первую половину 1914 гг. число забастовщиков в фабрично-заводской промышленности составило около 2 млн. человек, усиливалось национальное движение на окраинах – в Закавказье, Прибалтике, царстве Польском. По

---

[1] История России XIX – начала XX в. / Под ред. В. А. Федорова. М., 1998. С. 554.

[2] Исторический опыт трех российских революций. Кн. 2. Свержение самодержавия: Вторая буржуазно-демократическая революция в России / Гл. ред.: Голуб П.А. и др. М., 1986. С. 63.

[3] Исторический опыт трех российских революций. Кн. 2. Свержение самодержавия: Вторая буржуазно-демократическая революция в России / Гл. ред.: Голуб П.А. и др. М., 1986. С. 65.

своему размаху революционное движение в это время соответствовало предреволюционному уровню 1903–1904 гг. Еще в начале 1913 года Ленин сделал вывод, что «Россия снова вступила в полосу открытой революционной борьбы масс»[1], подчеркнув при этом, что «реформистских возможностей в современной России нет»[2].

Действия рабочих свидетельствовали о том, что их политические взгляды, сформированные в годы первой русской революции, не сильно изменились, они по-прежнему находились под влиянием социалистических идей и своим врагом считали самодержавие. Рабочие лидеры ждали благоприятных условий для начала решающей борьбы за власть, а массы были готовы их поддержать.

Под влиянием Столыпинских реформ в деревне происходили бурные изменения, которые отразились на политической активности крестьян. Более половины учтенных выступлений было направлено против помещиков. Часть из них направлялась и против «мироедов», сельских торговцев и ростовщиков. Новым явлением в борьбе крестьян были действия против аграрной политики правительства. По численности они занимали второе место среди всех учтенных выступлений и получили повсеместное распространение. Большевики усилили работу среди крестьян, направленную на их просвещение и организацию борьбы. В значительной мере под влиянием большевистской агитации в деревне участились случаи политических действий[3].

Новый революционный подъем в стране приходится на годы значительного экономического подъема (1909– 1913), когда российский капитализм достиг зенита своего развития. В 1913 году Россия занимала пятое место в мире по общему объему промышленного производства, второе – по добыче нефти, вывозу древесины, выпуску пиломатериалов, третье – по выработке хлопчатобумажных тканей, четвертое – по выпуску продукции машиностроения, производству кокса, сахарного песка, пятое – по выплавке чугуна и стали, добыче железной руды, выработке цемента[4]. Росло благосостояние населения, однако материальные факторы уже не служили веским доводом в пользу сохранения самодержавия, вера в которое была основательно подорвана в сознании широких народных масс.

III и IV Думы

После третьеиюньского переворота вновь избранная III Дума перестала быть ареной острой борьбы оппозиции за реализацию своих идей, хотя сохраняющееся в ней представительство основных оппозиционных сил давало им возможность влиять на принятие законодательных актов.

---

[1] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 22. С. 258–259.

[2] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 57.

[3] Исторический опыт трех российских революций. Кн. 2. Свержение самодержавия: Вторая буржуазно-демократическая революция в России / Гл. ред.: Голуб П.А. и др. М., 1986. С. 68.

[4] Исторический опыт трех российских революций. Кн. 2. Свержение самодержавия: Вторая буржуазно-демократическая революция в России / Гл. ред.: Голуб П.А. и др. М., 1986. С. 26–27.

Положение о выборах, принятое 3 июня 1907 года, резко изменило соотношение между куриями выборщиков в пользу помещиков и крупной буржуазии. Теперь один голос помещика приравнивался к четырем голосам крупной буржуазии, к 68 – городской мелкой буржуазии, к 260 – крестьян и 543 рабочих. Деятельность I и II Дум ясно показала правительству, что с депутатами, избранными рабочими и крестьянами, общего языка найти не удастся. Если рабочих депутатов и в первых двух думах было сравнительно немного, то потери крестьян были огромны: их ранее весьма значительное представительство уменьшилось в 16 раз. Было сильно урезано представительство в Думе от окраин государства: Польша должна была вместо 36 посылать 14 депутатов, Кавказ вместо 29 – 10. Средняя Азия была вовсе лишена думского представительства[1].

Главное отличие III Думы от предыдущих заключалось в том, что силы, оппозиционные правительству, не составляли в ней абсолютного большинства. В Думе устанавливалось неустойчивое равновесие между правыми – черносотенцами (144 депутата), центром – октябристами (148 депутатов) и левыми фракциями. Из левых наиболее значительной была фракция кадетов (54 депутата), которых, как правило, поддерживали депутаты от новой, созданной в 1907 году партии прогрессистов (28 депутатов). Эта партия включала в себя представителей крупной буржуазии, тесно связанных с рынком, меньше нуждавшихся в казенных заказах и потому относительно независимых от правительственных сфер. Как правило, вместе с оппозицией голосовали и 26 депутатов с национальных окраин. Радикально настроенные фракции – 14 трудовиков и 19 социал-демократов – держались особняком, но серьезно повлиять на ход думской деятельности они, конечно, не могли.

В подобной ситуации все решала позиция центра – октябристов, и с первых же заседаний III Думы в ней заработал нехитрый, но действенный механизм, получивший название «октябристский маятник». Когда в Думе принималось решение по законопроекту консервативного характера, октябристы голосовали вместе с черносотенцами, образуя правооктябристское большинство (292 голоса). Когда же на повестке дня стоял законопроект, связанный с преобразованиями, октябристы меняли своих временных союзников, образуя левооктябристское большинство (256 голосов). Таким образом, не имея в Думе постоянного большинства, правительство П. Столыпина сумело развязать себе руки и проводить ту политику, которую считало необходимой. Благодаря этому механизму оно подготовило и провело целую серию законопроектов, центральным среди которых был острейший вопрос – аграрный. За пять лет работы III Государственная дума приняла ряд важных законопроектов в области народного просвещения, укрепления армии, местного самоуправления.

---

[1] Пушкарев С.Г. Россия в XIX веке (1801 – 1914). Нью-Йорк, 1956. С. 422–423.

Осенью 1912 года прошли выборы в IV Думу. По своему составу новая Дума мало отличалась от старой, хотя и оказалась менее покладистой, чем ее предшественница, и в ней появились элементы либеральной оппозиционности, несмотря на общее поправение ее состава. Число правых депутатов в ней выросло до 185 (в III Думе – 148), левых – кадетов и прогрессистов – до 107 (в III – 88). Октябристы потерпели на выборах серьезное поражение, лишившись около трети мандатов. Число их депутатов сократилось до 98 человек (в III – 120).

Размывание октябристского центра лишило власть надежды на создание сколько-нибудь надежного и стабильного проправительственного буржуазно-помещичьего блока. И либералы, и многие представители консервативного крыла в условиях роста массового движения в стране были едины в признании необходимости предотвращения революции путем реформ, по-разному, однако, представляя себе их суть и объем. За более последовательные преобразования либерального толка ратовали кадеты и близкие к ним прогрессисты. При этом кадетское руководство все больше склонялось к мысли, что только массовое народное движение способно заставить власть пойти на реформы. Новая Дума ознаменовала свою деятельность критикой в адрес правительства, которая в равной степени резко звучала и справа, и слева.

Несмотря на то, что в Думе главное слово принадлежало проправительственным политическим партиям, и оппозиция, особенно либеральная, порой успешно использовала думские возможности для реализации своих идей.

Таким образом, радикальные революционные партии эсеров и социал-демократов, понесшие наибольшие потери в ходе революции и в первые послереволюционные годы, с трудом восстанавливали свои идейные позиции и организационное единство. Лучше это смогли сделать большевики, хуже – меньшевики и эсеры. Тем не менее сохранение в народной массе социалистических идей позволило с появлением благоприятных условий быстро восстановить эти партии.

Несмотря на то, что либеральная оппозиция также была задета идейными и организационными разногласиями, она довольно успешно реализовывала свои идеи при посредстве думской деятельности.

Идеям радикальной оппозиции оставались верны рабочие, часть непролетарского городского населения и крестьян. Остальная часть оппозиционно настроенного населения принимала участие в политической жизни в основном в ходе выборов, поддерживая кандидатов от оппозиции.

Выводы

Первая русская революция была вызвана «тектоническими» сдвигами в мировоззрении больших социальных групп российского общества. В процессе этих сдвигов сфера влияния православного мировоззрения, на котором основывалась легитимность самодержавной власти, сужалась, а область распро-

странения рационалистических взглядов, порождающих и поддерживающих либеральные и социалистические политические доктрины, напротив, увеличивалась. Скорость этого процесса в различных социальных группах была различна. Выше она была среди тех образованных слоев, которые относительно давно усвоили основы рационалистического мировоззрения, – среди ученых, писателей, журналистов, инженеров и техников, рабочих, связанных с технологически сложным производством, и т.п. У крестьян, в среду которых рационалистические идеи проникали при посредстве сельской интеллигенции и общения с рабочими, солдатами, вернувшимися в деревню, через газеты и прокламации, скорость смены мировоззрения была значительно ниже, но этот процесс также шел. Особенно усилился он в ходе революции.

В революционные годы выявились две главные политические идеи, которые продолжили борьбу за сознание людей, либерализм и социализм. В первой русской революции наибольшие преимущества получил либерализм, однако это было не столько результатом его борьбы, сколько уступок, на которые пошло самодержавие. Царь был ограничен в своих политических маневрах и мог взять в союзники только либералов, идеи которых, как ему казалось, не столь сильно противоречили самодержавной природе власти, как идеи социалистические. Здесь он ошибался. Логическим завершением либерализма является принципиальное отрицание самодержавия.

В ходе революции царизм терял своего последнего сторонника и опору – крестьянство. Дело было не в малоземелье или других экономических и бытовых проблемах, бывали времена, когда они стояли гораздо острее, и тем не менее крестьянство оставалось верно трону. Теперь оно стало массово разочаровываться в сам й православной основе самодержавия, и последующие попытки Столыпина по созданию «крепкого мужика» – опоры трона вели к противоположному результату. Создавался крепкий мужик, но его мировоззрение было скорее рационалистическим, буржуазным, нежели православным и самодержавным. Кулак стал бы опорой конституции и президента, но не православного царя. То, что кулак против революции, еще не означало, что он будет сражаться за царя; его поведение определяло мировоззрение, а оно у кулака скорее рационалистическое, «мелкобуржуазное», нежели православное.

В целом верной опорой трона оставалась лишь часть православного крестьянства, все остальные слои общества, включая офицерство, были ненадежны, и февраль 1917 года это отчетливо показал.

Революция началась не в самый плохой с социально-экономической точки зрения период. После длительного и очень мощного экономического подъема наступил кризис, который, естественно, понизил материальный уровень жизни части людей, но отнюдь не до сколь-нибудь критических отметок. Жить стало несколько хуже, и это подтверждало широко распространяемые в обще-

стве революционные идеи о необходимости смены власти. У оппозиции были разработаны довольно привлекательные проекты будущего, противопоставить которым власть ничего не могла, кроме ухудшающейся действительности. Революционную ситуацию создали не объективные материальные условия, а изменения в политическом сознании больших масс людей; объективные условия только подтверждали недееспособность существующей власти и необходимость ее смены.

Первыми революцию начали рационалистически мыслящие рабочие, студенты, интеллигенция. Во главе движения стояли партии, возглавляемые профессиональными революционерами и идеологами. У них было мало оружия, но много идей, теорий и фактов. У правительства было много оружия, солдат и офицеров, но не было эффективных идей, теорий и убедительных фактов, которые бы заставили этих солдат и офицеров стрелять в своих сограждан. Несмотря на сущностную разницу средств, по своей силе они были в тот момент примерно равны, революционеры, вероятно, были даже сильнее. Во всяком случае, у них была возможность переубедить войска перейти на сторону революции, а вот у правительства возможности переубедить восставших определенно не было – оно могло надеяться только на силу оружия, а не на силу своих идей.

В ходе ожесточенной борьбы в 1905 году оппозиция была близка к захвату власти, формировались ее органы – Советы, создавались вооруженные силы и средства управления. Только опубликование Манифеста 17 октября и дарование свобод позволили ослабить революционное движение. Это была не идейная победа – это была уступка большой части власти. Это был политический проигрыш самодержавия. Отдав многое, царь сохранил остальное, однако процесс разрушения мировоззренческого основания самодержавия не был остановлен. Падение монархии, державшейся на слабеющей православной идее, было делом времени.

Мировоззрение подавляющего большинства людей изменилось в ходе революции, и теперь страна была уже совсем не той, какой она вошла в революцию. В сознании людей господствовали рационалистические политические идеи, а православная основа самодержавия еще больше истончилась.

В период реакции и предвоенного революционного подъема самодержавие не выдвинуло сколь-нибудь сильных идей, способных укрепить власть. Оппозиция, хоть и ослабленная репрессиями, пройдя через длительные дискуссии, смогла сделать выводы из революции и укрепиться идейно. Особенно плодотворно в этом плане поработали большевики, и прежде всего В. Ленин.

Подполье радикальной оппозиции, за исключением большевистского, по существу, прекратило свое существование, однако довольно широко развернулась легальная оппозиционная деятельность в рамках, очерченных Манифестом 17 октября.

Настроения широких масс, принявших участие в революции, не претерпели положительного для власти изменения. Недовольные на время затаились и ждали удобного момента для новых выступлений. Правомонархические организации, несмотря на поддержку властей, пребывали в идейном кризисе и не могли считаться прочной опорой власти.

ГЛАВА III
БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ В ГОДЫ ВОЙНЫ. ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

§1. Классы и социальные группы в революции

Рабочие в Февральской революции

Роль детонатора в Февральской революции сыграли рабочие Петрограда. Рабочий класс был важной силой, определявшей смену власти не только в столице, но и в провинции; к этой роли он был подготовлен всей своей предшествующей борьбой.

Мировоззрение рабочих если и изменилось в годы Первой мировой войны, то только в сторону еще большего разочарования в самодержавии. К февралю 1917 года, после «распутинщины» и поражений в войне, царь растерял остатки авторитета в рабочей среде. Мировоззрение рабочих определяло их действия в это время.

Отношение российского пролетариата к войне было неоднозначным, незначительную его часть «составляли убежденные противники войны, интернационалисты. В “среднем” слое и особенно среди малоквалифицированных, недавно пришедших из деревни рабочих “оборонческие” настроения встречались чаще, но и такие пролетарии, как правило, чуждались воинствующего шовинизма»[1].

Главной формой проявления революционной активности пролетариата в годы войны оставались стачки за улучшение своего экономического положения, при этом большинство стачек этого периода заканчивалось поражением рабочих. Постепенно увеличивалось число выступлений, преследовавших политические цели. Так, в 1916 году на долю участников политических выступлений приходилось, по официальным данным, лишь около 30 процентов общего числа забастовщиков, хотя в годы войны стачки стали также формой антивоенного протеста, причем в условиях военного времени выступления рабочих даже на экономической почве приобретали большое политическое звучание.

---

[1] Исторический опыт трех российских революций. Кн. 2. Свержение самодержавия: Вторая буржуазно-демократическая революция в России / Гл. ред.: Голуб П.А. и др. М., 1986. С. 89.

В 1915 году либеральная буржуазия при поддержке властей попыталась консолидировать рабочих и работодателей для усиления работы промышленности на войну. С этой целью организовали военно-промышленные комитеты, при них было решено организовать «рабочие группы». За вхождение рабочих в ВПК высказались меньшевики, против были большевики, и им в основном удалось навязать свою позицию рабочим. Из 239 областных и местных военно-промышленных комитетов выборы рабочих представителей проводились примерно в 70 комитетах, а выбраны были только в 39[1]. Политически «встроить» рабочих в систему работы на войну не удалось.

Наиболее крупными забастовочными выступлениями российского пролетариата после начала войны были августовско-сентябрьские стачки 1915 года в Петрограде и Москве, забастовки на судостроительных заводах в Николаеве и на Путиловском заводе в Петрограде (январь – февраль 1916), общегородская стачка в столице (март), забастовки на металлургических заводах юга Украины и на шахтах Донбасса (апрель, май), на столичных предприятиях (октябрь). Главным центром пролетарского движения во время войны оставался Петроград: в период назревания нового революционного кризиса в стране с августа 1915 года до середины февраля 1917-го здесь бастовало более 1,1 млн человек. В Москве за это же время в стачках участвовало около 400 тыс. рабочих. Высокую активность проявили рабочие Центрального промышленного района, который в 1915 году вышел по общему числу стачечников на первое место в стране. В 1916 году забастовочным движением был охвачен и Южный промышленный район[2].

Несмотря на значительный подъем забастовочной борьбы, власть не видела в нем большой угрозы. Главным политическим противником самодержавия в это время считались думские прогрессисты с их требованиями ответственного правительства. Пока преданность армии самодержавию не ставилась под сомнение, опасности со стороны рабочих выступлений для правительства не было. Это касалось, прежде всего, Петрограда. Для его почти полумиллионного гарнизона 400 тысяч безоружных рабочих не были реальным противником.

Одним из важных факторов быстрого роста революционной активности пролетариата в 1915–1916 гг. являлась агитационно-пропагандистская и организационная работа, которую вели социал-демократы. При этом цели большевиков и меньшевиков были различны, как, впрочем, и социальные группы, с которыми они работали.

---

[1] История Коммунистической партии Советского Союза / Б.Н. Пономарев, М.О. Волин, В.С. Зайцев и др. 6-е изд., доп. М., 1982. С. 162–163.

[2] Исторический опыт трех российских революций. Кн. 2. Свержение самодержавия: Вторая буржуазно-демократическая революция в России / Гл. ред.: Голуб П.А. и др. М., 1986. С. 133.

Наибольшее влияние, по мнению Т. Шанина, большевики имели среди молодых рабочих, которые во время первой революции были детьми и подростками. «Именно благодаря их поддержке большевики сумели упрочить свое влияние на петербургских заводах и фабриках в 1912– 1917 гг., что стало решающим фактором в событиях рокового 1917 г. ...Их увлекали мечты о революции и не тяготили раздумья и опыт, связанные с ее поражениями в 1905–1907 гг.»[1].

Большевистская партия была построена на базе фабрично-заводских ячеек, что придавало ей особую прочность и устойчивость. Использовали большевики и легальные пролетарские классовые организации – больничные кассы, рабочие кооперативы, немногие уцелевшие профсоюзы. Глубоко врастая в рабочую массу, организации большевиков сохраняли свою боеспособность в самых трудных условиях военного времени[2].

По мнению зарубежного историка Зива Галили, в Петрограде «Из всех подпольных организаций, созданных в рабочей среде перед войной, наиболее радикальными группами социал-демократов (большевики, межрайонцы, меньшевики) только большевистский Выборгский комитет, имевший относительно большое влияние на машиностроительных заводах этого района, продолжал активно действовать во время войны. Выборгский комитет большевиков первым попытался возглавить восстание»[3].

Меньшевики имели не столь значительное влияние рабочего класса, зато сумели гораздо шире и эффективнее использовать свои легальные, в частности думские, возможности для агитации среди пролетариата. Благодаря этому они могли организовывать довольно значительные акции: например, в поддержку Государственной думы в связи с временным прекращением ее деятельности в сентябре 1915 года или возобновлением ее работы 14 февраля 1917 года.

В организации стачек в Петрограде в феврале–марте 1916 года принимали участие большевики и эсеры: действовал межпартийный стачечный комитет представителей различных заводов и фабрик[4].

Рабочие Петрограда представляли значительную силу. К началу 1917 года в столице и ее окрестностях насчитывалось почти 400 тысяч промышленных рабочих, среди них преобладали металлисты, находившиеся под влиянием социал-демократов. За годы войны численность металлистов еще больше

---

[1] Шанин Т. Революция как момент истины. Россия 1905–1907 гг. –> 1917– 1922 гг.: Пер. с англ. М., 1997. С. 302.

[2] Исторический опыт трех российских революций. Кн. 2. Свержение самодержавия: Вторая буржуазно-демократическая революция в России / Гл. ред.: Голуб П.А. и др. М., 1986. С. 135.

[3] Галили Зива. Лидеры меньшевиков в русской революции. Социальные реалии и политическая стратегия: Пер. с англ. М., 1993. С. 23.

[4] Кирьянов Ю.И. Рабочие России и война: новые подходы к анализу проблемы //Первая мировая война. Пролог XX века. М., 1998. С. 441–442.

возросла. Несмотря на мобилизацию части рабочих и пополнение рядов петроградского пролетариата за счет кустарей, ремесленников, а также спасавшихся от призыва в армию домовладельцев, лавочников, довоенные пролетарские кадры составляли от 200 до 220 тысяч человек[1]. По мнению некоторых исследователей, соотношение политически активных и политически пассивных рабочих составляло 1 3[2]. Это была значительная сила, но противостоять Петроградскому гарнизону она не могла, поэтому исход борьбы полностью зависел от поведения армии.

Не рабочий класс сделал революцию – выступления пролетариата были лишь детонатором ее начала. Вожди рабочих – социал-демократы не ожидали революции и не нацеливали пролетариат на захват власти, то есть не ориентировали его на решение главного вопроса революции, хотя можно утверждать, что начало выступлений было положено теми действиями рабочих, на которые их упорно подталкивали большевики.

Революцию сделали солдаты. Когда они присоединились к рабочим, у власти не осталось силы, которая могла бы ее защитить. Однако и солдаты не были нацелены на захват власти, ими не руководили никакие политические силы. Поэтому революция была действительно стихийным социальным явлением. Это не значит, что никто не готовил революцию; нет, ее готовили, но осуществили ее не те, кто готовил.

Несмотря на то, что большевики имели значительное влияние на рабочих, тем не менее, когда в середине дня 27 февраля восставшие солдаты пришли к зданию Думы, большинство рабочих вопреки воле большевиков последовали туда за ними. По мнению Зивы Галили, «Последнее обстоятельство легко объяснимо: в число депутатов Думы входили социалисты-меньшевики, эсеры и трудовики (депутаты-большевики были арестованы в начале войны). Это были единственные представители социалистов, имевшие законный политический статус, и единственные депутаты, которых рабочие могли назвать “своими”, поскольку избирали их на рабочих выборных собраниях»[3]. Все это свидетельствует о том, что рабочие пошли за теми, кто реально сделал революцию, – за солдатами, а не за теми, кто считал себя идеологами рабочего класса. Влияние большевиков на рабочих было не столь велико, как об этом писалось в советской историографии; рабочие не были марионетками в их руках, во всяком случае в феврале 1917 года.

---

[1] Исторический опыт трех российских революций. Кн. 2. Свержение самодержавия: Вторая буржуазно-демократическая революция в России / Гл. ред.: Голуб П.А. и др. М., 1986. С. 161.

[2] Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900–1941 гг.: [монография] / С.П. Постников, М.А. Фельдман. М., 2009. С. 303.

[3] Галили Зива. Лидеры меньшевиков в русской революции. Социальные реалии и политическая стратегия: Пер. с англ. М., 1993. С. 23–24.

Солдаты

Армия – важнейший и самый мощный силовой элемент аппарата власти. Армия состоит из нескольких элементов. Главной ее частью является рядовой состав, или, как их именовали в царской армии, – «нижние чины», именно они применяли силу по отношению к внешнему или внутреннему врагу самодержавной власти. Офицеры и генералы – это по большей части управленцы, хотя младший офицерский состав обычно вместе с подчиненными им солдатами принимал непосредственное участие в бою. Армию нельзя принудить силой к выполнению поставленной боевой задачи. В исключительных случаях отдельные подразделения, реже части, могут в случае отказа выполнять приказ приводиться в повиновение другими, верными власти частями, однако это всегда чрезвычайное происшествие. В феврале 1917 года сразу несколько частей Петроградского гарнизона отказались выполнять приказы командования и перешли на сторону революционных масс. С правовой точки зрения это был, несомненно, военный мятеж, однако поскольку власть в результате этого мятежа пала, то его объявили революцией.

Для того чтобы веками создаваемая и совершенствуемая царизмом военная машина вышла из повиновения, нужны были очень веские причины. Главной из них было отсутствие доверия со стороны солдатских масс к царской власти, что лишало самодержавие легитимности.

Действия армии в начале 1917 года определялись господствующими в солдатских массах идеями и настроениями, которые в свою очередь были производными от идей и настроений, преобладавших в крестьянской среде[1] в годы войны, а также тех, которые сформировались в действующей армии в результате идейно-политической работы, проводившейся командованием и военными священниками, идеями и слухами, которые привносились в армию извне, а также в ходе общения с другими социальными слоями[2].

Начало войны ознаменовалось высоким патриотическим подъемом в стране. Как отмечал бывший профессор Императорской военной академии генерал Н.Н. Головин, политическое мировоззрение многомиллионной солдатской массы в первые годы войны полностью определялось формулой «За

---

[1] По своему составу русская армия была в основном крестьянской. За три с половиной года войны из деревни были призваны свыше 12,8 млн. человек.

[2] Среди историков нет единства во взглядах на причины разложения армии к 1917 году. Советские историки вслед за В.И. Лениным возлагали вину на правящие классы, буржуазию, лидеров соглашательских партий, своей антинародной политикой подрывавших обороноспособность страны. В постперестроечный период под влиянием развернувшейся полемики о методах борьбы большевиков за власть широкое распространение в литературе получил тезис эмигрантской историографии об исключительной ответственности большевиков за развал армии, подрыв ее устоев. См.: Жилин А.П. К вопросу о морально-политическом состоянии русской армии в 1917 г. // Первая мировая война: дискуссионные проблемы истории. М., 1994. С. 153–154.

Веру, Царя и Отечество». Для русских народных масс в начале войны она была своего рода политическим обрядом[1].

Характеризуя народные настроения в 1914 году, Н. Головин писал: «Первым стимулом, толкавшим все слои населения России на бранный подвиг, являлось сознание, что Германия сама напала на нас... Угроза Германии разбудила в народе социальный инстинкт самосохранения. Другим стимулом борьбы, оказавшимся понятным нашему простолюдину, явилось то, что эта борьба началась из необходимости защищать право на существование единокровного и единоверного сербского народа»[2]. Однако со временем обе эти идеи потеряли свою силу и привлекательность. «Патриотически настроенные представители образованного сословия рассматривали войну с геополитических позиций (германская агрессия, долг перед союзниками, Константинополь и проливы). Но для большинства солдат эти понятия были пустым звуком: война шла на чужих территориях (Румыния, Галиция, Польша и Литва), а к иностранцам – что немцам, что англичанам – русский мужик привык априори относиться с недоверием. Крест над Святой Софией – это, конечно, хорошо, но лишь на первый год войны, и уж никак не на третий...

Основная солдатская масса устала от войны и не видела в ней смысла – это факт, который нельзя отрицать. И глупо обвинять солдат в отсутствии патриотизма, ибо с их точки зрения их России никто не угрожал – в отличие от 1812 года. А умирать за абстрактные ценности они смысла не видели»[3].

Морально-психологическая подготовка солдат была поставлена неважно. «Особых семинарий для подготовки военных священников в России не существовало. Офицеры, как правило, не отягощенные избыточной религиозностью, относились к “божьему воинству” высокомерно и не без иронии, что, разумеется, замечалось солдатами. В годы войны в армии походных церквей не хватало, службы проводились формально, проповеди были редким явлением, не говоря уже об индивидуальной работе с паствой. В любом случае, объяснения “высших” целей войны солдат ни от офицера, ни от священника не получал. Духовные пастыри иной раз признавали, что вера в технику и прогресс стала заслонять веру в Бога. Бывшим крестьянам поневоле пришлось уверовать во всемогущество убивающего прогресса»[4]. Остатки крестьянского религиозного мировоззрения подрывались в солдатском сознании реалиями войны, новыми идеями и фактами.

Война выкосила кадровый офицерский состав, а через офицеров военного времени из числа интеллигентов в армейскую среду хлынули оппозиционные

---

[1] Жилин А.П. К вопросу о морально-политическом состоянии русской армии в 1917 г. //Первая мировая война: дискуссионные проблемы истории. М., 1994. С. 155.

[2] Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. Париж, 1939. Т. 2. С. 122 –123.

[3] 1917. Разложение армии /Авт.-сост. В.Л. Гончаров. М., 2010. С. 7.

[4] Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 29.

идеи и настроения. От них солдаты узнавали и о «предательстве» в верхах. В начале 1916 года правительством были приняты решения о привлечении на военную службу студентов, а затем и лиц, осужденных за уголовные преступления и даже политически неблагонадежных[1].

Одной из важнейших причин разложения армии стала существовавшая в ней глубочайшая пропасть между солдатским и офицерским составом. Если до войны и в ее начале эта пропасть носила в основном социальный характер (принадлежность к разным сословиям с разным общественным статусом, правами и возможностями), то в 1916 году сюда добавилось кардинальное различие взглядов на цели войны[2].

Позиционная война стала серьезным моральным испытанием для армии. Недели и месяцы солдаты проводили в окопах, ведя изнурительную борьбу с грязью, вшами и холодом. Нередкими были перебои с продовольственным снабжением, иногда приходилось терпеть еще и голод. Противник был недосягаем, но артиллерийские налеты совершались регулярно, и они держали солдата в постоянном напряжении. Смерть подстерегала не только в бою, но и во время будничного сидения в окопах.

Другим тяжелым испытанием для войск была вынужденная экономия боеприпасов. Невозможность отвечать равноценным огнем на огонь противника весьма негативно сказывалась на моральном состоянии армии. Патриотический порыв солдат быстро угасал, и в их сознание закрадывались сомнения в способности вождей армии привести ее к победе и подозрения в предательстве и даже измене тылового начальства[3].

Поражения русской армии, дезорганизация ее материально-технического снабжения, усталость от войны, письма от родных с рассказами о тяжелом положении в тылу – все это усиливало революционное брожение солдатских масс. «В том же направлении действовала и революционная агитация большевиков, сущность которой состояла в том, чтобы вырвать армию из-под идейного влияния господствующих классов, разъяснить солдатам и матросам антинародный характер войны и тем самым подготовить почву для последующего их перехода на сторону восставшего народа»[4].

Всего, по подсчетам советских историков, к концу 1916 года в войсках действовали 150–160 большевистских военных организаций, кружков и групп[5]. Особенно активно действовали большевики в тыловых гарнизонах, госпита-

---

[1] Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 28, 30.
[2] 1917. Разложение армии /Авт.-сост. В.Л. Гончаров. М., 2010. С. 5.
[3] История России XIX – начала XX в. / Под ред. В. А, Федорова. М., 1998. С. 606.
[4] Исторический опыт трех российских революций. Кн. 2. Свержение самодержавия: Вторая буржуазно-демократическая революция в России / Гл. ред.: Голуб П.А. и др. М., 1986. С. 140.
[5] Военные организации российского пролетариата и опыт его вооруженной борьбы. 1903–1917 гг. М., 1974. С. 169.

лях и лазаретах, откуда революционные идеи по разным каналам проникали затем на фронт[1].

Как на фронте, так и в тылу у многих закрадывалось сомнение в конечном успехе в войне. Особенно неблагоприятная обстановка сложилась в запасных частях, готовивших пополнение для боевых соединений. Брожение докатилось до глубокого тыла. В народе постепенно рассеивались иллюзии относительно декларируемых властью целей войны. Официальные сводки штабов и армий свидетельствуют об изменении в отношении солдат к войне, о падении дисциплины в войсках. Главным в настроениях армии на фронте становилось стремление к миру, скорейшему окончанию чуждой народу длительной и кровопролитной войны. Настроения солдат проявлялось в различных формах. Широкий размах приобретали братание, дезертирство. Всюду в воинских частях, в офицерских собраниях в присутствии командиров, в штабах говорилось о негодности правительства, о придворной грязи[2].

«К концу 1916 г., по свидетельству военной цензуры, настроения солдатской массы приобрели ярко выраженный антиправительственный характер. Отмечалось стремление солдат к миру, их утомление от войны и тягот фронтовой жизни, недовольство плохой пищей, грубостью офицеров. Вооруженные силы фактически переставали быть надежной опорой царского режима. Ни одна из прежних революционных ситуаций, которые переживала Россия, не знала еще такого политического кризиса царской армии»[3].

В свете вышеизложенного неудивительно, что в феврале 1917 году ни один из главнокомандующих фронтами не смог выделить сколько-нибудь надежных частей для спасения династии Романовых. Вот что телеграфировал Николаю II главнокомандующий Западным фронтом генерал А.Е. Эверт: «Ваше величество, на армию в настоящем ее составе при подавлении внутренних беспорядков рассчитывать нельзя. Ее можно удержать лишь именем спасения России от несомненного порабощения злейших врагов родины при невозможности вести дальнейшую борьбу. Я принимаю все меры к тому, чтобы сведения о настоящем положении дел в столицах не проникали в армию, дабы оберечь ее от несомненных волнений. Средств прекратить революцию в столицах нет никаких»[4].

Главным пороком армии в 1917 году был недостаток боевого духа. К этому времени в войсках было достаточно оружия, боеприпасов, хватало пищи и

---

[1] Исторический опыт трех российских революций. Кн. 2. Свержение самодержавия: Вторая буржуазно-демократическая революция в России / Гл. ред.: Голуб П.А. и др. М., 1986. С. 141.

[2] Жилин А.П. К вопросу о морально–политическом состоянии русской армии в 1917 г. //Первая мировая война: дискуссионные проблемы истории. М., 1994. С. 156–157.

[3] Исторический опыт трех российских революций. Кн. 2. Свержение самодержавия: Вторая буржуазно-демократическая революция в России / Гл. ред.: Голуб П.А. и др. М., 1986. С. 142.

[4] Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев, документы. 2-е изд. Л., 1927. С. 238–239.

обмундирования, не было только идей, которые вдохновили бы солдат на борьбу и на смерть во имя царя и Отечества.

Решающую роль в февральских событиях 1917 года сыграли солдаты Петроградского гарнизона. В годы войны его состав существенно изменился. Кадровые полки (в том числе гвардейские) были отправлены на фронт, а их места заняли запасные формирования. Численность войск гарнизона в феврале 1917 года составляла 460 тысяч человек, в том числе в столице около 200 тысяч. Однако только 12 тысяч из них считались надежными[1].

Большую часть Петроградского гарнизона составляли солдаты запасных батальонов гвардейских полков (летом развернуты в резервные полки) и других запасных частей, поэтому большинство нижних чинов состояло из новобранцев и отставников. Перед отправкой на фронт им предстояло в течение нескольких недель пройти общую военную подготовку. Численность сформированных с этой целью учебных частей превосходила всякую допустимую норму: в некоторых резервных ротах было более 1000 солдат, а встречались батальоны по 12–15 тысяч человек. В условиях некомплекта офицеров солдаты были предоставлены сами себе и воле младших командиров. Многие из нижних чинов запасных батальонов даже не были приведены к присяге.

Для обучения солдат не хватало офицеров, не говоря уже о духовных пастырях. «Недостаточность наличных духовных сил для воспитания в запасных батальонах особенно ощутилась во второй половине 1916 г.»[2], – свидетельствовал протопресвитер Г. Щавельский, полагавший, что в этих условиях ощутимо проявила себя сектантская и вражеская пропаганда. Действительно, в условиях отсутствия контроля за личным составом частей со стороны командования возможность пропаганды антивоенных и оппозиционных идей существовала полная. Пролетарская прослойка в частях гарнизона была намного выше, чем в армии в целом (от 24 до 65%)[3], поэтому многие солдаты быстро налаживали контакты с рабочими близлежащих предприятий. Вот почему этот молодой контингент так называемых гвардейских солдат не мог быть стоек и, выйдя 24, 25 и 26 февраля на усмирение беспорядков, идейно «зашатался», а затем начался солдатский бунт.

Знаменательным событием стало выступление солдат 181-го запасного полка, размещенного в Петрограде на Выборгской стороне, возле завода «Новый Лесснер». «17 октября 1916 г. солдаты присоединились к бастующим рабочим и приняли участие в столкновении с полицией. 26 октября к митинго-

---

[1] Падение царского режима: стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства / Ред. П.Е. Щеголева. Л., 1925. Т. 4. С. 46, 93.

[2] Цит. по: Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 31.

[3] Петроградский гарнизон //Санкт-Петербург. Петроград. Ленинград: Энциклопедический справочник. Ред. коллегия: Белова Л.Н., Булдаков Г.Н., Дегтярев А.Я. и др. М., 1992.

вавшим рабочим-путиловцам примкнула также часть солдат-ополченцев, вызванных для разгона митинга. Это свидетельствовало о складывавшемся союзе рабочих и солдат»[1]. Понимая грозящую опасность, министр внутренних дел А.Д. Протопопов обратился к Главному начальнику Петроградского военного округа генералу С.С. Хабалову с просьбой о выводе 181-го пехотного запасного полка из города, ссылаясь на нежелательное сближение солдат с рабочими. На это Хабалов ответил, что «при настоящем переполнении войсковыми частями как Петрограда и его окрестностей, так и других пунктов округа и при полнейшем отсутствии соответствующих помещений, пригодных для размещения 181-го пехотного запасного полка, численность которого превышает 12 000 нижних чинов, перевод этого полка ныне же в другое место является совершенно невыполнимым»[2]. Полк, начавший разлагаться под влиянием оппозиционных идей, остался на месте, и учебная команда запасного батальона Волынского полка в числе 600 человек во главе со старшим фельдфебелем Т.И. Кирпичниковым первой перешла на сторону рабочих 27 февраля 1917 года.

Крестьянство

Крестьянство – самая многочисленная социальная группа в Российской империи, сыграло особую роль в Февральской революции.

Будучи самым религиозным классом, крестьянство, наряду с дворянством, считалось главной опорой трона, однако в ходе первой русской революции вера в самодержавие была основательно подорвана; одновременно продолжался упадок православия в крестьянской среде.

За умы и сознание крестьян боролись несколько организаций, представляющих различные идейные силы. Организационно наиболее мощной была Церковь, однако ее влияние медленно, но неуклонно снижалось вследствие отсутствия идей, объясняющих быстро меняющуюся действительность. Либеральные идеи активно продвигало земство, и его влияние было довольно весомо на селе. Вместе с тем земский аппарат – врачи, учителя, агрономы и пр. – часто являлись распространителями неонароднических и социалистических идей. В условиях кризиса религиозного мировоззрения прежние идеи уже не казались столь убедительными, а новые, еще не проверенные на действенность и результативность, привлекали и манили в «светлое будущее» без Бога.

Крестьянство неоднократно бунтовало, но всякий раз крестьянский бунт был направлен либо против «царских бояр», либо против «подмененного»,

---

[1] Исторический опыт трех российских революций. Кн. 2. Свержение самодержавия: Вторая буржуазно-демократическая революция в России / Гл. ред.: Голуб П.А. и др. М., 1986. С. 142.

[2] Письмо главного начальника Петроградского военного округа С. С. Хабалова министру внутренних дел А.Д. Протопопову 1 ноября 1916 г. /1917. Разложение армии /Авт.-сост. В.Л. Гончаров. М., 2010.

«ненастоящего» царя. Никогда мятеж не был направлен против самодержавия как такового, и только в начале XX века крестьяне впервые начали выступать против царской власти. Таких крестьян было меньшинство, но оно постоянно росло. Одновременно на селе уменьшалось число тех, кто активно поддерживал царскую власть и готов был сражаться за нее как с внешним, так, и это особенно важно, с «внутренним врагом». Решающая роль крестьянства в революции заключалась в том, что солдаты столичного гарнизона – эти вчерашние молодые крестьяне, одетые в солдатские шинели, поддержали рабочих Петрограда и перешли на сторону восставших.

Накануне Февральской революции в сельской местности настроения основной массы населения были тревожными. Если в начале войны губернаторы в своих отчетах характеризовали отношение крестьян к войне как «высокопатриотическое», то уже с весны 1915 года в них зазвучало беспокойство по поводу усталости сельского населения, распространения среди него разного рода антиправительственных настроений[1].

Осенью 1916 года царская охранка с тревогой сообщала: «...в деревнях наблюдается революционное брожение вроде того, которое имело место в 1906–1907 гг., повсюду обсуждаются политические вопросы, делаются постановления, направленные против помещиков и купцов, устраиваются ячейки разных организаций... Таким образом, крестьянство, несомненно, окажется весьма действенным участником нового и неизбежного движения»[2].

Война поставила в совершенно новое положение подрастающее поколение. В деревне наметился раскол на воевавших и невоевавших мужчин, – этот фактор весьма проявил себя со временем. Начальник Саратовского жандармского управления так характеризовал его применительно к крестьянству: «...Старики, люди спокойные, в большинстве религиозные, по своим убеждениям – монархисты; вторые, люди среднего возраста, участники аграрного движения в 1905–1906 гг. 3-я часть – молодежь, в большинстве просто развращенные, хулиганствующие люди, не признающие никаких авторитетов»[3]. Тем, кому в 1905 году было от 15 до 25 лет, в 1917 году исполнилось соответственно от 27 до 37 лет. К этому времени многие уже успели отслужить в армии, стали главами дворов, то есть вошли в ядро общинного схода. Основными уроками, которые они вынесли из опыта революции 1905–1907 гг., была враждебность царизма к их основным требованиям, жестокость армии и “вла-

---

[1] Исторический опыт трех российских революций. Кн. 2. Свержение самодержавия: Вторая буржуазно-демократическая революция в России / Гл. ред.: Голуб П.А. и др. М., 1986. С. 139.

[2] Красный архив. 1926. Т. 4 (17). С. 20.

[3] Цит. по: Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 35–36.

стей", а также их собственная отчужденность от "своих" помещиков и городских "средних классов"»[1].

Как считает В. Булдаков, «с 1907 г. отдельные крестьяне (чаще спьяну) именовали царя "кровопийцей", "душегубом", "извергом", "живодером", причем это делалось вовсе не под влиянием внешней агитации... царя попросту перестали бояться и уважать, он перестал воплощать идею властвования»[2].

Таким образом, молодое и среднее поколение крестьян было настроено если не революционно, то, по крайней мере, не являлось активным сторонником и защитником существующей власти. Только немногочисленная, хотя и достаточно авторитетная прослойка пожилых крестьян была настроена промонархически.

Материальные условия, в которых жила деревня в годы войны, были лучше, чем те, в которых жил город. Значимых объективных причин, за исключением военных поражений, для бунта и революционных выступлений не было.

Российские крестьяне получили от революции 1905–1907 гг. более ощутимые результаты, чем все остальные социальные слои и группы, принимавшие в ней участие. Хотя крестьяне и не получили всей земли, за которую боролись, и всех требуемых ими свобод, однако арендная плата была снижена и заработки сельскохозяйственных рабочих, большинства крестьян возросли[3].

Как считает Р. Пайпс, «в военных условиях инфляция не только не вредила, но, скорее, даже шла на пользу сельскому населению России, ибо в руках крестьянина был самый ценный товар – продовольствие. Описания сельской жизни в 1915–1916 годах дружно свидетельствуют о необыкновенном благоденствии деревни... Мужики просто купались в деньгах, текших к ним из самых разных источников: от повышения цен на продукты сельского хозяйства, от правительственных компенсаций за реквизированный скот и лошадей, от пенсий, установленных солдатским семьям. Закрытие питейных заведений тоже способствовало сбережению денег. Крестьяне копили эти "бешеные деньги", как их стали называть, либо помещая в государственные сберегательные кассы, либо просто в кубышке... департамент полиции – свидетельство которого, по видимости, наиболее авторитетно, – все более обеспокоенный положением в городах, наоборот, о деревне осенью 1916 года сообщал, что там наблюдается "довольство населения" и "спокойное или, скорее, безразличное отношение почти ко всему тому, что так тревожит городское население". И отдельные случаи насилия, время от времени наблюдавшиеся в де-

---

[1] Шанин Т. Революция как момент истины. Россия 1905–1907 гг. –> 1917– 1922 гг.: Пер. с англ. М., 1997. С. 301–302.

[2] Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 49.

[3] Шанин Т. Революция как момент истины. Россия 1905–1907 гг. –> 1917– 1922 гг.: Пер. с англ. М., 1997. С. 311.

ревне, были направлены не против правительства и помещиков, а против владельцев “отрубов” и «хуторов», то есть против своих же собратьев-крестьян, которые, воспользовавшись законодательством Столыпина, вышли из общины»[1].

Официальная советская историография очень осторожно характеризует крестьянское движение в период войны, оно, «как всегда, развивалось крайне неравномерно, имело свои подъемы и спады. Это было связано, в частности, с сезонностью сельскохозяйственных работ, проведением мобилизаций и т. д. Наиболее крупные вспышки крестьянских выступлений были отмечены в июле – августе 1914 г., апреле – июне 1915 г. и в марте – июле 1916 г. В целом же к 1917 г. крестьянское движение явно шло на подъем. Так, если в 1915 г. было зарегистрировано 177 выступлений крестьян против помещиков, царских властей и кулаков, то в 1916 г. их число возросло уже до 294»[2]. Одним словом, явных признаков революционизирования деревни в феврале 1917 года не наблюдалось, вместе с тем крестьянство уже не было и надежной опорой трона, и в армию приходили новобранцы, еще готовые сражаться за царя и Отечество с внешним врагом, но уже не способные убивать своих сограждан за самодержавие. Этот важный мировоззренческий перелом явился результатом как многолетней работы по образованию и просвещению народа, деятельности интеллигенции по привнесению рационалистических идей в сознание крестьянства, так и опыта первой русской революции. Свою роль сыграли и поражения в мировой войне, которые показали недееспособность самодержавной власти в обеспечении безопасности страны.

Интеллигенция

Интеллигенция в начале XX века была главным социальным слоем, производящим и распространяющим социально-политические идеи, в том числе и оппозиционные. Все партии, за исключением правоэкстремистских, были по преимуществу «городскими», то есть интеллигентскими, включая и «крестьянскую» партию эсеров[3]. Интеллигенция формировала руководство всех оппозиционных и некоторых проправительственных партий.

Как социальный слой она не имела единого мировоззрения, и каждая его часть руководствовалась одной из множества имевших хождение идей – либеральной, социалистической, анархической, монархической и др. Как пишет В. Булдаков, «Партии в России в концентрированном виде выражали набор интеллигентских утопий, доктринального прекраснодушия или сектантской

---

[1] Пайпс Р. Русская революция. В 3-х кн. Кн. 1. Агония старого режима. 1905 – 1917. М., 2005. Электронное издание.

[2] Исторический опыт трех российских революций. Кн. 2. Свержение самодержавия: Вторая буржуазно-демократическая революция в России / Гл. ред.: Голуб П.А. и др. М., 1986. С. 138.

[3] Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 42.

оголтелости, а не являлись прагматичным оформлением интересов тех или иных социумов»[1].

Большая часть интеллигенции хотя и рассматривала начавшуюся войну как огромное бедствие, на первых порах поддерживала ее. По мере затягивания войны ее ужасы и бедствия усиливали антивоенные настроения в этом социальном слое[2]. Поражения армии еще более обострили ставшее уже традиционным отрицательное отношение к самодержавию.

Подавляющее большинство интеллигенции в начале 1917 года было идейным противником самодержавия. В одном из донесений охранного отделения говорилось: «В семьях лиц, мало-мальски затронутых политикой, открыто и свободно раздаются речи опасного характера, затрагивающие даже священную особу государя императора...» Даже дети интеллигентов, ученики старших классов, были «в оппозиции к правительственной власти, критиковали при случае ее действия, презрительно относились к царской чете, издевались над невероятными эпизодами “распутинства”»[3]. Как пишет О. Знаменский, «Вся буржуазная и мелкобуржуазная русская интеллигенция, за исключением совсем небольшой части ее, сознательно связавшей себя с придворными кругами, была заинтересована в ликвидации самодержавного строя, в замене его, по крайней мере, конституционной монархией»[4].

Несмотря на оппозиционные настроения, готовности к действиям у большей части интеллигенции не наблюдалось. Какая-то ее часть, несомненно, ожидала революционного переворота, другие же не чувствовали приближения революции[5]. В представлении петроградских интеллигентов, «стороной», готовой к революционным выступлениям, были студенты и особенно рабочие.

В условиях войны интеллигенты боялись смуты вооруженного народа и потому отдавали предпочтение верхушечному дворцовому перевороту. Либеральное интеллигентское большинство ориентировалось на Думу. Например, на состоявшемся 21 или 22 февраля 1917 года совещании либерально настроенных интеллигентов «согласно порешили», что вооруженное восстание при современных видах оружия, путях сообщения и средствах связи обречено на поражение и поэтому «единственным выходом является дворцовый переворот, сопровождаемый, пожалуй, даже цареубийством»[6].

---

[1] Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 40.

[2] Исторический опыт трех российских революций. Кн. 2. Свержение самодержавия: Вторая буржуазно-демократическая революция в России / Гл. ред.: Голуб П.А. и др. М., 1986. С. 83.

[3] Цит. по: Знаменский О.Н. Интеллигенция накануне Великого Октября (февраль–октябрь 1917). Л., 1988. С. 38.

[4] Знаменский О.Н. Интеллигенция накануне Великого Октября (февраль–октябрь 1917). Л., 1988. С. 47.

[5] Цит. по: Знаменский О.Н. Интеллигенция накануне Великого Октября (февраль–октябрь 1917). Л., 1988. С. 39.

[6] Русская свобода. 1917. № 3. С. 21, 22.

Наиболее решительно было настроено студенчество, особенно петроградское. Свою роль играли и юношеский максимализм, и отсутствие жизненного опыта, и стремление одним ударом решить все существующие проблемы. В Петрограде резкая вспышка студенческих волнений произошла в середине февраля 1917 года, а 23 февраля группы наиболее инициативных студентов примкнули к рабочим.

26 февраля в настроении интеллигентской массы вполне определенно наступил перелом. В этот день царские войска открыли огонь по демонстрантам. Зверская расправа с ними ужасала и возмущала. Многие не вышли на работу и влились в ряды демонстрантов и митингующих. Наиболее смелые и энергичные сами выступали на импровизированных митингах, вразнобой высказывались за продолжение или прекращение демонстраций, за свержение царизма и за «министерство доверия»[1]. С этого времени интеллигенция в большинстве своем активно выступает на стороне революции против самодержавия.

Проправительственные силы

Социальная база самодержавия в годы войны стремительно сокращалась. Правый лагерь представлял как бы пирамиду, состоявшую из двух уровней – высшего и низшего. К первому относились царь, его ближайшее окружение и официальное правительство, ко второму – по крайней мере до начала мировой войны – многочисленные, имевшие различные названия правые партии и организации, а также, с определенными оговорками, Всероссийский национальный союз и Объединенное дворянство. Накануне и особенно в годы войны позиции «националистов», Объединенного дворянства и некоторых других консервативных монархических партий по многим вопросам стали меняться[2].

Важнейшую часть социальной базы самодержавия составляли вооруженные силы, однако, по мнению бывшего главкома Юго-Западного фронта А.А. Брусилова, «к февралю 1917 года вся армия – на одном фронте больше, на другом меньше – была подготовлена к революции»[3].

Позиции Николая II пошатнулись и внутри господствующих классов. Не только буржуазия, но и дворянские верхи выражали недовольство деятельностью Николая II и его ближайшего окружения. В годы войны от поддержки самодержавия отказались октябристы, еще недавно служившие основой

---

[1] Знаменский О.Н. Интеллигенция накануне Великого Октября (февраль–октябрь 1917). Л., 1988. С. 66.

[2] Кирьянов Ю.И. Правые партии в России. 1911–1917 гг. М., 2001. С. 3.

[3] Цит. по: Исторический опыт трех российских революций. Кн. 2. Свержение самодержавия: Вторая буржуазно-демократическая революция в России / Гл. ред.: Голуб П.А. и др. М., 1986. С. 156.

«третьеиюньской системы». Даже крайне правые деятели Государственной думы заговорили о «параличе власти»[1].

В.И. Ленин писал, что военные поражения «расшатали весь старый правительственный механизм и весь старый порядок, озлобили против него все классы населения»[2]. Это не означает, что от царя отвернулись абсолютно все. У самодержавия оставалась опора в среде дворянства, крестьянства и даже среди отдельных рабочих, но массовой социальной поддержки, как в годы первой русской революции, у самодержавия в 1917 году уже не было. В идее самодержавия по различным причинам разочаровалось подавляющее большинство российских подданных, причем сильнее всего отчуждение народа от власти чувствовалось в столице. «Дело было, конечно, не в хлебе...– писал В.В. Шульгин, потрясенный легкостью, с какой пала трехсотлетняя монархия.– Это была последняя капля... Дело было в том, что во всем этом огромном городе нельзя было найти несколько сотен людей, которые сочувствовали власти»[3].

Дворянство, некогда главная опора трона и первое сословие страны, хотя и продолжало в большинстве своем оставаться верным идее самодержавия, но уже не готово было идти за нее в бой, а тем более жертвовать жизнью за царя. Уже в середине 1915 года обозначился раскол в среде дворянства. Некоторые уполномоченные съездов Объединенного дворянства (граф Д.А. Олсуфьев, В.И. Гурко, П.Н. Крупенский, В.Н. Львов) открыто встали на сторону оппозиции, войдя в Прогрессивный блок, высказавшийся за создание правительства «общественного доверия»[4]. В 1917 году большинство представителей этого класса, как и в 1916-м, советовали царю пойти на уступки буржуазным партиям. Но оставались и такие, которые продолжали твердить о неограниченной власти царя[5].

Правые партии и организации являлись естественной опорой царизма. Правомонархические партии (Союз русского народа, Русская монархическая партия и некоторых другие), возникшие как реакция на революционное и либеральное движение 1905 года и безмолвно сошедшие с политической сцены в февральско-мартовские дни 1917-го, занимали правый фланг российской партийной системы. Накануне войны эти партии не получили большого развития, но все же играли заметную роль в деятельности Государственной думы и в политической жизни страны в целом. По подсчетам, на начало 1917 года формально в правых партиях и их местных организациях оставалось пример-

---

[1] См.: Государственная дума. Стенографические отчеты. Четвертый созыв. Сессия пятая. С. 261.
[2] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 15.
[3] Цит. по: Аврех А.Я. Царизм накануне свержения. М., 1989. С. 248.
[4] Кирьянов Ю.И. Правые партии в России. 1911–1917 гг. М., 2001. С. 410.
[5] Спирин Л.М. Россия 1917 год. Из истории борьбы политических партий. М., 1987. С. 37.

но 30 – 35 тысяч членов (заметим, что накануне Февральской революции 1917 года в большевистской партии насчитывалось от 12 до 15 тысяч членов)[1].

Главной бедой правых было не отсутствие людей, а недостаток идей. Правые и раньше были бедны на новые идеи, а накануне войны от активной деятельности отошли такие яркие личности, как бывший председатель III Государственной думы профессор истории А.С. Вязигин, депутат III Думы И.П. Сазонович, член Главного совета Союза русского народа академик А.И. Соболевский, юрист и поэт Б.В. Никольский, редактор «Московских ведомостей» Л.А. Тихомиров, архимандрит И.И. Восторгов и др. Новых ярких фигур правомонархисты за предвоенные и военные годы не выдвинули. Это свидетельствовало об идейной стагнации, переживавшейся этими партиями.

Как законопослушные подданные, в годы войны они не могли быть партиями «уличного действия» наподобие радикальных партий, однако вели достаточно активную политическую деятельность, прежде всего через печать, а также путем организации съездов и собраний, пытались как-то реагировать на действия властей, а также либеральных и радикальных партий. Правомонархисты в столицах и на местах время от времени направляли петиции в адрес царя, премьера и министров по поводу различного рода нарушений и уклонений от консервативного курса, вели широкую патриотическую и культурно-просветительную работу, влияли на законотворческую деятельность Думы и Государственного совета. Действовали они весьма обособленно, не признавая возможным вступать в соглашения даже с монархическими партиями умеренного толка – вследствие очевидного или скрытого их конституционализма[2].

У них оставалась, хоть постоянно и уменьшавшаяся, социальная база. Многие крестьяне по-прежнему видели в правых организациях своих возможных защитников при решении жизненно важных задач и обращались к ним за советом и содействием. Но со временем становилось все очевиднее, что вмешательство правых организаций в конфликтные ситуации оказывалось малопродуктивным, и интерес к ним, даже у крестьян, стал явно угасать[3].

В ходе войны многие сторонники правых добровольно или по призыву ушли в армию, часть разочаровалась в действенности идеи самодержавия и его способности выиграть войну. В итоге социальная база правых партий заметно сузилась, прежде всего за счет рабочих, интеллигенции, предприни-

---

[1] Кирьянов Ю.И. Правые партии в России. 1911–1917 гг. М., 2001. С. 417.

[2] Кирьянов Ю.И. Правые партии в России. 1911–1917 гг. М., 2001. С. 425–426.

[3] Либеральное земство благодаря своей действенной работе на селе было более авторитетно, нежели монархические организации. Как писал А.И. Дубровину председатель Пензенского отдела Союза русского народа В.П. Архангельский в конце 1915 года, «земство глубоко пустило корни в крестьянскую жизнь. В каждом большом селе имеется земская потребительская лавка, кредитные и другие кооперативные общества, словом, земство не спит, и нужно согласиться, что земство – хозяин положения в селе». См: Минувшее. М., СПб., 1993. Т. 14. С. 178.

мателей[1], что привело к постоянной нехватке у правых и интеллектуальных сил и материальных средств. Позднее Н.Е. Марков вынужден был признать, что «Фактически идея конституции в образе Гос. думы победила идею самодержавия в лице Союза русского народа»[2].

Но даже в условиях экономического и политического кризиса конца 1916 – начала 1917 гг. правые партии и организации еще могли многое сделать для спасения монархии и династии, однако для этого нужна была санкция царя. Единственный самостоятельный реальный шаг в эти трагические для самодержавия февральские дни предприняли члены Государственного совета А.А. Ширинский-Шихматов, А.Ф. Трепов и Н.А. Маклаков. Явившись 25 февраля на заседание Совета министров, они рекомендовали от имени правой группы Госсовета ввести осадное положение[3].

2 марта Николай II отрекся от престола в пользу брата Михаила, но последний на следующий день уклонился от принятия престола (до решения Учредительного собрания). Никаких массовых выступлений наподобие тех, что имели место в 1905–1906 гг. после публикации Манифеста 17 октября, не последовало. Предполагавшихся ранее некоторыми правомонархическими лидерами выступлений крестьян провинции в критический момент, когда «грянет гром», в защиту монархии и царя также не произошло[4]. Правые организации не оказали никакого сопротивления и после издания распоряжения новых властей об их запрещении. Это было характерно и для руководства партий (союзов), и для местных организаций. В итоге в февральско-мартовские дни 1917 года не произошло ни одного массового выступления правых в защиту самодержавия. Правые партии превратились в аморфные объединения, которые без боя сдали позиции, отстаивавшиеся ими в течение предыдущих 10–12 лет.

Почему эта значительная даже в 1917 году сила ничем себя не проявила в самый ответственный момент? Думается, что одной из главных причин был факт отречения монарха. Второй причиной стало признание духовенством Временного правительства, в результате которого православие в лице высших иерархов Церкви признало и отречение царя, и крушение монархии, и новую либеральную власть. Таким образом, все идейные опоры, на которых держалось монархическое движение, в одночасье рухнули. У членов правомонархического движения не осталось ни одной ценности, которую они были бы готовы защищать и ради которой пошли бы в бой. Их бездействие легко объясняется отсутствием идей, которые бы подвигли их к действию. Идейно тесно

---

[1] Кирьянов Ю.И. Правые партии в России. 1911–1917 гг. М., 2001. С. 427.
[2] Марков Н.Е. Войны темных сил. М., 1993. С. 119–120.
[3] Кирьянов Ю.И. Правые партии в России. 1911–1917 гг. М., 2001. С. 415–416.
[4] Минувшее. М.-СПб., 1993. Т. 14. С. 156.

связанные с Церковью и монархией, «эти партии разделили в 1917 г. судьбу российского самодержавия»[1] и Русской православной церкви.

Огромный урон авторитету самодержавия нанес Г. Распутин, с его именем и действиями в обществе связывали назначение многих непопулярных политиков, военачальников и администраторов; он подозревался в связях с немцами. Степень влияния «старца» на политическую жизнь в верхах трудно определить[2], однако его скандальное поведение и темные связи со всевозможными аферистами уже сами по себе дискредитировали тех, с кем он имел поповседневное общение. Распутин становится олицетворением «темных сил», окружавших трон и парализовавших нормальную работу правительства. Не случайно его убийцами стали близкие и преданные царю люди: князь Ф. Юсупов, глава Союза Михаила Архангела В. Пуришкевич и великий князь Дмитрий Павлович. Они хотели спасти авторитет монархии, но было поздно. «И после убийства Распутина, которому нередко приписывалась чуть ли не главная роль в разложении самодержавной власти, все оставалось по-старому. Кризис самодержавного режима имел глубокие корни и стал исторически неотвратим. Суть была не в отдельных ошибках и личных слабостях тех, кто управлял страной, а в социальном параличе господствующего класса, утратившего всякую историческую дееспособность»[3]. Социальный паралич власти объяснялся разочарованием в прежних ценностях и отсутствием новых руководящих идей, способных спасти самодержавие.

Обострившаяся борьба в верхах, столкновения распутинских ставленников с другими членами правительства, неспособность тех или иных представителей высшей администрации справляться с порожденными войной сложнейшими проблемами государственной жизни вызвали «министерскую чехарду». За два с половиной года войны в кресле премьера побывало четыре человека, на посту министра внутренних дел – шесть, министров земледелия, юстиции и военного – четыре. Постоянные перетасовки в правящих кругах нарушали работу бюрократического аппарата. Дезорганизация управленческого механизма не ограничивалась министерским уровнем. Вошли в обыкновение и частые смены губернаторов. В 1914 году было назначено 12 новых губернаторов, в 1915-м эта цифра возросла до 33. Только за девять месяцев

---

[1] Кирьянов Ю.И. Правые партии в России. 1911–1917 гг. М., 2001. С. 422–423.

[2] Представляется верной оценка Распутина, данная ему М. Родзянко: «Я далек от мысли утверждать, что Распутин являлся вдохновителем и руководителем гибельной работы своего кружка. Умный и пронырливый по природе, он же был только безграмотный, необразованный мужик с узким горизонтом жизненным и, конечно, без всякого горизонта политического,– большая мировая политика была просто недоступна его узкому пониманию. Руководить поэтому мыслями императорской четы в политическом отношении Распутин не был бы в состоянии». Родзянко М.В. Крушение империи. Изд. 3-е. Л., 1929. С. 200.

[3] Исторический опыт трех российских революций. Кн. 2. Свержение самодержавия: Вторая буржуазно-демократическая революция в России / Гл. ред.: Голуб П.А. и др. М., 1986. С. 155.

1916 года было сделано 43 губернаторских назначения, а это означало, что менее чем за год сменилось руководство большинства российских губерний[1].

Царь и царица продвигали на министерские посты преданных им людей, они считали, что укрепляют этим власть, однако власть заключалась не в людях, а в доверии подданных, готовых подчиняться царю и его министрам. Преданность министров и губернаторов гарантировала царя от предательства, но не гарантировала исполнения его решений. Это зависело не от них, а от тех, кто должен был их исполнять – народа, армии, государственного аппарата.

Главной бедой была не частая смена министров, а то, что они пользовались все меньшим авторитетом и уважением. Среди них не было ни одной самостоятельной фигуры, такой как П. Столыпин, который мог бы укрепить своим политическим весом шатающийся трон; напротив, все новые и новые политические фигуры гирями висели на самодержавии, снижая своими действиями и бездействием и без того падающий авторитет власти.

С другой стороны, на правительстве, имевшем власть только с санкции царя, не могло не отразиться снижение легитимности самодержавия в сознании народа. Падение авторитета царя – одновременно и снижение властных возможностей его правительства. Это хорошо понимали многие министры, именно поэтому они пытались найти новый источник своей власти в санкции народа, через назначение Думой «ответственного правительства». Конечно, это была смена идейных основ исполнительной власти, однако не только в правительстве, но и в царской семье все чаще раздавались голоса в пользу такого решения. «К концу 1916 года оппозиционные настроения охватили и высшие военные круги, и высшую бюрократию, и даже великих князей, которые решили, как говорилось, “спасти монархию от монарха”. Россия еще не знала такого единения, а двор – такой изоляции»[2].

Нельзя сказать, что правительство ничего не делало для предотвращения возможных выступлений оппозиции. В начале 1917 года министр внутренних дел А.Д. Протопопов дал указание установить негласный надзор за всеми оппозиционными политическими деятелями, за их выступлениями, поездками. Усилились гонения на общественные организации – центральные и местные земские и городские союзы, военно-промышленные комитеты. Чинились всяческие препятствия созыву профессиональных съездов, проведению выборов в городские думы. В ночь на 27 января полиция арестовала большинство «рабочей группы» Центрального Военно-промышленного комитета (ЦВПК), руководимой меньшевиком К.А. Гвоздевым, обвинив ее в подстрека-

---

[1] Пайпс Р. Русская революция. В 3-х кн. Кн. 1. Агония старого режима. 1905 – 1917. М., 2005. Электронное издание.

[2] Пайпс Р. Русская революция. В 3-х кн. Кн. 1. Агония старого режима. 1905 – 1917. М., 2005. Электронное издание.

тельстве к забастовкам и в пропаганде идеи установления в России социал-демократической республики.

Одновременно кое-что делалось для улучшения продовольственного снабжения столиц, работы транспорта. Сильно сократилось пассажирское движение, а между Москвой и Петроградом оно почти прекратилось на две недели – для большего прохождения товарных поездов[1].

Накануне революции правительством принимается план «охраны» Москвы, пересматривается «охрана» Петрограда, по приказу царя в Царское Село прибыл гвардейский морской экипаж. Во избежание беспорядков в Петрограде в связи с открытием Думы министр внутренних дел А. Протопопов вывел Петроградский военный округ из подчинения Северного фронта, главнокомандующий которого генерал Н. Рузский подозревался в симпатиях к оппозиции. Новым командующим военного округа был назначен атаман уральских казаков генерал С. Хабалов. Полиция города получила большое количество пулеметов.

Что касается царя, то он большие надежды возлагал на планируемое наступление русских армий весной 1917 года. В случае успеха можно было бы прижать оппозицию и легче подавить выступления рабочих.

Между тем управление страной пробуксовывало. Совет министров практически бездействовал, так как его члены под тем или иным предлогом перестали приходить на заседания, и даже Протопопов на них не появлялся. Оппозиция открыто смеялась над запретом правительства на проведение митингов и собраний. Военная цензура в январе 1917 года тоже не действовала, потому что издатели газет и журналов не утруждали себя отсылкой предварительной копии в Цензорский комитет[2].

Власть не бездействовала, но ее меры были вялыми, решения половинчатыми и запоздалыми. Многие высшие чины пребывали в апатии и предчувствии неизбежной катастрофы. А. Аврех пишет, что царское «окружение выродилось в эгоистичную и трусливую камарилью, не способную ни к какому решительному действию даже в интересах собственного спасения. Двор, сановники, министры и пр., как показал ход событий в февральско-мартовские дни 1917 г., стали спасать себя за редким исключением так, как спасаются крысы на тонущем корабле»[3]. Падение авторитета православия и крах державшегося на нем самодержавия лишили их идейной опоры. Эти люди, в большинстве своем лично смелые, не раз находившие решение самых трудных политических задач, лишенные руководящей идеи и вековых ценностей в условиях дискредитации самодержавия, превратились в трусливых челове-

---

[1] Спирин Л.М. Россия 1917 год. Из истории борьбы политических партий. М., 1987. С. 41–42.

[2] Пайпс Р. Русская революция. В 3-х кн. Кн. 1. Агония старого режима. 1905 – 1917. М., 2005. Электронное издание.

[3] Аврех А.Я. Царизм накануне свержения. М., 1989. С. 248.

ческих особей, спасающих свою шкуру. Им нечего было защищать, кроме самих себя и своих близких, у них ничего не осталось, за что они могли бы пойти в бой и умереть. Такая власть не могла не пасть.

§2. Идейно-политические силы

Либералы

Наиболее мощной оппозиционной силой, уже участвующей в законодательной власти, но претендующей на всю ее полноту, в 1917 году были либералы. Их идеи были популярны не только в среде оппозиции, но и во власти. В годы мировой войны либералы еще более упрочили свои властные позиции и стали реально претендовать на создание правительства.

Либералы поддержали войну, при этом лидер кадетов П.Н. Милюков призвал все партии отложить до конца войны внутренние споры и обещал правительству полную поддержку. «В этой борьбе мы все заодно,– говорил он,– мы не ставим условий и требований, мы просто кладем на весы нашу твердую волю одолеть насильника»[1]. Царизм расценил поведение кадетов по-своему. Об этом откровенно заявил на заседании Совета министров министр внутренних дел Н.А. Маклаков: «Теперь ни Дума, ни партии не страшны, страна возвращается к самодержавию»[2].

Однако поддержка войны не означала прекращения борьбы либеральной оппозиции за власть. В условиях войны возможности либералов упрочить свои властные позиции еще более увеличились. Так, уже в конце июля – начале августа 1914 года были созданы всероссийские земский и городской союзы, официальной задачей которых была помощь раненым и беженцам, но либеральные лидеры стремились использовать эти организации для укрепления своих позиций перед лицом царизма.

Либеральная оппозиция в начальный период войны (до весны 1915) в целом придерживалась линии на поддержание «внутреннего мира», рассчитывая при этом на уступки обществу со стороны самодержавия. Правительство, однако, не собиралось менять политические ориентиры, и предпосылки для очередной конфронтации власти и «общества», таким образом, сохранялись.

Военные поражения 1915 года дискредитировали власть. Недовольство правительством, не сумевшим организовать отпор неприятелю, активно выражали дворянство, буржуазия, интеллигенция. Противостояние власти и «общества» вылилось в политический кризис. Большинство думских фракций (кадеты, прогрессисты, октябристы, центр и часть националистов) объединились в Прогрессивный блок. Основным пунктом его программы было требование отставки дискредитировавшего себя кабинета И.Л. Горемыкина и

---

[1] Государственная дума. Стенографические отчеты. Четвертый созыв. Заседание 26 июля 1914 г. Спб., 1914. С. 25.

[2] Исторический опыт трех российских революций. Кн. 2. Свержение самодержавия: Вторая буржуазно-демократическая революция в России / Гл. ред.: Голуб П.А. и др. М., 1986. С. 83.

замены его правительством, пользующимся доверием Думы. Блок высказывался также за освобождение некоторых категорий политических заключенных, реорганизацию системы местного самоуправления и пр. Несостоятельность существующего правительства казалась столь очевидной, что в состав блока вошли силы (например, часть националистов), никогда никакого отношения к оппозиции не имевшие. Это свидетельствовало о растущей изоляции власти, от которой отходили даже весьма близкие ей круги.

Конфликт правительства с Думой летом 1915 года сочетался с разбродом внутри самого правительства. Практически все члены кабинета выступили за соглашение с Прогрессивным блоком, опасаясь полной гибели армии и возможной при этом революции. Противником уступок оппозиции являлся сам премьер И.Л. Горемыкин, которого активно поддерживала императрица Александра Федоровна.

Обозначившаяся в конце августа 1915 года стабилизация ситуации на фронте позволила царю занять жесткую позицию и по отношению к Прогрессивному блоку. 3 сентября сессия Государственной думы была закрыта. Очередной конфликт власти и общества тогда завершился победой власти.

Думские либералы были не прочь воспользоваться военной обстановкой для достижения собственных политических целей, и в 1915 и 1916 годах оппозиция уже не выражала готовности пойти навстречу правительству, понимая, что нарастающий кризис власти предоставляет уникальную возможность для укрепления парламентского строя за счет монархии и бюрократии, – и такая возможность едва ли представится вновь, когда война будет окончена[1].

Основной целью либералов в годы войны было усиление своих позиций во власти. Ориентируясь на Европу, еще в 1905 году они поставили целью формирование правительства, назначаемого Думой и ответственного перед ней, однако, исходя из существовавших реалий, летом 1915 года с формированием Прогрессивного блока решили ограничить свои требования созданием правительства из лиц, которым «доверяет страна». «Правительство доверия» должно было назначаться царем и быть ответственным только перед ним. Однако Николай II отверг и эти умеренные требования прогрессистов.

Тактика лидеров либералов-кадетов накануне Февральской революции заключалась в постоянной готовности к компромиссу, стремлении добиться уступок со стороны самодержавия лишь путем мирного давления общественных сил. До последних минут существования царизма их не покидала надежда на соглашение с монархической властью об участии оппозиции в делах государственного управления[2].

---

[1] Пайпс Р. Русская революция. В 3-х кн. Кн. 1. Агония старого режима. 1905 – 1917. М., 2005. Электронное издание.

[2] Думова Н.Г. Кадетская партия в период Первой мировой войны и Февральской революции. М., 1988. С. 222–223.

Вместе с тем либералы считались и с возможностью революции, однако не рассматривали ее как желательный для себя вариант развития событий. Они считали, что время работает на них, что переход России на либерально-демократический путь развития исторически неизбежен и нет нужды подстегивать закономерное развитие государства и общества. «Против идеи достигнуть этой цели (власти. – *Г.Герасимов*) революционным путем парламентское большинство боролось до самого конца, – писал П.Н. Милюков. – Но, видя, что насильственный путь будет все равно избран и помимо Государственной думы, оно стало готовиться к тому, чтобы ввести в спокойное русло переворот, который оно предпочитало получить не снизу, а сверху»[1]. Таким образом, либеральная оппозиция не взывала к поддержке народа, как это было в 1905 году. Наоборот, она всячески пыталась предотвратить народную революцию[2].

Среди средств достижения власти и предотвращения революции некоторыми либералами рассматривалась и возможность государственного переворота. Сложилось несколько групп «заговорщиков». Среди них наиболее известной была группа, в которую входили А.И. Гучков – председатель Центрального военно-промышленного комитета, один из лидеров партии октябристов; Н.В. Некрасов – левый кадет, товарищ председателя IV Государственной думы, и М.И. Терещенко – миллионер, заместитель Гучкова по Военно-промышленному комитету. Был разработан и соответствующий план. Предполагалось привлечь на свою сторону командиров ряда воинских частей в Петрограде и войск, несших охрану железнодорожного сообщения между Ставкой в Могилеве и Царским Селом, захватить царя во время одной из его поездок в Ставку, заставить отречься от престола в пользу малолетнего сына Алексея, назначив регентом младшего брата царя, Михаила Александровича, и призвать к власти «правительство доверия». Эти планы благосклонно рассматривались руководством кадетской партии. Хотя она и уклонялась от прямого участия в подготовке переворота, но разработала меры по захвату правительственной власти в случае удачного выступления гучковских заговорщиков[3].

Главной силой либералов была, несомненно, кадетская партия, которая играла ведущую роль в возникших во время войны в России общественных организациях (в Союзе городов, в различного рода обществах), принимала активное участие в деятельности Земского союза и созданных буржуазией военно-промышленных комитетов. Большое значение имело также существенно упрочившееся в годы войны положение кадетов в городских думах и

---

[1] Милюков П.Н. История второй русской революции. М., 2001. С. 38.

[2] Нефедов С.А. Февраль 1917 года: власть, общество, хлеб и революция // Уральский исторический вестник. 2005. № 10–11. С. 118.

[3] Исторический опыт трех российских революций. Кн. 2. Свержение самодержавия: Вторая буржуазно-демократическая революция в России / Гл. ред.: Голуб П.А. и др. М., 1986. С. 246.

других муниципальных органах. Эти факторы способствовали известному расширению влияния партии «народной свободы» в городских средних слоях, среди интеллигенции и, что особенно важно, ее сплочению с крупной буржуазией, прежде всего московской. Лидирующие позиции занимала кадетская партия и в межпартийном объединении в Государственной думе – Прогрессивном блоке, что обеспечило ей главенствующее положение в созданном в момент Февральской революции Временном правительстве[1].

В 1916 году на волне слухов об усилении «темных сил» и распутинщины все более значительная часть окружения царя выступала за сотрудничество с либеральной общественностью и Думой. Так, великий князь Николай Михайлович отвез в Ставку письмо с просьбой согласиться на ответственное министерство, то есть на правительство, ответственное перед Думой. Мнение Николая Михайловича поддерживали и другие великие князья, а также Мария Федоровна, императрица-мать. 9 ноября 1916 года Николай II, поддавшись давлению Думы и великокняжеской оппозиции, отправил премьер-министра Б.В. Штюрмера в отставку. На его место был назначен А.Ф. Трепов. Однако эта уступка никого не удовлетворила. В конце ноября против влияния «темных сил» выступили уже Государственный совет и Совет объединенного дворянства. Правящие верхи оказались в положении нараставшей самоизоляции.

10 февраля 1917 года, за две недели до революции, Родзянко предпринял еще одну попытку договориться с царем. В своем докладе, адресованном Николаю II, он уверял его в своих верноподданнических чувствах и упрашивал пойти на уступки либеральной оппозиции[2]. Царь на них не пошел и объявил о перерыве работы Государственной думы с 27 февраля.

В своей конфронтации с царизмом буржуазные партии все больше и чаще обращались к союзникам. Милюков, Родзянко, Гучков поддерживали тесные контакты с послом Англии Бьюкененом и с послом Франции Палеологом. Их объединяла общая цель – победа в войне. Союзники полагали, что буржуазия может, предотвратив революцию, повести войну лучше, чем царское правительство, а потому убеждали Николая II уступить кадетам и октябристам[3].

В последние предреволюционные дни лидеров Прогрессивного блока беспокоило только одно: беспорядки, с которыми необходимо было покончить, прежде чем они перекинутся на армию. Либералы просили теперь царя и его министров как можно скорее произвести изменения в кабинете,

---

[1] Думова Н.Г. Кадетская партия в период первой мировой войны и Февральской революции. М., 1988. С. 222.

[2] Исторический опыт трех российских революций. Кн. 2. Свержение самодержавия: Вторая буржуазно-демократическая революция в России / Гл. ред.: Голуб П.А. и др. М., 1986. С. 158.

[3] Спирин Л.М. Россия 1917 год. Из истории борьбы политических партий. М., 1987. С. 45.

которых блок добивался все это время в надежде на то, что демонстрантов удастся умиротворить[1].

Приход либералов к власти в результате Февральской революции не был случайностью. Значительная часть власти уже была в их руках, отречение царя и формирование Временного правительства просто завершило процесс перетекания властных полномочий. В.И. Ленин по этому поводу писал: «Это – представители нового класса, поднявшегося к политической власти в России, класса капиталистических помещиков и буржуазии, которая давно правит нашей страной экономически и которая как за время революции 1905–1907 годов, так и за время контрреволюции 1907–1914 годов, так, наконец,– и притом с особенной быстротой, – за время войны 1914–1917 годов чрезвычайно быстро организовалась политически, забирая в свои руки и местное самоуправление, и народное образование, и съезды разных видов, и Думу, и военно-промышленные комитеты, и т. д. Этот новый класс “почти совсем” был уже у власти к 1917 году; поэтому и достаточно было первых ударов царизму, чтобы он развалился, очистив место буржуазии»[2].

В историографии муссируется идея о том, что царь упустил время для передачи власти либералам мирным путем и это якобы могло предотвратить последующую революционную смуту. С этим положением трудно согласиться, поскольку приход к власти либералов, может быть, и мог предотвратить Февральскую революцию, но вот Октябрьскую он бы не предотвратил, потому что у власти были бы те же люди и они в своих действиях руководствовались теми же идеями, что логично вело к тем же результатам и Октябрю 1917 года.

Большевики

Одной из значимых идейно-политических сил, готовивших революционные выступления и принявшие в них активное участие, являлись большевики. Важнейшим политическим вопросом в этот период было отношение к войне.

Большевики выступали против войны, и эта позиция была последовательной, занятой еще в 1914 году, а не вызванной политической конъюнктурой. В.И. Ленин разработал довольно стройную, логичную и понятную, вытекающую из социалистического учения теорию, согласно которой трудящийся человек не должен воевать в этой войне, а, напротив, обязан обратить свое оружие против правительства как своего главного классового врага. Конечно, в начале войны у этой концепции было мало сторонников, но после трех лет войны, когда ее первоначальные официальные цели обесценились, большевистская антивоенная теория приобрела множество сторонников.

По мнению большевиков, мировая война была продолжением той политики, которую правящие классы вели до войны, то есть политики достижения

---

[1] Галили Зива. Лидеры меньшевиков в русской революции. Социальные реалии и политическая стратегия: Пер. с англ. М., 1993. С. 25.

[2] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 18.

мирового господства, передела мира в пользу сильнейших государств, погони за новыми рынками и колониями, за усиление грабежа зависимых стран. Определив, с точки зрения пролетариата, данную войну как несправедливую и империалистическую, большевики выдвинули лозунг превращения империалистической войны в гражданскую, в революцию против господствующих классов. Для достижения этой цели партия выдвигала ряд конкретных мер: отказ голосовать за военные кредиты; полный отказ от соглашения с буржуазией, от «гражданского мира»; поддержка братания солдат на фронте; поддержка всякого рода революционных массовых выступлений пролетариата[1].

Большевиками с социалистических и пролетарских классовых позиций были разработаны и наполнены новым содержанием понятия Родины и патриотизма. Понятие Родины не включало «в себя тех антинародных надстроечных элементов, на которых делали акцент идеологи господствующих классов, а сливалось с понятиями родной земли, родного языка и демократической культуры данного народа»[2]. «Большевики выступали не против отечества вообще, а против помещичье-буржуазного отечества, против стремления выдать за отечество царскую Россию, в которой помещики и капиталисты угнетали трудящихся»[3].

Точно так же обстояло дело с пониманием патриотизма: «если господствующие классы России видели его в служении “вере, царю и отечеству”, то пролетариат, напротив, считал своим патриотическим долгом борьбу за освобождение родины от всякого угнетения и произвола, за свержение царского самодержавия как главного врага собственного народа»[4].

Большевики не только боролись против этой конкретной войны, но и имели собственную программу демократического мира, включавшую в себя признание за всеми народами права на национальное самоопределение, отказ от аннексий и контрибуций, а также от уплаты военных долгов, аннулирование тайных договоров о разделе мира. При этом они считали, что прочный, подлинно демократический мир может дать народам лишь победоносная пролетарская революция[5]. Это была популистская и на первый взгляд совершенно нереалистическая идея завершения войны, но именно она и была реализована большевиками, когда они пришли к власти. Главное было в том, что это

---

[1] История Коммунистической партии Советского Союза /Б.Н. Пономарев, М.О. Волин, В.С. Зайцев и др. 6-е изд., доп. М., 1982. С. 158.

[2] Исторический опыт трех российских революций. Кн. 2. Свержение самодержавия: Вторая буржуазно-демократическая революция в России / Гл. ред.: Голуб П.А. и др. М., 1986. С. 99.

[3] История Коммунистической партии Советского Союза /Б.Н. Пономарев, М.О. Волин, В.С. Зайцев и др. 6-е изд., доп. М., 1982. С. 159.

[4] Исторический опыт трех российских революций. Кн. 2. Свержение самодержавия: Вторая буржуазно-демократическая революция в России / Гл. ред.: Голуб П.А. и др. М., 1986. С. 99.

[5] Исторический опыт трех российских революций. Кн. 2. Свержение самодержавия: Вторая буржуазно-демократическая революция в России / Гл. ред.: Голуб П.А. и др. М., 1986. С. 102–103.

была сильная идея, в которую поверило огромное количество людей, поэтому она и была осуществлена на практике.

Идей подобного уровня и силы не было ни у власти, ни у других представителей оппозиции. Все они твердили о войне до победного конца, но в победу уже не верили ни на фронте, ни в тылу. В основном вопросе – вопросе об отношении к войне – большевики идейно переиграли всех своих соперников, разработав радикальную и очень привлекательную для народа доктрину, объясняющую суть войны, превращения ее в революцию и завершения демократическим равноправным миром.

В начальный период войны партия большевиков оказалась в очень трудном положении. Находившийся за границей В.И. Ленин был арестован австрийскими властями и лишь в начале сентября 1914 года с большим трудом прибыл в Швейцарию. В самой России наиболее видные партийные работники, в том числе почти все члены ЦК и Русского бюро ЦК РСДРП, находились в тюрьмах или сибирской ссылке. Были закрыты легальные рабочие организации и почти все большевистские печатные органы, в том числе «Правда». Многочисленные аресты обескровили партийные организации Петербурга, Москвы, Риги, Иваново-Вознесенска, Харькова, Екатеринослава, Баку, Самары и многих других городов[1].

Оставшимся в России партийным организациям в первое время пришлось самостоятельно определять свою политическую линию, опираясь на те немногие идеи, которые сформулировал В. Ленин в своей статье «Некоторые рекомендации»[2]. В ней он предлагал расширить работу среди рабочих и распространить ее на деревенскую бедноту и войска, развивать стачечное движение. «Советы рабочих депутатов и т. п. учреждения должны рассматриваться как органы восстания, как органы революционной власти. Лишь в связи с развитием массовой политической стачки и в связи с восстанием, по мере его подготовки, развития, успеха, могут принести прочную пользу эти учреждения». «Социальным содержанием ближайшей революции в России может быть только революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства. Революция не может победить в России, не свергнув монархию и крепостников-помещиков. А свергнуть их нельзя без поддержки пролетариата крестьянством. Задача пролетариата России – довести до конца буржуазно-демократическую революцию в России, дабы разжечь социалистическую революцию в Европе». И наконец, «Участие социал-демократов во Временном революционном правительстве вместе с демократической мелкой буржуазией мы считаем, по-прежнему, допустимым, но только не с революционерами-шовинистами... На вопрос, что бы сделала партия пролетариата, если бы ре-

---

[1] Исторический опыт трех российских революций. Кн. 2. Свержение самодержавия: Вторая буржуазно-демократическая революция в России / Гл. ред.: Голуб П.А. и др. М., 1986. С. 92.

[2] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 48–52.

волюция поставила ее у власти в теперешней войне, мы отвечаем: мы предложили бы мир всем воюющим на условии освобождения колоний и всех зависимых, угнетенных и неполноправных народов»[1].

В первые три с половиной месяца войны роль партийного центра в России – Русского бюро ЦК РСДРП – выполняла большевистская фракция IV Государственной думы. Постепенно Заграничное бюро ЦК РСДРП во главе с Лениным наладило связь с уцелевшими от разгрома организациями.

С весны 1915 года началась консолидация большевистских сил, восстановление сети подпольных партийных организаций в России. Благодаря усилиям ЦК РСДРП осенью 1915 года в Петрограде сформировался второй состав Русского бюро ЦК военного времени, действовавший до апреля – мая 1916 года. В него вошли А.Г. Шляпников, П.А. Залуцкий, В.М. Молотов. Осенью 1916 года деятельность Русского бюро ЦК была вновь восстановлена. Оно поддерживало регулярные связи с заграничной частью ЦК во главе с Лениным.

К началу 1917 года Русское бюро установило связи с партийными организациями Москвы, Иваново-Вознесенска, Твери, Нижнего Новгорода, Казани, Самары, Саратова, Тулы, Брянска, Воронежа, Киева, Харькова, Луганска, Екатеринослава, Урала, Сибири и с другими организациями, которые тогда действовали, уцелев от полицейских разгромов. А всего в годы войны партийные организации и группы существовали более чем в 200 городах страны[2]. «Из всех партий, которые в той или иной мере примыкали к революционно-демократическому лагерю, только большевики имели налаженный, тщательно законспирированный аппарат, продолжавший, хотя порой и с перебоями, функционировать в труднейших условиях военного времени»[3]. В своей антивоенной деятельности большевики широко использовали подпольную печать, уцелевшие легальные организации – профсоюзы, кооперативы, больничные кассы. Они вели работу в деревне, среди студентов, во фронтовых частях и в тыловых гарнизонах, руководили забастовочным движением рабочих.

В ходе оппозиционной борьбы большевики осуществляли тактику левого блока, дававшую возможность совместного участия с эсерами и меньшевиками в забастовках, демонстрациях, в эсеровских военных организациях и т. д. Вместе с тем большевики отвергали какие-либо соглашения с оборонцами, создавшими в канун революции так называемое Информационное бюро, куда входили представители меньшевиков, эсеры, межрайонцы, хотя в целях получения необходимой информации большевики от случая к случаю посещали это бюро[4].

---

[1] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 49–50.

[2] Истории Коммунистической партии Советского Союза: В 6-ти т. Т. 2. М., 1966. С. 547.

[3] Исторический опыт трех российских революций. Кн. 2. Свержение самодержавия: Вторая буржуазно-демократическая революция в России / Гл. ред.: Голуб П.А. и др. М., 1986. С. 103.

[4] Исторический опыт трех российских революций. Кн. 2. Свержение самодержавия: Вторая буржуазно-демократическая революция в России / Гл. ред.: Голуб П.А. и др. М., 1986. С. 166.

К февралю 1917 года партия была относительно малочисленной и насчитывала 24 тысяч членов, объединенных примерно в 150 организаций и групп. Наиболее крупными из них были столичная, насчитывавшая примерно 2 тысячи членов партии, и Московская – 600 членов[1].

Советские историки считают, что большевикам удалось в канун Февральского переворота восстановить свою организацию во всероссийском масштабе. 11 февраля 1917 года А.Г. Шляпников от имени Русского бюро ЦК сообщал В.И. Ленину: «Организационные дела у нас неплохи... Публику удалось подобрать хорошую, твердую и способную. По сравнению с тем, как обстоят дела у других, – у нас блестяще»[2].

Наибольшую роль в Февральской революции сыграл Петербургский комитет. Когда на время прерывалась деятельность Русского бюро ЦК, он фактически выполнял его функции, оказывал идейную и организационную помощь местным организациям, снабжал их литературой. Сфера его деятельности была весьма обширна, она охватывала не только основные районы и заводы столицы, но и другие города[3].

За годы войны не было ни одного партийного комитета, который не подвергался бы разгрому, однако больше всех пострадал именно Петербургский комитет, который пережил свыше 30 арестов[4], и его состав менялся десять раз[5]. В этих условиях было очень сложно, если вообще возможно, наладить полноценную партийно-политическую работу в массах.

В конце 1916 года Русское бюро ЦК предложило Петербургскому комитету и Московскому областному бюро обсудить вопрос об организации широких революционных действий, нацеленных на свержение самодержавия. Суть этого плана состояла в том, чтобы от единичных разрозненных выступлений перейти к массовым политическим стачкам и уличным демонстрациям, кото-

---

[1] История Коммунистической партии Советского Союза: В 6-ти т. Т. 3. Кн. 1. М., 1967. С. 20. Современные исследователи считают цифру в 24 тыс. членов партии завышенной по крайней мере в два-три раза. См.: Актуальные вопросы исследования дооктябрьского периода. Круглый стол // Вопр. истории КПСС. 1990. № 9. С. 40–43; «При этом нетрудно допустить, что и накануне Февральской революции в ряде мест меньшевистские, эсеровские и другие легально действовавшие партийные организации – их представители работали в больничных кассах, профсоюзах, кооперативах, рабочих группах при Военно-промышленных комитетах (ВПК) и т.п. – могли численно превосходить большевистские, действовавшие в подполье и подвергавшиеся постоянным преследованиям». Кирьянов Ю.И. Рабочие России и война: новые подходы к анализу проблемы //Первая мировая война. Пролог XX века. М., 1998.

[2] Вопросы истории КПСС. 1965. № 9. С. 81.

[3] Исторический опыт трех российских революций. Кн. 2. Свержение самодержавия: Вторая буржуазно-демократическая революция в России / Гл. ред.: Голуб П.А. и др. М., 1986. С. 163.

[4] История Коммунистической партии Советского Союза /Б.Н. Пономарев, М.О. Волин, В.С. Зайцев и др. 6-е изд., доп. М., 1982. С. 160.

[5] Исторический опыт трех российских революций. Кн. 2. Свержение самодержавия: Вторая буржуазно-демократическая революция в России / Гл. ред.: Голуб П.А. и др. М., 1986. С. 163–164.

рые вовлекли бы в борьбу не только отсталые слои пролетариата, но и солдатские массы и подвели бы движение ко всеобщей стачке[1].

Вместе с тем руководство партии, находившееся в эмиграции, слабо ориентировалось в обстановке: В.И. Ленин в лекции, прочитанной в Цюрихе в январе 1917 года, говорил, что ему и его сверстникам, очевидно, не суждено при жизни увидеть революцию[2]. На основании этого можно сделать вывод о том, что среди руководителей большевистской партии и его Петроградского комитета не было единства во взглядах на перспективы развития политической ситуации в стране; и даже в советской историографии нет данных о том, что большевики планировали свержение самодержавия в феврале 1917 года. Вместе с тем можно утверждать, что их оппозиционная деятельность в этот период стала приносить неожиданные результаты вследствие резкой радикализации настроений рабочих Петрограда. Впервые это проявилось в ходе политических выступлений, приуроченных к 9 января 1917 года – годовщине Кровавого воскресенья. Политическая стачка питерских рабочих 9 января была самой крупной за все время войны, в ней приняли участие почти 150 тысяч рабочих. Стачечное движение переплелось с массовыми митингами и демонстрациями.

Впоследствии выступления рабочих и студентов стали нарастать, и большевики пытались оказывать влияние на их ход.

Из-за внезапности революции политику большевиков должны были определять три человека, входившие в состав Русского бюро ЦК. Политический опыт имел лишь А.Г. Шляпников, двое других – П.А. Залуцкий, В.М. Молотов – были молоды и неопытны. Э. Карр пишет: «Положение было сложным. С одной стороны, тезисы Ленина и все, что он затем написал, обязывали их проводить вызывающую политику – которой, как известно, были недовольны даже многие большевики, – призывов к гражданской войне и поражению своего отечества. С другой стороны, в партийной резолюции 1905 года предусматривалось создание временного революционного правительства в результате демократической революции и признавалось, что участие большевиков в таком правительстве могло бы быть желательным “в целях беспощадной борьбы со всеми контрреволюционными попытками и отстаивания самостоятельных интересов рабочего класса”. Располагая лишь этими руководящими указаниями, и не более, Шляпников, Залуцкий и Молотов, представлявшие Русское бюро Центрального Комитета, составили проект партийного Манифеста, который был выпущен в виде листовки 26 февраля 1917 г.»[3]. Манифест

---

[1] Исторический опыт трех российских революций. Кн. 2. Свержение самодержавия: Вторая буржуазно-демократическая революция в России / Гл. ред.: Голуб П.А. и др. М., 1986. С. 164.

[2] Катков Г.М. Февральская революция. М., 1997. С. 18.

[3] Карр Э. История Советской России. Кн. 1. Том 1 и 2. Большевистская революция. 1917–1923. Пер. с англ. / Предисл. Ненарокова А.П. М., 1990. С. 76.

призывал рабочий класс и революционную армию создать «Временное Революционное Правительство», которое установило бы республику и провело демократические реформы. Манифест также предлагал «войти в сношения с пролетариатом воюющих стран» для немедленного прекращения войны. Фабричных рабочих и восставших солдат призывали избирать своих представителей во временное революционное правительство. В целом этот документ сыграл на руку скорее Временному правительству, чем будущему Петроградскому Совету, однако В. Ленин, прочитавший отрывки из манифеста в немецких газетах, положительно отозвался о его содержании.

Таким образом, партия большевиков, подвергавшаяся наибольшим репрессиям в годы войны, сумела восстановить свою организацию в общероссийском масштабе, однако она оказывала влияние только на некоторую часть рабочих и, отчасти, солдат. Позиции большевиков в Петрограде были относительно сильны среди рабочих, поэтому они внесли свою лепту в организацию их революционных выступлений в феврале 1917 года. Среди руководства большевистской партии не было единства во взглядах на перспективы революционной борьбы. Не было у них и ясного понимания того, что делать в случае победы революции, каким образом партия должна войти во власть или влиять на ее политику.

Наиболее значительным идейным достижением большевиков была разработка доктрины отношения к войне и способам ее прекращения, которая оказалась наиболее привлекательной для солдатских и рабочих масс.

Меньшевики

Наряду с большевиками важную роль в Февральской революции сыграли и меньшевики.

В рядах меньшевиков не было согласия по большинству актуальных теоретических вопросов.

Как считает Зива Галили, в период с 1905 по 1917 год меньшевики так и не выработали ясных теоретических установок по важнейшим политическим позициям, а «различные течения в партии не пришли к единому мнению в вопросе об отношении к буржуазии – основном вопросе любой политической стратегии того периода»[1].

На вопрос о власти у меньшевиков также не было единого ответа. «Разногласия и противоречия исключали какой-либо единый подход меньшевиков к революции, не говоря уже о практическом решении вопроса о власти, который революция неизбежно включила бы в повестку дня в первую очередь. Единственная стратегическая установка, предусмотренная партийной программой еще в 1905 году и принятая всеми фракциями, была негативной по

[1] Галили Зива. Лидеры меньшевиков в русской революции. Социальные реалии и политическая стратегия: Пер. с англ. М., 1993. С. 49.

содержанию: социалистам не следовало преждевременно входить в состав органов государственной власти – до тех пор, пока не будут созданы объективные условия для проведения социалистической политики. По сути дела, это был запрет на коалицию с буржуазией и на захват власти социалистами»[1].

Опыт 1905 года убедил Мартова, как, впрочем, и других меньшевиков, в правильности их идеологической установки на отказ от участия в коалиционном правительстве. В последующие годы их недоверие к буржуазному либерализму еще более возросло. Сам Мартов уповал на международное социалистическое движение как единственную силу, способную вывести русский рабочий класс из политического тупика, в котором он оказался из-за отсталости страны[2].

В стане меньшевиков наблюдалась разномыслие и по отношению к войне. К осени 1914 года в их рядах оформилось правое течение «оборонцев», идеологом которого был Г.В. Плеханов. Он делил государства на агрессоров и жертв агрессии, считал царскую Россию обороняющейся стороной, призывал к фактическому перемирию пролетариата с правящими верхами и буржуазией на время войны. Плеханов советовал меньшевикам голосовать в Думе за военные кредиты и осуждал всякие революционные акции в годы войны, как способные ослабить Россию в ее борьбе с неприятелем. Для реализации этой доктрины меньшевики пользовались лозунгами «непротиводействия» войне и «самообороны». Суть тактики, которую идеологи «оборончества» предлагали рабочим, сводилась к формуле: с правительством нам не по дороге, но мешать ему военное время мы не будем ни словом, ни делом.

Центристы, к которым относились П.Б. Аксельрод, меньшевистские депутаты Государственной думы во главе с Н.С. Чхеидзе, а также члены Организационного комитета, выполнявшего с 1912 года роль меньшевистского центра в России, осуждали империализм, милитаризм и шовинизм, а также критиковали внутреннюю и внешнюю политику царского правительства, однако не шли дальше лозунга мира без аннексий и контрибуций.

Мартов и его единомышленники выдвинули концепцию, состоящую из трех пунктов: война является империалистической по своим причинам и характеру; социалисты не должны принимать в ней участия даже под лозунгом обороны; европейское социалистическое движение должно оказывать давление на правительства воюющих стран, требуя от них заключения всеобщего справедливого мира[3].

---

[1] Галили Зива. Лидеры меньшевиков в русской революции. Социальные реалии и политическая стратегия: Пер. с англ. М., 1993. С. 48.

[2] Галили Зива. Лидеры меньшевиков в русской революции. Социальные реалии и политическая стратегия: Пер. с англ. М., 1993. С. 42.

[3] Галили Зива. Лидеры меньшевиков в русской революции. Социальные реалии и политическая стратегия: Пер. с англ. М., 1993. С. 43.

Небольшая группа левых меньшевиков, объединившихся в 1914 – 1917 гг. вокруг парижских газет «Наш голос», «Голос», «Наше слово» и «Начало», стояли на интернационалистских позициях, но в то же время выступали против большевистского курса на превращение империалистической войны в гражданскую, ограничиваясь двусмысленным лозунгом «Ни побед, ни поражений!».

В целом среди меньшевиков преобладали в годы войны «оборонцы» и сторонники П.Б. Аксельрода и К.С. Чхеидзе[1].

В отношении перспектив революции и методов ее достижения взгляды меньшевиков были различны. Авторитетным было мнение Г. Плеханова, выраженное в статье «Две линии революции». Он предлагал пролетариату не торопиться с началом гражданской войны против буржуазии, а лишь «подстегивать» либеральных оппозиционеров, не отказываясь от услуг партии кадетов в борьбе с царизмом. Основываясь на классическом марксизме, Г. Плеханов считал, что на смену царскому правительству должны прийти сначала «конституционалисты» – левые октябристы, прогрессисты и кадеты, затем – трудовики и только после них – «социалисты», то есть эсеры и социал-демократы[2].

Потресов, Левицкий и другие публицисты-ликвидаторы, выступая в принципе против войны, тем не менее настаивали на том, что задачи самообороны требуют участия в ней всех «живых сил» России, включая социалистическую интеллигенцию. Они считали, что коалиция всех противников царского режима, не сложившаяся накануне войны, теперь возможна под этим лозунгом[3].

Особую позицию занимали меньшевики-практики в легальных рабочих организациях, особенно в Петрограде и Москве. Они без энтузиазма относились к идее участия социалистов в работе по национальной обороне. С угасанием у пролетариев патриотических настроений даже рабочие группы военно-промышленных комитетов, особенно их центральная группа в Петрограде, стали постепенно отмежевываться от преимущественно военных задач своей головной организации. Большинство из них скептически относились к возможности сотрудничества с буржуазией. Они по-прежнему считали себя организаторами рабочего класса, вдохновителями борьбы рабочих за улучшение своего экономического, политического и социального положения[4].

---

[1] Исторический опыт трех российских революций. Кн. 2. Свержение самодержавия: Вторая буржуазно-демократическая революция в России / Гл. ред.: Голуб П.А. и др. М., 1986. С. 85–87.

[2] Исторический опыт трех российских революций. Кн. 2. Свержение самодержавия: Вторая буржуазно-демократическая революция в России / Гл. ред.: Голуб П.А. и др. М., 1986. С. 88.

[3] Галили Зива. Лидеры меньшевиков в русской революции. Социальные реалии и политическая стратегия: Пер. с англ. М., 1993. С. 43.

[4] Галили Зива. Лидеры меньшевиков в русской революции. Социальные реалии и политическая стратегия: Пер. с англ. М., 1993. С. 47.

Таким образом, единства во взглядах на основные политические вопросы времени – на отношение к буржуазии, войне, к перспективам революции и участию в будущем буржуазном правительстве – среди меньшевиков не было. Неопределенность и разнонаправленность идей порождала неопределенность и разнонаправленность действий. Тем не менее, по мнению Э. Карра, «из двух фракций Российской социал-демократической рабочей партии вначале от Февральской революции больше выиграли меньшевики. Как и в 1905 году, обещание конституционного правительства, казалось, оправдывало их программу и дало им преимущество по сравнению с большевиками. Картина первого этапа революционного процесса рисовалась меньшевиками именно как буржуазно-революционный строй, который правоверные марксисты критикуют, но поддерживают, пока буржуазный капитализм не исчерпал своих возможностей и не настало время социалистической революции. В самом деле, двоевластие, рассматриваемое как законное сотрудничество между буржуазным правительством и пролетарской "легальной оппозицией", полностью соответствовало меньшевистской концепции. Главную трудность для меньшевиков представляло их отношение к войне, по которому между ними наблюдались разногласия. Казалось, однако, что если оказывать давление на буржуазное правительство, требуя, чтобы оно покончило с войной на основе демократической программы, и не вдаваться в конкретные детали относительно путей и средств прекращения войны, то такая политика в данный момент всех удовлетворит. Меньшевики скоро стали играть ведущую роль в Петроградском Совете»[1].

Основную часть меньшевиков составляли радикально настроенная интеллигенция (врачи, журналисты, учителя, адвокаты и др.), студенты, служащие. Эта ситуация была результатом российской специфики процесса соединения марксистской идеологии с массовым рабочим движением. Он проходил под безраздельным руководством социал-демократической интеллигенции, которая из-за невысокого уровня общей и политической культуры рабочих сразу же захватила лидирующие позиции в РСДРП, причем меньшевики здесь мало чем отличались от большевиков[2].

Меньшевики, увлекшиеся в предвоенный период легальной работой, со временем поняли ограниченность ее возможностей, и в 1911 году в Петербурге была создана первая нелегальная группа. Накануне Первой мировой войны все больше практиков стало сотрудничать в местных инициативных группах, совмещавших деятельность в легальных рабочих организациях с работой в возрожденном меньшевистском подполье. Однако в отличие от большевиков

---

[1] Карр Э. История Советской России. Кн. 1. Том 1 и 2. Большевистская революция. 1917–1923. Пер. с англ. / Предисл. Ненарокова А.П. М., 1990. С. 76.

[2] Политические партии России: история и современность./ Под ред. проф. А.И. Зевелева, проф. Ю.П. Свириденко, проф. В.В. Шелохаева. М., 2000. С. 231.

они отдавали приоритет не подпольной работе, а легальной организации, то есть легальному рабочему движению.

В годы войны кроме нелегальных организаций у меньшевиков существовали такие важные гласные опорные пункты, как фракция в IV Государственной думе и Рабочая группа при Центральном военно-промышленном комитете (ЦВПК), которая создала на ряде крупных предприятий «группы содействия».

26 июля 1914 года шесть меньшевистских и пять большевистских депутатов IV Государственной думы осудили начавшуюся войну как империалистическую, захватническую с обеих сторон. Однако вскоре среди меньшевиков появилось «оборонческое» течение, но большинство меньшевиков отказались в какой-либо форме солидаризироваться с властью и осудило войну, призывая, как и в 1904–1905 гг., к скорейшему заключению всеобщего мира без аннексий и контрибуций и к использованию созданного войной кризиса для ускорения социалистических революций на Западе и демократической революции в России. Среди меньшевиков-интернационалистов выделялись более радикальные эмигрантские группы и более умеренное, но численно преобладавшее в меньшевистских организациях в самой России крыло, возглавляемое думской фракцией меньшевиков и ее лидером Чхеидзе.

В обстановке резкого усиления репрессий за антивоенную пропаганду, не говоря уже об открытых антивоенных выступлениях, меньшевики-интернационалисты боролись с царским правительством и буржуазией больше словом, чем делом. Они выпускали революционно-пацифистские листовки, голосовали в Думе против утверждения военного бюджета, но, в отличие от большевиков, в основном стояли в стороне от стачечного движения и от активной работы по пропаганде революционных идей в армии и на флоте. Правда, к 1917 году у меньшевиков появился еще один и притом достаточно влиятельный центр в лице оформившейся в конце 1915 года рабочей группы Центрального военно-промышленного комитета во главе с рабочим К. Гвоздевым. Наряду с ней существовали также рабочие группы еще в 58 из 244 местных военно-промышленных комитетах, где меньшевики-оборонцы работали вместе с эсерами. Разрешенные властями в интересах примирения рабочих с правящим режимом и буржуазией и повышения эффективности военного производства рабочие группы ВПК использовали свое легальное положение, прежде всего, для того, чтобы наладить организационные связи между пролетариатом различных регионов. Ухудшение материального положения рабочих в годы войны, их бесправие, а также репрессии властей в отношении самих рабочих групп постепенно привели к радикализации их позиций. Гвоздев и его товарищи призвали рабочих Петрограда выйти 14 февраля 1917 года, в день открытия очередной сессии

Думы, к Таврическому дворцу, чтобы выразить свой протест против политики царского правительства.

Меньшевики не успели принять сколько-нибудь активного участия в бурных и скоротечных февральских событиях 1917 года, которые привели к свержению самодержавия. Однако революция быстро вынесла их на авансцену политической жизни России; они заняли ведущие позиции в исполкоме Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, который во многом определял тогда политическую ситуацию в стране, а в мае 1917 года вошли в состав коалиционного Временного правительства[1].

Неоднородность и широкий диапазон идей, циркулировавших в среде меньшевиков, с одной стороны, снижал эффективность их действий, с другой – давал возможность более гибко реагировать на изменение ситуации, что позволило меньшевикам органично вписаться сначала в руководство Петроградского Совета, а затем и коалиционного Временного правительства.

Эсеры

Важную роль в революции неожиданно сыграла партия социалистов-революционеров (ПСР).

Главным идеологом партии был В. Чернов. Он глубоко проработал концепцию «социализации» земли, которая должна была связать революционные цели и крестьянские желания и обеспечила позже поддержку эсеровской партии со стороны крестьян, что со всей силой и проявилось на выборах 1917 года. Однако, продвинув таким образом эсеровскую политическую мысль и стратегические планы, Чернов и его помощники сделали очень мало в отношении других аспектов теории, особенно по вопросам власти, государства и политического контроля, борьбы против государственного капитализма или решения проблемы революционной диктатуры[2].

В 1914 году правое крыло эсеров и немало других ее членов встали на позицию «оборончества». Чернов, отказавшийся склониться перед волной национализма, присоединился к антивоенной конференции социалистов в Циммервальде. К 1917 году многие из его товарищей-оборонцев говорили о его измене[3].

Оборонческое течение в эсеровской партии во главе с Б.В. Савинковым, И.И. Бунаковым, Н.Д. Авксентьевым, И.А. Рубеновичем требовало отказаться на время войны от любых действий, которые «могли бы повредить защите России и общему делу ее союзников». Оборончество преобладало особенно в начале войны. Однако по мере того как, с одной стороны, выявлялась неспо-

---

[1] Политические партии России: история и современность./ Под ред. проф. А.И. Зевелева, проф. Ю.П. Свириденко, проф. В.В. Шелохаева. М., 2000. С. 239–240.

[2] Шанин Т. Революция как момент истины. Россия 1905–1907 гг. –> 1917– 1922 гг.: Пер. с англ. М., 1997. С. 353.

[3] Шанин Т. Революция как момент истины. Россия 1905–1907 гг. –> 1917– 1922 гг.: Пер. с англ. М., 1997. С. 354.

собность самодержавия обеспечить эффективную оборону страны, предотвратить хозяйственную разруху и финансовый кризис, а с другой – набирало силу движение, оппозиционное самодержавию, оборончество не только теряло свое влияние, но и претерпевало определенные изменения, становилось более радикальным, перерастало в революционное оборончество[1]. Эсеровские организации, в которых преобладали «оборонцы», высказались за полное свертывание всякой борьбы с самодержавием вплоть до окончания войны. Аналогичную позицию заняла и крестьянская Трудовая группа Думы во главе с А.Ф. Керенским, выступившим 26 июля 1914 года с заявлением, что «великая стихия российской демократии вместе со всеми другими силами дадут решительный отпор нападающему врагу»[2].

После ряда поражений в войне и роста революционного движения в стране эсеры-оборонцы и трудовики, сохраняя свою националистическую позицию, перешли в 1915–1916 гг. к критике правительства и даже заговорили о «революции во имя победы».

В эсеровской партии было и левое, революционно-интернационалистское течение во главе с М.А. Натансоном. Идеи левых эсеров-интернационалистов в начале войны не пользовались сколько-нибудь заметным влиянием, но по мере ухудшения внешнего и внутреннего положения страны, нарастания политического кризиса они находили себе все больше сторонников. С начала войны и до свержения царизма представители этого течения выпустили в России свыше ста прокламаций с лозунгами: «Долой войну!», «Да здравствует революционная борьба!», «За землю и волю!». Именно эти эсеровские группы стали более или менее реальными политическими партнерами большевиков по «левому блоку» в годы войны[3]. Большевики работали вместе с эсерами в военных организациях, существовавших в Смоленске, Чернигове, Томске. В отдельных случаях из-за недостатка собственных технических средств большевики считали возможным совместно издавать антивоенные листовки.

В организационном отношения партия эсеров была намного слабее, чем социал-демократы. После поражения революции 1905 года ЦК партии обладал невысоким авторитетом, и ПСР распалась на ряд враждующих фракций. Партия отказалась использовать для легальных выступлений думскую трибуну, бойкотируя выборы в III и IV Думы, а это еще больше ослабило ее.

Война усугубила организационный кризис эсеров. По свидетельству В.М. Зензинова, члена ЦК, избранного на V Совете партии, за все годы войны

---

[1] Политические партии России: история и современность./ Под ред. проф. А.И. Зевелева, проф. Ю.П. Свириденко, проф. В.В. Шелохаева. М., 2000. С. 201.

[2] Государственная дума. Стенографические отчеты. Четвертый созыв. Заседание 26 июля 1914 г. С.18.

[3] Исторический опыт трех российских революций. Кн. 2. Свержение самодержавия: Вторая буржуазно-демократическая революция в России / Гл. ред.: Голуб П.А. и др. М., 1986. С. 84–85.

«почти нигде не существовало организаций партии эсеров». В то время, когда все подпольные революционные движения находились в упадке или просто распадались под ударами полиции, партия эсеров разрушалась быстрее всех. А. Спиридович, жандармский генерал, ставший историком революционного движения, не преувеличивал, подводя в 1916 году итоги этого краха: «К началу 1914 г. в России не существовало никакой партийной организации [ПСР. – *Т.Шанин*] в строгом значении этого слова. Были социалисты-революционеры, разбросанные по разным городам страны и мечтавшие о такой организации и о партийной работе. Были также эмигранты за границей, расколотые на фракции, и был Центральный комитет и его издания». Предвосхищая будущее, он добавил: «Таким образом, есть партийные кадры, способные начать революционные действия, когда их призовут к этому, следуя определенной программе»[1].

Однако идеи партии сохраняли свои корни, потенциальную силу и значение. Тысячи эсеров и их сторонников, действовавшие в 1905 – 1907 гг., в межреволюционное десятилетие никуда не исчезли, а лишь организационно распылились. «Кузницами» эсеровских кадров агитаторов, пропагандистов и организаторов в этот период являлись тюрьмы, каторга и ссылка. Те эсеры, которые формально уходили из партии, не порывали духовную связь с нею. Работая в различных легальных организациях, они расширяли поле эсеровского идейного влияния. В целом сохранилось, укрываясь в эмиграции, руководящее ядро партии. Лишь учитывая все это, можно понять то удивительное превращение, которое произошло с эсерами за короткое время после победы второй российской революции в феврале 1917 года.

Политические силы России, оппозиционные и революционные, в том числе и эсеры, не были инициаторами, организаторами и вождями Февральской революции. Она застала их врасплох, но, захваченные вихрем событий, они приняли в ней активное участие и повлияли на ее исход. Февральская революция коренным образом изменила общественное положение партии эсеров. Из едва проявлявшей признаки жизни, находившейся в глубоком подполье, постоянно преследуемой, малочисленной, оказывавшей слабое влияние на политическую жизнь страны, она за короткое время превратилась в самую большую по численности и самую популярную партию, стала участницей правящей коалиции.

Организационное возрождение партии началось уже в ходе революции. Партийные ячейки составлялись, как правило, из немногих пребывавших до этого в подполье или возвращавшихся в партию бывших эсеров, покинувших ее в межреволюционный период. Возвращались из ссылки и эмиграции лидеры партии. Организационная работа велась в быстром темпе. 2 марта со-

[1] Цит. по: Шанин Т. Революция как момент истины. Россия 1905–1907 гг. –> 1917– 1922 гг.: Пер. с англ. М., 1997. С. 351.

стоялась I Петроградская конференция эсеров. Она избрала городской комитет, который до III съезда партии исполнял также функции ЦК, и приняла решение об издании партийной газеты «Дело народа», первый номер которой вышел 15 марта. 3 марта провели свою конференцию московские эсеры. Комитет, избранный конференцией, вместе с самостоятельно возникшим Временным организационным бюро обратился ко всем партийным работникам с призывом неотложно взяться за возрождение открытой партии, за создание массовых организаций пролетариата и трудового крестьянства. Лихорадочно велась организационная работа и на местах. Уже к III съезду в партии было несколько сот тысяч человек[1].

Таким образом, та огромная идейная работа, которую начали народники во второй половине XIX века и продолжили эсеры в веке XX, принесла свои неожиданные плоды в период революции 1917 года, когда тысячи людей, в свое время усвоившие народнические социалистические идеи, влились в партию эсеров, в одночасье превратившуюся в могучую политическую силу.

§3. Условия жизни и борьба за власть в годы войны

Изменения в экономике и материальных условиях жизни

В отечественной историографии, основывающейся на материалистическом понимании истории, главной причиной Февральской революции называются причины экономические, материальные. Работающая с перебоями экономика, расстройство транспорта, недостаток топлива, оборудования, рабочей силы, инфляция, перебои с продовольствием, по мнению историков, вели к снижению уровня жизни, что и вызвало возмущение в народе.

Действительно, в результате резкого нарушения хозяйственного механизма промышленная продукция России в 1917 году составляла немногим более трех четвертей довоенного уровня. При этом падение объема производства произошло в ведущих отраслях тяжелой индустрии, включая добычу нефти, выплавку чугуна и стали. С осени 1915 года Россия вступила в полосу острого топливного и транспортного кризиса. Залежи неперевезенных грузов исчислялись многими десятками тысяч вагонов. Общие посевные площади сократились почти на 10 проц., производство хлеба – примерно на четверть. Значительно снизилось также производство сахара, масла, мяса[2].

Тем не менее, как свидетельствует статистика, запасы продовольствия в стране имелись в достаточном количестве. В 1914–1916 годах было собрано 13,5 млрд. пудов продовольственных и кормовых хлебов. Этого вполне хватило бы и для удовлетворения нужд фронта, и для обеспечения городского населения. Однако расстройство железнодорожного транспорта, нарушение хо-

---

[1] Политические партии России: история и современность./ Под ред. проф. А.И. Зевелева, проф. Ю.П. Свириденко, проф. В.В. Шелохаева. М., 2000. С. 202–203.

[2] Исторический опыт трех российских революций. Кн. 2. Свержение самодержавия: Вторая буржуазно-демократическая революция в России / Гл. ред.: Голуб П.А. и др. М., 1986. С. 130.

зяйственных связей между городом и деревней, спекуляция сделали проблему бесперебойного снабжения столиц неразрешимой. Введенная в конце 1916 года принудительная разверстка хлебных поставок к февралю 1917-го дала весьма незначительные результаты. Привоз продовольствия в Петроград и Москву в январе – феврале 1917 года составлял лишь 25% запланированного. И хотя с 15 января 1917-го по 25 февраля того же года запасы муки в Петрограде уменьшились с 1426 тыс. пудов до 500 тыс., при экономном расходовании их должно было хватить для обеспечения столичного населения недели на полторы и даже больше. Тем не менее затруднения в подвозе крайне нервировали власти и население[1].

Через 25 лет жители Ленинграда в условиях войны с Германией вновь столкнутся с нехваткой продовольствия. В декабре 1941 года размер продовольственного пайка составит у рабочих 250 граммов хлеба в сутки, служащих, иждивенцев и детей до 12 лет – по 125 граммов, в войсках первой линии – 500 граммов. При этом до 50% хлеба составляли практически несъедобные примеси, добавлявшиеся вместо муки. Все остальные продукты почти перестали выдаваться. В результате недоедания, обстрелов и бомбардировок за годы блокады погибли 632 тысячи человек. Только 3% из них погибли от бомбежек и артобстрелов, остальные 97% умерли от голода. Тем не менее революции не случилось. Один и тот же город, почти одни и те же люди, в одной и той же ситуации повели себя по-разному. В 1917 году при первой же угрозе голода рабочие и солдаты свергли существующую власть, а в 1941–1944 гг. ленинградцы и воины Ленинградского фронта ценой своих жизней защищали существующую советскую власть и коммунистическую идею.

В феврале 1917 года в условиях войны против Германии у самодержавной власти в Петрограде не нашлось защитников, а те, кто должен был ее защищать – солдаты, сами вышли на улицы и смели существующую власть, свергнув царя. Находившиеся в гораздо более суровых, невыносимых жизненных условиях жители и защитники Ленинграда, воюя против тех же, но гораздо более сильных и хорошо вооруженных немцев, умирали за советскую власть. И никогда советская власть не была так крепка, как в годы Великой Отечественной войны.

Этот естественноисторический эксперимент доказывает, что уровень жизни, как и прочие экономические, материальные и бытовые условия, не могли быть главной причиной революции. Они могли быть поводом к ней, но не причиной. Причина революции – разочарование в прежней власти и страстное желание сменить ее. Это было в 1917 году в Петрограде, но этого не было в 1941 году в Ленинграде. Причины революции лежат исключительно в идейной области, а не материальной. Блокада Ленинграда доказывает, что люди

[1] Данилов Ю.Н. На пути к крушению. М., 1992. С. 183.

были готовы пожертвовать за коммунистическую идею и советскую власть всем, что у них есть, включая самое дорогое – жизнь. В Петрограде не нашлось и сотни людей, готовых пожертвовать собой за царя.

В условиях тотального недоверия к существующей власти любое нарушение привычного хода жизни может послужить толчком к антиправительственным выступлениям. В Петрограде поводом к ним стали так называемые «хвосты» – очереди за продовольствием, те самые очереди, в которых почти 75 лет простояла вся советская страна. Французский посол в Петрограде Морис Палеолог пишет: «Петроград терпит недостаток в хлебе и дровах, народ страдает. Сегодня утром у булочной на Литейном я был поражен злым выражением, которое я читал на лицах всех бедных людей, стоявших в хвосте, из которых большинство провело там всю ночь». Кто из нас, советских людей, не записывался с вечера за «дефицитом» и не стоял за ним всю ночь, но при этом и не думал о революции. Не дефицит приводит к идее революции, а идея революции может начать руководить действиями людей в условиях дефицита; но если этой идеи в умах и сознании нет, то никакой дефицит, даже грозящий гибелью, не приведет к свержению существующей власти.

В 1917 году идейный кризис охватил все слои российского общества: «верхи» не могли управлять страной по-старому, «низы» не хотели жить так, как жили прежде. Налицо были, по выражению Ленина, и наибольшее правительственное отчаяние, и наибольшее народное возбуждение[1]. Кризис «верхов» и политическое брожение «низов» были вызваны кризисом православной идеи и державшимся на ней самодержавием. Экономические трудности и военные поражения усиливали колебания в правящих сферах, а также в среде господствующих классов в целом; в свою очередь шатания в «верхах» облегчали массам возможность проявления своего растущего недовольства. Одновременно массы напряженно искали новую идею, на основе которой можно было бы возродить российскую государственность.

Борьба оппозиции за власть в годы войны

В период Первой мировой войны борьбу за власть вела либеральная оппозиция; социалистическая оппозиция, и прежде всего большевики, не боролись за власть – они боролись против власти, а возможностей борьбы за власть у них просто не было. Реальная возможность была у тех, кто уже был причастен к действительной власти, а это были партии, представленные в Думе и способные оказывать влияние на самодержавие.

В начале Первой мировой войны, когда все думские партии, кроме социал-демократов, поддержали идею единения оппозиции и власти, либералы на время отказались от борьбы за власть. Драматическое развитие событий на фронте весной – летом 1915 года привело к быстрому росту числа противни-

[1] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 134.

ков войны. Неспособность правительства организовать военную борьбу заставила либералов, а позднее и правых отказаться от безусловной поддержки власти и искать выход из сложившейся ситуации на путях вмешательства в политику правительства, а затем и требовать смены его состава. В российском обществе все чаше раздавались голоса в пользу согласования действий правительственных и общественных сил.

Летом 1915 года вновь стало нарастать напряжение между политическими силами, стоящими на конституционалистских позициях (кадеты, прогрессисты, октябристы), и консервативной частью правительства во главе с министром внутренних дел Н.А. Маклаковым.

Во многих влиятельных кругах (от земско-городских до военных) нарастало движение в пользу коренного реформирования Кабинета министров и создания «правительства общественного доверия». Верховная власть вынуждена была пожертвовать четырьмя министрами, скомпрометировавшими себя в глазах общественности. В июне 1915 года в отставку был отправлен министр внутренних дел Н.А. Маклаков. На следующий день с поста военного министра был снят В.А. Сухомлинов. Он был обвинен в государственной измене, арестован и заключен в Петропавловскую крепость. Вслед за ними Николай II отправил в отставку обер-прокурора Синода В.К. Саблера и министра юстиции И.Г. Щегловитова. На министерские посты были назначены популярные в Думе генерал А.А. Поливанов, князь Н.Б. Щербатов, А.Д. Самарин. В Сибирь, в свою деревню, был отправлен и «старец» Григорий Распутин.

Царь подписал рескрипт об ускорении созыва народного представительства, и 19 июля 1915 года началась новая сессия Думы. Думские политики, увидев, что Николай II пошел навстречу общественности, расценили это стремление к сотрудничеству как проявление слабости[1]. Политический кризис достиг вершины 25 августа, когда Прогрессивный блок, насчитывающий 300 из 420 думских депутатов, обнародовал свою программу, состоявшую из девяти пунктов. Первым и основным из них было создание «правительства из лиц, пользующихся доверием страны и в согласии с законодательной палатой решившихся в кратчайший срок провести определенную программу», – требование, весьма близкое к идее формирования правительства из предложенных Думой кандидатов и ответственного перед Думой. Далее предполагались меры, предусматривающие установление законных ограничений бюрократии; снятие разграничения сфер полномочий между военными и гражданскими властями в вопросах, не связанных непосредственно с военными операциями; объявление амнистии осужденным за политические и религиозные преступления и проступки; прекращение религиозных преследований, включая ограничения, налагаемые законодательством на евреев; дарование автономии

[1] История России. XX век: 1894–1939. М., 2009. С. 334–336.

Польше и предоставление политических уступок финнам и украинцам; восстановление профсоюзов и пересмотр многих действующих законов. Во многом это была та самая платформа, которую приняло Временное правительство, придя к власти в марте 1917 года.

Программа Прогрессивного блока получила широчайший резонанс. Большинство министров были готовы уйти и уступить место новому кабинету. Сложился идейный альянс большинства Думы с частью высших чиновников. Николай II, однако, отказался уступить право назначать министров, поскольку считал, что те представители интеллигенции, которым прочат министерские портфели в парламентском кабинете, не сумеют управлять страной, а с другой стороны, видел в правительстве «народного доверия» покушение на принцип самодержавия, которого он свято придерживался.

В сентябре 1915 года, в условиях нормализации дел на фронте, позиции власти укрепились, и Центральный комитет кадетской партии – ядро Прогрессивного блока, решил отложить все требования политических реформ до окончания войны[1]. В ноябре, когда фронт окончательно стабилизировался и опасность полного разгрома миновала, царь уволил популярных министров Н.Б. Щербатова, А.Д. Самарина, А.В. Кривошеина и назначил людей, преданных лично ему. Вместо князя Н.Б. Щербатова при содействии Распутина министром внутренних дел стал А.Н. Хвостов. Вскоре были уволены и такие популярные министры, как министр иностранных дел С. Сазонов и военный министр А. Поливанов. Распутину было разрешено вернуться в Петроград. Все эти действия усилили неприязнь общества к власти, тем более что общественные деятели ни на минуту не сомневались, что управлять страной они смогут намного лучше «бюрократии». Общество – от социалистов до националистов – объединяется в противостоянии власти[2].

В сентябре и октябре 1916 года главные оппозиционные партии сначала порознь, а затем и совместно, в рамках Прогрессивного блока, проводили конспиративные совещания, на которых вырабатывали стратегию поведения на предстоящей думской сессии. Настроены они были решительно: правительство должно уступить власть. Вдохновителем этих революционных настроений была Конституционно-демократическая партия, которая на конференции 22–24 октября приняла стратегию конфронтации с властью. Чтобы заставить правительство сдаться, кадеты решили публично предъявить премьер-министру обвинение в измене, что в общем-то не соответствовало действительности, но этот слух был очень распространен в народе. 1 ноября 1916 года в напряженной обстановке начались заседания Думы. Как и планировалось, лидер кадетов Милюков в своем выступлении косвенно обвинил пре-

---

[1] Пайпс Р. Русская революция. В 3-х кн. Кн. 1. Агония старого режима. 1905 – 1917. М., 2005. Электронное издание.

[2] История России. XX век: 1894–1939. М., 2009. С. 338.

мьер-министра Штюрмера в измене и, уходя с трибуны, потребовал отставки Кабинета министров. Речь Милюкова имела огромный успех и, несмотря на запрет, широко разошлась в списках не только в тылу, но и на фронте, чем нанесла значительный ущерб боевому духу войск и способствовала радикализации настроений в стране.

«Заседания Думы, проходившие с 1 по 5 ноября 1916 года, отмечены нагнетанием революционного психоза: мощно ощущавшегося, необъяснимого стремления к разрушению всего здания российской монархии. Эти чувства, давно уже разделяемые радикальной интеллигенцией, теперь захватили и либеральный центр, и даже просочились в ряды консерваторов... Эти настроения пронизали все слои общества, о чем говорит поведение даже ближайших родственников царя, великих князей, примкнувших к Прогрессивному блоку»[1]. Даже Объединенное дворянство, эта вернейшая и крепчайшая опора монархии, приняло в Москве и Петрограде резолюцию, поддерживающую Прогрессивный блок. Как пишет Р. Пайпс, «трудно было найти сколь-нибудь значительного политического деятеля или группу, даже самого крайнего консервативного, националистского толка, не присоединившихся к общему требованию фундаментальных перемен в структуре и личном составе правительства»[2].

В этих условиях царь решил пожертвовать премьер-министром и поставить на его место кого-нибудь, более угодного Думе. 8 ноября Штюрмер был отправлен в отставку, а на его место назначен А.Ф. Трепов. Фактически в первой половине ноября 1916 года царь уступил требованиям оппозиции в важнейшем вопросе – вопросе о власти. Однако этого оппозиции было мало, она требовала большего – полномасштабного участия в управлении страной.

К концу 1916 года все политические партии и группировки объединились в оппозицию к монархии. Впрочем, это было их единственной точкой соприкосновения – ни в чем другом они не сходились. Крайне левых не устраивало что-либо меньшее, чем радикальное преобразование политического, социального и экономического устройства России. Либералы и либерал-консерваторы удовольствовались бы парламентской демократией. И те и другие, при всем их различии, вели речь о власти. Крайне правые, теперь тоже примкнувшие к оппозиции, напротив, хотели спасти самодержавие, для этого, по их мнению, нужно было убрать от кормила власти императрицу-немку и Распутина. И стоит убрать их с политической арены, считали они, как все пойдет хорошо. Однако смерть Распутина возымела вовсе не тот результат, что ожидали заговорщики. Они намеревались разлучить царя с женой и сде-

---

[1] Пайпс Р. Русская революция. В 3-х кн. Кн. 1. Агония старого режима. 1905 – 1917. М., 2005. Электронное издание.

[2] Пайпс Р. Русская революция. В 3-х кн. Кн. 1. Агония старого режима. 1905 – 1917. М., 2005. Электронное издание.

лать его более податливым влиянию Думы. Вместо этого трагедия только теснее сблизила супругов и лишний раз подтвердила справедливость убеждения царской четы, что с оппозицией нельзя идти на компромисс[1].

Таким образом, в годы, предшествующие революции, главной оппозиционной силой была Дума, поэтому не случайно, что именно к ней в критические мгновения революции обратились восставшие солдаты и рабочие. Это был не столько легитимный центр власти, сколько центр оппозиции, не только наиболее известный, но и предлагающий свои рецепты выхода из кризисной ситуации.

Царь, занятый борьбой с либеральной оппозицией, казавшейся ему главным политическим противником, упустил из виду настроения народа, особенно рабочих Петрограда и солдат столичного гарнизона. Опасность для монархии пришла оттуда, откуда ее не слишком ждали, хотя опыт революции 1905 года свидетельствовал о том, что в конечном итоге борьба за власть зависит не столько от силы отдельных групп элиты, сколько от позиции народных масс в критические, революционные моменты истории.

§4. Смена власти в процессе Февральской революции

Ход революции

Начало 1917 года ознаменовалось самой мощной за весь период мировой войны волной забастовок. В январе в стачках участвовали 270 тысяч человек, причем почти половину всех бастующих составляли рабочие Петрограда и Петроградской губернии. Тем не менее главным политическим событием февраля было начало работы Думы, которую власть по-прежнему считала своим главным политическим противником; впрочем, и думцы тоже считали, что они являются основной оппозиционной силой в государстве.

14 февраля началась работа в Думе, но особого беспокойства она не вызвала, несмотря на то что в столице прошли забастовка рабочих 60 заводов и демонстрация под революционными лозунгами. 18 февраля выступили рабочие Путиловского завода. После объявленного администрацией предприятия локаута путиловцев поддержали рабочие Невской заставы и Выборгской стороны.

К середине февраля снежные заносы создали затруднения с подвозом продовольствия в столицу. По городу поползли слухи о приближающемся голоде. Спрос на хлеб резко возрос, и имевшиеся в булочных и пекарнях запасы продовольствия его не удовлетворяли. Несмотря на это, обстановка не рассматривалась как политически опасная, и царь решил отправиться в Могилев, где намеревался провести неделю для совещаний с генералом М.В. Алексеевым, только что возвратившимся в Ставку после лечения в Крыму. У министра внутренних дел А. Протопопова это решение не вызвало никаких сомнений.

---

[1] Пайпс Р. Русская революция. В 3-х кн. Кн. 1. Агония старого режима. 1905 – 1917. М., 2005. Электронное издание.

Вечером 21 февраля он уверял государя, что беспокоиться не о чем и он может ехать со спокойным сердцем в уверенности, что тыл в надежных руках. Его уверенность основывалась на анализе реакции населения страны на открытие Государственной думы. По докладам с мест, оно реагировало спокойно. Как считает Л. Спирин, это была «одна из главных причин, почему царь перед самой революцией так спокойно покинул столицу»[1]. К вечеру следующего дня царь уехал, а после его отъезда в Ставку в Петрограде начались беспорядки, которые уже не стихали до падения монархии[2].

23 февраля в Выборгском районе, где было много металлообрабатывающих, машиностроительных и текстильных предприятий, состоялись митинги. Выступали большевики, меньшевики, эсеры. Собрания и стачки быстро переросли в демонстрации. Демонстранты устремились в центр города – на Невский проспект, который всю вторую половину дня был заполнен революционным народом. В этот день забастовали 128 тысяч рабочих. В демонстрации приняли участие женщины, стоявшие в очередях за продовольствием. В рядах демонстрантов лозунги «Хлеба!», «Давайте хлеба!» пока еще преобладали, но уже появились и политические требования: «Долой войну!», «Долой самодержавие!» Общая атмосфера отягощалась нападками на правительство, прозвучавшими и под сводами Таврического дворца, где проходили заседания Думы.

К шести часам вечера улицы приняли спокойный вид. Власти, хотя и не были подготовлены к демонстрации такого размаха, все же сумели обойтись без применения оружия.

В этот день никто из лидеров либеральной и социалистической оппозиции еще до конца не понял смысла произошедшего. В первый день революции ни один демонстрант не обратил свои взоры к Думе, но и последняя не сделала ни одного шага, чтобы установить какую-либо связь с улицей[3]. Думцы не хотели революционного развития событий. Большевики, напротив, желали эскалации выступлений, и вечером на объединенном заседании членов и представителей бюро ЦК, ПК, Выборгского РК большевиков было принято решение о продолжении стачек и демонстраций под главным лозунгом «Долой самодержавие!».

24 февраля стачки приняли еще больший масштаб, демонстрации стали более многолюдными, столкновения с полицией и казаками участились и приобретали все более ожесточенный характер. Были сделаны первые попытки привлечь на свою сторону солдат. Кое-где это удалось, но в целом вооруженные силы оставались еще на стороне властей.

---

[1] Спирин Л.М. Россия 1917 год. Из истории борьбы политических партий. М., 1987. С. 61.

[2] Пайпс Р. Русская революция. В 3-х кн. Кн. 1. Агония старого режима. 1905 – 1917. М., 2005. Электронное издание.

[3] Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967. С. 131.

Политические лозунги «Долой войну!», «Долой царизм!», «Да здравствует демократическая республика!» стали доминирующими. Полицейские и казаки в конном строю атаковали собравшихся, но рабочие, рассеиваясь на время, вновь собирались в другом месте, и снова возникали митинги. Невский проспект опустел лишь к концу дня. Таким образом, во второй день революции движение получило новый импульс, поднялось на более высокий уровень. Армия забастовщиков увеличилась до 214 тысяч человек и составила до 60% всех питерских рабочих[1].

В полдень петроградский градоначальник А.А. Балк сообщил командующему Петроградского военного округа генералу С.С. Хабалову, что полиция не в состоянии «остановить движение и скопление народа». Командующий направил к центру города солдат гвардейских запасных полков – Гренадерского, Кексгольмского, Московского, Финляндского, 3-го стрелкового и др. Были перекрыты основные городские магистрали, усилена охрана правительственных зданий, почтамта, телеграфа, всех мостов и переходов через Неву. Во второй половине дня начались непрерывные массовые митинги на Знаменской площади; здесь казаки отказались разгонять демонстрантов.

В Думе наконец-то осознали серьезность событий, которые происходили на улице. Во внеочередном заявлении, которое сделал Родзянко, говорилось: «Волнения, возникшие в Петрограде и других центрах и городах на почве расстройства правильного снабжения населения пищевыми продуктами, достигли, как вы знаете, в настоящее время таких размеров, которые несомненно угрожают превратиться в явления, крайне нежелательные и недопустимые в тяжелое военное время, нами переживаемое». Похожее мнение было у меньшевиков, Н.С. Чхеидзе заявил: «Игнорирование улицы – это свойства и правительства, и многих из нас. Но улица уже заговорила, господа, и с этой улицей теперь нельзя не считаться» [2].

Царский двор, в известной степени, и правительство еще не разобрались, что происходит, но серьезно встревожились. Министр внутренних дел А. Протопопов продолжал всех уверять, что скоро будет восстановлен порядок[3], однако 25 февраля события развернулись с новой силой. В этот день бастовало свыше 300 тысяч человек, почти 80 процентов общей численности петроградских рабочих[4]. Забастовки, митинги и демонстрации оказали мощное воздействие на различные слои населения столицы. К пролетариату присоединились студенты, ремесленники, служащие, интеллигенция.

---

[1] Исторический опыт трех российских революций. Кн. 2. Свержение самодержавия: Вторая буржуазно-демократическая революция в России / Гл. ред.: Голуб П.А. и др. М., 1986. С. 173.

[2] Цит. по: Спирин Л.М. Россия 1917 год. Из истории борьбы политических партий. М., 1987. С. 53.

[3] Спирин Л.М. Россия 1917 год. Из истории борьбы политических партий. М., 1987. С. 62.

[4] Исторический опыт трех российских революций. Кн. 2. Свержение самодержавия: Вторая буржуазно-демократическая революция в России / Гл. ред.: Голуб П.А. и др. М., 1986. С. 174.

Движение рабочих переросло во всеобщую политическую стачку, фактически парализовавшую жизнь огромного города. Стачка вылилась во всеобщую демонстрацию. Весь Невский проспект и прилегающие к нему улицы и переулки были заполнены революционными демонстрантами. Как и в первые два дня, конные городовые пытались разогнать демонстрантов, но это было им уже не под силу, тем более что часть солдат стала выражать сочувствие рабочим. В свою очередь, демонстранты действовали все решительнее. В борьбе с полицией они пользовались уже не только булыжниками, но кое-где и оружием. Появились убитые и раненые. В колонны рабочих, ремесленников, служащих, студентов, которых становилось все больше и больше, вливались и солдаты. Но часть солдат по приказанию офицеров все же стреляла в демонстрантов, и исход борьбы был пока неясен.

25 февраля 1917 года состоялось последнее заседание Государственной думы. Очевидцы свидетельствовали, что большинство депутатов находились в подавленном состоянии и не видели выхода из сложившейся ситуации, в связи с чем Дума подавляющим большинством голосов вынесла решение о переносе прений на следующее заседание – вторник, 28 февраля. Но оно уже не состоялось[1].

Социал-демократы, которые были в гуще уличных событий, одними из первых поняли, что в столице началась революция. В этот же день меньшевистские депутаты в Думе обсуждали вопрос о созыве «Совета рабочих».

Благодаря «заботам» министра внутренних дел Протопопова, который велел полиции «смягчать» донесения в Ставку, ни царь, ни находившиеся в Ставке генералы не понимали серьезности ситуации в столице. В рапортах Хабалова в Могилев от 25 и 26 февраля обстановка описывалась как вполне управляемая. Информация, имевшаяся в распоряжении Ставки, давала основания полагать: демонстрация силы может восстановить порядок, и 25 февраля вечером Николай II по прямому проводу приказал генералу Хабалову: «Повелеваю завтра же прекратить в столице беспорядки...» В телеграмме царь также писал, что в то время, когда солдаты мерзнут в окопах и готовы отдать жизни в весеннем наступлении, нельзя терпеть беспорядки в тылу. С. Хабалов, покорный монаршей воле, издал два распоряжения. Одно из них запрещало уличные собрания и предупреждало, что войскам отдан приказ вести огонь на поражение по демонстрантам. Другое предписывало бастующим рабочим вернуться на предприятия до 28 февраля, те же, кто не подчинится приказам, лишаются отсрочки от военной службы и подлежат отправке на передовую[2].

---

[1] Спирин Л.М. Россия 1917 год. Из истории борьбы политических партий. М., 1987. С. 55.

[2] Пайпс Р. Русская революция. В 3-х кн. Кн. 1. Агония старого режима. 1905 – 1917. М., 2005. Электронное издание.

Вечером 25 февраля в столице были арестованы более 100 активистов партийных и других организаций, среди которых оказались и члены Петербургского комитета РСДРП. После арестов функции Петроградского комитета РСДРП(б) фактически взял на себя Выборгский районный комитет столицы.

Несмотря на принимаемые меры, в ночь с 25-го на 26 февраля власти утратили контроль над рабочими кварталами, в особенности на Выборгской стороне, где восставшие громили и поджигали полицейские участки. Совет министров под влиянием непрерывно расширяющейся забастовки решил детальнее обсудить положение совместно с военными властями. На состоявшемся совещании командующий Петроградским военным округом генерал С. Хабалов и министр внутренних дел А. Протопопов заверили, что вполне могут разгромить массовое движение вооруженной силой. Протопопов пошел дальше: предложил распустить Думу. Однако Совет министров, помимо карательных мер воздействия, решил все же поискать пути соглашения с лидерами Прогрессивного блока Думы. Но тогда верх взяли те кто требовал отказа от соглашения с либералами и ужесточения репрессий[1].

Воскресное утро 26 февраля началось спокойно. Но уже с середины дня десятки тысяч демонстрантов снова двинулись в центр города. В революционное движение стали массово вливаться студенты, железнодорожные и почтово-телеграфные служащие, низшие чиновники государственных учреждений, учителя, врачи, конторщики. Особенно активно выступало студенчество.

В отличие от первых революционных дней, когда полиция лишь эпизодически стреляла в народ, теперь, после распоряжений, данных С. Хабаловым войскам, стрельба по безоружным демонстрантам усилилась. Число жертв на улицах Петрограда значительно возросло. Самый кровавый инцидент произошел на Знаменской площади, где рота Волынского гвардейского полка открыла огонь и было убито 40 человек, примерно столько же ранено. Взволнованные случившимся рабочие пришли на Марсово поле, где стоял Павловский полк. Они рассказали солдатам 4-й роты Резервного батальона, что их собратья-волынцы стреляли по безоружным демонстрантам. Разгневанные павловцы ворвались в арсенал, захватили тридцать винтовок и вышли на улицу. Группа в сотню человек двинулась к Невскому с твердым намерением уговорить или заставить волынцев прекратить стрельбу. По дороге они столкнулись с отрядом конной полиции, и между ними завязалась перестрелка. Лидер бунтовщиков, молодой поручик, получил тяжелое ранение. Оставшись без командира, бунтовщики растерялись. Другие гарнизонные части их не поддержали. К ночи, когда павловцы вернулись в казармы, девятнадцать зачинщиков волнений были взяты под арест. В телеграммах, отправленных в этот вечер в Могилев, генерал С. Хабалов и военный министр А. Беляев упо-

[1] Исторический опыт трех российских революций. Кн. 2. Свержение самодержавия: Вторая буржуазно-демократическая революция в России / Гл. ред.: Голуб П.А. и др. М., 1986. С. 200.

мянули о беспорядках в некоторых воинских частях, но заверили царя, что волнения будут подавлены[1].

К вечеру 26 февраля вновь наступило некоторое затишье. Министр внутренних дел А. Протопопов докладывал в Ставку, что «войска действовали ревностно»; доклад создавал иллюзию того, что жесткие меры принесли желаемый результат. Совсем иное следовало из телеграммы Родзянко, которые писал, что «в столице анархия. Правительство парализовано. Транспорт продовольствия и топлива пришел в полное расстройство. Растет общественное недовольство. На улицах происходит беспорядочная стрельба. Части войск стреляют друг в друга. Необходимо немедленно поручить лицу, пользующемуся доверием страны, составить новое правительство. Медлить нельзя. Всякое промедление смерти подобно»[2]. Вечером императору Николаю II поступила новая телеграмма Родзянко, где он призывал царя составить «правительство, пользующееся доверием всего населения». Копии телеграммы были разосланы командующим фронтами с просьбой поддержать перед царем это обращение.

Действительно, положение с каждым часом стало ухудшаться. Войска начали колебаться, и к вечеру 26 февраля число солдат, примкнувших к рабочим, по некоторым подсчетам, составляло несколько сот человек[3].

В это же время на частном совещании у Голицына было принято решение объявить Петроград на осадном положении, однако властям даже не удалось расклеить соответствующие объявления, так как их срывали.

Тогда же собрался Выборгский комитет с представителями Бюро ЦК и оставшимися на свободе членами ПК. Руководящий центр большевиков принял решение о переходе от всеобщей стачки к вооруженному восстанию. Были намечены братание с солдатами, разоружение полицейских, захват складов с оружием, а также тюрем и освобождение политзаключенных[4]. На призыв большевиков поднять вооруженное восстание меньшевики-интернационалисты не откликнулись. На совместные действия согласились межрайонцы и левые эсеры. 26 февраля на объединенном заседании большевиков, межрайонцев и левых эсеров была выработана общая линия – продолжать всеобщую стачку и демонстрационные выступления, доводя их до «крайних пределов», то есть до вооруженного восстания. В дни революции межрайонцы совместно с левыми эсерами выпустили три листовки, обращенные к солдатам. В одной

---

[1] Пайпс Р. Русская революция. В 3-х кн. Кн. 1. Агония старого режима. 1905 – 1917. М., 2005. Электронное издание.

[2] Цит. по: Пайпс Р. Русская революция. В 3-х кн. Кн. 1. Агония старого режима. 1905 – 1917. М., 2005. Электронное издание.

[3] Исторический опыт трех российских революций. Кн. 2. Свержение самодержавия: Вторая буржуазно-демократическая революция в России / Гл. ред.: Голуб П.А. и др. М., 1986. С. 182–183.

[4] Исторический опыт трех российских революций. Кн. 2. Свержение самодержавия: Вторая буржуазно-демократическая революция в России / Гл. ред.: Голуб П.А. и др. М., 1986. С. 179–180.

из них, выпущенной 27 февраля, по сути содержался призыв к вооруженному восстанию и образованию временного революционного правительства[1].

Утром 27 февраля состоялось заседание Выборгского районного комитета партии с представителями Бюро ЦК и заводских партийных организаций. Было решено продолжать борьбу до победного конца. По согласованию с Русским бюро ЦК подготовлена листовка, призывавшая свергнуть царскую монархию едиными усилиями рабочих и солдат. В другой листовке большевики призвали к созданию Совета рабочих депутатов.

Рано утром 27 февраля первой восстала учебная команда запасного батальона Волынского полка. Солдаты, руководимые унтер-офицером Кирпичниковым, отказались подчиниться офицерам. В столкновении с ними был убит капитан Лашкевич. Волынцев поддержали солдаты расквартированных рядом Преображенского, Литовского и Московского полков. Взводы и роты перемешивались и присоединялись к митингам и демонстрациям рабочих.

Солдаты громили казармы жандармских рот. Сметая с пути верные правительству пикеты, они продвигались на Выборгскую сторону, где к ним присоединились восставшие рабочие. «Мятежные солдаты разъезжали по городу в захваченных бронемашинах, крича и размахивая оружием. Всякий, кто попадался им на пути, рисковал оказаться жертвой самосуда. Часть солдат устремилась в Петропавловскую крепость и освободила узников. Толпа разгромила Министерство внутренних дел. Над Зимним дворцом вознесся красный флаг. Полицейских, на свою беду оказавшихся в форме, избивали и убивали... Взламывались оружейные склады и похищались во множестве винтовки. Повсюду грабили магазины, рестораны и даже частные квартиры. К ночи Петроград оказался в руках крестьян в шинелях. Из 160 тысяч солдат гарнизона половина бунтовала, а другая сохраняла “нейтралитет”. Хабалов мог полагаться только на тысячу-две верных частей, в основном из Измайловского полка»[2].

Против восставших был брошен спешно сколоченный карательный отряд полковника А.П. Кутепова, насчитывавший более тысячи человек пехоты и кавалеристов, имевших на вооружении 12 пулеметов. Однако отряд растворился в народной массе. Позже Кутепов вспоминал: «Большая часть моего отряда смешалась с толпой, и я понял, что мой отряд больше сопротивляться не может»[3]. Точно так же заканчивались и все другие попытки властей силой подавить восстание.

---

[1] Исторический опыт трех российских революций. Кн. 2. Свержение самодержавия: Вторая буржуазно-демократическая революция в России / Гл. ред.: Голуб П.А. и др. М., 1986. С. 181.

[2] Пайпс Р. Русская революция. В 3-х кн. Кн. 1. Агония старого режима. 1905 – 1917. М., 2005. Электронное издание.

[3] Цит. по: Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967. С. 186.

Днем 27 февраля колонны солдат начали движение к Таврическому дворцу, где заседала Дума. Депутатов-социалистов, вышедших навстречу солдатам, немедленно забросали вопросами об органах власти и структуре правительства. «Где эта новая власть? – спрашивали солдаты. – Руководите, командуйте нами. Нам нужны руководители»[1].

К исходу дня восставшие овладели большей частью города. Исключение составлял лишь район Зимнего дворца и Адмиралтейства. С горсткой войск генерал Хабалов пытался закрепиться в Адмиралтействе в надежде дождаться помощи с фронта.

С 27 февраля центром контрреволюции стала Ставка Верховного главнокомандующего. Она уже располагала информацией о начавшихся волнениях в Петроградском гарнизоне, и хотя сама информация имела еще противоречивый характер, было уже ясно, что Хабалову не удалось «погасить мятеж» собственными силами и необходимо надежное подкрепление. На исходе 27 февраля Николай II приказал назначить генерал-адъютанта Н.И. Иванова главнокомандующим Петроградским военным округом с «чрезвычайными полномочиями». В сопровождении Георгиевского батальона тот должен был выехать в Царское Село, куда в его распоряжение одновременно с Северного и Западного фронтов направлялись по два пехотных, по два кавалерийских полка и по одной пулеметной команде. 28 февраля начальник штаба Ставки генерал Алексеев распорядился дополнительно направить с Юго-Западного фронта на Петроград еще три полка. Вскоре после революции он вспоминал: «Оперативная, военная часть отошла на задний план; война была забыта, впереди всего стала внутренне политическая сторона... судьба войск, двинутых к Петрограду под начальством Иванова, удержание всей армии в порядке»[2].

Вечером 27 февраля в Таврическом дворце появились первые делегаты, избранные на предприятиях и в воинских частях. Они образовали Совет рабочих и солдатских депутатов. Председателем Совета стал Н.С. Чхеидзе, а его товарищами (заместителями) А.Ф. Керенский и М.И. Скобелев.

В этот же день министры царского правительства собрались на свое последнее заседание в Мариинском дворце. На нем было решено направить Николаю II в Могилев телеграмму, где указывалось, что Совет министров не может справиться с создавшимся в стране положением, предлагает себя распустить и назначить председателем лицо, пользующееся общим доверием, – составить «ответственное министерство». Кроме того, правительство отправило в отставку министра внутренних дел А.Д. Протопопова, как вызывавше-

---

[1] Цит. по: Галили Зива. Лидеры меньшевиков в русской революции. Социальные реалии и политическая стратегия: Пер. с англ. М., 1993. С. 21

[2] Цит. по: Исторический опыт трех российских революций. Кн. 2. Свержение самодержавия: Вторая буржуазно-демократическая революция в России / Гл. ред.: Голуб П.А. и др. М., 1986. С. 203.

го особое раздражение оппозиции. На этом Совет министров прекратил свою деятельность.

27 февраля на частном совещании членов Государственной думы был образован Временный комитет во главе с председателем Думы М.В. Родзянко. В состав комитета вошли представители всех фракций Государственной думы, кроме крайне правых. Временный комитет объявил, что берет власть в свои руки ввиду прекращения деятельности правительства. Об этом председатель Госдумы Родзянко телеграммой оповестил начальника штаба Верховного главнокомандующего генерала Алексеева, командующих фронтами и флотами. 28 февраля Временный комитет назначил генерала Л.Г. Корнилова на пост командующего войсками Петроградского округа и разослал своих комиссаров во все министерства.

В ночь на 28 февраля солдаты Кексгольмского полка, входившие в отряд Хабалова, ушли из Адмиралтейства, и в распоряжении Хабалова осталось всего 600 – 700 солдат. А «утром 28 февраля революционные рабочие и солдаты овладели Дворцовым мостом и устремились к Зимнему дворцу. Положение Хабалова стало безнадежным. Остатки его отряда покинули Адмиралтейство и слились с восставшими. Вооруженное восстание в Петрограде победило»[1]. 28 февраля в городе продолжался переход воинских частей на сторону революции. Большая часть перешла добровольно, некоторые, в частности Самокатный батальон, подчинились силе. К полудню была взята Петропавловская крепость. Гарнизон крепости перешел на сторону революции. У самодержавия не осталось верных сил в Петрограде. Революция окончательно победила в столице.

В связи с победой перед каждой политической партией встал главный вопрос любой революции – вопрос о власти.

Манифест ЦК РСДРП «Ко всем гражданам России», отпечатанный тиражом 100 тысяч экземпляров, стал распространяться в Петрограде вечером 27 февраля, а затем по всей стране. Манифест призывал трудящихся России поддержать дело, начатое в столице, создать временное революционное правительство республики из представителей фабрик, заводов и воинских частей, вставших на сторону революции, которое обеспечит демократические свободы, установит 8-часовой рабочий день, конфискует кабинетские, монастырские и помещичьи земли, созовет Учредительное собрание, покончит с войной. Эта идея была непонятна массам, и временное революционное правительство многие путали с образованным Временным правительством.

27 и 28 февраля издали два обращения левые, интернационалистские группы других социалистических партий. Одно из них содержало призыв выбирать представителей в Петроградский Совет, другое было направлено на

[1] Исторический опыт трех российских революций. Кн. 2. Свержение самодержавия: Вторая буржуазно-демократическая революция в России / Гл. ред.: Голуб П.А. и др. М., 1986. С. 190.

разоблачение Государственной думы и Родзянки. 1 марта опубликовал воззвание Организационный комитет (ОК) меньшевиков[1].

Ход и исход Февральской революции 1917 года определялся действиями больших масс рабочих и солдат, руководимых идеями прекращения войны, свержения самодержавия, улучшения продовольственного снабжения столицы. Падение самодержавия было предопределено разочарованием в нем и переходом на сторону революции солдат, являвшихся основной силой в государстве.

Свергнув самодержавную власть, массы солдат и рабочих были не в состоянии реализовать другие свои идеи: прекращение войны, налаживание продовольственного снабжения, улучшение условий работы и жизни и др. Не будучи приверженцами анархии, и рабочие и солдаты желали создания такой власти, которая бы решала за них их насущные проблемы. Такими центрами власти стали Временный комитет Государственной думы, образовавший Временное правительство, и Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов.

В ходе революции руководящая сила политических партий и организаций проявилась незначительно, зато она сильно возросла в период организации центров власти. Две доминирующие в обществе идеи – либеральная и социалистическая – реализовались соответственно во Временном правительстве и в Совете рабочих и солдатских депутатов.

Отречение царя[2]

Важнейшим моментом революции стало отречение от престола последнего русского царя. Это был факт не просто отказа от власти, но и от тех обязанностей, которые связаны с исполнением им роли помазанника Божия. В православном мировоззрении, а только в нем этот акт имеет смысл, это был отказ царя от несения своего креста, возложенного на него во время коронации на царство. Это мистический и иррациональный акт, определяющий природу царской власти, отказ от него был отказом от обета, данного Богу. Именно отказ от роли помазанника Божия лишал царя власти в глазах православных людей. Отречение царя одновременно лишало власти и всю иную власть в стране[3]. Офицеры, полицейские, жандармы освобождались от присяги, гу-

---

[1] Спирин Л.М. Россия 1917 год. Из истории борьбы политических партий. М., 1987. С. 69.

[2] Подпараграф написан в основном на материалах книги Ричарда Пайпса «Русская революция». В 3-х кн. Кн. 1. Агония старого режима. 1905 – 1917. 2005. Электронное издание.

[3] Р. Пайпс в связи с отречением царя пишет: «Многовековой исторический путь утвердил в русских людях – крестьянах, рабочих, солдатах – взгляд на царя как на хозяина или владельца страны. В силу таких представлений они не могли воспринимать государственную власть в отрыве от личности монарха. Россия без истинного – то есть «грозного», внушающего трепет – царя, а тем более без царя вообще, в сознании людей представлялась абсурдным словосочетанием. С их точки зрения, именно личность царя определяла государство и его сущность, а не наоборот». Пайпс Р. Русская революция. В 3-х кн. Кн. 1. Агония старого режима. 1905 – 1917. М., 2005. Электронное издание.

бернаторы, градоначальники и иные управленцы становились нелегитимными. С этого момента нужно было начинать строительство новой власти либо наделять существующие органы управления новой легитимностью.

Революционные события последних дней царствования Николая II постепенно подводят его к принятию рокового решения. В ночь с 28 февраля на 1 марта Николай II на своем литерном поезде покинул Могилев. По железнодорожному графику он должен был прибыть в Царское Село днем 1 марта, однако до него он так и не добрался. Приехав в Псков 1 марта, царь не помышлял об отречении. Напротив, он намеревался силой восстановить свою власть в столице и в дневнике накануне записал, что послал в Петроград генерала Иванова, чтобы «водворить порядок». Однако за сутки его решимость испарилась под воздействием той информации, которую он начал получать из Ставки, Петрограда и других источников. Решающую роль в принятии решения сыграло мнение командующих фронтами и начальника штаба Ставки генерала Алексеева.

Генерал Алексеев, на которого в отсутствие царя в Могилеве легли обязанности Верховного главнокомандующего, получив сообщение от генерала Хабалова, что у него осталось только 1100 человек в верных частях, и то плохо вооруженных, пришел к выводу, что подавление петроградского мятежа невозможно. Как и в 1905 году, в умах элиты были только две идеи, как покончить с беспорядками: ввести диктатуру или выполнить требования либеральной оппозиции, а именно – сформировать правительство народного доверия. Множество иных вариантов действий не рассматривалось, поскольку они не входили в идейный арсенал. В этих обстоятельствах Алексеев не видел другого способа спасти фронт от краха, как согласиться на те политические уступки, которых требовал Родзянко: дать возможность Думе составить кабинет народного доверия.

Рекомендации Алексеева поддержал великий князь Сергей Михайлович, двоюродный брат царя. В Пскове Николай II имел долгую беседу с генералом Рузским, который также высказался в пользу создания думского кабинета. Когда Рузский пытался убедить царя принять формулу «государь царствует, а правительство управляет», тот ответил, «что эта формула ему непонятна, что надо было иначе быть воспитанным, переродиться, и опять оттенил, что он лично не держится за власть, но только не может принять решения против своей совести и, сложив с себя ответственность за течение дел перед людьми, не может считать, что он сам не ответствен перед Богом»[1]. Православное понимание самодержавия не позволяло Николаю принять ни правительство народного доверия, ни царствование без ответственности царя. Получив очередную телеграмму Алексеева, Николай распорядился информировать его и

[1] Цит. по: Пайпс Р. Русская революция. В 3-х кн. Кн. 1. Агония старого режима. 1905 – 1917. М., 2005. Электронное издание.

Родзянко, что он уступает и позволяет Думе составить кабинет. Второе распоряжение касалось генерала Иванова, которому предписывалось не принимать никаких мер до приезда царя. Таким образом, подавление восстания откладывалось: как и в 1905 году, царь надеялся погасить беспорядки политическими уступками.

Ночью, пока царь отдыхал, Рузский связался с Родзянко по аппарату Хьюза. Из этого разговора Рузский, а через него и другие генералы высшего командования узнали, сколь отчаянное положение сложилось в Петрограде, и поняли, что манифест, дарующий Думе право назначить Кабинет министров, пришел слишком поздно. Родзянко заявил, что войска переходят на сторону Думы и народа, а требование отречения царя звучит все громче. Войска с фронта присылать бесполезно, потому что действовать против народа они не будут. Алексеев разослал информацию Родзянко командующим фронтами с просьбой высказать свое мнение, при этом сопроводил сообщение собственной рекомендацией об отречении царя в пользу царевича Алексея и великого князя Михаила Александровича. Высший генералитет поддержал Алексеева и в своих телеграммах также стал требовать от царя отречения. После этого Николай попросил в Ставке составить манифест об отречении. Последовательность событий и содержание манифеста говорит о том, что царь отрекся от престола, чтобы спасти фронт от развала.

Уже после принятия решения об отречения к царю прибыли два спецпредставителя Временного правительства – Шульгин и Гучков, они привезли собственный вариант манифеста об отречении. Им царь сообщил о своем решении отречься от престола и за своего сына в пользу брата Михаила. Текст отречения адресовался верховному главнокомандующему генералу Алексееву и в копии командующим фронтами, то есть прежде всего командованию армии. Позднее он написал собственноручную записку в Сенат, в которой узаконил назначение князя Львова председателем Совета министров.

Во Временном комитете Государственной думы не было единства взглядов на необходимость в каком-то виде сберечь монархию. За ее сохранение выступал Милюков, ему возражал Керенский. В конце концов большинство поддержало Керенского. Было решено как можно скорее устроить встречу с великим князем Михаилом и убедить его отказаться от престола. Такая встреча состоялась, и Михаил отказался от престола. В подписанном им манифесте говорилось: «Принял Я твердое решение в том лишь случае воспринять Верховную Власть, если таковая будет воля Великого народа Нашего, которому надлежит всенародным голосованием, через представителей своих в Учредительном собрании, установить образ правления». В сущности, если бы такое решение Учредительного собрания состоялось, то новый монарх получил бы власть от народа, а не от Бога и в стране установилась бы конституционная монархия европейского типа, основанная на рационалистических ценностях.

4 марта два манифеста об отречении – один высочайший от своего имени и от имени наследника, другой великого князя Михаила – появились напечатанными рядом на одном листе. По словам очевидцев, они были встречены населением с восторгом.

Отречение царя, а затем и Михаила лишила приверженцев монархии идейных оснований бороться за ее восстановление в России, именно поэтому эта идея не была доминирующей и в годы Гражданской войны.

Отречение царя – это кульминация поражения православной идеи и крах основывающейся на ней идеи самодержавия. Одновременно это победа рационалистического мировоззрения с его секулярной идеей и антимонархизмом. Пока это победа рационалистической антимонархической идеи – идеи негативной, отрицающей. Дальнейшие события должны были показать, какой рационалистический проект выберет народ – либеральный или социалистический. Элита выбрала либеральную идею, и весной 1917 года значительная масса народа либо поддержала этот выбор, либо не препятствовала ему. Однако уже летом представители социалистической идеи – большевики развернули новый виток борьбы за власть. Теперь против основывающегося на либеральной идее Временного правительства выступали большевики, как приверженцы социализма.

Временный комитет Государственной думы

Власть в результате революции досталась Временному правительству. Это было одновременно и случайно, и закономерно. Случайность заключалась в том, что Государственная дума царскую власть не свергала, более того – она пассивно препятствовала этому свержению. Закономерность заключалась в том, что в течение длительного времени Прогрессивный блок в составе Государственной думы был наиболее известным борцом за власть. В сознании народа именно Государственная дума была центром оппозиции, имеющим какой-то план спасения страны, о чем неоднократно заявлялось с думской трибуны.

27 февраля толпы солдат, а за ними и рабочих пришли к Таврическому дворцу, где находилась Государственная дума [1]. Дума была официально распущена, поэтому ее члены собрались на частное совещание и создали «Временный комитет членов Государственной думы для водворения порядка в столице и для сношения с лицами и учреждениями». Возглавляемый Родзян-

[1] Как утверждается в официальном советском труде, посвященном революции, «Такой поворот событий объяснялся прежде всего тем, что 27 февраля в ряды восставших влились громадные массы солдат, представлявшие в своем большинстве мелкобуржуазные слои населения. В этой среде Дума по традиции пользовалась определенным престижем, считалась центром оппозиции царскому правительству. Она и выдвинулась на политическую авансцену в вихре стремительно развернувшихся событий, тем более что других крупных легальных оппозиционных центров в тот момент не было». Исторический опыт трех российских революций. Кн. 2. Свержение самодержавия: Вторая буржуазно-демократическая революция в России / Гл. ред.: Голуб П.А. и др. М., 1986. С. 187.

ко, этот комитет первоначально включал представителей Прогрессивного блока с добавлением двух социалистов (Керенского и Чхеидзе), представляя собой, таким образом, коалицию, охватывающую политический спектр от умеренных националистов до меньшевиков. Более правая часть комитета, представляемая октябристом Родзянко, выступала за «министерство доверия» при сохранении на престоле Николая II. Но другая часть во главе с кадетом Милюковым все более отчетливо начинала понимать, что «уход» Николая II становится неизбежным. Разногласие между этими группировками выявлялось по мере развития событий.

Первоначально главную роль играл верноподданный октябрист Родзянко, который сносился с царем и Ставкой, однако после отречения Николая II почва уходила из-под его ног. Напротив, лидер кадетов Милюков и его сторонники во Временном комитете набирали силу.

После организации Совета рабочих депутатов колеблющимся либералам стало ясно, что нужно торопиться, иначе власть может присвоить себе Совет.

В ночь на 28 февраля Временный комитет Государственной думы стал осуществлять неотложные распорядительные функции и устанавливать свой контроль над высшим аппаратом государственной власти. Член Думы полковник Б.А. Энгельгардт был утвержден комендантом восставшего Петроградского гарнизона. В государственные учреждения и министерства были назначены комиссары Думы.

1 марта думский комитет сделал очередной шаг по пути разрыва со старой властью. Он вынес постановление, в котором говорилось: «Временный комитет членов Государственной думы в целях предотвращения анархии и для восстановления общественного спокойствия после низвержения старого государственного строя постановил: организовать впредь до созыва Учредительного собрания, имеющего определить форму правления Российского государства, правительственную власть, образовав для сего Временный общественный Совет министров...»[1]

По мере организационного укрепления Петроградского совета и для Временного комитета Государственной думы, и для тех либеральных политиков (октябристов и кадетов), которые намечались в новые министры, было ясно, что без поддержки Петроградского Совета они силы иметь не будут. Поэтому думские лидеры вынуждены были договариваться о создании буржуазного Временного правительства с Петроградским Советом, за которым шли массы[2].

После переговоров представителей исполкома Петроградского Совета с Временным комитетом Думы 1 марта было создано Временное правительство. Петроградский Совет утвердил переговоры и состав правительства 600 голо-

---

[1] Цит. по: Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967. С. 311.

[2] Исторический опыт трех российских революций. Кн. 2. Свержение самодержавия: Вторая буржуазно-демократическая революция в России / Гл. ред.: Голуб П.А. и др. М., 1986. С. 198.

сами эсеров, меньшевиков и шедших за ними беспартийных депутатов. Против голосовали 14 большевиков[1].

Временный комитет Государственной думы, создав Временное правительство и обеспечив отречение Николая II и отказ Михаила от взятия власти в свои руки, создал условия для придания себе характера полноценной верховной власти вплоть до созыва Учредительного собрания[2]. Однако в условиях существования Петроградского Совета, имеющего реальное влияние в войсках и на предприятиях города, всей полнотой власти Временное правительство не обладало.

Петроградский Совет

Идея создания Совета по образцу, существовавшему в первую русскую революцию, была высказана довольно рано: еще 24 февраля на некоторых предприятиях Выборгской стороны начались выборы в Совет рабочих депутатов, а 25 февраля меньшевики впервые заговорили о возрождении Петросовета. «Большевики с самого начала стремились возглавить движение за образование Советов. Так, утром 27 февраля на собрании Выборгского районного комитета партии была создана инициативная группа по выборам Совета рабочих депутатов. Центром формирования городского Совета должна была стать Выборгская сторона (точнее – Финляндский вокзал). Однако этот план осуществить не удалось: восставшие массы пошли к Таврическому дворцу»[3].

Инициативу по созданию Петросовета перехватили меньшевики. Утром 27 февраля по предложению двух членов Центральной рабочей группы меньшевиков, К.А. Гвоздева и Б.О. Богданова, было выпущено обращение, в котором они призвали рабочих и солдат выбирать своих депутатов в Совет. К вечеру в Таврическом дворце собрались первые депутаты, которые избрали Временный исполнительный комитет, состоящий главным образом из меньшевиков: Н.С. Чхеидзе занял пост председателя, а А.Ф. Керенский и М.И. Скобелев – его заместителей. Среди 15 членов исполкома, избранных на первом заседании Петроградского Совета вечером 27 февраля, оказались два большевика, два эсера, шесть меньшевиков и пять внефракционных социал-демократов, которые в основном поддерживали меньшевиков. Выборы постоянного исполкома закрепили преобладание меньшевиков в руководстве Совета.

После оформления руководящих органов Совет перешел к решению неотложных дел. Прежде всего он рассмотрел продовольственный вопрос. Специально созданной комиссии было поручено выработать меры по обеспечению

---

[1] Спирин Л.М. Россия 1917 год. Из истории борьбы политических партий. М., 1987. С. 72.

[2] Николаев А.Б. Государственная дума в Февральской революции: Очерки истории. Т. 2. Рязань, 2002. С. 251.

[3] Исторический опыт трех российских революций. Кн. 2. Свержение самодержавия: Вторая буржуазно-демократическая революция в России / Гл. ред.: Голуб П.А. и др. М., 1986. С. 187.

войск и населения Петрограда хлебом и другими продуктами, производить секвестр запасов муки, имевшихся на складах. Совет утвердил состав Военной комиссии, которой поручались сбор сведений о восставших частях и руководство их действиями. Большое значение имело постановление первого заседания Петроградского Совета об организации рабочей милиции, принятое утром 28 февраля.

Вместе с тем совершенно был обойден вопрос о создании революционной правительственной власти и участии Совета в ее формировании. Такое положение объясняется тем, что для меньшевиков Советы являлись лишь временными учреждениями, которые должны были ограничить себя профессиональными интересами рабочих и солдат и ни в коем случае не претендовать на государственную власть. По мере возникновения и укрепления Советов большевики уточнили свои взгляды, заявив, что именно Советы должны создать Временное революционное правительство, которое поведет борьбу за оформление и укрепление демократической республики в России. Однако идея передачи всей власти Советам и образования Республики Советов утвердилась лишь в апреле 1917 года в связи с Апрельскими тезисами Ленина. Меньшевики и эсеры, оказавшиеся во главе Петроградского Совета, попрежнему представляли себе решение вопроса о власти лишь в рамках создания парламентарной буржуазно-демократической республики. Они считали, что у руля власти должны встать представители либеральных буржуазных партий России. Себе они заранее отводили роль легальной оппозиции. В результате подавляющее большинство депутатов Петроградского Совета высказалось за передачу государственной власти в руки либеральной буржуазии[1].

В действиях Временного комитета Государственной думы и Петроградского Совета сразу же проявились зачатки двоевластия. Временный комитет стремился прекратить дальнейшее развитие революции, однако этого не желали рабочие и солдаты, которые видели в Совете властный орган и ждали от него гарантий своей безопасности за мятеж и решения неотложных вопросов, выдвинутых революцией. На заводах и в казармах продолжались выборы депутатов в Совет. Численность их росла, и к 5 марта Петроградский Совет насчитывал в своем составе около 700 рабочих и свыше 600 солдатских представителей. С 1 марта он стал называться Советом рабочих и солдатских депутатов.

Одновременно расширялся за счет представителей различных партий и состав исполкома. В общей сложности на 3 марта он насчитывал 39 человек: меньшевиков – 13, большевиков – 6, внефракционных социал-демократов –

[1] Исторический опыт трех российских революций. Кн. 2. Свержение самодержавия: Вторая буржуазно-демократическая революция в России / Гл. ред.: Голуб П.А. и др. М., 1986. С. 248–249, 251– 254.

5, эсеров – 6, народных социалистов – 2, трудовиков – 2, межрайонцев – 1, неопределенной партийности – 4[1].

Преобладавшие в исполкоме меньшевики последовательно проводили свою принципиальную политическую линию на передачу власти сначала думскому комитету, а затем и Временному правительству. 28 февраля исполком Совета решил слить свою военную комиссию с военной комиссией думского комитета, которую возглавлял полковник Энгельгардт. Такая серьезная уступка давала возможность Государственной думе укрепить свое влияние, опереться на реальную вооруженную силу.

Вместе с тем под влиянием других политических сил, которые руководствовались иными политическими идеями, 28 февраля на общем собрании Совет объявил об изъятии из распоряжения старой власти всех финансовых средств. Революционным караулам предлагалось немедленно занять Государственный банк, главное и губернское казначейства, Монетный двор и экспедицию заготовления государственных бумаг.

Положение обострилось, когда депутатам Совета стало известно о приказе М.В. Родзянко по войскам Петроградского гарнизона. В нем предписывалось всем военнослужащим немедленно вернуться в казармы, а офицерам предлагалось «водворить порядок» в частях. Этот приказ вызвал возмущение солдат, и они, опасаясь репрессий, потребовали немедленной отмены его. На общем собрании Совета 1 марта они потребовали принятия такого нормативного акта, который закрепил бы революционные права солдат. Избранные в исполком 10 новых членов от солдат решили немедленно реализовать это требование. Была образована комиссия, приступившая к составлению особого документа, призванного узаконить демократические порядки в армии. Так появился на свет исторический Приказ № 1, опубликованный 2 марта в «Известиях».

Приказ от имени Петроградского Совета устанавливал следующий порядок в частях гарнизона. Во всех ротах, батальонах, полках, батареях, эскадронах и отдельных службах создавались выборные комитеты из представителей от солдат. В своих политических выступлениях солдаты обязаны были подчиняться Совету рабочих и солдатских депутатов. Приказы военной комиссии Государственной думы должны были выполняться лишь в тех случаях, когда они не противоречили постановлениям Совета. Все оружие должно было находиться в распоряжении и под контролем ротных и батальонных комитетов и ни в коем случае не выдаваться офицерам. Приказ устанавливал полное равенство солдат в гражданских правах. Вместе с тем признавалось необхо-

[1] Токарев Ю. С. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в марте – апреле 1917 г. Л., 1976. С. 47–48.

димым строгое соблюдение дисциплины в строю и при исполнении служебных обязанностей[1].

Приказ № 1 подрывал власть офицеров над солдатами и подчинял Петроградскому Совету все солдатские массы гарнизона. Одновременно он ограничивал возможности Временного комитета Государственной думы, а впоследствии и Временного правительства в их влиянии на армию. При этом приказ разделял армию на два противоположных лагеря – солдат и офицеров, что в скором времени должно было привести к распаду Вооруженных сил. Главной целью документа было – не дать Временному правительству или монархии подчинить себе войска и осуществить контрреволюцию.

1 марта и во Временном комитете Думы, и в Совете стало ясно, что дальше откладывать решение вопроса о власти невозможно, и он был официально вынесен на обсуждение исполкома Совета. Большинством голосов исполком поручил думскому комитету сформировать кабинет, но решил в состав правительства своих представителей не посылать[2]. На этом, исходя из своих доктринальных идей, особо настаивали некоторые меньшевики и представители народнических партий.

Затем исполком утвердил условия, которые должны были лечь в основу деятельности нового правительства. Они сводились к следующим пунктам: полная и немедленная амнистия политзаключенных; установление политической свободы во всех формах – слова, печати, союзов, собраний и стачек; устройство армии на началах самоуправления, включая выборность командного состава; организация народной милиции для несения службы по охране порядка; отмена всех сословных, национальных и религиозных ограничений; не разоружать и не выводить из столицы части Петроградского гарнизона, участвовавшие в восстании; немедленное введение демократической республики; созыв Учредительного собрания на основе всеобщего, равного и тайного голосования[3].

В ходе обсуждения комиссией Совета этих условий с представителями думского комитета последние добились изъятия двух пунктов из условий соглашения. Делегация исполкома согласилась снять требования о выборности командиров; также договорились о том, что будущую форму правления окончательно установит Учредительное собрание.

Согласованные с комитетом Думы условия были представлены на утверждение Совета, и хотя депутаты поддержали в целом условия передачи власти Временному правительству, они внесли в них некоторые существенные

---

[1] Великая Октябрьская социалистическая революция. Революционное движение в России после свержения самодержавия. Документы и материалы. М., 1957, С. 189–190.

[2] Вопреки этому решению в состав правительства вошел А. Керенский, который был товарищем (заместителем) председателя ЦИКа Петросовета.

[3] Токарев Ю. С. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в марте – апреле 1917 г. Л., 1976. С. 89.

дополнения: в частности, было предложено образовать из состава Совета наблюдательный комитет за действиями Временного правительства. В ночь на 3 марта делегация Исполнительного комитета Совета вновь прибыла для заключительных переговоров в думский комитет.

После некоторой доработки тексты Декларации Временного правительства со списком министров и Обращения Исполнительного комитета к населению были опубликованы 3 марта в газете «Известия». Одновременное появление этих документов знаменовало собой официальную договоренность по вопросу о власти между Временным правительством и Петроградским Советом[1].

Соглашение было ратифицировано в тот же день подавляющим большинством голосов. При этом большевики голосовали «против» и предложили резолюцию, призывавшую Совет потребовать замены существующего «антинародного» Временного правительства «революционным временным правительством», однако их предложение не было поддержано.

Таким образом, в России установилась особая форма правления: двоевластие, которое продержалось до октября 1917 года. Одним из важнейших элементов этой формы являлся Петроградский Совет, который был образован силами, разделяющими и поддерживающими социалистическую идею.

Итоги

Вслед за столицей революция совершилась в Москве, в других крупных городах, а затем во всей стране. Поведение классов, политических партий и групп было в целом таким же, как в Петрограде, но имелись и свои особенности. Они отражали специфику края или национальных отношений (прежде всего, классовый состав населения) и в значительной мере зависели от того, были ли там местные партийные организации общероссийских партий или национальные партии, от соотношения сил между партиями. Особое значение имели наличие и численность организаций социалистических партий. Разумеется, что на ход событий оказывала влияние и позиция местных гражданских и военных властей.

На местах, в том числе и в Москве, революция началась тогда, когда она фактически закончилась в Петрограде[2].

В Февральской революции, как и в любом другом масштабном социальном явлении, массы людей действовали под влиянием идей. Главной, преобладающей идеей, которая двигала людские массы, была идея свержения самодержавия. Вышедших на улицы рабочих, студентов, горожан и солдат объединила ненависть к династии, к царю. Идея свержения самодержавия – давняя идея. Впервые она зародилась в среде образованного правящего класса,

---

[1] Исторический опыт трех российских революций. Кн. 2. Свержение самодержавия: Вторая буржуазно-демократическая революция в России / Гл. ред.: Голуб П.А. и др. М., 1986. С. 187. С. 262–267.

[2] Спирин Л.М. Россия 1917 год. Из истории борьбы политических партий. М., 1987. С. 84.

позднее стала доминирующей идеей разночинной интеллигенции, которая и занесла ее в рабочее и крестьянское сознание. В годы войны огромный удар по идее самодержавия нанесли те факты и слухи, которые распространялись о царской фамилии, ее связях с Распутиным и немцами. В дискредитации монархии объединились все рационалистически мыслящие люди – либералы здесь не уступали социалистам. Добившись отречения царя, массы реализовали свою главную и единственную общую для всех идею. Что делать дальше, они не знали, поэтому, разбившись на группы по идейно-политическим предпочтениям, стали поддерживать те политические силы, чьи идеи и взгляды были им уже знакомы, либо тех, чьи лозунги казались им наиболее привлекательными.

Новую власть формировали не массы – ее формировали интеллектуалы и находившиеся под их воздействием политические организаторы из различных партий. В стране в это время в рамках победившего рационалистического мировоззрения было два мощных идейных течения – либеральное и социалистическое. Каждое из них имело свой взгляд на власть, способы и методы ее построения. Социалисты к тому же имели самостоятельный опыт властного строительства в форме Советов в годы первой русской революции. Либералы давно и настойчиво разрабатывали идею правительства народного доверия, которая была собственно слепком с европейских политических образцов. Таким образом, главные идейные силы имели и опыт (социалисты), и представление о том, какой должна быть власть.

Либералы и социалисты практически одновременно начали осуществлять свои теоретические и практические наработки: первые – в форме Временного комитета Государственной думы, вторые – в форме Советов. Реальная сила была на стороне Советов, поэтому они могли бы не допустить формирования Временного правительства, однако меньшевики и поддержавшие их эсеры действовали в соответствии со своей политической теорией, согласно который в результате буржуазной революции, – а Февральская революция, по их мнению, такой и была – власть должна перейти к буржуазии. В соответствии со своим представлением о правильном меньшевики и эсеры поддержали формирование Временного правительства и не мешали ему действовать и создавать необходимые органы и институты власти. Однако за собой они сохранили контроль над солдатской и рабочей массой, а следовательно, без их ведома и согласия ни армия, ни экономика не могли функционировать. Благодаря этим ограничениям Советы сохраняли часть реальной власти и могли не только влиять на деятельность Временного правительства, но, в случае необходимости, и свергнуть его.

Ни солдаты, ни рабочие по своему интеллектуальному уровню были не в состоянии выдвинуть каких-либо внятных рецептов организации новой власти, поэтому вынуждены были довериться идеям тех интеллектуалов, кото-

рым они верили. В условиях отсутствия в Петрограде лидеров большевиков рабочие, склонные к социал-демократическим идеям, доверились меньшевикам, среди которых были известные им думцы. Солдатам, выходцам из крестьян, более близкими были неонароднические идеи эсеров, чья партия в эти дни возникла, как «птица феникс из пепла».

Либеральные идеи поддерживали буржуазия, высшие и средние офицеры, часть интеллигенции. В сравнении с массами рабочих и солдат они были немногочисленны и в условиях революции решающей роли в выборе власти играть не могли. Хотя они и поддерживали Временное правительство, оно действовало и существовало благодаря и с позволения Петроградского Совета.

Таким образом, организация власти в ходе Февральской революции проводилась в соответствии с классической марксистской теорией, которая утверждала, что власть в результате буржуазной революции должна перейти к буржуазии. Если бы Петроградский Совет не руководствовался этой теорией, либералам, не имевшим значительной социальной поддержки, не удалось бы осуществить свою идею правительства народного доверия в форме Временного правительства.

До приезда в Россию В.И. Ленина позиция петроградских большевиков в вопросе о власти кардинально не поменялась. Все изменилось, когда в апреле 1917 года Ленин выдвинул идею о взятии Советами власти в свои руки. Эта идея воплотилась в лозунге «Вся власть Советам!».

Выводы

В рамках идеалистического подхода революция – это коренное изменение общественно-экономического и политического уклада под влиянием смены мировоззренческих парадигм, обусловленной не внешними факторами или внутренними закономерностями развития идей, а ослаблением силы главных идей, формирующих прежнюю мировоззренческую систему, и появлением более привлекательных идей, создающих новую. Формирование иного мировоззрения обусловлено созданием человеком новых, более привлекательных, чем прежде, идей. Их появление ничем не обусловлено и является целиком и полностью результатом человеческого творчества. Таким образом, революция – это момент перехода к власти, основанной на иных идейных началах.

Февральская революция – это момент перехода от власти, основывавшейся на религиозной парадигме, к власти, сформированной на рационалистическом мировоззрении. Отречение царя завершает в политической сфере двухвековую идейную работу по смене мировоззренческих парадигм, проходившую в сознании русского народа. Уже в начале XIX века рационалистически мыслящие люди начали формировать политическую оппозицию самодержавной власти, основывавшейся на религиозной санкции. По мере расширения сферы влияния рационалистического мировоззрения ширились ряды оппозиции, сначала либеральной, а затем и социалистической. Уже во второй

половине XIX века оппозиция почувствовала себя достаточно сильной, чтобы бросить вызов самодержавию, но тогда она переоценила свои возможности. Однако в начале XX века число сторонников самодержавия сократилось настолько, что оно уже с трудом удерживало власть.

В годы Первой мировой войны основной оппозиционной силой стали приверженцы либеральной идеи, сформировавшие Прогрессивный блок в Думе. Именно они рассматривались самодержавием в качестве главного политического противника. В ходе ожесточенной борьбы либералы вплотную подошли к достижению своей цели – формированию ответственного перед Думой правительства, однако начавшееся в Петрограде восстание нарушило их первоначальные планы, и создавать свое правительство они начали уже в ходе революции.

В условиях отсутствия статистических данных можно предположить, что количество рационально мыслящих людей в феврале 1917 года еще не составляло большинства в стране, однако это было политически активное меньшинство. Крестьянские массы по-прежнему обладали преимущественно религиозным сознанием, однако оно не являлось ортодоксальным и было основательно подорвано рационалистическими идеями. Ослабленное православное мировоззрение уже не было способно надежно, как прежде, поддерживать идею самодержавия, авторитет которого разрушался рационалистами всех мастей, начиная от либералов и заканчивая анархистами. В то же время в рабочей среде под влиянием революционной интеллигенции были распространены радикальные идеи, в которые рабочие поверили и были готовы идти за них в бой с самодержавием. В военных условиях рабочих поддержала солдатская масса, не доверявшая царской власти и не желавшая отдавать свои жизни в войне с непонятными народу целями. Именно солдаты, перейдя на сторону революции, решили ее исход. Самодержавие, лишенное армии, пало. Защищать многовековую монархию было некому. Дворянство и правомонархические партии и силы были деморализованы отречением царя и не имели весомых идей, которые бы побудили их к действиям по восстановлению монархии.

Отречение царя знаменовало крах самодержавия и необходимость создания новой власти, основанной на санкции народа. Наиболее известной и популярной в элите и, отчасти, среди интеллигенции была либеральная идея. Именно она была реализована во власти Временного правительства. Несмотря на достаточно глубокую проработку этой идеи и наличие европейского опыта, подтверждавших ее действенность, либерализм не был популярен среди питерских рабочих и солдат, поэтому в условиях войны не имел достаточно прочной социальной опоры.

Гораздо более широкую социальную базу имели марксистская и социалистическая неонародническая идеи. Под их влиянием находились и рабочие, и

часть крестьянства, и солдаты. Однако эсеро-меньшевистское руководство Петроградского совета считало, что власть в ходе революции должна перейти к буржуазному правительству, и действовало в соответствии с классической марксистской теорией революции, исходя из которой добровольно передало значительную часть власти в руки Временного правительства.

Вместе с тем часть власти, в форме поддержки солдатских и рабочих масс и осуществления с их помощью контроля армии и производства, оставалась у Петроградского Совета. В результате такого расклада сил Совет смог оказывать непосредственное влияние на правительство и контролировать его действия.

Прочно укоренившиеся в сознании многих людей социал-демократические и неонароднические теории привели к взрывному росту партий, основанных на этих идеях. Когда в ходе революции появилась возможность, носители данных идей воссоздали многочисленные партии эсеров и меньшевиков, оказавшие непосредственное влияние на дальнейшие политические события.

Если содержанием предшествующего периода было противостояние религиозного и рационалистического мировоззрения, то после политической победы рационализма в феврале 1917 года борьба началась между течениями внутри этого мировоззрения за преобладание над умами и действиями людей. Двоевластие, сложившееся в ходе Февральской революции, – это политически оформленное противостояние либеральной и социалистической идей, воплощенных во Временном правительстве и Советах. Исход этого противостояния зависел от того, какая идея овладеет умами большего количества политически активных сторонников. Эта борьба между либерализмом и социализмом явилась содержанием политической борьбы в марте – октябре 1917 года.

Наибольшую выгоду от революции получили либералы, сформировавшие Временное правительство, а также меньшевики и эсеры, осуществлявшие контроль над Советами. В проигрыше остались большевики, положившие много сил на подготовку революции и принявшие в ней наиболее активное участие. Теперь они жаждали реванша.

ГЛАВА IV
ГЛАВНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ СИЛЫ В МАРТЕ – ОКТЯБРЕ 1917 ГОДА

§1. Большевики

Ленинские идеи взятия власти и осуществления социалистической революции

Даже по мнению официальной советской историографии, «Великий Октябрь готовился партией, прежде всего, идейно»[1].

Несмотря на то, что в общих чертах теория социалистической революции была уже разработана, конкретные исторические условия, создавшиеся в России после свержения самодержавия, требовали определения тактики борьбы партии за власть в новых условиях существования Временного правительства, основанного на либеральной идее, которую поддерживали буржуазия, часть интеллигенции и крестьянства, офицерство, и существования Советов, представлявших социалистическую идею и опиравшихся на часть рабочих, солдат и крестьян. Генеральным путем развития социалистической мысли до апреля 1917 года был меньшевистский. Его первоначально придерживались и основные большевистские лидеры. Положение осложнялось тем, что главные теоретики партии находились либо в эмиграции, либо в тюрьмах и ссылках, поэтому в марте 1917 года большевистское руководство проводило политику в фарватере курса меньшевиков или эсеров.

После свержения самодержавия и до приезда В. Ленина в Россию Русское бюро ЦК квалифицировало Временное правительство как контрреволюционное, а продолжавшуюся войну – как империалистическую. Партийные функционеры не рассматривали Советы как новые органы власти, отдавая предпочтение старому программному требованию создания революционно-демократического правительства. Не было полной ясности и в том, как вести себя по отношению к Временному правительству, Советам, войне. Петроградский и некоторые другие комитеты высказывались за меньшевистские идеи контроля над правительством, за давление на него и условную поддержку.

[1] Исторический опыт трех российских революций. Кн. 3. Коренной поворот в истории человечества / Гл. ред.: Голуб П.А. и др. М., 1987. С. 56.

Подобной позиции придерживались и некоторые члены ЦК (Каменев, Сталин)[1]. В этот период большевики всерьез задумывались о воссоединении с меньшевиками-интренационалистами: Петроградский комитет провозгласил 21 марта, что считает «и возможным и желательным» объединение с теми меньшевиками, которые приняли Циммервальдскую и Кинтальскую платформы[2].

Поскольку некоторые коренные демократические задачи не были решены, существовало мнение о незавершенности буржуазно-демократической революции в России и необходимости доведения ее до конца. Тем самым вопрос о переходе к социалистическому этапу революции, по существу, снимался с повестки дня[3].

Самым известным и наиболее ярким представителем партии в Петрограде в то время был Л. Каменев. Он не разделял ленинскую идею о том, что буржуазно-демократическая революция в России уже завершилась. Каменев считал, что русский рабочий класс все еще относительно слаб, отвергал тезис о том, что вся Европа стоит на пороге революции, и был убежден, что российское крестьянство и иностранная буржуазия не допустят победы социализма в России. Известно заявление Л. Каменева на закрытом заседании Петроградского комитета 18 марта о том что, хотя Временное правительство, безусловно, «контрреволюционно» и его следует свергнуть, спешить с этим не годится: «Не важно – взять власть, важно – удержать»[4]. Поэтому в середине марта 1917 года Каменев выступал лишь за установление жесткого социалистического контроля над Временным правительством, а не за его свержение. Позже, по мере углубления революции, он высказался уже за создание чисто социалистического правительства, которое должно быть широкой коалицией всех основных социалистических сил и сохранять свои полномочия только до провозглашения демократической республики Учредительным собранием. Что касается отношения Каменева к войне, то он выступал за продолжение военных действий, пока будут вестись переговоры о заключении мира, занимая позицию, сближавшую его не столько с Лениным, сколько с меньшевиками[5].

Октябрьская революция – во многом результат реализации идей В.И. Ленина. Именно они формировали новую политическую реальность в 1917 году; сначала подготовив условия, а затем и совершив Октябрьский переворот, большевики овладели государственной машиной.

---

[1] Спирин Л.М. Россия 1917 год. Из истории борьбы политических партий. М., 1987. С. 150.

[2] Пайпс Р. Русская революция. Кн. 2. Большевики в борьбе за власть. 1917–1918. М., 2005. Электронное издание.

[3] Исторический опыт трех российских революций. Кн. 3. Коренной поворот в истории человечества / Гл. ред.: Голуб П.А. и др. М., 1987. С. 152.

[4] Цит. по: Пайпс Р. Русская революция. Кн. 2. Большевики в борьбе за власть. 1917–1918. М., 2005. Электронное издание.

[5] Рабинович А. Большевики приходят к власти: Революция 1917 года в Петрограде: Пер. с англ. /Общ. ред. и послесл. Г.З. Иоффе. М., 1989. http://scepsis.net/library/id_1499.html

Еще в 1905 году Ленин модифицировал классическую марксистскую схему революции в два этапа, которая, по мнению русских социал-демократов, подходила для России, высказав мысль, что после свержения самодержавия «революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства» может сразу открыть дорогу для социалистической революции, так что стране не нужен длительный период либерализма и капиталистической индустриализации[1]. Переосмыслив ситуацию, сложившуюся в России после свержения самодержавия, Ленин пришел к выводу, что теперь такой вариант возможно осуществить на практике.

Ленин ориентировал большевистскую партию и рабочий класс не на доведение буржуазно-демократической революции до конца, а на борьбу за перерастание этой революции в социалистическую, которая попутно должна была решить и демократические задачи, не осуществленные Февралем. Это означало крутой поворот к новой стратегической ориентации[2].

Вернувшись 3 апреля в Петроград, Ленин выступил с заявлением, что Февральская революция не решила основных проблем российского пролетариата, что рабочий класс России не может остановиться на полпути и что в союзе с солдатскими массами он превратит буржуазно-демократическую революцию в пролетарскую социалистическую. «Своеобразие текущего момента в России,– писал В.И. Ленин в тезисах, – состоит в переходе от первого этапа революции, давшего власть буржуазии в силу недостаточной сознательности и организованности пролетариата,– ко второму ее этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства»[3].

Настаивая на полном недоверии Временному правительству и на отказе ему в какой бы то ни было поддержке, Ленин призвал партию возглавить борьбу масс и направить ее к социалистической революции. Движущими силами революции, то есть классами, заинтересованными в доведении революции до конца, являлись пролетариат и беднейшее крестьянство[4]. Именно их предстояло убедить в необходимости политического действия по передаче власти от Временного правительства Советам.

Формой государственной власти Ленин определил республику Советов как политическую форму диктатуры пролетариата. «Не парламентарная республика,– говорил Ленин,– возвращение к ней от С.Р.Д. было бы шагом назад,– а республика Советов рабочих, батрацких и крестьянских депутатов по всей

---

[1] Рабинович А. Большевики приходят к власти: Революция 1917 года в Петрограде: Пер. с англ. /Общ. ред. и послесл. Г.З. Иоффе. М., 1989. http://scepsis.net/library/id_1499.html

[2] Исторический опыт трех российских революций. Кн. 3. Коренной поворот в истории человечества / Гл. ред.: Голуб П.А. и др. М., 1987. С. 153.

[3] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 114.

[4] История Коммунистической партии Советского Союза /Б.Н. Пономарев, М.О. Волин, В.С. Зайцев и др. 6-е изд., доп. М., 1982. С. 184.

стране, снизу доверху»[1]. В соответствии с этой концепцией был выдвинут лозунг «Вся власть Советам!», который означал ликвидацию двоевластия и установление единовластия и полновластия Советов, организацию нового типа государства, уничтожение старой государственной машины. При этом лозунг «Вся власть Советам!» в тогдашних условиях не означал призыва к немедленному свержению Временного правительства, поскольку это значило выступить и против Советов, которые поддерживали правительство. Ленин считал возможным мирный переход власти к Советам, сначала эсеро-меньшевистским, а затем, когда лидеры этих партий дискредитируют себя своими действиями, сами рабочие заменят их большевиками в Советах. По мнению Ленина, засилье меньшевиков и эсеров в Советах – явление временное и исправимое в условиях возможности отзыва депутатов и непрерывной смены состава Советов. Смена правительства, таким образом, произошла бы в порядке мирной борьбы внутри Советов, ставших единственными и полновластными органами государственной власти[2].

Позднее, осенью 1917 года, он определил смысл и содержание власти Советов. В статье «Один из коренных вопросов революции» он пишет: «”Власть Советам” очень часто, если не в большинстве случаев, понимается совершенно неправильно в смысле: “министерство из партий советского большинства”... “Власть Советам” – это значит радикальная переделка всего старого государственного аппарата, этого чиновничьего аппарата, тормозящего все демократическое, устранение этого аппарата и замена его новым, народным, то есть истинно демократическим аппаратом Советов, то есть организованного и вооруженного большинства народа, рабочих, солдат, крестьян, предоставление почина и самостоятельности большинству народа не только в выборе депутатов, но и в управлении государством, в осуществлении реформ и преобразований»[3].

Только Советская власть, утверждает Ленин, способна проявить достаточную смелость и решительность, чтобы ввести хлебную монополию и эффективный контроль над производством и распределением, ограничить выпуск бумажных денег, обеспечить правильный обмен хлеба на промышленные товары и т.п. Такой властью, по мнению Ленина, будет не что иное, как диктатура пролетариата и беднейших крестьян, о необходимости которой он говорил в Апрельских тезисах[4]. В них В.И. Ленин сформулировал и новое отношение большевиков к ведущейся Первой мировой войне. Война, по его мнению, продолжала оставаться империалистической со стороны России и

---

[1] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 115.

[2] История Коммунистической партии Советского Союза /Б.Н. Пономарев, М.О. Волин, В.С. Зайцев и др. 6-е изд., доп. М., 1982. С. 186.

[3] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 202.

[4] См.: Рабинович А. Большевики приходят к власти: Революция 1917 года в Петрограде: Пер. с англ. /Общ. ред. и послесл. Г.З. Иоффе. М., 1989. http://scepsis.net/library/id_1499.html

при новом правительстве в силу его буржуазного характера и захватнических целей, поэтому большевики должны бороться против продолжения грабительской войны. Однако после Февральской революции большевики перестали быть пораженцами, ибо самодержавие было свергнуто, в России созданы Советы, представлявшие рабочих и крестьян, не заинтересованных в войне. Но окончательное решение вопроса о войне партия большевиков связывала с переходом всей власти к Советам, которые сумеют обеспечить заключение мира в интересах народа, а не капиталистов.

Экономическая платформа Апрельских тезисов, развивая и конкретизируя программу партии 1903 года, предусматривала проведение национализации земли при конфискации помещичьих земель и передачу ее в распоряжение местных Советов; создание образцовых хозяйств на базе помещичьих имений; объединение всех банков в один общегосударственный банк и осуществление над ним контроля со стороны Советов; установление рабочего контроля над производством и распределением продуктов. Особое внимание Ленин обращал на сплочение бедняцких слоев деревни[1].

Апрельские тезисы содержали ряд совершенно новых идей, против которых внутри партии выступили Л. Каменев, А. Рыков, Г. Пятаков и ряд их сторонников, утверждавших, что Россия еще не созрела для социалистической революции. Тем не менее Ленину удалось довольно быстро убедить сначала руководство партии, а затем и широкие массы в правильности и осуществимости своих идей. Сначала за них высказалась Петроградская общегородская конференция большевиков, которая открылась 14 апреля, а затем и Всероссийская конференция партии, проходившая в Петрограде 24–29 апреля 1917 года. На конференции против идей В. Ленина с содокладом выступил Л. Каменев. Он говорил, что буржуазно-демократическая революция в России не кончилась, а страна еще не созрела для социалистической революции. Каменев высказывался против разрыва с Временным правительством и поддерживал меньшевистское предложение контроля над правительством. Он снимал вопрос о социалистической революции с повестки дня, отрицая возможность победы социализма в одной России. Каменева поддержал Рыков, заявивший, что в России нет объективных условий для социалистической революции, что толчок к ней должен дать Запад. В своих возражениях оппонентам Ленин был более убедителен, и конференция приняла именно его идеи, что было закреплено в принятых резолюциях[2].

Быстрый переход большинства руководства партии, а затем и партийных масс на ленинские позиции свидетельствует как об огромном авторитете

---

[1] История Коммунистической партии Советского Союза /Б.Н. Пономарев, М.О. Волин, В.С. Зайцев и др. 6-е изд., доп. М., 1982. С. 186–187.

[2] История Коммунистической партии Советского Союза /Б.Н. Пономарев, М.О. Волин, В.С. Зайцев и др. 6-е изд., доп. М., 1982. С. 189.

В. Ленина в партийных кругах, так и о силе и убедительности его идей. Важным представляется и то, что Ленин сам горячо и искренне верил в них, его вера заражала других сильнее, нежели логически строгая аргументация его оппонентов, чьи идеи гораздо более последовательно вытекали из классического марксизма[1].

В «Биографии» В.И. Ленина справедливо утверждается, что Апрельские тезисы являются выдающимся документом творческого ленинизма. Они ориентировали партию на новый революционный курс, вооружили ее новыми программными и тактическими лозунгами «огромной мобилизующей силы»[2]. С позиций идеалистического подхода, именно огромная мобилизующая сила и была главным в содержании новой идейной концепции Ленина. Идея перехода власти к Советам постепенно овладевала сознанием солдат и рабочих и начала руководить их действиями, умело направляемыми большевистской партией.

Своими тезисами Ленин давал пролетариату и его партии перспективу борьбы за власть и победу социалистической революции. Основой для этого служило ленинское теоретическое обоснование возможности победы революции в одной стране – самом слабом звене системы империализма.

Кадеты поняли суть и смысл Апрельских тезисов и вынуждены были признать силу ленинских идей. «Ленин, – отмечала 6 апреля передовая статья их газеты “Речь”, – последовательно и не останавливаясь ни перед какими выводами, довел до конца все идеи большевизма и показал, какова должна быть практическая политика, на этих идеях основанная»[3].

Значение имело и то, что В. Ленин рассматривал революцию в России как часть мирового революционного процесса – начало мировой социалистической революции. В речи при открытии Всероссийской (апрельской) партийной конференции он указывал: «В XIX веке, наблюдая пролетарское движение разных стран и рассматривая возможные перспективы социальной революции, Маркс и Энгельс говорили неоднократно, что роли этих стран будут распределены в общем пропорционально, сообразно национально историческим особенностям каждой из них. Эту свою мысль они выражали, если ее кратко формулировать, так: французский рабочий начнет, немецкий – доделает.

---

[1] Верность идей в рамках идеалистического подхода заключается не столько в их логичности, сколько в их осуществимости. После большевистской победы большинство марксистов приняло большевистскую трактовку, которая была подтверждена политической практикой, а не меньшевистскую, которая проверку практикой не прошла. Хотя в рамках идеалистического подхода это вовсе не означает, что меньшевистские идеи менее верны, чем ленинские. Нет идей верных и неверных, – есть идеи осуществимые и неосуществимые.

[2] Владимир Ильич Ленин: Биография. 4-е изд. М., 1970. С. 333.

[3] Цит. по: Спирин Л.М. Россия 1917 год. Из истории борьбы политических партий. М., 1987. С. 149.

На долю российского пролетариата выпала великая честь начать, но он не должен забывать, что его движение и революция составляют лишь часть всемирного революционного пролетарского движения»[1].

Важным вкладом в теорию революции явилась ленинская концепция вооруженного взятия власти. Классический марксизм предполагал, что по мере созревания материальных предпосылок социализм может мирным путем осуществиться в развитых капиталистических странах. Как известно, этого не произошло. Из созданной В. Лениным теории империализма вытекала возможность перехода к социализму в самом слабом звене капиталистической системы – России. Причем такой переход, по мнению Ленина, мог быть осуществлен как мирным путем, так и немирным, в зависимости от складывающихся в стране условий. Это теоретическое обоснование открывало возможности для попыток осуществить социализм практически в любой стране, в том числе и в России, поскольку теперь отсутствие материальных предпосылок служило не препятствием, а, наоборот, обоснованием для переворота. Поскольку в 1917 году социализма в обществе еще не было, то его природа и возможность были исключительно предметом веры; таким же предметом веры были и пути его осуществления. Часть марксистов продолжала верить Марксу и говорила, что социалистическая революция в России преждевременна, другая часть – радикальные большевики, верили Ленину и считали, что социализм в стране осуществим, а значит, нужно приложить все усилия для его наступления. К тому же они верили, что социалистический переворот в России станет началом мировой революции и впоследствии мировой пролетариат поможет русским рабочим построить коммунизм.

Разработав довольно аргументированную теорию с претензией на научность, В. Ленин убедил своих сторонников в ее применимости в российских условиях. Конечный исход зависел от того, насколько социализм окажется привлекательным для народа.

Важной идеей, развитой В. Лениным, была концепция необходимого и достаточного количества сил для взятия власти. Как считал лидер большевиков, революцию делает не большинство народа – ее делает политически активное меньшинство[2], формирование которого достаточная предпосылка для совершения переворота. В середине сентября 1917 года Ленин в письме Центральному Комитету, ПК и МК РСДРП(б) указывал: «Получив большинство в обоих столичных Советах рабочих и солдатских депутатов, большевики могут

---

[1] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 341.

[2] Р. Пайпс по этому поводу писал: «Победа большевиков в октябре была на девять десятых победой психологической: привлеченные силы были ничтожны – всего несколько тысяч человек на страну со стопятидесятимиллионным населением, и не было сделано практически ни одного выстрела. Вся операция целиком служила подтверждением поговорки Наполеона: “Битва выигрывается или проигрывается в умах людей прежде, чем она началась”». Пайпс Р. Русская революция. Кн. 2. Большевики в борьбе за власть. 1917–1918. М., 2005. Электронное издание

и должны взять государственную власть в свои руки. Могут, ибо активного большинства революционных элементов народа обеих столиц достаточно, чтобы увлечь массы, победить сопротивление противника, разбить его, завоевать власть и удержать ее»[1]. В.И. Ленин считал, что «активное большинство», «революционное большинство», шедшее за РСДРП(б), захватив власть и удовлетворив насущные нужды народа, завоюет на свою сторону уже подавляющее большинство всех трудящихся[2]. Вождь большевиков понимал, что для завоевания власти достаточно иметь за собой только политически активное меньшинство, а вот удержать власть можно, лишь опираясь на большинство народа.

Вопрос большинства в революции с особой остротой встал в октябре, когда Л. Каменев и Г. Зиновьев выступили против захвата власти партией пролетариата. Свою позицию они мотивировали в основном тем, что большевики не имели поддержки большинства населения страны. Вместе с тем вопрос о власти в период государственного переворота решается соотношением реальных сил выступающих за революцию и против нее[3].

В апреле 1917 года Ленину казалось, что возможен мирный переход власти к Советам, но после июльских событий он стал склоняться к взятию власти вооруженным путем. «Новизна тезиса заключалась не в том, что власть надо брать силой, – вооруженные рабочие, солдаты и матросы выходили в апреле и в июле под руководством большевиков на улицы Петрограда вовсе не с целью организовать народные гуляния, – но в том, что большевики должны были теперь бороться сами за себя, не делая вид, что выступают от имени Советов... с этого момента большевики объявляли войну и Совету, и Временному правительству»[4]. Созванный в конце июля VI съезд большевиков одобрил эти идеи.

Для победы вооруженного восстания необходимо было иметь преимущество как минимум в столицах – Петрограде и Москве. Победа в этих городах обеспечивала взятие большевиками в свои руки рычагов управления государственной машиной. С ее помощью они надеялись реализовать свои первоочередные задачи, что привлечет на их сторону большинство народа и создаст прочную социальную базу для советской власти. Ленин считал, что, предложив немедленный мир и раздав землю крестьянам, «большевики составят такое правительство, какого никто не свергнет»[5]. Таким образом, победоносное восстание, по Ленину, возможно даже в том случае, когда большинство народа еще не на стороне большевиков. Главное – создать вокруг себя доста-

---

[1] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 239.
[2] Спирин Л.М. Россия 1917 год. Из истории борьбы политических партий. М., 1987. С. 233–234.
[3] Спирин Л.М. Россия 1917 год. Из истории борьбы политических партий. М., 1987. С. 234–235.
[4] Пайпс Р. Русская революция. Кн. 2. Большевики в борьбе за власть. 1917–1918. М., 2005. Электронное издание.
[5] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 239.

точно многочисленный слой политически активных людей, готовых идти в бой. При этом В. Ленин не только отрицает бланкизм, но и на практике пытается уйти от него, поскольку понимает дальнейшую бесперспективность бланкистского захвата власти. Вместе с тем он прекрасно понимает, что вооруженное восстание – это приход к власти меньшинства, но оно должно быть достаточно многочисленным и активным, чтобы хотя бы на первых порах удержать власть и провести первые преобразования.

Накануне Октябрьского переворота Ленин писал: «Восстание, чтобы быть успешным, должно опираться не на заговор, не на партию, а на передовой класс. Это во-первых. Восстание должно опираться на революционный подъем народа. Это во-вторых. Восстание должно опираться на такой переломный пункт в истории нарастающей революции, когда активность передовых рядов народа наибольшая, когда всего сильнее колебания в рядах врагов и в рядах слабых половинчатых нерешительных друзей революции. Это в-третьих. Вот этими тремя условиями постановки вопроса о восстании и отличается марксизм от бланкизма»[1]. Социальной силой, на которую будет опираться восстание, по мнению В. Ленина, должен стать рабочий класс, к которому примкнут беднейшие слои трудящегося крестьянства.

В целях достижения внезапности Ленин допускал возможность начать восстание в Москве, но в дальнейшем внес коррективы: главным пунктом был определен Петроград.

Учитывая уроки Парижской коммуны и Декабрьского вооруженного восстания 1905 года в Москве, когда выступления трудящихся в главных центрах не получили достаточной поддержки на периферии, ленинский план предусматривал поддержку действий в Петрограде революционными силами всей страны, особенно ближайших к столице стратегически важных пунктов[2]. В работе «Советы постороннего» Ленин так формулировал свой замысел: «...одновременное, возможно более внезапное и быстрое наступление на Питер, непременно и извне, и изнутри, и из рабочих кварталов, и из Финляндии, и из Ревеля, из Кронштадта, наступление всего флота, скопление гигантского перевеса сил над 15–20 тысячами (а может, и больше) нашей “буржуазной гвардии” (юнкеров), наших “вандейских войск” (часть казаков) и т. д.»[3]

Конкретный план вооруженного восстания В. Ленин изложил в письме ЦК от 29 сентября 1917 года «Кризис назрел». В нем он призывает не ждать съезда Советов, «ибо съезд ничего не даст... Сначала победите Керенского, потом созывайте съезд. Победа восстания обеспечена теперь большевикам: 1) мы можем (если не будем “ждать” Советского съезда) ударить внезапно и из трех

---

[1] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 242–243.

[2] Исторический опыт трех российских революций. Кн. 3. Коренной поворот в истории человечества / Гл. ред.: Голуб П.А. и др. М., 1987. С. 316–317.

[3] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 383.

пунктов, из Питера, из Москвы, из Балтийского флота; 2) мы имеем лозунги, обеспечивающие нам поддержку: долой правительство, подавляющее крестьянское восстание против помещиков! 3) мы в большинстве в стране; 4) развал у меньшевиков и эсеров полный; 5) мы имеем техническую возможность взять власть в Москве (которая могла бы даже начать, чтобы поразить врага неожиданностью); 6) мы имеем тысячи вооруженных рабочих и солдат в Питере, кои могут сразу взять и Зимний Дворец, и Генеральный Штаб, и станцию телефонов, и все крупные типографии; не выбить нас оттуда, – а агитация в армии пойдет такая, что нельзя будет бороться с этим правительством мира, крестьянской земли и т. д. Если бы мы ударили сразу, внезапно, из трех пунктов, в Питере, в Москве, в Балтийском флоте, то девяносто девять сотых за то, что мы победим с меньшими жертвами, чем 3–5 июля, ибо не пойдут войска против правительства мира. Если даже у Керенского уже есть "верная" кавалерия и т. п. в Питере, то при ударе с двух сторон и при сочувствии армии к нам Керенский будет вынужден сдаться»[1].

10 октября двенадцать членов Центрального Комитета партии большевиков собрались, чтобы решить вопрос о вооруженном восстании. Позицию В. Ленина поддержали далеко не все. К концу обсуждения Центральный Комитет разделился на три группы: Ленин, который считал необходимым немедленный захват власти безо всякой оглядки на съезд Советов и Учредительное собрание; Г.Е. Зиновьев и Л.Б. Каменев, которых поддержали В.П. Ногин, В.П. Милютин и А.И. Рыков, считавшие, что в тот момент переворот был вообще нецелесообразен; остальные шесть участников совещания, выступавшие за переворот, но полагавшие вслед за Л.Д. Троцким, что он должен быть приурочен к съезду Советов и произведен под его эгидой, то есть две недели спустя. Большинством в десять голосов было принято решение, что «вооруженное восстание неизбежно и вполне назрело». Вопрос о времени выступления остался открытым[2].

Таким образом, после свержения самодержавия В. Ленин выдвинул и развил ряд важных идей, указывающих партии путь к завоеванию власти. Эти идеи, связанные с теорией марксизма, не вытекали из нее и в некоторых пунктах противоречили ей, но в условиях сложившейся обстановки они могли быть осуществлены, что было для Ленина важнее, нежели строгое следование «букве» марксизма. Ленинские идеи вытекали не и из существующей реальности, а были собственным творчеством В. Ленина. Во многом благодаря его талантам они были воплощены в реальность.

Российская социально-политическая реальность в марте – октябре 1917 года создавалась идеями В.И. Ленина не потому, что они были более научными,

---

[1] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 282–282.

[2] Пайпс Р. Русская революция. Кн. 2. Большевики в борьбе за власть. 1917–1918. М., 2005. Электронное издание.

чем у его политических оппонентов, а потому, что они были более привлекательными как для самих революционеров, так и для народных масс, которые усвоили эти идеи и стали руководствоваться ими в своей политической борьбе. К тому же в конкретных политических условиях эти идеи были осуществимы, что и подтвердили события октября 1917 года.

Идейная работа

Идеи, сформулированные В. Лениным, стали главным оружием в той битве за умы людей, которую в марте – октябре 1917 года вели представители либеральной и социалистической концепций[1]. Как известно, эту битву выиграли радикальные социалисты – большевики. В основе их победы лежали более убедительные идеи, с помощью которых, как казалось массам, они решат текущие проблемы страны, находившейся в тяжелейшем военном, политическом и социально-экономическом положении, а также добьются улучшения собственной жизни и жизни своих близких.

Прежде всего, по мнению руководителей партии, следовало идейно укрепить сознание ее членов, учитывая, что «из каждых 15 членов партии примерно 14 вступили в ее ряды после свержения самодержавия. Это новое пополнение нуждалось в крепкой большевистской закалке»[2]. Поэтому задача идейной подготовки членов партии постоянно выдвигалась на одно из первых мест в выступлениях Ленина, решениях Апрельской конференции и VI съезда РСДРП(б). Так, VI съезд, определяя меры усиления работы в этом направлении, образовал специальную секцию по вопросу постановки пропаганды и агитации. В целях подготовки активных работников из среды пролетарской интеллигенции съезд признал необходимым создание партийных школ, в которых рабочие могли бы научиться выступать самостоятельно; выпуск популярно-научных изданий, из которых рабочие могли бы черпать материалы для выступлений по текущему моменту и основные идеи программы партии.

Мощным средством идейного воздействия являлась печать. После Февральской революции партии в короткий срок удалось создать в стране широкую сеть партийных газет и журналов. В июле 1917 года в центре и на местах выходило более 50 партийных печатных изданий. После июльского кризиса Временное

---

[1] Эта же мысль в официальной советской историографии звучит следующим образом: «После свержения царизма, когда резко возросла роль идеологического фактора в политической жизни, партия большевиков повела упорную борьбу против буржуазной и мелкобуржуазной идеологии, за углубление политического сознания пролетарских масс... Широко пропагандировавшиеся партией ленинские идеи прежде всего по таким кардинальным проблемам, как проблемы власти, войны и мира, вооружали рабочих правильным пониманием задач текущего момента и революционной перспективы, способствовали быстрому изживанию мелкобуржуазных иллюзий. Союзником большевиков была сама жизнь, агитировавшая на каждом шагу за ленинские идеи». Исторический опыт трех российских революций. Кн. 3. Коренной поворот в истории человечества / Гл. ред.: Голуб П.А. и др. М., 1987. С. 70–71.

[2] Исторический опыт трех российских революций. Кн. 3. Коренной поворот в истории человечества / Гл. ред.: Голуб П.А. и др. М., 1987. С. 143.

правительство закрыло многие большевистские газеты. Однако часть из них возобновилась под другими названиями, был налажен также выпуск новых изданий. В сентябре – октябре издавалось уже 75 партийных газет и журналов. Они печатались на восьми языках, выходили не только в крупных, но и в небольших городах[1]. Кроме того, печаталось несколько десятков советских, профсоюзных и других газет пробольшевистского характера[2].

Особенно велика была роль газеты «Правда». Будучи закрыта в июльские дни, она продолжала издаваться под другими названиями («Рабочий и солдат», «Пролетарий», «Рабочий», «Рабочий путь»). В период мирного развития революции она выходила тиражом 85–90 тыс. экземпляров. С марта до июльских дней было выпущено 8 млн. экземпляров газеты. Перед Октябрем тираж ее превышал уже 200 тыс. экземпляров. Своим влиянием и авторитетом «Правда» в значительной мере была обязана ее руководителю – В.И. Ленину. Он отдавал много сил и времени редактированию газеты, определял ее политическое направление. Только с 5 марта по 5 июля 1917 года в «Правде» было опубликовано 175 ленинских статей, речей и документов. Они перепечатывались местными большевистскими газетами. Благодаря этому ленинские идеи получали широчайшую аудиторию, играя большую роль в формировании политического сознания членов партии и беспартийных масс.

Партийная печать была рассчитана на самые разные социальные слои. Выходили специальные издания для солдат, крестьян, женщин-работниц. Адресуясь к простым труженикам, большевистская печать разъясняла волновавшие народ проблемы просто, доходчиво. Авторами многих корреспонденций были сами рабочие, солдаты, матросы, крестьяне. Все это открывало большевистским идеям самый широкий доступ к массам[3]. Действенность пропаганды и агитации большевистских газет была исключительно велика[4].

Как считает Р. Пайпс, «Бурная организаторская и публицистическая деятельность большевиков требовала больших денег. Если не все средства, то основная их часть поступала из Германии»[5]. Это вполне возможно, хотя достоверно и не доказано. Однако для нашего исследования важно то, что авторитетный историк полагает, будто бы на 50 млн. марок, которые были переданы большевикам, можно было организовать революцию. Что подразумевается под организаторскими расходами, не вполне ясно, но прямо указывается, что без немецких денег большевики не смогли бы издавать свои партийные

---

[1] История КПСС. Т. 3. Кн. 1. С. 183, 252–253.

[2] Бережной А.Ф., Астрахан Х.М., Сазонов И. С. Большевистская печать в борьбе за власть Советов (март–октябрь 1917). Л.,1960. С. 203.

[3] Исторический опыт трех российских революций. Кн. 3. Коренной поворот в истории человечества / Гл. ред.: Голуб П.А. и др. М., 1987. С. 171.

[4] Спирин Л.М. Россия 1917 год. Из истории борьбы политических партий. М., 1987. С. 168.

[5] Пайпс Р. Русская революция. Кн. 2. Большевики в борьбе за власть. 1917–1918. М., 2005. Электронное издание.

газеты[1] в столь значительном количестве. Как показывают современные исследования, количественного преобладания в периодической печати у большевиков не было.

Общее количество периодических изданий в 1917 году превысило 4 тысячи. Все органы буржуазной прессы занимали враждебную позицию по отношению к большевикам и Советам. Господствующее место в буржуазной прессе занимала кадетская печать. На позициях кадетов в этот период стояла и большая часть русской непартийной прессы. Многие проправительственные издания имели тиражи значительно большие, чем большевистская «Правда». Например, у «Русского слова» в 1917 году он доходил до 1200 тыс. экземпляров[2]. В период Февральской буржуазно-демократической революции у конституционных демократов было около 40 изданий, выходивших в различных городах и регионах страны. К 26 октября 1917 года у большевиков было 75 периодических изданий, у других социалистических партий – 85. Позиции тех и других изданий целиком отражали ситуацию во взаимоотношениях между партиями[3].

Таким образом, большевистская печать по числу изданий и их тиражам уступала своим эсеро-меньшевистским оппонентам и проправительственным либералам. В количественном отношении она, вероятно, не превышала и нескольких процентов от выходивших в стране периодических изданий. Подавляющее большинство непартийной прессы придерживалось либо нейтральной, либо антибольшевистской позиции. За счет чего же тогда победили большевики? Они победили за счет того, что их идеи были более убедительны, и потому их периодическая печать и листовки были намного более эффективным средством формирования политического мировоззрения людей, чем их эсеро-меньшевистских и либеральных противников. Эти идеи не были завезены из Германии, они – плод творчества большевиков, и прежде всего В. Ленина. Да, «немецкие» деньги помогли большевикам распространять их идеи, однако не деньги, а идеи были причиной их победы.

Идейная подготовка членов партии повседневно велась также в партийных школах, на курсах, в клубах, библиотеках, которые действовали во многих крупных большевистских организациях. Здесь читались лекции, проводились обсуждения злободневных политических вопросов, устраивались собеседования, коллективные читки газет. Слушатели партийных школ и курсов изуча-

---

[1] Р. Пайпс приводит слова немецкого министра иностранных дел (1917–1918) Рихарда фон Кюльмана: «Только получая от нас существенную постоянную помощь (по разным статьям и через разные источники), большевики смогли создать свой главный орган – газету «Правда» – и вести через него энергичную пропаганду, а значит, расширить изначально узкую социальную базу своей партии». Пайпс Р. Русская революция. Кн. 2. Большевики в борьбе за власть. 1917–1918. М., 2005. Электронное издание.

[2] Беспалова А.Г., Корнилов Е.А., Короченский А.П. и др. История мировой журналистики. Москва – Ростов-на-Дону, 2003. Электронное издание.

[3] Овсепян Р.П. История новейшей отечественной журналистики. М., 1999. Электронное издание.

ли общетеоретические, программные вопросы, стратегию и тактику партии, текущие политические проблемы. Тематика занятий составлялась партийными комитетами[1].

Борьбу за массы после Февраля большевистская партия начинала в сложных условиях, когда большинство рабочих и солдат находилось под влиянием либеральных и меньшевистско-эсеровских идей. Задачей большевиков было убедить массы в их ошибочности, доказать, что Временное правительство и эсеро-меньшевистские Советы, руководствуясь ими, проводят такую политику, которая невыгодна рабочим, крестьянам и солдатам, и этим склонить их на сторону большевиков. Поэтому идейно-политическая работа стала магистральным направлением в деятельности большевиков. Они мобилизовали все свои пропагандистские силы и направили их на фабрики, заводы, в казармы, окопы, деревни для критики оборончества и так называемого «соглашательства».

Перед рабочими, солдатами, матросами постоянно выступали члены ЦК РСДРП(б), ветераны партии, опытные пропагандисты. Члены Центрального Комитета за апрель – июнь выступили перед рабочими и солдатами столицы более 300 раз, и более всех В.И. Ленин. При ЦК находился специальный орган уполномоченных, который сам вел эту работу и распределял коммунистов по местам. Разъездные агенты состояли при Петербургском и Московском областных комитентах. В июне 1917 года существовало 10 окружных и областных подразделений и не менее 300 районных и подрайонных групп, которые вели агитационно-пропагандистскую работу[2].

При партийных комитетах почти повсеместно создавались коллегии агитаторов и пропагандистов. Им приходилось вести острые дискуссии с политическими оппонентами, но на стороне большевиков была сила их идей, которую они противопоставляли идеям меньшевиков и эсеров, а также либералам, поддерживающим Временное правительство. Несмотря на то, что большевистские агитаторы и пропагандисты в основном уступали в образовании и своих ораторских и пропагандистских навыках и талантах опытным и грамотным интеллектуалам, зачастую закаленным в думских дискуссиях, но их идеи были более привлекательными для рабочих, солдат и крестьян. Большевики брали не красотой и логичностью слова и слога, а убедительностью и простотой идей. Их лозунги были удивительно лаконичны и понятны: «Власть – Советам!», «Земля – крестьянам!», «Мир – народам!». Неважно, что осуществить их было очень трудно, а порой и просто невозможно без огромных потерь и гражданской войны. Об этом большинство трудящихся, не привыкших к последовательному логическому размышлению и не имеющих достаточных знаний, просто не были способны дойти своим умом, поэтому

---

[1] Исторический опыт трех российских революций. Кн. 3. Коренной поворот в истории человечества / Гл. ред.: Голуб П.А. и др. М., 1987. С. 144–145.

[2] Вопросы истории КПСС. 1958. № 2. С. 132.

полагались на разъяснения большевиков. Сложные логические конструкции интеллектуалов ими плохо воспринимались.

Изменению сознания масс помогала и организованная большевиками широкая кампания митингов, демонстраций, собраний, которая почти непрерывно продолжалась от Февраля до Октября. Она охватила всю страну, вовлекла в выступления миллионы трудящихся, особенно в такие моменты, как празднование 1 Мая, апрельский, июньский и июльский политические кризисы. На этих массовых мероприятиях в условиях действия психологии толпы большевистские лозунги усваивались без критического восприятия. Люди буквально «заражались» большевизмом. Простые и понятные лозунги дополнились простыми и понятными рецептами их выполнения – такими, как «Долой Временное правительство!» и т.п.

Отправным условием привлечения на свою сторону большинства народа являлась идейная и организационная подготовка самого пролетариата как класса-гегемона. Большевики стремились, чтобы их идеи были глубоко усвоены, прежде всего, в пролетарской среде, поэтому после свержения самодержавия направили в гущу рабочих масс самый многочисленный отряд своих пропагандистов, агитаторов, организаторов. Благодаря этому, а также высокой восприимчивости рабочих к революционным ленинским идеям процесс разрыва с эсеро-меньшевистскими соглашательскими и оборонческими идеями шел в ней несравненно быстрее, чем в других слоях трудящихся. Именно на фабриках и заводах в период с Февраля по Октябрь особенно быстро росла численность большевистских организаций, сыгравших ключевую роль в подготовке рабочих масс к революции.

В официальной советской историографии о результатах этой идейной работы говорится несколько пафосно, но в целом верно: «Итогом повседневной и целенаправленной работы ленинской партии среди пролетариата явилось сплочение его подавляющего большинства вокруг своего политического авангарда. К решающему моменту борьбы за власть из каждых десяти рабочих примерно девять поддерживало партию большевиков. Она сумела обеспечить единство российского рабочего движения на революционных принципах марксизма-ленинизма. Влияние меньшевиков в пролетарской среде сошло почти на нет. Тем самым было создано первое и главное условие победы большевизма в Октябрьской революции»[1].

Постоянное влияние на массы партия оказывала также с помощью своих фракций внутри организаций трудящихся. Партийные фракции теперь постоянно действовали в Советах, профсоюзах, фабрично-заводских комитетах, солдатских, крестьянских и других организациях. В руках партии это было

[1] Исторический опыт трех российских революций. Кн. 3. Коренной поворот в истории человечества / Гл. ред.: Голуб П.А. и др. М., 1987. С. 174–175.

весьма важное средство, с помощью которого она неуклонно расширяла и закрепляла свое идейное и организационное влияние[1].

Сила большевиков состояла в том, что они в своей идейно-массовой и политической работе всё и вся подчиняли решению главнейшей своей задачи – подготовки и победы социалистической революции. Изо дня в день они разъясняли трудовому народу: пока у власти находится буржуазия, до тех пор рабочие, солдаты, крестьяне, подвергаясь эксплуатации, будут так же нуждаться, как и раньше, а капиталисты и помещики – по-прежнему набивать свои карманы. Кончить войну, дать крестьянам землю, установить 8-часовой рабочий день, ввести рабочий контроль на производстве можно только тогда, когда власть перейдет в руки Советов.

Они говорили своим сторонникам: не ждите Учредительного собрания, созыв которого буржуазные партии и поддерживающие их меньшевики и эсеры сознательно оттягивают, а берите у помещиков сейчас, немедленно, но организованно, землю; братайтесь с немецкими солдатами и заключайте с ними перемирие, а затем мир; вводите 8-часовой рабочий день, никого не спрашивая; не давайте капиталистам закрывать фабрики и заводы; берите производство под свой контроль; не слушайте меньшевиков и эсеров, которые все больше продаются буржуазии; перевыбирайте Советы и вместо меньшевиков и эсеров посылайте туда большевиков, которые только одни являются истинными борцами за ваши интересы, могут защитить их[2]. Эффективность такой пропаганды была исключительно высока.

Сплочение большинства трудящихся вокруг рабочих, как необходимое условие для победы восстания, было достигнуто осенью 1917 года. Об этом Ленин заявил на заседании ЦК партии 10 октября: «Большинство теперь за нами. Политически дело совершенно созрело для перехода власти»[3].

Таким образом, идеи, созданные В. Лениным, были эффективно донесены до партии, а с ее помощью и до широких народных масс. Эти идеи были просты и убедительны, большевики предлагали простые рецепты решения сложных проблем, и это импонировало рабочим и солдатам.

Для распространения большевистских идей широко использовались печать, различные формы устной массовой агитации и пропаганды. К октябрю 1917 года идейное влияние большевиков обеспечило их поддержку в рядах рабочих и солдат, готовых на вооруженное восстание ради осуществления большевистских идей.

---

[1] Исторический опыт трех российских революций. Кн. 3. Коренной поворот в истории человечества / Гл. ред.: Голуб П.А. и др. М., 1987. С. 171–172.

[2] Спирин Л.М. Россия 1917 год. Из истории борьбы политических партий. М., 1987. С. 165.

[3] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 391.

Тактика

Из ленинской концепции социалистической революции и взятия власти вытекала тактика действий, которой в основном придерживалась большевистская партия. Несмотря на авторитет В. Ленина тактика большевиков не всегда вытекала из его идей. До его приезда в Россию партийное руководство действовало в соответствии с той тактикой, которая определялась более ранними программными установками. Да и после того, как у руля вновь встал Ленин, не он один определял тактическую линию. Она вырабатывалась в результате компромисса между различными силами, существовавшими в партии и представленными в ее руководстве.

Сразу после победы Февральской революции некоторые большевистские комитеты и ряд видных работников партии, а позднее и Русское бюро ЦК, определяя свою позицию по отношению к Временному правительству, призывали установить «контроль масс» над его деятельностью. Такая позиция означала, что власть остается в руках буржуазного Временного правительства.

Полуменьшевистскую позицию по отношению к Временному правительству и войне занял вернувшийся из ссылки Л. Каменев. Он выступил в «Правде» со статьей, в которой призывал к условной поддержке буржуазного Временного правительства и призвал по существу к продолжению войны. Выступление Каменева сразу вызвало резкую критику со стороны членов Бюро ЦК и членов Петербургского комитета партии, и в следующем номере «Правды» Каменев снял вопрос о поддержке и высказался за давление на Временное правительство с целью заставить его выступить с предложением заключить мир. Политику «давления» на Временное правительство с требованием немедленно открыть мирные переговоры поддерживал И. Сталин[1].

Таким образом, у партии большевиков до апреля 1917 года не было единой тактики борьбы, поскольку не были определены ясные идейные позиции по отношению к главным политическим проблемам.

Апрельские тезисы, поддержанные на Апрельской конференции партии, определили тактику борьбы за социалистическую революцию. В отличие от свержения царизма вооруженным путем большевики провозгласили мирный путь развития революции: не насильственное свержение Временного правительства, которое поддерживали Советы, а его изоляция; революционные органы власти – Советы, лишив буржуазию своей поддержки, должны взять власть в свои руки.

Социальной базой революции большевики определили союз рабочих и беднейшего крестьянства. Середняцкие крестьянские слои предстояло нейтрализовать, а затем уже привлечь на сторону рабочего класса.

---

[1] История Коммунистической партии Советского Союза /Б.Н. Пономарев, М.О. Волин, В.С. Зайцев и др. 6-е изд., доп. М., 1982. С. 183.

Все усилия партии по линии Советов, фабзавкомов, профсоюзов, всех общественных, военных организаций направлялись на отделение пролетарской линии от мелкобуржуазной, интернационалистской – от оборонческой, революционной – от оппортунистической, на организацию и вооружение рабочих, на подготовку их сил к следующему этапу революции[1].

Вплоть до июля острие идеологической и политической борьбы РСДРП(б) было направлено главным образом против буржуазных партий, то есть против своего главного политического врага. Но при этом велась, и очень энергично, активная борьба с мелкобуржуазными партиями[2].

Р. Пайпс отмечает, что либералы во Временном правительстве, с точки зрения Ленина, были более опасным противником, чем демократы-социалисты в Советах, поскольку правительство располагало значительными вооруженными силами и пользовалось известной поддержкой среднего класса и крестьянства. Воззвав к национальным чувствам, оно могло выставить против большевиков многочисленную армию. Пока Временное правительство хотя бы номинально оставалось у власти, сохранялась опасность сдвига всей страны вправо. Поставив же на место законной власти Советы, можно было продолжать смещать влево политические настроения в обществе.

В этот период большевики были настолько уверены в себе, что не считали эсеров и меньшевиков серьезной помехой. И.Г. Церетели, у которого из всех меньшевистских лидеров было менее всего иллюзий относительно политических соперников, писал, что большевики надеются отобрать верховную власть в стране у большинства в Советах, не встретив сильного сопротивления[3].

Определяя тактику партии в отношении эсеров и меньшевиков, В. Ленин исходил из оценки их действий и роли в политической системе. В тех случаях, когда меньшевики действовали хоть и в соответствии с марксистской теорией, но вопреки последним ленинским идеям, они объявлялись ренегатами, политическими противниками и пособниками контрреволюции. Когда их действия соответствовали ленинским идеям, а это было нечасто, то их готовы были взять в союзники.

До приезда В. Ленина в Россию большевистское руководство в основном поддерживало политику меньшевиков, во всяком случае не видели в них политических врагов. Все изменилось после принятия новых ленинских идей, сформулированных в Апрельских тезисах. Под их влиянием VII (Апрельская) Всероссийская конференция и VI съезд РСДРП(б) приняли решения, в которых подчеркивалось, что мелкобуржуазные партии, перешедшие в большинстве случаев на позиции «революционного оборончества», своей политикой

---

[1] Спирин Л.М. Россия 1917 год. Из истории борьбы политических партий. М., 1987. С. 155–156.

[2] Спирин Л.М. Россия 1917 год. Из истории борьбы политических партий. М., 1987. С. 166.

[3] Пайпс Р. Русская революция. Кн. 2. Большевики в борьбе за власть. 1917–1918. М., 2005. Электронное издание.

развращают пролетариат буржуазным влиянием, внушают ему мысль, будто можно изменить империалистическую политику правительства и увести его с пути контрреволюционных посягательств на политические свободы народных масс посредством соглашений, «контроля», вступления в министерство и т. п. Партия большевиков призывала всеми возможными способами разоблачать эту политику, которая являлась главным препятствием к дальнейшему развитию революции и создавала угрозу ее поражения со стороны сил буржуазно-помещичьей контрреволюции. Сближение и объединение допускались только с теми группами и течениями, которые на деле стояли на почве интернационализма, при условии их разрыва с политикой мелкобуржуазной измены социализму[1].

Большевики стремились изолировать меньшевиков и эсеров от масс, добиться нейтрализации той части непролетарских слоев, которая, следуя в русле политики соглашательского блока, поддерживала буржуазное Временное правительство. Задача состояла в том, чтобы, критикуя соглашательскую политику и действия эсеро-меньшевистских лидеров, разъясняя массам их ошибки, побудить их к объединению с пролетариатом в борьбе за общие цели. Большевики призывали низы партий эсеров и меньшевиков либо заставить своих вождей порвать коалицию с буржуазией, либо самим порвать с этими вождями и этими партиями[2]. Впрочем, это не мешало большевикам блокироваться с меньшевиками и эсерами по различным второстепенным вопросам, а также в ходе проведения некоторых политических акций.

Как считает Р. Пайпс, опыт Февраля убедил Ленина, что Временное правительство может быть свергнуто при помощи массовых уличных демонстраций. В течение трех месяцев после возвращения в Россию Ленин пытался свалить Временное правительство путем массовых выступлений[3]. Когда это не удалось, он сделал ставку на переворот с помощью вооруженных отрядов без привлечения масс.

После июльского кризиса Ленин считал, что контрреволюции удалось при полной поддержке меньшевиков и эсеров взять под свой контроль правительство и революцию. Теперь, когда контрреволюция укрепилась, а Советы оказались без власти, больше не существовало возможности для мирного развития революции. Партии следовало отказаться от тактики на передачу власти Советам и снять главный большевистский лозунг «Вся власть Советам!». Большевики должны перейти к новой тактике, соответствующей основной цели партии, а именно готовить вооруженное восстание и передачу власти

---

[1] Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1980). 9-е изд., доп. и испр. М., 1983. Т. 1. С. 504.

[2] Исторический опыт трех российских революций. Кн. 3. Коренной поворот в истории человечества / Гл. ред.: Голуб П.А. и др. М., 1987. С. 254.

[3] Пайпс Р. Русская революция. Кн. 2. Большевики в борьбе за власть. 1917–1918. М., 2005. Электронное издание.

пролетариату и беднейшему крестьянству[1]. При этом партия разъясняла, что снятие этого лозунга не означает отказа от Советов как формы революционной власти.

Партия, указывал Ленин, продолжает бороться за построение государства по типу Советов, но не теперешних, ставших по вине мелкобуржуазных партий органами соглашательства с буржуазией, а Советов, которые пролетариат преобразует в подлинно революционные органы борьбы против буржуазии, в органы государства нового типа[2]. Первоначально эти тактические установки были отвергнуты руководством партии на совещании лидеров большевиков, проходившем 13 – 14 июля. Из пятнадцати присутствовавших на нем партийных руководителей десять голосовали против них. В результате ожесточенной борьбы эта ленинская установка все же была закреплена на VI съезде, собравшемся в Петрограде в конце июля[3].

Несмотря на то, что прежний лозунг «Вся власть Советам!» был снят, многие массовые организации Петрограда, невзирая на решения партии, продолжали рассматривать создание революционного правительства Советов в качестве органа, который сможет решить наиболее острые проблемы. В конце августа, во время Корниловского мятежа, представление о чисто социалистической власти почти повсеместно разделяли рабочие и солдаты Петрограда[4]. Учитывая это, 30 августа Ленин написал письмо, в котором давал Центральному Комитету тактические рекомендации, свидетельствовавшие пусть о временном, но существенном сдвиге его взглядов на тактику политических действий. Он считал, что в новых условиях большевики не должны ни оказывать правительству Керенского прямую поддержку, ни стремиться в данный момент к его свержению. Задача борьбы с Керенским сводилась к разоблачению всеми возможными средствами его слабости и шатаний, а также к оказанию давления на правительство. Признание необходимости координации действий большевиков и других политических групп против Корнилова и усиления агитации за выполнение «частичных требований» свидетельствовало об отходе Ленина от его прежних категорических возражений против какого бы то ни было сближения с меньшевиками и эсерами и утверждений, что главная задача партии большевиков – как можно скорее добиться непосредственного захвата власти пролетариатом.

В статье «О компромиссах», опубликованной Лениным 1 сентября, конкретно предложенный им компромисс заключался в следующем: большевики

---

[1] Пайпс Р. Русская революция. Кн. 2. Большевики в борьбе за власть. 1917–1918. М., 2005. Электронное издание.

[2] Исторический опыт трех российских революций. Кн. 3. Коренной поворот в истории человечества / Гл. ред.: Голуб П.А. и др. М., 1987. С. 162.

[3] См.: Шестой съезд РСДРП (большевиков). Август 1917 года. Протоколы. С. 257.

[4] Рабинович А. Большевики приходят к власти: Революция 1917 года в Петрограде: Пер. с англ. /Общ. ред. и послесл. Г.З. Иоффе. М., 1989. http://scepsis.net/library/id_1499.html

временно снимают требование перехода власти к правительству, образованному представителями пролетариата и беднейшего крестьянства, и официально возвращаются к лозунгу «Вся власть Советам!». Меньшевики и эсеры берут власть в свои руки и формируют правительство, ответственное перед Советами. Политическая власть на всей территории России переходит к местным Советам, большевики в состав правительства не входят, но получают гарантии полной свободы действий в соответствии с их программой. В сущности, статья «О компромиссах» явилась выражением готовности отказаться от вооруженной борьбы и бороться за преобладание в Советах политическими средствами при условии, что меньшевики и эсеры порвут с буржуазией. Установка на образование новой власти и нового правительства на Всероссийском съезде Советов определяла всю деятельность большевиков во второй половине сентября[1].

31 августа ЦК РСДРП(б) принял резолюцию «О власти», в которой эсеро-меньшевистскому ЦИК Советов предлагалось отстранить от власти кадетов и представителей крупной буржуазии и создать революционно-демократическую власть из представителей рабочих и крестьян, которая должна осуществить требования о мире, земле, демократизации государственного строя и т. д.

Поскольку ЦИК Советов отверг предложение большевиков[2], а 25 сентября была официально возобновлена правительственная коалиция эсеров и меньшевиков с кадетами, то Ленин снял с повестки дня сотрудничество с этими партиями[3]. Исключение было сделано для левых эсеров, позиции которых оказались близки по многим пунктам с взглядами большевиков. В результате в начале октября, рассматривая вопрос о создании Военно-революционного комитета, Ленин предложил включить в него представителей Военной организации левых эсеров. Левые эсеры вошли в Петроградский ВРК, принимали участие также в деятельности местных ВРК. Несмотря на то, что блок между большевиками и левыми эсерами на уровне их руководящих центров заключен не был, фактически он существовал на местах в виде совместных выступлений большевиков с левоэсеровскими низами[4]. Это был очень важный союз. В статье «Кризис назрел» Ленин констатировал: «...вместе с левыми эсерами мы имеем теперь большинство и в Советах, и в армии, и в стране»[5].

В августе – сентябре 1917 года шатающаяся власть провела два важных мероприятия. В конце августа Временное правительство созвало Государствен-

---

[1] Рабинович А. Большевики приходят к власти: Революция 1917 года в Петрограде: Пер. с англ. /Общ. ред. и послесл. Г.З. Иоффе. М., 1989. http://scepsis.net/library/id_1499.html

[2] Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1980). 9-е изд., доп. и испр. М., 1983. Т. 1. С. 601–602.

[3] Подробнее см.: Исторический опыт трех российских революций. Кн. 3. Коренной поворот в истории человечества / Гл. ред.: Голуб П.А. и др. М., 1987. С. 258–259.

[4] Исторический опыт трех российских революций. Кн. 3. Коренной поворот в истории человечества / Гл. ред.: Голуб П.А. и др. М., 1987. С. 261.

[5] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 279.

ное совещание в Москве, а руководство Советов в сентябре – октябре провело Всероссийское демократическое совещание. В последнем большевики приняли участие, но позднее, проанализировав его последствия, Ленин признал участие партии в этом мероприятии ошибочным. В отношении Государственного совещания в Москве Ленин высказался за немедленный уход большевиков с этого правительственного форума. Позднее большевики не участвовали и в работе Предпарламента, созданного Демократическим совещанием. Партия поддержала ленинскую оценку Демократического совещания, приняла ленинскую тактику бойкота Предпарламента и выдвинула требование немедленного созыва II Всероссийского съезда Советов.

Установив в середине сентября 1917 года, что общенациональный кризис как необходимое условие завоевания власти пролетариатом вполне назрел, и, оценив внутреннее и международное положение как исключительно благоприятное для успеха революции в России, Ленин предложил начать непосредственную подготовку вооруженного восстания, которое теперь могло опереться на мощный революционный подъем народа. ЦК выбирал между предложениями Ленина с его курсом на вооруженное восстание, позицией Троцкого, усиленно продвигавшего идею передачи решения вопроса о власти съезду Советов, и предложениями Каменева и Зиновьева, выступавших против восстания и пытавшихся навязать партии парламентские способы борьбы. Ленинская тактика предусматривала осуществление восстания под знаменем Советов, овладение властью в ходе восстания и передачу ее Всероссийскому съезду Советов[1]. В результате ожесточенной идейной борьбы ленинские идеи были приняты Центральным Комитетом[2], который взял курс на вооруженное восстание.

Таким образом, тактика большевиков в марте – октябре 1917 года определялась господствующими в руководстве партии идеями, большинство из которых принадлежало В. Ленину.

Укрепление организационных основ партии

Для реализации большевистских идей взятия власти и осуществления социалистической революции партия под руководством В. Ленина последо-

---

[1] Исторический опыт трех российских революций. Кн. 3. Коренной поворот в истории человечества / Гл. ред.: Голуб П.А. и др. М., 1987. С. 164–165.

[2] Как считает Р. Пайпс, «Тактика ЦК заключалась в том, чтобы спровоцировать правительство на репрессивные меры и затем начать переворот под прикрытием лозунга защиты революции. Эта тактика не была секретом. Как писал орган эсеров “Дело народа” еще за несколько недель до переворота, Временное правительство будет обвинено в том, что вступило в заговор с Корниловым, чтобы подавить революцию, и с кайзером, чтобы сдать врагу Петроград, а также в намерении разогнать съезд Советов и Учредительное собрание. После переворота Троцкий и Сталин подтвердили, что план партии состоял именно в этом». См.: Пайпс Р. Русская революция. Кн. 2. Большевики в борьбе за власть. 1917–1918. М., 2005. Электронное издание.

Действительно, события развивались именно так, но убедительного документального подтверждения, что в этом и заключался замысел Ленина, все же нет.

вательно создавала крепкую, идейно сплоченную массовую политическую организацию.

Партийное строительство на новом этапе приобрело невиданный прежде размах. Подчеркивая его значение, Ленин писал в апреле 1917 года на страницах «Правды»: для проведения партийной линии нужна организация пролетарских масс втрое лучше теперешней. «В каждом районе, в каждом квартале, на каждом заводе, в каждой роте должна быть крепкая, дружная организация, способная действовать как один человек. От каждой такой организации должны быть прямые нити к центру, к ЦК, и нити эти должны быть крепкие»[1].

Чтобы охватить идейным и организационным влиянием миллионы трудящихся, нужна была массовая партия. Свержение самодержавия устранило многие преграды на пути роста численности большевистской партии, и этот процесс значительно ускорился. К Апрельской конференции ее численность уже превышала 100 тысяч членов, к VI съезду РСДРП(б) достигла 240 тысяч, а в канун Октября составила около 350 тысяч. Таким образом, только за восемь месяцев партия выросла почти в 15 раз[2].

Большевики являлись одной из самых многочисленных политических партий России в 1917 году. Лишь эсеры превосходили их по численности, но «по своей организованности, сплочению рядов, монолитности с большевиками не могла сравниться ни одна другая партия»[3].

В отличие от других политических организаций рост большевиков неуклонно продолжался в течение всего года, в то время как основные либеральные и социалистические партии, испытав наивысший подъем летом 1917 года, дальше пошли на убыль[4].

Развивалось и организационное строение партии. К моменту выхода из подполья она насчитывала лишь немногим более 150 организаций и групп. К концу апреля 1917 года их количество выросло до 600, а в канун Октября, по неполным данным, только городских и заводских организаций имелось уже 350[5], многие из которых объединяли десятки первичных ячеек.

Наиболее интенсивно создание партийных организаций шло в рабочей среде и в армии. В канун Октябрьского вооруженного восстания, по неполным данным, в тыловых войсках насчитывалось 95 гарнизонных военных организаций. Многие сотни первичных организаций образовались к этому времени в действующей армии: на Западном фронте – почти 400, на Юго-Западном – около 120, на Румынском – более 80.

---

[1] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 337–338.

[2] Исторический опыт трех российских революций. Кн. 3. Коренной поворот в истории человечества / Гл. ред.: Голуб П.А. и др. М., 1987. С. 134.

[3] Спирин Л.М. Россия 1917 год. Из истории борьбы политических партий. М., 1987. С. 163.

[4] Спирин Л.М. Россия 1917 год. Из истории борьбы политических партий. М., 1987. С. 160.

[5] История Коммунистической партии Советского Союза: В 6-ти т. М., 1967. Т. 3. кн. 1. С. 20, 24, 248.

Значительно меньшее развитие получило партийное строительство в деревне. По приблизительным данным, в 1917 году в сельской местности насчитывалось немногим более 200 большевистских ячеек, объединявших свыше 4000 членов.

Наличие большого числа партийных организаций требовало координации их усилий в масштабах областей, губерний, армий и корпусов. К моменту вооруженного восстания в составе партии действовали 14 областных и краевых, 26 губернских, много окружных и районных, а также 3 фронтовых, 7 армейских и ряд корпусных партийных объединений[1].

В начале 1917 года не было единых правил приема в партию. В Петрограде, например, после выхода партии из подполья прием в нее первое время был облегчен: отменили рекомендации, снизили размеры членских взносов и т. д. Все это дало возможность в течение марта – апреля увеличить численность членов партии с 2000 до почти 15000[2].

Чтобы оградить партию от притока идейно чуждых, неустойчивых и случайных элементов, в марте 1917 года было принято решение, согласно которому новые члены принимались местными партийными комитетами по рекомендациям двух членов партии и утверждались общим собранием организации. Эта система приема была подтверждена VI съездом и включена в принятый им новый устав РСДРП(б)[3]. Главным критерием отбора была вера в большевистские идеи, вступающих спрашивали об основных положениях программы, о текущих событиях, о главных лозунгах партии.

С другой стороны, в ходе кризисов партия освобождалась от идейно нестойких, случайных элементов. Так было, например, после июльских событий, когда ее ряды покинуло значительное количество членов партии. Несмотря на потери, организация была быстро восстановлена благодаря мощной идейной работе, проведенной ЦК по разъяснению политики партии в массах[4].

В ходе подготовки вооруженного восстания некоторые большевистские организации провели перерегистрацию. Эти меры укрепляли партию[5], делали ее крепкой как идейно, так и организационно.

---

[1] Исторический опыт трех российских революций. Кн. 3. Коренной поворот в истории человечества / Гл. ред.: Голуб П.А. и др. М., 1987. С. 137–138.

[2] Спирин Л.М. Россия 1917 год. Из истории борьбы политических партий. М., 1987. С. 161–162.

[3] Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1980). 9-е изд., доп. и испр. М., 1983. Т. 1. С. 589.

[4] А. Рабинович пишет: «В то время как после июльского восстания за несколько недель испарилось существовавшее ранее у части петроградских рабочих и солдат чувство горечи и враждебности к большевикам, в начале августа появились многочисленные бесспорные признаки того, что сохранившая в целости свой аппарат партия большевиков вступила в новый период подъема». См.: Рабинович А. Большевики приходят к власти: Революция 1917 года в Петрограде: Пер. с англ. /Общ. ред. и послесл. Г.З. Иоффе. М., 1989. http://scepsis.net/library/id_1499.html

[5] Исторический опыт трех российских революций. Кн. 3. Коренной поворот в истории человечества / Гл. ред.: Голуб П.А. и др. М., 1987. С. 134.

К концу 1917 года рабочие составляли в партии 56,9%, крестьяне – 14,5%, служащие – 22,4%, прочие – 0,2%[1].

Основную битву большевики вели за умы и политическое сознание рабочих столицы. По подсчетам историка Х.М. Астрахана, в марте – апреле 1917 горда политическая ориентация рабочих на 94 крупнейших заводах и фабриках Петрограда, насчитывавших 356 тысяч человек, выглядела так: 14,6% поддерживали партию большевиков, 10,2% – меньшевиков и эсеров, 69,5% не определили своего отношения к партиям, но рассматривали все партии Петросовета как социалистические, то есть не видели еще большой разницы между пролетарской и мелкобуржуазными партиями; 5,7% рабочих не выявили своей партийной позиции[2]. К октябрю 1917 года в Петрограде рабочие составляли примерно 80% членов большевистской парторганизации[3], ее влияние на пролетариат было преобладающим.

Важную роль в создании централизованной, крепкой и сплоченной организации сыграл принцип демократического централизма, закрепленный в уставе партии. Он обеспечил сочетание основ внутрипартийной демократии со строгим подчинением руководящим органам, твердую партийную дисциплину, коллективность в выработке решений с персональной ответственностью за их осуществление.

Общее руководство партией осуществлял Центральный Комитет РСДРП(б), неформальным лидером в нем был В. Ленин. Под руководством ЦК организаторскую работу вели областные, краевые, губернские, окружные, городские, районные общепартийные, а также военные организации большевиков. Местные партийные комитеты утверждали вновь создававшиеся организации, направляли работу всех членов партии, налаживали связи с вышестоящими партийными центрами и с ЦК РСДРП(б). Им подчинялись также большевистские фракции Советов, солдатских комитетов, муниципальных учреждений, профсоюзов[4]. Это была сложная в организационном отношении политическая машина. Она только создавалась и поэтому не всегда действовала с возможной эффективностью. Порой ЦК был просто не в состоянии контролировать действия районных организаций из-за общего хаоса, местных различий и постоянно меняющейся ситуации в стране. В Петрограде такие важные центры РСДРП(б), как Петербургский комитет, осуществлявший руководство партийной работой в столице, а также Военная организация («Военка»), отвечавшая за революционную работу партии в войсках, имели относительную свободу выбора тактики и лозунгов борьбы в соответствии с

---

[1] Исторический опыт трех российских революций. Кн. 3. Коренной поворот в истории человечества / Гл. ред.: Голуб П.А. и др. М., 1987. С. 135.

[2] Астрахан Х. М. Большевики и их политические противники в 1917 году. Л., 1973. С. 75–77.

[3] Спирин Л.М. Россия 1917 год. Из истории борьбы политических партий. М., 1987. С. 161.

[4] Исторический опыт трех российских революций. Кн. 3. Коренной поворот в истории человечества / Гл. ред.: Голуб П.А. и др. М., 1987. С. 140.

конкретными условиями. При необходимости они упорно отстаивали перед ЦК свои прерогативы[1]. В этом случае единство действий обеспечивало единство идей, которые разделяли члены этих организаций.

После Февральской революции в некоторых городах сохранялись объединенные организации РСДРП, в которые входили и большевики и меньшевики. В марте их насчитывалось около 150. В соответствии с определенной в апреле месяце тактикой ЦК развернул борьбу за полное и скорейшее размежевание с меньшевиками. В результате к концу июля 1917 года около 70 городгородских и заводских партийных организаций, а к октябрю уже более 100 очистились от меньшевиков-оборонцев[2].

По мере роста идейного влияния большевиков в их ряды стали вливаться члены других партий. Перед Октябрем это явление приобрело массовый характер. VI съезд партии утвердил вступление в РСДРП(б) так называемой Межрайонной организации, насчитывавшей около 4 тысяч членов, а вскоре после съезда в большевистскую партию была принята группа меньшевиков-интернационалистов во главе с Ю. Лариным. Главным критерием, по которому шел прием, была идейная близость новых членов партии.

За короткий исторический срок партия большевиков из сравнительно небольшой по численности «превратилась в массовую, четко организованную, политически подготовленную партию, пользующуюся огромным авторитетом среди трудящихся»[3].

Таким образом, в основе крепкой, сплоченной организации партии большевиков лежало идейное единство. Привлекательные и убедительные идеи, выдвинутые В. Лениным, сплачивали людей в единый политический организм. Организационные принципы партийного строительства, сформулированные Лениным еще в начале века, сформировали массовую единую централизованную партийную организацию, имевшую значительную свободу выражения мнения и одновременно спаянную крепкой партийной дисциплиной. Все эти качества позволили Ленину создать из партии действенный

---

[1] Рабинович А. Большевики приходят к власти: Революция 1917 года в Петрограде: Пер. с англ. /Общ. ред. и послесл. Г.З. Иоффе. М., 1989. http://scepsis.net/library/id_1499.html

[2] История Коммунистической партии Советского Союза: В 6-ти т. М., 1967. Т. 3. Кн. 1. С. 27, 89, 245.

[3] Исторический опыт трех российских революций. Кн. 3. Коренной поворот в истории человечества / Гл. ред.: Голуб П.А. и др. М., 1987. С. 146. Противоположного мнения придерживается А. Рабинович. Он пишет: «Действовавшая в 1917 году большевистская партия мало походила на сплоченную, авторитарную, законспирированную организацию, эффективно руководимую Лениным, какой она изображается во многих исследованиях». Впрочем, ниже он признает, что партия большевиков «оставалась, несомненно, более сплоченной, чем любая другая крупная партия, боровшаяся с ней за власть. Бесспорно, это явилось важным фактором ее успеха. И все же я пришел к выводу, что относительная гибкость партии, так же как ее способность улавливать преобладавшие настроения масс, содействовала победе большевиков по крайней мере столько же, сколько революционная дисциплина, организационное единство и авторитет Ленина». См.: Рабинович А. Большевики приходят к власти: Революция 1917 года в Петрограде: Пер. с англ. /Общ. ред. и послесл. Г.З. Иоффе. М., 1989. http://scepsis.net/library/id_1499.html

политический механизм борьбы за власть, равного которому не было в России в 1917 году.

В марте – октябре 1917 года большевистская партия и особенно ее лидер В. Ленин провели огромную работу по подготовке и проведению вооруженного восстания и взятию власти. Главным в этой работе было создание убедительных для партии и народа идей, объясняющих текущую тяжелую ситуацию ошибочностью либеральных теорий, а также концепций эсеров и меньшевиков. Большевики сформулировали простые, ясные и понятные рецепты по ее исправлению при условии передачи власти в руки Советов. Эти идеи с помощью партии были эффективно донесены до политически активных рабочих, солдат и крестьян, что обеспечило их поддержку в ходе вооруженного восстания. Идеи большевиков были более убедительны, чем идеи их политических противников и оппонентов, поэтому Временное правительство постепенно лишилось поддержки не только рабочих и крестьян, но и солдат: в решающий момент его некому было защитить.

На основе ленинских идей партия разрабатывала тактику ведения политической борьбы. Не всегда она была удачна. В июле месяце большевики потерпели политическое поражение, но быстро оправились от него не только идейно, но и организационно.

Для реализации политических идей Центральный Комитет создал идейно сплоченную, централизованно управляемую, дисциплинированную партийную организацию, превратившуюся в эффективный механизм борьбы за власть.

§2. Либералы

Идеи

К 1917 году в русском либерализме как на общетеоретическом, так и на политическом уровнях приоритетные позиции были закреплены за партией кадетов, обладавшей крупными интеллектуальными силами, а также богатым политическим опытом. Кадетская либеральная модель являлась для своего времени образцом демократического переустройства России. Однако кадетской партии, получившей власть в экстремальной политической ситуации, эту модель так и не удалось реализовать[1].

Главной заботой кадетского руководства было оптимальное решение вопроса о власти. После отречения Николая II от престола вопрос о преемственности власти в стране оказался запутанным. По окончании безрезультатных переговоров с великим князем Михаилом Александровичем Временный комитет Государственной думы, в котором ведущую роль играли представители кадетской фракции, принял решение о создании Временного правительства. Ключевую роль в формировании первого состава Временного прави-

[1] Шелохаев В.В. Либеральная модель переустройства России. М., 1996. С. 261.

тельства играли члены ЦК кадетской партии, а некоторые из них согласились стать министрами. Министры-кадеты, и прежде всего министр иностранных дел П.Н. Милюков, выработали программу Временного правительства, в которую вошли важнейшие требования кадетской программы. Однако в конкретных условиях марта – октября 1917 года реализовать программу Временного правительства они не смогли[1].

Проходивший 25–28 марта в Петрограде VII съезд партии конституционных демократов сформулировал отношение к основным послереволюционным проблемам. Кадеты выражали «полное доверие Временному правительству», так как его политика соответствовала программе партии. Советы квалифицировались ими всего лишь как общественные организации, поэтому их вторжение «в прерогативу исполнительной власти», то есть правительства, считалось недопустимым. Кадеты высказались против какой-либо поспешности в решении коренных социальных вопросов [2].

Кадеты объявили себя республиканцами, а Россию – «демократической парламентарной республикой» с разделением законодательной и исполнительной власти, оговорив, что окончательно этот вопрос, как и все остальные (в этом содержалась суть кадетской тактики), решит Учредительное собрание. Кадеты ориентировались «на поддержку мелкобуржуазных партий, поскольку остальные буржуазные партии не представляли сколько-нибудь значительной силы, и одновременно – на борьбу со всякого рода максимализмом и большевизмом[3]. Одновременно кадеты решили сменить название и стали именоваться “Партией народной свободы”.

Кадеты выступали за продолжение войны «до победного конца». Выражением их внешней политики стала декларация Временного правительства от 18 апреля, которая была направлена союзникам вместе с объяснением к этому документу, получившим название ноты Милюкова. В ней говорилось, что «стремление довести войну до решительной победы лишь усилилось» и правительство «будет вполне соблюдать обязательства, принятые в отношении наших союзников»[4].

Будучи правящей партией, кадеты вынуждены были оперативно реагировать на обстановку и чуть ли не каждый месяц проводить свои съезды. 9 мая в Петрограде открылся VIII съезд Партии народной свободы, который сосредоточился на рассмотрении двух вопросов – аграрного и национального. В своем политическом докладе Милюков с большой тревогой отмечал «разложение», которое наблюдалось везде: в деревне – захват помещичьих земель; в

---

[1] Политические партии России: история и современность./ Под ред. проф. А.И. Зевелева, проф. Ю.П. Свириденко, проф. В.В. Шелохаева. М., 2000. С. 266.

[2] Исторический опыт трех российских революций. Кн. 3. Коренной поворот в истории человечества / Гл. ред.: Голуб П.А. и др. М., 1987. С. 191.

[3] Спирин Л.М. Россия 1917 год. Из истории борьбы политических партий. М., 1987. С. 103.

[4] Спирин Л.М. Россия 1917 год. Из истории борьбы политических партий. М., 1987. С. 109–110.

армии – братание, нежелание воевать за «буржуев»; в городе – отказ рабочих трудиться на оборону. Успех партии власти определялся теперь прежде всего тем, за кем пойдут армия и крестьяне, кого они поддержат в решении главного вопроса революции, а поскольку армия состояла в основном из крестьян, то последнее слово оставалось за деревней. Вот почему кадеты придавали такое большое значение аграрному вопросу, с которым были тесно связаны местное самоуправление и национальные отношения.

По аграрному вопросу съезд постановил, что «земли сельскохозяйственного пользования должны принадлежать трудовому земледельческому населению». Частновладельческие земли подлежали принудительному отчуждению за выкуп. В то же время кадеты выступили против принудительного отчуждения земель, занятых усадьбами и садами, а также принадлежавших фабрикам и заводам. Окончательное решение земельного вопроса, как и всех остальных, откладывалось до Учредительного собрания. Кадеты, стоящие за сохранение частной собственности, делали ставку на богатых крестьян, хуторян, отрубников, имевших частные земли и угодья. За счет такого контингента кадеты намеревались пополнить ряды своей партии. Но на практике эти категории крестьян охотнее поддерживали правых эсеров, чем либеральную партию.

Был подтвержден курс партии на «тесное и неразрывное единение с союзниками».

Съезд расценил вхождение социалистов в правительство как событие, которое приведет к концу двоевластия, и принял резолюцию «оказывать полную поддержку новому Временному правительству во всех его начинаниях».

С докладом по национальному вопросу выступил член ЦК кадетской партии Ф.Ф. Кокошкин. В своем выступлении он противопоставлял принципу самоопределения наций провинциальную, культурную автономию наподобие земского самоуправления. Предполагалось, что «высшим территориальным самоуправляющим союзам (губернским и областным земствам) должны быть предоставлены права провинциальной автономии (издания местных законов) в определенных сферах местной хозяйственной, культурной и национально-культурной жизни...»[1]. Это не устроило националистов, и к середине 1917 года кадеты успели поссориться со многими национальными либерально-буржуазными партиями, в том числе с финляндскими и украинскими[2].

Современные исторические исследования показали, что в идеологии кадетов было много элементов социализма. Как считает Ф. Селезнев, «даже правые кадеты типа Струве не отрицали социализма, а пытались синтезировать либеральные и социалистические ценности. Что касается центри-

[1] Цит. по: Спирин Л.М. Россия 1917 год. Из истории борьбы политических партий. М., 1987. С. 134.
[2] Спирин Л.М. Россия 1917 год. Из истории борьбы политических партий. М., 1987. С. 132–136.

стов, а тем более левых кадетов, то присутствие социалистических элементов в их идеологии было еще более ощутимым... В целом социалистическая составляющая в идеологии Партии народной свободы выражена более ярко, чем либеральная»[1]. Думается, что это излишне категорический вывод, хотя с наличием ряда социалистических идей в программных документах кадетов можно согласиться, и это подтверждает мысль о том, что реальной либеральной альтернативы развития России в 1917 году не было.

По мнению В. Шелохаева, «Русские либералы-интеллектуалы конструировали свою теоретическую модель исходя по преимуществу из желаемого и в гораздо меньшей мере учитывали реальную действительность, которую они намеревались переустроить по уже апробированным в иной исторической среде западноевропейским образцам. Однако “зазор” между идеально желаемым и реально действительным оказался так велик, что сконструированная ими рационалистическая модель переустройства России неадекватно была воспринята исторической средой»[2].

Тактика

Либеральная модель российского будущего и представления о настоящем социально-политическом и экономическом положении страны определяли конкретные пути достижения демократического идеала и строительства «свободной» России.

Партия кадетов в февральские дни пыталась сохранить монархию, но, когда это оказалось невозможным, выступила за республиканское политическое устройство.

Важнейшим вопросом тактики для кадетов, после того как они вошли в состав Временного правительства, стала проблема поиска союзников, на которых могло бы опереться правительство, имевшее крайне узкую социальную базу. Кадетские лидеры призывали искать соглашения с эсерами и меньшевиками. Реализацией идеи блокирования с этими партиями стали коалиционные составы правительства. В качестве условий создания коалиции кадеты требовали отказа Советов от всех распорядительных действий по армии и Петроградскому гарнизону, помощь в восстановлении дисциплины и боеспособности армии, поддержки союзников, а также энергичных мер по наведению порядка[3].

Тесный союз складывался у кадетов с правыми силами – черносотенцами, монархистами, реакционными генералами и офицерами. Они толкали кадетов на путь контрреволюционного экстремизма, что вполне проявилось во время апрельского и июльского кризисов, а также в дни Корниловского мя-

---

[1] Селезнев Ф.А. Конституционные демократы и буржуазия (1905–1917 гг.): Монография. Нижний Новгород, 2006. С. 34, 36.

[2] Шелохаев В.В. Либеральная модель переустройства России. М., 1996. С. 259.

[3] Спирин Л.М. Россия 1917 год. Из истории борьбы политических партий. М., 1987. С. 212–122.

тежа[1]. Как считают современные исследователи, «Во имя спасения России от территориального и экономического развала кадетское руководство вынуждено было согласиться на временное установление в стране военной диктатуры... по мнению большинства кадетского руководства, иного выхода из кризисной ситуации уже не было, ибо все мыслимые и даже немыслимые уступки требованиям левого социалистического крыла демократии были сделаны»[2].

Решение сделать ставку на военного диктатора в лице генерала Л.Г. Корнилова далось кадетам непросто. Не все члены ЦК соглашались на такую крайнюю меру, однако, по мнению большинства кадетского руководства, иного выхода из кризисной ситуации после июльских событий уже не было. Провал попытки Корнилова взять власть поставило кадетскую партию, да и всю либеральную оппозицию, в критическое положение[3]. После мятежа их, «глубоко деморализованных, временно исключили из правительства. Милюков и Кокошкин выехали в Крым, как бы избегая ареста; Маклаков стал послом во Франции; многие кадеты удалились на свои загородные дачи. Деятельность кадетов фактически сошла на нет»[4].

Социальная база

Главной проблемой либералов в России в годы революции было отсутствие у них поддержки в народе, а без этого даже управление государственным аппаратом не позволяло прочно держать власть в своих руках.

Для пропаганды либеральных идей и создания массовой социальной базы кадеты развернули масштабную деятельность: вышли сотни брошюр, были прочитаны тысячи лекций, кадетские агитаторы выезжали на фронт, встречались с ранеными в лазаретах, вели на собраниях и митингах многочасовые дискуссии с представителями других партий, устраивали концерты и театральные представления. Зеленые знамена кадетов развевались над клубами партии, мелькали в толпе демонстрантов. Кадеты наводнили политическую авансцену, и уже многим казалось, что Партия народной свободы надолго заняла лидирующее место в системе политических сил страны[5].

Первоначально кадеты рассчитывали перетянуть на свою сторону как городские, так и сельские мелкобуржуазные и средние слои, широкие массы

---

[1] Исторический опыт трех российских революций. Кн. 3. Коренной поворот в истории человечества / Гл. ред.: Голуб П.А. и др. М., 1987. С. 191–192.

[2] Политические партии России: история и современность./ Под ред. проф. А.И. Зевелева, проф. Ю.П. Свириденко, проф. В.В. Шелохаева. М., 2000. С. 167.

[3] Шелохаев В.В. Либеральная модель переустройства России. М., 1996. С. 257.

[4] Рабинович А. Большевики приходят к власти: Революция 1917 года в Петрограде: Пер. с англ. /Общ. ред. и послесл. Г.З. Иоффе. М., 1989. http://scepsis.net/library/id_1499.html

[5] Политические партии России: история и современность./ Под ред. проф. А.И. Зевелева, проф. Ю.П. Свириденко, проф. В.В. Шелохаева. М., 2000. С. 166.

крестьянства. Влияние на крестьянство обеспечивало поддержку солдатской массы, что являлось условием существования власти в 1917 году.

Решить задачу укрепления своей социальной базы кадетская партия пыталась различными путями. Один из них – при помощи тактики соглашений «налево», то есть с партиями меньшевиков и эсеров, за которыми вначале шло подавляющее большинство мелкой буржуазии. Конституционные демократы пытались внедриться в эти слои путем непосредственного привлечения их на свою сторону и расширения за их счет рядов своей партии. Весной 1917 года кадеты всерьез выдвигали задачу превратиться в самую большую демократическую партию страны.

Одно время кадеты носились даже с идеей образования в партии крестьянской фракции и созыва партийного крестьянского съезда. Но все эти планы и расчеты оказались построены на песке, и провалились они в первую очередь среди крестьянских масс, которые встречали их в штыки из-за аграрной программы, основанной на принципах выкупа и частичного сохранения помещичьего землевладения. Добившись некоторого успеха в зажиточных слоях деревни, они потерпели полный провал в политике привлечения на свою сторону неимущих и малоимущих крестьян[1].

На X съезде кадетов, состоявшемся в середине октября, то есть в самом преддверии Октябрьской революции, при обсуждении на закрытом заседании «вопросов агитационного характера и выборов в Учредительное собрание» ораторы признавали, что «расчет на голоса крестьян сейчас небольшой... крестьяне не пойдут с нами»[2]. Поэтому основное внимание кадеты обратили на городские слои. Именно здесь, в этой довольно многочисленной категории населения России, они пытались найти свою массовую базу. На том же заседании подчеркивалось, что главная надежда на предстоящих выборах в Учредительное собрание – на мещанскую часть жителей города. Но и у основной массы городских средних слоев – мелких промышленников и торговцев, ремесленников, низшей, наиболее многочисленной категории служащих – кадеты большого успеха не имели. Этот вывод подтверждают итоги выборов в Учредительное собрание. За кадетов в ноябре 1917 года голосовали почти вся буржуазная интеллигенция и средняя буржуазия, значительная часть крупной городской торгово-промышленной буржуазии, а в армии – офицеры и военные чиновники, к которым в ноябре – декабре 1917 года присоединилась немалая часть «рядовой» интеллигенции (учителя, врачи, инженеры, юристы и др.); на долю других категорий средних слоев городского населения остается совсем немного.

---

[1] Кувшинов В.А. Кадеты в поисках массовой базы в 1917 году. Вестник БИСТ / №3 (7), сентябрь, 2010. С. 8–10.

[2] Цит. по: Кувшинов В.А. Кадеты в поисках массовой базы в 1917 году. Вестник БИСТ / №3 (7), сентябрь, 2010. С. 10.

Таким образом, попытки кадетов проникнуть в широкие круги не только крестьянства, но и городских средних слоев не увенчались успехом. «Цель внедриться в страну – практически недостижима», – с горечью констатировал в июле на закрытом заседании ЦК видный московский кадет Н.И. Астров. На заседании кадетского ЦК ему вторил Н.П. Черненков: «Идем по ложному пути... страна нас, очевидно, не понимает».

Кадеты осознавали, что в условиях, когда в политику были втянуты десятки миллионов людей, одной интеллигентской элиты для воздействия на эту огромную массу явно недостаточно, и делали все, чтобы перетянуть на свою сторону рядовых учителей, средний медицинский и технический персонал, студентов – выходцев из демократических слоев населения, часть грамотных, но низкооплачиваемых служащих и т. п. В центре их внимания в этой категории интеллигенции был учитель, как фигура, оказывающая сильное воздействие на молодежь, активно участвующую в революции. Недаром во Временном правительстве кадеты взяли под свой контроль Министерство просвещения. Но, несмотря на то, что кадетов поддерживала, особенно в начале революции, значительная часть интеллигенции, завоевать ее целиком им не удалось. Все большая часть интеллигенции отходила от безоговорочной поддержки либеральной политики, занимала позиции нейтралитета или даже переходила в лагерь сторонников социалистических преобразований[1].

Понимание того, что единственной массовой опорой «буржуазной» партии является интеллигенция, заставило отечественных историков пересмотреть отношение к социальной базе кадетов. Наибольшее распространение получила концепция о надклассовом, интеллигентском, небуржуазном характере Партии народной свободы. Так, Ф.А. Гайда прямо пишет: «Кадеты не были партией буржуазной». По мнению этого ученого, Конституционно-демократическая партия имела интеллигентскую, а не буржуазную природу[2]. Однако переименование кадетов из буржуазной партии в интеллигентскую не решает проблемы ее социального состава, как, впрочем, и состава всех других партий того времени. Ни одна из них не являлась партией одного социального класса. Это хорошо объясняется в рамках идеалистического подхода, где классы – это лишь группировка, проведенная по некоторым объективным признакам, присущим людям; при этом предполагается, что эти внешние по отношению к людям условия будут только косвенно определять их внутреннюю идейную сущность.

Социологические опросы свидетельствуют, что практически нет групп людей, сформированных по какому-либо объективному признаку, которые бы разделяли одни и те же идеи, одинаково мыслили, а значит, и одинаково дей-

---

[1] Кувшинов В.А. Кадеты в поисках массовой базы в 1917 году. Вестник БИСТ / №3 (7), сентябрь, 2010. С. 11–14.

[2] Гайда Ф.А. Либеральная оппозиция на пути власти (1914 – весна 1917). М., 2003. С. 372.

ствовали. Внешние объективные факторы благоприятствуют или мешают восприятию тех или иных идей, но не предопределяют их создания и даже усвоения. Поэтому люди одной группы, сформированной по какому-то объективному признаку, разделяют одни и те же идеи только с долей вероятности; следовательно, не может быть партий, состоящих из людей одного социального слоя, так же как люди в рамках одного класса не могут поголовно разделять одни и те же политические идеи.

Историческая практика подтверждает положение идеалистического подхода о том, что первичной является идейная группировка людей; классификация по объективным признакам – это вторичная группировка по тем факторам, которые это идейное содержание или ограничивают, либо способствуют его усвоению, однако не предопределяют его возникновения.

В отличие от западноевропейского либерализма, имевшего опору в средних слоях города и деревни, русский либерализм не имел ни такой крепкой социальной опоры, ни, следовательно, электората. Русский либерал лишь мечтал о том, что ему в обозримом будущем, на этапе реализации своей программы удастся создать адекватную социальную базу. Конструируя свою теоретическую модель, либералы питали надежду, что им рано или поздно при содействии государства удастся создать прочный социальный базис для утверждения в России правового государства, гражданского общества, рыночной экономики[1]. Они надеялись, что социально-политическая и экономическая либеральная практика убедит народ в действенности их идей и он примет их власть. Однако за то короткое историческое время, когда либералы владели государственным аппаратом, им не удалось этого сделать; напротив, народ разочаровался в либерализме и его политической и экономической практике, хотя ее в условиях продолжающейся войны и экономической разрухи просто либо не было вообще, либо было слишком мало.

Организация

Главная роль в выработке программы и тактики кадетов принадлежала председателю кадетского ЦК профессору истории П.Н. Милюкову. Милюков играл ведущую роль и в руководстве центральным органом кадетской партии – газетой «Речь». Вокруг него группировалась так называемая центральная часть партии. В непосредственно руководящий «штаб» партии, кроме Милюкова, входили два известных юриста-государствоведа – М.М. Винавер и Ф.Ф. Кокошкин. Сподвижниками Милюкова были известный думский деятель, врач по профессии, А.И. Шингарев и крупный помещик Ф.И. Родичев, считавшийся лучшим кадетским оратором. К этой группе примыкал также почетный председатель партии, ветеран земского либерализма И.И. Петрункевич.

---

[1] Шелохаев В.В. Либеральная модель переустройства России. М., 1996. С. 261–262.

В 1917 году в стране было 73 губернских и областных кадетских организации, 240 уездных и около 50 в других населенных пунктах[1].

Руководящие органы Партии народной свободы (члены ЦК, которых было около 70 человек, председатели губернских и уездных комитетов, члены городских дум и др.) состояли больше чем наполовину из высших слоев интеллигенции (профессора, доценты, журналисты, архитекторы, художники, юристы, нотариусы, судьи, директора и инспектора высших и средних учебных заведений, инженеры, техники, врачи); примерно одну треть составляли средние чиновники и средняя интеллигенция и лишь одну пятую – представители собственно буржуазного класса: промышленники, банковские и биржевые деятели, обуржуазившиеся помещики, коммерсанты, домовладельцы, хозяева магазинов[2].

В 1917 году в кадетской партии насчитывалось от 70 до 80 тысяч членов[3]. Революционный процесс сказался и на социальном составе партии, и на ее численности. Чем больше углублялась революция, тем сильнее шла дифференциация в Партии народной свободы: из нее выходили представители средних слоев, а вступали представители высшей, буржуазной интеллигенции, высшего и среднего военного командного состава, юнкера. В партии не было ни рабочих, ни трудящихся крестьян. В небольшом числе имелись лишь представители деревенской буржуазии.

С осени число кадетов стало уменьшаться. Это было связано с политическим курсом кадетской партии, шедшим вразрез с требованиями все более революционизировавшихся народных масс. Занимая доминирующее положение в правительстве, кадеты не смогли решить насущные задачи революции – аграрную, национальную и др. Особенно недовольство народа вызывала откровенно империалистическая политика, направленная на продолжение ненавистной ему войны.

В этом отрыве от многомиллионных масс трудящихся заключалась причина поражения партии. В годы революции вопрос о власти зависит от того, кто будет реализовывать идеи власти, и таким фундаментом власти является народ; но связи с ним и его поддержки либералы не имели.

Таким образом, либеральные идеи не были широко распространены в России, они не создали мощной социальной базы, на которую могла бы опереться власть в деле реализации либерально-демократического идеала. Поддержка социализма в народе была значительно шире, поэтому победа либеральных идей в ходе революции была маловероятна. Либерализм в России можно было бы осуществить в мирное, спокойное время «сверху», путем реформ,

---

[1] Думова Н.Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром. М., 1982. Электронное издание.
[2] Спирин Л.М. Россия 1917 год. Из истории борьбы политических партий. М., 1987. С. 126.
[3] Астрахан Х. М. Большевики и их политические противники в 1917 году. Л., 1973. С. 187.

силой государственного аппарата, но не в бурное время перемен, когда решение главных вопросов зависит от настроений народных масс.

Либералы, получив власть из рук Советов и действуя благодаря их поддержке, не смогли или не захотели провести никаких существенных либеральных преобразований, и бездействие кадетов окончательно дискредитировала их идеи.

§3. Эсеры

Февральская революция, создав принципиально новую социально-политическую ситуацию в стране, заставила эсеров обратиться к самым глубинам своего теоретического наследия, чтобы оценить обстановку и выработать партийную политическую тактику. Правда, интерпретация основных идей давно расколола партию на две фракции – правую и левую.

Главный теоретик партии В. Чернов полагал, что каждый общественный уклад зарождается в недрах предыдущего, поэтому для его победы нужны определенные предпосылки. Процесс возникновения социалистического уклада правые эсеры рассматривали по аналогии с зарождением капитализма в недрах феодализма. Капитализм изживает себя и для дальнейшего развития производительных сил должен уступить место социализму. В социально-экономической реальности России они не видели сколько-нибудь значимых элементов социализма, поэтому, считали эсеры, условий для его создания после свержения самодержавия нет. Из-за отсутствия объективных и особенно субъективных предпосылок для победы социализма правые эсеры делали вывод о том, что революция пролетариата обречена на неизбежную гибель, какие бы усилия ни прилагались для сохранения революционных завоеваний. Социалистическая революция не нужна, поскольку капитализм перерастает в социализм автоматически. Признание невозможности социализма в России идейно сближало правых эсеров с меньшевиками и послужило основой их тесного сотрудничества в 1917 году[1]. Исходя из невозможности социализма в России, правые эсеры, как и меньшевики, считали, что власть должна перейти к буржуазии как классу.

Считая, что завоевания Февральской революции может спасти лишь объединение всех демократических сил, эсеры призывали к союзу всех партий путем взаимных уступок, предлагая в этих целях урезать их социальные программы до пределов, не препятствующих коалиции всех классов. Эта идея легла в основу коалиции с кадетами. Эта же концепция, как основа отношения эсеров и меньшевиков к вопросу о власти, зафиксирована в официальных материалах съездов и конференций, в выступлениях лидеров этих партий[2].

---

[1] Алексеева Г.Д. Критика эсеровской концепции Октябрьской революции. М., 1989. С. 100–108.

[2] Исторический опыт трех российских революций. Кн. 3. Коренной поворот в истории человечества / Гл. ред.: Голуб П.А. и др. М., 1987. С. 242.

Левые эсеры отрицали необходимость передачи власти буржуазии, поэтому осуждали политику Временного правительства, оставившего землю в руках помещиков, фабрики и заводы – в руках капиталистов. Действия правых эсеров и меньшевиков, поддерживавших Временное правительство, левые эсеры оценивали как предательство революции.

Другой важнейшей идеей, определявшей политическую тактику эсеров и расколовшей партию на левое и правое крыло, было отношение к войне. Правые были оборонцами, а левые – интернационалистами, считая войну империалистической. В противовес политике Временного правительства левые эсеры выдвинули лозунг прекращения войны, заключения мира «без аннексий и контрибуций на основе самоопределения народов».

Левые эсеры подчеркивали принципиальный характер своих расхождений с правыми эсерами: правые были за войну – левые боролись за мир; правые отстаивали интересы фабрикантов и заводчиков – левые требовали введения рабочего контроля. Если правые эсеры пытались изображать политику Временного правительства как «общенародную», с элементами ошибок и просчетов, то левые решительно выступили с критикой его действий, оценивая их как «введение масс в заблуждение», как контрреволюционные и империалистические по своей природе. Левые эсеры отмечали главную причину краха Временного правительства, состоявшую, по их мнению, в том, что оно не дало народу ни мира, ни хлеба, ни земли[1]. При всей разнородности эсеровского течения прослеживается главная закономерность: теоретики правого крыла эсеров тяготели к либеральной идеологии, левые группы, по мнению В.И. Ленина, стояли на пути от народничества к марксизму[2].

Тактика эсеров в 1917 году органично вытекала из их идеологии. Именно она обусловила передачу власти Временному правительству, хотя у Советов была возможность самому сформировать «революционное правительство». Как утверждают советские историки, «Меньшевики и эсеры помогли свершиться исторической несправедливости: революцию осуществили рабочие и крестьяне, а власть досталась буржуазии. Вожди “революционной демократии” добровольно уступили власть кадетам и октябристам, которые, по свидетельству Милюкова и Суханова, были удивлены таким “подарком” от людей, фактически имевших полную возможность взять власть в свои руки... Сговор с Временным комитетом Государственной думы не был ошибкой лидеров мелкобуржуазной демократии. Он закономерно вытекал из их концепции “классового мира” и “сотрудничества с несоциалистическими элементами”»[3].

---

[1] Алексеева Г.Д. Критика эсеровской концепции Октябрьской революции. М., 1989. С. 159.

[2] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 11. С. 285.

[3] Исторический опыт трех российских революций. Кн. 3. Коренной поворот в истории человечества / Гл. ред.: Голуб П.А. и др. М., 1987. С. 240, 241.

Поведение эсеров в период, когда они входили в руководство Советов, также определялось их базовыми мировоззренческими идеями и будет рассмотрено в соответствующем подразделе.

После Февральской революции партия эсеров стала одной из самых многочисленных в России. В литературе приводятся различные данные о ее численности в 1917 году – от 400 до 700 тысяч. Это объясняется, прежде всего, тем, что в партии не только не велось настоящего учета ее членов, но и не были четко определены принципы членства. Поэтому численность своей партии затруднялись определить даже сами эсеры[1].

В первые же дни революции в партию устремились представители наиболее состоятельной, «грамотной» части деревни, городская обывательски-мещанская масса, чиновники, торговцы, служащие и т. п. Их привлекали идеи оборончества, социал-патриотизм, аморфная программа эсеров, которую каждый мог трактовать на свой лад, их рыхлая организационная структура, широко раскрывавшая двери перед любым, кто желал именоваться членом этой партии. Это пополнение получило название «мартовских» эсеров. Многие из них мало чем отличались от кадетов[2]. Летом 1917 года эсеры имели 436 организаций, 312 комитетов и 124 группы[3].

Реализуя идею объединения всех «демократических» сил, эсеры начали процесс сплочения вокруг себя всех народнических партий и групп. Летом они объединились с Трудовой народно-социалистической партией. В ней насчитывалось около 10,5 тыс. членов. Однако на II съезде партии, состоявшемся в сентябре 1917 года, острые противоречия объединившихся показали бесперспективность партии. Дальше процесс объединения народнических партий не пошел, а III съезд эсеров официально заявил, что условия для этого еще не созданы[4].

С середины лета начался отток из партии эсеров ее членов. На состоявшемся 23 августа в Петроградском комитете партии совещании представители 14 районов доложили, что июльские события усилили влияние большевиков вследствие «левого настроения» рабочей массы, что многие члены партии уходят к большевикам, и обвиняли партийные верхи и Временное правительство «в уклоне вправо». Процесс распада эсеровских организаций шел повсеместно[5].

Внутрипартийный кризис у эсеров выражался также в росте левой оппозиции. Сначала это была довольно незначительная группа единомышленников,

---

[1] Спирин Л.М. Россия 1917 год. Из истории борьбы политических партий. М., 1987. С. 49.

[2] Исторический опыт трех российских революций. Кн. 3. Коренной поворот в истории человечества / Гл. ред.: Голуб П.А. и др. М., 1987. С. 238.

[3] Спирин Л.М. Россия 1917 год. Из истории борьбы политических партий. М., 1987. С. 202.

[4] Спирин Л.М. Россия 1917 год. Из истории борьбы политических партий. М., 1987. С. 207.

[5] Исторический опыт трех российских революций. Кн. 3. Коренной поворот в истории человечества / Гл. ред.: Голуб П.А. и др. М., 1987. С. 268–269.

однако к концу лета они стали внушительной внутрипартийной силой, а на Демократическом совещании левые эсеры образовали самостоятельную фракцию, которая выступила против правоэсеровского Исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов и призвала крестьянские Советы отвергнуть коалицию. В Предпарламенте они назвали политику эсеровской партии предательской и покинули заседание фракции, заявив, что не будут подчиняться ее постановлениям, а в совете старейшин образовали свое отдельное представительство.

Осенью 1917 года левые эсеры уже преобладали в таких организациях, как Кронштадтская, Киевская, Харьковская, Гомельская, Воронежская, Казанская, Ревельская, в Финляндии и др. В течение августа – октября левоэсеровские организации образовались в Перми, Самаре, Уфе, Рязани, Иркутске, Минске, Иваново-Вознесенске. На Урале из 90 эсеровских организаций 17 полностью перешли к левым эсерам, 33 раскололись, и у правых эсеров осталось лишь 40 организаций. Таким образом, к октябрю 1917 года внутри партии социалистов-революционеров фактически сложилась самостоятельная партия левых эсеров[1]. Идейные разногласия неизбежно выливались в организационное обособление части партии.

Самой массовой опорой партии эсеров было крестьянство; их влияние было достаточно велико и среди солдат. Однако откладывание решения аграрного вопроса в соответствии с собственной программой, поддержка Временного правительства, а затем и вхождение в него привело к тому, что их влияние в народе постепенно снижалось.

Особенно бурно этот процесс пошел осенью 1917 года. На совещании представителей губернских Советов крестьянских депутатов 18 сентября почти половина делегатов поддержала выдвинутые левыми эсерами обвинения в адрес Временного правительства и президиума ЦИК Всероссийского Совета крестьянских депутатов в том, что они защищают буржуазию и помещиков и изменяют крестьянству. 23 из 30 Советов, представленных на совещании, высказались против коалиции с кадетами.

Катастрофически быстро падало влияние меньшевиков и эсеров среди солдат, несмотря на то что находившийся в руках эсеров военный отдел Петроградского Совета буквально наводнил воинские части эсеровской литературой. В течение марта – июля 1917 года он направил на фронт свыше двух миллионов экземпляров газет, полтора миллиона воззваний, более полумиллиона брошюр[2]. Солдаты, переставшие верить эсерам, подпадали под идейное влияние большевиков. Комитет партии эсеров X армии сообщал в ЦК

---

[1] Исторический опыт трех российских революций. Кн. 3. Коренной поворот в истории человечества / Гл. ред.: Голуб П.А. и др. М., 1987. С. 209.

[2] Исторический опыт трех российских революций. Кн. 3. Коренной поворот в истории человечества / Гл. ред.: Голуб П.А. и др. М., 1987. С. 204.

своей партии: «Число членов в имеющихся ячейках незначительно... В последнее время “большевизм”... пользуется громадным успехом среди войска. Причина проста – предположение масс, что большевики являются единственными людьми, стремящимися к скорейшему заключению мира»[1].

Постепенно большевики вытеснили эсеров и из Советов, и даже при выборах гласных в ряде земств большевики начали преобладать над эсерами.

Таким образом, в 1917 году эсеры, руководствуясь своими социально-политическими идеями, сначала создали самую многочисленную партию, вошли в руководство Совета, а затем и в состав Временного правительства, однако непоследовательность и неспособность реализовать свои идеи, в частности аграрную программу, не позволили им переформатировать реальность в соответствии со своим мировоззрением. Эсеры постепенно теряли влияние не только среди крестьян и солдат, но и утратили свои лидирующие позиции в Советах, что в конце концов привело к их политическому поражению. Левые эсеры, идейно близкие к большевикам, вошли в коалицию с ними и на время разделили бремя власти после Октябрьского переворота.

§4. Меньшевики

Идеи

Действия меньшевиков в 1917 году полностью определялись их программными установками, а также теми идеями, которые они выработали в ходе разворачивающегося революционного процесса.

Меньшевики, как приверженцы классического марксизма, утверждали, что Россия еще должна пройти длительный путь капиталистического развития, прежде чем ставить вопрос о социалистической перспективе. Переход государственной власти к буржуазии они предпочитали эволюционный, без революционных потрясений, а если уж революция вопреки их идеалу становится фактом, то руководить ею должна буржуазия, а не пролетариат, который ни в коем случае не может претендовать на власть. Этой доктриной определялась вся практическая деятельность меньшевиков[2].

В основу стратегии и тактики меньшевиков были положены следующие главные идеи: марксистская рабочая партия ставит перед собой только те практические задачи, для решения которых назрели объективные условия, и не стремится поэтому к преждевременному захвату власти с целью участия в ней, предпочитая на демократическом этапе революции оставаться в роли крайней левой оппозиции (в мае 1917 года меньшевики отошли от этого принципа, войдя в состав Временного правительства); социалистическая ре-

---

[1] Цит. по: Исторический опыт трех российских революций. Кн. 3. Коренной поворот в истории человечества / Гл. ред.: Голуб П.А. и др. М., 1987. С. 265.

[2] Исторический опыт трех российских революций. Кн. 3. Коренной поворот в истории человечества / Гл. ред.: Голуб П.А. и др. М., 1987. С. 239.

волюция в России является делом весьма отдаленного будущего и может быть ускорена лишь победой пролетариата на Западе[1].

Одной из базовых идей меньшевиков, как интернационалистов, так и оборонцев, была идея защиты революции от германского империализма. Это была концепция «революционного оборончества». Новая идея была сформулирована в марте месяце И.Г. Церетели после его прибытия в Петроград. Обосновывая новую концепцию, он доказывал, что в политических условиях, созданных революцией, изменилось само понятие обороны, и поэтому «оборончество» ничего общего не имеет с социал-патриотизмом. Более того, сила демократического лагеря и его «принципиальная антиимпериалистическая позиция» являются лучшей гарантией того, что цели внешней политики России будут мирными. Благодаря широкому распространению концепции «революционного оборончества» не только был предотвращен неизбежный раскол между Советом и Временным правительством, но и удалось сплотить оборонцев и колеблющихся интернационалистов на базе этой платформы. Новая стратегия в конечном итоге создавала условия для участия меньшевиков в коалиционном правительстве.

Концепция «революционного оборончества» включала в себя отказ от войны вообще и от аннексий в частности и признание необходимости защищать революцию вплоть до заключения мира. При этом меньшевики надеялись, что социалисты европейских стран, в частности немецкие социал-демократы, исполнят свой долг перед молодой русской революцией и вынудят свои правительства заключить мир. Они ждали, что новое правительство откажется от экспансионистских планов и будет добиваться установления демократического мира.

В последующие несколько месяцев новая концепция «революционного оборончества» приобрела популярность в Советах[2]. Однако развитие событий показало, что эта идея нереализуема в конкретной исторической обстановке 1917 года.

Другой важной идеей, выдвинутой Церетели, была идея сотрудничества с буржуазией. Сочетание этой идеи с концепцией «революционного оборончества» привело к сплочению лидеров Совета и подготовило почву для пересмотра его позиции по вопросу о политической власти. Под руководством Церетели две главные группировки в Совете – эсеры и меньшевики – образовали новую коалицию революционных оборонцев, сменившую прежнее меньшевистско-интернационалистское большинство в Исполкоме. В результате самые стойкие сторонники двоевластия и кампании за мир оказались в

---

[1] Политические партии России: история и современность./ Под ред. проф. А.И. Зевелева, проф. Ю.П. Свириденко, проф. В.В. Шелохаева. М., 2000. С. 233.

[2] Галили Зива. Лидеры меньшевиков в русской революции. Социальные реалии и политическая стратегия: Пер. с англ. М., 1993. С. 143–145.

изоляции. Кроме того, установка на защиту как революции, так и отечества послужила платформой, на которой сотрудничество Совета с Временным правительством становилось возможным, и более того – неизбежным[1].

Важнейшей проблемой была проблема власти. С ростом влияния Совета лидеры меньшевиков испытывали все большую неудовлетворенность двоевластием, при котором до реальной государственной власти оставался лишь один шаг. Вместе с тем меньшевики-оборонцы – последователи Потресова – доказывали, что в феврале революция победила именно благодаря союзу демократов с либеральной буржуазией. Для сохранения этого союза как гаранта завоеваний революции и предотвращения дестабилизации политических структур, указывали они, Совету следует воздержаться от посягательств на властные функции правительства в рамках двоевластия. За пределами Петрограда даже ортодоксальные меньшевики склонны были оценивать двоевластие как форму поддержки Временного правительства. При этом и самые умеренные среди меньшевиков Петрограда не ставили под сомнение основной принцип двоевластия, считая, что социалисты должны опираться на самостоятельную и независимую организационную базу и в правительство ни в коем случае не входить.

Многие меньшевики опасались, что стратегия нажима на правительство, вытекающая из концепции двоевластия, приведет к негативным последствиям, и считали, что не следует постоянно и планомерно оказывать давление на кабинет. Все эти разногласия настолько осложняли деятельность Исполнительного комитета, что в конце концов Н.Н. Суханов 4 марта поднял вопрос о пересмотре принципов двоевластия.

В конце марта была выработана идея, в соответствии с которой признание и поддержка Советом Временного правительства находятся в прямой зависимости от приверженности последнего политической программе Совета. Эта идея легла в основу проекта Совещания по вопросу об отношении к Временному правительству, начавшего свою работу 31 марта[2].

В новой обстановке меньшевики получили возможность участвовать во власти, многие из них хотели ею воспользоваться, однако они не знали, как это можно сделать, не входя в противоречие с собственными принципами. С одной стороны, власть мог взять Совет, но в условиях буржуазно-демократической революции марксизм этого делать не рекомендовал; с другой стороны, можно было попытаться превратить Временное правительство в инструмент проведения политики Совета, но на это не шло правительство. Был еще вариант создания коалиционного правительства, но он противоре-

---

[1] Галили Зива. Лидеры меньшевиков в русской революции. Социальные реалии и политическая стратегия: Пер. с англ. М., 1993. С. 149–150.

[2] Галили Зива. Лидеры меньшевиков в русской революции. Социальные реалии и политическая стратегия: Пер. с англ. М., 1993. С. 158.

чил первоначальным установкам невхождения в буржуазное правительство. Главным препятствием для признания Советом стратегии коалиции оставалась, следовательно, меньшевистская теория революции. Приверженность некоторым главным идеям мешала меньшевикам пересмотреть свою позицию в вопросе о власти и природе революции.

В конце концов, вопреки марксизму победила идея коалиционного правительства. Главным сторонником этой идеи был И.Г. Церетели; не разделял ее Ф.И. Дан, который отчетливо видел те катастрофические последствия для меньшевиков, к которым приведет реализация этой идеи. Он писал: «Участие социалистических представителей или представителей Совета рабочих и солдатских депутатов в правительстве... создаст крайне неустойчивое положение... и может привести к неминуемому распаду власти, результатом которого будут либо победа контрреволюции, либо диктатура пролетариата, заранее обреченная сейчас на неудачу»[1]. Мнение Дана о том, что создание коалиционного правительства приведет к катастрофическим результатам, разделяли и другие меньшевики – члены неформального президиума Совета. Меньшевики, входившие в состав президиума, отвергая формальную коалицию, упорно стремились упрочить авторитет кабинета, усиливая в то же время контроль над его деятельностью. Тем не менее обстоятельства, а для некоторых и жажда власти оказались сильнее рационалистических доводов.

Апрельский кризис, отставка Гучкова и Милюкова привели к тому, что правительство стало рассыпаться. Власть могла в одночасье обвалиться. В этих условиях меньшевикам надо было срочно делать выбор: либо власть берет Совет, либо Совет поддерживает Временное правительство и посылает в его состав своих представителей. Осуществлению первого варианта мешала идея о невозможности взятия власти социалистами в ходе буржуазной революции, марксистский запрет перескакивать через этапы «закономерного» развития. Второй вариант нарушал принцип невхождения социалистов в буржуазное правительство, который вытекал из первой идеи, но его нарушение было меньшей идейной уступкой, поэтому меньшевики во избежание катастрофы все же решились на коалиционное правительство. Идея коалиции была наименьшим злом с идеологической точки зрения, поскольку позволяла избежать гораздо менее желательной для меньшевиков альтернативы – установления единовластия Советов, создания советского правительства.

В начале мая меньшевистская фракция Исполкома проголосовала за коалиционное правительство, что имело решающее значение для одобрения коалиции Исполкомом Совета. Провал коалиционного правительства после Корниловского мятежа подвел меньшевиков к идее создания «однородного демократического правительства», а необходимость правительства «одно-

[1] Цит. по: Галили Зива. Лидеры меньшевиков в русской революции. Социальные реалии и политическая стратегия: Пер. с англ. М., 1993. С. 181.

родного социалистического» они признали только накануне самого захвата власти большевиками, убедившись наконец, что ни одна из групп несоветской демократии в стране не рискнула участвовать в так называемом «однородном демократическом» правительстве[1].

Таким образом, меньшевики в 1917 году проделали значительную идейную работу по приспособлению своих базовых идей к текущей послереволюционной ситуации, однако ограничения классического марксизма, через который они так и не смогли переступить, не позволили им создать идей, способных вывести страну из тупика.

Тактика

Созданные лидерами меньшевиков идеи определяли ту тактику, которая привела к краху меньшевизма как политической силы.

Меньшевики не вошли в первый состав Временного правительства, чтобы не «делать своими социалистическими руками буржуазное дело»[2]. Отчасти это объяснялось и тем, что в марте 1917 года в Петрограде не было никого из политических руководителей и теоретиков партии. И вообще толковых людей в партии в тот период было очень мало. В основном это были небольшая фракция IV Государственной думы и те меньшевики-практики, которые работали в рабочей группе при Центральном военно-промышленном комитете. Эти практики менее всего были склонны к чуждому для них делу управления государством и считали себя к нему совершенно неподготовленными, поэтому они отдались делу, которое, наоборот, было для меньшевиков самым близким и ценным, – организации рабочих масс, развитию их самодеятельности, и в первую очередь созданию Совета рабочих и солдатских депутатов.

Несмотря на отказ от участия во власти, меньшевики фактически с самого начала оказались ее участниками, причем именно их отказ определил структуру власти, получившую название «двоевластия». Это было следствием того руководящего положения, которое меньшевики заняли в Петроградском Совете, а затем и почти во всех местных Советах. Все эти Советы, не проявляя стремления к захвату власти, фактически становились органами власти, не подчиненными Временному правительству[3].

Вопрос о продолжении войны был самым непосредственным образом связан с политической стратегией и тактикой Совета и его отношением к государственной власти. Концепция «революционного оборончества», установка на защиту как революции, так и отечества в конечном итоге привели к участию Совета в коалиционном правительстве.

---

[1] Галили Зива. Лидеры меньшевиков в русской революции. Социальные реалии и политическая стратегия: Пер. с англ. М., 1993. С. 419.

[2] Денике Ю. Меньшевики в 1917 году // Меньшевики. Benson; Vermont, 1988. http://socialist.memo.ru/books/stat.htm

[3] Денике Ю. Меньшевики в 1917 году // Меньшевики. Benson; Vermont, 1988. http://socialist.memo.ru/books/stat.htm

Исходя из идеи сотрудничества с буржуазией руководители Исполнительного комитета, в том числе и меньшевики, делали все возможное, чтобы подкрепить меры правительства авторитетом Совета. Исполнительный комитет стремился восстановить дисциплину среди солдат Петроградского гарнизона. В результате правительственного кризиса меньшевики даже согласились войти в коалиционное правительство, если не удастся найти иного выхода из политического кризиса; и поскольку альтернативной идеи не нашлось, то социалисты вошли в правительство.

На Всероссийской конференции РСДРП, которая открылась 7 мая, выступили новые министры Церетели и Скобелев. Оба использовали эту возможность для пропаганды идеи коалиции. Церетели, например, разъяснял, что коалиционное правительство – единственная альтернатива принятию на себя всей полноты власти Советом. Именно поэтому согласие на участие в коалиционном правительстве они считали крупной тактической победой меньшевиков.

Церетели пообещал, что в своей деятельности министры-социалисты будут придерживаться тактики меньшевистской партии, что они поведут за собой ту часть буржуазии, которую удастся убедить в необходимости принимать решительные меры в сфере внутренней и внешней политики. Конференция большинством голосов одобрила коалицию, заявила о необходимости сильного правительства и осудила тех, кто дискредитировал кабинет и министров-социалистов.

Войдя в Кабинет министров, социалисты вынуждены были принять на себя долю вины за ошибки правительства. Кроме того, обнаружились расхождения между меньшевиками и рабочими в оценке перспектив революции. Участие в государственных делах наложило отпечаток и на самих меньшевиков, ограничив им свободу маневра в условиях, когда социальные реалии подрывали их политическую тактику.

В резолюции о войне делегаты Всероссийской конференции призвали к обороне страны вплоть до установления всеобщего «демократического» мира, мирную политику признавали основным курсом нового кабинета, а братание на фронтах подвергли резкому осуждению. В резолюции подчеркивалась необходимость сохранить боеспособность армии, а оборону страны было признано считать не классовой, а национальной задачей[1].

Во многом поддержка идеи коалиции и революционного оборончества была результатом преобладания на конференции депутатов из провинции. Они продемонстрировали готовность идти дальше своих руководителей в Совете и взять на себя ответственность за решение задач общенационального значения. Представление о партии меньшевиков как «партии правящей» было

[1] Галили Зива. Лидеры меньшевиков в русской революции. Социальные реалии и политическая стратегия: Пер. с англ. М., 1993. С. 205–207.

воспринято ими с гордостью и чувством облегчения. Прибывшие с опозданием из-за границы на конференцию «патриархи» меньшевизма не поддержали ее решений, но ничего сделать не смогли в условиях количественного превосходства провинциалов среди делегатов.

Годы разобщенности между различными группами меньшевиков привели к подрыву единства партии. Меньшевики в столице, в провинции и за границей по-разному ощутили последствия революции, а в результате различия между концепциями, которые каждая из этих групп избрала для себя в качестве ориентира из общего идеологического багажа партии, стали еще более заметными. Партия не раскололась окончательно главным образом благодаря усилиям ветеранов-меньшевиков, стремившихся сохранить ее единство. Однако идейные различия не позволяли выработать единую тактическую линию политических действий.

Всероссийская конференция одобрила решение Исполкома Петроградского Совета войти в коалиционное правительство вместе с представителями буржуазных партий. Это решение имело огромное значение: два противоборствующих политических лагеря – либералы и социалисты, официально объявили о своем намерении сотрудничать в деле восстановления и переустройства страны. Они согласились объединить усилия для обороны отечества от германской агрессии. Социал-демократы – руководители Совета, преодолев свое нежелание формально участвовать в осуществлении государственной власти, порвали с собственным идеологическим наследием. Меньшевики перешли к новой стратегии и тактике на удивление спокойно[1].

Меньшевистская идея сотрудничества с буржуазией, а также доверие рабочих к партии меньшевиков привели к тому, что партия стала все чаще выступать в качестве посредника в трудовых конфликтах. Успех посреднических усилий и опыт прямого вмешательства в трудовые отношения в марте – апреле дали свои плоды: меньшевики чувствовали себя в трудовых вопросах все более уверенно. Авторитет Совета среди предпринимателей и его влияние на рабочих значительно возросли. Как предприниматели, так и рабочие обнаружили совершенно неожиданную и беспрецедентную уступчивость и умеренность. В конечном итоге участие меньшевиков в урегулировании трудовых отношений помогло прийти к новому консенсусу в партии и Исполнительном комитете Совета в пользу участия с буржуазией в коалиционном правительстве. Политические выводы, сделанные на основании развития трудовых отношений в марте – апреле, также подтолкнули меньшевиков к принятию идеи коалиции[2].

---

[1] Галили Зива. Лидеры меньшевиков в русской революции. Социальные реалии и политическая стратегия: Пер. с англ. М., 1993. С. 214.

[2] Галили Зива. Лидеры меньшевиков в русской революции. Социальные реалии и политическая стратегия: Пер. с англ. М., 1993. С. 120–121.

Успешное разрешение трудовых споров имело неоднозначные последствия для партии. Во многих случаях меньшевики действительно прилагали большие усилия, чтобы удержать рабочих от забастовок, когда забастовка представлялась им ненужной, потому что ожидаемого от нее результата можно было достигнуть путем переговоров или непосредственно с предпринимателем, или в образуемых при Советах согласительных комиссиях. При такой процедуре забастовка считалась оправданной в том случае, если предприниматель нарушил принятое им соглашение. Помимо этого, меньшевики были вынуждены вести упорную борьбу против забастовок, к которым призывали большевики, намеренно выставляя невыполнимые требования.

Деятельность меньшевиков в этой области была в общем успешной. Но в конечном счете даже их успехи оборачивались против них же. Работать приходилось в заколдованном круге, потому что повышение заработной платы, которого добивались меньшевики, не останавливало инфляции, а было одним из факторов ее усиления. Большевики пользовались этим «для окончательного развенчания в глазах рабочих масс политического престижа меньшевиков и эсеров». В конечном итоге политические просчеты меньшевиков позволили изменить состав Советов в свою пользу[1].

Партия меньшевиков так и не смогла выработать единой тактики, этому мешали идейные разногласия между революционными оборонцами и интернационалистским крылом.

Переломным пунктом для меньшевиков-интернационалистов было июльское выступление большевиков, которое, по их мнению, сорвало намечавшееся и становившееся неизбежным взятие власти Советами, конец коалиционных экспериментов и возможность активной аграрной и внешней политики. Интернационалисты, так же как и оборонцы, видели корень зла в отсутствии действенного отклика на русскую революцию в воюющих странах Центральной и Западной Европы. В этом интернационалисты винили в первую очередь Временное правительство: оно не вело политики, которая должна была, по их мнению, развязать и политически активировать накопившееся во всех странах стремление к миру. Вместе с тем в октябре они были решительными противниками сепаратного мира, который в их представлении стабилизировал бы центрально-европейский империализм и привел к его победе на Западе с последующим закабалением русской революции.

Решая проблему коалиции, интернационалисты опирались на идеи классической марксистской теории. Продолжение коалиции, по их мнению, подвергает опасности все дело революции. Меньшевики-интернационалисты задолго до Октября считали, что вопрос о сотрудничестве с буржуазией как форме революционного правительства изжит. Июльское выступление боль-

---

[1] Денике Ю. Меньшевики в 1917 году // Меньшевики. Benson; Vermont, 1988. http://socialist.memo.ru/books/stat.htm

шевиков сорвало наметившееся, благоприятное по их мнению, развитие и принесло с собой угрозу изоляции пролетариата от мелкой буржуазии и тем самым усилило опасность контрреволюции. Опасность эта в их глазах особенно усилилась, «когда большевики в октябре довели изоляцию петроградского пролетариата, увлеченного их лозунгами, до крайнего предела»[1].

Июльские дни обозначили важный исторический рубеж. На открывшемся 3 июня I Всероссийском съезде Советов меньшевистские лидеры поддержали политику Временного правительства, и Милюков с удовлетворением отмечал, что на съезде Советов в речах социалистов звучало «полное тождество» с политикой кадетов[2]. Через президиум съезда Советов эсеры и меньшевики провели решение о запрете общегородской демонстрации, которую большевики назначили на 10 июня.

В это время меньшевики, как и другие умеренные политики, начинают терять доверие в народе из-за своего участия в коалиционном правительстве. Рабочие Петрограда под влиянием идей большевиков потребовали, чтобы курс на межклассовое сотрудничество уступил требованию правительства Советов. Отказ меньшевистских лидеров поддержать эту идею, представлявшийся их сторонникам неизбежным, определил собою разрыв, который оказался непоправимым для судеб партии.

Вместе с тем вхождение в правительство вопреки собственным идейным убеждениям и обосновывавшееся необходимостью спасения страны, последующее участие в управлении рушащимся государством укрепили в умах меньшевиков представление о себе самих как о единственной ответственной силе. В то время, когда рушились и народное хозяйство, и гражданский порядок, и социальный мир, революционные оборонцы продолжали вести работу в составе коалиционного правительства, отчаянно пытаясь умерить порывы активности рабочего класса, не останавливаясь перед риском прослыть отступниками рабочего дела. «Приверженные воплощению определенной общественной идеи, эти люди были не в состоянии изменить свое видение на какое-либо иное, даже когда сама эта идея становилась все более и более неосуществимой. В России же в конце 1917 года общественный идеал меньшевизма, сочетавший социальную справедливость с плюралистской демократией, был действительно невозможен»[3].

Возможность пересмотреть свой коалиционный курс представилась меньшевикам на Объединительном съезде российской социал-демократии (фак-

---

[1] Ланде Л. Состояние партийной организации к моменту октябрьского переворота. // Меньшевики. Сост. Ю.Г. Фельштинский. Benson, Vermont: Chalidze publication, 1988. http://socialist.memo.ru/books/stat.htm

[2] Исторический опыт трех российских революций. Кн. 3. Коренной поворот в истории человечества / Гл. ред.: Голуб П.А. и др. М., 1987. С. 202.

[3] Галили Зива. Лидеры меньшевиков в русской революции. Социальные реалии и политическая стратегия: Пер. с англ. М., 1993. С. 420.

тически меньшевистской партии), открывшемся в Петрограде 19 августа. Ход дискуссии выявил раздробленность самой партии, взаимное расхождение ее фракций и группировок, поэтому неудивительно, что итог съезда оказался, по существу, тупиковым. Тогда, до Корниловского мятежа, еще могло казаться, что есть демократический выход из создавшегося положения. Большинство съезда надеялось на то, что Временное правительство перейдет к активной политике для достижения мира, проведет «решительные реформы» в области охраны труда, регулирования производства, транспорта, распределения финансов, изменит свою аграрную политику и будет искать действительного и тесного контакта с Советами, поэтому политика коалиции получила одобрение большинства делегатов.

В резолюции «о войне и мире» была четко сформулирована оборонческая концепция большинства партии: «Призывая пролетариев всех стран к настойчивой борьбе за всеобщий мир, мир без аннексий и контрибуций, на основе самоопределения народов, и к энергичному сопротивлению империалистов всех стран, затягивающих войну до полного истощения народов, в надежде силой оружия продиктовать свою волю побежденному, социал-демократия вместе с тем решительно отвергает мир сепаратный, который... принесет народу не мир, а подневольное участие в войне в составе ныне враждебной коалиции... Съезд призывает социалистический пролетариат и всю демократию в этот решающий час сплотиться вокруг дела защиты страны, чтобы отвести смертельный удар, нависший над революционной Россией»[1].

Съезд в целом не смог предложить выхода из трудностей, возникших перед революционцами, пытавшимися после июльских дней придать новую силу реформаторским программам Временного правительства[2].

На следующий день после съезда разразился Корниловский мятеж. Через три дня, 31 августа 1917 года, большевистская резолюция получила большинство в 163 голоса в Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов. Центральный Комитет РСДРП, в котором подавляющее большинство принадлежало оборонцам, высказался 31 августа за «коалицию без кадетов».

Тактика коалиции не дала меньшевикам тех политических результатов, на которые они рассчитывали. Прогрессивные элементы буржуазии разочаровали умеренных социалистов и заставили их служить в правительстве, отвергшем все пункты их социальной программы.

Корниловский мятеж стал для революционных оборонцев сигналом для перестройки политической тактики. Вместе с тем большевики играли роль главной сдерживающей силы радикализации действий меньшевиков. Мень-

---

[1] Цит. по: Ланде Л. Состояние партийной организации к моменту октябрьского переворота // Меньшевики. Сост. Ю.Г. Фельштинский. Benson, Vermont: Chalidze publication, 1988. http:// socialist.memo.ru/books/stat.htm

[2] Галили Зива. Лидеры меньшевиков в русской революции. Социальные реалии и политическая стратегия: Пер. с англ. М., 1993. С. 374–375.

шевики боялись, что большевики, придя к власти, начнут строить в России социализм, который никто из меньшевиков, включая интернационалистов, не считал возможным даже в отдаленном будущем.

Осень 1917 года стала периодом растущей безнадежности для меньшевиков. Ход событий в экономике, в трудовых отношениях, в ведении войны, наконец – в перегруппировке политических сил, подтвердил наихудшие опасения меньшевиков относительно политико-экономической отсталости России и подорвал стратегию коалиции. Социалисты настолько утратили влияние в кабинете, что среди революционных оборонцев многие усомнились в возможности спасти революцию; тем не менее среди меньшевиков не оказалось сил, готовых пойти на захват власти Советом. Это объяснялось и чисто идеологическими причинами, и постоянными подозрениями, что такой шаг будет использован большевиками для достижения их собственных политических целей. Эта мучительная дилемма заводила революционных оборонцев в тупик. Реакция на нее меньшевиков простиралась от попыток выдвинуть новые политические решения до маневрирования или полного бездействия. А между тем в стране нарастала поляризация общественных сил; она сковывала свободу действий умеренных и обостряла внутренние противоречия тактического и стратегического порядка[1].

Ответственность, лежавшая на ревоборонцах, возрастала из-за реальной угрозы гражданской войны и анархии, и под ее бременем притуплялась способность меньшевиков отзываться на запросы поддерживающих их трудящихся масс.

Осенью 1917 года меньшевики и эсеры, стремительно теряющие поддержку в рабочих и солдатских массах, попытались ослабить революционный кризис путем частичных реформ и уступок, в первую очередь в вопросах о мире и о земле. 7 октября в «Известиях ЦИК» был опубликован так называемый «наказ Скобелеву» – инструкция ЦИК Советов, в которой делегировавшемуся на межсоюзническую конференцию в Париже меньшевику М.И. Скобелеву поручалось от имени российской «демократии» добиваться достижения мира без аннексий и контрибуций на основе самоопределения народов. Временное правительство выразило недовольство лидерам меньшевиков, которые поспешили заявить, что наказ оставляет «открытой возможность всяких соглашений после обмена мнений с союзниками» и что он «вовсе не содержит обязательных условий мирного договора». Даже Милюков назвал «наказ Скобелеву» продуктом официального лицемерия[2].

---

[1] Галили Зива. Лидеры меньшевиков в русской революции. Социальные реалии и политическая стратегия: Пер. с англ. М., 1993. С. 358.

[2] Исторический опыт трех российских революций. Кн. 3. Коренной поворот в истории человечества / Гл. ред.: Голуб П.А. и др. М., 1987. С. 272.

Сепаратный мир с Германией казался меньшевикам изменой национальным интересам России, но армия и народ не хотели продолжения войны, а правительства стран Антанты не желали упускать шансы на победу над Германией. Ставка меньшевиков на конструктивную коалицию с буржуазией оказалась битой, ибо такого блока не хотело ни большинство рабочих, ни большинство российских предпринимателей. Лишь в самый последний момент, в октябре 1917 года меньшевики предложили Керенскому немедленно отдать землю крестьянам, но было уже поздно. Решение национального вопроса также откладывалось до созыва Учредительного собрания. В итоге меньшевики, сохранив свою доктринальную чистоту, оказались в исторические октябрьские дни 1917 года «вне игры». Война и разруха, разгул анархических настроений, разложение армии, падение авторитета власти подавили и сломили их. Победа досталась их противникам – большевикам[1].

Социальная база

Изначально к меньшевикам тянулась та часть грамотных, социально активных и политизированных рабочих, которая хотела воплотить в жизнь марксистскую революционную доктрину, используя при этом минимум насилия и максимум легальных возможностей и опираясь в первую очередь на сознательность и инициативу самих трудящихся масс, а не на действия узкой группы профессиональных революционеров. Среди рабочих-меньшевиков преобладала так называемая «рабочая интеллигенция», но были среди них и рабочие-середняки, и даже часть малоквалифицированных рабочих, которых смог увлечь за собой тот или иной местный меньшевистский лидер. При этом в абсолютном своем большинстве они были не социал-реформистами западноевропейского толка, а умеренными революционерами[2].

На первых порах меньшевики в составе революционно-оборонческого руководства Советов добились некоторых успехов и расширили свою социальную базу, что во многом объяснялось их активностью в ранний период Февральской революции, их большим вкладом в создание Петроградского Совета. Именно это давало меньшевикам возможность представлять себя охранителями революции и страны, борцами за интересы рабочего класса, внедряя в умы масс, идущих за Советами, широкую открытость идеям классового сотрудничества[3].

Основную часть партии меньшевиков составляли радикально настроенная интеллигенция (врачи, журналисты, учителя, адвокаты и др.), студенты, служащие. Эта ситуация была результатом российской специфики процесса со-

---

[1] Политические партии России: история и современность./ Под ред. проф. А.И. Зевелева, проф. Ю.П. Свириденко, проф. В.В. Шелохаева. М., 2000. С. 242.

[2] Политические партии России: история и современность./ Под ред. проф. А.И. Зевелева, проф. Ю.П. Свириденко, проф. В.В. Шелохаева. М., 2000. С. 230.

[3] Галили Зива. Лидеры меньшевиков в русской революции. Социальные реалии и политическая стратегия: Пер. с англ. М., 1993. С. 417–418.

единения марксистской идеологии с массовым рабочим движением. Он проходил под безраздельным руководством социал-демократической интеллигенции, которая из-за невысокого уровня общей и политической культуры рабочих сразу же захватила лидирующие позиции в РСДРП, причем меньшевики здесь мало чем отличались от большевиков[1].

Летом 1917 года начался процесс сужения социальной базы, на которую могли опереться меньшевики. На своем съезде в августе меньшевики вынуждены были признать, что их партия изолирована от широких масс. Видный деятель партии Б.В. Авилов заявил, что «партийные симпатии в различных слоях пролетариата находятся большей частью на стороне большевиков»[2].

Осенью катастрофическое падение влияния мелкобуржуазных партий, в том числе и меньшевиков, со всей силой выявил процесс большевизации Советов. Трудящиеся давали отставку эсерам и меньшевикам и избирали вместо них представителей большевистской партии. Беспартийные депутаты и часть депутатов, входивших в левоэсеровские и меньшевистские группы, стали голосовать вместе с большевиками. Важным показателем падения влияния мелкобуржуазных партий было сокращение поступления средств в их фонды. Тираж меньшевистской «Рабочей газеты» упал со 100 тысяч экземпляров в марте 1917 года до 10 – 15 тысяч в августе. «Мы терпим удар за ударом, поражение за поражением», – констатировали меньшевистские деятели, объясняя это тем, что «широкие круги поняли – от коалиционного правительства проку нет и быть не может»[3].

Между июлем и октябрем меньшевики-революционеры все чаще встречались с прямым отпором своим инициативам со стороны как избирателей, так и тех постоянно тающих групп, которые они считали своими естественными союзниками в рядах революционной демократии. Однажды упущенные возможности оказались упущенными навсегда; возвратить их было уже невозможно[4].

Конкурировавшая с большевиками среди пролетариата партия меньшевиков к ноябрю 1917 года потерпела политическое поражение. Она получила на выборах в Учредительное собрание лишь около 670 тысяч голосов (с добавлением Закавказья – 1,4 млн) против 9 млн голосов, поданных за большевиков[5].

---

[1] Политические партии России: история и современность./ Под ред. проф. А.И. Зевелева, проф. Ю.П. Свириденко, проф. В.В. Шелохаева. М., 2000. С. 231.

[2] Цит. по: Исторический опыт трех российских революций. Кн. 3. Коренной поворот в истории человечества / Гл. ред.: Голуб П.А. и др. М., 1987. С. 265.

[3] Цит. по: Исторический опыт трех российских революций. Кн. 3. Коренной поворот в истории человечества / Гл. ред.: Голуб П.А. и др. М., 1987. С. 267.

[4] Галили Зива. Лидеры меньшевиков в русской революции. Социальные реалии и политическая стратегия: Пер. с англ. М., 1993. С. 360.

[5] Исторический опыт трех российских революций. Кн. 3. Коренной поворот в истории человечества / Гл. ред.: Голуб П.А. и др. М., 1987. С. 59.

Сокращение социальной поддержки меньшевиков объяснялось разочарованием масс в их политических действиях, определяемых базовыми и новыми идеями, выработанными меньшевиками в ходе революции.

Организация

В организационном отношении меньшевики представляли собой объединение нескольких фракций, различающихся по отношению к решению некоторых базовых проблем, в частности к войне, коалиционному правительству, сотрудничеству с другими политическими силами. В отличие от большевиков меньшевики гораздо терпимее относились к различным оттенкам взглядов в своих рядах. У них не было единоличного лидера, и внутри фракции всегда существовало несколько течений и группировок, которые вели между собой достаточно острую полемику[1].

Меньшевики не были бедны интеллектуальными силами. В этом отношении они уступали только кадетам, партия которых была буквально «цветом русской интеллигенции». Благодаря этому меньшевики могли занять ряд важных мест в государственных учреждениях, в особенности экономического и социально-политического характера. Это, как и работа в центральных партийных органах и в Петроградском Совете, а потом во Всероссийском исполнительном комитете Советов, означало концентрацию сил в столице. В провинции меньшевики страдали от острого недостатка квалифицированных партийных кадров. Одним и тем же работникам часто приходилось издавать местную партийную газету, иногда сверх того «Известия» местного Совета, в то же время выполняя различные функции в Совете и выступать на собраниях, отбивая ожесточенные атаки большевиков[2].

В количественном отношении партия меньшевиков не была самой многочисленной, но представляла собой довольно значительную политическую силу. Хотя меньшевики по численности заметно отставали от эсеров, но и они получили свое «мартовское» пополнение из числа интеллигенции, городских непролетарских слоев и некоторого числа рабочих. Настроения «мартовских» меньшевиков и эсеров довольно часто оказывали определяющее влияние на политические позиции этих партий. Членство своих организаций они исчисляли примерно в 200 тысяч человек. Но (в отличие от большевиков) количество меньшевистских организаций (кроме Закавказья) с осени 1917 года стало быстро падать. Причина такого явления заключалась в том, что партию меньшевиков все чаще покидали рабочие. В ее рядах оставались лишь те, кто сравнительно недавно пришел из деревни. Основная масса меньшевиков состояла не из рабочих (хотя и они были в этой партии), а из мелкобуржуазных

---

[1] Политические партии России: история и современность./ Под ред. проф. А.И. Зевелева, проф. Ю.П. Свириденко, проф. В.В. Шелохаева. М., 2000. С. 229.

[2] Денике Ю. Меньшевики в 1917 году // Меньшевики. Benson; Vermont, 1988. http://socialist.memo.ru/books/stat.htm

элементов (служащие, средний инженерно-технический персонал, мастера, подмастерья и т. д.)[1].

Руководящая роль, которая выпала на долю социал-демократии за 8 месяцев Февральской революции, не привела к соответствующему укреплению меньшевистской партийной организации. Революция внезапно открыла широкое поле деятельности для партии. Работа в Советах, в армии, в комитетах правительства, в профессиональных, кооперативных, культурных рабочих организациях и в органах местного самоуправления поглотила все активные элементы меньшевистской партии. Партийная организация никогда не имела в меньшевизме того самодовлеющего значения, которое ей придавалось большевиками. Внутрипартийная организационная работа не привлекала и не увлекала меньшевиков.

Огромное политическое влияние и роль в государстве, выпавшие на долю социал-демократии, не привели и к преодолению тех разногласий, которые разделяли меньшевиков до революции. Разделение на оборонцев и интернационалистов осталось, несмотря на переход части интернационалистов на позиции революционного оборончества.

Блок двух групп оборонцев – старых оборонцев, занявших оборонческую позицию с начала войны, и интернационалистов, ставших лишь в марте 1917 года «революционными оборонцами», возглавлял партию с марта по октябрь. Оборонцам принадлежало большинство в местных партийных организациях. Их оценка положения и их политическое настроение определили решения последнего партийного съезда. Им принадлежало подавляющее большинство в Центральном Комитете партии, избранном в августе 1917 года на этом съезде: 16 оборонцев (старых и революционных) против 8 членов ЦК, намеченных интернационалистским крылом съезда. Оборонцы были в большинстве в меньшевистской фракции ЦИКа Советов рабочих и солдатских депутатов и в большинстве местных Советов. Даже в Петрограде, где интернационалисты преобладали в комитете общегородской организации, большинство меньшевистских депутатов Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов примыкало к оборонцам[2].

Интернационалисты, по крайней мере с мая 1917 года, ревниво отстаивали свою автономию внутри партии и право открыто выступать против тех решений партии, с которыми они не были согласны. Они пользовались этим правом очень активно, и их выступления часто больно били по партии. Меньше-

---

[1] Спирин Л.М. Россия 1917 год. Из истории борьбы политических партий. М., 1987. С. 161.

[2] Ланде Л. Состояние партийной организации к моменту октябрьского переворота. //Меньшевики. Сост. Ю.Г. Фельштинский. Benson, Vermont: Chalidze publication, 1988. http://socialist.memo.ru/books/stat.htm

вики-интернационалисты создали внутри партии фракционную организацию во главе с Центральным бюро меньшевиков-интернационалистов[1].

Слева к РСДРП примыкали разные социал-демократические группы и организации, расположившиеся между большевиками и меньшевиками. Идейным центром этих групп была газета «Новая Жизнь», основанная Максимом Горьким в апреле 1917 года. Политическое направление газеты было в основном интернационалистским.

Меньшевики неоднократно предпринимали попытку объединения всех «демократических сил». После провала соединения с большевиками они хотели собрать под одну крышу всех социал-демократов небольшевиков, то есть все течения в российском меньшевизме и часть национальных социал-демократических партий (Бунд и др.). На состоявшейся 7–11 мая Всероссийской конференции меньшевистских и объединенных организаций не удалось сделать что-либо существенное в этом направлении. Более того, плехановская группа «Единство» отмежевалась от меньшевистского Организационного комитета, заявив о своем самостоятельном существовании.

Особые надежды меньшевики возлагали на Объединительный съезд РСДРП, прошедший 18–26 августа 1917 года в Петрограде. На нем было провозглашено создание РСДРП (объединенной), хотя и после этого в их рядах сохранялось несколько обособленных друг от друга течений: правое во главе с Потресовым, центристское во главе с Церетели и Даном и левое во главе с Мартовым. На съезде присутствовали 222 делегата с решающим голосом от 146 организаций, из которых 10 были объединенными. Они представляли 193 172 члена партии (по другим данным–205 000), из них 17 500 – члены Бунда и 2600 – меньшевистской части социал-демократии Латышского края. На заседаниях разгорелась острая борьба между представителями всех фракций. К концу съезда фактически остались две фракции: революционные оборонцы и интернационалисты[2].

Разногласия между оборонцами во главе с И.Г. Церетели и интернационалистами, которых возглавлял Ю.О. Мартов, не были преодолены. В меньшевистских кругах вплоть до октября 1917 года преобладали идеи Церетели: курс на упрочение буржуазно-демократического строя, признание необходимости защиты революционной России от внешнего врага впредь до заключения всеобщего демократического мира, доверие коалиционному Временному правительству, призыв к соглашению пролетариата и буржуазии на основе взаимных уступок, оттягивание решения аграрного вопроса до созыва Учредительного собрания.

---

[1] Ланде Л. Состояние партийной организации к моменту октябрьского переворота. //Меньшевики. Сост. Ю.Г. Фельштинский. Benson, Vermont: Chalidze publication, 1988. http://socialist.memo.ru/books/stat.htm

[2] Спирин Л.М. Россия 1917 год. Из истории борьбы политических партий. М., 1987. С. 207–208.

Что касается меньшевиков-интернационалистов, которых возглавлял Мартов, то они имели на августовском партийном съезде лишь немногим более трети голосов и выступали за продолжение и расширение революции в России как части мировой антиимпериалистической революции. Интернационалисты требовали создания правительства, состоящего исключительно из представителей всех социалистических партий, Советов, профсоюзов, фабзавкомов и армейских комитетов, осуждали вхождение меньшевиков во Временное правительство, настаивали на скорейшем заключении мира и передаче земли крестьянам. В окончательном виде эта платформа сложилась к осени 1917 года[1].

Избранный на съезде ЦК партии меньшевиков не мог в полной мере осуществлять роль руководящего центра, так как его раздирали противоречия. Съезд не достиг своей цели: от меньшевиков откололись крайне правые и крайне левые: вскоре после съезда небольшая группа меньшевиков во главе с Ю. Лариным заявила о своем выходе из партии и вступила в РСДРП(б), а «новожизненцы», подобно левым эсерам, вступили на путь образования самостоятельной партии[2].

Меньшевики, как и эсеры, все больше раздирались внутренними противоречиями, но ведущей силой в партиях по-прежнему оставались те элементы, которые поддерживали Временное правительство.

С конца лета началось сокращение численности меньшевистской партии. Даже по официальным данным, количество ее членов с августа по ноябрь 1917 года уменьшилось почти на 50 тыс. человек[3]. Одновременно снижался авторитет меньшевиков в массах. На открывшемся 25 октября II съезде Советов фракция меньшевиков была наименьшей среди трех главных партий: 50 мест у революционных оборонцев (включая Бунд) и 33 места у интернационалистов против более 300 делегатов большевиков и около 200 эсеров (из них более половины – левые)[4].

Таким образом можно сделать вывод, что идейная разноголосица определяла и организационную слабость меньшевиков. По мере того как их идеи и практика показывали свою несостоятельность, партия теряла не только своих членов, но и влияние в массах.

В основе как побед, так и поражений меньшевиков в 1917 году лежали идеи, которыми они руководствовались в своих политических действиях. В этот пе-

---

[1] Политические партии России: история и современность./ Под ред. проф. А.И. Зевелева, проф. Ю.П. Свириденко, проф. В.В. Шелохаева. М., 2000. С. 241.

[2] Исторический опыт трех российских революций. Кн. 3. Коренной поворот в истории человечества / Гл. ред.: Голуб П.А. и др. М., 1987. С. 270.

[3] Исторический опыт трех российских революций. Кн. 3. Коренной поворот в истории человечества / Гл. ред.: Голуб П.А. и др. М., 1987. С. 267.

[4] Галили Зива. Лидеры меньшевиков в русской революции. Социальные реалии и политическая стратегия: Пер. с англ. М., 1993. С. 413.

риод, опираясь на классический марксизм, они создали ряд новых идей: революционное оборончество; сотрудничество с буржуазией, позволившее им войти в коалиционное правительство. Однако эти идеи сформировали такую политическую тактику, которая не смогла вывести страну из кризиса в те моменты, когда меньшевики могли влиять на власть.

Эффективность действий меньшевиков снижалась их фракционностью, организационной рыхлостью. Однако не недостатки организации, а идейные просчеты послужили, в конце концов, причиной их политического поражения. Меньшевистские идеи, которые сначала создали достаточно мощную социальную поддержку партии в массах, впоследствии были дискредитированы политической практикой. Доказательством их неэффективности стал нарастающий кризис, отказ от решения наиболее острых социально-экономических проблем, продолжение непопулярной войны. В результате массы отвернулись от партии, отдав предпочтение большевикам, чьи идеи им показались более убедительными.

Выводы

После победы Февральской революции и поражения самодержавия в российском обществе доминировали две идеи – либеральная и социалистическая. На базе этих идей возникло несколько течений, которые оформились в политические направления. В либерализме наиболее мощным было направление, представленное партией «Народная свобода», в российском социализме было большее разнообразие: он был представлен эсерами, а также марксистами – большевиками и меньшевиками. Действия всех партийно-политических сил определялись теми идеями, которые лежали в их основе.

В 1917 году у всех главных партий была возможность реализовать свои идеи в конкурентной борьбе с другими партиями, причем оценку этих идей осуществляли массы трудящихся, преимущественно рабочие и солдаты. Они сделали свой выбор в пользу большевиков.

Октябрьская революция – это реализация ленинских идей и создание на их основе новой социально-политической реальности. Можно с уверенностью сказать, что если бы Ленин не выдвинул ряд новых идей, которые были подхвачены массами, то история развивалась бы по иному пути. Ленинские идеи были более убедительны, чем идеи его политических оппонентов, и народ пошел за большевиками. Перед своими политическими противниками большевики имели только лишь идейное и организационное преимущество, во всех остальных отношениях они уступали и кадетам и эсерам. У первых в руках была вся материальная мощь государственного аппарата, вторые имели гораздо более многочисленную партию и широчайшую социальную поддержку в крестьянстве. Однако ни либералы, ни неонародники, будучи у власти, не смогли реализовать своих идей и создать необходимую социальную базу.

Либерализм, имевший двухвековую историю идейного развития и почти вековую – борьбы за власть, получив ее, не смог убедить народ в правильности своих идей. Рабочие, крестьяне, солдаты не поняли и не приняли их. Можно сказать, что у либералов в 1917 году не было шансов на победу, и даже когда им досталась власть с благословения эсеров и меньшевиков, они не смогли с ее помощью расширить свое идейное и политическое влияние.

Действия эсеров и меньшевиков после Февраля 1917 года целиком и полностью определялись их базовыми концепциями. Они не хотели брать власть в условиях буржуазно-демократической революции; они стали революционными оборонцами и не смогли провести ожидаемых от них народом значимых реформ, что обнулило политический авторитет этих партий, и они сначала потеряли поддержку масс, а затем и власть.

ГЛАВА V

БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ В АПРЕЛЕ – ОКТЯБРЕ 1917 ГОДА

§1. Временное правительство России

История Временного правительства – это история кризисов власти, неизменно приводивших к правительственным кризисам и сменам его состава. С марта по октябрь успело смениться четыре состава правительства и одна Директория.

3 марта 1917 года была опубликована Декларация Временного правительства о его составе и задачах. В ней указывалось, что в состав первого общественного кабинета назначены лица, «доверие к которым страны обеспечено их прошлой общественной и политической деятельностью». Председатель Совета министров и министр внутренних дел – князь Г.Е. Львов. Министр иностранных дел – П.Н. Милюков. Министр военный и морской – А.И. Гучков. Министр путей сообщения – Н.В. Некрасов. Министр торговли и промышленности – А.И. Коновалов. Министр финансов – М.И. Терещенко. Министр народного просвещения – А.А. Мануйлов. Обер-прокурор Святейшего Синода – В.Н. Львов. Министр земледелия – А.И. Шингарев. Министр юстиции – А.Ф. Керенский.

Состав правительства был определен в соответствии с теми наметками, которые делались еще в 1916 году, и если в период самодержавия оно смотрелось весьма революционно, то в марте 1917 года, по мнению А.В. Кривошеина, «Это правительство имеет один серьезный, очень серьезный недостаток... Оно слишком правое... Месяца два тому назад оно удовлетворило бы всех. Оно спасло бы положение. Теперь же оно слишком умеренно. Это его слабость. А сейчас нужна сила...»[1].

Декларация провозглашала, что в своей деятельности кабинет будет руководствоваться следующими основаниями: полная и немедленная амнистия по всем делам политическим и религиозным; свобода слова, печати, союзов, собраний и стачек с распространением политических свобод на военнослужащих; отмена всех сословных, вероисповедных и национальных ограничений; немедленная подготовка к созыву на началах всеобщего, равного, тайно-

[1] Цит. по: Денике Ю. Меньшевики в 1917 году // Меньшевики. Benson; Vermont, 1988. http:// socialist.memo.ru/books/stat.htm

го и прямого голосования Учредительного собрания, которое установит форму правления и конституцию страны; замена полиции народной милицией; выборы в органы местного самоуправления на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования; неразоружение и невывод из Петрограда воинских частей, принимавших участие в революционном движении; устранение для солдат всех ограничений в пользовании общественными правами, предоставленными всем остальным гражданам[1].

Программа первого правительства, состоявшего из либералов, нацелила страну на модернизацию всех областей общественной жизни на принципах демократии, частной собственности, целостности государства и на защиту его глобальных интересов участием в мировой войне.

Временное правительство и коалиция стоявших за ним либеральных сил выступили за переход на западный буржуазно-демократический путь развития. Парламентская республика с разделением властей, правовое государство и гражданское общество, рынок как способ функционирования экономики – таковы были составные элементы программы Временного правительства, которая в основном привлекала образованную часть общества, а также те слои населения, которые уже были связаны с капиталистическими структурами западного типа и являлись их приверженцами (предприниматели, высококвалифицированные рабочие, связанная с рынком часть крестьянства, мелкие городские собственники и т. п.). Однако массовой социальной опоры собственно либеральные идеи Временному правительству не создали. А вот демократическая часть программы позволяла опереться на гораздо более широкие массы.

Генерал А.И. Деникин писал: «В начале революции Временное правительство, несомненно, пользовалось широким признанием всех здравомыслящих слоев населения. Весь старший командный состав, все офицерство, многие войсковые части, буржуазия и демократические элементы, не сбитые с толку воинствующим социализмом, были на стороне правительства...»[2]

За восемь месяцев пребывания Временного правительства у власти оно неоднократно находилось в состоянии кризиса. Первый кризис разразился уже в апреле, когда правительство заявило о продолжении Россией войны на стороне Антанты, что вызвало массовый протест народа. Итогом кризиса стало формирование первого коалиционного правительства, состоявшего уже не только из представителей буржуазных, но и социалистических (меньшевики, эсеры) партий.

5 мая между Временным правительством и Исполкомом Петроградского Совета было достигнуто соглашение о создании коалиции. В правительстве десять мест было у либерально-буржуазных партий, шесть – у социалистов.

---

[1] Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 3 (16) марта 1917 года.
[2] Деникин А.И. Очерки русской смуты. В 5-ти т. Т. 1. Минск, 2003. С. 129.

Эти перестановки не привели, однако, к заметным изменениям в правительственной политике. Кабинет министров разделился на либералов и умеренных социалистов. Либералы стремились оттянуть начало кардинальных реформ до созыва Учредительного собрания и занимались исключительно вопросами восстановления авторитета власти, укрепления армии и продолжения войны до победного конца. Умеренные социалисты, представлявшие Советы, старались удовлетворить требования масс о проведении реформ и надеялись возглавить переговоры о скорейшем окончании войны на основе отказа от аннексий и контрибуций. Поэтому сформированное в мае коалиционное правительство оказалось еще менее способным взяться за решение национальных проблем, чем предшествующий кабинет. Бессильное упорядочить внутренние дела, в области внешней это правительство одновременно продолжало подготовку вооруженных сил к летнему наступлению и поддерживало переговоры, направленные на достижение компромиссного мира[1].

Майские соглашения отчасти сгладили ненормальности двоевластия, при котором народ не мог разобраться, кто же осуществляет верховную власть в стране. Объединившее «буржуазию» и «демократию», новое правительство обещало стать более эффективным, чем старое, в котором обе группировки противостояли друг другу. Но соглашения создали и новые проблемы. Войдя в правительство, ведущие социалисты лишились возможности находиться в оппозиции. Теперь они, как члены кабинета, автоматически несли ответственность за все, что происходило в стране. Одновременно большевики, отказавшиеся участвовать в коалиции, оказались в положении стражей русской революции. Поскольку под управлением либералов и социалистов дела шли все хуже, то большевики представлялись единственными спасителями России[2], чем они и попытались воспользоваться в июне–июле, попытавшись взять власть.

Эсеры и меньшевики, превратившись в правительственные партии, получили возможность реализовать свои программные цели. По их инициативе 6 мая была обнародована декларация, в которой Временное правительство обещало подготовить радикальную аграрную реформу. Однако эти намерения ограничились обещаниями.

Присоединяясь к коалиционному правительству, руководство Совета видело свою главную задачу в том, чтобы добиться реализации кабинетом плана государственного регулирования экономики, который разработал экономический отдел Совета. Принятие плана правительством явилось бы политической победой для Совета и первым шагом к осуществлению поставленной им

---

[1] Рабинович А. Большевики приходят к власти: Революция 1917 года в Петрограде: Пер. с англ. /Общ. ред. и послесл. Г.З. Иоффе. М., 1989. http://scepsis.net/library/id_1499.html

[2] Пайпс Р. Русская революция. Кн. 2. Большевики в борьбе за власть. 1917–1918. М., 2005. Электронное издание

перед собой цели – спасению экономики. План, подготовленный в общих чертах В. Громаном, состоял из двух разделов – социального и экономического. Первый предусматривал ограничение прибылей предпринимателей, гарантии прожиточного минимума и приемлемые условия труда для рабочих. Второй намечал меры государственного планирования и регулирования производства, торговли, распределения, транспорта. Временное правительство обещало руководствоваться этим планом. Программа от 6 мая предусматривала также «защиту труда», перенос основной тяжести налогов на имущие классы и на государственный контроль над экономикой[1].

Войдя в правительство, социалисты, и в частности меньшевики, рассчитывали реализовать свои программные установки, касающиеся улучшения положения рабочего класса. Список реформ, которые они обещали провести на первом совещании Советов, был обширен: он включал не только хорошо известные лозунги прошлых лет – свободу ассоциаций, социальное страхование, рабочую инспекцию, биржи труда, согласительные комитеты, но и новые популярные требования рабочих: минимальная зарплата, 8-часовой рабочий день, пособия безработным[2].

Уже в первые два месяца пребывания у власти меньшевики обнаружили, что внезапная эскалация трудовых конфликтов в сочетании с резким экономическим упадком и стремительным распадом государственной власти не оставили от их оптимистических ожиданий даже следов. Планы введения прогрессивного трудового законодательства стали нереальными в условиях, когда трудовые конфликты и разрушение рынка поставили под вопрос само выживание предприятий[3]. Ключевые моменты законодательной программы меньшевиков – 8-часовой рабочий день, свобода стачек, минимальная оплата труда и обеспечение безработных – так и не были доведены до состояния законодательных актов. Другие обещания тоже в основном оказались невыполненными[4].

Упадок в промышленности в мае и июне, с одной стороны, и нарастающая неспособность меньшевиков отвечать устремлениям своих сторонников из рабочего класса – с другой, постепенно подрывали социальную основу, на которой покоилась легитимность всей политической стратегии правившей коалиции. Вошедшие в состав правительства умеренные социалисты теперь отождествлялись в народном сознании с непопулярным курсом Временного правительства. Из всех основных политических групп в России только боль-

---

[1] Галили Зива. Лидеры меньшевиков в русской революции. Социальные реалии и политическая стратегия: Пер. с англ. М., 1993. С. 249, 255, 276.

[2] Галили Зива. Лидеры меньшевиков в русской революции. Социальные реалии и политическая стратегия: Пер. с англ. М., 1993. С. 278.

[3] Галили Зива. Лидеры меньшевиков в русской революции. Социальные реалии и политическая стратегия: Пер. с англ. М., 1993. С. 276.

[4] Галили Зива. Лидеры меньшевиков в русской революции. Социальные реалии и политическая стратегия: Пер. с англ. М., 1993. С. 281.

шевики остались незапятнанными сотрудничеством с ним. Это обстоятельство крайне облегчило организацию оппозиции Временному правительству, и большевики им максимально воспользовались[1].

Правительство вновь зашаталось в начале июля, когда кабинет оставили три министра-кадета. Центральный комитет кадетской партии 2 июня решил отозвать министров из состава правительства, чтобы, как утверждалось, выразить протест против ограниченной автономии Украины, о которой Церетели, Керенский и Терещенко договорились от имени Временного правительства с Украинской Центральной Радой. Это соглашение, по утверждению кадетского ЦК, нарушало два основных принципа политики кадетов: абсолютное единство Российского государства и столь же абсолютное право будущего Учредительного собрания определять политическое будущее России[2].

Через три дня за кадетами последовал эсер Переверзев, а 7 июля вышел из правительства и его председатель – князь Львов в ответ на выдвижение министрами-социалистами «общих принципов» – основы политической платформы новой коалиции. Эти принципы, сформулированные в соответствии с предложениями о реформе, принятыми на I Всероссийском съезде Советов, оказались для князя Львова слишком радикальными. Он ушел в отставку, не в силах с ними согласиться.

Оставшиеся члены правительства назначили Керенского министром-председателем, поручив ему формирование нового кабинета. Одновременно большинство пунктов, отвергнутых Львовым, были включены в Декларацию Временного правительства с изложением программы своей деятельности, переданную 8 июля Кабинетом министров в печать. Этот документ, в частности, обязывал правительство созвать в течение августа союзную конференцию с целью выработки подробных предложений о заключении мира на основе компромисса и принятия всех мер для проведения выборов в Учредительное собрание 7 сентября. В ней признавалась важность «скорейшего» осуществления реформы местного управления на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования и содержалось обещание уничтожения сословий и упразднения гражданских чинов и орденов. Кроме того, она обязывала правительство выработать общий план организации народного хозяйства и немедленно принять трудовое законодательство. Наконец, правительству поручалось подготовить для представления в Учредительное собрание проект земельной реформы, по которой вся земля должна быть передана в руки крестьянства. Учитывая отношение к либералам, в Декларации ничего не говорилось ни о роспуске Государственной думы и Государственного совета, ни

---

[1] Рабинович А. Большевики приходят к власти: Революция 1917 года в Петрограде: Пер. с англ. /Общ. ред. и послесл. Г.З. Иоффе. М., 1989. http://scepsis.net/library/id_1499.html

[2] Галили Зива. Лидеры меньшевиков в русской революции. Социальные реалии и политическая стратегия: Пер. с англ. М., 1993. С. 342.

о немедленном провозглашении республики – двух требованиях, выдвинутых съездом Советов и включенных в первоначальный вариант принципов, составленный министрами-социалистами[1].

После подавления большевиков в июле, несмотря на продолжавшийся правительственный кризис Временное правительство почувствовало свою силу и обрушило на большевиков и их сторонников град репрессий. Последовал приказ А. Керенского об аресте и предании суду «за государственную измену» армейских большевиков и о запрещении в действующей армии большевистских газет. Различным репрессивным мерам подверглись солдаты Петроградского гарнизона, участвовавшие в июльской демонстрации. Правительство санкционировало обыски и погромы в помещениях массовых организаций, издало приказ о разоружении петроградских рабочих. Указом Временного правительства от 12 июля была восстановлена смертная казнь на фронте. Либерально-буржуазные газеты пытались представить выступление масс 3–4 июля и провал наступления на фронте как выполнение большевиками некоего плана германского генерального штаба[2].

20 июля Керенский обратился с письмом к кадетам, объясняя им, что любое новое правительство должно руководствоваться принципами всех трех программ, принятых предыдущими кабинетами, – от 2 марта, 6 мая и 8 июля. Кадеты немедленно сообщили Керенскому, что в такой кабинет они не войдут, в связи с чем тот подал в отставку и, обидевшись, уехал в Финляндию. За этим последовала отставка всех министров-несоциалистов, и Россия осталась без правительства[3].

24 июля было образовано новое, второе коалиционное Временное правительство. В него вошли 3 эсера, 2 меньшевика, 4 кадета, 2 сочувствующих кадетам, 2 представителя Трудовой народно-социалистической партии, 1 прогрессист и 1 представитель Республиканско-демократической партии. Таким образом, больше половины постов (8) опять заняли представители буржуазных партий, из них 6 – кадеты и им сочувствующие[4].

Кабинет, сформированный Керенским, был первым, приступившим к работе без заявления о намерениях, за исключением положения о том, что министры «отвечают только перед собственной совестью». Судя по составу кабинета, он не мог считаться связанным какой-либо программой социально-политической демократизации, которая неизменно объявлялась целью трех первых правительств революционной России. Социалисты составляли в нем меньшинство. Председатель правительства А. Керенский начинает проводить

---

[1] Рабинович А. Большевики приходят к власти: Революция 1917 года в Петрограде: Пер. с англ. /Общ. ред. и послесл. Г.З. Иоффе. М., 1989. http://scepsis.net/library/id_1499.html

[2] Исторический опыт трех российских революций. Кн. 3. Коренной поворот в истории человечества / Гл. ред.: Голуб П.А. и др. М., 1987. С. 200.

[3] Галили Зива. Лидеры меньшевиков в русской революции. Социальные реалии и политическая стратегия: Пер. с англ. М., 1993. С. 366.

[4] Спирин Л.М. Россия 1917 год. Из истории борьбы политических партий. М., 1987. С. 192.

политику лавирования между основными политическими силами страны, вызвавшую однако, недовольство в обоих лагерях.

Второе коалиционное правительство продержалось недолго. А.Ф. Керенский начал переговоры о подавлении оппозиции и наведении порядка военной силой. На роль диктатора был выдвинут генерал Л.Г. Корнилов. Стараниями Керенского генерал был назначен Верховным главнокомандующим.

24 августа корниловские войска под командованием генерала Д.М. Крымова начали движение на Петроград. В этих условиях Керенский отмежевался от Корнилова и обвинил его в антиправительственном мятеже. К концу августа 1917 года угроза мятежа была ликвидирована.

После этих событий многие видные меньшевики и эсеры весьма холодно восприняли намерение Керенского сформировать еще одно коалиционное правительство с участием кадетов. Отчасти потому, что теперь кадеты отождествлялись с противниками республики и реформ и сторонниками продолжения войны, в Петрограде враждебно относились к их пребыванию в правительстве, но также и в связи с озабоченностью лидеров меньшевиков и эсеров ролью кадетов в заговоре Корнилова. Меньшевистский ЦК принял решение о недопустимости участия во Временном правительстве «таких элементов, которые либо соучаствовали в контрреволюционном движении, либо способны парализовать борьбу с ним». Совещание ЦК эсеров заняло аналогичную позицию. Данные точки зрения сразу же довели до сведения Керенского, который в этих условиях решил временно отложить планы создания новой коалиции и вместо этого объявил 1 (14) сентября 1917 года о сформировании Директории из пяти человек без кадетов[1]. На Директорию было возложено «управление делами государства до сформирования кабинета».

Директория была образована как временный чрезвычайный орган верховной власти в России. В его состав вошли А. Керенский – министр-председатель, М. Терещенко, А. Верховский, Д. Вердеревский, А. Никитин.

В период Директории Россия была провозглашена республикой, а также юридически распущена IV Государственная дума. В связи с образованием третьего коалиционного правительства Директория была упразднена.

25 сентября (8 октября) 1917 года А. Керенский создает третье коалиционное правительство, в которое вошли 6 кадетов и примыкавших к ним, 2 эсера, 4 меньшевика, 6 беспартийных.

Кадеты выражали надежду, что в этом правительстве коалиция с эсерами и меньшевиками приведет наконец к установлению в стране прочной власти. Состоявшиеся в середине октября в Москве второе совещание общественных деятелей и X съезд партии кадетов конкретизировали программу его действий. Они потребовали немедленного установления в стране «твердой единой власти», объявления военного положения в районах активного революцион-

[1] Рабинович А. Большевики приходят к власти: Революция 1917 года в Петрограде: Пер. с англ. /Общ. ред. и послесл. Г.З. Иоффе. М., 1989. http://scepsis.net/library/id_1499.html

ного движения, упразднения Советов и комитетов, ограждения армии от политики, подчинения ее «самому суровому дисциплинарному режиму» и продолжения войны до победного конца. В это же время трудящиеся все более решительно требовали отставки Временного правительства и передачи власти Советам[1].

Развал армии и страны вызывал все большую озабоченность союзников России по Первой мировой войне. 26 сентября Временному правительству была вручена коллективная нота послов Великобритании, Франции и Италии с угрозой прекратить всякую военную и финансовую помощь России, если в кратчайший срок не будет покончено с революцией. По словам министра иностранных дел М.И. Терещенко, на Временное правительство нота произвела «тягостное впечатление». Тем не менее правительство заверило союзников, что его намерения не расходятся с их требованиями. Часть буржуазных лидеров России склонялась к немедленному сепаратному миру с Германией, но явное большинство стояло за продолжение войны[2].

Главной проблемой правительства стала борьба с большевиками. Угроза с их стороны обсуждалась в то время на каждом ежедневном заседании правительства Керенского. Министры обсуждали различные возможные меры борьбы с готовящимся восстанием, однако ввиду крайне сложного положения правительство ограничилось предписанием командующему Петроградским военным округом полковнику Г.П. Полковникову привести в полную готовность все верные правительству воинские части. Ежедневно Временное правительство обращалось к народу с воззваниями, призывая хранить спокойствие и порядок. Правительство явно надеялось на то, что большевики, выступив первыми, скомпрометируют себя. Реалистичная оценка сложившегося положения прозвучала в заявлении военного министра генерала Верховского: «План есть, надо ждать выступления другой стороны. Большевизм в Совете рабочих депутатов, и его разогнать нет силы»[3].

Последний состав Временного правительства был свергнут в ходе вооруженного восстания 25 октября 1917 года.

Попытки изменения персонального состава правительства, формирование его на непартийной основе не привели к стабилизации политической обстановки в стране. Число сторонников западного – капиталистического и демократического – пути в крупных городах колебалось от 1/8 до более 1/5 избирателей. В уездных городах и сельских районах, поддерживавших кадетов, это число было значительно меньше и колебалось в пределах 1/20 избирателей. Выбор западного пути развития для страны был маловероятен. Если же

---

[1] Исторический опыт трех российских революций. Кн. 3. Коренной поворот в истории человечества / Гл. ред.: Голуб П.А. и др. М., 1987. С. 219.

[2] Исторический опыт трех российских революций. Кн. 3. Коренной поворот в истории человечества / Гл. ред.: Голуб П.А. и др. М., 1987. С. 220.

[3] Цит. по: Рабинович А. Большевики приходят к власти: Революция 1917 года в Петрограде: Пер. с англ. /Общ. ред. и послесл. Г.З. Иоффе. М., 1989. http://scepsis.net/library/id_1499.html

учесть, что его сторонники одновременно выступали и за продолжение войны до победного конца, то в условиях 1917 года он был просто нереален. Окончательный выбор либерального пути развития не мог стать итогом выбора снизу: его социальная база оставалась чрезвычайно узкой для огромной страны[1].

Временное правительство не смогло остановить нарастающий экономический кризис. Вслед за кратким улучшением в марте и апреле – под воздействием патриотического революционного воодушевления и сдвигов к лучшему в отношениях труда и капитала – кривая производства и поставок ключевых материалов в мае и июне вновь пошла вниз. Затем, с июля по октябрь, стремительный экономический упадок стал очевиден в связи с закрытием многих предприятий и ростом безработицы. В октябре рабочие и служащие воспринимали состояние дел в промышленности как «кризисное»[2].

Для стабилизации положения Временное правительство с лета 1917 года пытается решать и социальные проблемы: создаются земельные комитеты, для урегулирования отношений рабочих и владельцев предприятий было создано Министерство труда, предпринимались усилия для улучшения продовольственного положения в стране. Министр продовольствия А.В. Пешехонов и сменивший его С.Н. Прокопович разработали систему государственной монополии и регулирования снабжения, направленную на смягчение продовольственного кризиса. Была введена государственная монополия на хлеб, вдвое повышены закупочные цены, хлебная разверстка еще в 1916 году была дополнена мясной. Продовольственное снабжение населения было нормировано на основе карточной системы. Для облегчения положения увеличены импортные закупки мяса, рыбы и других продуктов, на сельхозработы направлено около полумиллиона военнопленных, а также солдаты из тыловых гарнизонов. Для принудительного изъятия хлеба осенью 1917 года правительство посылало в деревню вооруженные воинские отряды. Однако эти меры не дали ожидаемых результатов. Люди простаивали часами в бесконечных очередях за продовольствием и предметами первой необходимости. Экономическое положение не улучшилось. Для России лета и осени 1917 года характерны развал транспорта, закрытие предприятий, безработица и неудержимо прогрессирующая инфляция.

Либеральная в своей основе программа, политическая и социально-экономическая практика Временного правительства потерпели к осени 1917 года полное фиаско. Демократическая составляющая, обеспеченная в основном вхождением социалистов в состав правительства, позволила ему опереться на авторитет Советов, но вскоре и сами Советы, и их избиратели под влиянием большевиков потребовали перехода всей полноты власти Советам.

---

[1] История России: учебник / Ш.М. Мунчаев, В.М. Устинов. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2009. С. 243–244.

[2] Галили Зива. Лидеры меньшевиков в русской революции. Социальные реалии и политическая стратегия: Пер. с англ. М., 1993. С. 377.

За те восемь месяцев, которые Временное правительство было у власти, оно так и не смогло создать достаточно крепкой опоры в массах, поэтому вынуждено было пойти на коалицию с Советами, которые такую опору имели. Основной причиной слабости власти правительства были те либеральные идеи, которые являлись базовыми для него. Попытка дополнительно опереться на эсеров и меньшевиков привела к тому, что эти две, первоначально наиболее авторитетные и массовые, социалистические партии потеряли свое влияние в народе. Власть, как доверие широких слоев населения, плавно, но неуклонно перетекала к большевикам. Октябрьский переворот просто закрепил эту тенденцию.

§2. Советы

В 1917 году Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов стали для социалистических сил основным инструментом для реализации своих идей, а затем и орудием борьбы за власть.

Отношения между государственными органами и Советами не имели аналогов в российской исторической практике. Советы не были исполнительной властью, однако правительство, которое формально имело свой исполнительный, административный аппарат, фактически не имело власти без санкции Советов. Советы не были подчинены правительству и часто были вынуждены принимать и проводить в жизнь решения независимо от него. Временное правительство теоретически обладало законодательной властью, но не имело собственных средств ее осуществлять. Советы фактически имели в значительном объеме власть административную, но не имели законодательной[1].

Главным Советом страны был Петроградский Совет. Его значение не ограничивалось тем, что до середины июня он был фактически центральным органом для всех Советов, поскольку Центральный исполнительный комитет был образован Всероссийским съездом Советов рабочих и солдатских депутатов лишь 17 июня. Петроградский Совет был также местным Советом, который не только взаимодействовал с Временным правительством, но и занимался тем, что происходило в самом Петрограде. Те же задачи имели и другие местные Советы, возникшие в первые дни революции во всех сколько-нибудь значительных городах. Как и в Петрограде, к рабочим депутатам присоединялись делегаты от местных гарнизонов, и страна быстро покрылась сетью Советов рабочих и солдатских депутатов[2].

Вскоре после Февральской революции социалисты начали подготовку к созыву Всероссийского совещания Советов рабочих и солдатских депутатов, которое проходило с 29 марта (11 апреля) по 3 (16) апреля 1917 года в составе 480 делегатов от 139 действующих Советов и ряда воинских частей и соеди-

---

[1] Денике Ю. Меньшевики в 1917 году // Меньшевики. Benson; Vermont, 1988. http://socialist.memo.ru/books/stat.htm

[2] Денике Ю. Меньшевики в 1917 году // Меньшевики. Benson; Vermont, 1988. http://socialist.memo.ru/books/stat.htm

нений. По итогам своей работы совещание призвало к войне до победы и введению 8-часового рабочего дня.

Уже в марте 1917 года в 393 городах и других населенных пунктах страны образовалось более 500 Советов, в том числе 242 Совета рабочих депутатов; в 90 пунктах сразу возникли объединенные Советы рабочих и солдатских депутатов[1]. На уровне губерний и уездов крестьянские Советы начали создаваться еще в марте 1917 года. К июлю насчитывалось уже 52 губернских Совета (из 78 губерний) и 371 уездный (из 813 уездов). К октябрю губернские Советы крестьянских депутатов имелись во всех губерниях, кроме Волынской и Эстляндской, а уездные – в 422 уездах. По данным на август 1917 года, губернские крестьянские Советы представляли 76,3 проц. сельского населения России, а уездные – 64,6 проц.[2]

С марта и вплоть до осени 1917 года в центральных органах всероссийских Советов господствовали лидеры меньшевиков и эсеров. Они удовлетворялись ролью гарантов революции и не ставили под сомнение законность политической власти Временного правительства. Такая позиция объяснялась идеологическими соображениями. Меньшевики сохраняли приверженность ортодоксальному марксистскому положению о том, что за буржуазной революцией должен обязательно следовать неопределенный по срокам период буржуазно-демократического правления. Правые эсеры в исполнительных комитетах Советов разделяли убеждение многих меньшевиков в абсолютной необходимости сотрудничества с военным командованием, купечеством и промышленниками ради выживания России в войне и предотвращения контрреволюции, хотя в принципе воззрения левых эсеров не были препятствием для взятия власти[3].

С февраля по июль Советы развивались противоречиво. С одной стороны, они укреплялись, набирали опыт практической деятельности. С другой стороны, усиление правительственных структур оттесняло Советы на периферию властного поля. Судьба их зависела от того, сможет ли Временное правительство создать собственную социальную базу власти.

Апрельские волнения положили начало первому серьезному правительственному кризису. Правительство обратилось к Советам за поддержкой. Исполком, все еще боясь скомпрометировать себя в глазах масс, 28 мая отверг это обращение, однако уже 1 мая Исполком сменил курс и, не испросив мнения пленума Советов, проголосовал за предоставление его членам права занимать правительственные должности. Против голосовали большевики и меньшевики-интернационалисты, которые хотели, чтобы вся власть перешла

---

[1] Минц И.И. История Великого Октября: В 3-х т. 2-е изд. М., 1977. Т. 1. С. 668, 702.

[2] Исторический опыт трех российских революций. Кн. 3. Коренной поворот в истории человечества / Гл. ред.: Голуб П.А. и др. М., 1987. С. 103–104.

[3] Рабинович А. Большевики приходят к власти: Революция 1917 года в Петрограде: Пер. с англ. /Общ. ред. и послесл. Г.З. Иоффе. М., 1989. http://scepsis.net/library/id_1499.html

к Советам. Меньшевик Церетели пояснил позицию большинства. Правительство, сказал он, признало свою неспособность уберечь страну от надвигающейся катастрофы, и в этих условиях «демократические» силы должны вмешаться и спасти революцию. Однако Советы не могут взять власть и руководить страной от своего имени, как того хотят Мартов и Ленин.

Соглашаясь войти в коалиционное правительство, Исполком выставил ряд условий: пересмотр соглашений с союзниками, скорейшее прекращение войны, дальнейшая «демократизация» вооруженных сил, аграрная политика, создающая условия для распределения земли среди крестьян, немедленный созыв Учредительного собрания. Правительство, со своей стороны, требовало, чтобы Исполком признал его единственной властью в стране, могущей в случае необходимости применить силу, и единственной инстанцией, командующей вооруженными силами. Представители правительства и Исполкома провели несколько дней в начале мая в переговорах об условиях коалиции. Окончательное соглашение было достигнуто в ночь с 4 на 5 мая, и новые члены кабинета вступили в должность[1].

В ходе переговоров с представителями правительства программа была несколько изменена и одобрена на заседании Петроградского Совета 5 мая, всего несколько часов спустя после окончания переговоров и сформирования кабинета. Расстановка партийных сил в коалиционном правительстве внушала членам Исполнительного комитета надежду на то, что новый кабинет действительно будет проводить курс на демократизацию всей социально-политической жизни. Решение этой основной задачи революции было, по их мнению, и залогом стабильности. На заседании 5 мая против нового политического устройства выступил лишь один человек – радикально настроенный интернационалист Л. Троцкий.

На состоявшемся 13 мая собрании рабочей секции Совета, в ходе которого депутаты заслушали первые отчеты Церетели, Скобелева и Чернова об их деятельности в кабинете, не более тридцати большевиков из тысячи присутствующих депутатов проголосовали за предложение Троцкого выразить недоверие правительству. Рабочие Петрограда на своих собраниях принимали резолюции, одобрявшие новую политическую стратегию своих лидеров. Лидеры Совета выразили удовлетворение подобным проявлением доверия со стороны рабочих. Их обнадеживало и то обстоятельство, что большевистский лозунг «Вся власть Советам!» нашел поддержку лишь на нескольких заводах Выборгского района, где у большевиков с самого начала были сильные позиции[2].

Регулярные правительственные кризисы снижали уровень политической поддержки Временного правительства, увеличивали число участников дви-

---

[1] Пайпс Р. Русская революция. Кн. 2. Большевики в борьбе за власть. 1917–1918. М., 2005. Электронное издание.

[2] Галили Зива. Лидеры меньшевиков в русской революции. Социальные реалии и политическая стратегия: Пер. с англ. М., 1993. С. 200–202.

жения протеста. Демонстрации и забастовки все чаще сопровождались лозунгами недоверия правительству и перехода власти к Советам. Однако во всех случаях центральные органы Советов выступали фактически в роли миротворцев, выражая доверие Временному правительству. Этот компромисс опирался на принципиальное признание революции как буржуазно-демократической и на стратегическую задачу удержания ее в этих рамках.

Несмотря на то, что изначально большинство в Советах принадлежало эсерам и меньшевикам, уже в первой половине 1917 года началось усиление роли делегатов, поддерживающих идеи большевистской партии.

Большевизации Советов способствовали кампании по перевыборам Советов. Так, в Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов с момента его образования и до начала июля число большевиков выросло с 40 до 400; в Московском Совете рабочих депутатов к началу июня из 625 депутатов большевиков насчитывалось уже 205; в рабочей секции Екатеринбургского Совета они составляли две трети ее состава. В этот период большевики заняли руководящее положение в Советах Иваново-Вознесенска, Кронштадта, Риги, Нарвы, Орехово-Зуева, Коврова, Красноярска, некоторых других городов и рабочих поселков. И хотя таких Советов было еще немного, процесс их большевизации постепенно продолжался[1].

В июне 1917 года произошло событие большой политической важности. Почти весь месяц (с 3 по 24 июня) заседал I Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов – высший орган революционной власти в стране. До этого времени фактически им был Петроградский Совет.

Присутствовали 1090 делегатов, представлявших примерно 400 организаций с численностью почти 20 млн. членов. С самого начала съезд оказался в руках революционно-оборонческого блока. Меньшевистская и эсеровская фракции могли рассчитывать на поддержку 571 делегата из 822, имевших право голоса[2].

На съезде по нескольку раз выступили лидеры политических партий, излагая свои взгляды на текущие вопросы и способы их решения. Они впервые после Февральской революции говорили во всероссийской аудитории, поэтому речи их приобретали особое значение.

На съезде большевики были в меньшинстве, составив лишь 13,5% делегатов. На этом съезде Ленин сделал сильное политическое заявление, ответив на утверждение меньшевика Церетели о том, что «в настоящий момент в России нет политической партии, которая говорила бы: дайте в наши руки власть, уйдите, мы займем ваше место. Такой партии в России нет», выкриком с места «Есть такая партия!». Это была твердо и ясно выраженная заявка на власть.

---

[1] История Коммунистической партии Советского Союза: В 6-ти т. М., 1967. Т. 3. Кн. 1. С. 93–96.

[2] Галили Зива. Лидеры меньшевиков в русской революции. Социальные реалии и политическая стратегия: Пер. с англ. М., 1993. С. 324.

В длительной дискуссии (почти шестьдесят выступлений в течение пяти дней) имели место резкие выпады против коалиции со стороны большевиков и меньшевиков-интернационалистов. Ленин требовал перехода всей власти к рабочим и крестьянской бедноте, от Мартова исходили не вполне отчетливые призывы к немедленному прекращению участия социалистов в правительстве и к более решительному проведению в жизнь программы Советов. Церетели и другие министры-социалисты считали коалицию неоспоримой данностью и игнорировали всякую оппозицию этому факту[1]. 8 июня съезд вынес резолюцию доверия Временному правительству, хотя, возможно, мог бы взять власть мирным путем.

По итогам голосования была принята эсеро-меньшевистская резолюция в редакции меньшевика Дана: полная поддержка министров-социалистов Временного правительства, продолжение «революционной войны» на принципах отказа от аннексий и контрибуций.

18 июня по призыву съезда Советов была проведена грандиозная демонстрация, на которую собралось около 400 тысяч человек. Основным ее лозунгом было «Долой войну!», но были и другие: «Долой десять министров-капиталистов!», «Вся власть Советам!».

Съезд избрал свой постоянный орган – Всероссийский Центральный исполнительный комитет (ВЦИК), ставший высшим органом в системе Советов. ВЦИК под председательством Н.С. Чхеидзе включал 257 мест, из них меньшевики заняли 104, а эсеры – 100 (вместе почти 80 процентов), только 58 мест было у большевиков. «Революционные оборонцы» ушли со съезда Советов с полной уверенностью в поддержке своей политической стратегии большинством состава Советов[2].

Июльские дни породили три проблемы, которыми немедленно занялись лидеры Советов: кризис Кабинета министров, беспорядок и бесправие и, наконец, ответный удар контрреволюции по большевикам, по питерским рабочим и всей революционной демократии в целом.

Известие о катастрофе на фронте усилило стремление большинства умеренных социалистов к созданию такого правительства, которое могло бы остановить распространение анархии. В ночь с 9 на 10 июля, по получении известий о положении на фронте, было срочно проведено совместное заседание исполкомов Советов. На нем снова прозвучали упреки в адрес большевиков за подрыв политики большинства в Советах и требование установления сильной революционной диктатуры. Ораторы упрекали большевиков, в частности, за то, что они провоцировали нападки на Советы в июльские дни, создали

---

[1] Галили Зива. Лидеры меньшевиков в русской революции. Социальные реалии и политическая стратегия: Пер. с англ. М., 1993. С. 325–326.

[2] Галили Зива. Лидеры меньшевиков в русской революции. Социальные реалии и политическая стратегия: Пер. с англ. М., 1993. С. 334–335.

обстановку для контрреволюционных действий и, что хуже всего, в огромной мере способствовали развалу армии.

От имени блока умеренных социалистов меньшевик Ф. Дан предложил ввиду чрезвычайных обстоятельств в столице и на фронте немедленно провозгласить Временное правительство «правительством спасения революции» и предоставить ему все полномочия для восстановления армии и наведения в ней порядка, для решительной борьбы против всех проявлений контрреволюции и анархии и для проведения программы реформ. Принятая исполкомами Советов по этому предложению резолюция получила подавляющее большинство голосов. Меньшевики-интернационалисты, левые эсеры, а также большевики не поддержали политическую резолюцию исполкомов Советов от 9 июля, фактически предоставлявшую полную свободу действий правительству, состав и программа которого были тогда совсем неясны[1].

Сразу же после июльских событий среди рабочих и солдат отдельных районов столицы наблюдались сильные антибольшевистские настроения, которые отражались и в решениях петроградских районных Советов, тесно связанных с рабочими массами. Однако уже к концу июля районные Советы больше заботились о сплочении всех левых организаций, включая и партию большевиков, на защиту революции. Прежде враждебно настроенным депутатам в районных Советах теперь большевики представлялись просто левым крылом революции, которой угрожал разгром[2].

Подавление Корниловского мятежа создало новую политическую ситуацию в стране, поэтому 31 августа члены исполнительных комитетов Советов собрались на пленарное заседание для обсуждения вопроса о власти. Заседание с перерывами длилось до раннего утра 2 сентября и стало одним из важнейших в истории Советов того периода: меньшевики и эсеры ближе всего подошли к разрыву с либералами и принятию более радикальной политики.

В начале обсуждения Л. Каменев предложил депутатам одобрить большевистскую резолюцию-декларацию «О власти», которая представляла собой заметный, решающий отход от прежней политики Советов. Документ требовал отстранения от власти не только кадетов, но и всех представителей буржуазии, утверждая, что единственный выход – в создании власти из «представителей революционного пролетариата и крестьянства», основными задачами которой будут: провозглашение «демократической республики», конфискация помещичьих земель без выкупа и передача ее крестьянским комитетам впредь до решения Учредительного собрания; введение рабочего контроля над производством; национализация важнейших отраслей промышленности и предложение народам воюющих государств всеобщего демо-

---

[1] Рабинович А. Большевики приходят к власти: Революция 1917 года в Петрограде: Пер. с англ. /Общ. ред. и послесл. Г.З. Иоффе. М., 1989. http://scepsis.net/library/id_1499.html

[2] Рабинович А. Большевики приходят к власти: Революция 1917 года в Петрограде: Пер. с англ. /Общ. ред. и послесл. Г.З. Иоффе. М., 1989. http://scepsis.net/library/id_1499.html

кратического мира. Этот документ являлся сжатым и убедительным изложением тогдашних политических чаяний петроградских рабочих и солдат.

После нескольких часов жарких дебатов между сторонниками и противниками идеи создания чисто социалистического правительства депутаты отвергли резолюцию, предложенную эсерами, и приняли в качестве политической платформы предложенную Каменевым большевистскую декларацию. За нее проголосовали 279 депутатов, против – 115 при 51 воздержавшемся. При этом важно то, что многие рядовые меньшевики и эсеры, организационно не связанные с большевиками, в рассматриваемом вопросе встали на их сторону. Голосование в Петроградском Совете 31 августа отражало постепенный и весьма значительный сдвиг влево в политической ориентации депутатов. Впервые абсолютное большинство присутствовавших голосовало вместе с большевиками по принципиальным политическим вопросам.

Поддержка предложенного большевиками курса потребовала бы от меньшевиков и эсеров отречения от политики, которую они проводили в течение последних шести месяцев, и отказа от идеи создания демократического правительства, представляющего все классы. Такая поддержка свидетельствовала бы о готовности учредить новый политический строй и взять на себя всю ответственность за сохранение правопорядка, руководство экономикой, обеспечение населения всем необходимым, за проведение социальных реформ и прекращение войны. Кроме того, принятие резолюции большевиков указало бы на готовность умеренных социалистов попытаться решить эти задачи не только без помощи, а, напротив, сталкиваясь с определенной оппозицией со стороны либеральных политических руководителей, промышленников, крупных землевладельцев и военного командования.

Поздним вечером 1 сентября ЦИК и Исполком Всероссийского Совета крестьянских депутатов возобновили дискуссию по вопросу о власти. Несмотря на общий сдвиг политических настроений в сторону большевиков и невзирая на то, что уже было известно о создании Керенским Директории, умеренные социалисты упорно не желали порывать с существующим правительством. Целый ряд видных меньшевиков и эсеров критиковали позицию большевиков и призывали поддержать правительство, по крайней мере, до созыва Демократического совещания. Рано утром 2 сентября усталые депутаты поставили на голосование и отвергли заявления и большевиков, и меньшевиков-интернационалистов, а приняли вместо этого резолюцию, внесенную совместно меньшевиками и эсерами. Она одобрила идею скорейшего созыва Демократического совещания, которому предстояло принять окончательное решение по вопросу о власти, а пока призвала к дальнейшей поддержке сформированного Керенским правительства[1].

---

[1] Рабинович А. Большевики приходят к власти: Революция 1917 года в Петрограде: Пер. с англ. /Общ. ред. и послесл. Г.З. Иоффе. М., 1989. http://scepsis.net/library/id_1499.html

После подавления Корниловского мятежа началась полоса бурной большевизации Советов, которые стали с гораздо большей энергией, чем прежде, вторгаться в решение общегосударственных и народнохозяйственных задач, проблем войны и мира и в конечном счете вопроса о власти в стране.

В начале осени наблюдается разочарование революционных масс результатами деятельности эсеро-меньшевистских Советов. В сентябре газета «Известия», официальный орган Советов, писала, что из более чем 1000 депутатов Петроградского Совета его заседания посещают лишь от 400 до 500 человек, причем в числе отсутствующих – представители тех партий, которые составляли парламентское большинство, то есть меньшевики и эсеры. Такое же недовольство проявилось месяц спустя в передовой статье «Известий», озаглавленной «Кризис советской организации». Автор ее напоминал: когда Советы были на пике популярности, в иногороднем отделе Исполкома было зарегистрировано около 800 Советов, созданных по всей стране; к октябрю многие из них уже не существовали или значились только на бумаге. В сообщениях из губерний отмечалось, что Советы теряют престиж и влияние.

Всеобщее разочарование работой Советов и отсутствие главных соперников – меньшевиков и эсеров, переставших посещать заседания, – давали большевикам шанс завоевать здесь влияние, значительно превосходившее их популярность в национальных масштабах. И по мере того как возрастала их роль в Советах, они вновь стали обращаться к лозунгу «Вся власть Советам!».

17 сентября 1917 года председателем президиума Моссовета становится большевик В.П. Ногин, 25 сентября председателем Петросовета был избран Л.Д. Троцкий. На сторону большевиков переходят солдатские комитеты, в первую очередь Северного и Западного фронтов, Петроградский гарнизон и Центробалт. На II съезде депутатов Балтфлота была принята резолюция о том, что флот «не подчиняется правительству», и избран ЦК Балтфлота, состоящий преимущественно из большевиков и левых эсеров.

«Большевизация» солдатских комитетов идет снизу и доходит до комитетов полкового уровня. В то же время армейские комитеты вплоть до ноября 1917 года остаются эсеро-меньшевистскими. Одной из ближайших задач большевиков становится организация перевыборов армейских комитетов, с тем чтобы ввести в их состав своих сторонников.

После 25 сентября руководство Петроградского Совета было полностью реорганизовано. В состав нового президиума вошли два эсера, один меньшевик и четыре большевика. Вскоре большевики представили на рассмотрение депутатов подготовленную Л. Троцким резолюцию, в которой говорилось о нежелании петроградских рабочих и солдат оказывать поддержку новому коалиционному правительству. В тут же принятой подавляющим большинством голосов резолюции выражалась уверенность, что «весть о новой власти встретит со стороны всей революционной демократии один ответ: “в отставку”. И,

опираясь на этот единодушный голос подлинной демократии, Всероссийский съезд С.Р. и С.Д. создаст истинно революционную власть»[1].

Троцкий, занявший пост председателя Петроградского Совета, сразу же начал работу по превращению его в средство контроля над городскими Советами по всей стране. Большевики практически перестали обращать внимание на решения Исполкома, избранного Всероссийским съездом Советов и находившегося под контролем меньшевиков и эсеров, и приступили к созданию собственной параллельной организации, объединявшей лишь те Советы, где сами они были в большинстве[2].

По мнению Р. Пайпса, благодаря участию большевиков в подавлении Корниловского мятежа и успеху в Советах политическая ситуация складывалась для них неплохо, вследствие чего В. Ленин вновь вернулся к мысли о государственном перевороте. 12 и 14 сентября он написал из Финляндии в Центральный Комитет два письма, озаглавленные «Большевики должны взять власть» и «Марксизм и восстание». «Получив большинство в обоих столичных Советах рабочих и солдатских депутатов, – писал он в первом из них, – большевики могут и должны взять государственную власть в свои руки». Причем в противоположность заявлениям Каменева и Зиновьева, сомневавшихся в способности удержаться у власти, Ленин считал, что большевики способны не только захватить власть, но и удержать ее: предложив немедленный мир и раздав землю крестьянам, «большевики составят такое правительство, какого никто не свергнет». Необходимо, однако, действовать быстро, ибо Временное правительство может сдать Петроград немцам. Поэтому надо «на очередь дня поставить вооруженное восстание в Питере и в Москве (с областью), завоевание власти, свержение правительства». Если в Петрограде и Москве удастся захватить власть, дело будет решено. Рекомендации Каменева и Зиновьева подождать созыва II съезда Советов, где, по их предположениям, партия сможет завоевать большинство, Ленин назвал «наивными»: «ни одна революция этого не ждет»[3].

Одним из важных факторов, заставлявших Ленина торопить события, было опасение, что большевиков опередит Учредительное собрание. Большевики сомневались, что им удастся завоевать в Учредительном собрании большинство, поскольку понимали, что крестьянство в основной своей массе станет голосовать за эсеров. В связи с тем что опорой большевиков было городское население и армия и они были фактическими хозяевами в Советах, мандат на власть в масштабах страны они могли получить, лишь действуя через систему

---

[1] Цит. по: Рабинович А. Большевики приходят к власти: Революция 1917 года в Петрограде: Пер. с англ. /Общ. ред. и послесл. Г.З. Иоффе. М., 1989. http://scepsis.net/library/id_1499.html

[2] Пайпс Р. Русская революция. Кн. 2. Большевики в борьбе за власть. 1917–1918. М., 2005. Электронное издание.

[3] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 239–241.

Советов. Ленин считал, что «успех» выборов в Учредительное собрание будет лучше обеспечен после переворота[1].

Большевики не могли надеяться на то, что заставят Учредительное собрание передать им всю полноту власти, но вполне могли полагаться в этом смысле на Советы, поэтому начали активную агитацию за немедленный созыв II съезда Советов. Эсеры и меньшевики встретили идею созыва нового съезда без энтузиазма – отчасти потому, что боялись численного преобладания на нем большевиков, а отчасти из-за того, что он совпал бы по времени с Учредительным собранием. Местные Советы и армия тоже отнеслись к идее нового созыва отрицательно. Однако большевики, имевшие в Петроградском Совете значительный перевес, продолжали настаивать, и 26 сентября Бюро Исполкома согласилось созвать II съезд Советов 20 октября. Повестку дня предполагалось ограничить выработкой законодательных предложений для Учредительного собрания[2].

Хотя позиции большевиков в Советах по всей стране были более прочными, чем в июне, они не стали полагаться на удачу и взяли в свои руки подготовку и созыв съезда. Важной вехой на этом пути стал съезд Советов Северной области, который открылся в Петрограде 11 октября. Главным результатом областного съезда явилось создание Северного областного комитета, в состав которого вошли одиннадцать большевиков и шесть левых эсеров. Их задачей было «обеспечить» созыв II Всероссийского съезда Советов. 16 октября этот орган разослал телеграммы Советам и армейским комитетам на уровне полков, дивизий и корпусов, содержавшие сообщение о начале работы съезда 20 октября и требование прислать делегатов. Съезд должен был призвать к перемирию, объявить о передаче земли крестьянам и подтвердить, что Учредительное собрание будет созвано в установленные сроки. В телеграмме содержалось также распоряжение переизбрать все Советы и армейские комитеты, выступающие против созыва II съезда (а таких, как следует из отчета, подготовленного Исполкомом, было большинство)[3].

В октябре 1917 года большевики занимали до 90% мест в Петроградском Совете и до 60% – в Московском. Им принадлежало большинство мест в 80 местных Советах крупных промышленных городов. В то же время эсеры продолжали преобладать в исполкоме солдатской секции Совета. Обеспечение революционизирующего влияния на деревню обеспечивалось объединением крестьянских Советов с Советами рабочих и солдатских депутатов. К октябрю 1917 года две трети Советов, возглавлявшихся ЦИК Советов рабочих и солдат-

---

[1] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 403, 405.

[2] Пайпс Р. Русская революция. Кн. 2. Большевики в борьбе за власть. 1917–1918. М., 2005. Электронное издание.

[3] Пайпс Р. Русская революция. Кн. 2. Большевики в борьбе за власть. 1917–1918. М., 2005. Электронное издание.

ских депутатов, были объединенными[1], что расширило область влияния большевиков и на деревню.

По плану В. Ленина II Всероссийский съезд Советов имел целью узаконить большевистский переворот, который должен был произойти до начала открытия съезда. В этом случае депутаты будут поставлены перед свершившимся и необратимым фактом, а поскольку победителей не судят, то они вынуждены будут утвердить все предложенные большевиками резолюции.

Вместе с тем руководство большевиков посчитало невозможным проведение захвата власти под знаменами большевистской партии, поэтому в качестве инструмента было решено использовать Военно-революционный комитет (ВРК), созданный Петроградским Советом в начале октября для защиты города от ожидавшегося немецкого наступления. Позднее Троцкий вспоминал, что еще в сентябре 1917 года, сознавая уязвимость своей позиции, большевики решили использовать любую возможность создания «непартийного “советского” органа руководства восстанием»[2]. Военно-революционные комитеты как нельзя лучше подходили для этих целей. Они «действовали от имени Советов, проводили в жизнь их решения. Там, где соглашательские Советы расходились с волей масс, ВРК обеспечивали их переизбрание. В целом обширная сеть ВРК была превращена большевистской партией и рабочим классом в мощный аппарат по военно-технической подготовке вооруженного восстания масс, а после его победы эти чрезвычайные органы сыграли огромную роль в закреплении власти Советов»[3].

В качестве председателя ВРК большевики выдвинули эсера П. Лазимира, а его заместителем стал Подвойский (накануне Октябрьского переворота Н. Подвойский был назначен руководителем этой организации).

Эсеры и меньшевики ясно видели, что их политические оппоненты готовят восстание, и требовали объяснения от большевиков. На это Л. Троцкий им заявил, что, если восстание и состоится, решение об этом будет принимать Петроградский Совет. Социалисты не предпринимали решительных мер противодействия, поскольку большевиков они опасались гораздо меньше, чем возможной реакции на них справа, грозившей смести их вместе с последователями Ленина.

Осенью 1917 года большевики воспользовались Советами для взятия власти и осуществления с их помощью своих доктринальных идей.

С момента образования Советы были инструментом реализации социалистической идеи после второй русской революции. Первоначально эту идею

---

[1] Пролетариат во главе освободительного движения в России (1895–1917 гг.). М., 1971. С. 293.

[2] Цит. по: Пайпс Р. Русская революция. Кн. 2. Большевики в борьбе за власть. 1917–1918. М., 2005. Электронное издание.

[3] Исторический опыт трех российских революций. Кн. 3. Коренной поворот в истории человечества / Гл. ред.: Голуб П.А. и др. М., 1987. С. 80–81.

представляли меньшевики и эсеры, а затем она стала реализовываться в большевистском варианте.

По идейным соображениям эсеро-меньшевистские Советы не желали брать власть в условиях победы буржуазно-демократической революции, несмотря на это доверие масс было на стороне Советов и они в любой момент могли взять власть. Именно это обстоятельство позволило большевикам так легко организовать свержение Временного правительства и прийти к власти под лозунгом «Вся власть Советам!».

§3. Апрельский кризис

История России в марте – октябре 1917 года – это история сменяющихся кризисов, каждый из которых приводил к потрясениям и смене составов правительства.

Апрельский кризис - первый крупный политический кризис революционного периода – в значительной мере способствовал созданию коалиционного правительства. Выявив его основные слабости, он вынудил социалистов переступить через свои идеологические запреты и войти в правительство, чтобы усилить его влияние на массы.

Причиной кризиса стала нота министра иностранных дел Милюкова, в которой он подтвердил союзникам, что Временное правительство будет соблюдать все договоры царского правительства и продолжит войну до победы. Это было нарушением договоренностей, достигнутых с Советом, согласно которым правительство должно было подтвердить перед союзниками свой отказ от аннексий и контрибуций.

18 апреля Милюков направил ноту союзникам. Это был, однако, совсем не тот документ, которого ждал Совет. В нем говорилось, что Россия будет продолжать войну до полной победы; вместе с другими основными демократическими государствами она потребует от побежденных «гарантий и санкций», что подозрительно напоминало «аннексии и контрибуции», вызвавшие столько возражений. Позиция руководителей исполкома в вопросе о войне, обсуждавшемся ранее в Совете, так же как и обещание, данное Милюковым, были известны рабочим и солдатам Петрограда. Узнав из утренних газет 20 апреля, что обещание это было нарушено, они вышли на демонстрации не столько против правительства как такового, сколько протестуя против его отказа выполнить требование Совета. Демонстранты несли знамена, сохранившиеся после первомайской демонстрации[1], с призывами к миру и братству народов и новые наспех изготовленные транспаранты с лозунгом «Долой Милюкова и Гучкова!»[2].

---

[1] По старому стилю Первомай как День международной солидарности трудящихся праздновался 18 апреля.

[2] Галили Зива. Лидеры меньшевиков в русской революции. Социальные реалии и политическая стратегия: Пер. с англ. М., 1993. С. 173–174.

Исполком в тот же день вынес на голосование постановление, в котором говорилось, в частности, что «революционная демократия не допустит лить кровь ради... завоевательных целей». Россия, по мнению социалистов, должна была продолжать войну, но только до того момента, когда воюющие стороны смогут подписать мир без аннексий[1].

В Петрограде в стихийных демонстрациях протеста 20 – 21 апреля участвовало более 100 тысяч рабочих и солдат. ЦК РСДРП(б) считал, что единственный верный выход из кризиса – в переходе всей власти к Советам. Часть рабочих столицы немедленно отозвалась демонстрациями под лозунгом «Вся власть Советам!». Буржуазия ответила контрдемонстрациями под лозунгами «Доверие Временному правительству!», «Арестовать Ленина!» и пр. Город внезапно оказался разделенным на два враждебных лагеря. Дело дошло до вооруженных стычек[2]. Командующий Петроградским военным округом генерал Л. Корнилов просил разрешения правительства на разгон демонстрантов с применением военной силы, однако, как пишет Р. Пайпс, «Временное правительство, столкнувшись с открытым вызовом своей власти, уклонилось от применения силы»[3].

Исполнительный комитет, получив 21 апреля информацию о первых столкновениях и о приказе Корнилова войскам выступить на защиту правительства, выпустил по предложению Скобелева «прокламацию» к войскам, призвав их не подчиняться любым приказам правительства без санкции Совета, бросив тем самым открытый вызов правительственной власти. В то же время Совет в полном составе одобрил предложение Ф. Дана отменить на два дня все выступления рабочих в Петрограде, продемонстрировав, таким образом, что он в состоянии контролировать действия своих сторонников[4].

Апрельский кризис подтвердил, что Советы имели на своей стороне перевес сил и могли беспрепятственно отстранить Временное правительство от власти. Решительный протест питерских рабочих и солдат против «ноты Милюкова» вызвал всероссийское движение солидарности с ними. Демонстрации и многотысячные митинги охватили Москву и города Центрального промышленного района, Поволжья, Урала, Украины, Прибалтики. С негодованием отозвались на ноту многие воинские части действующей армии, тыловых гарнизонов[5].

---

[1] Пайпс Р. Русская революция. Кн. 2. Большевики в борьбе за власть. 1917–1918. М., 2005. Электронное издание.

[2] Исторический опыт трех российских революций. Кн. 3. Коренной поворот в истории человечества / Гл. ред.: Голуб П.А. и др. М., 1987. С. 195.

[3] Пайпс Р. Русская революция. Кн. 2. Большевики в борьбе за власть. 1917–1918. М., 2005. Электронное издание.

[4] Галили Зива. Лидеры меньшевиков в русской революции. Социальные реалии и политическая стратегия: Пер. с англ. М., 1993. С. 175.

[5] Исторический опыт трех российских революций. Кн. 3. Коренной поворот в истории человечества / Гл. ред.: Голуб П.А. и др. М., 1987. С. 196.

События 21 и 22 апреля породили в обществе стремление к формальному закреплению единства основных сил народа. Представители интеллигенции, местные органы власти, организации солдат и офицеров, крестьянские Советы призывали Петроградский Совет и Временное правительство сформировать коалиционный кабинет. Апрельский кризис показал, что в результате изменения позиции солдат Временное правительство лишилось самого важного инструмента правительственной власти – армии, поэтому в последующие дни к кампании в поддержку коалиции присоединились и само Временное правительство, и близкие к нему круги. Кабинет обратился к Совету с призывом использовать свои «энергию и творческий потенциал» для помощи правительству в его «ответственной работе», давая понять тем самым, что его собственные позиции непрочны[1]. Выход из кризиса был найден в формировании коалиционного правительства.

§4. Июльский кризис

В начале лета социально-политическая ситуация в столице резко изменилась. Выросло число рабочих, солдат и матросов, которые находились под влиянием большевиков. Нарастал конфликт между Временным правительством и руководством Советов. Рабочие требовали передачи власти Советам, последние возражали, указывая, что такой шаг приведет к катастрофе. Ситуация резко обострилась, когда большевики выступили с предложением провести во время заседаний I Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов массовую антивоенную и антиправительственную демонстрацию. ЦК партии назначил шествие на 10 июня. Эта идея попала на благодатную почву. Поскольку главными лозунгами предстоящей демонстрации были отказ от начала нового наступления на фронте и передача власти Советам, контролировавшимся не большевиками, а меньшевистско-эсеровским блоком, к участию в ней удалось привлечь даже тех рабочих и солдат, которые формально поддерживали меньшевиков и эсеров.

Съезд Советов, только что принявший резолюцию, в которой обещал Временному правительству полное сотрудничество и поддержку, увидел в предложении провести демонстрацию попытку осуждения своей политики и недвусмысленную угрозу коалиции либералов и умеренных социалистов в правительстве. 9 июня делегаты съезда высказались за то, чтобы принять все возможные меры для предотвращения демонстрации. Делегатов съезда направили в рабочие кварталы и военные казармы для разъяснения этого решения. Было также оказано сильнейшее давление на руководство большевистской партии с целью заставить его отказаться от своих планов. Большевистский ЦК в последнюю минуту принял решение отменить демонстрацию, что вызвало раздражение среди петроградских рабочих и солдат.

---

[1] Галили Зива. Лидеры меньшевиков в русской революции. Социальные реалии и политическая стратегия: Пер. с англ. М., 1993. С. 179–180.

12 июня съезд Советов, обеспокоенный явным недовольством рабочих и солдат столицы, назначил на 18 июня свою собственную демонстрацию. Хотя меньшевики и эсеры предприняли лихорадочные усилия для успеха шествия, оно обернулось против них самих. В назначенный день на улицы вышли мощные колонны рабочих и солдат, представлявших практически все петроградские заводы, фабрики и воинские части, насчитывавшие свыше 400 тыс. человек. Они несли красные флаги и транспаранты с лозунгами «Долой десять министров-капиталистов!», «Пора кончать войну!», «Вся власть Советам!». В море большевистских знамен и плакатов лишь изредка мелькали лозунги в поддержку решений съезда Советов. Лозунги демонстрации явно указывали на разрыв между настроениями населения Петрограда и политикой Временного правительства и руководства Советов. Вместе с тем если разочарование политикой Временного правительства и поддержка курса большевиков среди населения столицы были весьма значительны, то в большинстве провинций и на фронте этого не наблюдалось[1].

Июньские события положили начало целой кризисной полосе, которая закончилась в начале июля.

Кризис 18 июня в значительной степени был ослаблен начавшимся в этот день наступлением на фронтах, которое, однако, вскоре провалилось, и недовольство правительством вспыхнуло с новой силой.

Нарастающее недовольство в массах было хорошо известно столичным большевикам, и они старались еще больше накалить обстановку. Однако В. Ленин считал, что выступление было бы еще преждевременным. С 18 июня, когда началось давно ожидавшееся наступление на фронте русских войск, сдерживать рабочие и солдатские массы Петрограда стало еще более сложным делом.

События были ускорены решением правительства отослать части Петроградского гарнизона на фронт. Вызванное главным образом военными соображениями, решение это позволяло одновременно вывести из столицы части, наиболее сильно поддавшиеся большевистской пропаганде[2]. Узнав об отправке на фронт, тысячи солдат гарнизона потребовали немедленно свергнуть Временное правительство и передать власть Советам.

Массовое выступление состоялось 3 июля 1917 года, когда правительство под давлением союзников приказало начать широкое наступление в Галиции. Э. Карр пишет: «Демонстрации продолжались в течение четырех дней и приняли угрожающий характер. Многие считали их началом серьезной попытки

---

[1] Рабинович А. Большевики приходят к власти: Революция 1917 года в Петрограде: Пер. с англ. /Общ. ред. и послесл. Г.З. Иоффе. М., 1989. http://scepsis.net/library/id_1499.html

[2] Пайпс Р. Русская революция. Кн. 2. Большевики в борьбе за власть. 1917–1918. М., 2005. Электронное издание.

большевиков захватить власть, хотя лидеры партии настойчиво заявляли, что демонстрации стихийные и они сами их стараются сдерживать»[1].

Рано утром 4 июля командующий Петроградским военным округом генерал П.А. Половцев вывесил объявления, запрещающие вооруженные демонстрации. Штаб армии попытался собрать силы, достаточные для подавления уличных беспорядков, но выяснилось, что опереться не на кого: 100 человек из Преображенского гвардейского полка, одна рота из Владимирской военной академии, 2000 казаков, 50 инвалидов – вот все, что удалось набрать. Остальные части гарнизона не выразили ни малейшего желания противостоять мятежным войскам.

4 июля в Петрограде высадились от 5000 до 6000 вооруженных кронштадтских матросов под командованием большевика Ф. Раскольникова и направились к Таврическому дворцу, где заседал Петроградский Совет. Большевики привели к дворцу путиловских рабочих, к которым присоединялись рабочие с других фабрик, отряды военных, и постепенно толпа разрослась до нескольких десятков тысяч человек. После двух месяцев коалиционного правления рабочие потеряли веру в то, что Совет способен заставить буржуазных министров выполнять его волю, поэтому они хотели, чтобы он взял власть в свои руки.

Р. Пайпс пишет: «Пока толпы сходились к местоположению Советов, небольшие вооруженные отряды под руководством Военной организации (большевиков. – *Г.Герасимов*) оккупировали стратегически важные пункты. Шансы большевиков резко возросли, когда на их сторону перешел гарнизон Петропавловской крепости числом до 8000 человек. Моторизованные отряды большевиков заняли типографии некоторых антибольшевистских газет; самая откровенная, “Новое время”, была занята анархистами. Другие отряды взяли под контроль Финляндский и Николаевский вокзалы; на Невском и прилегающих улицах были установлены пулеметные гнезда, что отрезало штаб Петроградского военного округа от Таврического дворца. Один вооруженный отряд атаковал отделение контрразведки, в котором хранились материалы о сношениях Ленина с Германией. Ни один из этих отрядов не встретил сопротивления. По мнению газеты “Наш век”, в этот день Петроград перешел в руки большевиков. Все было подготовлено для формального переворота: по видимости – от лица Советов, в действительности – в пользу большевиков... И все же большевики не нанесли последнего удара. Почему – из-за неорганизованности, нерешительности или того и другого вместе, – сказать трудно»[2].

---

[1] Карр Э. История Советской России. Кн. 1: Т. 1 и 2. Большевистская революция. 1917–1923. Пер. с англ. / Предисл. Ненарокова А.П. М., 1990. С. 90.

[2] Пайпс Р. Русская революция. Кн. 2. Большевики в борьбе за власть. 1917–1918. М., 2005. Электронное издание.

Разные авторы по-разному описывают и объясняют июльские события. Возможно, большевики и имели намерение при случае взять власть, тем более что обстановка очень напоминала им недавние февральские дни, когда рухнула самодержавная власть. Партия большевиков определенно не была готова к взятию власти, но в создавшейся обстановке была вынуждена принять участие в выступлении, что дало повод их политическим противникам квалифицировать действия большевиков именно как попытку государственного переворота.

Временное правительство с целью дискредитации большевиков опубликовало имеющиеся у них данные о сотрудничестве В. Ленина с германской разведкой, а также информацию о большевистских финансовых отношениях с Берлином, осуществляемых через Стокгольм. Р. Пайпс пишет: «Весть о разоблачении связей Ленина с Германией была разнесена по частям представителями полков, побывавшими у Переверзева, и сильно поразила войска: их мало интересовало, кто будет править Россией – Временное правительство совместно с Советом или один Совет, но к сотрудничеству с врагом они относились принципиально иначе... Первыми к Таврическому дворцу прибыли части Измайловского гвардейского полка, за ними подошли отдельные отряды Преображенского и Семеновского полков; семеновцев сопровождал военный оркестр. Появились казацкие части. Увидав приближающиеся войска, толпа перед Таврическим дворцом стала в панике разбегаться, некоторые искали прибежища в самом дворце.

Тем временем во дворце шла дискуссия между исполкомом и представителями фабрик. Меньшевики и эсеры тянули время, надеясь, что им на помощь подоспеет правительство. Внезапно во дворец ворвались лояльные законной власти военные отряды и вышвырнули большевистских ходатаев вон»[1].

В тот же день правительственные войска расстреляли демонстрацию, в результате чего, «по приблизительным данным, в Петрограде было убито и ранено свыше 700 человек»[2].

В столицу были введены преданные правительству войска, газета «Правда» была запрещена, и были выданы ордера на арест трех главных лидеров большевиков. Штаб большевиков в доме Кшесинской был разогнан, матросы разоружены, Петропавловская крепость сдалась. Каменев был арестован; Ленин и Зиновьев ушли в подполье, а затем уехали в Финляндию.

В течение нескольких последующих дней наступление в Галиции провалилось, понеся тяжелые потери. Новый правительственный кризис привел к отставке Львова с поста премьер-министра. Совет объявил Временное правительство, которое 7 июля возглавил Керенский, «правительством спасения

---

[1] Пайпс Р. Русская революция. Кн. 2. Большевики в борьбе за власть. 1917–1918. М., 2005. Электронное издание.

[2] Революционный Петроград. Год 1917. Л., 1977. С. 227.

революции», и ему были предоставлены «неограниченные полномочия»[1]. Кабинет министров издал ряд спешно составленных директив с целью восстановления порядка и наказания зачинщиков политических выступлений, последовала новая волна арестов. В частности, были арестованы Троцкий, Луначарский и Коллонтай. Был издан приказ разоружить и распустить военные формирования, участвовавшие в июльском восстании, а их личный состав передать в распоряжение военного и морского министров.

Одновременно были предприняты меры против разложения воинских частей на фронте. Так, командиры получили право открывать огонь по подразделениям войск, оставлявшим поле боя без приказа. На всех фронтах были запрещены большевистские газеты и проведение политических митингов. Самой заметной мерой явилось восстановление правительством смертной казни за военные преступления в зоне боевых действий и введение одновременно «военно-революционных судов» с правом вынесения смертных приговоров[2].

Эхо июльских событий в Петрограде прокатилось по всей России, отразилось во всех классах и партиях. С 4 по 14 июля в 34 городах страны в революционном движении участвовало до полумиллиона человек, из которых две трети составляли рабочие. Демонстрации в большинстве случаев проходили под лозунгом «Вся власть Советам!»[3].

Июльский кризис не привел к разрешению проблемы власти Временного правительства, которое по-прежнему держалось только благодаря принципиальной позиции лидеров Петроградского Совета.

§5. Корниловский мятеж

Летом 1917 года, видя, что государственное управление оказалось парализованным, все больше промышленников, деловых людей, представителей дворянства и офицеров, среди которых были не только консерваторы, но и либералы, а также представители союзников в России, приходили к заключению, что правительство второй коалиции не жизнеспособнее первой. В Ставке в Могилеве стали концентрироваться наиболее влиятельные из оппозиционных правительству и Советам офицерских группировок.

Весной и летом 1917 года военные и гражданские организации правых рассматривали кандидатуры нескольких известных военных деятелей, в том числе генералов М. Алексеева, А. Брусилова и адмирала А. Колчака, на роль диктатора. К концу июля, однако, явным фаворитом стал генерал Л. Корнилов. 18 июля он был назначен Верховным главнокомандующим на определенных им условиях. Прежде всего, он должен иметь полную свободу действий, без всяких предписаний сверху, и быть ответственным только «пе-

---

[1] Исторический опыт трех российских революций. Кн. 3. Коренной поворот в истории человечества / Гл. ред.: Голуб П.А. и др. М., 1987. С. 205.

[2] Рабинович А. Большевики приходят к власти: Революция 1917 года в Петрограде: Пер. с англ. /Общ. ред. и послесл. Г.З. Иоффе. М., 1989. http://scepsis.net/library/id_1499.html

[3] Спирин Л.М. Россия 1917 год. Из истории борьбы политических партий. М., 1987. С. 193.

ред собственной совестью и всем народом». Он требовал абсолютной самостоятельности в вопросах оперативных распоряжений и при назначении высшего командного состава. В целях укрепления дисциплины в тылу и на фронте для солдат следовало учредить особые суды и ввести смертную казнь. Эти требования А. Керенский выполнить был не в состоянии, но и пойти на разрыв в такой момент с Корниловым тоже не мог, поскольку это, вероятнее всего, положило бы конец проходившим переговорам относительно формирования нового коалиционного правительства с участием кадетов. Ввиду этих обстоятельств Корнилов и Керенский пошли на компромисс. Корнилов обещал подчиняться правительству и не настаивать на немедленном выполнении других своих условий, а правительство в свою очередь обязывалось благожелательно рассмотреть требования генерала и без излишних проволочек принимать по ним решения[1].

Либералы, особенно кадеты, были готовы поддержать военных в их стремлении установить твердую власть. Член ЦК кадетской партии Оболенский признавал: «...перспектива военной диктатуры, которой сочувствовал Милюков, не пугала большинство членов ЦК». О том же говорят протокольные записи заседаний кадетского ЦК от 11 и 20 августа 1917 года[2]. Ставка в Могилеве превратилась в один из главных центров подготовки контрреволюционного заговора. Ряд офицерских и консервативных организаций подготовили детальный план правого путча, который должен был произойти при приближении к Петрограду фронтовых воинских частей. В случае необходимости заговорщики были готовы сами инсценировать левый мятеж, а двигающиеся на столицу войска призвать на помощь для восстановления спокойствия и утверждения нового, более строгого государственного порядка[3].

Правительство А. Керенского не только знало о подготовке Корниловского заговора, но и отчасти являлось его соучастником. Керенский надеялся использовать Корнилова для достижения своих политических целей. Премьер-министр пошел на сближение с Корниловым и при посредстве эсера Б. Савинкова договорился с генералом о совместных действиях. Согласованный план предусматривал вызов в столицу конного корпуса, подавление «беспорядков», распространение военно-диктаторского режима на тыл страны, при этом Керенский отводил Корнилову роль только военного исполнителя заговора[4].

---

[1] Рабинович А. Большевики приходят к власти: Революция 1917 года в Петрограде: Пер. с англ. /Общ. ред. и послесл. Г.З. Иоффе. М., 1989. http://scepsis.net/library/id_1499.html

[2] См.: Исторический опыт трех российских революций. Кн. 3. Коренной поворот в истории человечества / Гл. ред.: Голуб П.А. и др. М., 1987. С. 211.

[3] Рабинович А. Большевики приходят к власти: Революция 1917 года в Петрограде: Пер. с англ. /Общ. ред. и послесл. Г.З. Иоффе. М., 1989. http://scepsis.net/library/id_1499.html

[4] Исторический опыт трех российских революций. Кн. 3. Коренной поворот в истории человечества / Гл. ред.: Голуб П.А. и др. М., 1987. С. 213–214.

А. Керенского и Л. Корнилова объединяло стремление продолжать войну, а для этого следовало навести порядок на фронте и в тылу. Керенский планировал использовать военных для ликвидации угрозы со стороны большевиков, которые, по его данным, планировали совершить государственный переворот в начале сентября; информации об этом была получена в середине августа из надежных французских источников. 19 августа это сообщение опубликовала газета «Русское слово»[1].

21 августа была сдана немецким войскам Рига, появилась реальная угроза Петрограду, что явилось поводом для очередной кампании против большевиков, разлагавших армию. 25 августа Л. Корнилов по согласованию с А. Керенским двинул третий конный корпус под командованием генерала А. Крымова на Петроград, однако Керенский в последний момент представил выступление Корнилова как мятеж против правительства, а сам стал в позу защитника революционных завоеваний от посягательства реакции[2].

Поздно ночью 26 августа Керенский, после консультаций со своим ближайшим союзником Некрасовым, а также с Савинковым и другими высшими чинами военного министерства, прервал заседание Кабинета министров и сделал сообщение об «измене» Корнилова, приведя в доказательство свои телеграфные переговоры с Верховным главнокомандующим. Затем Керенский попросил министров предоставить ему всю полноту власти для принятия в данной чрезвычайной обстановке таких мер, которые он сочтет нужными. Большинство министров поддержали премьер-министра и, чтобы предоставить ему полную свободу действий при формировании нового правительства, официально предложили свою отставку. После заседания правительства Керенский отправил Корнилову краткую телеграмму, приказывая передать свой пост начальнику штаба генералу Лукомскому и немедленно выехать в Петроград[3]. В ответ Корнилов в опубликованной телеграмме заявил, что «Временное правительство под давлением большевистского большинства Советов действует в полном согласии с планами германского Генерального штаба, одновременно с предстоящей высадкой вражеских сил на Рижском побережье, убивает армию и потрясает страну внутри»[4]. Заявление содержало открытый призыв к военному мятежу против Временного правительства.

---

[1] Данные о выступлении большевиков в сентябре оказались фальшивкой, которой правительство, тем не менее, охотно воспользовалось. Пайпс Р. Русская революция. Кн. 2. Большевики в борьбе за власть. 1917–1918. М., 2005. Электронное издание.

[2] Исторический опыт трех российских революций. Кн. 3. Коренной поворот в истории человечества / Гл. ред.: Голуб П.А. и др. М., 1987. С. 214.

[3] Рабинович А. Большевики приходят к власти: Революция 1917 года в Петрограде: Пер. с англ. /Общ. ред. и послесл. Г.З. Иоффе. М., 1989. http://scepsis.net/library/id_1499.html

[4] Цит. по: Рабинович А. Большевики приходят к власти: Революция 1917 года в Петрограде: Пер. с англ. /Общ. ред. и послесл. Г.З. Иоффе. М., 1989. http://scepsis.net/library/id_1499.html

Поскольку отправленные Корниловым фронтовые части продолжали двигаться к Петрограду, то 27 августа Керенский начал составлять план обороны столицы и приказал объявить Петроград на военном положении.

28 августа о контрреволюционном выступлении Корнилова оповестили все газеты. За поддержкой Керенский обратился к ЦИКу Советов, Исполкому Всероссийского Совета крестьянских депутатов[1]. В тот же день Исполком по предложению меньшевиков решил создать Комитет по борьбе с контрреволюцией. А поскольку единственной силой, которую мог привлечь Исполком, была боевая организация большевиков, то именно большевики и оказались в роли руководителей вооруженных формирований Совета. Взбудораженные сообщениями о наступлении Корнилова, все политические организации левее кадетов, все более или менее значительные профсоюзные организации, солдатские и флотские комитеты всех уровней сразу же поднялись на борьбу с ним[2].

Керенский обратился к большевикам и напрямую попросил их оказать помощь в борьбе с Корниловым, используя значительно возросшее к тому времени их влияние в солдатской среде. Его агент, побывавший на крейсере «Аврора», призвал матросов, известных симпатиями к анархизму и большевизму, взять на себя охрану Зимнего дворца, служившего резиденцией Керенского и местом заседаний Временного правительства. Как утверждал впоследствии М.С. Урицкий, эти действия Керенского «реабилитировали» большевиков. Кроме того, Керенский дал возможность большевикам вооружиться, и рабочим было выдано 40 тысяч винтовок, значительная часть которых осталась в их распоряжении после того, как миновал кризис[3]. 28 – 29 августа в рабочих районах можно было видеть длинные очереди ожидавших зачисления в отряды, которые все чаще стали именоваться «Красной гвардией». После ускоренной подготовки часть красногвардейцев занимала спешно возведенные оборонительные сооружения в Нарвском и Московском районах, другие устанавливали колючую проволоку, рыли окопы, помогали разбирать железнодорожные пути, ведущие к столице, готовясь встретить наступающие части генерала Крымова. Аналогичным образом отреагировало на Корниловский мятеж и большинство солдат частично распущенного Петроградского гарнизона. Три тысячи хорошо вооруженных матросов прибыли в столицу рано утром 29 августа. После высадки на пристани Васильевского острова их отправили охранять железнодорожные станции, мосты, главные почтово-телеграфные и телефонные станции, Зимний дворец и другие ключевые правительственные здания[4].

---

[1] Спирин Л.М. Россия 1917 год. Из истории борьбы политических партий. М., 1987. С. 211.

[2] Рабинович А. Большевики приходят к власти: Революция 1917 года в Петрограде: Пер. с англ. /Общ. ред. и послесл. Г.З. Иоффе. М., 1989. http://scepsis.net/library/id_1499.html

[3] Пайпс Р. Русская революция. Кн. 2. Большевики в борьбе за власть. 1917–1918. М., 2005. Электронное издание.

[4] Рабинович А. Большевики приходят к власти: Революция 1917 года в Петрограде: Пер. с англ. /Общ. ред. и послесл. Г.З. Иоффе. М., 1989. http://scepsis.net/library/id_1499.html

Свою официальную позицию в отношении кризиса большевистская партия изложила в директивной телеграмме Центрального Комитета, переданной двадцати главным провинциальным комитетам большевиков 29 августа. В ней, в частности, говорилось: «Во имя отражения контрреволюции работаем в техническом и информационном сотрудничестве с Советом, при полной самостоятельности политической линии»[1]. Более подробно тактика большевиков в борьбе с корниловщиной была изложена Лениным в его письме в ЦК партии от 30 августа[2]. В нем, наряду с обоснованием недопустимости блока с партиями меньшевиков и эсеров, формулировалась линия в отношении Временного правительства, которое оказалось в разрыве с Корниловым. Не отказываясь от свержения правительства Керенского, но и не призывая к этому немедленно, партия на первый план выдвигала необходимость разоблачения его слабостей и шатаний, усиления агитации за предъявление Керенскому «частичных требований» – арестовать Милюкова и других главарей заговора, вооружить питерских рабочих, вызвать в столицу революционные войска, узаконить передачу помещичьих земель крестьянам и т. д.[3]

Огромное превосходство левых сил над прокорниловскими элементами было очевидным. В дни мятежа петроградские газеты сообщали об отдельных случаях агитации правых среди населения, которые, однако, ни разу не повлекли за собой крупных беспорядков, на что рассчитывали заговорщики.

28 августа воинские эшелоны с частями конного корпуса генерала Крымова растянулись на сотни километров по железным дорогам, ведущим к столице. Части Дикой дивизии представляли для столицы наибольшую угрозу, особенно подразделения Ингушского и Черкесского полков, которые достигли Вырицы и оказались очень близко от столицы. Но здесь железнодорожники блокировали путь вагонами, груженными бревнами, и разобрали многие километры рельсов. Войска не только не могли двигаться дальше по железной дороге – они были не в состоянии поддерживать надежную связь ни с другими подразделениями дивизии, ни с генералом Крымовым, ни со Ставкой, ни с Петроградом. «В то время как офицеры дивизии кипели от бессильной ярости, солдат обрабатывал целый рой агитаторов, среди которых были посланцы Комитета народной борьбы с контрреволюцией, петроградских районных Советов, ряда заводов и фабрик Петрограда, а также частей гарнизона, окопавшихся к северу от Царского Села. Действовала также группа примерно из сотни агитаторов, подобранных Центрофлотом из матросов 2-го Балтийского флотского экипажа, которые ранее были приданы Дикой дивизии в качестве пулеметчиков, и небольшая мусульманская делегация, по-

---

[1] Цит. по: Рабинович А. Большевики приходят к власти: Революция 1917 года в Петрограде: Пер. с англ. /Общ. ред. и послесл. Г.З. Иоффе. М., 1989. http://scepsis.net/library/id_1499.html

[2] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 76.

[3] Исторический опыт трех российских революций. Кн. 3. Коренной поворот в истории человечества / Гл. ред.: Голуб П.А. и др. М., 1987. С. 214.

сланная исполкомом Союза мусульманских Советов и включавшая внука легендарного Шамиля»[1].

Уссурийская конная дивизия оказалась в аналогичной ситуации. 29 и 30 августа толпы агитаторов из Нарвского и Ямбургского Советов, с заводов и фабрик, от воинских частей, массовых организаций Петрограда, а также делегация Комитета народной борьбы с контрреволюцией во главе с Церетели вели работу среди личного состава дивизии. Как и в случае с Дикой дивизией, уссурийских солдат быстро убедили не подчиняться распоряжениям офицеров и заявить о своей лояльности правительству. 30 августа Уссурийская казачья дивизия принесла присягу Временному правительству.

Труднее всего было нейтрализовать 1-ю Донскую казачью дивизию, вместе с которой ехал генерал Крымов со своим штабом. Но и здесь агитаторы вскоре стали устраивать массовые митинги казаков прямо на глазах у Крымова. Без особых трудностей им удалось перетянуть на свою сторону солдатских представителей большинства частей. Получив от Корнилова приказ – продолжать движение на Петроград, невзирая на препятствия, Крымов взвешивал возможность пройти оставшиеся до столицы примерно 90 километров походным порядком, однако отказался от этой идеи, когда стало ясно, что солдаты Лужского гарнизона готовы силой воспрепятствовать этому, а казаки не пойдут против солдат.

Фактически в течение всего мятежа почти не было вооруженных столкновений между войсками Корнилова и силами, стоявшими на стороне правительства[2].

В борьбе с корниловщиной выявился подавляющий, прежде всего идейный, перевес сил революции над силами контрреволюции. При таком положении против корниловских войск даже не потребовалось применять вооруженную силу: достаточно оказалось развернуть среди них массовую агитацию, чтобы обманутые казаки и горцы отказались повиноваться своим генералам и офицерам. 1 сентября Корнилов и его ближайшие сподвижники были арестованы[3].

Корниловский мятеж и его крах резко усилили распад партий меньшевиков и эсеров, их изоляцию от масс, кризис правящих верхов, дезорганиза-

---

[1] Рабинович А. Большевики приходят к власти: Революция 1917 года в Петрограде: Пер. с англ. /Общ. ред. и послесл. Г.З. Иоффе. М., 1989. http://scepsis.net/library/id_1499.html

[2] Рабинович А. Большевики приходят к власти: Революция 1917 года в Петрограде: Пер. с англ. /Общ. ред. и послесл. Г.З. Иоффе. М., 1989. http://scepsis.net/library/id_1499.html

[3] Исторический опыт трех российских революций. Кн. 3. Коренной поворот в истории человечества / Гл. ред.: Голуб П.А. и др. М., 1987. С. 217. Как считает Р. Пайпс, «все доступные источники показывают, что роль, приписываемая обычно агитаторам, которых Совет отправил убеждать бойцов Третьего корпуса не идти на Петроград, сильно преувеличена. От наступления на Петроград командование корпуса отказалось, узнав, что город вовсе не находится в руках большевиков, как они думали раньше, и помощь их здесь не нужна». Пайпс Р. Русская революция. Кн. 2. Большевики в борьбе за власть. 1917–1918. М., 2005. Электронное издание.

цию в стане правых и либералов, рост авторитета и влияния большевиков в массах[1].

В этот период большевики вновь заявили о себе как о политической силе. Рабочих, солдат и матросов возмущала нерешительность меньшевиков и эсеров, и они буквально толпами покидали их, переходя к большевикам, ибо не видели альтернативы[2].

§6. Октябрьское вооруженное восстание

Подготовка восстания

В середине октября большевики приступили к подготовке вооруженного восстания. После расширенного заседания ЦК РСДРП(б) 16 октября и создания затем партийного центра для руководства восстанием, в состав которого вошли А.С. Бубнов, Ф.Э. Дзержинский, Я.М. Свердлов, И.В. Сталин, М.С. Урицкий, начался последний этап подготовки большевиков к завоеванию власти. Был окончательно сформирован Военно-революционный комитет (ВРК) Петроградского Совета как аппарат для практического руководства восстанием и особый временный орган новой власти. В него кроме большевиков В.А. Антонова-Овсеенко, Н.И. Подвойского, А.Д. Садовского и др. вошли представители левых течений мелкобуржуазной демократии: левые эсеры П.Е. Лазимир (председатель ВРК), Г.Н. Сухарьков, некоторые анархисты.

Не все руководители партии и партийные работники считали, что восстание возможно в требуемые Лениным и большинством ЦК сроки. Каменев и Зиновьев открыто выступили против восстания, а некоторые руководящие деятели партии, в том числе из Военной организации, роль которой особенно возрастала, заколебались в сроках восстания, выражали сомнение, что оно уже подготовлено, что у большевиков достаточно военных сил для победы. Л. Спирин считает, что «именно благодаря настоянию Ленина восстание в Петрограде началось в самое благоприятное для революции время. Величайшая заслуга Ленина как революционера-новатора, непревзойденного политика состоит и в том, что он убедил Центральный Комитет большевистской партии начать восстание до созыва II съезда Советов»[3].

Л. Троцкий, выражая мнение многих, предлагал вначале путем голосования получить мандат от съезда на взятие власти Советами и только после этого пойти на восстание против Временного правительства. В ответ на это Ленин вечером 24 октября писал в ЦК партии: «Было бы гибелью или формальностью ждать колеблющегося голосования 25 октября, народ вправе и обязан решать подобные вопросы не голосованиями, а силой... Правительство

---

[1] Исторический опыт трех российских революций. Кн. 3. Коренной поворот в истории человечества / Гл. ред.: Голуб П.А. и др. М., 1987. С. 217.

[2] Пайпс Р. Русская революция. Кн. 2. Большевики в борьбе за власть. 1917–1918. М., 2005. Электронное издание.

[3] Спирин Л.М. Россия 1917 год. Из истории борьбы политических партий. М., 1987. С. 242.

колеблется. Надо добить его во что бы то ни стало! Промедление в выступлении смерти подобно»[1].

Главной заботой большевиков было не дать правительству привлечь для подавления восстания войска, как тому удалось это сделать в июле. Для этого им надо было лишить власти военное командование. Достичь цели удалось 21–22 октября, когда, действуя от имени Совета и его солдатской секции, большевики добились передачи командования гарнизоном Военно-революционному комитету. Хотя штаб Петроградского округа не признал этого решения, части гарнизона стали требовать резолюции ВРК на его приказах. 21 октября ВРК начал менять в частях гарнизона ранее назначенных правительством комиссаров на своих ставленников. 23 октября, когда замена комиссаров близилась к завершению, ВРК издал приказ, предоставивший его комиссарам неограниченное право налагать вето на приказы военных властей[2].

Временное правительство и военное командование начали стремительно терять власть над частями гарнизона. Положение усугубилось переходом на сторону ВРК гарнизона стратегически важной Петропавловской крепости и установлением контроля над прилегающим к ней Кронверкским арсеналом – главным складом оружия и боеприпасов. Гарнизон крепости перешел на сторону ВРК после митинга, на котором выступили видные большевики, в том числе Л. Троцкий. Солдаты поверили идеям большевиков и поэтому перешли на их сторону.

По подсчетам, проведенным Р. Пайпсом, Петроградский гарнизон был настроен далеко не революционно. Из 160 тысяч человек, расквартированных в городе, и 85 тысяч – в пригородах, подавляющее большинство объявили «нейтралитет» в назревавшем конфликте. «Активно пробольшевистски настроенных людей в гарнизоне (без учета Кронштадтской военно-морской базы) было около 10 тысяч, то есть 4 процента. Когда пессимисты в Центральном Комитете возражали против вооруженного восстания, они имели в виду как раз то обстоятельство, что даже призывы к немедленному перемирию, которые, по мнению Ленина, должны были склонить на их сторону армию, не обеспечивали большевикам поддержки Петроградского гарнизона. Правы, однако, оказались в данном случае оптимисты, ибо дело было не только в том, поддержит ли армия большевиков, но и в том, окажет ли она поддержку правительству. И если на стороне большевиков было 4 процента гарнизона, то на стороне правительства – еще меньше»[3].

Несмотря на осведомленность о намерениях большевиков, правительством и военным командованием не предпринималось никаких серьезных

---

[1] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 436.

[2] Пайпс Р. Русская революция. Кн. 2. Большевики в борьбе за власть. 1917–1918. М., 2005. Электронное издание.

[3] Пайпс Р. Русская революция. Кн. 2. Большевики в борьбе за власть. 1917–1918. М., 2005. Электронное издание.

приготовлений, чтобы отвратить удар, который, как все знали, должен был обрушиться.

Весь день и в ночь с 22 на 23 октября Керенский обсуждал со своими главными советниками вопрос о надвигавшемся кризисе. Из всех районов города поступали сообщения о массовых митингах, организованных большевиками, с выражением им широкой народной поддержки. Вечером начальник штаба Петроградского военного округа генерал Я. Багратуни отдал распоряжение штабу Северного фронта о подготовке к быстрой отправке в столицу пехотной бригады, кавалерийского полка и артиллерийской батареи. Командование Северного фронта ответило, что такая заблаговременная подготовка без знания целей использования военных сил абсолютно невозможна, потому что солдаты, заподозрив неладное, могут воспротивиться этому шагу.

Керенский внес предложение направить воинские части для ареста членов ВРК и ликвидации комитета. Однако главнокомандующий Петроградским военным округом полковник Г. Полковников убедил его повременить с этим. Затем премьер-министр отдал распоряжение генералу Багратуни направить жесткий ультиматум Совету[1]. Метания и нерешительность власти усугублялись решительными действиями большевиков, которые добивались перехода все больших сил на свою сторону.

Единственное, на что решилось правительство, – отдало распоряжение о закрытии газет «Рабочий путь» и «Солдат», а также начало собирать войска для своей защиты. Генерал Багратуни отдал приказы юнкерам Павловского, Владимирского и Константиновского военных училищ в Петрограде, школам прапорщиков в Петергофе и Гатчине, батарее конной артиллерии в Павловске, стрелковому «полку увечных воинов» в Царском Селе, 1-му женскому ударному батальону в Левашове прибыть на Дворцовую площадь[2].

Ход Октябрьского вооруженного восстания

По настоянию В.И. Ленина восстание началось 24 октября, до открытия съезда. В тот же день Центральный Комитет провел заседание, где были окончательно решены некоторые организационные вопросы. Члены Центрального Комитета были приданы Военно-революционному комитету Петроградского Совета для контроля над средствами почтовой, телеграфной и железнодорожной связи, а также за действиями Временного правительства. Дзержинскому было поручено контролировать железные дороги, Бубнову – почтовую и телеграфную связь; на Свердлова было возложено наблюдение за Временным правительством; в ведении Милютина были запасы продовольствия[3].

---

[1] Рабинович А. Большевики приходят к власти: Революция 1917 года в Петрограде: Пер. с англ. /Общ. ред. и послесл. Г.З. Иоффе. М., 1989. http://scepsis.net/library/id_1499.html

[2] Рабинович А. Большевики приходят к власти: Революция 1917 года в Петрограде: Пер. с англ. /Общ. ред. и послесл. Г.З. Иоффе. М., 1989. http://scepsis.net/library/id_1499.html

[3] Карр Э. История Советской России. Кн. 1: Том 1 и 2. Большевистская революция. 1917–1923. Пер. с англ. / Предисл. Ненарокова А.П. М., 1990. С. 94–95.

Штаб восстания находился в Смольном, куда поздно вечером прибыл Ленин, чтобы непосредственно руководить восстанием[1].

Керенский значительную часть утра 24 октября провел в Генштабе, добиваясь ускорения отправки в столицу верных правительству войск с фронта. По приказу командования юнкера закрыли типографии «Рабочего пути» (переименованной «Правды») и «Солдата», отключили идущие в Смольный телефонные линии. Были отданы распоряжения поднять мосты над Невой, чтобы воспрепятствовать проникновению в центр города пробольшевистски настроенных рабочих и солдат. Были отданы приказы о немедленном отстранении комиссаров ВРК, а всем частям гарнизона запрещено покидать казармы.

Однако уже в первой половине дня стало ясно, что подавляющее большинство войск подчиняется указаниям Военно-революционного комитета, а не военного командования. Защитники правительства начали понимать, что прибытие воинских частей в Петроград в лучшем случае серьезно задержится, а может быть, и вообще не состоится. Некоторые воинские части, получившие приказы о выступлении в ночь с 23 на 24 октября и на следующий день, сразу же заявили о своем нежелании двигаться на помощь правительству, а другие части не сумели сделать этого из-за противодействия сил, поддерживающих ВРК. Кроме того, как и в период Корниловского мятежа, движущиеся с фронта войска остановились далеко от столицы, поскольку большая часть фронтовых солдат с готовностью поддержала ВРК, как только им была разъяснена суть борьбы между правительством и Петроградским Советом.

Около полудня рота ударного женского батальона, примерно 200 человек, прибыла к Зимнему дворцу. В 2 часа дня к ним присоединились 68 юнкеров Михайловского артиллерийского училища. Кроме того, во дворце уже находились 134 офицера и около 2 тысяч человек из школ прапорщиков Петергофа, Ораниенбаума и Гатчины. Керенскому удалось собрать лишь эти небольшие силы, намного уступавшие по численности тем, на которые мог рассчитывать ВРК. Используя их, Керенский приложил максимум усилий для охраны правительственных зданий, вокзалов, мостов через Неву и важных государственных учреждений[2].

Эти приготовления вызвали в городе панику. К полудню большинство учреждений закрылись, люди поспешили домой, и улицы опустели.

Ответ большевиков не заставил себя ждать. Первым делом они занялись освобождением своих газет и успешно завершили эту операцию к 11 часам утра. Затем ВРК послал вооруженные отряды для захвата Центрального телеграфа и Российского телеграфного агентства. Телефонная связь со Смольным

---

[1] История Коммунистической партии Советского Союза /Б.Н. Пономарев, М.О. Волин, В.С. Зайцев и др. 6-е изд., доп. М., 1982. С. 212.

[2] Рабинович А. Большевики приходят к власти: Революция 1917 года в Петрограде: Пер. с англ. /Общ. ред. и послесл. Г.З. Иоффе. М., 1989. http://scepsis.net/library/id_1499.html

была восстановлена. С помощью силы с мостов была сбита охрана, и они были сведены.

Поздним вечером Ленин прибыл в Смольный. Под покровом ночи большевики постепенно овладели железнодорожными вокзалами, почтовыми отделениями, телефонными узлами, банками, штабом Петроградского округа[1].

Вечером 24 октября верные правительству солдаты Измайловского гвардейского полка взяли под свой контроль Балтийский вокзал, куда должны были прибывать верные правительству войска, доставленные морем через Финский залив с западного направления. Максимум чего удалось добиться штабу Петроградского военного округа – это передать по телеграфу сообщение, что «эшелоны с войсками, верными правительству и Центральному Исполнительному Комитету, движутся с фронта». В это же время большевики вызвали подкрепление из Кронштадта.

В течение дня и вечера 24 октября в рабочих районах столицы и на главных базах Балтийского флота прошли митинги. Почти всегда на этих митингах выражалась поддержка Петроградскому Совету и его программе. В то же время практически не наблюдалось каких-либо народных волнений. Не было организовано ни одной массовой демонстрации, как это происходило в феврале и июле, которые, как считалось, являются сигналом к началу последней битвы между левыми силами и правительством. На улицах все было спокойно. Уже вечером празднично одетая публика прогуливалась по Невскому проспекту. Рестораны, казино, кинотеатры и театры работали как обычно.

25 октября правительство осталось обладателем только Зимнего дворца. В 8 часов утра последний из трех крупнейших вокзалов Петрограда – Варшавский, железнодорожные линии которого соединяли столицу с Северным фронтом и штабом армии в Пскове, также оказался в руках ВРК. Отчаянное положение правительства стало очевидным и для главнокомандующего Петроградским военным округом Полковникова, и он направил доклад Керенскому, в котором оценил положение как «критическое» и сделал вывод: практически «в распоряжении правительства нет никаких войск». С этого момента единственной надеждой Керенского оставалась быстрая мобилизация фронтовых армейских частей для оказания помощи.

По распоряжению Керенского на рассвете к казачьим частям в столице был обращен последний отчаянный призыв: «Во имя свободы, чести и славы родной земли Верховный главнокомандующий приказал Первому, Четвертому и Четырнадцатому казачьим полкам выступить на помощь ЦИК Советов, революционной демократии и Временному правительству для спасения гибнущей России». В ответ на это представитель казаков спросил, выступит ли также пехота. Получив отрицательный ответ, представители всех, за исключением

[1] Пайпс Р. Русская революция. Кн. 2. Большевики в борьбе за власть. 1917–1918. М., 2005. Электронное издание.

относительно небольшого числа, казачьих частей дали понять, что не намерены «выступать в одиночку и служить живыми мишенями»[1].

Осознав, что сил для подавления восстания в Петрограде нет, около 9 часов утра Керенский оставил Коновалова временным главой кабинета и начал принимать меры для немедленного выезда в Псков[2]. Выехать из Петрограда на поезде было невозможно, так как все вокзалы находились уже под контролем ВРК, и даже Генеральный штаб не смог выделить премьер-министру ни одной легковой машины, пригодной для дальней поездки. В конце концов военным удалось достать открытую машину и одолжить еще один автомобиль в американском посольстве. В 11 утра Керенский выехал на поиск войск, который закончился неудачей меньше чем через неделю.

Зимний дворец остался единственным зданием, находившимся в руках правительства. Ленин настаивал на том, чтобы министры были арестованы, прежде чем II съезд Советов будет официально открыт. Ленин придавал принципиальное значение тому, чтобы делегаты съезда с самого начала были поставлены перед фактом создания Советского правительства. Но вооруженные силы большевиков не были готовы решить эту задачу: несмотря на все предыдущие заверения, не нашлось никого, кто захотел бы пойти под ружейный огонь. Из якобы 45 тысяч красногвардейцев и десятков тысяч сочувствующих из гарнизона идти на штурм дворца было мало желающих. Вялая атака началась на рассвете. Но, заслышав первые ответные выстрелы, нападавшие отступили.

Тем не менее Ленин написал от имени Военно-революционного комитета декларацию о низложении Временного правительства. В 10 часов утра 25 октября ее напечатали газеты: «К ГРАЖДАНАМ РОССИИ! Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, Военно-революционного комитета, стоящего во главе петроградского пролетариата и гарнизона...»[3]. Однако Временное правительство все еще действовало.

В 18 часов 30 минут Военно-революционный комитет предъявил Временному правительству ультиматум: либо оно сдается, либо по дворцу будет открыт огонь с крейсера «Аврора» и из Петропавловской крепости. Ожидая с минуты на минуту прибытия помощи, министры не отвечали: как раз в это время до них дошел слух, что Керенский с верными войсками на подходе. В 21 час открыл огонь крейсер «Аврора». Поскольку на борту не оказалось боевых снарядов, он сделал одиночный выстрел холостым и замолк. Лишь два часа спустя смогли начать артобстрел из Петропавловской крепости, на этот

---

[1] Цит. по: Рабинович А. Большевики приходят к власти: Революция 1917 года в Петрограде: Пер. с англ. /Общ. ред. и послесл. Г.З. Иоффе. М., 1989. http://scepsis.net/library/id_1499.html

[2] Рабинович А. Большевики приходят к власти: Революция 1917 года в Петрограде: Пер. с англ. /Общ. ред. и послесл. Г.З. Иоффе. М., 1989. http://scepsis.net/library/id_1499.html

[3] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 1.

раз настоящими снарядами, но прицел был настолько неточен, что из 35 снарядов только два достигли цели, произведя небольшие разрушения. В перерывах между артиллерийскими залпами отряды Красной гвардии проникли во дворец через один из входов, однако, столкнувшись внутри с вооруженными юнкерами, тотчас сдались.

С наступлением ночи защитники Зимнего, потеряв надежду на прибытие обещанного подкрепления, начали расходиться. Первыми ушли казаки. За ними последовали юнкера, которые обслуживали артиллерию. К полуночи остались лишь женский батальон смерти и небольшая группа подростков-кадетов, охранявших Малахитовую комнату. Когда из Зимнего перестали доноситься выстрелы, красногвардейцы и матросы осторожно приблизились к дворцу. Первыми в здание через открытые окна со стороны Эрмитажа проникли матросы и солдаты Павловского полка. Остальные вошли через открытые ворота. После того как Зимний перестал защищаться, его наводнила толпа. Потери исчислялись пятью убитыми и несколькими ранеными. Арестованные Антоновым-Овсеенко в 2 часа 10 минут ночи, министры под охраной были доставлены в Петропавловскую крепость[1].

В зарубежной литературе, не без злорадства, описываются те организационные неувязки и технические трудности, из-за которых целый день не могли начать штурм Зимнего дворца[2]. Действительно, все прошло не так гладко, как потом описывала официальная советская историография: «Поддержка восстания народными массами была настолько обеспечена, план восстания настолько тщательно продуман, что оно свершилось на редкость быстро и успешно»[3]. Однако если сравнивать действия большевиков с действиями их противников, то они выглядят именно так.

Выступая на экстренном заседании Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, Ленин заявил: «Товарищи! Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, совершилась.

Какое значение имеет эта рабочая и крестьянская революция? Прежде всего значение этого переворота состоит в том, что у нас будет Советское правительство, наш собственный орган власти, без какого бы то ни было участия буржуазии. Угнетенные массы сами создадут власть...

---

[1] Пайпс Р. Русская революция. Кн. 2. Большевики в борьбе за власть. 1917–1918. М., 2005. Электронное издание.

[2] Например, см.: Пайпс Р. Русская революция. Кн. 2. Большевики в борьбе за власть. 1917–1918. М., 2005. Электронное издание; Рабинович А. Большевики приходят к власти: Революция 1917 года в Петрограде: Пер. с англ. /Общ. ред. и послесл. Г.З. Иоффе. М., 1989. http://scepsis.net/library/id_1499.html

[3] История Коммунистической партии Советского Союза /Б.Н. Пономарев, М.О. Волин, В.С. Зайцев и др. 6-е изд., доп. М., 1982. С. 212.

Отныне наступает новая полоса в истории России, и данная, третья русская революция должна в своем конечном итоге привести к победе социализма... Да здравствует всемирная социалистическая революция!»[1]

25 октября вечером собрался II съезд Советов, провозгласивший переход власти по всей России в руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. «Он представлял более 400 Советов страны. Из 650 делегатов около 400 являлись большевиками. Большинство остальных были левые эсеры. Меньшевики и правые эсеры, до этого господствовавшие в Советах, составляли небольшую группу в 70–80 человек. На самом съезде эта группа продолжала таять: участники ее перебегали к левым эсерам и к меньшевикам-интернационалистам. Жалкие остатки обанкротившихся партий соглашения с буржуазией покинули съезд»[2].

Вечером 26 октября 1917 года на втором, и последнем, заседании съезда были приняты Декреты о мире и о земле и утвержден Совет Народных Комиссаров – первое рабоче-крестьянское правительство.

Началась новая история – история Советской России.

Октябрьские события обычно называют вооруженным восстанием, однако на самом деле вооруженной борьбы в это время мы не наблюдаем, хотя в них участвовали огромные массы вооруженных людей. Главным оружием была не винтовка, а облеченная в слово идея. Именно привлекательные и убедительные идеи позволили победить большевикам. Идеи лишали правительство и военное командование силы и, наоборот, привлекали на сторону большевиков всех тех солдат и рабочих, до кого доходило их слово. Большевики были сильнее идейно, поэтому они победили.

Выводы

Март–октябрь 1917 года – это время участия в политике многомиллионных масс трудящихся. Несмотря на то, что в выступлениях участвовали сотни тысяч вооруженных солдат и рабочих, насилия было относительно мало. Гигантские массы людей переходили с одной политической позиции на другую не под воздействием силы или угрозы силой, а исключительно под влиянием более убедительных идей. Сразу после свержения самодержавия наибольшей популярностью в народе пользовались марксистские идеи меньшевиков и неонароднические – эсеров. Гораздо меньше сторонников имел либерализм кадетов. Большевики первоначально поддерживали меньшевистские идеи и следовали их политической практике. Лишь в апреле В. Ленин выработал оригинальную политическую линию поведения большевиков.

По мере того как либерализм Временного правительства показывал свою беспомощность в решении насущных проблем воюющей страны, в нем все

---

[1] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 2.

[2] История Коммунистической партии Советского Союза /Б.Н. Пономарев, М.О. Волин, В.С. Зайцев и др. 6-е изд., доп. М., 1982. С. 212–213.

более разочаровывались широкие массы, которые и прежде поддерживали либералов, только под влиянием более популярных меньшевиков и эсеров. Последние, разделив с либералами бремя власти в нелегкое для страны время, также не смогли ничего сделать ни для решения текущих проблем, ни для осуществления тех своих стратегических задач, которых от них ожидали массы трудящихся. Все это привело к разочарованию в идеях меньшевиков и эсеров в среде рабочих и солдат и к отказу им в политической поддержке.

Советы, изначально ставшие организационным воплощением социалистической идеи, сначала находились под влиянием меньшевиков и эсеров. Однако на фоне дискредитации прежде популярных либеральных, меньшевистских социалистических и неонароднических эсеровских идей массы все больше отдавали предпочтение радикальным идеям большевиков, которые были готовы не на словах, а не деле воплотить их в реальность, не считаясь с потерями и издержками. Таким образом, создавался тот прочный социальный фундамент власти большевиков, на котором была воздвигнута советская государственность.

В политических событиях марта – октября 1917 года практически не принимали участия некогда многочисленные консервативные и промонархические силы. Их идеи были дискредитированы самодержавием и не находили отклика в сознании масс. Занятая решением своих внутренних проблем, практически не оказывала влияния на события Русская православная церковь.

События 1917 года – это закрепление в социально-политической действительности того глобального переворота, который произошел в мировоззрении людей во второй половине XIX – начале XX вв. В сознании политически активного меньшинства победил рационализм, который и являлся источником активности этого меньшинства. Подавляющее большинство народа еще руководствовалось в своих действиях религиозным мировоззрением, но поскольку оно не давало убедительных рецептов по решению насущных экономических и социально-политических проблем, то это большинство пребывало в политической апатии и либо пассивно наблюдало за ходом событий, либо очень слабо рефлексировало на них.

Политическая активность или пассивность людей не есть результат их врожденных особенностей. Активность вызывается необходимостью в осуществлении тех идей, которые лежат в ее основе. Когда люди разочаровываются в них, они становятся пассивными. Таким образом, политически активное меньшинство, играющее решающую роль в революции, – результат идей, вдохновляющих их на решительные действия. Октябрьское вооруженное восстание – результат реализации ленинских идей.

Выводы по разделу

Ход русской политической истории XIX – начала XX вв. определялся борьбой двух мировоззрений – религиозного и рационалистического, каждое из которых имело свой проект будущего. У религиозного мировоззрения – это Свя-

тая Русь. За столетия господства православного мировоззрения этот проект так и не был осуществлен. Русская православная церковь не смогла реализовать большинство христианских идей в русском обществе, поэтому начиная с XVIII столетия в России получают все большее распространение западноевропейские утопические проекты. В XIX веке наиболее популярным становится социализм; либерализм в качестве проекта будущего имел не утопию, а европейскую реальность, созданную идеями Просвещения.

Политическая борьба во второй половине XIX – начале XX вв. – это преимущественно борьба между самодержавием, созданным и поддерживаемым православной идеей, с одной стороны, и либерализмом и социализмом как разновидностями рационализма – с другой. Непрерывно наступая и тесня православие в сознании русских людей, политические рационалистические идеи определяли действия оппозиции в борьбе за власть как способ реализации идей. Только взяв власть, рационалистически мыслящие люди могли надеяться на осуществление своих целей в объективной реальности.

С начала XIX века оппозиция самодержавию вдохновлялась либеральным западноевропейским примером. Либеральное течение было довольно сильно в правящем и образованном слое российского общества. С середины XIX века ему на смену пришел социализм. Именно он создал наиболее активное, радикально настроенное революционное меньшинство, которое за счет фанатичной веры готово было жертвовать своей жизнью и жизнями соотечественников ради осуществления социалистического народнического идеала.

В течение длительного времени число оппозиционеров, готовых бороться за власть, было невелико, как была незначительна и социальная база рационалистического мировоззрения. Социальная опора самодержавия, напротив, была велика, однако постоянно сокращалась под напором рационализма. В начале XX века силы революции и самодержавия примерно сравнялись. При этом революционеров численно было значительно меньше, но они были полны решимости пойти на великие жертвы ради реализации своих идей. Защитники самодержавия были многочисленны, но жертвовать своей жизнью и даже здоровьем ради теряющей привлекательность идеи самодержавия они уже не хотели. Социальная база царизма стала рыхлой, на нее сложно было опереться в трудную минуту, что и показала революция 1905 года. Главной причиной слабости самодержавия было отсутствие идей, сопоставимых по силе с идеями его противников.

Главным политическим противником самодержавие считало либерализм, поскольку его представители хоть и не были многочисленны, но занимали важные позиции в обществе и постепенно захватывали власть – сначала в форме господства в земском и городском самоуправлении, а с 1905 года стали преобладать и в законодательной власти. Либералы рассчитывали прийти к власти мирным путем, постепенно сосредотачивая в своих руках властные функции.

У социалистов возможности взять власть мирным путем практически не было, поэтому они делали ставку на революционные методы борьбы. Свою силу они продемонстрировали, участвуя в первой русской революции, в ходе которой начали создавать свои органы власти. Однако сил у социалистов оказалось недостаточно, и в условиях отхода от революции либералов самодержавие смогло подавить выступления радикальной оппозиции. В последующем силы, поддерживающие самодержавие, иссякли, и когда в 1917 году потребовалось найти пару полков для подавления выступлений в столице, их не оказалось в царской многомиллионной армии.

1917 год – это кульминация напряженной идейной борьбы, столетиями шедшей в сознании русского народа, это момент победы рационалистических идей над религиозными. В ходе этой борьбы мы наблюдаем, как огромные массы вооруженных и невооруженных людей, порвавших с прежними мировоззренческими основами, мечутся в поисках новых идей и идеалов. В этот период привлекательная идея, убедительно высказанная мысль значили намного больше, чем оружие, боеприпасы и боевая техника. С помощью слова социалисты останавливали военные части, шедшие на подавление революции, и обращали их в своих союзников. Главная борьба велась на мировоззренческом уровне, в сознании людей, и ее, безусловно, выиграли социалисты и проиграли защитники православия и самодержавия.

Свержение самодержавной власти привело к двоевластию. Временное правительство олицетворяло либеральную идею и европейский путь развития. В Советах преобладали люди, выступающие за социализм, и именно их поддерживало политически активное меньшинство, от позиции которого зависел исход борьбы за власть. Сотни тысяч рабочих и солдат в столицах решали судьбу Российского государства. Остальная многомиллионная масса в тылу и на фронте, потерявшая мировоззренческие ориентиры, была готова поддержать победителя. Сначала она поддерживала самодержавие, потом комиссаров либерального Временного правительства, а после его свержения началось «триумфальное шествие» советской власти по стране.

Исход борьбы зависел от позиции многомиллионных солдатских масс. Они еще способны были идти в бой и умирать в борьбе с внешним врагом, но уже определенно не были готовы воевать и рисковать жизнью ради самодержавия, а затем и Временного правительства.

Если в Февральской революции главную роль сыграли массы рабочих и солдат, то в Октябрьской круг активных участников сузился до борьбы активных защитников Временного правительства и сил, поддерживающих большевистские Советы. Если на стороне первых было только несколько тысяч человек, готовых защищать правительство до первых выстрелов в их сторону, то на стороне вторых – десятки тысяч, большинство из которых были столь же неустойчивы, однако численно они абсолютно преобладали над противником.

Решающую роль в борьбе за власть в 1917 году играли партии как инструмент достижения политических целей. В политических действиях они руководствовались своими базовыми теориями. Исходя из них партийные лидеры анализировали обстановку и намечали тактику ведения борьбы. О том, что доктринальные установки играли решающую роль в этой борьбе, свидетельствует поведение эсеро-меньшевистского Совета, не желавшего по идеологическим мотивам брать власть. Большевики, которые руководствовались иными идеями, считали, что социализм можно построить в России, и поэтому были полны решимости в свой борьбе за власть, чтобы с ее помощью реализовать социалистический идеал.

В начале XX века социализм как идея имел значительно более прочную и массовую социальную основу, чем либерализм, поэтому его победа в октябре 1917 года не является исторической случайностью. Если бы не принципиальная позиция меньшевиков и эсеров, Советы могли взять всю полноту власти еще в феврале.

Несмотря на то, что либералы получили в 1917 году большую часть власти, они не смогли с помощью государственного аппарата осуществить свои теории и убедить политически активное меньшинство в легитимности своей власти. Не подтвердив действенности программных идей, либералы обрекли себя на поражение. Та же участь и по той же причине постигла меньшевиков и эсеров. Будучи у власти, они оказались неспособны осуществить социально-политические и экономические концепции, которых от них ожидали народные массы. Победа и последующее 75-летнее правление большевиков были обусловлены их решимостью реализовать социалистические идеи, невзирая ни на какие объективные трудности и не считаясь ни с какими потерями, поэтому главные программные идеи они начали осуществлять в первые часы своего правления, приняв декреты о мире, земле, власти Советов.

Огромную роль в революции играли идейные и политические лидеры – те, кто создавал и продвигал идеи, мобилизовывал массы на их осуществление. В ходе революции выдвинулось много ярких личностей, однако наибольших успехов в реализации своих идей добился В. Ленин – благодаря органичному сочетанию в его личности качеств талантливого мыслителя и выдающегося организатора.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Поскольку одной из главных задач данного труда была проверка применимости тезиса первичности идей в истории ко всей совокупности фактов в определенном временном периоде и их непротиворечивом объяснении, то в заключение можно отметить, что данная задача выполнена. На конкретном материале истории России второй половины XIX – начала XX вв. был, на взгляд автора, убедительно обоснован тезис о том, что в основе исторических действий лежат идеи: материальные условия либо мешают, либо способствуют их воплощению в жизнь, но не предопределяют ни самих идей, ни человеческих действий.

Применение метода понимания и объяснения помогло создать новую историю, основанную на идеалистическом подходе и непротиворечиво объясняющую события исследуемого исторического периода, чего не позволяет сделать материалистический подход.

Применение идеалистического подхода к конкретному историческому материалу доказывает правомерность использования идеализма как теоретической и методологической основы исторических исследований. Использование идеалистического подхода обладает большей объяснительной силой, он избавлен от тех натяжек и противоречий, которые приходится делать, применяя материалистический подход к объяснению исторических событий.

Главной движущей силой исторического процесса являются идеи, создаваемые людьми, именно они являются тем творческим актом, который преобразует материальный мир и создает новую объективную реальность. Великие идеи формируют определенную мировоззренческую парадигму, в рамках которой все исторические действия так или иначе регламентируются положениями этой великой идеи. Русское мировоззрение в исследуемый период определялось борьбой двух великих идей – православием и западноевропейским рационализмом. Их борьба в конечном счете определяла все главные исторические процессы и явления в России второй половины XIX – начала XX вв.

Православное мировоззрение, находившееся в кризисе, не смогло выработать новых идей, более привлекательных, нежели те, которые были заимствованы на Западе. Русская православная церковь, находившаяся в «синодальном пленении», оказалась не в состоянии ответить на вызов рационализма и производных от него либеральных и социалистических идей. Несмотря на

огромные материальные ресурсы и организационную поддержку государства, православная идея стремительно теряла своих сторонников. Сначала рационализмом было охвачено сознание элиты, затем интеллигенции, а в начале XX века и широких слоев народа, оказавшегося втянутым в новую жизнь и соблазнившегося новыми идеями. Идейное поражение православия повлекло за собой и крах царизма, державшегося на христианской идее.

Главная проблема русских мыслителей и идеологов того времени заключалась в том, что одни не могли, а другие не захотели приспособить рационалистические идеи к религиозному мировоззрению русского народа. Церковь по своей природе не может воспринять материалистические идеи, поэтому она не смогла их адаптировать к христианскому учению; она была в состоянии лишь противопоставить им более сильные и привлекательные, но в исследуемый период она этого не сделала, поэтому народ пошел за рационалистическими философскими и научными идеями.

Ослабевшая Церковь и самодержавие не могли противостоять идейному натиску раскольников, еретиков, сектантов, представителей других религий и конфессий и – одновременно – атеизму, материализму, охватившим своим влиянием половину населения империи.

В основе рационалистического мировоззрения, идущего в России на смену религиозному, лежали западные философские, научные, технические и иные идеи, которые вызвали интерес к материальному миру и привели к переменам в производстве, общественно-политическом устройстве, культуре, повседневной жизни.

Рационалистические идеи лежали в основе трех основных идеологий, господствовавших в XIX веке, – консервативной, либеральной и коммунистической. При этом российский правящий класс попеременно руководствовался в своих действиях консервативными и либеральными идеями; коммунистической теорией руководствовалась в своих действиях радикальная оппозиция. В широких народных массах авторитет православия постоянно снижался, либерализм имел широкое распространение в основном в образованных слоях населения, а в среде рабочих и части крестьян на рубеже веков значительной популярностью стали пользоваться социалистические идеи.

В производственной и технической сфере все большую роль начинают играть научные идеи. Их распространению способствует постоянно расширяющаяся образовательная и просвещенческая деятельность. С помощью науки и образования в сознание широких масс вносится рационалистическое мировоззрение, активно распространяются материалистические и атеистические взгляды, что приводит к стремительному сокращению идейного влияния православия.

Особую убедительность рационалистическому мировоззрению придавали успехи в техническом творчестве, решительно меняющем существующую российскую реальность. Появление новых отраслей производства, экономиче-

ский рост и связанный с ним подъем благосостояния убеждали людей в действенности рационалистических идей. Авторитет научно-технических идей усиливал влияние рационализма и в социально-политической сфере. Наука стала претендовать на изменение материальной и социальной реальности в соответствии с ее идеями. С наукой и ее рационалистическими идеями люди стали связывать надежды на будущее, на перемены в общественном строе и повседневной жизни.

В условиях ширящегося господства рационализма все большее значение приобретает развитие экономики. Решающее влияние на экономическое развитие оказывало господствующее мировоззрение. Православие с его сосредоточенностью на духовной жизни и безразличием к материальному не смогло создать собственной экономической концепции, поэтому все большее влияние приобретали западные экономические теории: экономический либерализм и основанная на нем классическая политическая экономия, идеи немецкой исторической школы, марксистская политэкономия, народническо-эсеровские экономические взгляды. На основе первых строилась экономическая политика царского правительства, а две последние концепции получили распространение в среде оппозиции и были реализованы только с падением самодержавия. Наибольших успехов в исследуемый период российская экономика достигла на пути реализации концепции немецкой исторической школы, совмещающей идеи экономического либерализма и протекционизма и учитывающей российские национальные особенности.

Экономика как область человеческого созидания была создана при помощи универсальных методов творчества – труда, убеждения, принуждения и насилия. Комбинация этих методов создавала российские экономические формы.

В XIX – начале XX вв. на смену православному мировоззрению шло рационалистическое, формирующее капиталистические экономические отношения, сосуществовавшие с огромным экономическим сектором, базирующимся на традиционных российских ценностях. Под влиянием производственно-экономических успехов капитализма традиционное православное мировоззрение все чаще отступало под натиском соблазнительных рационалистических идей, в основе которых лежала жажда обогащения, благосостояния, личного преуспеяния. Однако, несмотря на успехи капитализма, русский человек не принял капиталистических ценностей, резко контрастирующих с традиционными православными, и когда в тяжелый час ему приглянулась коммунистическая идея, соблазнился ею и пошел за большевиками.

В последний период своего существования царская власть, державшаяся на православном мировоззрении, попыталась создать общество и экономику, построенные на рационализме, однако в конкретных исторических условиях они оказались несовместимы и тысячелетняя российская монархия рухнула в момент своего наивысшего экономического развития. Причиной этого был

тот мировоззренческий переворот, который совершался в сознании русских людей, вылился в три революции и завершился гражданской войной.

Важным результатом человеческого творчества является создание общества, которое первоначально формируется идеально, а затем воплощается в реальном мире при помощи убеждения, насилия, принуждения и труда. Общество одновременно существует в идеальном виде в индивидуальном человеческом сознании и в объективном виде – в мире реальном. При этом субъективный и идеальный образ общества первичен, а объективный и реальный – вторичен.

На формирование социальных идей решающее влияние оказывает господствующее миропонимание, поэтому наибольшие изменения в социуме происходят в случае смены базовых мировоззренческих идей, сформировавших данный тип общества.

Большую роль в жизни человечества играет власть как возможность одних людей реализовывать свои идеи при помощи других людей. Власть – мощный инструмент социального творчества, который формирует, созидает и изменяет искусственный мир. В современном мире самым мощным и эффективным инструментом властвования является государство. Содержание власти и государства определяют те идеи, которыми руководствуются люди, возглавляющие властные и государственные структуры. В России сначала это были православные идеи, а затем – рационалистические, привнесенные из Европы. В XIX веке подавляющее большинство народа не было затронуто влиянием рационалистических идей и имело православное мировоззрение, благодаря этому сохранялась самодержавная власть царя. В начале следующего века рационалистическое мировоззрение стало господствующим в умах политически активного большинства, что привело к кризису власти и ее падению.

Основными концепциями, которые определяли содержание власти, государства и отношение к ним со стороны оппозиции, были консерватизм, либерализм и социализм.

Консервативные теории С. Уварова и К. Леонтьева позволили власти на время затормозить распространение рационалистических идей и сохранить сложившийся на основе православия социально-политический строй, однако они не давали рецептов его развития. Без интеллектуальной и духовной помощи Церкви консерваторы были не в состоянии сохранить социально-политическую реальность, основанную на православном мировоззрении.

Российский либерализм, выдвигавший в качестве идеала европейские социально-политические порядки, плохо приживался в сознании народных масс, хотя в правящем классе его идеи были широко распространены; поэтому для осуществления либеральных идей требовалась смена религиозной мировоззренческой парадигмы русского народа на рационалистическую, однако при этом самодержавие теряло свою главную идейную опору. Найти выход из этой ситуации, сохранить самодержавие и одновременно реализовать либе-

ральные идеи в XIX – начале XX вв. российская политическая и интеллектуальная элита не смогла.

Западной идеей, получившей широкую популярность в среде радикальной оппозиции, стал социализм. Социалисты опирались на рабочих, наиболее подверженных влиянию рационалистических идей и быстрее других представителей народных масс расставшихся с православным мировоззрением. Большую роль в развитии социалистической идеи сыграл В. Ленин, который сумел доказать, что вопреки основам марксизма социалистическая революция возможна и в России. Победа социализма была предопределена колоссальной идейной и организационной работой, которую проделали большевики во главе с Лениным по подготовке и проведению социалистической революции.

В начале XX века идейный конфликт православного и рационалистического мировоззрений вылился сначала в противостояние больших социальных групп, а затем и в открытое вооруженное столкновение в ходе трех революций. В революции 1905 года главными выгодополучателями стали либералы, однако после Февраля 1917-го они не смогли подтвердить действенность своих идей, народ отвернулся от них и поддержал большевиков в их борьбе за власть.

Главную роль в формировании общества в исследуемый период играла государственная власть, которая создавала свою структуру для осуществления основных идей, вытекавших из мировоззрения российских правителей.

В рамках православного миропонимания высшая власть в стране принадлежала царю, и только он мог наделять ею других, однако по мере распространения рационалистических взглядов начали создаваться властные структуры, получавшие свою легитимность от избравшего их общества или народа. В середине XIX века в правительстве возобладала либерально-демократическая идея, что привело к созданию ряда управленческих органов, основывавшихся на западных идеях участия общества в делах государства, что закономерно привело к сокращению самодержавной власти. Теряющая авторитет царская власть все больше начинает опираться не на убеждение, а на насилие, однако к 1917 году силовой аппарат окончательно разочаровался в идее самодержавия и в решающий момент отказал царю в поддержке.

По мере роста авторитета рационалистических идей власть перетекала от самодержавия к органам, получавшим народную санкцию на управление. В 1905 году этот процесс привел к созданию законодательной Государственной думы. С поражением в 1917 году православной идеи власть царя рухнула, и на смену ей пришло Временное правительство, опирающееся на рационалистическую идею народовластия.

Российская империя была создана русским народом в результате реализации целей, выработанных им в рамках православного мировоззрения, однако распространение рационалистических националистических идей подорвало опору самодержавия – единый православный русский народ, от которого стали обособляться украинцы, а впоследствии и белорусы. Активизировались

национальные процессы среди народов западных окраин империи, что подрывало основы самодержавной власти на присоединенных территориях.

Общеимперской идеи, объединившей бы народы России, выработано не было, поэтому чаще всего процесс присоединения новых земель осуществлялся силовыми методами. В ходе колонизации была выработана оригинальная технология встраивания новых народов в систему российской власти. Наиболее эффективным механизмом было обращение новых подданных в православие; если этого не удавалось сделать, то присоединенные территории заселялись русскими. Там, где и это оказывалось невозможным, применялись другие методы, обеспечивавшие лояльность если не всего народа, то хотя бы его элиты. В тех районах, где не удавалось достичь и этого, вводилось военное управление, опирающееся на силу. Особенно сложно шли процессы распространения власти православного царя в мусульманских регионах, население которых не принимало православных ценностей и упорно держалось своей религии.

Сложный этноконфессиональный состав империи создавал самодержавию массу проблем, которые усугублялись по мере нарастания мировоззренческого кризиса в государствообразующем русском народе.

Борьба за власть в исследуемый период была главным процессом, определявшим либо значительно влиявшим на все остальные социально-политические процессы. Ход этой борьбы, как и всей русской политической истории XIX – начала XX вв., определялся столкновением двух мировоззрений – религиозного и рационалистического. Главной причиной слабости самодержавия было отсутствие идей, сопоставимых по силе с идеями его противников. На основе рационалистического мировоззрения в стране постепенно сформировалась мощная оппозиция. За влияние на массы боролись либералы и ряд направлений социалистического толка: народники, неонародники, большевики, меньшевики, анархисты и пр. Взятие власти большинство их них рассматривало как необходимое условие реализации своих социально-политических проектов. Если либералы рассчитывали прийти к власти мирным путем, постепенно сосредотачивая в своих руках властные функции, то у социалистов такой возможности не было, поэтому они делали ставку на революционные методы борьбы.

Тектонические сдвиги в мировоззрении больших социальных групп российского общества привели к первой русской революции, в результате которой самодержавие было вынуждено уступить своим политическим противникам ряд важных властных позиций, что еще более ускорило процесс мировоззренческого размежевания. Хотя царь и сохранил значительную часть власти, однако процесс разрушения мировоззренческого основания самодержавия не был остановлен. В результате царизм стремительно терял своего последнего надежного сторонника и опору – крестьянство. Столыпинские реформы не смогли создать достаточно мощной социальной базы самодержавия на селе.

После революции 1905 года в сознании многих людей господствовали рационалистические политические идеи, а православная основа самодержавия еще больше истончилась. В ходе революции выявились две главные политические идеи, которые продолжили борьбу за влияние на сознание людей: либерализм и социализм. В феврале 1917 года в результате стихийного выступления в столице рабочих и солдат Петроградского гарнизона власть перешла к либералам, сформировавшим Временное правительство. Самодержавие, лишенное поддержки армии, пало.

Несмотря на то, что социалистическая идея имела в народных массах столицы более широкую социальную базу, меньшевики и эсеры, возглавлявшие Петроградский Совет, исходя из своих доктринальных положений, передали власть либералам, оставив за собой возможность контролировать буржуазное правительство и влиять на его действия. В результате в стране сложилось двоевластие – политически оформленное противостояние либеральной и социалистической идей, воплощенных во Временном правительстве и Советах. Противостояние этих идей определило содержание событий и процессов, проходивших в марте – октябре 1917 года.

Главную роль в победе большевиков сыграл В.И. Ленин, выдвинувший ряд новых идей, которые были подхвачены массами. Большевики победили прежде всего идейно, поскольку материальная сила и вся мощь государственного аппарата были на стороне их политических противников. Однако поскольку либералы, меньшевики и эсеры, находясь у рычагов власти, не подтвердили делом действенность и эффективность своих идей, то народ отказал им в доверии и поддержал большевиков, выдвинувших радикальные проекты общественного переустройства и на деле доказавших решимость идти до конца для их реализации.

Революционные события 1917 года – это закрепление в социально-политической действительности того глобального переворота, который начался в мировоззрении людей в XVIII – XIX вв. Революцию сделало рационалистически мыслящее, политически активное меньшинство при попустительстве большинства, придерживавшегося религиозного миропонимания, однако пребывавшего в сомнениях и потому политически пассивного. Не случайно в этих революциях основная борьба велась на мировоззренческом уровне с незначительным применением насилия. Победа социалистической идеи в октябре 1917 года не является исторической случайностью, поскольку в это время она имела значительно более прочную и массовую социальную основу, чем противостоящий ей либерализм.

Октябрь 2008 – май 2013

Библиография

Абалкин Л.И. Логика экономического роста / РАН. Ин-т экономики. М., 2002.

Абель Т. Социология: Основы теории / Пер. с польск. В.П. Макаренко. 2-е изд. М., 2006.

Аврех А.Я. Царизм накануне свержения. М., 1989.

Автономов В. Модель человека в экономической науке. СПб., 1998.

Азаркин Н.М. История юридической мысли России. М., 1999.

Азиатская Россия. СПб., 1914. Т. 1.

Айвазов И. Г. Церковные вопросы в царствование императора Александра III. М., 1914.

Аксаков К. С. Полное собрание сочинений. Т.1. М., 1861–1880.

Актуальные проблемы истории и политики КПСС: Уч. пособие / М.И. Владимиров, В.С. Вовк, С.П. Войтенко и др.; Под ред. Н.Р. Панкратова, В.А. Глазачева, А.А. Каралюка. М., 1984.

Алексеев Н. Н. Идея государства. СПб., 2001.

Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М., 1998.

Алексеева Г. Д. Критика эсеровской концепции Октябрьской революции. М., 1989.

Алексеева Е.В. Диффузия европейских инноваций в России (XVIII – начало XX в.). М., 2007.

Алешинцев И. История гимназического образования в России. XVIII и XIX век. СПб., 1912.

Алов А.А. , Владимиров Н. Г. Ислам в России М., 1996.

Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М., 2001.

Андреева Л.А. Сакрализация власти в истории христианской цивилизации. М.: Ладомир, 2007.

Аникин А. В. Юность науки: Жизнь и идеи мыслителей-экономистов до Маркса. М., 1985.

Анри Де Любак. Драма гуманизма. Ч. 1–3. Электронное издание.

Антисери Д. и Реале Дж. Западная философия от истоков до наших дней /Пер. с ит. С.А. Мальцевой. СПб., 2002.

Антология мировой политической мысли. В 5-ти т. М., 1997. / http://www.gumer. info/bibliotek_Buks/Polit/Sem/index.php

Антология экономической классики. М., 1993. В 2-х т. Т. I.

Антология экономической классики: Петти, Смит, Рикардо. М., 1993.

Антонов В.Ф. Революционное народничество. М., 1965.

Антропология власти. Хрестоматия по политической антропологии: В 2-х т./ Сост. и Отв. ред. В.В. Бочаров. СПб., 2006.

Аристотель. Аналитика первая и вторая. М., 1952.

Аристотель. Политика // Сочинения В 4-х т. Т. 4. М., 1984.

Арон Р. Историческое объяснение // Философия и общество, № 4(33), 2003.

Арон Р. Этапы развития социологической мысли /Общ. ред. и предисл. П.С. Гуревича. М., 1992.

Арсеньев К.И. Статистические очерки России. СПб., 1848.

Артоболевский И.И., Благонравов А.А. Очерки истории техники в России (1861–1917).М., 1975.

Архиепископ Михаил (Мудьюгин). Введение в основное богословие. М.1995.

Архиепископ Серафим (Соболев). Русская идеология. СПб., 1992.

Асмус Валентин, протоиерей. Царство вечное // RA. 1996. № 1.

Астрахан Х.М. Большевики и их политические противники в 1917 году. Л., 1973.

Бабкин М.А. Духовенство Русской православной церкви и свержение монархии (начало XX в. – конец 1917 г.). М., 2007.

Бабст И.К. О некоторых условиях, способствующих умножению народного капитала.

Баева Л.В. Философия. М., 2008.

Баринова Е.П. Российское дворянство в начале XX века: экономический статус и социокультурный облик. М., 2008.

Бачинин В. Национальная идея для России: выбор между византизмом, евангелизмом и секуляризмом. СПб., 2005.

Беккер Г. Современная теория священного и светского и ее развитие // Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении/ Под ред. Г. Беккера и А. Боскова. М.,1961.

Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Т. 5. М., 1954.

Бендикс Р. Образ общества у Макса Вебера /Макс Вебер. Избранное. Образ общества.: Пер. с нем. М., 1994.

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / Пер. с англ. Е.Д. Руткевич. М., Медиум, 1995.

Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.,1990.

Бердяев Н.А. Истина православия. http: // reeed.ru/lib/

Бердяев Н.А. Русская идея. СПб., 2008,

Бердяев Н.А. Смысл истории. Опыт философии человеческой судьбы. Париж. 1969.

Бережной А.Ф., Астрахан Х.М., Сазонов И.С. Большевистская печать в борьбе за власть Советов (март–октябрь 1917). Л.,1960.

Бернал Дж. Наука в истории общества / Пер. с англ. М., 1956.

Беспалова А.Г., Корнилов Е.А., Короченский А.П. и др. История мировой журналистики. Москва – Ростов-на-Дону, 2003.

Бетелл Т. Собственность и процветание /Пер. с англ. Б. Пинскера. М., 2008.

Богданов А. Из психологии общества. СПб., 1906.

Бонч-Бруевич В.Д. Избранные сочинения в трех томах. М., 1959. Т. I.

Бонч-Бруевич В.Д. Россия под гласным надзором. Избр. соч. Т. II. М., 1961.

Боханов А.Н. Самодержавие (Идея царской власти). М., 2002.

Булгаков С.Н. Философия хозяйства. М.,1990.

Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997.

Бунге Н.Х. Замечательная эпоха в истории российских финансов. СПб., 1895.

Бунге Н.Х. Очерки политико-экономической литературы. СПб., 1895. Предисловие.

Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967.

Бурдье П. Социология политики / Пер. с фр. М., 1993.

Бурышкин П.А. Москва купеческая. Воспоминания. М.,2002.

Бухарин Н.И. Мировое хозяйство и империализм. Пб., 1918.

Быховский Н.Я. Русская община и земельная реформа. М., 1917.

Соловьев В.С. Русская идея // Русская идея. М.,1992.

Рязанов В.Т. Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX–XX вв. СПб., 1998.

Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение / Пер. Н.Тюкиной. М., 2006.

Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.

Вебер М. История хозяйства. Город / Пер. с нем. Под ред. И. Гревса. Коммент. Н. Саркитова, Г. Кучкова. М., 2001.

Вебер М. О буржуазной демократии // Социол. исслед. 1992. № 3.

Ведута Е.Н. Стратегия и экономическая политика государства М., 2002.

Ведута Е.Н. Государственные экономические стратегии. М., 1998.

Великая Октябрьская социалистическая революция. Революционное движение в России после свержения самодержавия. Документы и материалы. М., 1957.

Вениамин (Федченков), митр. На рубеже двух эпох. М., 1994.

Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление.

Вернадский В.И. О науке. Научное знание. Научное творчество. Научная мысль. Т. 1. Дубна, 1997.

Виндельбанд В. История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками. В 2-х т. Т. 2. От Канта до Ницше. М., 2000.

Витте С.Ю. Воспоминания: Царствование Николая II. Берлин, 1922. Т. 1.

Витте С.Ю. Записка по крестьянскому делу. СПб.. 1904.

Витте С.Ю. Избранные воспоминания, 1849-1911 гг. М.,1991.

Витте С.Ю. По поводу национализма. Национальная экономия и Фридрих Лист // *Фридрих Лист.* Национальная система политической экономии. М., 2005.

Владимир Ильич Ленин: Биография. 4-е изд. М., 1970.

Военные организации российского пролетариата и опыт его вооруженной борьбы. 1903–1917 гг. М., 1974.

Волконский С.М. Мои воспоминания. М., 1992. Т. 2.

Воронский А. Желябов. М., 1934.

Воронцов В.П. Наши направления // Образ будущего в русской социально-экономической мысли конца XIX – начала XX в. М., 1994.

Воронцов В.П. Судьбы капитализма в России. СПб. 1882.
Воронцов-Дашков И.И. Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем. СПб., 1907.
Воспоминания товарища обер-прокурора Святейшего Синода князя Н.Д. Жевахова. М., 1993. Т. 2.
Восторгов И.И., прот. Социализм при свете христианства // Он же. Полн. собр. соч. М., 1913. Т. V. Ч. 1.
Всеподданнейшие отчеты обер-прокурора Св. синода по ведомству Православного исповедания за 1902–1914 гг.
Вучинич А. Русская наука в эпоху кризиса: 1890-1910 гг. Пер. англ. Д.Медовникова / Социальная история отечественной науки и техники. Электронное издание.
Вышеславцев Б.П. Этика преображенного Эроса. М.: Республика, 1994.
Гаджиев К.С. Введение в политическую философию. М., 2004.
Гайда Ф.А. Либеральная оппозиция на пути власти (1914 – весна 1917). М., 2003.
Гайдар Е.Т. Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории. М., 2005.
Гайденко П.П. Эволюция понятия науки (становление и развитие первых научных программ). М., 1980.
Галактионов А.А., Никандров П.Ф. Русская философия XI -XIX веков. Л., 1970.
Галилей Г. Избранные труды. В 2-х т. М., 1964.
Галили Зива. Лидеры меньшевиков в русской революции. Социальные реалии и политическая стратегия: Пер. с англ. М., 1993.
Ганжа А.О., Зотов А.А. Гуманистическая социология Флориана Знанецкого // Социологические исследования. 2002. № 3.
Гегель Г.В.Ф. Сочинения. Т. VIII: Философия истории. М.; Л., 1935.
Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. М., 1993. Т. 1.
Гегель Г.Ф. Лекции по философии истории. Перевод А.М. Водена. СПб, 1993.
Геллнер Э. Нации и национализм / Эрнест Геллнер; Пер. с англ. Т.В. Бердиковой, М.К. Тюнькиной; Ред. и послесл. И. И. Крупника. М., 1991.
Георгий Ц. де Вильярдо. Дух русского христианства. Мадрид, 1962.
Герасименко Г.А. Земское самоуправление в России. М., 1990.
Герцен А.И. Собр. соч. В 30-ти т. М., 1954-1966.
Гессен С.И. Проблема правового социализма // Соврем. записки. Париж, 1924. Т. 22.
Гидденс Э. Социология. М., 2005.
Гильфердинг Р. Финансовый капитал. М., 1959.
Гиляров-Платонов Н.П. Сборник сочинений. Т. II. М., Б.г.
Гинев В.Н. Аграрный вопрос и молкобуржуазные партии в 1917 г. Л.,1977.
Глубоковский Н.Н. Русская богословская наука в ее историческом развитии и новейшем состоянии. М., 2002.
Гоббс Т. Левиафан // Он же. Избранные произведения. В 2-х т. М., 1991. Т. 2.
Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. Париж, 1939. Т. 2. С. 122–123.
Горовой Ф. С. Очерки революции 1905–1907 годов на Урале. Пермь, 1955.
Государственная дума. Стенографические отчеты. Четвертый созыв. Заседание 26 июля 1914 г. Спб., 1914.
Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX в.): Новые подсчеты и оценки / Пер. с англ. М., 2003.
Гросул В.Я. и др. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М., 2000.
Гэлбрейт Дж.К. Экономические теории и цели общества. М., 1979.
Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991.
Данилов Ю.Н. На пути к крушению. М., 1992.
Декарт Р. Избранные произведения. М., 1950.
Денике Ю. Меньшевики в 1917 году // Меньшевики. Benson; Vermont, 1988. http://socialist.memo.ru/books/stat.htm
Деникин А.И. Очерки русской смуты. В 5-ти т. Т. 1. Минск, 2003.
Десятилетие Министерства народного просвещения, 1833–1843. СПб., 1864.
Джованни Пико делла Мирандола. Речь о достоинстве человека. Пер. Л.Брагиной / История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли в 5-и тт. Т. 1.
Джон У. Слокум. Кто и когда были «инородцами»? /Российская империя в зару-

бежной историографии. Работы последних лет: Антология. Сост. П. Верт, П.С. Кабытов, А.И. Миллер М., 2005.
Дмитриев М.А. Главы из воспоминаний моей жизни. М., 1998.
Дневник государственного секретаря А.А. Половцова. М., 1966. Т. I.
Достоевский Ф.М. Преступление и наказание. М., 1974
Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 30-ти томах. Л., 1980. Т. 21.
Дружинин Н.Д. Социально-экономическая история России. Избранные труды. М., 1987.
Дубровский С. Крестьянское движение в революции 1905–1907 гг. М., 1956.
Думова Н.Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром. М., 1982.
Духовная цензура в России. (1799–1855 гг.): [Дис.]. СПб., 1909.
Дьяков В.А. Освободительное движение в России, 1825– 1861. М., 1979.
Евлампиев И.И. История русской философии. М., 2002.
Евлогий. Путь моей жизни : Воспоминания митрополита Евлогия, излож. по его рассказам Т. Манухиной. Париж, 1947.
Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1968.
Жид Ш., Рист Ш. История экономических учений. М., 1995.
Жилин А.П. К вопросу о морально-политическом состоянии русской армии в 1917 г. // Первая мировая война: дискуссионные проблемы истории. М., 1994.
Жувенель, Бертран де. Власть. Естественная история ее возрастания / Пер. с фр. В.П. Гайдамака и А.В. Матешук. М., 2011.
Журавский А. Христиане и мусульмане: от конфронтации к диалогу / Христиане и мусульмане: проблемы диалога. Хрестоматия. М., 2000.
Забегайло О.Н. Духовное понимание истории. М., 2009.
Замалеев А.Ф. Курс истории русской философии. М., 1995.
Западные окраины Российской империи. М., 2006.
Зеньковский В.В. История русской философии. Л., 1991. В 2-х т.
Зеньковский В. Россия и Православие. Киев. 1916.
Зиновьев Г.В. И. Ульянов. Очерк жизни и деятельности. П., 1918.
Знаменский О.Н. Интеллигенция накануне Великого Октября (февраль–октябрь 1917). Л., 1988.
Знаменский П.В. История Русской Церкви. М., 1996.
Зомбарт В. Буржуа: Пер. с нем. / Ин-т социологии. М., 1994.
Зомбарт В. Социология / В. Зомбарт; Пер. с нем. И.Д. Маркусона М., 2003.
Зорин А..Л. Идеология «православия–самодержавия–народности» и ее немецкие источники // В раздумьях о России (XIX в.). М., 1996.
Зыбковец В.Ф. Национализация монастырских имуществ в Советской России (1917–1921). М., 1978.
Игнатьев А.В. От «личной дипломатии» к «политике интересов» // Россия: государственные приоритеты и национальные интересы. М., 2000.
Ильин В.В., Панарин А.С., Ахиезер А.С. Реформы и контрреформы в России /Под ред. В.В. Ильина. М., 1996.
Ильин И. Что дало России Православное христианство. Манифест Русского Движения.
Ильин И.А. О русской идее // Русская идея. М., 1992.
Ильин И.А. О сопротивлении злу силою.
Иоанн (Снычев), митр. Русь соборная. Очерки христианской государственности. СПб, 1995.
Ионин Л.Г. Социология культуры: путь в новое тысячелетие. 3-е изд., доп. и перераб. М., 2000.
Ислам в Российской империи : (Законодат. акты, описания, статистика) / Сост. и авт. ввод. ст., коммент. и прил. Д.Ю. Арапов. М., 2001.
Исторический опыт трех российских революций. Кн. 1. Генеральная репетиция Великого Октября: Первая буржуазно-демократическая революция в России / Гл. ред.: П.А. Голуб и др. М., 1985.
Исторический опыт трех российских революций. Кн. 2. Свержение самодержавия: Вторая буржуазно-демократическая революция в России/ Гл. ред.: Голуб П.А. и др. М., 1986.
Исторический опыт трех российских революций. Кн. 3. Коренной поворот в истории

человечества / Гл. ред.: Голуб П.А. и др. М., 1987.
История биологии с древнейших времен до начала XX века. М.,1972.
История государственного управления России. / Отв. ред. В.Г. Игнатов. Ростов н/Д, 2002.
История Коммунистической партии Советского Союза / Б.Н. Пономарев, М.О. Волин, В.С. Зайцев и др. 6-е изд., доп. М., 1982.
История Коммунистической партии Советского Союза. В 6-ти т. / ред. П. Н. Поспелов. М., 1964 - 1970.
История мировой экономики / Под ред. Г.Б. Поляка, А.Н. Марковой. М., 2002.
История политических и правовых учений / Под ред. О.Э. Лейста. М., 1997.Ч. 3.
История политических и правовых учений. / Под ред. В. С. Нерсесянца. М., 1997.
История России : учебник / Ш.М. Мунчаев, В.М. Устинов. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2009.
История России XIX – начала XX в. Учебник для исторических факультетов университетов / Под ред. В.А. Федорова. М., 1998.
История России с древнейших времен до конца XX века. В 3-х кн. Боханов А.Н., Горинов М.М., Дмитренко В.П. Кн.3. История России. XX век. М., 2001.
История России. XX век: 1894–1939. М., 2009.
История СССР с древнейших времен до наших дней: В 12 т. М.,1966. Т.1.
История СССР. 1861–1917 / Под ред. В.Г. Тюкавкина. М., 1989.
История СССР. XIX – нач. XX в. М., 1987.
История техники. М., 1962.
История философии. М., 2008.
История экономических учений / Под ред. В. Автономова, О. Ананьина, Н. Макашевой. М., 2000.
История экономической теории / Такаши Негиши; пер. с англ. под ред. Л. Л. Любимова, В. С. Автономова. М.,1995.
К.П. Победоносцев: pro et contra / Вступ. ст., сост., и прим. С. Л. Фирсова. СПб., 1996.
Кабузан В.М. Русские в мире. Динамика численности и расселения (1719–1989). Формирование этнических и политических границ русского народа. СПб., 1996.
Кавелин К.Д. Собрание сочинений. В 4-х т. СПб., 1897-1900.
Кавелин К.Д. Краткий взгляд на русскую историю // Кавелин К.Д. Наш умственный строй. М.,1898.
Казютинский В. Странный Циолковский // "Труд-7", 09.08.2001, М., №145.
Кант И. Сочинения. В 6-ти т. М., 1963–1966.
Карен Армстронг. История бога. Тысячелетние искания в иудаизме, христианстве и исламе. Пер. К. Семенова под ред. В. Трилиса и М. Добровольского. Б. м., 2004.
Карр Э. История Советской России. Кн. 1: Т. 1 и 2. Большевистская революция. 1917–1923. Пер. с англ. / Предисл. Ненарокова А.П. М., 1990.
Карташев А.В. Очерки по истории Русской Церкви. Т. 2. М.,1991.
Касьянова К. О русском национальном характере. М.,1994.
Катков Г.М. Февральская революция. М., 1997.
Катков М.Н. Идеология охранительства / Составление, предисловие и комментарии: Климаков Ю.В. / Отв. ред. О. Платонов. М., 2009.
Кейнс Дж. М. Конец laissez-faire // Истоки. Вып. 3. М., 2001.
Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. М., 1978.
Кеннингем В. Западная цивилизация с экономической точки зрения. В 2-х т. М., 1903.
Кирдина С.Г. Российская экономическая теория между прошлым и будущим (к 75-летию со дня рождения Л. И. Абалкина) http://kirdina.ru/public/310kt04-02/index.shtml
Киреевский И.В. Духовные основы русской жизни. М., 2007.
Кирьянов Ю.И. Правые партии в России. 1911–1917 гг. М., 2001.
Кирьянов Ю.И. Рабочие в России на рубеже XX–XX в. // Отечественная история. 1997. №4.
Кирьянов Ю.И. Рабочие России и война: новые подходы к анализу проблемы // Первая мировая война. Пролог XX века. М., 1998.
Ключевский В.О. Западное влияние в России XVII века // Вопросы философии и психологии. 1897. Кн. 36 (1).
Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций в 3 кн. Кн. 3. М., 1993.

Кожев А. Понятие Власти. М., 2006.
Кожевников В.П. Ментальность российской цивилизации: история и методология исследования. М,. 1998.
Козловски П. Этика капитализма. СПб., 2000.
Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1980). 9-е изд., доп. и испр. М., 1983.
Кондратьев Н.Д. Большие циклы конъюнктуры. Доклады и их обсуждение в Институте экономики. М., 2008.
Кондратьев Н.Д. Проблемы экономической динамики. М.,1989.
Конев В. Мир культуры и мир бытия // Высшее образование в России. 2001. №6.
Коновалова О.В. В.М. Чернов о путях развития России. М., 2009.
Конституционные проекты в России с XVIII – начала XX века / [Сост., автор вступ. ст. и коммент. А.Н. Медушевский]. М., 2010.
Конфисахор А.Г. Психология власти. М., 2004.
Коркюф Ф. Новые социологии / Пер. с фр. Е.Д. Вознесенской, М.В. Федоровой; науч. ред. Н.А. Шматко. М.,-СПб., 2002.
Корнилов А.А. Курс истории России XIX века. М., 1993.
Кортунов С.В. Становление национальной идентичности. М., 2009.
Красный архив. 1926. Т. 4 (17).
Красный архив. М., 1936. №3
Кувшинов В.А. Кадеты в поисках массовой базы в 1917 году. Вестник БИСТ / №3 (7), сентябрь, 2010.
Кудрявцев П.С. История физики. Т. 2. М.,1956.
Курбатов Г.Л. Политическая теория в ранней Византии. Идеология императорской власти и аристократическая оппозиция // Культура Византии. IV–первая половина VII в. М., 1989.
Куропаткин А.Н. Русско-китайский вопрос. СПб., 1913.
Кюстин де А. Россия в 1839 году. Т. 1. М., 2000.
Ланде Л. Состояние партийной организации к моменту октябрьского переворота. // Меньшевики. Сост. Ю.Г. Фельштинский. Benson, Vermont: Chalidze publication, 1988. http: // socialist.memo.ru/books/stat.htm
Лебон Г. Психология народов. М., 1898.
Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5 изд. В 55-ти т. М., 1958—1965
Леонтович В.В. История либерализма в России (1762–1914). М., 1995.
Леонтьев К.Я. Восток, Россия и славянство. М., 1996.
Леонтьев К.Н. Избранные письма. СПб., 1993.
Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем. В 12-ти т. Т. 7. СПб., 2000.
Леонтьева Т.Г. Жизнь и переживания сельского священника (1861–1904) // Социальная история: Ежегодник. М ., 2000.
Леруа-Болье П. Колонизация у новейших народов. СПб., 1877.
Либерализм в России. М., 1996..
Либеральное движение в России. 1902–1905 гг. М., 2001.
Линков Я.И. Основные этапы истории революционного общества «Земля и воля» 1860-х годов, «Вопросы истории», 1958, №9,
Липпман У. Общественное мнение. Пер. с англ. Т.В. Барчуновой. М., 2004.
Липранди. Краткое обозрение существующих в России ересей и расколов. СПб., 1853.
Лист Ф. Национальная система политической экономии. М., 2005.
Литература партии «Народная воля». М., 1930.
Лихачев Д.С. Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Пермудрого (конец XIV–начало XV в.). Л.,1962.
Лихачев Д.С. Новгород Великий: очерк истории культуры Новгорода XI-XVII вв. М.,1959.
Ломоносов М.В. Избранные философские произведения. М., 1950.
Лосский Н. О. Религиозность русского народа // Православие: pro et contra. СПб., 2001.
Лосский Н.О. История русской философии. М., 1991.
Лукьянов М.Н. Российский консерватизм и реформа, 1907–1914.
Любавский М.К. Русская история XVII-XVIII веков. 2-е изд. СПб., 2002.
Макарий (Булгаков Михаил Петрович; митр. Московский и Коломенский). История русской церкви. М., 1870.
Маклаков В.А. Из прошлого // Соврем. записки. Париж, 1930. № 41.

Мангейм К. Диагноз нашего времени. М., 1995.
Мандевиль Б. Басня о пчелах. М., 1974.
Марков Н.Е. Войны темных сил. М., 1993
Маркс К. и Энгельс Ф., Сочинения, 2 изд. М., 1955–73.
Масионис Дж. Социология / Пер. с англ.: З. Замчук, С. Комаров, А. Смирнов. СПб., 2004.
Мельников Ф.Е. Краткая история древлеправославной (старообрядческой) Церкви / Ф.Е. Мельников; Барнаул. гос. пед. ун-т. Барнаул, 1999.
Меньшиков С.М., Клименко Л.А. Длинные волны в экономике. Когда общество меняет кожу. М., 1989.
Меньшиков М.О. Национальная империя. М., 2004.
Мережковский Д.С. Грядущий хам. М.,2004.
Меркантилизм / Под ред. И.С. Плотникова. М., 1935.
Мизес Л. Теория и история: Интерпретация социально-экономической эволюции / Пер. с англ. под ред. проф. А.Г. Грязновой. М. 2001.
Мизес Л. Человеческая деятельность: Трактат по экономической теории / 2-е испр. изд. Челябинск, 2005.
Миллер А. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М., 2006.
Миллер А.И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб., 2000.
Милюков П.Н. История второй русской революции. М., 2001.
Министерство внутренних дел. Исторический очерк. 1802– 1902. СПб., 1901.
Минувшее. М. - СПб., 1993. Т. 14.
Минц И.И. История Великого Октября: В 3-х т. 2-е изд. Т. 1. М., 1977.
Миронов Б.Н. Народ-богоносец или народ-атеист?: Как россияне верили в Бога накануне 1917 года // Родина. М., 2001. № 3.
Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – нач. XX в.): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2-х т. СПб., 1999.
Миронов Б.Н. Страсти по исторической антропометрии // Вопросы истории. 2010. № 10.
Митр. Филарет. Христианское учение о царской власти. М., 1906.
Митрофан Зноско-Боровский; еп. Восточно-Американский и Нью-Йоркский. Православие. Римо-католичество. Протестантизм. Сектантство: Сравнит. Богословие. М., 1998.
Михайловский Н.К. Полн. собр. Соч.: В 10-ти т. СПб., 1909. Т. 1.
Модели общественного переустройства России. XX век : [монография] / В. В. Зверев [и др.] ; отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2004.
Монашество и монастыри в России. IX – XX вв. М., 2002.
Морин Пэрри (Бирмингем). К вопросу о «религиозности» русской интеллигенции: религиозный язык у эсеров-террористов начала XX века // Россия/Russia. Новая серия под. Ред. Н.Г. Охотина. Вып. 2 [10]. М., 1999.
Морозов К.Н. Партия социалистов-революционеров в 1907–1914 гг. 2-е изд., доп. и испр. М., 1998.
На путях становления украинской и белорусской наций: факторы, механизмы, соотнесения. М., 2004.
Народническая экономическая литература. М., 1958.
Население России в XX веке: ист. очерки. Т. 1. 1900–1939 /отв. ред. В.Б. Жиромская. М., 2000.
Научный коммунизм / П.Н. Федосеев, В.Г. Афанасьев, К.Н. Брутенц и др. 5-е изд. М., 1982.
Научный коммунизм: Учебник для вузов / П.Н. Федосеев, В.Г. Афанасьев, К.Н. Брутенц и др. 5-е изд. М., 1982.
Негодаев И.А. Философия техники. М., 1997.
Нефедов С.А. Февраль 1917 года: власть, общество, хлеб и революция // Уральский исторический вестник. 2005. № 10–11.
Никитенко А.В. Дневник. Л.,1955. Т. 1.
Никитин В.А. Слава и щит Руси: Новгород Великий X–XV вв. // Богословские труды. М., 1984. Сб. 25.
Николаев А.Б. Государственная дума в Февральской революции: Очерки истории. Т. 2. Рязань, 2002.

Николаев П.Ф. Очерк развития социально-революционного движения в России. Литературное наследство. М., 1977. Т. 87.

Никольский Н.М. История русской церкви М., 1988.

Ницше Ф. Воля к власти: Опыт переоценки всех ценностей. М., 1995.

Ницше Ф. Сочинения: В 2-х т. М., 1990. Т. 2.

Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М., 1991.

Новгородцев П.И. Общий взгляд на развитие политической мысли во второй половине XIX столетия // Новый мир. 1991. № 12.

Новиков М.Н. История развития экономической мысли и России на рубеже XIX–XX вв. / Под ред. О.М. Новиковой. М., 2002.

Новикова Л.И., Сиземская И.Н. Три модели развития России. М., 2000.

Норе Д. О монете // Меркантилизм / Под ред. И.С. Плотникова. М., 1935.

Ньютон И. Математические начала натуральной философии/ Перевод с латинского и примечания А.Н.Крылова. М., 1989.

О занятиях IV-го Всероссийского миссионерского съезда в Киеве // Прибавления к «Церковным Ведомостям». 1908. №37.

О мирной борьбе с социализмом. Путевые воспоминания Владимира Саблера. Сергиев Посад, 1911. Т. I–II.

Овсепян Р.П. История новейшей отечественной журналистики. М., 1999.

Овсянико-Куликовский Д.И. Психология русской интеллигенции // Вехи. Интеллигенция в России. М., 1990.

Останина О.В. Обновленчество и реформаторство в Русской православной церкви в начале XX века. Л., 1991.

Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. Ч. 2. СПб., 1906.

Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев, документы. 2-е изд. Л., 1927.

Отчет обер-прокурора Святейшего Синода за 1905–1907 гг. СПб., 1908.

Официальный сайт Русской православной старообрядческой церкви. http: // www.rpsc.ru/ index.php?id=489

Официальный сайт Русской православной церкви. http: // www.patriarchia.ru/db/text/742851.html

Очерк теории социализма / Смирнов Г.Л., Андреев Э.М. Баграмов Э.А. и др. М., 1989.

Падение царского режима: стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства / ред. П.Е. Щеголева. Л., 1925. Т. 4.

Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 1993.

Пайпс Р. Русская революция. Кн.1. Агония старого режима 1905–1917. М., 2005.

Пайпс Р. Русская революция. Кн.2. Большевики в борьбе за власть. 1917–1918. 2005.

Пайпс Р. Русский консерватизм и его критики: Исследование политической культуры / Пер. с англ. М., 2008.

Парето В. Социалистические системы//Теоретическая социология: Антология: В 2-х ч. / Пер. с англ., фр., нем., ит. Сост. и общ. ред. С.П. Баньковской. М., 2002. Ч. 1.

Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения// Теоретическая социология: Антология: В 2-х ч. / Пер. с англ., фр., нем., ит. Сост. и общ. ред. С.П. Баньковской. М., 2002. Ч. 2.

Партия социалистов-революционеров: Документы и материалы. Т. 1. 1900–1907. М., 1996.

Перевезенцев С.В. Тайны русской веры. От язычества к империи. М., 2001.

Письмо главного начальника Петроградского военного округа С. С. Хабалова министру внутренних дел А.Д. Протопопову 1 ноября 1916 г. /1917. Разложение армии /Авт.-сост. В.Л. Гончаров. М., 2010.

План государственного преобразования графа М.М. Сперанского (Введение к уложению государственных законов 1809). М., 1905.

Плеханов Г.В. Избранные философские произведения. В 5-ти т. М., 1956. Т. 1.

Победоносцев К.П. Великая ложь нашего времени. М.,2004.

Пожигайло П.А. Столыпинская программа преобразования России (1906–1911). М., 2007.

Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени / Перевод с английского А. А. Васильева, С. Е. Федорова и А. П. Шурбелева. СПб., 2002.

Поланьи К. Избранные работы. М., 2010.

Политическая наука: Словарь-справочник. Сост. Санжаревский И.И. 2010.

Политическая экономия – теоретическая основа революционной борьбы рабочего класса / Под ред. Л.И. Абалкина. М., 1988.
Политические партии России: история и современность./ Под ред. проф. А.И. Зевелева, проф. Ю.П. Свириденко, проф. В.В. Шелохаева. М., 2000.
Политология. / А.Ю. Мельвиль [и др.]. М., 2008.
Политология: хрестоматия / Сост. проф. М.А. Василик, доц. М. С. Вершинин. М., 2000.
Полное собрание законов Российской империи 1 изд. (ПСЗ-1)
Полный сборник платформ всех русских политических партий. С приложением Высочайшего манифеста 17 октября 1905 г. и всеподданнейшего доклада графа Витте. / Гос. публ. ист. б-ка России. М., 2001.
Поляковская М.А., Медведев И. П. Развитие политических идей в поздней Византии // Культура Византии. XIII – первая половина XV в. М., 1989.
Помяловский Н.Г. Очерки Бурсы. М., 1998.
Поповский М. Русские мужики рассказывают… Лондон, 1983.
Пословицы русского народа / Сост. В. Даль. М.,1957.
Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. М., 1995.
Постников С.П., Фельдман М.А. Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900–1941 гг. М., 2009.
Правила Православной Церкви с толкованиями Никодима, епископа Далматинско-Истрийского. СПб., 1911. Т. 1.
Преподобного отца нашего аввы Дорофея душеполезные поучения и послания. М.,1866.
Преподобного отца нашего Иоанна, игумена Синайской горы, Лествица. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1901.
Прокопович Ф. Правда воли монаршей во определении наследника державы своей. М., 1794.
Пролетариат во главе освободительного движения в России (1895–1917 гг.). М., 1971.
Пронштейн А.П. Новгород Великий в XVI веке. Харьков, 1957.
Протоиерей Митрофан Зноско-Боровский. Православие, римо -католичество, протестантизм, сектантство. Сравнительное богословие. М.,1998.
Протоколы первой общепартийной конференции. Лондон, 1908.
Проханов И.В. В котле России, 1869–1933 : [Автобиогр. с излож. основных фактов движения Еванг. христиан в России : Пер. с англ.] М., 1993.
Пушкарев С.Г. Россия в XIX веке (1801 – 1914). Нью-Йорк, 1956.
Рабинович А. Большевики приходят к власти: Революция 1917 года в Петрограде: Пер. с англ. /Общ. ред. и послесл. Г.З. Иоффе. М., 1989.
Рабочий класс России в период буржуазно-демократических революций. М., 1978.
Рабочий класс России от зарождения до начала XX в. М., 1983.
Радзинский Э. Кровь и призраки русской смуты. М., 1999.
Радищев А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву. М., 1981.
Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь.2-е изд., испр. М., 1999.
Рассел Б. История западной философии. В 3 кн.: 3-е изд., испр. / Подгот. текста В. В. Целищева. Новосибирск, 2001.
Рассел Б. Мудрость Запада. Историческое исследование западной философии в связи с общественными и политическими обстоятельствами. М., 1998.
Революционный Петроград. Год 1917. Л., 1977.
Регельсон Л. Церковь в Московской Руси. http: // www. apocalyptism.ru /Moscow-Rus.htm
Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков: Монография. Омск, 2004.
Репников А.В. Консервативные концепции переустройства России в контексте исторического процесса конца XIX – начала XX вв. Автореферат диссертации докт. ист. наук.
Репников А.В. Консервативные концепции переустройства России. М., 2007.
Римский С.В. Российская церковь в эпоху великих реформ. М., 1999.
Рипарелли Э. Христианские ереси: вчера и сегодня/ Пер. с итал. М., 2008.
Рифат Гусейнов / http: // www.elitarium.ru /2005/10/12/vekhi_istorii_rossijjskikh_ finansov_xixix_ vv.html
Родзянко М.В. Крушение империи. Изд. 3-е. Л., 1929.

Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902. СПб., 1902.
Рожков Н. Русская история в сравнительно-историческом освещении. Пг., 1922. Т. 2.
Розанов В.В. Религия и культура. М., 1990.
Розанов В. О Константине Леонтьеве /http:// knleontiev. narod.ru /aboutl/ rozanov2.htm
Розанов В.В. Религия. Философия. Культура / Сост. и вступ. статья А. Н. Николюкина. М.,1992.
Розинская Н. Карл Поланьи: в поисках свободы/Карл Поланьи. Избранные работы. М., 2010.
Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. Сост. П. Верт, П.С. Кабытов, А.И. Миллер. М., 2005.
Российское законодательство X–XX вв.: в 9-ти т. Т. 9. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций /Отв. ред. О.И. Чистяков. М., 1994.
Русак В. История Российской Церкви. Издание второе, исправленное и дополненное, 2002.
Русская идея. М.,1992.
Русская мысль. 1914. Кн. XII.
Русское православие: вехи истории / Науч. ред. А. И. Клибанов. М., 1989.
Руссо Ж.–Ж. Трактаты. М., 1969.
Рыбников К.А. История математики. В 2-х ч. М.,1963. Ч. 2.
Рэндалл Коллинз. Четыре социологических традиции. Перевод В. Россмана. М., 2009.
Рязанов В.Т. Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX–XX вв. СПб., 1998.
Савинков Б.В. Воспоминания. М.,1990.
Сазонов Е.И. П. Каляев // Былое. 1908. №7.
Сафонов М.М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. Л., 1988.
Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. Иркутск, 1884. Т. 1. Вып. 1.
Сборник узаконений, 1915, № 3477
Свод законов Российской Империи 1912.
Свод законов Российской империи. Т. 11. Ч. I. Свод учреждений и уставов Управления духовных дел иностранных исповеданий христианских и иноверных. Издание 1896 года.
Сводки отзывов епархиальных преосвященных по вопросам Церковной реформы. О преобразовании духовно-учебных заведений. СПб., 1906.
Северный Кавказ в составе Российской империи. М., 2007.
Селезнев Ф.А. Конституционные демократы и буржуазия (1905–1917 гг.): Монография. Нижний Новгород, 2006.
Сен-Симон. Взгляд на собственность // Он же. Избр. соч. М.-Л., 1948. Т. II.
Сибирь в составе Российской империи. М., 2007.
Сидорина Т.Ю., Полянников Т.Л. Национализм. Теории и политическая история. М., 2006.
Сидоров А.Л. Экономическое положение России в годы первой мировой войны. М., 1973.
Скворцов-Степанов И.И. Избранные произведения. В 2-х т. Л., 1930. Т. 1.
Смелзер Н. Социология: пер. с англ. М., 1994.
Смирнов В. Феофан Прокопович. М., 1994.
Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.,1962.
Смолич И.К. История Русской Церкви. 1700–1917 гг. М., 1996.
Солженицын А. Ленин в Цюрихе. Рассказы. Крохотки. Публицистика. Екатеринбург, 1999.
Соловьев В.С. Еврейство и христианский вопрос // Русская идея и евреи. М.,1994.
Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.
Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика / Пер. с англ., вст. статья и комментарии В.В. Сапова. М., 2006.
Социалисты-революционеры и кооперация // Социалист-революционер. 1912. №4.
Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900–1941 гг.: [монография] / С.П. Постников, М.А. Фельдман. М., 2009.
Спенсер Г. Основания социологии. Т. 2. СПб., 1898.
Спирин Л.М. Россия 1917 год. Из истории борьбы политических партий. М., 1987.
Статистический временник Российской империи. Сер. II. Вып. II. Отд. IX. Население Азиатской России по вероисповеданиям. СПб., 1871.

Степин В.С., Горохов В.Г., Розов М.А. Философия науки и техники. М., 1999.
Столыпин П.А. Нам нужна великая Россия. М., 1991.
Страницы истории КПСС: Факты. Проблемы. Уроки. М.,1989. Кн. 2.
Строков А.А. Вооруженные силы и военное искусство в первой мировой войне. М., 1974.
Струве А.Б. Избранные сочинения. М., 1999.
Струве П.Б. Patriotica. Политика, культура, религия, социализм. Сборник статей за пять лет (1905–1910). М., 1997.
Струве П.Б. Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России. СПб. 1894.
Суворов Н.С. Учебник церковного права. М.,1913.
Такаши Негиши. История экономической теории / Пер. с англ. под ред. Л. Л. Любимова, В. С. Автономова. М.,1995.
Тальберг Н.Д. История Русской Церкви. 1801-1908 гг. Holy Trinity Orthodox Mission. 1964.
Тарнас Р. История западного мышления. М., 1995.
Татищев В.Н. Собрание сочинений: В 8-ми т. Т. 1. М., 1994.
Тезисы доклада Н.Д. Кондратьева «Большие циклы экономической конъюнктуры»/ Кондратьев Н. Д. Проблемы экономической динамики. М.,1989.
Теодор Р. Вике «Мы» или «они»? Белорусы и официальная Россия, 1863–1914 / Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. Сост. П. Верт, П.С. Кабытов, А.И. Миллер М., 2005.
Теоретическая социология: Антология: В 2-х ч. / Пер. с англ., фр., нем., ит. Сост. и общ. ред. С.П. Баньковской. М., 2002.
Техника в ее историческом развитии (70-е годы XIX – начало XX в.). М., 1982.
Тимирязев К.А. Соч. Б.м. 1937. Т. 8.
Тимофеева А.А. История предпринимательства в России. М., 2011.
Ткаченко П.С. Революционная народническая организация «Земля и воля», М., 1961.
Токарев Ю.С. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в марте – апреле 1917 г. Л., 1976.
Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений в 90 томах. Т. 34. М.,1952.
Толстой Н.И. Роль язычества в славянской культурной традиции // Изучение культуры славянских народов. М.,1987.
Тропик В.И. Борьба большевиков за руководство крестьянским движением в 1905 г. М., 1970.
Труды Второго чрезвычайного съезда старообрядцев в Нижнем Новгороде. 2–5 января 1906 г. Нижний Новгород, 1906.
Тулупов В.Г. Русь Новгородская. М., 2009.
Тюлина И.А. История и методология механики. М., 1979.
Тюрго А.Р. Избранные экономические произведения. М., 1961.
Урожай хлебов в России в 1917 г. М., 1918,
Успенский Б.А. Литургический статус царя в Русской церкви: приобщение Св. Тайнам // Уч. ЗРПУ. Вып. 2. М., 1996.
Утопический социализм в России: Хрестоматия/ А.И. Володин, Б.М. Шахматов. М., 1985.
Федотов Г.П. Отрывок из книги о христианстве Киевской Руси // Православие и католичество: социальные аспекты. ИНИОН, серия «Актуальные проблемы Европы», М., вып. 3. 1998.
Федотов Г.П. Судьба и грехи России. В 2-х т. СПб., 1991-1992.
Филиппов Б.А. Очерки по истории России. XX век. М., 2009.
Фирсов С.Л. Русская церковь накануне перемен (конец 1890-х–1918 гг.). М., 2002.
Фирсов С.Л. Православная церковь и государство в последнее десятилетие существования самодержавия в России. СПб., 1996.
Фирсов С.Л. Православная российская церковь и модернизация русского общества на рубеже XIX–XX вв. (к постановке пробл.) // Клио. СПб., 2002. № 4 (19).
Фирсов С.Л. Финансовое положение Русской церкви в последнее предреволюционное десятилетие // Церковно-исторический вестник. М., 1998. № 1.
Фирсов С.Л. Церковь в Империи. Очерки из церковной истории эпохи Императора Николая II. СПб., 2007.
Фихте И.Г. Основные черты современной эпохи / Пер. с нем. СПб., 1906.
Флоровский Г.В. Западные влияния в русском богословии. http: // krotov.info /library /f/florov/zapadnye.html#1
Флоровский Г.В. Пути русского богословия. Ч. II. На пути к катастрофе (Кризис церков-

ной культуры). Holy Trinity Orthodox School, 2003.
Франк С. Теория ценности Маркса и ее значение. СПб., 1900.
Фролов И.Т. Введение в философию. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2003.
Фролов С.С. Социология. М., 1994.
Хейвуд Э. Политология. М., 2005.
Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность: В 2-х т. М., 1986. Т. 1.
Хикс Джон. Теория экономической истории. Пер. с англ. / Общ. ред. и вступ. ст. Р.М. Нуреева М., 2003.
Хорошкевич А.Л. Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV–XV в. М., 1963.
Хоскинг Дж. Россия: народ и империя (1552–1917) / Пер. с англ. С.Н. Самуйлова. Смоленск, 2001.
Цвайнерт Й. История экономической мысли в России. 1805-1905. М., 2008.
Центральная Азия в составе Российской империи. М., 2008.
Церетели И.Г. Воспоминания о Февральской революции. Париж, 1963. Т. 1.
Цимбаев К.Н. Феномен юбилеемании в российской общественной жизни конца XIX – начала XX века // Вопросы истории. 2005.№ 11.
Чаадаев П. Я. Полн. собр. соч. и избр. письма. Л., 1991. Т. 2.
Чаадаев П.Я. Сочинения. М., 1913 г. Т. 1.
Чернов В.М. Философские и социологические этюды. М, 1908.
Чернов В.М. Социалистические этюды. М.,1908.
Чернов В.М. Аграрно-социалистическая лига. Очередной вопрос. Б. м., б. г.
Чернов В.М. Земля и право. Пг., 1917.
Чернов В.М. Конструктивный социализм. Прага, 1925.
Чернов В.М. Основные вопросы пролетарского движения. Пг.,1917.
Чернов В.М. Пролетариат и трудовое крестьянство. М., 1906.
Чернов В.М. Трудовое крестьянство и его задачи. М., 1918.
Чернуха В.Г. Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 60-х гг. XIX в. Л., 1978.
Чернышев А.В. Очерки по истории Тверского княжества XIII–XV вв. Тверь. 1996.
Чернышевский Н.Г. Избранные философские сочинения. Т. I. М., 1950.
Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений. В 15-ти т. М., 1939–1953.
Чичерин Б.Н. Конституционный вопрос в России. СПб., 1906.
Чичерин Б.Н. Собственность и государство. М., 1882. Ч. 1.
Чичуров И.С. Политическая идеология средневековья (Византия и Русь). М., 1991.
Чупров А.И. Мелкая промышленность в связи с артельным началом и поземельною общиною // А.И. Чупров. Речи и статьи. М., 1909. Т. 1.
Чупров А.И. Ученые труды. Ч. 3, вып.1. История политической экономии. М., 1911.
Шавельский Г., протопресв. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. М., 1996. Т. 2.
Шавельский Г., прот. Русская Церковь перед революцией. М., 2005.
Шанин Т. Революция как момент истины. Россия 1905–1907 гг. –> 1917– 1922 гг.: Пер. с англ. М., 1997.
Шарапов С.Ф. Обуздание золотого тельца. Письмо князю В.П. Мещерскому // Русский путь в развитии экономики. М., 1993.
Шевчук Д.А. История экономики. М., 2009.
Шеллинг Ф.В. Сочинения: В 2-х т. М., 1987. Т. 1.
Шелохаев В.В. Либеральная модель переустройства России. М., 1996.
Шестаков А.В. Октябрьская стачка 1905 г. Харьков, 1925.
Штраус Л. Введение в политическую философию. Пер. с англ. М., 2000.
Шубин А.В. Диссиденты, неформалы и свобода в СССР. М., 2008.
Шумпетер Й.А. Теория экономического развития. М., 1982.
Эйнштейн А. Физика и реальность. М., 1965.
Эллюль Ж. Другая революция // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986.
Энгельмейер П.К. Философия техники. Вып. 2. М., 1912.
Эркки Калеви Асп. Введение в социологию. Перевод с финского. СПб., 1998.
Этнос и политика: Хрестоматия. М.,2008.
Ядгаров Я.С. История экономических учений. М., 2009.

Ясперс К. Смысл и назначение истории: Пер. с нем. М., 1991.
1905. История революционного движения в отдельных очерках: В 3-х т. М. – Л., 1926. Т. 1.
1917. Разложение армии /Авт.-сост. В.Л. Гончаров. М., 2010.